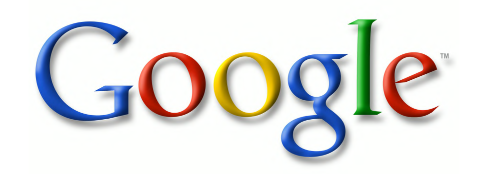
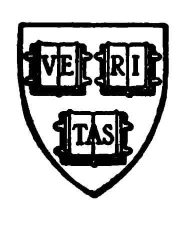
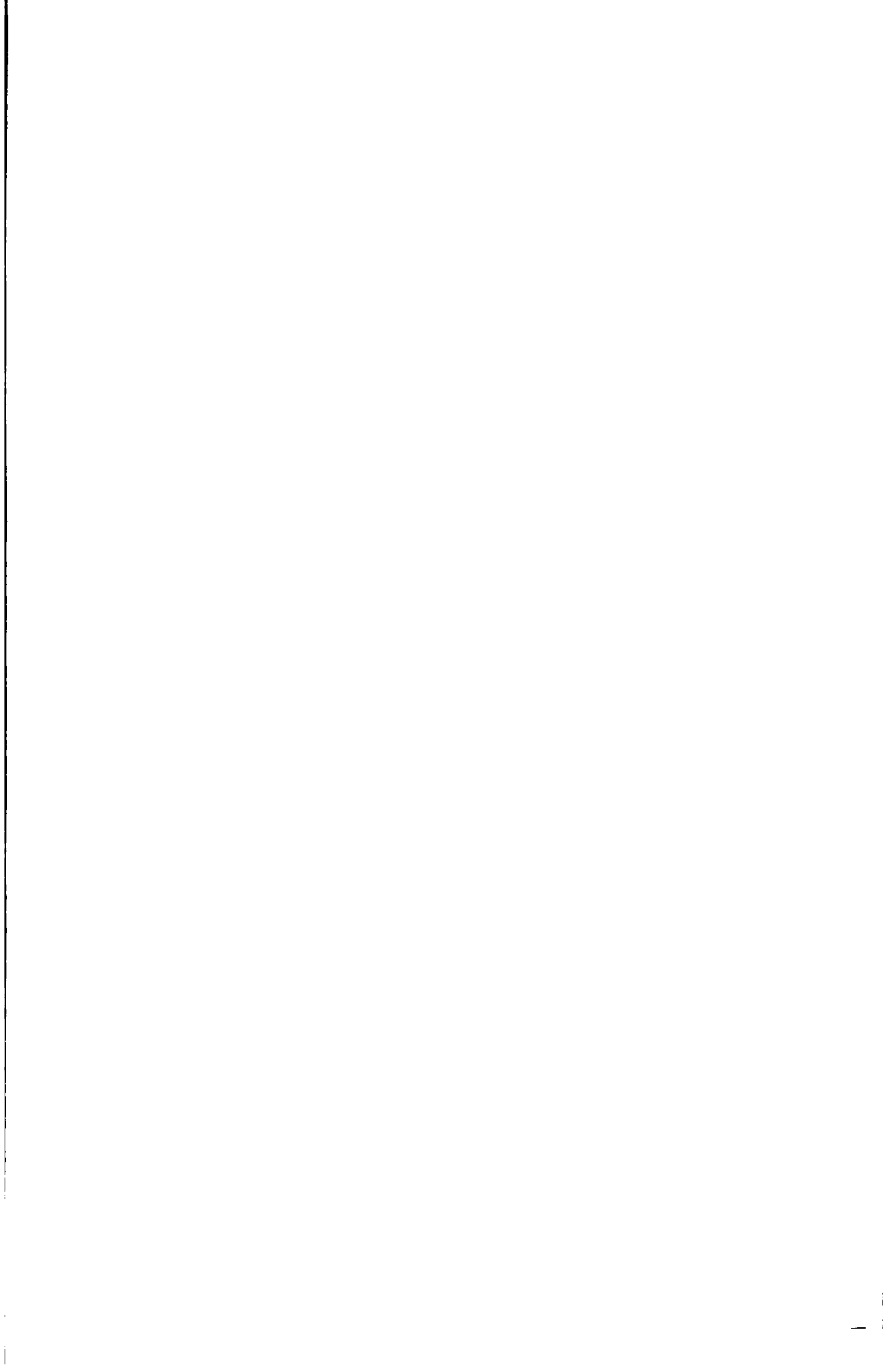






ВРЕМЕННИКЪ

1864

№ I ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

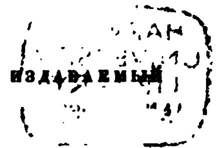
СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ



ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ C

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1864

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Санктпетербургъ, 18-го января 1864 года.

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ!

(посвящаю моей сестрѣ, аннѣ алексѣевнѣ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба —
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницахъ,
Съ морозу — должно полагать.

II.

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшитъ:
Какъ саваномъ снѣгомъ одѣта
Избушка въ деревнѣ стоитъ,

Въ избушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ у окна;
Шумятъ его глупыя дѣти,
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III.

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла,

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!

Страдальческой долѣ твоей
Отдамъ я послѣдніе годы —
. . . .
. . . .

IV.

Однако же, рѣчь о крестьянкѣ
Затѣяли мы, чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ!
«Посмотритъ — рублемъ подаритъ!»

Идутъ они той же дорогой
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ — то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падутъ.
Какой-то паренекъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,

Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья.
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь — «Утѣха»!
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей нѣкогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогой —
Вольно жь безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,

И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ,

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди,
Сидитъ какъ на стулѣ двулѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И пó сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрыя руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ

ВРЕМЕННИКЪ

1864

№ I ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

Стр.

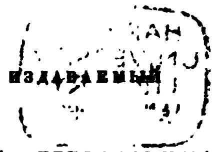
СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ



ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ C

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1864

Взростилъ онъ тебя на привольѣ
И вышелъ ты добрымъ конемъ.

Съ хозяиномъ дружно старался,
На зимушку хлѣбъ запасалъ,
Во стадѣ ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались
И сковывалъ землю морозъ,
Съ хозяиномъ вы отправлялись
Съ домашняго корма въ извозъ.

Не мало и тутъ доставалось —
Возилъ ты тяжелую кладь,
Въ жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на бокахъ твоихъ впалыхъ
Кнута не одна полоса,
За то на дворахъ постоялыхъ
Покушалъ ты вволю овса.

Слыхалъ ты въ январскія ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящія очи
Видалъ на опушкѣ лѣсной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А тамъ — и опять ничего!
Да видно хозяинъ далъ маху —
Зима доканала его!...

XII.

Случилось въ глубокомъ сугробѣ
Полсутокъ ему простоять,

Потомъ то въ жару, то въ ознобѣ
Три дня за подводой шагать:

Покойникъ на срокъ торопился
До мѣста доставить товаръ.
Доставилъ, домой воротился —
Нѣтъ голосу, въ тѣлѣ пожаръ!

Старуха его окатила
Водой съ девяти веретенъ,
И въ жаркую баню сводила,
Да нѣтъ — не поправился онъ!

Тогда ворожеекъ позвали —
И поятъ, и шепчутъ, и трутъ —
Все худо! Его продѣвали
Три раза сквозь потный хомутъ,

Спускали родимаго въ пролубь,
Подъ куричій клали насѣстъ...,
Всему покорялся, какъ голубь, —
А плохо — не пьетъ и не ѣстъ!

Еще положить подъ медвѣдя,
Чтобъ тотъ ему кости размялъ,
Ходебщикъ сергачевскій Ѳедя
— Случившійся тутъ — предлагалъ.

Но Дарья, хозяйка больнаго,
Прогнала совѣтчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и въ ночь

Пошла въ монастырь отдаленной
(Верстахъ въ тридцати отъ села),
Гдѣ въ нѣкой иконѣ явленной
Цѣлебная сила была.

Пошла, воротилась съ иконой
Больной ужь безгласенъ лежалъ,

Одѣтый какъ въ гробъ, причащеной.
Увидѣвъ жену, простоналъ

И умеръ...

XIII.

...Саврасушка трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ — иди!...
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И правя савраской, у гроба
Съ возжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея впали,
И былъ не бѣлѣй ея щекъ
Надѣтый на ней въ знакъ печали
Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей — сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь не завидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудетъ,
Что ждутъ ее черные дни.
«Жалѣть ее нѐкому будетъ»,
Согласно рѣшили они...

XIV.

Какъ водится, въ яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалѣли, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Самъ староста, Сидоръ Иванычъ,
Вполголоса бабамъ подвылъ,
И «миръ тебѣ, Проклъ Савастьянычъ!»
Сказалъ: «благодушенъ ты былъ».

«Жилъ честно, а главное: въ сроки,
«Ужь какъ тебя Богъ выручалъ,
«Платилъ господину оброки,
«И подать въ казну представлялъ!»

Истративъ запасъ краснорѣчья,
Почтенный мужикъ покряхтѣлъ,
«Да, вотъ она жизнь человѣчья!»
Прибавилъ — и шапку надѣлъ.

«Свалился... а то-то былъ въ силѣ!..
Свалимся... не минуть и намъ!..»
Еще покрестились могилѣ,
И съ Богомъ пошли по домамъ.

Высокій, сѣдой, сухопарый,
Безъ шапки, недвижно-нѣмой,
Какъ памятникъ, дѣдушка старый
Стоялъ на могилѣ родной!

Потомъ старина бородатой
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Подъ вопли старухи своей.

Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья.
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь — «Утѣха»!
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей нѣкогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогой —
Вольно жь безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,

И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ,

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди,
Сидитъ какъ на стулѣ двулѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И пó сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрыя руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ

Осилило Дарьюшку горе
И лѣсъ безучастно внималъ,
Какъ стоны лились на просторѣ
И голосъ рвался и дрожалъ,

И солнце кругло и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.

И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души
На-вѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Подслушали вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

XVIII.

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
Гогочетъ, сорви-голова,—
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ —
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:

Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ—
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжетъ;

Другую на дерево кинетъ,
На плашку, — и смотришь, она

Жемчужиной крупной застынетъ—
Бѣла и кругла и плотна.

А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ
И солнышко въ ней поиграетъ...
Управиться Дарья спѣшитъ.

Знай рубитъ,—не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ
И, полная мыслью о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

XIX.

. . . .
. . . .
«Голубчикъ! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И станутъ на ручкахъ качать!

«Станутъ качать,
Къ верху бросать,
Маковкой звать,
Макъ отряхать! (*)

«Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣтикомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!

«Ножками бить и смѣяться
Будетъ... а мы-то съ тобой

(*) Извѣстная народная игра, называемая: *сѣять макъ*. *Маковкой* садится въ серединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а то еще *макомъ* бываетъ простоватый дѣтина, которому при подкидываніи достается не мало колотушекъ.

Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!...

XX.

«Умеръ, не дожилъ ты вѣку,
Умеръ и въ землю зарытъ!

«Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы,

«Рано я горькая встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...

«Крѣпче вы, ноженьки, стойте!
Бѣлыя руки, не нойте!
Надо одной поспѣвать!

«Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милаго звать!

«Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо ли стоги сметала?...
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!

«Нѣкому бабью работу поправить!
Нѣкому бабу на разумъ наставить!...

XXI.

«Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай!
Да не продлилъ тебѣ вѣку, —
Хочешь-не хочешь, одна поспѣвай!..

«Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ,
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ,
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ,
Изо-ржи словно изъ печи
Тоже тепломъ обдаетъ,
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ,
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жни-дожинай поскорѣе,
Видишь — зерно потекло...

«Вмѣстѣ бы дѣло спорѣе,
Вмѣстѣ поваднѣй бы шло...

XXII.

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днемъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ,
Вижу — меня оступаетъ

Сила — несмѣтная рать —
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ.
Думала я убѣжать
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

«Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибѣжала,
Травушки рвутся, шумятъ —
Дѣтки къ родимой спѣшатъ.
Шибко безъ вѣтру не машетъ
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ да приляжетъ,
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ прибрели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь, меня оступаетъ
«Сила несмѣтная рать,
«Грозно руками махаетъ,
«Грозно очами сверкаетъ,
Что не идешь выручать?...»
Тутъ я кругомъ оглядѣлась —
Господи! Что куда дѣлось?
Что это было со мной?...
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные
Спѣлымъ зерномъ налитые
Вышли со мной воевать!

«Машутъ, шумятъ, наступаютъ,
Руки, лицо щекотятъ,
Сами солому подъ серпъ нагибаютъ —
Больше стоять не хотятъ!

«Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна —
Словно подъ градомъ стою!

«Вытечетъ, вытечетъ за ночь
Вся наша матушка рожь...
Гдѣ же ты, Проклъ Савастьянычъ?
Что пособлять не идешь?...

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

«Стану безъ милаго жать,
Снопики крѣпко вязать,
Въ снопики слезы ронять!

«Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны;
Чѣмъ ему дороги вы?...

XXIII.

«Долги вы, зимнія ноченьки,
Скучно безъ милаго спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

«Много натку я полотенъ,
Тонкихъ добротныхъ новинъ,
Выростетъ крѣпокъ и плотенъ,
Выростетъ ласковый сынъ.

«Будетъ по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ,
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлемъ...

«Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ нашъ сынокъ-первенецъ,
Кровь съ молокомъ и невѣста... Иди же!
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!...

«Этого дня мы какъ праздника ждали,
Помнишь, какъ началъ Грищуха ходить
Цѣлую ноченьку мы толковали,
Какъ его будемъ женить,
Стали на свадьбу копить по немногу...
Вотъ — дождались, слава Богу!

. . . .

«Чу! бубенцы говорятъ!
Поѣздъ вернулся назадъ.
Выди на встрѣчу проворно —
Пава невѣста, соколикъ-женихъ! —
Сыпь на нихъ хлѣбныя зерна,
Хмѣлемъ осыпь молодыхъ!... (*)

. . . .
. . . .

XXIV.

«Стадо у лѣсу у темнаго бродитъ,
Лыки въ лѣсу пастушонко деретъ.
Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ.
Чью онъ овцу унесетъ?

«Черная туча, густая-густая,
Прямо надъ нашей деревней виситъ,
Прыснетъ изъ тучи стрѣла громовая,
Въ чей она домъ сдаровитъ?

«Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ,
Парнямъ недолго гулять на свободѣ,
Скоро — рекрутскій наборъ!

(*) Хмѣлемъ и хлѣбнымъ зерномъ осыпаютъ молодыхъ въ знакъ будущаго богатства.

«Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришуха да дочка,
Да голова у насъ воръ —
Скажетъ: мірской приговоръ!

«Сгибнетъ ни за что, ни про что дѣтина,
Встань, заступись за родимаго сына!

«Нѣтъ! не заступишься ты!...
Бѣлыя руки твои опустилися,
Ясныя очи на вѣки закрылися...
Горькія мы сироты!.....

. . . .

XXV.

«Я ль не молила Царицу небесную?
Я ли лѣнива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробѣла — пошла,

«Вѣтеръ шумитъ, наметаетъ сугробы,
Мѣсяца нѣтъ — хоть бы лучъ!
На небо глянешь — какіе-то гробы,
Цѣпи да гири выходятъ изъ тучъ...

«Я ли о немъ не старалась?
Я ли жалѣла чего?
Я ему молвить боялась,
Какъ я любила его!

«Звѣздочки будутъ у ночи,
Будетъ ли намъ-то свѣтлѣй?...

«Заяцъ спрыгнулъ изъ подъ кочи,
Заинька, стой! не посмѣй
Перебѣжать мнѣ дорогу!

«Въ лѣсъ укатилъ, слава Богу...
Къ полночи стало темнѣй,

«Слышу, нечистая сила
Залютошила, завыла,
Заголосила въ лѣсу,

«Что мнѣ до силы нечистой?
Чуръ меня! Дѣвѣ Пречистой
Я приношенье несу!

«Слышу я конское ржанье,
Слышу волковъ завыванье,
Слышу погоню за мной, —

«Звѣрь на меня не кидайся!
Лихъ человѣкъ не касайся,
Дорогъ нашъ грошъ трудовой!

«Лѣто онъ жилъ работаючи,
Зиму не видѣлъ дѣтей,
Ночи о немъ помышляючи,
Я не смыкала очей.

«Ѣдетъ онъ, зябнетъ... а я-то печальная
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога его чуже-дальная
Долгую — нитку тяну,

«Веретено мое прыгаетъ, вертится,
Въ полъ ударяется.
Проклушко пѣшъ идетъ, въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.

«Лѣто за лѣтомъ, зима за зимой,
Этакъ-то мы раздобылись казной!

«Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
Господи! все отдаемъ,
Что по копѣйкѣ, по грошику мѣдному
Мы сколотили трудомъ!...»

XXVI.

«Вся ты, тропина лѣсная!
Кончился лѣсъ.
Къ утру звѣзда золотая
Съ Божьихъ небесъ
Вдругъ сорвалась — и упала,
Дунулъ Господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Чтò было въ мысляхъ тогда,
Какъ покатилась звѣзда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!..
Думала я, что едва ли
Прокла въ живыхъ я найду...

«Нѣтъ! не попуститъ Царица небесная!
Дастъ исцѣленье икона чудесная!

«Я осѣнилась крестомъ
И побѣжала бѣгомъ...

«Сила-то въ немъ богатырская,
Милостивъ Богъ, не умретъ...
Вотъ и стѣна монастырская!
Тѣнь ужь моя головой достаетъ
До монастырскихъ воротъ.

«Я поклонилася земнымъ поклономъ,
Стала на ноженьки, глядь —
Воронъ сидитъ на крестѣ золоченомъ,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII.

«Долго меня продержали —
Схимницу сестры въ тотъ день погребали.

«Утрення шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
Въ черныя рясы наряжены,
Только покойница въ бѣломъ была:
Спитъ — молодая, спокойная,
Знаетъ, что будетъ въ раю.
Поцаловала и я, недостойная,
Бѣлую ручку твою!
Въ личико долго глядѣла я:
Всѣхъ ты моложе, нарядней, милѣй,
Ты межь сестеръ словно горлинка бѣлая
Промежду сизыхъ, простыхъ голубей.

«Въ ручкахъ чернѣются четки,
Писанный вѣнчикъ на лбу.
Чорный покровъ на гробу. —
Этакъ-то ангелы кротки!

«Молви, косатка моя,
Богу святыми устами,
Чтобъ не осталася я
Горькой вдовой съ сиротами!

«Гробъ на рукахъ до могилы снесли,
Съ пѣньемъ и плачемъ ее погребли.

XXVIII.

«Двинулась съ миромъ икона святая,
Сестры запѣли, ее провожая,
Всѣ прикладывалися къ ней.

«Много владычицѣ было почету:
Старый и малый бросали работу,
Изъ деревень шли за ней.

«Къ ней выносили больныхъ и убогихъ...
Знаю, Владычица! знаю: у многихъ,
Ты осушила слезу...

«Только ты милости намъ не явила!

. . . .

. . . .

«Господи! сколько я дровъ нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX.

Окончивъ привычное дѣло,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотѣла
Пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топоръ машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
Къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоитъ подъ сосной чуть живая,
Безъ думы, безъ стона, безъ слезъ.
Въ лѣсу тишина гробовая —
День свѣтелъ, крѣпчаетъ морозъ.

XXX.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ — хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,

И нѣтъ ли гдѣ сломанной ели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю,
Чу! ближе подходитъ, сѣдой.
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:

XXXI.

«Вглядись, молодица, смѣлѣе,
«Каковъ воевода-морозъ!
«Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
«И краше видать привелось?

«Мятели, снѣга и туманы
«Покорны морозу всегда.
«Пойду на моря-окіяны —
«Построю дворцы изо-льда.

«Задумаю — рѣки большія
«На долго упрячу подъ гнетъ,
«Построю мосты ледяные,
«Какихъ не построитъ народъ.

«Гдѣ быстрыя, шумныя воды
«Недавно свободно текли, —
«Сегодня прошли пѣшеходы,
«Обозы съ товаромъ прошли.

«Люблю я въ глубокихъ могилахъ
«Покойниковъ въ иней рядить,
«И кровь вымораживать въ жилахъ;
«И мозгъ въ головѣ леденить.

«На горе не доброму вору,
«На страхъ сѣдоку и коню,
«Люблю я въ вечернюю пору.
«Затѣять въ лѣсу трескотню.

«Бабенки, пѣняя на лѣшихъ,
«Домой удираютъ скорѣй,
«Но пьяныхъ и конныхъ и пѣшихъ
«Дурачить еще веселѣй.

«Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
«А носъ запылаетъ огнемъ,
«И бороду такъ приморожу
«Къ возжамъ — хоть руби топоромъ!

«Богатъ я, казны не считаю,
«А все не скудѣетъ добро.
«Я царство мое убираю
«Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

«Войди въ мое царство со мною
«И будь ты царицею въ немъ.
«Поцарствуемъ славно зимою
«А лѣтомъ глубоко уснемъ.

«Войди! приголублю, согрѣю,
«Дворецъ отведу голубой...»
И сталъ воевода надъ нею
Махать ледяной булавой.

XXXII.

«Тепло ли тебѣ, молодица?»
Съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
Сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился пониже,
Опять помахалъ булавой
И шепчетъ ей ласковѣй, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченѣетъ.
Морозко коснулся ее:
Въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
И иглы колючія сѣетъ
Съ сѣдой бороды на нее.

И вотъ передъ ней опустился!
«Тепло ли?» промолвилъ опять
И въ Проклушку вдругъ обратился
И сталъ онъ ее цаловать.

Въ уста ее, въ очи, и въ плечи
Сѣдой чародѣй цаловалъ
И тѣ же ей сладкія рѣчи
Что милый о свадьбѣ шепталъ.

И такъ-то ли любо ей было
Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ.

Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
Пушисты и бѣлы рѣсницы,
Морозныя иглы въ бровяхъ...

XXXIII.

Въ сверкающій иней одѣта
Стоитъ, холодѣетъ она,
И снится ей жаркое лѣто —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга скрыпя подъѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ
И Проклушко крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.

Гришуха межь тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!... у!... бѣжитъ, пострѣленокъ!
Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черенъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ).
Попотчивалъ баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ, не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ.
И въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

XXXIV.

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!
Спрыгнула съ мѣшка — и упала,
Отецъ ее поднялъ. «Не вой!

«Убилась — неважное дѣло!...
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такова пострѣла
Рожай мнѣ хозяйка къ веснѣ!

«Смотри же!...» Жена застыдилась,
— Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужь билось
Дитя)... «Ну! Машукъ, ничего!»

И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ,

Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.

Воробышковъ стая слетѣла
Съ споповъ, надъ телѣгой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,

Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ споповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
У Дарьи исчезли съ лица.

Душой улетая за пѣсней
Она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни прелестнѣй
Которую слышимъ во снѣ!

О чемъ она — Богъ ее знаетъ!
Я словъ уловить не умѣлъ,
Но сердце она утоляетъ,
Въ ней дольняго счастья предѣлъ.

Въ ней кроткая ласка участья,
Обѣты любви безъ конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходитъ съ лица.

XXXV.

Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянкѣ моей
Что нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышетъ усталая грудь
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

XXXVI.

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ
Въ серебрянно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался шорохъ случайной —
Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ,
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

Н. НЕКРАСОВЪ.

«ЗДРАВСТВУЙ, МИЛАЯ, ХОРОШАЯ МОЯ!»

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ РОМАНСЪ ВЪ ДѢЙСТВІИ.

Это было въ 1846 году; около этого времени учреждены были управленія государственныхъ имуществъ и обнародовано новое уложеніе о наказаніяхъ. Новыя вещи потребовали новыхъ людей. Какъ и водится, люди явились.

Кому изъ петербургскихъ обывателей того времени не былъ извѣстенъ Θедоръ Павлычъ Кротиковъ? Товарищи и сверстники звали его Θедей, Θединькой, Кротикомъ и Кротенкомъ; старшіе, при видѣ его какъ-то особенно благодушно улыбались. Должность у Кротикова была немудреная: выйти въ двѣнадцать часовъ изъ дому въ департаментъ, тамъ потереться около столовъ и разсказать пару скандалезныхъ анекдотовъ, отъ трехъ до пяти погранить мостовую на Невскомъ, потомъ обѣдать въ долгъ у Дюссо, потомъ въ Михайловскій театръ, потомъ... потомъ всюду, куда ни потянетъ Сереньку, Сережку, Левушку, Петьку и прочихъ шалуновъ возраждающейся Россіи. Вотъ и все. Кротенокъ прожилъ такимъ образомъ съ самаго выхода изъ школы до тридцати лѣтъ, и все продолжалъ быть Кротенкомъ и Θединькой, не смотря на то, что по чину ужь глядѣлъ въ превосходительные. Старшіе все-таки благодушно улыбались при его появленіи, а сверстники подмигивали и на ходу спрашивали: «что́, Кротикъ, сегодня хватимъ»? — Хватимъ, отвѣчалъ Кротикъ, г

продолжалъ гранить тротуары на Невскомъ проспектѣ, покуда не наступалъ часъ обѣдать въ долгъ у Дюссо.

Нельзя сказать, чтобъ это была жизнь особенно умная или поучительная, но съ другой стороны, невозможно не взять въ соображеніе и того обстоятельства, что много и безъ Кротика есть на свѣтѣ людей, которые изъ-за чего-то волнуются, чѣмъ-то жертвуютъ и щелкаются головами объ стѣну. «Богу всякіе люди нужны», сказалъ какой-то мудрецъ, и, по мнѣнію моему, сказалъ самую сущую истину. Я не отрицаю, что и безпардонные удальцы (тѣ самые, которые головами-то щелкаются), въ нѣкоторой мѣрѣ, пользу приносить могутъ (надѣюсь, что ужь и это достаточная съ моей стороны уступка), но въ то же время невольно спрашиваю себя: что было бы, еслибъ въ обществѣ все только наскакивало и набѣгало, еслибъ все исключительно стремилось нѣчто сокрушать и нѣчто воздвигать? Могло ли бы такое общество безопасно продолжать свое существованіе? — Наврядъ ли, отвѣчаю я, ибо такое общество скоро увидѣло бы себя засореннымъ всякаго рода мусоромъ и строительнымъ матеріаломъ, и среди этого засоренія не примѣтило бы ни одного монумента.

Исторія всякаго человѣческаго общества доказываетъ намъ, что жизнь испоконъ вѣка шла въ видѣ генеральнаго сраженія, въ которомъ одна сторона всегда наскакивала, а другая всегда отражала. Посрединѣ стоялъ монументъ. По выполненіи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ эволюцій, наскакивающая сторона всегда отступала, а отражающая всегда торжествовала, и заявляла объ этомъ торжествѣ пѣснями и гимнами, которые на этотъ случай сочиняли ей Ѳ. Глинка и Розенгеймъ. Это движеніе повторяется періодически, и притомъ до такой степени правильно и постоянно, что монументъ и до сихъ поръ стоитъ, какъ стоялъ. Въ виду такого результата, многіе даже не находятъ здѣсь и движенія, а просто видятъ моціонъ.

Съ другой стороны, природа, населивши земной шаръ французами, русскими, англичанами и т. д., тѣмъ самымъ доказываетъ, что разнообразіе было одною изъ непремѣнныхъ задачъ ея творчества. Французъ легкомысленъ, но чувствителенъ, англичанинъ уменъ, но своекорыстенъ, нѣмецъ глубокомысленъ, но тупъ, славянинъ мягкосердеченъ. Все это не мѣшаетъ имъ, однакожь, группироваться около монумента и украшать его произведеніями своего генія. Не очевидно ли, стало быть, что на свѣтѣ нѣтъ и не можетъ быть лишнихъ людей?...

Такъ продолжалъ жить Кротиковъ до тѣхъ поръ, пока не дожилъ до тридцатилѣтняго возраста. Весело ему было; не было въ цѣломъ Петербургѣ ни одного человѣка, который не зналъ бы его, который, завидѣвъ его, не сказалъ бы себѣ: «а вотъ и Кротенокъ идетъ», не было той распрекрасной Матильды Карловны, которая не давала бы ему свою ручку поцаловать и не повѣряла ему тайнъ своихъ. Высшій его идеалъ заключался въ томъ, чтобы каждый, съ какой бы точки видимаго міра ни взиралъ на него, съ облаковъ ли, изъ ада ли, каждый бы сказалъ: «вѣдь этакій этотъ Кротиковъ милушка»! И онъ достигалъ своего идеала, ибо твердо зналъ все, что для этого нужно. Онъ не былъ обремененъ ученостью, но въ замѣнъ того весь былъ пропитанъ ароматомъ преданности и почтительности. Когда, въ присутствіи его, старые шалуны, причмокивая и прищуриваясь, бесѣдуютъ, бывало, о какой нибудь древней Аспазіи или о новѣйшей Помпадуръ, то онъ никогда не подавалъ вида, что знаетъ, а напротивъ, прикидывался невѣждою, и почтительно спрашивалъ: что это за Аспазія, и какъ она тѣломъ сравнительно съ Florence или Fanny? Изъ древней исторіи онъ зналъ нѣчто объ Ахиллесѣ, а именно, что у него была пята, да и то потому, что графъ Петръ Петровичъ однажды выразился о князѣ Ѳедорѣ Григорьичѣ, что Матильда Карловна составляетъ его ахиллесову пяту; изъ новѣйшей исторіи онъ съ увѣренностью могъ засвидѣтельствовать только объ одномъ,—что жили были когда-то на свѣтѣ le general Munich и le general Suwaroff. За то, относительно славянскаго мягкосердечія онъ былъ выше всякихъ похвалъ; скажите ему: «Ѳедюкъ! пошелъ возьми Гибралтаръ»! — онъ пойдетъ и возьметъ; скажите: «сдѣлайся публицистомъ» — онъ пойдетъ и сдѣлается публицистомъ. Не было, однимъ словомъ, ничего для него сокровеннаго или недоступнаго.

И вотъ такого-то человѣка вдругъ обуяла тоска. Пересталъ онъ разсказывать скандальные анекдоты, началъ обижаться даваемыми ему въ носъ щелчками, и аккуратнѣе прежняго пустился ловить взоры начальниковъ. Однимъ словомъ, обнаружилъ признаки нѣкоторой гражданственной зрѣлости.

— Ѳединька! да что съ тобой, милый ты человѣкъ? спрашивали его сверстники.

— Mon cher! мнѣ ужь все надоѣло!

— Что надоѣло-то?

— Всѣ этѣ Мальвины.... Дюссо... однимъ словомъ, эта жизнь безъ цѣли, въ которой тратятся лучшія наши силы!

— Повтори! повтори! какъ ты это сказалъ?

И т. д. и т. д. Но Кротикъ былъ себѣ на умѣ, и началъ все чаще и чаще похаживать съ своей тетушкѣ, княжнѣ Ченчеулидзевой-Уланбековой, не смотря на то, что она жила гдѣ-то на Пескахъ и питалась одною кашицей. Ma tante Ченчеулидзева была фрейлиной въ 1778 году, но, по старости, до такой степени перезабыла русскую исторію, что даже однажды, начитавшись анекдотовъ г. Семевскаго, увѣряла, будто бы она еще маленькую носила на рукахъ блаженныя памяти императрицу Елизавету Петровну.

— Красавица была! шамкала старая дѣвственница:—и бойкая какая! Однажды, призываетъ она графа Аракчеева, — или нѣтъ... кто-бишь, Ѳедя, при ней Аракчеевымъ-то былъ?

— Le general Munich, ma tante, отвѣчалъ Ѳедя на удачу.

— Ну, все равно. Призываетъ она его и говоритъ: графъ Ѳедоръ Петровичъ!..

Но высказавши эти нѣсколько словъ, старуха уже утомлялась и засыпала. Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, опять просыпалась, и начинала разсказывать:

— Вѣдь этотъ Данилычъ-то изъ простыхъ былъ! Ну да; покойница бабушка разсказывала, что она сама разъ видѣла, какъ онъ къ покойной великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ... а какъ Хованскій-то былъ хорошъ! Покойница царица Тамара сама говорила мнѣ, что однажды на балу у Матрены Балкъ...

Однимъ словомъ, это была старуха безтолковая и безмозглая, къ которой собственно и не стоило бы ѣздить, еслибъ у нея не было друга въ лицѣ князя Оболдуй-Тараканова. Князь былъ камергеромъ въ то же самое время, когда княжна была фрейлиной; годами онъ былъ даже старше ея, но могъ еще ходить съ грѣхомъ пополамъ, и называлъ княжну «ma chére enfant». Въ то время, когда Кротику исполнилось тридцать лѣтъ, князь еще не совсѣмъ былъ сданъ въ архивъ, и потому, при помощи старыхъ связей, могъ, въ случаѣ надобности, оказать и протекцію.

Однажды вечеромъ, когда старики уже досыта наговорились, Кротикъ не безъ волненія приступилъ къ дѣйствительной цѣли своихъ посѣщеній.

— Ma tante, сказалъ онъ:—я хотѣлъ бы пристроиться.

— Чтожь, мой другъ, это доброе дѣло! Вотъ еслибъ жива была покойница Машенька Гамильтонъ...

— Mais comme il l'a traitée, le barbare! вставилъ отъ себя словцо старичокъ князь.

— Pardon, ma tante, не объ этомъ я говорю... Мнѣ хотѣлось бы пристроиться, то есть мѣсто найти.

— Такъ чтожь, мой другъ! Я могу объ этомъ государю написать! Кротиковы всегда были въ силѣ; это, мой другъ, старинный дворянскій домъ! Однажды, блаженныя памяти императрица Анна Леопольдовна...

— Ma tante, il ne s'agit pas de cela! нынче ужь даже совсѣмъ не тотъ государь царствуетъ, объ которомъ вы говорите!

— Le gamin a raison! мы съ вами увлеклись, chère enfant! произнесъ князь.

— Я хотѣлъ, ma tante, просить васъ, чтобъ вы замолвили за меня словечко князю, опять началъ Кротиковъ.

— Для Кротиковыхъ, мой другъ, всѣ дороги открыты! Я помню, еще покойный князь Григорій Григорьичъ говаривалъ...

— Извините меня, ma tante; все это было очень давно, а теперь, хотя я и Кротиковъ, но долженъ хлопотать!

— Le gamin a raison! повторилъ князь.

— Еслибъ вы взяли, князь, на себя трудъ сказать нѣсколько словъ вашему внуку...

— Вамъ, молодой человѣкъ, при дворѣ хочется мѣсто получить?

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы въ губернію...

— Гм... а въ мое время, молодые люди все больше при дворѣ заискивали... Въ мое время, молодые люди при дворѣ монимаску танцовали... вы помните, chère enfant?

Однимъ словомъ, съ помощью ли ходатайства стараго князя, или цѣною собственныхъ усилій, но Кротиковъ, наконецъ, назначенъ былъ въ семиозерскую губернію. Извѣстіе это произвело шумную радость въ рядахъ его сверстниковъ.

— Такъ это правда, милый ты человѣкъ, что тебя въ семиозерскую губернію назначили? спрашивалъ одинъ.

— А ну, представь-ко намъ, какъ ты чиновниковъ принимать будешь? приставалъ другой.

И т. д. и т. д.

А Ѳединька слушалъ эти привѣтствія, и втихомолку старался придать себѣ сколь возможно болѣе степенную физіономію. Онъ

пріучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ, и каждый день ходилъ по департаментамъ, и съ большимъ прилежаніемъ справлялся о томъ, какія слѣдуетъ имѣть principes въ различныхъ случаяхъ губернской административной дѣятельности.

Черезъ нѣсколько дней, онъ появился въ кругу своихъ товарищей уже совершенно обновленный.

— Mon cher, il faut avoir des principes pour administrer! серьёзно убѣждалъ онъ Левушку Погонина.

— Да чтожь ты будешь администрировать-то, дудка ты эдакой!

— Однако, mon cher; согласись самъ, что есть вопросы, въ которыхъ можно идти и такъ и этакъ...

— Ну, ты и иди и такъ и этакъ!

— Я, съ своей стороны, принялъ себѣ за правило: быть справедливымъ—и больше ничего!

Такъ напутствовали милые молодые люди своего сверстника на предстоявшій ему постъ. Но Кротикъ понималъ, что каждый изъ нихъ въ то же время мысленно говорилъ себѣ: «Господи! когда бы и мнѣ тоже!»—и зная это, не сѣтовалъ на товарищей. Онъ сдѣлался благодушенъ, и многихъ даже звалъ съ собою въ Семиозерскъ; онъ за большую тайну открывалъ, что въ Семиозерскѣ существуетъ три дня въ году семеновская ярмарка, и что въ послѣдніе три года, grace à l'incurie de la police, обороты на ней упали болѣе, нежели втрое противъ прежняго. Онъ говорилъ, что чуть-чуть ли даже въ путяхъ сообщенія не чувствуется тамъ недостатка, и разсказывалъ про какую-то переписку, на основаніи которой нельзя было заключить ничего хорошаго о тамошнемъ содержателѣ почтъ.

— Однимъ словомъ, такой тамъ хаосъ, что, право, не знаешь даже, за что и приняться! оканчивалъ онъ.

Онъ до того вошелъ въ свою роль, что даже дома, когда никого постороннихъ не было, воображалъ, что приводитъ что-то въ порядокъ. Онъ мысленно совѣщался съ губернскимъ предводителемъ дворянства и убѣждалъ его во всемъ положиться на проницательность администраціи; онъ мирилъ вице-губернатора съ членами губернскаго правленія...

— Господа! позвольте мнѣ сказать вамъ, что этѣ пререканія ничего, кромѣ вреда, для пользы службы принести не могутъ! мысленно произносилъ онъ, вспомнивъ, что на обложкѣ одного

дѣла, видѣннаго имъ въ департаментѣ, успѣлъ вычитать: «Дѣло о пререканіяхъ членовъ семиозерскаго губернскаго правленія съ семиозерскимъ же вице-губернаторомъ и о непризнаваніи якобы первыми послѣдняго своимъ начальникомъ».

Разумѣется, онъ счелъ священнымъ долгомъ явиться и къ ma tante; но при этомъ видъ его уже до того блисталъ красотою, что старуха совсѣмъ не узнала его.

— Господи! да никакъ это каммеръ-юнкеръ Монсъ пришелъ! сказала она, и чуть-чуть не отправилась на тотъ свѣтъ отъ страха.

Старикъ князь тоже принялъ его благосклонно и даже почтилъ наставленіемъ.

— Въ наше время, молодой человѣкъ, сказалъ онъ: — когда назначали на такіе посты, то назначаемые преимущественно старались о соединеніи общества, и потомъ ужь вникали въ дѣла...

— Я, князь, постараюсь.

— Я вами доволенъ, молодой человѣкъ, но не могу не сказать: прежде всего вы должны выбрать себѣ правителя канцеляріи. Я помню: покойникъ Маркъ Константиньічъ никогда бумагъ не читалъ, но у него былъ правитель канцеляріи... une célebrité! Вся губернія знала его comme un coquin fieffé... но дѣла шли отлично!

Князь потихоньку зѣвнулъ и усмѣхнулся.

— Хорошо, мой другъ, хорошо! заключилъ онъ, отпуская отъ себя Кротикова.

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ, дѣла Кротикова шли довольно успѣшно и гладко.

Но на Семиозерскъ назначеніе его подѣйствовало какимъ-то ошеломляющимъ образомъ. Обыватели спрашивали себя, кто этотъ Кротиковъ, и могли дать отвѣтъ, что это Кротиковъ, Θеодоръ Павлычъ, — и больше ничего. Два совѣтника казенной палаты чуть не поссорились между собою, разсуждая о томъ, будетъ ли Кротиковъ дерзокъ на языкъ, или же будетъ «мягко стлать, да жестко спать». Наконецъ, однакожъ, губернскій прокуроръ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ писалось, что ѣдетъ девкать къ вамъ «Кротиковъ — малый удивленія достойный!» Прокуроръ до того разсердился на своего корреспондента за такое непростительно-неясное опредѣленіе, что тутъ же разорвалъ его письмо въ клочки.

Но въ сущности, корреспондентъ былъ правъ, ибо Кротиковъ былъ именно «малый удивленія достойный» — и ничего больше.

Тотъ, кто зналъ Кротикова въ Петербургѣ, Кротикова, съ мучительнымъ безпокойствомъ размышлявшаго о томъ, что Дюссо во всякую минуту жизни можетъ прекратить ему кредитъ, тотъ, конечно, изумился бы, встрѣтивши его въ Семиозерскѣ на первыхъ порахъ административной его дѣятельности. Во первыхъ, тамъ никто не называлъ его ни Ѳедей, ни Ѳединькой, ни Кротикомъ, ни Кротенкомъ (что уже само по себѣ было смѣшно), а звали всѣ вашествомъ, и только немногіе аристократы позволяли себѣ употреблять въ разговорѣ его имя и отчество; во вторыхъ, въ его наружности появилась сановитость и какая-то глянцовитая непроходимость; въ третьихъ, въ головѣ его дѣйствительно завелось цѣлое гнѣздо принциповъ.

Уже на самой границѣ губерніи, переѣзжая черезъ рѣку, отдѣлявшую семиозерскій край отъ сосѣдняго, онъ замѣтилъ, что въ перевозѣ есть что-то такое, о чемъ слѣдуетъ донести высшему начальству и испрашивать въ разрѣшеніе предписанія. Потомъ, по дорогѣ, онъ обратилъ вниманіе на верстовые столбы, и по этому поводу въ головѣ его тоже образовалась цѣлая какая-то система. Потомъ, когда, на первой станціи, вывели закладывать ему лошадей, онъ сурово спросилъ смотрителя, почему лошадямъ не даютъ овса? и когда смотритель отвѣчалъ, что «лошади, вашество, цѣльный день отъ овса не отходятъ», то онъ пробормоталъ только: «хапанцы!» и далъ себѣ слово изслѣдовать это дѣло немедленно. Понятно, что онъ пріѣхалъ въ Семиозерскъ уже разстроенный замѣченными безпорядками.

Тѣмъ не менѣе, первое знакомство его съ семиозерской публикой произвело на послѣднюю самое благопріятное впечатлѣніе. Одинъ почтенный старикъ выразился объ немъ, что онъ «достолюбезный сынъ церкви»; жена губернскаго предводителя сказала: «ничего, онъ очень милъ, но, кажется, слишкомъ серьезенъ»; вице-губернаторъ промычалъ что-то невнятное; градской голова удивился, что онъ «въ такихъ младыхъ лѣтахъ, а подитко съ!» Одинъ губернскій прокуроръ, какъ человѣкъ желчный, отозвался: «а что это нашъ Ѳедоръ-то Павлычъ какъ будто на Ѳединьку похожъ!» Однимъ словомъ, всѣ, за исключеніемъ про-

курора, нашли, что это молодой администраторъ вникательный и, кажется, съ направленіемъ.

Съ своей стороны, Ѳединька дѣлалъ все, чтобы очаровать семиозерскихъ сановниковъ и расположить общественное мнѣніе въ свою пользу. Онъ съ каждымъ губернскимъ тузомъ побесѣдовалъ отдѣльно, каждаго распросилъ о подробностяхъ ввѣренной ему части, и каждому любезно присовокупилъ, что онъ долженъ еще учиться, и очень счастливъ, что нашелъ такихъ опытныхъ и достойныхъ руководителей.

Разумѣется, дѣло началось съ губернскаго предводителя, и, надо сказать правду, это было дѣло самое щекотливое. Предводитель былъ малый суровый и безцеремонный, и на всѣхъ вообще «сатраповъ» смотрѣлъ безразлично, то есть какъ на лицъ, мѣшавшихъ дворянству развиваться безпрепятственно. Онъ постоянно былъ въ контрѣ со всѣми губернаторами, и когда ему замѣчали, что всѣ эти лица точно такіе же дворяне, какъ и онъ самъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Чтобъ дворянинъ пошелъ продавать себя за двугривенный — да это Боже упаси! нѣтъ! Значитъ, вы, сударь, не знаете, что русскій дворянинъ служитъ своему государю даромъ, что дворянское, сударь, дѣло — не кляузничать, а служить; что писаря, сударь, конечно, необходимы, однако и у меня въ депутатскомъ собраніи, пожалуй, найдутся писаря, да дворянами-то ихъ, кукишъ съ масломъ, кто же зоветъ!

Повторяю: это былъ малый суровый и несообразительный. За эту-то, быть можетъ, несообразительность онъ и держался нѣсколько трехлѣтій сряду на своемъ посту, потому что мы, русскіе, очень охотно смѣшиваемъ это качество съ твердостью характера и неподкупностью убѣжденія. Ѳединька зналъ это качество, и, признаться, немножко-таки потрухивалъ.

— Я надѣюсь, Платонъ Иванычъ, что вы не оставите меня вашими совѣтами, началъ онъ.

— Радъ-съ. Только у насъ, вашество, такая чепуха идетъ, что никакъ этого дѣла и перемѣнить нельзя... Въ губернскомъ правленіи, въ строительной коммиссіи — просто денной грабежъ!

— Тсс... такъ вы полагаете?

— Ничего я не полагаю, а только говорю, что въ губернскомъ правленіи денной грабежъ. Мнѣ что? я въ чужія дѣла не мѣшиваюсь, а сказать всегда скажу!

— Какая же причина, однако жь?

— А та и причина, что до вашества у насъ на этомъ мѣстѣ сряду десять фофановъ сидѣло... ну, и насидѣли!

Ѳединьку нѣсколько покоробило.

— Я всѣмъ говорилъ правду, продолжалъ предводитель: — и вамъ буду правду говорить! Хотите меня слушать — слушайте! не хотите — мнѣ что за дѣло!

— Я, Платонъ Иванычъ, пріѣхалъ сюда учиться...

— Ну, ужь гдѣ намъ ученыхъ учить!

— Нѣтъ, увѣряю васъ! Я очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя!

— Очень радъ-съ, очень радъ-съ. Милости просимъ ко мнѣ завтра хлѣба-соли откушать.

— Благодарю васъ. Повторяю вамъ, что я счастливъ, я совершенно счастливъ, встрѣчая такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Такимъ образомъ, дѣло сошло съ рукъ благополучно. Съ остальными тузами и чиновниками, оно пошло еще легче. Вице-губернатора Ѳединька принялъ вмѣстѣ съ прочими членами губернскаго правленія. Всѣ они обладали темно-оливковыми физіономіями, напоминавшими собой изображенія эфіоповъ. Принимая ихъ, Ѳединька имѣлъ видъ довольно строгій, потому что ему предстояло сдѣлать внушеніе.

— Господа! правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло, будто вы ссоритесь между собой? спросилъ онъ совершенно серьезно.

Члены злобно взглянули другъ на друга.

— Мы не ссоримся, а по дѣламъ диспуты имѣемъ! выступилъ впередъ старшій совѣтникъ Штановскій.

— Вотъ изволите, вашество, видѣть? подстрекнулъ и въ то же время сфискалилъ вице-губернаторъ.

— Господинъ Штановскій! ваша рѣчь впереди! замѣтилъ Ѳединька, слегка возвышая голосъ: — господа! я желаю, чтобъ у меня этихъ диспутовъ не было!

— Во второмъ томѣ свода законовъ, статья... заикнулся было Штановскій.

— Господинъ Штановскій! я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что ваша рѣчь впереди! Господа! Я увѣренъ, что имѣя такого опытнаго и достойнаго руководителя, какъ Садокъ Сосеоновичъ (пожатіе руки вице-губернатору), вы ничего не придумаете лучшаго, какъ слѣдовать его совѣтамъ! Ну-съ, а теперь поговоримъ

собственно о дѣлахъ. Въ какомъ, напримѣръ, положеніи у васъ недоимка?

— Тысящъ съ пьятьсотъ, а може и поболѣ будé, отозвался на этотъ вопросъ совѣтникъ Валяй-Бурляй.

— Вотъ онъ всегда такъ, ваше́ство, отвѣчаетъ! опять гордо сказалъ вице-губернаторъ, и обращаясь къ Валяй-Бурляю, прибавилъ:—а вы скажите, сколько поболѣе-то будетъ?

— Самы кажыты!

— Господинъ Валяй-Бурляй! извините меня, но я долженъ сказать, что вы совсѣмъ не такъ говорите съ своимъ прямымъ начальникомъ, какъ слѣдуетъ говорить! Господа! обращаю ваше вниманіе на недоимку, и въ виду этого предмета убѣждаю прекратить ваши раздоры! Недоимка—это, такъ сказать, государственный нервъ... надѣюсь, что мнѣ больше не придется вамъ это повторять.

Ѳединька простился и пожелалъ остаться наединѣ съ вице-губернаторомъ. Но когда совѣтники были уже у дверей, онъ что-то вспомнилъ.

— Господинъ Мерзопуніосъ! сказалъ онъ, кличá третьяго совѣтника: — не знаю, правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло, будто бы здѣсь собственность совершенно не уважается?

Мерзопуніосъ вильнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Собственность есть священнѣйшее изъ правъ человѣка! продолжалъ Ѳедя: — и взысканія по безспорнымъ обязательствамъ...

Ѳединька запнулся, потому что вспомнилъ, что самъ не заплатилъ еще своего долга Дюссо.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня повторять это, продолжалъ онъ и взглядомъ отпустилъ Мерзопуніоса.

Когда они остались съ глазу на глазъ съ вице-губернаторомъ, Ѳединька крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Садокъ Сосѳеновичъ! повѣрьте, что я слишкомъ хорошо понимаю ваше положеніе!

— Вы изволите видѣть, ваше́ство, каково мнѣ жить среди этого смѣшенія національностей!

— Вижу! очень вижу! но надѣюсь, что, съ божьею помощью, это все устроится!

— Дай Богъ, чтобъ было по словамъ вашимъ, ваше́ство!

— Надѣюсь! но во всякомъ случаѣ благодарю Бога, что онъ послалъ мнѣ такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Я не буду описывать дальнѣйшихъ представленій. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Ѳединька спросилъ, въ какомъ состояніи находится скотоводство въ губерніи; у предсѣдателя казенной палаты, до какой цифры простирается питейный доходъ; у предсѣдателя уголовной палаты, благопріятное ли впечатлѣніе произвело только что обнародованное въ то время уложеніе о наказаніяхъ, и т. д. и т. д. Всѣмъ вообще сказалъ, что очень радъ найти въ нихъ достойныхъ и опытныхъ руководителей.

Не могу умолчать и объ разговорѣ съ губернскимъ полиціймейстеромъ. Впустивши его въ кабинетъ, Ѳединька даже счелъ за надобное притворить за нимъ дверь поплотнѣе, и вообще, кажется, предположилъ себѣ всласть отвести душу бесѣдой съ этимъ сановникомъ.

— Что вы скажете, полковникъ, на счетъ здѣшняго образа мыслей? спросилъ онъ, значительно понизивши голосъ.

— Образъ мыслей здѣсь самый, вашество, благородный, отвѣчалъ полковникъ:—и еслибъ начальство уважило мое ходатайство о высылкѣ отсюда отставнаго поручика Шишкина, то смѣло могу сказать...

— Кто этотъ Шишкинъ? прервалъ Ѳединька, нѣсколько встревожившись.

— Отставной поручикъ-съ! Вы не можете вообразить себѣ, вашество, что это за ужаснѣйшій человѣкъ! Намѣднись, можете себѣ представить, ухитрился пролѣзть подъ водою въ женскую купальню!

— И много тамъ дамъ было?

— Въ самый, вашество, разъ попалъ! И представьте, вашество, что̀ говоритъ въ свое оправданіе: «я, говоритъ, съ купчихой Берендеевой хотѣлъ свиданіе имѣть!» Да развѣ вамъ нѣтъ, сударь, другихъ мѣстъ для свиданій? развѣ вы простолюдинъ какой нибудь, что не можете благороднымъ манеромъ свою слабость исполнить? — Такъ куда тебѣ! «Стану, говоритъ, я ждать да устраивать!»

— Однако, у него губа не дура, у этого Шишкина.

— Просто, вашество, весь женскій полъ цѣлую недѣлю въ смятеніи былъ. Въ баню никто не ходилъ, потому — бѣда! Того гляди — Шишкинъ изъ подъ полка вылѣзетъ!

— Гм... объ этомъ можно подумать! Ну, а политическаго ничего нѣтъ?

— Политическаго, вашество, рѣшительно ничего въ нашей губерніи нѣтъ.

— А молодые люди есть?

— Есть, вашество, но это именно прекраснѣйшіе молодые люди, изъ которыхъ современемъ образуются прекраснѣйшіе сановники.

— Что читаютъ?

— «Московскія Вѣдомости», вашество, но и то, какъ бы сказать, одно литературное прибавленіе, а не политику.

— А какіе журналы получаютъ въ вашемъ городѣ?

— Больше все настоящіе-съ: «Сѣверную Пчелу»-съ, «Сынъ Отечества»-съ...

— Могу съ своей стороны рекомендовать «Москвитянинъ»!

Собесѣдники на минуту смолкли.

— Знаете ли что? первый прервалъ молчаніе Ѳединька: — я думаю преимущественно обратить вниманіе на общественную безопасность... а?

— Конечно, вашество, это самая главная вещь въ губерніи. Вотъ еслибъ, вашество, Шишкина...

— Потому что, — вы меня понимаете? — если общественная безопастность обезпечена, то, значитъ, и собственность ограждена, и удовольствіямъ всякимъ мирные граждане могутъ предаваться съ полною непринужденностью...

— Ужь на что же лучше! Только бы, вашество, Шишкина... право, вашество, это не человѣкъ, а зараза!

— Объ Шишкинѣ, полковникъ, не заботьтесь! Я ручаюсь вамъ, что сдѣлаю изъ него полезнаго члена общества (очевидно, Ѳединька впадалъ въ мечтательность)! А еще я полагаю посмотрѣть здѣшній гостиный дворъ, и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ!

Полковникъ потупился, потому что не понималъ.

— Я вижу, что это для васъ ново. «Спросъ»—это вообще... требованіе товара; «предложеніе»—это... это предложеніе товара же. Понимаете? Теперь, значитъ, если спросъ великъ, а предложеніе слабо, то цѣна на товаръ возвышается, и бѣдные отъ этого страдаютъ...

— Это, вашество, будетъ для города такая польза... такое, можно сказать, благодѣяніе...

— Я хочу, чтобъ у меня каждый могъ имѣть все, что ему нужно, за самую умѣренную цѣну! продолжалъ Ѳединька, и даже

самъ выпучилъ глаза, вспомнивъ, что почти такую же штуку вымолвилъ въ свое время Генрихъ IV.

Сообесѣдники опять смолкли, потому что полковникъ окончательно раскисъ.

— Ну-съ, очень радъ; очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя, заключилъ Ѳединька, и разстался съ губернскимъ полиціймейстеромъ.

Въ это же утро Ѳединька посѣтилъ острогъ; ѣлъ тамъ щи съ говядиной и гречневую кашу съ масломъ, выпилъ кружку квасу, и велѣлъ покурить въ корридорѣ. Затѣмъ, посѣтилъ городскую больницу, ѣлъ габеръ-супъ, молочную кашицу, и велѣлъ покурить въ палатахъ.

— А thea chinensis частенько прописываете? любезно спросилъ онъ ординатора, который слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь.

Ординаторъ понялъ шутку, и улыбнулся.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, прибавилъ Ѳединька: — я нахожу, что здѣсь хоть куда! Только пожалуйста, курите почаще! Я особенно васъ объ этомъ прошу!

Затѣмъ, такъ какъ ужь болѣе не съ кѣмъ было бесѣдовать и нечего осматривать, то Ѳединька отправился домой и вплоть до обѣда размышлялъ о томъ, какого рода произвелъ онъ впечатлѣніе, и не уронилъ ли какъ нибудь своего достоинства. Оказалось, по повѣркѣ, что онъ, не смотря на свою неопытность, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отнюдь не хуже, какъ и всѣ вообще подобные ему смертные: Чебылкины, Зубатовы, Слабомысловы, Бенескриптовы и Фютяевы.

Ѳединька очень хорошо запомнилъ совѣтъ Оболдуй-Тараканова, заповѣдывавшаго ему прежде всего обратить вниманіе на соединеніе общества. Совѣтъ этотъ отлично гармонировалъ съ его собственными сибаритскими наклонностями (genre Oeil de Boeuf). «Что такое общество?» задалъ онъ себѣ вопросъ и тотчасъ безъ запинки отвѣчалъ, что общество составляютъ les dames et les messieurs. «Что нужно, чтобы общество жило въ единеніи»?—нужно удалить отъ него такія мысли, которыя могутъ служить поводомъ для раздоровъ и пререканій. Вонъ Мерзопупіосъ и Штановскій засѣли тамъ въ своей мурьѣ и грызутся, разбирая по косточкамъ вопросъ о подсудности, — это понятно, потому что они именно ничего, кромѣ этой мурьи, и не видятъ;

но общество должно жить не такъ, оно должно имѣть идеи легкія. Les messieurs et les dames обязаны забывать обо всемъ, кромѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній. Поэтому, города, въ которыхъ господствуетъ легкое поведеніе, — процвѣтаютъ и отличаются веселостью; города же, въ которыхъ les messieurs вносятъ служебные свои дрязги даже въ частную жизнь,—отличаются уныніемъ, и les dames, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ тамъ скверную привычку ложиться спать вмѣстѣ съ курами.

Во время утреннихъ своихъ слоняній съ визитами по Семиозерску, Өединька, какъ знатокъ по части клубнички, не могъ не замѣтить, что городъ обладаетъ въ изобиліи самыми разнообразными «charmants minois», которые, однакожь, вслѣдствіе неряшества и домосѣдства, кажутся заспанными и даже словно беременными. Въ домахъ, онъ даже замѣтилъ какой-то странный, почти необъяснимый запахъ («чортъ его знаетъ! словно дѣтьми или морскими травами пахнетъ!») и чуть-чуть было не распорядился, чтобъ покурили. «А все это отъ того, что мастера нѣтъ, который вдохнулъ бы душу въ эти хорошенькіе матерьялы... нѣтъ! надо ихъ подтянуть!»

Эта идея до того ему понравилась, что онъ рѣшился провести ее во что бы то ни стало, и для достиженія цѣли дѣйствовать преимущественно на дамъ. Для начала, обѣдъ у губернскаго предводителя представлялъ прекраснѣйшій случай. Тамъ можно было побеесѣдовать и о spectacles de société, и о лоттереѣ-аллегри, этихъ двухъ неизмѣнныхъ и неотразимыхъ административныхъ средствахъ сближенія общества (очень жаль, что московскіе славянофилы, такъ сильно хлопочущіе о сближеніи россійскихъ сословій, до сихъ поръ не предложатъ этихъ средствъ, столь же полезныхъ, сколько и древнихъ).

Въ этихъ видахъ, онъ отправился на обѣдъ нѣсколько пораньше («кстати ужь и за предводительшей пріударить!» подумалъ онъ), но оказалось, что на этотъ разъ весь губернскій людъ словно сговорился и собрался ранѣе обыкновеннаго. Оставалось покориться.

Предводительша, пикантная брюнетка, взглянула на него довольно пронзительно, и указала мѣсто подлѣ себя. Кругомъ тоже сидѣли дамы, въ числѣ которыхъ было много дѣйствительно хорошенькихъ.

— Да избавьте вы насъ, Өедоръ Павлычъ, ради Бога отъ этого разбойника Мухоярова, который заодно съ губернскимъ

правленіемъ по дорогамъ грабитъ! совершенно не кстати забасилъ хозяинъ.

Вице-губернаторша, бывшая тутъ же, вся побагровѣла.

— Ужь вы меня извините, Марья Ивановна, продолжалъ незастѣнчивый хозяинъ, обращаясь къ ней: — а что правда, то правда!

— Pardon, cher Платонъ Иванычъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не слушать васъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, но здѣсь я исключительно въ распоряженіи дамъ, отвѣчалъ Өединька, очень граціозно помахивая головкой.

Дамы просіяли и невольно оправили свои платья.

— Бываютъ у васъ здѣсь спектакли? обратился Өединька къ хозяйкѣ.

— Да... зимою пріѣзжаютъ какіе-то актеры, но *мы* ихъ никогда не видимъ, отвѣчала хозяйка, и опять взглянула на Өединьку.

«Такъ бы я тебя и съѣлъ», подумалъ Өединька, пожирая ее глазами, и вслухъ продолжалъ: — нѣтъ, я, конечно, не объ городскихъ спектакляхъ говорю... я говорю объ такъ-называемыхъ spéctacles de société...

Изъ дамъ нѣкоторыя перешепнулись, другія перемигнулись, какъ будто говорили другъ другу: а вотъ погоди, заставитъ онъ насъ всѣхъ пѣть водевильные куплеты и изображать «рѣзвящихся русалокъ!»

— Нѣтъ, здѣсь этимъ некому было заняться...

— Но вы, Татьяна Михайловна?

— *Я?*... а почему вы предполагаете, что именно я могу этимъ заняться?

Өединька сконфузился; онъ, конечно, былъ въ состояніи очень хорошо объяснить, почему онъ такъ думаетъ, но такое объясненіе могло бы обидѣть прочихъ дамъ, изъ которыхъ каждая, безъ сомнѣнія, мнила себя царицей общества. Поэтому онъ только мялъ въ отвѣтъ губами. Къ счастію, на этой скользкой стезѣ онъ былъ поддержанъ вышедшимъ оффиціантомъ, который провозгласилъ, что подано кушать. Татьяна Михайловна подала Өединькѣ руку. Процессія двинулась.

— Давайте вашу руку, но за обѣдомъ вы мнѣ непремѣнно должны объяснить, почему вы считаете, что именно я должна

принять на себя устройство спектакля? полушопотомъ сказала хозяйка дорогой.

— Стоитъ только взглянуть на васъ, чтобы... началъ Ѳединька ужь совершенно подурацки, и не кончилъ.

— А?! не то насмѣшливо, не то сочувственно произнесла Татьяна Михайловна.

За столомъ размѣстились попарно, то есть мужчины въ перемежку съ дамами. Излишекъ мужчинъ (преимущественно старцы, уже совсѣмъ непотребные) сгруппировался на другомъ концѣ стола, поближе къ хозяину.

— Ну-съ, «чтобы»?... начала опять Татьяна Михайловна, очевидно кокетничая. Она кушала при этомъ супъ съ такою граціей, какъ будто играла ложкой.

— Чтобы убѣдиться, что вы единственная женщина, которая можетъ привлечь...

— Публику?

— Вы жестоки, Татьяна Михайловна!

— ВаШество! рекомендую вамъ пирожки! у меня для нихъ особенный поваръ есть! въ новотроицкомъ учился! приглашалъ съ другаго конца хозяинъ дома.

— Ѣмъ-съ, Платонъ Иванычъ; пирожки дѣйствительно безподобны.

— Шесть лѣтъ въ ученьи былъ, продолжалъ хозяинъ, но Ѳединька уже не слушалъ его. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобъ соблюсти приличіе и заговорить съ своею сосѣдкой по лѣвую сторону, но разговоръ рѣшительно не вязался, хотя и эта сосѣдка была тоже очень и очень увлекательная блондинка. Онъ спрашивалъ ее, часто ли она гуляетъ, ѣздитъ ли по зимамъ въ Москву, но далѣе этого, такъ сказать, полицейскаго допроса идти не могъ. И мысли, и взоры его невольно обращались къ хорошенькой предводительшѣ.

— Кушайте же пирожки; ихъ шесть лѣтъ учились готовить, насмѣшливо говорила между тѣмъ хозяйка.

Ѳединька ободрился.

— Такъ вы согласны будете взять на себя трудъ устроить spéctacle de sociéte? спросилъ онъ.

— Да, если вы будете внимательны къ нашимъ дамамъ... mesdames! Ѳедоръ Павлычъ проситъ, чтобъ вы приняли участіе въ предполагаемомъ имъ спектаклѣ! Но вы и сами непремѣнно

должны принять въ немъ участіе, продолжала она, обращаясь къ Ѳединькѣ:—вы должны быть нашимъ premier amoreux...

— Да, да! непремѣнно! непремѣнно! вторили дамы.

— Увы! для меня это недоступно! печальная необходимость... мой постъ... но я могу, если угодно, быть вашимъ режиссеромъ, mesdames, и тогда—прошу меня слушаться, потому что вѣдь я очень строгъ.

— Будто бы строги? мимоходомъ замѣтила предводительша, взглядывая на него исподлобья.

— Увы!... боюсь, что нѣтъ!

— Это вы, вашество, ихъ спектакль устроить приглашаете? вступился опять хозяинъ: — напрасно стараетесь! Эта штука у насъ ужь пробована и перепробована!

— Mon mari va dire quelque betise, шепнула предводительша совершенно про себя, но такъ, что Ѳединька слышалъ.

— А что же? спросилъ онъ.

— Да наши барыни, какъ соберутся, такъ и передерутся! отвѣтилъ хозяинъ, отнюдь не церемонясь.

— Fi, mon ami, какія ты вещи говоришь! обидѣлась супруга его.

— Ну, ужь извини меня, Татьяна Михайловна! а что правда, то правда!

— Какія же піесы мы будемъ играть? молвила блондинка, сидѣвшая по лѣвую сторону.

— Позвольте... я знаю, напримѣръ, водевиль... онъ называется Азъ и Фертъ... le titre est bizarre, mesdames, но піеска, право, очень-очень миленькая! Есть въ ней этакое brio хорошенькое.

— Я однажды въ Москвѣ у князя Сергія Борисыча «Полковника старыхъ временъ» играла, пискнула было вице-губернаторша, но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Есть еще, вашество, піеска «Несчастія Красавца», откликнулся хозяинъ, можетъ быть, съ намѣреніемъ, а можетъ быть, и безъ намѣренія, но Ѳединька почувствовалъ, что его въ это время словно ударило чѣмъ въ спину.

— Да, и такая піеса есть, сказалъ онъ:—но, признаюсь, я болѣе люблю живыя картины. Je suis pour les tableaux vivants, moi!

На минуту всѣ смолкли; слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Дуракъ родился! сказалъ хозяинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, Платонъ Иванычъ, позвольте вамъ замѣтить, что если всегда въ подобныя минуты долженъ непремѣнно родиться дуракъ, то такимъ образомъ ихъ должно бы быть ужь черезчуръ много на свѣтѣ! замѣтилъ Ѳединька.

— А вашество думали, что ихъ мало?

Ѳединькѣ сдѣлалось положительно неловко, потому что хозяинъ, очевидно, начиналъ придираться.

— Mon mari est jaloux! шепнула опять таки про себя предводительша, очень мило обгладывая крылышко цыпленка.

«Наши фонды поднялись! наши фонды поднялись»! внутренно пропѣлъ Ѳединька, и вслухъ прибавилъ: — а у васъ есть дѣточки, Татьяна Михайловна?

— Да; но они въ деревнѣ у бабушки.

— Дѣти-то у насъ есть, только матушка-то не охотница ими заниматься! прибавилъ предводитель.

— Дѣти—это такое наслажденіе! материнское чувство... совершенно невпопадъ началъ Ѳединька, и запнулся:—такъ я могу надѣяться, mesdames, что спектакль у насъ состоится? поправился онъ, обращаясь ко всѣмъ дамамъ.

— Передерутся—ужь это вѣрно!

— Вы, Платонъ Иванычъ, за себя говорите! обидѣлась увлекательная блондинка.

— Вы, Надежда Петровна, не обижайтесь, а выслушайте! ужь что правда, то правда! настаивалъ хозяинъ.

Надежда Петровна надула губы.

Опять все смолкло.

— Такъ, по вашему мнѣнію, и теперь дуракъ родился, Платонъ Иванычъ? спросилъ Ѳединька.

— И теперь дуракъ родился, спокойно отвѣчалъ хозяинъ.

Начали подавать шампанское. Начались поздравленія и пожеланія. Предводительша мило чокнулась, и сказала: je désire que vous nous restiez le plus longtems possible («а еще что?» процѣдилъ сквозь зубы Ѳединька.—Nous verrons, тоже процѣдила хозяйка).

— Вашество! извините! тоста не провозглашаю, а за здоровье ваше пью съ удовольствіемъ! говорилъ между тѣмъ предводитель.

«Ишь вѣдь, оболтусъ! и у себя-то не хочетъ почтенія сдѣлать»! подумалъ Ѳединька.

— Вотъ у меня письмоводитель въ посреднической коммиссіи есть, такъ тотъ мастеръ за обѣдами предики эти говорить, продолжалъ хозяинъ:—вотъ онъ!

Тутъ только Ѳединька замѣтилъ, что въ темномъ углу комнаты, около стѣны, былъ накрытъ еще столъ, за которымъ сидѣли какія-то три личности. Одна изъ нихъ встала.

— Я отъ хлѣба соли никому не отказываю! потому—народъ бѣдный! оборванцы! ораторствовалъ хозяинъ:—прикажете ему, вашество, привѣтствіе сказать?

— Отчего же... я съ удовольствіемъ!

— Катай, Анпетовъ!

— Ахъ, mon ami, какія у тебя выраженія!

— Ну, ужь, Татьяна Михайловна, не взыщи! каковъ есть, таковъ и есть! Что правда, то правда!

Анпетовъ вышелъ къ серединѣ стола и произнесъ:

«Почтеннѣйшія госпожи и милостивые господа!

«Если солнцу восходящу, всякая тварь радуется, и всякая «птица трепещетъ отъ живительнаго луча его, то значитъ, что «въ самой природѣ Всеблагой Промыселъ установилъ такой за- «конъ, или, лучше сказать, предопредѣленіе, въ силу котораго «тварь обязывается о восходящемъ лучѣ радоваться и трепе- «тать, а о заходящемъ—печалиться и недоумѣвать.

«Здѣсь вижу я, благородныя слушательницы и почтеннѣй- «шіе слушатели, собраніе гостей именитыхъ, въ цѣломъ краѣ «славныхъ, и между ними примѣчаю нѣкоего, который именно «тотъ восходящій солнца лучъ прообразуетъ, о коемъ сказано. «Онъ еще младъ, но умудренъ знаніями; глава его не убѣлена «сѣдинами, но умъ обогащенъ наукой. Не дерзостный и не гор- «достный, но благостный и душепріятный пришелъ ты къ намъ— «дерзнемъ ли же мы пренебречь тѣмъ закономъ, который сама «природа всещедрая вложила въ сердца наши? Дерзнемъ ли пе- «чалиться и недоумѣвать въ такія минуты, когда надлежитъ тре- «петать и радоваться?

«Нѣтъ, не дерзнемъ, но воскликнемъ убо: за здравіе и дол- «годенствіе его вашества Ѳеодора Павловича Кротикова! Ура!»

— Благодарю васъ! отвѣчалъ Ѳединька, и обратившись къ дамамъ, прибавилъ: — mais il a le don de la parole!

— Приходи ужо! водки дамъ! сказалъ хозяинъ.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Провожая свою даму въ гостиную, Ѳединька дерзнулъ даже пожать ей руку, и хотя ему не отвѣчали тѣмъ же, однако же и мины непріятной не сдѣлали. Ѳединьку это ободрило.

— Такъ судьба нашихъ спектаклей въ вашихъ рукахъ? сказалъ онъ.

— Да; я постараюсь... если Платонъ Иванычъ позволитъ...

— О, мы нападемъ на него всѣмъ обществомъ! Но вы представьте себѣ, какъ это будетъ пріятно! Можно будетъ видѣться... говорить!

Предводительша легонько вздохнула.

— Репетиціи... трепетное мерцаніе лампы... началъ-было фантазировать Ѳединька.

— Вашество! милости просимъ въ кабинетъ! господа! милости просимъ! приглашалъ гостепріимный хозяинъ.

Ѳединька долженъ былъ покориться печальной необходимости; но онъ утѣшался дорогой, что первый толчокъ соединенію общества уже данъ, и что, кажется, дѣло это, съ Божьею помощью, должно пойти на ладъ.

Въ кабинетѣ на него опять напустился хозяинъ съ Мухояровымъ, и хотя вице-губернаторъ былъ на лицо, но губернское правленіе было столь же мало пощажено, какъ и передъ обѣдомъ. Къ удивленію, этотъ сановникъ не только не обижался, но даже очень спокойно объяснилъ:

— Этотъ Мухояровъ — зять Бурляй-Валяю.

— А мнѣ хоть бы онъ самому чорту былъ зять! сказалъ Ѳединька, внезапно приходя въ негодованіе, и, обратясь къ хозяину, прибавилъ: — уволю-съ!

— Какъ угодно, вашество, но я полагалъ бы пообсмотрѣться. Валяй-Бурляй человѣкъ извѣстный, и за присныхъ своихъ готовъ стоять до послѣдняго издыханія! вторично объяснилъ вице-губернаторъ.

— А хотя бы онъ и издохъ! воскликнулъ Ѳединька, все болѣе и болѣе приходя въ административный восторгъ.

— Какъ вашеству будетъ угодно, но мое дѣло предупредить, что у Валяй-Бурляя одинъ начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной всѣхъ дѣтей отъ купели воспринималъ!

Ѳединька понялъ всю справедливость этого замѣчанія, но

притворился непонимающимъ и даже повернулся къ вице-губернатору спиною.

Былъ ужь девятый часъ вечера, когда Өединька возвращался отъ предводителя домой. Начальникъ отдѣленія, воспринимавшій отъ купели дѣтей Валяй-Бурляя, не выходилъ у него изъ головы; онъ зналъ этого начальника отдѣленія, и зналъ, что онъ очень строгъ. Самое лицо у него было какое-то жестокое, обросшее густыми бакенбардами и снабженное такими необыкновенными бровями, что, казалось, самая пуля, пущенная въ этотъ непроходимый лѣсъ, должна была только повернуться на своей оси и упасть, не причинивши этому человѣку ни малѣйшаго вреда. Но мало по малу, рядомъ съ этимъ фатальнымъ образомъ возникъ и другой, принадлежавшій хорошенькой предводительшѣ. Образовалось колебаніе. Одинъ образъ говорилъ: «вотъ я тебя, если ты посмѣешь тронуть Мухоярова!» другой лепеталъ: «Mouchojaroff— ou tout est fini entre nous!»

— Да; tout n'est pas rose dans la vie! прошепталъ про себя Өединька:—а! ну ихъ! какъ нибудь устроится!

Въ это время дрожки поровнялись съ ярко-освѣщеннымъ домомъ, сквозь окна котораго Өединька усмотрѣлъ Штановскаго, Валяй-Бурляя и Мерзопуніоса, рѣзавшихся въ преферансъ. На столикѣ у стѣны была поставлена закуска и водка. По комнатѣ шныряли дѣти. Какая-то дама оливковаго цвѣта сидѣла около Мерзопуніоса и заглядывала въ его карты.

— Чей это домъ? спросилъ Өединька кучера.

— Совѣтника Мерзаковскаго!

— Га! помирились-таки! подумалъ Өединька: — ну, теперь, съ божьею помощью, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ!

Возвратившись домой, Өединька долгое время мечталъ:

«Кажется, что дѣло не дурно устроивается, думалъ онъ: — кажется, что ужь я успѣлъ дать ему нѣкоторое направленіе!»

Онъ подошелъ къ зеркалу, поставилъ на столъ двѣ свѣчи, и посмотрѣлся—ничего, хорошъ!

— Что же, когда Дюсѣ деньги-то посылать будете? спросилъ старикъ каммердинеръ Гаврило, снимая съ него сапоги. Өединька молчалъ и притворился погруженнымъ въ глубокія соображенія.

— Вѣдь Дюса-то Никиту маркела передъ отъѣздомъ ко мнѣ присылалъ. «Ты смотри, говоритъ, какъ у барина первыя деньги будутъ, такъ безпремѣнно чтобы къ намъ посылать!»

Ѳединька все молчалъ.

— Что жь вы молчите! нѣшто я у Дюса-то ѣлъ!

— Молчать, скотина!

— Какъ я могу молчать! Я дѣло завсегда говорить долженъ!

— Цыцъ, каналья!

Ѳединька легъ спать и видѣлъ во снѣ Дюссо, начальника отдѣленія и хорошенькую предводительшу.

Разсказъ мой конченъ. Читатель можетъ спросить меня, для чего я его написалъ, равно, какъ и первый мой подобный же разсказъ «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою»? Считаю совершенно справедливымъ удовлетворить его любопытству.

Пусть читатель не думаетъ, что я высокаго мнѣнія о своихъ талантахъ, что я претендую на созданіе какой-то художественной картины. Въ былыя времена, я дѣйствительно имѣлъ покушенія въ этомъ родѣ, но увидѣвъ тщету ихъ, тотчасъ же отложилъ попеченія. Я понялъ, что мнѣ предстоитъ роль болѣе скромная, хотя и довольно полезная: роль этнографа и монографиста—и съ тѣхъ поръ остался ей неизмѣнно вѣрнымъ. Правда, что мои этнографическіе очерки и монографіи имѣютъ основу въ мірѣ вымышленномъ, а не дѣйствительномъ, тѣмъ не менѣе это все-таки не больше, какъ этнографическіе очерки и монографіи. Никакой другой претензіи я не имѣю, и тому, который будетъ спрашивать меня, зачѣмъ я не оперирую надъ жизнью широкой рукой, подобно Тургеневу, Писемскому, Гончарову, Авдееву и Григоровичу, я отвѣчу простой поговоркой: la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a.

Такимъ образомъ поступилъ я и въ настоящемъ случаѣ; я просто хотѣлъ написать для начинающихъ администраторовъ нѣсколько краткихъ наглядныхъ руководствъ, которыя могли бы служить руководящею нитью для ихъ неопытности. Я разсуждалъ такъ: нашъ администраторъ со всѣхъ сторонъ окруженъ соблазнами, особливо въ провинціи; съ одной стороны, его влечетъ къ себѣ идея неумытнаго исполненія долга, съ другой — различныя искушенія, въ видѣ хапанцевъ, женщинъ и т. п. Если не предостеречь его, если не показать ему осязательно, что онъ долженъ предпочесть, онъ упадетъ въ пропасть—это несомнѣнно. Вотъ эту-то трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ горькую обязанность оберегателя и руководителя и принялъ я на себя.

На первый разъ, я выбралъ два момента: прощаніе и вступленіе на скользкій административный путь. Это для меня рамка, которую я впослѣдствіи обязываюсь наполнить. Все равно, какъ для человѣка рожденіе и смерть составляютъ естественную рамку всей жизни, внѣ которой онъ полагается неживущимъ, такъ и для администратора день вступленія на скользкій путь и оставленіе скользкаго пути составляютъ естественную рамку, внѣ которой онъ предполагается не живущимъ, а такъ сказать, безъ дѣла слоняющимся по свѣту.

Надѣюсь, что Провидѣніе укрѣпитъ мою руку и поможетъ мнѣ. Знаю, что задача моя велика, и что когда подобныхъ руководствъ наберется достаточно, то картина можетъ, пожалуй, образоваться и изрядная (вѣдь этакъ, чего добраго, могутъ заподозрить, что и въ художники желаешь попасть!), но стремленіе быть полезнымъ такъ сильно, что преобораетъ природную мою робость. Я слышу внутри меня голосъ, который говоритъ: «дерзай!» — и ничего противъ этого голоса подѣлать не могу. Скажу даже по секрету читателю, что у меня уже готово еще одно подобное же руководство, подъ названіемъ: «Я все еще его, безумная, люблю!» и что я непремѣнно выпущу его въ свѣтъ, въ томъ же «Современникѣ» при самой первой возможности. Когда трудъ мой будетъ конченъ, я выпущу отдѣльной книжкой цѣлое собраніе такихъ руководствъ, подъ названіемъ «Тезей въ гостяхъ у Минотавра, или спасительница Аріадна». Я увѣренъ, что книжка моя быстро разойдется, ибо всякій отъѣзжающій въ губернію поспѣшитъ запастись ею, какъ вѣрнымъ другомъ, который ни въ какомъ случаѣ не выдастъ.

Н. ЩЕДРИНЪ.

ЛЮДВИГЪ БЁРНЕ.

(изъ Гейне).

Предлагая читателямъ «Современника» переводъ сочиненія Гейне о Бёрне, мы считаемъ долгомъ оговориться, что къ этому переводу побудило насъ отнюдь не сочувствіе къ этому сочиненію.

Изъ всѣхъ произведеній великаго поэта оно почти единственное, часто вызывающее досадное и непріятное чувство, не смотря на множество превосходныхъ страницъ, въ которыхъ талантъ Гейне является въ полномъ блескѣ. Прочитавъ это сочиненіе, читатели поймутъ, почему оно не разъ оставляетъ непріятное впечатлѣніе; причина этого послѣдняго заключается въ той несправедливости, съ которою Гейне относится къ своему знаменитому современнику и которая — намъ больно выразить это мнѣніе—происходила отчасти не изъ совсѣмъ чистаго источника. Да, не смотря на глубокое уваженіе, которое мы питаемъ къ памяти Гейне, мы должны сознаться, что если въ нападкахъ его на Бёрне немаловажную роль играло различіе характеровъ этихъ двухъ людей, различіе ихъ воззрѣній на политическую дѣятельность вообще и на способъ примѣненія той идеи, за которую оба они боролись всю свою жизнь, — то не менѣе важную роль играло простое чувство зависти, зависти довольно мелочной, недостойной такого человѣка, какъ Гейне. Это особенно доказывается тѣмъ, что сочиненіе о Бёрне, въ первоначаль-

номъ своемъ видѣ (оно въ первый разъ напечатано было въ 1840 г.) заключало въ себѣ нѣсколько страницъ, дѣлавшихъ изъ него самый грязный памфлетъ: ослѣпленный чисто личною враждою, Гейне не постыдился очернить частную жизнь Бёрне, не постыдился бросить грязью на его чистыя отношенія къ одной женщинѣ (госпожѣ Воль, впослѣдствіи госпожѣ Страусъ). Эти страницы упали пятномъ на Гейне и возбудили противъ него общее негодованіе. Черезъ пять лѣтъ послѣ того онъ, однако, раскаялся въ своемъ поступкѣ и выразилъ положительное желаніе, чтобы эти страницы не перепечатывались ни въ одномъ изданіи его сочиненій. Въ такомъ видѣ, т. е. съ исключеніемъ этихъ мѣстъ, мы представляемъ его и нашимъ читателямъ.

Перевести это сочиненіе побудили насъ слѣдующія соображенія:

Во первыхъ, Гейне и Бёрне—два самыхъ яркихъ представителя самой бурной эпохи въ жизни Германіи, и мнѣніе одного о другомъ интересно уже хоть бы какъ историческій матеріалъ.

Во вторыхъ, Гейне въ этомъ сочиненіи заставляетъ часто говорить самаго Бёрне, и тутъ этотъ послѣдній является въ совершенно ясномъ свѣтѣ и возбуждаетъ глубокую симпатію, не смотря на стараніе Гейне вызвать въ читателѣ совсѣмъ не то чувство. Матеріалы, которые сообщаетъ Гейне, не смотря на пристрастное освѣщеніе ихъ, все-таки остаются драгоцѣнными матеріалами.

Въ третьихъ, тутъ бѣглыми, но рѣзкими чертами рисуется та многознаменательная эпоха, въ которую жили и дѣйствовали оба эти человѣка.

Наконецъ, какъ мы уже выше замѣтили, сочиненіе это, помимо своихъ недостатковъ, когда дѣло идетъ о приговорѣ надъ Бёрне, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ, чисто-гейневскихъ страницъ.

Для окончательнаго уясненія отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, намъ бы слѣдовало показать, какъ смотрѣлъ Бёрне на своего противника; но Гейне избавилъ насъ отъ этой необходимости. Въ четвертой книгѣ предлагаемаго сочиненія читатели найдутъ выписку того мѣста изъ «Парижскихъ Писемъ» Бёрне, въ которомъ этотъ послѣдній высказалъ свое мнѣніе о Гейне,—мнѣніе чрезвычайно мѣткое и достаточно объясняющее существенныя черты отличія въ характерѣ того и другаго.

———

КНИГА ПЕРВАЯ.

БЕРНЕ ВО ФРАНКФУРТѢ НА МАЙНѢ.

Имя Берне я услышалъ въ первый разъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1815-е. Я былъ съ моимъ покойнымъ отцомъ на франкфуртской ярмаркѣ, куда онъ повезъ меня для того, чтобы я немного свѣтъ посмотрѣлъ, что, по его мнѣнію, необходимо для развитія. Тутъ моимъ глазамъ представилось удивительное зрѣлище. Въ такъ называемыхъ *[illegible]* (балаганахъ), вверхъ по теченію рѣки, я увидѣлъ восковыя фигуры, дикихъ звѣрей, удивительныя произведенія искусства и природы. Отецъ показалъ мнѣ также большіе, какъ христіанскіе такъ и еврейскіе магазины, въ которыхъ вы купите товаръ десятью процентами ниже фабричной цѣны и все-таки будете надуты. Разъ отецъ повелъ меня въ одинъ кабинетъ для чтенія. Между тѣмъ, какъ я углубился въ чтеніе газетъ, одинъ молодой человѣкъ, сидѣвшій подлѣ меня, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вотъ докторъ Берне, тотъ самый, который пишетъ противъ комедіянтовъ!

Я поднялъ глаза и увидѣлъ человѣка, который искалъ какого-то журнала, нѣсколько разъ обошелъ комнату и потомъ вышелъ. Какъ ни кратковременно было это посѣщеніе, но фигура этого человѣка осталась у меня въ памяти, и еще теперь я могъ бы изобразить ее съ дипломатической точностью. На немъ былъ черный сюртукъ, повидимому совершенно новый, и ослѣпительно бѣлое бѣлье; но онъ носилъ ихъ не какъ щеголь, а съ особенною небрежностью, даже пожалуй съ сердитымъ равнодушіемъ, достаточно свидѣтельствовавшимъ о томъ, что онъ не долго занимался передъ зеркаломъ повязываньемъ бѣлаго галстуха и надѣлъ сюртукъ, не посмотрѣвъ, узко или широко сшилъ его портной.

Онъ показался мнѣ ни низкимъ, ни высокимъ, ни сухощавымъ, ни толстымъ; лицо его не было ни исключительно румяно, ни исключительно блѣдно, но румяно-блѣдно, или блѣдно-румяно; въ лицѣ этомъ прежде всего поражали какая-то отталкивающая гордость, какое-то пренебреженіе, свойственное людямъ, чувствующимъ себя выше своего положенія, но сомнѣвающимся въ томъ, что люди признаютъ ихъ. Это не было то тайное величіе, которое можно открыть на лицѣ короля или генія, скрывшагося въ толпѣ; это было скорѣе то революціонное, болѣе или менѣе титаническое недовольство, которое замѣчается на лицахъ претендентовъ всякаго рода. Въ его осан-

кѣ, движеніяхъ, походкѣ было что-то самоувѣренное, опредѣленное, характеристичное. Не окружаетъ ли необыкновенныхъ людей сіяніе ихъ духа? Не чувствуетъ ли наше сердце присутствія этого сіянія, котораго тѣлесные глаза наши не могутъ видѣть? Очень можетъ быть, что какъ матеріальная сила грозы дѣйствуетъ на кошекъ, такъ и моральная сила, присутствующая въ людяхъ, стоящихъ выше обыкновеннаго уровня, дѣйствуетъ электрически на приближающіеся къ нимъ молодые, еще не отупѣвшіе умы. Я самъ не знаю, какъ пламенно коснулась меня искра, вылетѣвшая изъ глазъ этого человѣка, но я никогда не могъ забыть этого прикосновенія и никогда не могъ забыть доктора Берне, который пишетъ противъ комедіянтовъ.

Да, въ то время онъ былъ театральнымъ критикомъ и упражнялся на герояхъ закулиснаго міра. Въ Боннскомъ университетѣ у меня былъ товарищъ Диффенбахъ, который гдѣ бы ни встрѣтилъ собаку или кошку, сейчасъ же отрѣзывалъ ей хвостъ, чисто изъ желанія рѣзать. Слушая страшный вой несчастныхъ животныхъ, мы сильно сердились на Диффенбаха, но впослѣдствіи отъ души простили ему, такъ какъ эта страсть рѣзать сдѣлала изъ него величайшаго оператора Германіи. Точно такъ же и Берне сначала упражнялся на комедіянтахъ, и то юношеское жестокосердіе, съ которымъ онъ обращался съ разными Гейгелями, Вейднерами, Уршпрюнгами и другими невинными животными, бѣгающими съ тѣхъ поръ безъ хвостовъ, должно быть прощено ему за лучшія услуги, которыя онъ впослѣдствіи, въ качествѣ великаго политическаго оператора, оказалъ міру своею остро-отточенною критикою.

Лѣтъ десять спустя послѣ вышеупомянутой встрѣчи, имя Берне напомнилъ мнѣ Варнгагенъ-фонъ-Энзе, давшій мнѣ прочитать статьи этого человѣка, именно въ «Вѣсахъ» и «Zeitschwingen» (*). Тонъ, съ которымъ онъ рекомендовалъ мнѣ эти статьи, былъ очень значителенъ, а улыбка, появившаяся на губахъ находившейся при этомъ Рахели (**), — эта извѣстная, загадочно-тоскливая, разумно-мистическая улыбка, — придала рекомендаціи еще большій вѣсъ. Рахель повидимому знала Берне не по однимъ его литературнымъ трудамъ и, сколько я могу припомнить, увѣряла меня при этомъ случаѣ, что существуютъ письма, которыя Берне писалъ нѣкогда къ одной любимой женщинѣ и въ которыхъ его страстный высокій умъ является еще въ болѣе блистательномъ свѣтѣ, чѣмъ въ напечатанныхъ произведеніяхъ.

(*) Газеты, которыя издавалъ Берне. *Пер.*
(**) Жена Варнгагена. *Пер.*

Я началъ читать статьи Берне и отдавалъ полнѣйшую справедливость ихъ содержанію и сущности; я съ уваженіемъ относился къ оригинальности, правдѣ и вообще благородству, отличавшему ихъ, и съ тѣхъ поръ уже никогда не забывалъ автора. Мнѣ сказали, что онъ все еще живетъ во Франкфуртѣ, и когда, нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1827 г., мнѣ предстояло проѣхать черезъ этотъ городъ по пути въ Мюнхенъ, то я далъ себѣ слово посѣтить доктора Берне. Это удалось мнѣ, однакожь, только послѣ долгихъ распросовъ и блужданій по городу. Гдѣ я ни освѣдомлялся о мѣстѣ его жительства, вездѣ на меня смотрѣли съ удивленіемъ, и даже въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, его или не знали, или нисколько не заботились о немъ. Странное дѣло! Когда передъ нами упоминаютъ имя далекаго города, въ которомъ живетъ тотъ или другой великій человѣкъ, то мы невольно представляемъ себѣ этого человѣка средоточіемъ этого города, проливающимъ свои лучи даже на крыши его. Каково же наше удивленіе, когда мы пріѣзжаемъ на мѣсто, хотимъ посѣтить великаго человѣка, и только послѣ долгихъ распросовъ находимъ его въ толпѣ! Такъ путешественникъ издалека видитъ высокій шпицъ городскаго собора, но чуть онъ въѣхалъ въ самый городъ, какъ шпицъ этотъ внезапно исчезаетъ, и только послѣ странствованія по многимъ кривымъ и узкимъ переулкамъ, высокая башня снова является глазамъ, рядомъ съ обыкновенными домами и лавками, которые едва-едва не закрываютъ ее...

Я съ трудомъ узналъ этого человѣка, прежняя фигура котораго живо сохранилась въ моей памяти. Въ немъ не было теперь и слѣда гордаго недовольства и надменной суровости. Передо мной стоялъ веселый человѣчекъ, очень хилый, но не больной, съ головкой, покрытой черными приглаженными волосенками, съ щеками, на которыхъ былъ даже кусочекъ румянца, съ свѣтлокоричневыми глазами, съ задушевностью въ каждомъ взглядѣ, каждомъ движеніи, даже въ тонѣ. Одѣтъ онъ былъ въ вязаный камзольчикъ изъ сѣрой шерсти, который плотно, словно панцырь, прилегалъ къ его тѣлу и придавалъ ему какой-то смѣшно-сказочный видъ. Онъ принялъ меня съ привѣтливостью и любовью; не прошло и трехъ минутъ, какъ мы уже вели самый интимный разговоръ. О чемъ прежде всего заговорили мы? Когда сходятся кухарки, то онѣ сейчасъ же начинаютъ толковать о своихъ господахъ, а когда сходятся нѣмецкіе писатели, то первый предметъ ихъ разговора — издатели ихъ сочиненій. Вслѣдствіе этого, бесѣда наша началась сужденіемъ о Котта и Кампе, и когда я, послѣ нѣсколькихъ, обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ, жалобъ, засвидѣтельствовалъ добрыя качества послѣдняго, тогда Берне сообщилъ мнѣ, что онъ хочетъ разрѣшиться отъ бремени изданіемъ пол-

наго собранія своихъ сочиненій, и желалъ бы залучить для этого предпріятія Кампе...

По окончаніи толковъ объ издателяхъ, начались взаимные комплименты двухъ писателей, разговаривающихъ между собою въ первый разъ. Я прохожу молчаніемъ то, что Берне говорилъ о моемъ превосходствѣ передъ нимъ и упомяну только о маленькомъ порицаніи, которое онъ по временамъ впускалъ, капля по каплѣ, въ пѣнящуюся чашу восхваленія. Именно, онъ не задолго до того прочелъ вторую часть «Reisebilder» и былъ недоволенъ тѣмъ, что о разныхъ возвышенныхъ предметахъ я говорилъ съ неуваженіемъ, между тѣмъ какъ къ Наполеону, который все-таки былъ никто иной, какъ смертный, относился съ слишкомъ большимъ почтеніемъ. Такимъ образомъ, деистъ и либералъ уже теперь ясно явились мнѣ въ лицѣ Берне. По видимому онъ не совсѣмъ долюбливалъ Наполеона, однакожь, помимо своего вѣдома, въ душѣ высоко чтилъ его. Онъ возмущался, напримѣръ, тѣмъ, что чужеземцы такъ невеликодушно свергнули статую Наполеона съ Вандомской колонны.

— Ахъ! вскричалъ онъ съ горькимъ вздохомъ: — они могли спокойно оставить его статую на прежнемъ мѣстѣ, имъ слѣдовало только прибить къ ней дощечку съ надписью: «осьмнадцатое брюмера» — и вандомская колонна сдѣлалась бы его заслуженнымъ позорнымъ столбомъ! Какъ любилъ я этого человѣка до осьмнадцатаго брюмера! даже до мира въ Кампо-Форміо я былъ расположенъ къ нему; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, цѣнность его стала упадать все ниже и ниже.

— Еще сегодня утромъ,—продолжалъ Берне:—я удивлялся ему, когда вотъ въ этой книгѣ, лежащей на моемъ столѣ—онъ указалъ на «Исторію революціи» Тьера—читалъ превосходный анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ въ Удино имѣлъ свиданіе съ Кобенцелемъ, и въ жару разговора разбилъ фарфоръ, который Кобенцель получилъ нѣкогда въ подарокъ отъ Екатерины, и, конечно, очень любилъ. Этотъ разбитый фарфоръ былъ, можетъ быть, причиною Кампо-формійскаго мира. Кобенцель, вѣроятно, думалъ при этомъ: «у моего императора очень много фарфора, и если этотъ молодецъ поѣдетъ въ Вѣну и воспламенится во время разговора, то, пожалуй, можетъ случиться несчастіе: заключу-ка я лучше съ нимъ миръ». По всей вѣроятности, въ ту минуту, когда въ Удино фарфоровый сервизъ Кобенцеля летѣлъ на полъ и разбился въ дребезги, — въ Вѣнѣ дрожалъ весь фарфоръ, и дрожали не только кофейники и чашки, но и китайскія пагоды; можетъ быть, они кивали головами сильнѣе, чѣмъ когда либо, и мирный договоръ былъ ратификованъ. На картинахъ, выставлен-

ныхъ въ магазинахъ эстамповъ Наполеонъ изображается обыкновенно или взлетающимъ на быстромъ конѣ на Симплонъ, или взмывающимся на мостъ въ Лоди съ развѣвающимся знаменемъ, и т. п. Но если бы я былъ живописецъ, то изобразилъ бы его въ ту минуту, какъ онъ разбиваетъ фарфоръ Кобенцеля. Это былъ одинъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ его. Съ тѣхъ поръ многіе сильные міра стали бояться за свой фарфоръ, и особенно сильно опасались берлинцы за свою огромную фарфоровую фабрику. Вы не можете себѣ представить, любезнѣйшій Гейне, въ какомъ смиреніи держитъ человѣка обладаніе дорогимъ фарфоромъ. Посмотрите напримѣръ на меня: я былъ совершенно необузданный человѣкъ, когда у меня было мало вещей и ни кусочка фарфора. Съ пріобрѣтеніемъ собственности,—и въ добавокъ, пріобрѣтеніемъ преступнымъ, — являются страхъ и рабство. Еще недавно я имѣлъ несчастіе пріобрѣсть себѣ отличный чайный сервизъ; чайникъ былъ удивительно красиво вызолоченъ, на сахарницѣ было изображено супружеское счастіе въ видѣ лобызающейся четы, на одной чашкѣ — башня св. Екатерины, на другой — гауптвахта, на остальныхъ — все родные ландшафты. Теперь я постоянно льщусь мыслью, что мнѣ вдругъ придется бѣжать. Какъ тогда успѣю я упаковать всѣ эти чашки, и особенно большой чайникъ? При поспѣшной упаковкѣ они могутъ разбиться, а оставить ихъ я не желалъ бы ни въ какомъ случаѣ. Да, мы, люди, странные чудаки! Тотъ самый человѣкъ, который для сохраненія свободы въ мнѣніяхъ рискнетъ, можетъ быть, спокойствіемъ и радостью своей жизни, и даже самою жизнью,—не захочетъ потерять какія нибудь двѣ-три чашки, и чтобы сохранить свой чайникъ, останется безмолвнымъ рабомъ. Право, я чувствую, какъ этотъ проклятый фарфоръ давитъ меня въ то время, какъ я пишу; я становлюсь такимъ кроткимъ, такимъ осторожнымъ, такимъ боязливымъ... Наконецъ, я прихожу къ убѣжденію, что купецъ, продавшій мнѣ этотъ сервизъ, былъ австрійскій полицейскій агентъ, и что Меттернихъ навязалъ мнѣ на шею этотъ фарфоръ, чтобы укротить меня. Да, да, вотъ отчего онъ такъ дешево достался мнѣ, и вотъ отчего купецъ такъ краснорѣчиво уговаривалъ меня купить его. Ахъ, сахарница съ супружескимъ счастіемъ была такая соблазнительная штука! И чѣмъ болѣе я смотрю на свой фарфоръ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ перешелъ ко мнѣ именно отъ Меттерниха! Я очень сердитъ на него за то, что меня стараются соблазнить такимъ путемъ. Когда противъ меня употребляютъ умныя средства, тогда я ни мало не злюсь; только неуклюжесть и глупость для меня невыносимы. Нашъ же франкфуртскій сенатъ...

У меня есть свои причины на то, чтобы не передавать дальнѣй-

шихъ словъ Берне; замѣчу только, что въ концѣ своей рѣчи онъ добродушно засмѣялся и воскликнулъ:

— Но я еще достаточно силенъ для того, чтобы разбить мои фарфоровыя оковы, и пусть только попробуютъ разгорячить меня—красивый вызолоченный чайникъ полетитъ за окно вмѣстѣ съ сахарницей, и супружескимъ счастіемъ, и башней св. Екатерины, и гауптвахтой, и родными ландшафтами, и я снова сдѣлаюсь такимъ же свободнымъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде!

Юморъ Берне, живой образчикъ котораго я только что привелъ, отличался отъ юмора Жанъ-Поль-Рихтера тѣмъ, что этотъ послѣдній любилъ касаться самыхъ отдаленныхъ предметовъ, между тѣмъ какъ первый, точно веселое дитя, кидался только на то, что лежало очень близко подлѣ него. Въ то время, какъ фантазія Жанъ-Поля рылась по кладовымъ всѣхъ временъ и, обутая въ семимильные сапоги, тащилась по всѣмъ странамъ земнаго шара, — Берне обращалъ вниманіе только на настоящій день, и предметы, занимавшіе его, всѣ помѣщались въ томъ пространствѣ, которое могъ обнять его взоръ. Онъ разсуждалъ о книгѣ, только что прочитанной, о событіи, только что случившемся, о камнѣ, на который онъ только что натнулся, о Ротшильдѣ, мимо дома котораго ежедневно проходилъ, о союзномъ сеймѣ, который онъ могъ ненавидѣть во всѣхъ мѣстахъ его пребыванія... И въ заключеніе, мысли его непремѣнно возвращались къ Меттерниху. Его негодованіе противъ Гёте происходило, можетъ быть, также изъ мѣстныхъ источниковъ; я говорю источниковъ, а не причинъ, потому что если Берне обратилъ вниманіе на Гёте прежде всего потому, что Франкфуртъ былъ родиною того и другаго, то ненависть, которую онъ питалъ къ Гёте, и которая разгоралась въ немъ все болѣе и болѣе, была все-таки только необходимымъ слѣдствіемъ того глубокаго различія, которое лежало въ природѣ этихъ двухъ людей. Тутъ дѣйствовала не мелочная зависть, а безкорыстная антипатія, повиновавшаяся врожденному влеченію; это была та вражда, которая, будучи стара какъ самъ міръ, проявляется въ продолженіи всей исторіи человѣческаго рода и самымъ рѣзкимъ образомъ обнаружилась въ борьбѣ европейскаго спиритуализма съ эллинскою чувственностью, — борьбѣ, которая до сихъ поръ еще не окончилась, и, можетъ быть, никогда не кончится...

Въ это время, только что появилось сочиненіе Вольфганга Менцеля, и Берне ребячески радовался тому, что нашелся человѣкъ, отважившійся такъ безстрашно выступить противъ Гёте.

— Страхъ передъ авторитетами, наивно замѣтилъ онъ: — всегда мѣшалъ мнѣ высказать печатно то же самое. Вотъ Менцель такъ не побоялся: онъ честный человѣкъ и ученый; съ нимъ вамъ слѣдовало

бы познакомиться, онъ доставилъ намъ много радостей; у него много отваги, онъ глубоко честный человѣкъ и великій ученый! Въ сравненіи съ нимъ Гёте ничто: онъ трусъ, льстивый рабъ и дилеттантъ.

Къ этой темѣ онъ еще нѣсколько разъ возвращался; я долженъ былъ дать ему слово, что навѣщу Менцеля въ Штутгартѣ; онъ сейчасъ же написалъ мнѣ рекомендательное письмо къ нему и еще разъ горячо сказалъ: «Онъ очень храбръ, онъ необыкновенно храбръ, онъ отличный, глубоко честный человѣкъ и великій ученый!»

Какъ въ мнѣніи о Гёте, такъ и въ сужденіи о другихъ писателяхъ, Берне высказалъ свою еврейскую ограниченность. Я говорю «еврейскую» совсѣмъ не для обозначенія вѣроисповѣданія, а для выраженія міросозерцанія. Для меня этотъ терминъ представляетъ противоположность слову «Эллины», подъ которымъ я тоже понимаю совсѣмъ не народъ, а столько же врожденное, сколько развитое образованіемъ направленіе ума и воззрѣніе на вещи. Въ этомъ смыслѣ я могъ бы сказать: всѣ люди или «евреи» или эллины, т. е. люди или съ побужденіями, враждебными образности, жадными къ одухотворенію, или съ веселымъ, гордымъ и реалистическимъ характеромъ. Такимъ образомъ эллины повременамъ встрѣчались въ нѣмецкихъ пасторскихъ семействахъ, и съ другой стороны, были «евреи», родившіеся въ Аѳинахъ и, можетъ быть, происходившіе отъ Тезея. Можно справедливо сказать, что не борода дѣлаетъ человѣка евреемъ. Берне былъ вполнѣ «еврей»: его антипатія къ Гёте истекала изъ этого его духа; его позднѣйшая политическая экзальтація имѣла основаніемъ тотъ рѣзкій аскетизмъ, то стремленіе къ мученичеству, которыя вообще встрѣчаются въ республиканцахъ, и которыя они называютъ республиканскими добродѣтелями. Впослѣдствіи Берне даже впалъ почти въ католицизмъ, онъ братался съ священникомъ Ламенэ и заговорилъ въ самомъ капуцинскомъ тонѣ, когда однажды ему пришлось печатно высказать свое мнѣніе объ одномъ преемникѣ Гёте, пантеистѣ съ радостнымъ воззрѣніемъ на жизнь. Психологически замѣчательно, какъ въ душѣ Берне, мало по малу, всплыло на верхъ врожденное католичество, остававшееся до тѣхъ поръ подавленнымъ его рѣзкимъ умомъ и веселостью. Я говорю веселостью — gaité, а не радостью — joie; «евреи» бываютъ иногда въ рѣзвомъ, веселомъ расположеніи духа; это остроумная, кошачья рѣзвость, граціозно-капризная, милая, даже блестящая, но за которою скоро наступаетъ тупая меланхолія; этимъ людямъ недостаетъ величія въ наслажденіи жизнью...

Но если съ нашей точки зрѣнія, между «евреями» всѣхъ оттѣнковъ нѣтъ большаго различія, то оно тѣмъ рѣзче существуетъ въ міросозерцаніи франкфуртскихъ филистеровъ; о невыгодахъ, проис-

текающихъ изъ этого различія, Берне говорилъ очень много и очень часто въ продолженіи трехъ дней, которые я, изъ угожденія къ нему, провелъ въ вольномъ имперскомъ и торговомъ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ.

Да, онъ съ комическою добротою вынудилъ у меня обѣщаніе подарить ему три дня изъ моей жизни, онъ не отпускалъ меня отъ себя, и я долженъ былъ бѣгать съ нимъ по городу, посѣщать разныхъ пріятелей его, а также и пріятельницъ...

Въ замѣчательныхъ людяхъ меня интересуетъ не столько предметъ ихъ любви, сколько самое чувство любви. Это послѣднее, какъ мнѣ извѣстно, въ Берне было развито въ сильной степени. Какъ въ послѣдствіи, при чтеніи полнаго собранія его сочиненій, такъ и теперь во Франкфуртѣ, изъ нѣкоторыхъ намековъ я замѣтилъ, что Берне въ разное время своей жизни былъ не разъ сильно уязвленъ маленькимъ божкомъ. Особенно хорошо были знакомы ему муки ревности, такъ какъ вообще ревность лежала въ его характерѣ и заставляла его смотрѣть на всѣ явленія сквозь жалкія очки недовѣрія. Я только что упомянулъ, что Берне, въ разное время своей жизни, испытывалъ страданія любви.

— Ахъ! сказалъ онъ мнѣ разъ, вздохнувъ какъ бы изъ глубины болѣзненныхъ воспоминаній: — въ зрѣлые годы эта страсть гораздо опаснѣе, чѣмъ въ молодые. Этому трудно повѣрить, такъ какъ съ годами развивается въ человѣкѣ и разсудокъ, а онъ могъ бы поддержать насъ въ борьбѣ съ страстью. Жалкая поддержка! Замѣтьте себѣ: разсудокъ помогаетъ намъ побороть только тѣ маленькія прихоти, которыя мы поборели бы и безъ его вмѣшательства. Но какъ только нашимъ сердцемъ овладѣетъ великая, истинная страсть, которую слѣдовало бы одолѣть ради положительнаго вреда, которымъ она грозитъ намъ, — разсудокъ не оказываетъ никакой помощи; мало того, эта каналья дѣлается союзникомъ нашего врага и вмѣсто того, чтобы защищать наши матеріальные или нравственные интересы, даетъ взаймы врагу всю свою логику, всѣ свои силлогизмы, всѣ свои софизмы, и въ руки нѣмого безумія кладетъ оружіе слова. Разсудокъ, именно потому, что онъ разсудителенъ, всегда становится на сторону сильнаго, на сторону страсти и тотчасъ же оставляетъ ее, какъ только вліяніе времени или законъ реакціи сломятъ ея силу. И какъ потомъ издѣвается онъ надъ чувствами, которыя незадолго до того оправдывалъ съ такимъ жаромъ! Любезный другъ, никогда не довѣряйте въ страсти голосу разсудка, а когда страсть потухла, тоже не довѣряйте ему и не будьте несправедливы къ вашему сердцу!..

Берне хотѣлъ показать мнѣ достопримѣчательности Франкфурта и бѣгалъ рядомъ со мною по улицамъ самою добродушною рысцой,

въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Удивительно странный видъ придавали ему его коротенькій плащъ и бѣлая шляпенка, на половину обвитая черным крепомъ. Черный крепъ означалъ смерть его отца, который при жизни поступалъ въ отношеніи къ сыну крайне скаредно, а теперь разомъ оставилъ ему много денегъ. Въ то время Берне повидимому еще носилъ въ себѣ пріятныя ощущенія такой перемѣны счастія и вообще находился въ зенитѣ комфорта. Онъ даже жаловался на свое здоровье, т. е. онъ жаловался, что съ каждымъ днемъ становится здоровѣе и что съ увеличеніемъ физическаго благосостоянія уменьшаются его умственныя способности. «Я слишкомъ здоровъ и не могу больше ничего писать», говорилъ онъ шутя, а можетъ быть и серьезно, потому что у подобныхъ натуръ талантъ зависитъ отъ извѣстнаго болѣзненнаго состоянія, отъ извѣстной раздражительности, усиливающей въ нихъ способъ воспринятія и выраженія ощущеній и исчезающей съ возвращеніемъ здоровья. «Онъ долечилъ меня до глупости», сказалъ Берне о своемъ докторѣ, къ которому онъ свелъ меня и у котораго мы съ нимъ отобѣдали.

Предметы, съ которыми Берне приходилъ въ случайное соприкосновеніе, не только просто занимали его въ данную минуту, но дѣйствовали также непосредственно на расположеніе его духа, и въ непосредственной связи съ ихъ измѣненіемъ находилось хорошее или дурное настроеніе его. Какъ море отражаетъ въ себѣ цвѣтъ проносящихся надъ нимъ облаковъ, такъ на душѣ Берне отпечатлѣвались всѣ предметы, встрѣчавшіеся ему на пути: видъ красивыхъ садовъ или рѣзвыхъ дѣвушекъ, весело проходившихъ мимо насъ, бросалъ на душу Берне точно розовый свѣтъ, и отраженіе его проявлялось въ блестящемъ остроуміи. Но когда мы вошли въ еврейскій кварталъ, черные дома его, казалось, бросили свою мрачную тѣнь на расположеніе духа Берне.

— Взгляните на эту улицу, заговорилъ онъ со вздохомъ: — и попробуйте-ка сказать что нибудь въ похвалу среднимъ вѣкамъ! Люди, жившіе и плакавшіе на этихъ мѣстахъ, умерли и не могутъ дѣлать возраженій, когда наши сумасшедшіе поэты и еще болѣе сумасшедшіе историки, когда дураки и плуты восторгаются печатно древнимъ великолѣпіемъ; но гдѣ молчатъ мертвые люди, тамъ тѣмъ явственнѣе говорятъ живые камни.

Дѣйствительно, дома этой улицы смотрѣли на меня такъ, какъ будто хотѣли разсказать мнѣ мрачныя исторіи, — исторіи, которыя хорошо знаешь, но не хочешь знать или желаешь лучше забыть, чѣмъ возобновлять въ памяти. Такъ помню я одинъ высокій домъ, черныя трубы котораго выступали тѣмъ рѣзче, что подъ окнами его висѣлъ цѣлый рядъ бѣлыхъ, какъ мѣлъ, сальныхъ свѣчей; во-

рота, на половину загороженныя заржавѣвшими желѣзными прутьями, вели въ темные, пустые покои, гдѣ сырость повидимому ручьями текла по стѣнамъ, а изъ внутреннихъ комнатъ доносилось къ намъ въ высшей степени странное, гнусливое пѣнье. Разбитый голосъ принадлежалъ, какъ казалось, старику, а напѣвъ его пѣсни начинался съ самыхъ кроткихъ, жалобныхъ звуковъ и потомъ мало по малу доходилъ до страшно-гнѣвныхъ аккордовъ.

— Что это за пѣсня? спросилъ я у Берне.

— Это хорошая пѣсня, отвѣчалъ онъ съ злобнымъ смѣхомъ: — удивительное лирическое произведеніе, подобное которому врядъ ли найдется въ альманахѣ музъ на нынѣшній годъ... Вы, можетъ быть, знаете его по нѣмецкому переводу: «Мы сидѣли на рѣкахъ вавилонскихъ, наши арфы висѣли па плакучихъ ивахъ» и т. д. Удивительное стихотвореніе! и старый рабби Хаймъ очень хорошо поетъ его своимъ дребезжащимъ, истощеннымъ голосомъ; Зонтагъ пропѣла бы, можетъ быть, звучнѣе его, но у нея не было бы столько выраженія, столько чувства... Потому что этотъ старикъ все еще ненавидитъ вавилонянъ и до сихъ поръ каждый день плачетъ о погибели Іерусалима отъ руки Навуходоносора... Этого несчастія онъ никакъ не можетъ забыть, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ случилось столько новаго и что еще недавно второй храмъ былъ разрушенъ злодѣемъ Титомъ. Я долженъ вамъ замѣтить, что старый рабби Хаймъ смотритъ на Тита отнюдь не какъ на delicium generis humani, а какъ на злодѣя, котораго также постигло мщеніе Бога... Именно, къ нему въ носъ влетѣлъ маленькій комаръ, который малу по малу разросся тамъ, сталъ царапать когтями по мозгу и причинилъ Титу такую безмѣрную боль, что онъ только тогда получалъ нѣкоторое облегченіе, когда нѣсколько сотъ кузнецовъ колотили подлѣ него по наковальнямъ. Удивительно, что такой плачевный конецъ постигаетъ всѣхъ враговъ дѣтей Израиля. Какъ покончилъ Навуходоносоръ — это вы знаете: онъ на старости лѣтъ превратился въ быка и долженъ былъ ѣсть траву. Посмотрите напримѣръ на персидскаго министра Амана — развѣ его наконецъ не повѣсили въ Сузѣ, столицѣ? А Антіохъ, царь сирійскій, развѣ не пропалъ отъ вшивой болѣзни? Это все слѣдовало бы принять во вниманіе позднѣйшимъ злодѣямъ, врагамъ евреевъ... Только что въ этомъ проку! страшные примѣры не устрашаютъ ихъ, и еще на дняхъ я читалъ новую брошюру противъ евреевъ, написанную однимъ профессоромъ философіи, который называетъ себя Magis amica. Когда нибудь будетъ онъ питаться травой, быкъ онъ уже и безъ того, отъ природы, очень можетъ быть, что его и повѣситъ, если онъ оскорбитъ любимую султаншу, а вшей у него вѣрно и теперь много, какъ у Антіоха. Лучше всего я желалъ

бы, чтобъ онъ отправился въ морское путешествіе и потерпѣлъ кораблекрушеніе на сѣверо-африканскомъ берегу. Я недавно читалъ, что магометане, живущіе тамъ, считаютъ себя въ правѣ, на основаніи своей религіи, третировать какъ рабовъ всѣхъ христіанъ, которые претерпѣли кораблекрушеніе въ ихъ странѣ и попадаютъ въ ихъ руки. Они распредѣляютъ между собою этихъ несчастныхъ и употребляютъ ихъ въ дѣло сообразно съ ихъ способностями. Такъ еще недавно одинъ англичанинъ, посѣтивъ этотъ берегъ, нашелъ тамъ одного нѣмецкаго ученаго, который, претерпѣвъ кораблекрушеніе, былъ обращенъ въ раба, но оказался годнымъ только на то, чтобы высиживать яйца, подкладывавшіяся подъ него. Очень бы я желалъ, чтобы докторъ Magis amica попалъ въ точно такое же положеніе; заставь его посидѣть не вставая недѣли три на яйцахъ (а если на утиныхъ яйцахъ, такъ и четыре недѣли), навѣрное у него въ головѣ явились бы совершенно новыя для него мысли, и я увѣренъ, что онъ проклялъ бы фанатизмъ, подвергающій униженію въ Европѣ іудеевъ, а въ Африкѣ — христіанъ, и осмѣливающійся даже превращать доктора наукъ въ наседку... Цыплята, которыхъ онъ высиживаетъ, будутъ имѣть очень толерантный вкусъ, особенно когда ихъ будутъ подавать съ соусомъ à la Marengo.

По весьма понятнымъ причинамъ я пропускаю здѣсь замѣчанія, которыми мой собесѣдникъ сыпалъ съ озлобленіемъ въ то время, когда мы, странствуя по Франкфурту, проходили мимо того дома, гдѣ происходятъ засѣданія союзнаго сейма. Часовой, вытянувшись какъ должно, спалъ сладкимъ послѣобѣденнымъ сномъ, а ласточки, свившія свои мирныя гнѣзда на карнизахъ дома, безмятежно летали вверхъ и внизъ. Ласточки означаютъ счастье, увѣряла моя бабушка. Она была очень суевѣрна.

Отъ угла Schnurgasse до биржи намъ пришлось порядочно потолкаться; тутъ проходитъ золотая жила города, тутъ благородное торговое сословіе собирается, спекулируетъ и изъясняется на своемъ нарѣчіи, которое мы въ сѣверной Германіи называемъ Mauscheln. Это Mauscheln есть ничто иное, какъ собственно франкфуртское туземное нарѣчіе, и необрѣзанное населеніе говоритъ на немъ такъ же превосходно, какъ и обрѣзанное. Берне выражался на этомъ жаргонѣ очень плохо, хотя онъ, точно такъ же, какъ Гёте, никогда не могъ совершенно отречься отъ туземнаго діалекта. Я замѣтилъ, что франкфуртцы, державшіеся въ сторонѣ отъ всѣхъ торговыхъ интересовъ, наконецъ совершенно позабывали то франкфуртское нарѣчіе, которое, какъ я сказалъ, въ сѣверной Германіи называютъ Mauscheln.

Немного дальше, при выходѣ изъ Saalgasse, мы встрѣтились съ болѣе пріятнымъ зрѣлищемъ. Именно, мы увидѣли группу дѣтей,

шедшихъ изъ училища, — милыхъ мальчиковъ съ розовыми личиками и связками книгъ подъ мышками.

— Къ этимъ ребятамъ, сказалъ Берне: — я питаю гораздо больше уваженія, чѣмъ къ ихъ отцамъ. Вотъ этотъ мальчуганъ съ высокимъ лбомъ думаетъ, можетъ быть, теперь о второй пунической войнѣ, и съ восторгомъ относится къ Аннибалу, и когда ему сегодня разсказывали, какъ великій кароагенянинъ уже въ дѣтствѣ поклялся истить римлянамъ,—то я пари держу, что его маленькое сердце повторило эту клятву... Ненависть и проклятіе злому Риму! Сдержи свою клятву, мой маленькій соратникъ! Такъ бы я и расцаловалъ этого отличнаго мальчишку! А вотъ и другой ребенокъ, съ такимъ хищнымъ выраженіемъ на красивомъ личикѣ,—этотъ думаетъ, можетъ быть, о Митридатѣ, и желалъ бы когда нибудь подражать ему... Чтожь, и это хорошо, даже очень хорошо, и я вполнѣ тебя одобряю. Только, душа моя, съумѣешь ли ты проглотить ядъ, подобно старому понтійскому царю? Пріучайся къ этому заранѣе! Кто хочетъ воевать съ Римомъ, тотъ долженъ умѣть переносить всевозможные яды,не только грубый арсеникъ, но и усыпляющій, фантастическій опіумъ, и даже крадущуюся по жиламъ aqua toffana клеветы! А какъ вамъ нравится этотъ мальчикъ съ такими длинными ногами и такъ сердито вздернутымъ носикомъ? Этого, можетъ быть, такъ и подмываетъ сдѣлаться Катилиной, у него тоже длинные пальцы, и когда нибудь онъ доставитъ нашимъ Цицеронамъ случай одолѣть его длинными, скверными рѣчами. А вотъ тотъ, бѣдный болѣзненный мальчикъ, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе согласился бы разыграть роль Брута... Бѣдный ребенокъ! ты долженъ будешь довольствоваться закалываніемъ словами нѣкоторыхъ старыхъ париковъ, и наконецъ, бросишься не на мечъ, а на Шеллингову философію, и сойдешь съ ума! Я питаю уваженіе къ этимъ малюткамъ, которые цѣлый день интересуются самыми великими исторіями человѣчества, между тѣмъ, какъ ихъ отцы занимаются только повышеніемъ или пониженіемъ курса государственныхъ бумагъ и думаютъ только о кофе, кошенили и мануфактурныхъ товарахъ! Я бы не прочь купить теперь маленькому Бруту сахарныхъ кренделей... или нѣтъ, я лучше опоилъ бы его водкой, чтобъ онъ остался маленькимъ... Только до тѣхъ поръ, пока мы не выросли, душа наша полна безкорыстія, мужества, героизма... По мѣрѣ того, какъ ростетъ тѣло, съеживается душа... Я испытываю это на самомъ себѣ... Ахъ, я былъ великій человѣкъ въ то время, когда былъ маленькимъ мальчикомъ!

Когда мы поровнялись съ «Римскою Горою» (Römerberg), Берне хотѣлъ ввести меня въ старый императорскій дворецъ и показать мнѣ золотую буллу.

— Я еще никогда не видалъ ее, сказалъ онъ со вздохомъ: — а между тѣмъ съ самаго дѣтства питалъ тайное стремленіе къ этой золотой буллѣ. Ребенкомъ я составлялъ себѣ о ней самое причудливое понятіе и считалъ ее коровой съ золотыми рогами; потомъ я вообразилъ себѣ, что она теленокъ, и только сдѣлавшись большимъ мальчикомъ, узналъ правду, — именно, что она кусокъ старой кожи, никуда не годный кусокъ пергамента. Нѣтъ, лучше не будемъ смотрѣть на этотъ жалкій контрактъ, погубившій Германію; я хочу умереть, не увидѣвъ золотой буллы.

Здѣсь я пропускаю нѣкоторыя горькія замѣчанія. Была тема, которую стоило только тронуть, чтобъ вызвать наружу самыя бурныя и болѣзненныя мысли, бродившія въ душѣ Берне; эта тема была Германія и политическое состояніе нѣмецкаго народа. Берне былъ патріотъ отъ головы до пятокъ, и отчизна составляла предметъ всей любви его.

Въ тотъ же самый вечеръ мы снова проходили по еврейской улицѣ, и разговоръ снова зашелъ объ обитателяхъ ея; теперь Берне былъ очень веселъ, потому что эта улица, представлявшая днемъ такой мрачный видъ, была ярко иллюминована, и дѣти Израиля, какъ объяснилъ мнѣ мой чичероне, праздновали свой веселый праздникъ лампадъ. Праздникъ этотъ былъ учрежденъ въ вѣчное воспоминаніе побѣды, которую Маккавеи такъ геройски одержали надъ царемъ сирійскимъ.

— Видите ли, сказалъ Берне: — это—18 октября евреевъ, съ тою разницею, что этому маккавейскому 18 октября уже двѣ тысячи лѣтъ, и оно до сихъ поръ празднуется, тогда какъ лейпцигское 18 октября не прожило еще пятнадцати лѣтъ и уже совсѣмъ забыто. Нѣмцамъ слѣдовало бы ходить въ школу къ старухѣ Ротшильдъ, чтобы учиться у нея патріотизму. Видите этотъ маленькій домъ: въ немъ живетъ эта старуха, Легиція, родившая столькихъ финансовыхъ Бонапартовъ, эта бабушка всѣхъ займовъ, которая, однако, не смотря на всемірное господство своихъ царственныхъ сыновей, не хочетъ покинуть своего маленькаго родоваго замка въ еврейской улицѣ и сегодня, по случаю большаго радостнаго праздника, украсила свои окна бѣлыми занавѣсами. Какъ весело горятъ лампы, которыя она засвѣтила собственными руками, чтобы отпраздновать тотъ великій день, когда Іуда Маккавей и его братья освободили свое отечество такъ же храбро и геройски, какъ въ наши дни — Фридрихъ Вильгельмъ, Францъ II. Когда добрая старушка смотритъ на свои лампы, то слезы выступаютъ на ея старыхъ глазахъ, и она съ тоскливымъ блаженствомъ вспоминаетъ время, когда дорогой мужъ ея, покойный Мейеръ Амшель Ротшильдъ, праздновалъ съ нею этотъ праздникъ, а сыновья ея были

еще маленькими дѣтьми и приклеивали къ полу маленькія свѣчи, и съ дѣтскою радостью прыгали по комнатѣ, какъ это водится у сыновъ Израиля!

— Старикъ Ротшильдъ, продолжалъ Берне: — родоначальникъ династіи, былъ отличный человѣкъ, олицетвореніе набожности и добросердечія. У него было кроткое лицо съ острою бородкою, на головѣ всегда красовалась треугольная шляпа; платье онъ носилъ болѣе, чѣмъ скромное—почти бѣдное. Въ такомъ видѣ онъ ходилъ по Франкфурту, постоянно окруженный, точно придворнымъ штатомъ, бѣдными людьми, которымъ онъ раздавалъ милостыню или добрые совѣты; когда на улицѣ встрѣчался рядъ нищихъ съ утѣшенными и довольными лицами, то это было знакомъ, что тутъ только что прошелъ старикъ Ротшильдъ. Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ и однажды въ пятницу вечеромъ шелъ по еврейской улицѣ, на встрѣчу намъ попался старикъ Ротшильдъ, только что вышедшій изъ синагоги; я помню, что онъ, поговоривъ съ моимъ отцомъ, сказалъ и мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ и потомъ положилъ мнѣ на голову руку, чтобы благословить меня. Я убѣжденъ, что этому благословенію Ротшильда я обязанъ тѣмъ, что впослѣдствіи, не смотря на то, что я сдѣлался нѣмецкимъ писателемъ, деньги никогда не выходили у меня изъ кармана.

Не могу не сдѣлать здѣсь замѣчанія, что Берне всегда жилъ въ довольствѣ, и что его позднѣйшій ультра-либерализмъ отнюдь нельзя было приписать, какъ у многихъ патріотовъ, озлобленію, происходящему отъ бѣдности. Не смотря на свое богатство — я говорю богатство, имѣя въ виду ограниченность его потребностей, — онъ питалъ глубочайшую ненависть къ богатымъ людямъ. Не смотря на то, что благословеніе отца лежало на его головѣ, онъ ненавидѣлъ сыновей— сыновей Мейера Амшеля Ротшильда.

Я не стану разсуждать здѣсь о томъ, на сколько личныя свойства этихъ людей оправдывали эту ненависть; я разсмотрю этотъ вопросъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мнѣ хочется только замѣтить, что наши нѣмецкіе проповѣдники свободы поступаютъ столько же несправедливо, сколько глупо, когда такъ озлобленно и кровожадно возстаютъ на домъ Ротшильда за его политическое значеніе, его вліяніе на народные интересы, словомъ, за его общественный характеръ. Никто не содѣйствуетъ народному дѣлу такъ, какъ именно домъ Ротшильда... и, что можетъ показаться еще болѣе страннымъ, такъ это то, что Ротшильды носятъ въ душѣ сознаніе такого своего назначенія. Особенно это замѣтно на человѣкѣ, который извѣстенъ подъ негромкимъ именемъ барона Джемса и въ лицѣ котораго теперь, послѣ смерти его сіятельнаго брата англійскаго, резюмирова-

лось все политическое значеніе дома Ротшильда. Этотъ Неронъ финансоваго міра, построившій себѣ въ улицѣ Лафиттъ золотой дворецъ и неограниченно повелѣвающій оттуда биржами, подобно своему предшественнику, римскому Нерону, является насильственнымъ разрушителемъ привилегированнаго патриціата и основателемъ новой демократіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ однажды былъ въ хорошемъ расположеніи духа и шлялся со мною по улицамъ Парижа рука объ руку, совершенно фамильонерно, какъ сказалъ бы Гиршъ Гіацинтъ (*); тутъ баронъ Джемсъ довольно ясно растолковалъ мнѣ, какъ онъ своею системою государственныхъ бумагъ, такъ сказать, открылъ дорогу общественному прогрессу Европы.

— Для основанія новаго порядка вещей, сказалъ онъ мнѣ: — необходимо стеченіе значительныхъ людей, сообща занимающихся этими вещами. Такіе люди въ прежнее время жили доходомъ отъ своихъ имѣній или должностей, и вслѣдствіе этого никогда не были совершенно свободны, а напротивъ того, оставались постоянно прикованными къ какой нибудь отдаленной поземельной собственности, или къ какому нибудь мѣстному правительственному учрежденію; теперь же система государственныхъ бумагъ даетъ этимъ людямъ возможность свободно выбирать для себя мѣсто жительства; они могутъ, ничего не дѣлая, жить гдѣ имъ угодно процентами съ своихъ государственныхъ бумагъ, своего карманнаго состоянія. Они сходятся вмѣстѣ и образуютъ то, что составляетъ собственно силу столицъ. А до какой степени важно имѣть такую общую резиденцію самыхъ разнообразныхъ силъ, такую централизацію умственныхъ и соціальныхъ авторитетовъ, это достаточно извѣстно. Безъ Парижа, во Франціи никогда ничего не было бы; только въ Парижѣ столько отличныхъ умовъ могли найти пути и средства для того, чтобы вести болѣе или менѣе беззаботную жизнь, сообщаться другъ съ другомъ и т. д. Но это благопріятное положеніе вещей было вызвано въ Парижѣ мало по малу, цѣлыми вѣками, между тѣмъ какъ система рентъ, несомнѣнно, сдѣлала бы Парижъ Парижемъ гораздо скорѣе. Слѣдовательно нѣмцамъ, которые желали бы имѣть у себя такую же столицу, никакъ не слѣдуетъ жаловаться на систему рентъ: она централизируетъ, она даетъ многимъ возможность жить тамъ, гдѣ они сами пожелаютъ, и оттуда давать человѣчеству полезные толчки...

Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ Ротшильдъ на результаты своей дѣятельности. Я совершенно согласенъ съ его взглядами. Ротшильдъ разрушилъ верховное господство поземельной собственности возведеніемъ системы государственныхъ бумагъ на высшую степень

(*) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ Гейневыхъ «Reisebilder». *Перев.*

могущества, мобилизированіемъ большихъ имѣній и доходовъ и, такъ сказать, пожалованіемъ деньгамъ тѣхъ преимуществъ, которыя прежде принадлежали поземельной собственности. Конечно, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основалъ и новую аристократію, но эта послѣдняя, какъ основанная на деньгахъ, — самой непрочной стихіи, — никогда не можетъ имѣть такое продолжительное вліяніе, какое имѣла прежняя аристократія, пускавшая корни въ почвѣ, въ самой землѣ. Деньги текучѣе воды, воздушнѣе воздуха, и стоитъ только подумать о непрочности нынѣшней денежной аристократіи, чтобы отъ души простить ей ея дерзкое обращеніе съ людьми.

Впрочемъ, все это не идетъ здѣсь къ дѣлу; главнымъ предметомъ этихъ страницъ служитъ двигатель не такого большаго размѣра — Людвигъ Берне. Этотъ послѣдній, какъ мы съ сожалѣніемъ замѣтили, питалъ сильнѣйшую ненависть къ Ротшильдамъ, и когда мы проходили съ нимъ мимо родоваго дома ихъ, эта ненависть обнаруживалась уже въ его рѣчахъ такъ же рѣзко и ядовито, какъ впослѣдствіи въ его «Парижскихъ Письмахъ». Тѣмъ не менѣе, и онъ отдавалъ нѣкоторую справедливость личнымъ качествамъ этихъ людей и весьма наивно сознавался, что можетъ только ненавидѣть ихъ, но, не смотря на всѣ усилія, не находитъ возможности презирать или находить смѣшными.

— Потому что, видите ли, говорилъ онъ: — у Ротшильдовъ такъ много денегъ, такая громадная масса денегъ, что они внушаютъ къ себѣ почти ужасающее уваженіе; они, такъ сказать, сливаются съ понятіемъ о деньгахъ вообще, а деньги нельзя презирать. . . . . .

. . . .

— Довольно говорить объ этомъ, перебилъ я Берне: — скажите мнѣ лучше, гдѣ теперь большіе быки, которые, какъ мнѣ когда-то разсказывалъ мой отецъ, бѣгали здѣсь во Франкфуртѣ по еврейскому кладбищу и ночью мычали такъ страшно, что нарушали спокойствіе сосѣдей?

— Вашъ отецъ, отвѣчалъ Берне, смѣясь: — не совсѣмъ обманулъ васъ. Въ прежнее время существовалъ обычай, по которому еврейскіе торговцы скотомъ, слѣдуя библейскому предписанію, посвящали Богу первенцевъ мужскаго пола отъ своихъ коровъ, и съ этою цѣлью привозили ихъ изо всѣхъ странъ Германіи сюда во Франкфуртъ, гдѣ еврейское кладбище отводилось подъ пастбище этимъ быкамъ, и гдѣ они бѣгали до своей кончины, и дѣйствительно, часто мычали такъ, что наводили ужасъ. Но старыхъ быковъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ, и ихъ первенцы спокойно остаются у себя дома..... Старые быки умерли.

. . . .

Въ большомъ обществѣ Берне былъ скупъ на слова и дѣлался разговорчивымъ только тогда, когда думалъ, что съ нимъ бесѣдуетъ человѣкъ одинаковаго образа мыслей. Что Берне считалъ меня такимъ человѣкомъ, это было съ его стороны заблужденіемъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи для меня источникомъ очень многихъ непріятностей. Уже во время нашего свиданія во Франкфуртѣ мы гармонировали съ нимъ только въ области политики, а отнюдь не въ области философіи, искусства или природы, которыя были совершенно чужды ему. Вообще характеры наши были совершенно несходны между собою, и очень можетъ быть, что источникъ этого несходства заключался не только въ нашихъ нравственныхъ, но и въ физическихъ свойствахъ.

Собственно говоря, существуетъ только два класса людей, тощій и толстый; или лучше сказать, классъ людей, которые съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣютъ, и такихъ, которые отъ хилаго сложенія переходятъ къ самой округленной корпуленціи. Первые — опаснѣйшая порода, которой Юлій Цезарь такъ боялся: «я желалъ бы, чтобъ онъ былъ толще», говорилъ онъ о Кассіѣ. Брутъ принадлежалъ къ совершенно противуположной породѣ, и я убѣжденъ, что если бы ему не пришлось проиграть битву при Филиппахъ и по этому случаю заколоться, то онъ растолстѣлъ бы такъ, какъ и авторъ этой книги. *«А Брутъ былъ славный человѣкъ»*.

Такъ какъ я здѣсь припомнилъ слова Шекспира, то пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить, что я склоняюсь въ пользу того старинного варіанта Гамлета, въ которомъ этотъ послѣдній называется «толстымъ». — Достойный сожалѣнія принцъ датскій! природа создала тебя для того, чтобы ты проводилъ жизнь въ самомъ счастливомъ здоровьи тѣла, а тутъ міръ вдругъ сорвался съ петлей, и тебѣ привелось установлять его на мѣсто! Бѣдный толстый принцъ датскій!...

Три дня, проведенные мною во Франкфуртѣ въ сообществѣ Берне, протекли мирно, чуть-чуть не идиллически. Онъ постоянно старался угодить мнѣ. Онъ зажигалъ ракеты своего остроумія, какъ только могъ ярче, и подобно тому, какъ въ китайскихъ фейерверкахъ самъ фейерверкеръ наконецъ подымается на воздухъ, окруженный трескомъ и пламенемъ, такъ и юмористическія выходки Берне всегда заканчивались брильянтовымъ огнемъ, въ который онъ самъ бросался съ полной неустрашимостью. Онъ былъ незлобивъ, какъ дитя. До послѣдней минуты моего пребыванія во Франкфуртѣ онъ добродушно бѣгалъ вслѣдъ за мною и засматривалъ мнѣ въ глаза, точно выпытывая, не можетъ ли онъ еще чѣмъ нибудь доказать мнѣ свою любовь. Онъ зналъ, что я ѣхалъ въ Мюнхенъ по предложенію стараго барона Котта, чтобы тамъ принять на себя редакцію политической

газеты и также посвятить свою дѣятельность нѣкоторымъ задуманнымъ литературнымъ предпріятіямъ. Въ то время заботились о томъ, чтобы создать для либеральной прессы органы, которые впослѣдствіи могли бы имѣть благодѣтельное вліяніе; заботились посѣять сѣмя будущности, сѣмя, на которое современники смотрѣли только враждебными глазами, такъ что бѣдный сѣятель пожиналъ одну досаду и оскорбленія. Всѣмъ извѣстны тѣ ядовитыя гадости, которыя ультрамонтано-аристократическая пропаганда въ Мюнхенѣ дѣлала противъ меня и моихъ друзей.

— Берегитесь сходиться въ Мюнхенѣ съ клерикалами, таковы были послѣднія слова, которыя Берне шепнулъ мнѣ на ухо, прощаясь со мною. Я уже сидѣлъ въ купе почтовой кареты, а онъ еще долго и тоскливо смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, какъ старый морякъ, который навсегда поселился на сушѣ и чувствуетъ сожалѣніе, когда видитъ молодаго удальца, въ первый разъ отправляющагося въ морское плаванье... Старикъ думалъ въ то время, что онъ навсегда распростился съ коварною стихіей и можетъ спокойно провести остатокъ дней въ безопасной гавани. Бѣдный человѣкъ! Боги не хотѣли доставить ему этого спокойствія! Ему снова пришлось пуститься въ открытое море, и тамъ-то встрѣтились наши корабли, въ то время, когда свирѣпствовала страшная буря, погубившая его! Что это былъ за вой! что это былъ за трескъ! При блескѣ желтыхъ молній, пронизывавшихъ черныя тучи, я могъ ясно видѣть, какъ мужество и безпокойство болѣзненно смѣнялись на лицѣ Берне! Онъ стоялъ у руля своего корабля и шелъ на перекоръ бѣшенымъ волнамъ, которыя то грозили поглотить его, то только слегка вспрыскивали, и это представляло такую горестную и въ то же время комическую картину, что глядя на нее, можно было плакать и смѣяться. Бѣдный человѣкъ! Корабль его былъ безъ якоря, а сердце — безъ надежды... Я видѣлъ, какъ рухнула мачта, какъ вѣтеръ разорвалъ снасти... Я видѣлъ, какъ онъ протянулъ ко мнѣ руку...

Я не смѣлъ схватить ее, я не смѣлъ отдать на вѣрную погибель драгоцѣнный грузъ мой, священное сокровище, ввѣренное мнѣ... Я везъ на своемъ кораблѣ боговъ будущности.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПИСЬМА СЪ ОСТРОВА ГЕЛЬГОЛАНДА.

Гельголандъ, 1 іюля 1830 года.

... Я самъ утомленъ этой гверильясской войною и жажду спокойствія, — жажду по крайней мѣрѣ такого состоянія, въ которомъ я

могъ бы совершенно свободно предаваться моимъ природнымъ наклонностямъ, моей любви къ грезамъ, моей фантастической пытливости. Какая иронія судьбы! Мнѣ, до такой степени любящему лежать на пуховикахъ тихой, созерцательной жизни духа, мнѣ именно выпало на долю исторгать моихъ бѣдныхъ соотечественниковъ изъ ихъ безмятежнаго спокойствія! Я, любящій больше всего слѣдить за плаваніемъ тучекъ, подслушивать тайны стихійныхъ духовъ и погружаться въ чудесный міръ старыхъ сказокъ, я долженъ былъ издавать политическія газеты, обсуживать современные вопросы, подстрекать страсти и постоянно щекотать въ носу у бѣднаго нѣмецкаго народа, для того, чтобы онъ очнулся отъ своего здороваго, исполинскаго сна... Правда, это щекотаніе производило въ храпящемъ гигантѣ только легкое чиханіе, но никакъ не могло разбудить его... А если порою онъ и приподнимался стремительно на постели, то скоро снова придвигалъ къ себѣ подушку вялою отъ сна рукою... Разъ я пришелъ въ отчаяніе и бросилъ его ночной колпакъ въ огонь, но колпакъ былъ такъ влаженъ отъ пота, вызваннаго мыслями, что едва-едва задымился... А нѣмецъ продолжалъ сладко улыбаться во снѣ...

Я утомленъ и жажду спокойствія. Я тоже закажу себѣ нѣмецкій ночной колпакъ и натяну его на уши. Не знаю только, гдѣ бы мнѣ приклонить голову. Въ Германіи это невозможно. Каждую минуту ко мнѣ будетъ приходить полицейскій служитель и расталкивать меня, чтобы узнать, дѣйствительно ли я сплю; уже одна эта мысль уничтожаетъ все мое спокойствіе. Однакожь, въ самомъ дѣлѣ, куда мнѣ отправиться? Опять на югъ? Въ страну, гдѣ цвѣтутъ лимоны и золотые апельсины? Ахъ, тамъ передъ каждымъ лимоннымъ деревомъ стоитъ теперь австрійскій часовой и точно громъ раздаются страшныя слова: «кто идетъ?» Какъ лимоны, такъ и золотые апельсины теперь очень кислы. Или поѣхать мнѣ въ проклятую Англію, гдѣ я не хотѣлъ бы даже висѣть en effigie, не то что жить самому. Нѣтъ, ни за что въ эту презрѣнную страну, гдѣ машины дѣйствуютъ какъ люди, а люди какъ машины. И шумъ ея, и молчаніе наводятъ такую сильную тоску! Когда меня представили здѣшнему губернатору и этотъ палкообразный англичанинъ нѣсколько минутъ стоялъ передо мною неподвижно и не произнося ни одного слова, то мнѣ невольно захотѣлось посмотрѣть на него сзади, чтобы увидѣть, не забыли ли какъ нибудь прицѣпить къ нему машину. Уже одно то обстоятельство, что островъ Гельголандъ находится подъ британскимъ владычествомъ, дѣлаетъ для меня это мѣсто крайне противнымъ. Мнѣ часто представляется, что я нюхаю ту скуку, которою повсюду пахнутъ сыны Альбіона. Въ самомъ дѣлѣ, изъ каждаго англичанина выдѣляется извѣстный газъ, выдѣляются смертельные пары скуки, и это

я замѣтилъ собственными глазами не въ Англіи, гдѣ вся атмосфера совершенно заражена ими, но въ южныхъ странахъ, гдѣ туристъ-британецъ является въ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ людей, и гдѣ сѣрое сіяніе скуки, окружающее его голову, ясно очерчивается въ синемъ воздухѣ, озаренномъ солнечными лучами. Англичане совершенно увѣрены въ томъ, что ихъ скука есть чисто-мѣстный продуктъ, и, чтобы избѣжать ея, они путешествуютъ по всѣмъ землямъ, скучаютъ повсюду и возвращаются домой съ Diary of an ennuyé. Они въ этомъ случаѣ похожи на того солдата, которому, въ то время, какъ онъ спалъ на койкѣ, товарищи натерли подъ носомъ вонючей грязью; проснувшись, онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ скверно пахнетъ и вышелъ на дворъ, но скоро возвратился и началъ утверждать, что и на дворѣ скверно пахнетъ, и что весь свѣтъ воняетъ.

Одинъ изъ моихъ друзей, недавно возвратившійся изъ Франціи, доказывалъ, что англичане путешествуютъ по материку только потому, что грубая кухня ихъ родины приводитъ ихъ въ отчаяніе; онъ говорилъ, что за французскими табль-д'отами сидятъ толстые англичане, которые не пожираютъ ничего, кромѣ воль-о-вановъ, креповъ, сюпремовъ, рагу, желе и тому подобныхъ воздушныхъ кушаній, и уничтожаютъ ихъ съ тѣмъ колоссальнымъ аппетитомъ, который упражнялся дома на массахъ ростбифа и йоркширскихъ плумпудинговъ, и который долженъ наконецъ разорить всѣхъ французскихъ трактирщиковъ. Дѣйствительно ли эксплуатація табль-д'отовъ есть тайная причина, заставляющая англичанъ странствовать по свѣту? Можетъ быть, въ то самое время, какъ мы смѣемся надъ легкостью, съ которою они осматриваютъ повсюду рѣдкости и картинныя галлереи, они сами насъ мистифируютъ, и, подъ покровомъ любопытства, очень ловко проводятъ свои гастрономическія цѣли?...

Но какъ ни превосходна французская кухня, однако и во Франціи теперь должно быть очень скверно. Іезуиты процвѣтаютъ въ ней и поютъ тріумфальныя пѣсни...

Или отправиться мнѣ въ Америку, въ эту необъятную тюрьму свободы, гдѣ невидимыя цѣпи будутъ давить меня еще болѣзненнѣе, чѣмъ видимыя—дома! Ты знаешь, какъ я думаю объ этой Богомъ проклятой странѣ, которую я любилъ, когда еще не зналъ ея... И однакожь, по долгу моего ремесла, я долженъ гласно восхвалять ее... О, милые нѣмецкіе поселяне! Отправляйтесь въ Америку! Тамъ нѣтъ ни князей, ни дворянства, тамъ всѣ люди равны... за исключеніемъ, конечно, нѣсколькихъ милліоновъ, имѣющихъ черную или коричневую кожу, съ которыми обращаются какъ съ собаками! Настоящее рабство, уничтоженное въ большей части сѣвероамериканскихъ провинцій, возмущаетъ меня не такъ сильно, какъ грубость, съ которою по-

ступаютъ такъ въ отношеніи свободныхъ черныхъ и мулатовъ. Каждый, происходящій отъ негра, даже въ самой отдаленной степени, каждый, свидѣтельствующій о такомъ происхожденіи не только цвѣтомъ, но и строеніемъ лица, подвергается тамъ страшнѣйшимъ мученіямъ, —мученіямъ, которыя намъ, европейцамъ, кажутся баснословными. При этомъ американцы сильно тщеславятся своимъ христіанствомъ и фанатически преданы церкви. Такому лицемѣрію они выучились у англичанъ, которые вообще сообщили имъ самыя дурныя свойства свои. Выгода составляетъ ихъ дѣйствительную религію, а деньги — ихъ божество, единственное, всемогущее божество. Конечно, есть тамъ не мало благородныхъ сердецъ, въ тишинѣ оплакивающихъ всеобщее корыстолюбіе и несправедливость. Но стоитъ этимъ людямъ возстать, и ихъ постигаетъ мученичество, превосходящее всѣ европейскія понятія. Если я не ошибаюсь, то именно въ Нью-Йоркѣ случилось, что одинъ протестантскій проповѣдникъ до того возмутился угнетеніемъ цвѣтныхъ людей, что, презрѣвъ жестокій предразсудокъ, выдалъ свою собственную дочь замужъ за негра. Какъ только въ городѣ узнали объ этомъ истинно-христіанскомъ поступкѣ, народъ толпою бросился къ дому проповѣдника, который только бѣгствомъ спасся отъ смерти; но домъ его былъ разрушенъ, и дочь священника, бѣдная жертва, схвачена чернью и удовлетворила ея ярости. She was finished, то есть, ее раздѣли до нага, вымазали смолою, всунули въ разрѣзанную перину, и въ такомъ видѣ волочили по всему городу, ругаясь надъ несчастной...

О свобода, ты злой сонъ!

Гельголандъ, 8 іюля.

....Такъ какъ вчера было воскресенье, и надъ всѣмъ островомъ висѣла свинцовая скука, сдавившая мою голову, то я съ отчаянія схватился за Библію... И сознаюсь тебѣ, не смотря на то, что я настоящій эллинъ, книга эта не только заняла меня, но и подѣйствовала крайне назидательно. Что это за книга! Великая и обширная, какъ міръ, пускающая корни въ самомъ низшемъ слоѣ созданія и вздымающая вершины къ голубымъ таинствамъ неба... Восходъ и закатъ солнца, обѣщанія и выполненія, рожденіе и смерть, вся драма человѣчества — все есть въ этой книгѣ... Это книга книгъ, Библія. Евреи должны были легко утѣшиться въ томъ, что они потеряли Іерусалимъ, и храмъ, и кивотъ завѣта, и золотые сосуды, и клейноды Соломона... Эта потеря ничтожна въ сравненіи съ Библіею, неразрушимымъ сокровищемъ, которое они спасли. Если я не ошибаюсь, то Магометъ назвалъ евреевъ «народомъ книги» — названіе, которое до сихъ поръ сохранилось за ними на востокѣ и имѣетъ глубоко знаме-

нательный смыслъ. Книга составляетъ отчизну евреевъ, ихъ владѣніе, ихъ повелителя, ихъ счастье и несчастье. Они живутъ въ странѣ этой книги, и въ ней пользуются своими неотъемлемыми гражданскими правами; изъ этой страны нельзя ихъ прогнать, въ ней не подвергаются они презрѣнію, въ ней они сильны и достойны удивленія. Погруженные въ чтеніе этой книги, они почти не замѣчаютъ перемѣнъ, происходившихъ вокругъ нихъ въ дѣйствительномъ мірѣ; народы возвышались и исчезали, государства разцвѣтали и вянули, революціи бурно проходили по земному шару... а они, евреи, лежали склонясь надъ своею книгой и вовсе не замѣчали дикой охоты времени, проносившейся надъ ихъ головами!.....

Гельголандъ, 18 іюля.

Съ тѣхъ поръ какъ я мыслю, я не переставалъ думать объ этомъ предметѣ, то есть о нравственности. Вопросъ о свойствѣ добра и зла, мучащій уже полтора столѣтія всѣ великіе умы, у меня всегда имѣлъ значеніе только вопроса о нравственности...

Изъ Ветхаго Завѣта я порою перехожу въ Новый, и здѣсь также охватываетъ меня всемогущество великой книги! На какую священную почву становится здѣсь нога! Приступая къ этому чтенію, нужно приготовиться, какъ при приближеніи къ святынѣ.

Какой чудный образъ представляетъ собою Богочеловѣкъ! Какъ мелки кажутся въ сравненіи съ нимъ великіе мужи Ветхаго Завѣта! Моисей любитъ свой народъ съ трогательною задушевностью; какъ нѣжная мать, онъ заботится о будущности этого народа. Христосъ любитъ человѣчество, и какъ солнце, согрѣваетъ всю землю теплыми лучами своей любви. Какой цѣлительный бальзамъ для всѣхъ ранъ здѣшняго міра заключается въ его словахъ! Какой цѣлебный источникъ для всѣхъ страждущихъ и грѣшниковъ—кровь его, пролившаяся на Голгоѳѣ!...

Бѣлые мраморные боги Греціи заболѣли отъ внутренняго ужаса, и никогда уже не могли выздоровѣть!

Прежде всѣхъ умеръ Панъ. Знаешь ли ты сказку объ этомъ, какъ ее разсказываетъ Плутархъ? Эта древняя сказка замѣчательна въ высшей степени. Вотъ что говоритъ она:

Въ царствованіе Тиверія одинъ корабль проѣзжалъ однажды вечеромъ подлѣ островов Перэ, лежащихъ на берегу Этоліи. Люди, находившіеся на этомъ кораблѣ, еще не спали, и многіе изъ нихъ, только что поужинавъ, сидѣли и пили; вдругъ съ берега послышался голосъ, который такъ громко назвалъ по имени Ѳамуса (такъ назывался кормчій), что всѣ пришли въ величайшее удивленіе. На первый и на второй зовъ Ѳамусъ ничего не отвѣтилъ, на третій онъ отозвал-

ся; тогда голосъ еще громче сказалъ ему слѣдующія слова: «Когда ты пристанешь къ вершинѣ Палодеса, то возвѣсти, что великій Панъ умеръ!» Достигнувъ этой вершины, Ѳамусъ исполнилъ порученіе и съ палубы корабля воскликнулъ, обращаясь къ странѣ: «Великій Панъ умеръ!» Въ отвѣтъ на это восклицаніе послышались оттуда чудныя звуки скорби, смѣсь стоновъ и криковъ удивленія, какъ будто бы вылетавшихъ въ одно время изъ груди многихъ. Очевидцы разсказали объ этомъ событіи въ Римѣ, гдѣ этотъ разсказъ вызвалъ самыя удивительныя мнѣнія. Тиверій велѣлъ ближе разслѣдовать это дѣло и не сомнѣвался въ правдивости его.

Гельголандъ, 20 іюля.

Я опять читалъ Ветхій Завѣтъ. Какая великая книга! Меня поражаетъ не только содержаніе ея, но и самая форма. Здѣсь слова растутъ, текутъ, искрятся, неизвѣстно какъ, неизвѣстно почему, все кажется совершенно естественнымъ. Эта книга, дѣйствительно, слово Божіе, тогда какъ другія книги свидѣтельствуютъ только о человѣческомъ остроуміи. Въ Гомерѣ форма есть продуктъ искусства, и если содержаніе, точно также какъ Библіи, взято изъ дѣйствительности, то проявляется оно въ поэтическихъ образахъ и, такъ сказать, проходитъ сквозь горнило человѣческаго духа; оно перерабатывается умственнымъ процессомъ, который мы называемъ искусствомъ. Въ Библіи нѣтъ и слѣда искусства; стиль ея — подобенъ стилю простаго дневника, въ который абсолютный духъ, такъ сказать, безъ всякой индивидуальной человѣческой помощи заноситъ происшествіе каждаго дня. Объ этомъ стилѣ нельзя произносить никакого приговора, можно только констатировать дѣйствіе его на нашу душу, и велико, по всей вѣроятности, было затрудненіе греческихъ грамматиковъ, когда они хотѣли опредѣлять установленными эстетическими понятіями многія поразительныя красоты Библіи. Лонгинъ говоритъ о возвышенности. Новые эстетики толкуютъ о наивности. Ахъ! какъ я уже сказалъ, всѣ критическіе масштабы оказываются здѣсь недостаточными...

Только у одного писателя нахожу я нѣчто, напоминающее этотъ непосредственный стиль. Это Шекспиръ. И у него слово выступаетъ иногда въ страшной наготѣ, пугающей и потрясающей насъ; въ Шекспировскихъ произведеніяхъ мы видимъ иногда живую истину безъ одежды искусства. Но это случается только въ отдѣльные моменты; геній искусства, можетъ быть чувствуя свое безсиліе, уступаетъ здѣсь на нѣсколько минутъ свою обязанность природѣ, но потомъ тѣмъ ревнивѣе удерживаетъ свое господство въ пластическомъ изображеніи и остроумной завязкѣ драмы. Шекспиръ въ одно и то же время еврей и

грекъ, или, вѣрнѣе сказать, оба элемента—спиритуализмъ и искусство примирительно сливаются въ немъ и образуютъ одно высокое цѣлое.

Такое гармоническое сліяніе обоихъ элементовъ не есть ли задача всей европейской цивилизаціи? Нѣтъ, мы еще слишкомъ далеки отъ такого результата. Грекъ Гёте, а съ нимъ и вся поэтическая партія, еще недавно выказали страстную антипатію къ Іерусалиму. Противная партія, во главѣ которой не стоитъ ни одно великое имя, а находятся только нѣсколько крикуновъ, какъ напримѣръ еврей Пустхухенъ, еврей Вольфгангъ Менцель, еврей Генгстенбергъ,—подымаетъ фарисейскій крикъ противъ Аѳинъ и великихъ язычниковъ.

Мой сосѣдъ по комнатѣ, какой-то юстицратъ изъ Кенигсберга, пріѣхавшій сюда для купанья, считаетъ меня піэтистомъ, такъ какъ каждый разъ, когда онъ удостоиваетъ меня визитомъ, застаетъ меня за Библіею. Ему бы очень хотѣлось немного поострить надо мною, и каждый разъ, когда онъ разговариваетъ со мною о религіи, язвительная восточно-прусская улыбка мерцаетъ на его тощемъ, сухощаво-гордомъ лицѣ.

Другой сосѣдъ мой, живущій подо мною — ни піэтистъ, ни раціоналистъ; онъ просто голландецъ, небрежный и маслянистый, какъ сыръ, которымъ онъ торгуетъ. Ничто не можетъ привести его въ движеніе; онъ — образъ самого апатическаго спокойствія, и голосъ его не теряетъ своей безцвѣтной монотонности даже тогда, когда онъ разговариваетъ съ моей хозяйкой о своемъ любимомъ предметѣ — соленіи рыбы. Къ сожалѣнію, доски моего пола такъ тонки, что я долженъ иногда слышать подобные разговоры, — и въ то время, какъ вчера я разсуждалъ съ пруссакомъ о возвышенныхъ предметахъ, мой голландецъ объяснялъ внизу, что три породы трески — кабельгау, лабарданъ и штокфишъ, хотя и различаются между собою, но въ сущности составляютъ одно и тоже и что этими названіями обозначаются только три различныя степени соленья.

Мой хозяинъ превосходный морякъ, славящійся на всемъ островѣ своею неустрашимостью во время бурь, но при этомъ добродушный и кроткій, какъ дитя. Онъ только что возвратился изъ большаго плаванія и съ веселою серьезностью разсказалъ мнѣ о феноменѣ, который ему пришлось увидѣть вчера, 28 іюля, въ открытомъ морѣ. Разсказъ довольно странный. Именно, мой хозяинъ утверждалъ, что все море пахло только что испеченными пирожками и что этотъ теплый деликатный запахъ такъ соблазнительно щекоталъ у него въ носу, что его просто стошнило. Это явленіе, видишь ли, то же самое, что манящій воздушный образъ, который, въ арабской песчаной пустынѣ, обманываетъ жаждущаго путника видомъ освѣжительной водной равнины. Это — испеченная фата моргана.

———

Гельголандъ, 1 августа.

... Ты не можешь себѣ представить, какъ успокоительно дѣйствуетъ на меня здѣшнее dolce far niente. Я не взялъ сюда съ собою ни одной книги, занимающейся современными интересами. Вся моя библіотека состоитъ изъ исторіи Лонгобардовъ Павла Варнефрида, Библіи, Гомера и нѣсколькихъ разсужденій о колдуньяхъ. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ мнѣ бы хотѣлось написать интересную книжечку. Съ этою цѣлью я занимался недавно изслѣдованіями о послѣднихъ слѣдахъ язычества въ новое, крещеное время. Въ высшей степени удивительно то, что прекрасныя существа баснословнаго міра Греціи удерживались въ Европѣ такъ долго и подъ такими различными масками. Въ сущности, онѣ сохранились и до настоящаго времени у поэтовъ. Эти послѣдніе, со времени побѣды христіанской церкви, всегда составляли тихую общину, въ которой веселіе древняго символическаго служенія и ликующая вѣра въ боговъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, посредствомъ пѣснопѣній... Но увы, ecclesia pressa, чтившая Гомера, какъ своего пророка, съ каждымъ днемъ подвергается большимъ и большимъ стѣсненіемъ. Не угрожаетъ ли ныиъ новое преслѣдованіе боговъ?

Боязнь и надежда смѣняются другъ другомъ въ моемъ умѣ, и на душѣ моей какъ-то очень смутно.

... Я снова примирился съ моремъ (ты знаешь, что мы были en delicatesse) и мы снова сидимъ по вечерамъ вмѣстѣ, и ведемъ таинственные разговоры. Да, я хочу совершенно оставить политику и философію и снова предаться созерцанію природы и искуства. Право, всѣ эти мученія и труды совершенно безполезны, и погибни я даже для всеобщаго блага, оно все таки очень мало подвинется впередъ. Міръ не можетъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, но совершаетъ постоянное круговое движеніе, не приносящее результатовъ. Прежде, когда я еще былъ молодъ и неопытенъ, я думалъ, что если въ борьбѣ за освобожденіе человѣчества и погибнутъ отдѣльные бойцы, то великое дѣло все таки одержитъ, наконецъ, побѣду... И меня услаждали прекрасные стихи Байрона:

«Волны уходятъ одна за другою, и одна за другою разбиваются и разсыпаются на берегу, но самое море постоянно идетъ впередъ.»

Ахъ, кто долго смотритъ на это явленіе природы, тотъ замѣчаетъ, что ушедшее впередъ море, послѣ извѣстнаго срока, снова возвращается въ свое прежнее русло, потомъ снова и также порывисто старается опять уйти впередъ, наконецъ опять малодушно бросается бить отбой, и, безпрерывно повторяя этотъ маневръ, все таки остается на одномъ и томъ же мѣстѣ... Человѣчество также движется по этимъ законамъ природы... Сегодня новый мѣсяцъ, и не смотря на

всю тоскливую жажду сомнѣнія, мучащую мою душу, въ нее прокрадываются чудныя предчувствія... Въ эту минуту въ мірѣ происходитъ что нибудь необыкновенное... Море пахнетъ пирожками, а тучи прошедшею ночью глядѣли такъ печально, такъ сумрачно...

Въ часъ вечернихъ сумерекъ я бродилъ одинокій по берегу. Вокругъ царствовала торжественная тишина. Небо походило на куполъ готической церкви. На немъ, словно безчисленное множество лампъ, висѣли звѣзды; но онѣ горѣли мрачно и трепетно. Волны шумѣли; бурныя пѣсни вылетали изъ нихъ, то разражаясь болѣзненно отчаянными звуками, то исполняясь великаго торжества. Надо мной проносился воздушный караванъ бѣлыхъ облачныхъ образовъ, которые были похожи на людей, шедшихъ въ печальной процессіи съ преклоненными головами и глубокомысленными взорами... Они какъ будто слѣдовали за чьимъ-то гробомъ... Кого хоронятъ? Кто умеръ? спрашивалъ я самъ себя. Не великій ли Панъ умеръ?

Гельголандъ, 6 августа.

Въ то время, какъ войско короля геруловъ сражалось съ лонгобардами, король герульскій спокойно сидѣлъ въ своей палаткѣ и игралъ въ шахматы. Онъ грозилъ смертью каждому, кто принесетъ ему вѣсть о пораженіи. Часовой, который сидя на деревѣ, слѣдилъ за ходомъ битвы, постоянно кричалъ: «Мы побѣждаемъ! Мы побѣждаемъ!» Наконецъ, онъ съ громкимъ стономъ произнесъ: «Несчастный король! Несчастный народъ герульскій!» Тогда только король замѣтилъ, что битва проиграна, но было уже поздно, потому что лонгобарды въ то же время проникли въ его палатку и убили его...

Именно эту исторію читалъ я у Павла Варнефрида, когда съ материка получился толстый пакетъ газетъ съ знойно жаркими новостями. Теперь я знаю, отчего все море пахло пирожками. Рѣка Сена сообщила вѣсть всему морю, и прекрасныя русалки тотчасъ же задали въ своихъ кристальныхъ дворцахъ, въ честь совершившагося событія, большой thé dansant, и оттого море пахло пирожками. Я бѣгалъ по всему дому и поцѣловалъ толстую хозяйку, я обнялъ даже прусскаго юстицрата, на губахъ котораго, однако, не совсѣмъ исчезла холодная улыбка невѣрія. Даже голландца прижалъ я къ своему сердцу... Но это равнодушное жирное лицо осталось холоднымъ и спокойнымъ, и если бы само іюльское солнце обняло минъ-гера, онъ, я думаю, только немного вспотѣлъ бы, но отнюдь не воспламенился. Эта апатичность возмутительна. Подобно тому, какъ Спартанцы пріучали своихъ дѣтей къ трезвости тѣмъ, что постоянно показывали имъ пьянаго илота, такъ мы должны были бы откармливать въ нашихъ учебныхъ заведе-

ніяхъ голландцевъ, для того чтобы ихъ безстрастная, рыбья натура поселяла въ дѣтяхъ отвращеніе къ апатичности. Въ самомъ дѣлѣ, эта голландская апатичность — порокъ гораздо болѣе смертельный, чѣмъ пьянство илота. Я съ удовольствіемъ исколотилъ бы минхъ-гера...

Но нѣтъ, прочь всякія крайности! Парижане дали примѣръ умѣренности. Народъ самъ перевязалъ раны своихъ враговъ, и когда дѣло окончилось, снова принялся за свои обыкновенныя занятія, не потребовавъ за работу ни копѣйки на водку!

. . . .

Я все еще точно во снѣ; особенно имя Лафайета звучитъ для меня, какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей? Я почти боюсь, что это неправда, потому что это напечатано. Мнѣ хочется самому отправиться въ Парижъ, чтобы убѣдиться собственными глазами... Я воображаю себѣ, какое зрѣлище, когда онъ проѣзжаетъ по парижскимъ улицамъ, — онъ, гражданинъ обоихъ полушарій, маститый старецъ, серебряныя кудри котораго волнами падаютъ на плечи!

Свѣтлыя надежды страстно воздымаются во мнѣ, какъ деревья съ золотыми плодами и огромными вѣтвями, достигающими до отдаленныхъ облаковъ... Но облака, въ быстромъ полетѣ своемъ, вырываютъ съ корнями эти исполинскія деревья и бѣгутъ дальше. Небо наполнено звучными скрипками, и море, я слышу снова, пахнетъ свѣже испеченными пирожками. Тамъ, на верху, въ небесно-голубомъ пространствѣ, постоянно раздаются веселые звуки скрипокъ, а въ смарагдовыхъ волнахъ слышится что-то похожее на радостный хохотъ дѣвушекъ. Но подъ землею трескъ и клокотаніе, земля разверзается, старые боги высовываютъ оттуда головы, и съ торопливымъ удивленіемъ спрашиваютъ: «Что случилось новаго? Развѣ нельзя ли намъ снова выйти изъ-подъ земли?» Нѣтъ, оставайтесь въ вашемъ туманномъ царствѣ...

Гельголандъ, 10 августа.

Кончилась моя жажда спокойствія. Теперь я снова знаю, что я хочу, что долженъ...

Можетъ быть, я и совсѣмъ сошелъ съ ума... Напрасно я погружаю голову въ море. Никакая вода не можетъ загасить этотъ греческій огонь. Но и съ другими дѣлается то же самое. И остальныхъ людей, пріѣхавшихъ сюда купаться, ударили въ мозгъ парижскія извѣстія, особенно берлинцевъ, которые въ нынѣшнемъ году собрались здѣсь въ большомъ количествѣ и переѣзжаютъ съ одного

острова на другой, такъ что можно сказать, что Сѣверное море наводнено берлинцами.

Сегодня утромъ снова полученъ пакетъ съ газетами. Я проглотилъ ихъ, какъ манну. Такое дитя, какъ я, трогательными подробности занимаютъ еще болѣе, чѣмъ многозначенательное цѣлое. О, какъ бы я хотѣлъ увидѣть хоть собаку Медора! Она очень интересуетъ меня. Собака Медоръ приносила своему хозяину ружье и патронташъ, и когда ея хозяинъ палъ и былъ похороненъ на Луврскомъ дворѣ, бѣдная собака, точно каменное изваяніе вѣрности, улеглась на могилѣ и сидѣла дни и ночи, едва дотрогиваясь до предлагавшихся ей кушаньевъ, и зарывая излишнюю часть ихъ въ землю, можетъ быть, для того, чтобы кормить своего похороненнаго хозяина!

Я не могу больше спать, и въ моемъ раздраженномъ умѣ проходятъ самыя странныя фигуры. То недремлющія грезы, которыя толкаютъ одна другую, такъ что образы причудливо смѣшиваются между собою, и какъ въ китайскомъ фонарѣ, то становятся карликами, то вдругъ обращаются въ гигантовъ; просто хоть съ ума сходи. Въ такомъ положеніи мнѣ иногда кажется, что мои собственные члены также получаютъ колоссальные размѣры, и что я на неизмѣримо длинныхъ ногахъ перебѣгаю изъ Германіи во Францію. Да, я помню, что прошедшею ночью я пробѣгалъ такимъ образомъ по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и землицамъ, и стучалъ въ двери моихъ друзей, и будилъ спящихъ... Они порою смотрѣли на меня удивленными стеклянными глазами, такъ что я самъ пугался и не могъ тотчасъ же объяснить себѣ, чего я собственно хотѣлъ, и для чего я будилъ ихъ. Многихъ толстыхъ филистеровъ, которые слишкомъ отвратительно храпѣли, я знаменательно толкалъ подъ бока, и они, зѣвая, спрашивали: «который часъ?» Я самъ, утомленный бѣготнею, вздумалъ, наконецъ, полетѣть, и началъ перелетать отъ одной звѣзды къ другой. Но эти звѣзды не населенные міры, какъ полагаютъ другіе, а просто блестящіе каменные шары, пустые и безплодные, они не падаютъ внизъ потому, что не знаютъ, гдѣ имъ можно упасть, и ходятъ въ вышинѣ взадъ и впередъ въ величайшемъ недоумѣніи...

Куксгафенъ, 19 августа.

Непріятенъ переѣздъ, въ открытой лодкѣ противъ вѣтра... Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, я страдалъ отъ морской болѣзни. Море, какъ и другія существа, платитъ мнѣ за любовь безпокойствомъ и мученіями. Сначала все идетъ какъ слѣдуетъ, и я нахожу удовольствіе въ заманчивомъ покачиваніи. Но мало по малу голова моя начинаетъ кружиться и всевозможныя баснословныя лица являются передо мною. Изъ темныхъ безднъ моря выплываютъ старые демоны въ отврати-

тельной наготѣ до пояса, они поютъ скверные непонятные стихи, и брызгаютъ мнѣ въ лицо бѣлою пѣной волнъ. Еще болѣе фатальныя рожи образуются изъ тучъ, которыя опускаются такъ низко, что почти касаются моей головы и глупѣйшей фистулой насвистываютъ мнѣ въ ухо самыя несносныя пошлости. Такая морская болѣзнь, правда, не опасна, но тѣмъ не менѣе она вызываетъ самыя странныя, непріятныя ощущенія, которыя могутъ довести до сумасшествія.

Наконецъ, я не могъ долѣе выносить, и меня вырвало.

Когда я такимъ образомъ облегчился, то услышалъ подлѣ себя голосъ прусскаго юстицрата, говорившаго мнѣ: «Ну, слава Богу, что вамъ стало лучше. Мы сейчасъ пристанемъ къ берегу, и чашка чаю отлично поможетъ вамъ». Я послѣдовалъ его совѣту и совершенно оправился, когда высадился на берегъ и выпилъ въ кургафенской гостинницѣ хорошую чашку чаю.

Здѣсь все кишитъ гамбургцами и ихъ супругами, нуждающимися въ морскомъ купаньѣ. Капитаны кораблей изъ всѣхъ странъ, ожидающіе попутнаго вѣтра, также прохаживаются здѣсь взадъ и впередъ по высокимъ плотинамъ, или сидятъ въ шинкахъ, гдѣ пьютъ очень крѣпкій грогъ и ликуютъ.

Теперь ровно шесть лѣтъ, какъ я, странствуя пѣшкомъ по отечеству, пришелъ въ Вартбургъ и посѣтилъ келью, въ которой жилъ докторъ Лютеръ. Это былъ отличный человѣкъ, котораго нельзя ни въ чемъ упрекнуть; онъ совершилъ исполинскій подвигъ, и мы должны вѣчно, съ благодарностью цѣловать ему руки за то, что онъ сдѣлалъ.

ДЕВЯТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

Повсюду царствовало глухое спокойствіе. Солнце бросало элегическіе лучи на широкую спину нѣмецкаго терпѣнія. Никакой вѣтерокъ не вертѣлъ мирныхъ пѣтуховъ на крышахъ нашихъ набожныхъ церквей. На вершинѣ уединеннаго утеса сидѣла птица — вѣстникъ бури; но онъ сонливо опустилъ крылья и повидимому самъ думалъ, что ошибся, и что буря еще не скоро разразится. Печально и въ уныніи сидѣла эта птица, еще незадолго до того съ такимъ шумомъ и могуществомъ пролетавшая по воздуху и возвѣщавшая доброй Германіи всевозможныя бури. Вдругъ на западѣ блеснула молнія, за нею послѣдовали громовой ударъ и страшный трескъ, какъ будто насталъ конецъ міру. Дѣйствительно, скоро пришли вѣсти о катастрофѣ, о трехъ дняхъ въ Парижѣ. Многимъ казалось уже, что они слышатъ въ отдаленіи трубу страшнаго суда. Все какъ будто предсказывало то

пришествіе кончины міра, о которомъ нѣкогда пѣли въ трепетѣ и ужасѣ сѣверные скальды; да, многимъ казалось, что исполинскій волкъ саги приступаетъ къ своему страшному мщенію и собирается поглотить міръ, какъ о томъ возвѣщено въ ужасныхъ стихахъ Эдды. Но онъ не поглотилъ его, и добрый нѣмецкій мѣсяцъ свѣтитъ до сихъ поръ такъ же тихо и нѣжно, какъ во дни Вертера и Шарлотты...

Въ промежуткѣ между моею первою и второю встрѣчею съ Берне лежитъ эта іюльская революція, такъ сказать, раздѣляющая наше время на двѣ половины. Предлагаемыя здѣсь письма могутъ дать понятіе о настроеніи, въ которомъ оставило меня событіе, а въ настоящемъ сочиненіи моемъ они должны служить какъ бы переходнымъ мостомъ отъ второй къ третьей книгѣ. Безъ нихъ этотъ переходъ былъ бы слишкомъ рѣзокъ. Кромѣ того, эти письма могутъ свидѣтельствовать о томъ настроеніи, въ которомъ была при началѣ іюльскихъ событій Германія, гдѣ самое мрачное уныніе и отчаяніе вдругъ перешли въ самую восторженную вѣру въ будущее. Съ тѣхъ поръ, какъ Лютеръ передъ вормсскимъ сеймомъ защищалъ свои тезисы, ни одно событіе не волновало мою нѣмецкую отчизну такъ сильно, какъ іюльская революція. Впослѣдствіи это волненіе немного утихло, но въ 1840 году оно снова проснулось, и съ тѣхъ поръ огонь не угасалъ подъ пепломъ до 1848 года, когда въ февралѣ пламя революціи вспыхнуло опять...

Что готовитъ судьба Германіи? Я не люблю пророчествовать и нахожу болѣе полезнымъ разсказывать о прошедшемъ, въ которомъ отражается будущее...

Уже въ первые дни моего прибытія въ Парижъ, я замѣтилъ, что на самомъ дѣлѣ вещи явились совсѣмъ не съ тѣмъ цвѣтомъ, который придавали ему издали оптическіе эффекты моего энтузіазма. Серебряные волосы, которые въ моемъ воображеніи такъ величественно развѣвались по плечамъ Лафайета, героя обоихъ міровъ, превратились при болѣе близкомъ созерцаніи въ парикъ коричневаго цвѣта, скудно прикрывавшій узкій черепъ. И даже Медоръ, котораго я отыскалъ на луврскомъ дворѣ и который спокойно принималъ пищу, лежа подъ трехцвѣтными знаменами и трофеями, — былъ не настоящій Медоръ, а очень обыкновенная собака, присвоивавшая себѣ чужія заслуги, что часто случается съ французами, и, подобно многимъ другимъ эксплуатировавшая славу іюльской революціи... Она была въ холѣ въ нѣгѣ, она, можетъ быть, добилась высшихъ почестей, между тѣмъ, какъ настоящій Медоръ, нѣсколько дней спустя послѣ побѣды скромно ушелъ на задній планъ...

Но тише, мое сердце! ты ужь слишкомъ измѣняешь себѣ...

КНИГА ТРЕТЬЯ:

БЁРНЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ ВО ФРАНЦІИ.

Я увидѣлся съ Бёрне во второй разъ осенью 1831 г., черезъ годъ послѣ іюльской революціи. Это было въ Парижѣ. Я былъ у него въ гостинницѣ Hôtel de Castille, и не мало удивлялся перемѣнѣ, которая произошла во всемъ его существѣ. То небольшое количество мяса, которое прежде было на его тѣлѣ, теперь совершенно исчезло; можетъ быть, его растопили іюльскія лучи, къ сожалѣнію проникнувшіе и въ мозгъ этого человѣка. Глаза его сверкали зловѣщимъ огнемъ. Онъ сидѣлъ, или вѣрнѣе сказать, жилъ въ широкомъ, пестромъ шелковомъ халатѣ, точно черепаха въ своей скорлупѣ, и когда по временамъ онъ подозрительно покачивалъ своею тощей головой, мнѣ становилось какъ-то тяжело. Но чувство это уступало мѣсто состраданью, когда онъ высовывалъ изъ широкаго рукава свою бѣдную, исхудалую руку и протягивалъ ее мнѣ для дружескаго пожатія. Въ голосѣ его звучала какая-то болѣзненность, а на щекахъ уже появлялись чахоточныя, красныя пятна. Рѣзкое недовѣріе, проглядывавшее во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ, было, можетъ быть, слѣдствіемъ глухоты, которою онъ и прежде страдалъ, но которая съ тѣхъ поръ еще увеличилась и не мало способствовала тому, что разговоръ съ нимъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе.

— Очень радъ, что вижу васъ въ Парижѣ, сказалъ онъ. — Это очень хорошо съ вашей стороны. Я убѣжденъ, что всѣ хорошіе люди скоро соберутся здѣсь... Ахъ Боже мой, ахъ Германія! Скоро настанетъ и въ ней мрачное время...

— Конечно, продолжалъ Бёрне: — не конституція можетъ васъ спасти. Пропадай они совсѣмъ, эти такъ называемыя конституціонныя правленія, отъ которыхъ наши нѣмецкіе болтуны ожидаютъ возрожденія. Конституція соотвѣтствуетъ тому политическому положенію, при которомъ привилегированныя сословія отказываются отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ правъ, а бѣдные люди, стоявшіе до того совершенно на заднемъ планѣ, вдругъ начинаютъ ликовать оттого, что и они добились нѣкоторыхъ правъ... Но эта радость проходитъ; что сегодня кажется самымъ драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, будетъ принято нашими внуками за находку очень жалкую... Но прежде чѣмъ приступить къ основанію новаго порядка, мы должны уничтожить послѣдніе остатки стараго. Тутъ являются слабые, лѣнивые квіетисты и бормочутъ: «эти революціонеры разрушаютъ все, не будучи въ состояніи замѣнить это

разрушаемое чѣмъ нибудь новымъ!» И при этомъ начинаютъ восхвалять средневѣковыя учрежденія, съ которыми человѣчеству жилось такъ спокойно и безопасно. А теперь, говорятъ они — все такъ скучно, и пусто, и мизерно, и въ жизни главную роль играютъ сомнѣніе и равнодушіе. Прежде меня страшно бѣсили эти панегиристы среднихъ вѣковъ. Но теперь я привыкъ къ этимъ пѣснямъ и сержусь только тогда, когда милые пѣвцы переходятъ въ другой тонъ и постоянно жалуются на нашу страсть къ разрушенію. По ихъ словамъ, мы только и думаемъ о томъ, какъ бы разрушать.

Въ этихъ рѣчахъ не было и слѣда прежняго незлобія, юморъ Бёрне, въ которомъ совершенно погасла добродушная веселость, сдѣлался желчнымъ, кровожаднымъ и очень сухимъ. Привычка быстро переходить отъ одного предмета къ другому имѣла теперь источникомъ не безумный капризъ, а капризное безуміе, и ее слѣдовало прежде всего приписать чтенію разнообразныхъ газетъ, которыми Берне занимался въ то время день и ночь. Въ жару своихъ соображеній, онъ схватилъ одну изъ газетъ, лежавшихъ предъ нимъ цѣлыми кучами, и смѣясь сказалъ:

— Вотъ тутъ вы можете прочитать, тутъ напечатано: «Германія беременна великими дѣлами!» Да, это правда, Германія беременна великими дѣлами, но роды будутъ тяжелые. И тутъ понадобится не акушерка, а акушеръ, и ему придется дѣйствовать желѣзными инструментами. Какъ вы полагаете?

— Я полагаю, что Германія совсѣмъ не беременна.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Можетъ быть, она родитъ урода, но все-таки родитъ. Только намъ надо избавиться отъ болтливыхъ старухъ, являющихся толпами и предлагающихъ свои акушерскія услуги. Есть между ними, напримѣръ, шлюха Роттекъ. Эта старуха даже не честный человѣкъ. Это жалкій писатель, выказывающій крошечку либеральнаго демагогизма и эксплуатирующій современный энтузіазмъ, чтобы привлечь на свою сторону толпу, доставить сбытъ своимъ скверным сочиненіямъ и вообще придать себѣ важность. Этотъ человѣкъ полу-лисица, полу-собака, и при этомъ онъ еще прячется въ волчью шкуру, чтобъ выть съ волками по волчьи. Мнѣ въ тысячу разъ любезнѣе даже болванъ Раумеръ, — я теперь читаю его «Парижскія Письма». Этотъ ужъ совсѣмъ собака, и когда онъ лаетъ по либеральному, то не вводитъ въ заблужденіе никого, и каждый знаетъ, что это смиренный пудель, никого не кусающій. Онъ то и дѣло бѣгаетъ по дворамъ, сuетъ по всѣмъ кухнямъ, и охотно бы воткнулъ рыло въ нашъ супъ, еслибъ не боялся получить пинка отъ своихъ покровителей. А покровители дѣйствительно даютъ ему пинки и принимаютъ бѣдное животное за революціонера. Господи,

Боже мой! да неужели же сразу не видно, что всѣ его желанія ограничиваются тѣмъ, чтобъ ему позволили свободно помахать хвостомъ, и что, когда онъ получаетъ это позволеніе, то съ благодарностью лижетъ шпоры своихъ благодѣтелей! Ничего нѣтъ забавнѣе такой неутомимой подвижности рядомъ съ неутомимымъ терпѣніемъ. Это легче всего видно въ его «Парижскихъ Письмахъ», гдѣ бѣдный песъ самъ разсказываетъ на каждой страницѣ, какъ онъ спокойно стоялъ нѣсколько разъ въ *хвостѣ* передъ парижскими театрами... Увѣряю васъ, что онъ дѣйствительно спокойно стоялъ въ хвостѣ онъ такъ простъ, что самъ разсказываетъ про это. Но что еще хуже, что еще рѣзче обнаруживаетъ пошлость его души, — это сознаніе, что онъ продавалъ свою контрмарку каждый разъ, какъ выходилъ изъ театра до окончанія представленія. Правда, что онъ, какъ иностранецъ, можетъ не знать, что такая продажа унижаетъ порядочнаго человѣка; но ему стоило бы только взглянуть на людей, съ которыми онъ заключалъ эти торговыя сдѣлки, чтобы замѣтить, что это только дрожжи общества, мошенники и сводчики,—словомъ, люди, съ которыми порядочный человѣкъ не станетъ даже говорить, а тѣмъ менѣе входить въ торговыя дѣла. Тотъ долженъ быть самъ очень грязенъ, кто принимаетъ деньги изъ этихъ грязныхъ рукъ!

Для того, чтобы не подумали, что я согласенъ съ мнѣніемъ Бёрне о господинѣ профессорѣ Фридрихѣ фонъ-Раумерѣ, замѣчу здѣсь къ выгодѣ этого послѣдняго, что я считаю его грязнымъ, но не глупымъ. Слово грязный не должно приниматься здѣсь въ матеріальномъ смыслѣ. Иначе госпожа профессорша разразится страшнымъ гнѣвомъ и напечатаетъ всѣ свои счеты съ прачкой, на которыхъ обозначено, сколько чистыхъ фуфаекъ и рубашекъ ея любезный муженекъ перемѣнилъ въ теченіе года... И я убѣжденъ, что число это велико, потому что господинъ профессоръ Раумеръ въ теченіе года много бѣгаетъ, и слѣдовательно потѣетъ, и слѣдовательно долженъ перемѣнять много бѣлья. Дѣйствительно, жареная слава не летитъ ему прямо въ ротъ, онъ долженъ быть постоянно на ногахъ, чтобы поймать ее....

Повторяю, я не согласенъ съ мнѣніемъ Бёрне о господинѣ фонъ-Раумерѣ; онъ грязный человѣкъ, но не дуракъ, какъ утверждалъ Бёрне, который, можетъ быть, потому такъ строго относился къ нему и при всякомъ удобномъ случаѣ сыпалъ на него самыми злыми насмѣшками, что самъ напечаталъ въ это время книгу тоже подъ заглавіемъ: «Парижскія Письма».

Да, не смѣйтесь; господинъ фонъ-Раумеръ былъ въ то время соперникомъ Бёрне, «Парижскія Письма» котораго появились одно-

временно съ вышеупомянутыми письмами, въ которыхъ онъ, Раумерчикъ, переписывался съ госпожею Кренингеръ и ея супругомъ.

Раумеровы письма давно уже забыты, и мы помнимъ еще забавное впечатлѣніе, которое они произвели, появясь на литературномъ рынкѣ одновременно съ «Парижскими Письмами» Бёрне. Что касается этихъ послѣднихъ, то я сознаюсь, что два первые тома не мало напугали меня. Я былъ пораженъ этимъ ультра-радикальнымъ тономъ, котораго меньше всего ожидалъ отъ Бёрне. Человѣкъ, который въ своихъ тщательно обработанныхъ сочиненіяхъ самъ контролировалъ себя и взвѣшивалъ каждый слогъ, прежде чѣмъ выписывалъ его,— человѣкъ, который въ своемъ стилѣ никогда не отрѣшался вполнѣ отъ привычекъ своего родимаго имперскаго мѣщанства и отъ боязливости, сопряженной съ его прежнею должностью, человѣкъ, бывшій прежде полицейскимъ чиновникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ,—теперь ударился въ такой санкюлотизмъ мысли, какого еще никогда не видала Германія. Боже мой! какіе страшные обороты рѣчи! какіе преступные глаголы! какіе революціонные винительные падежи! какія повелительныя наклоненія! какіе антиполицейскіе вопросительные знаки! какія метафоры, одинъ видъ которыхъ могъ повлечь за собою заточеніе въ крѣпости на двадцать лѣтъ! Но не смотря на страхъ, поселенный во мнѣ этими письмами, они пробудили во мнѣ одно комическое воспоминаніе, развеселившее меня почти до смѣха, и о которомъ я не могу здѣсь умолчать. Да, сознаюсь, что Бёрне, какимъ онъ явился мнѣ въ своихъ письмахъ, напомнилъ мнѣ сѣдаго полицейскаго начальника, который еще во время моего дѣтства управлялъ моимъ родимымъ городомъ. Я говорю: управлялъ,—потому что онъ поддерживалъ общественное спокойствіе съ помощью своей неограниченной палки, поселяя въ насъ, дѣтяхъ, глубокое уваженіе къ себѣ и однимъ своимъ появленіемъ разгоняя насъ, когда мы ужь черезчуръ шумно играли на улицѣ. Этотъ полицейскій начальникъ вдругъ сошелъ съ ума и вообразилъ себѣ, что онъ уличный мальчишка, и мы къ величайшему изумленію увидѣли, что этотъ всесильный властитель улицъ, вмѣсто того, чтобы устанавливать спокойствіе, сталъ приглашать насъ къ самому шумному безчинству. «Вы слишкомъ скромно держите себя; кричалъ онъ:—вотъ я вамъ покажу, какъ надо шумѣть!» И при этомъ онъ начиналъ ревѣть по львиному или мяукать по кошачьи, и звонилъ во всѣхъ домахъ такъ сильно, что обрывалъ колокольчики, бросалъ камнями въ окна и при этомъ не переставалъ кричать: «я научу васъ, ребята, какъ надо шумѣть!» Насъ, маленькихъ мальчиковъ, очень забавлялъ этотъ старикъ, и мы съ восторгомъ бѣгали за нимъ до тѣхъ поръ, пока его не посадили въ сумасшедшій домъ.

Читая письма Бёрне, я постоянно думалъ о старомъ полицейскомъ начальникѣ, и мнѣ часто казалось, что я слышу его голосъ: «Вотъ я вамъ покажу, какъ надо шумѣть:»

Въ устномъ разговорѣ Бёрне усиленіе его политическаго бреда было менѣе замѣтно, потому что оно находилось тутъ въ связи съ страстями, свирѣпствовавшими въ кругу самыхъ близкихъ къ нему людей, постоянно находившихся наготовѣ для битвы и не рѣдко доказывавшихъ эту готовность фактически. Когда я посѣтилъ Бёрне во второй разъ, онъ жилъ на улицѣ de Provence, откуда съ тѣхъ поръ и не выѣзжалъ; въ гостинницѣ его я нашелъ такой звѣринецъ людей, какого нельзя отыскать даже въ Jardin des Plantes. Въ глубинѣ комнаты сидѣло на корточкахъ нѣсколько нѣмецкихъ бѣлыхъ медвѣдей, которые курили, почти постоянно молчали и только по временамъ изрыгали голосомъ контрбаса разныя проклятія. Подлѣ него пріютился волкъ изъ другой страны; онъ носилъ на головѣ красную шапку и изрѣдка выпускалъ изъ хриплаго горла сладко-приторныя замѣчанія. Тутъ же я встрѣтилъ и французскую обезьяну, принадлежавшую къ уродливѣйшимъ обезьянамъ, какихъ я только когда нибудь видѣлъ; она постоянно корчила рожи, для того чтобы изъ нихъ можно было выбрать самую лучшую. Незначительнѣйшимъ субъектомъ изъ этого Бёрневскаго звѣринца былъ господинъ *, сынъ стараро * виноторговца во Франкфуртѣ на Майнѣ. Дѣйствительно, этотъ сынокъ представлялъ собой длинную, тощую фигуру, походившую на тѣнь склянки о-де-колона, но пахнувшую далеко не такъ, какъ содержимое этой склянки. Не смотря на свой тощій видъ, онъ, какъ утверждалъ Бёрне, носилъ двѣнадцать фланелевыхъ фуфаекъ, потому что безъ нихъ совсѣмъ бы не существовалъ. Бёрне постоянно острилъ надъ нимъ.

— Представляю вамъ, сказалъ онъ мнѣ: — господина *; онъ * не первой величины, но все таки родственникъ солнца, отъ котораго получаетъ и свѣтъ свой: онъ вѣрноподданный родственникъ господина Ротшильда... Представьте себѣ, господинъ *, сегодня мнѣ снилось, что при мнѣ повѣсили франкфуртскаго Ротшильда и что именно вы надѣли ему петлю на шею.

Господинъ * испугался при этихъ словахъ и въ смертельномъ страхѣ вскричалъ:—Господинъ Бёрне, умоляю васъ не продолжать этого разговора... у меня есть на это свои причины... У меня есть свои причины,—повторилъ молодой человѣкъ нѣсколько разъ и, обратившись ко мнѣ, шопотомъ попросилъ меня послѣдовать за нимъ въ уголъ комнаты и выслушать объясненіе о его щекотливомъ положеніи.—Видите ли, таинственно сказалъ онъ:—мое положеніе очень щекотливое. Жена господина Ротшильда приходится мнѣ, такъ сказать, теткой. Прошу васъ, не разсказывайте въ домѣ господина барона

фонъ-Ротшильда, что вы видѣли меня у Бёрне... Я имѣю на это свои причины.

Бёрне постоянно острилъ надъ этимъ несчастнымъ и особенно нападалъ на него за то, что онъ отвратительно говорилъ по французски.

— Любезный мой соотечественникъ, говорилъ онъ: — французы поступаютъ несправедливо, когда насмѣхаются надъ вами; этимъ они доказываютъ свое невѣжество. Еслибы они знали по нѣмецки, то увидѣли бы, какъ правильно построены обороты вашей рѣчи, если смотрѣть эту постройку съ нѣмецкой точки зрѣнія... И съ какой стати вамъ отрѣшаться отъ вашей національности? Я даже удивляюсь той ловкости, съ которою вы переводите на французское нарѣчіе вашъ родной языкъ, франкфуртское mauscheln... Французы невѣжественный народъ, и никогда не выучатся говорить порядочно по нѣмецки. У нихъ совсѣмъ нѣтъ терпѣнія... Мы, нѣмцы, терпѣливѣйшій и прилежнѣйшій народъ... Сколько намъ приходится учить уже въ дѣтствѣ! Сколько латыни! сколько греческаго! сколько персидскихъ королей и всѣхъ ихъ родственниковъ, до послѣдняго дѣдушки включительно! Я держу пари, что невѣжа-французъ даже въ старости не знаетъ еще, что мать Кира называлась госпожа Мандана, и была урожденная Астіагъ. За то мы и издали лучшіе учебники по всѣмъ наукамъ. «Церковная исторія» Неандера и арифметика Мейера-Гирша — сочиненія классическія. Мы народъ мыслящій, и вслѣдствіе того, что у насъ было такъ много мыслей, что мы не могли всѣ ихъ написать, — мы изобрѣли типографію; а вслѣдствіе того что отъ вѣчнаго мышленья и сочиненія книгъ мы часто оставались безъ хлѣба, — нами изобрѣтенъ картофель.

— Нѣмецкій народъ, промычалъ нѣмецкій патріотъ изъ своего угла:—изобрѣлъ тоже порохъ.

Бёрне быстро повернулся къ патріоту, перебившему его этимъ замѣчаніемъ и съ саркастическою улыбкою сказалъ:

— Вы ошибаетесь, другъ мой; нельзя такъ исключительно утверждать, что нѣмецкій народъ изобрѣлъ порохъ. Нѣмецкій народъ состоитъ изъ 30-ти милліоновъ человѣкъ. Только одинъ изъ нихъ изобрѣлъ порохъ... остальные 29,999,999 нѣмцевъ не изобрѣли пороха. Впрочемъ, порохъ хорошее изобрѣтеніе, почти такое же, какъ и книгопечатаніе; надо только дѣлать изъ него хорошее употребленіе. Мы, же, нѣмцы, пользуемся прессой для распространенія глупостей, а порохомъ...

Вслѣдъ за этимъ, какъ будто кто нибудь опровергалъ это ложное заключеніе, Бёрне продолжалъ:

— Пожалуй, я соглашусь, что нѣмецкая пресса сдѣлала очень много добра, но зло, напечатанное ею, гораздо больше. Во всякомъ

случаѣ, это справедливо по отношенію къ гражданской свободѣ... Ахъ, когда я просматриваю всю нѣмецкую исторію, то ясно вижу, что нѣмцы мало способны къ гражданской свободѣ, а напротивъ того, всегда легко изучали, какъ теоретически, такъ и практически, смиренство и съ успѣхомъ примѣняли эту доктрину, не только у себя дома, но и за границей. Даже въ священной отчизнѣ Гармодія и Аристогитона, въ освобожденной Греціи, теперь утвердилось нѣмецкое смиренство, и въ аѳинскомъ Акрополисѣ течетъ баварское пиво. Я не могу подумать объ этомъ безъ того, чтобы не почувствовать дрожи въ мозгу! . . . .

Приведенныхъ мною словъ Бёрне достаточно, чтобы дать понятіе о тогдашнемъ настроеніи его; оно согласовалось съ горячностью тѣхъ нѣмецкихъ агитаторовъ, которые со времени іюльской революціи начали дикими толпами сходиться въ Парижъ, и тотчасъ же собрались вокругъ Бёрне. Непонятно, какъ этотъ, прежде очень разсудительный человѣкъ, теперь позволилъ оглушить себя самому грубому шуму, и увлекся самыми насильственными надеждами!

Въ кругъ этихъ безумцевъ онъ попалъ въ первый разъ тогда, когда средоточіемъ его былъ знаменитый книгопродавецъ Ф. Этотъ Ф. былъ человѣкъ совершенно по душѣ Бёрне. Красное бѣшенство, кипѣвшее въ груди его, трехдневная іюльская горячка, отъ которой трясались его члены, якобинская пляска св. Витта, заставлявшая прыгать его, — все это нашло отголосокъ въ «Парижскихъ письмахъ» Бёрне. Этимъ замѣчаніемъ я хочу указать только на заблужденіе ума, а отнюдь не на заблужденіе сердца. Потому что и Ф. желалъ добра Германіи, онъ былъ полонъ героизма, способенъ на всякое самопожертвованіе, и во всякомъ случаѣ былъ честный человѣкъ; я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ засвидѣтельствовать это, что съ тѣхъ поръ какъ строгое тюремное заключеніе заставило его молчать, клевета грызетъ его доброе имя. Его можно обвинять во многихъ неблагоразумныхъ дѣйствіяхъ, но невозможно обвинить въ двусмысленныхъ. Этотъ благородный безумецъ былъ мнѣ въ тысячу разъ любезнѣе другаго книгопродавца, тоже пріѣхавшаго въ Парижъ для изданія нѣмецкаго перевода французской революціи, и неправдивостью своею и гуманнымъ шпіономъ походившаго на гіену, которую собираются посадить въ клѣтку... Впрочемъ, и его считали честнымъ человѣкомъ, разсказывали, что онъ даже платилъ свои долги, когда выигрывалъ въ лотерею большой выигрышъ, и за такія честныя дѣйствія предложили сдѣлать его министромъ финансовъ будущей новой нѣмецкой имперіи... Между нами будь сказано, онъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ мѣстомъ, потому что мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Ф. уже заранѣе отдалъ Гарнье.

Но вліяніе, которымъ пользовался Ф., уничтожилось, когда онъ, какъ мнѣ кажется, въ ноябрѣ, оставилъ Парижъ, и мѣсто знаменитаго агитатора заступили новые предводители; значительнѣйшими въ числѣ этихъ послѣднихъ были уже упомянутый Гарнье и нѣкто Вольфрумъ. Я позволяю себѣ назвать ихъ по именамъ, потому что одинъ изъ нихъ умеръ, а другому, находящемуся въ безопасной Англіи, я доставлю большое удовольствіе напоминаніемъ важной роли, которую онъ игралъ въ то время; но оба они, Гарнье отчасти, а Вольфрумъ вполнѣ, черпали свое вдохновеніе изъ устъ Бёрне, который съ этихъ поръ началъ считаться душою парижской пропаганды. Безуміе осталось то же самое, но говоря словами Полонія, оно сдѣлалось методическимъ.

Я только что употребилъ слово «пропаганда», но употребилъ его совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно принимается людьми понимающими подъ этимъ словомъ тайное братство, заговоръ революціонныхъ умовъ во всей Европѣ, родъ кровожаднаго и атеистическаго масонства. Нѣтъ, парижская пропаганда, о которой я теперь говорю, состояла скорѣе изъ грубыхъ рукъ, чѣмъ изъ развитыхъ головъ; она осуществлялась сходками нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые собирались въ большомъ салонѣ пассажа Сомонъ или въ предмѣстьяхъ, чтобы бесѣдовать на миломъ отечественномъ языкѣ объ отечественныхъ предметахъ. Страстныя рѣчи въ духѣ рейнско-баварскихъ ораторовъ доводили до фанатизма многіе умы, и такъ какъ республиканизмъ такое дѣло, которое понять гораздо легче, чѣмъ напр. конституціонную форму правленія, для уясненія которой необходимы многія другія свѣдѣнія, то прошло немного времени, какъ тысячи нѣмецкихъ ремесленниковъ сдѣлались уже республиканцами и проповѣдывали новыя убѣжденія. Эта пропаганда была гораздо опаснѣе всѣхъ тѣхъ выдуманныхъ пугалъ, которыми разные люди пугали нѣмецкія правительства, и писанное слово Берне, можетъ быть, много уступало въ могуществѣ его устному слову, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, принимавшимъ эти слова съ нѣмецкою вѣрою и распространявшимъ ихъ у себя въ отечествѣ съ изумительнымъ рвеніемъ. Число нѣмецкихъ ремесленниковъ, странствующихъ во Францію и изъ нея, громадно. Въ слѣдствіе этого, когда сѣверо-нѣмецкія газеты радовались тому, что Берне взошелъ на Монмартръ съ шестьюстами портными подмастерьями и тамъ сказалъ имъ революціонную рѣчь, я пожалъ плечами отъ состраданія, которое, однако, меньше всего относилось къ Берне. Берне говорилъ очень хорошо, связно, убѣдительно, понятно для народа; рѣчь его была ничѣмъ не прикрашенная, безыскуственная рѣчь, тонъ которой очень близко подходилъ къ тону клубныхъ ораторовъ. Мнѣ пришлось слышать его только однажды

разъ, именно въ пассажѣ Созонъ, гдѣ Гарнье предсѣдательствовалъ въ «народномъ собраніи»... Берне говорилъ о Press-Verein'ѣ, которому слѣдовало остерегаться аристократической формы; Гарнье гремѣлъ противъ деспотизма, а кривоногій сапожный подмастерье тоже выступилъ на каѳедру и началъ утверждать, что всѣ люди равны... Меня не мало разсердила эта дерзость... Это было мое первое и послѣднее посѣщеніе народнаго собранія.

Но это посѣщеніе было уже достаточно... Мнѣ хочется, любезный читатель, сдѣлать тебѣ по этому случаю одно признаніе, котораго ты никакъ не ожидаешь. Ты думаешь, можетъ быть, что высшее честолюбіе мое всегда заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться великимъ писателемъ и пожалуй даже быть увѣнчаннымъ въ Капитоліи, какъ нѣкогда мессиръ Франческо Петрарка... Нѣтъ, самую большую зависть возбуждали во мнѣ собственно великіе народные ораторы, и я ничего такъ страстно не желалъ, какъ имѣть способность обращаться къ пестрой толпѣ, собранной на общественной площади, съ великимъ словомъ, которое или разжигаетъ или успокоиваетъ страсти, но во всякомъ случаѣ производитъ мгновенное дѣйствіе. Да, сознаюсь тебѣ съ глазу на глазъ, что въ годы неопытной молодости, когда нами овладѣваютъ комедіантскія желанія, мнѣ всегда хотѣлось играть такую роль. Я желалъ, во чтобы то ни стало, сдѣлаться великимъ ораторомъ, и подобно Демосѳену не разъ декламировалъ на берегу моря, подъ шумъ и вой вѣтра и волнъ... Не рѣдко ораторствовалъ я и на чистомъ полѣ предъ множествомъ быковъ и коровъ, и мнѣ иногда удавалось покрывать голосомъ мычанье всего стада. Но, конечно, всего труднѣе говорить рѣчь передъ стадомъ барановъ. Что бы вы ни говорили этимъ бараньимъ головамъ, — они отвѣчаютъ на каждый вашъ доводъ такимъ непоколебимо-спокойнымъ мээ—мээ, отъ котораго можно совсѣмъ растеряться. Итакъ, я дѣлалъ все, чтобы быть въ состояніи выступить въ качествѣ нѣмецкаго народнаго оратора въ томъ случаѣ, если у насъ когда нибудь наступитъ благопріятное для ораторскаго искусства время.

Но ахъ! уже на первой репетиціи я убѣдился, что въ такой пьесѣ не сыграю, какъ должно, мою любимую роль. Да если бы были ими сами Демосѳенъ, Цицеронъ, Мирабо — и они не могли бы быть ораторами у нѣмцевъ, потому что у нѣмцевъ всякое движеніе сопровождается сквернымъ куреніемъ табаку. Представьте себѣ мой испугъ, когда я посѣтилъ въ Парижѣ вышеупомянутое собраніе, и увидѣлъ, что всѣ представители отечества сидѣли съ трубками въ зубахъ, а вся зала была до такой степени наполнена дымомъ скверного кнастера, что я тотчасъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди и физическую невозможность произнести малѣйшее слово...

Надо собственными глазами видѣть народъ во время дѣйствительной революціи, надо нюхать его собственнымъ носомъ, надо слышать его собственными ушами, чтобы понять, что хотѣлъ сказать Мирабо словами: «нельзя сдѣлать революцію лавандовымъ масломъ». Пока мы читаемъ о революціяхъ въ книгахъ, все выходитъ очень красиво, и съ ними повторяется та же исторія, что съ пейзажами, отлично вырѣзанными на мѣди и превосходно отпечатанными на дорогой веленевой бумагѣ; въ этомъ видѣ они чаруютъ нашъ взоръ, а посмотришь на нихъ въ натурѣ, то убѣдишься совсѣмъ въ противномъ: вырѣзанный на мѣди навозъ не воняетъ, а черезъ вырѣзанное на мѣди болото легко перейти въ бродъ глазами.

Добродѣтель или безуміе побуждали Берне съ наслажденіемъ вдыхать въ себя сквернѣйшія зловонія и съ удовольствіемъ кататься по плебейской грязи? Кто разъяснитъ намъ тайну этого человѣка, который провелъ дѣтство въ самомъ мягкомъ шелку, потомъ гордо выказывалъ свой внутренній аристократизмъ, и въ концѣ своей жизни вдругъ перешолъ къ плебейскому тону и грубымъ манерамъ демагога низшаго класса? Возбуждало ли въ немъ бѣдственное положеніе отечества страшнѣйшій гнѣвъ, или душу его охватила мучительная скорбь о погибшей жизни?... Да, можетъ быть, это послѣднее предположеніе справедливо; онъ видѣлъ, что за всю эту жизнь ничего не сдѣлалъ всѣмъ своимъ умомъ и всею своею умѣренностью, и теперь закрылъ голову или, выражаясь по мѣщански, натянулъ себѣ колпакъ на уши и глаза, чтобы больше ничего не видѣть и не слышать, и кинулся въ зіяющую и шумную бездну... Это обыкновенный рессурсъ, остающійся намъ тогда, когда мы приходимъ къ тому рубежу, гдѣ впереди насъ нѣтъ уже никакихъ надеждъ, гдѣ всѣ цвѣты завяли, гдѣ тѣло утомлено, а душа полна досады и грусти... Я не ручаюсь, что я самъ не стану когда нибудь въ подобныхъ обстоятельствахъ поступать точно такъ же... Какъ знать? можетъ быть къ концу моей жизни я преодолѣю отвращеніе къ табачному дыму, выучусь курить и стану говорить самыя неумытыя рѣчи самой неумытой публикѣ...

Перелистывая недавно «Парижскія письма» Берне, я натолкнулся на одно мѣсто въ нихъ, которое составляетъ странное созвучіе съ тѣмъ, что я только что высказалъ. Вотъ это мѣсто:

«Вы спросите, можетъ быть, съ удивленіемъ, какъ я, жалкій человѣкъ, дошелъ до того, что поставилъ себя рядомъ съ Байрономъ? Чтобы отвѣчать на это, я долженъ разсказать вамъ то, чего вы еще не знаете. Когда духъ Байрона, въ своемъ путешествіи черезъ чистилище, прилетѣлъ на землю, чтобы переночевать на ней одну ночь, то онъ прежде всего остановился у меня. Но моя квартира рѣшительно не понравилась ему, онъ поспѣшно убрался изъ нея и вернулся въ

этого Байрона. Долго это огорчало меня, долго меня мучила мысль, что я сдѣлался такою ничтожностью и рѣшительно ничего не достигнулъ. Но теперь эта грусть прошла, я позабылъ про нее и спокойно живу въ моей бѣдности. Мое несчастіе состоитъ въ томъ, что я родился въ среднемъ сословіи, для котораго совсѣмъ не гожусь. Будь мой отецъ владѣтель милліоновъ или нищій, будь я сынъ знатнаго человѣка или бродяги, — по всей вѣроятности, я бы достигнулъ чего нибудь. Но я сдѣлался маятникомъ мѣщанскихъ стѣнныхъ часовъ, качался вправо, качался влѣво и долженъ былъ постоянно возвращаться на середину».

Это писалъ Берне 20 марта 1831 г. Предсказанія его о самомъ себѣ не сбылись точно также, какъ не сбывались предсказанія о другихъ. Мѣщанскіе стѣнные часы сдѣлались набатнымъ колоколомъ, звонъ котораго распространялъ болзнь и ужасъ. Я уже говорилъ, какіе дикіе люди дергали за веревку этого колокола, я уже намекнулъ, что Берне служилъ органомъ современныхъ страстей, и что его сочиненія должны быть разсматриваемы не какъ продуктъ ума одного человѣка, но какъ документъ, принадлежащій нашему политическому періоду бурь и бѣдствій. Что въ этомъ періодѣ стояло на первомъ планѣ и возводило общее волненіе на степень какого-то кипѣнія, — это были рейнско-баварскія событія; на Берне они имѣли сильнѣйшее вліяніе...

Изъ рейнско-баварскихъ провинцій должна была выйти нѣмецкая революція. Всѣ были увѣрены, что революція начнется въ Цвейбрюкенѣ, и все въ немъ было готово къ взрыву. Но добродушіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей помѣшало осуществленію этого предпріятія.

Докторъ Писторъ, одинъ изъ цвейбрюкенскихъ героевъ, теперь обитающій тамъ, гдѣ нѣтъ никакой отвѣтственности, увѣрялъ меня, что нѣмецкая революція не осуществилась въ то время вслѣдствіе этой сантиментальности революціонеровъ. А между тѣмъ это время было довольно благопріятное. Только тогда и въ дни Гамбахскаго празднества всеобщій переворотъ въ Германіи могъ бы совершиться съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Эти Гамбахскіе дни были послѣднимъ срокомъ, съ тѣхъ поръ исчезла всякая возможность удачи.

Я давно уже потерялъ Берне изъ виду и снова встрѣтился съ нимъ послѣ его возвращенія изъ Гамбаха; но это была наша послѣдняя встрѣча въ этой жизни. Мы гуляли съ нимъ по Тюльери, онъ много разсказывалъ мнѣ о Гамбахѣ и былъ еще полонъ восторга, произведеннаго въ немъ ликованьемъ этого великаго народнаго праздника. Онъ не могъ достаточно нахвалиться единодушіемъ и приличіемъ, царствовавшими тамъ. Въ этомъ случаѣ онъ гово-

рилъ правду: я узналъ изъ другихъ источниковъ, что въ Гамбахѣ не было никакихъ рѣзкихъ крайностей, не было ни пьянаго шума, ни плебейской грубости, и оргія скорѣе происходила въ мысляхъ, чѣмъ проявлялась въ дѣйствіяхъ. Не мало безумныхъ словъ было произнесено вслухъ гамбахскими ораторами, рѣчи которыхъ въ послѣдствіи появились отчасти въ печати. Но дѣйствительное безуміе высказывалось здѣсь только шопотомъ. Берне разсказалъ мнѣ, что разъ, когда онъ разговаривалъ съ Зибенпфейферомъ (?), къ этому послѣднему подошелъ старый поселянинъ и сказалъ нѣсколько словъ на ухо, на что тотъ отрицательно покачалъ головой.—«Изъ любопытства, говорилъ мнѣ Берне:—я спросилъ Зибенпфейфера, чего хочетъ отъ него поселянинъ, и Зибенпфейферъ сознался мнѣ, что старикъ сказалъ ему: г. Зибенпфейферъ, если вы хотите сдѣлаться королемъ, мы вамъ устроимъ это дѣло. . .

— Я очень хорошо провелъ время въ Гамбахѣ, продолжалъ Берне: — мы всѣ были тогда точно кровные друзья, пожимали другъ другу руки, пили брудершафтъ, и я особенно помню одного старика, съ которымъ я цѣлый часъ плакалъ, самъ не знаю — о чемъ. Мы, нѣмцы, отличный народъ и совсѣмъ не такъ непрактичны, какъ прежде. Въ Гамбахѣ стояла также все время пріятнѣйшая майская погода, была тамъ и одна прелестная дѣвушка, хотѣвшая цѣловать мнѣ руки, точно старому капуцину; я не допустилъ до этого, и тогда отецъ и мать дѣвушки приказали ей поцѣловать меня въ губы и увѣряли меня, что она съ величайшимъ удовольствіемъ прочла всѣ мои сочиненія. Я очень хорошо провелъ время. Тутъ же у меня украли часы. Но и это мнѣ пріятно, это хорошо, это подаетъ мнѣ надежду. Потому что это значитъ, что и между нами есть мошенники, а вслѣдствіе этого намъ легче будетъ успѣть. Дернулъ чортъ проклятаго Монтескье сказать, что добродѣтель есть главный принципъ республиканца, и я очень боялся, что наша партія будетъ состоять исключительно изъ честныхъ людей и поэтому ничего не добьется. Крайне необходимо, чтобы между нами, какъ и между нашими врагами, были мошенники. Я бы очень желалъ узнать, кто именно изъ патріотовъ укралъ у меня часы, и я найду средство отыскать этого вора: Именно, я объявлю въ «Гамбургскомъ Корреспондентѣ», что доставившій мои часы получитъ въ награду сто луидоровъ. Часы стоютъ этой суммы, уже какъ рѣдкость, — это первые часы, украденные нѣмецкой свободою. Да, и мы, сыны Германіи, пробуждаемся отъ нашей сонливой честности... Трепещите, враги наши, мы тоже умѣемъ воровать!»

Бѣдный Берне не переставалъ говорить о Гамбахѣ и объ удовольствіи, которое онъ испыталъ тамъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ,

что въ послѣдній разъ былъ въ Германіи, въ послѣдній разъ подышалъ нѣмецкимъ воздухомъ, въ послѣдній разъ жадно упился нѣмецкими глупостями. «Ахъ! говорилъ онъ, вздыхая: — какъ путникъ въ жаркое лѣтнее время тоскуетъ по свѣжей прохлаждающей водѣ, такъ я часто тоскую по тѣмъ свѣжимъ, прохлаждающимъ глупостямъ, которыя могутъ цвѣсти только на почвѣ нашей отчизны. Это такія глубокомысленныя, такія меланхолически-веселыя глупости, что сердце ликуетъ при видѣ ихъ. Здѣсь, у французовъ, глупости такъ сухи, такъ поверхностны, такъ разсудительны, что не доставляютъ никакого удовольствія тому, кто привыкъ къ лучшему. Вотъ почему во Франціи я съ каждымъ днемъ буду становиться сердитѣе и печальнѣе, и наконецъ умру. Изгнаніе — ужасная вещь. Если я когда нибудь переселюсь въ элисейскія поля, то конечно буду несчастливъ и тамъ, среди духовъ свѣта, которые такъ отлично поютъ и такъ пріятно пахнутъ... Вѣдь они не говорятъ по нѣмецки и не курятъ кнастера... Только въ отечествѣ мнѣ хорошо! Любовь къ отечеству! Мнѣ смѣшно, когда это слово произносятъ люди, никогда не бывшіе изгнанниками... Они могутъ точно такъ же говорить о любви къ молочной кашѣ. Любовь къ молочной кашѣ! Въ африканской песчаной пустынѣ это слово — любовь къ отечеству — уже имѣетъ значеніе. Если я когда нибудь буду такъ счастливъ, что возвращусь въ милую Германію, то пусть меня назовутъ мошенникомъ, если я стану писать противъ какого бы то ни было сочинителя, живущаго въ изгнаніи. Еслибъ не боязнь тѣхъ гнусностей, которыя люди заставляютъ высказывать сидящаго въ тюрьмѣ, я бы не уѣхалъ изъ Германіи и спокойно сѣлъ въ тюрьму, какъ многіе другіе отличные люди, которымъ я предсказалъ ихъ судьбу, — предсказалъ все на основаніи видѣннаго мною сна...

— О, это былъ дурацкій сонъ, вскричалъ Берне, вдругъ расхохотавшись и перейдя, по своему обыкновенію, изъ мрачнаго тона въ веселый: — это былъ дурацкій сонъ! Къ нему подготовили меня разсказы одного ремесленника, побывавшаго въ Америкѣ. Именно, онъ разсказалъ мнѣ, что въ сѣвероамериканскихъ городахъ по улицамъ ползаютъ очень большія черепахи, у которыхъ на спинахъ написано мѣломъ, въ какой гостинницѣ и въ какой именно день онѣ попадутъ въ супъ a la tortue. Не знаю, почему этотъ разсказъ сильно поразилъ меня, почему я цѣлый день думалъ о несчастныхъ животныхъ, такъ спокойно ползающихъ по улицамъ Бостона и не подозрѣвающихъ, что на спинѣ у нихъ положительно обозначены день и мѣсто ихъ погибели... И представьте себѣ, что ночью я вдругъ видѣлъ во снѣ моихъ друзей, нѣмецкихъ патріотовъ, превращенныхъ въ такихъ черепахъ; они спокойно ползали взадъ и впередъ, и на спинѣ у каждаго

точно такъ же было большими буквами обозначено, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ его вбросятъ въ проклятый суповой котелъ... На слѣдующій день я посовѣтовалъ моимъ друзьямъ остерегаться, но не смѣлъ разсказать имъ мой сонъ, потому что они разсердились бы на меня за то, что ихъ, людей движенія, я увидѣлъ въ образѣ неповоротливыхъ черепахъ... Но изгнаніе, изгнаніе, это ужасная вещь!.. Ахъ, какъ я завидую французскимъ республиканцамъ! Они страдаютъ, но въ отечествѣ. До самой смерти нога ихъ стоитъ на дорогой землѣ родины. А каково еще французамъ, которые здѣсь въ Парижѣ имѣютъ передъ глазами дорогіе памятники, разсказывающіе имъ о подвигахъ ихъ предковъ, и утѣшающіе, и ободряющіе ихъ! Тутъ говорятъ камни и деревья, и говорятъ лучше и выразительнѣе, чѣмъ всѣ профессора исторической школы въ Берлинѣ и Геттингенѣ. А эти каштановыя деревья въ Тюльери, развѣ они не поютъ Марсельезу своими зелеными язычками?»

Но на этихъ старыхъ каштанахъ есть много очень гнилыхъ вѣтвей, и какъ разъ въ ту минуту, когда Берне хотѣлъ закончить послѣднюю фразу, одинъ огромный сукъ съ громкимъ трескомъ полетѣлъ внизъ съ значительной высоты и раздавилъ бы насъ обоихъ, еслибъ мы не поспѣшили отскочить въ сторону; Берне, отскочившій медленнѣе меня, получилъ небольшой ушибъ въ руку и сердито проворчалъ: «скверный знакъ!»

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЫСЕЛКИ.

(СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ).

I.

Нескончаемо вьется передъ вами длинная лента проѣзжей, степной дороги. Неустанно сторожатъ ее кривыя, рогатыя ветлы, высокіе стоги благоухающаго сѣна и волны различныхъ хлѣбовъ, такъ что давно уже полнымъ скокомъ мчится ваша, не знающая устали, тройка, а вы еще ничего не видали на этой дорогѣ, кромѣ ея самой... Божью птицу, такъ и ту всю степные жары загнали съ нея въ прохладныя кущи лѣсовъ, изрѣдка синими тучами виднѣющіяся по бокамъ дороги.

Густой запахъ обильной, степной растительности, наконецъ, усыпилъ васъ. По прежнему летитъ ваша тройка по ровной, какъ скатерть, и пустынной дорогѣ, оживляя ее заливнымъ звономъ колокольчика и громкимъ топотомъ лошадиныхъ копытъ, по прежнему не видать на ней ни одной души человѣческой; а между тѣмъ, во снѣ вы населили мертво-молчащую глушь шумными городами, гдѣ кипитъ широкая жизнь, по которой вы такъ встосковались. Дорогіе вашему сердцу люди радостно встрѣтили васъ въ тѣхъ городахъ. Трепетъ вашего сердца при видѣ людей этихъ былъ такъ силенъ, что вы проснулись. Проснулись, и опять передъ вами безлюдная дорога съ своими молчаливыми, безсмѣнными сторожами...

— Господи! Когда же все это кончится? спрашиваете вы у пролетѣвшаго надъ вашей головою грача.

— Далеко еще до конца!... каркаетъ онъ вамъ издали. — Хорошо еще, выселки тутъ скоро придутъ; а въ старину, бывало, съ этого мѣста до жилья человѣческаго въ цѣлый день долетишь черезъ великую силу!...

И точно: посреди этого пугающаго безлюдья, вдругъ, словно грибъ-скороспѣлка, выростаетъ передъ вами выселокъ въ три, четыре избы. Такъ уныло, такъ грустно бросятся онѣ въ глаза ваши, словно маленькій островокъ, залитый половодьемъ широкимъ, со всѣхъ сторонъ обдлелѣяный могучей пустыней, что такъ и хочется вамъ выговорить за нихъ безотвѣтныхъ:

— Сгинь-пропади нужда, которая забросила сюда насъ, сиротъ горемычныхъ.

Разныя бываютъ нужды крестьянскія и много ихъ по божьему свѣту такихъ разгуливаетъ, какихъ мы и во снѣ никогда не видали; но я знаю и разскажу про ту нужду, которая на верху бездоннаго оврага посѣяла вотъ этотъ самый выселокъ, запрудила прудъ въ оврагѣ, перебросила навозный мостъ черезъ прудъ, у моста вколотила въ терпѣливую землю пестрый столбъ, который говоритъ, что выселокъ этотъ называется «Коровьи слезки», и что въ немъ душъ мужскихъ восемь, женскихъ десять.

Жилъ былъ въ ближнемъ селѣ Иванъ одинъ съ женой и дѣтьми. Большое село это было, на широкомъ тракту стояло, и народъ въ немъ кипѣлъ, какъ вода въ котлѣ, и свой, и пріѣзжій. Только весь этотъ народъ, ежели ему случалось празднымъ зимнимъ вечеромъ, когда и старый, и малый высыпаютъ на морозныя улицы, встрѣтиться съ тѣмъ Иваномъ, не зналъ для себя большей потѣхи, какъ дружною, улюлюкающей стаей проводить его до самой избы. Насмѣшки и снѣжные комья безъ счета сыпались въ Иванову спину; а онъ, бывало, какъ раненый медвѣдь, сугорбится весь и развалистой рысью улепетываетъ отъ толпы, не допытываясь у ней, за что она каждый разъ преслѣдуетъ его, какъ хищнаго волка. Только, бывало, когда уже черезчуръ не втерпежъ приходились ему потѣхи односельцевъ, останавливался онъ передъ толпой и толковалъ ей:

— Братцы! Грѣхъ вамъ передъ Господомъ Богомъ будетъ, что вы на крещенаго человѣка, какъ на бѣшеную собаку, улюлюкаете!

— Ахъ ты, колдунъ-чортъ! орала на него толпа. — Туда же

про Господа Бога толкуетъ! И обидныя речья сыпались на него все гуще и гуще.

Въ то еще время, какъ Иванъ по сельскимъ улицамъ малымъ несмысленымъ бѣгалъ, односельцы думали про его отца, что онъ, должно быть, великій колдунъ, да кстати уже и про мальчишку тоже задумали. Пытались сосѣди въ старину отца-колдуна также травить за его колдовство, какъ травили они сейчасъ колдуна-сына; но старый колдунъ, должно быть, поискуснѣе молодаго былъ. Онъ не сталъ долго разговаривать съ шутниками, а однажды выхватилъ изъ нихъ одного, поглупѣе кто былъ, вздулъ его на обѣ корки, да потомъ въ управу свелъ; тамъ тоже шутника вспарили да за обиду безвиннаго человѣка штофъ водки содрали. Этимъ случаемъ потѣхи надъ старикомъ и покончились.

Не имѣлъ отцовской удали нашъ Иванъ. Въ младенчествѣ прозвали его колдуномъ, теперь зовутъ и будутъ звать, надобно думать, тогда даже, когда онъ въ сырую землю заляжетъ. Пробовала по началу жена уговаривать его, чтобы онъ не давался міру въ обиду, такъ Иванъ такое-то ли плетево заплеталъ ей въ отвѣтъ, что она на него и рукой махнула.

— Что это у тебя, Иванъ, заговаривала съ нимъ жена, когда онъ, оплеванный отъ волосъ до пятъ, приходилъ съ улицы къ себѣ: — ровно и словъ никакихъ для твоихъ обидчиковъ нѣтъ! Ты бы, чѣмъ мямлить-то съ ними: тае да надтае, да энтого тае, — отлупилъ бы какого нибудь идола, али бы въ правленьи пожаловался. Они, можетъ, посмирнѣе бы стали.

Посмотритъ Иванъ на жену, послѣ этихъ словъ, во всѣ смирные глаза свои поглядитъ, ровно бы дивится ея великой неправдѣ и скажетъ:

— Любушка ты моя! Никогда я на словахъ-то рѣчистъ не былъ. Не сговорю я съ ними, пожалуй, на словахъ-то; а ужь лучше не стану я лаской съ ними обращаться. Тихостью я, можетъ, полажу съ ними, тихостью...

И такъ-то онъ славно тихостью своей ладилъ съ сосѣдями, что они, бывало, на сходкѣ только и дѣла дѣлаютъ, что вино съ него опиваютъ, да на него же каждый день то подводу, то какую нибудь другую мірскую повинность навалить ухитряются.

Только и Иванъ наконецъ не вынесъ людской неправды и женниныхъ слезливыхъ попрековъ.

— Молчи-ка ты, Любушка! возговорилъ онъ однажды женѣ,

которая во весь голосъ проклинала свое житье горемычное за такою мокрою курицей. — Одолѣвай-ка ты свое горе тихостью да смиренствомъ. Способнѣе такъ-то не въ примѣръ будетъ! Богъ ужь съ тобой! Увезу я тебя отсюда подальше. Вишь какая ты у меня неуспокоивая!

— Отойди-ка ты отъ меня съ тихостью своей! кричала жена. Ну, куда ты убѣжишь? Куда ты съ своимъ смиренствомъ отъ людскихъ, насмѣшливыхъ глазъ укроешься?

— Ужь ты будь спокойна! мягкою и торопливою рѣчью уговаривалъ Иванъ разобиженную жену. — Безъ сумлѣнія будь! Отыскалъ я неподалечку такое-то ли мѣсто знатное. Ахъ! прекрасное мѣсто какое, сейчасъ умереть! Душа радуется. Мы тамъ выселокъ заселимъ съ тобой...

И вотъ въ мирной, безотвѣтной степи поселились безотвѣтныя Ивановы смиренство и ласка. Такъ хорошо и прохладно кочевому страннику отдохнуть въ сѣняхъ Ивановой избы, послѣ ходьбы по степной дорогѣ, песокъ которой, распаленный солнцемъ, немилосердо жжетъ босыя ноги.

— Миръ тебѣ, хозяинъ! скажетъ Ивану усталый, разслабленный странникъ, входя въ его одинокую избу.

Несказанно обрадуется хозяинъ посторонному голосу, такая улыбка хорошая на всемъ его лицѣ засіяетъ, что и про усталость свою забудетъ странникъ, забудетъ про холодъ ночей безпокрышныхъ, про голодъ въ дни недобычные, и про всѣ свои дорожныя скорби, когда на его привѣтствіе, ласковый хозяинъ отвѣтитъ ему своей рѣчью.

— Господь съ тобою, касатикъ! Взойди-ка, взойди-ка ты въ сѣни ко мнѣ, пообѣдай, чѣмъ Богъ пошлетъ, да отдохни отъ трудовъ своихъ странних!

Скоро около Ивановой избы выросъ другой грибъ. Дѣло было такимъ манеромъ.

Лѣтніе сумерки уже упали на степную дорогу, которая тянулась подъ окнами Иванова двора. Дорожная пыль, смоченная вечерней росою, не вздымалась высокими столбами и, слѣдовательно, не мѣшала видѣть, какъ издали подъѣзжала къ выселку телѣга съ какимъ-то человѣкомъ. Ивановы ребятишки, по цѣлымъ днямъ одиноко игравшіе въ степи, обрадовались подъѣзжающему дядѣ и побѣжали ему на встрѣчу. Дядя этотъ, должно быть, былъ добрый мужикъ, потому что когда онъ подъѣзжалъ къ избѣ, съ нимъ вмѣстѣ въ его телѣгѣ сидѣли и хозяйскія дѣти.

— Пусти-кась ты меня, тетушка, ночевать! съ поклономъ попросился на ночлегъ пріѣзжій у Ивановой жены.

— Радостью бы рада, кормилецъ, отвѣтила хозяйка: — да вотъ мужика-то моего нѣтъ теперича дома. Пожалуй, и совсѣмъ въ полѣ заночуетъ. Боязно пустить-то, потому всякіе люди — и худые и хорошіе — по степямъ у насъ разъѣзжаютъ.

— Да ужъ я, хозяюшка, не бойсь, не изобижу тебя. Ты вонъ погляди-ка: я ребятенкамъ твоимъ полны пазухи кренделей понаклалъ. Я ласковый.

— Ну, ужъ въѣзжай, коли ты ласковый, да распрягай лошадь-то поскорѣе, ужинать пора.

— Ужъ это мы, тетенька, къ ужину-то молодцы поспѣвать, живо распряжемъ, проговорилъ пріѣзжій, въѣзжая въ темный дворъ поселыщика.

Скоро, сопровождаемый радостной гурьбой хозяйскихъ ребятишекъ, пріѣзжій вошелъ въ избу. Только что успѣлъ онъ помолиться да поздороваться съ хозяйкой, какъ уже одинъ малышонокъ вскочилъ кое-какъ на лавку, сталъ къ дядюшкѣ за спину и обѣими ручонками обнялъ его толстую, испеченную степнымъ жаромъ шею, другой вобрался къ нему на колѣни, а третій между колѣнъ приснастился и пошли у нихъ такіе-то ли шумные разговоры. Всю избу наполнилъ собою звонкій хохотъ дѣтскій; а между тѣмъ изъ огромнаго устья печки блистало такое отрадное пламя, и такъ заботливо хозяйка ухаживала за этимъ пламенемъ, приготовляя на немъ незатѣйливый ужинъ, что ужинъ этотъ ожидался веселымъ семействомъ вдвое нетерпѣливѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, когда бы въ избѣ не сидѣло такого забавника-гостя.

Невидимкой летитъ тихій вечеръ. Раза два уже черезъ молчаливую степь въ окна Ивановой избы влетали печальные колокольные стоны изъ сосѣдняго съ выселкомъ села, говорившіе, что крѣпокъ караулъ въ томъ селѣ и что во всякую, даже самую позднюю пору, безустанно сидитъ на церковной паперти тотъ караулъ и съ далью ночною другъ въ друга пристально всматриваются. Позднее время на дворѣ стояло, такое позднее, что степному человѣку въ тѣ часы ночные не то чтобы страшно на улицѣ быть, а такъ беретъ тебя какая-то оторопь, когда, вышедши за дверь, взглянешь или на темный лѣсъ, или на широкое поле. Видишь, что кромѣ тьмы на землѣ, да свѣтлыхъ звѣздъ въ небѣ, нѣтъ ничего кругомъ тебя; а между тѣмъ никакъ не

можешь не вздрогнуть, присматриваясь къ этимъ волнамъ свѣта, которыя мѣсяцъ льетъ на полночное царство, прислушиваясь къ тому необъяснимому, никогда не перестающему шуму, которымъ обыкновенно дышетъ тайная полночь. Въ такое время развѣ только на постоялыхъ дворахъ увидишь огонь, какъ онъ чуть брезжитъ на твою печальную дорогу, и на ночлегъ зоветъ; у поповъ тоже,—и то изрѣдка это бываетъ, когда сосѣдъ-управитель за душистымъ травникомъ засидится, — сквозь огонь окно, бумагой замазанное, долго виднѣется; кромѣ же такихъ случаевъ, чуть только ясный мѣсяцъ на небо выкатится, а степь уже и спитъ вся, словно бы чьимъ нибудь сильнымъ ударомъ съ одного раза сваленная, и ѣдучи по ней, глубоко встоскуешься сердцемъ, потому что, кромѣ неба да Божіей ночи, никого не увидишь на всемъ этомъ широкомъ пространствѣ, которое всего тебя обняло собой.

Недалеко ужь и до полночи было, а въ Ивановой избѣ все еще спать не ложились. На самой дорогѣ даже слышно было, какъ хозяйскіе ребятишки громко смѣялись съ пріѣзжимъ дядей. Вынулъ онъ имъ шелковый, табачный кисетъ, потѣшалъ ихъ зажигательными спичками (у насъ ихъ еще очень мало по селамъ), и серебряное кольцо съ руки снялъ, тоже имъ на забаву отдалъ.

— Экой человѣкъ какой обходительный! думаетъ про гостя Иванова жена, поджидая къ ужину запоздавшаго мужа.—Ребятишки-то какъ скоро привыкли къ нему, все равно какъ къ родному.

Скоро на улицѣ раздался знакомый топотъ доморощенной лошади, заскрипѣли ворота, и дѣти бросились изъ избы на встрѣчу къ отцу.

— А къ намъ, тятька, гость пріѣхалъ. Вона сколько гостинцевъ онъ намъ надавалъ!

— Мамка курицу изловила его потчивать.

— Всегда, милые мои, училъ Иванъ дѣтокъ: — гостей надо угощать получше, потому они въ дорогахъ своихъ очень устаютъ. Вы поменьше за ужиномъ курицу-то ѣшьте: а то гостю мало будетъ. Ишь, будетъ онъ про васъ на своей сторонѣ разсказывать, какіе у Ивана жадные ребятишки, — всю, почитай, курицу-то одни поѣли...

— Мы ее немного будемъ ѣсть, согласно отвѣтили ребятишки.—Мы, тятька, кренделей этихъ страсть какъ наѣлись!

Сѣли ужинать. Отогрѣлось молодецкое сердце въ радушной бесѣдѣ семейной, и вымолвилъ пріѣзжій:

— Ахъ! Погляжу я, хозяинъ, на твое житье въ здѣшнихъ мѣстахъ. Хорошо!

— У насъ тутъ, слава Богу, тихо! отвѣтилъ Иванъ. Одни...

— У насъ тутъ степь! прибавила хозяйка.

— Одно слово: рай тутъ у васъ, а не житье! И я бы, пожалуй, здѣсь поселился.

— Да ты чей? полюбопытствовалъ Иванъ у гостя.

— Я-то?

— Ты-то?

— Чей? протяжно и съ печальной усмѣшкой переспросилъ гость.—Я Божій, хозяинъ! Вотъ я чей!..

— Такъ! догадался Иванъ, сомнительно посматривая на жену. дескать: приглядывать надо за гостечкомъ-то, Любушка!

— Не пугай жену, дядя! Что ты на нее такъ смотришь? Можетъ, ты ей на счетъ осторожности что, такъ это ты напрасно, потому, ежели бы я былъ какой нибудь съ вѣтру, разви бы я тебѣ сталъ объ этомъ дѣлѣ разсказывать?

— Не сталъ бы, задумчиво соглашался Иванъ.

— Такъ ты это и понимай! вскрикнулъ проѣзжій.—Слушай, хозяинъ, я тебѣ скажу что-то, какъ передъ Богомъ, потому очень ты мнѣ полюбился, и жена твоя полюбилась, и ребятенки. Всѣ вы больно ужь смирны и ласковы. Знаешь ли ты, какой я такой человѣкъ? Я, братецъ ты мой, бѣглый человѣкъ, одинокій, вотъ какъ этотъ перстъ—и нѣтъ у меня на всей землѣ пріюта, гдѣ бы я могъ голову преклонить... Такъ-то! Вотъ я какой человѣкъ—страдникъ! И отъ того, можетъ, весь свой вѣкъ я погибать долженъ.

— А ты смиренствомъ управляйся, Господу Богу молись! посовѣтовалъ Иванъ.

— Я, братецъ ты мой, самъ грамотѣ знаю, отвѣтилъ проѣзжій. — Я, можетъ, только и дѣла дѣлаю, что, разъѣзжаючи по бѣлу свѣту, взываю къ Господу: «Господи, молъ, когда же сердце мое ретивое поспокойнѣе станетъ?... Разрази Ты меня, Господи, громомъ, потому я въ жизни никакой для себя утѣхи не вижу»...

— А это ты напрасно такъ-то поговариваешь, соколикъ! вмѣшалась хозяйка.—Эдакъ то, пожалуй, и грѣхъ выдетъ, когда у Господа Бога смерти себѣ запрашивать станешь!

— Это ты, тетенька, истинную правду сказала про грѣхъ, и по грамотству моему до всего до этого я дошелъ въ самой тонкости. Только что же ты станешь дѣлать? Вѣдь оно ноетъ у меня, сердце-то, каждую минуту, потому я долженъ дѣлать всякое зло. По свѣту скитаючись, я теперь коней краду, паспорты для добрыхъ людей изготовляю фальшивые — и выходятъ отъ этого великія слезы. Я вѣдь кантонистъ. Убѣгъ я вотъ какимъ малышемъ, отъ полу не видать, и съ этого самаго времени безпрестанно скитаюсь. Воротиться боюсь, потому это единственно все равно, что живота по своей волѣ лишиться... Поймать меня, я знаю, никогда не поймаютъ, потому я воръ отъ рожденья: въ одно ухо влѣзу, въ другое вылѣзу... Только я не хочу быть воромъ, а хочу поселиться въ жиломъ мѣстѣ, чтобы добрые люди меня знали и видѣли.

— Со смиреніемъ ежели къ Господу припадешь,—ничего!... Хорошо будетъ... заговорилъ было Иванъ.

— Тутъ, братецъ ты мой, молитва молитвой, а и сотня золотыхъ тоже безпремѣнно понадобится... И я не тужу объ этой сотнѣ, потому вотъ она и теперича при мнѣ на лицо, — подпоясанъ я ею. Только какъ же ты думаешь: о чемъ я тужу теперь и чего я боюсь? Боюсь я встосковаться по широкимъ степямъ да по волѣ... Что, ежели я, примѣромъ, живу живу подлѣ тебя на поселкѣ, работаю работаю, домъ себѣ скоплю, жену найду молодую, да вдругъ на меня тоска эта опять нападетъ? Что я тогда стану дѣлать? Вѣдь я убѣгу тогда, сейчасъ умереть! Возьму, брошу все и убѣгу, потому сердцу моему никогда и ни въ чемъ удержу нѣтъ!... Пожалуй еще, я вамъ зла какого ни на есть натворю. Меня вѣдь часто на зло разжигаетъ кто-то... Сидитъ подъ сердцемъ-то у меня и разжигаетъ... Выкинь, шепчетъ, съ ними штуку почуднѣе, чтобы они не слезами, а кровью горючею залились... Грѣшный я человѣкъ! Слушался я не разъ этихъ словъ и съ ближними моими, по окаянной злости моей, разныя штуки выкидывалъ и смѣялся...

— Это тебя, надо думать, испортили, касатикъ ты мой! Со слезами предположила Иванова жена.—Злые люди бѣса въ тебя посадили.

— Мало мы, грѣшные, слезами-то своими умываемся, когда молимся! тихо замѣтилъ самъ хозяинъ.

— Родные вы мои! слезно взмолился пріѣзжій къ хозяевамъ: — полюбилъ я васъ отъ чего-то, какъ отца съ матерью. Поберо-

рите вы мою грѣшную душу. Когда я такъ-то встоскуюсь, живучи съ вами, возгорюсь я когда объ моемъ окаянствѣ и опять его душой моей зажелаю, скажите ка вы мнѣ тогда, добрые люди: «что это ты, молъ, Петръ, о чемъ встосковался? Али ты, Петръ, хочешь зло намъ какое натворить и убѣчь отъ насъ въ степи? А и мы, молъ, тебя, Иванычъ, за такія дѣла сейчасъ въ судъ предоставимъ и объявимъ начальникамъ, какой ты такой на семъ свѣтѣ пагубный человѣкъ есть!»... Можетъ, я тогда, страха ради человѣча, и развѣю мои треклятыя думы...

Такимъ образомъ еще одной душой человѣческой больше стало въ поселкѣ. Поселился въ немъ Петръ Крутой съ своимъ размычливымъ, не знающимъ удержу, горемъ. Какъ разъ мазанку свою прилѣпилъ онъ къ одному боку Ивановой избы,—маленькую такую мазанку, словно клѣтку птичью, въ которой каждую минуту веселыми пичугами щебетали и рѣзвились Ивановы дѣтки.

Въ скорости прилетѣли въ выселокъ еще другія птицы, чтобы свить себѣ гнѣзда въ широкомъ раздольѣ степномъ, ласково пріючавшемъ у себя всякую душу, которая желала уединиться въ его несмущаемой тишинѣ.

Неподалеку отъ поселка, въ большомъ селѣ лѣтъ двадцать уже какъ гнила и разваливалась усадьба стариннаго дворянскаго рода. Давно уже угасъ главный корень этого рода и побочныя вѣтви его, широко раскинутыя по лицу Россіи, ожесточенно схватились между собою за право обладанія нѣсколькими тысячами крестьянскихъ душъ и десятинъ земли. Сперва разрушитель-время покачнуло на бокъ, а потомъ какъ-то широко расперло и глубоко въ землю зарыло основаніе осиротѣлаго, барскаго дома; словно высохшіе стариковскіе глаза смотрѣли его безчисленныя окна, изъ которыхъ давно уже лютыя зимнія метели и осенніе дожди и бури повыхлестали разноцвѣтныя стекла. Темнымъ дремучимъ боромъ раскинулся вѣковой садъ; плѣсенью и густыми камышами затащило нѣкогда свѣтлые пруды; а старая, заросшая сѣдымъ мохомъ дворня, сжевала и проглотила вси свои зубы, многообразно разсуждая и предполагая, чьи именно они будутъ, къ какимъ господамъ отойдутъ?...

И вотъ устроилось какъ-то такъ, что вся эта одряхлѣлая кучка людей, терпѣливо и равнодушно ожидавшая, когда развалятся многочисленныя барскія пристройки и службы и похоро-

нять ихъ подъ своими гнилушками, услышала вдругъ, что они сдѣлались вольными.

Радостно и усердными крестами встрѣтили молодые нежданную волю; а старики, покидая господскую усадьбу, подолгу засматривались на заброшенную сироту-домъ, на хмурый садъ и, разбродясь, какъ тараканы передъ несчастьемъ, въ разныя стороны, оставляли на родимой землѣ свои послѣднія слезы.

Аристархъ Абрамычъ Анчелюстъ, старинный дворецкій, тоже выѣхалъ изъ усадьбы съ двумя дочерьми-невѣстами и сыномъ. Ему больше всѣхъ дворовыхъ было горя при выѣздѣ, потому что, кромѣ того, что онъ оставлялъ мѣста, въ которыхъ выросъ и состарѣлся, съ него вольная жизнь нѣкоторымъ образомъ уже сдымала тотъ чинъ, въ какомъ онъ, по барской милости и по своимъ усерднымъ заслугамъ, ходилъ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ.

— Ну, теперь бѣда мнѣ будетъ жить съ мужланами! Не станутъ они мнѣ, графскому дворецкому, никакого почета отдавать и шапокъ, пожалуй, не будутъ снимать предо мной, потому, скажутъ, ты теперича, Аристархъ Абрамычъ, въ вѣчную отставку вышелъ...

Обо всемъ этомъ съ великою грустью думалъ Аристархъ Абрамычъ, отправляясь на житье въ знакомые выселки.

Такимъ образомъ смиренно выстроились на степной дорогѣ три двора выселка. Со всѣхъ сторонъ задушила ихъ широкая степь, и словно бы чувствовали эти дворы, что тяжело гнететъ ихъ степная, беспредѣльная сила, потому что глазамъ проѣзжаго представлялись они такими покорными, такими молчаливыми...

Молодымъ ветламъ некогда еще было разростись и могуче склониться косматыми сучьями надъ соломенными крышами поселыщичьихъ избъ. Опаленныя жгучимъ солнцемъ, насквозь простеганныя проливными дождями и всклокоченныя степными, неудержимыми вихрями, далеко виднѣлись страннику ихъ толстыя, соломенныя головы; издали еще ласковыя и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо-грустныя, приглашали онѣ его пріютиться у нихъ и отдохнуть подъ ними наболѣлымъ сердцемъ и измученнымъ тѣломъ.

Какъ бы обрадовавшись появленію посторонней жизни, одинокій поселокъ высылалъ на встрѣчу пришельцу шумливыхъ не въ отца, Ивановыхъ ребятишекъ.

На минуту оживала какъ будто вѣчно о чемъ-то думающая степь, когда дѣти съ звонкимъ крикомъ и веселыми лицами про-

бѣгали по ея высокой травѣ, зазывая къ себѣ гостя. Громадная овчарка Петра Крутаго, неразлучная спутница ребячьихъ игръ, быстро спрыгивала съ навозной завалины мазанки и тоже во весь опоръ неслась вслѣдъ за дѣтьми, яростно лая и грозно размахивая пушистымъ хвостомъ.

— Не бѣгайте далеко отъ выселка, неразумные несмысли! наблюдывала она своимъ любимцамъ.—Кто знаетъ, какой такой человѣкъ по степи идетъ? Плохой, можетъ, онъ человѣкъ. Ворочайтесь назадъ, я вамъ говорю.

Но дѣти не слушались собачьихъ совѣтовъ, стрѣлами летѣли послушать чужаго голоса, посмотрѣть на новое лицо. Тихо сходилась къ ребятамъ загорѣлая старуха богомолка, двухъ самыхъ маленькихъ взяла она за руки и повела; а овчарка, когда увидала, что не плохой пришелъ человѣкъ, смирно пошла сзади маленькой толпы, иноходомъ обнюхивая придорожныя травы.

Вотъ ярко блеснуло на солнцѣ стекло створчатаго окна Анчиностіева дома. Молодыя лица двухъ его дочерей любопытно осматривали изъ него истомленную, еле двигавшуюся странницу; Петръ Крутой, сидя на стропилахъ своей мазанки, которую онъ крылъ рѣчнымъ камышомъ, снялъ передъ гостьей свой вздутый какъ подушка картузъ, собака, попрежнему, улеглась на завалинѣ, и снова все замолкло, какъ въ заколдованномъ царствѣ, такъ что можно было подумать, что грозное могущество степи заморило въ выселкѣ безъ остатка всѣ семь душъ мужескихъ и десять женскихъ, о которыхъ говорилъ бѣлый съ черными полосами столбъ, ослѣпительно залитый теперь солнечнымъ блескомъ.

И степь вся, какъ и столбъ придорожный, тоже залита этимъ блескомъ, который, должно быть, мучительно печетъ и томитъ все въ ней живущее, потому что и ваша голова отуманена имъ и глаза заслѣплены.

Слышится вамъ тогда тяжелое, всю эту необъятную степь наполнившее собою дыханіе палимой солнцемъ природы, видится, какъ по травамъ летаютъ и вьются какіе-то свѣтлые огоньки, разрѣшающіеся точками, дымчатыми струйками; а въ срединѣ этого неоглядно-широкаго и, какъ бы, воспламененнаго травянаго моря, будто и онъ тоже горитъ въ этомъ всеобщемъ пожарѣ, какъ живой человѣкъ, корчится и слезится маленькій выселокъ, который лютое, безпощадное горе посѣяло при безлюдной дорогѣ...

II.

Петръ Крутой наконецъ доладилъ свою избу. Вышла она у него какъ-то очень похожа на тѣхъ уродцевъ-ребятъ, какихъ много по деревнямъ и по селамъ развелось. Маленькіе, малорослые тѣ ребята ростомъ, а головы у нихъ, все равно какъ у взрослыхъ, большія, — пивными котлами ихъ въ насмѣшку зовутъ, — волосы всклоченные, словно бы весь свѣтъ руки объ нихъ вытиралъ. Такъ и избенка Петрова низенькая такая состроилася, отъ земли не видать, за то крышу онъ на ней изъ камыша наложилъ толстую да мохнатую, такъ что кто бы только ни проѣзжалъ мимо поселка, сейчасъ же, глядя на нее, насмѣшливо толковали:

— Глянь-ка, глянь-ка, богатырь какой изъ стѣны [illegible]! Вотъ ужъ правда въ сказкѣ-то говорится: самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Живетъ, надо полагать, въ этой избѣ самъ Кощей безсмертный. Ни конному, ни пѣшему, пожалуй, прохода не будетъ давать!

Доладивши такимъ образомъ свою избу, Петръ стоитъ передъ ней и любуется; и изба тоже, какъ будто понимая, что хозяинъ свое новое жилье облюбовываетъ, посылаетъ своими камышинками, по которымъ въ это время летаетъ тихій вѣтеръ вечерній, такъ-то ласково размахиваетъ, словно бы какъ живой человѣкъ, когда съ любезнымъ человѣкомъ здоровается.

— Здравствуй, дескать, хозяинъ! Заживемъ мы съ тобою теперь чудесно!

Смотритъ на нее Петръ, заломивши на одно ухо картузъ свой, и посмѣивается тихомолкомъ, — радъ, что дѣло довелъ до конца; а Аристархъ Абрамычъ Анчелюстъ съ своей завалинки кричитъ ему:

— Что, какъ изба-то удалась, Петръ Иванычъ? Какъ думаешь: не маленька ли будетъ?

— Ничего покамѣстъ, Аристархъ Абрамычъ! Какъ нибудь проживу покуда, а тамъ видно будетъ!

— Какъ не прожить, проживешь. Слава Богу, хоть такую-то осилилъ! Все же зимой, въ избушкѣ-то, надо думать, не въ примѣръ поскладнѣе выдетъ, чѣмъ въ шалашѣ.

— А вотъ посмотримъ! задумчиво отвѣчалъ Крутой.

— Чего смотрѣть-то? разговаривалъ Анчелюстъ: — намедь-

…ныя-то палаты, другъ сладкій, врядъ ли скоро мы съ тобой заносить станемъ.

— Вотъ увидимъ, когда мы ихъ заносить станемъ..., закончилъ Петръ и принялся прилаживать досчатый ставень къ маленькому слѣпому оконцу, которое пристально вглядывалось въ добрый вечеръ, слетавшій съ зарумяненнаго зарею неба на степную дорогу.

И дѣйствительно, нельзя было одинокому оконцу Петровой избы, какъ и людскимъ свѣтлымъ глазамъ, не засмотрѣться на этотъ вечеръ. Сіяя ярко-багровыми полосами, окаймлявшими глубины неба, и перистыя крылья летучихъ вечернихъ тучекъ, онъ мирною тишью спускался на истомленную дневнымъ трудомъ землю. Видно было, что и эти зазеленѣвшія отъ его прохладнаго дыханья деревья, и эти птицы, измореныя жаромъ, и мелкія придорожныя травы, день деньской палимыя солнцемъ, и даже красные изрытые дождями бока оврага, засыпая, желали, чтобы поскорѣе приходилъ вечеръ и спряталъ подъ своей успокоивающею сѣнью ихъ такъ рѣдко веселую жизнь.

Глухому только неслышные и непонятные тоны лились съ этого расцвѣченнаго солнечнымъ золотомъ неба. Восторгающая пѣснь вечерняя разливалась по степи нѣжными желаніями полнаго забытья печалей и крѣпкаго сна всему видимому и живущему: «Забудь свое горе дневное, народъ трудовой!» пѣло вечернее небо: — «любуясь красотою моей, отдохни отъ печалей своихъ и засни!»

Все, что только можетъ двигаться въ степи, выходитъ въ это время изъ душныхъ избъ на звонкія улицы. Весь остальной день работающія и, слѣдовательно, молчаливыя, теперь эти улицы черезъ край наполняются разнороднымъ людскимъ говоромъ. Повторяется здѣсь рабочая жизнь дня, одиноко проведеннаго на сожженной нивѣ, или въ тѣнистомъ, безотвѣтномъ лѣсу; и тѣмъ громче разсказываются всѣ разнообразные способы, которыми въ степяхъ пріобрѣтаетъ человѣкъ свой скудный кормъ, чѣмъ уединеннѣе было мѣсто, гдѣ работа цѣлый день обливала его кровавымъ потомъ, гдѣ спина работника до того изболѣла и заныла, что онъ и теперь еще, когда эти волны степныхъ вечернихъ запаховъ уже остудили сокрушенное жаромъ лицо его и прохладно и мягко обложили собою глубь выносливой груди, — онъ все-еще придерживаетъ рукой свою наможденную поясницу.

— Сдѣлалъ это я, братецъ ты мой, тотъ дубокъ у Мокраго

Куста, и думаю: какъ я его теперича доволоку до телѣги? Только взялъ же я его, однако, упуталъ веревкой и натужился. Натужился да какъ дерну — въ сердцѣ у меня что-то хряснуло даже, какъ я его дернулъ, и глаза помутились, — а у дубка-то, чтобъ ему сгнить на одномъ мѣстѣ! только вѣточка эдакъ шу, шу, шу! Оторопь даже взяла меня, какъ онѣ зашуршали. Такъ и уѣхалъ одинъ!

— Напрасно ты на этомъ мѣстѣ рубилъ, потому эдакое ли нескладное это мѣсто! отвѣтилъ кто-то: — Какъ бы тебѣ отъ этого несчастья какого нибудь не приключилось. Въ полночь или въ полдень лучше мимо этого Мокраго Куста и не ѣзди. Выбѣгаетъ, сказывали, изъ подъ моста чудное что-то, звѣрь не звѣрь и не птица, а такъ всего понемногу, и многимъ, будто бы, чудище это человѣческимъ голосомъ говорило: «мое, говоритъ, это мѣсто! Скоро дань со всѣхъ буду брать, кто бы только ни проѣхалъ по немъ!»

— Ахъ! вскрикнулъ первый голосъ: — животъ-то какъ вдругъ у меня зарѣзало!

— То-то вотъ, не рубилъ бы! Ну да, можетъ, дастъ Господь, и пройдетъ. Поди-ка кваску съ солью выпей ковшикъ другой.

— Тутъ-то жгло, милыя вы мои, жалуется больной бабій голосъ: — тутъ-то жгло меня послѣ обѣда солнце — страсть! Уткнусь такъ-то въ рожь головой и думаю: не полегче ли головѣ въ колосьяхъ будетъ; а оно тебѣ, солнце-то, въ спину паритъ, до болятковъ паритъ. Жала, жала я такъ-то, спѣшила, спѣшила къ вечеру полоску покончить; да какъ погляжу вдругъ изо ржи, а онъ, полуденный-то, и стоитъ передо мной, весь въ кругахъ огненныхъ! разинулъ пасть-то собачью, а изъ ней искры столбомъ, столбомъ эдакимъ трескучимъ такъ и валятъ! Какъ зарычитъ онъ на меня, когда я взглянула на него — и зыку такого страшнаго, милыя вы мои, я слыхомъ никогда не слыхивала! Одинъ онъ, словно бы цѣлое стадо медвѣдей, рявкнулъ! Закрыла я руками лицо и спрашиваю: къ худу, молъ, али къ добру? «Къ худу», онъ мнѣ протянулъ, да такъ-то страшно, что степь-то вся, кажется, отъ его голоса вздрогнула. Совсѣмъ безъ памяти нашли меня на дорогѣ уже кривецкіе мужики! А ужъ какъ я со ржей до дороги-то доползла, и не упомню!...

И всѣ эти бѣдовые, вечерніе разсказы покрываетъ своими стонами хороводная пѣсня. Веселая и оживляющая, какъ вечернее дыханіе поля, она въ то же время говоритъ сердцу такими

грустными надорванными звуками, какъ надорваны самыя гру-ди, которыя поютъ ее. Въ общемъ гулѣ цѣлой улицы такъ хо-рошо можно разслушать подробностей о житейскихъ нуждахъ и душевныхъ печаляхъ стенящихъ людей, какъ можно обо всемъ этомъ услышать отъ пѣсни, широко разлетающейся вечернимъ временемъ по степному раздолью. Идетъ она тогда по городамъ и слободамъ подгорнымъ, по селамъ и деревнямъ; въ одинокомъ дворѣ какого нибудь пустыннаго поселка тоже непремѣнно на-ходится живая душа, которая вечеромъ выходитъ въ темную пустыню и, уныло сидя на мокрой травѣ, какъ домовикъ не-счастнаго дома, поетъ унылую пѣсню до тѣхъ поръ, пока не заскорбитъ сердце великой тоскою при видѣ этого чернаго, раз-верзшагося страшными дырами зіяющаго пространства. А отъ оди-нокаго двора ночной вѣтеръ несетъ пѣсню къ убогой телѣгѣ, то-же одиноко стучащей по заросшему травой глухому проселку — и тутъ онъ будитъ давно уже заснувшую въ высокихъ хлѣбахъ и въ темныхъ кустахъ птицу. Звонко кричитъ о награбленномъ прію-тѣ неразумная горлица, безпомощно шурша крыльями въ непро-глядномъ поднебесьи; на сосѣднемъ трактѣ начинаетъ колоколь-чикъ, точно старается заглушить собою вопли испуганной птич-ки; но ихъ обоихъ перекрикиваетъ гоготъ безчисленнаго гуси-наго стада, засѣвшаго въ дремлющихъ камышахъ, а надъ всѣ-ми этими голосами паритъ все-таки пѣсня, неустанно и повсе-мѣстно летающая надъ степью:

«А-ахъ ты но-очь моя!
«Но-очь-ка тем-ная!

перебѣгаютъ ея слова отъ придорожныхъ ветелъ къ утлому мо-сту, переброшенному черезъ оврагъ, вспалзываютъ на крутую гору, на которой построено большое село, а село уже встрѣ-чаетъ гостью тою же:

«А-ахъ ты но-очь моя!
«Но-очь-ка тем-ная!

И если бы у какого нибудь человѣка были такія хорошія уши, чтобы онъ сразу могъ услышать, какъ вся степь отдыхаетъ вечеромъ, изнывая надъ своею пѣсней, то онъ, какъ разбитый громомъ Господнимъ, въ одну секунду бы умеръ, захлестнутый

первой волной этого безпредѣльнаго моря возникъ бѣды и печалей, изъ которыхъ слагалась она.

Такъ и въ наши сиротливыя посидѣлки залетѣла эта вѣчная жалобливая странница съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ-разсказомъ про страшную темную полночь, или, про знойный солнечными волнами полдень.

— Что это, Иванъ, погляжу я на тебя, какъ ты объ ребятишкахъ своихъ ни чуть не заботишься! толковалъ въ этотъ вечеръ Аристархъ Абрамычъ Анчелюстъ, сидя съ дочерями на своей завалинкѣ. — Ни разу не доводилось мнѣ видѣть, чтобы ты за вихры, али бы такъ какъ нибудь, плеткой что ли, закону ихъ поучилъ!

— Малы еще они у меня, ребятки-то, Аристархъ Абрамычъ! возражалъ Иванъ. — Не возьмутъ они въ разумъ, пожалуй, что ты ихъ, таскаючи за вихры, закону учить хочешь!

— Съ малолѣтства пусть привыкаютъ, училъ Анчелюстъ. — Хуже будетъ, какъ войдутъ въ лѣта настоящія, да ты ихъ тогда таскать-то примешься.

— А я ихъ, можетъ, и тогда таскать не буду: потому, на что же Господь-то? отбивался Иванъ отъ необходимости таски. — Онъ, можетъ, батюшка нашъ, и такъ вложитъ въ нихъ, безъ побой? Можетъ, Онъ такъ какъ нибудь пошлетъ имъ, по милости по своей, и смиренства, али такъ усердія тоже теперича къ церкви Божіей, возьметъ да и пошлетъ на нихъ такъ, безъ натуги... Все это, Аристархъ Абрамычъ, въ Его рукахъ!

— Такъ точно! согласился Анчелюстъ. — А какъ же Господь пошлетъ имъ всего этого, когда они у тебя только и дѣла дѣлаютъ, что по травѣ черезъ голову кувыркаются, да всякія пѣсни мужицкія во все горло орутъ! Что ты мнѣ скажешь про такое дѣло?

— А это ужъ, Аристархъ Абрамычъ, не ребятишки виноваты въ пѣснѣ. Ужъ это, надо полагать, не они, а душки ихъ ребячьи, несмысленныя играютъ, предполагалъ Иванъ, погруженный въ большое раздумье послѣднимъ выраженіемъ Анчелюста.

А несмысленныя ребячьи душки засѣли въ молодомъ, но густомъ лозникѣ, успѣвшемъ уже опушить низменные берега пруда, и такъ-то звонко, такъ-то по птичьему выкрикивали оттуда дѣйствительно, какъ сказалъ Анчелюстъ, мужицкую пѣсню.

Взрослая деревенщина, разсѣвшись на бревнахъ, которыми обыкновенно бываютъ завалены кабацкія площади, играетъ эту

пѣсню съ громкимъ свистомъ и разухабистымъ крикомъ, намѣреваясь какъ бы этимъ свистомъ и крикомъ покрыть лютыя забогы, что, словно гремучія струи, неудержимо бьютъ изъ каждаго слова и изъ каждаго удалаго и веселаго выкрика. Смышленыя души, говорю, когда играютъ такую пѣсню, такъ у нихъ въ это время глаза, какъ праздничныя свѣчки горятъ, а изъ разгорѣвшихся глазъ горячія слезы бѣгутъ; изъ сѣдаго забитаго и недужнаго тѣла, какъ бы громъ какой, вылетаетъ въ такое время самый толстый голосъ, которымъ во всю ширину сельской улицы стонутъ и охаютъ утомленныя мужицкія груди.

Страхъ какой-то и томленье тяжелое западаютъ въ душу, когда по темнымъ ночнымъ небесамъ летитъ эта стозѣвная пѣсня, всею сотней ртовъ своихъ громко скорбящая и охающая.

Ребячья пѣсня, которая лилась съ уснувшаго пруда, была совсѣмъ не такая. Въ ней не было, какъ говорится, ни печалей, ни слезъ, ни воздыханій. Тонкіе и гремучіе, какъ звукъ серебра, голоса ребятенокъ чирикали и стемнѣвшей дорогѣ, и одѣтымъ въ мрачный сумракъ полямъ, и недвижно стоявшимъ деревьямъ, что, дескать,

> Заиграемъ, братцы, пѣсню нову:
> Про молодку, про солдатку черноброву.
> Про молодку что ли молодую,
> Про солдатку энту полковую!
> Ужь и полно тебѣ, солдатка,
> Улицей гуля-я-ти!

Несмысленныя дѣтскія души не печалились и не охали, когда отсовѣтовали солдаткѣ улицей гуляти. Не пугаясь пустынной ночной дороги, пробиралась, по веселой пѣснѣ, эта чернобровая солдатка, разодѣтая въ свѣтлое праздничное платье, завязавши въ крутой пучокъ свою длинную, напомаженную городской помадой косу, съ звонкой пѣсней для своей собственной удалой души, съ веселой шуткой и разлюличнымъ смѣхомъ для всякаго встрѣчнаго. Словно сама она, еще звонче ребятъ, идучи по дорогѣ, играла себѣ, что

> Про тебя ли про молодку
> Пройдетъ дурна слава!...

Такую-то молодку по степной дорогѣ, пролегавшей предъ

опушки одинокаго поселка, провели беззаботныя Ивановы дѣтки, засѣвшіе въ прудовомъ лозникѣ.

— Какъ чудно эти ребятишки глупые всегда пѣсни играютъ! толковали молодые прасолы, остановившіеся съ своими кибитками вблизи дорожной насыпи, подъ вешками. — Ишь вѣдь у нихъ, подумаешь, солдатки-то какія веселыя!

— А что, развѣ плохо солдаткамъ-то, а паче молодымъ? возражалъ другой. — Гуляютъ здорово, какія помоложе. Мнѣ, по грѣхамъ, доводилось къ нимъ заѣзжать; серьгами серебряными довольно мы ихъ даривали, рѣчей отъ нихъ ласковыхъ тоже вволю послушали!...

— Ничего ты, должно быть, не слыхалъ, какъ молодая-то кровь въ старинныя времена самихъ праведниковъ смущала. Какому житью ты, братъ, позавидовалъ? Горькому самому житью позавидовалъ! Въ такомъ-то житьѣ иной разъ и такъ бываетъ, что не человѣкъ загуливаетъ, а несчастье его великое со всей, можетъ, съ головой хочетъ въ винѣ да во всякой гульбѣ закупаться, чтобы только глазами слезливыми на Божій свѣтъ не смотрѣть.

— Бываетъ! въ полусонномъ раздумьѣ согласилась вся ватага, разлегшаяся на войлокахъ, покуривая изъ маленькихъ, кореньковыхъ трубочекъ прогоняющій дремоту тютюнъ.

А между тѣмъ съ пруда, вмѣстѣ съ холодными испареніями, которыя какъ бы какія громадныя бѣлыя птицы, спугнутыя съ гнѣздъ, разлетались по дорогѣ и по полямъ, до прасоловъ опять доносилась раззадоривающая исторія про чернобровую солдатку:

Ахъ! Улицей ходи-и-ти!

гулко выводило какое-то соловьиное дѣтское горло, какъ бы подсмѣиваясь надъ кѣмъ. То, вѣрно нарочно, погромче разливался старшій Ивановъ сынишка для того собственно, чтобы прослышалъ его Анчелюсѣтъ, всегда щипавшій его за мужицкія пѣсни.

— Ну-ка, дескать, старый шутъ, найди меня въ лозникѣ-то.

Ужь и полно тебѣ, солда-а-тка,
Черну грязь топтати!

откликнулся пруду чей-то печальный голосъ съ той стороны дороги, гдѣ ночевали проѣзжіе прасолы.

Горючи слезы роня-я-ти

дружно подхватили сами прасолы всею ватагой — и, послушная горю взрослыхъ, зазвучавшему въ ихъ голосахъ, по темной степи, при красномъ огнѣ костра, разложеннаго гуртовщиками, медленно пошла настоящая солдатка, отирая горючія слезы. Тяжкимъ стономъ застонала степь подъ безпомощными шагами неутѣшнаго солдаткина горя.

— Ахъ! черти же какіе, эти прасолы! въ большой досадѣ проговорилъ Анчелюстъ.—Какъ настанутъ лѣтнія ночи, ни разу отъ этихъ бродягъ полуночныхъ, какъ слѣдуетъ, не заснешь! Всю душу они вымотаютъ изъ тебя своими дурацкими пѣснями.

— А я такъ еще лучше засыпаю, когда кто нибудь ночью пѣсню затянетъ, вступился Петръ Крутой.—Задумаешься, задумаешься такъ-то, слушаючи ее, — и заснешь. Сны мнѣ въ эти времена всегда такіе ли чудесные снятся.

— Все это отъ того, Петръ Иванычъ, что первое, при господахъ настоящихъ, вотъ, для примѣра, какъ мои князья были, ты не живалъ и политики, выходитъ, какой слѣдуетъ, видѣть тебѣ ни разу не доводилось; а второе, хоть и знаешь ты грамотѣ, только писанія, должно быть, тебѣ не дано понимать. Сказано тамъ: блудницы же, плясавицы и пѣсенницы въ огнь вѣчный. Что ты мнѣ теперича, какой отвѣтъ можешь дать? Въ книжечкѣ одной,—любопытная книжечка! на ярмонкѣ я за нее въ Лебедяни иконописцамъ греческимъ чуть не полтора рубля ассигнаціей заплатилъ,—все это обстоятельно обозначено. Про Каина тоже выведена тамъ исторія: стеня, говоритъ, и трясыйся... Такъ вѣдь, чтобы понимать это, умъ нужно не малый имѣть,—самъ разсудить можешь—не махонькій.

Крутой молча отошелъ отъ Анчелюстовой завальни, отломилъ тонкій березовый прутикъ и заботливо началъ прочищать имъ свой росписной чубучокъ.

— Каждый день однако, ворчалъ онъ про себя:—Анчелюстъ этотъ все больше и больше форсу надо мной съ Иваномъ старается взять.

— Опять теперича трубка, поучительно заговорилъ Анчелюстъ:—сколько я тебѣ говорилъ, Петръ Иванычъ! Не кури ты, пожалуйста, свою трубку при мнѣ, потому, какъ у насъ въ дворнѣ никто, кромѣ господскаго акштафу, знать ничего не хотѣлъ. Опять же дворы близко. Тебѣ плакать много не потребуется, когда твоя убогая хижина сгоритъ, и Ивану тоже; ну, а мнѣ, я тебѣ прямо скажу, убытокъ будетъ не въ одну сотню, а

можетъ, во многія тысячи. Такъ-то! Тебѣ уважать меня, старика, безъ всякаго разговора бы слѣдовало, потому ты человѣкъ молодой, жить только начинаешь, а я въ княжескихъ имѣніяхъ дворецкимъ былъ. Однихъ камней драгоцѣнныхъ, золота и серебра всякаго въ моихъ рукахъ не на одинъ милліонъ находилось. Тебѣ бы врядъ ли такую махину довѣрили.

— Гдѣ довѣрить? Еще тише бормоталъ Крутой.—Не учился вѣдь я съ измалѣтства тарелки-то барскія проламывать языкомъ. Слава Богу! Хоть послѣдніе дни, да на волѣ прожила моя мать, умерла хоша не халуйкой. Не тому, значитъ, учила, не съ тѣмъ выходила... Вотъ что!

Выбилъ Петръ съ этимъ словомъ только что набитый табакъ, придавилъ сапожищемъ уже разгорѣвшіяся искры и ушелъ въ свою маленькую, только что отстроенную избу.

— Какъ есть самый подлый мужикъ! съ гнѣвомъ сказалъ Анчелюстъ, по уходѣ Петра.—Видалъ я ихъ такихъ-то довольно, когда, по милости княжеской и по своей рабской заслугѣ, дворецкимъ былъ. Ты ему, бывало, дѣло говоришь: и лаской-то его и таской-то наровишь взять, а онъ насупитъ брови, намор-щитъ морду необразованную, уткнется бѣльмами въ землю, и стоитъ не шелохнется! Только знатно тоже и я управлялся съ ними, нечего Бога гнѣвить!... Выправлялъ я имъ хребты-то упрямые скоро, и благодарности за это самое отъ господъ не разъ получалъ.

— Полно-те ужь вамъ, тятенька, своей холопской послугою хвастать, посовѣтовала Анчелюсту его младшая дочь.

— Ну да! Ты теперича отца-то, на старости лѣтъ, учить вздумала, отвѣтилъ ей бывшій княжескій дворецкій. — Поразбитнѣе тебя были господа-то, однако же не учили меня. Скажутъ только, бывало: ну-ка ты, Аристархъ Абрамычъ, княжой ты дворецкій мой, сослужи-ка ты мнѣ вѣрную службу! Сейчасъ я, бывало, и говорю своему господину. «Слушаю, молъ, ваше сіятельство! Какая, молъ, такая ваша княжеская воля будетъ? А онъ улыбнется, бывало, слушаючи меня и проговоритъ: «молодецъ Анчелюстъ! Жалую я тебя за рабскій отвѣтъ по сту рублей на каждую мою крестную дочь. Получай поди изъ конторы!» Такъ-то мы, старики, господамъ своимъ услуживали,—дура ты эдакая!

— Ну да! въ свою очередь отвѣтила дочь, досадливо сдвинувъ свои чорныя брови. — Только отъ васъ и дождешься, что

«дура, ты эдакая»: Лучше-то этого, пожалуй, вы, вражь ли во всю жизнь что и придумали...

— Ну, народъ нынѣ сталъ! удивлялся Анчелюстъ нынѣшнему народу.

И чѣмъ больше проходило времени послѣ того, какъ Анчелюстъ оставилъ усадьбу и переселился въ выселки, тѣмъ чаще и сильнѣе сталъ онъ удивлятъся, по его словамъ, теперешнимъ временамъ и нынѣшнимъ людямъ, потому что эти времена и люди были совсѣмъ не такого сорта, чтобы могли ему хоть немного понравиться.

Главныя заботы и обязанности молодыхъ лѣтъ Аристарха Абрамыча, по преимуществу, заключались въ томъ только, чтобы, съ истиннымъ наслажденіемъ облачившись въ ливрейный, облитый свѣтлыми галунами кафтанъ, въ почтительной позѣ стоять за стуломъ стараго князя, не моргая смотрѣть въ его жирный, гладко выстриженный затылокъ, всегда быть готовымъ потѣшить своего повелителя и кума рабски остроумнымъ отвѣтомъ, за что и получить на каждую крестную княжескую дочь по сту рублей изъ вотчинной конторы. Такимъ образомъ, глубоко понимая и чувствительно оцѣнивая счастье состоять дворецкимъ при своемъ сіятельномъ господинѣ, Анчелюстъ тихо и благодушно проводилъ свою молодость, терзая завистливыя людскія души нескончаемыми разсказами про свой талантъ, — стоять истуканомъ при господахъ и про ихъ великія къ нему милости.

— Забралъ Аристархъ Абрамовъ силу немалую! тоскливо говорили между собою дворовые, съ каждымъ днемъ исполняясь все большимъ и большимъ благоговѣніемъ къ разсказчику, а разсказчикъ, смекнувши, что дворня, такъ сказать, оцѣнила его, еще свѣтлѣе засіялъ своимъ выбритымъ подбородкомъ и перемѣнилъ обыкновенный повѣствовательный тонъ на тонъ исключительно наставительный.

Эти самые счастливые дни жизни счастливаго дворецкаго омрачались нѣсколько неудачными стараніями Анчелюста сморщить для пущей важности и серьеза свое раскормленное, но маленькое и словно вылощенное личико. Старики, которые помнятъ это время, разсказываютъ даже, что Анчелюстъ, пѣвшій до сихъ поръ на клиросѣ забористымъ дишкантомъ, нѣсколько разъ пробовалъ задавать тону басомъ. Однако же эта забота, какъ и забота сморщить лицо, не удалась Аристарху Абрамычу, такъ что дворовый и сельскій людъ, всегда въ глаза внимательный къ

разсказалъ своего начальника о великихъ жалованьяхъ къ нему барина, за глаза тѣмъ не менѣе продолжалъ думать про него, что этотъ начальникъ, какъ пѣвчій — иголица, а какъ человѣка и дворецкаго, рожденнаго съ фамиліей Мошкова, заклеймили почему-то отнынѣ и до вѣка Анчелюстомъ. Но и тутъ легкая жизненная дорога Аристарха Абрамыча нисколько не испортилась, потому что народъ, титуловавшій его такимъ образомъ, и не хотѣлъ, и главное, боялся смущать ясное чело барскаго любимца злою мѣткостью этихъ прозвищъ. Народъ просто въ этомъ случаѣ спутилъ невинную шутку надъ милымъ, но немного потѣшнымъ человѣкомъ, спутилъ благодушно, подъ веселую руку, а потому Анчелюсту и здѣсь не нужно было разочароваться въ той общей почтительности, съ которою околодокъ обыкновенно выслушивалъ его поученія, и слѣдовательно ничто не мѣшало ему считать себя господиномъ дворецкимъ Мошковымъ, человѣкомъ почетнымъ, грамотникомъ хорошимъ, толкователемъ писанія мудрымъ и начитаннымъ, пѣвцемъ, умиляющимъ до восторга души всѣхъ четырехъ тысячъ княжескихъ крестьянъ.

Справедливо говорятъ, что какимъ человѣкъ на свѣтъ Божій является, такимъ онъ и въ темную могилу уходитъ. Ни сильная барская воля, пожаловавшая Анчелюста краснымъ саномъ дворецкаго, ни его собственныя прилежныя старанія сморщить сурово лицо и запѣть басомъ, не измѣнили его цыплячьей природы. Закричитъ, закричитъ, бывало, Аристархъ Абрамычъ на какого нибудь мужика, или лакея, ногами на него такъ-то шумно затопаетъ, а виноватый, вмѣсто того, чтобы испугаться, нагнетъ внизъ голову и насилу-насилу только сдерживается, чтобы не загрохотать во все горло подъ гнѣвнымъ словомъ дворецкаго. Тоже, бывало, приказанья начнетъ отдавать:

— У меня, шумитъ: — чтобы тово... ни ни... княжеское добро беречь! Увижу что́ ежели, ни отцу, ни брату потачки не дамъ...

— А я вотъ все въ вашей милости, Алистархъ Абрамычъ! Не оставьте, сладко говоритъ нѣкоторый плутоватый мужичокъ, почтительно повертывая своей облѣзлой, бараньей шапчонкой.

— Что тебѣ? что тебѣ? говори скорѣе! самъ ты, братецъ, долженъ знать, какой недосугъ мнѣ. Семь вашъ деревень на моихъ рукахъ лежитъ. Все надо обдумать...

— Какъ не знать, Алистархъ Абрамычъ. Все это мы въ точ-

ности... тоись во-какъ... и даже, можетъ, за одного васъ и Господу Богу молимся, потому, кромѣ васъ, кто нашъ отецъ?

Аристархъ Абрамычъ обыкновенно при этихъ словахъ задиралъ вверхъ свою головенку, пыхтѣлъ и, на сколько можно было, выпучивалъ глаза на хитрую лисицу, съ цѣлью показать лисицѣ свою великую мощь.

— Богу, братецъ ты мой, за начальствующихъ молиться самимъ Господомъ изстари намъ повелѣно. На счетъ этого ты въ царствіе небесное какъ разъ угодить можетъ. Это я тебѣ вѣрно сказываю.

— А я, Алистархъ Абрамычъ, всталъ нынѣ поутру, посидѣлъ такъ-то на печи малость и вздумалъ: дай, молъ, схожу я къ господину дворецкому, мучицы у него попрошу, овсеца, опять солонки лошадушкамъ. Авось, думаю себѣ, господинъ дворецкій къ намъ милость свою окажетъ, потому мы его молители...

— Прекрасныя, я тебѣ скажу, братецъ, правила у тебя! одобрялъ мужика Аристархъ Абрамычъ съ высоты величія. — Ты всегда за хлѣбомъ ко мнѣ ходи,—обиженъ не будешь.

— Ахъ ты, пѣтухъ индѣйской! тихомолкомъ восклицалъ мужикъ про Анчелюста.—Право слово, пѣтухъ! Вздымается, вздымается такъ-то, словно взлетѣть куда хочетъ, — ей-Богу! Вотъ онъ, Анчелюстъ-то гдѣ!..

Разнеслась такимъ образомъ про Анчелюста потѣшная молва по многимъ деревнямъ и селамъ.

— Добрый человѣкъ этотъ Алистархъ Абрамовъ! толковали про него. — Только обходиться съ нимъ умѣючи надо: хитрость большая нужна водиться съ нимъ; а то онъ злобы никакой не можетъ имѣть!

А Анчелюстъ думалъ самъ про себя, что, можетъ, во всемъ свѣтѣ не сыскать человѣка серьезнѣе и умнѣе его на всякое дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимо былъ увѣренъ въ томъ, что и добрые люди всѣ вообще одинаково съ нимъ думаютъ про него.

Вслѣдствіе такихъ мыслей, Аристархъ Абрамычъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше раздувался и распѣтушивался такъ, что даже и тогда, когда опустѣла блистательная усадьба, и когда онъ вынужденъ былъ снять свой раззолоченный кафтанъ, потому что служить уже некому было, — онъ все-таки не переставалъ, по старой привычкѣ, всячески величаться и пѣтушиться передъ дворовыми. А дворовые между тѣмъ, тоже не

старой привычкѣ, не переставали слушать его съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ они слушали его, когда онъ былъ дворецкимъ; и выходило отъ этого самое, что называется, любезное дѣло, т. е. вопреки пословицѣ, что не все коту масляница, жизнь Анчелюста продолжала неизмѣнно катиться по дорогѣ, обильно улитой масломъ.

Теплымъ лѣтнимъ вечеромъ выйдетъ, бывало, старый дворецкій на широкій усадебный дворъ, какъ можно покойнѣе для старыхъ заслуженныхъ костей усядется на мягкой травѣ, которою сплошь заросъ запущенный барскій дворъ, и начнетъ разводить про привольное старое житье. Отпустилъ онъ послѣ господъ бороденку себѣ черненькую клинушкомъ, потряхиваетъ ею, бывало, и говоритъ. Къ поученьямъ и разсказамъ про свою вѣрную службу присоединилъ онъ еще въ это время похвалы своимъ дочерямъ.

— Ахъ! что это за умныя у меня дѣвки ростутъ! Какъ есть барышни. Одной девяти еще нѣтъ, а другой скоро вотъ одиннадцать только сравняется; а грамоту, письмо, или рукодѣлье какое, такъ-то онѣ у меня поняли,—смотрѣть любо! Грамотѣ я ихъ самъ обучаю, потому для чего же мнѣ за нихъ попамъ деньги платить, когда я самъ все это не хуже иныхъ прочихъ всякому растолковать могу?

— Что про это говорить, Аристархъ Абрамычъ, поддакивали Анчелюсту ребята, намѣревавшіеся перехватить у него деньжонокъ взаймы.

Такимъ образомъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и невзыскательности двороваго и сельскаго общества, изъ Аристарха Абрамыча нечувствительно образовался старикъ-поучитель и благодѣтель, который нѣжилъ свое ни разу не утружденное тѣло, патріархально возсѣдая на складныхъ самодѣльныхъ креслахъ передъ порогомъ своего дома, поучительно трясъ своей козлиной бородкой и необузданно наслаждался, прислушиваясь къ своимъ поученіямъ, которыя, къ довершенію удовольствія, видимо лились въ уши самыхъ почтительныхъ и внимательныхъ слушателей.

И вдругъ, неожиданная и нежеланная дворецкимъ воля и затѣмъ переселеніе изъ усадьбы въ выселки разомъ перевернули всю жизнь его, такъ легко и пріятно сложившуюся. Лишенный даровыхъ послугъ обязательной дворни, въ выселкахъ старикъ часто былъ поставляемъ въ печальную необходимость собствен-

поручно рубить толстые дрова, поить коровъ и бѣгать, на старости лѣтъ, за глупой скотиной, которая иногда вдругъ, ни съ того ни съ сего, задеретъ хвостъ къ верху и бросится, сломя голову, съ хозяйскаго двора на широкое, такъ ярко зеленѣющееся степное раздолье.

Громко возроптала тогда Анчелюстъ на такой непривычный порядокъ вещей.

— Что это за времена такія пришли несчастливыя! тоскливо жаловался онъ безмолвной степи на свое горе; но степь ничуть не утѣшала его, и старикъ тѣмъ печальнѣе начиналъ скорбѣть и досадовать на нынѣшнія времена, что когда пытался разсказать про эту скорбь окружавшимъ его людямъ, они, какъ и степь, не то что прежніе дворовые слушатели, безучастно отвертывались отъ его жалобъ.

— Всегда они,—времена и люди-то, одинаковы! угрюмо замѣчалъ раздосадованному Аристарху Абрамычу вѣчно что нибудь работавшій Петръ Крутой. Иванъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ заговаривалъ про смиренство, про то, что Богъ гордымъ противится; а младшая дочь слушала отцовское горе не иначе, какъ съ сморщенными бровями и съ отуманеннымъ какими-то особенно-гнѣвными тѣнями личикомъ.

— Вы, тятенька, чѣмъ людей-то бранить, пошли бы въ степь, да бурьяну на тулянкахъ набрали, а то на дворѣ у насъ скоро топлива вовсе не будетъ.

— Ужь мы нынче умнѣе отца-то стали, укоризненно шепталъ Анчелюстъ.—Мы ужь нынѣ стариковъ-то на умъ наставляемъ. Не браните, говоритъ, людей! Какъ васъ не бранить-то? сердито спрашивалъ онъ натяжнымъ басомъ, и поспѣшно выходилъ на улицу, чтобы на солнечномъ тепдѣ какъ можно дольше и безпрепятственнѣе пораздуматься о своемъ счастливомъ прошломъ.

Испугался Аристархъ Абрамычъ перемѣны своей жизни и какъ-то робко задумался. Всегда веселый и разговорчивый, онъ уединенно засѣлъ теперь на свою завальню и зашепталъ. Сидитъ, бывало, и шепчетъ, шепчетъ и оглядывается, чтобъ эти люди—поселыщики, для которыхъ онъ уже не дворецкій, а просто сосѣдъ, не услышали его шопота. Какъ колесники иногда парятъ въ жарко натопленной печи молодые прямые дубки, чтобъ согнуть ихъ въ круглые ободи, такъ и всегдашнія думы Аристарха Абрамыча и степное тепло, подъ которымъ онѣ зрѣли

въ его головѣ, согнули его въ жидкую трясущуюся дугу, что вотъ — вотъ того и гляди, вдругъ треснетъ и переломится.

Заходилъ шумливый прежде дворецкій тихимъ такимъ старичишкой, покорнымъ, съ слезливо сморщеннымъ личикомъ, какъ будто просящимъ чего-то у каждаго встрѣчнаго, какъ будто только что сейчасъ шумливо налетѣло на его голову тяжкое горе, твердо сѣло на этой головѣ и громко кричитъ въ глухія стариковскія уши:

— А ну-ка ты, Аристархъ Абрамычъ! Посмотрю я, какъ ты спихнешь меня одинъ-то, безъ добрыхъ людей? спрашиваетъ у него это горе и смѣется надъ нимъ, — и словно бы, время отъ времени, нѣтъ-нѣтъ, да и долбнетъ его своимъ тяжелымъ и острымъ клювомъ.

По этому случаю, добрымъ людямъ часто приходилось примѣчать, какъ иногда вдругъ, безъ всякой видимой причины, сглаживались мелкія морщинки, частыми и глубокими полосками бороздившія старенькое лицо дворецкаго. Самъ онъ въ такія времена быстро привскакивалъ на своей завальнѣ, точно бы къ нему кто подкрался сзади и, шутки ради, въ голову потихоничку толкнулъ. Это — прежній барскій мужикъ по дорогѣ проѣхалъ и шапку передъ Анчелюстомъ снялъ только тогда, когда уже поравнялся съ нимъ, а не какъ прежде, за десять саженей.

Разогнетъ дворецкій старую лѣнивую спину, пристально посмотритъ вслѣдъ за телѣгой, внимательно прислушается къ стуку ея колесъ, — и все это сначала бодро продѣлаетъ, какъ будто собирается сейчасъ полетѣть вслѣдъ за телѣгой, чтобы остановить ее и разумнымъ словомъ поучить мужика уважать начальство, но потомъ вдругъ закачается, какъ былинка слабая на гуляливомъ вѣтрѣ, тихо опустится на завальню и, сложивъ лицо въ прежнія сердитыя, но мелкія морщинки, зашепчетъ что-то, а самъ въ то же время на всѣ стороны озирается.

До того тогда Анчелюстъ пугался чего-то и отставалъ отъ своихъ начальственныхъ привычекъ, что ежели ему въ тѣ минуты человѣкъ какой-нибудь попадался, такъ онъ самъ всячески старался поддѣлаться подъ того человѣка и услужить ему.

— Ты ужь того, Аристархъ Абрамычъ, не трожь, конфузливо говорилъ ему при такихъ встрѣчахъ Иванъ, отгоняя лошадей на водопой. — У тебя руки-то, почитай, совсѣмъ барскія. Необидитъ тебя, пожалуй, лошадь-то.

— Я, Иванъ, не такъ чтобъ боюсь ихъ, лошадей-то! Я то

есть пройтись хочу немного. Дай, молъ, я пройдусь маленько, да сосѣду помогу лошадей напоить. Трудно вѣдь одному съ ними совладать, толковалъ Анчелюстъ, стараясь казаться взрослымъ человѣкомъ. Безсмысленно топорща руки и перебѣгая, съ цѣлью удивить Ивана своею рысью, въ глазахъ у пугливой лошади, онъ непремѣнно заставлялъ ее, въ свою очередь, встопорщить острыя уши и убѣжать на сосѣдніе хлѣба.

— Всегда такъ-то этотъ Анчелюстъ помогаетъ! думалъ съ досадой терпѣливый Иванъ, стараясь согнать съ хлѣбовъ испуганнаго коня.

— Все, можетъ, теперь онъ меня больше почитать будетъ, предполагалъ Анчелюстъ про Ивана. — Ишь, скажетъ, какой этотъ Аристархъ Абрамычъ свѣжій старикъ. Какъ онъ, скажетъ, за лошадью-то за моей припустилъ, словно ребенокъ рѣзвый!

Не менѣе удачно дѣйствовалъ старикъ въ этомъ отношеніи и съ дочерьми. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ онъ къ своимъ рукодѣльницамъ въ прохладную горницу и заговоритъ:

— Ну-те ка, дѣти, достаньте мнѣ изъ сундука новый сюртукъ, платокъ; сапоги тоже вытяжные праздничные изъ анбара принесите.

— Что жь это вы, тятенька, вздумали въ будни по праздничному наряжаться? спросятъ у него дѣти.

— Звалъ меня къ себѣ онамедни посадскій попъ. Пожалуйста, просилъ, приходите ко мнѣ на дняхъ, Аристархъ Абрамычъ. Мы, говоритъ, библію съ вами вмѣстѣ почитаемъ. Не пойму я, говоритъ, одного слова въ ней...

Хохочетъ, бывало, младшая дочь, снаряжая отца къ попу читать библію, а старшая, чтобъ не примѣтилъ отецъ, потихоньку посматриваетъ на сестру и старается ей взглядами показать, что, дескать, будетъ тебѣ смѣяться-то, не тронь старика, не смущай его.

Въ прежнее счастливое время крайне обидчивый, теперь Анчелюстъ покорно и пугливо смотрѣлъ на насмѣшливую дочь, послушно вытянувъ шею для того, чтобы ей удобнѣе было завязывать ему шелковый съ пестрыми разводами галстухъ, и потомъ, смиренно опустивъ голову, ковылялъ въ своемъ нарядѣ въ ближній лѣсокъ, гдѣ терпѣливо и высиживалъ урочное время, необ-

ходимое на путешествіе къ попу и на растолкованіе ему непонятнаго слова въ библіи.

— Что это, тятенька, какъ отъ васъ виномъ сильно пахнетъ? спрашивала его младшая дочь, когда онъ возвращался изъ лѣска.

— Да вотъ попъ-то меня очень ужь накатилъ, вралъ обрадованный старикъ.—Онъ меня, я тебѣ прямо скажу, страсть какъ любитъ! Онъ говоритъ: во всемъ уѣздѣ, Аристархъ Абрамычъ, никто, кромѣ насъ съ тобой, писанія понимать не умѣетъ.

Тутъ опять тихую горницу развеселялъ звонкій хохотъ младшей дочери и просящіе милости и снисхожденія отцу взгляды старшей.

— Тятенька! вѣдь мы слѣдомъ ходили за вами, вѣдь мы видѣли, какъ вы въ лѣсу-то сидѣли... казнила отцовскую ложь безпощадная дѣвушка — и отецъ смирялся передъ нею. Уличенный такъ явно въ своемъ, хотя и невинномъ обманѣ, онъ, потупивъ голову, уходилъ опять на улицу перебирать въ своемъ умѣ многоразличные пороки нынѣшнихъ временъ и людей.

И въ настоящій вечеръ Анчелюстъ, освѣженный степною прохладою, долго говорилъ про непочтительный нравъ Петра Крутаго, про прасоловъ, не дававшихъ ему спокою своими пѣснями, и даже, поощряемый желаніемъ показать себя обществу старикомъ, нерасположеннымъ потакать человѣческимъ слабостямъ, онъ сердито намѣревался отыскивать въ прудовомъ лозникѣ Ивановыхъ ребятишекъ, съ цѣлію надрать имъ уши и щипками, и нравоученіями.

— Это все твои ребятенки, Иванъ, раздразнили прасоловъ. Вонъ они какъ гайгакаютъ, словно волки. Живо я пойду въ лозникъ, всѣхъ ихъ оттуда повыгоню... Не люблю я этого, потому хочу, чтобъ у меня все смирно было.

А между тѣмъ костеръ, разложенный прасолами, блисталъ все ярче и ярче, потому что съ каждой минутой на землю ложились все больше и больше густыя тѣни ночныя. Между прудомъ, гдѣ играли ребятишки, и придорожною насыпью, гдѣ лежали и пѣли прасолы, установилось дружески-крикливое сообщеніе.

— Ребяти-и-шки! кричалъ съ дороги веселый мужской теноръ:—идите къ намъ, вмѣстѣ будемъ пѣсни играть.

— Мы, дядюшка, соба-акъ вашихъ боимся! кричалъ прудъ совершенно золотымъ дискантомъ.

— Не-бо-сь! Я ихъ привяжу на цѣпь сейчасъ. Бѣжите скорѣе, ребятишки, пока ка-а-ша не простыла!

Громко повторила ночная тишина послѣднее ласковое слово про горячую кашу, и вслѣдъ за тѣмъ послышалось брянцанье цѣпей, на которыя приковывали собакъ на дорогѣ, слышно было какъ ребятишки вполголоса стали совѣтоваться, принять ли имъ приглашеніе дядюшекъ, или нѣтъ.

— Можетъ, это колдуны въ прасоловъ перекинулись? Али цыгане? Какъ бы они насъ не украли?

— Чего боишься-то? Тятенька теперь не спитъ еще и Крутой не спитъ,—побѣгёмъ.

Четыре пары дѣтскихъ ногъ глухо и быстро затопали послѣ этихъ словъ по лугу, поросшему мягкой травой, и вскорѣ въ могучемъ хорѣ прасоловъ, словно колокольчики, зазвенѣли дѣтскіе голоса.

— Ежели отецъ съ матерью о своихъ дѣтяхъ не радѣютъ, заговорилъ Анчелюстъ:—приходится, должно быть, чужому человѣку позаботиться объ несмысляхъ; а то они плакаться будутъ на старшихъ. Скажутъ: отчего же вы, старшіе, насъ на добро не наставляли? вѣдь видѣли вы, что родители наши объ насъ не заботились! И съ этимъ словомъ всталъ старикъ и пошелъ по темной дорогѣ, по направленію свѣтло пылавшаго костра, откуда лились гремучія волны будившей засыпающую степь пѣсни.

— Поди, поищи тятеньку-то! уговаривала младшая Анчелюстиха старшую сестру: — начнетъ онъ прасоловъ за ихъ пѣсни ругать, затравятъ они его собаками, а то прибьютъ. Не знаютъ вѣдь они, что старикъ совсѣмъ, почитай, изъ ума выжилъ.

Задумалась молодая головка послѣ ухода сестры. Одна одинехонька осталась она на порогѣ темныхъ сѣней. Съ противуположной стороны проѣзжей дороги, вмѣстѣ съ мѣсячными лучами, лились на нее сладко отуманивающіе голову травяные и хлѣбные запахи. Подъ нѣжащимъ вліяніемъ ночной тишины склонилась дѣвушка и пристально вслушивалась чуткимъ дѣвичьимъ сердцемъ въ тихіе голоса ночной жизни, которые такъ громко и понятно отвѣчаютъ молодымъ душамъ на ихъ думы о своей судьбѣ, какими онѣ обыкновенно любятъ дѣлиться со всѣмъ, что есть Божьяго въ мірѣ.

Сидитъ дѣвушка, слушаетъ что-то и какъ будто ждетъ кого. Въ ея тихомъ, безсловномъ напѣвѣ ясно разбирается страст-

ное ожиданіе. Такія пѣсни слышатся иногда весенними вечерами, когда молодая дѣвка думаетъ про себя, что вотъ-вотъ, сейчасъ, изъ-за сосѣдняго угла выглянетъ кто-то высокій и статный, и поманитъ ее къ себѣ на ласковое, секретное слово.

— Машенька! милая ты моя! Не пугайся, — это я! шепталъ Петръ Крутой, вдругъ подкравшись къ дочери Аристарха Абрамыча. — Я давно изъ своей избы глядѣлъ, чтобъ ты какъ нибудь одна осталась.

Кинулась Маша на встрѣчу къ Петру, прижалась къ нему, ласкаетъ его искрами своихъ черныхъ глазъ и шепчетъ:

— Я нарочно сестрѣ громко сказала, чтобы она за тятенькой шла; думала, ты услышишь. Я все пѣсни пѣла, тебя ждала.

Обнялъ безпризорный человѣкъ свою любу, склонила она къ нему на широкую грудь свою голову—и такъ-то плакалъ, такъ-то плакалъ кантонистъ непосѣдный въ великой своей радости, что послалъ и ему Господь Богъ милую, милую душу, при которой ежели онъ заплачетъ, и она заплачетъ, а ежели засмѣется, и она, словно бы степной цвѣтъ, зеленая незабудка, радостно зацвѣтетъ...

Ахъ, и чудеса же по ночамъ на степяхъ творятся, кромѣ того, что вѣдьмы наравнѣ съ синими облаками летаютъ, а лѣшіе вровень съ дремучими лѣсами ходятъ!

Смирно стоитъ косматая Петрова избушка; тихій вѣтеръ ночной по временамъ только вздымаетъ и шелеститъ ея камышевыми лохмами.

— Какая же изъ нихъ добрѣй, какая красивѣй? во весь голосъ спрашиваетъ Петръ Крутой, болѣзненно разметываясь на своей одинокой постелѣ.

— Сотвори молитву, Петруша! шепчетъ кто-то въ его сиротской избѣ и ласково будитъ.

Проснулся Петръ и до самой утренней зари разговаривалъ съ старшей Анчелюстовой дочерью, какъ вечерней зарей разговаривалъ съ младшей, а послѣ того, когда проснувшаяся земля закурила предъ свѣтлымъ солнцемъ свои бѣлые, дымчатые туманы, Крутой пошелъ на багчи и долго онъ на этихъ багчахъ, упавши грудью въ высокія травы, рыдалъ и спрашивалъ Господа:

— Господи! не введи меня въ грѣхъ предъ Тобой!

III.

Милѣйшій Аристархъ Абрамычъ Анчелюстъ, этотъ заввонистый подпѣвало на сельскихъ клиросахъ, безошибочный толковникъ священнаго писанія, общій и закадычный, по его словамъ, другъ всѣхъ окрестныхъ священниковъ, сдѣлалъ большую ошибку, когда насмѣшливо предполагалъ, что врядъ ли скоро онъ и сосѣдъ его, Петръ Крутой, начнутъ заносить себѣ каменныя палаты.

Прошло уже столько времени, послѣ появленія степнаго выселка, сколько нужно было проѣзжему люду для того, чтобы знать, что вотъ на двадцать на другой верстѣ отъ города стоитъ маленькій выселокъ, «Коровьи слезки», что живетъ въ этихъ выселкахъ богачъ Анчелюстъ, отставной княжой дворецкій, у котораго можно и лошадей покормить и самому ночевать.

— Богатъ этотъ Анчелюстъ и уменъ, страсть какъ! толкуютъ, бывало, на телѣгахъ, стучавшихъ по гладкой, высушенной жарами, проѣзжей степной дорогѣ.—Писаніе онъ все прошелъ отъ начала до самаго конца, такъ что теперича, при старости находясь, отъ великой грамотной натуги маненечко ума даже тронулся... И каждую, можегъ, недѣлю по нѣскольку разовъ ѣздятъ къ нему на поселокъ городскіе приказные за дочерей свататься, только онъ надъ тѣми приказными, какъ слѣдуетъ употчивавши ихъ, подсмѣивается и дочерей за нихъ не даетъ. Не въ свои, дескать, сани не садись, за княжескихъ, дескать, крестницъ крапивное сѣмя не сватайся! Чудно! Вотъ и нашъ братъ, разговаривалъ дорожный людъ: — а до какой, при хорошихъ господахъ завсегда находимшись, политики дошелъ! Господамъ судейскимъ, — такъ и то губы утираетъ лакомыя!...

Но разговоры эти были все-таки ничѣмъ больше, какъ только однимъ отголоскомъ старинной славы Аристарха Абрамыча, пріобрѣтенной имъ еще въ качествѣ дворецкаго знатнаго барскаго дома. Вновь Анчелюстъ ничего не дѣлалъ для того, чтобы громче раздавались про него дорожные разговоры. Грѣлся онъ, по прежнему, сидя подъ горячими солнечными лучами на навозной завалинѣ, опушавшей его почти городскіе хоромы, и проживая свои, какъ онъ говорилъ, немалыя тысячи, нажитыя у князя; съ великимъ, всегда сразу отгадываемымъ конфузомъ,

вралъ онъ молодымъ дочерямъ про свои гощенья у поповъ, у становыхъ и помѣщичьихъ управителей, и, похрипывая и покашливая, скорбѣлъ о старинѣ, ругая и осмѣивая настоящее время съ его глупыми и каверзными людишками.

А между тѣмъ, молчаливый сосѣдъ стараго дворецкаго съ каждымъ днемъ все выше и выше, какъ говорится, поднимался въ гору. Съ каждымъ днемъ все больше и больше насупливалъ Петръ Крутой свои длинныя, рыжія, подъ одну сплошную дугу сростіяся брови, и все, что только видѣли его глаза, все забиралъ въ свои мощныя руки. И орудовали эти руки самыми разнообразными, никогда не прекращавшимися дѣлами до того проворно и, какъ бы гнѣвно-серьезно, что посмотритъ только, бывало, Анчелюстъ на какое нибудь сосѣдское дѣло своимъ завистливымъ глазомъ, подумаетъ такъ-то: «не пойти ли, молъ, посмѣяться надъ мужланомъ-молокососомъ», подумаетъ, говорю, и юркнетъ поскорѣе въ горницу, думая своей боязливой душой: «колдунъ вѣдь онъ, этотъ Петрушка Крутой. Брови-то у него, какъ у идола какого, вмѣстѣ срослись. Пожалуй, испортитъ, ежели смѣяться надъ нимъ станешь».

Уходилъ пугливый старикъ въ свѣтлую горницу и въ то время, когда мертвая степь оживала шагами и голосами людей, со всей окрестности сходившихся къ Петру Крутому съ разными дѣлами, когда онъ снималъ у господъ и у обезлюдѣвшихъ мужицкихъ семействъ подъ просо, пшеницу и багчи ихъ участки, когда къ его косматой избенкѣ съѣзжались подводы съ лѣсомъ и кирпичемъ. Анчелюстъ заводилъ безконечный разсказъ своимъ тихимъ стѣнамъ про сосѣда, потому что дочери его только безмолвно гнулись подъ кружевными подушками, когда раздавались эти разсказы, ни слова не отвѣчая на нихъ.

— Что это, погляжу я, какой нынѣ народъ фальшивый! начиналъ Анчелюстъ.

— Вотъ теперича хоть бы Крутой. Все я думалъ, глядя на него: какой это, молъ, мужикъ хорошій, работящій, услужливый. Я бы, молъ, такого мужика, когда дворецкимъ былъ, сейчасъ умереть, своимъ подручнымъ бы сдѣлалъ... Право!

Свѣтлое такое солнце свѣтилось въ это время въ окна Анчелюстовыхъ хоромъ; но еще свѣтлѣе была улыбка, пробѣжавшая тогда же по губамъ младшей стариковой дочери, которую она не успѣла скрыть отъ отцовскихъ глазъ, при всемъ томъ, что

низко, низко нагнулась надъ подушкой, на которой она плела широкое кружевное плетенье.

— Сейчасъ надъ отцомъ смѣяться! возгарался Анчелюстъ.— Отецъ станетъ дѣло говорить, а онѣ сейчасъ ха-ха, хи-хи! Ты страхъ-то Божій куда дѣвала?

— Я, тятенька, ничего! отвѣчала дочь: — я не смѣялась.

— Не смѣялась? я тебѣ развѣ не дѣло говорю? Я тебѣ про народъ сказываю, какой онъ нынѣ фальшивый сталъ. Я тебѣ затѣмъ объясняю объ этомъ, чтобы ты знала народъ и остерегалась его; потому я его знаю, и по уму моему, и по грамотѣ. Наградилъ меня Господь Богъ и умомъ, и грамотой—вотъ какъ!... Сама знаешь.

Тутъ опять выбѣгало солнце изъ-за сѣрой мимолетной тучки, на минуту скрывшей-было его, — и снова дочь прятала въ подушку свою молодую улыбку, неизмѣнно являвшуюся у ней при похвальбѣ отца, или при его разгаданной лжи.

— Ну, Господь съ тобой! почти со слезами говорилъ Анчелюстъ, понимая и потому досадуя на то, что единокровная дочь его не вѣритъ ни его уму, ни грамотѣ.

Говорилъ онъ такъ-то и снова уходилъ на только что оставленную завальню.

— Можетъ, я ее лучше моимъ вздохомъ пройму, предполагалъ онъ на завальнѣ.—Можетъ, она, видя слезы мои, и не будетъ... это... смѣяться-то надо мной... Повѣритъ, можетъ... Я вѣдь объ ея же благѣ... стараюсь... чтобы она надъ старыми людьми, а тѣмъ паче, надъ отцомъ не смѣялась, потому въ адъ за это насмѣшниковъ...

Звонкими и серебряными такими голосками звенятъ бересклетовыя, узорныя коклюшки, которыми плела младшая Анчелюстиха тонкія кружева; съ ихъ скорымъ говоромъ соединяется не менѣе звонкій хохотъ самой кружевницы, а старшая сестра, схоронивши свой смѣхъ на серьезномъ лицѣ, говоритъ насмѣшницѣ:

— Что это ты все надъ тятенькой насмѣхаешься? Развѣ не видишь, ему больно отъ этого?

— А онъ зачѣмъ своимъ умомъ хвастаетъ завсегда? Опять же я смѣюсь надъ нимъ не съ сердцовъ, а такъ, не стерпѣвши, потому чудно очень...

— Ты ступай къ нему, совѣтовала старшая: — подластись къ нему какъ нибудь. Что это онъ хотѣлъ про Крутаго разска-

зывать, послушать хотѣлось бы. Онъ отъ твоей ласки повеселѣетъ, и опять разсказывать примется.

Послушалась насмѣшница сестриныхъ словъ и выбѣжала къ отцу, нарывшему на солнцѣ свое стариковское горе.

— Тятенька! сказала она. — Вѣдь это вамъ такъ только почудилось, что я смѣюсь надъ вами, а я ничего. Ей-Богу! я не по злобѣ...

Еще покойнѣе развалился старикъ на мягкомъ и тепломъ навозѣ послѣ такихъ дочерниныхъ словъ. Увидалъ онъ тутъ, что и на его улицу праздникъ великій пришелъ, т. е., что теперь онъ можетъ сколько ему угодно показывать дочерямъ свой умъ, балясничая съ ними, нисколько не боясь, что онѣ вдругъ захихикаютъ надъ нимъ. Серьезно такъ сморщилъ Анчелюстъ свое маленькое лицо, задумчиво разгладилъ бороденку и съ тяжкимъ вздохомъ сказалъ:

— То-то вотъ, Маша! Ты думаешь, я не понимаю, что ты меня обмануть хочешь! Не смѣялась?... Такъ я тебѣ и повѣрилъ! Ну, да ужь такъ и быть,—я тебя на сей разъ прощаю, потому, когда я въ дворецкихъ находился, то былъ очень милостивъ; я, можетъ, только объ одномъ и прошу Господа, чтобы, при моемъ богатствѣ и умѣ, не ожесточилось сердце мое.

Ежился и топорщился Анчелюстъ, говоря такимъ образомъ, словно начальникъ какой, который для форсу надъ своими подручными тѣшится, а дочь все таки приводила его въ горницу и снова наталкивала на прерванный разсказъ о томъ, какой нынѣ народъ плохой сталъ.

— Мужикъ сейчасъ мимо насъ ѣхалъ, завелъ Аристархъ Абрамычъ:—такъ онъ вотъ что про Крутаго разсказывалъ: сосѣдъ-то вашъ, говоритъ, ваше степенство, колдунъ. (Мужички меня и теперь еще, слава Богу, вашимъ степенствомъ зовутъ и шапки предо мной неуклонно снимаютъ, потому я ихъ благодѣтель,—имъ безъ меня, прямо скажу, трудно)... Такъ и говоритъ тотъ мужикъ: Петръ Иванычъ-то, ваше степенство, колдунъ. Пріѣхалъ онъ къ намъ отъ прасоловъ луга для гуртовъ снимать, ходилъ, ходилъ такъ-то около рѣки,—все оглядывалъ луга-то и уѣхалъ. Только что уѣхалъ онъ, какъ рѣка всю плотину снесла и залила дотла сѣнокосъ. Сказывалъ мужикъ, что залива такого большаго ни одинъ ихній старикъ не запомнитъ. Вотъ какъ!

— А знаете ли вы, отчего это сдѣлалось? спросилъ Анчелюстъ у дочерей.—Конечно, гдѣ же вамъ про такія дѣла знать?

Вы у отца-то живете, словно у Христа за пазушкой. Отецъ-то всѣ жилы изъ себя для вашего спокоя вытягиваетъ. Мужики-то эти, такъ и тѣ не догадались, откуда на нихъ такая напасть налетѣла! Я ужъ, спасибо, все это проѣзжему мужику въ тонкости объяснилъ. «А что, спрашиваю я у него, луга-то вы порѣшили съ Петромъ Крутымъ, али нѣтъ?» — Гдѣ порѣшить! ваше степенство,—всего только три ведра становилъ Крутой, а мы семь просили, да зеленую бумагу деньгами! «Вотъ, говорю я мужику,—вотъ онъ вамъ за это самое и подгвоздилъ штуку! Пускай-ка, молъ, православные надъ плотиной-то поплотѣютъ»!... Бывали и у насъ въ вотчинѣ такія доки, знаю я ихъ.

— А это вы, тятенька, напрасно такъ-то мужику сказали про Петра; не будетъ Петръ никогда плотинъ разорять, рѣзко сказала отцу старшая дочь.

— Учи еще отца-то! восклицалъ Анчелюстъ.—Когда ты, Господи, въ могилу меня приберешь отсюда? Нѣтъ мнѣ житья на семъ свѣтѣ ни отъ чужихъ, ни отъ своихъ!

Такіе Анчелюстовы возгласы и такіе разсказы сдѣлали наконецъ то, что дочери, какъ будто, начали скучать отцомъ, стали очень часто, недослушавши его нескончаемыхъ разговоровъ, уходить отъ него, такъ что даже и старшая, при всей своей сдержанности, начала говорить отцу:

— Сами же вы, тятенька, всегда толкуете, что Богъ гордымъ противится, а все своимъ богатствомъ да умомъ гордитесь. По вашимъ словамъ, нѣтъ и не было на всемъ свѣтѣ лучше васъ человѣка.

Такимъ образомъ старикъ доживалъ свой вѣкъ, и вмѣстѣ съ его убогими силами таяли его убогія тысячи: вмѣстѣ съ памятью исчезла и начитанность, удивлявшая старыхъ дьячковъ; его несмѣтливости, предъ которой всѣ преклонялись, когда Анчелюстъ былъ въ почетѣ и силѣ, теперь даже Ивановы ребятенки стали сдавать тароватую сдачу. Анчелюстовы хоромы, состроенныя на городской манеръ, почти уже не дивили глаза проѣзжаго человѣка, потому что прошло ли еще какихъ нибудь два, три года со времени поселенія въ степи Петра Крутаго, какъ онъ уже подлѣ своей избенки принялся заносить длинныя каменныя хоромы для постоялаго двора, съ лабазами и лавкой въ нижнемъ этажѣ и высокими вѣсами предъ лицевыми окнами жилья. Новый, заѣзжій человѣкъ, видимо, становился на голову старому дворецкому такъ, что даже дочери Анчелюста совершенно были

увѣрены въ томъ, что ни какого такого мужика, который бы разсказывалъ, что Петръ Иванычъ Крутой испортилъ у нихъ въ селѣ рѣчную плотину за то, что они ему своихъ луговъ въ наемъ не отдали, никогда не бывало, потому что ужь ежели Петръ Иванычъ пріѣзжалъ куда нибудь снимать луга, такъ тѣхъ лу-говъ не отдать ему нельзя было ни подъ какимъ видомъ.

А между тѣмъ какъ Аристархъ Абрамычъ разговаривалъ свои разговоры и плакался на свое лютое горе, и Крутой тоже разго-варивалъ и плакался, только немного не такъ, какъ разговари-валъ и плакался Анчелюстъ.

— Дѣйствуй! то и дѣло покрикивалъ Петръ Иванычъ днемъ на людей, строившихъ ему домъ, половшихъ его гряды на баг-чахъ, ссыпавшимъ ему хлѣбъ и т. д.

— Орудуй! подхватывалъ его слово нѣкто съ ужасающими бакенбардами и усами, изъ отставныхъ кавалеровъ, съ годъ уже, ради своего совершеннаго сиротства, пріютившійся у Крутаго въ заслуженномъ санѣ закадыки и правой руки.

— Жарь! шутливо отзывались хозяевамъ сами рабочіе, по-ощренные хорошимъ угощеньемъ, съ выпивкой, съ ласковымъ словомъ—и немногосложный, но хорошій разговоръ этотъ закан-чивался дружнымъ стукомъ топоровъ, шуршаньемъ ссыпаемаго хлѣба, стукомъ рушалки и маслобойни и всеоживлявшею рабо-чею пѣсней.

Новое лицо, опушенное бакенами и усами, втершееся въ по-селокъ, звали Ѳедоромъ Ярилой. Это былъ отставной унтеръ съ раскатистымъ, басовитымъ голосомъ, съ громкимъ, почти по-стояннымъ, смѣхомъ, подмывающимъ смѣяться и другихъ, и съ развалистой походкой, грудной напередъ. На первый взглядъ, въ этомъ человѣкѣ главнымъ образомъ всякаго поражало его не-обыкновенное умѣнье по цѣлымъ днямъ держать во рту коро-тенькій чубучокъ, курить и въ то же время разсказывать различ-ныя исторіи, хохотать, отплевываться и даже пѣть. Послѣ этого умѣнья, унтеръ отличался еще тѣмъ, что почти къ каждому сло-ву своихъ разнообразныхъ исторій неминуемо приговаривалъ: есе-на-зелена. Больше въ немъ для чужаго человѣка ничего занима-тельнаго не было.

— Такъ пустой человѣкъ, солдатишка! толковали про него окрестныя села, когда, по какому либо случаю, заходилъ гдѣ нибудь разговоръ про выселки, Коровьи Слезки. — Комедчикъ

этотъ солдабатъ,—больше ничего. Зачѣмъ только Крутой его на дворѣ держитъ?

— Петръ Иванычъ! толковали самому Крутому въ глаза мужики, какіе полегкомысленнѣе: — зачѣмъ ты этого солдабата на дворѣ держишь? Нанялъ бы ты себѣ настоящаго батрака, а у меня кстати есть на примѣтѣ одинъ, Ахъ! хорошій батрачокъ какой!—дивись только!

— Ну, ты его и нанимай! угрюмо отвѣчалъ Петръ, не глядя на мужичонку, знающаго хорошаго батрачка. — А объ Өедорѣ ты не толкуй; съ двора сгоню, ежели ты его лаять станешь.

— Я къ примѣру, Петръ Иванычъ! конфузливо мямлилъ мужичокъ.—Т. е. тебѣ же, можно сказать, одного добра хотѣлъ... какъ теперича благопріятели мы съ тобой изстари...

— Ну, ты ежели и совсѣмъ объ этомъ разговаривать перестанешь, такъ тоже ничего... хорошо будетъ, безжалостно и вдосталь обрывалъ Крутой изстариннаго благопріятеля, такъ что благопріятель замолкалъ...

Такъ вообще, совсѣмъ иначе, нежели благопріятели, понималъ Петръ Крутой про Ярилу, и ни разу съ тѣхъ самыхъ поръ, когда Ивановы ребятенки привели на поселокъ унтера, Петръ не только не дозволялъ никому говорить про Өедора худыхъ словъ, а даже и самъ не говорилъ ихъ.

— Дядюшка! кричали однимъ полднемъ Петру сосѣдскіе ребятки.—Встрѣтили мы неподалечку дѣда-солдата; онъ теперича у насъ въ сѣняхъ сидитъ, трубку куритъ; а наши въ полѣ уходчи, погребъ-то взяли да экимъ тяжелымъ камнемъ привалили. Сказалъ намъ тятька, когда камень на погребъ наваливалъ: ежели, говоритъ, не привалить погреба, такъ вы все молоко похлебаете. Мы, дядя Петръ, все собаку молокомъ поимъ безъ мамки! Ей, собакѣ-то, страсть какъ хочется пить въ экую жару! Красный такой языкъ высунетъ и такъ-то локтать молоко примется! Мы къ тебѣ солдата-то приведемъ, ты ему хлѣбушка дашь.

— Веди, согласился Крутой изъ подъ прохладнаго сарая, гдѣ онъ вытесывалъ ульи.

— Добраго здоровья, хозяинъ! Богъ въ помочь! скоро послѣ этого раздался подъ сараемъ басъ военнаго человѣка, и тутъ же запахло здоровымъ тютюномъ. Петръ поднялъ голову, передъ нимъ во всей своей своей свободѣ стояла старая военная кость, въ сѣрой истертой шинели, съ пуговицами на половину мѣдны-

ми, на половину оловянными, въ нанковыхъ широкихъ штанахъ, изъ подъ которыхъ виднѣлись истрепанные лапти. На головѣ у военной кости красовалась здоровая лысина, лицо сморщенное и, какъ бы, зажаренное, осунувшееся и, видимо, не знавшее на своемъ вѣку, что такое за штука на семъ свѣтѣ есть, которую добрые люди жиромъ зовутъ, смотрѣло какъ-то особенно беззаботно и весело изъ за опушавшаго его обильнаго сѣнокоса. Сразу было всякому видно, что принадлежитъ это лицо къ числу тѣхъ вѣчно-довольныхъ лицъ, которыя, когда вмѣсто пирожка-обѣда трубочкой себя захотятъ ублаготворить, такъ говорятъ не просто, какъ всѣ грѣшные люди: дай-ка, молъ, я съ горя хоть трубочкой распотѣшусь; а смѣясь и балагуря, крутятъ усищи и съ важностью толкуютъ: ну-кась я себѣ послѣ обѣда-то самоварчикъ согрѣю. Что дѣлать-то? Вѣрно, самому придется служить. Лл-л-аккей мой—канальскій сынъ — къ бабамъ въ гости ушолъ...

И у пришедшаго также въ самыхъ усахъ грѣлся самоваръ. Иначе эту обуглившуюся, крошечную деревянную трубочку и нельзя назвать было, не задѣвая абмицію служиваго, потому что такъ-то залихватски накренена была замасленная фуражка этого служиваго на его съ просѣдью головѣ, такъ-то бодро и безбоязненно ступали его измочаленные лапти, и, такъ сказать, справедливо напирала широкая грудь, не гнувшаяся подъ тяжестью двухпудоваго рыжаго ранца, что, казалось, все это вмѣстѣ — и фуражка и самоваръ, трубчонка и лапти вслухъ говорили:

«На насъ, братъ, тово... Не очень-то при... Мы, братъ, ха-ха-ха! Мы, любезный другъ, всегда въ своемъ правѣ. Такъ-то! Худу не научимъ... ха-ха-ха!»

И кромѣ того, что, дескать, здравія желаю, хозяинъ, Богъ тебѣ въ помочь! ничего еще другаго не успѣлъ сказать странный солдатъ; а Петръ, какъ бы прослышавши старчиковскій хохотъ, и самъ потихонячку улыбнулся, бросилъ топоръ, всталъ и сказалъ:

— Милости просимъ, господинъ служивый! Мы добрымъ людямъ завсегда рады, потому у насъ тутъ глушь.

— Чудесныя мѣста тутъ у васъ! захохоталъ гость, не вынимая трубки. — Я тутъ ужь обглядѣлся, есена-зелена! Мальчишечку одного, вотъ энтого, бесподобно за чупрунъ отхваталъ! Говоритъ мнѣ: «ну-ка, дѣдушка, сыми камень съ потребицы,

мы съ тобой оттуда, сколько хочешь, молока уворуемъ. Ха-ха-ха!»

Мальчишечка, на которомъ такимъ образомъ обглядывался солдатъ въ степи, нисколько не былъ обиженъ тѣмъ, что его отхватали за чупрунъ, а напротивъ, тоже смѣялся, закрывая вполовину лицо рукавомъ своей толстой посконной рубахи.

— А изъ коихъ мѣстъ, г-нъ служивый, путь держите? освѣдомился Крутой.

— А и сказать не умѣю, есена-зелена, изъ коихъ я теперь мѣстовъ путь держу! отвѣтилъ гость. — Замѣсто этого скажу тебѣ попросту безъ затѣй: зовутъ меня Ѳедоромъ Протасовымъ, а въ полку, ха-ха-ха! — шуты адакіе! — Ѳедоромъ Ярилой прозвали! Дразни, значитъ, какъ Богъ на душу положитъ, только хлѣбомъ корми; а хлѣбушка теперь унасъ Ѳедоръ Ярило закусилъ бы-таки, потому, ха-ха-ха, съ вчерашняго утра, кромѣ вотъ этого чаю, ни единой, есена-зелена, маковой росинки во рту не было.

— Въ хату милости просимъ! звалъ Крутой солдата какимъ-то особеннымъ веселымъ голосомъ, какимъ онъ, ежели когда и говаривалъ съ кѣмъ, такъ только съ одними Ивановыми ребятами, и то тогда, когда ни одного взрослаго человѣка въ это время около него не было.

— Такъ какъ же? снова переспросилъ Крутой. — Въ чистую теперь направляетесь, али только въ побывку?

— Да то-то; любезный человѣкъ, отвѣтилъ гость съ своимъ обыкновеннымъ громкимъ смѣхомъ, убирая за обѣ щеки кислое молоко съ хлѣбомъ: — мудреная эта исторія разсказать тебѣ въ подлинности, куда я теперича иду—въ побывку, али въ чистую. Оно, видишь ли, дѣло какое: съ полгода тому, шелъ я съ Кавказа точно что въ чистую. Подвигаюсь такъ-то къ Яренску (я оттуда родомъ), мѣста вижу знакомыя. Иду, иду и никакъ я, братецъ ты мой, до деревушечки до своей родной не доползу. Шучу такъ-то идучи: эй, молъ, родная, гдѣ ты тутъ? въ какомъ, молъ, ты тутъ волокѣ запряталась? Не плоше тебя встрѣтился разъ съ человѣкомъ, спрашиваю: что это, другъ, мѣста-то здѣшнія я совсѣмъ забылъ? Въ вашихъ, молъ, мѣстахъ такая деревушка была? «Была», говоритъ. Я этому засмѣялся: что же, спрашиваю, теперь развѣ ее волки съѣли? «Нѣтъ», отвѣчаетъ, «не съѣли; какъ можно, чтобы волки деревушку, хотя и небольшую, сожрали, только теперича нѣтъ ее»... Не вытерпѣлъ я, до-

искался-таки мѣста, гдѣ деревня стояла. Шумѣлъ на этомъ мѣстѣ такой-то ли боръ страшный, кое-гдѣ кирпичи печные валялись, бревна... Признаться, мнѣ это, есена-зелена, очень тогда не понравилось. Словно бы даже слеза меня тогда вдарила...

Крутой угрюмо слушалъ разсказъ гостя, не перебивая его ни единымъ словомъ.

— Люблю я, другъ ты мой сладкій, съ такими мужиками, какъ ты, разговоръ разговаривать! вдругъ оборвалъ свою рѣчь осиротѣвшій солдатъ. — Сидятъ себѣ да помалчиваютъ. Это нашему брату, походному человѣку, хорошо, потому никто тебя не перебиваетъ. Только, сказываю, даже и злость меня проняла, потому, думаю: что же это такое?... Куда я теперь пойду? Думалъ, думалъ и такъ-то, и выдумалъ: дай-ка, молъ, я пойду по Божьему свѣту, разгуляюсь, разомнусь, молъ, немного на свободѣ — и пошелъ. Кстати, можетъ, хорошій человѣкъ гдѣ нибудь на руку попадется. Старый ежели, — я его братомъ буду, молодому — отцомъ. Ей-Богу. Что горевать? Вотъ и хожу.

— Такъ вы, значитъ, вологодскіе будете? задумчиво спрашивалъ Крутой.

— Оттуда, оттуда, хозяинъ, удовлетворилъ его солдатъ. — Прямо надобно сказать, до солдатчины по старинному былъ, и деревня вся также. Ну ужь, а въ солдатахъ-то ни два, ни полтора вышло... Спасибо за угощенье, прибавилъ старикъ, зажигая свой самоваръ. — За хлѣбъ за соль, за щи съ квасомъ, за жирну убоину, за бѣлу просятину... ха-ха-ха! раскатился балясникъ. — Привыкъ къ сладкимъ-то кушаньямъ, теперь вотъ и не ѣлъ ихъ, а все благодарность по прежнему отдаешь...

Эта солдатская шутка прошла однако же совершенно мимо хозяйскихъ ушей. Сидѣлъ Крутой, облокотившись обѣими руками на обѣденный столъ, упорно и сердито разглядывалъ что-то на этомъ столѣ и, какъ бы про себя, говорилъ:

— Такъ, такъ! Лѣса тамъ по энтой губерніи большіе, рѣки широкія...

— Лѣса вотъ какіе, подхватилъ солдатъ: — страсть! У васъ ни одного такого деревца днемъ съ огнемъ не сыскать, а про рѣки не гнѣви Бога: и у васъ тутъ больно красивы попадаются. Вотъ по Дону шелъ — ахъ, рѣка хороша! Что это за красавецъ такой! Кормилецъ опять какой, диво! А тебѣ развѣ тѣ мѣста наши знакомы?

— Бывалъ я тамъ, не развеселясь даже и разсказомъ про

Домъ, отвѣтилъ Петръ и всталъ изъ-за стола. — Рѣчь рѣчью, закончилъ онъ: — только и отдохнуть тебѣ съ дороги надо. Поди подъ сарайчикъ, сосни съ Богомъ, въ сѣняхъ тоже хорошо въ холодку. Сосѣди вечеромъ съ поля воротятся, накажу, чтобы завтра они баньку для насъ истопили.

— Ахъ ты, дорогой человѣкъ! вскрикнулъ солдатъ въ восторгѣ. — То есть, какъ это онъ все знаетъ, — чудо! То есть, я тебѣ за баню по гробъ слуга. И люблю же я париться, Господи, какъ люблю! Не роди ты меня мать на свѣтъ! Въ полку, бывало, товарищи чуть живаго изъ бани меня выволакивали. Залѣзешь, бывало, да послѣ самъ и дивишься, какъ только не сварила тебя всего эдакая жара страшная!

Заснулъ солдатъ подъ сараемъ, а Петръ сидѣлъ на деревѣ съ топоромъ въ недвижной рукѣ и шепталъ:

— Лѣса такъ большіе, рѣки широкія, люди простые!... Ахъ! побывалъ бы теперь, хоть бы однимъ глазкомъ на минуту взглянулъ!

Долго сидѣлъ такъ-то Петръ Крутой и шепталъ; наконецъ, человѣкъ этотъ, отъ котораго незнакомому трудно было слова добиться, заигралъ тихимъ голосомъ плясовую пѣсню:

Расповадилась Груняша
Часто по воду ходить,
Часто по воду ходить,
По задворью воду лить.

Вздрогнулъ Крутой, нечаянный пѣсенникъ, и вскочилъ съ чурбана, на которомъ сидѣлъ, потому что разбуженный пѣсней гость залихватски подхватилъ у него пятый стихъ:

Э-эхъ! по задворью воду лить,
Къ Алексѣю заходить,
Алексѣюшку любить.

— Вишь какъ чудесно сладилось! кричалъ солдатъ. — Родная пѣсня-то, наша! я ее въ солдатахъ-то и забылъ было, да спасибо ты напомнилъ. Тебя кто этой пѣснѣ выучилъ?

— А такъ самъ выучился, когда въ вашихъ мѣстахъ былъ.

— Чудесная пѣсня! хвасталъ унтеръ, снова засыпая. — Въ полку у насъ тоже хорошія пѣсни пѣвали, только до этой имъ не дойти! Молода, во Саксоніи не была! Въ полку, бывало, все

отрывать велятъ: сразу, говорили, вдругъ голосомъ дѣйствуй, чтобы на тебя на самого страсть нападала; а эта, золотая, такъ и льется, такъ тебя и тянетъ, бормоталъ Ѳедоръ Протасовъ уже сквозь сонъ.

— Кабы онъ не догадался! въ свою очередь шепталъ Крутой. — А и догадается, такъ Богъ съ нимъ! Старикъ, кажись, добрый, душевный, кажись, старикъ. Надо мнѣ его безпремѣнно къ себѣ пріютить. Пущай живетъ; все же мнѣ охотнѣе съ землякомъ будетъ.

На другой день, у Ивана топили баню и пекли блины. Раскраснѣвшійся унтеръ съ хохотомъ курилъ трубку и игралъ съ ребятишками. Возня между старымъ и малыми была страшная.

— Ну, сказалъ наконецъ гость: — счастливо оставаться, хозяинъ съ хозяюшкой и съ малыми дѣтушками. Вотъ вамъ, пострѣлы, грошъ дарю на гостинцы! лѣтъ двадцать я его въ кошелѣ вмѣстѣ съ табакомъ берегъ, чтобы деньги не переводились. Пуговицу тоже на игрушку дарю. Штука хорошая выйдетъ, поучалъ солдатъ младшаго Иванова сына: — ежели ты ее за толстую нитку привязамши, будешь около головы повертывать. Зажужжитъ страсть какъ! Можно ее тоже вмѣсто кубаря по столу вертѣть. На шапку тоже можно: видишь, какая она ясная!... Ну, прощайте! На угощеньи на великомъ спасибо!

— Ты что же? Идти хочешь? спросилъ Крутой.

— А ты, какъ думалъ? Ты, небось, такъ полагалъ, что блиновъ-то натрескамшись, цѣлый вѣкъ изъ-за стола не выйду? весело предполагалъ солдатъ.

— Нѣтъ, я не про то. Я такъ думаю, не пожить ли тебѣ еще у насъ. Мы бы на тебя, а ты бы на насъ поглядѣлъ...

— Мало узоровъ-то на мнѣ, Петръ Иванычъ! Смотрѣть-то на меня нечего долго. Какъ есть предъ тобой, такъ и гони въ шею, потому мнѣ идти, а вамъ дѣло дѣлать.

— А коли ты такой, какой теперь есть, сказалъ Петръ: — такъ вотъ тебѣ, живи у меня въ избенкѣ. Какъ нибудь прокормишься, а коли я тебя переживу, по моей-то молодости, такъ гробъ сдѣлаю, въ поминанье свое запишу.

— Спасибо-то, спасибо тебѣ за это; только гляди: я вѣдь того... я вѣдь грохотунъ... Я вѣдь день-то деньской рта не сомкну, все грохочу, какъ жеребецъ стоялый!... Гляди, не прискучилъ бы я тебѣ?...

— Слезой горя не избыть, ободрялъ Крутой старика, выходя

изъ Ивановой избы. — Приходи поскорѣе, покалякаемъ кой о чемъ.

— Стой-ка ты, сынокъ, стой! говорилъ солдатъ уходящему Петру. — Ты вотъ что еще, вотъ на счетъ чего поговори со мной: ты, можетъ, на счетъ денегъ что нибудь думаешь?...

— Ничего я не думаю на счетъ денегъ, только я тебя не обижу...

— Не въ обидѣ дѣло! Ты не думай объ нихъ, потому такъ, прямо тебѣ скажу, не сумлѣвайся, — мнѣ они совсѣмъ таки не нужны. Я вотъ, околи табачишку когда у меня не хватаетъ, такъ древнiй человѣкъ, мохъ изъ-за трещинъ ворую и курю; ей Богу! Листья тоже отъ вѣника, мнѣ это все единственно. Не толкуй о деньгахъ-то, и такъ!..

— Что объ нихъ толковать-то? вступился Иванъ. — Вы лучше такъ какъ нибудь живите... по Господнему... По Господнему-то чуть ли не ладнѣй будетъ...

— Извѣстно, такъ-то ладнѣй будетъ! закончила Иванова жена, стоя съ рогачемъ у жарко пылавшей печи.

— Такъ ты у насъ, дѣдушка, жить останешься? дружно вскрикнули ребятишки. — Мама! дай-ка мнѣ толстую нитку, онъ мнѣ на мое пуговку пришьетъ; а мнѣ, дѣдушка къ шапкѣ эту самую пуговку пришить? приставалъ къ солдату Ивановъ наслѣдникъ.

— Къ шапкѣ, пожалуй, франтоватѣе будетъ! серьезно посовѣтовалъ ему солдатъ, озабоченно останавливаясь на срединѣ избы.

Такимъ образомъ еще птица налетѣла въ поселокъ. Налетѣла, говорю, новая птица, и косматая Петрова избенка, до прилета ея порядка слушавшая одни только громкіе разговоры Ивановыхъ ребятенокъ, ожила теперь отъ беззаботнаго солдатскаго хохота и даже самыя стѣны избы, сумрачныя и молчаливыя, какъ самъ хозяинъ, развеселились будто послѣ поселенія въ нихъ веселаго старика-кавалера, потому что старикъ-кавалеръ заговорилъ съ ними такія рѣчи, какихъ еще никогда и никто въ нихъ не говаривалъ.

Сидитъ Петръ Крутой гдѣ нибудь въ углу подъ сараемъ съ топоромъ въ рукахъ, усердно копается надъ какою нибудь хозяйственной поправкой, свиститъ себѣ подъ носъ въ полсвиста и съ каждой минутой все больше и больше и даже какъ бы часъ отъ часу все сердитѣе и сердитѣе свои густыя брови морщитъ,

и такъ онъ, бывало, цѣлые дни въ такомъ одиночествѣ проводилъ; а теперь тоже съ топоромъ въ рукахъ и съ трубчонкой во рту работаетъ съ нимъ вмѣстѣ старикъ-унтеръ, и на тихомъ Петровомъ дворикѣ отъ солдатской рѣчи и хохота, словно бы большая ярмарка стояла, которая къ самымъ облакамъ шлетъ непрестанный и громкій гулъ своей суматохи.

— Слушай-ка, Петруша! вдругъ вскрикиваетъ старикъ. — Слушай-ка, какую я тебѣ надумалъ исторію разсказать. Я, братецъ ты мой, въ полку когда былъ, такъ разъ по сту въ день исторію эту разсказывалъ, и ничего. Ребята каждый разъ надъ ней здорово грохотали. Вотъ какая чудная исторія. Разсказывать, штоль?

Не прерывая ни свиста, ни молчанія, Петръ кивкомъ головы показываетъ солдату, что готовъ слушать чудную исторію, и солдатъ начинаетъ:

— Видишь ли, дѣло какое: жили-были, сосна-зелена, въ одномъ селѣ два пріятеля — ребята молодые. Выпить они, - али тамъ на счетъ дѣвокъ, али бабъ молодыхъ, правду надо сказать, были маненько половчѣй насъ съ тобою. Такъ-то! А я, -признаться, смолоду умѣлъ тоже къ этимъ штукамъ знатные подходы дѣлать, особенно въ полку. Не вѣришь? Придешь, бывало, на дневку въ какое ни на есть село, спрашиваешь: хозяюшка-сударыня! Позвольте, молъ, сударыня, служивому кавалеру закусить чего нибудь по милости? Закусила, говоритъ, свинья гуся, такъ ей, говоритъ, распервый сортъ бока поленами насандалили.... Скажетъ такъ-то и сидитъ, веретеномъ повертываетъ, словно бы ей и горюшка нѣтъ никакого, что солдатъ тридцать верстъ прошелъ, что солдатъ, какъ коростовая собака, голоденъ. Не любятъ они насъ... Только пошепчешь съ ней, бывало, поволѣчешь, и откуда что возьмется. Иныя даже и винцомъ раздобывалися для друга. Такъ вотъ, другъ ты мой, жили-были въ селѣ два пріятеля,—пьяницы и буяны, по молодости по своей, страшные. Пили, пили они такъ-то, дѣвки-то съ бабами плакались, плакались на нихъ, потомъ одинъ изъ нихъ надумался, надумался и говоритъ другому: — что это мы съ тобой, другъ, все пьянствуемъ только да съ дѣвками хороводимся. Пора намъ, пожалуй, и стыдъ знать. Давай-ка мы съ тобой остепенимся, давай-ка мы съ тобой хорошимъ дѣломъ займемся какимъ, прибыльною торговлей какою нибудь! «Какою же мы съ тобой торговлей займемся? Надо, чтобы хорошая торговля

была, выгодная; а то что же мы съ пятаго на десятое перебиваться будемъ. Рази мы такіе ребята съ тобой, чтобы нужду терпѣть?...» — Извѣстно не такіе! Мы, братецъ, живо съ тобой разбогатѣемъ. Будемъ мы съ тобой виномъ въ раздробь торговать. Возьмемъ изъ конторы вино, и дѣйствуй. «Дѣло!» согласился пріятель, и пошли они въ село, гдѣ была ведерная контора. Возвращаются они изъ конторы съ боченкомъ по утренней зорѣ и разговариваютъ межъ собой, что вотъ, де, они теперь на купеческой линіи состоятъ. А утреннія зори извѣстно какія бываютъ: не то, чтобы холодно тебѣ было, а такъ будто знобятъ тебя эти туманы сѣдые да свѣтлыя росы до того, что-такъ и тащетъ тебя къ запертому кабаку. Экъ! думаешь, идя по дорогѣ въ такую пору, теплынь теперь какая въ кабакѣ! Цѣловальникъ съ семьей спитъ еще и духота теперь такая у нихъ, что сразу отъ ней всѣ кости твои такъ-то ли сладко заноютъ и въ сонъ клонить начнетъ. Идутъ пріятели по зорѣ и думаютъ такъ-то, какъ я тебѣ говорю. «Чудесно бы», потихонечьку рассуждаютъ, «выпить теперь да по тихой зорькѣ свѣжимъ голосомъ громкую пѣсню сыграть. Сѣсть на росную траву, да и играть пѣсню! Скоро бы, надо полагать, на такую пѣсню господнія птицы своими голосами откликнулись»... Идутъ купцы, думаютъ такимъ маперомъ, а сказать другъ дружкѣ о своихъ думахъ стыдятся, потому сейчасъ бы одинъ изъ нихъ упрекнулъ другого, что вотъ, де, другъ милый, ничего не видя, ты уже и за вино принялся... Только одинъ молодчикъ не сдержался таки и заговорилъ по началу-то издали, обинякомъ пустилъ: — что это, говоритъ, меня, словно бы, лихорадка затрепала, право слово!... Такъ-то знобитъ... такъ-то знобитъ... Говоритъ это молодчикъ унылымъ такимъ голосомъ, самъ покряхтываетъ, какъ бы отъ великой боли и плечами пошевеливаетъ. «А ты пробѣжись немножко», посовѣтовалъ ему другой. «согрѣешься чудесно». — Нѣтъ ужъ, отказывается больной: — мочиньки моей нѣтъ пробѣжаться. Какъ ты хочешь, говоритъ, а я лягу здѣсь на травкѣ, полежу. Можетъ, отойдетъ хоть крошечку... «Ну, какъ знаешь!» сказалъ здоровый. «Лежи, а я пойду, повѣщу нашихъ мужиковъ, чтобы теперь они въ кабакъ не ѣздили. Свое, скажу, есть». Сказалъ такъ-то и пошелъ. Не успѣлъ онъ какихъ нибудь пяти саженей отойти, больной ему и кричитъ вслѣдъ: — слушай-ка, слушай, паренъ! Про лекарство я вспомнилъ про одно отъ лихорадки-то. Сказывали: вино отъ ней дюже облегчаетъ. Дай-ка я попробую

чуточку... «Ну ужъ это шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь», догадался здоровый, «знаю я теперь, какая тебя лихорадка трясетъ. Только я тебѣ безъ денегъ вина ни капли не дамъ, потому мы такъ-то ежели будемъ торговать скоро намъ придется изъ сапогъ въ лапти переобуваться».— Да я и не прошу такъ, зарадовался больной. — У меня вотъ свой пятакъ серебромъ есть. На него и наливай. «Ну коли есть, мнѣ что? Я попотчую. Только деньги сейчасъ на руку!» Пропустилъ больной маленькій стаканчикъ и повеселѣлъ. Идутъ. Другому пришла пора лихорадкой болѣть. — Вѣрю я тебѣ, другъ, сказалъ другой пріятель:—что давича очень тебя того... насчетъ лихорадки-то... Такъ-то меня самого теперь зазнобило, страсть! Наливай ужъ и мнѣ на пятакъ. «Налить, отчего не налить?» отвѣтилъ выздоровѣвшій, «налить можно, только мнѣ деньги подавай!»—Получай! безъ всякаго спора согласился пріятель, и выпилъ. Долго ли, коротко ли шли друзья послѣ выпивки, только вдругъ они въ одно слово другъ дружкѣ сказали: — Слушай-ка, парень, что я тебѣ скажу? «Что?»—Нѣтъ, ты перва скажи, что ты мнѣ хотѣлъ говорить? «Нѣтъ, ты скажи прежде...» Пошли у нихъ тутъ споры да разговоры, и не видали пріятели, какъ засѣли они около боченка на придорожную травку и между разговорами-то этими начали они другъ дружкѣ вино продавать. Сидятъ себѣ попиваютъ въ эдакой ли тишинѣ благодатной, въ спокойный часъ предразсвѣтный... Много радости около нихъ было: изъ подъ свѣтлыхъ облаковъ сыпали на нихъ жаворонки звонкоголосныя пѣсни, степь травяными духами пахучими обдувала, роса распаленныя головы освѣжала... — Да что ты, чортъ! спросилъ, наконецъ, одинъ изъ купцовъ. — Гдѣ ты экую кучу денегъ наколотилъ? Все на наличныя пьешь... «А ты гдѣ наколотилъ? Вѣдь тоже на чистоту разсчитываешься. Хитрецъ ты, братъ, погляжу я на тебя! Отъ пріятеля деньгу сталъ таить!» — Какой я хитрецъ? У меня только и былъ одинъ пятачокъ, такъ и тотъ я отъ тебя не пряталъ, а сейчасъ же тебѣ за стаканъ отдалъ и давича за много стакановъ все имъ же тебѣ отдавалъ. Я, братецъ, на чистоту, потому я должать не люблю... Ей Богу!... Стали они, Петръ Иванычъ, договариваетъ солдатъ свою исторію:—деньги считать: сколько у нихъ барыша, спьяну-то пожелалось узнать имъ, — оказалось, какъ былъ у нихъ одинъ пятачокъ, какой имъ въ ведерной конторѣ въ сдачу дали, такъ онъ одинъ у нихъ и остался. Пришлось, весна-зелена, этому пятачку по пріятельскимъ кар-

придется долго постранствовать, потому на донышкѣ водки-то оставалось въ боченкѣ, когда ребята счеты свои подвели. Ломанули они, раздуй ихъ горой, должно быть, стаканчиковъ по двадцати на каждое рыло...

— Слушаешь, Петръ Иванычъ, али нѣтъ? спросилъ солдатъ у Крутаго.—Вся вѣдь исторія-то! Дрались послѣ ребята не на животъ, а на смерть между собою, когда весь боченокъ дошибли, потому показалось имъ, что они другъ у друга много денегъ похватали. Все за то налѣзали другъ на друга, что хотѣлось еще съ обманщика бездѣлицу выпить... Благо свободное время вышло!

Ни слова не отвѣтилъ Петръ Иванычъ на шутливый спросъ своего сожителя, такъ что другой человѣкъ на мѣстѣ солдата непремѣнно подумалъ бы, что хозяинъ за что нибудь сердится на него; но ундеръ Ѳедоръ Ярило не легко поддавался сомнѣнію въ людяхъ, которыхъ доводилось ему полюбить. Увидалъ солдатъ, что Крутой меньше полковыхъ ребятъ грохочетъ, когда слушаетъ смѣшныя исторіи, что не разсмѣшишь его этими исторіями, и потому сразу оборвалъ онъ свой шутливый разговоръ и сказалъ Петру:

— Дитятко! ты бы тово... поразвеселился какъ нибудь... Сердце у меня очень болитъ, какъ погляжу я на тебя, какъ ты, словно ночь осенняя, хмуришься. Винца бы ты испилъ, штоли?.. Мнѣ, какъ передъ Богомъ каюсь, въ полку вино завсегда помогало, и отъ болей, и отъ печалей отъ всякихъ... Выпилъ бы!..

Приподнялъ тогда молчаливый хозяинъ на старика свои дотолѣ неуклонно смотрѣвшіе на толстую колоду глаза, улыбнулся и сказалъ ему:

— И мнѣ, дядя Ѳедоръ, вино-то помогаетъ какъ будто... Тогда я тоже, какъ и ты, всякія исторіи разсказываю и ими добрыхъ людей тѣшу.

— Дядюшка! умолялъ Петръ ундера уже въ избѣ, вытаскивая изъ коника четвертную бутылку. — Разрѣши ты со мной, Христа ради! Потѣшь меня, потому подкатило у меня подъ сердце... Заныло, хоть умирать ложись... Выпьемъ, выпьемъ съ тобой!

Унтеръ въ недоумѣніи глядѣлъ на Крутаго, никогда прежде не подозрѣвая въ этомъ дѣльномъ, серьезномъ человѣкѣ несчастной болѣзни пьянства; но тотъ уже, что называется, прорвался— и поэтому, какъ бы въ какомъ тяжкомъ, болѣзненномъ при-

радкѣ, трясся всѣмъ тѣломъ, наливая водку въ стаканъ и, какъ дитя, уласкивалъ старика выпить съ нимъ, хоть чуточку, и говорилъ:

— Мы вотъ по эдакой съ тобой, по маленькой... Шутки только ради... Ты тогда мнѣ какую нибудь исторію скажешь, я тебѣ скажу. Можетъ, у меня и пройдетъ... Ей-Богу! У меня такъ-то, часто отъ единаго только разговора хорошаго все проходило...

Много видалъ солдатъ на своемъ сиротливомъ, маятномъ вѣку такихъ людей, зналъ онъ, что спорить съ ними во время ихъ бѣснованья не зачѣмъ, что слѣпнутъ они тогда отъ споровъ, какъ дикіе звѣри, и все, что ихъ желанью препятствуетъ, беспощадно и неотразимо сламливаютъ и послѣ бѣснуются уже совсѣмъ безъ удержу. Выпилъ старикъ стаканъ и, зная, что дѣло такое само себя съѣсть должно, снова принялся за свою трубку, свой смѣхъ и нескончаемыя исторіи; а Петръ какъ будто рычалъ даже, уничтожая первые стаканы съ водкой.

— Ты вотъ что, соколъ! сказалъ ему Ярило съ хохотомъ: — ты на первый разъ не очень наддавай жару-то. А то будешь такъ-то, такъ винища въ кабакѣ тебѣ не достанетъ,—право!

Застыдился Петръ такой рѣчи, потому что еще не успѣло его въ конецъ отуманить кабацкое зелье, нагнулъ онъ голову къ самому столу и прошепталъ:

— Я, дядюшка Ѳедоръ, съ первыхъ-то разовъ всегда такъ... Не утерпишь никакъ...

— Ну, коли не утерпишь, что съ тобой дѣлать? А вѣдь я тебѣ давича не досказалъ исторію-то: сосѣдъ нашъ Анчелюстъ, какъ есть тѣ ребята, которые на свой пятачокъ цѣлое ведро своей же водки роспили. Онъ, есена-зелена, этотъ Анчелюстище—чудачокъ, всю свою жизнь только и дѣла, должно быть, дѣлалъ, что, какъ они, на свой пятачокъ у себя испивалъ. Ха, ха, ха!

Поднялъ въ это время Петръ Крутой отъ стола свое сначала пристыженное лицо; противъ обыкновенія, горѣло оно теперь у него яркимъ румянцемъ пьянаго человѣка; выпучилъ онъ на старика свои какимъ-то страннымъ огнемъ засіявшіе отъ водки глаза и голосомъ, исполненнымъ тяжелаго горя и муки, заплакалъ предъ своимъ пріемнымъ старикомъ, котораго сиротская душа его полюбила до того, что не могла болѣе таить предъ нимъ своего сердечнаго сокрушенья.

— Вотъ, дядюшка, ты теперь про Анчелюста заговорилъ; а вѣдь я... дочери у него... обѣ!

— Какъ такъ? быстро спросилъ вскочившій съ лавки солдатъ, переставая курить даже свою трубку.

— Такъ! Люблю я ихъ, все равно какъ душу мою, и знаю я, что, если я останусь здѣсь, то онѣ меня доканаютъ, потому врагъ меня, видимо, въ погибель неисходную волочетъ.

— Петруша! Ты опомнись. Грѣхъ такъ-то говорить про родныхъ сестеръ,—смертный грѣхъ!..

— Ты еще моей судьбы не знаешь! что мнѣ про грѣхъ говорить? закричалъ Крутой, разбивая объ столъ выпитый стаканъ.— На грѣхъ да на зло только меня и мать родила. Я тебѣ сейчасъ все разскажу, куда она меня ведетъ, моя доля не добрая... Ведетъ она меня, милый человѣкъ, отъ самой люльки прямо въ адъ кромѣшный, потому проклятъ я отъ самаго рожденья на вѣки вѣчные. Выпьемъ мы съ тобой, старичокъ Божій, веселья ради! Ей-Богу! Что намъ дремать-то!

— Опомнись, Петруша! Не гнѣви Господа Бога. Умъ у тебя есть...

— А что мнѣ умъ-то? коли этотъ умъ меня только на зло подбиваетъ? Вотъ онъ, умъ-то гдѣ настоящій! предполагалъ Петръ, указывая на бутылку.—Во всемъ свѣтѣ нѣтъ штуки любезнѣе этой. Давай мы съ тобой, старикъ, выпьемъ еще по маленькой, и тогда станемъ пѣсни играть. Чудесно!..

IV.

Угрюмыя и печальныя тѣни лежали на усастомъ лицѣ Өедора Ярилы, когда онъ, по неотступнымъ просьбамъ Петра Крутаго, выпивалъ съ нимъ собственно, какъ говорилъ угоститель, только шутки для ради.

— Не неволь ты меня, Петруша, ради Христа! умолялъ унтеръ совсѣмъ уже опьянѣвшаго Петра.—Отвыкъ я, признаться, — да и года мои не такіе, чтобы этимъ бездѣльемъ мнѣ заниматься.

— Нѣтъ, стой! кричалъ Крутой.—Стой, Өедоръ Протасычъ! Раздѣли ты со мной чашу сію!

— Ну, Петруша, послѣднюю! Претитъ.

— Послѣдняя — у попа жена, дядя! Выпьемъ: я съ тобой

такой и разговоръ поведу, что запивать надо. Сладокъ очень вы-детъ тотъ разговоръ мой...

— Ну, такъ ты ужь лучше же разговаривай что нибудь, чѣмъ пить. Право слово, лучше будетъ.

— Нѣтъ, разговоръ самъ собой, а питье само собой. Ты ужь лучше мнѣ не перечь, потому я теперича, какъ есть, въ настоящей линіи! Приэтомъ Петръ доманулъ стаканъ, крякнулъ, какъ бы стряхивая съ себя какое нибудь тяжелое горе, покрутилъ побѣдною головою и сказалъ:—вотъ какіе мои разговоры пойдутъ! Знаешь ли, откуда я родомъ? спросилъ онъ, почему-то весело улыбаясь.

— Нѣтъ не знаю, отвѣтилъ Ѳедоръ Протасычъ.

— Не знаешь? ну, такъ слушай. Лѣса тамъ у насъ большіе, рѣки широкія, люди простые!.. Чудно! Теперь вотъ на родину хочется а пріѣзжай туда,—ей-Богу, сейчасъ же сюда захочу! поэтому я себѣ, когда вотъ такъ-то клюнешь бездѣлицу, ничуть не вѣрю; а кажется бы, въ такое-то время къ небу взлетѣлъ бы, ясныя звѣзды съ солнцемъ и мѣсяцемъ снялъ. Слушай! Ты про неволю знаешь?

— Знаю, угрюмо отвѣтилъ Ярило.

— Ну, такъ ты и знай про нее! А въ неволю-то какъ я попалъ, ты ужь безпремѣнно не знаешь, даромъ что унтеръ, даромъ что Ярилою тебя полковые ребята прозвали.

Шутитъ Петръ надъ солдатомъ, задавая ему такую задачу про свою неволю,—и пьетъ, пьетъ, и смѣется глупымъ смѣхомъ пьянаго человѣка, тѣмъ именно смѣхомъ, отъ котораго даже у самыхъ умныхъ и красивыхъ людей какъ-то особенно уродливо морщатся раскрашенныя водкою лица.

— Ты думаешь, я тебѣ про что говорю? Думаешь про эту неволю я съ тобой разговариваю, что вотъ разъѣзжаючи я по бѣлу свѣту, лошадей воровалъ, или тамъ пашпорты и виды фальшивые для добрыхъ людей оборудывалъ и за это по тюрьмамъ каменнымъ гащивалъ? Ай, солдатъ, врешь! Ай солдатъ, не про ту! Еще, бывало, какъ наворуешься вдосталь на степномъ-то раздольи, такъ, пожалуй, даже радъ съ удалыми молодцами въ каменныхъ стѣнахъ компанью развесть, потому каменныя стѣны для привычнаго человѣка — любезное дѣло! и выйти изъ нихъ также скоро можно, какъ вотъ этотъ самый стаканъ выпить.

И выпилъ Петръ стаканъ, дѣйствительно очень скоро; красными, посоловѣвшими глазами впился онъ въ Ѳедора Прота-

сова, долго глядѣлъ на него такъ-то, и потомъ вдругъ зарыдалъ во весь голосъ.

— Истинно ты мнѣ за отца роднаго, Өедоръ Протасьичъ! Выпьемъ же мы съ тобой по скляницѣ, Христа ради! потому, всласть мнѣ говорить съ тобой и тогда даже, когда я бываю трезвый совсѣмъ. Ты спроси у меня, съ кѣмъ я когда нибудь по душѣ разговаривалъ? кому думы свои открывалъ? Никому. Суровъ я, братецъ ты мой, и нелюдимъ уродился: не любилъ своего брата, живаго человѣка, и теперь не люблю... Дурашливъ онъ, живой человѣкъ, обидчивъ не въ мѣру, и золъ. Глазъ моихъ на его дѣла я поднять не могу, сейчасъ у меня сердце злостью на него закипитъ и лицо отуманится... Такъ меня всѣ отъ рода моего и понимали, что злой я, какъ бы змѣй какой лютый, али звѣрь лѣсной. Объ рожденьи моемъ люди разсказывали, что передъ этимъ временемъ чортъ у насъ по высокимъ, соломеннымъ сараямъ много ночей разгуливалъ и на все село звонкимъ и веселымъ такимъ гарканьемъ грохоталъ. Дѣло было, видишь ли, вотъ какъ: батюшка съ матушкой крѣпостными были, а баринъ ихъ на самомъ концѣ нашей губерніи, гдѣ она съ ярославской губерніею сходится, жилъ. Только и отдалъ ихъ баринъ одному богатому торговцу — мужику на года въ батраки; тотъ ихъ увелъ къ тебѣ по сосѣдству (недалече я, землячокъ, отъ твоего пепелища возросъ), и стали родители на богатомъ торговомъ дворѣ, какъ есть, какъ бы двужильными лошадями какими. Проклинали они тогда свою сладкую долю день и ночь безустанно, до тѣхъ самыхъ поръ, пока хозяинъ торговецъ не распотѣшилъ отца другими радостями. Призываетъ онъ однажды родителя моего къ себѣ, и говоритъ ему, такъ-то ли ласково, словно бы своему брату, богатому человѣку. Не угодно ли тебѣ, говоритъ, Иванъ Прокофьичъ, въ наемщики за моего сына наняться въ царскую службу? Живо ты тамъ, по своему великому уму, до офицерскаго чину дослужишься, а я тебѣ на дорогу сто рублей дамъ, и бабу твою призрю... «Нѣтъ», сказалъ отецъ, «не угодно». А не угодно, такъ я изъ тебя всѣ жилы повымотаю, и жизни своей ты у меня не зарадуешься... И точно, принялся послѣ этого купецъ изъ отца такъ-то ли пристально жилы рвать, что онъ въ скорости самъ отъявился къ нему и сказалъ: — Иду, хозяинъ! Только не оставь ты мою бабу, ради Господа, потому она у меня, кажись, самъ другъ. «Все равно, какъ мать родную буду спокоить», пообѣщался хозяинъ

и безъ разговора сдалъ отца въ рекруты. А село, гдѣ купецъ жилъ, въ дремучемъ лѣсу стояло, все его въ конецъ лѣсъ облелѣялъ такъ, что церкви нашей высокой за сто шаговъ отъ села не было видно. И была, братецъ ты мой, Өедоръ Протасычъ, однажды, мать разсказывала, одною весной такая-то ночь, такая ли ночь бѣлая — страсть! цѣлыми снопами мѣсячные лучи по селу разливались. Только въ самую полночь всѣхъ купецкихъ домашнихъ страшный крикъ на дворѣ разбудилъ. Глядятъ, а *онъ*, съ колокольню ростомъ, въ длинной черной шерсти весь, и расшагиваетъ по сараямъ... — Къ худу, молъ, али къ добру? спрашивали купецкіе рабочіе, глядя, какъ онъ прогуливался. Къ ху-у-ду! засвисталъ *онъ* сначала сердитою бурей, словно бы несосчетная стая большихъ птицъ поднялась съ болота и полетѣла... Всѣмъ слышно было, какъ отъ этого посвиста весь лѣсъ зашепталъ и задвигался въ тихую пору полночную. Видимо было всѣмъ, какъ *онъ* перешагивалъ черезъ сараи, черезъ избы, а тамъ и пошелъ по высокому лѣсу, и чѣмъ выше лѣсъ былъ, тѣмъ выше *онъ самъ* поднимался, и тѣмъ страховитѣе грохоталъ. Все село, сказывали, сходилось смотрѣть и дивиться на такое рѣдкое диво. Въ одну такую-то ночь, какъ *онъ* свои штуки продѣлывалъ, я и родился. Нашъ батюшка — попъ въ губернію въ это время отлучившись былъ, а сосѣдскій попъ не поѣхалъ: такъ, по этимъ самымъ случаямъ, некрещеный недѣли съ двѣ я и пробылъ. Тутъ народъ и догадался, къ чему это *онъ* къ нашему двору съ гарканьемъ подходилъ. Приходили къ матери многіе старики и шептали ей: — береги, Марья, дитё! Это *онъ* безпремѣнно къ тебѣ приходилъ, своего лѣшонка на твое дитё обмѣнить, потому всегда *они* такъ-то дѣлаютъ, когда ребятки по долгу безъ крещенья лежатъ... Такъ и вышло, какъ толковали старые люди. Выросъ я, Өедоръ Протасычъ, вылитый обмѣненышь, точь въ точь такой, какъ про нихъ народъ говоритъ. Когда еще я малымъ несмысленемъ былъ, такъ грудь у матери до крови искусывалъ; а съ полу какъ мало-мальски приподнялся, такъ на людей не иначе глядѣлъ, какъ изъ подлобья. Чудны они мнѣ очень почему-то казались! Потому и теперь часто я самъ про себя разсуждаю: ужь и въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилъ ли меня лѣшій у матери на своего сына?..

— Не грусти, Петруша! посовѣтывалъ было солдатъ.—Опомнись... Сказкамъ мужичьимъ не вѣрь.

— Я опомнился, дядя! Все я теперь про жизнь мою нелюд-

скую вспоминаючи, тебѣ разсказываю для того, чтобы мою голову горемычную ты берегъ и жалился бы надъ ней, какъ надъ родной сыновней головой. Вѣдь ее только одинъ буйный вѣтеръ лохматилъ, да мать, можетъ, когда нибудь слезу на нее уронила, такъ вѣдь я этого не помню. Я помню совсѣмъ другое: сталъ я лишь человѣческую рѣчь понимать, какъ ужь люди меня отъ себя гнать начали. Зашушукали они около меня — и свои и чужіе, кивками да морганьемъ съ боязнью стали на меня показывать, вотъ-де, онъ, ребята, обмѣненокъ-то! Глядите, какіе они-лѣшевы дѣтеныши-то бываютъ... Примѣчайте!.. Къ ребятамъ, бывало, въ какую нибудь игру присунешься, тоже отцы ихъ и матери за руку меня возьмутъ и отведутъ отъ нихъ: Петруша, поди-ка, мать тебя велѣла домой присдать, — гостинцевъ она тебѣ добыла. Ласково такъ говорятъ, потому обмѣненка боятся всѣ. Пойду я, бывало, отъ ребятокъ, а мужикъ, какой оттонитъ меня, сейчасъ же на нихъ закричитъ: я вамъ задамъ, пострѣлы, какъ съ обмѣненкомъ водиться!.. Еще пуще лупилъ я свои отъ матери большіе бѣльмы, глядя и раздумывая, отчего это ребятишки не играютъ со мной и чего больше про меня другъ съ другомъ шепчутся все? И повадился я тутъ, братецъ ты мой, въ лѣсъ ходить. Зайду, бывало, въ трущобу какую лѣсную и сижу тамъ, и такъ-то мнѣ это въ привычку вошло, что я въ лѣсу ужь и заначевывать сталъ, потому глядишь тамъ, думаешь, думаешь — и никто тебѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ, никто не сердитъ. Много я въ томъ лѣсу ребячьихъ слезъ разронялъ, не то, чтобъ отъ обиды какой, — не зналъ я тогда обидъ,—а такъ, на душѣ было ужь очень спокойно. Можетъ, за тѣ слезы-то меня и теперь еще Господь Богъ милуетъ. Право!.. А можетъ, мы съ тобой, Өедоръ Протасьичъ, еще по стаканчику дернемъ? спросилъ, какъ бы отрезвившійся Крутой у солдата, который пристально слушалъ его разсказъ, съ участіемъ покачивая своею сѣдою, бритою головой.

— Что же? сверхъ ожиданія согласился солдатъ. Мы, — пожалуй, и того... Ночь-то ужь очень прохладна, Петруша!..

— Погрѣемся, дядя Өедоръ, погрѣемся! не все же намъ съ тобой въ самомъ дѣлѣ съ голоду, да съ холоду коченѣть. Слава Богу! Не хуже людей... Только повадился я въ лѣсъ ходить, говорю, эстолько, что все равно какъ бы съ живыми людьми, съ травой да съ деревьями говорить началъ,—вотъ какъ!.. Наговоришься тамъ, бывало, наплачешься, придешь домой и не гля-

дѣлъ бы ни на кого, — потому смотрѣли на меня всѣ въ тѣкія времена потихоньку, съ боязнью будто какой и перешептывались. Вижу я такъ-то, что сердятся на меня домашніе и мать сердится. Спросить, за что?—боюсь, приласкаться такъ-то—попробовалъ бы, да ужь такъ и зналъ, что прогонятъ, или сами испугаются и отойдутъ. И у меня у самого тогда насупливалось лицо, краснѣлъ я тогда зачѣмъ-то, словно бы воръ пойманный, глаза мои въ полъ смотрѣть принимались, руки тряслись—и подходилъ я въ то время къ кому нибудь изъ домашнихъ, къ матери что ли, и, не говоря слова, дергалъ за рубаху.—Што ты? спросятъ у меня; а я стою и молчу, по прежнему глаза въ полъ уставимши. — Зачѣмъ за рубаху дергалъ? Ѣсть что ли захотѣлъ, по лѣсу-то шатаючись? Я все молчу, потому стыдно мнѣ, что вотъ-де вздумалъ я приласкаться къ человѣку, когда онъ надо мной завсегда смѣется и тычки даетъ. — Какъ есть идолъ! начнетъ толковать семья, глядя на меня.—Совсѣмъ дуракъ, братцы мои, этотъ Петрушка. Ухвати-ка его за волосья, — посовѣтуютъ, — можетъ онъ и скажетъ, что ему такое занадобилось. Начнутъ меня за волосья куделить, — стружки летятъ. Приговариваютъ: ну говори, говори, что тебѣ надоть? Кипитъ, бывало, сердце-то, —злость тебѣ всю душу зальетъ, такъ бы бросился на всѣхъ ихъ и зубами изгрызъ. Одумаешься подъ конецъ, раздумавши, что вѣдь они большіе, а я маленькій. Вѣвъ, молъ, такъ-то маленькимъ вихры-то большіе дерутъ — и обрадуешься, бывало, такой думѣ своей, потому всю злость мою на родныхъ они отъ меня прогоняли. Обрадуешься, сейчасъ же вонъ изъ избы въ огородъ, куда, когда изъ лѣсу пришолъ, кувшинъ съ ягодами запряталъ. Вытащилъ его изъ травы, домой: вотъ, молъ, они меня когда хвалить-то всѣ примутся, когда я имъ гостинцевъ-то принесу. — Вотъ, молъ, я давича зачѣмъ тебя дергалъ за рубаху, — прибѣгши говоришь: — ягоды тебѣ хотѣлъ насыпать. Ѣшь. Это и вамъ ихъ въ лѣсу набралъ... Еще пуще отшатывались отъ меня домашніе и въ испугѣ говаривали: Ѣшь, ѣшь самъ, — мы не хочемъ; а мать вздыхала и говорила: всѣ люди, какъ люди, а мы словно черти... Подавалъ тогда свой голосъ съ печи и старый хозяйскій дѣдъ, — въ самую жаркую пору съ печи онъ никогда не слѣзалъ: «черти не черти, — хрипѣлъ онъ оттуда на мать, — а отъ тѣхъ мѣстовъ неподалечку живемъ—родня не такъ чтобы дальняя»...—Бѣжи ты лучше съ глазъ моихъ прочь! скройся ты отъ меня, лѣшонокъ ты эдакой, прокуратъ ты идольскій, поме-

дитя! принималась кричать на меня мать послѣ такихъ словъ старшаго, и била меня въ спину и за волосья, и такъ изъ избы совсѣмъ прогоняла. Выбѣгалъ тогда я на улицу, разбиралъ объ землю кувшинъ, раскидывалъ ягоды,—и въ лѣсъ. А они, какъ я на улицѣ бѣсился, всѣ до одного человѣка изъ оконъ смотрѣли на меня, бѣлые такіе, испуганные, и говорили: — вишь, вишь печалуется какъ, что не удалось ему христіанскихъ душъ чертовымъ подаркомъ опоганить. Вѣдь это ему безпремѣнно лѣшій нарвалъ ягодъ, и насъ обкормить ими научилъ...—Бѣжи, бѣжи, треклятый! кричала мать въ мой слѣдъ. Туда тебѣ и дорога,— треклятому! Она тебя самъ когда нибудь вдосталь въ лѣшаго передѣлаетъ. Такъ и выросъ я, Өедоръ Протасьинъ, въ лѣсу дубомъ какимъ-то безчувственнымъ. Глядишь иной разъ на людское горе и смѣешься втихомолку: что, молъ, каково?.. А чаще того хочется тебѣ каждому Божьему человѣку добрыя слова цѣлый день толковать, горькому житью всею кровью своею помочь хочется, а морда-то у меня, не въ мою силу, сама на бокъ гнется, глаза-то насупятся да, вмѣсто слезъ, по старинному и упрутся. Упрешься и думаешь тогда: ничего, молъ, перемелешь! Я же вѣдь жилу. Такъ вотъ, солдатъ, какая моя неволя! Все бы я отдалъ на свѣтѣ, чтобъ эту неволю мою поменьшить, расквитаться бы мнѣ съ ней какъ нибудь. А вижу я замѣсто этого конца одно только, что Господь совсѣмъ отъ меня отказался: пропадай молъ. Всякому другу моему всѣмъ добромъ услужить бы готовъ, да никакъ не поворочу я къ нему морду мою. Пріобыкъ я стыдиться его, друга-то, и злобиться на него пріобыкъ. Вотъ ты теперь и знай, что не снялъ Господь и не сниметъ Онъ съ меня до гроба моего неволи моей!..

— Такъ мы теперь, продолжалъ Крутой:—выпьемъ съ тобой, по великимъ помещикамъ нашимъ, дядюшка Өедоръ,—и пусть будетъ съ нами, что Его святой волѣ угодно. Это, я тебѣ сказываю, самая отличная штука — выпить-то!

Перекрестился Петръ, и налилъ стаканы — и солдатъ тоже перекрестился, и выпилъ. Выпилъ и заговорилъ:

— Нѣтъ! Ты мнѣ вотъ что, Петруша, скажи: какъ намъ съ энтимъ-то дѣломъ быть? Какъ намъ ту кашу-то расхлебать?

— Заварилась, дядя, наша каша, заварилась. А какъ тому дѣлу быть, такъ оно и будетъ,—вотъ какъ! Только, Господи ты мой милостивый! Знаю, на этомъ дѣлѣ конецъ мнѣ придетъ. Можно бы,—слышишь, дядя! — туда упятить, куда воронъ костей

не затаскивалъ,—да нельзя, потому тутъ мой конецъ... Сядемъ же мы, дядя Өедоръ, рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ, ужъ не передѣлать этого дѣла. А мнѣ хоть, по крайности, та услада будетъ, что я на любезнаго человѣка насмотрюсь. Не зналъ я ишь, какіе они такіе бываютъ, любезные люди-то. Ей-Богу! Такъ скажу я тебѣ, не знаешь еще, какія тутъ комедіи пошли, какъ я на этомъ мѣстѣ поселился? Въ одинъ голосъ всѣ закричали про меня: вотъ онъ, чортъ-то! Откуда онъ, изъ какой стороны къ намъ прилетѣлъ? А за что? Все за мое нелюдимство, да за молчаливость. Мимо моей избы ночью проѣхать боятся: «заколдуетъ», говорятъ. Слуховъ, слуховъ что про меня разныхъ распускали! Только я развѣ на эти слухи глядѣлъ? Развѣ я обижался на нихъ? Потихоньку только смѣялся я надъ ними иной разъ и дѣло свое въ аккуратѣ завсегда исполнялъ. Торговлю я такую развелъ, что здѣшнимъ купцамъ и во снѣ не снилась такая торговля. На честныхъ правилахъ я ее развелъ, и нечего что....

Хмѣль началъ одолѣвать крѣпкую старинковскую голову. Принявши къ сердцу разсказъ Крутаго и рѣшивъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, солдатъ пустилъ въ ходъ свои военныя былины, побуждаемый къ тому отчасти желаніемъ развеселить Петра, а болѣе своею всегдашнею страстью толковать цѣлые дни, чтобы знали люди и видали, какія такія страшныя страсти видитъ солдатъ на своей долговременной службѣ.

— Я тебѣ про себя тоже скажу, Петруша! Въ службѣ, бывало,—по началу-то,—фидьфебель говоритъ: гляди на меня — и кулакомъ сейчасъ въ рожу царапъ! Нѣтъ, стой, есина-зелена, думаю я, погодишь немножко—и опять въ землю ихъ, глаза-то.

Приподнялся Өедоръ Ярило съ мѣста, и скомандовалъ:

— Гг-лл-а-аза на право! такъ у насъ, Петруша, по первымъ службѣ учатъ. Скомандуетъ мнѣ такъ-то фидьфебель послѣ тычка—и точно, взглянешь, бывало, изъ подлобья на правую сторону. Что, молъ, тамъ дѣлается у меня на правой-то сторонѣ? А онъ тебя—начальникъ-то—хлопъ. «Развѣ, шумитъ, такъ-то на право? Вотъ какъ, шумитъ, надо этимъ дѣломъ орудовать»— и тутъ онъ лицомъ своимъ фить, фить; а лицо у него толстое, красное, усищи рыжіе, длинные, глаза сѣрые на выкатѣ. Смотришь ты на него, какъ онъ это производитъ, и только думаешь: эхъ, молъ, жисть-то мнѣ какая вышла! Только что ты задумался такъ-то, а онъ тебя снова здорово, по обѣимъ скуламъ

попъ, попъ! Ну, надоѣстъ тебѣ исторія эта, и сдѣлаешь ему, какъ подобаетъ. Молодецъ, скажетъ, — смирно! Поди теперь косушку мнѣ поднеси, — а кабаковъ этихъ на губерніяхъ, больше площадей, гдѣ солдатъ учатъ, такая ли страсть, весна-зеленая! Ахъ Петруша, какъ ты меня, стараго дурака, напоилъ! Не то бы мнѣ тебѣ, по настоящему, разсказывать надо... Ну, да ужъ куда ни шло...

«Э-эхъ ночи темныя!»

Затянулъ было Ѳедоръ, и потомъ вдругъ оборвалъ. — А то вотъ что, сынъ ты мой милый, Петръ Иванычъ! Ты бы лучше того... Одну бы ужъ какъ полюбилъ... Ей-Богу! Лучше бы такъ-то...

«Тучи грозныя!»

отвѣчалъ Петръ Крутой солдатскому плачу — и пошло...

— Ну, зарядили хозяева наши! толковали на дворѣ рабочіе, разбуженные пѣсней.

— А все это Петра Иваныча солдатишка на выпивку подмываетъ.

— Кто ее знаетъ, малой? Не наше дѣло. Отработаться бы поскорѣе, да убраться отсюда, потому люди, кажись, оба хорошіе; а все какъ-то не такъ чтобы... Не ладно что-то, вольготы тебѣ нѣтъ никакой...

А ночь темно-синяя такая заглядывала къ пьянымъ людямъ, молчаливая и одинокая. Можетъ, во все-то ея тайное царство телѣги съ четыре, либо пять проѣзжало мимо поселка. Ползетъ возъ по дорогѣ съ рожью, на немъ тихо снопы шепчутся: вотъ, молъ, скоро насъ теперь молотить начнутъ, знай съ боку на бокъ переворачивайся. За возомъ мужикъ идетъ и все пѣсню тянетъ потихоньку, перепела ему подтягиваютъ, а какъ сталъ подъѣзжать ко дворамъ, пересталъ, и перепела перестали.

— Трогай, трогай, голубь! почти шепотомъ проговорилъ мужикъ, ухватываясь за ненужныя вожжи и крестясь. — Что сталъ-то, милый ты человѣкъ... Поѣзжай съ Богомъ!

Но стоитъ милый человѣкъ — карій меренокъ — не двигается.

— Фю, фю, фю, подсвистываетъ ему мужикъ, пересиливая свой страхъ; а косматая Петрова избенка, слушая этотъ свистъ, такъ-то ли пристально всматривается своимъ одинокимъ

оконцемъ, освѣщеннымъ сальной свѣчей, и въ кáряго меринка, и въ возъ, и въ возника, того и гляди, что живымъ голосомъ спроситъ: чьи молъ вы такіе будете? Откуда и куда путь держите?

— Трогай, трогай, родной! слышится увѣщаніе на дорогѣ; а изъ окна льется:

Хррабрры гаррнадерры,
Пррома[illegible] себя [illegible]..

— Плясать, дядюшка, не гораздъ? кричитъ Петръ Крутой.

— Гораздъ и плясать, Петруша! отвѣчалъ Ермло.—Плясуномъ въ ротѣ былъ. Только сраму нашему на улицу выбѣчь не дамъ: ставнишку пойду притворю и дверь запру.

— И не ддавай, не ддавай, Өедоръ Протасычъ, сраму нашему на улицу выбѣгать, потому засмѣютъ они нашу радость,— зубомъ они загрызутъ наше бездѣлье... Ахъ! И пьянъ же я только!

— Водицы хлебни, огурчика закуси, совѣтовалъ солдатъ съ улицы, притворяя ставень.

— Притворяй плотнѣй, отзывался Петръ изъ избы. А возъ между тѣмъ тронулся и ужъ его догоняла другая телѣга съ двумя мужиками. Во весь опоръ проскакала та телѣга мимо выселка, и скоро у ней съ возомъ завязался такой разговоръ:

— Какъ тебя Богъ пронесъ? спрашивала телѣга. — Ничего?

— Какое ничего? отвѣчалъ возъ.—Выбѣжалъ это солдатище, какъ заслышалъ про меня, и ставень затворять принялся, самъ грохочетъ, какъ вѣдьма, — усы его меня на дорогѣ достали: стой, говоритъ, погоди! Куды ѣдешь? А сами меня по лицу-то щекочутъ, инда холодно стало.

— О Господи! молится телѣга.

— А Петрушка-то кричитъ изъ избы: не ходи, Өедоръ Протасычъ, на улицу колдовать,—народъ увидитъ. Мы лучше здѣсь, въ избѣ колдовать-то примемся...

— О Господи! какъ-то глухо шуркали телѣжныя колеса.

— Вѣдь они всѣ эти нахожіе-то — колдуны, разговаривалъ возъ.—Ты теперь возьми дворниковъ, что изъ Коломны, изъ Рязани, али таперича изъ Ярославля къ намъ на степь понаѣхали,— всѣ они хлысты. Соберутся въ полночь въ избѣ, поставятъ чанъ

съ водой, станутъ около него съ прутьями и почнутъ тѣми прутьями по водѣ хлыстать, а сами приговариваютъ:

Хлыщу, хлыщу,
Деньгами ищу.

Онъ къ нимъ, *самъ-то*, и выходитъ тогда. Обдѣляетъ онъ ихъ въ это время чистымъ золотомъ и говоритъ имъ: «Ребята, говоритъ, вотъ вамъ я злато даю,—искорените же вы христіанскій народъ!»

— О Господи! вздыхала темно-синяя степная ночь, закрывшая своею звѣздною красотою и возъ и телѣгу.

— И Петрушка съ солдатомъ, продолжала телѣга:—тоже дѣлаютъ. Они вѣдь оба изъ тѣхъ мѣстовъ, гдѣ староѣры живутъ, моему свату объ этомъ въ окружномъ сказывали. Послушали бы вы, что про нихъ рабочіе говорятъ,—страсть! Говорятъ рабочіе: зажелалось намъ поглядѣть, что это они, черти — заворотни — по ночамъ не спятъ? Что они по тѣмъ ночамъ дѣлаютъ? Стали мы подглядывать, а они стоятъ надъ чаномъ съ водою и хлыщутъ по немъ. Вышелъ тогда *дѣдъ-то* и началъ ихъ обдѣлять: «здраствуй, молъ, Петръ Иванычъ! Здраствуй, Өедоръ Протасычъ! Какъ вы, дескать, на семъ свѣтѣ смогаетесь? Эдакіе ли кучи денегъ имъ навалилъ, — уму непостижно!» Торговлю эту свою Крутой завелъ, такъ только для одного отвода. Это мы вѣрно знаемъ.

— А ты вотъ что послушай, заговорила въ свою очередь телѣга.—Я тебѣ тоже про нихъ разскажу: онамедни ѣдетъ изъ посада съ базара Гришукъ нашъ мимо ихъ. Припоздалъ тоже, вотъ какъ и мы. Только что поровнялся съ поселкомъ, а лохматенькая Петрова избенка прыгъ къ нему на дорогу. Глядитъ на нее Гришукъ и думаетъ: вотъ тѣ, молъ, здорово живешь, давно не видались! А она трясетъ трясетъ такъ-то лохмами своими, сердито такого трясетъ и шумитъ. «Эхъ ты, шумитъ, Гришукъ, на базарѣ-то начесался. Вотъ ужо пріѣдешь домой, жена тебѣ волосы-то расчешетъ.» Замахнулся было на нее Гришукъ: ахъ ты, дескать, поскуда ты эдакая подлая! а она опять скокъ отъ него на прежнее мѣсто...

— Да на чего? снова перебилъ возъ.—Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ Гришукъ-то вашъ пропустилъ на базарѣ. А ты лучше послушай: съ Анисимомъ что анадысь съ нашимъ подѣялось у

этихъ колдуновъ? Привезъ онъ Крутому овса. Сладились. Ссыпай, говоритъ Крутой, мнѣ время нѣтъ. Спрашиваетъ послѣ Крутой: сколько? А съ двумя мѣрами, говоритъ Онисимъ, двѣ четверти. Двѣ? Двѣ. Ссыпай, говоритъ, назадъ — кабы ровно двѣ четверти было, я бы взялъ, а лишку не надо! Нечего дѣлать: ссыпалъ Онисимъ назадъ свой овесъ и поѣхалъ. И принялся тутъ этотъ колдунище — Крутой — стыдить его: «ахъ, пошумливаетъ ему въ слѣдъ, а я еще думалъ про тебя, что ты хорошій мужикъ: а онъ хотѣлъ меня на двѣ мѣры обчесть, обмошенничать меня за мою ласку вздумалъ!» Оно точно, прибавилъ наконецъ [illegible]:—что Онисимъ приврадъ двѣ мѣрки, да какъ бы этотъ Петрушка узналъ объ этомъ, когда бы онъ колдуномъ не былъ?...

Свѣтлое утро разогнало наконецъ тьму степной дороги—и снова проснулся Петръ Крутой съ еще ниже послѣ пьянства потупленной головой. Еще сердитѣе сдѣлалось лицо его и словно бы нѣмѣлъ онъ тогда такъ, что голоса отъ него по цѣлымъ днямъ никто дождаться не могъ. Всталъ, говорю, Петръ этимъ утромъ, досталъ изъ коника четвертную, отлилъ изъ нея водки въ полуштофъ и поставилъ на столъ.

«Пусть, думаетъ,—опохмѣлится старикъ. Попросить, знаю ужь, постыдится».

И точно: цѣлый день простоялъ на столѣ полуштофъ и солдатъ до него не коснулся. Ходилъ онъ мрачный такой, какъ бы сердился на кого, ни одной исторіи во весь этотъ день не разсказалъ, ни плотникамъ, ни мужикамъ пріѣхавшимъ на рушалку, при встрѣчѣ съ Крутымъ тоже, какъ и самъ хозяинъ, невольно нахмуривался и опускалъ голову, видимо стараясь избѣжать этой встрѣчи.

— Подрались, должно, вчера наши медвѣди въ пьяномъ-то образѣ, толковали рабочіе.—Глядите-ка, какъ они другъ на друга косятся, словно грызться сбираются.

А чуть выдается солдату свободная минутка, чуть только увидитъ онъ, что не глядятъ на него ничьи чужіе глаза, сейчасъ же Ѳедоръ Ярило въ грудь себя кулакомъ бить принимался и, глядючи на чистое небо, со слезой говорилъ:

— Боже Ты мой! Научи ты меня, какъ мнѣ съ горемъ моимъ быть? Какъ мнѣ сына моего названнаго изъ лютой бѣды выручить?...

Сошлись за обѣдомъ хозяева, и даже какъ бы съ сердцемъ

великимъ, толстымъ такимъ голосомъ пробубнилъ Крутой Федору Протасьичу.

— Ты бы, дядюшка, выпилъ стаканчикъ. Вишь: на столѣ полуштофъ-то.

Ни одного слова не сказалъ на это солдатъ, взялъ только онъ этотъ полуштофъ и молча поставилъ его на прежнее мѣсто въ темный конникъ...

V.

А въ степныхъ выселкахъ была еще иная, пропущенная мною птица,—сѣдая такая, старая. Лѣтъ двадцать ужъ будетъ, какъ безвыходно сидитъ она вмѣстѣ съ Анчелюстомъ и съ внучками въ свѣтлыхъ хоромахъ такъ, что и въ то еще время, какъ эта старь поселилось на гнѣздо къ Анчелюсту, ни она сама, никто другой не знали, сколько годовъ прошло, какъ она на Божій свѣтъ вылетѣла. Говорили только, что оченно древенъ Анчелюстовъ отецъ, что забылъ онъ, сколько годовъ ему, и что нѣтъ у него во рту ни единаго зуба.

— Отчего только старикъ живъ еще, — одному Богу извѣстно, толковали мужики всего уѣзда:—потому ѣсть ему квасу съ натертой рѣдькой нельзя. Першитъ у него въ горлѣ каждую секунду и десны, отъ самой что ни на есть легкой ѣды, трудятся и ноютъ.

Еще въ то прекрасное время, когда Аристархъ Абрамычъ блаженствовалъ на княжескомъ дворѣ въ санѣ дворецкаго, однимъ необыкновенно свѣтлымъ весеннимъ утромъ, нѣкоторый чумазый мальчикъ Ивашка, состоявшій при его особѣ, вошелъ къ нему въ комнату и доложилъ господину дворецкому, что тамъ, на крыльцѣ, его дожидается какой-то старичокъ.

— Какой такой старичокъ? Есть мнѣ когда разговаривать съ вами? Знаешь, сколько у меня дѣловъ? въѣлся было Анчелюстъ на Ивашку.

— Тятенькой вашимъ называется, конфузливо докладывалъ Ивашка. — Какъ они теперича хоша и возвратились изъ службы, оченно у нихъ шинель сѣрая поистаскана, такъ и виситъ клочьями.

Вылетѣлъ Анчелюстъ на крыльцо, позабывши про свой великій чинъ, съ крикливою радостью. Слыхалъ онъ давно когда-то,

что отдалъ его отецъ въ солдаты за разныя грубости, какія онъ каждый день по сту штукъ придумывалъ, что былъ этотъ отецъ сапожникъ, первый изъ всей вотчины пѣсенникъ и кулачный боецъ, а гдѣ теперь онъ находится и солдатомъ ли, или, можетъ статься, въ чины какіе превознесенъ, объ этомъ ни единая душа ничего не знала, потому что старшій Анчелюстъ, когда его сдавать въ рекруты повезли, сказалъ собравшемуся къ нему на проводы народу: «ну, братцы, слава Богу! развязалась душа, — загуляю теперь вотъ какъ, все равно какъ вольный вѣтеръ въ чистомъ полѣ разгуливаетъ», и послѣ этихъ словъ только его и видѣли. Ни письма онъ ни къ кому не писалъ, ни слуховъ объ немъ никакихъ недоходило въ родное село.

Выбѣгъ Аристархъ Абрамычъ на крыльцо, а на немъ сидитъ высокій такой старикъ, сѣдой весь и въ солдатскомъ поношенномъ одѣяніи.

— Тятенька! вскрикнулъ Анчелюстъ. — Какъ это васъ Господь принесъ? Пожалуйте въ горницы.

Вошелъ старикъ въ горницы, не снимая тяжелаго ранца, серьезно такъ помолился сіяющимъ образамъ, одѣтымъ въ серебряныя ризы и потомъ уже неторопливо, безъ крика и совсѣмъ безъ радости, какая обыкновенно бываетъ при такихъ свиданіяхъ, точно бы онъ уѣзжалъ вчера въ сосѣдній городъ и сейчасъ возвратился, сказалъ сыну: здравствуй, и тутъ же принялся выбирать изъ своего ранца сапожныя щетки, колодки, шилья, дратву и вообще все, что принадлежитъ къ сапожному мастерству. Разложилъ старикъ всѣ эти штуки въ залѣ на окнѣ и потомъ еще слово промолвилъ:

— Сынокъ! Принеси-ка ты мнѣ кадушечку сюда какую нибудь, я ее вверхъ дномъ поставлю и буду на ней шить. Не сподручно на столѣ-то...

Чумазый Иваша и чумазая же сестренка его Груша украдкой поглядывали изъ дверей на отца дворецкаго и хихикали.

— Вишь какой старикъ-то пришелъ! шептались они. — Вотъ чудной какой! Въ залѣ хочетъ сапоги тачать, а еще отецъ дворецкому.

Дворецкій конфузливо выслушалъ просьбу отца насчетъ кадушечки и заговорилъ:

— Вы бы, тятенька, подождали маленько насчетъ сапоговъ-то. Ежели они у васъ развалились, я вамъ сейчасъ же новые раздобуду, а эти починить прикажу. У насъ тутъ есть мастера, — я

имъ волю. А вы бы вотъ чайку накушались съ дорожки, да въ баньку бы. Жена сейчасъ съ внучками придетъ,—маленькія еще у меня дочки-то.

— Малюга! Подь-ка сюда, тихимъ голосомъ подозвалъ къ себѣ старикъ Ивашу.—Поди-ка мнѣ кадушечку такую принеси, я ее вверхъ дномъ оберну и буду на ней сапоги подшивать. Тебѣ тоже я подтачаю, пожалуй, сапожки-то. А чайку мнѣ вели налить,—вели,—обратился послѣ того старикъ къ сыну:—я чай пить люблю и внучекъ тоже хочу посмотрѣть. Какія они такія внуки-то у меня?

Внесъ Иваша кадушечку въ чистенькое зальцо дворецкаго и чуть чуть отъ сдержаннаго смѣха не лопнетъ. Ситцевый диванъ подъ красное дерево, плетеныя стулья, кафильная, по барски сложенная печь и княжескій портретъ, висѣвшій на ярко выбѣленной мѣломъ стѣнѣ надъ диваномъ, и самъ Аристархъ Абрамычъ, владѣлецъ всего этого добра, видимо очень конфузились, когда сѣдырь застучалъ сапожнымъ молоткомъ по каблуку своего солдатскаго сапожища и зашмыгалъ толстою, смоленою дратвой.

— Право, тятенька, вы бы тово... пождали бы. Увидитъ кто, смѣяться надо мною почнутъ,—ей Богу! Князь, пожалуй, узнаетъ.

— Ты мнѣ и свои-то сапоги принеси, ежели худы! Такъ-то и тебѣ ихъ исправлю, чудеса! Вычищу ихъ, такого мастера, пожалуй, и не найти въ вашихъ мѣстахъ.

Вскорости пришла Анчелюстиха. Одна дочка у ней на рукахъ сидѣла, другая шла съ боку, ухватившись за материно платье. Пришедши, невѣстка, какъ подобаетъ, батюшкѣ-свекру до земли поклонилась. Съ ласковой улыбкой посмотрѣлъ на нее сѣдой дѣдъ и спросилъ:

— Это внучки-то мои? Вишь, какіе бѣленькія, словно бы господскія дѣтки. Ничего, ничего, хорошо! приговаривалъ потихоньку старикъ и гладилъ морщинистыми руками и невѣстку, и ея дѣвочекъ.—Разувайся, невѣстка, я съ тебя сію минуту мѣрку сниму и дѣтишкамъ тоже по башмачкамъ стачаю.

— А вотъ, батюшка, чайку прежде извольте выкушать, винца тоже. У насъ, вашими молитвами, всякаго добра вволю...

— Точно что какъ теперича отъ господъ своихъ не забвенъ, вмѣшался въ свою очередь Анчелюстъ:—и даже въ дворецкіе теперь, по ихнимъ милостямъ, произвышенъ...

Словно глухой слушалъ старикъ сынины и невѣсткины похвальбы. Отодвинувши отъ себя невѣсткину руку, которая подносила ему водку, онъ съ видимымъ удовольствіемъ принялся похлебывать чай, обдѣляя маленькими кусочками сахару сразу полюбившихъ его внучекъ.

— Клюй, клюй! шепталъ дѣдъ дѣвочкамъ. — Поклевывай сахарокъ, Сахарокъ-то сладокъ.

Весело такъ суетились ребятишки около старика, поклевывая сахарокъ, и въ какой нибудь часъ такъ привыкли къ нему, что, когда мать стала приказывать имъ, что нужно отойти отъ дѣдушки, чтобы не мѣшать ему, дѣвочки явно не повѣрили этой необходимости и отдались окончательно защитѣ стараго гостя, усѣвшись къ нему на колѣни.

Такимъ образомъ старикъ и кадушечка помѣстились въ свѣтломъ зальцѣ дворецкаго, не смотря на многократныя представленія молодаго Анчелюста, что, де, хоть когда гости пріѣдутъ, такъ вы бы, тятенька, кадушечку вашу и струментъ выносить бы приказывали.

— Смѣются мнѣ очень, растолковывалъ Аристархъ Абрамычъ, — у дворецкаго, говорятъ, отецъ въ хоромахъ сапоги тачаетъ. А? Какъ намъ, говорятъ, это понимать?.

— А ты плюнь на нихъ! отговаривался старикъ, усаживая своихъ внучекъ то на своей кадушечкѣ, то на колѣняхъ.

Какъ ловко ни подъѣзжалъ Анчелюстъ къ отцу, чтобы бросилъ онъ свое мужицкое мастерство, или хоть, по крайней мѣрѣ, изъ зальца въ кухню бы перебрался, ничего не помогало. Однимъ только молчаніемъ и усиленнымъ вглядываніемъ въ сооружаемый сапогъ или башмакъ отвѣчалъ старикъ сыниннымъ просьбамъ спрятать всѣ колодки и шилья, чтобы и духомъ ихнимъ не пахло, одѣться, вмѣсто сѣрой шинели, въ синій сюртукъ, надѣть на грудь всѣ ордена и отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ гости къ сосѣднему попу, или управляющему.

— Слава Богу, тятенька! усовѣщивалъ Анчелюстъ отца: — вашъ сынъ не мужланъ какой нибудь. Вездѣ бы вы съ нимъ могли показаться и со всякимъ человѣкомъ, теперича съ причтомъ церковнымъ, или бы съ становымъ даже, компанью дѣлили, потому лучше ужь не въ примѣръ съ образованнымъ человѣкомъ компанію раздѣлить, чѣмъ такъ-то сидѣть... за сапожницами-то...

— Разговаривай по субботамъ! едва слышно шепталъ старикъ, расколачивая старую подошву, между тѣмъ какъ внучки то и

дѣло подвертывались къ нему подъ занятыя руки. Съ дружескими усмѣшками и шуточками перемигиваясь съ ними и поглаживая ихъ по головкамъ, старикъ совсѣмъ уже не обращалъ никакого вниманія на разговоры сына-дворецкаго.

— Ну, Господь съ нимъ! сказалъ наконецъ Анчелюстъ и махнулъ, какъ говорится, рукой:—не передѣлаешь, дескать. Родителя почти, — и будешь на землѣ долголѣтенъ, разсказывалъ онъ своимъ образованнымъ знакомымъ, которые выражали ему свое сожалѣніе по поводу горькой участи его зальца, надушеннаго сапожнымъ товаромъ.

Въ то же время, когда письменные и, по словамъ Аристарха Абрамыча, образованные его компаньоны растолковывали про сапожничество его отца разныя разности, что, примѣрно, будь у нихъ такой отецъ, навернись на нихъ такой неоуразный старичина, они бы ему показали и т. д.,—усадебные и вообще окрестные мужики тоже въ свою очередь разговаривали про отца дворецкаго.

— Истинно что возлюбленъ Господомъ старый Анчелюстъ, толковали бабы и мужики:—далъ Онъ ему, Господь-то, незлобіе ангельское, опять же молчальность какая! Все равно, какъ бы у святого какого. Засмѣется когда, такъ это, ей Богу, все равно какъ младенецъ безгрѣшный.

И толпами валили къ нему эти бабы и мужики съ своими сапогами, котами, черевиками и валенками такъ, что цѣлые вороха этого добра навалилъ старый солдатъ въ сыновнемъ зальцѣ и въ передней. Съ ранняго утра до поздняго вечера раздавался по дому стукъ его молотка вмѣстѣ съ непрерывавшимися по цѣлымъ днямъ разговорами давальцевъ, которые большею частью затесывались въ домъ къ дворецкому не столько изъ дѣйствительной нужды—починять сапоженки, сколько побуждаемые пріятной надеждой свесть знакомство съ начальническимъ отцомъ и, при случаѣ, увильнуть отъ барщины, или такъ насчетъ лѣску, али бы хлѣбца...

— Иваша, а Иваша! упрашивалъ на крыльцѣ чумазаго мальчугу Аристарха Абрамыча какой нибудь Алдакимъ:—пусти, пожалуста, къ Абрамъ Мокеичу. Насчотъ сапогъ хочу я ему поклониться. Совсѣмъ разбились, прахъ ихъ возьми.

— Да что ты меня просишь-то? отвѣчалъ Иваша.—Тутъ у насъ, братецъ ты мой, совсѣмъ другіе порядки пошли. Безъ доклада всѣ ходятъ. Къ дворецкому-то безъ доклада?... На-ка [illegible]!

— Ну такъ я пойду, говорилъ Алдакимъ и пятился.

— Ты что? Ты куда! перенималъ его дворецкій.

— Да я къ тятенькѣ къ вашему, Листаръ Абрамычъ! отвѣчалъ оторопѣвшій мужикъ. — Какъ теперича сапоги у насъ развалилися...

— Ему какое дѣло до твоихъ сапоговъ? А! Развѣ ты не знаешь, чей онъ отецъ? кипятился дворецкій. — Отдавалъ вѣдь я приказъ, чтобы вы не шатались къ нему съ сапожищами! Тебѣ вѣдь сказывали про этотъ приказъ?

— Однава дыхнуть, не слыхалъ ни словечка, Листаръ Абрамычъ! божился Алдакимъ, пятясь къ дверямъ.

— Листаша! раздавался изъ зальца отцовскій голосъ. — Ты за что на мужика-то напалъ? Я вѣдь коли ты такъ станешь, и вѣдь сейчасъ же на фатеру къ чужимъ людямъ пойду...

— Ахъ, грѣхи! Ахъ, грѣхи! восклицалъ Анчелостъ въ совершенномъ отчаяніи. — Вотъ Господь радость послалъ! Ступай што ли скорѣе, медвѣдь! проталкивалъ онъ оробѣвшаго Алдакима къ отцу: — я съ тобой послѣ раздѣлаюсь. Подожди только бездѣлицу. Я тебѣ дамъ сапоги...

— Подь, подь сюда, Алдаша! зазывалъ старикъ мужика. — Ты на него не очень гляди. Ну-ка, какіе сапоги.

Алдаша снимаетъ переброшенные черезъ плечо сапоги и начинается разговоръ:

— Гдѣ купилъ-то? спрашиваетъ мастеръ. Сколько далъ?

— У Микиты купилъ на ярмонкѣ. — Шесть съ четвертью сдули, говорили, что цѣну не будетъ; а я всего ихъ только три зимы потаскалъ. Надули, значитъ.

— Нѣтъ, что же, Алдаша, не грѣши. — Товаръ знатный, мы теперича закаблучье это прочь, новое подведемъ. На носу латку покрѣпче, на бока латки покрѣпче, — и чудесно.

— Знамо покрѣпче. Ужъ ты не оставь, дядюшка, Абрамъ.

— Зачѣмъ оставлять? Гдѣ купилъ-то: въ лавкѣ, али носилъ кто?

— Носилъ. Солдатикъ одинъ носилъ полковой. Онъ тутъ у меня, какъ сталъ я ему деньги отдавать, цапнъ кошелку-то съ деньгами да въ народъ. Спасибо: поймали. Взялъ онъ тутъ съ меня трехгривенный, а то бы, говоритъ, я и всѣ у тебя укралъ...

— Нехорошо это воровать-то, нехорошо! говорилъ дядюшка Абрамъ, осматриваясь въ сапоги.

— Дѣдушка! спрашивала какая нибудь внучка. — Ты, говоришь, что закаблучье-то ты отъ сапога оторвешь?

— Оторву, оторву, голубка! отвѣчалъ дѣдушка.— Вотъ у меня кожа какая, чудесная, за мѣсто его пойдетъ. Гляди.

— Ну-ка я ее попробую, кожу-то, говорила дѣвочка, запячивая кожу въ ротъ.—Кислая она, дѣдушка!

— Не бери въ ротикъ, касатка! Стыдно.

— Ты, шельма! кричалъ дворецкій на свою дочь. — Я тебѣ дамъ въ ротъ кожу брать! Рази это можно барышнѣ кожу ѣсть?

— Молчи, молчи, Листаша! увѣщевалъ старикъ сына.—Дѣтки пугаются отъ крика-то, растутъ плохо, ежели кричать на нихъ принимаются.

— Поди небойсь, портятъ у тебя дѣвчонки штрументъ-то? спрашивалъ Алдакимъ у солдата, видя, что дворецкій при отцѣ съ нимъ ничего не подѣлаетъ.

— Вишь ты, вишь, какъ поговариваетъ! злобился потихоньку Анчелюстъ.—Погоди, я тебя разуважу, я съ тобой поговорю на свободѣ когда нибудь.

— Нѣтъ, не портятъ, они у меня умницы. — Такъ что же, подошвы-то новыя тебѣ подложить, али эти подмазать покрѣпче?

— Нѣтъ ужь, кормилецъ, ты старыя какъ нибудь позамажь. Можетъ, я на старыхъ проѣзжу какъ нибудь годикъ, другой.

— Ну, какъ знаешь, какъ знаешь, Алдаша! торопливо говорилъ солдатъ.—А то бы я тебѣ такія подтяпалъ, любо дорого взглянуть.

— О Господи! воздыхалъ дворецкій, присутствуя при этой сценѣ.—Пошли Богъ терпѣнья! Мужланъ въ хоромы ко мнѣ затесался, съ моимъ отцомъ, все равно какъ бы съ своимъ братомъ-сватомъ, разговоръ разговариваетъ.

А Алдакимъ, пришедши домой, толковалъ своимъ бабамъ:

— Это теперича Анчелюстъ, сейчасъ умереть мнѣ на семъ мѣстѣ! только отцомъ своимъ держится. Веселая такая горница у него сдѣлалась, какъ старикъ съ внучками въ ней засѣлъ. Словно птички вьются около него внуки, такія ли дитятки прекрасныя да ласковыя.

Поживаючи такимъ образомъ, все больше и больше блѣднѣло лицо старика и съ каждымъ днемъ дѣлалось ласковѣе,

борода у него бѣлая, какъ первый снѣгъ, на груди лежала, и всякій, кто только зналъ его, кланялся ему гораздо ниже, чѣмъ кланялся сыну-дворецкому. Сдѣлалось какъ-то такъ, что всѣ считали солдата за одно неразрывное существо съ его внучками, такъ что, ежели кто при встрѣчѣ съ нимъ ему кланялся, и внучкамъ такой же поклонъ посылалъ.

— Дѣтушкамъ поклонись, Абрамъ Микитычъ, говорили. — Пошли тебѣ Богъ здоровья, а имъ ума да хорошаго роста.

И почти ровныя съ низкой кадушечкой, ставши на дно которой впервые познакомились съ дѣдомъ, дѣвочки выросли теперь красивыя, умныя и ко всякому человѣку привѣтливыя. Самъ дѣдъ выучилъ ихъ грамотѣ и, сидя около его работящей кадушечки, дѣвицы перечитали ему разныя житія, молитвы и вообще всѣ тѣ, такъ называемыя, божественныя книжки, которыя въ разноцвѣтныхъ бумажныхъ крышкахъ съ одной уѣздной или деревенской ярмарки развозятся по глухимъ селамъ суздальцами.

Во время этихъ посидѣлокъ стараго съ молодыми, врасплохъ умеръ старый, одинокій князь. Вся дворня бросилась тогда грабить его добро, собранное вѣками, Аристархъ Абрамычъ въ этомъ случаѣ не отсталъ отъ другихъ и въ числѣ разныхъ схапанныхъ имъ разностей, онъ цапнулъ изъ княжеской библіотеки все, что было въ ней русскаго, и принесъ дочерямъ.

— Нате, дескать, забавляйтесь! сказалъ имъ дворецкій.— Вотъ объ васъ какъ отецъ-то заботится. А самъ думалъ въ то же время:

— Оно дрянь—эти книжки-то! Лучше бы что нибудь еще эдакое ухватить, что бы поплотнѣе было, пряталось бы что поудобнѣе, ну да и то ничего. Все же, по крайности, разбойникамъ-суздальцамъ не буду теперь денегъ платить.

Принялись тогда дѣвушки разбирать отцовскіе подарки. Завалили они всего дѣда съ его кадушечкой и игрументами этими старинными толстыми книгами въ кожаныхъ переплетахъ, съ выкрашенными красной краской или даже золотомъ краями— и пошла, какъ говорилъ чумазый Ивашка, наука.

— Вонъ оно, науки-то гора какая! толковалъ онъ дворовымъ.— Все вѣдь это барышнямъ нашимъ нужно до тла произойти, а то женихи за нихъ благородные свататься не станутъ.

— А ну-ка разверните вотъ эту, упрашивалъ дѣдъ своихъ

грамотницъ, указывая на какую нибудь болѣе толстую и старую книжку.

— Отступникъ, сочиненіе господина Ви-кон-та д'Арлян-курта! разбирали дѣвушки по складамъ трудную фамилію господина сочинителя «отступника».

— Брось, это не божественная.—Возьми другую.

— Описаніе путешествія по лондонской провинціи Сентъ-Обенова.

— И это не божественная.—Положи.

— Дѣдушка! мы только одинъ листикъ прочтемъ, какъ онъ тамъ путешествовалъ, упрашивали внучки. И затѣмъ онѣ скороговоркой читали: «какъ мнѣ понимать вашу съ сею госпожею поступку, государь мой? спросилъ Валанкуръ у графа Муррая, указывая на дрожавшую отъ стыда и гнѣва Валентину...

— Грѣхъ,—положите! вырывалъ дѣдъ изъ дѣвичьихъ рукъ описаніе путешествія Сентъ-Обенова.

Наконецъ таки подъ руки неизбѣжно попадалось царившее въ тѣ годы «Подражаніе Іисусу Христу, сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго», и старикъ говорилъ:

— Вотъ это дѣло!—Вотъ эту почитайте мнѣ, я послушаю.

Впервые въ это время стали бѣгать внучки отъ дѣда. Забирались онѣ съ обракованными старикомъ за небожественность книжками въ вѣковой барскій садъ, и тамъ до страшнаго жара въ молодыхъ головахъ упивались всѣми этими ужасами и сладостями Сталь и Жанлисъ, Дюкре дю-Мениля и Скюдери. Поникли и тяжело задумывались до того беззаботныя дѣвичьи головки, поблѣднѣли и даже какъ бы постарѣли свѣтлыя лица, когда господинъ Виконтъ д'Арленкуртъ показалъ имъ своего страшнаго Агобара, который залилъ прекрасную Францію толпами своихъ храбрыхъ мавровъ; по ночамъ снилась имъ эфирная принцесса Лютецкая, стоящая на высокой скалѣ въ бѣлой одеждѣ. Освѣщенная тайнымъ мѣсячнымъ блескомъ, она говоритъ собравшимся вокругъ нея поселянамъ о великихъ страданіяхъ отечества... Въ отдаленной долинѣ слышится, между тѣмъ, ропотъ безчисленнаго мавританскаго войска, шумный и неразборчивый, на подобіе волнъ морскихъ. А онъ, Агобаръ, этотъ неуловимый рыцарь, лучшій и благороднѣйшій изъ всего окружавшаго его красиваго и благороднаго юношества, тайкомъ пробрался въ храмъ родины, такъ недостойно изгнавшей его, и молится въ немъ.

Мягкій свѣтъ чужеземной луны разлитъ по всей этой картинѣ. Видятъ все это бодрствующія души спящихъ дѣвушекъ, ароматъ каштановыхъ рощей, разросшихся по этимъ громаднымъ горамъ, носится надъ ихъ головами — и вдругъ, свѣтильники, освѣщавшіе Лютецкій храмъ, меркнутъ и звонко падаютъ на каменный помостъ его. Слышится звукъ мечей, искры разсыпаются въ чуть чуть проницаемой ими мглѣ, рыцари принцессы окружили Агобара; а онъ, прекрасный и мощный, борется съ ними безъ малѣйшаго страха, но мечъ его переломленъ...

— Ахъ, убьютъ они его, непремѣнно убьютъ! сквозь сонъ вскрикивали дѣвушки вмѣстѣ съ Эвильдой, умолявшей рыцарей пощадить дорогую жизнь непріятельскаго принца.

— Нѣтъ, не убьютъ! утѣшалъ ихъ вдругъ смѣнившій средневѣковую Францію блѣдный графъ Монте-Кристо, въ чорномъ сюртукѣ, съ тонкою золотою цѣпочкой на бѣломъ жилетѣ.— Ждите и надѣйтесь! ласково говорилъ онъ, подавая имъ какое-то лѣкарство въ золотой коробочкѣ, сіявшей драгоцѣнными камнями.—Вы больны теперь, продолжалъ графъ:—я исцѣлю васъ. Томленіе какое-то, исполненное невыразимой сладости, овладѣвало молодыми душами послѣ этого лекарства, жадно раскрывались тогда, какъ бы умоляя кого о чемъ, алыя горячія губы, какъ стальныя пружины поднимались кверху бѣлыя руки, и потомъ черезъ секунду упадали опять, какъ молодая вѣтвь, оторванная отъ березы порывистымъ вѣтромъ.

Въ это-то время Анчелюстъ перебрался изъ барской усадьбы въ поселокъ. Въ это же тихое, разукрашенное степной красотой мѣсто перенесли дочери отставнаго дворецкаго свои великія душевныя немощи. Каждый день иныя разбитыя и обремененныя души, проѣзжая мимо поселка, и глядя на его несмущаемую тишь, озирая, какъ онъ стоитъ, затопленный яркою зеленью, золотимою солнцемъ, пораженные этимъ, такъ сказать, смиренствомъ жизни, завистливыми и исполненными горечи голосами говорили: ахъ, Господи! Вотъ бы отдохнуть-то гдѣ! Что это за мѣсто такое тихое! Поди, у здѣшнихъ людей и желаній-то нѣтъ никакихъ.

А ямщикъ, между тѣмъ, пріостановилъ лошадей. Онъ надолго присматривается, не высится ли надъ однимъ изъ этихъ смирныхъ дворовъ красавица елка. Идутъ лошади тихимъ такимъ и мѣрнымъ шагомъ, гулко раздаются по истисканной подкованными дорогѣ грузные шаги ихъ, идутъ, говорю, лошади тихо и мѣрно.

помахивая хвостами неотвязчивыхъ оводовъ, а колокольчикъ такъ-то уныло, такъ-то рѣдко, словно бы по мертвомъ человѣкѣ тренькаетъ.

— Господи! безмолвно разрастается проѣзжая трудная дума. —Вотъ бы мнѣ умереть-то гдѣ!

Вторитъ этой грустной думѣ весь безчисленный міръ степной. Вотъ куютъ кузнечики, вотъ свистятъ крыльями зелено-розовыя вечернія стрекозы, шумитъ рожь и съ важною граціей кланяется зеленое просо. Съ раздробленной небеснымъ громомъ вѣтки отчаянно каркаетъ воронъ, съ мелкой ползучей травы, какъ бы разсыпанной по дорогѣ, жалобно чирикаютъ мелкія, придорожныя пташки,.. Слышится тогда въ этихъ многихъ голосахъ проѣзжему, позавидовавшему тишинѣ степнаго поселка человѣку: не завидуй ты намъ, баринъ проѣзжій! Зимой мы здѣсь холодомъ и безкормицей томимся, а лѣтомъ жары насъ да безводье палятъ.

— И вотъ нѣтъ, охъ нѣтъ и не будетъ тебѣ здѣсь покою, баринъ! широкою гортанью подпѣваетъ воронъ степнымъ голосомъ.—Я одинъ своимъ карканьемъ безъисходную тоску на тебя нагоню. Заѣстъ тебя эта тоска въ нашей глуши безотвѣтной!

А если бы проѣзжій баринъ послушалъ то живое, человѣческимъ языкомъ разсказываемое горе, о которомъ толковали въ сѣняхъ Анчелюстовыхъ хоромъ, онъ бы не позавидовалъ тишинѣ поселка.

Темныя и прохладныя Анчелюстовы сѣни, въ которыхъ летали и чирикали бѣлобрюхія ласточки, укрываясь отъ дождя и грома, какіе неминуемо долженъ былъ вызвать этотъ страшный, полдневный жаръ, говорили:

— Такъ что же? Я, сейчасъ умереть, въ чернички пойду! Тамъ тебѣ въ монастыряхъ-то тишь; тамъ тебѣ молитва. Образа это святые въ золотыхъ ризахъ, передъ ними серебрянные подсвѣчники горятъ неугасимые, пѣніе опять; а люди къ тебѣ придутъ только за молитвой да за совѣтомъ, а не съ обидой и смѣхомъ...

— Сестрица, милая ты моя, голубушка! отвѣчалъ другой голосъ. — А я такъ и дѣлать что не знаю съ моею головушкой бѣдной... Очень у меня подъ сердце что-то подкатывается, — щретъ оно у меня сердце-то, страсть какъ!...

Такъ разговаривали между собой сестры въ родительскихъ сѣняхъ; но проѣзжій, ежелибъ и разслышалъ этотъ говоръ, тс

слелъ бы его или за чириканье касатокъ, вившихся подъ соломенной кровлей, или бы за воркотанье сизокрылыхъ голубокъ, что смирною стаей гнѣздились подъ пеленою, а никакъ не за выраженье дѣйствительнаго, живаго человѣческаго горя.

Нѣтъ, не хлеснула по зоркимъ глазамъ ямщика приманчивая красавица-ёлка, и потому быстро пронеслась его тройка мимо смирнаго поселка, такъ что сѣдокъ, успѣвшій разсмотрѣть, какъ извилистыми кругами рѣяли надъ избами заводскіе турманы Анчелюста и Петра Крутаго, успѣвшій разслышать, какъ гоготали переимчивые скворцы, сидя на высокихъ скворешняхъ, поставленныхъ Ивановыми ребятишками, не успѣлъ разглядѣть ни смиреннаго Ивана, ни разслушать его скорбныхъ воздыханій къ Господу; не видѣлъ онъ мрачнаго Петра Крутаго, не видѣлъ, какъ этотъ Крутой, словно старый дубъ, опалённый молніей, стоялъ у своихъ новыхъ, створчатыхъ воротъ и грозно о чемъ-то раздумывалъ. Видѣлъ только проѣзжій одно свѣтло-синее степное небо, горѣвшее въ заревѣ полдневнаго солнца, — небо, опрокинутое надъ тучными полями, надъ безмятежно стоящими избами, надъ молодыми, цвѣтущими деревьями, надъ зелеными травами, и, когда пронесся мимо всего этого его странническій тарантасъ, онъ съ злостью мялъ свою сиротскую кожаную подушку и, какъ сказано, говорилъ:

— Ахъ! Умереть бы мнѣ въ этомъ тихомъ мѣстѣ!...

А мѣсто это было вотъ сколько тихо, вотъ сколько ему завидовать слѣдовало.

— Дщери мои, дщери мои возлюбленныя! съ горькими слезами и съ дрожаніемъ старческихъ, поблеклыхъ губъ, шепталъ Анчелюстъ, сидя, по обыкновенію, на горячемъ навозѣ своей завальни. — Я ли васъ не любилъ, я ли васъ не лелѣялъ? спрашивалъ бывшій дворецкій. — Что я вамъ сдѣлалъ такое, за что вы отъ меня отшатнулись? Нѣтъ у меня на всей землѣ человѣка, съ какимъ бы я по душѣ потолковать могъ...

А изъ свѣтлыхъ хоромъ его чрезъ настежь растворенныя окна другой голосъ слышался еще слабѣе, еще разбитѣе:

— Иванушка! разговаривалъ съ Иваномъ отецъ Анчелюста. — Нѣтъ уже, прошли годочки мои, слѣпнуть сталъ, другъ ты мой милый! Руки дрожатъ, инструментомъ владѣть не могу, наколешь шиломъ дыру на товарѣ, глядишь, глядишь въ товарѣ-то, такъ и бросишь не разглядѣвши. Скука мнѣ безъ дѣла, Иванушка, смертная скука, тоска такая, не приведи Господи! Лю-

чураться стали меня. Что, говорятъ люди, намъ теперь возиться съ солдатомъ? Солдатъ сталъ старъ, глухъ и слѣпъ.

— А ты на людей-то не гляди, Абрамъ Микитичъ! глухимъ, какъ бы тоскующимъ басомъ разговаривалъ Иванъ. — Къ Господу Богу почаще съ своей слезой да съ немощью прибѣгай...

— Да ты что, Иванушка-касатикъ? боязливымъ шепотомъ началъ старый солдатъ. — Ты послушай, что я тебѣ еще разскажу: Богъ съ ними, съ чужими-то людьми, я тебѣ про своихъ родныхъ говорить стану. Внучки теперича мои прежде, бывало, все около меня вьются, а теперь возлѣ себя съ великимъ трудомъ усадить какую нибудь рѣдко, рѣдко удастся. Бѣгутъ все куда-то отъ дѣда, потому чтожь имъ дѣдъ? Глухъ дѣдъ сталъ, старъ и слѣпъ! Не сговорить съ нимъ молодой душѣ ни единаго слова!...

А въ Петровой туго-на-туго припертой избѣ опять слезы.

Хмурясь своимъ сердитымъ, сухощавымъ лицомъ, унтеръ Өедоръ Ярило впрягался въ свой рыжій солдатскій ранецъ, который онъ давно уже забросилъ на темный потолокъ пригрѣвшаго его сиротскаго дома Петра Крутаго.

— Други мои! спрашивалъ смирный Иванъ у солдата и у Петра. — Нѣтъ коли мѣста у васъ моей глупой рѣчи, такъ вы мнѣ хоть скажите: въ кои же вы теперь стороны путь держать будете?

— А куда Богъ понесетъ! угрюмо отвѣтилъ Ярило.

— Сосѣдъ милый! Иванъ Степанычъ, кумъ ты мой золотой! плача и жестоко убиваясь говорилъ Крутой. — Намъ такъ... ходить нужно... по большимъ дорогамъ проѣзжимъ и по глухимъ степямъ безлюднымъ... Намъ нужно голода и холода напринматься, буйнаго вѣтра вволю наслушаться, чтобы онъ обдулъ насъ маленько, буйный-то вѣтеръ, потому нечисто у меня на душѣ, — ахъ, какъ нечисто!...

И видѣлъ кумъ Иванъ, что дѣйствительно нечисто что-то на душѣ у сосѣда, и потому на слова его онъ тутъ, можетъ, въ первый разъ въ жизни, не сказалъ своего обыкновеннаго христіанскаго присловья:

— Помолился бы ты, дескать, друже мой! Припалъ бы ты къ Нему, лютыхъ скорбей Усмирителю, со слезами да смиренствомъ сердечнымъ.

— На вотъ ребяткамъ-то, возьми: обуй ихъ, одѣнь! какъ бы сердясь бурчáлъ солдатъ, подавая нѣсколько скопленныхъ

имъ денегъ Ивановой нянѣ. — Ну, прощенья просимъ, сосѣди! Не поминайте лихомъ!

Всѣмъ своимъ тоскливымъ, неудержнымъ сердцемъ тосковалъ Петръ Крутой, прощаясь съ сосѣдями и съ насиженной хороминой.

— Нѣтъ, вѣрно умереть мнѣ безъ своей иконы! предполагалъ онъ въ горькихъ слезахъ. — А завелъ было, завелъ ужь свой образокъ, ризу на трудовыя, не на шельмовскія деньги купилъ. Ничего, должно, не подѣлаешь... Благословляю же я своимъ образочкомъ дѣтокъ твоихъ, куманекъ! Казну мою получи. Теперь мнѣ много не надо.

— Ну, Господи благослови! шептали Иванъ съ женою, глядя вслѣдъ странникамъ, суетливо шагавшимъ по росистой травѣ высокой придорожной насыпи.

Яркій свѣтъ полночнаго мѣсяца золотымъ ливнемъ обливалъ этихъ неугомонныхъ людей, такъ рѣшительно будившихъ смирное полночное царство своею скорою поступью.

— Нѣтъ, ребята, не укроетесь! какъ бы говорилъ имъ свѣтлый мѣсяцъ. — Никуда вы отъ меня не убѣжите, потому всюду я пойду за вами и вездѣ васъ найду...

И точно: не скрылись странники. Всему окрестному люду разсказалъ мѣсяцъ про ихъ побѣгъ изъ родной избы.

Заговорили сельскіе люди:

— Видѣли, своими очами видѣли, какъ въ эдакую ли ясную полночь вылетѣлъ изъ трубы Петрушка Крутой, весь въ огненныхъ искрахъ. За нимъ солдатъ летѣлъ, и на всю-то онъ тихую степь громкимъ голосомъ кричалъ: прощавай, дескать, степь... Надѣлали мы въ тебѣ дѣла съ Петрушей...

— И летѣли за ними, милыя вы мои, прибавляли бабенки: — Анчелюстовы дочери, тоже въ разноцвѣтныхъ огняхъ, косы у нихъ распущены, очи заплаканы. Мчались онѣ, голубки, словно вѣдьмы кеивскія, мчались и не въ примѣръ громче солдата плакались:

— Воротись, Петруша! На кого ты насъ, Петръ Иванычъ, сиротъ горемычныхъ покинулъ!...

А. ЛЕВИТОВЪ.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТИ И ПАНСЛАВИЗМЪ.

I.

Національный вопросъ никогда не занималъ въ политическихъ тенденціяхъ и въ политической литературѣ такого важнаго мѣста, какое занимаетъ теперь. Европейская исторія, въ которой до сихъ поръ дѣйствовало столько разнообразныхъ принциповъ дѣятельности — христіанство, іерархія, феодализмъ и римская имперія, реформа, политическое равновѣсіе и т. д. — въ наше время пришла, говорятъ, къ новымъ принципамъ, которые опредѣляютъ теперь передовую идею цивилизаціи: отъ «правъ человѣка» ведутъ теперь идею о «правѣ народа», о «національности», независимомъ, политическомъ существованіи народностей. Политическія движенія нынѣшняго столѣтія дѣйствительно обнаруживаютъ это стремленіе народностей къ самобытной дѣятельности или по крайней мѣрѣ къ обособленію, такъ что за этимъ стремленіемъ нельзя въ самомъ дѣлѣ не признать значенія обширнаго историческаго явленія. Таковы были: освобожденіе Сербіи, освобожденіе Греціи, событія 1848-го года въ Австріи, итальянская война, и т. д., наконецъ изъ «національныхъ» тенденцій поднятъ и Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ, объясненіе котораго видѣли недавно читатели «Современника». Національности зависимыя обнаруживаютъ стремленіе къ самостоятельности; тамъ, гдѣ нація была разбита на части, не составляя одного политическаго цѣлаго, напр. въ Германіи, она стремится къ обобщенію и объединенію племени. Въ Италіи это стремленіе почти достигаетъ своей цѣли; современный герой ея защитникъ единой Италіи...

Съ этимъ понятіемъ о національности соединяется понятіе о народности, самобытномъ развитіи въ народномъ духѣ, и это послѣднее дѣйствуетъ и тамъ, гдѣ собственно-національный политическій вопросъ не существуетъ, какъ напр. у насъ, гдѣ своя національность достаточно обезпечена. Такимъ образомъ и въ нашей отечественной литературѣ національный вопросъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ го-

рячихъ пунктовъ литературной полемики. Онъ раздѣлился здѣсь на внутренній вопросъ о «народѣ» или о «почвѣ», то есть о развитіи нашихъ собственныхъ національныхъ началъ, скрывающихся подъ спудомъ, и на вопросъ о цѣлой славянской національности, приводившей къ такъ называемому «панславизму» и къ разнымъ пріятнымъ политическимъ мечтаніямъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи наша литература въ особенности шла въ связи съ идеями, которыя въ то же время появились и развивались въ возрождавшемся славянствѣ, гдѣ мысль объ отдѣльности цѣлаго племени, его будущей великой роли льстила самолюбію и давала надежду на освобожденіе отъ тяжелой дѣйствительности. Подъ вліяніемъ этой цѣлой идеи о народѣ и народности составилась у насъ своя мистическая школа, которая не замедлила страшно преувеличить дѣло, и возставая противъ западной цивилизаціи, будто бы ложной и несовершенной, обѣщала разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ затрудненій современной жизни — въ народѣ, т. е. въ неопредѣленныхъ инстинктахъ массы. Народъ, по мнѣнію школы, заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ начала новой, высшей цивилизаціи, и мы, для успѣха истиннаго человѣческаго развитія, должны примкнуть къ этимъ началамъ и отказаться отъ запада, который только совращаетъ съ настоящей дороги. Западные народы уже совершили свою историческую задачу; она должна перейти теперь въ руки новаго, нетронутаго племени, съ свѣжими силами. Такимъ племенемъ должны быть славяне, а во главѣ ихъ русскій народъ...

Такая теорія была сначала исключительной принадлежностью славянофильства, но затѣмъ она снова находитъ себѣ прозелитовъ и въ другихъ слояхъ нашей литературы, и съ разными, болѣе или менѣе значительными варіантами, проповѣдуется теперь значительнымъ количествомъ людей, которые въ этомъ мистическомъ превознесеніе народа и народныхъ началъ видятъ крайній предѣлъ общественной мудрости и передоваго гуманизма. «Народъ» и «народныя начала» стали наконецъ неизбѣжной фразой у каждаго, кто брался судить о нашихъ общественныхъ дѣлахъ. Эта неопредѣленная фраза стала удовлетворять людей, которые не въ силахъ были придумать себѣ другаго, болѣе яснаго идеала. Рѣшеніе крестьянскаго дѣла вызвало понятную симпатію къ народу, и изъ этого побужденія, конечно вполнѣ похвальнаго, опять произошелъ цѣлый потопъ разсужденій, болѣе или менѣе наклонныхъ къ обозначенной нами теоріи. Наконецъ въ вопросъ народности вмѣшано было столько понятій, или къ нему собственно не принадлежащихъ, или крайне фальшивыхъ, и даже вредныхъ по своимъ приложеніямъ, — что онъ потерялъ всякій опредѣленный смыслъ и еще больше затуманивалъ наши, и безъ того не особенно ясныя, общественныя понятія. Въ нашемъ внутреннемъ во-

просѣ, усердные защитники народности дошли до значительной степени обскурантизма; въ вопросѣ славянскомъ они дошли до вражды къ самимъ славянскимъ народностямъ. Мы увидимъ дальше, какимъ образомъ произошли эти невѣроятныя вещи.

Въ чемъ же состоитъ національный вопросъ, и какъ прилагается національная теорія къ славянскому міру?

Прежде всего мы остановимся на общемъ понятіи.

Происхожденіе современнаго вопроса о національности, какъ движущемъ элементѣ политической жизни, относятъ къ освободительнымъ идеямъ XVIII-го вѣка, которыя открыли дорогу новымъ понятіямъ уже тѣмъ однимъ, что уничтожали и упраздняли старыя. Право народности, въ тѣхъ разныхъ смыслахъ его, какіе мы объясняли выше, имѣло свой первоначальный источникъ въ тѣхъ «правахъ человѣка», которыя проповѣдывала литература восьмнадцатаго столѣтія. Но эта мысль о народѣ съ самаго начала подверглась разнообразнымъ толкованіямъ и развитіямъ, которыя произвели цѣлыя различныя направленія и формы національнаго вопроса, уже потерявшія почти свою связь въ своихъ отдаленныхъ слѣдствіяхъ.

Однимъ изъ первыхъ практическихъ выводовъ мысли о народныхъ правахъ было понятіе о «власти народа», выражающейся посредствомъ suffrage universel, понятіе совершенно революціонное, но уже принимаемое по необходимости нѣкоторыми европейскими консерваторами и реакціей. Всеобщая подача голосовъ, какъ выраженіе народной воли, хотя и не всегда производится правильно на дѣлѣ, и не всегда достигаетъ своей цѣли, но уже далеко не считается ими за положительную невозможность. Но это понятіе о народномъ правѣ, собственно говоря, остается совершенно чуждо «національному» вопросу.

Другой практическій выводъ сдѣланъ былъ относительно цѣлаго культурнаго развитія. Новая идея защищала народное право самоопредѣленія не только въ прямомъ политическомъ дѣлѣ, но и въ дѣлѣ направленія культуры: взамѣнъ идеи общечеловѣческаго образованія стала идея образованія національнаго, которое должно развить чисто народные элементы, выразить народную личность и внести въ исторію собственный особый вкладъ того или другаго племени. Здѣсь имѣли свое основаніе стремленія романтизма, который для возстановленія этой народной личности, стиравшейся подъ вліяніемъ идеи общечеловѣческаго образованія, воротился къ среднимъ вѣкамъ, когда она еще сохраняла свои первобытныя черты. У насъ романтизмъ не былъ понятъ въ этомъ настоящемъ его значеніи, но тѣмъ не менѣе и у насъ основалось то же стремленіе отыскать коренныя

народныя начала и строить на нихъ будущее народное развитіе. Съ возвращеніемъ къ источникамъ народнаго характера и съ желаніемъ отыскать коренныя національныя свойства племени, естественно соединилась мысль о значеніи расы, которой дано было фатальное значеніе въ исторической жизни. Свойства расы объясняли всю исторію: въ расѣ предполагалось исконии извѣстное нравственное содержаніе, которое она неотвратимо должна была отражать въ своей судьбѣ; раса была сильна только тогда, когда оставалась вѣрна этому исконному содержанію,—племена ея падали, когда измѣняли ему. Такое понятіе о расѣ было конечно прямой противоположностью гуманной идеѣ прежняго развитія. Естественно ожидать, что въ своихъ крайнихъ выводахъ поклонники расы становились врагами общечеловѣческой идеи: эта послѣдняя не могла уживаться съ національной исключительностью.

Требованіе племенной особности въ политическомъ отношеніи, стремленіе вмѣстить отдѣльную національность въ отдѣльное государство или по крайней мѣрѣ обезпечить ея существованіе въ государствѣ другаго племени,—составляетъ третій практическій выводъ понятія о народныхъ правахъ, и въ немъ особенно сосредоточиваются «національныя» стремленія нашего времени. Стремленіе національностей къ освобожденію отъ чужой власти и вліянія тамъ, гдѣ они были въ подчиненномъ состояніи, составляетъ постоянный мотивъ нынѣшнихъ политическихъ событій; оно проникаетъ даже самыя мелкія національности, напримѣръ въ Австріи, и производитъ множество національныхъ столкновеній.

Всѣ эти понятія такъ или иначе нарушали прежній порядокъ общественныхъ и политическихъ отношеній и произвели броженіе научныхъ направленій, національной вражды и политическихъ интересовъ. Національный вопросъ еще больше запуталъ ту борьбу, которая еще прежде начата была въ общественной средѣ и стремилась выработать новыя общественныя начала. Въ какомъ же отношеніи стоитъ національный вопросъ къ прежней исторіи, и гдѣ критеріумъ для сужденія объ его требованіяхъ и его культурномъ значеніи?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, мы познакомимъ читателя съ однимъ небольшимъ трактатомъ, который, по нашему мнѣнію, представляетъ едва ли не самое простое объясненіе его во всей, теперь уже весьма обширной, литературѣ національнаго вопроса. Это — статья о значеніи національности въ нѣмецкомъ журналѣ, посвященномъ «психологіи народа» (*). Въ ней собраны существенныя положенія, въ которыхъ выражается значеніе національности въ разнообразныхъ усло-

---

(*) Ueber Nationalität, von Dr. L. Rüdiger (Zeitschr. für Völkerpsychologie, 1863).

ніяхъ политической жизни и цивилизаціи. Національныя стремленія существовали конечно и раньше, чѣмъ они стали такимъ сильнымъ руководящимъ началомъ, какъ теперь; законы этихъ національныхъ стремленій одни и тѣ же, потому что это существенные законы племенной жизни, такъ что достаточно всмотрѣться въ извѣстные факты, чтобы составить себѣ понятіе о предѣлахъ національнаго движенія и видѣть его преувеличенія, которыхъ такъ много въ настоящее время. Это и дѣлаетъ названный нами трактатъ.

Чтобы удобнѣе ввести читателя въ оцѣнку значенія національности, авторъ трактата замѣчаетъ прежде всего, что народы никогда не сближались и не перемѣшивались между собой въ такой степени, какъ именно въ нынѣшнемъ столѣтіи. Путешествія до такой степени облегчены, торговыя и промышленныя сношенія достигли такой степени развитія, что знаніе чужихъ земель, такъ рѣдкое прежде, стало теперь самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; и охотники до путешествій и люди любознательные давно уже не довольствуются Европой и удовлетворяются только самыми отдаленными странами міра. Въ умственной жизни это обобщеніе не менѣе замѣчательно: изученіе иностранныхъ языковъ входитъ почти въ элементарное образованіе; переводы дѣлаютъ каждое замѣчательное произведеніе доступнымъ для всѣхъ главныхъ народовъ Европы; французская драма и англійскій романъ стали такой же всеобщей потребностью, какъ арабскій кофе и китайскій чай. Вмѣстѣ съ тѣмъ національныя особенности исчезаютъ больше и больше, угловатости сглаживаются въ постоянномъ столкновеніи народностей; образованные классы пріобрѣтаютъ одинъ общій типъ и общій характеръ понятій; нравы больше и больше обобщаются, — отдѣльныя черты разныхъ племенъ входятъ въ одинъ общій типъ европейскихъ нравовъ. Ученые разныхъ странъ дѣлятся своими взглядами на конгрессахъ и тѣмъ же путемъ обобщаютъ науку. Политическая жизнь больше и больше стремится къ проведенію однихъ общихъ началъ, которыя дѣлаются отличительной чертой европейскаго политическаго устройства.

Это разнообразное смѣшеніе распространило мысль о существенномъ равенствѣ всѣхъ людей, — различіе которыхъ заключается только въ степени образованія, — и породило стремленіе къ уравненію образованія и человѣческихъ правъ между людьми, которые были лишены ихъ. Въ европейскихъ колоніяхъ, смѣшанныя населенія туземцевъ и переселенцевъ образовываютъ государства безъ всякаго національнаго характера, соединяемыя однимъ общественнымъ и политическимъ интересомъ. Величайшее новое государство, Соединенные Штаты, не имѣютъ народныхъ отличій старыхъ государствъ европейскихъ; характеръ ихъ чисто космополитическій.

Эти условія космополитическаго объединенія обѣщаютъ еще болѣе сильное развитіе въ будущемъ, и трудно было бы наблюдателю предвидѣть границы этого развитія. Но ему противодѣйствуетъ идея національности, въ своихъ крайностяхъ неизбѣжно впадающая въ мѣстное пристрастіе и вражду къ иноземному. Это — идея новая въ сравненіи съ идеей космополитической, но она уже заявила о своей силѣ и не можетъ быть объясняема случайностью.

Историческую роль ея авторъ трактата объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Идея національности, хотя она нерѣдко совершенно уживалась съ христіанствомъ, — своей сущностью противорѣчитъ христіанскому понятію равенства всѣхъ людей и народовъ. Христіанство въ своемъ началѣ должно было бороться противъ національной исключительности, и побѣдило ее, въ іудеяхъ и римлянахъ: и тѣ и другіе проникнуты были крайней національной гордостью и презрѣніемъ къ другимъ народамъ, одни по религіозному предубѣжденію, какъ народъ избранный, другіе по политическому. Эта національная исключительность побѣждена была христіанствомъ, которое заставляло человѣка искать настоящей родины въ другомъ мірѣ и не дорожить жизнію въ «юдоли плача».

Этотъ христіанскій взглядъ былъ господствующимъ въ средніе вѣка. Критеріумомъ общественныхъ и политическихъ отношеній служила принадлежность къ христіанской общинѣ. Христіанская идея соединяла всѣ народы подъ знамя крестоваго воинства; ненависть и отверженіе падали на людей, стоявшихъ внѣ общины, — отсюда преслѣдованіе евреевъ, еретиковъ. Даже единство національности не спасало еретиковъ отъ ожесточенной злобы: такъ французы дѣйствовали въ альбигойской войнѣ. Это продолжалось и послѣ среднихъ вѣковъ, и съ усиленіемъ религіозныхъ споровъ увеличивалось національное раздѣленіе: такова исторія французскихъ гугенотовъ, исторія протестантства, тридцатилѣтняя война, изъ-за которой иноземецъ Густавъ Адольфъ, опустошившій цѣлыя страны Германіи, считался у нѣмцевъ еще очень недавно освободителемъ отечества. Религіозное различіе раздѣляло даже мелкія народности, напримѣръ, Нидерланды, Швейцарію.

Такимъ образомъ національная идея могла выдвинуться впередъ только тогда, когда эти религіозныя несогласія ослабѣли и перестали быть руководящей мыслью общественныхъ понятій, когда религія стала считаться личнымъ дѣломъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Далѣе, идея національности могла возникнуть только съ упадкомъ средневѣковаго понятія о государствѣ, по которому человѣкъ переходилъ во владѣніе, поступалъ въ наслѣдство, какъ вещь, когда за

нихъ не признавалось его личности, и слѣдовательно его національныхъ качествъ и стремленій. Государства возникали въ старину безъ всякаго отношенія къ національностямъ, возникали черезъ завоеваніе, брачные договоры владѣтелей, наслѣдство, и границы ихъ вовсе не совпадали съ границами національностей. При европейскомъ дѣленіи 1815 года границы государствъ по прежнему не совпадали съ національностями. Идея національности стремится напротивъ соединить раздѣленныя части народностей и выставляетъ принципомъ право народа опредѣлять свои государственныя отношенія.

Затѣмъ для успѣха національной идеи необходимо ослабленіе мѣстныхъ обычаевъ, интересовъ и отличій,—ослабленіе муниципализма. Въ этомъ случаѣ космополитическое объединеніе приноситъ свою пользу и національности.

Наконецъ существенную помощь оказываютъ національной идеѣ демократическія стремленія. Напротивъ, національности не благопріятствуютъ тѣ закрытыя сословія и касты, для которыхъ сословное единство дороже, чѣмъ единство народное. Поэтому, напримѣръ, солдаты и католическое духовенство всего меньше увлекаются національными тенденціями (въ послѣднемъ случаѣ есть конечно рѣзкія исключенія, имѣющія впрочемъ свои причины). Аристократическія притязанія поэтому также неблагопріятны для національнаго движенія.

По этимъ основаніямъ, обусловливающимъ возможность національнаго развитія, оно неоспоримо принадлежитъ нашему времени, хотя нигдѣ еще не было проведено вполнѣ и послѣдовательно.

Но хотя успѣхи національности обусловливаются, какъ мы видѣли, стремленіями вполнѣ прогрессивными, сама по себѣ національность не представляетъ необходимо прогрессивныхъ качествъ.

Національность выражаетъ отличительныя черты народа, отдѣляющія его отъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ она съ одной стороны противополагается общему человѣческому равенству, съ другой представляетъ народное единство, то есть во первыхъ, единство лицъ, имѣющихъ одни національныя качества, во вторыхъ, единство историческое, соединяющее настоящій народъ съ его историческими предками.—Ясно, слѣдовательно, что національныя стремленія могутъ имѣть тотъ или другой культурный смыслъ, смотря по характеру національностей и ихъ даннымъ обстоятельствамъ. Они могутъ быть либеральны, когда противъ нихъ дѣйствуетъ реакція, какъ, напр. въ Германіи, гдѣ національному единству мѣшаютъ феодальные князьки и владѣтели, или въ Италіи, гдѣ противъ національнаго единства дѣйствуетъ тотъ же феодализмъ и церковная іерархія. Но въ такой же степени національныя стремленія могутъ быть и ретроградны, напр. въ славянскихъ земляхъ, гдѣ приверженцы національности

питаютъ вражду къ нѣмецкому образованію (единственному, которое тамъ обрѣтается), и у насъ, гдѣ столько же разумно возстаютъ противъ западной цивилизаціи славянофилы.

Такимъ же образомъ національныя стремленія не совпадаютъ съ патріотизмомъ, потому что національность не всегда совпадаетъ съ государствомъ. Патріотизмъ есть привязанность къ родинѣ политической.

Національныхъ стремленій нельзя смѣшивать и съ тѣми стремленіями къ децентрализаціи, которыя съ ними часто смѣшиваются. Стремленія къ мѣстному самоуправленію обнаруживаются не только тамъ, гдѣ это мѣстное самоуправленіе можетъ благопріятствовать мѣстной національности (напр. стремленіе чеховъ представлять особое королевство, будто бы отдѣльное отъ другихъ частей Австрійской имперіи), но и тамъ, гдѣ мимо всякаго національнаго вопроса существуетъ желаніе избавиться отъ неудобствъ излишней бюрократической опеки (напр. наши заботы о земскомъ самоуправленіи). Очевидно, что стремленія къ децентрализаціи въ сущности совершенно независимы отъ стремленія національнаго.

На вопросъ о томъ, чѣмъ опредѣляется національность, названный нами трактатъ отвѣчаетъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы уже не разъ объясняли его. Онъ отвергаетъ всякое безусловное значеніе расы, слѣдовательно отвергаетъ всякую предопредѣленную народность,—какъ ее всего чаще понимаютъ у насъ, приписывая народности тѣ или другіе исконныя свойства и добродѣтели, которыя одни, сами по себѣ, составляютъ достоинство націи.

«По общепринятому мнѣнію,—говоритъ авторъ, — національныя отличія основываются на происхожденіи. Люди замѣчаютъ на животныхъ и растеніяхъ, что свойства родителей переходятъ въ наслѣдство къ происшедшимъ отъ нихъ индивидуумамъ; въ физическомъ отношеніи это явленіе и у людей подтверждается такъ часто, что кажется естественнымъ приписать происхожденію и тѣ свойства, которыя, какъ общая примѣта, соединяютъ цѣлую націю и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляютъ ее отъ другихъ народовъ. Французъ болтливъ, потому что происходитъ отъ французовъ, турокъ молчаливъ, потому что происходитъ отъ турокъ, и потому что уже отцы и дѣды одного любили говорить, отцы и дѣды другаго любили молчать. Это объясненіе конечно удачно; оно избавляетъ не только отъ всѣхъ дальнѣйшихъ объясненій, но и отъ всякаго труда возвышать развитіе націи. Народъ принадлежитъ или къ племени, надѣленному природой, и тогда ему врождены политическія добродѣтели, и даже политическія учрежденія, или онъ не одаренъ отъ природы этими дарами, и тогда напрасно было бы хлопотать объ нихъ. Такимъ образомъ изобрѣли

англо-саксонскую расу, латинскую расу и т. д., отличія которыхъ будто бы точно также имѣютъ свое начало въ происхожденіи, какъ наслѣдственныя свойства борзой собаки... Я замѣчу на это:

«Во первыхъ. Примѣнять здѣсь терминъ расы, еще недовольно опредѣленный въ научномъ смыслѣ,—значитъ злоупотреблять этимъ терминомъ. Человѣчество распадается, правда, на расы, т. е. на разряды, отличные одинъ отъ другаго по наслѣдственнымъ свойствамъ тѣла. Но это нисколько не касается до національности. Вопросъ не въ томъ, чѣмъ азтекская нація отличается отъ англійской, или какъ нѣмцы относятся къ народу мандинговъ. Нашъ вопросъ о національности ограничивается предѣлами одной бѣлой расы.

«Во вторыхъ, Въ самой бѣлой расѣ обитатели Европы относятся только къ одному, арійскому племени. Исключить нужно финновъ, басковъ и евреевъ, но они все-таки стоятъ къ главнымъ народамъ гораздо ближе, чѣмъ, напримѣръ, арійскіе цыгане.

«Въ третьихъ. Въ разборѣ происхожденія берутъ во вниманіе только отца, дающаго имя, и забываютъ о матери... но гдѣ различные народы живутъ рядомъ, тамъ нерѣдко встрѣчаются смѣшанные браки...

«Въ четвертыхъ. Объясненіе извѣстнаго національнаго свойства расой часто опровергается болѣе обстоятельнымъ сличеніемъ. Такъ, напримѣръ, легкомысліе французовъ считаютъ обыкновенно дѣйствіемъ «кельтской крови», и конечно, если только объяснять его происхожденіемъ, его нужно искать здѣсь, потому что другіе родоначальники французской націи, нѣмцы и римляне, не имѣли этого качества. Но тѣ французы, которые всего чище сохранили кельтское происхожденіе, бретонцы, тяжелы и мрачны. Происхожденіе часто бываетъ совершенно недѣйствительно даже въ тѣлесныхъ отличіяхъ, напр., у первобытно-черныхъ евреевъ на сѣверѣ очень часто встрѣчаются голубые или сѣрые глаза и бѣлокурые волосы.

«Въ пятыхъ. Обыкновенно представляютъ себѣ слишкомъ большимъ число завоевателей, покорившихъ страну: испугъ захваченнаго врасплохъ народа, преувеличенія, обыкновенныя у историковъ варварскихъ временъ, увеличиваютъ ихъ количество выше всякаго вѣроятія... между тѣмъ завоеватели (говоря вообще) составляютъ только незначительную часть въ народномъ смѣшеніи страны, и эта часть бываетъ тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ сильнѣе была народная масса во время завоеванія.

«Въ шестыхъ. Отличія, причину которыхъ находятъ въ происхожденіи, могутъ имѣть свое основаніе въ чемъ нибудь совершенно иномъ. Продолжительныя причины имѣютъ и продолжительное дѣйствіе, и если народъ долго стоялъ подъ извѣстными вліяніями, онъ обнаружитъ слѣдствія этого вліянія,—хотя они будутъ вовсе не на-

слѣдственны; напр., если народъ занимается мореплаваніемъ, то онъ пріобрѣтетъ извѣстныя особенныя свойства, которыя зависятъ уже отъ мореплаванія, а не отъ происхожденія. Въ Турціи греки, евреи и армяне живутъ торговлей и маклерскими дѣлами, и, не смотря на совершенно различное происхожденіе, стали чрезвычайно похожи одни на другихъ.

«Въ седьмыхъ. Многія мнимо-національныя отличія бываютъ просто временными, т. е. они появляются у одного и того же народа въ различное время, потому что соотвѣтствуютъ различнымъ отношеніямъ и ступенямъ образованія, напр. многія такъ называемыя особенности нынѣшней Венгріи были за нѣсколько сотъ лѣтъ совершенно обыкновенны въ Германіи».

Такимъ образомъ національныя свойства опредѣляются, едва ли не больше чѣмъ расой, или можетъ быть даже исключительно, тѣми естественными и культурными условіями, которыхъ вліянію подвергается раса и которыя — въ извѣстный промежутокъ времени—сообщаютъ народу свойства, не принадлежащія собственно расѣ. Далматинскій славянинъ въ средніе вѣка былъ гораздо ближе къ венеціанскому итальянцу, чѣмъ ко всякому другому славянину, жившему въ иныхъ условіяхъ: предпріимчивость и другія спеціальныя свойства мореходовъ даны были ему не его славянской природой, а естественными условіями его родины. Нѣкоторымъ славянскимъ патріотамъ приходило въ голову сравнивать удальство казаковъ съ удальствомъ напр., черногорцевъ, и видѣть въ этомъ общую черту племени; но ясно, что эта черта совершенно случайна: если черногорецъ сдѣлался полу-героемъ, полу-разбойникомъ относительно турокъ, казакъ—относительно татаръ или поляковъ, то такимъ же полу-героемъ, полу-разбойникомъ сдѣлался черкесъ относительно русскихъ.

Эта измѣнчивость первобытнаго характера расы опредѣляется еще точнѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣми отношеніями, въ которыя становится національность къ разнымъ условіямъ человѣческаго общества—языку, религіи, обычаямъ, промышленной дѣятельности и особенно къ государству.

Приводимъ опять разсужденія названнаго нами трактата.

«1) *Языкъ* не столько составляетъ основаніе національныхъ отличій, сколько служитъ ихъ признакомъ. Правда, каждый языкъ выражаетъ способъ мышленія своего народа и самъ вновь дѣйствуетъ на это мышленіе; но въ цѣломъ преобладаетъ общечеловѣческое начало, какъ это можно видѣть изъ почти вполнѣ одинаковаго синтаксиса въ самыхъ различныхъ языкахъ. При томъ каждое высшее развитіе языка имѣетъ то дѣйствіе, что звуковое начало языка (флексіи и производныя формы) ослабляется, а логическое усиливается; особен-

ные обороты и выраженія выходятъ изъ употребленія. За то языкъ служитъ важнѣйшимъ средствомъ различенія націй, въ особенности когда они не раздѣляются, какъ расы, физическими отличіями. Народы узнаются по языкамъ, какъ отдѣльные люди по именамъ.

«Общность языка можетъ произвести духовную зависимость болѣе слабаго или менѣе дѣятельнаго народа. Такимъ образомъ Бельгія подвергается вліянію французскихъ идей, Сѣверная Америка зависитъ духовно отъ Англіи.

«Изъ всѣхъ составныхъ частей національности языкъ измѣняется всего легче. Во многихъ странахъ можно замѣчать, какъ одинъ языкъ вытѣсняется другимъ. Такъ въ Канадѣ и Луизіанѣ французскій языкъ уступаетъ передъ англійскимъ; въ Тиролѣ граница языка между Германіей и Италіей видимо поднимается къ сѣверу. Въ нѣкоторыхъ странахъ идутъ даже два языка одинъ за другимъ, одинъ гонитъ передъ собою другой, и самъ въ то же время вытѣсняется назади третьимъ. Такъ нижне-нѣмецкій вытѣсняетъ фламандскій языкъ, и въ то же время самъ уступаетъ верхне-нѣмецкому. Въ Буковинѣ русинскій языкъ оттѣсняетъ валашскій, и самъ терпитъ потери отъ польскаго. Такія измѣненія объясняются направленіемъ и степенью сношеній. Французы въ Канадѣ и Луизіанѣ лишены всякаго соединенія съ Франціей, и напротивъ, находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ англійскими жителями своей страны, которые составляютъ даже большинство. Въ Тиролѣ жители болѣе населеннаго и болѣе предпріимчиваго юга постоянно выселяются въ среду нѣмцевъ, и эти послѣдніе тѣмъ меньше могутъ противиться ихъ вліянію, что ихъ духовенство искусственно отдѣляетъ ихъ отъ нѣмецкаго образованія. Верхне-нѣмецкій, какъ литературный языкъ, долженъ вытѣснять простое нижне-нѣмецкое нарѣчіе; если принять, что нижніе и верхніе нѣмцы имѣютъ одинаково большую необходимость понимать другъ друга, то первые все-таки имѣютъ больше причинъ учиться верхне-нѣмецкому (какъ литературному языку), чѣмъ верхніе нѣмцы учиться нижне-нѣмецкому. Языкъ можетъ даже упасть, а національное чувство все еще продолжается. Такимъ образомъ ирландцы въ массѣ говорятъ по англійски, и О'Коннель долженъ былъ высказывать свои проклятія противъ чужеземцевъ на языкѣ этихъ самыхъ чужеземцевъ.

«2) Религія или обнимаетъ многіе народы и способствуетъ постепенному уничтоженію ихъ отличій, или захватываетъ только часть народа и производитъ различіе, которое дѣлитъ массы сильнѣе, чѣмъ физическое происхожденіе или политическое дѣленіе. Границы религіи не легко совпадаютъ съ границами націи, въ особенности если религія стремится къ пропагандѣ и такимъ образомъ распространяется дальше народа, среди котораго основана. Но гдѣ вѣра соеди-

няется съ національностью, тамъ она бываетъ сильнѣйшимъ средствомъ сохраненія національности, — напримѣръ, у христіанскихъ народовъ въ Турціи, или у ирландцевъ противъ Англіи.

«3) Важность обычаевъ исчезаетъ съ успѣхами образованія, и на мѣсто ихъ становится общественное мнѣніе, основанное на общемъ характерѣ представленій. И здѣсь именно всего чаще случается, что временныя отличія принимаются за народныя, напримѣръ ленная система, большая власть отца семейства, общность собственности въ семьѣ.

«4) Промышленная дѣятельность можетъ поддерживать національность, когда она дѣлается отличительнымъ признакомъ, то есть если извѣстное занятіе посредственно или непосредственно питаетъ массу народа, но остается мало извѣстно сосѣдямъ, напримѣръ, мореплаваніе у голландцевъ.

«5) Война представляетъ для національности величайшія опасности, потому что уменьшаетъ народную массу и при несчастномъ исходѣ можетъ подвергнуть націю чужому господству. Часто сама побѣждающая нація погибаетъ черезъ смѣшеніе съ побѣжденными и принятіе ихъ образованія; такъ случалось правильно въ азіатскихъ завоеваніяхъ, въ Европѣ съ норманнами. За то ничто не соединяетъ націю такъ крѣпко, какъ воспоминанія о выдержанной вмѣстѣ опасности и о военной помощи, какую подавала одна нація другой; воспоминанія о побѣдоносныхъ военныхъ подвигахъ составляютъ лучшую часть національныхъ идей и начало каждой литературы. Война есть существенное средство какъ для временнаго, историческаго, такъ и для пространственнаго, географическаго, соединенія націи.

«6) Изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій самое важное мѣсто занимаетъ государство. Огромныя средства, находящіяся въ распоряженіи государства, могутъ укрѣплять или уничтожать національность. Даже тамъ, гдѣ эти средства не употребляются съ подобной цѣлью, бываетъ чрезвычайно важно, если извѣстное число людей долго бываютъ соединены въ одно государство. Жители одной страны, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имѣвшіе одну и ту же судьбу, отличную отъ судьбы ихъ сосѣдей, —дѣлаются однимъ народомъ, какъ бы ни мало они были сходны сначала; и напротивъ, продолжительное раздѣленіе невозвратно разрываетъ то, что было первоначально сходнымъ; важные интересы также могутъ и въ болѣе короткое время раздѣлять и соединять народы...

«7) Такое же положеніе, какъ государство у народовъ образованныхъ, у народовъ дикихъ и варварскихъ занимаетъ племя. Оно представляетъ самую крайнюю границу, до которой простираетъ отдѣльный человѣкъ свою ненависть, послѣднюю даль, гдѣ начинается его любовь...

«Объ общинѣ мы уже говорили, на сколько она ограничиваетъ національность. Но отдѣляя своихъ членовъ отъ окружающихъ ее сосѣдей, община можетъ быть прекраснымъ средствомъ для сохраненія національности. Колоніи сберегались цѣлыя столѣтія между чужими народами, когда сохраняли свои особенныя права, т. е. связь внутри и отдѣльность отъ чужихъ, какъ, напримѣръ, нѣмцы въ Трансильваніи и въ sette communi и tredici communi; безъ этихъ особенныхъ правъ они скоро исчезаютъ въ массѣ туземцевъ, напримѣръ, нѣмцы въ Сіеррѣ-Моренѣ, французскіе протестанты въ Германіи.

«Мы можемъ такимъ образомъ заключить: національность есть измѣнчивое понятіе, которое составляютъ языкъ, обычаи и государство въ различныхъ смѣшанныхъ отношеніяхъ, то есть такъ, что или то или другое въ особенности опредѣляетъ это понятіе; къ этому можетъ присоединиться еще и общность другихъ общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ національность нѣмцевъ состоитъ только въ языкѣ, нравахъ, наукѣ и искусствѣ, національность турокъ въ религіи, обычаяхъ и государствѣ. Происхожденіе имѣетъ въ сущности только то значеніе, что оно обусловливаетъ первоначальное сходство языка, обычаевъ и другихъ общественныхъ учрежденій, — сходство, которое конечно и продолжается, пока не помѣшаютъ ему другія противоположныя вліянія. Въ начальной исторіи народовъ именно національность и основываетъ государства и создаетъ политическое единство; впослѣдствіи, это отношеніе бываетъ обратное, и изъ политическаго единства образуется національность.

«Народъ можетъ измѣнить свою государственную форму и больше, чѣмъ свое происхожденіе, и есть даже націи, которыя образовывались только черезъ государственную связь изъ разнородныхъ составныхъ частей (напримѣръ, англійская)».

Изъ этихъ отношеній народности къ общественнымъ условіямъ легко видѣть, что существеннымъ образомъ успѣхи національности опредѣляются ея отношеніемъ къ государству. Всего больше этотъ успѣхъ тамъ, гдѣ національность совпадаетъ съ государствомъ; всего запутаннѣе и неопредѣленнѣе ея судьба тамъ, гдѣ національность расходится съ государствомъ или государство заключаетъ въ себѣ нѣсколько народовъ, имѣющихъ сознаніе своей національности: въ этомъ послѣднемъ случаѣ народность становится врагомъ государства и обратно. Здѣсь національныя стремленія противорѣчатъ существеннымъ потребностямъ государства. Прежде всего, эта второстепенная національность желаетъ имѣть свою собственную администрацію, финансы, войско и т. п., которыя бы служили ея собственнымъ, а не чужимъ нуждамъ; она не желаетъ быть во враждебныхъ отношеніяхъ съ родственной ей національностью другаго государства,

враждебнаго однако правительству. Такимъ образомъ уступка національности принесла бы явный вредъ государству. И въ настоящее время, когда въ правительствахъ такъ сильно стали обнаруживаться централизаціонныя стремленія, это положеніе національностей становится еще затруднительнѣе, — тѣмъ больше, что правительственныя дѣйствія противъ одной народности государства находятъ полное сочувствіе въ другихъ (напримѣръ, угнетеніе славянства въ Австріи находило симпатію у нѣмцевъ и даже венгровъ); точно также покровительство, оказываемое одной народности, возбуждало неудовольствіе въ другихъ (до 1848 г. Австрія благопріятствовала итальянской національности; — это оскорбляло другіе австрійскіе народы и не привлекло къ правительству и самихъ итальянцевъ).

Вслѣдствіе этого, судьба національностей, соединенныхъ въ одномъ государствѣ, зависитъ отъ степени смѣшенія. Если Австрія обѣщаетъ равноправность своимъ народностямъ, это — при добросовѣстномъ выполненіи — могло бы быть вѣроятнымъ, потому что господствующая національность Австріи, нѣмецкая, относится къ ея національностямъ не нѣмецкимъ, какъ 1 : $4^1/_2$, или даже, по другимъ счетамъ, какъ 1 : 7. Но это совершенно невѣроятно въ Пруссіи, гдѣ ненѣмецкія національности составляютъ только $^1/_8$ цѣлаго, и гдѣ поэтому стремленіе къ германизаціи весьма естественно и можетъ быть совершаемо съ полнымъ успѣхомъ.

Но если государство стремится къ уничтоженію національности, въ случаѣ если эта послѣдняя мѣшаетъ его цѣлямъ, то съ другой стороны возможно и существуетъ противоположное явленіе — государство можетъ поддерживать національности, то есть дѣлить населеніе національными отличіями, когда это представляетъ ему политическія выгоды, когда ему нужно одной частью населенія сдерживать другую, когда нужно остановить стремленія къ національному единству съ другимъ народомъ, когда нужно выдѣлить изъ цѣлаго одну часть племени и дать ей видъ отдѣльнаго народа. Такимъ образомъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ подѣлано было въ Германіи множество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ съ чисто случайными границами, обитателей ихъ старались увѣрить, что они составляютъ отдѣльный народъ баварскій, нассаускій, саксонскій и т. п., — хотя Нассау, съ полумилліономъ жителей, составлено изъ двадцати трехъ исторически различныхъ областей и клочковъ нѣмецкаго племени, въ Баваріи, кромѣ баварцевъ, есть много швабовъ и франконцевъ, и хотя незадолго передъ тѣмъ, всѣхъ этихъ нѣмцевъ увѣряли, напротивъ, что они составляютъ одинъ цѣлый народъ, возбуждали въ нихъ общенѣмецкое національное чувство, когда оно нужно было для войны съ Наполеономъ. Такимъ же образомъ въ Италіи хотѣли увѣ-

рить въ существованіи особаго неаполитанскаго народа, который оказывался нуженъ для поддержанія особаго королевства для Бурбоновъ. Очевидно, что существованіе такихъ искусственныхъ національностей весьма непрочно: они могутъ быть поддерживаемы извѣстное время, съ крайними усиліями правительства и съ притѣсненіемъ естественныхъ національныхъ стремленій; но они уничтожаются при первой перемѣнѣ обстоятельствъ, и та же неаполитанская «нація» съ энтузіазмомъ принимаетъ Гарибальди, проповѣдующаго единую Италію…

Въ другомъ случаѣ искусственная національность можетъ выходить за границу исторической національности,—другими словами, можетъ стремиться соединить разныя части одного большаго племени, раздѣленныя совершенно отдѣльной исторической жизнью. «Опыты основывать подобныя искусственныя національности, — говоритъ трактатъ, — появляются отчасти у націй, которыя будучи слабы сами по себѣ, стремятся къ увеличенію, отчасти у государствъ, которыя хотятъ выполнять посредствомъ силы національныхъ движеній планы правительственной политики. Этотъ родъ національности также имѣетъ мало значенія. Одно желаніе не наполняетъ пропасти между двумя народами, которые издавна считали себя чуждыми другъ другу и которыхъ родственность только въ послѣднее время была открыта учеными. Утверждая единство двухъ такихъ народовъ, мы отвергаемъ то, на чемъ основывается всякая національность, — исторію. Можно принять за правило, что двѣ націи, которыя не граничатъ между собой географически, или которыя не понимаютъ другъ друга въ обыкновенныхъ сношеніяхъ, никогда не составятъ одного цѣлаго. Легко также видѣть, до какой степени любовь къ такимъ далекимъ племеннымъ родственникамъ бываетъ изобрѣтеніемъ ученыхъ. Въ дѣйствительности обнаруживается или незнаніе родства, какъ напр. итальянецъ чрезвычайно бы удивился, если бы ему сказали, что онъ въ родствѣ съ испанцемъ,—или даже глубоко вкоренившаяся ненависть, если области пограничны, и потому безпрестанныя войны ожесточили одинъ народъ противъ другаго, — напр. датчане и нѣмцы, поляки и русскіе».

Это стремленіе къ искусственной національности очевидно играетъ извѣстную роль и въ новомъ движеніи славянскихъ племенъ. Мы увидимъ дальше, какими историческими обстоятельствами оно было вызвано у разныхъ славянскихъ народовъ, теперь замѣтимъ только, что эта искусственность выдается прежде всего тѣмъ различіемъ исторической судьбы, которое крайне разбило славянское единство, и которое не такъ легко можетъ быть сглажено стремленіями немногихъ патріотовъ и ученыхъ. На эту искусственность славянскаго единства до сихъ поръ мало обращали вниманія.

Переходя дальше къ объясненію другихъ отношеній національности, авторъ трактата счелъ нужнымъ остановиться на мнѣніи, которое полагаетъ, что «ни одна христіанская нація не можетъ умереть». Не знаемъ, откуда онъ взялъ такое положеніе, очевидно, имѣющее противъ себя массу опровергающихъ примѣровъ (исчезновеніе христіанской націи римской, христіанскихъ кельтовъ, балтійскихъ славянъ; наконецъ націи вымираютъ на нашихъ глазахъ, напр. отдѣльныя племена латышей, лужицкіе сербы и т. д.); но кѣмъ бы оно ни было сказано, — оно имѣетъ сходство съ другимъ положеніемъ, ходячимъ теперь между защитниками національности и между прочимъ защитниками національности славянской (см. напр. программу новой чешской газеты: «Народъ»), именно, что наше время должно дать право національностямъ, какъ развитіе прошлаго вѣка установило права человѣка, и что на этомъ основаніи будущее должно обезпечить существованіе тѣхъ народностей, которыя теперь подавлены или угрожаются сосѣдями. Но и это положеніе, хотя и болѣе вѣроятное чѣмъ первое, едва ли оправдается въ будущемъ. Мы полагаемъ возможнымъ, что наше время дѣйствительно принесетъ (оно еще далеко не принесло) понятіе о равноправности народовъ; что лучшее устройство политическихъ отношеній, напр. развитіе мѣстнаго самоуправленія, и т. п., дастъ больше возможности для сохраненія мелкихъ и второстепенныхъ народностей, — но все это еще не уничтожитъ того общаго естественнаго закона исторіи, который дѣйствуетъ до сихъ поръ и будетъ дѣйствовать и послѣ на отношенія національности. Явленія развитія или упадка національности будутъ происходить также, потому что они не зависятъ отъ воли отдѣльныхъ людей, — они совершались также независимо отъ частной воли и прежде, когда не было теоретически сознанной вражды или привязанности къ національному началу. Условія, отъ которыхъ зависитъ судьба національности, ея успѣхъ или упадокъ, будутъ оставаться: достаточно указать на вліяніе образованія, которое въ своихъ главныхъ пунктахъ, у главнѣйшихъ культурныхъ народовъ, всегда будетъ дѣйствовать разлагающимъ образомъ на національности второстепенныя и зависимыя въ культурномъ отношеніи...

Авторъ трактата находитъ вообще, что національность и образованіе антипатичны, что національныхъ стремленія, гдѣ они сознательны, впадаютъ въ противорѣчіе съ образованіемъ. Послѣднее неизбѣжно побуждаетъ искать всеобщихъ началъ за предѣлами одного народа, побуждаетъ не давать большой цѣны мелочнымъ различіямъ.

«Образованное чувство въ извѣстныхъ понятіяхъ ищетъ истины, въ произведеніяхъ искусства ищетъ красоты, въ учрежденіяхъ — ищетъ цѣлесообразности. Но въ каждой націи есть много такого, что не выдер-

живаетъ подобной критики; и нужно особенное благоволеніе къ своей народности, чтобы явную сказку изъ древнѣйшей исторіи націи считать за истину, грубое изображеніе изъ грубыхъ временъ за мастерское произведеніе искусства и какой нибудь странный законъ за произведеніе величайшей государственной мудрости. У многихъ народовъ масса вѣритъ подобнымъ вещамъ, и тѣ, кто знаетъ дѣло лучше, не рѣшаются ей противорѣчить. И высокое мнѣніе о собственныхъ преимуществахъ и пренебреженіе къ другимъ народамъ гораздо чаще бываютъ слѣдствіемъ невѣжества, чѣмъ слѣдствіемъ самохвальства. Кто узнаетъ чужія страны, тотъ находитъ, что во многихъ случаяхъ онъ былъ неправъ въ своей ненависти къ нимъ или въ своей гордости національными преимуществами.

«Далѣе, образованіе противно національности тѣмъ, что стираетъ народныя отличія. Это дѣйствіе его вовсе не есть особенность нашего времени, потому что мы находимъ это явленіе уже въ древности. Когда македонское завоеваніе принесло греческую образованность въ Азію, она ослабила отличія азіятскихъ народовъ между собой и относительно грековъ. Западъ и востокъ стали больше похожи одинъ на другой, и сами греки уничтожили ту перегородку, которая отчасти отдѣляла ихъ отъ сосѣднихъ народовъ (этолянъ, македонянъ, эпиротовъ), какъ отъ варваровъ, отчасти раздѣляла ихъ между собой (доряне, іоняне). Замѣчательно, что именно въ это время прекращается употребленіе нарѣчій, и аттическое нарѣчіе дѣлается общимъ литературнымъ языкомъ. Рядъ македонскихъ царей, Селевкидовъ и Птоломеевъ, составлялъ систему государствъ, совершенно похожую на современную европейскую систему, въ Александріи собиралась наука, искусство и даже религія всего стараго свѣта. Это уравненіе посредствомъ образованія было еще болѣе увеличено римлянами, и въ третьемъ столѣтіи по Р. Х. отъ Англіи до Египта, и отъ Испаніи до Евфрата были одни и тѣ же политическія учрежденія и законы, одинъ господствующій языкъ, одно искусство и наука, одни обычаи между образованными людьми, и всѣ свободные были равны, и всѣ были римскими гражданами.

«Подобное смѣшеніе народовъ существовало въ средніе вѣка подъ вліяніемъ христіанства.

«Національность начинается только съ реформаціей, отчасти случайно, потому что только въ это время государства укрѣпляются и дѣлается живо воспоминаніе о классической древности; но отчасти и необходимо, потому что реформація уничтожала церковную общность націй,—внѣшнимъ образомъ посредствомъ переводовъ библіи и введенія въ богослуженіе народнаго языка, внутреннимъ образомъ черезъ уничтоженіе іерархіи;—реформація давала каждому правитель-

ству церковную власть въ своей странѣ — вообще благопріятствовала самостоятельности отдѣльныхъ частей.

«Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если національное стремленіе такъ часто дѣлается реакціей противъ прежняго періода общаго образованія. Умѣренные желали бы изгнать чужеземцевъ изъ страны и удержать образованіе, доставленное этими чужеземцами. Болѣе энергическіе или болѣе послѣдовательные люди отвергаютъ самое образованіе, потому что видятъ, что его нельзя отдѣлить отъ его представителей, иноземцевъ. Въ этомъ стремленіи поддерживаютъ ихъ всѣ тѣ, у кого главная забота состоитъ въ томъ, чтобы сохранить грубость и невѣжество народа, т. е. тѣ, кому выгоды образованности кажутся неудобными, или кому приноситъ выгоду невѣжество; отсюда во многихъ странахъ союзъ приверженцевъ національности съ реакціей...

«Извѣстно, что въ старыя, такъ называемыя варварскія времена люди относились къ иноземному образованію гораздо свободнѣе. Западные славяне въ средніе вѣка сами вызывали къ себѣ нѣмцевъ, привлекая ихъ большими привилегіями, и всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Петръ Великій сдѣлалъ Россію европейскимъ государствомъ только черезъ приглашеніе иноземцевъ и подражаніе ихъ учрежденіямъ. Если существуютъ въ восточной Европѣ городская промышленность, политическій порядокъ, наука, искусство, цивилизованные обычаи, то они существуютъ только благодаря вліянію иноземцевъ, въ особенности нѣмцевъ... Теперь приверженцы національности изъ вражды къ иноземцамъ впадаютъ въ противорѣчіе съ древними, обыкновенно столько восхваляемыми временами ихъ исторіи. Слѣдствіемъ этого явленія бываетъ извращеніе исторіи въ весьма обширныхъ размѣрахъ, — чтобы сколько возможно уменьшить цѣну принесеннаго чужеземцами образованія. Такимъ образомъ русскіе приверженцы національности выдумали свободную и образованную старую Россію, которая будто бы подавлена была съ помощью иностранцевъ «канцелярскимъ элементомъ имперіи» при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ».

Какъ видитъ читатель, авторъ называемаго нами трактата достаточно понимаетъ и свойства нашего собственнаго національнаго вопроса. Въ другомъ мѣстѣ онъ столько же вѣрно замѣтилъ это явленіе — вражду къ нѣмецкому образованію — и въ западномъ славянствѣ, которое дѣйствительно несвободно отъ этой слегка обскурантной черты. Частные примѣры конечно еще лучше оправдываютъ справедливость общаго замѣчанія.

Въ настоящее время развитіе и сохраненіе національностей не имѣетъ такихъ выгодныхъ условій, какія оно имѣло въ древнія времена. Одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ въ древности сохраненію національностей, былъ недостатокъ сношеній между-

торыя государства запрещали своимъ подданнымъ посѣщать чужія страны, или не пускали къ себѣ иноземцевъ, напримѣръ, въ древности Египетъ и Индія, въ болѣе близкія намъ времена — старая Россія, въ наше время Китай и Японія. Притомъ и самыя средства сообщенія были ничтожны, такъ что народы оставались въ крайнемъ разобщеніи и могли спокойно развивать свои особенности. Отсутствіе знакомства съ другими народами и недостатокъ образованія производили въ этихъ народахъ чрезвычайно высокое мнѣніе о собственныхъ достоинствахъ и пренебреженіе къ иноземцамъ. Такія качества доходили, напр., до крайней степени въ старой московской Руси, и національная исключительность ея, близкая къ совершенному китайству, перешла и къ новѣйшимъ ея почитателямъ.

Съ другой стороны войны въ прежнее время представляли гораздо большія опасности для національностей, потому что истребляли мужское населеніе, которое часто уничтожалось безпощадно и продавалось въ рабство. Въ новѣйшее время національность болѣе обезпечена въ этомъ отношеніи, но за то въ болѣе сильной степени подвергается мирнымъ разлагающимъ вліяніямъ.

Столкновенія племенъ въ эпоху ихъ сильнѣйшаго броженія въ средніе вѣка произвели много смѣшанныхъ народностей, и имъ приписывается обыкновенно, и очень справедливо, большая сила и живучесть, чѣмъ имѣютъ ея національности чистыя и несмѣшанныя. Такъ Греція должна была уступить греко-иллирійскимъ македонянамъ; потомъ начинается господство римлянъ, народа уже въ самомъ началѣ весьма сильно смѣшаннаго. Въ новѣйшее время, сильнѣйшими народами являются наиболѣе смѣшанное племя романское, французы, и наиболѣе смѣшанное племя германское, англичане. Въ самой Германіи политическое и культурное превосходство, переходитъ отъ чистыхъ нѣмцевъ средней Германіи къ смѣшаннымъ (съ литвой и славянами) пруссакамъ и къ Австріи, въ которой смѣшались кровь всѣхъ племенъ Европы. На этомъ же основаніи объясняютъ и упадокъ чисто-славянской Польши передъ смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ...

На основаніи указанныхъ историческихъ данныхъ, авторъ разбираемаго нами трактата находитъ возможнымъ опредѣлить до извѣстной степени и будущую судьбу національностей, конечно въ общихъ чертахъ. Для этого достаточно въ самомъ дѣлѣ сдѣлать правильный выводъ изъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ.

Прежде [illegible] невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы человѣчество или только одна [illegible]са когда нибудь могла составить одну націю. Это [illegible], что человѣкъ никогда не сдѣлается чистымъ, отвлеченнымъ человѣкомъ, безъ какого нибудь особеннаго качества, которое даютъ ему свойства страны, условія воспитанія и историче-

сія влiянія. Если подобныя условія до сихъ поръ производили разнообразіе народностей, то оно будетъ существовать и въ будущемъ. И если нельзя замѣнить современныя недостаточныя національныя формы одной общей отвлеченной формой, то также точно нельзя смѣнять свою національность на національность другаго народа, которая также имѣетъ свои недостатки, какъ и наша. Притомъ національность не въ волѣ отдѣльныхъ *людей* и выборъ національности есть вещь невозможная. Такъ какъ національность сильно зависитъ отъ государства, то единство общечеловѣческой національности могло бы явиться только въ одномъ всемірномъ или всеевропейскомъ государствѣ, но и эта перспектива невѣроятна въ близкомъ будущемъ при нынѣшнемъ положеніи государствъ.

Точно также, какъ эта всеобщая національность, невѣроятно и соединеніе родственныхъ племенъ въ одно цѣлое, напрям., романскихъ италъянцевъ, испанцевъ и французовъ въ одну латинскую національность, и т. п. Основаніе къ этому сомнѣнію заключается въ томъ же неизбѣжномъ отличіи историческихъ и естественныхъ условій. Близкія народности можетъ быть еще чаще питаютъ другъ къ другу взаимную вражду и ненависть, чѣмъ народности совершенно чуждыя одна другой; и отличія ихъ бываютъ иногда вкоренены также глубоко. «Народъ есть національный *видъ*, который дѣйствительно существуетъ въ природѣ; племя есть національный *родъ*, который построиваетъ наука по найденному сходству признаковъ».

Но если эти частные виды не сливаются въ одномъ родѣ, то это не значитъ также, чтобы всѣ они имѣли одинаковую надежду на продолжительность своего существованія. Есть возможность указать, какія условія необходимы для того, чтобы національное существованіе было обезпечено. Эти условія имѣютъ много общаго съ тѣмъ, что указано было выше объ условіяхъ, способствующихъ вообще развитію національностей.

Первымъ необходимымъ условіемъ должны быть поставлены: значительность народной массы и отдѣльная національная область. Недостаточность и разсѣянное состояніе массы не даетъ ей большой надежды на будущее, какъ бы ни были рѣзко обозначены ея національныя особенности: таково положеніе армянскаго и даже еврейскаго населенія, разсѣяннаго по Европѣ.

Вторымъ почти столько же важнымъ условіемъ является государственная независимость. Потому что, не составляя отдѣльнаго государства, народъ постоянно подвергается, даже при доброй волѣ правителей, невыгодному вліянію централизаціи и господствующей національности, и рѣдко не терпитъ отъ этого вліянія ущерба для своей народности.

Третье условіе заключается въ независимости умственной. Не имѣя своего круга идей, не производя самъ ничего самобытнаго въ наукѣ, искусствѣ и т. д., народъ по необходимости подчиняется вліянію болѣе развитой народности, и это ведетъ его къ постепенному ослабленію и упадку. Поэтому развитіе національности требуетъ [illegible] самостоятельной литературы. Тамъ, гдѣ ея нѣтъ, народность не можетъ имѣть блестящей будущности. . . . .

Наконецъ, народность для прочности своего существованія должна имѣть своимъ внутреннимъ содержаніемъ извѣстную цѣну для цѣлаго человѣчества. Только этимъ она охраняетъ свое право на отдѣльную независимую жизнь; т. е. другими словами, имѣетъ достаточно внутренней силы, чтобы существовать независимо и не слиться съ другой сильнѣйшей національностью. «Относительно идеала человѣчества каждая національность является ограниченіемъ, которому духъ подчиняется только на томъ условіи, что ему предоставляется въ національности достаточное вознагражденіе. Каждая нація должна имѣть прочную заслугу передъ человѣчествомъ, если не хочетъ быть выброшенной изъ исторіи; нація пріобрѣтаетъ эту заслугу, когда производитъ въ какомъ нибудь направленіи человѣческой дѣятельности что нибудь замѣчательное, могущее служить образцомъ и за предѣлами одной національности. Художественный духъ грековъ, политическій духъ римлянъ не только доставили имъ значеніе въ древности; они господствуютъ и надъ новымъ временемъ. Германія обязана своимъ политическимъ сохраненіемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія вѣроятно великому періоду ея литературы; Италія въ теченіе трехсотъ лѣтъ поддерживала свою жизнь единымъ искусствомъ. Поэтому никто не жалѣетъ о паденіи національности тамъ, гдѣ народъ дикій покоряется народомъ образованнымъ, и никто не вѣритъ въ будущность какой нибудь цыганской націи. Народы образованные въ сравненіи съ необразованными имѣютъ гораздо болѣе обезпеченій за продолженіе своей жизни; они уже выдержали пробу, ихъ національность не была разрушена образованіемъ». . .

Это требованіе опровергаютъ тѣмъ, что иногда небольшіе и ничѣмъ особенно не замѣчательные народы могли сохраняться между сильными сосѣдями. Для прежнихъ временъ такое сохраненіе достаточно объясняется недостаткомъ сношеній и ограниченнымъ распространеніемъ образованія, которое заключено было въ отдѣльныхъ лицахъ или сословіяхъ и не имѣло такого энергическаго дѣйствія, какъ въ послѣднее время. Теперь, чтобы удержаться въ своемъ національномъ существованіи, нужно имѣть силу не быть подавленнымъ этой образованностью. . . . .

Изъ этого положенія авторъ трактата выводитъ такого рода за-

ключенія о будущности, какая можетъ предстоять современнымъ народамъ, выступающимъ теперь въ защиту правъ своей національности. Для будущаго развитія національностей, говоритъ онъ, крайне важно поэтому знать степень, которая уже достигнута народомъ въ настоящее время: о многихъ родахъ дѣятельности можно сказать, что если эта степень, достигнутая народомъ, не высока, то онъ начинаетъ поздно. Знакомство съ замѣчательными чужими трудами въ какой нибудь области мѣшаетъ самому произвести въ этой области что нибудь замѣчательное и самобытное. Поэтому менѣе образованные народы до тѣхъ только поръ производили что нибудь цѣнное и національное, когда они ничего не знали о великихъ результатахъ другихъ націй. Какъ скоро они принимали общее образованіе, ихъ духовная самостоятельность исчезала. Такимъ образомъ въ наше время поэты такихъ народовъ едва могутъ овладѣвать національными воспоминаніями, или становятся уже не національными поэтами, а поэтами на новый европейскій ладъ, и въ этомъ видѣ очень мало занимательны и самобытны. То же явленіе повторяется и во всякой духовной дѣятельности. «Народъ, теперь только начинающій свое образованіе, не можетъ избавиться отъ сильныхъ вліяній нѣмецкой науки, итальянскаго искусства, французскихъ государственныхъ учрежденій, поэтому онъ не придетъ ни къ какому оригинальному развитію. Будущность націй будетъ относиться ко времени, когда образованіе будетъ еще сильнѣе и однообразнѣе, чѣмъ теперь, и потому нельзя думать, чтобы потомъ можно было пріобрѣсти то національное развитіе, если оно пренебрежено было до сихъ поръ».

Отвергая съ этой стороны возможность особеннаго національнаго развитія, авторъ находитъ, что единственный успѣхъ, возможный для національности въ будущемъ, есть успѣхъ политическій. Образованіе будетъ обобщаться болѣе и болѣе, и наконецъ ни одной націи, разсчитывающей на усиленіе своихъ средствъ, невозможно будетъ остаться внѣ этого общаго образованія. Могутъ возразить на это, что и теперь однако въ тѣхъ странахъ Европы, которыя признаются наиболѣе образованными, образованіе принимаетъ свои различныя формы, и что такое различіе можетъ существовать и впослѣдствіи; — но съ другой стороны можно съ большой вѣроятностью полагать, что это различіе (напримѣръ легкость и реальность научнаго изложенія, признаваемая у французовъ, точность и философская тяжеловатость у нѣмцевъ и т. п.) не имѣетъ никакого существеннаго значенія, и что оно будетъ исчезать съ болѣе равномѣрнымъ распространеніемъ образованія, то есть науки. Мнимая легкость можетъ оказаться просто недостаточной точностью знанія; философская тяжеловатость — однимъ слѣдствіемъ старой педантической рутины, а вовсе не какимъ нибудь непремѣн-

нымъ свойствомъ національности ученыхъ. Если въ прежнее время нѣмцы могли прослыть абстрактными мыслителями, французы — легкими практическими философами и т. п., то подобныя характеристики уже теперь оказываются не совсѣмъ вѣрными, потому что наука вездѣ начинаетъ становиться на одну общую точку зрѣнія, и въ самыхъ пріемахъ и изложеніи начинаютъ пропадать всякія національныя различія... Когда однажды наши приверженцы національности взялись толковать о необходимости [illegible] «русской» науки, они именно считали національность въ этихъ различіяхъ и указывали, напримѣръ, національность науки у западныхъ народовъ въ томъ, что дескать католикъ-французъ иначе будетъ судить о реформаціи, чѣмъ протестантъ-нѣмецъ и т. п. Они обсчитались здѣсь только въ томъ, что католикъ-французъ будетъ судить о реформаціи совершенно также, какъ католикъ-нѣмецъ, или даже какъ русскій католикъ (потому что есть и такіе)... Въ настоящее время истинные ученые уже вполнѣ могутъ представить себѣ то будущее образованіе, независимое отъ всякихъ національныхъ особенностей: англичанинъ Бокль могъ бы столько же быть результатомъ нѣмецкой науки, какъ и англійской; методъ естественныхъ наукъ и общее направленіе ихъ общи ученымъ всѣхъ національностей безъ различія.

Понятно, слѣдовательно, что въ будущемъ для національности невозможно будетъ выразить своей особенности въ этомъ направленіи: ей можно будетъ только быть отсталой или неотсталой. Но для нея останутся еще политическія отношенія. Народы будутъ стремиться опредѣлить свои границы, неправильно распредѣленныя прошедшей исторіей, болѣе сообразно съ ихъ народными данными. Они будутъ стремиться къ политической свободѣ и независимости, потому что они существенно необходимы для пріобрѣтенія національной силы, и поймутъ необходимость принять общее, хотя бы и чужое для нихъ сначала, образованіе, потому что безъ него нація не устоитъ противъ болѣе развитыхъ сосѣдей.

Справедливость этихъ положеній едва ли подлежитъ сомнѣнію. Они не совсѣмъ подтверждаютъ упомянутую прежде теорію о всеобщей равноправности народностей въ будущемъ, гдѣ они будутъ наслаждаться полной свободой и независимостью своего развитія, гдѣ маленькіе народцы будутъ счастливо и безпечно жить подлѣ народовъ сильныхъ, развитыхъ и многочисленныхъ. Но никакія людскія обѣщанія равноправности не могутъ остановить дѣйствія естественныхъ условій государственнаго вліянія и культуры, и эти народности, перемѣшанныя между собою, слабыя рядомъ съ сильными, не могутъ остаться безъ борьбы, — хотя бы впослѣдствіи эта борьба имѣла и не честолюбивыя и завоевательныя, а чисто экономическія

стремленія. Эта борьба конечно неизбѣжна и въ будущемъ, и слабыя національности будутъ необходимо подчиняться и падать.

Паденіе національностей не есть однако такое прискорбное явленіе, какимъ оно можетъ показаться, и какимъ должно всегда казаться крайнимъ защитникамъ національности. Оно конечно въ высшей степени прискорбно для тѣхъ членовъ ея, которые, продолжая питать къ ней родственное чувство, понимаютъ ея паденіе: въ ихъ чувствѣ болѣзненно сказывается сознаніе ея слабости. Но масса, теряющая народность, обыкновенно не отдаетъ себѣ отчета въ этомъ паденіи: сначала она спокойно принимаетъ въ себѣ чужіе элементы, пріобрѣтаетъ двойную національность (напримѣръ въ Эльзасѣ—французская и нѣмецкая, въ Богеміи нѣмецкая и чешская національность соединяются въ одномъ лицѣ), и затѣмъ незамѣтно и постепенно даетъ перевѣсъ сильнѣйшей. Извѣстно, что люди, потерявшіе свою народность и принявшіе чужую, дѣлаются даже наиболѣе ревностными защитниками своей новой національности... Авторъ указаннаго нами трактата разсуждаетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ.

«Можно не сожалѣть о судьбѣ, которая предстоитъ націямъ. Большія націи, представители нынѣшняго образованія человѣчества, останутся; небольшія, или не имѣющія цѣны для человѣчества, погибаютъ. Нѣтъ бѣды, если такъ случится. Небольшіе народы должны тратить несоразмѣрно много силъ, чтобы только поддержать свое существованіе. Если теперь каждый народъ считаетъ и долженъ считать свое существованіе высшей своей цѣлью, то съ общечеловѣческой точки зрѣнія нельзя не видѣть, что въ исторіи имѣютъ цѣну только народы съ значительнымъ запасомъ силъ. Такъ напримѣръ Шотландія, во времена своей независимости, потратила почти всѣ свои силы на борьбу съ Англіей; но что же значатъ общечеловѣческія заслуги независимыхъ шотландцевъ въ сравненіи съ тѣмъ, что произвели они со времени своего соединенія съ Англіей? И такъ, паденіе можетъ быть счастьемъ для иного народа, потому что индивидуальная даровитость пріобрѣтаетъ болѣе обширное поприще, тогда какъ прежде недоставало для этого должныхъ условій, или же силы терялись въ безполезномъ стремленіи создать національную литературу, искусство и т. п. Но между народами, которые останутся, національные споры могли бы окончиться также, какъ окончились религіозныя войны,—не единствомъ одной всеобщей формы, а терпимостью одного народа къ другому».

Намъ достаточно сдѣлать нѣсколько указаній, чтобы объяснить, какимъ образомъ эти общія условія національныхъ движеній отра-

жаются на нашихъ защитникахъ «почвы», о которыхъ намъ столько разъ случалось говорить.

Приведенныя нами положенія о значеніи національности отстраняютъ много заблужденій, которыя вносятся крайними приверженцами ея въ толкованіе этого вопроса. Мы убѣждаемся прежде всего, что раса и ея свойства не имѣютъ того фаталистическаго вліянія на ея исторію и роль въ человѣчествѣ, какое ей приписываютъ. Само по себѣ, происхожденіе народа, его раса, даетъ только естественный матеріалъ, который способенъ къ крайне разнообразнымъ видоизмѣненіямъ и въ противоположныхъ пунктахъ своего развитія не представляетъ уже никакого первобытнаго единства. Члены одного племени, даже мимо настоящаго культурнаго развитія, бываютъ крайне несходны въ своихъ существенныхъ чертахъ, смотря по тому, что дала имъ почва, сосѣдство и историческія обстоятельства. Черногорецъ и бѣлорусскій крестьянинъ представляютъ одно и то же племя; оба они одинаково первобытны, то есть не тронуты образованіемъ, и при всемъ томъ между ними лежитъ цѣлая пропасть въ ихъ общественныхъ понятіяхъ: между тѣмъ насъ заставляютъ принимать ихъ за явленія совершенно однородныя.

Мы убѣждаемся съ другой стороны, что если раса подвержена такимъ сильнымъ измѣненіямъ въ самомъ внутреннемъ своемъ составѣ, къ ней нельзя приложить другаго, столько же фаталистическаго мнѣнія, что каждое существующее племя имѣетъ свою, отъ начала установленную историческую задачу, что эту задачу оно должно исполнить, во что бы то ни стало. Ясно, что въ своемъ философскомъ смыслѣ это положеніе есть та же старинная теодицея, приложенная къ національностямъ, и что въ этомъ смыслѣ на нее придется отвѣчать также, какъ отвѣчаютъ на теодицею вообще. Историческая судьба національностей противорѣчитъ этой теоріи всего больше: какой же смыслъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ тѣ многіе народы, которые исчезли изъ исторіи безъ всякаго слѣда, не оставивъ человѣчеству никакого результата своего существованія, — эти разные индѣйцы, почти уже исчезнувшіе въ Америкѣ, другія племена, исчезающія теперь въ Европѣ? Неужели цѣль ихъ существованія была только та, чтобы поголовно вымереть за ненужностью при первомъ появленіи болѣе сильнаго племени? Эти американскіе индѣйцы даже не приготовили своихъ земель для новой культуры: европейцамъ вездѣ приходилось начинать эту культуру съ начала и по своему... То же самое можно сказать и оставаясь въ границахъ привилегированныхъ европейскихъ племенъ: къ чему было нужно существованіе балтійскихъ славянъ, превратившихся вскорѣ въ нѣмцевъ? И къ чему вообще нужно существованіе племенъ, которыя не могутъ выдержать своей національ-

ной особности и сливаются съ первымъ сильнымъ сосѣдомъ? Неужели предопредѣленная цѣль ихъ существованія состоитъ въ томъ только, чтобы служить подкладкой и удобреніемъ почвы?

. Національная теодицея не объясняетъ достаточно и образованія новыхъ народностей, напримѣръ новыхъ народностей европейскихъ, которыя именно отличаются своимъ смѣшеніемъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и отсутствіемъ чистыхъ народныхъ началъ. Между тѣмъ всѣ согласно утверждаютъ, что эти смѣшанныя національности (Франція, Англія, и вообще народности западной Европы) именно отличаются наибольшей энергіей своихъ силъ и способностью жизненнаго развитія. Къ національной теодицеѣ едва ли можетъ пристать теорія искусственнаго разведенія народностей и произведенія новыхъ, усовершенствованныхъ породъ. Смѣшеніе породъ уничтожаетъ первоначальныя свойства каждаго племени, и въ результатѣ является нѣчто совершенно новое: гдѣ же кончается назначеніе одного племени и гдѣ начинается назначеніе другаго?

Въ доказательство своей теоріи о предопредѣленномъ значеніи народности, приверженцы ея утверждаютъ, что торжество національности и будетъ состоять въ томъ, что оно введетъ въ дѣйствіе тѣ глубокія національныя основы, которыя скрываются въ самомъ народѣ, т. е. въ низшемъ слоѣ его, не тронутомъ цивилизаціей, и которыя до сихъ поръ не могли вполнѣ выразиться, заслоненныя этой цивилизаціей и привилегированными классами. Такимъ образомъ національному стремленію дается демократическій смыслъ; успѣхъ народностей ставятъ въ зависимость отъ изученія этого кореннаго народа, изученія его языка, поэзіи, обычаевъ, понятій, и ожидаютъ, что это изученіе народности именно и возвратитъ современныя общества къ искониымъ національнымъ воззрѣніямъ, народная мудрость которыхъ и исправитъ въ нашемъ общественномъ порядкѣ многое, что было запутано и извращено цивилизаціей. Русскій читатель не разъ конечно встрѣчался съ этими понятіями въ литературѣ славянофильства и «почвы», которая, впрочемъ, не сама ихъ выдумала... Какъ ни похвальны эти пожеланія, стремящіяся дать значеніе народной массѣ, въ нихъ есть свое недоразумѣніе. Правда, демократизмъ присутствуетъ въ современныхъ національныхъ стремленіяхъ, но онъ порожденъ далеко не ими; мы видѣли, что «верховное право» народа было уже одной изъ идей французской революціи, такъ что всѣ выводы этой идеи составляютъ результатъ умственнаго и политическаго развитія восьмнадцатаго вѣка. Сама по себѣ, идея національности, какъ мы видѣли, представляетъ такое измѣнчивое понятіе, что ему совершенно невозможно приписать начала демократическихъ идей нынѣшняго столѣтія. Они гораздо скорѣе выводятся изъ развитія

ной политическихъ и въ особенности экономическихъ, которыя никогда не пріобрѣтали такого обширнаго вліянія на соціальныя понятія массы, какъ именно въ настоящее время. Это ясно видѣть на практическихъ примѣрахъ современной исторіи: въ то время, когда общество, движимое идеей народности, охвачено съ общественными идеалами, всего менѣе похожими на демократическія, — идеи демократическія распространяются съ особенной силой тамъ, гдѣ національный вопросъ не существуетъ, т. е. гдѣ безпокойство за свою національность нисколько не тревожитъ общества (напримѣръ, во Франціи).

Въ сущности дѣла, роль національныхъ стремленій въ политической жизни такъ разнообразна, они соединяются съ такими противоположными общественными тенденціями, что приписывать имъ необходимо какое нибудь прогрессивное значеніе очевидно невозможно. Они могутъ быть прогрессивны, когда въ дѣлѣ національности заинтересовано освобожденіе народа отъ чужеземнаго гнета (Сербія, Дунайскія княжества, Италія), или стремленіе общества къ либеральнымъ учрежденіямъ (отчасти — славянскія земли въ Австріи); но въ то же время они могутъ быть и вполнѣ реакціонерными, когда національныя стремленія дѣлаются орудіемъ реакціонныхъ классовъ общества или реакціонныхъ правительствъ. Въ самой Италіи, гдѣ такъ сильно дѣйствуетъ идея національнаго единства, эта идея служитъ самымъ противоположнымъ тенденціямъ: она служитъ Гарибальди, въ которомъ имѣютъ своего представителя лучшія общественныя стремленія Италіи, и она же служила буржуазно-бюрократической партіи Кавура, которая для лучшихъ итальянцевъ далеко не представляется прогрессивною. Венгерская національность требовала рабства словаковъ; франкфуртскій парламентъ, руководившійся также національной идеей, хотѣлъ насильно внести въ германскій союзъ Познань, Шлезвигъ, Богемію, что бы ни думало объ этомъ ненѣмецкое большинство населенія этихъ земель. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы видимъ, что одна національность не обязываетъ себя ни къ чему въ отношеніи къ другой національности, и для своей побѣды считаетъ позволительными всякія реакціонныя мѣры, если ими надѣется достигнуть подавленія чужой національности. Дѣло венгерской независимости неудалось между прочимъ отъ національной исключительности и несправедливости къ народамъ славянскимъ: дѣйствія венгровъ въ отношеніи къ нимъ были реакціонерныя. Самое торжество національности не спасаетъ ея отъ общественнаго гнета: единая Италія, въ томъ видѣ, какъ она составилась теперь, освобожденная отъ своей прежней раздробленности, не совсѣмъ довольна однако своимъ единствомъ, которое вмѣсто одной опеки даетъ ей другую. Самое полное торжество національности, котораго она добивается, нисколько

[illegible] отчего его соціальныхъ недостатковъ: ясно, что національность сама по себѣ и не можетъ исправить ихъ.

Такимъ образомъ приверженцы національныхъ тенденцій совершенно напрасно думаютъ, что тѣмъ самымъ они являются и истинными представителями прогрессивнаго развитія и защитниками народнаго блага. Современный демократизмъ, стремленіе поднять массы народа, имѣютъ иной источникъ и иныя средства и цѣль. Національная тенденція сама по себѣ нисколько имъ не помогаетъ и часто бываетъ имъ совершенно противоположна.

Въ другой формѣ это замѣчаніе приложимо и къ нашей отечественной литературѣ: если инымъ иностраннымъ теоретикамъ приходитъ въ голову защищать народныя начала въ смыслѣ демократическомъ, то нашей отечественной литературѣ, — нисколько не виноватой въ демократизмѣ, — совершаетъ другую ошибку, когда проповѣдуетъ спасительность народныхъ началъ. Наша литература также ошибается, думая, что будущность нашего прогресса заключена въ послѣдованіи первобытнымъ началамъ, которыя — замѣтимъ мимоходомъ — теперь только начинаютъ отыскиваться археологами и этнографами, и которыя сами по себѣ конечно также мало помогутъ намъ теперь, какъ мало помогали въ прошедшемъ. Эта громадная народная масса, на которую ссылаются приверженцы національности, останется по прежнему слабою(?), если ее не подкрѣпитъ новый элементъ — образованіе. Но именно этотъ-то новый элементъ, имѣющій теперь единственное истинное выраженіе въ европейскомъ образованіи — этотъ элементъ именно и возбуждаетъ вражду нашихъ приверженцевъ народности. Извѣстно, что они выражаютъ претензіи на какую-то новую и небывалую цивилизацію, которая выйдетъ изъ [illegible] русскихъ началъ... Ясно, что эта претензія есть дѣло фантазіи; мы видѣли прежде, что и ихъ вражда къ образованію (чужому) есть симптомъ, общій всѣмъ крайнимъ защитникамъ національности...

Если неизмѣнность народности есть дѣло немыслимое для народа развивающагося, какъ мы видѣли въ прежнемъ изложеніи, то очевидно, что если бы дѣйствительно удалось основать образованіе исключительно на однихъ народныхъ началахъ, оно было бы возможно только въ формѣ китайской неподвижности. Въ самомъ дѣлѣ, только въ Китаѣ образованіе могло заключиться въ предѣлахъ народныхъ началъ и въ результатѣ оно стало совершенно оффиціально, неподвижно и безплодно. Въ народѣ, съ европейской способностью развитія, это явленіе невозможно, по тому простому основанію, что образованіе и наука — дѣло мысли, которая не стѣсняется никакими положеніями народной мудрости и народныхъ началъ и подвергаетъ критикѣ самыя эти начала. Если бы защитники исключительныхъ народныхъ началъ

образованія рѣшилась когда нибудь опредѣлить въ наличности пре-
ныхъ положеніяхъ тѣ идеи, которыя они желаютъ видѣть въ основѣ
образованія, оказалось бы несомнѣнно, что эти идеи не выдерживаютъ
никакой научной критики. Защитники народности и избѣгаютъ не-
обходимости этого прямаго объясненія... Вѣдь въ числѣ народныхъ
убѣжденій существуетъ и убѣжденіе о трехъ китахъ, держащихъ
землю, и о бѣломъ арапѣ, который проклялъ войной Россію.

Въ послѣднее время мы начали увѣрять себя надеждами, что на-
ши народныя силы пробуждаются, что мы вступаемъ наконецъ въ
тотъ періодъ, который долженъ раскрыть весь объемъ нашего націо-
нальнаго содержанія и т. д., и защитники народности утверждаютъ,
что это пробужденіе и это вступленіе въ означенный періодъ и были
результатами національнаго движенія и обращенія къ народнымъ на-
чаламъ, къ «почвѣ». Мы полагаемъ совершенно напротивъ, все, что
мы пріобрѣли и что у насъ есть дѣйствительно прочнаго для будущей
дѣятельности, есть результатъ образованія, сначала чужаго, потомъ
до извѣстной степени усвоеннаго. Что будетъ создано нами оригинально-самобытнаго и вмѣстѣ общечеловѣческаго, неизвѣстно; но не
подлежитъ никакому сомнѣнію, что если нашей національности пред-
стоитъ будущность, культурная и политическая, то для созданія этой
будущности, внутреннія силы народа должны дѣйствовать только въ
смыслѣ европейскаго, т. е. общечеловѣческаго образованія: связывая
себя впередъ выполненіемъ однихъ мнимо-народныхъ началъ, т. е.
бессознательныхъ инстинктовъ и весьма не широкой опытности «на-
рода», мы осуждаемъ себя на повтореніе историческихъ задовъ и пор-
чу собственнаго дѣла. Вражда «народныхъ началъ» противъ образова-
нія, если бы имъ удалось побѣдить образованіе, будетъ прямымъ под-
рывомъ народныхъ силъ и ослабленіемъ самой народности: лишенная
средствъ образованія, нація неизбѣжно подчиняется чужому вліянію,
которое будетъ дѣйствовать на народность разлагающимъ образомъ.

Защитники народности могутъ возразить намъ, что мы не пони-
маемъ дѣла или злонамѣренно извращаемъ его, что говоря о народ-
ныхъ началахъ, они говорятъ вовсе не о временахъ Рюрика. Но та-
кого возраженія принять нельзя: во первыхъ потому, что если они
говорятъ о другихъ временахъ, значитъ они предполагаютъ, что на-
родъ измѣнилъ своимъ прежнимъ началамъ, а по ихъ теоріи на-
родъ, если не испорченъ чужимъ вліяніемъ, измѣнять имъ не можетъ,
и измѣняютъ имъ только презрѣнные космополиты; во вторыхъ,
главнѣйшій органъ этихъ мыслителей недавно фактически показалъ,
что онъ понимаетъ въ этомъ случаѣ именно времена приблизительно
рюриковскія, потому что обвиняетъ въ измѣнѣ всѣхъ западныхъ сла-
вянъ, принявшихъ латинскую азбуку вмѣсто кириллицы. Ясно, что

ству церковную власть въ своей странѣ — вообще благопріятствовала самостоятельности отдѣльныхъ частей.

«Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если національное стремленіе такъ часто дѣлается реакціей противъ прежняго періода общаго образованія. Умѣренные желали бы изгнать чужеземцевъ изъ страны и удержать образованіе, доставленное этими чужеземцами. Болѣе энергическіе или болѣе послѣдовательные люди отвергаютъ самое образованіе, потому что видятъ, что его нельзя отдѣлить отъ его представителей, иноземцевъ. Въ этомъ стремленіи поддерживаютъ ихъ всѣ тѣ, у кого главная забота состоитъ въ томъ, чтобы сохранить грубость и невѣжество народа, т. е. тѣ, кому выгоды образованности кажутся неудобными, или кому приноситъ выгоду невѣжество; отсюда во многихъ странахъ союзъ приверженцевъ національности съ реакціей...

«Извѣстно, что въ старыя, такъ называемыя варварскія времена люди относились къ иноземному образованію гораздо свободнѣе. Западные славяне въ средніе вѣка сами вызывали къ себѣ нѣмцевъ, привлекая ихъ большими привилегіями, и всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Петръ Великій сдѣлалъ Россію европейскимъ государствомъ только черезъ приглашеніе иноземцевъ и подражаніе ихъ учрежденіямъ. Если существуютъ въ восточной Европѣ городская промышленность, политическій порядокъ, наука, искусство, [illegible] обычаи, то они существуютъ только благодаря вліянію иноземцевъ, въ особенности нѣмцевъ... Теперь приверженцы національности изъ вражды къ иноземцамъ впадаютъ въ противорѣчіе съ древними, обыкновенно столько восхваляемыми временами ихъ исторіи. Слѣдствіемъ этого явленія бываетъ искаженіе исторіи въ весьма обширныхъ размѣрахъ, — чтобы сколько возможно уменьшить цѣну принесеннаго чужеземцами образованія. Такимъ образомъ русскіе приверженцы національности выдумали свободную и образованную старую Россію, которая будто бы подавлена была съ помощью иностранцевъ «[illegible] элементомъ имперіи» при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ».

Какъ видитъ читатель, авторъ называемаго нами трактата достаточно понимаетъ и свойства нашего собственнаго національнаго вопроса. Въ другомъ мѣстѣ онъ столько же вѣрно замѣчаетъ это явленіе — вражду къ нѣмецкому образованію — и въ западномъ славянствѣ, которое дѣйствительно несвободно отъ этой слегка обскурантной черты. Частные примѣры конечно еще лучше [illegible] справедливость общаго замѣчанія.

Въ настоящее время развитіе и сохраненіе національностей не имѣетъ такихъ выгодныхъ условій, какія оно имѣло въ древнія времена. Одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ въ древности сохраненію національностей, былъ недостатокъ сношеній [illegible]-

торыя государства запрещали своимъ подданнымъ посѣщать чужія страны, или не пускали къ себѣ иноземцевъ, напримѣръ, въ древности Египетъ и Индія, въ болѣе близкія намъ времена — старая Россія, въ наше время Китай и Японія. Притомъ и самыя средства сообщенія были ничтожны, такъ что народы оставались въ крайнемъ разобщеніи и могли спокойно развивать свои особенности. Отсутствіе знакомства съ другими народами и недостатокъ образованія производили въ этихъ народахъ чрезвычайно высокое мнѣніе о собственныхъ достоинствахъ и пренебреженіе къ иноземцамъ. Такія качества доходили, напр., до крайней степени въ старой московской Руси, и національная исключительность ея, близкая къ совершенному китайству, перешла и къ новѣйшимъ ея почитателямъ.

Съ другой стороны войны въ прежнее время представляли гораздо больше опасности для національностей, потому что истребляли мужское населеніе, которое часто уничтожалось безпощадно и продавалось въ рабство. Въ новѣйшее время національность болѣе обезпечена въ этомъ отношеніи, но за то въ болѣе сильной степени подвергается мирнымъ разлагающимъ вліяніямъ.

Столкновенія племенъ въ эпоху ихъ сильнѣйшаго броженія въ средніе вѣка произвели много смѣшанныхъ народностей, и имъ приписывается обыкновенно, и очень справедливо, большая сила и живучесть, чѣмъ имѣютъ ея національности чистыя и несмѣшанныя. Такъ Греція должна была уступить греко-иллирійскимъ македонянамъ; потомъ начинается господство римлянъ, народа уже въ самомъ началѣ весьма сильно смѣшаннаго. Въ новѣйшее время, сильнѣйшими народами являются наиболѣе смѣшанное племя романское, французы, и наиболѣе смѣшанное племя германское, англичане. Въ самой Германіи политическое и культурное превосходство, переходя отъ чистыхъ нѣмцевъ средней Германіи къ смѣшаннымъ (съ литвой и славянами) пруссакамъ и къ Австріи, въ которой смѣшались клочки всѣхъ племенъ Европы. На этомъ же основаніи объясняютъ и упадокъ чисто-славянской Польши передъ смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ.

На основаніи указанныхъ историческихъ данныхъ, авторъ переводимаго нами трактата находитъ возможнымъ опредѣлить до извѣстной степени и будущую судьбу національностей, конечно въ общихъ чертахъ. Для этого достаточно въ самомъ дѣлѣ сдѣлать правильный выводъ изъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ.

Прежде всего невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы человѣчество или только одна [illegible]са когда нибудь могли составить одну націю. Это уже потому, что человѣкъ никогда не сдѣлается чистымъ, отвлеченнымъ человѣкомъ, безъ какого нибудь особеннаго качества, которое даютъ ему свойства страны, условія воспитанія и историче-

что если кто проходилъ мимо, то онъ только говорилъ себѣ: «вонъ и Петръ Иванычъ пошелъ куда-то», и сейчасъ же обращался къ прежнимъ мыслямъ. И такъ это все казалось естественно и просто, что никто и не думалъ задавать себѣ вопроса, зачѣмъ это Иванъ Герасимычъ постоянно сидитъ на балконѣ; а Иванъ Герасимычъ и подавно не спрашивалъ себя, почему Петръ Иванычъ пошелъ куда-то. Такъ хорошо и естественно все это было. Да и часто бываетъ, что приладится человѣкъ къ жизни такъ, что его и не видно совсѣмъ: ничѣмъ не окажетъ себя. Таковъ былъ и Иванъ Герасимычъ. И всѣ его любили, потому что почти никогда и не думали о немъ. . . . .

А онъ, между тѣмъ, каждый вечеръ сидѣлъ на балконѣ, днемъ же занимался чтеніемъ или тоже думалъ о чемъ нибудь. Вообще же былъ очень хорошій человѣкъ. Сидитъ себѣ, куритъ, а то и встанетъ, походитъ вздумаетъ. Но это не то, что иной ходитъ—волосы ерошитъ, затягивается не въ мѣру; Иванъ Герасимычъ ходилъ тихо, курилъ слегка такъ, больше для того, чтобъ дымъ во рту былъ; а бумажка подъ ноги попадалась ему, то легонько отталкивалъ ее ногой, или же бережно поднималъ двумя пальцами и читалъ, если что было написано. Тоже въ окно любилъ смотрѣть, больше для того, чтобъ на вѣтру быть, такъ какъ лѣтомъ жарко въ комнатѣ. И такъ жилъ Иванъ Герасимычъ давно уже, проводя время тихо и ровно, послѣ обѣда спалъ, однимъ словомъ, такъ, какъ всякій порядочный человѣкъ, который вздумаетъ жить въ провинціи, въ тихомъ уѣздномъ городкѣ. . . . .

. . . .

II.

Иванъ Герасимычъ служилъ сначала въ Петербургѣ, въ какомъ-то департаментѣ, но получивши въ наслѣдство маленькое состояніе, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ провинцію, чтобы тамъ привесть въ порядокъ свои домашнія дѣла, а затѣмъ посвятить себя, если можно, общественной дѣятельности. Дѣятельность эта представлялась ему не въ видѣ службы, но какъ свободная и независимая. Въ чемъ должна была она состоять, Иванъ Герасимычъ покамѣстъ еще не отдавалъ себѣ отчета: считая себя человѣкомъ достаточно образованнымъ, онъ просто думалъ только, что можно заняться и тѣмъ и другимъ, наконецъ даже и безъ особеннаго какого нибудь опредѣленнаго занятія, можно

просто имѣть вліяніе на общество, проводя въ него извѣстныя идеи и способствуя такимъ образомъ развитію общественной жизни. Такъ полагалъ Иванъ Герасимычъ.

Дѣла своя домашнія онъ скоро привелъ въ порядокъ, да они и не требовали большихъ хлопотъ. Домъ, садъ, нѣсколько сотъ десятинъ земли, давно уже отдаваемыя въ наймы—все это было устроено, такъ что Иванъ Герасимычъ пріѣхалъ почти на готовое. Вскорѣ время потянулось для него довольно однообразно. Правда, на первыхъ порахъ ему часто приходили на память первыя впечатлѣнія дѣтства и это развлекало его. Было лѣто. Также хорошъ былъ садъ, какъ прежде; также тихъ въ полдень, когда весело надъ нимъ ярко-голубое небо, также прохладенъ вечеромъ, когда тамъ и сямъ свѣтила заря сквозь деревья. Дорожка, баня, вся спрятавшаяся въ кусты и едва выглядывавшая сквозь зелень своимъ крошечнымъ, кой-гдѣ залѣпленнымъ бумагой, окномъ, скамейка подъ яблоней, откуда видно поле и дальній монастырь, ярко рисующійся своими золотыми главами въ вечернемъ небѣ — все это сначала занимало героя нашего, хотя и не вызывало, какъ прежде, горячаго дѣтскаго чувства. Крапива около бани не казалась лѣсомъ; окно не выглядывало изъ чащи съ тѣмъ видомъ, какъ прежде: правда, оно и теперь было подслѣповато, и теперь какъ будто моргало, когда вѣтеръ колыхалъ кусты, и теперь сторожило садъ, пристально уставившись куда нибудь и нахлобучившись крышей, какъ шапкой, но все это не такъ было живо, какъ прежде. Прежде, въ сумерки оно наводило страхъ на Ивана Герасимыча, которому все казалось, что за нимъ слѣдитъ чей-то пристальный черный глазъ. Да и къ тому жъ прежде въ этой банѣ духи были, привидѣнія, и ночью никто не рѣшился бы идти туда. Герой нашъ, будучи еще маленькимъ, украдкой заглядывалъ иногда ночью въ садъ: Боже сохрани, что это было тогда, особенно при мѣсяцѣ! Еще чернѣй былъ глазъ, лучи даже пробѣгали по немъ; крапива крѣпко прижималась къ стѣнамъ и кивала, и, казалось, грозила смѣльчаку, который осмѣлился бы подойти поближе. Иванъ Герасимычъ однажды было и вздумалъ сдѣлать это. Сталъ онъ подходить ближе и ближе, а мѣсяцъ только что выплывалъ изъ-за рощи; шаговъ пять сдѣлалъ Иванъ Герасимычъ, но вдругъ глазъ заморгалъ, задвигался, вѣтви потянулись впередъ, страшно стало, оглянулся Иванъ Герасимычъ кругомъ: изъ-за черныхъ стволовъ выглядываютъ чьи-то головы и киваютъ, и манятъ, и ше-

нетъ слышится... Никогда уже послѣ этого не отваживался герой нашъ на подобную штуку. Теперь ничего, разумѣется, такого не было. Въ полдень даже свѣтло было. Глазу словно больно было смотрѣть на солнце: онъ щурился, моргалъ, да и не черный былъ, а разноцвѣтный больше: слѣпнуть начиналъ отъ старости.

Но за то, не возбуждая страха или какого нибудь дѣтскаго неопредѣленнаго чувства, природа дѣйствовала успокоительно на Ивана Герасимыча послѣ Петербурга. Блескъ магазиновъ, быстро несущіеся экипажи, бойкіе кучера, красныя ливреи, шумъ и толкотня спѣшащихъ, идущихъ, останавливающихся — все это надоѣло герою нашему; чаще стали представляться ему просторъ полей и безмолвная тишина недвижимыхъ, словно задумавшихся подъ яркимъ полуденнымъ солнцемъ садовъ. Съ немалымъ удовольствіемъ видѣлъ онъ все это теперь. Онъ чувствовалъ, что возвращалось что-то прежнее; во всемъ организмѣ исчезала какая-то фальшь, которая незамѣтно опутываетъ человѣка, когда онъ видитъ предъ собой высоко-нагроможденные дома, гранитныя колонны, пестрыя ливреи и слышитъ шумъ и гамъ столицы. Все спѣшитъ, все будто собирается въ дорогу, боится какъ бы не забыть чего; то ли дѣло миръ и тишина раскинутыхъ полей! Стоитъ надъ ними солнце, глядитъ на нихъ, сторожитъ, и все это спокойно, не спѣша, словно и солнцу-то нечего дѣлать: такъ себѣ бродитъ по небу да глядитъ на все съ любовію, съ ласкою, а вечеромъ ему и разставаться жаль: заходитъ долго-долго, то въ тучку спрячется, то опять улыбнется, то на самомъ краю остановится и глядитъ долго-долго, и не больно уже смотрѣть на него: чуть золотятся поля и бѣжитъ по нимъ на встрѣчу зарѣ прохладный, вечерній вѣтеръ... Гдѣжъ этому быть въ Петербургѣ! Тамъ и солнце-то словно на службу куда въ департаментъ является: глянетъ разъ, другой, да и то изъ-за угла, либо въ щель наровитъ; да и свѣтить не на что: все камень больше, и такъ-де бѣло и свѣтло... Безъ него тамъ и людямъ-то словно спокойнѣй: ходятъ себѣ въ сумеркахъ, голову внизъ, потому что на небѣ часто грязнѣй, чѣмъ на улицѣ. А свѣсится сѣтка дождя надъ домами и туманъ станетъ какъ во время потопа, такъ есть и для этого средства: раньше освѣтятся залы, глянутъ огнями широкія окна и дождь перекреститъ лучами...

Въ провинціи, напротивъ, безъ солнца нельзя; и Иванъ Ге-

[illegible] скоро полюбилъ его. Полюбилъ онъ также сумерки свѣтлые, золотистые, когда предметы кажутся яснѣй и опредѣленнѣй очерченными, потому что небо не слѣпитъ глаза, а мягко сіяетъ тихимъ голубымъ свѣтомъ. Въ это-то время Иванъ Герасимычъ любилъ сидѣть на балконѣ, какъ мы его и застали въ началѣ разсказа.

На первыхъ порахъ Иванъ Герасимычъ думалъ сойтись съ обществомъ, съ разными судейскими и другими властями, но это не удалось; судейскіе и другіе показались Ивану Герасимычу скучными, ибо играли только въ карты да пили водку; объ Иванѣ же Герасимычѣ вскорѣ составили такое мнѣніе, что человѣкъ любитъ уединеніе, отдаляется отъ всего и вообще съ какимъ-то страннымъ направленіемъ. «Этотъ человѣкъ объ чемъ нибудь да думаетъ, — говорили обыкновенно, — ужь онъ непремѣнно о чемъ нибудь да думаетъ. Это у него не даромъ». Такимъ образомъ общій говоръ упрекалъ Ивана Герасимыча въ томъ, что онъ о чемъ-то думаетъ. Даже стали звать его философомъ. «Эдакій, — говорили, философъ! Все думаетъ!» Ужь какое понятіе соединяли судейскіе съ словомъ философъ — неизвѣстно. Скоро и Иванъ Герасимычъ какъ-то незамѣтно отдѣлился отъ общества и повелъ жизнь совершенно уединенную. Даже не стяжалъ онъ себѣ обычнаго отзыва въ родѣ того, что «вотъ-де прекрасный молодой человѣкъ, какъ себя держитъ хорошо, сколько у него платья, и все новое, съ иголочки» и т. п.

Такимъ образомъ, общественная дѣятельность Ивана Герасимыча ограничилась покамѣстъ тѣмъ, что утромъ онъ надѣвалъ штаны, желтый съ разводами халатъ, совсѣмъ новый, и отправлялся въ садъ, гдѣ часа полтора прохаживался въ ожиданіи чая; затѣмъ осматривалъ, хорошо ли Ѳома, лакей его, убралъ комнаты и нѣтъ ли гдѣ сору, чтобы сместь; затѣмъ сидѣлъ и курилъ. Черешневый чубукъ былъ у него длинный эдакій, табакъ Жуковъ. Куритъ себѣ Иванъ Герасимычъ да и все. Съ перваго разу можно было сказать о немъ, что онъ человѣкъ совершенно апатичный; но на дѣлѣ не было такъ. Онъ только не ходилъ никуда, говорить не любилъ, но въ то же время въ головѣ его множество было мыслей. Подаетъ ему, напримѣръ, Ѳома, слуга его, чай — Иванъ Герасимычъ сейчасъ же думаетъ: не выйти ли на балконъ? Самъ сидитъ на диванѣ. Ѳома ставитъ стаканъ на столъ. «Выйти — отчего не выйти», думаетъ между тѣмъ Иванъ Герасимычъ: «разумѣется можно выйти».

И при этомъ сильно затягивается. Затѣмъ опять размышляетъ.

«Выйти можно», думаетъ.

Самъ впрочемъ ни съ мѣста.

Слѣдуетъ цѣлый рядъ размышленій.

— Ну, говоритъ, наконецъ Иванъ Герасимычъ, нынче не выйду. Да и погода что-то того; не выйдешь.

И не выходитъ.

Утромъ тоже мысли.

Встаетъ Иванъ Герасимычъ съ постели, потягивается. Спустилъ ноги и внизъ глядитъ. Сапоги стоятъ вычищены. «Такъ», думаетъ Иванъ Герасимычъ, и надѣваетъ сапоги.

«Ну, теперь, штаны — думаетъ онъ — надѣвать, или нѣтъ»?

И размышляетъ.

«Ну, чортъ ихъ возьми, нынче не надѣну—завтра все равно, заключаетъ онъ, и надѣваетъ прямо халатъ».

— Умываться готово-съ, говоритъ Ѳома.

Иванъ Герасимычъ молчитъ, сидитъ на кровати, опустя голову и въ сапогахъ. Разныя мысли пробѣгаютъ у него въ головѣ. Думаетъ, напримѣръ, онъ о томъ, что «вотъ утро опять, опять пойдетъ день, опять придется сидѣть на диванѣ».

— Нынче, Ѳома, я не стану умываться, перебиваетъ онъ вдругъ свои мысли, лицо что-то того... Чаю дай!

Такъ обсуждалъ Иванъ Герасимычъ каждый вопросъ, и обсудивши, рѣшалъ.

Мало по малу отвыкъ онъ ходить на балконъ, ибо основательно разсуждалъ, что надобности особенной нѣтъ, мѣшаетъ только углубляться въ самого себя. Переставъ тоже надѣвать штаны, ибо гораздо свободнѣй сидѣть просто въ халатѣ. Вообще же меньше сталъ обращать вниманія на внѣшность. Садъ тоже потерялъ свою привлекательность для Ивана Герасимыча. Была осень. Опали листья и голыя вѣтки чернѣлись въ блѣдно-золотистой вечерней зарѣ. Рано зажигались звѣзды въ голубомъ прозрачномъ небѣ; холодныя лунныя ночи были свѣтлы, какъ день... И звѣзды уже не мерцали тѣмъ тихимъ ласкающимъ свѣтомъ, какъ во время лѣта; но были ихъ лучи рѣзки и холодны... Часто сидѣлъ у окна Иванъ Герасимычъ, глядѣлъ на звѣзды и мѣсяцъ; но звѣзды и мѣсяцъ не производили на него особеннаго впечатлѣнія; больше, впрочемъ, онъ разсматривалъ нѣ-

[illegible], на которомъ онъ видѣлъ то Каина, убивающаго Авеля, то просто рожу какую-то...

. . . .

III.

Провинція, провинція! Какъ хорошо все въ тебѣ! Какъ чинно распредѣлены твои годы на зиму, на лѣто и осень! Смѣняются ряды поколѣній безслѣдно, беззвучно! Вѣка проходятъ, но [illegible]. Некуда спѣшить, и живетъ человѣкъ зачастую до сотни лѣтъ. Идутъ чередой праздники, справляются крестины, именины; цѣлая весна и опредѣлена: то ждешь Рождества, то Святая подойдетъ, а тамъ весна и съ нею талый снѣгъ и звонкіе ручьи... Отслужатъ попы молебны, окропятъ святою водою поля, и Богъ пошлетъ урожай небывалый! И молится, усердно молится русскій человѣкъ, отряхая при каждомъ поклонѣ русые кудри, и потъ катитъ градомъ съ лица его: трудно будетъ [illegible] — да ничего! За то веселы и румяны паны, и катаются на лихихъ тройкахъ, и тонкія чувства развиваютъ, и заморскія страны видятъ, чтобъ разсказать потомъ русскому человѣку, какъ хорошо за моремъ и какъ живутъ нѣмцы и пишутъ толстыя-толстыя книги, чтобъ потомъ учить по нимъ русскаго человѣка уму-разуму!...

Жилъ и Иванъ Герасимычъ когда-то этою вѣрою, съ нетерпѣніемъ ждалъ Рождества и Святой; любилъ вообще праздники, любилъ патріархальные нравы провинціи; ѣлъ пироги по воскресеньямъ, [illegible] въ баню, уважалъ масленицу; любилъ онъ также всякія вечеринки, гдѣ играли въ фанты и угощались фруктовымъ вареньемъ; любилъ куличи и красныя яица объ святой; волочился за уѣздными барышнями, толкуя имъ всякій вздоръ о любви, идеальной жизни и т. п.; любилъ, наконецъ, [illegible] съ серебристой росой, душистыя поля, тѣнистыя рощи, [illegible] полей; любилъ срывать васильки, когда проходилъ узкой тропинкой между двумя поспѣвающими нивами; бродилъ по оврагамъ, гдѣ было прохладно и сыро и снѣгъ лежалъ до поздняго лѣта; любилъ также лѣтній закатъ солнца, любилъ [illegible] чай и проч. и проч. Однимъ словомъ, все нравилось когда-то Ивану Герасимычу въ провинціи.

[illegible] привезъ онъ съ собою петербургскіе нравы, петербургскій образъ жизни, его дѣловой и сосредоточенный видъ,

мысли о счастіи человѣчества и необходимости реформъ; его волновало какое-то неясное понятіе объ общественной дѣятельности, полной свободныхъ общественныхъ отношеній; думалъ онъ о томъ, какъ бы имѣть вліяніе на смягченіе нравовъ, какъ проводить различные цивилизующіе элементы; словомъ, думалъ явиться маленькимъ преобразователемъ в глухой уѣздный городокъ обратить въ маленькій Петербургъ. Ничто, разумѣется, такъ не дѣйствуетъ, какъ живое горячее слово; Иванъ Герасимычъ началъ съ слова. Столкнулся онъ съ судьей и сталъ обращать въ свою вѣру; говорилъ ему о томъ, какъ много уже написано книгъ и какъ вообще хорошо было бы распространять у насъ образованіе; судья долго моргалъ глазами, нюхалъ табакъ и наконецъ сказалъ:

— А вы мнѣ, батюшка, вотъ что разрѣшите: какая причина тому, что у насъ нѣмцевъ ужь очень много?

Иванъ Герасимычъ понялъ, что судья смотритъ на предметы съ другой точки зрѣнія, и не нашелся, что отвѣчать.

Одинъ помѣщикъ на всѣ толки Ивана Герасимыча относительно эманципаціи замѣтилъ:

— Это, батюшка, все вздоръ! У насъ, слава Богу, не республика, а просвѣщенная монархія! Да-съ.

Иванъ Герасимычъ опять не нашелся.

— Что вы мнѣ про свободу? говорилъ Ивану Герасимычу баталіонный командиръ, садясь за карты:—по нашему какъ влѣпишь эдакъ штукъ сто, такъ онъ ее, свободу-то, лучше понимать. Она у него на спинѣ написана, свобода-то!

Попробовалъ однажды Иванъ Герасимычъ распространиться о томъ, что надо имѣть твердыя убѣжденія.

— Да что за убѣжденія! возразилъ кто-то: — какія убѣжденія? Живите-ка просто, какъ Богъ послалъ! Спокойнѣй.

Что могъ сказать противъ этого Иванъ Герасимычъ?

Много вообще было съ нимъ случаевъ, гдѣ онъ могъ видѣть, что изъ его словъ только одинъ вздоръ выходитъ.

Сталъ Иванъ Герасимычъ задумываться. «Да не чепуху ли я самъ-то говорю?» спросилъ онъ однажды самъ себя. «И на кой чертъ, собственно говоря?»

Такимъ образомъ Иванъ Герасимычъ поставилъ вопросъ ясно. Обуяла его скука какая-то, тоска: «чортъ самъ не разберетъ, — думалъ онъ, возвращаясь откуда нибудь съ вечера: — либо я ихъ не понимаю, либо они меня!»

Попробовалъ Иванъ Герасимычъ присосѣдиться къ женскому полу. Выбралъ бабу красивую и начитанную. Цѣлый вечеръ просидѣлъ съ ней. Баба пустилась въ такой анализъ, о такихъ тонкихъ чувствахъ разсказывала, что Иванъ Герасимычъ даже никогда и не воображалъ себѣ, чтобы могли быть такія тонкія чувства. Притомъ баба говорила скоро, и все больше вопросами, въ родѣ того: «А что вы напримѣръ скажете о сомнамбулизмѣ? Нѣтъ, позвольте: я хочу сначала знать ваше мнѣніе о сомнамбулизмѣ. Не правда ли, что это, такъ сказать, необъяснимое... Читали ли вы что нибудь о ясновидящихъ?» И такъ баба говорила долго-долго, задавала вопросы, сама и отвѣчала на нихъ...

— Тьфу! Вотъ баба, сказалъ самъ себѣ Иванъ Герасимычъ: словно чортъ у ней въ языкѣ-то!

Сталъ Иванъ Герасимычъ мало по малу меньше говорить, больше прислушиваться. Боже, что за толки! «Тотъ-то получилъ какое-то назначеніе, Ивану Гаврилычу дали орденъ, Петръ Иванычъ подрался съ женою, у городничаго флюсъ, у казначея рожа, — Сергѣй Иванычъ вретъ, губернаторъ плохъ, вице-губернаторъ еще хуже» и проч. и проч.

Скучно стало Ивану Герасимычу. «Не попробовать ли въ карты поиграть»? подумалъ онъ и вечера два игралъ. Выслушалъ по этому поводу рацею одного господина о томъ, какъ можно остаться безъ трехъ, имѣя семь вѣрныхъ на рукахъ. Господинъ говорилъ долго и горячо, Ивана Герасимыча подергивало зѣвнуть, даже лицо — чувствовалъ онъ — перекосило; и зѣвалъ же онъ потомъ, забившись куда-то въ уголъ, до слезъ зѣвалъ...

— Нѣтъ, думалъ онъ, должно быть, я не умѣю сойтись съ обществомъ. Скука и скука!

Рѣже и рѣже сталъ показываться Иванъ Герасимычъ въ обществѣ. Въ началѣ мы застали его въ какомъ-то переходномъ состояніи, на балконѣ, когда онъ еще напоминалъ о своемъ существованіи хоть тѣмъ, что заставлялъ проходящихъ говорить, что вотъ-де Иванъ Герасимычъ вышелъ на балконъ посидѣть; далѣе видѣли мы, какъ онъ пересталъ выходить на балконъ, какъ рѣже сталъ надѣвать штаны и сидѣть просто въ халатѣ; словомъ, мы прямо теперь можемъ перейти къ тому состоянію героя нашего, когда онъ совершенно уединился, убѣдившись, что разговорами ничего не сдѣлаешь и что надо придумать что нибудь новое.

Все остальное его существованіе вообще можно раздѣлить на

три періода: періодъ внутренняго анализа и нѣкоторой борьбы съ самимъ собою; періодъ дѣятельности, и наконецъ третій періодъ, какъ результатъ первыхъ двухъ. Такъ мы и начнемъ слѣдующій разсказъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Сильно постарѣлъ халатъ у Ивана Герасимыча. Затерся, засалился въ иныхъ мѣстахъ; изъ ярко-желтаго совсѣмъ тусклый сталъ. Подолъ отрепался, словно бахрамой сталъ обшитъ. Но Иванъ Герасимычъ не обращалъ на это вниманія. По угламъ пошла паутина, пыль со столовъ стиралась все рѣже и рѣже; но Иванъ Герасимычъ и на это мало обращалъ вниманія. Въ зеркало глядѣться почти перестал; въ случаѣ же крайней надобности протиралъ пальцами мѣстечко, ибо всѣ зеркала были покрыты слоемъ пыли. Умываться сталъ тоже рѣже; да и не было особенной надобности: Иванъ Герасимычъ расчелъ, что разъ въ три дня умываться весьма достаточно, ибо въ гости онъ не ходилъ, къ себѣ тоже не принималъ. Трубку выбивалъ уже онъ теперь прямо на окно, да и естественно: пепельницы затерялись. А на столѣ, когда онъ пилъ чай—вечеромъ чтоль или утромъ—такъ тоже протиралъ рукавомъ мѣстечко, чтобы поставить стаканъ; остальное все было въ пыли, но Иванъ Герасимычъ мало обращалъ на это вниманія. Прежде, въ началѣ своей хозяйственной дѣятельности, Иванъ Герасимычъ по утру обыкновенно заказывалъ обѣдъ Ѳомѣ и нерѣдко совѣтовался съ нимъ, какъ и что лучше приготовить. Обычай этотъ соблюдался и теперь.

— Что прикажете на сегодняшнее? спрашивалъ Ѳома.

— Да что? отвѣчалъ Иванъ Герасимычъ, почесывая въ затылкѣ.—Какъ думаешь, что?

— Можно щи-съ изготовить.

— Ну чтожь! Изготовь щи.

— Кашу можно-съ.

— Ну, и кашу изготовь—чтожь?

На другой день нѣкоторое разнообразіе.

— Прикажете щи готовить-съ? спрашивалъ Ѳома.

— Да, щи. Разумѣется.

— Тоже каша будетъ-съ?

— Ну да, съ нѣкоторою досадою отзывался Иванъ Герасимычъ;—приготовь кашу. Что-жь! Иногда еще разнообразіе.

— Нынче щи и каша-съ будетъ, говорилъ Ѳома.

— Такъ, отвѣчалъ Иванъ Герасимычъ.

— Больше ничего не прикажете-съ?

— Ничего.

Наконецъ Ѳома сталъ надоѣдать Ивану Герасимычу. Оно и естественно: каждое утро человѣкъ приходитъ и спрашиваетъ, что готовить. Иванъ Герасимычъ распорядился завести *меню* на всю недѣлю.

— Всю эту недѣлю чтобъ щи и каша были,—сказалъ онъ Ѳомѣ и тѣмъ обезпечилъ себя.

Вставалъ Иванъ Герасимычъ часовъ въ восемь. Первая его мысль была: не побриться ли? Это все еще было отраженіе старыхъ привычекъ, когда Иванъ Герасимычъ и брился, и умывался чуть не каждый день. Мысль эта преслѣдовала его часто до самаго обѣда и наконецъ такъ надоѣла ему, что онъ рѣшился отпустить бороду. Рѣшившись разъ, онъ сталъ спокойнѣе. Долго тоже смущало его умыванье, пока наконецъ онъ не пріобрѣлъ привычки умываться не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Послѣ этого онъ тоже сталъ спокойнѣе. Такъ и зналъ ужь, что надо умываться въ четвергъ и воскресенье, что и было весьма достаточно. Такимъ образомъ Иванъ Герасимычъ обезпечилъ себя во всемъ. Одно оставалось: время необыкновенно казалось длинно, особенно утро.

— А что, сказалъ онъ однажды Ѳомѣ въ такое утро:—не осталось у насъ отъ вчерашняго водки?

— Есть-съ, отвѣчалъ Ѳома.

— Такъ дай-ка сюда поскорѣй, торопливо проговорилъ Иванъ Герасимычъ:—нездоровится что-то.

Ѳома принесъ графинъ и рюмку.

— Не знаю, отчего со мной, продолжалъ Иванъ Герасимычъ:—съѣлъ что ли я вчера что...

— Можетъ, что и скушали—отвѣчалъ Ѳома.

— Да, чувствую что-то такое... А что Ѳома, тамъ нѣтъ у насъ чего нибудь, селедей чтоль?

— Можно-съ. Отчего не быть.

— Такъ поскорѣй, знаешь. Нельзя ли тамъ съ лукомъ эдакъ... А грибковъ нѣтъ?

— Можно-съ и это.

— Ну такъ поскорѣй. Грибковъ да селедочку. Оно, говорятъ, поправляетъ. А потомъ водки выпьемъ. Только поскорѣй.

И Иванъ Герасимычъ сталъ ходить по комнатѣ, потирая руки.

«Не выпить ли въ ожиданіи?» думалъ онъ, посматривая на графинъ. Однако рѣшился подождать. Грибки и селедка замѣтно поправили его; онъ даже повеселѣлъ и пустился въ разговоръ съ Ѳомой.

— Вотъ теперь какъ будто лучше, началъ онъ. А что, Ѳома, надо намъ будетъ завести селедокъ да грибковъ побольше, чтобы, знаешь, эдакъ утромъ, до обѣда-то...

— Чтожъ, отвѣчалъ Ѳома:—это можно завсегда-съ.

— Такъ то-то я и говорю. Бываетъ эдакъ утромъ, ѣсть захочется, до обѣда-то, знаешь...

— Извѣстно-съ. Какъ не захотѣть?

— Вотъ оно грибки-то и хорошо. Сдѣлаемъ, Ѳома, запасецъ, а?

— Можно-съ, отчего же?

— Оно утромъ-то и хорошо.

— Оно и легко-съ теперича.

— Да и легко, чтожъ? Грибы не Богъ знаетъ что.

— Не Богъ-знаетъ что-съ. Убирать прикажете-съ? спросилъ Ѳома, помолчавъ.

— Да, да. А запасецъ таки сдѣлаемъ. Постой-ка, постой, я еще полъ-рюмки... Непремѣнно запасецъ. Ну, убирай теперь. Хорошій эдакій запасецъ...

Затѣмъ Иванъ Герасимычъ усѣлся на диванѣ и закурилъ трубку. Онъ чувствовалъ хорошее расположеніе духа и думалъ о многихъ вещахъ. Сначала онъ думалъ развести садъ фруктовый, хорошій садъ, чтобы отдавать потомъ внаймы, или даже самому заняться и продавать потомъ фрукты разные, которые можно съ этою цѣлью вывозить на базаръ, стоитъ только завести пару добрыхъ лошадей, не дорогихъ, разумѣется, но такихъ, чтобы были сносны,—ломовыхъ, какъ говорится. Содержаніе ихъ не будетъ слишкомъ дорого, особенно если самому смотрѣть за всѣмъ, отпущать сѣно, овесъ и все это имѣть подъ замкомъ. Притомъ утромъ нечего дѣлать большею частію: всталъ рано, пошелъ, осмотрѣлъ, все разумѣется въ порядкѣ—жизнь эдакая дѣятельная, трудовая, и водки-то хорошо послѣ этого выпить.

«А вотъ бы теперь выпить рюмку?» мелькнуло въ головѣ Ивана Герасимыча. «Жаль, что унесъ Ѳома».

И крѣпко затягивается Иванъ Герасимычъ, и съ каждой затяжкой все новыя мысли идутъ ему въ голову. Отчего бы тоже не завести куръ, цыплятъ? — думаетъ онъ. Гуси, напримѣръ, одни что могутъ дать! Корма не Богъ вѣсть что стоитъ... Если считать куры по полтине, продавать по три четвертака: сотня дастъ 25 руб. чистаго барыша. Деньги не великія положимъ, но вкупѣ составить что нибудь. Съ одного 25, съ другаго 25 — глядишь полтысячи и наберется въ годъ. А занятіе-то самое? Вышелъ на дворъ, осмотрѣлъ, самъ все это сдѣлалъ, особенно какъ осень настанетъ, утренники пойдутъ; можно будетъ полушубокъ при-насти, чтобы не очень холодно было, да при томъ все это на дворѣ, близко; — озябъ въ комнату скорѣй, водки даже можно выпить...

«А, чортъ его возьми, — мелькаетъ въ головѣ Ивана Герасимыча, — куда онъ могъ поставить водку?»

Сильная затяжка и новый приливъ мыслей.

Надо самому заняться огородомъ — думаетъ Иванъ Герасимычъ. Эта бестія, говорятъ, страшные доходы беретъ, а мнѣ всего 30 рублей платитъ. Съ слѣдующаго же года буду умнѣй. Пусть-ка посмотритъ тогда, какъ тридцать рублей платить. На одной капустѣ двѣсти сорву. Самъ все буду смотрѣть. Стоитъ только приняться, чортъ возьми. Рѣпа одна дастъ сто рублей. Что за чортъ, въ самомъ дѣлѣ! Морковь пятьдесятъ!... А картофель? огурцы? Смѣло триста клади! Какой же разсчетъ? Да и уходъ-то не Богъ знаетъ какой. Вышелъ, осмотрѣлъ, самъ все это разумѣется; осенью на базаръ вывезъ (хоть тотъ же Ѳома напримѣръ можетъ)... Тутъ тебѣ деньги, расплачиваешься, тратишь, все разумѣется съ разсчетомъ... И вдругъ Ивану Герасимычу представляется огромная эдакая шкатулка, замокъ потайной, съ пружиной, вся до-верху полна бумажками: красными, синими, зелеными...

— Куда этотъ бестія поставилъ водку? восклицаетъ Иванъ Герасимычъ и съ энергіей вскакиваетъ съ дивана. Еще минута — и *будущій* капиталистъ шарилъ въ передней въ шкафу, гдѣ и отыскалъ графинъ съ водкой. Выпивши рюмку, онъ опять отправился на диванъ и закурилъ трубку.

Шкатулка не шла у него изъ головы: ему казалось уже, что онъ считаетъ бумажки, перебираетъ ихъ, онѣ такъ пріятно шур-

шать въ рукахъ. Затѣмъ въ головѣ его мелькаютъ экипажи, лошади, дорогіе перстни на пальцахъ, шумъ и освѣщеніе бала, хорошенькія лица, локоны; доходитъ онъ наконецъ до того, что слышитъ музыку и видитъ, какъ порхаютъ бѣлыя воздушныя платья, перемѣшиваются съ черными фраками, и все это быстро кружится и несется въ вихрѣ нескончаемаго вальса... Иванъ Герасимычъ чувствуетъ дрожь въ ушахъ, въ вискахъ біеніе. Онъ начинаетъ всматриваться въ окружающіе предметы. Въ окнѣ что-то сѣро: дождикъ накрапываетъ. Прошелъ пономарь и пронесъ рыбу какую-то на мочалкѣ. Среди дороги выступаетъ индюкъ, распустивши хвостъ и сильно надувшись. Иванъ Герасимычъ по привычкѣ свиснулъ: индюкъ отшатнулся. Затѣмъ опять все тихо.

Въ головѣ Ивана Герасимыча смутно что-то.

«Развѣ выпить еще водки»? думаетъ онъ, но не трогается съ мѣста. Проходитъ еще нѣсколько минутъ.

«Развѣ въ самомъ дѣлѣ еще выпить водки»? опять думаетъ Иванъ Герасимычъ, но все еще не трогается съ мѣста.

«Одну рюмку» мелькаетъ у него въ головѣ.

Сильная затяжка.

«Одну рюмку» безсознательно повторяется въ головѣ. Наконецъ Иванъ Герасимычъ отправляется къ шкафу и выпиваетъ разомъ двѣ, чтобы не вставать часто съ дивана.

Затѣмъ онъ начинаетъ мечтать уже лежа. И видится ему... Но тутъ мечты его принимаютъ уже нѣсколько сказочный характеръ. Богъ сна, какъ Юпитеръ къ Данаѣ, спускается къ нему золотымъ дождемъ, и видятся ему такія вещи, что и не вообразить.

Встаетъ передъ нимъ громадный городъ съ золотыми куполами церквей; подъ самыя облака уходятъ многоэтажные дворцы; безлунная ночь сіяетъ тысячами огней. Туда и сюда снуютъ экипажи съ зажженными фонарями; толпа движется по панелямъ, толкаетъ другъ друга, останавливается у магазиновъ, гдѣ за огромными стеклами блистаютъ тысячи бездѣлушекъ: все это очень дорого, но Ивану Герасимычу ни почемъ. Катитъ онъ на парѣ сѣрыхъ прямо въ оперу. Бойко нахлестываетъ кучеръ пристяжную, морозная пыль слѣпитъ глаза; Иванъ Герасимычъ мчится все быстрѣй и быстрѣй.

Занавѣсъ поднятъ. Рядъ биноклей высунулся изъ ложъ на

сцену. Иванъ Герасимычъ садится въ кресло. Подлѣ него знакомый литераторъ протираетъ золотые очки...

— Кушанье готово-съ, говоритъ въ это время Ѳома, легонько толкая Ивана Герасимыча.

Неохотно всталъ послѣдній. Однако — пообѣдалъ и водки выпилъ. Затѣмъ закурилъ трубку и сѣлъ. Въ головѣ у него былъ сумбуръ какой-то.

«Чтожь бы теперь такое?» думалъ онъ.

Сильная затяжка.

— Тьфу! Жизнь-то — сказалъ онъ наконецъ, и затѣмъ съ сердцемъ поставилъ трубку и легъ.

Ему больно было смотрѣть на свѣтъ.

«Сумерки бы теперь хорошо», подумалъ онъ.

— Ѳома! разбуди меня въ сумерки! крикнулъ онъ и повернулся къ стѣнѣ.

Вечеръ. Иванъ Герасимычъ сидитъ на диванѣ, куритъ трубку и ногой покачиваетъ.

— Какой длинный вечеръ! думаетъ онъ.

На дворѣ темь страшная. Дождикъ то и дѣло, брызнетъ и брызнетъ въ окно. Однообразно стучитъ маятникъ, въ передней легонько всхрапываетъ Ѳома.

«Какой длинный вечеръ» — безсознательно повторяется въ головѣ Ивана Герасимыча.

Часы бьютъ восемь.

Прежде въ такое время Иванъ Герасимычъ читалъ обыкновенно книжки, которыя и теперь лежатъ на этажеркѣ около дивана. Смущаетъ это нѣсколько Ивана Герасимыча.

«Не почитать ли?» думаетъ онъ, но руки не протягиваетъ, чтобы достать книгу. «Время не замѣтно вѣдь уйдетъ» — продолжаетъ думать Иванъ Герасимычъ. — «И ежели теперь взять книгу и почитать (такъ почти слагается у него мысль) и почитать хоть немного...» Тутъ мысль прерывается на нѣсколько минутъ, ибо на столѣ появляется тараканъ и ползетъ прямо къ Ивану Герасимычу. Послѣдній натягиваетъ палецъ и съ энергіей готовится дать щелчекъ, какъ только приблизится тараканъ. Маневръ удается; тараканъ ударяется объ стѣну, а Иванъ Герасимычъ мало-по-малу впадаетъ въ уныніе.

Опять его тревожитъ мысль о чтеніи. «Почитать или нѣтъ?» думаетъ онъ и, чтобы рѣшиться на что нибудь, зажмуриваетъ

глаза и начинаетъ гадать на пальцахъ. Въ крайнихъ случаяхъ онъ всегда прибѣгаетъ къ этому средству и гадаетъ обыкновенно до трехъ разъ.

— Сошлось, сказалъ наконецъ Иванъ Герасимычъ, «нечего дѣлать, надо почитать» и протянувши руку, досталъ цѣлую кипу какихъ-то маленькихъ книжекъ, на половину оборванныхъ: то были дѣтскіе журналы, четвертая часть романа Бальзака, «Таинственный Монахъ», томикъ «Библіотеки для Чтенія» тридцатыхъ годовъ.

Изъ дѣтскаго журнала Иванъ Герасимычъ пробѣжалъ повѣсть «Послушный Вася и шаловливая Сашенька». Назидательно разсказывалось, какъ Вася занимался науками и слушался папеньку съ маменькой, Сашенька же только шалила, и никогда не готовила уроковъ. Досужный моралистъ прибавилъ нравоученіе, изъ коего явствовало, что послушный Вася составилъ себѣ блестящую карьеру и былъ впослѣдствіи чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, а Сашенька умерла въ бѣдности, потому что не слушалась папеньки съ маменькой, и не учила уроковъ.

— Да! сказалъ Иванъ Герасимычъ, вздыхая: — вотъ къ чему насъ доводитъ непослушаніе, и отложилъ книгу въ сторону.

«Я впрочемъ всегда слушался» промелькнуло у него въ головѣ и онъ почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе совѣсти.

«Однако отчего жь это я не чиновникъ при губернаторѣ, а такъ себѣ чортъ знаетъ что»? тотчасъ же пробѣжало у него въ головѣ, но онъ поскорѣе замялъ эту нѣсколько смутившую его мысль и развернулъ «Библіотеку для Чтенія».

Тутъ Иванъ Герасимычъ заинтересовался не на шутку. Да и было чѣмъ. Дѣйствіе происходило въ аристократическихъ салонахъ; при роскошной обстановкѣ излагались высокія благородныя чувства; мораль выяснялась легкая и пріятная: Князь Пронскій увидѣлъ княжну Стрѣльскую; по обыкновенію какая-то тайная невидимая сила тотчасъ же связала два молодыя существа неразрывными узами.

— О, какъ я тебя люблю! говорилъ князь Пронскій княжнѣ Стрѣльской.

— А я? развѣ не люблю тебя? отвѣчала со вздохомъ княжна.

— Когда я тебя увидѣлъ, я не знаю, что со мной сдѣлалось.

— А я, отвѣчала княжна: — развѣ я не чувствовала то же самое?

— И какъ я страдалъ, какъ я страдалъ, еслибъ ты знала!

— А я? развѣ не страдала я?

— Другъ мой, съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ князь: — я умру, если ты не будешь любить меня.

— А я, возражала княжна, вся вспыхнувъ: — развѣ я не умру: ты думаешь?

И такъ далѣе.

«Эка штука! невольно подумалъ Иванъ Герасимычъ. Вотъ бы себѣ бабу такую пріобрѣсти!» И онъ откинулъ голову назадъ, представляя себя въ положеніи Проскаго.

«Какъ бы я сталъ объясняться въ любви»? не на шутку задумался Иванъ Герасимычъ и съ этою мыслью закурилъ трубку, чтобы лучше рѣшить вопросъ.

«Стать развѣ на колѣна, думалъ онъ, — Положимъ. Но что говорить, что говорить? Вотъ въ чемъ штука. Тутъ вся и соль, чтобъ говорить».

И Иванъ Герасимычъ сильно затянулся.

«Надо что нибудь новое. Напримѣръ такъ: взялъ за руку и начинаешь: другъ мой... Что бишь такое? Нѣтъ, скверно. Иначе. На колѣна, положимъ, не нужно, а просто стоя, либо и сидя — вѣдь все равно? Ну, сначала. Взялъ за руку и говоришь: я, говоришь, послѣ того какъ... Нѣтъ, чортъ возьми, не то»...

Сильная затяжка.

«Я, говоришь (Иванъ Герасимычъ сильно ерошитъ себѣ волосы), — положимъ, даже страсть ощущаешь — я, говоришь (Иванъ Герасимычъ сильнѣй и сильнѣй ерошитъ волосы) — я, говоришь (съ азартомъ ерошитъ волосы Иванъ Герасимычъ) — люблю, говоришь»...

И Иванъ Герасимычъ уставился на свѣчку. Невольно чувствуется ему что-то глупое. «Полно, такъ ли все это?» мелькаетъ у него въ головѣ.

И онъ все больше и больше думаетъ, и все смотритъ на свѣчку.

А тараканъ между тѣмъ опять ползетъ къ нему. Иванъ Герасимычъ натянулъ щелчекъ и ждетъ. «Я-жъ тебя», думаетъ. Часы бьютъ девять. «Я-жъ тебя», опять думаетъ Иванъ Герасимычъ. Все тихо. Ѳома легонько храпитъ въ передней. Тараканъ ни съ мѣста. «Какой же я тебѣ щелчекъ закачу», думаетъ Иванъ Герасимычъ, интересуясь все больше и больше. «Такой щелчекъ, такой щелчекъ...» Все крѣпче и крѣпче натягиваетъ палецъ

Иванъ Герасимычъ. Куда ужъ тутъ до любовныхъ объясненій! «Я-жь тебя!» постоянно повторяется у него въ головѣ, и лицо его выражаетъ крайнее нетерпѣніе.

Маневръ опять удается. Тараканъ летитъ въ стѣну, Иванъ Герасимычъ замѣтно радъ, оживленъ. «Вонъ какъ!» думаетъ онъ. «Ишь какъ славно!»

Долго сидитъ такъ Иванъ Герасимычъ. На лицѣ его ясно написано удовольствіе.

Гдѣ-то вдали пропѣлъ пѣтухъ.

«Пѣтухъ», замѣчаетъ про себя Иванъ Герасимычъ.

Въ передней раздается храпъ.

«Ѳома», опять замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ.

Все тихо. Постукиваетъ маятникъ.

«Часы», думаетъ Иванъ Герасимычъ.

Однимъ словомъ, онъ въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, что все его наводитъ на мысли, такъ что онѣ формулируются и бѣгутъ въ головѣ его, какъ примѣры въ грамматикѣ. Взглянетъ на трубку: «табакъ» думаетъ Иванъ Герасимычъ; затѣмъ цѣлый рядъ мимолетныхъ идей: «свѣча, огонь, диванъ, окно» и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, по странному сочетанію идей, всѣ эти размышленія не останавливаются на трехъ вещахъ: шкафъ, графинъ, водка.

«Водка», говоритъ уже вслухъ Иванъ Герасимычъ. Понятіе это въ головѣ его развивается пространнѣе, основательнѣе. «Водка довольно крѣпка нынче», думаетъ онъ и составляетъ первую посылку. «И чиста, потому здорова». Это вторая посылка. Затѣмъ умозаключеніе. «Слѣдовательно» размышляетъ Иванъ Герасимычъ.

— Ѳома! кричитъ онъ.

— Чего изволите-съ? откликается тотъ съ просонья.

— Водки и грибовъ! строго приказываетъ Иванъ Герасимычъ и въ ожиданіи начинаетъ ходить по комнатѣ.

Пріятное расположеніе духа не оставляетъ его.

«Десятый часъ», думаетъ онъ и потираетъ руки.

По мѣрѣ того какъ онъ прохаживается, мысли его все текутъ быстрѣй и быстрѣй, наконецъ принимаютъ почти такую форму: «грибы-водка, водка-грибы, грибы-водка» и такъ далѣе, постоянно смѣняясь.

Къ довершенію удовольствія, Ѳома кромѣ водки и грибовъ

приноситъ отлично приготовленную селедку съ лукомъ, горчицей и уксусомъ.

Иванъ Герасимычъ выпиваетъ водки и съѣдаетъ все, что приноситъ Ѳома.

— Ну теперь ужинать, говоритъ онъ, — да скорѣй!

«Ишь ты что-то баринъ сталъ ѣсть», невольно замѣчаетъ про себя Ѳома.

«Щиплетъ» думаетъ между тѣмъ Иванъ Герасимычъ и потираетъ руки. Онъ исключительно занятъ ужиномъ.

«Да и водки еще надо выпить», продолжаетъ онъ, намѣреваясь такимъ образомъ окончить проведенный день.

Такъ шло время у Ивана Герасимыча. Все больше и больше привыкалъ онъ сидѣть на диванѣ и предаваться размышленіямъ. Но утромъ обдумывалъ, какъ привести въ порядокъ хозяйство и сберечь хоть маленькій капиталецъ; послѣ завтрака капиталецъ этотъ принималъ въ головѣ Ивана Герасимыча все большіе и большіе размѣры, къ обѣду же разростался такъ, что Ивану Герасимычу опять начинали видѣться экипажи, лошади, дорогіе перстни на пальцахъ и проч. и проч. Вечеромъ время шло нѣсколько иначе. Положительныя размышленія о капиталѣ смѣнялись мечтами больше по поводу какой нибудь прочитанной статьи; либо же просто Иванъ Герасимычъ сидѣлъ и курилъ, пристально уставившись на пламя свѣчки, съ которой онъ иногда по цѣлымъ часамъ не спускалъ глазъ.

Мало по малу Иванъ Герасимычъ одичалъ. Ему крайне неловко было, если кто приходилъ къ нему, что хотя рѣдко, но случалось. Ему казалось тогда, что онъ будто разучился говорить. И странно казалось тогда его положеніе: онъ то глядѣлъ на гостя какимъ-то заискивающимъ взглядомъ, то тревожно запахивалъ полы халата или же усиленно затягивался, барабаня пальцами по столу. Чаще и больше онъ также пилъ въ это время. Выбившись разъ изъ обычныхъ мыслей, онъ чувствовалъ, что, какъ будто потерялъ что-то. Нить размышленій была порвана, а съ нею какъ будто и самая жизнь исчезала. Начиналось какое-то тревожное состояніе души, болѣзненное.

Изъ знакомыхъ Ивана Герасимыча, продолжавшихъ по временамъ посѣщать его, оставались только засѣдатель уѣзднаго суда, интересовавшійся преимущественно внутренней политикой, реформами; секретарь городской думы, не занимавшійся никакой

политикой, и наконецъ учитель уѣзднаго училища, совершенно забитое и загнанное существо, потерявшее всякую форму порядочности. Ему болѣе всѣхъ сочувствовалъ Иванъ Герасимычъ. Но чаще всѣхъ приходилъ секретарь. Этотъ секретарь принадлежалъ въ сущности къ стариннымъ доморощеннымъ юристамъ, для которыхъ десятый томъ составляетъ альфу и омегу въ жизни. Былъ онъ также ходатаемъ по частнымъ дѣламъ и не мало людей затаскалъ на своемъ вѣку по судамъ, по разнымъ верхнимъ и нижнимъ инстанціямъ, тайны которыхъ изучилъ онъ какъ свои пять пальцевъ; такъ онъ зналъ напримѣръ, что значитъ навести справку, умѣлъ отвѣчать на всякую безтолковую бумагу и такъ искусно пользовался всякими *понеже*, *поелику* и *якобы*, что при ревизіи могъ сбить съ толку любаго губернатора. Къ нему прибѣгали за совѣтомъ во многихъ случаяхъ. Такъ однажды въ уѣздный судъ изъ какой-то высшей инстанціи была прислана бумага, въ которой никто и даже самые замысловатые крючки не могли отыскать смыслу. Обратились къ Ивану Захарычу. Вопросъ рѣшенъ былъ очень просто.

— Вы вотъ какъ, сказалъ Иванъ Захарычъ: въ началѣ изобразите, что молъ: поелику-де такая-то бумага за № такимъ-то уѣзднымъ судомъ получена, а въ ней не говорится то и то,—ну, эту всю бумагу-то сполна и перепишите. А въ концѣ: при семъ уѣздный судъ препровождаетъ молъ отъ себя... Ну, тамъ извѣстно. Мы это часто дѣлывали.

— Ну, а если опять пришлютъ? спросили у него.

— А вы тоже опять—оно ужь всегда такъ!

Такъ и сдѣлали. Высшая инстанція послала отвѣтъ въ другую, низшую, которая съ своей стороны на всякій случай отправила его въ Томскъ, подъ предлогомъ справки; изъ Томска, говорятъ, бумага ходила въ Петербургъ, оттуда въ Тифлисъ, вездѣ разумѣется оставляя копіи, и наконецъ канула въ какомъ-то Пустозерскомъ уѣздномъ судѣ, гдѣ уже нашли возможнымъ приложить ее къ дѣлу.

Всѣ крючки въ городѣ знали и уважали Ивана Захарыча. И любо было посмотрѣть, когда секретарь входилъ въ паѳосъ по поводу какого нибудь указа за № 3781.

— А палата,—разсказывалъ онъ напримѣръ Ивану Герасимычу, сидя съ нимъ на диванѣ и раскуривая трубку:—пишетъ, говоритъ, означенное дѣло имѣетъ быть разсмотрѣно тамъ-то и тамъ-то, на сумму же стоимости двухъ тысячъ не превышаетъ,

и опубликовано быть имѣетъ на основаніи вѣдомости такой-то и такой-то,—то, говоритъ, сдѣлать запросъ уѣздному суду, почему, говоритъ, уѣздный судъ единовременно съ рѣшеніемъ палаты гражданскаго суда якобы мнѣнія своего не доложилъ? А сенатъ и говоритъ: въ силу, говоритъ, вѣдомости такой-то, понеже уѣзднымъ судомъ единовременно не было разсмотрѣно,—считать, говоритъ, рѣшеніе палаты законнымъ и въ силу вошедшимъ съ сего же 24 сентября. Какъ загнули они такую штуку, я и читаю: гдѣ же, говорю, тутъ рѣшеніе? А указъ, говорю, палаты за № 3781? Жалобу. Пункты. На семи листахъ. Такъ-молъ и вотъ. Палата рѣшила. Хорошо. А гдѣ жъ, говорю, указъ? Самъ, говоритъ, сенатъ. Врешь? говорю. Сенатъ не при чемъ. Ты жалобу прочти. Да такъ запуталъ, что они мяли-мяли—на томъ и обмяли; что, говоритъ, понеже единовременность рѣшенія въ силу упомянутаго указа и на основаніи вѣдомостей такихъ-то и такихъ-то, по означенному дѣлу купца Петра Игнатьева соприкосновенія не допускаетъ, то, говоритъ, и считать упомянутое рѣшеніе коллежскому секретарю Антону Чеботареву въ законное и неоспоримое. Плевое дѣло и вышло!

Иванъ Герасимычъ слушалъ эти разсказы, выпивая по временамъ водки и закусывая грибами.

— Ну что же, такъ дѣло и рѣшилось? спрашивалъ онъ изъ деликатности, чтобы поддержать разговоръ.

— И рѣшилось, отвѣчалъ секретарь, поправляя пальцемъ табакъ въ трубкѣ.—Рѣшилось оно больше потому, что и не могло не рѣшиться.

— Разумѣется, подтверждалъ Иванъ Герасимычъ.

— Оно никакъ не могло быть иначе, продолжалъ секретарь.—Теперь они говорятъ, сенатъ. Крючковъ они не знаютъ. Подними теперь палата исторію—что она съ указомъ-то? Понеже, говоритъ, единовременно... Да знаютъ ли они, что такое единовременно? Понеже, говоритъ, въ силу законную не пришло и стоимости не превышаетъ... Да что такое не превышаетъ? Антошка накоститъ, а они говорятъ, стоимости не превышаетъ. Ты рѣшеніе покажи, а тамъ говори понеже... Понеже!

— И все палата? спрашиваетъ Иванъ Герасимычъ, чтобы что нибудь спросить.

— Все палата! подтверждаетъ секретарь.

— Странно, замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ и выпиваетъ рюмку водки.

— Тоже теперь Антошка Чеботаревъ, продолжаетъ секретарь: — что такое Антошка Чеботаревъ? Жалобу разобрали-[illegible]! Въ сенатъ отперлись! Потому справокъ нѣтъ! гдѣ онѣ?

Секретарь помолчалъ.

— Антошка Чеботаревъ и говоритъ: рѣшеніе, говоритъ, [illegible] [illegible] [illegible]. Каких такихъ? А жалоба на что? пункты? «Ты, говоритъ, врешь». Нѣтъ, говорю, не вру. «Судись, говоритъ, — относись куда слѣдуетъ». Ну, и отнесся.

— И отнесся? спрашиваетъ Иванъ Герасимычъ.

— И отнесся, отвѣчаетъ секретарь.

И «отнесся»! безостановочно пробѣгаетъ въ головѣ Ивана Герасимыча. Онъ выпиваетъ рюмку водки.

«Сенатъ»! думаетъ онъ.

— За что, спрашивается, взяли его за шиворотъ? продолжаетъ [illegible] секретарь — развѣ Антошка Чеботаревъ [illegible] или [illegible] какой, чтобы брать его за шиворотъ? Даже еще, что въ уголовную не попадалъ. Богъ [illegible] спасъ [illegible].

— Да, это [illegible], замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ.

— За шиворотъ, говорю, взяли! повторяетъ секретарь.

«За шиворотъ взяли»! — думаетъ Иванъ Герасимычъ. Странно. И начинаетъ онъ воображать себѣ, что было бы, если бы секретаря взять теперь за шиворотъ; и пока секретарь тянетъ исторію объ Антошкѣ Чеботаревѣ, Ивана Герасимыча все преслѣдуетъ мысль о томъ, что, если бы секретаря взять за шиворотъ. Онъ выпиваетъ рюмку водки.

— Вы говорите, за шиворотъ? спрашиваетъ онъ.

— За шиворотъ, отвѣчаетъ секретарь, раскуривая трубку.

Нѣсколько минутъ продолжается молчаніе. Иванъ Герасимычъ пристально смотритъ на секретаря. Наконецъ онъ откидывается на спинку дивана, вздыхаетъ и впадаетъ въ какое-то нервное разслабленіе.

Секретарь говоритъ что-то. «Антошка Чеботаревъ, сенатъ, палата, рѣшеніе» только и слышитъ Иванъ Герасимычъ.

— Ну, и палата рѣшила? спрашиваетъ онъ ни съ того ни съ сего и вздыхая.

— И рѣшила, отвѣчаетъ секретарь и опять разводитъ ту же матерію. «Понеже, слышится Ивану Герасимычу, указомъ отъ 21 мая законную силу пріяло и всѣ видимости на лицо» и т. д.

Иванъ Герасимычъ опять перестаетъ слышать. Въ головѣ

его возникаетъ любимый образъ. Бѣленькое платье, золотой поясъ...
Иванъ Герасимычъ поспѣшно выпиваетъ водки.

— А Антонина Чеботарева, слышится ему, опять пришла за [illegible]...

«Фу, чортъ, какъ мнѣ скверно!» мелькаетъ въ головѣ Ивана Герасимыча и, онъ спѣшитъ заглушить какое-то тревожное воспоминаніе и опять выпиваетъ рюмку водки.

— Ли и теперича, слышится ему... Но вотъ подъ звуки секретарскаго голоса въ головѣ его развертывается другая картина.

Онъ видитъ цѣлое собраніе [illegible]. Оркестръ гремитъ. Народу слышится говоръ. Иванъ Герасимычъ прислонился къ колоннѣ. Кто-то съ боку разсказываетъ ему о началахъ, по которымъ должно быть построено всякое общество; но онъ не слушаетъ. Онъ не спускаетъ глазъ съ брюнетки, которая съ кѣмъ-то разговариваетъ вдали. Какъ она одѣта! Бѣлое платье туго стянуто золотымъ поясомъ. Ярко блистаютъ черные, лучистые глаза, и все лицо ея озарено дѣтскимъ, веселымъ смѣхомъ. Иванъ Герасимычъ слышитъ изрѣдка хоть одно ея слово — и не помнитъ, и кусаетъ себѣ губы чуть не до крови...

— А вонъ, Антонина, слышится ему.

Съ озлобленіемъ выпиваетъ онъ рюмку водки. Кровь усиленно приливаетъ ему въ голову, онъ чувствуетъ неестественный жаръ въ лицѣ.

— А Антонина Чеботарева, твердитъ секретарь.

Но все ярче и ярче развертываются картины въ головѣ Ивана Герасимыча.

— Ну и чтожъ? спрашиваетъ онъ у секретаря съ какимъ-то ожесточеннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Ну вотъ и пошло, отвѣчаетъ секретарь, тоже одушевившись.

— Ну, а палата-то? перебиваетъ Иванъ Герасимычъ.

— Да палата послѣ, судъ!

— Стало быть, судъ?

— Онъ, конечно, отвѣчаетъ секретарь, а Иванъ Герасимычъ между тѣмъ теряетъ окончательно смыслъ въ словахъ и опять перестаетъ слушать. Секретарь въ двадцатый разъ варьируетъ ту же исторію, стараясь втолковать ее Ивану Герасимычу. По временамъ онъ тоже выпиваетъ водки, особенно на патетическихъ мѣстахъ. Такъ время иногда тянется до сумерекъ. Ѳома

сначала подкладываетъ грибковъ, потомъ приносятъ обѣдать: хозяинъ и гость все сидятъ и толкуютъ. Секретаря разспрашиваетъ съ жаромъ; Ѳома же получаетъ убѣжденіе, что люди говорятъ о чемъ нибудь дѣльномъ. Иванъ Герасимычъ по временамъ предлагаетъ вопросы.

— Ну, а чернила? говоритъ онъ.

— Ну вотъ съ того самаго и началось.

Въ головѣ Ивана Герасимыча сначала вертятся сцены; но понемногу, особенно послѣ обѣда, онъ начинаетъ терять смыслъ и наконецъ впадаетъ въ какое-то безсознательное состояніе: видитъ дорогу въ снѣгу, лошадь, палку на крыльцѣ, смотритъ тоже на стѣны, да упалъ на секретаря, который въ увлеченіи силится прибрать для Васьки Сухоѣдова слово какъ можно покрѣпче.

— Такъ вотъ какія дѣла бываютъ иной разъ на свѣтѣ, а? обращается онъ наконецъ къ Ивану Герасимычу.

— Да! отвѣчаетъ послѣдній, бываютъ.

Наговорившись вдоволь, пріятели расходятся; часто при свѣчахъ, передъ ужиномъ. Иванъ Герасимычъ проситъ заходить почаще, секретарь обѣщаетъ. Оба довольны, только Иванъ Герасимычъ долго не можетъ придти въ себя по уходѣ секретаря и найти прежнюю связь мыслей. «Сенатъ, Алексашка, секретарь, за шиворотъ» — все это мелькаетъ въ головѣ его и сбиваетъ съ толку. Только за ужиномъ попадаетъ онъ на прежнюю колею. Но все это не то, что когда бы Иванъ Герасимычъ одинъ весь день просидѣлъ дома: секретарь все-таки приходитъ ему въ голову и за щами, и за кашей. Такъ много значитъ одинъ разъ нарушить спокойствіе человѣка!

Такъ полюбилъ наконецъ это спокойствіе Иванъ Герасимычъ, до того утвердился въ своихъ привычкахъ, что малѣйшее уклоненіе отъ нихъ стало тревожить его не на шутку. Такъ чувствителенъ сталъ онъ ко всему, что его окружало. Сидитъ напримѣръ на диванѣ и видитъ подъ стуломъ бумажку, которой вчера не было; «странно», думаетъ онъ и не спускаетъ глазъ съ нея.

— Ѳома! говоритъ онъ наконецъ: — что это тамъ валяется — бумага что ль?

— Бумажка, сударь, отвѣчаетъ тотъ.

— Подними! что жъ она тамъ будетъ валяться?

И когда Ѳекла подымала бумажку, то Иванъ Герасимычъ [illegible] спокойнѣе предавался размышленіямъ. Вообще мысли составляли для него теперь единственную тревогу въ жизни. То [illegible] думалось ему, то такъ что нибудь несообразное шло въ голову, либо [illegible] видѣлся роскошный, съ колоннами, [illegible] въ огняхъ, съ гремящимъ [illegible], а что еще хуже, новый Цицеронъ представлялъ себя ораторомъ, говоритъ будто рѣчь на трибунѣ, [illegible] народное разбираетъ... Кругомъ толпы, [illegible] рукоплесканія, рѣчь Ивана Герасимыча то гремитъ какъ буря, то широко и ровно течетъ, какъ рѣка въ [illegible] берегахъ. Сердце замираетъ у нашего оратора при одномъ представленіи чего нибудь подобнаго: невольно приходятъ ему въ голову и обороты, которые бы онъ употреблялъ въ рѣчи, и остроты и смѣхъ, которымъ бы онъ заставилъ смѣяться тысячи людей, и тысячи людей стали бы рукоплескать ему... Даже въ жаръ бросаетъ Ивана Герасимыча отъ этихъ мыслей. «Что, еслибы я былъ римляниномъ, еслибы [illegible] форумъ, — думаетъ онъ, — [illegible], [illegible], [illegible] [illegible], всякая сволочь, которой можно бы говорить даже безъ приготовленія!» И мысли Ивана Герасимыча слагаются наконецъ въ цѣлую рѣчь. Сильнѣй и сильнѣй затягивается онъ, самыя патетическія мѣста проходятъ въ груди его, и такъ онъ все думаетъ, думаетъ, доколѣ наконецъ замѣтный жаръ въ лицѣ и глазахъ не выведетъ его изъ этого несообразнаго положенія. Тогда онъ впадаетъ въ нѣкоторое нервное разслабленіе, глаза его падаютъ опять на какую нибудь бумажку, или же онъ нѣсколько минутъ совершенно безсмысленно смотритъ въ окно, на улицу... Тутъ мысли его мало по малу принимаютъ другое, болѣе нормальное состояніе, ибо случается, иной разъ воробьи на дорогѣ, а то индюкъ, а то и такъ что нибудь, что обыкновенно приводитъ человѣка въ нормальное состояніе.

ВТОРОЙ ЭПИЗОДЪ.

ИВАНЪ ГЕРАСИМЫЧЪ ЯВЛЯЕТСЯ, КАКЪ ПРАКТИКЪ, МЫСЛИТЕЛЬ, ФИЛОСОФЪ, ОДНИМЪ СЛОВОМЪ, ВЪ ПОЛНОМЪ РАЗВИТІИ СВОЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Привыкая предаваться размышленіямъ и погружаться въ самого себя, Иванъ Герасимычъ дошелъ, наконецъ, до той мысли,

что-нибудь бы иногда и дѣлать что-нибудь, чтобы отвлечь раз-мышленія, отвлечь чтобы и мысли не слишкомъ ужь лѣзли въ голову. Долго думалъ онъ, за что бы приняться. Случай вывелъ его изъ затрудненія. Однажды утромъ, сидя на диванѣ и осматривая комнату, Иванъ Герасимычъ случайно [illegible] сосчиталъ стулья, и тутъ ему пришла ему въ голову мысль составить списокъ всѣмъ вещамъ, какія у него были. «Составлю, подумалъ онъ, полный списокъ всему, что есть, на всякій случай, чтобы не пропало что». Долго сидѣлъ онъ на диванѣ подъ вліяніемъ этой мысли, и наконецъ сшилъ довольно толстую тетрадь, отыскалъ чернильницу, продулъ въ ней [illegible], и завернувши полы халата, сѣлъ на диванѣ и закурилъ трубку въ намѣреніи еще разъ обдумать хорошенько все дѣло. Заглавіе сдѣлалъ онъ такое:

Опись вещамъ, веденная съ 22 сентября 1850 года.

Иванъ Залетаевъ.

Дней пять занимался Иванъ Герасимычъ описью, и надо сказать, очень усердно. Все было ясно и отчетливо. Были назначены отдѣлы. Такъ на первой страницѣ значилось:

ОТДѢЛЪ I-й.

МЕБЕЛЬ.

Комната № 1-й (въ которой обыкновенно сижу).

8 креселъ (два безъ ручки, которыя потеряны).

Диванъ (NB: починить).

Столъ на четырехъ ножкахъ (при немъ два ящика; придѣлать замки).

Картонная коробка (стоитъ подъ столомъ и неизвѣстно для чего).

Все это Иванъ Герасимычъ писалъ, осматривая подробно комнату. Въ концѣ онъ [illegible] [illegible] число оконъ, но потомъ почему-то вычеркнулъ. Затѣмъ слѣдовало:

Комната № 2-й (въ которой сплю).

Полдюжины стульевъ и столъ.

Картина, изображающая осень (вся въ лицахъ).

Idem. Іосифъ прекрасный (содержаніе непонятно).

Idem. Фея (стоитъ безъ одежды у водопада).

Idem. Рай (множество деревьевъ).
Idem. Гора (по всей вѣроятности Везувій: дымится).
Idem. Любовь (одинъ взялъ одну за шею и цалуетъ).
Idem. Неизвѣстное лицо въ древнемъ одѣяніи (должно быть, царь).

Затѣмъ слѣдовало:

Клѣтка (въ ней чижъ, иногда поетъ).
Вторая клѣтка (чижъ, тоже поетъ).
Третья клѣтка (тоже поетъ).

Въ отдѣлѣ II-мъ «платье» значилось:

Семь штановъ полосатыхъ, двое сѣрыхъ и пять разорванныхъ (чинить, смотря по надобности).
Колпакъ съ кисточкой (неизвѣстно, для какого употребленія).
Шляпа (надѣть, когда вздумается).

Было также полное исчисленіе бѣлья, и также съ замѣчаніями, въ родѣ того: «худа, починить», «стара, не годится», «подарить Ѳомѣ, если хорошо будетъ служить», «вычинить крѣпко-на-крѣпко, чтобъ не рвалось», «поставить заплату, такъ куда, еще прослужатъ», «дыръ мало и вообще годится». Отдѣлъ оканчивался такъ:

Женская рубашка (какъ могла попасть?)

Однимъ словомъ, все переписалъ Иванъ Герасимычъ. Ѳома сначала удивлялся, что баринъ такъ работаетъ, самъ осматриваетъ рубашки, на свѣтъ прикидываетъ, прорѣхи считаетъ и все это въ тетрадку пишетъ; но мало по малу онъ самъ вошелъ въ дѣло и серьёзно высчитывалъ Ивану Герасимычу, сколько у нихъ тарелокъ, горшковъ, и дѣлалъ это въ полномъ убѣжденіи, что такъ надо, что баринъ порядокъ хочетъ завести во всемъ строгій. Да и самъ Иванъ Герасимычъ не мало вразумлялъ Ѳому на этотъ счетъ:

— Надо, Ѳома, все на счету держать, — говорилъ, напримѣръ, онъ.

— Это точно-съ.

— Цѣлѣй, Ѳома, будетъ,—вразумительно продолжалъ Иванъ Герасимычъ.

— Какъ можно-съ!

— Оно видишь, какъ запишу я, что рубашекъ у насъ десять, такъ ужь и извѣстно будетъ, что ихъ не восемь и не семь, Ѳома, а ровно десять, а?

— Это такъ-съ.

— Салфетокъ, напримѣръ, дюжина, такъ ли?

— Точно-съ.

— Платковъ дюжина, не такъ ли?

— Точно-съ.

— Все на счету, Ѳома!

— Все на счету-съ.

— И какъ только, Ѳома, вещь какая новая, сейчасъ въ тетрадку!

— Это можно-съ.

Такъ вообще Иванъ Герасимычъ велъ опись. Все, что по важнѣе, было уже внесено въ тетрадь; оставался послѣдній отдѣлъ, самый разнообразный, которому одному Иванъ Герасимычъ посвятилъ дня три. Заглавіе его было:

ХЛАМЪ.

Ящикъ для гвоздей.
Таинственный монахъ. Р. Зотова.
Старая сапожная щетка.
Библіотека для чтенія.
Большой двутесный гвоздь.
Разсужденіе на степень магистра.
Шандалъ мѣдный.
Календарь.
Краткая исторія Устрялова.
Гвоздь.
Риторика Кошанскаго.
Гвоздь.
Старые штаны.
Гвоздь.
Гвоздь.
Гвоздь.
Гвоздь.

Сначала Иванъ Герасимычъ бросалъ гвозди по одиночкѣ, и какъ только бросить, то сейчасъ и запишетъ въ тетрадку; но наконецъ ихъ оказалось такъ много, что Иванъ Герасимычъ рѣшился счесть ихъ разомъ.

Весь хламъ онъ валилъ въ особый ящикъ, по мѣрѣ того, какъ записывалъ; но мало по малу ему надоѣло это, потому что хламу оказалось огромное количество: штаны, гвозди, книги,

щетки, банки, ручки отъ креселъ, щипцы, все это сначала писалъ Иванъ Герасимычъ, не забывая упоминать по временамъ о качествѣ вещей; но на третій день вышелъ изъ терпѣнія и сталъ валить все безъ разбору, записывая просто:

5-я вещь.

6-я вещь.

7-я вещь.

И такъ далѣе.

— Ну, слава Богу, кончилъ. Вотъ возня! сказалъ, наконецъ, Иванъ Герасимычъ, и отряхнулся. Пыль отъ него столбомъ пошла. Поглядѣлся онъ въ зеркало, лица не видать, все въ пыли, черное, словно трубы чистилъ.

«Ну, по крайней мѣрѣ, разобралъ все!» подумалъ Иванъ Герасимычъ.

Всѣ эти дни онъ не умывался, и когда Ѳома предлагалъ ему, то говорилъ обыкновенно, что «теперь ужь не къ чему, опять все равно замараешься. А вотъ какъ разберу, то умоюсь».

И дѣйствительно, Иванъ Герасимычъ умылся и даже мыломъ, такъ что много чище сталъ.

Нѣсколько дней послѣ этого онъ отдыхалъ, какъ бы считая себя вправѣ ничего не дѣлать. Опись лежала на столѣ, и Иванъ Герасимычъ то и дѣло перебиралъ и читалъ ее. Даже разъ провѣрилъ, пройдясь по комнатамъ и замѣчая, все ли записано. Въ тайнѣ ему хотѣлось еще что нибудь вписать, но матеріаловъ, къ сожалѣнію, не было.

— Не нужно ли еще чего вписать, ты скажи, Ѳома, — говорилъ онъ подъ вліяніемъ этой мысли.

— Теперь, кажись, все-съ.

— Ничего не позабыли?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, нечего дѣлать. А коли что найдется, такъ сейчасъ же скажи. Слышишь?

Въ надеждѣ на то, что найдется еще что нибудь, Иванъ Герасимычъ отрядилъ особое мѣсто въ тетрадкѣ подъ заглавіемъ: прибавленіе къ описи Ивана Залетаева.

Ѳома дѣйствительно отрылъ гдѣ-то старую кочергу, которая тотчасъ же и была вписана подъ № 1-мъ.

Но это только подстрекнуло Ивана Герасимыча, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, отыскать матеріаловъ для описи.

Съ этою цѣлію вышелъ онъ на дворъ, и въ тотъ же день въ

«прибавленіи къ описи Ивана Залетаева» можно было читать слѣдующее:

Старое колесо отъ телѣги.

Ось.

Погребъ.

Три оглобли (безъ всякаго употребленія).

Собачья конура (необитаема).

И еще нѣсколько вещей, все подъ номерами.

Вообще опись воодушевила нѣсколько Ивана Герасимыча, такъ что онъ нѣсколько дней чувствовалъ нѣчто въ родѣ страсти къ составленію всякаго рода реестровъ и каталоговъ. Отъ этого-то, по всей вѣроятности, и зародилась въ немъ мысль о составленіи календаря на цѣлый годъ. Въ той же тетрадкѣ разлиневалъ онъ мѣсто для мѣсяцевъ, выставилъ числа и приладилъ такъ, чтобъ можно было вечеромъ зачеркивать каждый прожитый день. Праздники отмѣтилъ краской. Нѣсколько дней онъ занятъ былъ календаремъ. То зачеркивалъ число, то считалъ, сколько осталось до Рождества или до Пасхи; словомъ, по утрамъ Иванъ Герасимычъ все время посвящалъ на чтеніе тетрадки. Думалъ было онъ составить каталогъ городу, то есть, сколько церквей считается, домовъ, улицъ, но это показалось затруднительнымъ. Тогда пришла ему мысль о дневникѣ. Понадобилась новая тетрадь. Заглавіе дано такое:

«Дневникъ Ивана Залетаева, ведомый съ 1-го ноября 1859 года».

Съ этой-то поры начинается, собственно, литературная дѣятельность Ивана Герасимыча. Долго грызъ онъ перо, обдумывая начало, и наконецъ рѣшилъ, что безъ системы затруднительно, и что нужно употребить ту же мѣру, какъ и при описи, то есть отдѣлы. Отдѣлы эти приняли такой видъ: мысли, намѣренія, общія замѣтки, благочестивыя чувствованія и, наконецъ, повседневный образъ жизни.

— Вотъ, сказалъ самъ себѣ Иванъ Герасимычъ: — по мѣрѣ того, какъ это все будетъ развиваться во мнѣ, я буду записывать.

И дѣйствительно, нѣсколько времени онъ ревностно занимался дневникомъ, даже прибавилъ еще отдѣлъ: смѣсь.

Вотъ, напримѣръ, отрывки изъ дневника Ивана Герасимыча.

МЫСЛИ.

Все призвано къ жизни, даже самая малая травка.

Смыслъ дается намъ отъ природы.

Удивительное дѣло человѣкъ: никакъ не разберешь, что онъ думаетъ и чего желаетъ.

Девятнадцатый вѣкъ породилъ просвѣщеніе; нельзя однако сказать, чтобы прежнія времена были совершенно невѣжественны.

Папа есть глава католической церкви. Говорятъ, нынѣшній Пій IX малый порядочный.

Былъ вчера пьянъ, но не очень.

Душа, удаляясь отъ міра внѣшняго, погружается въ самое себя и чувствуетъ въ это время высшее свое назначеніе. Надо чаще погружаться въ самого себя.

Замѣчаю, что я началъ съ нѣкотораго времени погружаться въ самого себя. Это хорошо.

Вчера былъ пьянъ. Не слишкомъ, впрочемъ.

Взаимнодѣйствіе есть дѣйствіе одного предмета на другой и обратно.

БЛАГОЧЕСТИВЫЯ ЧУВСТВОВАНІЯ.

Чаще надо читать святцы.

Что такое духъ человѣческій? это еще вопросъ.

Жизнь есть страданіе и никто не долженъ надѣяться на счастье. Въ этомъ отношеніи моралисты справедливы.

Надо меньше пить водки.

Мало по малу фразы въ родѣ того: былъ пьянъ, надо меньше пить водки — начинаютъ встрѣчаться въ разныхъ видахъ во всѣхъ отдѣлахъ, напримѣръ, такъ:

Много пью!

Былъ пьянъ.

Сегодня рано довольно охмѣлялся.

Охмѣляться хорошо, но вредно.

Пилъ. Съ секретаремъ, впрочемъ.

Особенно въ смѣси:

Былъ пьянъ.

Читаю святцы.

Пилъ.

Читалъ святцы.

Видѣлъ сонъ, будто пью.

Святцы.

Если бы еще полштофъ, то это чортъ знаетъ бы что!

Да!

Ухъ, какъ хватилъ!

Часто даже можно встрѣтить совершенную безсмыслицу въ этой смѣси.

Сначала Иванъ Герасимычъ аккуратно записывалъ все по отдѣламъ; но мало по малу, когда чаще пришлось писать: былъ пьянъ, надо меньше пить водки, — отдѣлы смѣшались, и Иванъ Герасимычъ сталъ просто писать или подъ числами, или же, такъ какъ затруднительно всегда знать число, выставлялъ дни: вторникъ, пятница, — да и тутъ нерѣдко ошибался; оно и естественно: гдѣ же помнить каждый разъ, какой нынче день.

Такимъ образомъ отдѣлы исчезли. Тѣмъ не менѣе, въ дневникѣ встрѣчаются мысли, замѣтки, нерѣдко выраженія чувствъ; выясняется также повседневный образъ жизни, чаще же всего встрѣчаются философскія размышленія, которымъ Иванъ Герасимычъ любилъ, какъ видно, предаваться въ часы досуга. Такъ какъ эти размышленія показываютъ съ одной стороны образованіе, съ другой — извѣстный взглядъ на жизнь, то, прежде чѣмъ воротимся къ дневнику, поговоримъ сначала о воспитаніи Ивана Герасимыча.

Иванъ Герасимычъ воспитывался въ гимназіи. Боже, какъ онъ зналъ латинскую грамматику еще и теперь! Катихизисъ, разумѣется, пунктуально: по вопросамъ и отвѣтамъ. Какая первая заповѣдь? «Азъ есмь Господь Богъ твой», отвѣчаетъ еще и те-

перь Иванъ Герасимычъ. Вообще изъ Закона Божія онъ всегда получалъ пять, ибо зналъ все наизусть. Помнилъ тоже онъ нѣмецкую грамматику, больше потому, что обертка была необыкновенная, желтая съ разводами. Да и нѣмецъ учитель былъ ужь очень пунктуаленъ. Ходилъ всегда со множествомъ книгъ и портфелей подъ мышкой, въ классѣ не вставалъ съ мѣста и такъ серьезно спрашивалъ глаголъ haben, что, казалось, совершалъ какое-то таинство. «Зпрягай!» скажетъ, бывало, и уставится пристально такъ, и слушаетъ-слушаетъ, и лицо его словно одеревенѣетъ въ это время. Смыслу ни малѣйшаго, такъ строго нѣмецъ исполнялъ свои обязанности! Въ классѣ тишина смертная, только и слышно: ich habe, du hast, er hat... И цѣлый часъ все такъ! Эффектъ еще болѣе увеличивался, когда къ концу класса являлся около его стула цѣлый полукругъ учениковъ, стоящихъ на колѣняхъ. Въ добавокъ, по субботамъ драли. Выходило такъ, что у нѣмца всего болѣе было кандидатовъ на порку. Отъ этого-то, должно быть, такъ и въѣлся глаголъ *haben* Ивану Герасимычу. Ему и теперь иногда приходитъ онъ въ голову, въ часы досуга, напримѣръ, въ сумерки, когда, въ ожиданіи чая, Иванъ Герасимычъ перебираетъ кой-что въ головѣ и, куря трубку, тихо погружается въ воспоминанія. Тутъ и *mensa* иной разъ забредетъ ему въ голову, и Иванъ Герасимычъ какъ-то безсознательно просклоняетъ ее, всю до конца, да и послѣ того мысль его все еще долго перебѣгаетъ съ дательнаго падежа на родительный и обратно, пока не развлечетъ ее что нибудь на улицѣ, ибо нерѣдко бываетъ, что пройдетъ пономарь, либо воробьи соберутся посреди дороги и станутъ кричать, а то индюкъ, которому Иванъ Герасимычъ обыкновенно свищетъ. Все это даетъ пищу уму и въ соединеніи съ mensa'ой образуетъ въ головѣ Ивана Герасимыча цѣлый рядъ понятій, въ которомъ предметы обыденной жизни переплетаются съ понятіями, порожденными на нашей почвѣ собственно образованіемъ, такъ что въ представленія: пономарь, воробьи, индюкъ — входитъ новый уже элементъ: mensa. Иванъ Герасимычъ это сознаетъ по временамъ и тогда чувствуетъ себя выше окружающей обстановки.

Училъ онъ тоже и исторію, кой-что помнилъ и теперь, потому что училъ наизусть. Знаетъ, напримѣръ, какой царь мирно царствовалъ и какой немирно, кто расширилъ предѣлы своего отечества и кто нѣтъ. Это, впрочемъ, ему рѣдко приходитъ въ

голову, потому что случаевъ нѣтъ вспоминать, да и не такъ крѣпко врѣзалось въ память, какъ mensa. Mensa словно гвоздемъ вошла и потому естественно припоминается не сегодня, такъ завтра. Иногда, впрочемъ, когда Иванъ Герасимычъ сидитъ съ секретаремъ, то ему приходятъ въ голову историческіе вопросы въ родѣ того: «а что, вѣдь секретарь не знаетъ, должно быть, что былъ когда-то Мстиславъ Тмутараканскій?»

Изучалъ и словесность Иванъ Герасимычъ. До сихъ поръ дѣлитъ онъ слогъ на высокій, средній и низкій, а литературу на свѣтскую и духовную; отличаетъ тоже идею отъ формы, и когда читаетъ стихи, то всегда смотритъ, соотвѣтствуетъ ли идея формѣ; если нѣтъ, то говоритъ обыкновенно: «вотъ, идея нисколько не соотвѣтствуетъ формѣ». Знаетъ онъ также ораторское краснорѣчіе вполнѣ, досконально, такъ сказать. «Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?» говоритъ онъ иногда про себя, и улыбается, ибо чувствуетъ ясно, что знаетъ, между тѣмъ вотъ какъ Ѳома, который проходитъ въ это время мимо него, не знаетъ, положительно не знаетъ. До сихъ поръ еще хранятся у Ивана Герасимыча тетрадки съ гимназическими сочиненіями. Боже, что это за темы! Все глубоко-философскія, глубоко-нравственныя! «Что такое умъ безъ образованія?» «Свѣточъ истины»; «Восторгъ при видѣ солнца», «Восторгъ при видѣ истины», «Нѣчто о нравственности въ смыслѣ морали», «Объ отношеніи ума къ сердцу и обратно», «О философіи какъ наукѣ», «О духѣ и его проявленіяхъ», и проч. и проч. Все это писано у Ивана Герасимыча по всѣмъ правиламъ, съ приступомъ, срединой и заключеніемъ. Однимъ словомъ, учитель всегда ставилъ ему пять.

Но кромѣ слѣдовъ, которые мы указали, наука имѣла на Ивана Герасимыча еще и глубокое нравственное вліяніе. Онъ самъ, помышляя иногда о своемъ воспитаніи, приходилъ къ результатамъ самымъ утѣшительнымъ. «Вотъ, думалъ онъ, я, можетъ быть, и не вѣсть, что бы теперь дѣлалъ, еслибъ не образованіе. Какъ замѣтно смягчаетъ оно насъ! Человѣкъ обуреваемъ страстями, но образованіе не даетъ ходу никакой! Загорись во мнѣ страсть, сейчасъ могу отвлечься: припомню что нибудь изъ исторіи, mens'у, наконецъ, буду склонять, до двадцати пяти, до ста считать стану, чтобъ мысли отвлечь. Да наконецъ и не можетъ загорѣться, потому что обо всемъ размышлять могу. Чуть что, сейчасъ вопросъ: какъ, что, почему? Не воображеніе ли дѣй-

ствуетъ? Не кровь ли? Привелъ разсудокъ, и свелъ, глядишь, на пустяки. Можетъ ли послѣ этого что нибудь быть? Ничего. Вотъ сидишь себѣ, смотришь, думаешь... Правда, скучновато немного, да чтожь? Не все же веселиться. Дѣла жаль нѣту эдакаго, чтобы интереснаго. Все какъ-то такъ проходитъ время. Но все жь таки образованіе важно. Я, напримѣръ, знаю, когда дѣйствуетъ у меня разумъ, когда умъ, когда воображеніе — все извѣстно! Не даромъ учились! Да и мысли у меня развѣ какія буйныя? Нѣтъ. Правда, иной разъ такъ себѣ чортъ знаетъ, что думаешь, да вѣдь не обижаешь никого. Можетъ быть, я давно ужь кралъ бы, а теперь вотъ нѣтъ. Правила, стало быть, есть. Положимъ, иной разъ пустяками занимаешься, да правила не страдаютъ отъ этого. Не рожденъ же я администраторомъ, чортъ возьми! Просто гражданинъ себѣ, да и все. Сижу вотъ. Ну? Чтожь я такое? ругаюсь? бранюсь? Нѣтъ. Стало быть, кротокъ. Да и уменъ, собственно говоря! Развѣ нѣтъ? Вещи понимаю. Правда, водки иногда много пью, да вѣдь не безъ слабостей человѣкъ! За то вѣдь знаю, напримѣръ, исторію, чего еще? Стало быть, и ученый даже. Да. Вотъ скучно только иногда, чортъ возьми! Это ужь я не знаю, отчего».

Такъ помышлялъ Иванъ Герасимычъ о своемъ образованіи и утѣшался тѣмъ, что онъ человѣкъ по истинѣ кроткій и никогда никакихъ скандаловъ не дѣлаетъ. Не могъ только понять, отчего ему скучно бываетъ. Разъ только записалъ въ дневникѣ: «скука есть болѣзнь нашего вѣка».

Не всегда, впрочемъ, такъ утѣшительны были размышленія Ивана Герасимыча. «Странная вещь эта кротость, мелькало у него въ головѣ иногда противъ воли, что мнѣ съ ней дѣлать?» И онъ крѣпко затягивался при этой мысли. «Да, продолжалъ онъ, — хоть бы кто спасибо сказалъ за эту кротость!»

Объ умѣ своемъ тоже иной разъ иначе относился. «Да чтожь уменъ, говорилъ онъ самъ себѣ, что изъ этого, что уменъ? Не все ли равно, еслибъ я и дуракомъ былъ?» И эта мысль представилась ему однажды съ такою ясностью, что онъ даже плюнулъ: «ей Богу все равно,—сказалъ,—еслибъ даже и дуракомъ былъ!»

Тоже и нравственность свою подвергалъ онъ разбору. Чаще всего это случалось передъ тѣмъ, какъ пить Ивану Герасимычу водку.

«Вотъ, думалъ онъ, пью водку. Это нехорошо».

Затѣмъ слѣдовали краткія размышленія, прерываемыя куреніемъ трубки и сильными затяжками.

«Можно и не пить.

Сильная затяжка и пауза.

«Да».

Продолжительная пауза, въ теченіи которой Ѳома приноситъ графинъ и ставитъ на столъ. Иванъ Герасимычъ смотритъ и куритъ.

Слѣдуютъ довольно подробныя мысли о трезвости.

Графинъ между тѣмъ на столѣ. Глазъ не спускаетъ съ него Иванъ Герасимычъ.

«А что, если выпить»? мелькаетъ у него въ головѣ уже безсознательно.

Сильная затяжка и какая-то смутная мысль. Видна вообще борьба.

«Пить или не пить?»

И вдругъ Иванъ Герасимычъ, какъ бы сдѣлавши послѣднее усиліе надъ собой, быстро ставитъ трубку и выпиваетъ разомъ двѣ рюмки.

На лицѣ его замѣчается нѣкоторое спокойствіе.

Онъ выпиваетъ третью.

«Да, ничего! думаетъ онъ. Чтожь»?

И закусываетъ.

Расположеніе духа замѣтно улучшается.

«А что, собственно говоря,—замѣчаетъ уже онъ довольно весело, — не все ли равно, пьянъ я или нѣтъ?»

И тутъ же, чтобъ не забыть, записываетъ въ дневникъ, въ отдѣлѣ мыслей:

«Мнѣ кажется, рѣшительно все равно, пьянъ я бываю или нѣтъ».

Изъ дневника же мы видимъ, что такъ называемыя *правила* тоже смущали нѣсколько Ивана Герасимыча.

«Правила-то есть, — думалъ онъ, — какъ не быть правилъ. Толку-то будто мало. Оно ничего разумѣется: сидишь, думаешь, не буянишь... Да что бы изъ нихъ сдѣлать такое?»

И Иванъ Герасимычъ задумывался надъ тѣмъ, что бы такое сдѣлать изъ правилъ. Чтобы яснѣй представить себѣ правила, онъ однажды даже взялъ дневникъ и написалъ слѣдующее заглавіе:

Мои правила (12 ноября 1859 года).

Иванъ Герасимычъ всегда ставилъ число и годъ.

«Ну, началъ онъ, какія же?»

Третъ себѣ лобъ Иванъ Герасимычъ, и пишетъ медленно такъ:

1-е Цѣломудріе.

Затѣмъ кладетъ перо. На столѣ стоитъ водка. Иванъ Герасимычъ выпиваетъ.

«Чортъ знаетъ, что такое», мелькаетъ у него въ головѣ.

«Цѣломудріе», безсознательно повторяетъ онъ, стараясь какъ бы вникнуть въ смыслъ слова, и опять выпиваетъ рюмку водки.

— Ну, второе, говоритъ онъ, наконецъ и снова выводитъ медленно такъ, словно рисуетъ:

2-е Благочестіе.

Выпиваетъ и углубляется въ слово благочестіе. «Благая честь» мелькаетъ у него въ головѣ, «что это такое, собственно говоря»?

Вздыхаетъ.

«Въ чемъ же собственно моя благая честь»? продолжаетъ онъ и никакъ не можетъ переварить, въ чемъ состоитъ его благая честь.

Вѣра.

Вздыхаетъ и думаетъ. Рука его сама собой дописываетъ:

Надежда.

Любовь.

«Любовь» мысленно повторяетъ онъ. «Кого любить?»

Голова его опускается.

«Ѳому любить», продолжаетъ онъ, и окончательно уже теряетъ смыслъ.

Приходятъ, наконецъ, ему на умъ нѣмцы, которые все это такъ хорошо разбираютъ...

«Жаль, думаетъ онъ, что нѣмецкой философіи не училъ. Отъ того, должно быть, и не разберешь тамъ ничего, что въ головѣ-то! Да и слова-то, собственно говоря, всѣ у нѣмцевъ. Все они дѣлаютъ. Скуетъ тамъ словцо гдѣ нибудь въ Швабіи и несетъ къ намъ вмѣстѣ съ ваксой, Wissenschaft, говоритъ. А тутъ и разбирай. У насъ ничего этого нѣтъ. Хоть бы когда нибудь, Господь далъ, выучили мы эту нѣмецкую философію! Просто бы гора съ плечъ. Написать развѣ статью? Предложить такъ, чтобы вся Россія годъ или два занялась этою нѣмецкою философіею, чтобы разомъ ужь кончить. А то чортъ знаетъ, ни то, ни сё.

Либо эти нѣмцы умны что-ль очень... Сидитъ, каналья, день и ночь корпитъ, да и напишетъ книжицу: тутъ тебѣ и разумъ, и умъ, и сердце... Ну, и разбираешь. Положимъ, хорошо, на развитіе дѣйствуетъ: скучно только, чортъ возьми! Долго ужь очень возимся. Разомъ бы выучить. Да не поспѣешь, жаль. Только что выучишь, глядь, опять пишутъ. Что ни годъ, то книга. Здорово пишутъ бестіи! И все философія. Пробовалъ читать — трудно».

Но не смотря на то, что Иванъ Герасимычъ такъ относился о нѣмецкой философіи, философскіе вопросы вообще не мало, какъ видно, занимали его въ этомъ періодѣ его дѣятельности. Оно и неудивительно: занятіе дневникомъ незамѣтно развило въ немъ духъ сомнѣнія и анализа. Слѣдующія выдержки изъ дневника ясно покажутъ, какія мысли волновали въ эту пору Ивана Герасимыча, и какъ стремился онъ разрѣшить вопросы, надъ которыми человѣкъ трудится столько времени безъ всякой пользы.

Вычиталъ Иванъ Герасимычъ гдѣ-то фразу: «Философія жизни».

— А! сказалъ онъ самъ себѣ:—вотъ штука! Любопытно было бы проникнуть въ эту философію жизни!

И долго думалъ надъ этимъ.

Вечеромъ записалъ въ дневникѣ: «Ужасно много сложности въ человѣческой жизни, и въ философію ея проникнуть необыкновенно трудно».

Въ другой разъ попалось ему слѣдующее: высоко-нравственное назначеніе человѣка заключается въ его духовномъ развитіи.

Задумался и надъ этимъ Иванъ Герасимычъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! пробѣжало у него въ головѣ:—вѣдь у меня есть духъ! Что я водку-то пью?

И съ того же дня рѣшился развивать духъ.

Въ дневникѣ же записалъ такъ:

«Рѣшился развивать духъ. Надо меньше пить водки».

Рѣшеніе это нѣсколько дней занимало Ивана Герасимыча.

Взглянетъ на графинъ—воздержится. «Развиваю духъ», подумаетъ.

Разъ даже сталъ подмѣчать, не видно ли будетъ, какъ это въ головѣ у него развивается духъ: силился, силился — ничего не замѣтилъ.

Тѣмъ не менѣе, Иванъ Герасимычъ нѣсколько дней воздерживался отъ водки.

Вслѣдствіе этого ли, только вскорѣ въ дневникѣ его можно было читать:

— Слава Богу, чувствую себя легче. Все думаю.

А одинъ разъ даже такъ:

— Нынче совершенно трезвъ: обмозгъ этимъ—мыслями.

Но не долго держался Иванъ Герасимычъ и разъ, должно быть, подъ пьяную руку, вечеромъ, черкнулъ:

— Удивительная штука этотъ духъ: такъ себѣ, собственно говоря, ни то, ни сё.

А вскорѣ затѣмъ уже встрѣчаемъ подъ разными числами:

«Развивалъ духъ».

«Читалъ святцы».

«Былъ пьянъ».

Написано все это замѣтно нетвердой рукой.

Наконецъ, Иванъ Герасимычъ рѣшилъ вопросъ такъ:

— Что такое духъ? это, собственно говоря, еще вопросъ.

И затѣмъ въ дневникѣ ни разу уже не встрѣчаемъ о духѣ.

За то другой вопросъ занимаетъ нѣкоторое время Ивана Герасимыча: вопросъ о матеріализмѣ.

— Замѣчаю въ себѣ матеріалистическія данныя, — пишетъ онъ,—это не хорошо. Стараюсь подавить и читаю святцы.

Въ другихъ мѣстахъ:

— Какъ быстро развивается въ Европѣ матеріализмъ: это удивительно!

— Положимъ, Вольтеръ философъ, но вѣдь ему вѣрить тоже нельзя.

— Матеріалистъ я, или нѣтъ? Любопытно бы рѣшить это.

Наконецъ, вопросъ о матеріализмѣ рѣшается довольно-рѣзко, и по всей вѣроятности вечеромъ, ибо въ дневникѣ мы читаемъ слѣдующія слова, написанныя крайне-нетвердой рукой:

— Что такое, собственно говоря, матеріализмъ? Все это нѣмцы и больше ничего. Вздоръ.

И затѣмъ о матеріализмѣ ни слова.

— Былъ пьянъ,—пишетъ Иванъ Герасимычъ подъ 27 ноября,—и рѣшилъ, что все, что мы ни дѣлаемъ, есть не что иное, какъ дѣло рукъ человѣческихъ.

PS. Опохмѣляться вредно.

Рядомъ съ философскими сентенціями, попадаются въ дневникѣ и лирическія мѣста. Такъ въ одномъ мѣстѣ Иванъ Герасимычъ замѣтно съ жаромъ восклицаетъ:

— Сколько на свѣтѣ чепухи! Сколько на свѣтѣ чепухи!

Въ другомъ:

— О, кто бы меня утѣшилъ, кто бы утѣшилъ! въ горести моей утѣшилъ бы!

Жаль, нѣтъ послѣдовательности, ибо тотчасъ же за этимъ, только подъ другимъ числомъ, совершенно другая мысль:

— Былъ пьянъ, но не очень.

Среди этой и подобныхъ фразъ, еще на нѣсколькихъ страницахъ продолжаетъ встрѣчаться философское направленіе. Наиболѣе видное мѣсто занимаетъ вопросъ о спиритуализмѣ.

— Погружаюсь въ спиритуализмъ—пишетъ въ одномъ мѣстѣ Иванъ Герасимычъ—и вижу, что эта теорія дѣльнѣе. По крайности духъ признаетъ!

Но черезъ нѣсколько страницъ уже видно, что спиритуализмъ начинаетъ надоѣдать Ивану Герасимычу. Попадаются фразы въ родѣ того:

— Спиритуализмъ! А что такое спиритуализмъ?

Или такъ:

— Не нужно мнѣ, собственно говоря, ни матеріализму, ни спиритуализму. Секретарь, напримѣръ, ничего этого не признаетъ, а живетъ же! Стало быть, можно и такъ.

Затѣмъ проглянуло въ дневникѣ ученое направленіе, правда, на очень короткое время.

— Думаю изложить систему міра — пишетъ Иванъ Герасимычъ: — все, что говорено объ этомъ доселѣ, недостаточно. Думаю изложить просто и ясно.

Затѣмъ такъ:

— Сшилъ особую тетрадь. Думаю начать о звѣздахъ въ томъ смыслѣ, что они особыя тѣла и движутся по законамъ. Книга вообще должна выйти толстая.

PS. Много мѣшаетъ секретарь. То и дѣло пьянъ.

Декабря 15.

— Систему міра дѣйствительно можно бы изложить; да вѣдь кто ее знаетъ, какъ оно тамъ?

Декабря 17.

— Эхъ, жизнь ты моя распроклятая! Какая тутъ къ чорту система міра! Зналъ бы, ни за что бы...

Дальше ничего не разберешь.

Вообще послѣ этой «системы міра» дневникъ замѣтно падаетъ. Разстояніе между числами становится все больше и боль-

ше. Чаще встрѣчаются фразы: былъ пьянъ,—еслибъ кто зналъ, какъ я вчера былъ пьянъ. Проклятый секретарь!

На выдержку, впрочемъ, можно привести еще нѣсколько мѣстъ:

Февраля 5.

Нынче не надѣвалъ штановъ и сидѣлъ просто такъ, въ халатѣ.

Марта 7.

Вотъ ужь съ мѣсяцъ не надѣвалъ штановъ. Все равно, впрочемъ.

Марта 10.

Прежде, говоритъ, въ лѣта юности—говоритъ Гоголь—все, говоритъ, меня прельщало, а теперь такъ чортъ знаетъ что: ничего не разберешь.

И дѣйствительно справедливо: что теперь? Ничего рѣшительно.

Апрѣля 4.

Вотъ и весна. Да мнѣ-то что, собственно говоря?

Апрѣля 11.

Бываетъ, такъ-то человѣкъ жалуется—на что онъ жалуется? Пора бы сознать наконецъ, что нѣтъ здѣсь ни горя, ни радости, а такъ себѣ, чортъ знаетъ что...

Апрѣля 15.

«Враждебнымъ словомъ отрицанья», говоритъ какой-то поэтъ...

Апрѣля 20.

Богъ мой, Богъ мой, какъ скверно!!...

Апрѣля (какого-то).

Попробовалъ надѣть штаны—бросилъ. Все равно.

Мая 4.

Май!.. Казалось бы, чего лучше? Но нѣтъ! Ничего не подѣлаешь. Все сидишь, и все сидишь... Или ужь такъ суждено на свѣтѣ?

Много и другаго подобнаго встрѣчается въ дневникѣ, — но, какъ сказано выше, все рѣже и рѣже.

Вообще наступаетъ третій періодъ въ жизни Ивана Герасимыча, когда окончательно слагается его характеръ и замѣтнѣе опредѣляется весь смыслъ его существованія, которое мы и представимъ въ слѣдующей главѣ.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

КАКЪ РЕЗУЛЬТАТЪ ДВУХЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ.

Такъ проводилъ Иванъ Герасимычъ лучшіе годы своей молодости, спокойно, безъ особенныхъ надеждъ и увлеченій, а такъ себѣ, какъ живетъ всякій хорошій человѣкъ, не мѣшая другимъ, да и самъ ничѣмъ не выдаваясь. Писалъ дневникъ, анализировалъ свои чувства, углублялся по временамъ въ вопросы, такъ что отчасти и философомъ былъ. Размышленія же любилъ тихія, спокойныя. Правда, иногда онъ чувствовалъ нѣкоторый недостатокъ смысла въ словахъ напримѣръ, да и вообще въ жизни; но это было рѣдко. Напослѣдокъ же стало Ивану Герасимычу рѣшительно все равно — есть ли смыслъ въ словахъ, или нѣтъ, такъ что онъ даже замѣтилъ въ дневникѣ: «Нужно меньше думать. Да и надобности, собственно говоря, никакой нѣтъ. Не все ли равно, думаетъ что человѣкъ, или нѣтъ?» И съ тѣхъ поръ Иванъ Герасимычъ сталъ гнать отъ себя по возможности всякія мысли, чтобъ ужь не тревожиться. «Все равно, ничего не выдумаешь», сказалъ онъ. Въ дневникѣ же чаще сталъ записывать погоду, отмѣчалъ тоже, когда былъ очень пьянъ, и когда не очень. Въ то же время онъ и другой вопросъ рѣшилъ, какъ мы видѣли: «мнѣ кажется — писалъ онъ—рѣшительно все равно, пьянъ я или нѣтъ».

И съ тѣхъ поръ не размышлялъ уже объ этомъ, а просто помѣчалъ только, когда очень пьянъ и когда не очень.

О правилахъ тоже читаемъ въ одномъ мѣстѣ:

«Да какія чортъ правила? Есть ли они, нѣтъ—не все ли равно? Пользы отъ этого ни на грошъ. Все также скучно».

Мало по малу онъ рѣже сталъ заглядывать въ дневникъ и даже чувствовалъ себя отъ этого спокойнѣе.

«Къ чему это я дневникъ веду? пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: развѣ цѣль какая? положительно надо бросить».

И отмѣтивши послѣ этого раза два, что былъ пьянъ, дѣйствительно бросилъ.

Разъ только случилась исторія, вслѣдствіе которой дневникъ снова появился на сцену. Но это была послѣдняя вспышка, послѣ которой и самая тетрадь затерялась. Произошло это такимъ образомъ:

Встаетъ однажды Иванъ Герасимычъ вечеромъ и начинаетъ пить чай. Долго сидѣлъ онъ такъ на диванѣ, куря трубку и прихлебывая изъ стакана; изрѣдка барабанилъ пальцами, смотрѣлъ тоже на свѣчку, либо въ окно; оглядѣлъ наконецъ сапоги—не худы ли гдѣ и не нужно ли починить. Сапоги оказались крѣпки. Иванъ Герасимычъ откинулся на спинку дивана въ какомъ-то утомленіи и сталъ глядѣть въ потолокъ.

— Ну, сказалъ онъ наконецъ—о чемъ же бы это подумать?

И долго искалъ въ головѣ, о чемъ бы подумать.

— Мысль бы какую нибудь—а? сказалъ онъ самъ себѣ.

Но мысль не шла.

— Либо чувство чтоль какое? продолжалъ онъ.

И этого не оказалось.

— Все чепуха! заключилъ Иванъ Герасимычъ.

Сидитъ и куритъ. Ничего въ головѣ нѣтъ, ясно онъ это чувствуетъ.

— Какъ ясно дѣйствительно, говоритъ онъ самъ себѣ и рука его сама собой пишетъ въ дневникѣ:

— Какъ дѣйствительно все ясно. Все рѣшительно ясно.

Часы бьютъ. Иванъ Герасимычъ считаетъ. Только девять, слѣдовательно еще рано.

— Да, еще рано — говоритъ Иванъ Герасимычъ. И начинаетъ онъ рисовать кресты, треугольники, рожи, домики. Это продолжается съ полчаса.

— А не написать ли стихи? задаетъ себѣ вопросъ Иванъ Герасимычъ.

«Къ лунѣ, къ ней» мелькаютъ передъ нимъ заглавія и онъ пишетъ:

КЪ НЕЙ.

Приди, приди ко мнѣ на грудь,
Живѣе дай тобой вздохнуть,
Дай ощутить всю сладость нѣги,
Пролей...

Зачеркиваетъ «пролей» и снова пишетъ:

«Пролей»...

— А, чортъ возьми!—думаетъ онъ: — проклятое пролей, но разстаться съ словомъ не можетъ.

«Пролей»...

— Что бы такое? мелькаетъ у него въ головѣ.

Перечитываетъ Иванъ Герасимычъ, что написалъ и чувствуя нѣкоторое утомленіе, тихонько перекрещиваетъ написанное. Затѣмъ закрываетъ тетрадь и, посмотрѣвши пристально въ уголъ, вздохнувши раза два изъ глубины души, тихо зоветъ Ѳому.

— Ѳома, говоритъ онъ разслабленнымъ голосомъ: — подать бы чтоль водки, а то чортъ знаетъ что такое...

Этими стихами и оканчивается дневникъ Ивана Герасимыча.

Такимъ образомъ Иванъ Герасимычъ совершилъ полный кругъ дѣятельности. Сначала явился хозяиномъ-практикомъ, какъ видно изъ полной и подробной описи вещамъ Ивана Залетаева; затѣмъ, предавшись тонкому и глубокому анализу собственныхъ своихъ правилъ и качествъ, выразился какъ мыслитель; явился также философомъ, испытавъ на себѣ вліяніе современныхъ ученій о спиритуализмѣ, матеріализмѣ и т. п., мечталъ даже изложить «Систему міра» всю сполна, чтобы такимъ образомъ провести новое ученіе, которое бы не было ни спиритуализмомъ, ни матеріализмомъ, а было бы совсѣмъ новое, болѣе полное и истинное; наконецъ, въ послѣдней попыткѣ написать стихотвореніе Иванъ Герасимычъ является намъ чисто литераторомъ и затѣмъ, какъ общественный дѣятель, сходитъ со сцены. Дальнѣйшая жизнь его важна для біографа и потому мы рѣшаемся посвятить еще нѣсколько страницъ нашему герою, такъ какъ жизнь такихъ людей, какъ Иванъ Герасимычъ, во всякомъ случаѣ можетъ быть *важна* и *поучительна* для потомства.

Такимъ образомъ Иванъ Герасимычъ перепробовалъ все и убѣдился наконецъ, что онъ все сдѣлалъ, что только съ его стороны можно было, и что теперь ему ничего не остается дѣлать. Это его замѣтно успокоило. Какъ путникъ, странствующій по степямъ Аравіи, томимый зноемъ и жаждою, съ радостію различаетъ вдали нѣчто похожее на оазисъ, такъ и Иванъ Герасимычъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что передъ нимъ разсѣвался тотъ философскій туманъ, въ которомъ онъ бродилъ долгое время, какъ въ потемкахъ; онъ чувствовалъ теперь, что съ его головы сползаетъ словно кора какая, и начиналъ спокойнѣй глядѣть на жизнь; утихали въ немъ тоже разныя волненія, вслѣдствіе которыхъ онъ то хотѣлъ любить кого нибудь, то надѣять-

ся, то чего-то ждать отъ жизни важнаго; все это мало по малу осѣло въ Иванѣ Герасимычѣ, оставивъ нѣкоторую усталость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полное, невозмутимое спокойствіе.

И вотъ безъ всякихъ тревогъ и волненій, какъ человѣкъ, совершій все земное, сидитъ теперь Иванъ Герасимычъ на диванѣ, въ окно глядитъ, трубку куритъ. По временамъ индюку свищетъ. Индюкъ, впрочемъ, въ послѣднее время такъ привыкъ, что даже свисту не дожидается, а какъ только увидитъ Ивана Герасимыча, сейчасъ и отзывается. Да и самъ Иванъ Герасимычъ сталъ какъ-то сообщительнѣй. Такъ онъ чаще сталъ разговаривать съ Ѳомой, о погодѣ, либо о томъ, что каша въ понедѣльникъ была лучше, чѣмъ въ пятницу.

— Каша, Ѳома,—говоритъ онъ:—въ понедѣльникъ была лучше, чѣмъ въ пятницу. А вотъ щи во вторникъ. Помнишь, еще ты на базаръ ходилъ, морозъ былъ... Да какъ не помнить? Еще воробьевъ на дорогѣ пропасть было... Ты еще сказалъ: откуда это столько воробьевъ? Секретарь тоже обѣдалъ. Помнишь, онъ еще сказалъ, что ни разу столько воробьевъ не видывалъ... А сколько тогда водки выпили—ужасъ!

— Много ужь очень водки выходитъ, замѣчаетъ Ѳома.

— Ну, объ этомъ, Ѳома, — говоритъ Иванъ Герасимычъ, вздыхая: — толковать нечего. Мало ли что можетъ быть.

— Ведро почитай на недѣлю.

— Ну, да чтожь? Нельзя тоже такъ. Секретарь зайдетъ, то се.

— Почитай то и дѣло беремъ.

— Ну, и беремъ. Что жь? И беремъ.

— Вотъ вчера цѣлый штофъ истеряли, продолжаетъ Ѳома.

— И истеряли. Чтожь? Не пить, скажешь!

— Пить, отчего не пить.

— Ну, вотъ и выходитъ, что надо пить. Не каждый тоже день штофъ. Иной разъ и меньше.

— Почитай всегда.

— Ну, не всегда, Ѳома,—внушительно замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ:—не всегда.

— Почитай, то и дѣло штофъ.

— Вздоръ. Въ субботу, напримѣръ, нѣтъ.

— Штофъ какъ есть.

— Ну, забылъ. Забылъ, стало быть.

— Тоже вотъ теперь секретарь.

— Секретарь, Ѳома, хорошій человѣкъ, замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ.

— День при дни, продолжаетъ Ѳома.

— Ну, Ѳома, не день при дни.

— На недѣлю, почитай, разъ пять.

— Нельзя. Ѳома. Нельзя безъ общества. Развѣ ты бы хотѣлъ прожить безъ общества, Ѳома?

— Да жилъ бы по христіански.

— Ну, объ этомъ, Ѳома, кто изъ насъ больше христіанинъ, толковать тоже нечего. Чувства наши неизвѣстны.

И нерѣдко Иванъ Герасимычъ серьезно объясняетъ Ѳомѣ о чувствахъ.

— Если бы намъ, Ѳома, — говоритъ онъ: — доступно было все, тогда другое дѣло. Но мы не знаемъ, Ѳома, не знаемъ. Отъ насъ скрыто многое. Мы можемъ, разумѣется, думать, говорить, но чтобы пускаться въ объясненія, угадывать, причины находить, этого нѣтъ. Да и не должно быть. Всякій человѣкъ пожалуй можетъ говорить вздоръ, особенно если захочетъ; но мы должны молчать, Ѳома. Потому рѣшительно все равно.

— Это точно-съ.

— Да, — началъ, помолчавъ Иванъ Герасимычъ и выпивъ рюмку водки:—положимъ, даже и такъ. (Пауза). Предположимъ даже, каждый день штофъ.

— Что ни день, то штофъ. Это точно-съ.

— Это. Ѳома, точно.

И Иванъ Герасимычъ выпиваетъ. Онъ чувствуетъ желаніе тянуть разговоръ, но матеріалы все истощаются.

— Это ты Ѳома, вѣрно говоришь. Но каждому слову (Иванъ Герасимычъ находилъ нить) придавать значеніе. Ѳома — такъ что бы это было! Мы сейчасъ бы потеряли смыслъ. Попробуй эдакъ думать о чемъ нибудь, сейчасъ увидишь, какъ все это въ головѣ мѣшается. Сейчасъ же рѣшительно все мѣшается. А ужь, Ѳома, если въ головѣ мѣшается, то самъ посуди.

— Да ужь это послѣднее дѣло, коли въ головѣ мѣшается, замѣчаетъ Ѳома.

— Ну, вотъ самъ видишь, какъ это все справедливо,—отвѣчаетъ Иванъ Герасимычъ.

Матеріалъ опять истощается. Опять опасеніе, чтобы Ѳома не ушелъ.

— Это такъ справедливо, Ѳома, спѣшитъ замѣтить Иванъ

Герасимычъ:—что даже и сказать-то едва ли можно что противъ этого.

Пауза и сильная затяжка.

— Да!

Опять пауза. Нѣсколько минутъ Иванъ Герасимычъ чувствуетъ, что рѣшительно нечего сказать.

— Что можно, Ѳома, сказать противъ этого?

— Это такъ-съ, отвѣчаетъ къ удовольствію барина Ѳома: — что кому дано, то и говоритъ.

— И это мысль, замѣчаетъ какъ бы размышляя о чемъ Иванъ Герасимычъ: — что кому дано, то и говоритъ.

— Теперича бы я и не вѣсть что заговорилъ.

— Такъ, такъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ отзывается Иванъ Герасимычъ.

— Я бы теперича занесъ, бываетъ, такъ-то скверными словами, но мнѣ этого не должно-съ.

— Именно. Какъ можно! съ нѣкоторымъ удивленіемъ говоритъ Иванъ Герасимычъ.

— Потому ежели теперича человѣкъ помираетъ, продолжаетъ Ѳома: — отъ болѣзни что ль, либо и такъ, бываетъ, Богъ смерть пошлетъ, особливо вотъ въ простонародьѣ часто...

— Тамъ часто умираютъ.

— Ужасти, какъ народъ мретъ-съ, продолжаетъ Ѳома. Потому простой человѣкъ невѣжественный, ничего онъ этого не знаетъ-съ. Да и жалѣть-то, быватъ, его некому. Потому плевое дѣло-съ. Все равно, что если бъ и не жилъ.

Однимъ словомъ, Ѳома съ своей стороны пускается въ длинное объясненіе. Иванъ Герасимычъ понемногу перестаетъ его слушать и начинаетъ глядѣть въ окно.

Тамъ тоже сѣро и скучно. Идетъ пономарь.

— Гляди-ка, гляди-ка, вѣдь это пономарь идетъ, замѣчаетъ Иванъ Герасимычъ.

Ѳома смотритъ въ окно и видитъ, что дѣйствительно пономарь идетъ.

— Куда это онъ все ходитъ? спрашиваетъ Иванъ Герасимычъ.

— Да дѣла, сударь, тоже свои у нихъ есть. Безъ дѣлъ нельзя.

Наступаетъ молчаніе.

Ѳома прекратилъ разсказы и вмѣстѣ съ бариномъ провожаетъ

глазами пономаря. Иванъ Герасимычъ чувствуетъ себя утомленнымъ.

— Ну, Ѳома, говоритъ онъ: — разбудишь меня въ сумерки.

И засыпаетъ.

Такъ вообще проводилъ утро Иванъ Герасимычъ. Если же,по какому нибудь случаю, съ Ѳомой разговаривать нельзя было, то онъ сидѣлъ у окна, чтобы отчасти и мысли развлекать, отчасти смотрѣть на что нибудь: нельзя же быть совершенно празднымъ. Трава, дорога, пройдетъ тоже кто нибудь, все это пища для зрѣнія и для ума. Такъ вскорѣ Иванъ Герасимычъ замѣтилъ, что пономарь почему-то чаще обыкновеннаго сталъ проходить мимо. Дня два наблюдалъ онъ это.

— Фу, чортъ его возьми, какъ часто ходитъ, сказалъ онъ самъ себѣ. — Попробую, запишу нынче, сколько разъ онъ пройдетъ.

Спросилъ у Ѳомы мѣлу и сталъ глядѣть.

Разъ прошелъ пономарь. Иванъ Герасимычъ записалъ на окнѣ: 1. Подождалъ немного, опять прошелъ пономарь: 2 записалъ Иванъ Герасимычъ.

И такъ много разъ. Въ промежуткахъ Иванъ Герасимычъ давилъ пальцемъ мухъ и потому естественно время до обѣда прошло незамѣтно. Чтобы не сбиться въ счетѣ, Иванъ Герасимычъ велѣлъ накрыть столъ у окна и ни разу не пропустилъ пономаря, который проходилъ и во время обѣда. Увлекшись дѣломъ, онъ даже меньше выпилъ водки.

Къ вечеру оказалось, что пономарь 17 разъ прошелъ.

«Однако, подумалъ Иванъ Герасимычъ, не ожидалъ!»

— Узнай ты мнѣ пожалуйста, сказалъ онъ вечеромъ Ѳомѣ:— куда это пономарь все ходитъ?

— Да вѣдь Богъ вѣсть, отвѣчалъ Ѳома:—ихъ не разберешь. Тоже небось по своимъ дѣламъ.

— Однако ты все-таки узнай, стороной какъ нибудь.

Времяпровожденіе послѣ обѣда получило тоже свою особенность. Попробовалъ однажды Иванъ Герасимычъ скатать изъ хлѣба два шарика и давай играть ими: броситъ одинъ, за нимъ тотчасъ же другой—и ловитъ. Вскорѣ онъ сильно напрактиковался; шары такъ быстро летали, что глазъ едва успѣвалъ слѣдить за ними.

Мало этого. Иванъ Герасимычъ выучился плевать въ одну

точку, и до такой степени, что могъ попадать въ какую угодно, лишь бы указали.

Хорошо тоже онъ барабанилъ пальцами. Это особенно въ сумерки, когда еще свѣчи не подавались. Заслушаться можно было, такъ хорошо у него выходило.

Кромѣ чижей, Иванъ Герасимычъ завелъ канареекъ. И они пѣли и пѣли. Иванъ Герасимычъ слушалъ. Уставившись на одну точку, онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ и слушалъ. О чемъ они пѣли? Какіе сны навѣвали они Ивану Герасимычу? Неизвѣстно. Только сидѣлъ онъ часто пригорюнившись, и невольная слеза дрожала на рѣсницахъ, какъ будто новая жизнь открывалась въ этомъ немолчномъ, безконечномъ пѣніи...

Пономарь вскорѣ навелъ Ивана Герасимыча на мысль совершенно новую. Проходилъ онъ мимо и нюхалъ табакъ изъ тавлинки.

«Не попробовать ли», подумалъ Иванъ Герасимычъ и завелъ табакерку.

По вечерамъ только и слышно стало: нюхъ, нюхъ... Дѣла оказалось пропасть: то трубочку закуритъ Иванъ Герасимычъ, а то, глядишь, нюхаетъ. Какъ зарядитъ иной разъ, такъ пальцевъ отъ носу не отведетъ. Сначала чихалъ все, потомъ привыкъ.

Случается впрочемъ, что и теперь чихнетъ. «Эхъ жаль, скажетъ, ни о чемъ не подумалъ, а то бы правда была».

Ѳома съ чего-то то же взялъ нюхать. Тутъ пошло у нихъ вечеромъ: то въ передней нюхъ, нюхъ,—то Иванъ Герасимычъ нюхъ, нюхъ... Тишина при этомъ, каждая понюшка ясно слышится...

— Что, Ѳома, скажетъ иной разъ Иванъ Герасимычъ:—ай нюхаешь?

— Малымъ дѣломъ нюхаю-съ, — отвѣтитъ тотъ.

И опять замолчатъ.

Мысли уже никакія не тревожатъ Ивана Герасимыча. Сталъ онъ совсѣмъ спокоенъ, однимъ словомъ, совершенно порядочный человѣкъ сталъ.

Лежать тоже съ теченіемъ времени больше началъ. Оно и естественно: чтожь сидѣть такъ, безъ дѣла? Полежитъ до обѣда, послѣ обѣда полежитъ, заснетъ въ свое время. Впрочемъ и дрематься ему какъ-то чаще стало; чуть только приляжетъ, глаза сами собою, глядишь, и смыкаются. Прежде хоть плевалъ бывало лёжа, теперь и этого нѣтъ. Больше все спитъ. До обѣда за-

дремлетъ—заснетъ, послѣ обѣда, глядишь, опять дремлется— чтожь? Не сидѣть же, когда спать хочется. И спитъ. Вечеромъ тоже долго не сидитъ: выпьетъ водки и на боковую. Да и водки сталъ меньше пить Иванъ Герасимычъ: «все одно,сказалъ онъ— трезвый ли, пьяный ли—все одно!» Съ Ѳомой почти совсѣмъ перестал говорить, только развѣ скажетъ, что спать хочется. Оно и естественно: о чемъ толковать? И такъ живетъ Иванъ Герасимычъ мирно и тихо, и много лѣтъ по всей вѣроятности проживетъ безъ тревогъ и волненій, безгрѣшно и безмятежно, ибо улеглись въ немъ всякія страсти, которыя омрачали когда-то его существованіе, заставляя то мечтать о капиталѣ, то сильно напиваться, чтобы ярче все это рисовалось въ головѣ, то наконецъ составлять каталоги, или, что еще хуже, писать дневникъ и заниматься такими вопросами.

Въ заключеніе считаетъ долгомъ привести нѣсколько строкъ изъ дневника, которыя мы забыли помѣстить въ свое время:

Сентября 5.

Бываетъ такъ-то любитъ человѣкъ—кого онъ любитъ и зачѣмъ? Пора сознать, что нѣтъ любви и нѣтъ, и нѣтъ, и нѣтъ!

Октября 10.

Одна только смерть въ состояніи разрѣшить вопросъ, который задаетъ человѣку судьба въ теченіи жизни.

Октября 15.

А вотъ штука, еслибъ кто разрѣшилъ, что такое жизнь? Должно быть пустяки.

Н. П—ІЙ.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА).

I.

ВИДѢНІЕ ВАЛТАСАРА.

Пируетъ онъ. Вокругъ владыки
Сатрапы пьяные сидятъ —
И длится пиръ, и льются клики
При свѣтѣ тысячи лампадъ.
Сосуды золота литова,
Въ Солимѣ чтимые святомъ,
Кипятъ безбожника виномъ —
Твои сосуды, о Егова!

Тогда средь праздничнаго зала
Рука явилась предъ царемъ:
Она сіяла и писала,
Какъ на пескѣ береговомъ;
Она сіяла и водила
По буквамъ огненнымъ перстомъ

И словно огненнымъ жезломъ
Тѣ знаки дивные чертила.

И видя грозное явленье,
Владыка выронилъ бокалъ,
Лицо померкло на мгновенье
И громкій голосъ задрожалъ:
«Созвать волхвовъ со всей вселенной,
«Первѣйшихъ въ мірѣ мудрецовъ —
«Пусть объяснятъ значенье словъ,
«Прервавшихъ пиръ нашъ вожделенный!»

Умны халдейскіе пророки:
Имъ тайны вѣдомы земли;
Но разъяснить святыя строки
Жрецы Ваала не могли.
Учены старцы Вавилона,
Пытливъ ихъ умъ и зорокъ глазъ,
Но и они на этотъ разъ
Не послужили имъ у трона.

Тогда явился отрокъ плѣнный
И письмена тѣ прочиталъ,
И тотчасъ смыслъ ихъ сокровенный
Уразумѣлъ и разгадалъ.
Огнями храмина сіяла...
Предъ нимъ божественный глаголъ...
Онъ въ ту же ночь его прочёлъ —
Заря пророка оправдала:

«Зіяетъ царская могила...
«Владыка взвѣшенъ на вѣсахъ...
«Но гдѣ же власть его и сила? —
«Онъ также легокъ, какъ и прахъ...
«Порфиру смѣнитъ саванъ бренный,
«Могила — царственный намётъ...
«Уже Мидіецъ у воротъ,
«Ужь Персъ на тронѣ полвселенной!»

II.

У РѢКЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.

У рѣкъ вавилонскихъ мы, сидя, съ тоской,
Въ слезахъ вспоминали тотъ день роковой,
Какъ рать вавилонянъ, отмщеньемъ томима,
Во прахъ сокрушила твердыни Солима,
И дѣвы Сіона, съ слезами въ очахъ,
Себя увидали въ далекихъ земляхъ.

Въ то время, какъ — мыслей нерадостныхъ полны —
Мы съ грустью слѣдили бѣжавшія волны,
Враги заставляли насъ пѣть и играть:
Напрасно! — имъ пѣсенъ святыхъ не слыхать!
Пусть прежде отсохнетъ рука надъ струнами,
Чѣмъ радостный звукъ извлечетъ предъ врагами!

Сіонъ, твои арфы висятъ на вѣтвяхъ!
Свободная пѣсня въ свободныхъ струнахъ —
Намъ стала завѣтомъ годины кровавой,
Видавшей конецъ твой, увѣнчанный славой...
Нѣтъ, звуковъ твоихъ мы во вѣкъ не сольёмъ
Съ безумною пѣсней, сложенной врагомъ!

III.

ПѢСНЬ САУЛА ПЕРЕДЪ ПОСЛѢДНИМЪ БОЕМЪ.

Когда, пораженный мечемъ иль стрѣлой,
Паду я, ведя рать Господнюю въ бой,
Мой трупъ да не будетъ препоною вамъ!
Вожди и герои, смерть нашимъ врагамъ!

Ты, ратникъ, что носишь за мною мой щитъ, —
Когда моя рать отъ врага побѣжитъ —

Убей меня! Пусть совершится судьба,
Съ которой врагу не по силамъ борьба.

Прощайте!... Но я не прощаюсь съ тобой,
Мой сынъ и наслѣдникъ! возлюбленный мой!
Иль власть безъ границы и царскій вѣнецъ,
Иль въ битвѣ грядущей геройскій конецъ!

IV.

ПЛАЧЪ ИРОДА ПО МАРІАМНѢ.

О Маріамна! другъ! то сердце, что рѣшилось
Пролить родную кровь, само теперь разбилось;
Вопль мщенья заглушонъ сердечною тоской;
Свирѣпый взглядъ горитъ раскаянья слезой.
Гдѣ ты, моя любовь? Когда бъ мое моленье
Могла услышать ты — я бъ вымолилъ прощенье,
Хотя бъ самъ Егова̀, Творецъ вселенной самъ
Остался глухъ къ моимъ рыданьямъ и мольбамъ.

Да умерлаль она? Ужель мои велѣнья
Исполнены — порывъ слѣпаго изступленья?
Мой гнѣвъ свой приговоръ исполнилъ надо мной...
Кровавый мечъ виситъ надъ этой головой...
Но безотвѣтна ты — и тщетно сердце таетъ
По той, что въ вышинѣ надъ тучами витаетъ,
И о душѣ моей, погрязнувшей въ грѣхахъ,
Не хочетъ пожалѣть въ заоблачныхъ странахъ.

Нѣтъ той, что мой вѣнецъ и власть со мной дѣлила;
Все счастіе мое взяла ея могила.
Я самъ цвѣтокъ полей, что пышно расцвѣталъ
Для одного меня, безжалостно сорвалъ.
Геенна ждетъ меня; удѣлъ мой — преступленья,
А съ ними вѣчный стыдъ и вѣчныя мученья.
Страданія свои я заслужилъ вполнѣ:
Не будетъ имъ конца, какъ и моей винѣ.

V.

ДОЧЬ ІЕФФАЯ.

О! если народъ и Творецъ
Хотятъ моей смерти, отецъ,
Когда намъ дана за нее
Побѣда — вотъ сердце мое!

Рази! — я не стану рыдать...
Вамъ, горы, меня не видать!...
Сраженной любимой рукой
Не страшенъ ударъ роковой...

Отецъ мой! чиста моя кровь,
Какъ матери къ дѣтямъ любовь...
Пусть духъ твой меня осѣнитъ,
Послѣдній мой часъ усладитъ!

Пусть слезы катятся рѣкой:
Будь мужемъ и твердымъ судьей!
Побѣду тебѣ я дала —
Тебя и отчизну спасла...

Когда я погибну, когда
Мой голосъ замретъ на всегда,
Ты помни, что я умерла
Съ улыбкой — кротка и смѣла!...

VI.

БУДЬ Я ТАКЪ ПОРОЧЕНЪ.

Будь я такъ порочен, какъ ты говоришь съ укоризной,
Я здѣсь не блуждалъ бы, забытый далекой отчизной;
Мнѣ бъ стоило только отречься отъ вѣры отцовъ,
Чтобъ смыть поношенье, удѣлъ Іудеи сыновъ.

Когда не гнететъ тебя злоба — ты небу угоденъ!
Когда въ тебѣ рабъ провинился — ты чистъ и свободенъ!
Когда суждено намъ Всевышнимъ отчизны не зрѣть —
Живи въ своей вѣрѣ: хочу я въ своей умереть!

Я отдалъ всѣ блага за вѣру — и Богъ это знаетъ,
Что терпитъ тебя, ликовать на землѣ попускаетъ;
Въ рукѣ Его — сердце, святая надежда моя, —
И жизнью, и родиной жертвую радостно я.

VII.

ПОРАЖЕНІЕ СЕННАХЕРИМА.

Какъ волки на стадо, враги набѣжали...
Ихъ орды багрянцемъ и златомъ сіяли;
Какъ на̀ морѣ звѣзды, горѣли мечи,
Когда ихъ волна отражаетъ въ ночи.

Какъ листья дубравы весной, на закатѣ
Виднѣлись знамена безчисленной рати;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Валялись ихъ трупы съ наставшей зарей.

Зане восшумѣло крыло Азраила:
Въ лицо нечестивымъ онъ смертью дохнулъ —
И сонъ непробудный имъ очи сомкнулъ,
И, дрогнувъ, въ нихъ сердце на вѣки застыло.

Здѣсь конь бездыханною грудой лежитъ:
Дыханье раздутыхъ ноздрей не живитъ,
И пѣна, застывши съ по̀слѣднимъ храпѣньемъ,
Бѣлѣетъ, какъ брызги прибоя къ ка́меньямъ.

Здѣсь всадникъ безгласный лежитъ въ сторонѣ:
Роса на челѣ его, ржа на бронѣ;
И въ ставкахъ не слышно ни шума, ни звона;
Труба безглагольна; недвижны знамена.

И вдовы Ассура взываютъ въ слезахъ;
Кумиры Ваала повержены въ прахъ,
И рать ихъ безъ битвы, неся намъ оковы,
Растаяла снѣгомъ отъ взора Еговы.

VIII.

МНѢ ПРИЗРАКЪ ЯВИЛСЯ.

(изъ іова).

Мнѣ призракъ явился — и я безъ покрова
Безсмертье увидѣлъ... На смертныхъ палъ сонъ,
Лишь я отвратить отъ пришельца святова
Не могъ своихъ глазъ, хоть безплотенъ былъ онъ...
И дрогнуло тѣло, и дыбомъ сталъ волосъ...
И слуха коснулся божественный голосъ:

«Ужель человѣкъ справедливѣе Бога,
«Когда серафимы — подножье Его?
«Вы червь долговѣчный, вы прахъ отъ порога, —
«А лучше ль, правдивѣе ль вы отъ того?
«Созданіе дня, вы живете до ночи:
«Предъ мудрости свѣтомъ слѣпотствуютъ очи...»

Н. ГЕРБЕЛЬ.

***

Я знаю самъ, что жребій мой
Достоинъ слезъ; но не рыдай
Такъ безнадежно предо мной
И сердца мнѣ не надрывай!

Будь веселѣе! говори,
Что убѣгаетъ ночи тѣнь,
Что я дождусь еще зари
И встрѣчу пѣсней новый день.

. . . .

Увѣрь, что я и самъ не слабъ,
Что, проливая потъ и кровь,
Я не паду, какъ жалкій рабъ,
Къ ногамъ ликующихъ враговъ.

Гони сомнѣній мрачныхъ тѣнь,
Надеждой сердце оживи;
Будь весела, какъ Божій день,
Какъ рѣчи сладкія любви.

А. МИХ—ЛОВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРЕПИСКА

МЕЖДУ МОСКОВСКИМЪ И ИРКУТСКИМЪ КУПЕЧЕСТВОМЪ,

ПО ПОВОДУ УЧРЕЖДЕНІЯ КУПЕЧЕСКОЙ ПОЧТЫ МЕЖДУ РОССІЕЮ И КИТАЕМЪ И СОДЕРЖАНІЯ ВЪ КИТАѢ КОММЕРЧЕСКИХЪ АГЕНТОВЪ.

Въ концѣ прошедшаго года, торгующее на Кяхтѣ купечество, по предложенію градоначальника, разсуждало объ учрежденіи собственнаго своего почтоваго сообщенія между Пекиномъ и Кяхтою, на что впрочемъ имѣло полное право по пекинскому договору. Оно выражало свои опасенія на счетъ недостатка гарантій, со стороны китайскаго правительства, въ случаѣ потери почты или неисполненія контрактовъ, со стороны монголовъ, привыкшихъ въ сдѣлкахъ съ китайцами исполнять принятыя обязательства кое-какъ, и желало особеннаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ нашего правительства, безъ котораго, по мнѣнію кяхтинскихъ купцовъ, почтовое сообщеніе, основанное частными людьми, не можетъ быть прочно и не будетъ внушать къ себѣ довѣрія.

Казалось бы, довольно было и этого; но вѣдь мы не можемъ обойтись безъ пустословія, съ цѣлью пускать пыль въ глаза. Такъ и въ этомъ актѣ кяхтинскіе купцы написали 7 пунктовъ, въ которыхъ заключалось слѣдующее. Почтовое сообщеніе между Пекиномъ и Кяхтою предполагается учредить на первое время только для пересылки писемъ и денегъ три раза въ мѣсяцъ; но, не смотря на это, существующую уже казенную почту просятъ не уничтожать. Далѣе выражается великодушное согласіе на безплатное отправленіе казенной корресподенціи съ купеческою почтою, если только казна будетъ также принимать частную корреспонденцію безплатно. За тѣмъ идетъ рѣчь о дозволеніи всѣмъ безъ изъятія русскимъ и иностраннымъ подданнымъ и иностраннымъ правительствамъ пересылать свои письма и

деньги за извѣстную плату по купеческой почтѣ (какъ будто не за тѣмъ она и учреждается); разумѣется при этомъ не забыты велерѣчивыя фразы о важности этой корреспонденціи для Англіи и другихъ западныхъ европейскихъ государствъ, и будущія заслуги предъ ними кяхтинскаго купечества. Въ заключеніе изъявляется желаніе, чтобы китайское правительство постановило особыя подробныя правила, не стѣснительныя для русскихъ и вполнѣ ихъ гарантирующія (*).

Нашъ министръ резидентъ въ Китаѣ исполнилъ желаніе кяхтинскаго купечества и имѣлъ разговоръ объ этомъ съ китайскими министрами, которые ему отвѣчали, что на учрежденіе купеческой почты препятствія съ ихъ стороны никакого не можетъ быть, потому что это совершенно согласно съ 12 ст. пекинскаго договора; но такъ какъ китайское правительство смотритъ на это учрежденіе, какъ на торговое предпріятіе, то давать особыя гарантіи кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ 8-й статьѣ пекинскаго договора, оно не считаетъ нужнымъ. Впрочемъ члены китайскаго министерства были такъ обязательны, что просили передать кяхтинскимъ купцамъ, чтобы они обращались къ людямъ надежнымъ, за которыхъ, какъ это вообще принято въ Китаѣ, не только при заключеніи контрактовъ, но даже при наймѣ слугъ, находились бы поручители.

Изъ этого видно, что кяхтинское купечество совершенно напрасно безпокоило нашего резидента въ Китаѣ, потому что купечеству должны были быть извѣстны условія пекинскаго договора. Скажемъ болѣе, оно сдѣлало неловкость: никогда не нужно просить, не только о томъ, что дозволено, но даже о томъ, что не запрещено,—подобная просьба всегда внушаетъ недовѣріе къ просящему: невольно приходитъ на мысль правительству, особливо иностранному—зачѣмъ люди просятъ о томъ, что имъ дозволено? Не желаютъ ли они, пользуясь новымъ подтвержденіемъ своихъ правъ, безнаказанно учинить что либо зловредное? Также напрасно заботилось кяхтинское купечество и о казенной почтѣ, никто ее не хотѣлъ уничтожить, а въ пересылкѣ по казенной почтѣ частной корреспонденціи никогда никому не отказывали, даже и тогда, когда этимъ дозволеніемъ злоупотребляли, пересылая по почтѣ значительныя суммы денегъ. Наконецъ неудачнѣе всего было ходатайство о дозволеніи пересылать всю легкую корреспонденцію *всѣхъ безъ изъятія русскихъ подданныхъ*, а также и отъ *европейскихъ посольствъ и отъ всѣхъ безъ исключенія иностранныхъ подданныхъ*, которое конечно резидентъ нашъ оставилъ вовсе безъ

(*) Въ случаѣ неустойки по письменному обязательству консулъ и мѣстное начальство принимаютъ мѣры къ побужденію исполнить обязательство въ точности.

свѣта: очевидно, что эти фразы были написаны только подъ внушеніемъ тщеславія: мы дескать мелко не плаваемъ, безъ насъ и Европа не обойдется.

Вскорѣ послѣ дѣла объ учрежденіи почты, кяхтинское купечество, въ общемъ собраніи своемъ, рѣшило продолжать дѣло коммерческаго агентства въ Китаѣ, а именно: Н. А. Нерпина назначило коммерческимъ агентомъ въ Сѣверномъ Китаѣ, а И. Ѳ. Токмачева и Е. Е. Окулова въ Южномъ Китаѣ, съ содержаніемъ: первому по 3,000 руб., а вторымъ: каждому по 600 руб. въ годъ. При этомъ Нерпинъ долженъ былъ исполнять всѣ порученія русскихъ торговцевъ, относительно пріема и отправки товаровъ, проходящихъ чрезъ Колганъ, съ вознагражденіемъ за то не менѣе 10 коп. съ ящика чая, или съ тюка товаровъ; онъ же предназначался пріемщикомъ и отправителемъ купеческой почты. На обязанности всѣхъ трехъ лежало: сообщать коммерческія свѣдѣнія изо всѣхъ мѣстъ Китая, откуда только они ихъ собрать могутъ.

Какъ ни затянуло кяхтинское купечество дѣло объ учрежденіи почты, его все-таки можно было извинить осторожностью, которая, говорятъ, будто бы никогда не мѣшаетъ. Но вотъ подтвержденіе его правъ и указаніе на извѣстныя уже гарантіи со стороны китайскаго правительства получены: чтожь оставалось дѣлать? По простому здравому смыслу казалось, надобно было бы поручить основательному человѣку, хоть тому же г. Нерпину, уже жившему въ Колганѣ (на границѣ Китая съ Монголіей) собрать справки о стоимости пересылки и о пріисканіи въ Монголіи надежныхъ возчиковъ и поручителей за нихъ; затѣмъ: опредѣлить цифру расхода на цѣлый годъ, собрать необходимую для этого сумму хотя на полгода, опредѣлить плату за письма, публиковать объ этомъ и приняться за дѣло. Много будетъ писемъ—хорошо: расходы покроются и останется выгода, которую и дѣли между собою учредители почты; мало будетъ писемъ и депешъ—назначь за нихъ высшую плату на будущій годъ; пойдетъ опять неуспѣшно—покончи дѣло: значитъ, оно не выгодно. Ну нѣтъ! это уже чересчуръ просто; да и какъ же тамъ высчитывать напередъ, что будетъ стоить почта! И зачѣмъ намъ давать свои деньги (да вѣдь вы сами рѣшили на собственный счетъ)! Учредимъ налогъ—такъ бездѣлицу: по 10 коп. съ ящика байховаго, и по 5 коп. съ кирпичнаго чая, привозимаго на Кяхту; денегъ будетъ довольно, съ избыткомъ, и трудиться нечего! Однако, какъ же наложить налогъ?—Очень просто: напишемъ всѣмъ торгующимъ въ Кяхтѣ, что вотъ такъ и такъ «нельзя не порадоваться предупредительному вызову со стороны нашего правительства, и не заплатить на устройство такого важнаго дѣла сущую бездѣлицу»—согласятся!

Вотъ и пишетъ кяхтинское купечество, отъ 19 января за № 59 между прочимъ иркутскому городовому головѣ Ивану Степановичу Хаминову: «совокупность всѣхъ этихъ расходовъ» (т. е. по учрежденію почты и содержанію въ Китаѣ коммерческихъ агентовъ) «безъ «сомнѣнія составитъ значительную цифру (?), превышающую сред«ства, какими можетъ располагать теперь торгующее на Кяхтѣ купе«чество; а потому мы, по порученію наличнаго состоящихъ здѣсь куп«цовъ, вновь обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею нашею просьбою «пригласить гг. иркутскихъ купцовъ, производящихъ торговлю на «Кяхтѣ, принять участіе во взносѣ денегъ съ вывозимыхъ ими чаевъ, «въ размѣрѣ 10 коп. съ ящика байховаго и 5 коп. съ кирпичнаго «чая. Такое приглашеніе наше мы основываемъ на томъ убѣжденіи, «что польза, ожидаемая отъ означенныхъ предпріятій, одинаково бу«детъ отражаться, какъ на караванной, такъ и на мѣстной торговлѣ, «и слѣдовательно, эта выгода должна побуждать всѣхъ чайныхъ тор«говцевъ принять участіе въ расходахъ, какіе нужны на осуществле«ніе этихъ предположеній, которымъ сочувствуетъ и просвѣщенное «наше правительство. При этомъ случаѣ считаемъ нужнымъ присо«вокупить, что расходованіе собираемой нынѣ суммы ежегодно кон«тролируется мѣстнымъ купечествомъ, и отчеты въ ней открыты для «всѣхъ, кого они интересуютъ. А потому представленіе отчетовъ въ «ней во всѣ мѣста, куда бы ихъ ни потребовали, повлекло бы излиш«нія переписки; тогда какъ каждый производитель чайной торговли «можетъ видѣть ихъ или лично въ конторѣ старшинъ, или имѣть «копіи съ нихъ отъ своихъ коммиссіонеровъ.

«Впрочемъ, желая познакомить гг. иркутскихъ купцовъ, произво«дящихъ чайную торговлю, съ тѣми предметами, на которые расхо«дуется добровольный сборъ, препровождаемъ при этомъ копію со «смѣты расходовъ на настоящій годъ».

Смѣта эта весьма любопытна, и мы приводимъ ее общими итогами.

1) По дѣламъ богоугоднымъ.

На содержаніе кяхтинскаго Воскресенскаго храма, и жалованье причту . . . . 3,914 руб.

2) По дѣламъ благотворительнымъ.

На содержаніе дѣтскаго пріюта, стипендіатовъ графа Амурскаго и генерала Игнатьева, и на разныя пенсіи . 2,735 »

3) По благосостоянію и устройству кяхтинской торговой слободы, охраненію оной и кяхтинскаго гостинаго двора.

На содержаніе пожарной команды . . . . 2,500 »

На наемъ караульныхъ, надзирателей и пр. . . . . 3,144 »

На содержаніе ключевыхъ источниковъ, водопроводовъ, на поддержаніе и разведеніе садовъ и пр. . . . . 500 »

Жалованье доктору, аптекарю и повивальной бабкѣ . 3,360 »

4) *По управленію дѣлами кяхтинской торговли.*

На содержаніе старшинской конторы, канцелярскіе и типографскіе расходы, жалованье: *состоящему при старшинахъ для завѣдыванія отчетами* по управленію общественными суммами, дѣлами караванной торговли и пр.; смотрителямъ, надзирателю, его помощнику, досмотрщикамъ и пр. . . . . 7,500 »

5) *На отопленіе и освѣщеніе общественныхъ зданій и освѣщеніе улицъ и пр.* . . . . 2,631 »

6) *На содержаніе оркестра музыкантовъ, употребляемыхъ для поддержанія приличной здѣшнему мѣсту общественной жизни и пр.* . . . . 1,000 »

7) *На непредвидимые расходы.* . . . . 2,716 »

Итого. . . 30,000 руб.

Иркутскіе купцы прочитали посланіе, посмотрѣли смѣту и пришли въ немалое удивленіе. 18-го марта они отвѣчали на это письмо, и написали между прочимъ: «Иркутское купечество уже съ давняго вре«мени участвуетъ въ платежѣ такъ называемой аксиденціи; но между «тѣмъ оно до сихъ поръ не знало, на что употребляется собираемая «въ довольно значительномъ количествѣ аксиденція (*), а потому, ни«сколько не отказываясь отъ общественнаго предпріятія, оно желало «предварительно получить отъ васъ отчетъ, по крайней мѣрѣ, за по«слѣдніе два года, на что именно употреблялась аксиденція. Подобное «желаніе, со стороны платящихъ аксиденцію, нельзя было признать «притязательнымъ и излишнимъ, въ особенности въ наше время, ког«да доказано, что въ коммерческомъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, тайна «не приноситъ полезныхъ результатовъ, а гласность напротивъ: чѣмъ «она откровеннѣе, тѣмъ болѣе оказывается полезной и заслуживаетъ «довѣрія. Въ отвѣтъ на это требованіе вы сообщили, что представле«ніе отчетовъ повлекло бы излишнюю переписку, тогда какъ каждый «производитель чайной торговли можетъ или лично, или чрезъ ком«миссіонеровъ во всякое время обозрѣвать эти отчеты, которые еже«годно контролируются мѣстнымъ купечествомъ. Въ замѣнъ этого «вы признали возможнымъ сообщить иркутскому купечеству смѣту «предположенныхъ расходовъ на 1863 годъ, въ которой имѣется осо«бая статья въ 1200 рублей собственно на напечатаніе разныхъ свѣдѣ«ній; слѣдовательно, вамъ, м. г., ничего не стоило составить просимый

(*) Аксиденціею называется, дозволенный законами, добровольный сборъ денегъ съ привозимыхъ въ Россію чаевъ; капиталъ этотъ долженъ былъ употребляться на общую пользу торговли.

«либо участвовали въ интересахъ нашей торговли, и едва ли отъ «своего лица дѣлали какія либо пожертвованія, по крайней мѣрѣ, для «дѣлъ торговли кяхтинской. Если они были приглашены къ подписи «этого письма съ намѣреніемъ увеличить только число подписав-«шихся, то это ни имъ, а тѣмъ болѣе, почтеннымъ руководителямъ «этого дѣла не приносить чести, такъ какъ тутъ явно обнаруживается «желаніе поколебать общественное согласіе въ дѣлѣ. предпринимае-«момъ съ сочувствіемъ ко всему полезному». «Замѣчаніе иркутскаго «купечества относительно содержанія каждаго города на свои соб-«ственные доходы весьма справедливо; странно то, что въ этомъ «общемъ правѣ оно отказываетъ кяхтинской слободѣ, въ которой на-«ходится едва только двадцать домовъ, съ обывателями еще менѣе «этого количества, и которая, какъ, вѣроятно, извѣстно и иркутскимъ «купцамъ, не имѣетъ никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ сборовъ, «производимыхъ съ вывозимыхъ чрезъ нее китайскихъ товаровъ. «На этомъ соображеніи, полагаемъ, основанъ и законъ, заключаю-«щійся въ 2476 ст., VI т. Св. Гр. Зак., изд. 1857 г., которымъ по-«становлено: на содержаніе при старшинахъ писцовъ для записки въ «книгу товаровъ и всего нужнаго по должности, на нихъ возложен-«ной, а равно на разныя общественные расходы по торговлѣ и дру-«гимъ случаямъ, торгующее въ Кяхтѣ купечество, по предоставлен-«ному ему праву, производитъ добровольные денежные взносы по «$^1/_2$% съ рубля съ цѣны вымѣниваемыхъ китайскихъ товаровъ. «Производимый же нынѣ сборъ составляетъ менѣе $^1/_2$% цѣнны това-«ровъ, вымѣниваемыхъ отъ китайцевъ; слѣдовательно онъ нисколько «не противозаконенъ и не произволенъ. Что же касается до расходо-«ванія этихъ денегъ на содержаніе церкви, отопленіе и освѣщеніе «общественныхъ зданій, водопроводовъ, ночныхъ карауловъ и проч., «то принимать все это исключительно на свой счетъ жители кях-«тинской слободы — не могутъ: во первыхъ, по малочисленности «населенія; во вторыхъ, по праву каждаго города покрывать подобные «расходы своими доходами (вѣроятно, на этомъ же основаніи Ир-«кутскъ причисляетъ къ числу своихъ доходовъ повозныя деньги «съ проходящихъ чрезъ него товаровъ, какъ съ русскихъ, идущихъ «въ Кяхту, такъ и съ китайскихъ, отправляемыхъ въ Россію); а въ «третьихъ потому, что самое первоначальное устройство находящейся «въ торговой слободѣ церкви было произведено на особый сборъ, «независимо отъ обыкновеннаго, со всѣхъ торгующихъ на Кяхтѣ, въ «которомъ участвовали не только христіане, но и лица мусульман-«скаго вѣроисповѣданія безъ всякаго прекословія со стороны послѣд-«нихъ, вѣроятно по сознанію необходимости въ ней болѣе, чѣмъ «гг. подписавшіе письмо, прикрывающіеся современностью; слѣдова-

«тельно, церковь эта должна и содержаться всѣми торгующими на
«Кяхтѣ, прилично мѣсту, гдѣ она находится»... «Затѣмъ иркутское
«купечество, вѣроятно въ видахъ сбереженія общественной суммы,
«полагаетъ возможнымъ сократить расходы на содержаніе пожарной
«команды, упраздненіе обязанности надзирателя заставы и досмотр-
«щиковъ, и уменьшеніе расходовъ по охраненію гостинаго двора»...
«Нераспространяясь много по этому предмету, считаемъ достаточнымъ
«сказать здѣсь, что a) надзиратель и досмотрщики находятся по на-
«значенію правительства, по сознанной нами и мѣстнымъ купечествомъ
«общей для всѣхъ надобности; b) содержаніе пожарной командѣ
«отпускается по положенію, опредѣленному закономъ, ограничивать
«которое не вправѣ не только иркутское купечество, но и никакое
«административное лицо, кромѣ самой законодательной власти; и
«c) для охраненія гостинаго двора содержится такое именно число
«служащихъ, какое требуется дѣйствительною въ томъ надобностью;
«излишніе же расходы по этому предмету были бы равно безполезны
«и даже вредны не для одного иркутскаго купечества, но и для всѣхъ
«торгующихъ на Кяхтѣ, точно также, какъ вредна и недостаточность
«присмотра за всѣмъ, что хранится въ гостиномъ дворѣ».

«Въ заключеніе остается намъ сказать, что если иркутское купе-
«чество, проникнутое духомъ современности (а нѣкоторые изъ под-
«писавшихъ письмо, вѣроятно, сдѣлали это изъ подражанія (?) къ этой
«современности, и потому забыли даже взвѣсить свои права на подачу
«голоса въ чужомъ дѣлѣ), провозглашаетъ гласность по расходова-
«нію кяхтинской общественной суммы, то и кяхтинское купечество
«не менѣе его признаетъ пользу этой гласности во всякомъ дѣлѣ, въ
«чемъ купечество иркутское можетъ убѣдиться изъ письма нашего
«отъ 19 февраля, въ которомъ ясно было сказано, что отчеты, по
«расходованію означенныхъ денегъ, открыты въ общественной кон-
«торѣ для всѣхъ интересующихся ими. Но другое дѣло представлять
«ихъ всѣмъ, кто только потребуетъ ихъ (даже безъ различія торгую-
«щихъ и не торгующихъ на Кяхтѣ); этой обязанности старшины за
«собой не признаютъ и принять на себя не могутъ, да и отпечаты-
«вать имъ нѣтъ особенной надобности въ типографіи, въ которой, съ
«прекращеніемъ изданія «Кяхтинскаго Листка», уменьшено и число
«служащихъ, которые теперь едва только успѣваютъ отпечатывать
«подѣльныя вѣдомости о вывозѣ чаевъ, коммерческія свѣдѣнія отъ
«агентовъ, и статистическія свѣдѣнія, представляемыя правитель-
«ству».

«По порученію кяхтинскихъ купцовъ, честь имѣемъ покорнѣйше
«просить васъ, м. г., передать все вышеизложенное иркутскому купе-
«честву, съ присовокупленіемъ, что, по нашему мнѣнію, всякій не-

«участвующій въ содержаніи агентства въ Китаѣ, по совѣсти не мо-
«жетъ пользоваться какимъ бы то ни было путемъ и доставляемыми
«отъ агентовъ свѣдѣніями».

На это иркутскіе купцы въ маѣ мѣсяцѣ нашлись вынужденными отвѣчать, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ первой статьѣ письма вашего вы пишете, что иркутское ку-
«печество, до представленія отчетовъ въ прежде собираемыхъ день-
«гахъ, не участвуетъ въ сборѣ вновь предположенномъ на содержаніе
«агентства въ Китаѣ. Это несправедливо. Иркутское купечество со-
«знало агентство въ Китаѣ общею пользою всего купечества, и тре-
«бующіеся на это агентство 4,200 руб. присообщило къ расходамъ
«собственно въ Кяхтѣ, что и составило 17,200 руб., сумму всѣхъ рас-
«ходовъ по чайной торговлѣ, съ запаснымъ капиталомъ въ 2,000 на
«непредвидимые расходы.

«Во второй статьѣ вашего письма вы изволите замѣчать, что
«иркутское общество неблагоустроенное, ибо оно допустило къ по-
«дачѣ голоса, или что все одно и то же—подписать свое письмо, якобы
«такихъ господъ, которые едва ли когда либо участвовали въ инте-
«ресахъ вашей торговли и, по вашему умозаключенію, они пригла-
«шены были съ намѣреніемъ увеличить число подписавшихся,—это
«не приноситъ чести, какъ вы выражаетесь, ни имъ, а тѣмъ болѣе
«почтеннымъ руководителямъ этого дѣла, т. е. вѣроятно всѣмъ под-
«писавшимся, а они суть иркутскіе купцы: И. И. Базановъ, М. В.
«Михѣевъ, В. А. Останинъ, М. А. Сибиряковъ, М. П. Лаврентьевъ,
«Е. Ѳ. Туруновъ, В. А. Литвинцовъ, Н. Я. Плотуновъ, Н. С. Пуляевъ,
«А. И. Молодыхъ, Г. Е. Окуловъ, Н. С. Котельниковъ, Ѳ. И. Па-
«холковъ, Д. Д. Демидовъ, Е. П. Лаврентьевъ. Которые же изъ этихъ
«подписавшихся, по вашему заключенію, недостойные подписчики на-
«шего письма? Которые не участвуютъ въ кяхтинской торговлѣ и
«платежѣ аксиденцій? И наконецъ, которыхъ вы исключительно счи-
«таете руководителями дѣла и приглашателями къ подписи? Изъ при-
«глашенія же къ подписи, вы говорите, явно обнаруживается жела-
«ніе поколебать общественное согласіе въ дѣлѣ, предпринимаемомъ
«благороднымъ сочувствіемъ, т. е. вѣроятно вашимъ, а ваше благо-
«родное сочувствіе, какъ видно изъ вашего письма, состоитъ болѣе
«въ томъ, чтобы увеличить сборъ аксиденцій и не объявлять гласно
«своихъ дѣйствій; но уже никакъ не въ постановкѣ почты между Кях-
«тою и Пекиномъ, ибо о ней вы положительно въ письмѣ вашемъ не
«говорите ни слова. Далѣе вы пишете, что подобная бумага, т. е.
«наше письмо не обязывало бы васъ и отвѣчать на нее, но чтобы
«убѣдить иркутское купечество въ несправедливомъ нареканіи кях-
«тинскихъ купцовъ въ неправильномъ расходованіи общественныхъ

«денегъ, вы сочли нужнымъ передать иркутскому купечеству нѣ-«сколько общихъ соображенiй по этому предмету. Общихъ сообра-«женiй никакихъ нѣтъ въ вашемъ письмѣ, нигдѣ въ немъ не сказано «ни о приходѣ, ни о расходѣ аксиденцiй; несправедливымъ нарека-«нiемъ на кяхтинскихъ купцовъ нельзя называть тотъ учетъ, кото-«рый написанъ вамъ въ нашемъ письмѣ, т. е., что аксидецiй въ «1862 году собрано по крайней мѣрѣ 55,697 р. 88 коп., а расходы и «по смѣтѣ вашей съ агентствомъ въ Китаѣ не съ большимъ 30,000, «но что и этотъ расходъ не весь правильный, объ этомъ вы напрасно «стараетесь убѣждать насъ, какъ и увидите изъ словъ этого письма».

«Содержанiе каждаго города, какъ мы писали вамъ, на свои соб-«ственные доходы вы сознаете справедливымъ; но для васъ непо-«нятно, почему иркутское купечество не усвоиваетъ торговой вашей «слободѣ пользоваться на всѣ ея потребности собираемою аксиден-«цiею. Это потому, что между городовыми доходами и расходами, «напримѣръ, города Иркутска и аксиденцiей, собираемой въ торговой «вашей слободѣ, нѣтъ ничего общаго. Во первыхъ, слобода ваша не «имѣетъ правъ города; во вторыхъ, отчетъ каждогодныхъ дохо-«довъ и расходовъ, напримѣръ, г. Иркутска пересматривается ир-«кутскимъ трехсословнымъ обществомъ въ присутствiи председателя «и членовъ думы, и по пересмотрѣнiи представляется на ревизiю въ «казенную палату, но у васъ такого порядка нѣтъ; у васъ не знаютъ «расходовъ даже лица одного съ вами общества по торговлѣ, а если «бы общество купцовъ какого либо города, имѣющаго дѣла на Кяхтѣ, «пожелало видѣть копiю расходовъ вашей аксиденцiи, на этотъ слу-«чай у васъ существуетъ правило отказывать имъ въ этомъ. Въ под-«крѣпленiе правъ своихъ на расходованiе аксиденцiй, вы представили «въ письмѣ вашемъ 2476 ст. VI т.Св. Зак. гражд. Что же въ ней ска-«зано? «На содержанiе при старшинахъ писцовъ для записки въ книгу «товаровъ и всего нужнаго, по должности на нихъ возложенной, равно «на разные расходы по торговлѣ и другимъ случаямъ, торгующее въ «Кяхтѣ купечество, по предоставленному ему праву, производитъ до-«бровольные денежные взносы по $^1/_2$% съ рубля съ цѣны, вымѣни-«ваемыхъ товаровъ. *Впрочемъ общему разсмотрѣнiю купечества и «старшины предоставляется сдѣлать и другое положенiе*». Но этихъ «послѣднихъ словъ почему-то вы не разсудили написать въ письмѣ «вашемъ, а они относятся къ настоящему дѣлу не менѣе прописан-«ныхъ вами. Здѣсь слѣдуетъ сказать вамъ, м. гг., что вы, не понявъ «2476 ст. въ прямомъ ея значенiи, не съумѣли и скрыть вашего «непониманiя, иначе вы никогда не рѣшились бы основывать на «статьѣ закона свои надежды, якобы она есть ваше утвержденiе «и защита по расходамъ аксиденцiй. Въ статьѣ, приводимой ва-

«ми въ доказательство, мы видимъ, что купечеству, торгующему
«на Кяхтѣ, предоставлено право производить денежный доброволь-
«ный взносъ, но на что? Та же статья поясняетъ: во первыхъ, на
«содержаніе при старшинахъ писцовъ для записки въ книгу то-
«варовъ, во вторыхъ, на содержаніе всего нужнаго по должности
«на нихъ возложенной. Но неужели, м. гг., вы къ числу стар-
«шинской должности относите имѣть бабку, аптекаря, доктора и
«проч.? Нѣтъ, положительно — нѣтъ. Въ третьихъ разрѣшаетъ
«законъ производить расходъ изъ аксиденцій на разные обществен-
«ные расходы *по торговлѣ*. Изволите видѣть, м. гг., только *по*
«*торговлѣ*, а какъ же музыка содержится на аксиденціи? Развѣ это
«согласно съ закономъ? Сознайтесь, м. гг., что это противозаконно.
«Намъ доводилось самимъ вымѣнивать товары отъ китайцевъ, но
«при этомъ не участвовала музыка, и китайскіе купцы за это не бы-
«ли въ претензіи, вѣроятно и вамъ безъ музыки можно вымѣнивать
«отъ китайцевъ товары для русскихъ купцовъ. Вы имѣете музыку,
«какъ вы писали, для развитія общественной жизни, слѣдовательно
«и содержаніе ея должно быть отъ того самаго общества, которому
«она служитъ развитіемъ; но другое было бы о ней разсужденіе, если
«бы вы написали, что имѣете ее для развитія умственныхъ способ-
«ностей по торговлѣ. И въ четвертыхъ, законъ, допуская произво-
«дить расходы изъ аксиденцій, какъ мы пояснили выше, на разные
«общественные расходы по торговлѣ, допускаетъ расходовать еще и
«по другимъ случаямъ. Вотъ гдѣ обширное поле для своекорыстной
«дѣятельности! Вотъ чѣмъ прикрыться (подумаетъ, можетъ быть,
«старшина), расходуя аксиденціи на увеселенія, на роскошные сады,
«источники, водопроводы и на устроиваемые чрезъ нихъ мостики
«изящнаго вкуса! При такой мысли старшинъ о законѣ, ясно видно,
«до чего можетъ увеличиться аксиденція. Но, м. гг., законъ есть пре-
«слѣдователь и искоренитель зла, что доказываетъ намъ ст. 2475 VI
«т., въ которой между прочимъ постановлено въ обязанность старши-
«намъ: *обращать особенное вниманіе на все то, что можетъ слу-*
«*жить къ отвращенію злоупотребленій и къ распространенію общей*
«*пользы*. Законъ вѣроятно потому и созданъ закономъ, что въ немъ
«начертаны правила добра и строгой справедливости, безъ которыхъ
«существованіе человѣка было бы тягостно и невыносимо. Неиспол-
«неніе закона называется преступленіемъ, а всякое преступленіе зако-
«на есть дѣйствіе мысли человѣка имѣть то, что ему не усвоено зако-
«номъ. Имѣя такое понятіе о законѣ, можно ли думать, что въ 2476
«ст. подъ словами: *и по другимъ случаямъ*, допускается расходовать
«аксиденціи положительно на все то, на что только разсудятъ старши-
«ны? А въ 2475 ст. того же тома сказано между прочимъ: *о всемъ*,

«оно стараніями и лучшей пользы купечества *усмотрѣно будетъ*, «дѣлать что, съ согласія купечества и съ прописаніемъ обстоя- «тельствъ, послать въ Кяхтинскую таможню, а сія представ- «ляетъ вышнему градоначальнику. Видите ли, м. гг., вамъ законъ «не даетъ неограниченной власти на расходованіе акциденціи и въ «другихъ предпріятіяхъ. Если бы вы усмотрѣли полезное что ни- «будь, повинуясь закону, вы предварительно должны обратиться къ «купечеству и по согласію его обратиться къ правительству. Изъ «приведенныхъ здѣсь словъ видно, что о 2476 ст., приводимой вами «въ доказательство справедливости расходовъ акциденціи, вы не имѣ- «ли яснаго и совершеннаго понятія».

«Что касается до расходованія акциденціи, продолжаете вы въ «своемъ письмѣ, на содержаніе церкви, отопленіе и освѣщеніе обще- «ственныхъ зданій, водопроводовъ, ночныхъ карауловъ въ слободѣ и «проч., то принимать все это исключительно на свой счетъ, жители «Кяхтинской слободы — не могутъ: во первыхъ, по малочисленности, «во вторыхъ, по праву каждаго города покрывать подобныя расходы «своими доходами. Если слобода ваша такъ малочисленна и бѣдна, «что не имѣетъ средствъ на свой счетъ содержать: общественныхъ «зданій, музыку, доктора, аптекаря, водопроводы и пр., то вамъ нужно «все это оставить, но расходовать на все это акциденцію, какъ мы «уже пояснили выше, есть противозаконно. Прибавимъ еще къ этому «и то, что ни въ какомъ городѣ доходы его не употребляются на по- «добные расходы (*). Если же и содержаніе церкви, сооруженной для «васъ, м. гг., усердіемъ доброхотныхъ дателей, вы находите обреме- «нительнымъ, въ такомъ случаѣ можете на содержаніе ея сдѣлать «сборы, испросивъ на это разрѣшеніе епархіальнаго начальства, и по- «звольте васъ увѣрить, что въ Иркутскѣ не только въ купечествѣ, «торгующемъ на Кяхтѣ, но положительно во всѣхъ классахъ жителей «найдете вы усердныхъ дателей, по возможности каждаго; но требо- «вать на содержаніе церкви 3000 руб. изъ добровольнаго полупри- «нужднаго взноса какъ будто, съ одной стороны — грубо, а съ дру- «гой — несправедливо. Несправедливо потому, что какъ бы ни былъ «малочисленъ и бѣденъ приходъ, православные вездѣ сами на свой «счетъ содержатъ церкви, развѣ только на исправленіе иногда при- «глашаютъ принять участіе лицъ другаго прихода. Жалованье свя-

---

(*) Мы очень [illegible] съ иркутскимъ купечествомъ, торгующимъ на Кяхтѣ. Имъ очень хорошо извѣстно, что вода не только первая потребность всякаго жилаго мѣста, но и необходима для тушенія пожаровъ, которые могутъ всѣхъ торгующихъ подвергнуть ужасному раззоренію, если и не прямо, то посредственно. *Зам. Автора.*

«щенно-и церковно-служителямъ необходимо, если только жители сло-
«боды имѣютъ возможность удовлетворить его, а въ противномъ слу-
«чаѣ, принявъ во вниманіе положеніе священно-и церковно-служите-
«лей, при малочисленности прихожанъ, вамъ необходимо нужно хо-
«датайствовать у епархіальнаго начальства, чтобы священнослужи-
«тели г. Троицкосавска завѣдывали церковью и приходомъ вашей тор-
«говой слободы, а бывшимъ исходатайствовать приличный и болѣе
«многочисленный приходъ; но выдавать имъ жалованье изъ акциден-
«цій тоже противозаконно. Бумага все терпитъ, м. гг., что вы только
«на ней ни напишете; но полезнѣе было бы сначала понять предметъ,
«о которомъ вы пожелаете писать, понять, а потомъ написать такъ,
«чтобы читающій понялъ и принялъ безъ возраженій»... «Въ слѣ-
«дующей статьѣ вы пишете: если иркутское купечество заботится объ
«общественныхъ интересахъ, то оно, надѣемся, допуститъ и то, что
«кяхтинское — заботится, какъ благоустроенное, о своихъ собствен-
«ныхъ интересахъ. Далѣе вы пишете, что содержаніе пожарной
«команды отпускается по положенію, опредѣленному закономъ, огра-
«ничивать которое невправѣ не только иркутское купечество, но и
«никакое другое административное лицо, кромѣ самой законодатель-
«ной власти. Теперь остается васъ спросить, м. гг., читали вы наше
«письмо, или нѣтъ? Если читали, то вѣрно свое, не читая, подписали;
«но мы повторимъ вамъ, что въ нашемъ письмѣ были написаны слѣ-
«дующія слова: «зная достаточно хорошо устройство гостинаго двора,
«мы отвергаемъ, чтобы охраненіе его требовало такого значительнаго
«расхода 3144 р. (кромѣ содержанія пожарной команды), какой вы-
«веденъ по смѣтѣ». Гдѣ же вы изволили здѣсь вычитать, что иркут-
«ское купечество ограничиваетъ содержаніе пожарной команды? Огра-
«ничиваетъ содержаніе гостинаго двора въ суммѣ 3144 руб., а не въ
«пожарной командѣ, что видно также изъ слѣдующихъ словъ: «цѣль
«охраненія могла быть достигнута употребленіемъ половины этого
«расхода». Не ясно тоже, что это за особенные смотрители при кях-
«тинскомъ гостиномъ дворѣ, получающіе двое по 500 руб. и одинъ
«350 руб. жалованья? Какое ихъ назначеніе, когда есть еще три над-
«зирателя, — объ этомъ вы тоже въ письмѣ вашемъ ничего не пояс-
«нили; увѣдомили, впрочемъ, что для охраненія гостинаго двора со-
«держится такое именно число, какое требуется дѣйствительною въ
«нихъ надобностью. Дѣйствительная надобность охраненія гостинаго
«двора требуетъ не многочисленныхъ, но вѣрныхъ приставниковъ;
«ибо при всемъ комплектѣ служащихъ, при всей ихъ многочислен-
«ности, въ кяхтинскомъ гостиномъ дворѣ были случаи похищенія. Не
«припомнимъ, сколько времени тому назадъ, здѣсь въ Иркутскѣ носи-
«лись слухи, будто бы изъ какой-то лавки кяхтинскаго гостинаго

«двора, при всей цѣлости дверей, замковъ и печатей было учинено «похищеніе метала въ монетѣ, и чтобы избавить отъ отвѣтствен-«ности надзирателя, или смотрителя, или складчика, выдано было «ему изъ аксидениціи будто бы что-то въ родѣ ссуды до 25,000 руб. «безъ процентовъ на сколько-то лѣтъ. Вѣроятно эта выдача была по-«пущена изъ остатка аксиденціи того года. Позвольте васъ, м. гг., «просить увѣдомить насъ, на сколько справедливы или ложны эти «слухи».

«Въ продолженіи вашего письма, которое называете заключеніемъ, «вы, сознавая гласность полезною во всякомъ дѣлѣ, называете и от-«четы по расходованію аксиденцій, открытые въ общественной кон-«торѣ для всѣхъ интересующихся ими — гласностью. Удивительно «интересная гласность! Ѣхать изъ Москвы, Казани, Иркутска — въ «Кяхту за просмотрѣніемъ отчетовъ аксиденціи! Это никакъ не глас-«ность по отчетности, а гласный деспотизмъ старшинъ, который «состоитъ въ томъ, чтобы заинтересованное отчетностью аксиден-«ціи купечество, торгующее на Кяхтѣ, повинуясь волѣ старшинъ, «все прибыло въ Кяхту ради гласности, открытой имъ въ обществен-«ной конторѣ...» «Татарскіе ханы сбирали дань съ россіянъ (вамъ «вѣроятно это извѣстно); но недовольствуясь своевременнымъ взно-«сомъ платимой россіянами дани, они желали еще, чтобы и князья рус-«скіе ходили къ нимъ въ орду съ нею, для изъявленія своей покорно-«сти; примѣръ по взгляду очень далекъ отъ предмета, о которомъ у насъ «идетъ рѣчь; но если разсмотрѣть внимательнѣе, то откроется одно «общее начало, происходящее отъ непомѣрнаго честолюбія. Что по-«буждало хановъ, когда дань, удовлетворявшая ихъ, была уже предъ «ними—видѣть еще при этомъ князей съ покорностью? Всѣ говорятъ, «честолюбіе хановъ.—А что побудило васъ, милостивые гг., отказать «намъ въ отчетности, сказавъ, что интересующіеся могутъ видѣть ее «въ общественной конторѣ? Тоже честолюбіе...» «Отпечатывать от-«четы, нѣтъ особой необходимости въ типографіи (такъ написано въ «вашемъ письмѣ); но для насъ положительно все равно, гдѣ вы сочтете «лучшимъ, въ своей типографіи, или въ губернскихъ, или въ столич-«ныхъ вѣдомостяхъ вы ихъ напечатаете.» «Въ послѣдней вашей статьѣ «вы присовокупляете, что по вашему мнѣнію, всякій не участвующій «въ содержаніи агентства въ Китаѣ, по вашей совѣсти, не можетъ «пользоваться какимъ бы то ни было путемъ и доставляемыми отъ «агентовъ свѣдѣніями.» Это опять новое доказательство тлетворнаго «деспотизма.»

«Правительство наше, желая развить торговлю Россіи съ Китаемъ, «сдѣлало возможнымъ для русскихъ купцовъ караванную торговлю «по Монголіи и въ самомъ Китаѣ. Купечество россійское, на сколько

«имѣетъ возможность, приступило къ осуществленію желанія нашего «правительства: въ нѣкоторыхъ городахъ Китая ведетъ торговлю и «имѣетъ своихъ агентовъ, которыхъ содержитъ на свой счетъ изъ «капиталовъ аксиденціи и получаетъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія. Но «почему же, м. гг., вы имѣете мнѣніе, чтобы свѣдѣнія о Китаѣ и «о торговлѣ въ немъ были извѣстны только лицамъ, имѣющимъ уже «торговлю и получающимъ свѣдѣнія? Зачѣмъ же не допускать лицамъ, «не имѣвшимъ дѣла ни въ Кяхтѣ, ни въ Китаѣ узнать отъ своихъ «друзей ходъ торговли, выше поясненной? Зачѣмъ запрещать купцу, «торгующему на Кяхтѣ и имѣющему свѣдѣнія отъ агентовъ въ Ки-«таѣ — передать эти свѣдѣнія своему нуждающемуся собрату? За-«чѣмъ налагать взысканіе на купца, получившаго свѣдѣнія о торговлѣ «изъ Китая отъ агентовъ, тогда какъ правительство наше заботится «о благѣ всѣхъ подданныхъ?

«Разъяснивъ все нужное, остается сказать вамъ, м. гг., что расхо-«дованіе аксиденціи на нѣкоторые предметы, какъ противозаконное, «вамъ нужно прекратить совершенно; всякое возраженіе противъ «этого будетъ съ нашей стороны оставлено безъ вниманія. Но какъ «переписка наша возникла по случаю устройства почты между Кяхтою «и Пекиномъ и продолженія агентства въ Китаѣ, то мы имѣемъ честь «вамъ сказать: агентство въ Китаѣ должно и можетъ содержаться на «аксиденціи, которой въ нынѣшнемъ году, при правильномъ и закон-«номъ расходованіи, долженъ быть очень значительный остатокъ. Уст-«ройство почты между Кяхтою и Пекиномъ, составляя общую пользу «купцовъ, не требуетъ отлагательства. Для исполненія этого предпрія-«тія нужно знать только цифру требующагося капитала; при нынѣш-«нихъ же сношеніяхъ съ Китаемъ, это не составитъ вопроса мудрости. «Поэтому, по представленіи вами смѣты на устройство почты и еже-«годнаго ея содержанія, окончательно разрѣшится вопросъ и объ «участіи нашемъ въ устроеніи почты, если только вы не почтете за «чрезвычайный трудъ предварительно объяснить намъ подробный «балансъ дѣйствительно собранныхъ суммъ аксиденціи и расходовъ «хотя за послѣдніе два года. Скажите намъ, были ли и есть ли остатки «отъ аксиденціи и какъ они теперь велики? Безъ этихъ свѣдѣній мы «не можемъ знать, насколько нужно увеличить аксиденціи по устрой-«ству и содержанію почты между Кяхтою и Пекиномъ.»

Мы не знаемъ, послѣдовалъ ли новый отвѣтъ кяхтинскаго купечества; по крайней мѣрѣ до конца нижегородской ярмарки его не было.

А! каково ведутся у васъ дѣла? А вѣдь монголовъ-то мы упрекаемъ за *кое какъ*!

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО СЛУЧАЮ НОВАГО ГОДА. — ОТКРЫТІЯ ИМЪ ПРИНЕСЕННЫЯ. — НѢЧТО О ПОНИЖЕНІИ ТОНА. — НѢЧТО О НЕЗАВИСИМОСТИ. — НѢЧТО ОБЪ ИЗОБИЛІИ ГЕНІЕВЪ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ И СЛОВО ВЪ МОЮ СОБСТВЕННУЮ ЗАЩИТУ.

Еслибъ мнѣ предложили вопросъ, чѣмъ именно нравится мнѣ прошлый 1863 годъ, я скорѣе всего отвѣтилъ бы: «ничѣмъ онъ мнѣ не нравится», и предполагаю, что публика осталась бы довольною такимъ отвѣтомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такой «старый годъ», что такое «новый годъ»? Неужели человѣчество еще недостаточно умудрено опытомъ, чтобъ убѣдиться, что это не болѣе, какъ термины, имѣющіе значеніе исключительно астрономическое. А какое дѣло намъ, простымъ и бѣднымъ людямъ, до того, что происходитъ въ области астрономіи! Развѣ «новый годъ» приноситъ намъ пироги и жареныхъ поросятъ? Развѣ, уходя, «старый годъ» уноситъ въ вѣчность всѣ черствые куски, которыми усѣяна сія юдоль плача? Чему мы радуемся? Что жалѣемъ? О, оставимъ лучше астрономовъ въ покоѣ доказывать все, что имъ доказывать надлежитъ, и будемъ жить, какъ живется, ничего отъ себя не утаивая, но ничего и не преувеличивая.

И въ старомъ году хорошо жилось, и въ новомъ хорошо будетъ житься. Это ужь такъ изначала заведено, чтобъ всегда жилось именно такъ, какъ живется. И если иногда тебѣ кажется, о птенецъ! что міръ не всегда идетъ такъ, какъ бы ему идти над,

лежало, то это не что иное, какъ горькое, дѣтское твое заблужденіе, которое потому только и прощается, что тебѣ, какъ птенцу, заблуждаться приличествуетъ. Въ семъ мірѣ все предусмотрѣно, все подчинено неизмѣннымъ законамъ; заблужденія и мудрость, увлеченія и трезвый гласъ разсудка, жаръ и холодъ— все это заранѣе размѣщено по своимъ мѣстамъ, все это слѣдовало, слѣдуетъ и будетъ слѣдовать одному разъ навсегда опредѣленному церемоніалу. Птенцы заблуждаются, старцы постепенно умудряются, юность увлекается и впадаетъ въ ошибки, зрѣлость подмѣчаетъ этѣ ошибки, и если онѣ не внимаютъ трезвому голосу разсудка, то вычеркиваетъ ихъ, потому что въ числѣ ея обязанностей, кромѣ убѣжденія посредствомъ голоса разсудка, находится и вычеркиваніе. Что можешь сказать ты, птенецъ, противъ этого? Развѣ Африкѣ не приличествуетъ изнемогать подъ лучами палящаго тропическаго солнца, а Европѣ— наслаждаться благорастворенiемъ воздуховъ? Или ты и противъ этого будешь спорить? Спорь, мой другъ, спорь! это тебѣ приличествуетъ!

Я знаю, почему ты споришь: тебѣ не нравится право вычеркиванія, которое, по моей теоріи, предоставляется старшимъ... Другъ! успокойся! помни, что когда пора заблужденій пройдетъ, когда наступитъ пора постепеннаго умудренія, то право вычеркиванія предоставится и тебѣ (тогда-то поймешь ты, сколько сладости заключается въ этомъ правѣ!). И даю тебѣ голову на отсѣченіе, что ты не только не отвернешься отъ него съ негодованіемъ, но воспользуешься имъ, до такой степени воспользуешься, что даже изъ всѣхъ силъ будешь протестовать противъ всякой попытки, которая стремилась бы его отмѣнить или ограничить! И такъ, не волнуйся и не спорь, но съ терпѣніемъ и увѣренностью ожидай своей очереди!

Мнѣ ужь давно перестали нравиться «годы»; давно ужь я пересталъ вспоминать о старыхъ и ожидать чего нибудь путнаго отъ новыхъ. Время всегда равно времени, говорю я себѣ, и спокойно гляжу на прошедшее, и не прихожу въ восторгъ при видѣ грядущаго. Помню, когда я еще былъ маленькій, то меня по цѣлымъ годамъ водили въ драной ситцевой рубашонкѣ, и все твердили: «а вотъ погоди! будешь умникомъ, такъ сошьемъ тебѣ къ новому году бархатную курточку и алые штанишки съ свѣтленькими пуговками»! Но напрасно старался я быть умникомъ, напрасно преодолѣвалъ отвращеніе при видѣ моей драной и ветхой

рубашонки, — наступалъ новый годъ и никакой таки бархатной курточки съ собой не приносилъ! Сколько горькихъ, дѣтскихъ слезъ пролилъ я въ то время, вновь надѣвая мое ветхое рубище! Сколько глупыхъ упрековъ, сколько невинныхъ проклятій назрѣвало тогда въ моей юной груди!

Но я былъ юнъ, а слѣдовательно и легкомысленъ. Когда я сталъ подрастать, то меня продолжали обольщать съ прежнимъ успѣхомъ, но обольщали уже не курточкою и алыми штанишками, а обѣщаніемъ хорошенькихъ маленькихъ книжекъ и надеждой поступить въ заведеніе, гдѣ воспитываются хорошенькія маленькія дѣти. И я опять старался быть умникомъ, опять съ восторгомъ привѣтствовалъ какую-то новую эру своей дѣтской жизни... и опять въ результатѣ были слезы, страшныя дѣтскія слезы! И не то, чтобъ мнѣ не давали хорошенькихъ маленькихъ книжекъ, не то, чтобъ меня не отдали въ хорошенькое маленькое заведеніе, — но даже я дѣтскимъ умомъ своимъ понялъ, что хорошенькія книжки, которыя мнѣ предлагали, были подобны тѣмъ позеленѣвшимъ дождевикамъ, которые, при малѣйшемъ прикосновеніи, испускаютъ изъ себя одинъ прахъ, и что заведеніе, въ которое меня, наконецъ, отдали, могло быть только источникомъ новыхъ дѣтскихъ слезъ и огорченій, а отнюдь не предметомъ нетерпѣливыхъ восторговъ.

Я помню, насъ было въ классѣ двадцать три ученика, и между ними, по успѣхамъ въ наукахъ, я былъ восьмымъ. Но однажды, въ головку maman пришла несчастная мысль попристальнѣе заняться моимъ воспитаніемъ и слегка поруководствовать мной.

— Прилежно ли ты учишься, другъ мой? спросила она меня такимъ вкрадчивымъ голосомъ, какъ будто бы, вслѣдъ за этимъ вопросомъ, должна была разомъ произойти выгрузка конфектъ изъ всѣхъ ея кармановъ.

— Я, маменька, восьмой по классу! отвѣчалъ я съ нѣкоторой гордостью, совершенно надѣясь, что здравый смыслъ сдѣлаетъ остальное, т. е. подскажетъ maman, что «восьмой» совсѣмъ не значитъ «двадцать третій».

— Гм... однако не первый? пробормотала maman, и отпросила меня на цѣлый день домой.

Я собирался съ радостью, и всѣмъ товарищамъ говорилъ, какая у меня maman добрая, и сколько ожидаетъ меня впереди сладкихъ пирожковъ. Но дома меня высѣкли... за то, что я не былъ первымъ по классу, и, по окончаніи этой операціи, ска-

вали: «вотъ, если ты будешь умникомъ, то тебя сѣчь не будемъ!» — Только-то! шевельнулось тогда въ моей головѣ, и въ то же время заронилось тамъ множество и другихъ, самыхъ разнообразныхъ мыслей. Во первыхъ, мнѣ совершенно логически представилось, что весь нашъ классъ, исключая перваго ученика (бѣдный! ужели ты не чувствовалъ, что это званіе сѣчетъ тебя гораздо больнѣе, нежели всевозможныя розги!), долженъ быть высѣченъ; во вторыхъ, мнѣ пришло на умъ: а что, ежели, вслѣдствіе такой экзекуціи, всѣ наши ученики, точно такъ же, какъ и я, пожелаютъ быть первыми? вѣдь этакъ, пожалуй, опять придется остаться восьмому восьмымъ, а двадцать третьему двадцать третьимъ? въ третьихъ, я съ ужасомъ думалъ: если maman высѣкла меня за то, что я восьмой, то что же должна сдѣлать maman Кротикова съ моимъ другомъ Өединькой, который былъ постоянно первымъ по числу съѣдаемыхъ имъ булокъ, но, по успѣхамъ въ наукахъ, рѣшительно всегда стоялъ двадцать третьимъ.

Но главный результатъ, который пріобрѣтенъ мною вслѣдствіе этихъ разочарованій, заключается въ томъ, что я почувствовалъ себя умудреннымъ, и сталъ смотрѣть на «годы», какъ на пустую формальность, изъ которой, какъ ни бейся, никакого другаго сока не выжмешь, кромѣ того, который въ ней заключается. Время равно времени, годъ равенъ году; въ одномъ нѣтъ повода для воспоминаній, въ другомъ — для надеждъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ ветхая ситцевая рубашка остается все тою же ветхою ситцевою рубашкой. И если при такомъ убѣжденіи, жизнь утрачиваетъ свою игривость, то, взамѣнъ того, она пріобрѣтаетъ то завидное спокойствіе, которое замѣчается въ физіономіяхъ куколъ, съ вставленными, вмѣсто глазъ, свѣтленькими оловянными кружками.

Само собой разумѣется, что для того, чтобы стать на ту философическую высоту, съ которой дѣла сего міра кажутся безразличными, необходимо пройти сквозь множество такого рода испытаній, которыя на русскомъ языкѣ слывутъ подъ общимъ характеристическимъ наименованіемъ «огней и мѣдныхъ трубъ» (сколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ отечествѣ это наименованіе считается синонимомъ того, что въ другихъ странахъ называется наукой); но съ другой стороны, какъ же и требовать, чтобъ блага истинныя и прочныя доставались намъ даромъ? Еслибъ я съ юныхъ лѣтъ не былъ обманываемъ самымъ простымъ и на—

хальнымъ образомъ, и еслибъ самолюбіе мое не выкипѣло до тла въ этой презрѣнной тинѣ лукавствъ, подвоховъ и умолчаній, то, быть можетъ, я и до сихъ поръ ждалъ бы моей новой бархатной журточки. А теперь я не жду ничего, и такими глазами смотрю на мое дырявое, ветхое рубище, какъ будто бы ему и по штату положено быть именно дырявымъ и ветхимъ.

Но чего же, какихъ жизненныхъ результатовъ добился ты съ пріобрѣтеніемъ такого взгляда? спросятъ, быть можетъ, меня читатели.

Сознаюсь откровенно, вопросъ этотъ нѣсколько затрудняетъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, чего я достигъ? спрашиваю я себя. Достигъ ли я мира душевнаго? нѣтъ, не достигъ, ибо покой мой безпрестанно нарушается чужимъ безпокойствомъ, ибо для того, чтобы безпечно наслаждаться своимъ спокойствіемъ, нужно, чтобъ и все окружающее предавалось такому же наслажденію. Достигъ ли я, по крайней мѣрѣ, права прозябать втихомолку въ своемъ темномъ углу?—нѣтъ, и этого права я не достигъ, потому что право прозябанія, не смотря на свою очевидную неказистость, есть слишкомъ цѣнное право, чтобъ быть доступнымъ кому бы то ни было, исключая тѣхъ рѣдкихъ избранниковъ фортуны, которые до того уже щедро надѣлены природой, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, кажется, какъ будто они и совсѣмъ ничѣмъ не одарены... И такъ, въ результатѣ оказывается, что я обладаю собственно только точкою зрѣнія, взглядомъ хорошимъ, возможностью, съ полнымъ убѣжденіемъ, произнести, что *ничто не ново подъ луною*... Кушанье неважное, и нѣтъ сомнѣнія, что я не потерпѣлъ бы никакого убытка, еслибъ даже не обладалъ имъ.

Но чего же достигъ и ты, о людъ волнующійся и стремящійся! Вглядись пристальнѣе въ твою дѣятельность, не увидишь ли ты въ ней жалкой пародіи на дѣятельность тѣхъ служителей искусства для искусства, науки для науки, противъ которыхъ устремлено было все твое горячее негодованіе? Волненіе для волненія, стремленіе для стремленія; сегодняшняя пустая дѣятельность, поправляющая вчерашнюю пустую дѣятельность, и въ свою очередь поправляемая завтрашнею пустою дѣятельностью! Вотъ процессъ твоей жизни, а въ результатѣ — вѣчное, непрерывающееся самообольщеніе, то жалкое самообольщеніе, которое для человѣка, непричастнаго этой суматохѣ, кажется совершенно необъяснимою психологическою загадкою. Согласись, что и это

кушанье неважное, и что ты не понесъ бы убытка, если бы не обладалъ имъ.

Прошлое лѣто, мнѣ случилось сдѣлать изъ Москвы небольшое путешествіе. Ѣхалъ я въ такъ называемыхъ дилижансахъ компаніи «Общая Польза», которые, какъ извѣстно, такимъ образомъ устроены, чтобы ѣдущіе въ нихъ, вслѣдствіе взаимныхъ толчковъ и невольныхъ тѣлесныхъ оскорбленій, къ концу путешествія, непремѣнно дѣлались заклятыми врагами. Насъ ѣхало шестеро, и между прочимъ одинъ бывшій ополченецъ, который, какимъ-то чудомъ, до 1863 года донашивалъ бренные остатки своего ополченнаго казакина. Ополченецъ разговорился первый.

— Да-съ, не катался бы я въ этой чертопхайкѣ, кабы не братъ злодѣй! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я изъявилъ готовность продолжать разговоръ.

— Я и теперь было надумывалъ взять особенный тарантасикъ... чтобы, знаете, было покойно... да и взялъ бы, кабы не случилось со мной этой оказіи!

— Гм... оказіи?

— Да-съ, оказія не маленькая! разомъ таки тридцать тысячъ на улицѣ посѣялъ! И вѣдь представьте:—поутру былъ въ Новотроицкомъ—пощупалъ: здѣсь! потомъ сходилъ въ московскій — здѣсь! потомъ зашелъ къ иверской... туда, сюда... хвать! въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ нѣтъ ничего!

Всѣ пассажиры переглянулись; купецъ, тутъ же ѣхавшій съ нижегородской ярмарки, даже поблѣднѣлъ и пощупалъ у себя за пазухой; одинъ только зарайскій мѣщанинишка, по всѣмъ видимостямъ сидѣлецъ питейнаго дома, какъ будто усомнился, и замѣтилъ иронически:

— Однако, жаль, что насъ тутотка не случилось, какъ ваше благородіе капиталъ-то роняли.

— А что, небось подтибрилъ бы?

— Извѣстно, не чѣмъ имъ валяться, ужь пусть лучше хозяина знаютъ!

— Держи карманъ! такъ бы я и смотрѣлъ тебѣ въ зубы, доколѣ бы ты денегъ моихъ не подобралъ! Нѣтъ, братъ, я на эти дѣла самъ прозорливъ!

Мѣщанинишка даже хихикнулъ.

— Что? смѣешься теперь, курицынъ сынъ? А вотъ кабы самому пришлось хоть пять рублей потерять, такъ небось, во

всѣ стороны заметался бы, всѣхъ бы городовыхъ съ ногъ сбилъ, и Москву-то бы всю языкомъ вылизалъ!

— На что лизать? и для насъ пять рублевъ не суть важно...

— То-то «не суть важно!» Я вотъ тридцать тысячъ потерялъ — и не скорблю, потому душа во мнѣ благородная! а ты пять рублей потерялъ—и Москву языкомъ всю вылизалъ, потому ты курицинъ сынъ!

— На что же курицынъ сынъ-съ? у насъ тоже тятенька съ маменькой были-съ!

— Ну да, тоже «тятенька съ маменькой!» а знаешь ли ты, что тятенька-то твой пѣтухъ, а маменька курица! — не велика, братъ, родословная! Туда же, смѣется! да ты знаешь ли, что кабы не злодѣй у меня братъ, такъ я бы тебя и съ потрохомъ-то твоимъ поганымъ живьемъ купилъ!

— Вы прежде польто мое купите, а то ваше ужь оченно послѣ войны-то износилось!

Мѣщанинъ, очевидно, начиналъ обижаться.

— И купилъ бы! и чучелу бы изъ тебя набилъ, въ огородъ бы, вмѣсто пугала, поставилъ!

— Ну, это еще какъ пришлось бы. У насъ тоже былъ такой-то...

Мѣщанинъ остановился.

— Ну, чтожь дальше? продолжай, любезный! продолжай.

— Ну, и ничего... тоже все деньги терялъ...

— Однако, неужели же вы такъ и не дали знать объ вашей потерѣ полиціи? вмѣшался я, чтобы отвлечь вниманіе ополченца отъ мѣщанина.

— А зачѣмъ? Это чтобы меня по частямъ да по судамъ-то таскали? такъ я, сударь, отечеству моему двадцать пять лѣтъ служилъ, и ни разу по судамъ, кромѣ благородныхъ дѣловъ, замѣшанъ не былъ! Неужто жь мнѣ куска хлѣба не будетъ! неужтожь мнѣ-то, мнѣ-то хлѣба не будетъ? Да это упаси Богъ!

— Гм, какъ хотите, все-таки потеря не маловажная...

— А вы думаете, я не наверстаю? Я вотъ и теперь къ брату ѣду; пріѣду къ нему, скажу: «братъ! да отдай же ты, злодѣй, тѣ деньги, которыя ты у меня укралъ!» — и отдастъ!

— Ихній братецъ въ нѣтовской губерніи селомъ Праховымъ обладаютъ-съ... помѣщики основательные! сострилъ занозистый мѣщанинъ.

— Не Праховымъ, курицынъ сынъ! а селомъ Послѣдовымъ

съ деревнями, въ коихъ по послѣдней ревизіи числится тысяча восемьсотъ двадцать одна душа! Слышишь: тысяча восемьсотъ одна душа!

— Такъ вы думаете, что братецъ вамъ деньги эти отдастъ? вновь вмѣшался я.

— Какъ не отдать! какъ святъ Богъ—отдастъ! Потому, братъ у меня, доложу вамъ, не человѣкъ, а душа! Позамотался онъ въ послѣднее время немного, ну, и меня тоже по карману хватилъ... У него, я вамъ доложу, однѣхъ овецъ сто тысячъ по Окѣ пасутся, такъ если съ каждой... ну, по скольку?—ну, хоть по полупуду шерсти получать, такъ вѣдь денегъ-то какая охапка выйдетъ.

— И не огребешь! фыркнулъ мѣщанинъ.

— Такъ какъ же тутъ не отдать! У него, батюшка, въ оранжереяхъ однихъ этихъ персиковъ счетомъ пятьдесятъ тысячъ снимается... все одинъ къ одному! А онъ только знай собираетъ ихъ, да въ Москву, да въ Москву!

— Слѣдовательно, вы думаете у него и поселиться?

— У него и поселюсь! Онъ мнѣ флигель отдастъ! Тяжеленько ему это будетъ — потому жена, дѣти, всякому уголъ надобенъ! да нѣтъ, братъ, у меня ужь ау! умѣлъ, братъ, денежки мои прикарманить, умѣй и распоясываться! А мѣста тамъ какія! охота какая! у брата моего псарня, доложу вамъ...

— Однихъ чай собакъ двѣстѣ тысячъ! опять присталъ мѣщанинишка.

— Съ тобой, братъ, двѣсти тысячъ и одна будетъ! Да скажи ты мнѣ, однако, курицынъ сынъ, что ты это присталъ ко мнѣ? Развѣ не видишь, что я не съ тобой, а съ своимъ братомъ, благороднымъ дворяниномъ разговариваю?

Этотъ разговоръ продолжался цѣлую дорогу, и, сознаюсь откровенно, я внималъ ему съ удовольствіемъ. Во первыхъ, этотъ прогорѣвшій ополченецъ представлялъ собой тысячекратное повтореніе той замѣчательной психологической загадки, которую такъ блистательно осуществили: Жоржъ Зандъ въ своемъ Орасѣ и Гоголь въ своемъ Хлестаковѣ. Мой ополченецъ былъ, по малой мѣрѣ, двоюроднымъ братцемъ этихъ двухъ родныхъ братьевъ (я надѣюсь, что только люди очень непроницательные поставятъ мнѣ въ укоръ, что я нахожу родство между такими личностями, какъ Орасъ и Хлестаковъ); онъ лгалъ и въ одно и

то же время и сознавалъ, что лжетъ, и не сознавалъ, что лжетъ. Онъ совершенно не вѣрилъ себѣ, когда говорилъ, что потерялъ тридцать тысячъ и что у него есть братъ, одновременно и разбойникъ, и «душа-человѣкъ», и въ то же время искренно вѣрилъ этому. Онъ вѣрилъ не факту, а словамъ своимъ, выражавшимъ то соблазнительное представленіе о фактѣ, которое неожиданно подсказывала ему фантазія. Нѣтъ сомнѣнія, что деньги, ѣда и другія матеріальныя блага были для него долгое время предметомъ мучительныхъ и сокровенныхъ думъ; быть можетъ, часть этихъ благъ онъ даже и вкусилъ когда нибудь — и вотъ этотъ несуществующій, но привлекательный міръ упорно носится передъ его глазами и преслѣдуетъ несчастнаго до тѣхъ поръ, покуда не сдѣлается его внутреннимъ міромъ, покуда не облечется въ такія живыя и художественныя формы, которымъ почти невозможно не повѣрить. Здѣсь повторяется, однимъ словомъ, тотъ самый процессъ, который совершается надъ жаждущимъ путникомъ, застигнутымъ въ безводной степи маревомъ, съ тою только разницей, что путникъ, подъ вліяніемъ марева, еще мучительнѣе изнемогаетъ, а Орасы и Хлестаковы, подъ звуки своей собственной лжи, умѣютъ ободряться, а подчасъ и сладко засыпать... Во вторыхъ — сказать ли? — ополченецъ этотъ напомнилъ мнѣ тебя, о бѣдный, волнующійся людъ! И ты тоскуешь объ утраченныхъ капиталахъ, которыхъ никогда не имѣлъ, и ты обвиняешь и ты надѣешься...

И такъ, о птенцы, внемлите мнѣ! Вы, которые еще полагаете различіе между старыми и новыми годами (не безъ нѣкоторыхъ, конечно, любострастныхъ въ вашу собственную пользу надеждъ), вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснутся засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ стучащіе и ни до чего не достукивающіеся, просящіе и не получающіе — всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру. Новый годъ, навѣрное, будетъ повтореніемъ стараго, потому что и старый былъ хорошъ; никакой чаши ни откуда не сойдетъ, по той причинѣ, что она ужъ давно стоитъ на столѣ, да губы-то ваши не съумѣли поймать ее; стучать и просить вы будете по прежнему (таково ужъ крохоборническое назначеніе ваше), и по прежнему ничто не отворится передъ вами, и ничего не будетъ вамъ дано, потому что жизнь даетъ только тѣмъ, кто подходитъ къ ней прямо, и притомъ въ «благопристойной» одеждѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, всегда объ-

является въ афишахъ, приглашающихъ почтеннѣйшую публику въ танцклассы).

Я не говорю, чтобъ это была перспектива хорошая, но, по крайней мѣрѣ, она не заключаетъ въ себѣ никакого марева, а какъ хотите, и это ужь немалое преимущество. Радужные цвѣта обливаютъ ландшафтъ только изрѣдка, настоящій же цвѣтъ, съ которымъ мы должны имѣть дѣло, и который одинъ не подкупитъ и не обольститъ насъ, есть цвѣтъ сѣрый. Правда, что онъ не возбудитъ въ насъ выспреннихъ мыслей, не окрилитъ нашихъ помысловъ до тѣхъ высотъ надзвѣздныхъ, гдѣ витаютъ души гг. Майкова и Фета, но, взамѣнъ того, навѣрное, не помѣшаетъ намъ дѣлать наше маленькое, будничное дѣло.

Ждите же, птенцы, и помните, что на человѣческомъ языкѣ есть прекрасное слово «со временемъ», которое въ себѣ одномъ заключаетъ всю суть человѣческой мудрости...

Повѣрьте, что это великое слово, которое можетъ принести не мало утѣшеній тому, кто съумѣетъ кстати употребить его. Когда я вспомню, напримѣръ, что «со временемъ» дѣти будутъ рождать отцовъ, а яйцы будутъ учить курицу, что «со временемъ» зайцевская хлыстовщина утвердитъ вселенную, что «со временемъ» милыя нигилистки будутъ безстрастною рукой разсѣкать человѣческіе трупы и въ то же время подплясывать и подпѣвать «Ни о чемъ я, Дуня, не тужила» (ибо «со временемъ», какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ), то спокойствіе окончательно водворяется въ моемъ сердцѣ, и я забочусь только о томъ, чтобъ до тѣхъ поръ совѣсть моя была чиста. Съ чистою совѣстью, я надѣюсь прожить сто лѣтъ и ничего, кромѣ чистоты совѣсти, не ощущать. Съ чистою совѣстью, я считаю себя застрахованнымъ противъ всѣхъ невзгодъ и потасовокъ судьбы, ибо если объ иную пору меня и пристукнетъ нѣчто, то я могу сказать на это: «а мнѣ что за дѣло! по крайней мѣрѣ, у меня совѣсть чиста!» Съ чистою совѣстью, я могу прямо смотрѣть въ глаза даже тѣмъ, которые, хотя и съ нечистою совѣстью, но тоже смотрятъ всѣмъ прямо въ глаза. И такъ я въ своей жизни на эту «чистую совѣсть» надѣюсь, что стараюсь поселить мои надежды даже въ сердцахъ петербургскихъ нигилистовъ.

Еще недавно, одна нигилистка, вся содрогаясь отъ негодованія, разсказывала мнѣ, что была она въ оперѣ (давали, конечно, «Карла Смѣлаго») и по обыкновенію обитала въ пятомъ ярусѣ,

а между тѣмъ, въ это самое время пресловутая Шарлотта Ивановна, вся блестящая и благоухающая, роскошествовала въ бель-этажѣ и безстыдно предъявляла алкающей публикѣ свои обнаженныя плечи и «мятежный груди валъ».

— И какъ она смѣла, эта скверная! визгливо заключала разсказчица, топая ножкой.

— Да вамъ-то что до этого? спросилъ я, пораженный нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Помилуйте! я, честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента... смѣетъ всенародно показывать свои плечи... гдѣ же тутъ справедливость? и неужели правительство не обратитъ, наконецъ, на это вниманія?

Къ счастью, что во мнѣ въ это время уже созрѣла теорія «чистой совѣсти», и я могъ возражать моей взволнованной собесѣдницѣ. Съ помощью этой теоріи я успѣлъ доказать самымъ наглядным образомъ, что если Шарлотта Ивановна имѣетъ возможность сидѣть въ бель-этажѣ, то, взамѣнъ того, она не обладаетъ чистою совѣстью; что, напротивъ того, она, нигилистка, обладаетъ чистою совѣстью и, въ видѣ поправки, осуждена на сидѣніе въ пятомъ ярусѣ.

— Ну, согласились ли бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бель-этажѣ? спросилъ я въ заключеніе.

— Конечно, нѣтъ! отвѣчала она, но какъ-то такъ невнятно, что я долженъ былъ повторить свой вопросъ...

Не знаю, убѣдилась ли юная нигилистка моими доводами, но увѣренъ, что большинство нигилистовъ думаетъ именно такъ, какъ я. Нѣкоторые изъ нихъ уже начинаютъ исподволь поговаривать о «скромномъ служеніи наукѣ», а къ «жизненнымъ трепетаніямъ» относятся уже съ нѣкоторою игривостью, какъ къ чему-то неимѣющему никакой солидности и приличному только мальчишескому возрасту.

— Да вѣдь давно ли вы утверждали противное? давно ли вы говорили, что и наука и искусство только въ той мѣрѣ заслуживаютъ этого имени, въ какой они способствуютъ эмансипаціи человѣка, въ какой даютъ человѣку доступъ къ пользованію его человѣческими правами? спросилъ я на дняхъ у одного изъ такихъ кающихся нигилистовъ.

— Наука и дастъ все это, отвѣчалъ онъ.

— Да вѣдь наука развивается туго, а «жизненныя трепета-

нія» не ждутъ... Кто знаетъ: быть можетъ, она и заснула бы, ваша наука-то, безъ этихъ «жизненныхъ трепетаній»...

— Ну да, наука и дастъ... все дастъ «со временемъ»... Что же касается до того, что она подстрекается «жизненными трепетаніями», то это положительный вздоръ, потому что наука отыскиваетъ истину абсолютную, а «жизненныя трепетанія» всѣ безъ изъятія основаны на вѣчномъ блужданіи отъ одного призрака къ другому...

— Но послушайте, вѣдь вы разсуждаете уже слишкомъ приблизительно къ «Русскому Вѣстнику!»

Я надѣялся сразить и устыдить его этимъ аргументомъ, но, къ величайшему моему изумленію, онъ не только не устыдился, но хлопнулъ меня по плечу и, вздохнувши (увы! послѣдній призракъ исчезающей стыдливости!), сказалъ:

— Э, батюшка! всѣ *тамъ* будемъ!

И по моему, онъ сказалъ вещь совершенно резонную. Но и я сказалъ вещь не менѣе резонную, когда утверждалъ, что нигилисты суть не что иное, какъ титулярные совѣтники въ нераскаянномъ видѣ, а титулярные совѣтники суть раскаявшіеся нигилисты...

Всѣ тамъ будемъ!

Вотъ, напримѣръ, до настоящаго 1864 года я совсѣмъ-таки не имѣлъ никакого понятія о томъ, что въ числѣ фигуръ, перечисляемыхъ въ русскихъ реторикахъ, есть одна, которая извѣстна подъ именемъ «пониженія тона» («allegro ma non troppo», «moderato», а отчасти и «morendo» — вотъ музыкальные термины, которымъ эта фигура соотвѣтствуетъ), а теперь мнѣ и съ нею привелось познакомиться (по разъясненіи, впрочемъ, оказалось, что я знакомъ съ ней давно, чуть ли не отъ самаго рожденія, но только не зналъ, какъ ее назвать).

Надобно сказать тебѣ, читатель, что у меня есть множество хорошихъ пріятелей, изъ опытныхъ литераторовъ, которые покровительствуютъ моимъ скромнымъ талантамъ, и не прочь даже иногда помеценатствовать (ибо и литература обладаетъ своими генералами, въ лицѣ Д. В. Григоровича, В. П. Боткина, А. Д. Галахова и другихъ).

Вообще говоря, я не охотникъ до меценатовъ въ томъ смыслѣ, которое обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ. Я нахо-

му, что это народъ назойливый, сующій свой носъ туда, гдѣ ему совсѣмъ быть не слѣдуетъ, и окружающій человѣка такими попеченіями, отъ которыхъ подчасъ становится тошно. Это народъ жалкій, не знающій куда преклонить голову, и вслѣдствіе рѣшительной неспособности ни къ какому другому, болѣе путному дѣлу, рѣшающійся покровительствовать литературѣ.

Одного такого мецената я зналъ даже въ Петербургѣ, и хотя былъ у него всего одинъ разъ, но видѣлъ достаточно, чтобъ не желать повторенія посѣщеній. Я видѣлъ, какъ мрачный философъ (philosophe di forza) Ризположенскій пожиралъ фазана на тарелкѣ vieux saxe; я видѣлъ, какъ легкій философъ (philosophe di grazia) Семечкинъ выпилъ разомъ три рюмки водки изъ богемскаго хрусталя и жадно искалъ осолоумѣвшими глазами колбасы, но не находилъ ничего, кромѣ страсбургскаго паштета и разныхъ подстрекающихъ аппетитъ сыровъ; я видѣлъ, какъ

Шексвинска стерлядь золотая

сдѣлалась жертвою плотоядности критика Кроличкова; я видѣлъ, какъ страдалъ мажордомъ мецената, стоя за столомъ публициста Бенескриптова, и чуть-чуть не вслухъ восклицалъ: «embourbé! embourbé!» — я видѣлъ все это и страдалъ не менѣе самого мажордома. Я думалъ: «какъ очутился ты здѣсь, бѣдный, трудящійся людъ? что общаго между тобой и этимъ гнилымъ разслабленнымъ меценатомъ, у котораго даже головы совсѣмъ нѣтъ, а есть, вмѣсто нея, какое-то прозрачное на свѣтъ яйцо? Зачѣмъ притащился ты сюда съ холоднаго твоего чердака, гдѣ, по крайней мѣрѣ, честно заработывалъ свой незавидный кусокъ хлѣба? embourbé! embourbé!»

Да, это картина ужасная, потрясающая. Представьте себѣ развалившагося въ креслахъ маленькаго, преждевременно отъ глупости оплѣшивѣвшаго мецената и передъ нимъ согбеннаго въ дугу философа Ризположенскаго.

— Мнѣ было бы необходимо тысячъ двадцать для продолженія моего дѣла, запискивающимъ голосомъ говоритъ философъ.

— Хорошо, я вамъ дамъ ихъ; но надѣюсь, что вы будете проводить мои идеи! отвѣчаетъ меценатъ, граціозно помахивая своей прозрачной головкой.

— Какія такія это идеи! секретно думаетъ Ризположенскій, но вслухъ вѣщаетъ такъ: — ужь это само собой разумѣется... тѣмъ болѣе, что наши идеи и ваши...

— Ну да, ну да, а то меня Бенескриптовъ однажды ужь надулъ... И если вы будете хорошо вести дѣло, будете проводить мои идеи, то я не ограничусь... я еще...

Ризположенскій блѣднѣетъ и краснѣетъ; у него, что называется, «отъ радости въ зобу дыханье сперло». Онъ спѣшитъ откланяться, ибо опасается, чтобъ меценатъ не раздумалъ, не обратилъ своихъ милостей на кого нибудь другаго, и вообще не перевершилъ своего великодушнаго рѣшенія (иногда и это случается).

— Петръ! говоритъ меценатъ своему каммердинеру: — поди, догони Ризположенскаго и поднеси ему рюмку водки!

Повторяю: эта картина мрачная и потрясающая. Но я не о разслабленныхъ меценатахъ намѣренъ здѣсь говорить, а просто о хорошихъ моихъ знакомыхъ, которые, по дружбѣ, интересуются мной.

И такъ, въ началѣ уже нынѣшняго года, одинъ изъ такихъ литературныхъ генераловъ, встрѣтивши меня на улицѣ, сказалъ мнѣ:

— Другъ мой! я долженъ сознаться, что иногда вы пишете очень... да, очень недурно!

Я разцвѣлъ.

— Да, недурно. Но за всѣмъ тѣмъ, я позволю себѣ одно, только одно дружеское замѣчаніе...

Я увялъ.

— Замѣчаніе, въ сущности, очень неважное, но которое, — не скрою отъ васъ — не безполезно было бы вамъ принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я говорю на счетъ общаго тона вашихъ статей.

Мой милый пріятель смотрѣлъ на меня въ одно и то же время и добродушно, и проницательно. Я чувствовалъ, что онъ меня порицаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь и простить.

— И если бы вы взяли на себя трудъ нѣсколько понизить этотъ тонъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія ваши читались бы съ гораздо большею пріятностью. Вы, конечно, понимаете меня?

Я не понималъ ничего, но однако отвѣчалъ, что понимаю.

— Какъ человѣкъ умный — вы видите, я отдаю полную справедливость вашимъ достоинстствамъ — и такъ, какъ человѣкъ умный, повторяю я, вы, конечно, найдете средства, какимъ образомъ устроить это дѣло...

При этихъ словахъ, пріятель пожалъ мнѣ руку. Я разцвѣлъ

мовь, ибо понялъ, что мой другъ, хотя и литературный, но все-таки генералъ (такъ конь и пряничный — все конь). Я чувствовалъ, что сердце мое таетъ, и что хоть я ничего еще не понимаю, но исполнить могу. Я во весь духъ побѣжалъ домой, чтобы немедленно же начать цѣлый рядъ статей подъ названіемъ: «Дѣлай со мной, что угодно».

Однако, черезъ нѣсколько минутъ, я образумился. «Что же буду я исполнять, коли ничего не понимаю?» спросилъ я самого себя, и для разъясненія своихъ сомнѣній направился къ одному пріятелю, который преподаетъ реторику въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, и слѣдовательно долженъ быть по этой части свѣдущъ. Я засталъ его сидящимъ въ нетопленной комнатѣ и грызущимъ окаменѣлую колбасу.

— Скажи мнѣ, другъ Антропъ! что разумѣетъ реторика подъ именемъ «пониженія тона?» спросилъ я его.

— Подъ именемъ «пониженія тона», отвѣчалъ мой другъ: — реторика разумѣетъ такое онаго ограниченіе, которое, по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ преестественнѣйше оное измѣняетъ и претворяетъ.

— Exempli gratia?

— Для примѣра, возьмемъ сейчасъ изложенное нами опредѣленіе. Мы сказали, что «пониженіе тона» есть такое онаго ограниченіе и т. д. Чѣмъ руководствовались мы, опредѣляя такимъ образомъ эту замѣчательную фигуру? Очевидно, мы руководствовались при этомъ сею же самою фигурою. Мы употребили слово «ограниченіе», а не «окаплуненіе», напримѣръ, не смотря на то, что это послѣднее выраженіе, быть можетъ, даже преимущественно передъ прочими предмету нашей рѣчи соотвѣтствовать могло бы.

— Но какія же могутъ быть послѣдствія такого пониженія тона? и кто отъ этого что бы то ни было выигрываетъ?

— А никакихъ другихъ послѣдствій изъ этого проистечь не можетъ, кромѣ того, весьма важнаго, что фигура «пониженія тона» будетъ въ точности соблюдена.

— Антропъ! ты пьянъ!

— Поди, посмотри въ «тетрадкѣ», коли не вѣришь!...

Я послѣдовалъ его совѣту, и справился съ «тетрадками». Дѣйствительно, тамъ было слово въ слово записано то самое

опредѣленіе, которое я только что выслушалъ изъ устъ Антропа.

Разумѣется, это опредѣленіе удовлетворило меня лишь въ посредственной степени, и потому я отправился за разъясненіями къ одному опытному литератору, который, по старости лѣтъ, хотя уже не занимается литературою пристально, но изрѣдка еще пописываетъ антикварско-библіографическіе фельетоны для воскресныхъ прибавленій «Московскихъ Вѣдомостей».

— Михаилъ Логгиновичъ! вы тридцать лѣтъ сряду держите въ рукахъ своихъ мечъ россійской словесности; вы должны знать, что слѣдуетъ разумѣть въ литературѣ подъ именемъ «пониженія тона»? сказалъ я ему.

— Увы! это изобрѣтеніе временъ новѣйшихъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: — въ наше время «пониженія тона» не существовало, по той причинѣ, что возвышенія онаго не было.

— Однако, существовалъ же и въ ваше время какой нибудь тонъ въ литературѣ?

— Былъ тонъ любезный. Литература, въ наше время, приглашала читателя насладиться и возбуждала въ немъ тихое чувство благодарности. Отъ непріятныхъ зрѣлищъ отклоняла, требованія предъявлять не совѣтовала, и, не разсѣвая заблужденій (какъ нынѣ), направляла умы и сердца къ предметамъ достойнымъ вѣроятія и рекомендуемымъ людьми опытными и нарочито уполномоченными. Въ настоящее время, этотъ любезный тонъ сохранился лишь въ воскресныхъ прибавленіяхъ «Московскихъ Вѣдомостей».

— Но позвольте; я самъ убѣдился, что «пониженіе тона» существуетъ, что оно возведено даже на степень реторическаго правила; однимъ словомъ, я видѣлъ его записаннымъ въ тетрадкѣ у Антропа...

— Антропъ человѣкъ новый; къ тому же онъ получилъ воспитаніе въ семинаріи, и потому съ жадностью заноситъ въ свои тетрадки всѣ лжеученія, порожденныя современностью.

— Однако, что бы вы разумѣли, хотя приблизительно, подъ этимъ выраженіемъ?

— Приблизительно, я полагалъ бы возможнымъ опредѣлить его такъ: «пониженіе тона» есть такое онаго ограниченіе, которое, по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ пресущественнѣйше оное измѣняетъ и претворяетъ.

— Представьте себѣ, это точь-въ-точь то самое опредѣленіе, которое сказалъ мнѣ Антропъ!

— Я съ Антропомъ не вяжусь, и даже его опасаюсь!

— Но какъ хотите, а это опредѣленіе непонятно.

— Оно непонятно лишь по видимости, но какъ скоро вы начнете примѣнять его на практикѣ, то почувствуете немедленно, какъ легко и просто разъясняются иногда вещи самыя запутанныя. Однимъ словомъ, это то самое правило, которое такъ мѣтко выражено изстаринною русскою пословицей «по Сенькѣ и шапка».

— Но согласитесь, что пословицы положительно ничего не доказываютъ. Можно, напримѣръ, эту самую пословицу перевернуть и сказать «по шапкѣ Сенька»...

— И будетъ даже лучше, ибо шапку по Сенькѣ подъискать и передѣлать — дѣло не трудное, но Сеньку по шапкѣ отчеканить — это задача, хотя и не рискованная, но во всякомъ случаѣ требующая нѣкотораго мастерства.

— Примѣровъ, Михаилъ Логгиновичъ, примѣровъ!

— Въ примѣръ приведу вамъ «Риголетто». Человѣкъ этотъ имѣетъ двойственную физіономію; у себя дома, онъ гражданинъ добродѣтельный, наклонный къ меланхоліи и даже прекрасный отецъ семейства; но въ обществѣ пріятныхъ людей,—онъ забавный негодяй, гороховый шутъ, попирающій ногами все, передъ чѣмъ человѣчество издревле привыкло склоняться. Отсюда два тона: въ первомъ случаѣ, онъ если и не возвышаетъ тона, то, по крайней мѣрѣ, поддерживаетъ его на средней высотѣ, во второмъ, очевидно, понижаетъ.

— Гм... Риголетто! какое, однакожь, сравненіе!

— Недостаточно этого примѣра, — возьмемъ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что московскіе публицисты, находясь въ кругу своихъ семействъ и знакомыхъ, соблюдаютъ всѣ требуемыя законами общежитія приличія. Нѣтъ сомнѣнія, что они посѣщаютъ хорошихъ знакомыхъ и не ѣдятъ ни другъ друга, ни самихъ себя. Но эти же самые люди, какъ только выступаютъ на арену публицистики, такъ тотчасъ же какъ бы вступаютъ въ какую-то темную область, гдѣ владычествуетъ Плутонъ. Ими внезапно овладѣваетъ горячечный бредъ въ соединеніи съ свистопляскою (болѣзнь ужасная, достойная изученія знаменитѣйшихъ питомцевъ Иппократа!); они дѣлаются способными глотать огонь, выматывать

изъ себя сколько угодно аршинъ лентъ, чесать у себя ногой за ухомъ, пожирать свое собственное тѣло, однимъ словомъ, приводить публику въ такое состояніе, чтобы она могла сказать: «о! да намъ съ этакими разухабистыми молодцами никакихъ театровъ не надо!» Очевидно, что здѣсь чувствуется два тона; въ первомъ случаѣ тонъ, хотя и не возвышается, но поддерживается на высотѣ средняго регистра, во второмъ—онъ положительно понижается.

Но я остался неудовлетвореннымъ и этимъ объясненіемъ, ибо ни на одну минуту не позволилъ себѣ допустить, чтобъ можно было желать отъ меня «пониженія тона» въ смыслѣ Риголетто или въ смыслѣ московскихъ публицистовъ. Въ этой крайности, я рѣшился испытать послѣднее средство для разъясненія моихъ сомнѣній, а именно остановилъ перваго попавшагося мнѣ на глаза чиновника.

— Позвольте узнать, что слѣдуетъ разумѣть подъ «пониженіемъ тона»? спросилъ я его.

— Подъ «пониженіемъ тона» слѣдуетъ разумѣть сообщеніе человѣческой рѣчи такого характера, чтобы она всегда имѣла въ предметѣ лицо презуса, хотя бы, въ дѣйствительности, и не была къ нему обращаема, отвѣчалъ онъ безъ запинки, и тотчасъ же скрылся.

Я понялъ. Я бросился догонять моего просвѣтителя и хотѣлъ благодарить, но онъ на отрѣзъ отказался принять мою посильную ленту, и сказалъ мнѣ, что нынче чиновники не только ничего не берутъ, но даже огорчаются, когда замѣчаютъ въ просителѣ хотя малѣйшее покушеніе на ихъ бюрократическое цѣломудріе...

Но повторяю: я понялъ. Я понялъ даже, что слышанное мною сейчасъ опредѣленіе отнюдь не составляло для меня новости, что поиски мои были не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія, что я самъ съ малолѣтства ничѣмъ инымъ не занимался и не занимаюсь, кромѣ «пониженія тона». Была ли когда нибудь моя мысль свободна отъ того представленія, которое чиновникъ такъ оригинально осуществилъ въ лицѣ презуса? По совѣсти, никогда. Употреблялъ ли я когда нибудь иныя выраженія, кромѣ самыхъ изысканнѣйшихъ? Клянусь, никогда. Дерзалъ ли я когда нибудь выразить что либо иное, кромѣ того, что могло и должно было нравиться людямъ самымъ благоуханнымъ, благо-

воспитаннымъ и благонамѣреннымъ? Никогда, никогда и никогда! Мысль о «генералѣ», мнѣ соприсутствующемъ, до такой степени была всегда присуща моему уму, что вошла мнѣ въ плоть и кровь, сдѣлалась частью меня самого. Даже когда я обѣдаю дома одинъ-одинехонекъ, то и тутъ не плескаюсь, не брыкаюсь, не позволяю себѣ ни хрустѣть зубами, ни скрежетать, ни чавкать, но обѣдаю съ «пониженіемъ тона», обѣдаю такъ, какъ бы рядомъ со мной сидѣлъ, по крайней мѣрѣ, мой начальникъ отдѣленія...

Въ одномъ каюсь: не зналъ до сихъ поръ, что дѣйствія этѣ называются «пониженіемъ тона». Это открытіе принесъ мнѣ съ собой новый 1864 годъ, и я съ удовольствіемъ спѣшу занести его на страницы моей лѣтописи. Конечно, это не богъ знаетъ какой драгоцѣнный камень, а простой булыжникъ и притомъ давно извѣстный, но къ нему прилѣпленъ новый ярлыкъ—не могу же я пройти такой фактъ молчаніемъ!

Ибо новые ярлыки суть наши естественные союзники.

Ибо за новыми ярлыками скрывается возможность запроса.

Ибо при видѣ новаго ярлыка можно сочинить себѣ представленіе о новой вещи.

Ибо съ новымъ ярлыкомъ въ рукахъ можно предъявить поползновеніе и на новую вещь.

Другое открытіе, которое принесъ для меня новый годъ, заключается въ томъ, что я значительно менѣе обольщаю себя мечтами о независимости и твердости убѣжденій въ области русской публицистики.

Въ прошломъ году (см. «Современникъ» 1863 г. № 1—2), я былъ увѣренъ, что для того, чтобы въ этомъ дѣлѣ произвести переворотъ. необходимо, по малой мѣрѣ, участіе «четвертака» (хотя слабое, но все-таки нѣкоторое огражденіе литературной независимости); нынѣ я получилъ убѣжденіе, что для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ міросозерцаніе русскаго публициста, есть тысячи другихъ средствъ, гораздо болѣе простыхъ и незамысловатыхъ.

Человѣкъ покорилъ себѣ всю природу. Въ самую эту минуту я вижу изъ окна моей квартиры мальчугана, который ведетъ за

собою лошадку. Лошадка эта очень хорошо знаетъ, что ее ведутъ запрягать, и что ей совсѣмъ не того желательно; тѣмъ не менѣе, она безпрекословно идетъ за своимъ вожакомъ, и развѣ тѣмъ только выражаетъ протестъ, что идетъ невесело и понуривши голову. Но протестъ этотъ уже до того слабъ, что мальчуганъ не обращаетъ на него никакого вниманія (онъ знаетъ, понятливый мальчикъ, что есть другія лошадки, которыя ржутъ, пляшутъ и выдѣлываютъ Богъ вѣсть какіе вензеля ногами въ то время, когда ихъ ведутъ запрягать, и думаетъ, что эта лошадь, которая голову-то понурила, сдѣлала это совсѣмъ не въ видахъ грубіянства или протеста, а просто вслѣдствіе особенной лошадиной своей глупости).

Откровенно признаюсь, я не понимаю этого факта, но какъ бы то ни было, понимаю я или не понимаю его, фактъ существуетъ — это вѣрно.

Но изъ всѣхъ зависимыхъ смертныхъ наиболѣе зависимый есть, конечно, русскій публицистъ. Тотъ, кто, подобно мнѣ, задался мыслью, что для приведенія русскаго публициста къ одному знаменателю необходимо подарить ему, по крайней мѣрѣ, хоть четвертакъ, выказалъ легкомысліе свойственное лишь неопытности или крайнему благодушію. Русскій публицистъ такъ простодушно-хитеръ, что если даже ничто его не связываетъ и не спутываетъ, онъ самъ сплететъ сѣть, которою и окутаетъ себя съ головы до ногъ.

Зависимость безкорыстная есть фактъ до того высокій, что я даже предпочитаю ему зависимость не безкорыстную. Не знаю: быть можетъ, это мой личный недостатокъ, но откровенный и умный плутяга нравился мнѣ всегда болѣе, нежели вдохновенный глупецъ, искренно вѣщающій тѣ же самыя неудобоваримыя пошлости, которыя плутяга проводитъ съ чужаго шопота и поддерживаетъ искусственными цвѣтами наемнаго краснорѣчія. Во первыхъ, подъ перомъ вдохновеннаго глупца пошлость пріобрѣтаетъ лирическій оттѣнокъ, что значительно смягчаетъ ея характеръ и даетъ ей видъ глупаго убѣжденія; между тѣмъ, подъ перомъ плутяги пошлость всегда остается пошлостью, ибо никакое вознагражденіе въ мірѣ не вырветъ изъ груди человѣческой тѣхъ воплей и звуковъ, которые извлекаются изъ нея собственною пошлостью человѣка. Во вторыхъ, когда я вижу плутягу, выполняющаго свои обязательства съ талантливостью и искус-

своимъ, то всегда говорю себѣ: «этого человѣка надобно имѣть въ виду! когда мои матеріальныя средства поправятся, то его можно будетъ нанять!» между тѣмъ, какъ при видѣ вдохновеннаго глупца, болтающаго по собственному своему произволенію, я рѣшительно никакихъ мыслей имѣть не могу, и думаю только: «вотъ вдохновенный дуракъ, который болтаетъ и будетъ болтать, покуда не захлебнется струями своего собственнаго краснорѣчія!»

Теперь будемъ развивать нашу мысль дальше, и спросимъ себя, чувствуется ли у насъ недостатокъ во вдохновенныхъ глупцахъ? Нѣтъ, этого недостатка не чувствуется, — это скажетъ всякій, въ комъ не угасла послѣдняя искра совѣсти и здраваго смысла. Но если такъ, то зачѣмъ же прибѣгать къ плутамъ, когда то же самое дѣло и даже съ большею искренностію и силой убѣжденія могутъ обдѣлать вдохновенные глупцы? Очевидно, что такое средство есть, по малой мѣрѣ, предметъ прихоти, необусловливаемой никакою насущною потребностію. Это первое доказательство зависимости.

Второе доказательство будетъ заключаться въ слѣдующемъ. Предположимъ, что явился такой диковинный публицистъ, который съ яростью сочеталъ бы самостоятельность, и, находясь въ твердой памяти, принялъ бы на себя пропаганду хлыстовщины— развѣ нѣтъ самыхъ простыхъ средствъ поворотить такого молодца къ похвальномыслію? Прошу вспомнить читателя, что не безсудная же у насъ земля, чтобъ не было въ ней огражденія отъ наплыва хлыстовщины. Напротивъ того, эти огражденія встрѣчаются даже въ излишествѣ и притомъ на каждомъ шагу, и всякому мирному обывателю твердятъ они о томъ, что онъ можетъ спать спокойно. Чтобы сдѣлать мою мысль понятною для читателя, прибѣгну къ примѣру, который хотя и не совсѣмъ будетъ вѣренъ, но который легко можетъ быть поясненъ различными примѣнительными соображеніями. Положимъ, напримѣръ, что я редакторъ журнала и принесъ ко мнѣ хлыстъ—публицистъ такую статью, въ которой воспѣваетъ привольное житье обывателей Гоморры. Неужели же я стану убѣждать моего публициста возвратиться къ здравому образу мыслей, а тѣмъ болѣе обѣщать ему за это какое-нибудь вознагражденіе! Помилуйте! да этакъ меня нарочно завалятъ содомскими статьями, чтобъ выжать изъ меня побольше четвертаковъ. Нѣтъ, я поступлю совершенно иначе;

во первыхъ, я вычеркну изъ статьи всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается имя Гоморры, и замѣню это послѣднее именемъ какого нибудь уѣзднаго города; во вторыхъ, вмѣсто похвалъ, я вездѣ напишу порицанія; въ третьихъ, наконецъ, я сокращу статью на половину, и для того чтобъ выгнать изъ нея содомскій духъ окончательно, вмѣсто эпиграфа, поставлю въ началѣ извѣстное двустишіе изъ «Аскольдовой Могилы»:

Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Статья будетъ чистенькая и похвальненькая. Хлыстъ-публицистъ, конечно, будетъ ругать меня на чемъ свѣтъ стоитъ (не въ глаза, однакожь, не въ глаза!), но въ то же время навѣрное согласится на всѣ измѣненія, ибо онъ живетъ трудами рукъ своихъ. Онъ даже и опять принесетъ мнѣ статью въ томъ же родѣ, и опять заранѣе согласится на всевозможныя измѣненія; ибо это ужь такъ въ книгѣ судебъ написано, что онъ долженъ на все соглашаться, а я долженъ ничего не уступать. И такимъ образомъ неуклонно дѣйствуя, я непремѣнно приведу его къ той точкѣ, на которой ему быть надлежитъ...

Третье доказательство еще проще. Достаточно, чтобы читатель припомнилъ себѣ, что публицистъ не анахоретъ а существо общежительное, и сверхъ того, по преимуществу одаренное поползновеніями изящнаго свойства. Первое качество, то есть общительность, приводитъ его въ соприкосновеніе съ людьми разнообразнѣйшихъ характеровъ и направленій и дѣлаетъ для него совершенно невозможною дѣятельность въ одиночку. Подъискивая товарищей по шерсти (одной партіи), онъ рѣдко находитъ себѣ равныхъ, и отсюда начинается цѣлый рядъ уступокъ, въ извѣстномъ направленіи, уступокъ, значеніе которыхъ таково, что отъ первоначальной пышной ризы публициста постепенно остаются одни лохмотья. Никакое дѣло не требуетъ такъ настоятельно дисциплины, какъ дѣло литературное; люди сходятся между собой, сговариваются на счетъ общихъ началъ дѣятельности, и съ перваго раза замѣчаютъ, что безъ взаимныхъ уступокъ дѣло не обойдется. Но чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ все болѣе и болѣе оказывается дровъ. Уступка слѣдуетъ за уступкой, клочки ризы летятъ одинъ за другимъ... гдѣ же, спа-

иначе, тутъ независимость, гдѣ самостоятельность? А если къ этому же припомнить еще поползновенія нѣсколько иного свойства, которыя также вліяютъ довольно настойчиво, то по неволѣ воскликнешь: «о публицистъ, что ты такое, какъ не хрупкій сосудъ, временно прикидывающійся сосудомъ твердымъ и несокрушимымъ?»

Я обрисовалъ здѣсь положеніе русскаго литературнаго дѣятеля только въ общихъ чертахъ, и не поименовалъ ни одной подробности, которыхъ, однакожь, множество, и изъ которыхъ нѣкоторыя не менѣе характеристичны, нежели и изложенныя выше общія черты. Я не сказалъ, напр., ни слова о литературныхъ антрепренерахъ, изъ рукъ которыхъ публицистъ получаетъ свою скудную пищу, и которые тоже предъявляютъ свои требованія; я не упомянулъ о положеніи литератора въ обществѣ, о той физіономіи, которая ему присвоивается общественнымъ мнѣніемъ, и которой онъ волей-неволей обязанъ придерживаться. Я пропелъ молчаніемъ жену и дѣтей публициста, его друзей, лакеевъ и проч. и проч., которые имѣютъ съ публицистомъ сожительство и общеніе, но не обязываются при этомъ быть ни нигилистами, если онъ нигилистъ, ни благонамѣренными, если онъ благонамѣренный. Не разводиться же публицисту съ женой, если она не сходится съ нимъ въ понятіяхъ на счетъ женскаго труда! не лишать же ему наслѣдства дѣтей (охъ, не желалъ бы я быть наслѣдникомъ русскаго публициста!) за то только, что они относительно нѣкоторыхъ предметовъ имѣютъ свои оригинальныя понятія! не отказывать же отъ дома друзьямъ дѣтства изъ за того, что они съ наслажденіемъ или съ негодованіемъ относятся къ «Отцамъ и Дѣтямъ» г. Тургенева! Я знаю, что истинный гражданинъ, конечно, не затруднится ни передъ какою жертвою, но пусть же онъ согласится со мною, что это жертва очень нелегкая.

И вотъ въ сердцѣ публициста начинаетъ закрадываться пагубное двоегласіе, которое, постепенно зрѣя и пополняясь все новыми и новыми больными соками, образуетъ само по себѣ зависимость, горчайшую всѣхъ возможныхъ зависимостей...

И такъ, вотъ это другое открытіе, которое принесъ съ собой новой 1864 годъ, и которое, конечно, не было мнѣ безъизвѣстно и прежде, но почему-то еще не составляло для меня предмета размышленій столь ѣдкихъ и неутѣшительныхъ. Но я не ропщу на эту ѣдкость и неутѣшительность, потому что какъ бы ни была

прискорбна истина, все же она лучше, нежели сознательная ложь или безсознательное невѣдѣніе.

И еще открытіе — это необычайное изобиліе геніальныхъ людей. Никогда петербургскіе стогны не вмѣщали въ себѣ такого множества геніевъ самыхъ разнообразныхъ, сколько встрѣчается ихъ въ настоящую минуту на каждомъ шагу. Происходитъ нѣчто въ родѣ искусственнаго рыбоводства. Кого ни спросишь, всякій чѣмъ нибудь знаменитъ: одни лично обработываютъ какіе-то проекты, другіе собственнымъ движеніемъ примазываются къ обработкѣ проектовъ, третьи предлагаютъ какія-то мѣры, четвертые вызываются исполнять ихъ, пятые, наконецъ, тамъ-то и тогда-то высказали такую-то удачную остроту. Однимъ словомъ, такое наводненіе проектовъ, мѣропріятій, соображеній и остротъ, что если бы хотя малая часть ихъ была приведена въ исполненіе, то несомнѣнно, что человѣчество было бы въ конецъ осчастливлено. Даже Ѳедька Козелковъ, даже Левушка Погонинъ — и тѣ примазались къ какимъ-то проектамъ, облекаются броней непроницаемости, корчатъ дипломатовъ, подмигиваютъ другъ другу и ждутъ не дождутся той минуты, когда всѣ эти tracas кончатся, и имъ можно будетъ на свободѣ укатить куда-нибудь въ далекій, но милый Туруханскъ, гдѣ ожидаютъ ихъ ces dames.

— Ѳедя! просись въ Туруханскъ! on dit que la société y est charmante! Il y a une fille d'ispravnik — délicieuse! уговариваетъ Ѳедю Козелкова Левушка Погонинъ.

— А ты отчего жъ туда не просишься?

— Я, mon cher, въ Гижигинскъ! У меня тамъ, признаться, давнишняя страстишка есть...

— Такъ ты по части древностей россійскихъ?

— Ah! mais c'est que c'est une petite femme jolie à croquer! Она мнѣ протекцію по юпочной части будетъ оказывать! Я, mon cher, не изъ тѣхъ, которые ходятъ битыми дорогами; я понимаю, что въ этихъ дѣлахъ разнообразіе важнѣе всего...

Друзья разстаются, и съ новымъ рвеніемъ принимаются состоять при проектахъ въ надеждѣ получить за это право на безплатный входъ въ магометовъ рай.

Да, магометовъ мескинный рай — вотъ цѣль всѣхъ этихъ новыхъ щелкоперовъ, которые походкой съ развальцемъ щего-

ляютъ по невскому и, прищуривши глазки, взираютъ на все, что по мнѣнію ихъ, не принадлежитъ къ такъ называемому société. О, старые драбанты! о, дѣльцы беспримѣрные! вы, которые такъ долго стояли на стражѣ общественнаго процвѣтанія и спокойствія! вставайте изъ могилъ вашихъ! посмотрите, что за нравъ лѣзетъ изъ щелей на мѣста ваши! Встаньте, посмотрите... и лягте опять въ ваши могилы!

Шутки въ сторону, я рѣшительно не могу понять, почему я, по крайней мѣрѣ, не въ такой же степени знаменитъ, какъ друзья мои, Ѳедька Козелковъ и Левушка Погонинъ. Я навѣрное сочинилъ на своемъ вѣку болѣе сотни проектовъ и сказалъ, по малой мѣрѣ, милліонъ острыхъ словъ. И все это погибло въ безвѣстности, все сдѣлалось жертвою прожорливой Леты, какъ будто бы никогда не говорилось и не сочинялось!

Впрочемъ, я могу даже объяснить, почему это такъ случается. Для того, чтобъ дѣлаться по временамъ знаменитымъ и заставлять говорить о себѣ, необходимо только, чтобъ обстоятельства поставили человѣка въ такія условія, которыя подобной знаменитости благопріятствовать могутъ. Эти условія... но здѣсь, я, по обыкновенію, предпочитаю прибѣгнуть къ примѣрамъ.

Если Ѳедя Козелковъ и лѣтомъ, и осенью, и зимой, и весной, и днемъ, и ночью, и въ сумерки — всегда одинаково глупъ, то само собой разумѣется, что никто и не дожидаетъ отъ него чего-нибудь умнаго. Даже маркёръ у Доминика, даже буфетчикъ у Дюссо — и тѣ знаютъ, что Ѳедька глупъ, и терпятъ его присутствіе потому только, что онъ не просто гадокъ, а какъ-то уморительно гадокъ. И вдругъ этотъ Ѳедька случайно обмолвится словечкомъ и вымолвитъ что-нибудь такое, что имѣетъ даже не совсѣмъ не человѣческій характеръ. Понятно, въ какое оцѣпенѣніе должны быть повергнуты слушатели; понятно, что, на первый разъ, они должны даже усумниться, точно ли передъ ними тотъ самый Ѳедька, который доселѣ такъ исправно выполнялъ должность Риголетто.

— Эге! да онъ это надувалъ насъ, прикидывалсь дуракомъ! произноситъ Левушка Погонинъ: — Ѳедька! нутка, нутка, повтори, что ты сейчасъ сказалъ!

Ѳедюшка повторяетъ, и постыдная острота его разносится всюду, куда проникаютъ милые шалуны.

— Слышалъ, что сказалъ Ѳедька?

— Impossible!

— Ахъ, шутъ гороховый!

И вотъ, благодаря природной своей глупости, Өедька дѣлается знаменитостью; острота его ходитъ по рукамъ, молодыхъ поощряетъ, старцевъ умиляетъ и утѣшаетъ. И если при этомъ случайно произойдетъ, что онъ насильственно примажется къ составленію какого нибудь проэкта, то знаменитость его окончательно упрочивается, и онъ начинаетъ серьезно задумываться о томъ, чтобы выдти изъ шутовъ и покончить съ ремесломъ pique-assiette'а. Конечно, это никогда не удается ему вполнѣ; конечно, прозорливый зритель и подъ напускною важностью съумѣетъ открыть коренную пикъ-ассіетскую закваску, которая бродитъ въ немъ, но такая прозорливость отнюдь не измѣняетъ сущности дѣла, потому что, выйдя на ровную дорогу, Өедька уже дѣлается нахаломъ вполнѣ откровеннымъ и совершенно искренно начинаетъ смотрѣть на свое шутовство, какъ на нормальное состояніе человѣка.

Вы скажете, быть можетъ, читатель: да гдѣ же тутъ справедливость, и что за острота такая, которая можетъ прославить даже такое нечистое животное, какъ Өедьку Козелкова? На это отвѣчаю: тутъ идетъ рѣчь совсѣмъ не о справедливости, самое имя которой зазорно произнести даже въ той комнатѣ, въ которой находится Өедя Козелковъ, а объ истолкованіи факта, какъ иногда естественно и понятно происходитъ возвеличеніе такихъ людей, которые, по существу своему, не стоятъ плевка. Что же касается до того, какую именно сказалъ Өедька остроту, которая надѣлала столько шуму, то я нахожу всякое любопытство въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстнымъ, ибо Козелковское остроуміе можетъ производить фуроръ только между милыми шалунами, а въ обществѣ порядочныхъ людей (каковыми я предполагаю себя и васъ, читатель) оно ни подъ какимъ видомъ допускаемо быть не должно.

. . . .

Я знаю множество остротъ самыхъ горемычныхъ, которыя потому только и считаются остротами, что ихъ сказалъ какой-то статскій совѣтникъ, и напротивъ того, знаю множество остротъ дѣйствительныхъ, которыя совсѣмъ не считаются остротами, потому что они сказаны какимъ нибудь департаментскимъ сторожемъ или дьяческимъ сыномъ. Какой нибудь Ротшильдъ или

Ташеръ де ля Пажери дѣлаютъ наканунѣ рождества ёлку своему птенцу и рѣшаются провести этотъ день, «какъ простые семьяне», — объ этомъ пишутъ во всѣхъ газетахъ и усерднѣйше напоминаютъ, что вотъ даже такіе великіе люди, и тѣ удостоиваютъ на одинъ день сдѣлаться простыми семьянами; между тѣмъ, тамъ же, неподалеку, épicier Crècoquin каждый Божій день удостоиваетъ быть простымъ семьяниномъ,—и никто объ этомъ не пишетъ, никто этому не удивляется.

Я могъ бы набрать множество примѣровъ подобнаго рода, но полагаю, что читатель и безъ того пойметъ справедливость моей мысли. Я гораздо болѣе опасаюсь, что онъ не съумѣетъ вывести изъ всего мною сказаннаго надлежащихъ заключеній, а потому и перехожу прямо къ нимъ. Заключеніе всего одно, и состоитъ въ слѣдующемъ.

Друзья! если вы хотите проявить ваши таланты наиболѣе рельефнымъ образомъ, я, конечно, не приглашаю васъ сдѣлаться Козелковыми (это была бы слишкомъ большая жертва съ вашей стороны), но серьезно совѣтую поприлежнѣе мыслить о томъ, какъ бы взойти на возвышеніе, съ котораго вашъ голосъ былъ бы слышнѣе.

Я знаю, что вамъ любо, когда васъ окружаютъ извѣстнаго рода сумерки, что вамъ по сердцу нѣкоторая спертость воздуха... Я даже готовъ согласиться, что все это дѣйствительно можетъ имѣть своего рода притягательное свойство; но дѣло заключается совсѣмъ не въ томъ, что и почему вамъ нравится, а въ томъ, что разумная жизнь немыслима безъ дѣятельности...

Для того, чтобы жизнь не прошла праздною, необходимо держаться около живаго дѣла, и горькое горе ждетъ того дѣятеля, который внезапно ощутитъ себя оторваннымъ отъ жизни и лишнимъ въ этой общей тревогѣ, которою повсечасно живетъ общество. А потому, человѣкъ который видитъ за общею трапезой вакантное мѣсто и не спѣшитъ занять его, есть человѣкъ глупый, а человѣкъ, который такое мѣсто уже имѣетъ и оставляетъ его по своему произволу (а не потому, что у него животъ болитъ), рано или поздно раскается въ своемъ поступкѣ, ибо въ награду за свое самоотверженіе получитъ фигу.

Здравый смыслъ народа давно понялъ эту истину и сочинилъ по сему случаю пословицу, которая въ собраніи г. Буслаева читается такъ; «лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой таракань».

Даже такъ называемые литературные хлысты это поняли, и не врутъ читателю въ укоръ своею ерундою, а тоже изворачиваются и даютъ ей благовидную наружность.

Стало быть, все дѣло состоитъ только въ недостаткѣ откровенности, и въ томъ, чтобы всякій искренно предлагалъ себѣ вопросъ: «да изъ чего же въ самомъ дѣлѣ я волнуюсь и обнаруживаю гадливость къ жизни? развѣ я самъ невольнымъ образомъ не привлекаюсь къ ней на каждомъ шагу? развѣ я независимъ? развѣ и надъ моею дѣятельностью не виситъ такое же ярмо, какое виситъ надъ всею вообще совокупностью жизненныхъ явленій?» И если при разрѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ принята въ основаніе та же искренность, какъ и при постановкѣ ихъ, то все будетъ хорошо.

Но довольно объ открытіяхъ; поговоримъ лучше, въ заключеніе, о томъ, что новаго въ Петербургѣ.

Здѣсь все тихо, читатель; по крайней мѣрѣ, изъ моей квартиры, гдѣ я пишу настоящій фельетонъ, ничего не видно и не слышно. Литературное движеніе ничтожно, и по моему мнѣнію, это знакъ не дурной, показывающій, что жизнь вступаетъ, наконецъ, въ настоящую свою колею, что она поглощена вполнѣ настоящими, насущными своими потребностями. Не то, чтобы я былъ врагъ литературы, или считалъ ее пустымъ дѣломъ, но нахожу, что бываютъ эпохи, когда болѣе, нежели когда нибудь даетъ себя чувствовать знаменитое изреченіе: дѣлу время и потѣхѣ часъ. Быть можетъ, со временемъ и опять наступитъ золотой вѣкъ для русской литературы («опять!» да развѣ когда нибудь былъ такой вѣкъ? спроситъ меня читатель скептикъ, но я сошлюсь на старика Державина, и, конечно, заставлю согласиться самого завзятаго скептика, что онъ былъ цѣлой головой выше А. Н. Майкова); быть можетъ, она только временно сконфузилась, чтобъ выработать на свободѣ что нибудь очень сильное и своеобразное, но, покамѣстъ, мы обязываемся пробавляться жанристами, въ родѣ г. Генслера, идилликами, въ родѣ г. Громеки, обличателями, въ родѣ г. Кушнерева, лириками, въ родѣ г. Ѳ. Берга, и юмористами, въ родѣ г. Розенгейма. Еслибъ А. Ф. Смирдинъ былъ живъ, то, конечно, теперь больше, нежели когда либо затѣялъ бы свое знаменитое изданіе «Ста русскихъ литераторовъ». Самое время.

Тотъ же застой и въ театрѣ, не смотря на то, что въ нынѣшнемъ году чаще, нежели прежде, даются пьесы Островскаго. Лучшія произведенія репертуара, какъ нарочно, исполняются нашею драматической труппой до того меланхолически, что даже совѣстно смотрѣть. Только и проявляется какая нибудь жизнь на театрѣ, когда даютъ какого нибудь «Актера», или же водевиль съ переодѣваніемъ. Тутъ артисты наши воодушевляются и начинаютъ плескаться словно рыбки въ водѣ. Жаль, что запасъ этихъ армяно-греко-жидовскихъ фантазій съ каждымъ годомъ оскудѣваетъ, ибо они доставляли самую пригодную и самую естественную пищу для петербургскаго театра.

На дняхъ, напримѣръ, я видѣлъ «Воспитанницу» Островскаго. Безспорно, это одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго автора, какъ по чрезвычайной драматичности развиваемыхъ въ ней положеній, такъ и по той поэтической прелести и свѣжести, которою проникнута вся пьеса. Но что изъ нея сдѣлали наши протеи! Что это была за жалкая, несчастная игра? Положительно можно сказать, что, кромѣ роли г-жи Линской, не осталось въ пьесѣ ни одного живаго мѣста. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, я видѣлъ какой-то водевиль съ переодѣваньемъ (кажется «Актеръ»)—и съ изумленіемъ убѣдился, что тѣ же самые протеи могутъ исполнять свое дѣло съ усердіемъ и даже съ увлеченіемъ. Стало быть, пьеса-то именно въ мѣру человѣческаго роста пришлась, отъ того и идетъ хорошо.

Но какъ ни прискорбенъ фактъ замѣтнаго пониженія искусства, онъ представляетъ у насъ не болѣе какъ отраженіе того, что происходитъ, въ этомъ же смыслѣ, въ цѣлой Европѣ. Во Франціи напримѣръ, какіе-то беззастѣнчивые господа, Барбье и Карре, охотно берутъ на себя трудъ нанести безчестье Гёте и изъ безсмертной поэмы о Фаустѣ дѣлаютъ безсмысленное оперное либретто, а г. Гуно пишетъ на него музыку. Въ этой диковинной оперѣ Фаустъ является какимъ-то помаднымъ фабрикантомъ, Маргарита изъ простодушной, поэтической и благоухающей Грётхенъ претворяется въ жеманную и знающую, въ чемъ штука, гризетку Риголетту, а Мефистофель дѣлается чѣмъ-то въ родѣ воспитанника парижскихъ maisons de tolérence, насквозь пронизаннымъ самымъ дешевымъ и пошлымъ развратомъ... Стало быть, это ужь неизбѣжно; стало быть, такое ужь время неблагопріятное, и такъ этому дѣлу и быть.

Однако, если искусство падаетъ, а литература безмолвствуетъ, то жизнь не молчитъ, и постепенно вырабатываетъ для себя новыя формы. Не смотря на уголовныя обвиненія, взводимыя «Московскими Вѣдомостями» на петербургскую атмосферу (по мнѣнію почтенной газеты, эта атмосфера до того тлетворна, что располагаетъ даже къ канцелярскому воровству), оказывается, однакожь, что всѣ реформы и преобразованія, которыхъ мы были свидѣтелями въ послѣднее время, зародились не въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, а именно въ Петербургѣ, и что въ Москвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ россійской имперіи, — можетъ быть именно по причинѣ слишкомъ большой чистоты воздуха,—представляются удобства только для крѣпкаго и безмятежнаго сна.

Дѣятельность нашихъ канцелярій не умолкаетъ и не прерывается, и въ ожиданіи другихъ важныхъ реформъ, мы имѣемъ, для новаго года, новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Этимъ несомнѣнно пріятнымъ извѣстіемъ я и заканчиваю мою хронику...

«Московскія Вѣдомости» посредствомъ своего воскреснаго прибавленія («Современная Лѣтопись» 1864 г. № 2, въ статьѣ «Романъ на берегахъ Невы») вновь обнадеживаютъ публику, что какъ только цензура будетъ упразднена, то «Современникъ» немедленно прекратитъ свое существованіе, потому что они, «Московскія Вѣдомости», легко съ нимъ справятся. «Современная Лѣтопись» указываетъ въ особенности на мою хронику, которая будто бы обязана своимъ процвѣтаніемъ именно цензурѣ, «принимающей на себя грѣхи авторовъ», и затѣмъ выдергивая изъ ноябрьской хроники нѣсколько фразъ, ему непонятныхъ, именуетъ ихъ чепухою. Пріемъ простой, но совершенно свойственный такому глубокомысленному органу, какъ «Московскія Вѣдомости».

Я съ своей стороны не берусь истолковывать неизвѣстному мнѣ публицисту смыслъ непонятныхъ для него выраженій, ибо знаю навѣрное, что онъ понимаетъ ихъ. Но, во всякомъ случаѣ, позволяю себѣ думать, что блага, ожидаемыя «Современною Лѣтописью» отъ уничтоженія цензуры, едва ли будутъ соотвѣтствовать надеждамъ ея. Конечно, мнѣ и обинякамъ очень удобно говорить о наукѣ, утверждающей, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, но, увѣряю, что я отнюдь не сконфужусь, если

и прямо придется высказать, что это та самая наука, которой представителями служатъ г. В. Ржевскій съ его прямыми послѣдователями, гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, и даже назвать эту науку ея надлежащимъ именемъ. Повѣрьте, что я при первомъ удобномъ случаѣ исполню это съ полною ясностью и вразумительностью, и что вы останетесь мною довольны.

Но не скрою отъ васъ, г. публицистъ «Современной Лѣтописи», что настоящее положеніе книгопечатанія, по мнѣнію моему, гораздо благопріятнѣе для васъ, нежели, напримѣръ, для «Современника». Оно даетъ вамъ возможность розыгрывать въ отношеніи къ нашему журналу роль великодушнаго Баярда, которую вы исполняете тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и безпечностью, что она представляетъ вамъ случай выказать лишній разъ ваши безспорно похвальныя чувства. Тѣмъ не менѣе, вы прикидываетесь такъ неискусно, что образъ убогаго Лазаря такъ и сквозитъ изъ подъ заемныхъ одеждъ, которыми вы себя облекаете. Въ самомъ дѣлѣ, что за странная путаница понятій! съ одной стороны, вліяніе цензуры на печатное слово представляется не полезнымъ, и слѣдовательно, всякое въ этомъ смыслѣ послабленіе предполагается желательнымъ, а съ другой—чуть только проходитъ въ печать что нибудь такое, что вамъ не нравится, вы первые сыплете косвенными предостереженіями, первые кричите: «смотрите! смотрите! вотъ что печатается у насъ съ дозволенія цензуры!» Воля ваша, а для меня ясно въ вашихъ дѣйствіяхъ одно изъ двухъ: или вы не понимаете сами, о чемъ говорите, или вы слишкомъ хорошо понимаете, чего вамъ надобно. Я, конечно, скорѣе склонюсь въ пользу послѣдняго предположенія, и сверхъ того, убѣждаюсь окончательно въ томъ, что для печатнаго русскаго слова грозитъ въ будущемъ неудобство гораздо горшее, нежели оффиціальная цензура нынѣ существующая: ему грозитъ цензура аматерская. Да поймите же, наконецъ, что если такое аматерство и можетъ быть допущено, то вѣдь для того, чтобъ оправдать его, нужна цѣлая совокупность условій, которая позволяла бы полную свободу полемики! А безъ этого, аматерство дѣлается, наконецъ, вещью, которой трудно пріискать соотвѣтствующее имя...

Затѣмъ, что касается до сужденій неизвѣстнаго публициста о повѣсти «Смѣлый шагъ», напечатанной на страницахъ «Современника», то они слишкомъ наивны, чтобъ можно было серьез-

но говорить объ нихъ. Рьяный публицистъ, въ невинномъ увлеченіи своемъ, видитъ какую-то угрожающую доктрину даже тамъ, гдѣ, въ сущности, нѣтъ ничего другаго, кромѣ простаго разсказа изъ современной общественной жизни. Это повѣсть, повѣсть, повѣсть — и ничего больше... кромѣ развѣ того, что повѣсть эта, по внутреннему своему содержанію, несравненно болѣе нравственна, нежели тѣ паскудныя произведенія легкаго клубницизма, которыми, тоже подъ фирмою повѣстей, отравляетъ свою публику «Русскій Вѣстникъ».

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ» И «ГОЛОСЪ».

Читатель, въ нижеслѣдующихъ строкахъ вы найдете панегирикъ, или похвальное слово «Московскимъ Вѣдомостямъ», восхваленіе ихъ качествъ и заслугъ, найдете нѣчто въ родѣ тѣхъ рѣчей, которыя произносятся въ академіяхъ наукъ и другихъ ученыхъ обществахъ въ честь ихъ членовъ. Прошу читателя не заподозривать моего намѣренія и понимать мои слова въ самомъ строгомъ буквальномъ смыслѣ, не видѣть за ними никакихъ заднихъ мыслей и умысловъ. Многіе изъ проницательныхъ читателей, увидавши въ началѣ этой статьи панегирикъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», непремѣнно подумаютъ, что въ ней подъ видомъ похвалы будетъ высказана самая тонкая хула на московскую газету, что самая похвала будетъ гораздо хуже хулы, въ родѣ тѣхъ похвалъ, отъ которыхъ нездоровится похваляемому; такъ вѣроятно подумаютъ и сами «Московскія Вѣдомости», если они хоть на столько внимательны къ «Современнику», что просматриваютъ по крайней мѣрѣ начало статей, помѣщающихся въ его книжкахъ. Но всѣ эти преждевременныя догадки и угадыванія не оправдаются ни на одну іоту; похвала «Московскимъ Вѣдомостямъ» не будетъ двусмысленна, она, какъ уви-

дятъ далѣе и сами читатели, вполнѣ искренняя; московская газета будетъ восхваляться за то, что въ самомъ дѣлѣ достойно похвалы, за тѣ похвальныя качества, какія есть въ нéй. Я вполнѣ понимаю, на какой рискъ я иду, рѣшаясь хвалить «Московскія Вѣдомости», особенно въ настоящее время, когда весь русскій либерализмъ состоитъ въ томъ, чтобы говорить объ нихъ либерально и неодобрительно и когда всякій писака, желающій щегольнуть передъ публикой своимъ либерализмомъ, находитъ нужнымъ намекнуть, что онъ не то, что «Московскія Вѣдомости», что онъ даже готовъ завести съ ними полемику, хоть эта полемика почти всегда заключается только въ однихъ словахъ. Такимъ образомъ, восхваляя «Московскія Вѣдомости», я навсегда долженъ отказаться отъ славы либерализма, которой впрочемъ никогда и не искалъ, и даже не считаю славой. Затѣмъ, становясь панегиристомъ «Московскихъ Вѣдомостей», я могу подать поводъ къ разнымъ болѣе или менѣе остроумнымъ и плоскимъ замѣчаніямъ въ родѣ того, что крайности всегда сходятся между собою, что я подаю руку «Вѣдомостямъ» подобно тому, какъ нѣкогда хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» подавалъ руку «Современнику», что я и московская газета—одного поля ягоды; иной даже можетъ сказать, что я заискиваю передъ этой газетой и хочу лестью купить ея благорасположеніе. Меня наконецъ могутъ упрекнуть въ непослѣдовательности, подобно тому, какъ я далѣе буду упрекать въ ней другихъ. Но пусть говорятъ, что хотятъ; меня ничто не остановитъ и не удержитъ отъ похвалы тому, что достойно ея. Мнѣ нечего заискивать у «Московскихъ Вѣдомостей» и не изъ-за-чего враждовать съ ними; наслѣдства никакого намъ не придется дѣлить съ ними и общаго достоянія у насъ нѣтъ; конкурренціи между нами быть не можетъ, и мы не можемъ мѣшать другъ другу, потому что идемъ разными путями. И потому нѣтъ никакого основанія заподозривать мою похвалу имъ въ заискиваньи. Я даже думаю, что «Московскія Вѣдомости» и теперь болѣе благорасположены къ «Современнику» вообще и ко мнѣ въ особенности, чѣмъ къ другимъ своимъ литературнымъ собратіямъ. «Современникъ» довольствуется своимъ удѣломъ; естественно поэтому предполагать, что «Московскія Вѣдомости» смотрятъ на него гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на другіе литературные органы, которые усиливаются предвосхитить честь и мѣсто «Московскихъ Вѣдомостей» и въ то же время показываютъ видъ, будто они съ

презрѣніемъ относятся къ «Вѣдомостямъ», либеральничаютъ передъ ними, маскируются передъ публикой, и такимъ образомъ хотятъ убить двухъ зайцевъ — заслужить честь «Московскихъ Вѣдомостей» и въ то же время подъ рукой зашибить себѣ либеральную славу. На основаніи такого предположенія, я расположенъ думать, что тѣ громы, которыми «Московскія Вѣдомости» поражали и грозятся еще поражать петербургскую литературу, или вовсе не относятся къ «Современнику», или же относятся самою малою долей. Разумѣется это только предположеніе и можетъ быть завтра же надо мною разразится гроза «Московскихъ Вѣдомостей»; но пусть ее разражается; а я буду справедливъ даже и ко врагамъ своимъ и похвалю то, что есть въ нихъ хорошаго.—Но при этомъ считаю нужнымъ оговориться и прошу читателей обратить особенное вниманіе на эту оговорку; я хвалю «Московскія Вѣдомости» не безусловно и не безъ ограниченій; съ моей точки зрѣнія въ нихъ похвально не все, а именно и единственно только то, о чемъ я буду говорить; обо всемъ же остальномъ пусть судитъ самъ читатель; я же выбираю для разсмотрѣнія одну только сторону «Московскихъ Вѣдомостей» и буду восхвалять ее по мѣрѣ силъ моихъ.

Первое похвальное качество «Московскихъ Вѣдомостей» есть ихъ строгая послѣдовательность и вѣрность принятому ими принципу. Онѣ всегда слѣдуютъ этому принципу неуклонно, доводятъ его до самыхъ послѣднихъ заключеній, изъ него вытекающихъ, съ точки зрѣнія его смотрятъ на весь міръ, на жизнь, на всѣ современныя событія внѣшнія и внутреннія, отечественныя и иностранныя. Часто раздаются въ печати укоры «Московскимъ Вѣдомостямъ» за то, что они измѣнили свои принципы, какіе они имѣли, будучи еще «Русскимъ Вѣстникомъ», и говорятъ теперь совершенно не то, что говорили тогда; такое измѣненіе принциповъ многіе называли непослѣдовательностью и противорѣчіемъ. На такой упрекъ «Московскія Вѣдомости» справедливо возражали, что съ теченіемъ времени человѣкъ измѣняется, по необходимости мѣняетъ свои убѣжденія, и что измѣненіе ихъ не есть непослѣдовательность или противорѣчіе самому себѣ. Къ этому возраженію можно было бы прибавить еще вопросъ: да развѣ сама русская печать не такъ же измѣнилась, какъ и редакція «Московскихъ Вѣдомостей?» развѣ принципы ея остались тѣ же, какихъ она держалась въ прежнее время? Вѣдь и вся печать, или говоря по иностранному, пресса, измѣнилась точно въ такомъ же смыслѣ

направленіи, какъ и редакція «Московскихъ Вѣдомостей». Да при томъ, кто же какъ не сама печать побуждала и склоняла редакцію «Русскаго Вѣстника» къ измѣненію своихъ принциповъ? Скажите, кто не издѣвался надъ теоретичностью и англоманіею «Русскаго Вѣстника?» Въ сотняхъ статей яснѣе солнца было доказано, что онъ мечтатель непрактическій, что онъ забываетъ русскую дѣйствительность, что онъ весь преданъ иноземному англійскому, что онъ хочетъ чужое, не идущее къ намъ, пересадить на нашу почву, что вообще онъ оторвался отъ почвы, не уважаетъ славянскаго духа, что идеалы его совершенно не русскіе; гдѣ-то буквально было сказано, что «Русскій Вѣстникъ» довелъ англоманію до абсурда, что ему нѣтъ возможности идти далѣе по тому же направленію, что онъ долженъ избрать другую дорогу. Очень естественно, что «Русскій Вѣстникъ» не могъ устоять передъ такимъ единодушнымъ напоромъ всей русской прессы, онъ внялъ ея голосу: бросилъ теоріи и идеалы, обратился къ русской дѣйствительности, какъ она есть, и душевно полюбилъ ее, подвергъ осмѣянію разные иноземные, въ томъ числѣ и англійскіе, принципы, какъ не пригодные для русской жизни, сталъ усердно защищать то, что произвела наша родная почва и на основаніи ея произведеній составилъ себѣ новые идеалы, въ которыхъ самымъ практическимъ образомъ соединилъ всѣ черты окружающей насъ насущной дѣйствительности. Такимъ образомъ «Русскій Вѣстникъ», согласно внушеніямъ русской прессы, изъ теоретика сдѣлался практикомъ, пересталъ подчинять дѣйствительность идеаламъ, а напротивъ свои идеалы подчинилъ дѣйствительности, и дѣйствительности не какой нибудь, а именно русской, словомъ, изъ англомана сдѣлался руссофиломъ, изъ «Русскаго Вѣстника» — «Московскими Вѣдомостями». Затѣмъ, нѣкоторые представители прессы собственнымъ умомъ дошли до убѣжденія, что прежнее направленіе, котораго держалась почти вся пресса, — несостоятельно и не соотвѣтствуетъ настоящему времени; такъ, напримѣръ, г. Краевскій высказалъ принципъ, что время отрицанія и разрушенія уже прошло, а настало новое время положенія и созиданія. Г. Катковъ послѣ нѣсколькихъ колебаній убѣдился въ этомъ принципѣ, такъ блистательно проводимомъ въ литературныхъ органахъ г. Краевскаго, и вслѣдствіе этого оставилъ прежній путь обличенія и разрушенія, которымъ онъ шелъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и обратился въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» на новый

путь положенія и созиданія, по которому шествуетъ и г. Краевскій въ «Голосѣ». Но во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что редакція «Московскихъ Вѣдомостей» измѣнила свои принципы, должно было возбудить радость и благодарность въ сердцѣ литературы, въ сердцахъ всѣхъ руссо-филовъ, почвенниковъ, полагателей и строителей въ родѣ г. Краевскаго; а вмѣсто того, что же видимъ на дѣлѣ? Литература, сама измѣнившаяся, упрекаетъ за измѣненіе принциповъ «Московскія Вѣдомости». Правда, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» это измѣненіе рѣзче и замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ органахъ литературы, но это-то и дѣлаетъ имъ честь, свидѣтельствуя объ ихъ послѣдовательности. «Московскія Вѣдомости», измѣнивши принципъ, и держатся уже строго одного этого измѣненнаго принципа, не сворачивая въ стороны, не дѣлая уступокъ другимъ принципамъ, и такимъ образомъ имѣютъ цѣльное, во всѣхъ частяхъ согласное міросозерцаніе. И этотъ свой новый принципъ они могутъ измѣнить рано или поздно, но тогда они выработаютъ другой, еще новѣйшій, и все-таки будутъ развивать и проводить его послѣдовательно. Вообще, въ каждое данное время редакція «Московскихъ Вѣдомостей» имѣетъ одни опредѣленные принципы, борется за одни извѣстныя идеи, и такимъ образомъ всегда остается вѣрна сама себѣ и принятому началу. Это высокое качество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» особенно драгоцѣнно въ русской литературѣ среди того хаотическаго смѣшенія принциповъ и направленій, которое представляетъ почти каждый литературный органъ; отрадно смотрѣть на послѣдовательное и вѣрное своему направленію изданіе среди этого множества литературныхъ хамелеоновъ, въ одно и то же время принимающихъ на себя десятки цвѣтовъ и направленій, неумѣющихъ посмотрѣть двумя глазами вмѣстѣ на одинъ и тотъ же предметъ, но вѣчно косящихся и разводящихъ два свои глаза въ двѣ противоположныя стороны, постоянно прыгающихъ и перескакивающихъ съ одного направленія на другое. Сравните съ «Московскими Вѣдомостями» другую московскую газету, «День», и вы увидите, что значитъ послѣдовательность; насмотрѣвшись на скачки «Дня», вы вполнѣ оцѣните стойкость «Московскихъ Вѣдомостей». «День» даже невѣренъ своему славянофильству; вообще онъ восхваляетъ древній московскій періодъ Руси, но потомъ по временамъ благоговѣйно преклоняется и предъ новымъ петербургскимъ періодомъ, забывая, что онъ когда-то называлъ его ложью, и славянофилъ превращается такимъ

образомъ въ западника. Его понятія о государствѣ и объ обществѣ и объ ихъ взаимномъ отношеніи мѣняются почти каждую недѣлю; одинъ разъ онъ говоритъ, что общество задерживаетъ государство, а въ другой разъ, что общество задерживается государствомъ; одну недѣлю онъ восторженно проповѣдуетъ о самодѣятельности и самостоятельности общества, и только этой самодѣятельности приписываетъ развивающее и оживляющее дѣйствіе, а другую недѣлю плачется на то, что государство не можетъ найти въ обществѣ дѣятелей, которые бы своею государственною дѣятельностью оживили и развивали общество; иногда ставится въ вину государству то, что оно занимается предметами, о которыхъ должно заботиться само общество, напримѣръ, заведеніемъ школъ, построеніемъ церквей, укрѣпленіемъ національности и т. п., а иногда государство обвиняется за то, что оно не занимается этими предметами. Подобно мыслямъ измѣняются и чувства «Дня»; иногда съ нимъ бываютъ припадки гордости и превозношенія, иногда же на него нападаетъ смиренномудріе и самоуничиженіе; иногда онъ ведетъ полемику и враждуетъ съ «Московскими Вѣдомостями», а иногда даже опережаетъ ихъ, или стремится сравняться съ ними, иногда просто подчиняется имъ, стараясь впрочемъ сколько возможно скрыть свое подчиненіе; говоря то же, что и «Московскія Вѣдомости», онъ употребляетъ другой способъ выраженія, конкретныя слова ихъ замѣняетъ отвлеченными, напримѣръ, вмѣсто «государства» говоритъ «народность» или «народъ»; «Московскія Вѣдомости», положимъ, выражаютъ свою мысль такъ—мы держимся государства и его принциповъ; «День» же говоритъ иначе — я держусь народа, не хочу рознить съ нимъ и слѣдую народному духу. Разница въ этихъ словахъ, повидимому, большая, а на дѣлѣ ея нѣтъ, оказывается, что у «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня» мысль одна и та же. Такимъ образомъ только приходится удивляться, изъ-за чего же «День» ведетъ полемику съ «Московскими Вѣдомостями», и на какомъ основаніи позволяетъ себѣ кичиться предъ ними. Напротивъ, «Московскія Вѣдомости» имѣютъ полное право съ высоты своего постоянства и послѣдовательности смотрѣть съ гордостію на скачки и прыжки «Дня». Вообще «День» корчитъ изъ себя фигуру непреклонности, принимаетъ видъ дуба, который готовъ противостоять какой угодно бурѣ и пускаетъ свои вѣтви какъ самъ хочетъ, а не по направленію вѣтра; а оказывается, что и онъ вмѣстѣ съ тростію

подчиняется вѣянію вѣтра, или ищетъ гдѣ нибудь защиты и оплота отъ его вліянія. Значитъ, тоже дѣйствуетъ, смотря по обстоятельствамъ, а не имѣетъ постоянства и неуклонности «Московскихъ Вѣдомостей».—Наконецъ, сравните «Московскія Вѣдомости» съ «Петербургскими Вѣдомостями», и вы ужаснетесь безцвѣтности, блѣдности и безхарактерности послѣднихъ; они покажутся вамъ просто мертвымъ трупомъ въ сравненіи съ опредѣленнымъ яркимъ цвѣтомъ и выдержанностью первыхъ.

Вслѣдствіе своей послѣдовательности «Московскія Вѣдомости» представляютъ единственную русскую газету, у которой одинъ номеръ не противорѣчитъ другому и въ одномъ и томъ же номерѣ иностранный отдѣлъ не противорѣчитъ внутреннему, — какъ это ежедневно совершается въ каждой газетѣ. «Московскія Вѣдомости» и внѣшнія и внутреннія событія измѣряютъ одной постоянной и неизмѣнной единицей; хорошее съ ихъ точки зрѣнія вездѣ хорошо, дома ли оно совершается, или за границей; напротивъ все, что противорѣчитъ ихъ идеямъ, гдѣ бы оно ни совершалось, въ Россіи ли, въ Финляндіи, во Франціи, въ Пруссіи, подвергается ихъ осужденію; прусскій или французскій либералъ въ глазахъ «Московскихъ Вѣдомостей» такой же чудакъ и болтунъ, какъ русскій. Это высокое качество въ газетѣ, особенно въ русской. Часто жалуются, что въ Россіи не развитъ политическій смыслъ; да какъ же ему развиться, когда даже сами развиватели его, газетчики, имѣютъ каждый по два смысла, одинъ для внутреннихъ дѣлъ, другой для внѣшнихъ, и между этими смыслами нѣтъ ничего общаго? Для сужденія о домашнихъ событіяхъ они имѣютъ одни пріемы, одни очки, а при разсматриваніи чужихъ событій они вооружаются новыми пріемами и новыми очками; соединить эти два разряда событій въ одну точку, освѣтить ихъ однимъ общимъ свѣтомъ — русскіе газетчики не могутъ. Оттого и для самихъ читателей событія свои и событія чужія являются двумя мірами, безконечно далекими другъ отъ друга, не имѣющими между собою ничего общаго, ни одной точки соприкосновенія; имъ, какъ и газетчикамъ, и въ голову не приходитъ, что между своимъ и чужимъ есть параллель, что свое можетъ объяснять чужое и чужое свое, что, стало быть, симпатіи внутреннія и иностранныя должны быть одинаковы. Вы постоянно встрѣтите, что газетчики выхваляютъ въ чужихъ краяхъ то, что преслѣдуютъ у себя дома, и наоборотъ, преслѣдуютъ въ чужихъ краяхъ то, что сію же минуту было расхвале-

но ими самими. Смѣшно бывало читать, какъ «Наше Время»— добрая ему память! — разругавши русскихъ либераловъ, черезъ столбецъ начнетъ бывало ратовать въ пользу прусскихъ либераловъ, которые ни чѣмъ не хуже и не лучше русскихъ, и для защиты ихъ начнетъ нападать на феодаловъ, которые ни чѣмъ не лучше и не хуже даже самаго «Нашего Времени». Или вотъ взгляните на «Голосъ»; онъ горой стоитъ, просто распинается — за кого бы вы думали? — за прусскихъ прогрессистовъ и либераловъ, за французскихъ либераловъ и даже за французскихъ демократовъ! Согласіе «Голоса» съ подобными людьми — это просто смѣшеніе языковъ, столпотвореніе вавилонское, возможное только при томъ косоглазіи, какое существуетъ у русскихъ газетчиковъ. Хотя бы «Голосъ» поучился иностранной политикѣ у своей пріятельницы, нѣмецкой газеты «Kreuzzeitung»; онъ весьма часто заимствовалъ у ней свѣдѣнія и сужденія о нашихъ русскихъ дѣлахъ, и эти сужденія бралъ цѣликомъ, вполнѣ соглашался съ ними, не сопровождалъ ихъ замѣчаніями и возраженіями, какъ сужденія другихъ газетъ, о большей части которыхъ онъ даже вовсе умалчивалъ. Нѣмецкая газета послѣдовательна; она смотритъ на свои событія съ той же точки зрѣнія, какъ и на наши, и «Голосъ» вполнѣ соглашается съ ея воззрѣніями на наши дѣла; чтобы быть послѣдовательнымъ, и онъ долженъ былъ смотрѣть на прусскія дѣла такъ, чтобы съ его воззрѣніями соглашалась «Kreuzzeitung». Однако онъ становился на сторону прусскихъ прогрессистовъ и даже издѣвался надъ сужденіями «Kreuzzeitung» о прусскихъ дѣлахъ; вотъ вы тутъ и уловите послѣдовательность русскихъ публицистовъ, поучающихъ несчастную публику своимъ «Голосомъ»; у себя дома они феодалы, а забравшись къ нѣмцамъ, корчатъ прогрессистовъ и демократовъ! Какъ же послѣ этого не похвалить «Московскія Вѣдомости», которые остаются вѣрны сами себѣ и своимъ принципамъ вездѣ, и дома, и въ прусскихъ, и французскихъ, и во всякихъ дѣлахъ; сходясь въ принципахъ съ «Kreuzzeitung», они принимаютъ и послѣдствія этихъ принциповъ, и на всѣхъ прогрессистовъ прусскихъ смотрятъ, какъ «Kreuzzeitung»; что же касается до французскихъ либераловъ и демократовъ, то имъ нѣтъ ни малѣйшей пощады или поблажки со стороны «Московскихъ Вѣдомостей», и очень естественно, такъ какъ «Московскія Вѣдомости» не имѣютъ съ ними ничего общаго, и имъ до того уже надоѣли домашніе либералы, что одно слово либералъ, хоть бы онъ былъ француз-

скій или турецкій, возбуждаетъ въ нихъ негодованіе. Чтобы еще ярче выставить восхваляемое качество «Московскихъ Вѣдомостей», мы представимъ еще примѣръ противоположнаго качества, заимствуя его опять изъ того же «Голоса», который въ этомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ многое множество курьезовъ. Но самой высшей степени непослѣдовательной виртуозности достигаетъ «Голосъ» въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ принимается за французскія газеты и третируетъ ихъ, какъ самыя жалкія и мизерныя существа; заговоривши напр. о «Pays» и «Constitutionnel», онъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать къ нимъ своего полнаго и глубокаго презрѣнія; въ глазахъ «Голоса» нѣтъ на свѣтѣ человѣка презрѣннѣе и жалче Полена Лимейрака, главнаго публициста въ «Constitutionnel», объ немъ онъ даже не можетъ вспомнить безъ саркастической улыбки и даже безъ отвращенія; П. Лимейракъ для «Голоса» просто фи, неприличный человѣкъ! При взглядѣ на такую гордость «Голоса», невольно думается, да чѣмъ же онъ самъ лучше французскихъ газетъ вообще и двухъ указанныхъ выше въ особенности, чѣмъ же Поленъ Лимейракъ хуже г. Андрея Краевскаго, и что есть въ первомъ такого, что давало бы послѣднему право относиться къ нему съ презрѣніемъ? Напротивъ, Лимейракъ имѣлъ бы право гордиться передъ г. Краевскимъ, такъ какъ онъ знаменитѣе и извѣстнѣе и больше пишетъ, чѣмъ послѣдній, хотя впрочемъ и то нужно сказать, что, можетъ быть, и г. Краевскій много пишетъ и былъ бы столь же извѣстенъ, какъ П. Лимейракъ, если бы, подобно ему, не соблюдалъ скромности и подписывался подъ своими статьями. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ можно признать весьма вѣроятнымъ слѣдующее предположеніе: если бы «Голосъ» какимъ нибудь чудомъ вдругъ очутился во Франціи, сдѣлался французской газетой, изъ «Голоса» превратился въ «Voix», то онъ съ благоговѣніемъ преклонился бы предъ «Constitutionnel», считалъ бы для себя величайшимъ счастіемъ одно милостивое слово изъ устъ «Constitutionnel», и какъ знать? можетъ быть, «Constitutionnel» не удостоилъ бы сдѣлать «Voix» даже разнощикомъ у себя. А вы, гг. публицисты, инкогнито проживающіе въ «Голосѣ», скажите, ужели бы вы не согласились писать въ «Voix» подъ диктовку Полена Лимейрака, подобно тому, какъ теперь пишете въ «Голосѣ» подъ диктовку г. Краевскаго? Отвѣчайте про себя на этотъ вопросъ, отвѣчайте искренно; и тогда, быть можетъ, вы поубавите спѣси, которая къ вамъ

нойдетъ, и бросите ваше натянутое и аффектированное презрѣніе къ французскимъ газетамъ и ихъ публицистамъ; обдумайте свое положеніе, и тогда вы будете скромнѣе, снисходительнѣе и уважительнѣе къ другимъ.

Кромѣ послѣдовательности, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» заслуживаютъ еще похвалы слѣдующія тоже высокія качества: откровенность, искренность, прямота и смѣлость. Они никогда не скрываются и не скрываютъ своихъ мыслей, что думаютъ, то и говорятъ, и говорятъ прямо, безъ застѣнчивости и увертокъ, каждую вещь называютъ собственнымъ ея именемъ, которое было бы понятно всѣмъ, не употребляютъ неопредѣленныхъ выраженій въ родѣ «народный духъ», «рознь съ народомъ», которыми маскируется наприм. «День» и мистифируетъ публику. «Московскія Вѣдомости» не стыдятся своихъ принциповъ и своихъ цѣлей, а потому показываютъ ихъ всѣмъ во всей ихъ наготѣ, не имѣя нужды маскироваться или драпироваться въ какія нибудь блестящіе, но не идущіе къ нимъ покровы; они показываютъ свой товаръ, какъ онъ есть, и лицомъ, и на изнанку, и не соблазняютъ публику модными выдумками и современными блестками; однимъ словомъ, они не заманиваютъ публику обѣщаніемъ того, что имъ не по душѣ и не позволяютъ себѣ употреблять разныхъ либеральныхъ уловокъ, такъ обыкновенныхъ въ другихъ газетахъ. Они изложили откровенно свое profession de foi: кто хочетъ, пусть принимаетъ его, а кому оно не нравится, тотъ пусть себѣ уходитъ прочь, его не удерживаютъ и для удержанія его не дѣлаютъ никакихъ измѣненій въ profession de foi, не вставляютъ никакихъ двусмысленностей съ надеждою какъ нибудь соблазнить его. «Московскія Вѣдомости» не позолочиваютъ своихъ пилюль, не подслащиваютъ своихъ лекарствъ, а даютъ все въ натуральномъ видѣ; стало быть, тутъ никто не можетъ обмануться и подъ видомъ сладкаго вкусить горькое, а подъ видомъ позолоченной пилюли проглотить ядъ. Дѣло, какъ видите, ведется на чистоту; «Московскія Вѣдомости» никого не хотятъ соблазнить или увлечь, а только стараются убѣждать своими доводами всякаго, кто только способенъ убѣдиться ими. — Далѣе, у редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» были свои воспоминанія, свои преданія, пристрастія и симпатіи, но отъ всего этого она имѣла твердость и рѣшимость отказаться, сбросить это съ себя, какъ негодную одежду. Возродившись духомъ, она стала дѣйствовать на новоизбранномъ

поприщѣ со всѣмъ жаромъ и усердіемъ прозелита и новообращеннаго; она примкнула къ одной сторонѣ и держится только ея одной. «Московскія Вѣдомости» имѣютъ въ виду только своихъ единомышленниковъ, объ нихъ только заботятся, имъ стараются угодить, ихъ мнѣніемъ дорожатъ; на всѣхъ же остальныхъ людей всѣхъ цвѣтовъ и взглядовъ они махнули рукой; что бы ни говорили объ нихъ эти люди, — имъ это совершенно все равно; они даже желанія не обнаруживаютъ заискать себѣ хорошее, или по крайней мѣрѣ сносное мнѣніе у противной стороны; «что скажутъ объ насъ?» — этотъ вопросъ «Московскія Вѣдомости» держатъ въ умѣ, имѣя въ виду только своихъ партизановъ; а что скажутъ объ нихъ другіе, — это ужь для нихъ дѣло пустое. Только «наши» съ точки зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» нужны имъ; не «наши» для нихъ какъ будто не существуютъ. Это качество ихъ мы и называемъ храбростью. Въ обыкновенной жизни есть вещи общепризнанныя или общепринятыя, противиться которымъ не у всякаго достанетъ храбрости, хотя бы онъ самъ и не признавалъ ихъ; такіе предметы есть и въ литературѣ; «Московскія Вѣдомости» смѣло отвергаютъ ихъ, не взирая ни на что, если только эти предметы нельзя подогнать какъ нибудь подъ ихъ принципъ. Обращается, положимъ, къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» какой нибудь господинъ съ какимъ нибудь требованіемъ, исполнить которое имъ не то что противно, а такъ просто нехочется, и въ видѣ побужденія къ исполненію его говоритъ имъ: а иначе я потеряю къ вамъ уваженіе, воображая, что этотъ аргументъ подѣйствуетъ на газету. Дѣйствительно, на всякаго другаго онъ бы подѣйствовалъ хоть до нѣкоторой степени, т. е. вызвалъ бы по крайней мѣрѣ мягкій и вѣжливый отвѣтъ, особенно если требующій все-таки человѣкъ достойный и дѣльный, а «Московскія Вѣдомости» непремѣнно отвѣтили бы ему просто такъ: очень намъ нужно ваше уваженіе, убирайтесь вы съ нимъ, — не взирая на то, что ихъ отвѣтъ озлобилъ бы всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сторонѣ. Тотъ же господинъ могъ бы представить еще другой аргументъ, сказавши: а иначе вы повредите моему дѣлу. Дѣло это признается всѣми за полезное и всякій посовѣстился бы по крайней мѣрѣ явно мѣшать ему; а «Московскія Вѣдомости» прямо отвѣчали бы ему: а развѣ вы думаете, что мы желаемъ успѣха этому дѣлу? знайте же, что мы искренно желаемъ гибели вашему дѣлу и всѣми мѣрами будемъ содѣйствовать его неуспѣху. Нѣчто подобное этимъ требованіямъ

и этимъ отвѣтамъ и было дѣйствительно на самомъ дѣлѣ.—Какъ хотите называйте такое поведеніе «Московскихъ Вѣдомостей», во всякомъ случаѣ оно смѣло и открыто. Многіе раздѣляютъ мысли и желанія, одушевляющія «Московскія Вѣдомости»; но не всѣ высказываютъ ихъ такъ откровенно и прямо, какъ они; а это много значитъ. При своей прямотѣ «Московскія Вѣдомости» никого не могутъ ввести въ недоумѣніе, соблазнъ, или обманъ; каждый сразу пойметъ, какъ ему относиться къ нимъ, какъ понимать и принимать ихъ слова; кто согласенъ съ ними, тотъ читай смѣло каждую строчку въ нихъ, нигдѣ не встрѣтишь подвоха, или чего нибудь непріятнаго для себя; кто же несогласенъ, тотъ опять таки читай ихъ смѣло, потому что нигдѣ не встрѣтишь скрытыхъ засадъ и незамѣтныхъ сѣтей, которыя бы опутали тебя: всѣ опасности, средства и орудія явны и открыты.

Всякая вещь познается и цѣнится по сравненію съ другими подобными, или противоположными вещами; поэтому для лучшей оцѣнки прямоты и смѣлости «Московскихъ Вѣдомостей» сравните ихъ съ «Голосомъ», этой несчастной газеткой, постоянно лицемѣрящей, постоянно качающейся изъ стороны въ сторону, подобно маятнику, постоянно переодѣвающейся. «Голосъ» прислушивается къ малѣйшему дуновенію вѣтерка, чтобы идти по его направленію, и идетъ-то всегда нерѣшительно, оглядываясь по сторонамъ и высматривая, нѣтъ ли гдѣ другой тропинки болѣе удобной и благодатной; онъ всегда держится пословицы, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ, и потому онъ ласковъ со всѣми, съ кѣмъ нужно, по его мнѣнію; онъ услуживаетъ и вашимъ, и нашимъ, одинъ разъ говоритъ такія вещи, которыя приведутъ въ восторгъ одну сторону, а въ другой разъ непремѣнно попытается сказать что нибудь угодное и другой сторонѣ, даже въ одно и то же время, въ одной и той же статьѣ онъ ухитряется составить такой винегретъ, въ которомъ заключаются элементы, приходящіеся по вкусу самымъ разнороднымъ субъектамъ съ противоположными направленіями.—Въ первое время своего существованія «Голосъ» видимо старался занять позицію «Московскихъ Вѣдомостей»; но это ему не удалось, по недостатку тѣхъ силъ, средствъ и ловкости, какими обладали «Московскія Вѣдомости». Вслѣдствіе этого онъ рѣшился попытать счастья на иномъ поприщѣ, не оставляя однако и прежняго поприща; съ этихъ поръ и началось его лицемѣрное либеральничанье. Для пріобрѣтенія желаемой репутаціи «Голосъ» преж-

ле всего сталъ либеральничать по иностранной политикѣ; но при этомъ выходилъ слишкомъ рѣзкій и замѣтный контрастъ между его иностраннымъ и внутреннимъ отдѣломъ, вслѣдствіе чего оказалась надобность подпустить либерализма и во внутренній отдѣлъ и для этого придумано средство легкое и вѣрное,—полемика съ «Московскими Вѣдомостями». Но что это была за полемика! «Московскія Вѣдомости» сами удивлялись даже этой полемикѣ, припоминая, что прежде «Голосъ» ничего не говорилъ противъ нихъ, а потомъ «вдругъ, какъ бы по манію магическаго жезла, устремилъ свое оружіе противъ насъ», какъ они выразились. И дѣйствительно, трудно было понять, изъ-за чего и для чего велась полемика. Правда, въ полемическихъ статьяхъ «Голоса» часто и съ намѣреніемъ повторялась фраза въ родѣ того, что читателямъ-де нашимъ извѣстно, что мы несогласны во взглядахъ съ «Московскими Вѣдомостями», но на самомъ дѣлѣ не только читателямъ, но и самому писателю, писавшему статьи, вѣроятно неизвѣстно было, въ чемъ состоитъ это несогласіе. Полемика была очень неопредѣленна, ограничивалась только одними словами, однимъ заявленіемъ несогласія безъ опредѣленія, въ чемъ оно состоитъ; а какъ только дѣло доходило до сущности дѣла, то «Голосъ» повторялъ то же, что говорили и «Московскія Вѣдомости». Ссылаемся на свидѣтеля, котораго «Голосъ» не отвергнетъ, на хронику «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ было доказано, что «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ» въ сущности согласны между собою, даже когда спорятъ; «но, какъ замѣтилъ однажды г. Громека, надежды и желанія «Московскихъ Вѣдомостей» относительно Россіи еще шире, чѣмъ тѣ, которыя имѣетъ въ виду «Голосъ». Разъ какъ-то мелькнулъ было опредѣленный предметъ въ полемикѣ между этими двумя газетами, «Голосъ» защищалъ, но и то какъ-то туманно и несмѣло, то, на что нападали «Московскія Вѣдомости». Но что же вышло потомъ? Недѣли черезъ двѣ «Голосъ» пошелъ за «Московскими Вѣдомостями» и самъ сталъ же нападать на то, что прежде защищалъ отъ ихъ нападеній. Теперь «Московскія Вѣдомости» уже оставили въ покоѣ этотъ спорный предметъ, какъ рѣшеный, а «Голосъ» и до сихъ поръ не перестаетъ нападать на него почти въ каждомъ номерѣ. Спрашивается, зачѣмъ же велась полемика? А того требовала тактика: существенное согласіе съ «Московскими Вѣдомостями» необходимо вообще, полемика же съ «Московскими Вѣдостями» нужна для того, чтобы пріобрѣсть благорасположеніе

хоть нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ, которые имъ не сочувствуютъ. Послѣдняго расчета держится «Голосъ», вѣроятно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ добровольно подставляетъ себя подъ удары, которые «Московскія Вѣдомости» наносятъ либерализму. Какъ только «Московскія Вѣдомости» разгромятъ либерализмъ, «Голосъ» считаетъ нужнымъ принять ихъ слова на свой счетъ, обидѣться ими и защищать либерализмъ. Хотя эта защита указываетъ на такіе факты, которые могутъ быть защитой только съ точки зрѣнія принциповъ «Московскихъ Вѣдомостей», однако изъ этой защиты читатель долженъ заключать, что «Голосъ» не то, что «Московскія Вѣдомости», что онъ либералъ, такъ какъ слова московской газеты о либерализмѣ принимаетъ между прочимъ и на свой счетъ. Но дабы кто нибудь не подумалъ, что «Голосъ» ужь слишкомъ либераленъ, что онъ стоитъ на сторонѣ противоположной «Московскимъ Вѣдомостямъ», онъ считаетъ нужнымъ предупредить это нареканіе и объявляетъ, что онъ противъ принципіальныхъ враговъ «Московскихъ Вѣдомостей» борется такъ же усердно, какъ и они сами, и даже пожалуй еще усерднѣе.—Не довольствуясь полемикой съ «Московскими Вѣдомостями», которая одна уже была бы совершенно достаточна для пріобрѣтенія либеральной репутаціи, «Голосъ» простираетъ свою смѣлость даже до того, что вступаетъ въ полемику съ «Русскимъ Инвалидомъ». Разумѣется, и эта полемика не касается сущности вопросовъ и даже никакихъ вопросовъ, а только ограничивается разборомъ историко-спиритическихъ созерцаній г. Гильфердинга; въ концѣ разбора «Голосъ» обыкновенно приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, какіе высказываютъ «Инвалидъ» и г. Гельфердингъ, замѣчая имъ только, что они не тѣмъ путемъ идутъ къ результатамъ и не тѣ доказательства приводятъ, какія бы слѣдовало, по мнѣнію его, «Голоса». При видѣ такой полемики, невольно думается: ну, это милые бранятся; однако нѣтъ, вы замѣчаете далѣе, что «Голосъ» старается уязвить «Инвалидъ» возможно больно и внушить читателямъ мысль, что «Инвалидъ» газета не самостоятельная, и называетъ его газетой военной. Это внушеніе, разумѣется, дѣлается съ цѣлію возвысить себя и такъ нравится «Голосу», что онъ употребляетъ его и относительно другихъ газетъ; такъ напримѣръ говоря даже о «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосъ» иногда вскользь и тонко замѣчаетъ, что они — газета академическая, изъ чего, по умозаключеніямъ «Голоса», читатель навѣрно заключитъ, что

они тоже газета не самостоятельная. Вотъ видите ли, по воззрѣнію «Голоса», «Московскія Вѣдомости» — газета отсталая, «С. Петербургскія Вѣдомости» — газета академическая, то есть не самостоятельная, «Русскій Инвалидъ» — газета военная, т. е. не самостоятельная! Изъ этого слѣдуетъ, что только и есть самостоятельная газета — «Голосъ», величающій себя газетой гражданской, мирной, въ противоположной газетѣ военной. Это тонкое самохвальство «Голоса» своею самостоятельностью и это мнимое нерасположеніе къ несамостоятельности очень напоминаютъ анекдотъ о пьяницѣ, который въ присутствіи лицъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ скрыть свое пьянство, послѣ долгихъ просьбъ и принужденій выпилъ наконецъ рюмку водки, но потомъ сморщился, сдѣлалъ гримасу отвращенія и произнесъ: удивляюсь, какъ это люди пьютъ такую гадость, какъ они могутъ любить ее и пристращаться къ ней. «Русскій Инвалидъ», которому вѣроятно надоѣло это самохвальство и упреки «Голоса», очень ловко приподнялъ маску «Голоса» и показалъ, что скрывается за этой самохвальной самостоятельностью. И что же «Голосъ»? Вломился въ амбицію, обидѣлся, да еще какъ! сталъ стыдить «Русскій Инвалидъ» и наконецъ аппелировалъ къ общественному мнѣнію: — какова смѣлость и храбрость въ гражданской газетѣ! не смотря на маску, все-таки идетъ къ общественному мнѣнію за покровительствомъ! И такой пріемъ «Голосъ» употреблялъ не разъ, въ полной увѣренности, что общественное мнѣніе погладитъ его по головкѣ, — странная увѣренность со стороны газеты, въ иныхъ случаяхъ унижающей общественное мнѣніе своими разсужденіями. А можетъ быть это вовсе и не увѣренность, а просто спекулирующая смѣлость. — Наконецъ, послѣднее либеральное украшеніе «Голоса» составляютъ его смѣлыя и грозныя обличенія, такъ называемое бичеваніе нашихъ общественныхъ недуговъ, то есть дорогихъ ресторановъ, дорогихъ извощиковъ, неисправныхъ водовозовъ и мусорщиковъ, снѣжныхъ кучъ по Невскому проспекту и другихъ подобныхъ предметовъ, къ которымъ «Голосъ» неумолимо строгъ.

Сравнивши подобное либеральное лицемѣріе «Голоса» съ прямотою «Московскихъ Вѣдомостей», вы невольно отдадите послѣднимъ дань хвалы; они никого не могутъ соблазнить при своей откровенности, тогда какъ либеральное лицемѣріе способно ввести въ обманъ многихъ. Оно подъ благовидными покровами

представляетъ самыя неблаговидныя вещи, подъ самыми блестящими фразами у него скрываются волчьи ямы и засады, въ которыя можетъ попасть неосторожный и довѣрчивый читатель; тутъ на каждомъ шагу для читателя стоятъ опасные, но скрытые камни претыканія. Наконецъ отсутствіе мысленной стойкости въ газетѣ, эластичность ея принциповъ, растягивающихся по разнымъ направленіямъ, могутъ вообще имѣть вредное вліяніе на мысль читателей, порождать умственный индифферентизмъ, который все принимаетъ и въ то же время серьезно не принимаетъ ничего, давать такой закалъ умамъ, вслѣдствіе котораго они не остаются ни теплыми, ни холодными, ни твердыми, ни мягкими, и, довольствуясь либеральными побрякушками, пребываютъ въ неподвижности и тупомъ самодовольствіи.

Приступаемъ наконецъ къ самому блестящему камню въ похвальномъ вѣнцѣ «Московскихъ Вѣдомостей». «Московскія Вѣдомости» въ теченіи прошлаго года занимали первое мѣсто въ литературѣ, имъ принадлежалъ первый и рѣшительный голосъ; они были героемъ года, такъ что истекшій литературный годъ назовется въ исторіи литературы годомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Они были литературнымъ представителемъ большинства русскаго общества и представителемъ достойнымъ. Со всѣхъ сторонъ «Московскія Вѣдомости» получали одобренія, благодарственныя письма, въ честь ихъ устраивались торжественныя оваціи. Противъ этого могутъ возразить и сказать, что часть русскаго общества была недовольна «Московскими Вѣдомостями». Конечно, это можно сказать, но нельзя доказать. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ факты, которые бы показывали, что эта часть общества недовольна «Московскими Вѣдомостями», кто и гдѣ высказывалъ недовольство «Московскими Вѣдомостями», въ чемъ оно обнаружилось, чѣмъ заявили недовольные, если были таковые, свой протестъ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нельзя привести ни одного факта. Конечно, «Голосъ» можетъ сказать, что я-десять не соглашался съ «Московскими Вѣдомостями»; но мы видѣли, каково было это несогласіе, къ концу концовъ разрѣшавшееся полнымъ согласіемъ. Были еще и другія мелкія вспышки несогласія съ «Московскими Вѣдомостями», но несоглашавшіеся со стыдомъ и раскаяніемъ возвращались къ согласію съ ними. Вотъ «День», тоже несоглашавшійся сначала съ «Московскими Вѣдомостями», долженъ былъ наконецъ сознаться и признать торжественно, что «Московскія Вѣдомости» суть «*несомнѣнный* пред-

ставитель большинства русскаго общества!» Вотъ вамъ разъ, ужь и есть одно право и одно полномочіе, данное «Московскимъ Вѣдомостямъ» на то, что они присвоиваютъ себѣ, т. е. на честь быть представителемъ большинства. Затѣмъ хроника въ «Отечественныхъ Запискахъ» постоянно и съ удовольствіемъ соглашалась съ взглядами «Московскихъ Вѣдомостей», и называла эту газету представительницей большинства и отраженіемъ народнаго голоса. «Мысли «Московскихъ Вѣдомостей», говорилось въ хроникѣ, нашли огромное сочувствіе въ обществѣ. — Вліяніе «Московскихъ Вѣдомостей» росло въ обществѣ съ каждымъ днемъ. Большинство петербургскихъ газетъ заговорило въ одинъ тонъ съ чувствомъ русскаго народа и съ «Московскими Вѣдомостями» (Совр. хроник. Рос. въ № 6 Отеч. Зап.)». Хроники въ «Отечественныхъ Запискахъ» принадлежатъ не г. Громекѣ, какъ думали ошибочно до сихъ поръ, а самой редакціи въ томъ случаѣ, когда они не подписаны, какъ объявила редакція. Стало быть, съ приведенными взглядами на «Московскія Вѣдомости» согласенъ былъ и г. Краевскій, редакторъ-издатель «Голоса»; стало быть, онъ самъ призналъ согласіе и тождество между чувствами «Московскихъ Вѣдомостей» и чувствами народа, и самъ сознался, что петербургскія газеты, въ томъ числѣ и «Голосъ», тогда только попали въ тонъ русскаго народа, когда заговорили въ одинъ тонъ съ «Московскими Вѣдомостями». Вотъ вы и судите теперь объ искренности «Голоса»; въ лицѣ своего главы онъ признавалъ, что «Московскія Вѣдомости» представители большинства, что мысли ихъ находили огромное сочувствіе въ обществѣ. И вдругъ, тотъ же «Голосъ» смѣло осмѣливается утверждать, въ отрывкѣ, который будетъ приведенъ ниже, что «Московскія Вѣдомости» берутъ только «своею лестью извѣстной долѣ общества», имѣютъ успѣхъ только потому, что «у насъ есть множество людей съ такими убѣжденіями». Какъ хотите, а подобное поведеніе «Голоса» болѣе чѣмъ неловко. — Вотъ вамъ два, — другое право и полномочіе, данное «Московскимъ Вѣдомостямъ» на то, что они присвоиваютъ себѣ, и признанное журналомъ «Отечественныя Записки». Наконецъ вотъ личное полномочіе, данное «Московскимъ Вѣдомостямъ» г. Громекою въ хроникѣ, подписанной его полнымъ именемъ; для «Голоса» должны быть уважительны и личныя мнѣнія г. Громеки.

«Надѣемся, говоритъ г. Громека, что читатель не упрекнетъ насъ

въ умышленномъ ослабленіи доводовъ той или другой стороны; если же мы дали больше мѣста мнѣніямъ противниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», то это потому, что они менѣе извѣстны и вообще принадлежатъ *слабому меньшинству*, тогда какъ убѣжденія «Московскихъ Вѣдомостей», благодаря успѣху этой газеты, слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ и раздѣляются въ настоящее время *огромнымъ большинствомъ публики* (слушайте, «Голосъ»). Намъ пріятно, однако, замѣтить, что не смотря на видимую разницу обоихъ мнѣній, московскіе журнальные представители ихъ явили уже много доказательствъ, что они вовсе не такъ далеки отъ согласія, какъ это можно полагать съ перваго взгляда.

«Въ этихъ прекрасныхъ строкахъ (изъ статьи г. Миллера), какъ нельзя лучше выражено то двойное чувство, какое питаютъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» люди, которые, съ одной сторны, признаютъ несомнѣнныя заслуги этой газеты, умѣвшей овладѣть минутою патріотическаго пробужденія—и, съ другой—съ прискорбіемъ усматриваютъ, что «Московскія Вѣдомости» иногда злоупотребляютъ своею властью надъ этой минутой. Пишущій эти строки самъ принадлежитъ къ числу такихъ людей и потому счелъ долгомъ воспользоваться статьей г. Миллера для объясненія собственныхъ своихъ чувствъ и отношеній къ означенной газетѣ. Эти чувства въ составителѣ этой хроники усложняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ нѣкогда былъ очень близокъ къ редакціи «Русскаго Вѣстника» и до сихъ поръ исполненъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ ней. Принужденный, въ Хроникѣ этого журнала, очень часто порицать *нѣкоторыя* мнѣнія означенной редакціи, онъ желалъ бы, однако, выдѣлить себя изъ многочисленнаго сонма тѣхъ порицателей ея, которые имѣютъ личные счеты съ нею или кадятъ остатками того моднаго нѣкогда негодованія, которое обязательно было для всѣхъ любителей нигилизма (и которое куритъ въ «Голосѣ»). Составитель этой Хроники не имѣетъ никакихъ другихъ личныхъ счетовъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», кромѣ пріятныхъ; онъ не принадлежитъ также къ числу поклонниковъ нигилизма; слѣдовательно, несогласія его съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Московскими Вѣдомостями» не имѣютъ ничего общаго съ недоброжелательствомъ, завистью или пристрастіемъ. Напротивъ, никто болѣе пишущаго эти строки не расположенъ толковать каждую статью «Московскихъ Вѣдомостей» въ самую лучшую для нихъ сторону, никто искреннѣе его не относится къ заслугамъ и достоинствамъ ея редакціи, *всегда умѣвшей занять почетное мѣсто въ литературѣ;* но именно эта высота занимаемаго ею мѣста, эти достоинства, дающія газетѣ власть и силу, побуждаютъ его по мѣрѣ силъ содѣйствовать

«Отечественнымъ Запискамъ» въ преслѣдованіи тѣхъ мыслей и статей «Московскихъ Вѣдомостей», которыхъ несправедливость и неловкость кажутся опасными для прочныхъ успѣховъ нашего общественнаго развитія».

Но главное полномочіе быть представителемъ большинства дано «Московскимъ Вѣдомостямъ» все-таки событіями, «Московскія Вѣдомости» на своихъ столбцахъ поднимали такіе вопросы, какіе и въ голову не приходили другимъ газетчикамъ, и не только поднимали, но и рѣшали ихъ... Изъ всего этого видно, какъ натянута и недобросовѣстна слѣдующая уловка «Голоса», посредствомъ которой онъ старается ослабить значеніе «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ говоритъ: «давно уже надоѣло намъ беззастѣнчивое самохвальство московской газеты, нецеремонно выдающей себя за органъ настоящаго общественнаго мнѣнія (ну, скажите по совѣсти, г. Краевскій и вся редакція «Голоса», слѣдовало ли вамъ позволять себѣ такую брань на почтенную газету, да еще послѣ того, что говорилось объ ней въ «Отечественныхъ Запискахъ?» Должно быть, и вы заразились либеральной модой). У васъ (т. е. у «Московскихъ Вѣдомостей») много читателей, мы (т. е. «Голосъ») это знаемъ, но знаемъ также, почему ихъ у васъ много. Вы говорите очень смѣло, и это сходитъ вамъ съ рукъ. Васъ читаютъ, это несомнѣнно; вамъ сочувствуютъ — положимъ. Но что же это доказываетъ? Это доказываетъ, между прочимъ, что вы умѣете льстить вкусу извѣстной доли общества, умѣете пѣть съ ея голоса; это доказываетъ только, что у насъ на Руси, какъ и вездѣ, есть множество людей съ шаткими убѣжденіями, либераловъ, когда либерализмъ удобенъ и выгоденъ, реакціонеровъ, когда встрѣтится первое затрудненіе, возникшее при либеральномъ ихъ стремленіи. Неужели же вы думаете, что эти люди — корифеи общественнаго мнѣнія въ Россіи? А вы еще говорите, что, служа отголоскомъ ихъ нерѣшительныхъ мнѣній, вы служите отголоскомъ мнѣній всей Россіи!» («Голосъ» 1864, № 1). Все это фразы, въ которыхъ вы притворяетесь и клевещете на «Московскія Вѣдомости», отказываясь отъ истины. «Московскія Вѣдомости» не потому много читались, что льстили кому бы то ни было, а потому, что объ нихъ говорили «День», «Отечественныя Записки», г. Громека и многіе, потому что ихъ мысли нравились большинству, а главное потому, что они отгадывали будущее,

вѣрно предсказывали событія. Вотъ, напримѣръ, «Голосъ» ежедневно поднимаетъ по десятку вопросовъ, сочиняетъ по десятку плановъ, проэктовъ и соображеній: то онъ предлагаетъ перевести извощичью биржу съ Владимірской площади на другое мѣсто, то — запретить извощикамъ ѣдущимъ по Невскому проспекту ругаться непристойными словами, то — предприняять литературный крестовый походъ противъ дорогихъ ресторановъ; но всѣ эти прекрасныя вещи такъ и остаются при «Голосѣ», въ его портфеляхъ. Скажите же послѣ этого, что лучше читать, — соображенія ли «Московскихъ Вѣдомостей», имѣющія большую вѣроятность на осуществленіе, или досужія фантазіи какого нибудь господина, праздношатающагося и ищущаго либеральной репутаціи по Петербургу? Въ тѣхъ случаяхъ, когда «Голосъ» спорилъ съ «Вѣдомостями», событія всегда оправдывали ихъ. Вотъ гдѣ сила «Московскихъ Вѣдомостей» и причина ихъ многочитаемости; нечего тутъ увертываться, говорить о льстивости ихъ и т. д., нужно признавать фактъ, какъ онъ есть. — Уязвивши «Московскія Вѣдомости», «Голосъ» старается польстить либераламъ и говоритъ объ нихъ московской газетѣ: «тѣ, которыхъ вы клеймите лжелибералами, опасною и ненавистною новою Россіи, любятъ свою страну сильнѣе и лучше васъ. Они любятъ ее не потому, что могутъ извлекать изъ нея выгоды для себя; а потому, что преданы ей отъ всего сердца и готовы пожертвовать своими личными выгодами общему дѣлу. Они любятъ ее такъ, что хотѣли бы поставить ее на высоту, недосягаемую для клеветы иноземцевъ».

Опять таки все это фразы, которыя нужно доказать, да доказать. «Московскія Вѣдомости» называютъ либераловъ язвою Россіи; вы требуете отъ нихъ доказательствъ и сами называете либераловъ самоотверженными любителями своей страны, — позвольте и отъ васъ потребовать доказательствъ и спросить, кто вамъ далъ право и полномочіе говорить отъ имени либераловъ. Либералы «готовы жертвовать своими личными выгодами общему дѣлу». Мало ли кто на что готовъ, нужно еще доказать, гдѣ и какъ обнаружилась эта готовность; иначе «Московскія Вѣдомости» съ своей стороны могутъ сказать, что они жертвуютъ общему дѣлу гораздо большими личными выгодами, чѣмъ «Голосъ», чѣмъ всѣ вообще либералы, и скажутъ, что либералы либеральничаютъ только тогда, когда это выгодно, а когда невыгодно, тогда молчатъ; въ доказательство послѣдняго положе-

нія «Московскія Вѣдомости» могутъ даже привести факты и соображенія такого рода. «Либералы, говорятъ, любятъ свою страну такъ, что хотѣли бы поставить ее на высоту, недосягаемую для клеветы иноземцевъ»; мало ли кто чего хотѣлъ бы, а что же они сдѣлали для исполненія своего хотѣнія? Вотъ посмотрите на «Московскія Вѣдомости»; они считаютъ либерализмъ язвой Россіи, хотѣли бы излечить эту язву, по крайней мѣрѣ препятствовать тому, чтобы она не вкрадывалась въ рѣшеніе современныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ «Московскія Вѣдомости» могутъ сказать о себѣ, что они какъ понимали общее благо, такъ и трудились для него, и трудъ ихъ увѣнчался успѣхомъ. А либералы, любящіе родину, вѣроятно любили и «Московскія Вѣдомости»; если же дѣятельность послѣднихъ казалась имъ нехорошею, льстивою, такою вообще, какою изображаетъ ее «Голосъ», то отчего они не противодѣйствовали ей, отчего не боролись съ «Московскими Вѣдомостями», чтобы ослабить или побѣдить ихъ вліяніе? Либералы ограничивались только одною готовностью жертвовать и однимъ желаніемъ возвышать свою страну, а «Московскія Вѣдомости» въ это время дѣйствовали, поэтому побѣда и осталась на ихъ сторонѣ; эта побѣда ихъ честь, а безчестіе либераловъ, если только правда, что либералы недовольны дѣятельностію «Московскихъ Вѣдомостей» и не желаютъ имъ успѣха, — что подлежитъ сильному сомнѣнію. Кажется, либералы въ душѣ очень довольны «Московскими Вѣдомостями», а выражаютъ при случаѣ неудовольствіе на нихъ единственно только для либеральнаго шику; искреннее же неудовольствіе ихъ на московскую газету пробуждается только тогда, когда она читаетъ имъ суровыя нотаціи и срываетъ съ нихъ маски. Но какъ бы то ни было, и что бы ни говорили либералы, какія бы уловки ни употреблялъ «Голосъ», во всякомъ случаѣ имъ неудастся ни на одну линію ослабить и поколебать то важное значеніе, какое имѣли «Московскія Вѣдомости» въ истекшемъ году и какое — какъ знать? — можетъ быть, они будутъ имѣть и въ текущемъ.

Даже въ солнцѣ есть пятна, тѣмъ болѣе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» должны быть недостатки; и они дѣйствительно есть, но говорить объ нихъ въ панегирикѣ неумѣстно.

М. Антоновичъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Историческій очеркъ жизни Вашингтона. Соч. *Гизо.* Съ франц. Редакція Ивановскаго. Спб. 1863.

Даръ самостоятельнаго и оригинальнаго творчества оскудѣлъ на Руси въ послѣднее время. — Какъ оскудѣлъ? воскликнутъ русскіе поэты, драматурги, романисты и сатирики и укажутъ на цѣлыя горы своихъ самостоятельныхъ и оригинальныхъ твореній. При видѣ такого количества твореній, я беру назадъ свое слово объ оскудѣніи творчества, на сколько это слово относится къ поэтическому творчеству, хотя, разумѣется, я могъ бы и тутъ стоять на своемъ, спорить и говорить, что если поэтическое творчество и не оскудѣло по количеству, то оно все-таки скудно по качеству. Но такъ ужь и быть, относительно поэтическаго творчества я уступаю, но за то тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе настаиваю на оскудѣніи прозаическаго творчества. Дѣйствительно, даръ прозаическаго сочинительства просто исчезъ въ Россіи; русскія прозаическія сочиненія появляются почти только въ газетахъ и журналахъ; у русскаго сочинителя хватаетъ силъ только на статьи газетныя и журнальныя, сочинить же цѣлую книгу онъ какъ будто просто не въ силахъ. Оттого русскихъ книгъ у насъ почти вовсе нѣтъ, они не сочиняются. А между тѣмъ публикѣ же нужны книги, должна же она принимать умственную пищу; вѣдь одна періодическая пища, состоящая изъ газетныхъ и журнальныхъ винигретовъ, надоѣстъ по своему однообразію и многосоставности, да при томъ она и не такъ питательна. Если публика хочетъ знать подробно

какой нибудь предметъ или познакомиться съ какой нибудь наукой, она должна или идти въ школу, или обращаться къ книгамъ, не обращаясь для этого ни къ газетамъ, ни даже къ журналамъ. Это и заставляетъ людей, занимающихся приготовленіемъ и продажей умственной пищи для публики, обращаться за море, къ варягамъ и брать пищу у запада. Вотъ мы и видимъ, что переводы, переводы и переводы заняли всѣ типографскіе станки и запрудили всю почти русскую прессу. Образуются цѣлыя общества для переводовъ, такъ какъ вѣроятно усилія частныхъ лицъ недостаточны для производства нужнаго количества переводовъ. Куда ни посмотришь, вездѣ переводы, какую книгу ни возьмешь, навѣрное она окажется переводомъ. Въ настоящую минуту я осматриваюсь вокругъ себя, и глаза мои только и встрѣчаютъ, что переводы; подлѣ меня лежатъ все въ переводахъ: Зибель, Молешоттъ, Дарвинъ, Гизо, Милль и Фогтъ въ двухъ разныхъ переводахъ, и между ними попалась только одна русская брошюра: «противники Фридриха», да и эта брошюра есть не что иное, какъ журнальная статья, взятая изъ «Военнаго Сборника». Кто нибудь можетъ сказать, что я не люблю отечественныхъ сочиненій, и потому съ умысломъ обложилъ себя переводами изъ иностранныхъ языковъ. Но я готовъ поклясться, что въ этомъ нѣтъ никакого умысла, что я собираю вокругъ себя всякія новыя книги, не обращая вниманія на то, отечественныя ли они, или переводныя, и что, стало быть, не я виноватъ, что предо мною больше книгъ переводныхъ, чѣмъ оригинальныхъ. Или возьмите сами объявленія книжныхъ магазиновъ,—что вы тамъ найдете? Вотъ, напримѣръ, объявленіе г. Кожанчикова, напечатанное 25 января: сочиненія Майнъ-Рида, Землевѣдѣніе Риттера, Географія Даніеля, Вселенная Герштекера, Космосъ Гумбольдта, Курсъ географіи Разина,—слава Богу—русское сочиненіе, Землеописаніе Бланка, Римъ Вагнера, Эллада Вагнера, Олимпъ Петискуса, Естественная исторія Франклина, Сочиненія Платона (греческаго), Логика Милля, Исторія философіи К. Фишера, Статистика Кольба, Судебная защита Миттермайера, Историческая грамматика Буслаева, — насилу-то попалось русское сочиненіе, Уголовное право Спасовича, — и это русское. И такъ, на 18 сочиненій только 3 оригинальныхъ русскихъ! Если я, собирая вокругъ себя книги, могъ руководиться пристрастіемъ, то ужь конечно книгопродавецъ собираетъ въ свой магазинъ книги, руководствуясь не своими личными симпатіями или антипатіями, но беретъ всѣ книги, какія являются на свѣтъ. Было бы весьма любопытно, если бы какой нибудь библіофилъ съ точностью опредѣлилъ, какую долю составляютъ русскія оригинальныя сочиненія въ общемъ количествѣ выходящихъ сочиненій; я полагаю, что не больше третьей доли. Самый закадычный любитель отечественнаго согласится

по крайней мѣрѣ вообще, что переводныхъ сочиненій больше, чѣмъ отечественныхъ.

Это фактъ многозначительный! И если бы я былъ славянофиломъ или почвенникомъ, я бы, при видѣ такого факта, съ отчаянія лишилъ себя жизни, убѣжалъ бы на край свѣта, или же каждый день сочинялъ бы по книжкѣ и выпускалъ ихъ въ свѣтъ для противодѣйствія западно-европейской заразѣ. И что же думаетъ «День», куда же онъ смотритъ, какъ онъ можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ такого нашествія иноплеменниковъ, этого печатнаго западно-европейскаго наводненія, которое грозитъ совсѣмъ захлеснуть русскій духъ Почему онъ не хлопочетъ о спасеніи русской національности отъ? этого книжнаго завоеванія, которое русскіе люди добровольно накликаютъ на себя? Это дѣло общества, скажетъ онъ. Такъ, а кто же долженъ возбудить общество, какъ не онъ? кто, какъ не онъ, долженъ указывать обществу на патріотическія опасности, грозящія ему? Кто же у насъ обыкновенно указываетъ на нихъ, какъ не онъ? А между тѣмъ «День» безмолвствуетъ, «День» закрываетъ глаза на грозящую опасность, можетъ быть, даже игнорируетъ ее. Но опасность ростетъ, громада переводовъ увеличивается съ каждымъ днемъ, и нигдѣ не видится оплота противъ нея. Изданы были, правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сочиненія славянофиловъ, Аксакова, Кирѣевскаго и Хомякова, которыя могли бы служить дѣйствительнымъ противоядіемъ переводнымъ произведеніямъ запада; но эти сочиненія очень дороги, недоступны публикѣ, мало читаются, даже совсѣмъ не читаются. И почему бы ихъ не раздавать даромъ каждому желающему и даже не желающему, почему бы вообще не позаботиться объ ихъ распространеніи, почему бы, напримѣръ, не назначить преміи тому, кто распространитъ 100 экземпляровъ славянофильскихъ сочиненій! Наконецъ, защитникамъ чистоты народнаго духа слѣдовало бы, въ противоположность обществу переводчиковъ, основать общество анти-переводчиковъ, или, такъ какъ это слово съ иноземной прибавкой,—переводоненавистниковъ и для цѣлей общества открыть подписку для сбора національнаго фонда. Есть, впрочемъ, уже въ Москвѣ «общество любителей россійской словесности», но оно занимается только невинными и безплодными нѣжностями съ предметомъ своей любви, издаетъ кое-какія крохи, упавшія съ скудной трапезы московскаго словенства, но и не думаетъ о томъ, чтобы заняться защитой россійской словесности отъ нападенія словесностей чужестранныхъ, гальской, цезарской, агглянской, свейской и иныхъ.

Скажутъ, быть можетъ, что опасность для русскаго духа отъ иноземныхъ переводовъ не велика, что ею можно пренебречь, оставить ее безъ вниманія и противодѣйствія, на томъ основаніи, что русскій

духъ стоекъ и неподатливъ, что иностранные переводы сокрушаются объ него, какъ объ каменную стѣну, что онъ будетъ строгъ къ нимъ, разберетъ ихъ по ниточкамъ, отдѣлитъ въ нихъ пшеницу отъ плевелъ, и пшеницу, т. е. все пригодное для русской натуры, сберетъ; а плевелы броситъ прочь; и стало быть, бояться переводовъ нечего! Нѣтъ, неправда, это самообольщеніе, это одна изъ тѣхъ «лжей», которыя у насъ вездѣ есть, по словамъ «Дня». Посмотрите, такимъ ли розовымъ образомъ разсуждаютъ люди понимающіе дѣло и дорожащіе всѣмъ національнымъ, такъ ли безпечно относятся къ иноземнымъ вліяніямъ и такія ли надежды питаютъ на упорство русскаго духа? Посмотрите, какими горькими слезами обливались «День» съ Касьяновымъ по поводу того обстоятельства, что тысячи русскихъ путешествуютъ по западной Европѣ; сколько золъ и опасностей для народности увидали проницательные и любящіе умы и сердца въ этомъ повидимому невинномъ, пріятномъ и даже какъ будто полезномъ обстоятельствѣ! Теперь скажите, что же важнѣе, путешествіе ли по Европѣ, или переводы произведеній европейскаго духа, какое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ можетъ болѣе вліять на извращеніе россійской національности? Во время путешествія по Европѣ россійскій человѣкъ вдыхаетъ европейскій воздухъ, который по составу своему мало отличается отъ нашего, ѣстъ европейскую пищу, немного отличную отъ нашей, пьетъ вино, которое одно только много разнится отъ нашихъ водокъ; за тѣмъ онъ смотритъ на западную природу, на произведенія человѣческихъ рукъ, и вообще подвергается только внѣшнимъ вліяніямъ, воспринимаетъ впечатлѣнія только отъ матеріальныхъ видимыхъ предметовъ. Заниматься моральными впечатлѣніями, созерцать невещественныя произведенія западнаго духа, могущія дѣйствовать на его духъ, у него нѣтъ времени. По пріѣздѣ въ какой нибудь городъ нужно прежде всего поѣсть, напиться, отдохнуть; за тѣмъ позѣвать по городу, посмотрѣть на улицы, на зданія, монументы и т. д., а затѣмъ и прощай этотъ городъ, путешественникъ ѣдетъ дальше; такое пребываніе его въ городѣ не могло отзываться чѣмъ нибудь невыгоднымъ для его россійской натуры. Кромѣ того, есть еще одно особенное обстоятельство, которое во время путешествія русскихъ по Европѣ не допускаетъ ихъ поддаваться вполнѣ европейскимъ вліяніямъ и такимъ образомъ нѣсколько гарантируетъ сохраненіе ихъ національности. Извѣстно, что западно-европейцы гордятся передъ русскими, смотрятъ на насъ свысока и прямо даютъ это понять россійскимъ путешественникамъ. Съ русскихъ всегда дерутъ въ три-дорога; не оказываютъ имъ надлежащей внимательности, оскорбляютъ ихъ; какой нибудь лакей и тотъ задираетъ голову передъ русскимъ. Самъ же Касьяновъ разсказываетъ, какимъ непріятностямъ подвер-

гаются русскіе за границей; другіе путешественники разсказываютъ, что даже въ Англіи русскій человѣкъ не смѣй пожаловаться въ трактирѣ на дороговизну и нехорошее качество кушаньевъ; его остановятъ дерзкими словами: вы у себя дома хуже ѣдите и дороже платите. Всѣ эти хотя и малыя обстоятельства, постоянно поддерживая въ россійскомъ путешественникѣ чувство неудовольствія къ западу, въ то же время сильнѣе возбуждаютъ и укрѣпляютъ въ немъ чувство особности, отдѣльности, своего несродства съ Европой, невольно переносятъ его мысль въ отечество, заставляютъ сильнѣе любить послѣднее, и такимъ образомъ не даютъ пошатнуться чувству національности и предохраняютъ его отъ соблазновъ европейскаго духа.

Если же, не смотря на то, что въ путешествіи по Европѣ русскій подвергается большею частію только внѣшнимъ вліяніямъ и дѣйствіямъ физическихъ предметовъ, и не смотря на то, что эти вліянія парализуются неизбѣжнымъ враждебнымъ настроеніемъ русскаго къ западу, вліяніе путешествій все таки гибельно для россійской національности и оплакивается такими любителями народности, какъ «День» и Касьяновъ, то не во сто ли кратъ гибельнѣе въ этомъ отношеніи переводы западно-европейскихъ книгъ на россійскій языкъ и не нужны ли цѣлыя рѣки слезъ, чтобы оплакивать ихъ? Во первыхъ, число читающихъ переводныя книги во сто кратъ больше, чѣмъ число путешествующихъ по западу, и потому вопіющіе противъ путешествій должны во сто разъ громче вопіять, просто ревѣть противъ переводовъ. Далѣе, посредствомъ переводныхъ книгъ дѣйствуютъ на читателя не внѣшняя сторона Европы, не физическіе предметы запада, а самый духъ, значитъ самая сущность западно-европейскаго. Какъ бы ни былъ космополитиченъ и объективенъ европейскій писатель, во всякомъ случаѣ существенныя черты его народности останутся при немъ и болѣе или менѣе проникнутъ собою все его сочиненіе; и читая это сочиненіе, русскій напитывается иноземными мыслями, иноземными чувствами, заражается западно-европейскими симпатіями и вообще воспринимаетъ въ свою внутреннѣйшую плоть и кровь нѣчто несродное себѣ. Притомъ въ книгѣ все западно-европейское имѣетъ соблазнительный и привлекательный видъ, безъ той отталкивающей заносчивости и грубости, какая поражаетъ русскихъ при личномъ столкновеніи съ западно европейцами. Иноземный авторъ въ русскомъ переводѣ является передъ вами въ почтительномъ видѣ, прикидывается вашимъ другомъ и совѣтникомъ, ведетъ задушевную и искреннюю бесѣду и точно масляный проникаетъ въ ваше существо; онъ даже готовъ подпустить вамъ и всему русскому тонкую похвалу, которую онъ тутъ же обольетъ ядомъ, а вы вмѣстѣ съ похвалой проглатываете и ядъ. Вотъ гдѣ источникъ растлѣнія русскихъ душъ, вслѣдствіе

котораго въ нихъ заводится нерасположеніе къ національному и особенное предрасположеніе къ иноземному; вотъ гдѣ нашъ исконный врагъ-европеизмъ, и вотъ какъ онъ наноситъ намъ удары! Кучи книгъ, точно полчища саранчи, летятъ на насъ почти ежедневно и пожираютъ наши національные всходы и жатвы.

А «День» молчитъ, а славянофилы безмолвствуютъ! и только нападаютъ на пустяки, на путешествія по Европѣ! Что тутъ путешествія, когда вотъ у насъ на груди и въ сердцѣ преспокойно помѣщаются цѣлыя тысячи иноземныхъ змѣй, когда, не говоря ужь о Петербургѣ, даже Москва, вмѣсто того, чтобы читать славянофиловъ, переводитъ и читаетъ иноземныя произведенія? Что тутъ возставать противъ путешествій, когда человѣкъ, родившійся въ самомъ центрѣ Москвы и всю жизнь свою не видавшій ничего далѣе Сухаревой башни, можетъ посредствомъ переводовъ сдѣлаться западникомъ гораздо болѣе простымъ, чѣмъ тотъ, кто изъѣздилъ вдоль и поперегъ всю западную Европу? Нѣтъ, первый ударъ, который мы хотимъ нанести нашему врагу—европеизму, долженъ быть направленъ противъ рускихъ переводовъ съ европейскихъ языковъ, такъ какъ они—сердце нашего врага. А между тѣмъ защитники нашей народности точно не замѣчаютъ переводовъ и остаются при видѣ ихъ совершенно равнодушными. Такъ вотъ и во всемъ поступаютъ славянофилы: ограничиваются только возгласами противъ разныхъ опасностей, а сами не предпринимаютъ противъ нихъ никакихъ мѣръ. Сколько отъ нихъ на словахъ достается западу, а вѣдь на дѣлѣ они ничего не дѣлаютъ противъ него: «День», напримѣръ, знать не хочетъ запада, презираетъ его, не интересуется его жизнію и дѣлами, онъ дескать не стоитъ того. А между тѣмъ ему-то бы и слѣдовало разобрать западъ по косточкамъ, раскрыть предъ нами его язвы во всей ихъ наготѣ; разослать корреспондентовъ по всѣмъ угламъ Европы, чтобы они все совершающееся тамъ подвергали своему славянофильскому суду и тайнымъ образомъ раскрывали бы глаза руской публикѣ и предохраняли бы ее отъ увлеченій западомъ. Но ничего этого нѣтъ; «День» объ этомъ ни слова. Вотъ г. Погодинъ, онъ хоть и не чистый славянофилъ, а противъ запада дѣйствуетъ хорошо: онъ отправлялся когда-то въ Парижъ, взобрался на самое высокое зданіе и съ высоты плюнулъ на весь Парижъ и на его мерзости. Славянофилы же ничего подобнаго не дѣлаютъ, а ограничиваются только словами. Вотъ хоть бы относительно переводовъ. «День» говоритъ не наговорится о томъ, что мы порабощены западу, служимъ ему, раболѣпствуемъ передъ нимъ, живемъ его мыслями и проч. Да освободите же насъ отъ этого рабства, мы будемъ вамъ чувствительно благодарны; защитите насъ отъ нашествія западныхъ со-

[illegible] и переводя ихъ, дайте намъ что нибудь за [illegible] ихъ, тогда и бичуйте это рабское служеніе Западу!

Я увѣренъ и надѣюсь, что по мѣрѣ умноженія славянофиловъ обратятъ, наконецъ, вниманіе на переводы и придумаютъ противъ нихъ какія нибудь мѣры. Если же, паче чаянія, и послѣ этого они останутся хладнокровными зрителями наводненія русской словесности западными произведеніями, то я самъ принужденъ буду взять на себя иниціативу національнаго дѣла противодѣйствія переводамъ. Предо мною уже носятся общія черты плана этого противодѣйствія: я бы прежде всего образовалъ общество переводо-ненавистниковъ; затѣмъ открылъ бы подписку для сбора денегъ, и, надѣюсь, даже «Современникъ» съ удовольствіемъ согласился бы открыть эту подписку у себя (*). Когда бы составился порядочный капиталъ, общество могло бы дать ему разнообразныя употребленія; напримѣръ, можно было бы скупать переводы и сваливать ихъ въ сырые подвалы петербургскихъ домовъ, или скупать славянофильскія сочиненія для безплатной раздачи ихъ, или вообще устроить что нибудь въ родѣ этого. Подробности плана еще не обработаны мною, но въ случаѣ нужды я обработаю ихъ легко и скоро. Ахъ, да скоро ли мы въ самомъ дѣлѣ избавимся отъ служенія Западу, скоро ли станемъ на свои ноги и расправимъ свои могучія крылья! Когда же, наконецъ, придетъ то вожделѣнное время, когда мы выработаемъ свою [illegible] цивилизацію, выполнимъ свою историческую задачу, [illegible]; когда [illegible]ки, [illegible] будутъ относиться къ намъ такъ же, какъ мы теперь относимся къ западно-европейцамъ? Отлично было бы намъ тогда; мы бы все сочиняли сочиненія, а [illegible] бы переводили ихъ съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ у насъ теперь переводятся западныя сочиненія. Только мы были бы не такъ просты, какъ западные сочинители; мы бы не позволили восточнымъ переводчикамъ даромъ переводить наши сочиненія, а потребовали бы съ нихъ гонорарія за право перевода, и они бы дали его: вѣдь имъ нельзя же было бы обойтиться безъ нашихъ сочиненій. Славное время, скоро ли ты наступишь!

Но горькая дѣйствительность отравляетъ эти мечты. Мы должны сами возиться съ переводами западныхъ сочиненій и принимать мѣры противъ нихъ. Мечты впрочемъ все-таки успокоили меня и сдѣлали благодушнымъ; я уже не чувствую прежней строгости къ переводамъ и думаю уже о мѣрахъ не противъ переводовъ вообще, а противъ не-

(*) Редакція хоть и не съ удовольствіемъ, а все-таки согласилась бы на это, хоть бы для того, чтобы показать, что и ей дорого дѣло поддержанія россійской словесности. *Ред.*

[illegible] сочиненій, ничтожныхъ, не стоющихъ вниманія, безполезныхъ. Переводная манія очень сильна, и потому нерѣдко бросается на то, что не стоитъ перевода. Многіе желаютъ переводить, но вопросъ, что переводить, многихъ ставитъ въ безвыходное положеніе. Задумавшій сдѣлать переводъ мучится, ищетъ, — что бы ему переводить такое; ему кажется, что все лучшее переведено уже другими, на его долю ничего нѣтъ, просто хоть переводи сказки да романы. Конечно на западѣ можно найти много солидныхъ сочиненій, да вѣдь пожалуй они не придутся по вкусу русской публикѣ, а потому не пойдутъ; даромъ переведешь. Нужно выбрать что нибудь такое привлекательное, какого нибудь извѣстнаго автора, одно имя котораго служило бы приманкой, — и опять начинаются поиски. Изломавши такимъ образомъ всю свою голову, предприниматель перевода останавливается наконецъ на сочиненіи, которое какъ разъ противорѣчитъ всему тому, чего онъ искалъ. Вслѣдствіе этого и появляется въ переводахъ многое множество всякой дребедени. Какія же мѣры могутъ быть противъ нея? Да просто никакихъ; дребедень погибнетъ сама собой; если по какому нибудь случайному обстоятельству она и пойдетъ сначала, то за тѣмъ непремѣнно сядетъ.

Вотъ напримѣръ передъ нами сочиненіе Гизо — имя извѣстное; жизнь Вашингтона — имя привлекательное и въ самомъ дѣлѣ высокое, блестящее имя. И однако я увѣренъ, что это сочиненіе падетъ, если уже не пало, потому что это дребедень, кажется, плоше всего, что писалъ Гизо. Прежде всего жизнь Вашингтона, полная множества великихъ и поучительныхъ событій, съ которою тѣсно связанъ важный историческій фактъ, изложена съ небольшимъ на полутораста страничкахъ въ 12 долю. Конечно, и въ немногомъ можно сказать многое, но въ этомъ маломъ сочиненіи и сказано весьма мало. Это просто нѣсколько замѣтокъ о жизни Вашингтона, краткій конспектъ ея, неполный и необработанный, не самостоятельное, отдѣльное сочиненіе, а нѣчто въ родѣ введенія къ другому большому сочиненію Гизо о томъ же предметѣ. Кто не знаетъ жизни Вашингтона, какъ слѣдуетъ, тотъ изъ очерка Гизо и не получитъ объ ней яснаго понятія, для того исчезнетъ вся прелесть ея. Гизо какъ нарочно не столько говоритъ о Вашингтонѣ, сколько предается по поводу его разнымъ философскимъ размышленіямъ въ такомъ родѣ:

«На человѣкѣ лежатъ двѣ высокія и трудныя обязанности, которыя могутъ его и прославить: онъ долженъ смиренно и твердо переносить бѣдствія, вѣрить въ добро и держаться его неуклонно. Слѣдить за поборникомъ добра въ борьбѣ его съ злополучіемъ или за его успѣхами въ благихъ предпріятіяхъ, — два зрѣлища равно величественныя и благотворныя» (Историческій очеркъ жизни Вашингтона стр. 1).

«Прекрасно соединеніе права историческаго съ раціональнымъ и преданія съ идеею. Оно развиваетъ въ народахъ, одинаково, энергію и мудрость. Когда событія прошлаго управляютъ человѣчествомъ, не подчиняя его себѣ, поддерживаютъ его и обуздываютъ, тогда онъ можетъ идти впередъ и возвышаться, не подвергаясь опасности быть увлеченнымъ своимъ своенравнымъ умомъ и разбиться о невѣдомые утесы, или онѣмѣть отъ утомленія. Еще прекраснѣе и благотворнѣе сліяніе въ самомъ человѣкѣ религіозныхъ вѣрованій съ общимъ прогрессомъ идей и свободы разсудка съ твердою вѣрою; народы могутъ, когда оно существуетъ, приступить къ самымъ смѣлымъ институціямъ. Религіозныя вѣрованія неоспоримо поддерживаютъ разумное управленіе государствами. Чтобы исполнять въ точности свои земныя обязанности, человѣку слѣдуетъ смотрѣть на жизнь съ извѣстной высоты; если его душа идетъ въ уровень съ его дѣйствіями, она скоро падаетъ и не можетъ выполнить, съ достоинствомъ, этихъ обязанностей» (Тамъ же стр. 5—6).

«Бываютъ такія событія, до уразумѣнія которыхъ Провидѣніе не допускаетъ современниковъ. Эти событія такъ громадны и многообразны, что даже и при взрывѣ ихъ умъ человѣческій далекъ отъ того, чтобы ихъ постигнуть. Эти событія остаются долго неразгаданными, въ глубинѣ тѣхъ безднъ, изъ которыхъ направляются удары, рѣшающіе судьбу народовъ. Такова была французская революція. Кто ее измѣрилъ? Кто, разсматривая ее, не заблуждался? Всѣ: ея приверженцы и враги, ея энтузіасты и порицатели. Когда души и человѣческое общество до крайней степени возбуждены и разволнованы, — выступаетъ наружу то, чего никакое воображеніе не могло создать, чего никакое предположеніе не въ силахъ обнять» (Тамъ же стр. 134—35).

«Въ концѣ жизни, въ Моунтъ-Вернонѣ, среди сладкаго и такъ долго для него недоступнаго уединенія, этотъ великій человѣкъ (Вашингтонъ), обладавшій столько безукоризненнымъ сердцемъ, ощущалъ до извѣстной степени грусть и утомленіе. Чувство весьма естественное при концѣ долгой жизни, посвященной на служеніе человѣчеству! Тяжело бремя власти и служеніе человѣчеству, когда приходится бороться со страстями и заблужденіями. Даже успѣхъ не изглаживаетъ грустныхъ впечатлѣній, сопровождавшихъ борьбу, и не ослабляетъ утомленія, которое ощутительно и на лонѣ отдохновенія. Въ свободномъ, демократическомъ обществѣ весьма знаменательно отвращеніе отъ управленія общественными дѣлами достойнѣйшихъ государственныхъ людей, даже лучшихъ изъ достойнѣйшихъ. Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ жаждали горячо уединенія. Въ подобномъ обществѣ управленіе государственными дѣлами какъ будто бы слишкомъ тяжело для тѣхъ именно людей, которые вполнѣ способны измѣрить его глубину и съ достоинствомъ исполнить правительственныя обязанности» (Тамъ же стр. 164—65).

Что хотѣлъ сдѣлать предпринявшій переводъ «Жизни Вашингто—

на» Гизо? Перевести ли что нибудь изъ сочиненій Гизо, или вообще перевести какое нибудь сочиненіе о Вашингтонѣ; гдѣ былъ для него главный пунктъ и мотивъ — Гизо, или Вашингтонъ? Если первое, то онъ разумѣется достигъ цѣли, сдѣлалъ свое дѣло; если же второе, то ужели же онъ не могъ отыскать на западѣ что нибудь получше и пообстоятельнѣе написанное о жизни Вашингтона?

Новыя стихотворенія А. Плещеева. (Дополненіе къ изданнымъ въ 1861 году). Москва. 1863 г.

Скромная муза г. Плещеева достаточно извѣстна читающей русской публикѣ; тѣмъ не менѣе, мы охотно останавливаемся на вновь вышедшемъ собраніи его стихотвореній, такъ какъ, по нашему убѣжденію, г. Плещеевъ принадлежитъ къ самымъ искреннимъ и наиболѣе симпатичнымъ русскимъ поэтамъ.

Наше время, богатое всякаго рода общественными недоумѣніями, представляетъ слишкомъ немного благопріятныхъ условій для спокойнаго творчества. Въ сущности, эти недоумѣнія не прерывались никогда, и отнюдь не составляютъ исключительной принадлежности именно современной эпохи, но нельзя не сознаться, что никогда они не чувствовались такъ живо, никогда такъ глубоко не захватывали всего человѣка, какъ нынѣ.

Недовольство насущнымъ положеніемъ и неопредѣлившаяся, но тѣмъ не менѣе, очень настоятельная потребность чего-то лучшаго — вотъ та болѣзнь, которую, съ сознаніемъ или безъ сознанія, носитъ въ груди своей каждый современный человѣкъ, и которую, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать завистью будущаго.

Но чѣмъ живѣе недовольство настоящимъ и чѣмъ естественнѣе возникающія отсюда стремленія къ идеалу, тѣмъ досаднѣе блѣдность тѣхъ красокъ, которыми мы располагаемъ для уясненія этого идеала. Матеріаловъ, на основаніи которыхъ мы могли бы возсоздать хотя часть великой цѣли, стоящей въ концѣ нашихъ стремленій, или совсѣмъ не имѣется, или же качество ихъ до того спорно, что едва ли можно прибѣгнуть къ нимъ съ пользою и увѣренностью. Прямой результатъ такого положенія заключается въ томъ, что стремленія остаются стремленіями, принимаютъ исключительный характеръ болѣзненныхъ и далеко не осмысленныхъ порываній къ неизвѣстному. Непріятность очевидная, ибо, идя по этому пути, можно дойти до совершеннаго забвенія цѣлей, до окончательнаго ихъ устраненія, а за этимъ уже ничего другаго не остается, кромѣ осуществленія въ громадныхъ размѣрахъ знаменитой теоріи искусства для искусства.

Жизнь и наука — вотъ единственныя убѣжища, въ которыхъ можно укрыться отъ опасностей, ожидающихъ на указанномъ выше пути. Формы жизни, не смотря на свою запутанность и обветшалость, все-таки достаточно ясны, достаточно представляютъ рѣзкаго и дѣйствительнаго дѣла, чтобъ не предохранить человѣка отъ излишней расплывчивости. Здѣсь цѣли, быть можетъ, и ограниченны, но онѣ притягиваютъ къ себѣ ближайшею своею осуществимостью и сверхъ того совершенно совпадаютъ съ тѣмъ естественнымъ отвращеніемъ отъ праздности, которое такъ присуще человѣку. Съ другой стороны, наука, если и не возсоздаетъ въ живыхъ и ясныхъ образахъ того общественнаго идеала, къ которому неудержимо влечется современный человѣкъ, то, по крайней мѣрѣ, даетъ способъ сознательно относиться къ предмету его недовольства, указываетъ на тотъ методъ, съ помощью котораго можно легчайшимъ образомъ придти къ желаемымъ результатамъ. Эта послѣдняя услуга въ особенности важна, и никто, конечно, не станетъ оспаривать, что громадное большинство человѣческихъ заблужденій, крайняя медленность прогресса и прочія бѣдствія, до сихъ поръ удручающія человѣчество, имѣютъ источникъ не въ чемъ иномъ, какъ въ недостаткѣ разумнаго метода, которымъ опредѣлялся бы характеръ отношеній человѣка къ природѣ, и въ тѣхъ блужданіяхъ, которыя отсюда проистекали.

Тѣмъ не менѣе, все сказанное нами выше касательно науки и жизни имѣетъ вѣрность лишь относительную. Наука, до сихъ поръ, доступна лишь незначительному меньшинству, и указанія ея проходятъ въ массѣ весьма туго и съ большими затрудненіями; слѣдовательно, она не въ силахъ еще, покамѣстъ, сообщить человѣческимъ стремленіямъ ни твердой формы, ни положительнаго внутренняго содержанія. Что же касается до жизни, то дѣло, ею представляемое, есть мечъ обоюдуострый: съ одной стороны, оно даетъ человѣку готовое поприще для дѣятельности положительной, не фантастической, съ другой, — оно же можетъ этой дѣятельности сообщить характеръ самодовольства и мелочности, не столько оберегающій человѣка отъ излишней расплывчивости, сколько отвращающій его отъ всякаго стремленія къ идеаламъ.

И такимъ образомъ, большинство такъ называемыхъ «хорошихъ людей», т. е. тѣхъ, которые уже сознали ненормальность нѣкоторыхъ жизненныхъ основъ, фаталистически осуждается на вѣчныя и довольно смутныя стремленія, безъ всякой надежды на какой нибудь исходъ. Ни наукѣ, ни жизни (практической, организующей жизни), конечно, нѣтъ никакого дѣла до этихъ стремленій, такъ какъ и та и другая преслѣдуютъ лишь положительные результаты, но въ такъ называемомъ «обществѣ», т. е. въ собраніи людей достаточно обез—

немощныхъ, чтобы дозволить себѣ желанія, но недостаточно просвѣщенныхъ, чтобы формулировать цѣль этихъ желаній, подобныя порыванія къ неизвѣстному могутъ находить себѣ мѣсто совершенно удобно.

Тѣмъ легче проникаютъ они въ область гуманитарнаго лиризма, который и самъ по себѣ есть не что иное, какъ милая, но грустная повѣсть безпредметныхъ человѣческихъ тревогъ, и который умѣетъ сообщать этимъ тревогамъ жалостливую, а нерѣдко и дѣйствительно трогательную форму. Тамъ, гдѣ наука говоритъ человѣку: ты страдаешь, потому что со всѣхъ сторонъ окружилъ себя призраками, и будешь страдать дотолѣ, покуда не измѣнишь самыхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ устанавливается связь между тобой и остальною природой, а пріемы эти должны быть такіе-то и такіе-то; тамъ, гдѣ простая, не щеголяющая обширными запросами жизнь говоритъ: ты страдаешь, потому что или хочешь слишкомъ многаго, или же самъ не знаешь, чего хочешь; во всѣхъ этихъ случаяхъ гуманитарный лирикъ выражается такъ: ты страдаешь, потому что страданіе есть удѣлъ всего прекраснаго на свѣтѣ, а потому мужайся, другъ! страдай, крѣпись и жди! а я тебѣ буду сочувствовать.

Конечно, гуманитарный лирикъ ни чуть не виноватъ въ томъ, что не можетъ ни дать болѣе ясное опредѣленіе общественныхъ недуговъ, ни заключить свою рѣчь никакимъ другимъ утѣшеніемъ, кромѣ обѣщанія сочувствія. И то и другое повело бы его къ разъясненіямъ и выкладкамъ, не укладывающимся въ поэтическія формы. Въ этомъ случаѣ, онъ исполняетъ должность простаго лѣтописца и относительно людскихъ волненій и желаній занимаетъ ту же роль, какую собратья его, принадлежащіе къ школѣ мотыльковой (А. Фетъ, г-жа К. Павлова и другіе), занимается относительно желаній и волненій божьихъ коровокъ, комаровъ и другихъ миловидныхъ насѣкомыхъ. И тотъ и другой записываютъ только то, что видятъ, и какъ видятъ, съ тою только разницею, что поэзія гуманитарная на столько же выше поэзіи мотыльковой, на сколько міръ человѣческій выше міра насѣкомыхъ.

Да не подумаетъ, однакожь, читатель, что цѣль настоящей статьи заключается въ глумленіи надъ поэзіей вообще и надъ почтеннымъ авторомъ разсматриваемаго сборника стихотвореній въ особенности. Нѣтъ, мы желаемъ только сказать, что бѣдность содержанія современной русской поэзіи есть бѣдность фаталистическая, имѣющая свой источникъ въ разорванности самой жизни. Разумѣется, и здѣсь дѣло не обойдется безъ исключеній; разумѣется, во всякое время найдутся личности, которыя у самой, что называется, расшатавшейся жизни съумѣютъ исторгнуть мотивы полные энергіи (мы, конечно, разу-

имѣть здѣсь энергію не въ выраженіяхъ только, но преимущественно и даже исключительно энергію мысли); но, во первыхъ, это все-таки будутъ исключенія, а во вторыхъ, для того, чтобы достигнуть этого, необходимо, по нашему мнѣнію, ни простирать свои требованія слишкомъ далеко, ни ограничивать ихъ слишкомъ малымъ.

Что же касается собственно до г. Плещеева, то мы относимся къ нему вполнѣ сочувственно, и находимъ въ немъ всѣ данныя таланта скромнаго, но честнаго и искренняго. Несомнѣнное достоинство этого таланта заключается уже въ томъ одномъ, что онъ съумѣлъ возвыситься надъ міромъ мотыльковымъ, и перенесъ свою лиру въ міръ человѣческихъ интересовъ. И при этомъ нѣтъ у него ни того паскуднаго кривлянья, ни того отвратительнаго жеманства, которыя замѣчаются у большинства нашихъ лириковъ, искателей такъ называемыхъ гражданскихъ мотивовъ, и за которыми такъ и сквозитъ безвастѣнчивое любованіе поэта самимъ собой. Чувство, дающее содержаніе стихотвореніямъ г. Плещеева, не временное и не напускное, но вынесенное изъ всей его жизни — за это ручается самая простота формы, въ которой оно выражается. Въ доказательство нашего мнѣнія, мы могли бы цитировать здѣсь любое изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ изданномъ нынѣ сборникѣ, но удерживаемся отъ этого, такъ какъ большинство ихъ уже извѣстно читателямъ «Современника».

Наши безобразники. Сцены *Н. А. Потѣхина*. С. Петербургъ. 1864 г.

Вотъ эту книжку, мы, конечно, не будемъ рекомендовать нашимъ читателямъ. Быть можетъ, г. Н. Потѣхинъ и очень благонамѣренный молодой человѣкъ; быть можетъ, цѣли его и прекрасны, но таланта у него нѣтъ ни малѣйшаго — это вѣрно.

Содержаніе книги составляютъ различнаго рода безобразія, совершаемыя на безконечной лѣстницѣ современнаго русскаго общества. Дѣйствующими лицами являются попеременно то купцы, то приказные, то откупщики, то русскіе гуляющіе люди за границей. Сюжетъ, какъ видится, довольно благодарный, но увы! при совершенномъ отсутствіи таланта даже богатство сюжета не выручаетъ, а какъ будто еще болѣе обнажаетъ внутреннюю несостоятельность автора.

Въ наше время, составленіе подобнаго рода книжекъ—дѣло далеко не трудное. Стоитъ только начитаться пьесъ Островскаго и не полѣниться заглянуть въ разсказцы обличительнаго свойства — и книжка готова. Главное дѣло — колоритъ дать, украсить свое произведеніе извѣстными выраженіями, которыя несомнѣнно принадлежали бы

лицу такого, а не иного сословія, за тѣмъ, какая изъ этого выходитъ личница, соотвѣтствуютъ ли подобранныя выраженія какому нибудь дѣлу, и согласны ли они даже съ правилами словосочиненія, къ которымъ каждый сочинитель обязывается придерживаться хоть изъ приличія — все это вещь второстепенная, не обращающая никакого вниманія счастливаго и беспечнаго автора. Серьезно, иногда сдается, что произведенія подобнаго рода пишутся не самыми авторами, а типографскими корректорами, которые, видя по мѣстамъ совершенное отсутствіе смысла, думаютъ отдѣлаться тѣмъ, что вставляютъ между словами какъ можно болѣе точекъ (это, дескать, человѣкъ въ волненіи чувствъ говоритъ). Такъ добродушный амеатеръ-актеръ, усердно наблюдая за игрою актера настоящаго и видя, что послѣдній по временамъ дѣлаетъ жесты, приходитъ въ заключенію, что чѣмъ болѣе жестовъ, тѣмъ выше игра, и, воротясь на свой бѣдный домашній театръ, начинаетъ исполосовывать воздухъ руками и вдоль и поперегъ...

Велика должна быть сила таланта Островскаго, что даже подражательныя коверканія въ родѣ разбираемыхъ нами теперь, не могутъ подѣйствовать на него губительно. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается одинъ изъ безобразниковъ г. Н. Потѣхина, купецъ Кошедавлевъ: «Вотъ и азъ, а тамъ будутъ буки... выпилъ — побѣжали вѣди... на «постели — мыслете. Ха, ха, ха! здорово живете, широко шагаете, «ярмонку встрѣчаете, товаръ спущаете, руку набиваете, деньги «собираете, людей надуваете. Слава! Здѣсь, мой другъ!..: Воз«любимъ другъ друга!» Подделка подъ Любима Торцова очевидная, но языкъ, которымъ выражается послѣдній, по всей справедливости, называется художественнымъ, а языкъ безобразника Кошедавлева, тоже по всей справедливости, называется безсмысленнымъ наборомъ словъ, находящимся въ безпрерывной борьбѣ съ знаками препинанія (одно изъ несчастій, сопровождающихъ такого рода произведенія, заключается именно въ крайней затруднительности пріискивать приличные знаки препинанія). Не знаемъ, какъ на кого, а на насъ подобныя поддѣлки всегда производятъ самое тяжелое впечатлѣніе.

Сказки Марко Вовчка. С. Петербургъ 1864 г.

Всѣхъ сказокъ три: «О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ», «Невольница» и «Медвѣдь»; изъ нихъ послѣдняя, безъ всякаго ущерба для литературной репутаціи автора, могла бы явиться и не напечатанною, но первыя двѣ, по всей вѣроятности, прочтутся съ удовольствіемъ.

Мы даже полагаемъ, что онѣ прочтутся и съ пользою. Не дурно вводить дѣтей въ міръ дѣйствительнаго горя и нефантастическихъ нуждъ; не дурно рисовать передъ ними фигуры нѣсколько суровыя, но честныя и сильныя, въ родѣ Остапа въ «Невольницѣ». Мы вообще безъ особеннаго восхищенія смотримъ на большое распространеніе у насъ такъ называемой дѣтской беллетристики, но ужь если участіе ея, въ дѣлѣ воспитанія, вслѣдствіе различныхъ условій, еще признается необходимымъ, то думаемъ, что сказки Марко Вовчка удовлетворятъ этой потребности гораздо ближе, нежели такъ называемыя нравственныя повѣстушки, которыя составляютъ настоящій фондъ нашей дѣтской литературы, и въ которыхъ разсказывается, что Ваня былъ грубъ, и за это его не пустили гулять послѣ обѣда, а Маша была умница, и за это получила яблоко.

Марко Вовчокъ не имѣетъ въ виду никакихъ подобныхъ предвзятыхъ цѣлей; онъ не желаетъ ни учить, ни исправлять, не обѣщаетъ никакихъ наградъ за хорошіе поступки, и никакихъ каръ за дурные. Онъ просто на просто описываетъ, какая такая бываетъ трудная жизнь на свѣтѣ, какъ люди бодрые и сильные побѣждаютъ эту трудную жизнь, и какъ другіе, тоже бодрые и сильные, изнемогаютъ подъ игомъ ея. Дѣтямъ это знать не безполезно, потому что и имъ, конечно, придется со временемъ встрѣтиться съ трудною жизнью; слѣдовательно, не мѣшаетъ, чтобъ она нашла ихъ бодрыми и сильными, а не дряблыми и готовыми продать свою душу первому, кто обѣщаетъ имъ яблоко.

Въ «Сказкѣ о девяти братьяхъ» разсказывается жизнь одного бѣднаго и честнаго семейства, которое какъ ни бьется съ преслѣдующею его нуждою, но естественнымъ путемъ выбиться изъ подъ ига ея все-таки не можетъ. Стремленія примириться съ жизнью, пойти на стачку съ нею изображены авторомъ довольно живо, но, само собой разумѣется, что всѣ эти робкія попытки не имѣютъ никакого успѣха, ибо жизнь охотно признаетъ только того, кто является съ правомъ господствовать надъ нею, а совсѣмъ не того, кто ищетъ примазаться къ ней безъ всякаго права. Очевидно, что этотъ послѣдній есть не что иное, какъ гнусный обманщикъ и неблагонамѣренный льстецъ. Авторъ очень хорошо понимаетъ это, и потому, показавъ героямъ своимъ всю пошлость подобныхъ обманныхъ пріемовъ, приводитъ ихъ къ необходимости искать другаго выхода изъ гнетущаго положенія, выхода не обманнаго, но въ то же время и не вполнѣ естественнаго. Но неестественность эта почему-то кажется совершенно естественною, и читатель не сѣтуетъ на нее. Мы тоже, съ своей стороны, не считаемъ себя вправѣ претендовать на него за то, что онъ не далъ героямъ своимъ по яблоку за ихъ долготерпѣніе, но тѣмъ не менѣе, не можемъ

скрыть, что мелодраматическій конецъ, придѣланный къ сказкѣ, значительно вредитъ ея простотѣ, и что, по нашему мнѣнію, дѣло очень легко могло бы обойтись и безъ трогательныхъ сценъ, сопровождающихъ тройную смерть: Гали, ея мужа и брата.

Въ сказкѣ «Невольница» изображается одна изъ тѣхъ оригинальныхъ личностей, которыя почему-то съ особенною горячностью принимаютъ къ сердцу всякое чужое горе, которыхъ сердца закипаютъ гнѣвомъ при всякой человѣческой несправедливости. Вотъ, между прочимъ, какъ рисуетъ авторъ героя своего разсказа.

«Давно когда-то, въ Овручѣ, если знаете, находился у одного козака мальчикъ Остапъ, и какъ только этотъ мальчикъ Остапъ сталъ на свои ножки, сейчасъ пошелъ по Овручу, всюду поглядѣлъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ: «ге-ге! не хорошо людямъ въ Овручѣ жить! Надо бъ этому помочь!»

«А тогда, видите ли, дѣлала набѣги на Украйну всякая бусурманщина, турки, татары,—не такъ какъ теперь, что теперь хоть бываетъ тоже попустъ, да ужь иначе, христіанскій,—по христіански — почему-то не такъ должно быть обидно... Такъ вотъ, говорю вамъ, тогда дѣлала набѣги всякая бусурманщина, турки и татары жгли, грабили, совсѣмъ уничтожали прекрасные города; мало ли козачества съ свѣту божьяго согнано преждевременно, побито, позамучено; много дѣвушекъ и женъ въ плѣнъ забрано.

«Приходитъ Остапъ домой, а отецъ и мать его спрашиваютъ—извѣстно, единственное дитя, такъ въ глаза ему глядятъ и сейчасъ же подстерегутъ все, все замѣтятъ,—спрашиваютъ:—«чего это ты, сыночекъ, задумался?»

«А того я, говоритъ Остапъ, задумался, что не хорошо людямъ въ городѣ Овручѣ жить.

«Ге-ге-ге! говоритъ отецъ, а мать только тяжелешенько вздохнула.

«Надо этому помочь! говоритъ Остапъ».

Не правда ли, что характеръ очень не дюжинный, и что дѣтямъ совсѣмъ не мѣшаетъ знакомиться съ подобными личностями? Но и здѣсь намъ приходится сѣтовать на автора, во первыхъ за то, что онъ заставилъ Остапа истратить кипучую свою дѣятельность на борьбу съ какими-то балетными турками, и во вторыхъ за то, что пришилъ къ разсказу такой конецъ, который вовсе изъ него не вытекаетъ. Вообще, это, кажется, порокъ, общій многимъ изъ нашихъ лучшихъ современныхъ беллетристовъ: задумаютъ они, повидимому, нѣчто дѣйствительно хорошее и глубокозахватывающее жизнь, а концовъ свести не умѣютъ или не смѣютъ. И происходитъ тутъ что-то странное: сначала драма, а потомъ водевиль.

Сатирическіе очерки и разсказы *Петра Горскаго*, **съ 10-ю рисунками Волкова. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе В. Е. Генкеля. 1863.**

Въ № 266 «Московскихъ Вѣдомостей» за прошлый годъ, въ объявленіи отъ книгопродавца Генкеля объ выходѣ «Сатирическихъ очерковъ и разсказовъ» Петра Горскаго сказано:

«Появившіеся въ послѣднихъ годахъ въ лучшихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ статьи Петра Горскаго обратили на себя всеобщее вниманіе. Собраніе ихъ въ одну книгу вѣроятно найдетъ сочувствіе въ той части публики, которая съ удовольствіемъ читаетъ очерки Щедрина, воспоминанія Селиванова, разсказы Марка Вовчка, комедіи Островскаго и разсказы Писемскаго. Авторъ сатирическихъ разсказовъ хотя и не пользуется еще тою извѣстностью, какъ вышеприведенные писатели, но вѣроятно скоро займетъ почетное мѣсто въ кругу нашихъ лучшихъ литераторовъ» и проч.

Это объявленіе вмѣстѣ съ заглавной виньеткой, гдѣ сверху изображенъ жукъ въ паутинѣ, а внизу чортъ съ перомъ въ рукѣ, сидящій верхомъ на человѣкѣ еврейскаго типа, могутъ служить первоначальными матеріалами для оцѣнки дарованія автора, его взгляда на литературную дѣятельность вообще и на дѣятельность сатирическаго писателя въ особенности. Но прежде чѣмъ разбирать какъ эти матеріалы, такъ и находящіеся въ самой книжкѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, къ какой части публики мы обращаемся съ нашей статейкой и съ какого рода читателями желаемъ бесѣдовать по поводу сатирическихъ очерковъ и разсказовъ г. Петра Горскаго.

Выписанное нами объявленіе «Московскихъ Вѣдомостей» уже отчасти указываетъ, съ какой именно частью публики мы будемъ говорить. Въ публикѣ существуютъ такіе люди, которые, прочтя извѣщеніе о выходѣ книжки г. Петра Горскаго, уже на основаніи одного этого извѣщенія книжки не купятъ и къ нашей статейкѣ отнесутся какъ къ вещи совершенно ненужной и не интересной. Эти люди хвалятся какимъ-то особеннымъ чутьемъ и по самымъ ничтожнымъ признакамъ, по одному слову, по картинкѣ, по мѣсту событія будто бы всегда и безошибочно могутъ угадать, въ чемъ дѣло, къ какому роду и порядку относится явленіе, представившееся ихъ глазамъ, и къ какому разряду людей принадлежитъ человѣкъ, съ которымъ они встрѣтились. Понятно, что мы обращаемся не къ нимъ, а къ другой части публики, гораздо многочисленнѣйшей, и представляющей болѣе разнообразныхъ оттѣнковъ, нежели первая. Словомъ, мы обращаемся къ тѣмъ людямъ, которые, прочтя объявленіе «Мос-

сковскихъ Вѣдомостей», пошли къ книгопродавцу Генкелю, а увидѣвъ на заглавномъ листѣ книги сверху жука въ паутинѣ, а внизу чорта съ перомъ въ рукѣ, сидящаго верхомъ на человѣкѣ еврейскаго типа, засмѣялись и заплатили полтора рубля. Вотъ этимъ-то людямъ мы хотимъ доказать всю легкомысленность ихъ поведенія и привести къ раскаянію въ излишнемъ мотовствѣ, а если книжка г. Петра Горскаго и при чтеніи доставила имъ удовольствіе, то застыдиться этого ощущенія и поскорѣй подарить ее въ знакъ дружбы какому нибудь пріятелю.

Если бы читатель, купившій книжку г. Петра Горскаго, прочелъ внимательно объявленіе, припечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», то могъ бы легко усмотрѣть, на что бьетъ авторъ. Онъ говоритъ о себѣ (авторъ, а не издатель г. Генкель, потому что ни одинъ издатель не осмѣлится, безъ согласія автора, печатать рекламы объ издаваемомъ имъ сочиненіи), что книжка его «вѣроятно найдетъ сочувствіе въ той части публики, которая съ удовольствіемъ читаетъ очерки Щедрина, воспоминанія Селиванова, разсказы Марка Вовчка, комедіи Островскаго и разсказы Писемскаго».

Такимъ безобразнымъ сопоставленіемъ именъ г. Петръ Горскій хочетъ внушить, что онъ хотя и *неизвѣстенъ*, но можетъ написать совершенно такъ же, какъ и всякій *извѣстный* писатель, какъ Щедринъ, Марко Вовчокъ, Островскій, Селивановъ, Писемскій, которыхъ многіе привыкли безразлично называть извѣстными писателями, безъ всякаго отношенія къ ихъ дѣйствительному значенію и положенію, какъ общественныхъ дѣятелей. Кромѣ этой грубой уловки для распространенія своей книжки, г. Петръ Горскій такимъ сопоставленіемъ именъ уже заранѣе указываетъ на то, какъ онъ понимаетъ значеніе сатиры и какъ смотритъ онъ на свою дѣятельность, какъ сатирика. Уже изъ этого одного видно, что свое призваніе онъ открылъ не во внутренней потребности духа, а почерпнулъ изъ наблюденій надъ ходомъ книжной торговли, внимательно изучая, какой товаръ ходчѣе идетъ съ рукъ. Заглянувъ въ книжку, мы въ каждомъ очеркѣ, въ каждомъ разсказѣ увидимъ ясно подтвержденіе этой мысли. Мы увидимъ, что г. Петръ Горскій замѣтилъ, что то общество, представителемъ котораго является наша литература, въ послѣднія шесть, семь лѣтъ обратило почти исключительно свое вниманіе на изученіе самого себя. Оно стало вглядываться въ окружающую среду и принялось выставлять на видъ всѣ недостатки общественнаго строя жизни и обличать ихъ, предавая осмѣянію и преслѣдованію. Литература, по необходимости покорная всякому движенію общества, стала разработывать разные жизненные вопросы, ставя ихъ такъ, какъ сказалась общественная потребность, и доискиваясь

причинъ ненормальныхъ явленій. Тогда же, по необходимости, занялась она и всѣмъ тѣмъ,

Что голодно и бѣдно,
Несчастно, зелено и блѣдно,
Что ходитъ, голову склоня,

и стала настоятельно допрашиваться, откуда взялся этотъ элементъ; а допросясь отнеслась къ нему сочувственно, въ ущербъ явленіямъ противуположнаго свойства. Такое положеніе литературы не ускользнуло отъ внимательнаго глаза г. Петра Горскаго, заинтересовавшагося имъ по отношенію къ книжной торговлѣ, но совсѣмъ не по внутреннему значенію. Если бы г. Петръ Горскій вдохновлялся произведеніями какого нибудь замѣчательнаго современнаго писателя, мы не видѣли бы въ этомъ большой бѣды; во первыхъ потому, что многіе таланты не столько сильны, что, по необходимости, должны раздражать своимъ вліяніемъ дарованія втораго сорта, а во вторыхъ, иногда попадаются и въ этихъ случаяхъ подражатели довольно хорошіе. Часто послѣдніе, начитавшись произведеній какого нибудь замѣчательнаго писателя, особенно имъ понравившагося, проникнувшись его мыслями, могутъ излагать заимствованное легко, довольно художественно и не безъ пользы для массы читателей. Но это возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда писательподражатель живо ощущаетъ дѣйствительность, ощущаетъ свою солидарность съ современнымъ обществомъ и имѣетъ твердое и опредѣленное воззрѣніе на весь окружающій его строй общественной жизни. Тутъ подражательность является лишь по недостатку наблюдательности, по неспособности отъ массы однородныхъ явленій отдѣлить явленіе типичное, характерное, и нѣтъ сомнѣнія, что у такого писателя все слилось бы въ туманную картину, если бы его любимый авторъ не служилъ ему путеводной звѣздой или, лучше сказать, указкой. Но у г. Петра Горскаго, при совершенномъ отсутствіи наблюдательности, нѣтъ никакого чутья дѣйствительности, лежащей передъ нимъ, никакого пониманія того, что совершается въ обществѣ и литературѣ, никакого сознанія общественныхъ нуждъ и стремленій. О сатирѣ въ современномъ ея значеніи онъ также не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и хотя имѣетъ большую охоту подражать, но подражаетъ или тому, кому подражать пора давно прошла, или тому, кому подражать совсѣмъ никогда не слѣдовало. Въ результатѣ же выходитъ, что онъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы обличить то, что въ настоящее время обличать смѣшно и глупо.

Очерки и разсказы г. Горскаго состряпаны просто. Берется какое нибудь положеніе, событіе, званіе или лицо, въ которымъ общество

относится или особенно сочувственно или особенно враждебно, потомъ дѣлается какое нибудь описаніе или пошло мелодраматическое или пошло ругательное, пересыпанное самымъ дикимъ остроуміемъ, а въ заключеніе авторъ, какъ бы подавленный грустными или возбуждающими негодованіе впечатлѣніями, восклицаетъ: «не довольно ли?» или «не отложить ли до другаго раза?» Этотъ способъ писанія сатирическихъ очерковъ г. Петръ Горскій довелъ до замѣчательной простоты. Понравится ему остроумная замѣтка какого нибудь писателя, онъ сейчасъ хватается за нее, и начинаетъ воздвигать цѣлое зданіе. Придумываются смѣшныя фамиліи и имена; потомъ эти фамиліи и имена придаются лицамъ мужескаго и женскаго пола и сочиняется между ними разговоръ или, лучше сказать, рядъ несодѣянныхъ реплікъ, поражающихъ своею ложью и тупымъ паясничествомъ. Такимъ образомъ произошелъ, напримѣръ, очеркъ «Благотворительное общество». У Гоголя въ «Мертвыхъ душахъ» гдѣ-то есть замѣтка, что всѣ мы очень скоры на заведеніе всякихъ благотворительныхъ обществъ и даже охотно даемъ деньги, но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что половина денегъ истрачивается на празднество въ честь такого событія, потомъ нанимается помѣщеніе и затѣмъ бѣднымъ остается два съ полтиной, да еще въ распредѣленіи этихъ денегъ не всѣ члены между собою согласны. Мы не помнимъ подлинныхъ выраженій Гоголя, но въ томъ, что мы сказали, заключенъ весь скудный матеріалъ, изъ котораго г. Петръ Горскій сочинилъ очеркъ, помѣстившійся на 28 страницахъ. Читатель удивляется, какъ можно такой вздоръ размазать на 28 страницахъ, а между тѣмъ, это очень просто. Изображается губернскій городъ, или даже не изображается, а просто говорится, что въ одномъ губернскомъ городѣ существуютъ жители. Эти жители гоняются за столицей въ модахъ и французскомъ языкѣ, а высшее чиновничество обнаруживаетъ сильную наклонность къ аристократизму. Въ городѣ живетъ г-жа Бомондова (не правда ли, какая смѣшная фамилія?), для которой «задача жизни—комъ иль фо», хотя, какъ ядовито сообщаетъ намъ авторъ, аристократическимъ благоуханіемъ она пропиталась въ 7 ротѣ Измайловскаго полка и въ Тарасовой улицѣ,—мѣстахъ, какъ извѣстно жителямъ Петербурга, весьма глухихъ и отдаленныхъ отъ всего аристократическаго. Г. Бомондовъ, «добрякъ страшный, когда-то франтъ, а теперь обрюзгшій и расплывшійся, во всемъ слушается своей супруги. Онъ держитъ ручки постоянно на брюшкѣ, а головку нѣсколько на бокъ. Занимая очень и очень значительный постъ въ городѣ, онъ полжизни провелъ бай-бай, вполнѣ полагаясь на административныя способности своей супруги». Супруга натурально опредѣляетъ чиновниковъ «съ элегантными манерами, но до того несвѣдущихъ, что они одинъ за другимъ были уда-

далеко отъ службы «высшимъ» начальствомъ». Эта г-жа Бомондова, занимаясь своимъ туалетомъ и отличаясь самыми изящными манерами, не терпитъ ничего грязнаго и грубаго.

Всякій бѣднякъ противенъ этой злой г-жѣ Бомондовой, всѣ они кажутся ей чуть не преступниками. Читатель замѣчаетъ, конечно, сколько сатирическаго яда разлито въ описаніи авторомъ аристократической дамы губернскаго города и какъ новъ и занимателенъ этотъ ядъ. Далѣе на сцену выводятся: начальникъ строительной коммиссіи, говорящій противъ дармоѣдства и тунеядства и «страдающій одышкой отъ непомѣрной толщины», предсѣдатель палаты, неодобряющій пьянства, о которомъ, однако, разсуждаетъ «допивая пятый стаканъ чаю съ ромомъ» и пр. и пр. Всѣ они не согласны на сборъ денегъ, но такъ какъ острота Гоголя должна воспріять образъ разсказа, то является добродѣтельный полиціймейстеръ, который склоняетъ ихъ къ филантропіи. Наконецъ чиновники и ихъ жены собираютъ деньги и тотчасъ же устраиваютъ балъ и пикникъ. «Однимъ словомъ, заключаетъ г. Петръ Горскій, дѣло кончилось тѣмъ, что отъ всей пожертвованной суммы не осталось ничего кромѣ двухъ съ полтиной!» Авторъ даже двухъ съ полтиной не утаилъ изъ того матеріала, которымъ воспользовался для своего разсказа—добросовѣстность, по истинѣ высокая. Все же, что авторъ внесъ оригинальнаго въ разсказъ состоитъ изъ нестерпимаго балаганства и самаго глубокаго пренебреженія ко всѣмъ условіямъ времени, мѣста и правдоподобія.

Въ доказательство приводимъ описаніе бала:

«Всѣ аристократическія дамы приложили особое попеченіе, чтобы все было какъ въ Петербургѣ; драпировка какъ въ Петербургѣ костюмы на дамахъ какъ въ Петербургѣ, освѣщеніе—какъ въ Петербургѣ. Ну, натурально, при такихъ стараніяхъ не могло быть ничего такого, чтобы «зловредные» гимназисты чиновники, потрясающіе спокойствіе градовъ и весей, могли поднять на зубки... а чтобы этого не случилось, чтобы какой нибудь бальный разговоръ на французскомъ языкѣ, состоящій изъ двухъ основныхъ элементовъ *вуй* и *нонъ*, непопалъ въ «Искру» или «Гудокъ»—въ видѣ спасительнаго громоотвода, изобрѣтеннаго г. Франклиномъ—всѣмъ здѣшнимъ шикарнымъ дамамъ, барышнямъ, господамъ гарнизоннымъ офицерамъ, прошедшимъ полный кадетскій курсъ, «съ полнымъ успѣхомъ» служило краткое руководство къ изученію французскаго языка, по методѣ Робертсона. Метода Робертсона, или вѣрнѣе, краткіе разговоры, служили для здѣшнихъ барышенъ и кавалеровъ путеводной звѣздой, среди подводныхъ камней, *шхеръ*, какіе встрѣчаются при спряженіи французскихъ глаголовъ, французскихъ оборотовъ рѣчи и пр. и пр. Господа офицеры, явившись на балъ, повторяли французскую кадриль, расчерчивая переходы паръ въ каждой фигурѣ на аспидной доскѣ. Иные, чтобы изучить новомодные танцы, въ родѣ *лансье*, на самой практикѣ

отправлялись въ пріятные, гостепріимные дома, исполненные единственно молодыхъ барышень, гдѣ все семейство состоитъ изъ барышень, словно папаша съ мамашей со второго года вступленія въ бракъ только и производили дочекъ да дочекъ...

«Балъ начался, балъ окончился, къ крайнему удовольствію всѣхъ присутсвовавшихъ—блистательно... никто не «подгадилъ». Всѣ барышни отвѣчали, какъ прележныя ученицы, на вопросы господъ кавалеровъ, претендующихъ на знаніе французскаго языка; всѣ кавалеры, озадаченные вопросомъ дамъ на томъ же языкѣ, отлично выходили изъ критическаго положенія, благодаря сказанной методѣ Робертсона или частицамъ *оуй* и *нонъ*. Когда приходилось имъ стать въ тупикъ при вопросѣ, изъ котораго они ни одной іоты не понимали, *онѣ* или *онъ* строили глубокомысленную, озабоченную физіономію и отвѣчали *оуй*. Нонъ (non) отвѣчать было не всегда выгодно, потому что вопрошающій или вопрошающая могли предложить доказать, почему нонъ? тогда пришлось бы доказывать, почему *нонъ* а не *оуй*. Сначала бала все шло кое-какъ-то между дамами, но потомъ «подгадили мужчины»! Извѣстно изъ психологіи, что эта «грубая половина рода человѣческаго» любитъ во всемъ подгадить. Когда, послѣ балу, всѣ отправились на фейерверкъ, то обнаружилась страшная неурядица между аристократическимъ обществомъ. Грубые мужчины обнаружили свои «звѣриные инстинкты» въ отношеніи къ благоприличнымъ дамамъ и дѣвицамъ. Наконецъ начался фейерверкъ. Подъ покровомъ темной ночи, всякій дозволилъ себѣ нѣкоторыя вольности, которыя не дозволилъ бы при дневномъ свѣтѣ».

. . . .

Мы взяли для оцѣнки литературныхъ способностей г. Петра Горскаго очеркъ «Благотворительное общество», потому что онъ замѣчателенъ, какъ по простотѣ концепціи, такъ и по манерѣ изложенія и добавокъ достаточно характеристиченъ. Во всѣхъ очерковъ и разсказовъ восемь. Въ очеркѣ «Хорошіе люди», изображены два чиновника: Петръ Ивановичъ, кончившій курсъ въ университетѣ, и Иванъ Петровичъ, не бывшій въ университетѣ и къ тому же носящій фамилію Пролазовъ. Смѣшная фамилія Пролазовъ уже показываетъ что это за гусь этотъ Иванъ Петровичъ. И дѣйствительно, Иванъ Петровичъ отличается знаніемъ святцевъ, хорошо чинитъ перья, всячески умѣетъ услужить, словомъ — настоящій пролазъ. Иванъ Петровичъ къ начальству является тихо и скромно, знакомится сначала съ камердинеромъ и разумѣется получаетъ мѣсто. Петръ Ивановичъ напротивъ того, будучи прекраснымъ человѣкомъ, остается несчастнымъ на всю жизнь, потому что съ камердинеромъ не знакомится, почеркъ имѣетъ скверный и къ начальству является шумно. Въ концѣ очерка, однако, Ивана Петровича вмѣстѣ съ его начальникомъ, Сидоромъ Сафронычемъ Загребистычъ, начальство отдаетъ подъ судъ. Вотъ и все — оригинальнаго тоже и столько

же, какъ и въ разсказѣ «Благотворительное общество». Въ очеркѣ «Отживающіе люди» говорится о губернскомъ городѣ и о живущемъ тамъ чиновникѣ по фамиліи Медоточивый. Этотъ Медоточивый необыкновенный плутъ; онъ, какъ указываетъ его фамилія, умѣетъ говорить сладко, а потому со всѣми живетъ въ ладу, грабитъ всѣхъ, кто попадается ему подъ руку, и всегда, каковъ бы ни былъ начальникъ, умѣетъ держать его въ рукахъ. Штуки этотъ Медоточивый дѣлаетъ совсѣмъ невозможныя, такъ что только читаешь, да удивляешься фантазіи автора. И въ этомъ родѣ всѣ очерки, всѣ разсказы. Видно, что г. Горскій начитался собственно разсказовъ Основьяненка и рѣшилъ, что это и есть писатель, который заслуживаетъ подражанія. Конечно, есть у него поползновеніе написать и такъ, какъ пишутъ современные сатирическіе писатели, но основательно онъ знакомъ только съ сочиненіями Основьяненки. Основьяненко, съ его міросозерцаніемъ и юморомъ, пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ г. Петру Горскому, и онъ просто перекладываетъ своего любезнаго писателя въ очерки болѣе или менѣе длинные, не замѣчая всѣхъ неудобствъ такого производства. Въ разсказѣ «Синхридъ Синхридычъ» это подражаніе доходитъ до самой наивной степени, и читателю прямо вручается ключъ къ источнику, изъ котораго преимущественно почерпаетъ авторъ свое вдохновеніе. Въ этомъ разсказѣ давно умершій и забытый панъ Халявскій снова оживаетъ и является во всей своей неприкосновенности. Выписываемъ одно мѣсто, когда собирается семейный совѣтъ для рѣшенія вопроса, въ какое заведеніе помѣстить мальчика.

«— Да что я скажу? Нѣтъ лучше службы въ Расеѣ, какъ гарнизонная; отдайте его въ юнкера ко мнѣ, такъ я его живо приведу въ христіанство!...

«— Что ты такое говоришь, братецъ? возразила маменька, — онъ и по метрикамъ записанъ, что окрещенъ въ православную вѣру.

«— Да, это и я скажу: у меня въ приходѣ святое крещеніе воспріялъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій.

«— Эхъ вы, штафирки! воскликнулъ подпоручикъ: — нашей военной поведенціи не смекаете! Отчего же если арестантики дурно ведутъ себя, или солдаты, начальникъ поручаетъ ихъ мнѣ и всегда говоритъ: «приведи, братецъ, ихъ въ христіанство!»

«— Осмѣлюсь, сестрица, мое глупое слово молвить, вмѣшался сапожный торговецъ: — нѣтъ величественнѣй сапожной комерціи: накупилъ съ рынку сапоговъ и сбывай ихъ на тройную цѣну... Тутъ дѣло на честиъ-съ: видишь, что покупатель простоватъ, четверную цѣну гни. Купецкая поведенція супротивъ военщины куды лучше-съ, дитя и храма Божія не забудетъ, и всему отчеству пользу принесетъ...

«— Да что, сестрица, далеко ходить: пустите сынка по комерсіи—

ской части. Золотое дно состоять комиссіонеромъ: бранятъ-то откуда не въ пустыми руками вышелъ, замѣтила какая-то родственница.

«— Истинное раздолье, что говорить! подхватила другая;—мой сожитель былъ сорточникомъ, а ефтатъ комиссіатъ знаю...

«— Ты спроси меня, голубушка, объ этомъ! отозвался родитель: — все это было, да сплыло! Теперь начальство-то на насъ въ три ока глядитъ! Молю Бога, что убрался по-добру, по-здорову!...

«— Прежде чѣмъ приступить къ сему важному дѣлу, началъ отецъ Иисустій: — нужно сдѣлать ему умственное воспитаніе, дабы опредѣлить, къ чему онъ паипаче способенъ.

«— Вотъ это такъ! вотъ это такъ! воскликнули всѣ, очень довольные, что рѣшеніе не осталось ни на чьей сторонѣ...

«— Что-жь ребенка-то мучить! Онъ и безъ наукъ больше чинъ елестратора получитъ, а тамъ выйдетъ въ люди: кусокъ хлѣба есть.

«— Пропитанію имѣетъ, на нищій какой-нибудь, добавила родственница.

«— Только къ диляктору съ поклономъ съѣзжу, такъ и безъ наукъ примутъ — подхватила мамаша.

«— Такъ-то оно такъ! Все же ученіе есть свѣтъ, а неученіе тьма. Ну, скажите что нибудь изъ грамматики.

«— А что вамъ въ ней нужно? Я принесу...

«— Да вы и понятія не имѣете ни о чемъ, нечего и спрашивать. Не проходили ли вы ариѳметику?

«— Арахметику?!!...

«— Ну, да! скажите, какія бываютъ дроби, напримѣръ?

«— Волчья, заячья, бекасиная!...

«— Нѣтъ, онъ ни къ чему не приготовленъ; лучше оставить—сказалъ батюшка.

«— Были бъ денежки, батюшка, а науки сами по себѣ ничего не значать. — Вонъ, какіе есть ученые, а безъ сапогъ ходятъ, а нашъ братъ сиволдай въ шелковыхъ щеголяетъ, по пяти съ полтиной пара-съ! замѣтилъ торговецъ.

«— Куда же лучше его въ науку отдать: въ гимназію, или въ кадетской корпусъ?...

«— А по моему, отдайте сына лучше въ арестантскія роты, чѣмъ въ гимназію, замѣтилъ подпоручикъ.

«— Это почему? тамъ обучаютъ тоже всѣмъ наукамъ: и физикамъ, и химикамъ разнымъ, и метрикамъ, и геометрикамъ, возразила мать.

«— Если хотите развратить сына, чтобы онъ церковь забылъ, такъ отдавайте въ гимназію, сказалъ подпоручикъ унылымъ тономъ.

«— Да почему же? почему? спросилъ отецъ.

«— Да развѣ вы не знаете, что онъ оттуда поступитъ въ ниверситетъ; ну, и будетъ пропащая головушка!...

«— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, матка моя; они правду баютъ, вмѣшалась родственница:—вѣдь ефти нетриситетскіе скубенты чистые головорѣзы!... Вѣдь тамъ ихъ рѣзать людей заставляютъ, вотъ-те Христосъ!

Мнѣ жена тамошняго сторожа сказывала, что привезли шестерыхъ въ ихній кіятеръ, оказывается, трое было мертвыхъ, а трое въ апоплексическомъ ударѣ были, а скубенты-то взяли ихъ, да и зарѣзали!... Да вѣдь какъ разбойники надѣвались! ни одной жилки цѣлой не оставили!...

«— Эдакія страсти! воскликнула мамаша: — середи бѣлаго дня въ городѣ рѣжутъ!...

«— Дуры вы, дуры! замѣтилъ родитель: — да вѣдь они на мертвыхъ затѣмъ и практикуются, чтобы умѣть живыхъ рѣзать!... Одинъ операторъ до того напрактиковался, что въ людей собачьи желудки вставлялъ, да и то жили, какія еще видныя должности послѣ занимали...

«— Какъ это такъ? спросили почти всѣ въ одинъ голосъ.

«— У одного въ желудкѣ ракъ завелся, да можетъ быть не одинъ, а цѣлая сотня!... Надо было вынуть желудокъ, да вычистить; вотъ операторъ разрѣзалъ у больнаго брюхо, вытащилъ желудокъ и положилъ на окошко; откуда ни возьмись собака — цапъ-цапъ, желудокъ-то и проглотила!... Фельшера за ней, а ея и слѣдъ простылъ.

«— Что я, батюшка, буду безъ желудка-то дѣлать, вѣдь его собака съѣла, завопилъ больной.

«— Ничего, не унывай, это дѣло еще можно поправить; поймайте, скорѣй собаку! говоритъ докторъ.

«Собаку поймали, докторъ ее сейчасъ же зарѣзалъ, вынулъ изъ нея ея же собственный желудокъ и вставилъ въ брюхо больнаго. Чтожь бы вы думали! Больной живетъ до сихъ поръ, только лаять сталъ по собачьи! Занимаетъ, говорятъ, отличную должность, а какъ почувствуетъ расположеніе лаять, то, чтобъ себя не конфузить, запирается на это время одинъ въ комнатѣ. Такъ вотъ оно, что значитъ ниверситетская наука-то!

«— Ужь если отдавать, братецъ, такъ всего лучше въ кадетскій корпусъ: тамъ всякимъ наукамъ обучать, и маршировкѣ, и географіи, и гимнастикѣ, а главное — не развратятъ.

«— Вотъ это такъ! вотъ это такъ! подтвердили всѣ: — его камплехцѣя словно пригнана для кадетскаго корпуса.

«— А что, оттуда прямо въ ахвецеры, говорятъ, выпущаютъ? спросила мамаша у собранія.

«— Прямо въ ахвецеры, отвѣчалъ подпоручикъ: — съ разу на все готовое сядетъ: и прогоны до полка даютъ, и деньщика, и жалованье впередъ, и фатеру отводятъ, даже Царь батюшка шьетъ имъ платье на свой коштъ».

Читатель видитъ, сколько ума, такта и таланта въ этихъ такъ называемыхъ сатирическихъ очеркахъ и разсказахъ, и какого сорта юморъ господствуетъ въ нихъ. Остроуміе самое плоскодонное, выражающееся въ перевираніи словъ, какъ напримѣръ *титехтеры, дилеаторы, камплехцыя, арихметика*, и въ изобрѣтеніи игривостей въ родѣ *мамзюха, трепыхало* и т. под., разлито въ изобиліи по всей книжкѣ, но особенно блещетъ въ именахъ и фамиліяхъ дѣйствую-

щихъ лицъ, какъ напримѣръ: *Свинодѣевъ*, *Рукочесовъ*, *Мардальонъ Харитонычъ*, *Загребистый* и т. под. А если авторъ выдумаетъ какое нибудь имя, которое кажется ему почему либо уже очень хорошо и удачно придуманнымъ, то онъ и отстать отъ него не можетъ: ставитъ все въ кавычки и долго объясняетъ его правдоподобіе и характерность. Придумалъ онъ напримѣръ фамилію *Полированный*, ну и обрадовался, и сейчасъ увѣряетъ читателя, что эта фамилія и возможна, и удачна, и много выражаетъ:

....«Можетъ быть читатель усомнится, есть ли въ дѣйствительности «полированный» чиновникъ? Что же тутъ мудренаго? Вѣдь на Гороховой, близь Малой Морской есть же зубной врачъ Праведный!! Я знаю даже одну управу благочинія, гдѣ были цѣлыхъ два «Бѣлыхъ» чиновника. А развѣ нѣтъ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ «Чистыхъ», «Утѣшительныхъ» и т. д. А если есть у насъ въ управѣ чиновники «Чистые», врачъ въ Гороховой «Праведный», то можно допустить, что въ нашемъ благонамѣренномъ городскомъ обществѣ найдется секретарь «Полированный».

У г. Петра Горскаго есть также очерки, въ которыхъ описывается жизнь и судьба бѣдныхъ тружениковъ, и гдѣ обличеніе, играющее главную роль въ другихъ разсказахъ, является только рамкою. Къ сожалѣнію, и здѣсь почти все отзывается или положительной выдумкой, или самой безобразной натяжкой. И здѣсь на каждомъ шагу видно, что правда жизни положительно не знакома автору, что даже личныя его ощущенія скудны, а чужая боль, а чужое горе вовсе не понятны и интересуютъ его только своей внѣшней стороной; отъ этого вездѣ присутствуетъ дѣланный азартъ и резонерство. Если обличительныя поползновенія автора скудны и возбуждаютъ жалость, то отношенія его къ такимъ предметамъ, каковы сюжеты разсказовъ «День на биржѣ и ночь на квартирѣ» и «Бездольный», возбуждаютъ положительно непріятное чувство своею деревянностью, облеченною въ форму сочувствія потому только, что эта форма почему-то требуется публикой. Такъ напримѣръ, говоря о презрѣніи, которое питаютъ благовоспитанные люди къ бѣднякамъ г. Петръ Горскій объясняется слѣдующимъ образомъ: «она (какая-то дама) не подозрѣвала, что между такими оборванцами, забулдыгами, пьянчужками, есть много людей честныхъ, добрыхъ, талантливыхъ и даровитыхъ, потерявшихъ все: и слабость состоитъ въ томъ, что они любятъ подчасъ не въ мѣру выпить... Приласкай ихъ кто нибудь, приголубь, отучи отъ «пагубнаго порока», что очень не трудно сдѣлать со многими изъ нихъ — и они будутъ изъ благодарности полезнѣйшіе, преданнѣйшіе люди!» Наконецъ въ одномъ очеркѣ авторъ, обличая равнодушныхъ лицъ, мѣшающихъ бѣднякамъ жить на свѣтѣ, совсѣмъ зара-

портовался, и обличилъ матросовъ въ томъ, что они дѣлаютъ кресты на могилы изъ *казеннаго* лѣсу (стр. 33)...

Полное собраніе сказокъ Андерсена, съ 125 гравированными политипажами. Выпускъ 1. Изданіе переводчицъ. 1863 г.

Нѣкоторыя изъ сказокъ Андерсена и прежде появлялись въ русскомъ переводѣ, но публика мало обращала на нихъ вниманія. Это происходило отчасти потому, что переводились они дурно, отчасти же, и болѣе всего, такое невниманіе объясняется разными особенностями этого рода литературныхъ произведеній. Чтобы опредѣлить характеръ таланта Андерсена и дать себѣ отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое могутъ производить его сказки, недостаточно прочесть одну или двѣ — необходимо прочесть нѣсколько такихъ сказокъ сряду, надо, такъ сказать, вчитаться въ нихъ. Когда читатель мало по малу привыкнетъ къ этимъ фантастическимъ, полнымъ поэзіи, образамъ, къ дѣтски наивному тону разсказа, тогда только уяснится для него неподражаемая прелесть манеры и вся оригинальность и удобство формы, избранной писателемъ. Сказки Андерсена имѣютъ ту особенность, что, будучи дѣтскими, они занимательны и для взрослаго человѣка. Въ нихъ не видать того, чтобы авторъ, разсчитывая на энергію воображенія ребенка, старался написать какъ можно болѣе фантастической чепухи, дѣйствующей на дѣтей простымъ и не сложнымъ образомъ, т. е. наводя на нихъ ужасъ и остолбенѣніе, — совсѣмъ нѣтъ. Фантазія никогда не увлекаетъ автора слишкомъ далеко, никогда не разсчитываетъ онъ, для произведенія эффекта, на сильную впечатлительность, присущую дѣтскому возрасту. Напротивъ того, его фантазія сильна своею сдержанностью, и отъ этого разсказъ, полный простыхъ и живыхъ образовъ, касающійся непремѣнно тѣмъ или другимъ способомъ дѣйствительности, всегда безъискусственно-наивный и въ то же время остроумный, сильно, хотя и незамѣтно, приковываетъ и поддерживаетъ вниманіе читателя. Къ тому же сказки Андерсена тѣмъ въ особенности замѣчательны, что въ эту простодушную форму почти всегда заключена серьезная мысль. Конечно, ребенокъ или вообще неопытный читатель не будетъ въ состояніи сразу понять внутренняго смысла разсказа; онъ будетъ слѣдить только за развитіемъ самаго сказочнаго сюжета, займется описаніемъ событій жизни и судьбою этихъ фарфоровыхъ и оловянныхъ куколокъ, елокъ и проч. Но въ томъ-то и дѣло, что трудно, почти невозможно уловить ту грань въ развитіи сознанія читателя, когда серьезная мысль, положенная авторомъ въ основаніи разсказа, перестанетъ быть непо-

цтна для него, когда аналогія уяснится и освѣтитъ сюжетъ и подробности сказки инымъ свѣтомъ. Тогда оригинальная форма, не утративъ нисколько своей наивно художественной формы, сдѣлаетъ то, что серьезная мысль, облеченная ею, выступитъ еще ярче, еще рельефнѣе и своею неожиданностью должна подѣйствовать очень настоятельно и произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Разумѣется, разъ понявъ настоящій смыслъ сказки, читатель отнесется критически къ самой мысли, заключенной въ ней, будетъ обсуждать ея внутреннее значеніе и относительную важность.

Впрочемъ, относительно воззрѣній Андерсена, мы не придаемъ особенной цѣны его литературной дѣятельности. При всей ихъ человѣчности и правдѣ, въ нихъ видна какая-то неопредѣленность, распущенность, какое-то нежеланіе или неумѣнье касаться предметовъ наиболѣе затрогивающихъ насущныя потребности большинства, для котораго недоступны или мало интересны разныя тонкости и исключительныя положенія, и радости и скорби котораго имѣютъ очень опредѣленный цвѣтъ и характеръ. Иногда читая какую либо сказку Андерсена, становится даже досадно, что такая изящная, удобная форма, дающая такой широкій просторъ автору, заключаетъ мысль или давно брошенную за негодностью или касающуюся слишкомъ издалека, слишкомъ тонко и обще живыхъ требованій современнаго человѣка, въ особенности когда примешь въ разсчетъ талантъ автора и его необыкновенную способность говорить такъ неподражаемо наивно и простодушно. Чтобы дать нѣкоторое понятіе читателямъ о тѣхъ возможностяхъ, которыя представляетъ сказочная форма въ рукахъ такого художника, какъ Андерсенъ, мы выписываемъ сказку, носящую названіе *Стойкій оловянный солдатикъ*.

«Было однажды двадцать пять оловянныхъ солдатиковъ; они всѣ были братья, потому что всѣ родились изъ одной старой оловянной ложки. Ружье они держали на руку и всѣ смотрѣли прямо; мундиръ у нихъ былъ прелестный: красный съ синимъ. Первое, что они услышали на свѣтѣ, когда была снята крышка съ ящика, въ которомъ они лежали, были слова: «оловянные солдатики»! Это прокричалъ маленькій мальчикъ, захлопавъ въ ладоши; онъ только что получилъ ихъ въ подарокъ въ день своего рожденія и поставилъ на столъ. Всѣ солдаты были похожи одинъ на другаго, какъ кровные братья, лишь одинъ немного отличался отъ прочихъ: у него была всего одна нога, потому что онъ вылитъ былъ послѣ другихъ и олова на него недостало; но не смотря на это, онъ также твердо стоялъ на своей одной ногѣ, какъ другіе на двухъ, и онъ-то именно сдѣлался замѣчательнымъ.

«На столѣ, на которомъ ихъ разставили, стояло много другихъ игрушекъ; изъ нихъ больше всѣхъ бросался въ глаза красивый за-

мокъ изъ бумаги. Черезъ маленькія окна можно было смотрѣть во внутреннія комнаты. Передъ замкомъ, вокругъ маленькаго кусочка зеркала, изображавшаго гладкое озеро, стояли маленькія деревья. Маленькіе лебеди изъ воску плавали по зеркалу и смотрѣлись въ него. Все это было чудесно! Но чудеснѣе всего была маленькая дама, стоявшая въ серединѣ открытой двери маленькаго замка. Она тоже была вырѣзана изъ бумаги, но на ней платье было изъ чистѣйшаго батиста; маленькій узенькій, голубой шарфъ былъ накинутъ ей на плечи; по срединѣ шарфа торчала мишурная маленькая роза, которая однако была больше всей головы дамы. Маленькая дама вытягивала впередъ свои руки, потому что она была танцовщица, подымала одну ногу такъ высоко, что оловянный солдатикъ даже не могъ ее видѣть, и думалъ, что у нея также, какъ у него, только одна нога. «Вотъ бы мнѣ пара! подумалъ онъ, но она слишкомъ важная барыня, живетъ въ замкѣ: у меня же всего одна коробка, и то насъ въ ней 25 человѣкъ... Это не для нея мѣсто! Однако надо будетъ съ ней познакомиться».

«И онъ легъ, вытянувшись во всю длину, за табакеркой, которая стояла на столѣ; оттуда онъ могъ спокойно разглядывать маленькую красивую даму, которая продолжала стоять на одной ногѣ, ни крошечки не теряя баланса.

«Какъ только наступила ночь, всѣ остальные оловянные солдатики отправились въ коробку, люди въ домѣ стали спать, а игрушки начали сами играть между собой: они играли въ войну, въ балъ, въ гости и т. п. Оловянные солдатики рвались въ своей коробкѣ, потому что имъ хотѣлось тоже участвовать въ весельи, но они не могли приподнять крышки. Щипцы для орѣховъ стали ходить къ верху ногами, грифель забавлялся черченьемъ по грифильной доскѣ, и поднялся такой шумъ, что даже канарейка проснулась и стала говорить, и даже стихами. Только двое не двигались съ мѣста: оловянный солдатикъ и танцовщица. Она прямехонько стояла на кончикѣ носковъ, съ вытянутыми руками; онъ все также твердо стоялъ на своей единственной ногѣ и ни на секунду не отводилъ отъ нея своего взгляда.

«Пробило полночь, и вдругъ открылась крышка табакерки, но въ табакеркѣ не было ни щепотки табаку: въ табакеркѣ сидѣлъ маленькій чорный гномъ Кобольдъ: то-то была штука!

«Оловянный солдатъ!» сказалъ Кобольдъ, «прошу не смотрѣть на то, до чего тебѣ нѣтъ никакого дѣла».

«Но оловянный солдатъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ.

«Погоди, братъ, до завтра!» сказалъ Кобольдъ.

«Когда наступило утро и дѣти встали, оловянный солдатъ былъ поставленъ къ окошку; и былъ ли тому причиной Кобольдъ, или сквозной вѣтеръ, только окошко вдругъ отворилось и солдатъ внизъ головой полетѣлъ съ третьяго этажа. Это было ужасное паденіе! Вытянувши кверху свою ногу, онъ остановился на киверѣ, вонзившись штыкомъ между камнями мостовой.

«Нянька и мальчикъ тотчасъ же сошли въ низъ искать его; и хотя они нѣсколько разъ чуть не наступали ему на ногу, однако никакъ не

могли открыть его. Ежели бы оловянный солдатъ хоть разъ крикнулъ: «вотъ я!» они навѣрно нашли бы его; но онъ считалъ это неприличнымъ, потому что былъ въ мундирѣ.

Вдругъ пошелъ дождикъ... сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ полилъ ливень. Когда дождикъ прошелъ, пришло двое уличныхъ мальчишекъ.

«Смотрика», сказалъ одинъ: «вонъ лежитъ оловянный солдатъ! надо ему покататься: спусти-ка его въ лодочкѣ».

«Они сдѣлали изъ листа газеты лодочку, посадили въ нее солдата, и онъ поплылъ внизъ по водостоку; оба мальчика бѣжали подлѣ и хлопали въ ладоши. Господи, Боже мой! какія были волны въ то время на водостокѣ! И какая быстрина потока! недаромъ шелъ такой сильный дождикъ! Бумажное судно качалось впередъ и назадъ, а иногда быстро поворачивалось, такъ что оловянный солдатъ содрогался, но оставался твердъ, не дѣлалъ гримасъ, смотрѣлъ прямо впередъ и держалъ ружье на руку.

«Вдругъ лодка подплыла подъ водосточный мостъ, и тамъ сдѣлалось такъ темно, какъ бывало темно въ его коробочкѣ.

«Что со мной будетъ?» подумалъ онъ. Да, всему виною Кобольдъ! Ахъ, если бы со мною въ лодкѣ сидѣла маленькая дама, пускай тогда было бы еще темнѣе!

«Тутъ вдругъ выскочила большая крыса, которая жила подъ водосточнымъ мостомъ.

«Есть у тебя паспортъ?» спросила крыса: «давай паспортъ!»

«Но оловянный солдатъ молчалъ и только крѣпко прижималъ ружье.

«Челнокъ плылъ дальше, крыса бѣжала за нимъ и скрежеща, зубами, кричала щепкамъ и соломѣ:

«Держите, держите его! онъ не заплатилъ пошлины! Онъ не показалъ паспорта, держите!»

«Потокъ воды становился быстрѣе и быстрѣе; оловянный солдатъ уже могъ видѣть ясный день въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончался мостъ; но онъ слышалъ оглушающій шумъ воды, который могъ испугать самаго храбраго человѣка. Подумать только, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончался мостъ, водостокъ соединялся съ большими каналами!... Это было для него столь же опасно, какъ было бы для насъ спуститься въ лодкѣ по водопаду.

«Лодка доплыла до мѣста соединенія; оловянный солдатъ держался такъ твердо, какъ только могъ; никто не можетъ сказать, чтобы онъ смигнулъ хоть однимъ глазомъ. Челнокъ зачерпнулъ и перевернулся три, четыре раза и до борта наполнился водой: онъ долженъ былъ потонуть! Оловянный солдатъ уже былъ по горло въ водѣ, и все глубже и глубже опускался челнокъ, все болѣе и болѣе развертывалась бумага и наконецъ вода покрыла голову солдата... Тогда онъ подумалъ о маленькой чудесной танцовщицѣ, которую онъ никогда больше не увидитъ, и въ ушахъ оловяннаго солдада зазвучало:

Жизни тотъ вполнѣ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ!

«Бумага разорвалась, и оловянный солдатъ полетѣлъ внизъ, но мгновенно былъ проглоченъ большой рыбой.

«О какъ тамъ было темно! тамъ еще темнѣе, чѣмъ подъ водосточнымъ мостомъ, и также узко. Но оловянный солдатъ остался твердъ, и лежалъ тамъ во всю длину своего тѣла, продолжая держать ружье на руку.

«Рыба плавала туда и сюда и билась ужаснѣйшимъ образомъ. Наконецъ, она совершенно затихла, сквозь нее прошелъ какъ будто лучъ молніи; солдатъ увидалъ полный свѣтъ дня и услыхалъ, какъ кто-то громко воскликнулъ: «оловянный солдатъ!» Дѣло въ томъ, что рыба была поймана, привезена на рынокъ, продана и принесена на кухню, гдѣ кухарка разрѣзала ее большимъ ножомъ. Увидавъ солдата, она схватила его двумя пальцами за грудь и внесла въ комнату, гдѣ всѣ хотѣли видѣть замѣчательнаго человѣка, который путешествовалъ въ желудкѣ рыбы; но оловянный солдатъ не былъ гордъ. Его поставили на столъ... Нѣтъ, какіе вѣдь необыкновенные случаи бываютъ на свѣтѣ!—оловянный солдатъ былъ въ той же комнатѣ, въ которой былъ прежде, увидѣлъ тѣхъ же дѣтей, и таже игрушка стояла на столѣ:— прелестный замокъ, съ чудесной маленькой танцовщицей. Она все еще держалась на одной ногѣ и высоко подняла другую въ воздухѣ: она тоже была постоянна. Это обстоятельство тронуло оловяннаго солдата, еще немного—и онъ заплакалъ бы оловомъ; но это было бы неприлично. Онъ посмотрѣлъ на нее, но они ничего не сказали другъ другу.

«Одинъ изъ маленькихъ дѣтей вдругъ взялъ солдата и бросилъ его въ печку, не сказавъ, на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ. Вѣрно Кобольдъ въ табакеркѣ былъ тому причиной.

«Оловянный солдатъ стоялъ въ яркомъ свѣтѣ и чувствовалъ жаръ невыносимый; происходилъ ли этотъ жаръ отъ дѣйствительнаго огня, или отъ сожалѣнія, что не увидитъ больше танцовщицы — онъ не зналъ этого. Краски уже всѣ сошли съ него; случилось ли это во время его путешествій, или печаль была тому причиной,—никто не могъ бы сказать этого. Онъ смотрѣлъ на маленькую даму и чувствовалъ, что таетъ, но все-таки стоялъ твердо, продолжая держать ружье на руку. Въ это время въ комнатѣ отворили дверь, вѣтеръ подхватилъ танцовщицу, и она, подобно сильфидѣ, полетѣла прямо въ печку къ оловянному солдатику Разъ только она вспыхнула яркимъ пламенемъ, и ея не стало. Тогда оловянный солдатъ весь сплавился въ маленькій кусочекъ олова, и на другой день служанка, выгребая золу, нашла его въ видѣ маленькаго оловяннаго сердца. Отъ танцовщицы осталась только мишурная роза, и та сжалась и почернѣла какъ уголь».

Кромѣ вышеупомянутыхъ литературныхъ и художественныхъ достоинствъ, изданіе полнаго собранія сказокъ Андерсена имѣетъ для русской публики еще особый спеціальный интересъ. Вся работа по этому изданію есть дѣло товарищества переводчицъ, и самая книжка, въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась въ свѣтъ, есть плодъ женскаго труда. Поэтому появленіе ея имѣетъ двойной интересъ и заслуживаетъ особаго вниманія. По нашему мнѣнію, выборъ книги удаченъ. Русская публика впервые настоящимъ образомъ познакомится съ про-

изведеніями замѣчательнаго и, можно сказать, единственнаго въ своемъ родѣ сказочника, познакомятся съ этой оригинальной литературной формой, еще невиданной въ русской литературѣ, да и самыя сказки доставятъ читателямъ, незнакомымъ съ Андерсеномъ, большое удовольствіе—они очень свѣжи и поэтичны. Мы не говоримъ о дѣтяхъ; дѣти всякаго возраста будутъ имѣть забавное и разнообразное чтеніе, изъ котораго ни въ какомъ случаѣ не наберутся разныхъ глупыхъ и притупляющихъ вещей. Переводчицы издательницы, какъ можно судить по внѣшности перваго выпуска (переплетъ, крупный шрифтъ и картинки), справедливо и совершенно вѣрно разсчитываютъ преимущественно на дѣтей-покупателей. Такъ оно и будетъ. Но въ этомъ случаѣ мы позволимъ себѣ сдѣлать имъ нѣсколько замѣчаній относительно внѣшности изданія, указать кое-какіе недосмотры и небрежности. разумѣется неизбѣжныя при всякомъ новомъ и незнакомомъ дѣлѣ, а главное, легко поправимомъ при изданіи слѣдующихъ выпусковъ. Переводъ въ большей части сказокъ удовлетворительный, въ нѣкоторыхъ однако страдаетъ неясностью, часто отъ желанія сохранить во всей неприкосновенности наивность и простоту подлинника. Но этотъ подлинникъ есть все-таки нѣмецкій переводъ съ датскаго языка, а потому нельзя во всѣхъ случаяхъ безпрекословно принимать то, что даетъ нѣмецкій переводъ. Такъ между прочимъ въ сказкѣ *Аисты* конецъ совсѣмъ непонятенъ и является чистѣйшимъ наборомъ словъ, заставляюшимъ предполагать какую нибудь игру словъ въ датскомъ подлинникѣ, которой однако нѣтъ ни въ нѣмецкомъ, ни въ русскомъ переводахъ. Форматъ книги недуренъ, но рисунки оттиснуты неудовлетворительно, тогда какъ судя даже и по этимъ оттискамъ, сами по себѣ они очень хороши. Нехорошо также, что книжка изобилуетъ опечатками вслѣдствіе небрежности или незнанія корректурнаго дѣла, что опять-таки негодится въ дѣтской книгѣ, особенно когда отъ этихъ опечатокъ смыслъ разсказа становится теменъ. Такъ напримѣръ, въ сказкѣ *Николка большой и Николка малый* дѣло идетъ о писарѣ, потомъ роль писаря начинаетъ играть пономарь, потомъ опять является писарь, такъ что ребенокъ непремѣнно долженъ сбиться съ толку. Вообще внѣшность изданія можетъ повредить успѣху книжки и лишить ее той части покупателей, для которой главную роль играетъ красивая внѣшность, отсутствіе ошибокъ и главное изящество рисунковъ. Очень желательно, чтобы издательницы-переводчицы обратили серьезное вниманіе на эту сторону своего дѣла, отъ чего всѣ остались бы въ выигрышѣ, тѣмъ болѣе, что это вовсе не трудно,—стоитъ только хотя нѣсколько познакомиться съ типографскимъ дѣломъ, что во всякомъ случаѣ необходимо для каждаго издателя.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе императорской академіи наукъ. Томъ первый, съ рисунками, найденными въ рукописяхъ, съ портретами и снимками. Спб. 1864 г.

Выписанное заглавіе принадлежитъ огромному тому, напечатанному великолѣпно, какъ еще никогда не печатались произведенія россійскихъ писателей, украшенному множествомъ рисунковъ и виньетъ и составляющему только начало полнаго изданія Державина, которое, по предположеніямъ г. Грота, займетъ около пяти такихъ томовъ. Изданіе Державина предположено 2-мъ отдѣленіямъ академіи по тому основанію, что «изданіе замѣчательныхъ отечественныхъ писателей съ ихъ біографіями и объяснительными примѣчаніями къ ихъ сочиненіямъ составляетъ одинъ изъ предметовъ ученой дѣятельности вездѣ, гдѣ достаточно развиты интересы образованія и гдѣ *умѣютъ цѣнить* памятники литературной славы своего народа».

Въ программѣ изданія нѣтъ недостатка въ ученомъ аппаратѣ, свойственномъ подобнымъ академическимъ трудамъ. Г. Гротъ объясняетъ, что главныя черты его программы слѣдующія:

1) Хронологическій порядокъ сочиненій.

2) Пополненіе собранія ихъ.

3) Пересмотръ текста по рукописямъ.

4) Приложеніе къ нему варіантовъ.

5) Подробныя объяснительныя примѣчанія, которыя для удобства читателя сопровождали бы текстъ изъ страницы въ страницу.

6) Литература и библіографія сочиненій Державина.

7) Біографія его.

8) Сводъ всего, что было писано о Державинѣ въ прозѣ и стихахъ, какъ въ похвалу его, такъ и въ порицаніе.

9) Указатели предметные, библіографическіе, лексическіе и другіе, какіе окажутся нужными.

Изъ этого читатель можетъ видѣть, что аппаратъ изданія дѣйствительно можетъ быть обширенъ. Біографія Державина и окончательное сужденіе г. Грота о значеніи его еще впереди, такъ что намъ остается теперь сказать только о томъ, что даетъ издатель въ первомъ томѣ. Въ предисловіи г. Гротъ объясняетъ планъ своего предпріятія, сдѣлалъ обзоръ прежнихъ изданій Державина, перечислилъ уцѣлѣвшія рукописи, разсказалъ, откуда взялись рисунки, украшающія его изданіе (они были изготовлены еще заботами самого Державина), и затѣмъ дѣлаетъ обширные комментаріи къ піесамъ, изданнымъ въ первомъ томѣ. Здѣсь г. Гротъ далъ уже очень много мѣста своимъ объясненіямъ, которыя толкуютъ читателю не только поводъ, по какому

Державинъ написалъ то или другое изъ своихъ произведенiй, или общiй смыслъ ихъ, но разбираетъ ихъ по мелочамъ, входитъ въ малѣйшiя подробности, собираетъ всѣ варiанты, какiе отыскиваются въ разныхъ изданiяхъ или въ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ Державина. Это конечно такъ и слѣдуетъ въ академическомъ изданiи, но нельзя не пожалѣть, что г. Гротъ слишкомъ далеко простеръ свое усердiе; въ самомъ дѣлѣ, г. Гротъ занимается этими истолкованiями съ такой ревностью, что забываетъ наконецъ всякую мѣру: придетъ ли Державину въ голову писать какую нибудь оду, напримѣръ хоть «на счастiе», г. Гротъ начинаетъ чуть не съ сотворенiя мiра и толкуетъ, что подобный сюжетъ приходилъ въ голову уже и древнимъ поэтамъ, слѣдовательно могъ придти въ голову и Державину; если Державинъ выражалъ мысль о скоротечности всего земнаго, то эту мысль онъ могъ заимствовать у такого-то и такого-то писателя, — потому что такую мысль въ древности выражали такiе-то поэты и писатели, а въ новыхъ литературахъ и въ нашей отечественной такiе-то. Однимъ словомъ, г. Гротъ беретъ и читателя и поэта въ опеку, которая дѣлается наконецъ положительно скучной и несносной для перваго, и не совсѣмъ выгодной для втораго.

Стоитъ, напримѣръ, Державину написать:

> «Не слышимъ ли *въ бою часовъ*
> Гласъ смерти»...

Читатель и не подумаетъ видѣть въ этомъ размышленiи что нибудь особенное и требующее объясненiя, но г. Гротъ сейчасъ же ловитъ его на этомъ легкомысленномъ заключенiи и объясняетъ ему слѣдующее (стр. 464):

«Едва ли не Юнговы *ночи* заронили въ душу Державина эту мысль о значенiи боя часовъ (бѣдный! самъ-то этого не могъ придумать, по мнѣнiю г. Грота). Еще въ *Утреннемъ Свѣтѣ* за ноябрь 1778 г. появился переводъ первыхъ пѣсенъ этого мрачнаго произведенiя. Тамъ (стр. 231) читается между прочимъ мѣсто: «*Я* слышу, часъ бiетъ: мы примѣчаемъ время по единой онаго утратѣ. Премудро поступилъ человѣкъ, давъ колоколу языкъ. *Я* чувствую важный звукъ сей, любы слова ангела. Не обманываюсь я: се есть смертный звонъ скончавшихся моихъ часовъ. Гдѣ же они? Въ годахъ, предъ потопомъ протекшихъ. Се знакъ ко скорому отшествiю» и проч.

Жаль, что г. Гротъ не продолжилъ своей выписки: сюжетъ очень занимателенъ. Жаль также, что онъ не привелъ другихъ писателей, говорившихъ объ этомъ предметѣ: ихъ было очень много, съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены часы съ боемъ, — и примѣчанiе могло бы выйти гораздо длиннѣе.

Вслѣдъ за этими стихами Державинъ говоритъ о смерти:

«Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?»

Легкомысленный читатель подумаетъ, что и эта мысль не очень нова и не особено нуждается въ комментаріяхъ. Но г. Гротъ снова останавливаетъ его и объясняетъ ему (тамъ же, стр. 464):

«Подобно этому и Фонъ-Визинъ въ *Размышленіи о суетной жизни человѣческой* говоритъ: «Тщетно предпринимаемъ, Богъ располагаетъ! По волѣ Его смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертныхъ внезапнымъ ударомъ» и т. д.

Опять жаль, что г. Гротъ ограничился этимъ краткимъ отрывкомъ изъ Фонъ-Визина. Мало ли бы еще можно было найти у другихъ писателей примѣровъ разительнаго сходства съ мыслями Державина объ этомъ предметѣ; примѣчаніе опять могло бы быть несравненно длиннѣе.

Съ такимъ же стараніемъ г. Гротъ старается передавать всякіе мелочные варіанты, которые онъ отыскиваетъ въ старыхъ изданіяхъ и въ рукописяхъ, сообщаетъ, какъ предлагалъ измѣнить одинъ стихъ И. И. Дмитріевъ, какого мнѣнія о другомъ былъ Капнистъ, гдѣ Дмитріевъ написалъ: «прекрасно» и т. п. Излишнее усердіе и здѣсь доводитъ до того, что примѣчанія. нисколько не объясняя дѣла которое достаточно ясно, наконецъ до крайности надоѣдаютъ читателю. Варіанты могутъ быть конечно занимательны, но только тогда, когда они выражаютъ собой что нибудь серьезное; но если, какъ это постоянно бываетъ у Державина, они ограничиваются только вытачиваніемъ болѣе громкой фразы и становятся однимъ реторическимъ упражненіемъ, достаточно было указать эти стилистическіе заботы нѣсколькими примѣрами. Испещряя свое изданіе огромной массой этихъ варіантовъ, г. Гротъ — мы полагаемъ — только еще болѣе роняетъ репутацію своего поэта, потому что еще больше даетъ понять его господствующія реторическія наклонности.

Намъ гораздо больше нравятся «объясненія» самого Державина, которыя всегда остаются на реальной почвѣ и которыя всегда оказываются дѣйствительно нужны для пониманія стихотвореній. Если Державинъ говоритъ въ Фелицѣ:

«Дѣля хаосъ на сферы стройно» и т. д.

читателю никакъ не придетъ въ голову объясненіе, которое сообщаетъ ему самъ поэтъ:

—

«Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе всей имперіи на умѣренныя губерніи, въ которыхъ нѣсколькими учрежденными судами управляли губернскія правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ что не позволено переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую, изъ чего выходила такая запутанность, что разобрать было невозможно» и т. д. (стр. 278).

Ясно, что читателю такое объясненіе въ самомъ дѣлѣ необходимо: ему не могло въ голову придти, что сфера въ стихѣ Державина означаетъ сферу губернскаго правленія.

Мы совѣтовали г. Гроту удерживаться отъ излишней плодовитости въ своихъ примѣчаніяхъ: это никакъ не повредило бы изданію, а скорѣе было бы выгодно для него, потому между прочимъ, что могло бы значительно сократить его объемъ.

Мы не споримъ конечно, что многія примѣчанія г. Грота, стоившія ему конечно большаго труда, имѣютъ свой существенный интересъ при объясненіи Державина, напримѣръ многія историческія указанія; мы хотимъ только сказать, что если ужь есть у г. Грота столько желанія объяснять Державина, онъ можетъ обратить свое вниманіе на вещи болѣе серьезныя, чѣмъ скрупулезное разбираніе варіантовъ, свидѣтельствующихъ только о реторическихъ наклонностяхъ его писателя, чѣмъ толкованія о томъ, гдѣ могъ заимствовать Державинъ мысль о скоротечности земнаго или о боѣ часовъ, или чѣмъ изслѣдованіе о томъ, есть ли дѣйствительно волки въ окрестностяхъ водопада Кивача. Эти послѣдніе сюжеты чрезвычайно занимаютъ г. Грота: онъ заботливо доказываетъ, что волки есть дѣйствительно, что они чуть не при немъ самомъ задрали лошадь у знакомаго ему мужика; онъ почти готовъ представить объ этомъ предметѣ свидѣтельство мѣстной полиціи... Но смѣемъ увѣрить его, что это не главное въ дѣлѣ объясненія Державина и его времени, что изслѣдованіе могло бы съ большой пользой обратиться на многіе другіе пункты тогдашней жизни и литературы, и мы склонны думать, что именно эти пункты и будутъ менѣе отчетливо изложены у г. Грота. Насъ наводитъ на эту мысль то, что говоритъ онъ въ предисловіи о причинахъ, побудившихъ его заняться Державинымъ. Г. Гротъ заявляетъ, что онъ приступилъ къ дѣлу съ возможнымъ безпристрастіемъ къ тѣмъ разнорѣчивымъ сужденіямъ, которыя высказывались у насъ по поводу Державина, что онъ вовсе не чувствовалъ искушенія возводить своего героя въ идеалъ гражданскаго или поэтическаго совершенства. Мы этому совершенно вѣримъ, но кромѣ безпристрастія (качества совершенно похвальнаго, но еще вовсе неопредѣленнаго въ критическомъ смыслѣ) требовалось бы установить свою точку зрѣнія, объяснить себѣ, чего искать въ извѣстномъ времени или дѣятелѣ, на основаніи

какого критеріума опредѣлять ихъ значеніе. Г. Гротъ установляетъ свою точку зрѣнія весьма неясно. «Мы можемъ не сочувствовать устарѣлымъ формамъ поэзіи другаго вѣка,—говоритъ онъ,—какъ и вообще формамъ его жизни; но вопросъ, должны ли мы дорожить тѣми произведеніями слова, въ которыхъ онъ по своему проявилъ творческія силы духа человѣческаго, сводится къ другому, болѣе простому вопросу: должны ли мы имѣть исторію и науку? Державинъ былъ, по выраженію одного извѣстнаго критика, первый живой глаголъ юной русской поэзіи; по такому значенію его, въ подробностяхъ еще недостаточно опредѣленному, по его могучему природному таланту, многообразной дѣятельности и связи со всею современною ему эпохою, изученіе его представляетъ особенный интересъ. Вотъ почему Державинъ казался намъ достойнымъ сдѣлаться средоточіемъ цѣлаго круга изслѣдованій, относящихся къ литературѣ и общественной исторіи его времени. На насъ, близкомъ потомствѣ людей восемнадцатаго вѣка, лежитъ прямая обязанность разработывать памятники того времени и по свѣжимъ слѣдамъ пролагать будущимъ поколѣніямъ путь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Наша эпоха особенно благопріятна для выполненія такой задачи. У насъ историческія изслѣдованія такъ трудны отчасти именно потому, что каждое послѣдующее поколѣніе до сихъ поръ пренебрегало наслѣдіемъ предыдущаго. Отъ того-то и происходитъ, что вмѣсто достовѣрныхъ свѣдѣній о болѣе отдаленныхъ временахъ, мы часто должны довольствоваться предположеніями и тратить силы въ безплодныхъ поискахъ. Правда, нѣкоторые полагаютъ, что подробное изслѣдованіе фактовъ излишне и должно бы уступить мѣсто общимъ взглядамъ, соображеніямъ и выводамъ; но разсуждающіе такъ не замѣчаютъ, что они хотятъ строить зданіе безъ фундамента. Вѣрные выводы возможны только тогда, когда окончательно разработаны всѣ факты; выводы же произвольные чрезвычайно легки, но они за то и цѣны не имѣютъ».

Изъ всего этого нельзя понять точки зрѣнія, о которой мы говорили. Г. Гротъ жалуется только, что мы не изучали своего прошедшаго,—но почему это могло бы быть прискорбно, онъ не объясняетъ. Мы не знаемъ также, кто возставалъ противъ изученія фактовъ и требовалъ однихъ общихъ взглядовъ, — это что-то очень странное, и едва ли существуютъ «разсуждающіе такъ», если только они не лишены здраваго смысла. Нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія со стороны самого г. Грота; не навязываетъ ли онъ самъ этихъ разсужденій людямъ, которые могли усумниться въ интересѣ мелочной разработки нашего прошедшаго, какая производилась у насъ до сихъ поръ? Если такъ, онъ очевидно не понялъ, въ чемъ дѣло.

Все, что сказалъ въ приведенной выпискѣ г. Гротъ, сводится къ

тому, что мы должны изучать свое прошедшее, если хотимъ имѣть исторію и науку. Это не подлежитъ конечно сомнѣнію. Но какъ изучать это прошедшее, что можемъ мы извлечь изъ этого прошедшаго, въ чемъ именно заключается интересъ изученія напримѣръ Державина, — этотъ вопросъ остается теменъ для читателя г. Грота. Если были люди, утверждавшіе (по словамъ г. Грота), что подробное изученіе фактовъ излишне, — они вѣроятно хотѣли сказать именно то, что для нашей настоящей минуты есть вопросы, болѣе требующіе разъясненія и болѣе возбуждающіе интересъ, чѣмъ напримѣръ хоть сочиненія Державина. Они вѣроятно хотѣли сказать, что эпоха Державина извѣстна намъ достаточно для того, чтобы мы составили себѣ ясное понятіе объ ея историческомъ значеніи, и что она вовсе не представляетъ для насъ такого прошедшаго, которое бы производило и на нашу собственную эпоху какое нибудь живительное вліяніе. И эти люди конечно правы. Если у насъ «каждое послѣдующіе поколѣніе пренебрегало до сихъ поръ наслѣдіемъ предыдущаго», то имѣло на это свои достаточныя основанія: люди могутъ дорожить только тѣмъ наслѣдіемъ, которое важно для нихъ собственнаго успѣха и благополучія. Иначе это наслѣдіе теряетъ для нихъ свою цѣну и становится довольно индифферентнымъ предметомъ историческаго любопытства. Подобный взглядъ, по видимому эгоистическій, вовсе не есть недостатокъ общества, которое имъ отличается; потому что онъ естественно проистекаетъ изъ интересовъ общества, а они всегда направляются къ тому, что представляетъ какія нибудь выгоды для его образованія или матеріальныхъ успѣховъ. Когда общество забываетъ «наслѣдіе» прошедшаго, это значитъ только, что наслѣдіе его далеко не удовлетворяетъ, и винить его за это невозможно: чѣмъ же виновато общество въ этомъ забвеніи, если прошедшее не представляетъ ему ничего кромѣ отжившихъ традицій, кромѣ неутѣшительныхъ фактовъ невѣжества и грубости. Собственныя стремленія его не находятъ въ прошедшемъ никакой поддержки, и общество по необходимости обращается въ другую сторону.

Прилагая эти общія замѣчанія къ настоящему случаю, мы увидимъ, что было бы не совсѣмъ справедливо обвинять и наше общество въ томъ, что оно перестаетъ интересоваться преданьями нашего восьмнадцатаго вѣка. Въ этихъ преданьяхъ только немногое можетъ возбудить наше истинное сочувствіе, и это немногое — вѣроятно не совсѣмъ то, что предполагаетъ г. Гротъ. Мы вѣроятно не скажемъ ничего парадоксальнаго, если выразимъ наше мнѣніе, что напримѣръ къ Державину стали равнодушны теперь не только люди, слишкомъ занятые интересами минуты, но и цѣлое русское общество: Державинъ едва ли гдѣ нибудь читается

кромѣ учебныхъ заведеній. Съ этимъ согласится вѣроятно г. Гротъ, если захочетъ быть безпристрастнымъ, — и такое равнодушіе общества служитъ яснымъ признакомъ, что Державинъ и дѣйствительно потерялъ уже для насъ всякое живое значеніе. Для историка, который занимается восьмнадцатымъ столѣтіемъ съ такимъ же интересомъ, какъ и пятнадцатымъ, Державинъ конечно останется всегда любопытенъ, но для общества, не имѣющаго специально археологическихъ вкусовъ, онъ уже не занимателенъ. Литературные старовѣры сознаютъ это и съ негодованіемъ укоряютъ общество въ неуваженіи къ прежнимъ славамъ нашей литературы и т. п., но извѣстно, что эти укоры вызываютъ только еще болѣе сильную реакцію въ людяхъ другаго мнѣнія. Если писатель берется въ наше время еще разъ изображать намъ Державина, онъ долженъ объяснить себѣ эти взгляды общества и ихъ источникъ; съ точки зрѣнія старовѣровъ, онъ не успѣетъ возбудить участія къ своему труду, — это участіе возможно только тогда, когда онъ войдетъ въ современный общественный интересъ, освѣтитъ прошедшее тѣми понятіями, которыя одни имѣютъ силу въ настоящій періодъ общественнаго развитія... Иначе, книга можетъ пожалуй выйти богатымъ складочнымъ мѣстомъ разнаго рода свѣдѣній, но и только: живаго общественнаго интереса, котораго отъ нея добиваются, въ ней не будетъ.

Г. Гротъ полагаетъ дальше, что наше время особенно благопріятно для разработки памятниковъ восемнадцатаго вѣка, и что на насъ лежитъ прямая обязанность прокладывать путь для будущихъ изысканій. Съ этимъ мы также не совсѣмъ согласны. Правда, мы близки къ восемнадцатому вѣку и можемъ еще собирать его преданья и документы; но этого еще мало. Восемнадцатое столѣтіе такъ близко къ намъ съ другой стороны, что мы не въ состояніи воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который былъ бы намъ доступенъ. Эта близость налагаетъ на насъ такое количество умолчаній, что для насъ рѣшительно невозможно въ настоящую минуту имѣть полную и достовѣрную исторію этого времени. Г. Гроту извѣстно безъ сомнѣнія, какъ недавно мы получили возможность читать въ печати нѣкоторыя произведенія, напримѣръ нѣкоторые мемуары восьмнадцатаго столѣтія, и какъ много остается событій этого столѣтія, которыя еще не могутъ быть разсказаны и объяснены теперь съ надлежащей полнотой и вѣрностью. Такимъ образомъ наше время выходитъ, напротивъ положительно неблагопріятно для изученія такой эпохи, какъ конецъ восьмнадцатаго столѣтія, не говоря уже о временахъ болѣе близкихъ. Разсказъ, написанный при такихъ условіяхъ, конечно не можетъ быть настоящей исторіей, потому что въ немъ будетъ недоставать очень многихъ и часто самыхъ существенныхъ обстоятельствъ. То, что

можетъ быть свободно отъ всякихъ умолчаній, часто будетъ и весьма неважно въ историческомъ смыслѣ.

Дальше, г. Гротъ полагаетъ, что именно Державинъ можетъ сдѣлаться средоточіемъ цѣлаго ряда изысканій о литературѣ и жизни восьмнадцатаго вѣка, такъ какъ онъ былъ «первымъ живымъ глаголомъ юной русской поэзіи». Это можетъ быть вѣрно въ той степени, когда изысканія будутъ имѣть спеціальную литературно-историческую цѣль, а не болѣе общую цѣль—изображеніе тогдашней жизни и развитія вообще, потому что—какъ бы ни высоко цѣнилось литературное значеніе Державина—это значеніе было слишкомъ внѣшнее и формальное: Державинъ не былъ въ нашей литературѣ представителемъ и проповѣдникомъ новой мысли, способной двигать общество, какъ былъ, напримѣръ, Ломоносовъ; онъ былъ слишкомъ мало самостоятеленъ въ культурномъ смыслѣ, чтобы съ него могла быть начата какая нибудь новая эпоха въ общественной жизни. Вліяніе Державина въ этой области слишкомъ поглощается другими вліяніями, потому что его поэзія, хотя бы она и была «первымъ глаголомъ», была глаголомъ очень слабымъ по своей внутренней сущности. Если выбирать истинно культурное явленіе въ нашемъ общественномъ развитіи восьмнадцатаго вѣка, то имъ скорѣе можетъ быть Новиковъ и тогдашняя сатира, чѣмъ Державинъ: за ними есть гораздо болѣе важнаго внутренняго значенія.

По поводу нынѣшняго академическаго изданія Державина намъ случалось слышать такой вопросъ: отвѣчаетъ ли это изданіе современной общественной потребности? Этотъ вопросъ можетъ показаться страннымъ или даже обскурантнымъ: кому же можетъ быть запрещено заниматься тѣмъ, что его интересуетъ? Державинъ во всякомъ случаѣ можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, и такое изслѣдованіе всегда своевременно; притомъ же академическое отдѣленіе, посвященное русской словесности, именно и обязано пещись объ изученіи отечественныхъ писателей. При всемъ томъ выставленный выше вопросъ совершенно возможенъ для людей общества. Академическая дѣятельность очевидно также должна принадлежать обществу, какъ и всякая другая общественная дѣятельность; она располагаетъ весьма значительными средствами, которыя конечно должны быть болѣе или менѣе производительны. Такимъ образомъ совершенно возможенъ вопросъ о томъ, до какой степени производительно употреблены эти средства... Притомъ, академическая дѣятельность вообще, и не только у насъ однихъ, нерѣдко возбуждаетъ въ обществѣ недовѣрчивость и скептицизмъ; она имѣетъ способность до такой степени отрываться отъ живаго міра, до такой степени втягиваться въ педантическія мелочи науки, что въ большей части случаевъ ака-

деміи совершенно потеряли ту важность своего положенія, въ какой они были бы способны при другихъ условіяхъ своей дѣятельности. Это послѣднее замѣчалось и въ дѣятельности нашей академіи: основанная съ прямой цѣлью распространенія знанія, она уже давно стала храмомъ науки, закрытымъ для непосвященныхъ, и наконецъ почти безполезнымъ для нихъ. Особыя обстоятельства сдѣлали ее почти совершенно нѣмецкой, до такой степени, что кромѣ календаря она не сдѣлала никакихъ русскихъ изданій; у себя дома она разработывала занимательные вопросы о греческихъ надписяхъ и подобныхъ предметахъ; она занималась пожалуй и Россіей, но опять на нѣмецкомъ языкѣ. Къ ней прибавилось потомъ русское отдѣленіе, но и оно стало въ странное положеніе,—труды его большей частью были извѣстны только немногимъ спеціалистамъ, да и для нихъ не всегда бывали удовлетворительны; публика мало по малу перестала интересоваться ими, потому что встрѣчалась или съ вещами, крайне спеціальными, или съ педантической рутиной, которая ее нисколько не занимала. Общество, интересовавшееся «русской словесностью», всего меньше искало ся въ изданіяхъ академіи. Понятно, что когда академія выступила съ изданіемъ, требовавшимъ вниманія общества, изданіемъ великолѣпнымъ и стоившимъ большихъ денегъ, прежній скептицизмъ общества могъ выразиться вопросомъ: нужно ли такое изданіе въ настоящую минуту? нѣтъ ли у русскаго общества и русскаго народа другихъ, болѣе существенныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ они могли бы ждать отъ учрежденія, основаннаго съ цѣлью удовлетворенія потребностей знанія? Общество дѣйствительно можетъ задавать себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли русской академіи, стоящей въ особыхъ отношеніяхъ къ своему обществу, болѣе обязанной заботиться объ его умственныхъ потребностяхъ, чѣмъ обязываютъ себя другія академіи, — слѣдуетъ ли ей браться за великолѣпныя изданія, составляющія литературную роскошь, когда и обществу и народу недостаетъ многихъ другихъ, гораздо болѣе необходимыхъ вещей?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОМНѢНІЯ УМОВЪ РОБКИХЪ ИЛИ РЕТРОГРАДОВЪ ВЪ АБСОЛЮТНОЙ ПОЛЬЗѢ НАУКЪ.— ОПАСЕНІЯ, ВОЗБУЖДАЕМЫЯ «МОСКОВСКИМИ ВѢДОМОСТЯМИ» ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛЬЗЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ. — ДИСПУТЪ Г. СПАСОВИЧА. — МОГУТЪ ЛИ УЧЕБНИКИ БЫТЬ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫ ВМѢСТО ДИССЕРТАЦІИ pro gradu doctoris? — ПРЕДВОДИТЕЛИ ПАРТІЙ. — РѢШЕНІЕ ВОПРОСА О ТОМЪ, ПОЧЕМУ Г. ЛОНГИНОВЪ ДУМАЕТЪ, ЧТО ПѢСНОПѢНІЯ ДЕРЖАВИНА БУДУТЪ ВСЕГДА ЖИВЫ ВЪ ПОТОМСТВѢ? — ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ВРЕДНА У НАСЪ ОФФИЦІАЛЬНАЯ ПРЕССА?— КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ НОВАГО ПОЛОЖЕНІЯ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

Есть истины старыя, какъ свѣтъ, и ясныя, какъ свѣтъ, относительно истинности которыхъ то и дѣло однакожь возбуждается сомнѣніе въ умахъ робкихъ, и въ каждый почти вѣкъ истины эти въ томъ или другомъ отношеніи, прямо или косвенно низводятся на степень спорныхъ вопросовъ. Къ числу такихъ истинъ относится вопросъ о пользѣ наукъ. Абсолютно ли всегда и вездѣ полезны науки? Полезно ли распространеніе полнаго свѣта ихъ во всѣхъ классахъ народа, во всѣхъ его званіяхъ и состояніяхъ? Вопросъ этотъ возбуждался едва ли не каждый вѣкъ со времени перваго появленія наукъ. Еще Эпикуръ говорилъ: «πασαν παιδειαν φευγε» «всякаго ученія бѣгай», разумѣя подъ ученіемъ ученое образованіе, которое давалось въ его время. Надъ Жанъ-Жакомъ Руссо смѣялись, что онъ ради назначенной академіею преміи отрекся отъ Аполлона. Но вопросъ объ абсолютной пользѣ наукъ не перестаетъ быть для нѣкоторыхъ вопросомъ и до нашего времени.

Говорятъ: науки никогда не давали и не могутъ дать счастія обществамъ и людямъ. Идеалы, которые онѣ создаютъ, слишкомъ высоки для жизни, не въ размѣрѣ тѣхъ средствъ и положеній, которыя существуютъ въ дѣйствительности. Онѣ возбуждаютъ въ людяхъ неисполнимыя требованія, желанія, надежды, которыя, при безсиліи надъ дѣйствительностію, доводятъ иногда лучшіе умы до апатіи ко всему, до болѣзненнаго раздраженія, хандры, отчаянія, однимъ словомъ, превращаютъ жизнь ихъ въ безплодное мученіе. У людей необразованныхъ нѣтъ широкихъ идеаловъ. Ихъ надежды, желанія, требованія стоятъ очень близко къ дѣйствительности; онѣ легко достижимы и исполнимы. Оттого тамъ не бываетъ ни разлада въ обществѣ, ни внутренней борьбы и разладицы въ частныхъ людяхъ. «Зажиточный образованный европеецъ,—говоритъ одинъ писатель,—конечно счастливѣе дикаго индѣйца,—и этимъ онъ безъ сомнѣнія обязанъ наукѣ,—но съ другой стороны дикій индѣецъ не въ примѣръ счастливѣе бѣднаго необразованнаго европейца, и это большею частію. Грубый сынъ природы долженъ бороться только съ бѣдствіями этой природы, къ борьбѣ съ которыми онъ болѣе приготовленъ, нежели сынъ культуры,—а между тѣмъ надъ послѣднимъ тяготѣютъ еще бѣдствія общественныя. Кто не выѣзжалъ никогда изъ Европы, тотъ взглядъ Жанъ-Жако-Руссо на науки находитъ мрачнымъ и одностороннимъ. А между тѣмъ почитайте Ле-Вальянта и Палласа; имъ среди готентотовъ и татаръ было гораздо лучше, нежели въ Парижѣ и Петербургѣ. Никогда путешественникъ не слыхалъ, чтобы дикіе называли себя несчастными; между тѣмъ сравните вы іереміады по этому предмету въ нашихъ деревняхъ или подите въ предмѣстія большихъ городовъ. Народы природы наслаждаются самымъ высшимъ отрицательнымъ счастьемъ. Они имѣютъ мало нуждъ, и имѣютъ однакожь необходимое для жизни. Между ними рѣдко встрѣчаются больные; еще меньше мужчинъ, одержимыхъ меланхоліей, и женщинъ, страдающихъ истерикой, — и вовсе нѣтъ самоубійцъ. Никогда не находили дикихъ, которые бы сочувственно смотрѣли на наши нравы и обычаи, а между тѣмъ не мало было европейцевъ, которые съ удовольствіемъ принимали образъ жизни дикихъ. Спросите сына культуры: счастливъ ли онъ? и сына природы: несчастливъ ли онъ,—и если они оба отвѣтятъ вамъ: нѣтъ, то этимъ порѣшится давнишній споръ о наукѣ».

Находятъ и еще сторону въ наукахъ, вредно вліяющую на общественное благосостояніе. Говорятъ: наука, служа для быстраго развитія удобствъ жизни, комфорта, роскоши, прихотей, сосредоточиваетъ людей во вредъ правильному развитію обществъ въ огромныя массы, каковыя представляютъ собою всѣ большіе города, — гдѣ люди, совер-

шенно оторванные отъ природы, создаютъ для себя чисто искуственный образъ жизни съ ненормальными отношеніями между собою, съ ненормальными занятіями и наслажденіями, съ ненормальными отношеніями труда къ отдыху и наслажденіямъ. Одни проводятъ здѣсь всю жизнь въ утомительномъ, несоразмѣрномъ съ силами, часто прямо вредномъ физическомъ трудѣ изъ-за насущнаго куска хлѣба, и тѣмъ не только препятствуютъ правильному развитію силъ физическихъ, но и истощаютъ ихъ. Другіе разслабляютъ свое тѣло излишнимъ умственнымъ трудомъ, роскошью, нѣгою, удовольствіями. Въ томъ и другомъ случай условія жизни оказываются одинаково неблагопріятными для правильнаго и здороваго развитія тѣлеснаго организма. Проходя черезъ рядъ подобныхъ поколѣній, порода людей слабѣетъ физически, изнѣживается, дѣлается слабонервною, непереносливою ни противу физическихъ внѣшнихъ вліяній, ни въ трудахъ, ни въ страданіяхъ, ни даже въ наслажденіяхъ. А съ этимъ вмѣстѣ не можетъ не падать въ извѣстной степени и нравственный характеръ нетолько частныхъ лицъ, нои цѣлыхъ обществъ. «Изнѣженность, говоритъ тотъ же писатель, дѣлаетъ людей не только сонными, но и пріучаетъ ихъ къ коварству и подлости. Древніе римляне въ свои лучшія времена считали долгомъ предостеречь своего врага Пирра, что его хотятъ отравить; римляне изнѣженные требовали выдачи или умерщвленія Ганнибала. Камиллъ велѣлъ раздѣть и связать того гнуснаго учителя, который передалъ ему дѣтей знатнѣйшихъ Фалисковъ, какъ лучшее средство принудить храбро защищавшихся гражданъ къ сдачѣ города, — и отправилъ его въ такомъ видѣ назадъ подъ конвоемъ самихъ дѣтей, приказавъ имъ сѣчь его розгами. Можно ли ожидать чего нибудь подобнаго отъ нашихъ уже въ колыбели развращенныхъ и разслабленныхъ нѣженокъ? Древніе превосходили насъ въ добродѣтеляхъ, требовавшихъ мужества; мы превосходимъ ихъ въ добродѣтеляхъ мягкаго свойства; у нихъ была развита болѣе общественная жизнь, у насъ развита болѣе жизнь домашняя; наши пороки — своекорыстіе, суетность, покоелюбіе, ненависть, зависть; пороки древнихъ — честолюбіе, мщеніе, жестокость, невоздержность, и грубость,—а пороку только утончившемуся, хотя онъ имѣетъ и приличный видъ, менѣе можно довѣрять. Древніе представляли собою родъ стоячій и ходячій, — мы представляемъ собою родъ сидячій и много что ѣздящій. Даже образованныя нынѣшнія войска дрогнули бы передъ фалангами Александра и легіонами цезаря безъ батарей, какъ дрогнули нѣкогда римскіе легіоны передъ германцами и арабы передъ рыцарями крестовыхъ походовъ. Я ужь не смѣю упоминать о томъ библейскомъ геркулесѣ, который носилъ ворота, разрывалъ канаты какъ нитки, и своими плечами обрушилъ цѣлый

дворецъ надъ собой и тремя тысячами филистимлянъ. Во время сраженія съ императоромъ Констансомъ одинъ лонгобардъ поддѣпилъ своею алебардою греческаго офицерика и поднялъ его высоко вверхъ; греческое войско пришло въ ужасъ, и сраженіе было проиграно». Имѣя въ виду всеобщее физическое разслабленіе, нервную испорченность нашего времени, авторъ не придаетъ слишкомъ большой цѣны даже гуманности современныхъ нравовъ, почитая ее во многихъ случаяхъ естественнымъ послѣдствіемъ изнѣженности. «Мягкость нрава, говоритъ онъ, родная дочь изнѣженности; что въ другихъ мѣстахъ дѣлаетъ одинъ, то здѣсь то же самое дѣлаютъ обыкновенно дюжины людей. И мнимое добросердечіе, проистекающее изъ этой мягкости, есть чисто эпикурейческое, и можетъ быть, имѣетъ отрицательное достоинство; но уже никакъ не положительное. Многіе не могутъ ни въ чемъ отказать только потому, что это для нихъ гораздо короче и удобнѣе, нежели противное; есть много примѣровъ, что люди отдаютъ вѣрнѣйшіе процессы за ничтожныя деньги, другіе жертвуютъ покоемъ цѣлой своей жизни изъ за страха разводнаго процесса, третьи, изъ чистой лѣни, не отвѣчаютъ ничего на чернѣйшія клеветы противъ нихъ, и міръ, не зная ни этихъ людей, ни причинъ, отъ которыхъ происходитъ ихъ доброта, называетъ ихъ людьми благороднѣйшими».

Въ наше время выдвинулся рядъ новыхъ обвиненій противъ науки.

Политическія движенія народовъ, начавшія волновать Европу со времени французской революціи и продолжающіяся доселѣ, весьма естественно должны были привлечь къ себѣ общее вниманіе всѣхъ. Этимъ самымъ данъ былъ толчокъ и преимущественной разработкѣ извѣстной отрасли наукъ. Люди мыслящіе занялись изученіемъ устройства разныхъ обществъ и государствъ, разсмотрѣніемъ существующихъ въ нихъ недостатковъ, замедляющихъ правильность ихъ нормальнаго развитія, созданіемъ новыхъ теорій государственнаго и общественнаго быта. И какъ не было еще ни одной истины, которая бы завоевывала себѣ законное торжество, не выдержавши борьбы съ безчисленнымъ множествомъ заблужденій, съ нею однородныхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что рядомъ съ трудами и изысканіями дѣльными, рядомъ съ теоріями болѣе или менѣе основательными, явились работы и изслѣдованія поверхностныя, теоріи ошибочныя, мечтательныя, даже химерическія. А такъ какъ, кромѣ того, всякое направленіе мысли, имѣющее успѣхъ въ обществѣ, занимающее его, непремѣнно привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, заставляетъ заниматься вопросами торжествующаго въ обществѣ направленія и умы крѣпкіе и умы слабые, и людей добросовѣстныхъ, и шарлатановъ, то нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что и въ обществѣ, и литературѣ, среди разсужденій дѣльныхъ и основательныхъ, слу-

чается слышать очень много толковъ и сужденій нелѣпыхъ и смѣшныхъ, и химерическихъ. Все это въ порядкѣ вещей. Все это однакожь очень безпокоитъ людей ультраконсервативныхъ. Риль, одинъ изъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ ученыхъ по своей наблюдательности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма замѣчательный ретроградъ, желающій поворотить Германію къ тому первобытному образу жизни, изъ котораго она выведена цивилизаціей, съ ужасомъ смотритъ на непомѣрное развитіе литературнаго труда въ Германіи, на политическую лихорадку, охватившую все общество. Онъ доходитъ до того, что подобныя явленія готовъ объяснять ослабленіемъ, истощеніемъ нервной системы во всѣхъ современныхъ германцахъ.

Все это было бы только смѣшно и незаслуживало бы никакого слова, если бы подобныя мысли не появлялись въ нашей текущей литературѣ и не дѣлались базисомъ для сужденій очень практическихъ относительно образованія нашего народа и относительно наукъ вообще въ нашемъ отечествѣ.

Въ № 2 «Московскихъ Вѣдомостей» мы прочли слѣдующую замѣтку подъ названіемъ: *Теперешнее направленіе нѣмецкой педагогики*, «Нѣмецкіе государи издавна искали славы не столько въ управленіи политическими дѣлами, сколько въ покровительствѣ наукамъ и въ учрежденіи учебныхъ заведеній. Этотъ протекціонизмъ особеннаго рода превратилъ занятія науками въ ремесло (!?) и привлекъ къ этимъ занятіямъ, униженнымъ до ремесла (!!??), значительную часть народныхъ силъ, которыя, при естественномъ ходѣ дѣла, оживили бы собой другія сферы народной жизни (*какъ будто знанія научныя препятствуютъ, а не способствуютъ человѣку оживлять другія какія бы то ни было сферы!*). Жалкое положеніе политическихъ дѣлъ въ Германіи, поразительное отсутствіе тамъ способныхъ политическихъ людей (?), удивительная политическая незрѣлость тамошнихъ обществъ (?),—все это было бы невозможно и необъяснимо въ такомъ политическомъ народѣ, какъ народъ нѣмецкій, если бы нѣмецкіе государи не развивали такъ непомѣрно нѣмецкой учености на податныя деньги (!?). Можно было бы по видимому ожидать, что политическое ничтожество Германіи будетъ выкуплено ея ученостью, благосостояніемъ ея учебныхъ заведеній, блистательными успѣхами народнаго просвѣщенія. Но увы! тепличные плоды никогда не бываютъ здоровы. Нѣмецкая ученость на ряду съ своей почтенною стороною представляетъ чрезвычайно много комическаго, дѣлающаго нѣмецкихъ *гелертеровъ* предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ (*какъ будто самымъ множествомъ смѣшныхъ гелертеровъ въ Германіи не доказывается всего яснѣе, что нигдѣ наука не имѣетъ такихъ глубокихъ и прочныхъ корней въ обществѣ, какъ тамъ!*). Нѣмецкая студенческая жизнь служитъ

ступенью къ *филистерству*, а нѣмецкіе педагоги, состоящіе на казенномъ жалованьи, принимаютъ не малое участіе въ распространеніи противоестественныхъ и противообщественныхъ взглядовъ и направленій. Достаточно указать въ доказательство послѣдняго на результатъ собранія преподавателей, бывшаго въ Мангеймѣ. Почтенные педагоги съ одушевленіемъ разсуждали, между прочимъ, о слѣдующихъ великихъ вопросахъ, казавшихся имъ весьма либеральными: о народномъ училищѣ, какъ государственномъ учрежденіи; о полномъ отдѣленіи школы отъ церкви; объ устраненіи христіанскаго элемента».

Если бы авторъ говорилъ только о мангеймскихъ педагогахъ, заявлявшихъ такія противообщественныя и противоестественныя стремленія, — то туда имъ и дорога. Но авторъ отъ частнаго случая мангеймскихъ педагоговъ заключаетъ, что такое направленіе имѣетъ вся нѣмецкая педагогія, — тогда какъ не болѣе, какъ три мѣсяца тому назадъ, при спорѣ съ г. Вороновымъ о классическомъ образованіи, «Московскія Вѣдомости» относились со всѣмъ почтеніемъ къ нѣмецкой педагогіи и признавали ее образцовою. Но въ настоящемъ случаѣ «Московскія Вѣдомости» не ограничиваются и педагогіею. Изъ того, что мангеймскіе педагоги обнаружили противоестественныя и противообщественныя стремленія, изъ того, что въ Германіи много смѣшныхъ телертеровъ, «Московскія Вѣдомости» дѣлаютъ заключеніе, что не слѣдовало германскимъ правительствамъ покровительствовать наукамъ и учебнымъ заведеніямъ, не слѣдовало привлекать къ занятію науками значительную часть народныхъ силъ, не слѣдовало развивать непомѣрно учености на *податныя* деньги!!! Какъ будто податныя деньги даетъ не народъ и какъ будто на эти деньги можно дать какое нибудь высшее благо народу, чѣмъ образованіе!

Все это конечно курьезы, такіе курьезы, которые бы не заслуживали никакого вниманія, если бы «Московскія Вѣдомости» не клали этихъ самыхъ курьезовъ вопросомъ при рѣшеніи вопроса о народномъ образованіи у насъ.

Разсуждая въ 1 № нынѣшняго года о необходимости соображать преобразованія съ существующими въ дѣйствительности средствами, «Московскія Вѣдомости» между прочимъ говорятъ о проэктѣ преобразованія нашихъ народныхъ училищъ слѣдующее:

«Не дуренъ также и проэктъ, нѣсколько разъ подвергавшійся исправленію и нѣсколько разъ предлагавшійся обсужденію журналистики, — проэктъ о начальныхъ училищахъ. Онъ составленъ — это видно ясно — подъ вліяніемъ мысли, что образованіе весьма необходимо и весьма полезно для государства и общества, въ немъ видно желаніе снабдить этимъ образованіемъ наше крестьянское населеніе, хотя бы

насильно (!). Но оказалось, что этотъ проэктъ даже и невозможенъ. Не говоря уже объ отводѣ десятинъ земли и обязательной работѣ, онъ требовалъ безделицы—ежегодной издержки въ 12 милліоновъ рублей серебромъ; тогда какъ весь бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія едва доходитъ до 6 милліоновъ, и эта сумма очевидно *не можетъ* и *не должна быть* увеличиваема».

Читатель видитъ, что тѣ же самые мотивы, на основаніи которыхъ «Московскія Вѣдомости» осуждаютъ германскія правительства за излишнюю заботливость о распространеніи знаній въ народѣ, слышатся и здѣсь.

Во 1-хъ, что значитъ: снабдить крестьянское населеніе образованіемъ *насильно?*—Если построить въ извѣстной мѣстности среди крестьянъ школу и пригласить крестьянъ по добровольному желанію отдавать въ нее дѣтей для обученія, то значитъ ли это снабжать крестьянское населеніе образованіемъ насильно или нѣтъ?—Если бы наконецъ нашлись гдѣ нибудь крестьяне, по невѣжеству своему не желающіе учить дѣтей, то убѣждать ихъ разумными доводами въ пользѣ ученія и приглашать къ добровольной отдачѣ дѣтей въ училище будетъ ли насиліе или нѣтъ? — Если все это насиліе, то не было ни одного государства въ мірѣ, гдѣ бы по крайней мѣрѣ первоначальная закладка образованія народнаго происходила безъ насилія. Вѣрно ужъ таковъ законъ судебъ, что сидящему во тьмѣ надобно непремѣнно привести и показать свѣтъ, чтобы онъ могъ судить о немъ и достойно оцѣнить его!—По взгляду «Московскихъ Вѣдомостей» и графъ Толстой, воображающій свою школу свободнѣйшею изъ всѣхъ школъ въ мірѣ, дѣйствуетъ также насиліемъ. Впрочемъ, многочисленныя извѣстія, сообщаемыя изъ разныхъ мѣстностей, лежащихъ иногда въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ нашего отечества, показываютъ, что въ народѣ самомъ сильно чувствуется потребность образованія и нѣтъ средствъ только удовлетворить этой потребности. И не въ матеріальныхъ главнымъ образомъ средствахъ чувствуется нужда,—а въ способныхъ дѣятеляхъ, необходимыхъ въ дѣлѣ ученія. Слѣдовательно съ этой стороны ни въ какомъ отношеніи нельзя сказать о проэктѣ, чтобъ онъ хотѣлъ народу навязать образованіе насильно.

Далѣе, мы понимаемъ, что государство можетъ давать на дѣло народнаго образованія столько, сколько могутъ позволять ему другія не менѣе необходимыя его потребности. Если въ виду этихъ потребностей не можетъ быть отпускаемо для образованія болѣе 6 милліоновъ,—то и дѣлу конецъ. Но почему «Московскія Вѣдомости» думаютъ, что эта сумма и *не должна быть увеличиваема* свыше 6 милліоновъ, если бы оказалось то возможнымъ за удовлетвореніемъ другихъ потребностей?—Этой загадки не разрѣшаютъ «Московскія Вѣдомости». Намъ

кажется, что каждый, желающій истиннаго общественнаго благосостоянія, долженъ радоваться распространенію просвѣщенія въ народѣ, на какія бы средства это просвѣшеніе въ настоящее время ни приживалось. Что было бы съ нашимъ образованіемъ въ настоящее время и чѣмъ оно могло бы противостоять Европѣ, если бы всѣ и всегда у насъ смотрѣли на народное образованіе съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрятъ «Московскія Вѣдомости»?

Замѣчательнѣе всего то, что въ проэктѣ о преобразованіи народныхъ училищъ, обнародованномъ въ прошедшемъ году и напечатанномъ тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — откуда мы имъ тогда и пользовались, —не было ни слова ни о насильномъ навязываніи образованія крестьянамъ, ни объ огромныхъ издержкахъ въ 12 милліоновъ, требующихся на это дѣло, ни наконецъ о земляхъ, требуемыхъ для училищъ. Прочитавъ вышеприведенную нами замѣтку «Московскихъ Вѣдомостей», мы сначала предположили, что составленъ вѣрно какой нибудь новый проэктъ народнаго образованія, публикѣ не извѣстный, который имѣли въ рукахъ «Московскія Вѣдомости». Оказалось однакожь что же?—Пусть судитъ самъ читатель. Мы приводимъ здѣсь изысканія, сдѣланныя по этому предмету «Голосомъ», а также очень дѣльныя соображенія его относительно народнаго образованія въ Россіи вообще.

«До сихъ поръ, въ печати, по крайней мѣрѣ, обнародовано три проэкта начальныхъ училищъ; изъ нихъ два, первый и послѣдній, по времени выхода, принадлежатъ ученому комитету и одинъ—особой коммиссіи, безъ всякаго участія ученаго комитета. Въ обоихъ проэктахъ ученаго комитета содержаніе начальныхъ училищъ возложено, правда, на общества городскія и сельскія, но обществамъ этимъ предоставлена полная свобода учреждать, или не учреждать у себя училища. Въ последнемъ особенно проэктѣ система эта, вполнѣ раціональная, по нашему мнѣнію, принята безъ всякихъ ограниченій. Общества, чувствующія потребность въ ученьи, безъ сомнѣнія найдутъ и средства для удовлетворенія этой потребности, обусловливаемой, въ свою очередь, развитіемъ матеріальныхъ средствъ въ обществахъ. Только такое движеніе просвѣщенія, исключающее всякую тѣнь *насилія*, и можетъ быть названо естественнымъ. Въ проэктѣ начальныхъ училищъ особой коммиссіи принята совершенно другая система—именно система обязательнаго учрежденія начальныхъ училищъ, по одному, по крайней мѣрѣ, для каждой тысячи душъ, съ опредѣленнымъ, на счетъ общества содержаніемъ, въ 275 рублей для каждаго сельскаго училища и 440 рублей для каждаго городскаго училища. Разумѣется, что при этой системѣ, на 62 мильйона населенія пришлось бы имѣть 62,000 начальныхъ училищъ и употреблять на нихъ болѣе даже 12-ти мильйоновъ. Такому насильственному способу распространенія просвѣщенія мы, съ своей

стороны, не можемъ сочувствовать по тѣмъ же причинамъ, по которымъ соглашаемся съ противоположною системою, принятою, какъ замѣчено выше, въ проэктахъ ученаго комитета. Почему же авторъ передовой статьи «Московскихъ Вѣдомостей» остановился именно на проэктѣ особой коммиссіи, давно уже отвергнутомъ и потерявшемъ всякое значеніе, со времени изданія послѣдняго устава ученаго комитета? Очень просто почему: иначе, ему было бы невозможно составителей перваго и послѣдняго проекта начальныхъ училищъ заподозрить въ непрактичности и подвести подъ общій уровень прогрессистовъ-фантазёровъ, что требовалось доказать по заданной темѣ — и доказать какъ можно эффектнѣе, хотя бы и въ ущербъ истинѣ.

«Вѣдь шуточное ли дѣло, подумаетъ каждый читатель, требовать 12,000,000, на одни начальныя училища, когда весь бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на всѣ учебныя заведенія едва доходитъ до 6,000,000! Откуда же взять эти 12,000,000? Правительство, какъ справедливо замѣчаютъ «Московскія Вѣдомости», безъ обремененія народа новымъ и тяжелымъ, по настоящему времени, налогомъ, *не можетъ* дать этихъ мильйоновъ. Общества наши, прибавимъ мы отъ себя, бо́льшею частію также не могутъ и не захотятъ этого сдѣлать въ настоящее время. Но такого непрактическаго требованія, какъ замѣчено выше, и не заявляютъ проэкты ученаго комитета; оно высказано только въ давно уже покойномъ проэктѣ особой коммиссіи, впавшемъ, относительно этого вопроса, въ очевидную ошибку. Допуская, что особая коммиссія въ предложеніи системы обязательнаго учрежденія училищъ поступила непрактически, и соглашаясь, отчасти, съ «Московскими Вѣдомостями» даже въ томъ, что бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ настоящее время, *не можетъ* быть увеличенъ, по крайней мѣрѣ значительно, мы ни какъ не можемъ понять, почему этотъ бюджетъ и *не долженъ* быть увеличиваемъ современемъ.

«Къ чему приводитъ такое требованіе, составляющее сущность новой теоріи «Московскихъ Вѣдомостей» о народномъ образованіи, мы пояснимъ фактами. Въ настоящее время, изъ шести мильйоновъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія, собственно на начальныя училища, какъ видно изъ печатной смѣты доходовъ и расходовъ на 1864 годъ, идетъ только до 43,000, ассигнуемыхъ отъ казны на 126 училищъ городскихъ и сельскихъ (около 350 руб. на каждое училище). Если бюджетъ на просвѣщеніе *не долженъ* увеличиваться, то мы и должны были бы ограничиваться 126 начальными училищами на 62,000,000 населенія, что составило бы по одному училищу на 600,000 жителей. Этого ли желаютъ «Московскія Вѣдомости»? Къ счастію, такое странное veto, заявленное лицомъ, выдающимъ себя за глубокаго и всезнающаго практика, не имѣетъ уже и теперь никакого практическаго смысла». На начальныя училища имперіи, независимо отъ вышеозначеннаго бюджета, идутъ значительныя суммы отъ городскихъ и сельскихъ обществъ. Въ одномъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находится 1,499 начальныхъ училищъ, изъ которыхъ 1,073

содержится на счетъ обществъ; въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ состоитъ 6,367 училищъ; въ удѣльномъ вѣдомствѣ—2,074 училища; всего въ трехъ вѣдомствахъ 9,514 училищъ, содержимыхъ обществами (*). Положите примѣрно на содержаніе каждаго такого училища по 150 рублей, и вы получите 1,427,100 рублей сверхъ бюджета 6-ти мильйоновъ. Прибавьте къ этимъ цифрамъ начальныя училища вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и училища, открытыя духовенствомъ—вѣдь такихъ училищъ насчитаете вы до 20 тысячъ. Представьте себѣ, что, если въ большей части ихъ духовенство до сихъ поръ учитъ безвозмездно, то справедливость требуетъ въ будущемъ назначенія постояннаго вознагражденія обучающимъ, безъ чего дѣло это само собою падаетъ неминуемо, не смотря на всѣ побудительныя мѣры. Назначьте на каждое такое училище, круглымъ числомъ, по 100 рублей — и вотъ составится опять 2 мильйона. Слѣдовательно, на 29 тысячъ училищъ требуется около трехъ съ половиной мильйоновъ сверхъ бюджета 6-ти мильйоновъ.

«Но мы пойдемъ еще далѣе. Кто можетъ не пожелать въ будущемъ, чтобы число начальныхъ училищъ у насъ соотвѣтствовало количеству народонаселенія? Такое желаніе было бы близко къ осуществленію, еслибы у насъ образовалось, по крайней мѣрѣ, по одному училищу на каждыя 500 душъ, или на 62 мильйона населенія 124,000 училищъ. Кажется, такое желаніе очень скромно: на каждое училище придется круглымъ числомъ не менѣе 75 учащихся, считая по 15 дѣтей на каждые 100 жителей. Назначая самое ничтожное содержаніе — по 100 рублей на училище,—мы получимъ въ общей суммѣ 12,400,000, а при 200 рубляхъ на училище—24,800,000. Какъ видите, цифра громадная; но большому кораблю—большое и плаванье; мильйонному государству—и расходы на ученье мильйонные. Всѣ эти предположенія, конечно, pia desideria; до осуществленія ихъ намъ придется идти длиннымъ путемъ постепенности; да и осуществленіе это возможно и полезно только по мѣрѣ постепеннаго развитія матеріальныхъ средствъ народа и подъ условіемъ добровольнаго участія въ этомъ дѣлѣ городскихъ и сельскихъ обществъ, какъ предлагается это, и весьма благоразумно, съ полнымъ практическимъ тактомъ, въ проэктахъ ученаго комитета. Не такъ думаютъ «Московскія Вѣдомости». Изрекая безусловное запрещеніе увеличивать бюджетъ по просвѣщенію сверхъ шести мильйоновъ, они тѣмъ самымъ не только стремятся поддержать, по ихъ мнѣнію, statu quo, но идутъ даже назадъ, отвергая необходимость дѣлаемыхъ уже теперь значительныхъ, сверхъ 6 мильйоновъ, издержекъ на начальныя училища. Короче, «Московскія Вѣдомости» провозглашаютъ реформу, которая, по отношенію къ первоначальному образованію, должна отвинуть насъ назадъ, къ концу прошлаго столѣтія. Или, быть можетъ, «Московскія Вѣдомости» находятъ, что изъ 6-ти миллiоновъ бюджета

(*) Свѣдѣнія эти взяты изъ календаря за 1864 годъ.

министерства можно сократить издержки на университеты и гимназіи, и сдѣланное сбереженіе обратить на начальныя училища? Но, въ такомъ случаѣ, они не знаютъ, что въ этомъ бюджетѣ заключается еще далеко не вся сумма, назначенная уже по послѣднему штату на университеты, и что дальнѣйшая успѣшная дѣятельность гимназій также рѣшительно невозможна безъ увеличенія штатовъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны является въ близкомъ будущемъ необходимость выйти за предѣлы настоящаго бюджета.

«Поэтому, провозглашая свое безусловное veto, «Московскія Вѣдомости» дѣйствуютъ уже, конечно, не въ духѣ прогресса; это скорѣе — вражда къ просвѣщенію, стремленіе остановить его естественное развитіе, отнятіемъ необходимыхъ для этой цѣли матеріальныхъ средствъ, запрещеніе учиться, по крайней мѣрѣ, тремъ четвертямъ населенія всей Россіи!

«Не поздоровится русскому просвѣщенію отъ такихъ благожелателей!» («Голосъ»).

Обращаемся теперь къ *замѣткѣ по поводу диспута г. Спасовича*, напечатанной въ послѣднемъ № «Современной Лѣтописи» за прошедшій годъ, и имѣющей, по нашему мнѣнію, тѣсную связь съ взглядомъ «Московскихъ Вѣдомостей» на науку. Сама по себѣ замѣтка ничего: замѣтка, какъ замѣтка. Автору не давали на диспутѣ спокойно сидѣть на мѣстѣ и слушать диспутирующихъ, — онъ весьма естественно могъ огорчиться этимъ и заявить объ отсутствіи порядка на диспутахъ. Даже и то ничего, что въ сердцахъ онъ обругалъ мѣшавшихъ ему слушать мальчиками, невѣждами, нахалами; все это въ русскихъ нравахъ. Но странно бросается въ глаза предисловіе автора къ этой замѣткѣ, которое съ нею нисколько не вяжется и которое видимо написано съ тѣмъ, чтобы бросить грязью въ одного изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ права.

Вотъ это предисловіе:

«Въ воскресенье, 22 декабря, происходило въ с. петербургскомъ университетѣ публичное защищеніе магистромъ Спасовичемъ представленнаго имъ, вмѣсто диссертаціи на степень доктора, учебника уголовнаго права. Мы не будемъ говорить ни о трудѣ его, ни о томъ, въ какой степени удобно и законно принимать учебники, рѣдко заключающіе въ себѣ какія нибудь самостоятельныя изысканія, взамѣнъ диссертацій; не будемъ также говорить о способѣ его защиты вялой, безсвязной, уклончивой. Всѣ, не принадлежащіе къ *извѣстной* партіи, не могли не отдать полной справедливости возраженіямъ, которыя дѣлали докторанту профессоры: Андреевскій, Баршевъ, Лохвицкій, Рѣдкинъ, возраженіямъ, на которыя г. Спасовичъ отвѣчалъ весьма слабо. Нельзя было не удивляться, какъ г. Спасовичъ могъ до такой степени растеряться; но еще болѣе удивительно, что руко-

водители *извѣстной* партіи нашли нужнымъ покрывать рукоплесканіями защищеніе, которое собственно можно назвать не *защищеніемъ*, а развѣ *сочетаніемъ нѣсколькихъ безсвязныхъ фразъ*. Но оставимъ все это въ сторонѣ. Насъ болѣе всего удивило слѣдующее.» Далѣе авторъ разсказываетъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя терпѣли посѣтители отъ нахаловъ, невѣждъ, и т. п., о чемъ мы сказали выше.

Читатель видитъ, что предисловіе, т. е. то именно, что авторъ якобы оставляетъ въ сторонѣ, составляетъ *суть* замѣтки, — и цѣлію ея, очевидно, было сказать нѣчто весьма не лестное о г. Спасовичѣ и руководителяхъ извѣстной партіи, судя, по словамъ автора, не очень расположенныхъ къ достойнымъ профессорамъ, гг. Андреевскому, Бернеру, Лохвицкому, Рѣдкину и не заслуженно рукоплескавшихъ г. Спасовичу.

Всмотримся нѣсколько въ эту замѣтку.

Авторъ обвиняетъ г. Спасовича: 1) въ слабомъ защищеніи диссертаціи; 2) не находитъ удобнымъ и законнымъ давать за учебники, рѣдко заключающіе въ себѣ самостоятельныя изысканія, степень доктора и 3) сомнѣвается въ достоинствѣ самаго труда г. Спасовича.

1) Мы не были на диспутѣ г. Спасовича и не знаемъ, до какой степени слабо защищалъ онъ свою диссертацію. Но если бы эта слабость превосходила всякую степень,—стоило ли бы и въ такомъ случаѣ говорить объ этомъ обстоятельствѣ при диспутѣ такого докторанта, какъ г. Спасовичъ? Знаніе г. Спасовича въ томъ предметѣ, по которому онъ диспутировалъ, не подлежитъ сомнѣнію; не подлежитъ сомнѣнію даже умѣнье его излагать свой предметъ основательно, общепонятно и съ живымъ интересомъ, не смотря на нѣкоторый природный недостатокъ его рѣчи. Вся образованная петербургская публика слушала и знаетъ г. Спасовича, какъ одного изъ лучшихъ профессоровъ петербургскаго университета. Наконецъ, самъ авторъ неудовлетворительное защищеніе г. Спасовичемъ диссертаціи приписываетъ, повидимому, только тому, что г. Спасовичъ *растерялся*. Если такъ, то что изъ того, слабо ли г. Спасовичъ защищалъ свою диссертацію или не слабо. Слабость защищенія можетъ имѣть значеніе только тогда, когда о докторантѣ неизвѣстно: хорошо ли знаетъ онъ свой предметъ, или нѣтъ. Говорить же объ этомъ обстоятельствѣ въ приложеніи къ г. Спасовичу и притомъ съ тою интонаціею, съ какою говоритъ авторъ, можетъ только человѣкъ, который хочетъ человѣка достойнаго и всѣмъ извѣстнаго дойти, что называется, если не мытьемъ, то катаньемъ. Мы бывали на многихъ россійскихъ диспутахъ разнородныхъ и разностепенныхъ, и можемъ сказать, что диспуты съ блестящею вполнѣ защитою, т. е. съ отвѣтами не только бойкими, но и дѣльными, у насъ величайшая рѣдкость. Говоримъ мы это впрочемъ не толь-

но не въ обиду почтеннымъ докторантамъ, магистрантамъ, а напротивъ въ защиту ихъ. По нашему мнѣнію, какъ по самой блестящей защитѣ диссертаціи весьма трудно, даже едва ли возможно дѣлать какое бы ни было несомнѣнное заключеніе о блистательныхъ талантахъ диспутирующаго въ дѣлѣ научномъ, такъ точно изъ слабой защиты невозможно заключить объ отсутствіи этихъ талантовъ. Ежедневные опыты дѣлаютъ подрывъ всякимъ подобнымъ заключеніямъ и несомнѣнно доказываютъ, что человѣчество доселѣ, не смотря на всю гордость своимъ знаніемъ, не нашло еще такихъ вѣсовъ, которыми оно могло бы взвѣшивать различные умы по крайней мѣрѣ такъ же строго и точно, какъ вѣсятъ говядину и другіе предметы потребленія. Не только публичное защищеніе диссертаціи, а даже тщательный процессъ испытанія pro gradu doctoris совокупно съ ученою диссертаціею въ дѣлѣ измѣренія человѣческаго ума, составляетъ мѣрило очень плохое, не лучше русскаго безмѣна. Вотъ отчего, не смотря на обиліе у насъ съ давняго времени людей, облеченныхъ докторскою степенью, ученыхъ трудовъ, достойныхъ этой высшей степени, являлось въ публику весьма мало.

И мы не мало подивились, когда прочитали, что авторъ замѣтокъ впадаетъ въ сомнѣніе, можно ли за учебники, въ которыхъ можно рѣдко встрѣчать самостоятельныя изслѣдованія, давать степень доктора. Точно будто авторъ живетъ въ многоученой Германіи, а не въ Россіи! Точно будто у насъ учебники дѣло плевое, хоть пруды ими пруди, — а доктора только тѣмъ и заняты, чтобы дѣлать самостоятельныя изысканія въ наукѣ! Мы желали бы, чтобы авторъ сосчиталъ намъ тѣхъ докторовъ, которые сдѣлали самостоятельныя изслѣдованія, стоющія докторской степени, не только въ той диссертаціи, которую они писали pro gradu doctoris, а даже вообще въ продолженіи всей ихъ докторской жизни. Много ли ихъ? Мы думаемъ, что не обидимъ никакой докторской личности, когда скажемъ, что пока россійская публика бываетъ весьма довольна и тѣмъ, если докторъ имѣетъ на столько хорошій умственный желудокъ, что умѣетъ дѣльно выбирать и хорошо переваривать чужое. А то видите ли: авторъ фантазируетъ о какихъ-то самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и свысока относится объ учебникахъ!... Но гдѣ же они у насъ... порядочные учебники по безчисленнымъ предметамъ преподаванія въ низшихъ, среднихъ, высшихъ заведеніяхъ? Вѣдь ничего нѣтъ, исключая двухъ, трехъ сносныхъ учебниковъ. Хоть шаромъ покати! Если бы каждый, кому давалась докторская степень, со времени ея учрежденія у насъ, давалъ хорошій учебникъ по своей спеціальности, — это была бы благодать. Можетъ быть, теперь мы и дѣйствительно стояли бы уже на пути самостоятельныхъ изслѣ-

леній. Говорить же, безъ такой подготовки, о какихъ-то будто бы самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, какъ необходимой принадлежности каждой докторской диссертаціи у насъ, значитъ просто на просто шутить. Г. Спасовичу пришла, по нашему мнѣнію, самая счастливая мысль написать учебникъ по предмету своей специальности; этимъ онъ сдѣлалъ болѣе пользы, чѣмъ если бы даже *самостоятельно* разработалъ какую нибудь специальную специальность въ своей наукѣ, по примѣру многихъ другихъ докторовъ. Учебникъ г. Спасовича конечно не совершенство, по потому только, что теорія уголовнаго права не выработала доселѣ для себя твердыхъ началъ; въ такомъ смыслѣ и сдѣлалъ отзывъ о немъ «Современникъ», разсматривая его, какъ трудъ самостоятельный, съ точки зрѣнія на науку уголовнаго права вообще. Изъ этого однакожъ никакъ не слѣдуетъ, чтобы учебникъ г. Спасовича не представлялъ собою руководства дѣльнаго и полезнаго при изученіи уголовнаго права, на сколько могутъ быть дѣльны и полезны всякія подобныя руководства, при современномъ состояніи науки уголовнаго права. Но будучи неудовлетворителенъ въ твердости началъ теоретическаго построенія въ той мѣрѣ, въ какой неудовлетворительны всѣ заграничныя теоріи и учебники уголовнаго права по самому состоянію этой науки, учебникъ г. Спасовича содержитъ самостоятельныя критическія и практическія изслѣдованія въ сферѣ нашего законодательства, которыя одни, по суду знатоковъ, были бы достаточны для удостоенія автора ихъ степенью доктора. Люди, знающіе дѣло и бывшіе на диспутѣ г. Спасовича, даже съ диспута вынесли совсѣмъ другія впечатлѣнія, чѣмъ какія вынесъ авторъ замѣтки. Такъ авторъ замѣтки приходитъ въ восторгъ отъ возраженій оппонентовъ г. Спасовича. Г. Говоровъ (см. «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 1) говоритъ, напротивъ, что всѣ возраженія гг. оппонентовъ ограничивались только рутиною уголовныхъ теорій, — самостоятельная же, лучшая, дѣйствительно докторская часть учебника г. Спасовича оставалась ими не тронутою, потому именно, что была слишкомъ самостоятельна для ихъ знаній. «Глава седьмая, — говоритъ г. Говоровъ, — посвященная критическому разбору уложенія о наказаніяхъ 1845 г., составляетъ самостоятельное изслѣдованіе и ея одной достаточно было бы для того, что обыкновенно требуется для докторской диссертаціи. На эту главу было представлено однакожъ всего менѣе возраженій; можетъ быть потому, что въ сферѣ чистой идеи, въ области уголовныхъ теорій, какъ это доказывается и цѣлой исторіей науки, вообще пріятнѣе пребывать, чѣмъ обращаться къ положительному праву и къ критической его разработкѣ. Однимъ оппонентомъ замѣчено было въ этой главѣ отсутствіе историческаго метода, то есть, что разработкѣ уложенія не предшествуетъ у автора истори-

ческое развитіе началъ уголовнаго права.» Но на этомъ замѣчаніи не стоитъ останавливаться, потому что оно подсказано было оппоненту самимъ авторомъ, т. е. тѣмъ мѣстомъ его книги, гдѣ онъ говоритъ, что въ настоящее время «люди, занимающіеся уголовнымъ правомъ Россіи, менѣе интересуются вопросами о томъ, какъ возникло и сложилось то или другое постановленіе уложенія, нежели вопросами о томъ, на сколько тѣ или другія положенія соотвѣтствуютъ современнымъ потребностямъ общества и на сколько они согласны съ указаніями западно-европейской криминалистики; какія изъ нихъ прочны и могутъ послужить точками опоры при будущемъ развитіи законодательства, и какія обветшали и оказываются несостоятельными». Другой оппонентъ нашелъ здѣсь случай заступиться за графа Сперанскаго, который будто бы «затоптанъ авторомъ въ грязь». Съ чего это показалось оппоненту и почему онъ употребилъ такое азартное выраженіе, мы ни во время диспута, ни послѣ, когда обратились для разъясненія къ книгѣ г. Спасовича, не могли понять. Должно быть, больше для красоты слога. Другіе возражатели оставались преимущественно въ области теорій уголовнаго права... Въ главѣ *четвертой* о наказаніи (въ учебникѣ г. Спасовича) представлены на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій различныя системы тюремъ, точно также, какъ въ главѣ *седьмой* собраны весьма любопытныя данныя о нашей русской ссылкѣ; авторъ слѣдитъ за ссыльнымъ съ той минуты, когда ему объявленъ приговоръ, до того момента, когда онъ возвращаетъ себѣ потерянныя права состоянія поступленіемъ въ государственные крестьяне. На эти части труда не было представлено ни одного возраженія или замѣчанія, хотя они представляютъ наиболѣе практическаго интереса въ нашемъ ближайшемъ будущемъ, когда вопросъ объ устройствѣ тюремъ, такъ или иначе, да нужно будетъ рѣшить».

Переходимъ къ самому важному пункту замѣтки о людяхъ, принадлежащихъ къ *извѣстной* партіи и даже руководителяхъ *извѣстной* партіи, дѣйствовавшихъ на диспутѣ г. Спасовича. Авторъ счелъ нужнымъ слова: *извѣстной* обозначить курсивомъ, чтобы кто не подумалъ, что онъ заговорилъ объ извѣстной партіи спроста. Какая же это, спрашивается, *извѣстная* партія, благоволящая г. Спасовичу и не благоволящая гг. Андреевскому, Варшеву, Лохвицкому, Рѣдкину? и кто ея руководители? Если авторъ говоритъ о людяхъ, привязанныхъ къ г. Спасовичу за его хорошія чтенія, какъ къ профессору, какъ къ талантливому лектору, то въ этомъ случаѣ едва ли умѣстно названіе партія. Тогда и всѣхъ тѣхъ, которые предпочитаютъ серебряныя издѣлія Сазикова другимъ издѣліямъ, или тѣхъ, которые предпочитаютъ вина Елисѣева винамъ другихъ виноторговцевъ, также слѣдовало бы назвать партіей и искать между ними руководителей

партіи. Но надобно думать, что авторъ употребляетъ здѣсь слово партія не въ такомъ смыслѣ, ибо онъ не называетъ эту партію партіей г. Спасовича, а извѣстной партіей, вѣроятно, только солидарной съ г. Спасовичемъ по образу мыслей. Какая же бы это была у насъ такая партія? Спрашиваю я себя снова. Ужь не разумѣетъ ли здѣсь авторъ партію нашихъ либераловъ? Но въ такомъ случаѣ странно, зачѣмъ онъ, относя къ этой партіи г. Спасовича, не только исключаетъ изъ нея г. Лохвицкаго, а даже противополагаетъ ей? Куда же г. Спасовичу гоняться за г. Лохвицкимъ на счетъ либерализма! Г. Спасовичъ сидѣлъ себѣ мирно въ университетѣ, — и если являлся гдѣ въ свѣтъ, то развѣ на публичныхъ чтеніяхъ, и то впрочемъ такихъ, которыя были нѣкоторымъ образомъ обязательны по случаю закрытія петербургскаго университета. Г-нъ же Лохвицкій постоянно дѣйствовалъ на публицистической аренѣ и не иначе, какъ въ качествѣ либеральнаго публициста. Отчего бы партія либераловъ могла менѣе благоволить ему, чѣмъ г. Спасовичу? — Никто за г. Лохвицкимъ никакихъ противу-либеральныхъ грѣховъ не знаетъ. Можетъ быть, авторъ замѣтки знаетъ какіе нибудь, — въ такомъ случаѣ слѣдовало объясниться для всѣхъ понятно. Конечно, въ послѣднее время г. Лохвицкій сдѣлался сотрудникомъ «Русск. Инвал.», — но это на его либерализмъ, по нашему мнѣнію, не можетъ бросать никакой тѣни. Потому что всѣ наши и частныя изданія вполнѣ соотвѣтствуютъ, какъ оно и должно быть, намѣреніямъ правительства, — и если чѣмъ различаются между собою, то только тѣмъ, что одни изданія болѣе привлекаются прогрессивными тенденціями правительства, а другія болѣе — консервативными его тенденціями. А правительство, какъ и должно всякому правительству, естественно совмѣщаетъ въ себѣ и тѣ и другія тенденціи. Потому мы не находимъ ничего зазорнаго въ томъ, если либералъ, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, участвуетъ въ правительственномъ органѣ, находя, что его либеральныя тенденціи вполнѣ совпадаютъ съ либеральными тенденціями правительства. Вотъ другое дѣло, если онъ въ одной газетѣ будетъ пѣть одно, а въ другой другое, или пріютится писать въ такой газетѣ, гдѣ могутъ писать только люди по взглядамъ своимъ солидарные съ Суздальскимъ протопопомъ Аввакумомъ, какъ напримѣръ «Современная Лѣтопись». Но вѣдь съ г. Лохвицкимъ, кажется, ничего подобнаго не случалось? Однимъ словомъ, если подъ извѣстной партіей авторъ замѣтки разумѣетъ партію либераловъ, то для насъ остается тайной, почему онъ противополагаетъ г. Спасовича г. Лохвицкому. Не меньшей тайной остаются руководители партіи. Мы доселѣ думали, что либерализмъ у насъ есть извѣстный образъ воззрѣнія, принимаемый тѣми, кому онъ нравится по собственному разумѣнію, и если здѣсь можетъ быть

рѣчь о какихъ нибудь руководителяхъ, то развѣ о предводителяхъ въ области мысли... Авторъ же представляетъ нашихъ либераловъ подъ видомъ шаекъ, которыя подъ предводительствомъ своихъ руководителей ходятъ по общественнымъ собраніямъ и помогаютъ здѣсь людямъ, солидарнымъ съ ними по образу мыслей? Не въ томъ мы находимъ нелѣпость, что человѣкъ извѣстнаго образа мыслей помогаетъ другому, съ нимъ солидарному, правильно или по увлеченію, — все это весьма естественно. Нелѣпость мы находимъ въ томъ, что авторъ видитъ въ этомъ родъ какого-то скопа, заговора, утверждаетъ даже, что въ подобныхъ скопахъ бываютъ предводители, руководители партіи!!! Думаемъ, что мы имѣемъ полное право подобное представленіе считать и называть нелѣпостію дотолѣ, пока авторъ не докажетъ намъ, что дѣйствительно есть шайки либераловъ, ходящія по городу, и не назоветъ предводителей, подъ начальствомъ которыхъ онѣ расхаживаютъ. Люди сочувствующіе искренно дѣлу науки, объясняютъ апплодисменты на диспутѣ г. Спасовича гораздо проще и естественнѣе. Такъ г. Говоровъ говоритъ о диспутѣ г. Спасовича, что диспутъ этотъ «былъ вполнѣ мирный, и добрый характеръ его не нарушался тѣми частыми и продолжительными апплодисментами, которыми нѣсколько поколѣній слушателей заявляли свое глубокое сочувствіе профессору-диспутанту».

Намъ прискорбно было бы думать, что авторъ замѣтки «Современной Лѣтописи» написалъ желчную, непріязненную г. Спасовичу статейку только потому, что не имѣлъ на диспутѣ порядочнаго удобнаго помѣщенія и очень былъ огорченъ случайнымъ безпорядкомъ, препятствовавшимъ ему слушать диспутирующихъ. Но еще прискорбнѣе было бы представить, что авторъ находится въ постоянномъ разстройствѣ отъ мрачнаго подозрѣнія какихъ-то партій. У насъ могутъ быть разныя мнѣнія, разныя воззрѣнія — и въ видахъ самой науки, въ видахъ нашего движенія впередъ, нужно желать, чтобы было разнообразіе мнѣній и воззрѣній. Ибо только чрезъ борьбу противоположныхъ мнѣній и воззрѣній и выясняется истина. Но чтобы у насъ сторонники какихъ нибудь мнѣній составляли изъ себя организованную партію дѣйствія, имѣли предводителей и проч., этого нельзя ожидать ни по историческимъ нашимъ преданіямъ, ни по складу всей нашей жизни. Вообще у насъ это—вещь совершенно неслыханная, — да едвали и возможная. Только больное воображеніе автора могло создать подобную химеру, если имъ не руководило желаніе набросить тѣнь на людей инаковаго съ нимъ образа мыслей.

Обратимъ вниманіе и еще на одну статейку «Современной Лѣтописи», по внутреннему характеру своему нѣсколько сходную съ тѣми, о которыхъ мы говорили выше. Статейка подъ заглавіемъ: «Важное

пріобрѣтеніе русской литературы» напечатана въ V № «Современной Лѣтописи» за нынѣшній годъ. Авторъ ея—г. Лонгиновъ, извѣстный своею любовію къ архивнымъ изысканіямъ библіографическихъ рѣдкостей. Гдѣ нужно отыскать затерянный стишокъ какого нибудь старыхъ временъ поэта, отрыть новый варіантъ къ принятому чтенію, выкопать какую нибудь забытую исторію изъ частной прошедшихъ временъ жизни для объясненія разныхъ мелочей въ состояніи литературнаго дѣла, тамъ онъ человѣкъ неоцѣненный. Но этимъ и оканчиваются достоинства литературныхъ работъ г. Лонгинова. Самостоятельная оцѣнка, пониманіе внутренняго достоинства литературныхъ произведеній не дались ему ни въ какомъ родѣ литературы. Можетъ быть, чувствуя послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ порывовъ къ самостоятельности недостатокъ силъ для этого, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ критическаго чутья для безошибочной оцѣнки вѣрности новыхъ взглядовъ на нашу литературу, очень разнообразныхъ и измѣнчивыхъ, г. Лонгиновъ, чтобы быть себѣ вѣрнымъ и послѣдовательнымъ, присталъ къ нашей *старообрядческой* литературной партіи. Онъ восхищается тѣмъ, чѣмъ восхищались въ реторикахъ, назадъ тому 30 лѣтъ, и съ точки зрѣнія тѣхъ блаженныхъ временъ невѣдѣнія добра и зла оцѣниваетъ всѣ творенія нашей литературы со всею беззастѣнчивою смѣлостію критика

.... съ печатью неба на челѣ.

Можетъ быть, впрочемъ, мы сдѣлали и ошибочное предположеніе;—можетъ быть, г. Лонгиновъ восхищается тѣмъ, чѣмъ въ наше время никто не можетъ восхищаться, совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыя мы указали. Но для насъ это все равно. Мы хотѣли только сказать, что взглядъ г. Лонгинова гармонируетъ въ извѣстной мѣрѣ съ старообрядческимъ воззрѣніемъ «Современной Лѣтописи» и «Московскихъ Вѣдомостей» на науку и образованіе вообще.

Недавно почтенный нашъ академикъ г. Я. Гротъ издалъ первый томъ сочиненій Державина. — Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ L и 812 страницъ въ большую осьмушку, напечатанъ на превосходной веленевой бумагѣ и заключаетъ въ себѣ: предисловіе издателя, текстъ съ примѣчаніями 124 стихотвореній Державина, написанныхъ имъ въ царствованіе Екатерины II съ 1770 по 1796 годъ, оглавленіе и алфавитный указатель. Въ текстѣ стихотвореній помѣщено 184 рисунка, исполненныхъ Оленинымъ, Егоровымъ и Ивановымъ (современниками поэта). Къ тексту приложены: гравюра Іордана съ портрета Державина, писаннаго Тончи, литографія Фишера, изображающая первую жену поэта въ молодости, видъ залы Таврическаго дворца и

автографы: Державина, Капниста, Львова и Дмитріева. Изданный томъ стоитъ 4 рубля. Будетъ издано еще 4 тома сочиненій Державина, включительно съ біографіею его, которая будетъ написана г. Гротомъ. Если и слѣдующіе томы будутъ стоить также по 4 рубля каждый, то весь Державинъ будетъ стоить 20 рублей!

Уже по этому одному читатель можетъ видѣть, какъ непрактично новое изданіе сочиненій Державина, предпринятое на счетъ академіи наукъ. Сочиненія Державина, одного только Державина, будутъ стоить 20 рублей! Если бы они стоили только 5 р., то на нашъ взглядъ и это было бы дорого. Говоримъ мы это вовсе не потому, чтобы мы почитали ученое изданіе сочиненій Державина ненужнымъ; напротивъ, потому именно, что мы видимъ въ настоящее время настоятельную нужду въ ученомъ изданіи всѣхъ нашихъ классиковъ, мы находимъ новое изданіе Державина задуманнымъ совершенно непрактично. Прежде всего при изданіи классиковъ повсюду имѣется въ виду, чтобы по цѣнѣ своей они были доступны какъ можно большему числу образованныхъ людей. Тогда только можно надѣяться, что распространится знакомство съ ними въ образованной публикѣ и начнется серьезная литературная обработка ихъ. Теперь же, когда одинъ Державинъ будетъ стоить 20 р., для многихъ ли изъ людей образованныхъ, серьезно занимающихся литературой, будутъ доступны русскіе классики? Что пользы будетъ изъ того, что новое великолѣпное изданіе Державина, облеченное въ прекрасный переплетъ, будетъ стоять на полкахъ въ библіотекахъ богатыхъ людей, гдѣ его никто не будетъ читать, или въ библіотекахъ казенныхъ, гдѣ библіотекарь изъ страха, чтобы такое дорогое изданіе не затерялось или не было испорчено неряшливымъ употребленіемъ, будетъ давать его съ величайшимъ опасеніемъ и подъ величайшими заклятіями, такъ что у кого и родилась бы охота почитать Державина, и тотъ добровольно подавитъ ее въ себѣ, чтобы не вводить въ безпокойство почтеннаго библіотекаря. Такъ, — помнимъ мы, — въ былое время каждый разъ приводила въ страхъ библіотекарей выдача «Памятниковъ московской древности г. Снегирева» не только воспитанникамъ, но даже наставникамъ учебныхъ заведеній. Мы не понимаемъ, для чего при изданіи какого бы то ни было классика, потерявшаго всякое современное значеніе и имѣющаго значеніе только историческое, при томъ предназначающагося для общаго изученія и употребленія, нужна веленевая бумага, различные рисунки, даже литографія его жены и проч.? Искренно признаемся, что не видимъ никакой разумной, полезной цѣли всего этого великолѣпія.

Но вотъ здѣсь-то и выступаютъ литературные старообрядцы и говорятъ намъ: «вы говорите, что сочиненія Державина утратили

всякій современный интересъ, — вы ошибаетесь». Почему? А вотъ почему, отвѣчаетъ г. Лонгиновъ.

«Обнародованіе записокъ Державина и новѣйшія изслѣдованія о немъ доказали людямъ непредубѣжденнымъ, что Державинъ былъ человѣкъ ума своеобразнаго, сердца добраго, не смотря на свое брюзжанье, нрава честнаго и прямодушнаго. Слабости его были во вредъ ему одному и не имѣли въ себѣ ничего низкаго или грязнаго, а пылкость его дѣлаетъ честь его благородному характеру. Таковъ былъ Державинъ, какъ человѣкъ, не смотря на осужденіе его со стороны новѣйшихъ Катоновъ, которымъ, можетъ быть, не мѣшало бы стараться быть похожими на него въ иныхъ случаяхъ».

Но изъ всей этой тирады слѣдуетъ вѣдь только то заключеніе, что Державинъ былъ хорошій человѣкъ. Положимъ, что новѣйшіе Катоны ошибаются, когда, разсматривая жизнь Державина, не находятъ его хорошимъ и не желаютъ быть похожими на него ни въ какихъ случаяхъ. Но къ чему эта тирада? Мало ли было хорошихъ людей, съ умомъ своеобразнымъ, сердцемъ добрымъ, нравомъ честнымъ и прямодушнымъ въ отношеніяхъ семейныхъ, пріятельскихъ, даже общественныхъ, которые въ литературѣ таковыми не оказывались? Когда вы говорите о добротѣ сердца Державина, честности, прямодушіи во всѣхъ возможныхъ житейскихъ отношеніяхъ, мы готовы слушать все это, но только какъ дополненіе къ его авторской личности. Сначала обрисуйте намъ достоинство его авторской личности. Покажите намъ, за какіе принципы онъ стоялъ въ литературѣ? Какіе проводилъ идеи? Какъ твердъ былъ въ неуклонномъ слѣдованіи своему убѣжденію? И наконецъ, какъ велика была сила его таланта въ изображеніи его поэтическаго міросозерцанія? И въ какомъ отношеніи было благотворно его вліяніе на развитіе общественнаго смысла, вкуса, образованія? Г. Лонгиновъ этого ничего не говоритъ. Сказавъ, что Державинъ былъ человѣкъ хорошій, онъ о поэзіи его говоритъ только слѣдующія смѣшныя фразы:

«Что касается до поэзіи Державина, то никакіе эстетическіе недостатки, нерѣдко встрѣчающіеся даже въ лучшихъ его піесахъ, не умалятъ его славы громкой и вполнѣ заслуженной. Въ потомствѣ всегда будутъ живы его пѣснопѣнія со всею прелестью ихъ роскошной, величественной или граціозной поэзіи, съ ихъ громоносными сатирическими ударами, съ ихъ чисто народными аккордами, среди которыхъ раздаются иногда плѣнительные звуки, достойные классической древности, разгаданной и почувствованной имъ какъ бы по какому-то инстинкту или вдохновенію свыше».

Что въ Державинѣ былъ поэтическій талантъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но что Державинъ не написалъ ничего вполнѣ до-

стойнаго этого таланта, ничего такого, что бы пережило его время,— въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. Несомнѣнный талантъ погибъ безплодно для потомства отъ двухъ причинъ: 1) Державинъ получилъ образованіе до того плохое, что не зналъ даже грамматики, не владѣлъ даже версификаціей стиха; 2) онъ неглижировалъ своимъ поэтическимъ призваніемъ, предпочиталъ ему служебное поприще, не смотря на всѣ старанія императрицы обратить его на поэтическую дорогу; онъ писалъ стихи только тогда, когда ему приходилось жутко по службѣ, собственно для того, чтобы пріобрѣсть снова милость.

Это мы высказываемъ мнѣніе не новѣйшихъ Катоновъ, завистниковъ славы Державина, — а людей писавшихъ задолго до нихъ. Вотъ что говоритъ въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, Т. XVI, изданномъ въ 1839 году, князь Дмитрій Алексѣевичъ Кропоткинъ о музѣ Державина:

«Не получивъ порядочнаго образованія (Державинъ плохо зналъ даже грамматику и стихосложеніе, и когда писалъ свои стихи, стучалъ обыкновенно пальцами по столу для соблюденія мѣры), не имѣя предшественниковъ, которые бы расчистили ему поле языка русскаго, примѣромъ которыхъ онъ могъ бы научиться, геній Державина долженъ былъ все самъ создать себѣ; и потому-то, разсматривая его сочиненія, мы видимъ у него попытки во всѣхъ родахъ поэзіи, начиная съ шутливой пѣсни до драмы, хотя всѣ почти уклоненія отъ настоящаго его лирическаго направленія были по большей части неудачны. Не говоря о *слогѣ его стихотвореній, кажущемся намъ теперь тяжелымъ*, но до котораго не возвышался ни одинъ изъ современныхъ ему писателей, мы изумляемся въ его сочиненіяхъ, а особливо въ одахъ, богатству поэзіи, глубинѣ мыслей и силѣ выраженія. Рожденный поэтомъ, Державинъ самъ ошибался въ своемъ назначеніи, мѣнялъ поэзію на сухія дѣловыя занятія, часто совсѣмъ хотѣлъ ее оставить, досадовалъ на неудачи по службѣ, грустилъ объ удаленіи отъ Двора и снова въ это время гремѣлъ чудными пѣснями. Напрасно Екатерина, хорошо понимавшая пѣвца своего, руководя его поэтическою жизнію, старалась обратить его на настоящую дорогу; напрасно друзья его, какъ будто отъ себя, передавали ему ея совѣты. Державинъ высоко цѣнилъ человѣка государственнаго». Нужно ли приводить здѣсь извѣстный жосткій, но очень вѣрный отзывъ о Державинѣ Пушкина, который говорилъ, что, за исключеніемъ пяти, шести піесъ, въ Державинѣ прочее все можно бросить?

Мы думаемъ, что ни князя Кропоткина, ни Пушкина нельзя отнести къ тѣмъ новѣйшимъ Катонамъ, о которыхъ говоритъ г. Лонги-

новъ. Однакожь они вполнѣ почти совпадаютъ съ послѣдними въ оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Державина.

Разоблачимъ теперь отъ фразъ тѣ основанія въ силу которыхъ, по мнѣнію г. Лонгинова, *пѣснопѣнія Державина будутъ всегда живы въ потомствѣ*.

Онъ говоритъ, что пѣснопѣнія эти—

а) *Имѣютъ всю прелесть роскошной, величественной или граціозной поэзіи*, или говоря проще, что лирическія стихотворенія Державина роскошно, величественно, граціозно-поэтичны. Подобную фразу можно употребить развѣ о нѣкоторыхъ, и то лишь о нѣкоторыхъ только лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ отношеніи же къ Державину можетъ употребить ее развѣ только какой нибудь новѣйшій Катонъ въ насмѣшку.

б) *Содержатъ громоносные сатирическіе удары*. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державина удары дѣйствительно есть; но самые сильные изъ нихъ такъ легки, поверхностны и ничтожны, что не имѣютъ въ себѣ не только ничего типичнаго, что могло бы имѣть интересъ для другихъ временъ, но даже и въ то время могли быть принимаемы за удары только отъ излишней щекотливости тѣхъ лицъ, на которыя они были направлены. Къ тому же за свои сатиры Державинъ никогда не подвергался, да и не могъ подвергнуться никакимъ неудобствамъ и гоненіямъ. Онъ направлялъ свои сатиры всегда такъ искусно, что былъ не только вполнѣ безопасенъ отъ всѣхъ преслѣдованій, но получалъ еще милости и повышенія. Даже лучшая изъ сатиръ его, *ода Фелицѣ*, надѣлавшая столько шуму и возбудившая въ авторѣ столько опасеній, произвела, по сказанію примѣчателя къ его сочиненіямъ, разные толки: «иные говорили, что она слишкомъ смѣло написана, а другіе, что слишкомъ льстиво».

в) *Блистаетъ чисто народными аккордами*. Удивительно, какъ этихъ чисто народныхъ аккордовъ не примѣтилъ даже самъ Пушкинъ, обрекшій Державина почти цѣликомъ на уничтоженіе! А вѣдь нельзя думать, чтобы онъ не примѣтилъ въ Державинѣ десяти, двадцати русскихъ фразъ, которыя нашли въ немъ Галаховъ, Лонгиновъ и tutti quanti! Удивляются, какъ необычайному дару, тому, что русскій человѣкъ сказалъ на бумагѣ нѣсколько фразъ по русски!

г) *Не чужды плѣнительныхъ звуковъ, достойныхъ классической древности, разгаданной и почувствованной Державинымъ какъ бы по какому-то инстинкту, или вдохновенію свыше*. Проще надобно было сказать, что у Державина есть плохія подражанія древнимъ, не дающія никакого понятія о подлинникахъ и не имѣющія даже тѣни ихъ достоинствъ.

Нужно ли говорить, что Державинъ не только по своему жалкому

міросозерцанію и отсутствію всякаго понятія объ истинной поэзіи, но даже по своему языку, давно уже устарѣвшему, не можетъ имѣть никакого интереса современнаго? Стоитъ только въ самомъ серьезномъ собраніи, хоть бы это было даже московское общество любителей россійской словесности, прочесть лучшее изъ его стихотвореній, напримѣръ хоть *Водопадъ*, чтобы нагнать или всеобщую скуку, или произвести всеобщій смѣхъ.

Для чего же, спрашивается, Державинъ ставится на ходули? Для чего навязывается ему насильно то значеніе, котораго онъ имѣть никакъ не можетъ, и не раскрывается истинное его значеніе, которое онъ дѣйствительно имѣетъ и на которое имѣетъ всѣ права? Если въ этомъ дѣйствуетъ искреннее желаніе утвердить въ обществѣ уваженіе къ заслугамъ Державина, то развѣ можно утвердить прочно уваженіе на такихъ достоинствахъ поэта, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ? Развѣ Пушкинъ менѣе другихъ чтилъ заслуги Державина и менѣе другихъ желалъ общественнаго уваженія къ его дѣйствительнымъ заслугамъ въ литературѣ, когда съ обыкновенною своею прямотою и искренностію говорилъ, что изъ всѣхъ сочиненій Державина имѣютъ поэтическую цѣнность только шесть, семь піесъ, и что прочее все можно бросить?

Нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ не уваженіе къ памяти Державина, — а старообрядческій взглядъ въ наукѣ, который смотритъ на знаніе не какъ на свѣтъ, которымъ должно освѣщаться все, а какъ на средство, какъ на орудіе для извѣстныхъ цѣлей, не очень свѣтлыхъ. Вотъ почему г. Пироговъ смотритъ на старообрядчество въ наукѣ, какъ на самый опасный тормазъ въ дѣлѣ человѣческаго развитія. Оно и дѣйствительно дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ гораздо гибельнѣе старообрядчества религіознаго. Старообрядчество религіозное смотритъ на знаніе тоже какъ на орудіе для утвержденія разъ навсегда принятыхъ заблужденій, и допускаетъ знаніе лишь на столько, на сколько оно нужно для исповѣдуемыхъ имъ заблужденій; но за то въ этой послѣдней мѣрѣ оно старается распространять его сколько можетъ между всѣми, принадлежащими къ старообрядству. Старообрядство ученое считаетъ вреднымъ распространеніе какого бы то ни было свѣта между массами вообще; для избранныхъ же даетъ, какъ и всякое старообрядчество, свѣту лишь на столько, на сколько нужно для ложнаго освѣщенія предметовъ; всякое другое освѣщеніе признается вреднымъ. Оттого у него подпадаетъ подъ опалу и самое полезное изданіе, если оно имѣетъ несчастіе не совпасть съ взглядомъ старообрядцевъ, какъ напримѣръ учебникъ г. Спасовича; превозносятся сочиненія Державина, лишенныя всякой поэзіи и всякаго современнаго смысла, — и унижаются дѣйствительно поэтическія произведенія, имѣющія живой

современный интересъ, но обнаруживающія лживость старообрядства.

Но довольно объ этомъ. Недавно въ нашей газетной литературѣ шелъ горячій споръ о томъ: нужны ли у насъ оффиціальныя газеты разныхъ министерствъ, или вовсе не нужны? Вопросъ поднятъ былъ «Московскими Вѣдомостями». Они со всѣмъ жаромъ неподдѣльнаго красноречія доказывали, что ежедневныя газеты оффиціальныя разныхъ министерствъ не только безполезны, но и вредны. Доказательствъ было приведено множество, какъ изъ разума, такъ и изъ опыта; подъ разумомъ мы разумѣемъ соображенія, изобрѣтенныя самими «Московскими Вѣдомостями», а подъ опытомъ—соображенія, заимствованныя ими изъ иностранной газетной практики. Изъ послѣдней прихваченъ былъ даже отзывъ прусскаго президентъ-министра Бисмарка объ оффиціальной прессѣ. И все, что было написано «Московскими Вѣдомостями», было очень хорошо написано, хотя они не сдѣлали никакого намека на то, что у нихъ съ закрытіемъ всѣхъ оффиціальныхъ ежедневныхъ газетъ число подписчиковъ сильно возрастетъ; а вѣдь надобно полагать, что эта мысль была у нихъ при филиппикѣ противъ оффиціальныхъ газетъ и не могла не дѣйствовать на нихъ очень пріятно, а при пріятномъ расположеніи духа, хотя бы оно держалось только на однихъ мечтахъ и надеждахъ, сильно возрастаетъ и убѣдительность доказательствъ и самое красноречіе. «Голосъ» также очень радъ былъ придуманному «Московскими Вѣдомостями» проэкту о закрытіи ежедневныхъ оффиціальныхъ газетъ и откровенно признался въ этомъ,—но онъ откровенно высказалъ и то, что странно бы было желать, чтобы правительство не имѣло ни одного ежедневнаго для себя органа, да ктому же для частныхъ изданій, по его замѣчанію, было бы уже очень жирно, если бы не было ни одной оффиціальной ежедневной газеты. Мы тоже думаемъ, что будетъ, пожалуй, очень дурно, если частныя изданія будутъ слишкомъ жирѣть. Русскій человѣкъ ни въ чемъ вѣдь не знаетъ мѣры; онъ не понимаетъ того, что излишнее ожирѣніе всегда происходитъ во вредъ нервной системѣ. Какъ вредно у насъ отсутствіе руководящей нормы въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, даже хоть бы норма эта опредѣлялась въ одной таксѣ, — это видно на каждомъ шагу. Уничтожили таксу на извощиковъ, — не стало къ нимъ приступу. Уничтожили таксу на хлѣбъ,—не стало приступу къ хлѣбу. Винные откупщики чѣмъ болѣе богатѣли, тѣмъ хуже становилась водка. Въ дѣлѣ умственнаго движенія насъ, кажется, тоже нельзя оставить безъ руководящей, примѣрной нормы. Мы или непомѣрно забѣжимъ впередъ, если это найдемъ выгоднымъ для кармана,—или опять, если найдемъ выгоднымъ, то ужь отстанемъ такъ, какъ никто не отстанетъ. Предположимъ,

напримѣръ, что уничтожились бы всѣ оффиціальныя духовныя изданія и осталось бы одно претендующее на званіе православія—«Домашняя Бесѣда», — какое бы читающій людъ составилъ себѣ понятіе о православіи по этому современному органу? Какъ ни убѣдительны примѣры, представляемые «Московскими Вѣдомостями» изъ иностранной газетной прессы о безполезности оффиціальныхъ ежедневныхъ газетъ, но, кажется, мы далеко не дожили еще до того времени, когда бы могли обходиться безъ оффиціальной прессы. Образованіе въ нашемъ обществѣ еще очень слабо, общественное мнѣніе и того слабѣе. А на благоразуміе и умѣренность газетныхъ вожаковъ никакъ нельзя положиться. Вѣдь, вотъ доказываютъ же «Московскія Вѣдомости», что образованія народу ненужно. А можетъ явиться и такой антрепренеръ, который будетъ доказывать, пожалуй, что когда громъ гремитъ, то Илья пророкъ ѣздитъ по небу. Вѣдь и это мнѣніе народное; зачѣмъ же народу, — скажетъ, — насильно навязывать другое, и насильно точно такъ же, какъ насильно, по взгляду «Московскихъ Вѣдомостей», навязываются училища!

Оффиціальная газета до такой лжи унизиться не можетъ. Она издается не изъ однихъ матеріальныхъ видовъ, но и въ видахъ нравственныхъ. Она не впадетъ, конечно, въ ультра-либерализмъ, но не впадетъ въ ультра-консерватизмъ или ретроградство. Для читателей обыкновенныхъ, не посвященныхъ въ закулисныя литературныя тайны, она можетъ служить вѣрнымъ указателемъ нормы либеральныхъ и консервативныхъ тенденцій правительства и регуляторомъ для нашего слабаго общественнаго мнѣнія. Мы читаемъ всѣ ежедневныя изданія, какъ правительственныя, такъ и частныя, и не можемъ не сказать, что правительственныя наши изданія держатъ себя гораздо ровнѣе частныхъ, не впадая ни въ дешевое либеральничанье, ни въ безвыходное ретроградство, чего о частныхъ изданіяхъ сказать никакъ нельзя.

Говорятъ: «если правительству необходимо имѣть ежедневный органъ, то почему бы не имѣть одного органа. Теперь, дескать, выходятъ иногда такія странности что одна правительственная газета противорѣчитъ другой». Одного органа для всѣхъ министерствъ было бы, отвѣтимъ мы, недостаточно. Всякое министерство имѣетъ много оффиціальныхъ распоряженій, которыя нужно дѣлать ежедневно гласными; далѣе, каждое министерство имѣетъ свои вопросы, требующіе не отлагательнаго разъясненія въ извѣстномъ направленіи, хотя бы то только для своихъ чиновниковъ; наконецъ, въ самой матеріальной сторонѣ правительственныхъ изданій есть свои цѣли, дѣлающія неудобнымъ соединеніе разныхъ оффиціальныхъ изданій въ одно. Если же сдѣлать такъ, чтобы одна правительственная газета, совмѣщая га-

зетный матеріалъ всѣхъ министерствъ, выходила въ три или четыре печатныхъ листа въ день, то она вѣдь и стоитъ будетъ вчетверо дороже нынѣшнихъ отдѣльныхъ изданій разныхъ министерствъ, каждаго порознь. Слѣдовательно сердечная цѣль частныхъ изданій, въ силу которой они желаютъ уничтоженія министерскихъ газетъ, въ этомъ случаѣ недостигнется. У нихъ, то есть частныхъ изданій, отъ совмѣщенія правительственныхъ изданій въ одно не прибудетъ ни подписчиковъ, ни денегъ. Что касается до противорѣчій, въ которыя будто бы впадаютъ у насъ разныя оффиціальныя изданія въ своихъ неоффиціальныхъ отдѣлахъ, — то вѣдь это чистая шутка, придуманная частными изданіями. Развѣ при томъ контролѣ, при которомъ у насъ издаются и должны, конечно, издаваться оффиціальныя газеты, возможно между ними какое нибудь серьезное противорѣчіе? Если напримѣръ одна правительственная газета будетъ доказывать въ своемъ неоффиціальномъ отдѣлѣ, что обученіе народа должно быть обязательно, а другая, что—нѣтъ, или если одна будетъ говорить, что это обученіе должно производиться на казенныя деньги, а другая, что—оно должно происходить за плату, — то неужели такое разнорѣчіе правительственныхъ газетъ назоветъ кто нибудь противорѣчіемъ? Полноте, пожалуйста. Всякій очень хорошо пойметъ, что это не болѣе какъ разработка нерѣшеннаго вопроса, которая не только ни мало не компрометируетъ оффиціальные органы, а напротивъ, возвышаетъ ихъ достоинство.

«Но, говорятъ, все таки было бы лучше, если бы подобнаго рода разнорѣчія не приписывались правительству. Пусть напримѣръ дѣлается у насъ такъ же, какъ дѣлается въ Англіи, гдѣ министры имѣютъ свои частные органы, а не органы министерствъ». Напротивъ, отвѣтимъ мы, при неразвитости нашего общества, у насъ поставить дѣло такъ, какъ оно ведется въ Англіи, было бы гораздо хуже. Каждый министръ, имѣя свой частный органъ, высказывался бы въ немъ гораздо индивидуальнѣе, именно потому, что смотрѣлъ бы на свой органъ, какъ на частный, ни для кого необязательный. Но не такъ бы смотрѣло на этотъ органъ все подвѣдомственное министерству и соприкасающееся съ нимъ по дѣламъ. Все это въ частныхъ мнѣніяхъ министра видѣло бы мнѣнія почти равносильныя оффиціальнымъ требованіямъ и считало бы ихъ для себя вполнѣ обязательными или по крайней мѣрѣ руководящими. Теперь же на неоффиціальный отдѣлъ правительственныхъ газетъ всѣ, и принадлежащіе къ составу министерствъ, и не принадлежащіе къ нему, имѣютъ такой именно взглядъ, какой должно имѣть. Всѣ знаютъ, что всякая оффиціальная газета издается не безъ извѣстнаго надзора, но всѣ знаютъ и то, что неоффиціальный отдѣлъ не составляетъ непремѣнно личнаго мнѣнія министра. Потому

если бы тамъ и случилась когда нибудь обмолвка, которая стояла бы въ противорѣчіи съ какими нибудь оффиціальными требованіями, ни одинъ читатель не принялъ бы ея иначе, какъ за обмолвку редактора газеты. Впрочемъ все это до того у насъ всѣмъ извѣстно, что показывать видъ сомнѣнія въ этомъ могутъ только частныя изданія, имѣющія сокровенныя, выше указанныя нами сердечныя желанія.

На этомъ мы могли бы покончить нашу рѣчь о пользѣ нашихъ оффиціальныхъ изданій. Но иной любопытный читатель можетъ спросить у насъ: не противорѣчимъ ли мы этимъ своимъ мнѣніемъ объ оффиціальной прессѣ нашимъ прежнимъ воззрѣніямъ на эту прессу? То есть, не говорили ли и мы когда нибудь чего нибудь другаго объ оффиціальной прессѣ?—Не знаю, достопочтенный мой читатель. Лично за себя могу отвѣтить вамъ, что я ничего не говорилъ инаго, ибо доселѣ не случалось держать рѣчи объ этомъ предметѣ. Но если бы и говорилъ когда нибудь что нибудь иное, но вѣдь и въ такомъ случаѣ ни въ какомъ противорѣчіи вы меня обличить не могли бы. «Ибо» что такое «противорѣчіе?»—спрошу я васъ словами «Совр. Лѣтоп.», отвѣчавшей г. Костомарову на обличеніе ея въ противорѣчіи. «Законъ противорѣчія, какъ извѣстно, самый основный за-«конъ человѣческаго мышленія гласитъ, что невозможно утверждать «и отрицать одно и то же, въ одно и то же время, объ одномъ и томъ «же предметѣ, въ одномъ и томъ же отношеніи. Г. Костомарову ка-«жется, что мы измѣнились въ нашихъ мнѣніяхъ о дѣлѣ, которымъ «мы занимаемся; но если бы это было и такъ, то ему слѣдовало бы «подумать, не измѣнился ли предметъ этихъ мнѣній? Мнѣнія вѣрны «только тогда, когда они соотвѣтствуютъ предмету. Если люди, ко-«торыхъ вы имѣли основаніе считать прямыми, оказываются людьми «кривыми, — обязаны ли вы хранить о нихъ прежнее ваше мнѣніе? «Объ одномъ и томъ же предметѣ нынче мы говоримъ одно, а завтра, «можетъ быть, придется намъ сказать совсѣмъ другое и было бы мо-«жетъ быть, нелѣпостью и ложью повторить о немъ завтрашній день «то, что должно быть сказано сегодня». Слова эти были смѣшны въ устахъ г. Каткова по отношенію къ г. Костомарову, но въ моихъ устахъ, когда я говорю о нашей прессѣ, они имѣютъ смыслъ очень серьезный и очень дѣйствительный, — и вполнѣ оправдывали бы противорѣчіе моихъ прежнихъ воззрѣній съ настоящими, если такое и дѣйствительно нами было усмотрѣно, достопочтенный мой читатель.

Обращаемся теперь къ самой крупной изъ новостей настоящаго года — *положенію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ*, содержаніе котораго мы передадимъ здѣсь вкратцѣ, безъ всякихъ нашихъ разсужденій. Положеніемъ этимъ опредѣляется по-

ный порядокъ завѣдыванія и распоряженія земскимъ губернскимъ и уѣзднымъ хозяйствомъ. Именно, хозяйство отдается въ ближайшее управленіе тѣхъ самыхъ лицъ, на счетъ которыхъ будутъ удовлетворяться его разнообразныя потребности, т. е. земству.

Все земство раздѣляется на три группы: 1) на крупныхъ владѣльцевъ земли, другой недвижимой собственности, или промышленнаго дохода въ уѣздахъ; 2) на горожанъ; 3) на мелкихъ землевладѣльцевъ общинниковъ или вообще крестьянъ.

Непосредственное участіе въ земскомъ хозяйствѣ *лично* или черезъ *представительство* получаютъ.

1) *Изъ первой группы*: а) всѣ землевладѣльцы собственники, имѣющіе въ уѣздѣ не менѣе опредѣленнаго количества земли, — которое, смотря по цѣнности земли въ уѣздахъ разныхъ мѣстностей, полагается различное—отъ 200 до 850 десятинъ; б) владѣльцы другой недвижимой собственности въ уѣздѣ цѣною не ниже 15,000 р., также владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній не ниже той же капитальной стоимости, и всѣ имѣющіе годоваго оборота производства не менѣе 6,000 р. в) всѣ довѣренные отъ такихъ владѣльцевъ, которые имѣютъ имущества этой цѣнности въ уѣздахъ, но или не могутъ по закону сами непосредственно участвовать въ дѣлѣ земскомъ, каковы малолѣтніе, несовершеннолѣтніе, женщины, или представляютъ собою лица только юридическія, каковы разныя богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и другія учрежденія, общества, компаніи и товарищества, или имѣютъ право по закону передавать свое полномочіе на участіе въ земскомъ дѣлѣ другимъ, какъ отцы своимъ неотдѣленнымъ дѣтямъ, землевладѣльцы своимъ арендаторамъ — послѣдніе въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Къ этой же первой группѣ крупныхъ владѣльцевъ причисляются мелкіе землевладѣльцы въ уѣздахъ — а) *собственники*, имѣющіе земли не менѣе 1/20 того количества, которое опредѣлено въ разныхъ уѣздахъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, и б) *владѣльцы* церковной земли—тѣ и другіе съ *коллективнымъ* правомъ голоса, т. е. одинъ голосъ имѣютъ владѣльцы двадцати такихъ участковъ.

Такимъ образомъ и первая группа, хотя она въ настоящее время de facto составляется преимущественно изъ дворянъ, de jure, по идеѣ новаго положенія, должна составляться безъ всякаго отношенія къ сословнымъ различіямъ изъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ мѣру опредѣленнаго закономъ имущества, такъ что въ эту группу входятъ, по выраженному въ положеніи примѣчанію, и тѣ крестьяне, которые, внѣ предѣловъ крестьянскаго надѣла, пріобрѣли въ собственность участки земель, равные съ вышесказанными участками крупныхъ зем-

левладѣльцевъ или съ участками *долевыми* съ собирательнымъ правомъ голоса.

II) *Изъ второй группы*: а) всѣ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; б) всѣ владѣльцы имѣющіе на городской землѣ фабрики, заводы и другія промышленныя и торговыя заведенія, годовой оборотъ производства которыхъ не менѣе 6,000 р.; в) всѣ владѣльцы недвижимой собственности на городской землѣ, если собственность эта оцѣнена для взиманія налога въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ болѣе 10,000 жителей, не ниже 3,000 р., въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ отъ 2,000 до 10,000 жителей,—не ниже 1,000 р. и во всѣхъ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ не ниже 500 р., г) довѣренные отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые имѣютъ имущество этой цѣнности на городской землѣ, но или не могутъ по закону, какъ и въ предыдущей группѣ, непосредственно участвовать въ дѣлѣ земскомъ, или представляютъ собою лица юридическія, или имѣютъ право передачи своего полномочія другимъ.

III) *Изъ третьей группы*: всѣ землевладѣльцы на правѣ общиннымъ, вообще всѣ крестьяне, безъ различія величины владѣемыхъ ими участковъ.

Такимъ образомъ къ завѣдыванію дѣлами земства *лично* или черезъ *представителей* призываются всѣ владѣльцы не только безъ различія сословій, какъ мы замѣтили уже выше, но и безъ различія способа владѣнія, т. е. и землевладѣльцы собственники, и общинники, и владѣющіе землею на временномъ правѣ,—также владѣльцы недвижимой собственности и движимой собственности. Въ этомъ случаѣ справедливо принятъ во вниманіе только размѣръ имущества, съ котораго долженъ идти доходъ на потребности земства,—безъ отношенія къ тому, временное или постоянное это имущество въ рукахъ владѣльца. Исключеніе сдѣлано только относительно крестьянъ, имѣющихъ земли владѣльцевъ даже въ постоянномъ пользованіи, и относительно арендаторовъ. Именно § 26 положенія говоритъ: «при вычисленіи пространства земли, дающаго (владѣльцу-собственнику) право участія въ избирательныхъ съѣздахъ, не различается, состоитъ ли означенная земля въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца по праву собственности, или отведена въ постоянное пользованіе крестьянъ, или отдана въ арендное содержаніе другимъ лицамъ. Но выкупленные крестьянами земельные участки, со дня окончательнаго утвержденія выкупной сдѣлки, исключаются изъ счета общаго пространства земель, принадлежащихъ владѣльцу имѣнія». § 21 относительно арендаторовъ говоритъ: «лица, арендующія участки земли по законнымъ контрактамъ, заключеннымъ не менѣе какъ за два года до выборовъ, и въ сроки не менѣе шести лѣтъ, и если притомъ до истеченія срока кон-

тракта остается не менѣе трехъ лѣтъ, могутъ участвовать въ выборахъ вмѣсто землевладѣльцевъ, у коихъ они арендуютъ землю; но только въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ, не имѣя, по какой либо причинѣ, возможности присутствовать лично на избирательномъ съѣздѣ, передаетъ свой голосъ такому арендатору по довѣренности».

Каждая изъ означенныхъ трехъ группъ — всѣ отдѣльно другъ отъ друга — избираютъ для себя представителей, называемыхъ въ положеніи *гласными*,—съ тѣмъ различіемъ, что первыя двѣ группы, т. е: крупныхъ владѣльцевъ и горожанъ, избираютъ представителей *непосредственно лично*, а третья группа выбираетъ сначала изъ среды себя выборщиковъ, а потомъ уже эти выборщики выбираютъ *гласныхъ*. Для этого въ каждой волости составляется волостной сходъ, изъ всѣхъ имѣющихъ права участвовать на сходѣ. Онъ изъ среды себя выбираетъ въ выборщики не свыше трети всего схода, такимъ образомъ, чтобы изъ каждаго сельскаго общества, принадлежащаго къ волости, было не меньше одного выборщика. Избранные такимъ образомъ выборщики отъ нѣсколькихъ волостей съѣзжаются по указанію губернскаго правленія въ какомъ нибудь мировомъ участкѣ, а въ случаѣ мѣстнаго неудобства для этого въ какомъ нибудь станѣ. Здѣсь избирательный съѣздъ открывается, впредь до учрежденія должности мироваго судьи, мировымъ посредникомъ, который приглашаетъ выборщиковъ назначить изъ среды себя предсѣдателя съѣзда, и утвердивъ избраннаго, предлагаетъ выборщикамъ всѣхъ волостей заняться вмѣстѣ, сообща, выборомъ означеннаго въ положеніи количества гласныхъ. Мировой посредникъ рѣшаетъ и всѣ недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть при выборѣ гласныхъ на сельскомъ съѣздѣ. Въ избирательныхъ съѣздахъ крупныхъ владѣльцевъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства, въ избирательныхъ городскихъ съѣздахъ городской голова. Тѣ и другіе происходятъ въ городѣ.

Въ каждой изъ трехъ группъ, число гласныхъ выбирается опредѣленное для каждаго съѣзда вѣдомостію, приложенною при положеніи. При составленіи этой вѣдомости, говорится въ § 33 Положенія, приняты во вниманіе: «число землевладѣльцевъ, количество принадлежащихъ имъ удобныхъ земель, населенныхъ городовъ, число и цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, число волостей, количество сельскаго населенія и пространство угодій, состоящихъ въ надѣлѣ сельскихъ обществъ». Первая группа, т. е. крупныхъ владѣльцевъ, избираетъ гласныхъ исключительно изъ своей среды; вторая группа, т. е. горожанъ, избираетъ гласныхъ также изъ своей среды, не исключая при этомъ и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые имѣютъ право участія въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ; третья

група, т. е. крестьянъ, въ лицѣ своихъ выборщиковъ избираетъ гласныхъ: 1) изъ этихъ выборщиковъ; 2) изъ членовъ избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ и 3) изъ мѣстныхъ православныхъ приходскихъ священниковъ и вообще священнослужителей.

Избранные такимъ образомъ отъ трехъ групъ гласные собираются вмѣстѣ и подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства составляютъ уѣздное земское собраніе. Отношеніе числа гласныхъ трехъ групъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, по вѣдомости приложенной къ Положенію, представляется въ такомъ видѣ, что въ большинствѣ уѣздовъ число гласныхъ отъ крупныхъ владѣльцевъ равняется числу гласныхъ отъ другихъ двухъ группъ, то есть горожанъ и крестьянъ; въ немногихъ уѣздахъ число гласныхъ отъ крестьянъ равняется числу гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и горожанъ.

Земское уѣздное собраніе избираетъ изъ среды себя, для земскаго губернскаго собранія, также опредѣленное положеніемъ количество гласныхъ, но уже съобща, безъ различія трехъ группъ земства, такъ что при такомъ порядкѣ избранія на губернское земское собраніе могутъ случайно попадать гласные изъ одной какой нибудь группы, а другія двѣ въ такомъ случаѣ не будутъ тамъ имѣть своихъ представителей.

Гласные какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ земскихъ собраній избираются на три года. Засѣданія земскихъ собраній,—губернскихъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, когда Государю Императору будетъ не угодно назначить для предсѣдательства особое лицо, — и уѣздныхъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства,- считаются законными только тогда, когда въ нихъ присутствуетъ не менѣе третьей части всего числа гласныхъ, собраніе составляющихъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти. Опредѣленія земскихъ собраній постановляются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, перевѣсъ принадлежитъ голосу предсѣдателя.

Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются ежегодно по одному разу: уѣздныя не позже сентября, губернскія не позже декабря. Первыя продолжаются 10, вторыя 20 дней. Срокъ этотъ въ случаѣ надобности и по ходатайству самыхъ собраній можетъ быть продолженъ—для засѣданій губернскихъ собраній министромъ внутреннихъ дѣлъ, для уѣздныхъ начальникомъ губерніи. Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, въ случаѣ надобности, право назначать и разрѣшать чрезвычайныя земскія собранія.

дившихся въ теченіе года на суммы земства, хозяйственныхъ операціяхъ; 2) о состояніи имущества земства; 3) о состояніи находящихся въ вѣдомствѣ ихъ заведеній; 4) о размѣрѣ и распредѣленіи отправленныхъ въ теченіе года натуральныхъ повинностей; и 5) вообще о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, не вошедшихъ въ упомянутые выше отчеты (§ 110). Земскія управы устанавливаютъ, съ утвержденія земскихъ собраній, правила и сроки отчетности подвѣдомственныхъ имъ лицъ и ревизуютъ своевременно эту отчетность (§ 111). Смѣты раскладки и годовые отчеты земскихъ управъ печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и сверхъ того, для разсылки членамъ земскаго собранія до открытія засѣданій онаго, отдѣльно (§ 112). Отчеты земскихъ управъ подлежатъ разсмотрѣнію и окончательному утвержденію земскихъ собраній. Уѣздныя собранія утверждаютъ только тѣ отчеты уѣздныхъ земскихъ управъ, которые касаются предметовъ уѣзднаго хозяйства, ввѣренныхъ непосредственному завѣдыванію сихъ собраній. Результаты ревизіи печатаются въ общее свѣдѣніе (§ 113). Разсмотрѣніе дѣйствій земскихъ управъ вслѣдствіе жалобъ, обвиненій, требованій правительственныхъ установленій и по ревизіи отчетности и передача сихъ дѣйствій на усмотрѣніе судебныхъ мѣстъ, принадлежатъ губернскому собранію (§ 114). Губернское земское собраніе, сверхъ повѣрки дѣйствій управъ по бумагамъ и документамъ, можетъ требовать личныхъ объясненій отъ членовъ управъ и производить мѣстныя дознанія, когда признаетъ это нужнымъ, чрезъ избранныя для сего лица. Исполненіе постановленій о производствѣ дознанія и заключеній онаго по дознаніямъ произведеннымъ, возлагаются на губернскую управу (§ 115). Отвѣтственность подчиненныхъ земскимъ управамъ служащихъ лицъ по личнымъ служебнымъ ихъ дѣйствіямъ опредѣляется самыми управами; опредѣленія же о передачѣ на распоряженіе судебной власти дѣйствій предсѣдателей и членовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ постановляются губернскимъ земскимъ собраніемъ (§ 116). Члены земскихъ управъ окончательно удаляются отъ должности не иначе, какъ по опредѣленію правительствующаго сената; но могутъ быть временно устранены отъ должности, по постановленію губернскаго земскаго собранія, утвержденному начальникомъ губерніи (§ 117). Подвѣдомственныя земскимъ управамъ служащія лица за преступленія по должности, влекущія за собою уголовныя наказанія, подвергаются отвѣтственности одинаково съ лицами, состоящими на государственной службѣ, не иначе, какъ по уголовному слѣдствію и суду (§ 120).

ПРАВА ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ сихъ учрежденій подвѣдомственныхъ (§ 3). На земскія учрежденія возлагается обсужденіе, опредѣленіе и приведеніе въ исполненіе всѣхъ законныхъ мѣръ, необходимыхъ для хода дѣлъ, вѣдѣнію означенныхъ учрежденій ввѣренныхъ (§ 4). Земскія учрежденія имѣютъ право, именемъ земства, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства (§ 5). Земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно. Законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей (§ 6). Земскія учрежденія, въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ своихъ, не могутъ выходить изъ круга указанныхъ имъ дѣлъ; посему они не вмѣшиваются въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій. Всякое опредѣленіе ихъ въ противность сему постановленное, признается недѣйствительнымъ (§ 7). Земскія учрежденія подвергаются законной отвѣтственности порядкомъ, ниже сего указаннымъ, за превышеніе власти, за дѣйствія противныя существующимъ законамъ, за неисполненіе основанныхъ на законѣ требованій мѣстныхъ начальствъ, за неправильныя распоряженія по ввѣреннымъ имъ хозяйственнымъ дѣламъ и за всякій ущербъ или стѣсненія, нанесенныя обществамъ или частнымъ лицамъ (§ 8). Начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Въ порядкѣ и срокахъ такого распоряженія соблюдаются правила, указанныя въ 94, 95 и 96 ст. сего положенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, въ промежутокъ времени между двумя сроками засѣданій земскаго собранія, можетъ остановить постановленіе, противное законамъ или государственнымъ пользамъ, сообщая о томъ собранію въ первое назначенное для его засѣданій время. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, земское собраніе и министръ руководствуются правилами, изложенными въ ст. 97. (§ 9). Если земскими учрежденіями не будетъ сдѣлано распоряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для земства, то начальникъ губерніи, когда напоминанія его останутся безуспѣшными, приступаетъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, къ непосред-

ственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства (§ 10). Земскимъ учрежденіямъ предоставляется на относящіяся до нихъ распоряженія начальника губерніи и высшихъ административныхъ властей приносить жалобы правительствующему сенату (по 1-му департаменту). Срокомъ для принесенія таковыхъ жалобъ полагается время, назначенное для созванія перваго, послѣ сообщенія правительственнаго распоряженія, земскаго собранія (ст. 76 и 79), до котораго дѣло относится (§ 11). Земскія собранія и управы не могутъ приводить въ исполненіе, безъ утвержденія мѣстнаго или высшаго правительства, тѣ изъ распоряженій своихъ, для которыхъ такое утвержденіе требуется закономъ (ст. 90 и 92) (§ 75). Нижеслѣдующія постановленія земскихъ собраній подлежатъ утвержденію начальника губерніи:

О приведеніи въ дѣйствіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ.

О раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскія и уѣздныя.

Объ отнесеніи уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ.

Объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ.

Объ учрежденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній.

О временномъ устраненіи отъ должностей членовъ земскихъ управъ.

При разсмотрѣніи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, начальникъ губерніи удостовѣряется: 1) не внесены ли въ смѣты расходы несогласные съ установленными въ законахъ правилами; 2) внесены ли въ смѣты всѣ потребности, по закону обязательныя для земства; 3) не допущено ли обложеніе сборами или натуральною повинностію источниковъ, изъятыхъ отъ сего по закону; 4) не допущена ли неуравнительность въ обложеніи казенныхъ земель сравнительно съ прочими; покрываются ли доходами и сборами обязательные для земства расходы. (§ 91). Утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ подлежатъ постановленія земскихъ собраній: о займахъ превышающихъ двухъгодовую сумму земскаго сбора; объ отнесеніи губернскихъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ.

О сборахъ за проѣздъ по земскимъ путямъ сообщенія.

Объ открытіи ярмарокъ срокомъ болѣе четырнадцати дней и о перенесеніи или измѣненіи сроковъ существующихъ ярмарокъ.

О перенесеніи существующихъ пристаней.

О раздѣленіи имуществъ и заведеній общественнаго призрѣнія на губернскія и уѣздныя. (§ 92). Всѣ постановленія земскихъ собраній сообщаются безъ замедленія начальнику губерніи; изъ нихъ, поименованныя въ ст. 92 представляются имъ министру внутреннихъ дѣлъ. (§ 93). Отзывъ о согласіи или несогласіи начальника губерніи на которое либо изъ постановленій земскихъ собраній, въ 90 ст. означенныхъ, долженъ быть сообщенъ имъ подлежащей земской управѣ,

въ теченіи семи дней отъ полученія того постановленія, а отзывъ по уѣзднымъ смѣтамъ и раскладкамъ, препровождаемымъ прямо изъ уѣзднаго собранія къ начальнику губерніи, сообщается имъ губернскому собранію при самомъ его открытіи. Если отзыва въ эти сроки не послѣдовало, то постановленія собранія считаются получившими согласіе начальника губерніи. (§ 94). Въ случаѣ возраженій начальника губерніи противъ постановленій земскаго собранія, оно разсматриваетъ подробно обстоятельства, подавшія поводъ къ возраженіямъ, и постановляетъ свое окончательное заключеніе, копія съ котораго сообщается начальнику губерніи. (§ 95). Вторичное постановленіе земскаго собранія входитъ въ силу и приводится въ исполненіе; но начальникъ губерніи имѣетъ право, подъ личною своею отвѣтственностію, остановить исполненіе тѣхъ постановленій, которыя онъ признаетъ незаконными: объ этомъ онъ обязанъ, въ теченіе семи дней отъ полученія копіи съ вторичнаго постановленія собранія, увѣдомить его или земскую управу (если собраніе уже закрыто), и затѣмъ предоставить все дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената, о чемъ въ то же время донести министру внутреннихъ дѣлъ. (§ 96). Для отзыва министра дѣлъ о согласіи или несогласіи его на постановленія земскаго собранія, въ ст. 92-й означенныя, полагается двухъ мѣсячный со дня составленія тѣхъ постановленій срокъ. Въ случаѣ несогласія министра, онъ сообщаетъ о томъ подлежащей земской управѣ, и дѣло разсматривается губернскимъ собраніемъ въ первое за тѣмъ засѣданіе. Копію съ окончательнаго заключенія своего губернское собраніе, прежде исполненія, сообщаетъ министру, который, при несогласіи съ этимъ заключеніемъ, вноситъ дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената. (§ 97). Всѣ постановленія земскихъ собраній вносятся въ журналъ, который подписывается предсѣдателемъ и секретаремъ собранія, членами земской управы и всѣми наличными членами собранія. (§ 98). Ближайшія указанія о существѣ и порядкѣ дѣйствій земскихъ учрежденій опредѣляются: въ особыхъ уставахъ о земскихъ повинностей, путей сообщенія, строительномъ, общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія и взаимнаго застрахованія, а также въ общихъ законахъ о податяхъ и повинностяхъ и въ другихъ постановленіяхъ; для руководства же при составленіи земской росписи и земскихъ смѣтъ и раскладокъ прилагаются при семъ особыя правила. (§ 108). Жалобы правительственныхъ и общественныхъ учрежденій на постановленія земскихъ собраній: 1) о предметахъ, не подлежащихъ ихъ вѣдомству и превышающихъ предѣлы ихъ власти; 2) заключающія въ себѣ такое нарушеніе общихъ законовъ, которое подлежитъ уголовному суду,—разсматриваются въ правительствующемъ сенатѣ. (§ 118).

ПРЕДМЕТЫ ВѢДѢНІЯ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ.

«2) Дѣла, подлежащія вѣдѣнію земскихъ учрежденій въ губерніи или уѣздѣ по принадлежности суть:

«I. Завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства;

«II. Устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій, другихъ сооруженій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства;

«III. Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія;

«IV. Завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства; попеченіе о построеніи церквей;

«V. Управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ;

«VI. Попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности;

VII. Участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ;

«VIII. Содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и другими вредными насѣкомыми и животными.

«IX. Исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности;

«X. Раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія, на основаніи изданныхъ о томъ узаконеній или особыхъ распоряженій, Высочайшею властію утвержденныхъ;

«XI. Назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда;

«XII. Представленіе, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда и ходатайство по симъ предметамъ, также чрезъ губернское начальство; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и начальниковъ губерній, свѣдѣній, до земскаго хозяйства относящихся;

«XIII. Производство выборовъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій;

«XIV Дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ, на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій.

Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ вводится въ настоящее время въ дѣйствіе въ слѣдующихъ губерніяхъ: Владимірской, Вологодской. Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С. Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской. Въ мѣстностяхъ, состоящихъ на особенномъ постоянномъ или временномъ положеніи, введеніе новаго положенія или примѣненіе его сообразно условіямъ мѣстности предоставлено предварительному обсужденію мѣстнаго начальства.

ПОЛИТИКА.

ТРЕХЪ-МѢСЯЧНЫЯ ЗАСѢДАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО КОРПУСА.—ПОВѢРКА ВЫБОРОВЪ И ПРЕНІЯ ОБЪ АДРЕСѢ.—ЧЕГО ХОЧЕТЪ ОППОЗИЦІЯ И ЧТО ОНА РАЗУМѢЕТЪ ПОДЪ СЛОВОМЪ СВОБОДА?—Г. ТЬЕРЪ—ГЕРОЙ НЫНѢШНЕЙ СЕССІИ.—ПРЕНІЯ О СВОБОДѢ ПЕЧАТИ, О СВОБОДѢ РАБОЧИХЪ АССОЦІАЦІЙ, И Т. Д.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о замѣчательныхъ явленіяхъ во внутренней жизни Франціи и о самомъ интересномъ изъ этихъ явленій — о французскихъ выборахъ въ 1863-мъ году, окончившихся избраніемъ въ законодательный корпусъ 25 или 30 оппозиціонныхъ депутатовъ всѣхъ партій и оттѣнковъ. — Мы тогда же высказали наше мнѣніе о заблужденіи тѣхъ французскихъ либераловъ и имперіялистовъ, которые надѣялись на какіе нибудь особенные результаты этого явленія или опасались этихъ результатовъ. Мы тогда же говорили, что все дѣло ограничится по всей вѣроятности произнесеніемъ большаго или меньшаго количества краснорѣчивыхъ ораторскихъ упражненій въ зданіи французскаго законодательнаго корпуса. Но въ то время мы могли высказать только предположенія наши объ этомъ предметѣ, потому что разсказъ нашъ доходилъ только до дня открытія засѣданій этого собранія, а результатъ этихъ засѣданій въ то время принадлежалъ еще будущему. Теперь мы имѣетъ передъ глазами плодъ трехъ-мѣсячныхъ трудовъ этого политическаго корпуса, въ которомъ рядомъ съ огромнымъ большинствомъ друзей и слугъ правительства сидитъ та страшная 25-ти членная оппозиція, которая казалась такою опасною робкимъ имперіялистамъ. Посмотримъ

же, что сдѣлали для Франціи эти люди, чего они хотятъ и требуютъ для нея.

Засѣданія настоящей палаты открыты были 5-го ноября тронною рѣчью императора Наполеона III. Главный интересъ этой рѣчи представляетъ та часть ея, въ которой императоръ говоритъ о внѣшней политикѣ Франціи и о задуманномъ имъ европейскомъ конгрессѣ. Но Наполеонъ не могъ не коснуться также и вопросовъ внутренней политики, обращаясь къ палатѣ, въ которой присутствовало столько оппозиціонныхъ знаменитостей. Онъ не могъ не понять, что всѣ эти говоруны прежнихъ системъ не могутъ быть для него слишкомъ опасными, и онъ съумѣлъ выразить въ своей тронной рѣчи эту увѣренность, которую не раздѣляла большая часть его министровъ и органовъ правительственной прессы. Коснувшись выборовъ, онъ сказалъ, что не смотря на мѣстную оппозицію, общій результатъ выборовъ, вслѣдствіе которыхъ въ палату попало такое значительное, преданное имперіи большинство, вызвалъ въ немъ живѣйшее удовольствіе; это удовольствіе, сказалъ онъ, тѣмъ значительнѣе, что всѣ члены палаты, въ томъ числѣ и оппозиціонные, присягнули на вѣрность конституціи, которая дала странѣ 11 лѣтъ благополучія. Въ этихъ словахъ своихъ императоръ довольно ясно высказывалъ свой взглядъ на безсиліе оппозиціи, надѣлавшей столько шуму и во Франціи, и внѣ предѣловъ ея. Послѣ того императоръ переходитъ во вступительной рѣчи къ изложенію удовлетворительности внутренняго состоянія страны: по словамъ его, торговля и промышленность процвѣтаютъ, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства извнѣ, финансы находятся въ цвѣтущемъ состояніи, не смотря на лишніе расходы по мексиканской и кохинхинской экспедиціямъ, пути сообщенія значительно улучшены, администрація упрощается. Среди заботъ о матеріальныхъ улучшеніяхъ въ положеніи страны, продолжаетъ далѣе императоръ, не оставляются также безъ вниманія моральные и религіозные интересы: народное образованіе, науки и искусства находятся въ цвѣтущемъ состояніи; и все это, по его мнѣнію, находилось бы еще въ лучшемъ положеніи, еслибъ не было различныхъ требованій и обязанностей внѣшней политики, которыя требуютъ иногда далекихъ экспедицій и лишнихъ расходовъ. Далѣе императоръ переходитъ отъ политики внутренней къ внѣшней, къ Америкѣ, Мексикѣ, Польшѣ и т. д. Вотъ съ какимъ изображеніемъ внутренняго состоянія имперіи государь Франціи встрѣчаетъ оппозиціонныхъ депутатовъ, явившихся въ палату съ тѣмъ, чтобы порицать его правительство. Дѣйствительно, если это изображеніе вѣрно, то и порицать нечего, потому что тогда для Франціи лучшаго положенія и желать нельзя. Но дѣло въ томъ, что и члены меньшинства въ палатѣ, и члены большинства, да

и самъ произносившій эту рѣчь безъ сомнѣнія очень хорошо знали, что положеніе страны такъ удовлетворительно только на бумагѣ, да на словахъ, а что на дѣлѣ во Франціи далеко не такой рай земной, какъ это изображалось въ тронной рѣчи императора, въ отчетѣ о состояніи имперіи, розданномъ нѣсколько дней спустя послѣ открытія сессіи сенаторамъ и депутатамъ, и въ финансовомъ отчетѣ, представленномъ около того же времени министромъ финансовъ г. Фульдомъ. Въ этомъ отчетѣ замѣтна была очень любопытная непослѣдовательность. Сначала Фульдъ разсказывалъ очень много объ отличномъ состояніи французскихъ финансовъ, а подъ конецъ онъ объявилъ, что состояніе это было бы еще лучше, и что вовсе не было бы дефицита, *еслибы* не мексиканская и кохинхинская экспедиціи; теперь же для покрытія расходовъ на нихъ требуется заключить заемъ въ 300 милліоновъ франковъ. Само собою разумѣется, что такое различіе между дѣйствительностью и словами рѣчей и отчетовъ существовало не только въ финансовомъ положеніи страны, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

На другой день послѣ открытія засѣданій законодательнаго корпуса, президентъ этого собранія, герцогъ Морни произнесъ передъ депутатами рѣчь, въ которой тоже коснулся отношенія правительства къ оппозиціоннымъ партіямъ во Франціи. Онъ сказалъ, что послѣдніе выборы пробудили давно уснувшія политическія стремленія въ странѣ, и что при этомъ были высказаны стремленія къ свободѣ. Но правительство, объявилъ Морни, не смущается этими стремленіями, потому что императоръ первый раздѣляетъ ихъ, что онъ не разъ доказывалъ либеральными реформами, предпринятыми въ послѣдніе годы, и еще не далѣе какъ наканунѣ указаніями на либеральныя реформы, сдѣланными имъ во вступительной своей рѣчи. Далѣе г. Морни выразилъ свое благоговѣніе передъ англійскимъ обществомъ, гдѣ полная личная свобода внушаетъ гражданамъ чувство собственнаго достоинства и независимости, гдѣ свобода ассоціацій развиваетъ личную иниціативу, безъ всякой опеки со стороны государства, гдѣ обширная политическая свобода умѣряется глубокимъ уваженіемъ къ закону, слѣпымъ подчиненіемъ государственному принципу, и наконецъ общественнымъ здравымъ смысломъ. Все это возбуждаетъ удивленіе и сочувствіе г. герцога Морни; но онъ убѣжденъ въ томъ, что все это достигается только временемъ (чему по его мнѣнію служитъ примѣромъ опять та же Англія), что и во Франціи все это когда нибудь, можетъ быть, и будетъ достигнуто, но что для этого необходимо согласіе либеральнаго государя и умѣренной палаты. Въ заключеніе своей рѣчи г. Морни радуется тому, что послѣдніе выборы привели въ палату столько парламентскихъ знаменитостей, во первыхъ пото-

му, что это показываетъ, что эти знаменитости отдаютъ должный почетъ самой формѣ существующаго во Франціи правленія, а во вторыхъ оттого, что императорское правительство можетъ только выиграть отъ болѣе близкаго знакомства съ нимъ: поэтому онъ, г. Морни, съ спокойствіемъ взираетъ на предстоящія пренія. Мы не знаемъ хорошенько, какое впечатлѣніе эта рѣчь произвела на слушателей Морни, и вообще на французовъ; но мы знаемъ только, что въ сущности не можетъ быть ничего особенно лестнаго для французскаго народа въ подобныхъ рѣчахъ, которыми угощаютъ его по временамъ гг. Морни, Персиньи и другіе поклонники англійскихъ учрежденій. Въ глазахъ этихъ господъ та незначительная доля политической свободы, которою пользуется собственно народъ Англіи, является какимъ-то страшнымъ ядомъ, къ которому, правда, можно пріучить организмъ, но неиначе какъ съ величайшею постепенностью, увеличивая въ теченіи очень долгаго времени понемножку пріемы этого сильнаго яда; а весь французскій народъ представляется имъ ребенкомъ, которому никакъ нельзя самому дать въ руки этого яда — того и гляди, сразу проглотитъ весь пріемъ, и умретъ въ страшныхъ мученіяхъ. Можетъ быть, утѣшаетъ г. Морни французовъ, и вы дойдете когда нибудь до того, что ваши богачи сдѣлаются вашими законодателями, что у васъ будетъ такое же справедливое отношеніе высшихъ классовъ, управляющихъ государствомъ, къ низшимъ классамъ, трудящимся и платящимъ налоги; но до этого вамъ еще нужно много дозрѣть.

Послѣ открытія засѣданій законодательнаго корпуса приступлено было прежде всего къ повѣркѣ выборовъ. Было представлено не менѣе 180 протестовъ, въ которыхъ неизбранные кандидаты протестовали противъ избранія своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ, по большей части правительственныхъ кандидатовъ; оппозиціонные депутаты разобрали на себя защиту большей части изъ этихъ протестовъ, и началась длинная и скучная повѣрка выборовъ, продолжавшаяся почти четыре недѣли (съ 9-го ноября до 3-го декабря). Мы назвали эту повѣрку полномочій дѣломъ скучнымъ, потому что въ теченіе четырехъ недѣль только и приходилось читать въ отчетахъ о засѣданіяхъ французскаго законодательнаго корпуса описанія различныхъ злоупотребленій и продѣлокъ. Но это не значитъ, чтобы эта повѣрка не представляла ничего любопытнаго и поучительнаго. Нѣтъ, напротивъ, тутъ обнаружилось множество курьезныхъ фактовъ. То оказывалось, что у лицъ, желавшихъ быть избранными, проявлялось вдругъ неудержимое стремленіе къ благотворительности, и они за нѣсколько недѣль и дней до выборовъ принимались благодѣтельствовать жителей того участка, въ которыхъ они являлись кандидатами; и при повѣркѣ полномочій оказывалось, что съ ихъ стороны не было ника-

кого поджуна, а было только желаніе дѣлать добро неимущей братіи. То со стороны претендентовъ на званіе депутата являлись обѣщанія различныхъ улучшеній въ своемъ избирательномъ округѣ; то они вмѣстѣ съ начальствомъ старались очернить въ глазахъ избирателей неправительственныхъ кандидатовъ; далѣе обнаружились разныя злоупотребленія и насилія правительственныхъ лицъ, начиная съ префектовъ и кончая простыми сельскими стражами: они уничтожали избирательныя аффиши неправительственныхъ кандидатовъ, вносили въ избирательные списки лицъ, не имѣющихъ права выбора, и исключили тѣхъ, которыя должны были пользоваться этимъ правомъ; и многое другое обнаружилось во время повѣрки выборовъ. Всѣ эти факты появились на свѣтъ божій, благодаря стараніямъ оппозиціонныхъ депутатовъ, которые почти всѣ безъ исключенія приняли участіе въ преніяхъ по поводу повѣрки выборовъ и изобличали правительственныя лица во всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Съ своей стороны и ораторы правительства не оставались въ долгу и обвиняли оппозицію въ неправильности избирательныхъ дѣйствій и въ насиліи. При этихъ преніяхъ случались наприм. и такіе курьезы: въ числѣ избранныхъ депутатовъ оказалось нѣсколько такихъ (Плишонъ, Жувенель и др.), которые во время прежнихъ выборовъ пользовались покровительствомъ правительства, и поэтому находили правительственныя кандидатуры дѣломъ очень хорошимъ и законнымъ. Но на нынѣшній разъ правительство отняло у нихъ свое покровительство и перенесло его на другія лица; тотчасъ же гг. Плишонъ и товарищи становятся въ ряды оппозиціи, и съ большимъ или меньшимъ краснорѣчіемъ, какъ кому Богъ на сердце положилъ, громятъ продѣлки и неправды правительственныхъ лицъ во время послѣднихъ выборовъ. Вообще оппозиція отличилась во время повѣрки выборовъ способностью порицать то, что она сама прежде не разъ дѣлала. Само собою разумѣется, что въ числѣ ораторовъ, которые сильно возставали противъ правительственныхъ кандидатуръ и противъ вмѣшательства властей въ выборы, находились и корифеи французской трибуны, обломки прежнихъ системъ, гг. Беррье и Тьеръ. Но изъ словъ министра-оратора г. Руэ оказалось, что при реставраціи существовали все время оффиціальныя кандидатуры, и что министръ, считавшійся либеральнымъ, г. Мартиньякъ, доказывалъ палатамъ невозможность того, чтобы правительство отказалось отъ права ставить свои кандидатуры. Во время іюльской монархіи, всѣ министры постоянно защищали правительственныя кандидатуры, и въ 1834 году, г. Тьеръ, громившій теперь дѣйствія правительства во время послѣднихъ выборовъ, произносилъ слѣдующія слова: «Требовать отъ префектовъ и отъ подпрефектовъ, чтобы они не вмѣшивались въ выборы, значитъ требовать

отъ нихъ, чтобы они не исполняли своихъ обязанностей». Послѣ подобныхъ словъ министра 1834 года дѣлается особенно интереснымъ чтеніе рѣчей оппозиціоннаго депутата 1864 года. Во время этихъ преній о правильности или неправильности выборовъ, большинство палаты успѣло также высказать очень ясно свое направленіе, которое конечно оказалось тѣмъ же, каковымъ мы видѣли его въ прежніе годы. Это большинство перескакивало черезъ всѣ злоупотребленія, обнаруживавшіяся при выборѣ депутатовъ большинства, и являлось необыкновенно строгимъ при повѣркѣ выборовъ оппозиціоннаго меньшинства (когда либеральныя газеты указали на это обстоятельство, то имъ сдѣлано было за это внушеніе, а газетѣ «Journal des Débats» г. Морни пригрозилъ даже за это судомъ). Направленія и сочувствія большинства обнаружились также и въ той манерѣ, съ которою палата слушала ораторовъ той или другой стороны. Когда напр. говорили Пикаръ, Фавръ или даже великій говорунъ Тьеръ, то въ палатѣ производился постоянно шумъ, гамъ, раздавались крики негодованія и нетерпѣнія. Когда правительственный ораторъ броситъ какое нибудь обвиненіе противъ оппозиціи, и одинъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ намѣревался отвѣчать на это обвиненіе, то палата обыкновенно отказывалась выслушивать его, и требовала, чтобы прекращены были пренія. Когда напр. министръ-ораторъ Руланъ назвалъ однажды поступокъ Жюля Фавра безчестнымъ, то большинство видимо было очень довольно этимъ.

Члены большинства даже серьезно обвиняли г. Морни за его пристрастіе къ членамъ оппозиціи, потому что Морни во время нынѣшнихъ засѣданій держалъ себя повѣжливѣе съ палатою, нежели въ прежніе годы: эта вѣжливость сочтена была совершенно излишнею тамъ, гдѣ дѣло шло объ оппозиціонныхъ депутатахъ, и просвѣщенному большинству палаты гораздо болѣе нравилась нецеремонная манера г. Рулана, нежели относительная вѣжливость г. Морни. Наконецъ длинная церемонія повѣрки выборовъ кончилась тѣмъ, что уничтоженъ былъ выборъ одного оппозиціоннаго кандидата (Пелльтана, который впрочемъ впослѣдствіи былъ избранъ вторично), и что палата рѣшилась уничтожить выборы шести или семи правительственныхъ кандидатовъ (въ томъ числѣ нашего стараго знакомаго по главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, г. Исаака Перейры, отличившагося своею благотворительностью передъ выборами). Газета «France», органъ умѣреннаго имперіялистскаго либерализма, органъ друзей второй степени, какъ ихъ называютъ имперіялисты quand même, пришла въ восторгъ отъ того, что нашлось въ палатѣ столько храбрыхъ депутатовъ, которые уничтожили выборы тамъ, гдѣ поступлено было съ явнымъ мошенничествомъ. Она и другіе представители либера-

лизма видѣли весьма утѣшительное явленіе въ томъ, что палата не состоитъ болѣе изъ однихъ молчаливыхъ личностей, какъ прежде, но что въ ней теперь раздаются также и другіе голоса, кромѣ голосовъ правительственныхъ ораторовъ (въ какомъ смыслѣ раздаются эти голоса, мы видѣли выше). Эти органы находили, что палата очень хорошо дѣлаетъ, не оставляя оппозиціоннымъ депутатамъ всей чести либеральничанья, и радовались, что въ рядахъ законодательнаго корпуса образуется родъ третьей партіи, посредствующее звено между оппозиціей и правительственною партіей. Почему тутъ слѣдовало радоваться, и какую пользу Франція извлечетъ изъ образованія третьей партіи, когда и самая оппозиція, существующая теперь въ палатѣ, не приноситъ ей ни малѣйшей пользы, этого ни «France», ни другія газеты не объясняютъ намъ, а мы сами, признаться, рѣшительно не можемъ постичь этого.

Когда въ законодательномъ корпусѣ окончилась повѣрка выборовъ, тогда въ обѣихъ палатахъ должны были начаться пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь императора. Сначала былъ составленъ адресъ и произошли пренія о немъ въ сенатѣ, который изъ всѣхъ подобныхъ учрежденій въ Европѣ отличается своею неподвижностью, своимъ реакціонернымъ направленіемъ, своею враждою противъ всего живаго и свѣжаго. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе угодливаго и ретрограднаго, чѣмъ адресъ, который составленъ и принятъ былъ въ сенатѣ. Сначала въ этомъ адресѣ сказано, что тронная рѣчь императора имѣетъ громаднѣйшее значеніе, потому что «его слово освѣщаетъ, укрѣпляетъ и успокоиваетъ общественное мнѣніе; оно не даетъ Франціи углубляться въ политику предположеній и ложныхъ толкованій, которыя смущаютъ умы и вредятъ общественнымъ интересамъ». Сенатъ находитъ, что правленіе императора гарантируетъ странѣ прочность учрежденій, прогрессъ и высшія блага мира и цивилизаціи. «Намъ нечего опасаться, сказано въ адресѣ, уличныхъ, публичныхъ безпорядковъ. Населеніе Франціи спокойно и прилежно занимается своимъ дѣломъ.». Восхваливши затѣмъ совершенство и прочность настоящихъ политическихъ учрежденій Франціи и конституціи 1852 года, давшей Франціи возможное благополучіе, сенатъ говоритъ: «намъ нужно сгруппироваться вокругъ народнаго дѣла, вокругъ этого конституціоннаго акта, который служитъ лучшимъ представителемъ императорской системы правленія. Этотъ актъ не есть только опытъ: онъ представляетъ собою цѣлую политическую систему, гдѣ мы находимъ съ одной стороны программу вашего восшествія на престолъ, съ другой стороны голоса 8 милліоновъ избирателей. Съ нашей стороны было бы непростительно, если бы мы оказались болѣе непостоянны, нежели огромное большинство на-

рода, который такъ часто упрекаютъ въ непостоянствѣ, и если бы мы подали ему по прошествіи 11 лѣтъ примѣръ подвижности въ вещахъ, которыя такъ очевидно доказали свое превосходство». И весь адресъ сената, представляющій собою довольно длинный документъ, составленъ въ такомъ же духѣ. Правда, французскій сенатъ нельзя обвинить въ непослѣдовательности. Для членовъ этого собранія конституція 1852 года представляетъ такое учрежденіе, которое дѣйствительно является чѣмъ-то вполнѣ совершеннымъ и не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ: оно даетъ имъ тепленькое мѣстечко съ 30,000 франковъ годоваго жалованья. Что же они въ самомъ дѣлѣ за глупцы, чтобы не находить эту конституцію верхомъ совершенства и не желать сохраненія ея на вѣки вѣчные. Но со стороны всѣхъ этихъ господъ очень странно желаніе увѣрить и другихъ въ томъ, что конституція 1852 года является верхомъ человѣческой мудрости, и никогда ни за что не должна быть ни отмѣнена, ни измѣнена. Впрочемъ, и въ этомъ окаменѣломъ собраніи есть свои либералы, которые не вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе большинства сената и желали бы нѣкоторыхъ измѣненій, которыя они называютъ громкимъ именемъ либеральныхъ реформъ. Когда рѣчь зашла въ сенатѣ о 3 параграфѣ адреса, въ которомъ говорится о прочности учрежденій имперіи, гг. маркизъ Буасси и виконтъ Лагерроньеръ произнесли передъ своими сотоварищами рѣчи, въ которыхъ они выражали свое стремленіе къ расширенію свободы. Въ особенности отличился въ этомъ отношеніи Лагерроньеръ. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой сильно восхвалялъ имперію, увѣрялъ, что она не только не противорѣчитъ свободѣ, но должна быть самымъ тѣснымъ образомъ связана съ нею, что имперія теперь уже достаточно укрѣпилась для пользованія этимъ высшимъ благомъ человѣчества, и что благоразуміе не можетъ болѣе требовать отсрочки этого пользованія. Императорское правительство, по его мнѣнію, можетъ уже теперь сложить съ себя временныя свои формы, которыя оно должно было принять на себя въ началѣ, потому что оно теперь пользуется уже достаточно сильнымъ сочувствіемъ въ массахъ. Это сильное сочувствіе дѣлаетъ то, что представители старинныхъ партій, что 30 человѣкъ оппозиціи въ палатѣ нисколько не опасны; поэтому, по мнѣнію Лагерроньера, правительству слѣдуетъ измѣнить систему выборовъ, смягчить законы относительно печати, — вообще дать странѣ ту степень свободы, которая существуетъ въ Англіи. Тутъ мы опять встрѣчаемся въ устахъ французскаго либерала съ этою пресловутою англійскою свободою: впрочемъ, судя по другимъ рѣчамъ и газетнымъ статьямъ этого либеральнаго сенатора, можно предполагать, что онъ съ словомъ *англійская свобода* соединяетъ даже вовсе не то понятіе, какое со-

диняютъ съ ними Морни и Персиньи, а что-то гораздо меньшее — такъ что нибудь въ родѣ обузданія излишняго своеволія префектовъ и директора департамента прессы (мѣсто, которое онъ самъ еще очень недавно занималъ; впрочемъ когда ему указали на противорѣчіе между тогдашней его дѣятельностью и теперешними его словами, то онъ и тутъ нашелся, объявивши, что то было время, а теперь другое, что иныя обстоятельства требуютъ иныхъ порядковъ, и т. д.). На эту рѣчь, приведшую своимъ либерализмомъ въ ужасъ и негодованіе весь французскій сенатъ, отвѣчалъ оффиціальный ораторъ французскаго правительства, министръ Руэ. Г. Руэ доказывалъ постоянную тему французскаго правительства, отличающуюся своею непослѣдовательностью: съ одной стороны онъ увѣрялъ, что Франція пользуется полною свободою—и въ выборахъ, и въ печати, и въ администраціи, и т. д., и что поэтому нечего даже и заботиться объ увѣнчаніи зданія (couronnement de l'édifice), потому что это увѣнчаніе уже совершилось. Хорошо, думаетъ читатель или слушатель, Франція значитъ имѣетъ возможно полное количество свободы, и большаго количества и быть не можетъ. Но сейчасъ же является тотъ же г. Руэ, и увѣряетъ что Франціи и дать-то нельзя свободы, потому что иначе враги имперіи и порядка (т. е. старинныя партіи, постоянный кошмаръ имперіялистовъ) надѣлаютъ страшныхъ вещей. Поэтому и бывшая система выборовъ необходима, и административное стѣсненіе печати хорошо, и т. д.; при этомъ повторяются всѣ ужасныя увѣренія друзей первой степени о зловредности оппозиціи и людей прежнихъ системъ. Тутъ всякій человѣкъ, привыкшій сообразоваться съ требованіями логики и здраваго смысла, въ состояніи придти въ недоумѣніе и спросить: что же это такое? есть ли во Франціи свобода или нѣтъ ея? нужна ли для Франціи свобода или не нужна, полезна она или вредна? изъ рѣчи г. Руэ ничего этого понять невозможно, потому что онъ утверждаетъ и то, и другое, и третье. Но для французскихъ сенаторовъ этихъ противорѣчій въ рѣчи министра не существуетъ. Они остались очень довольны этой рѣчью, потому что онъ сказалъ въ ней, что расширеніе свободы повело бы къ безпорядкамъ и анархіи. Кромѣ рѣчей Буасси, Лагерроньера и Руэ въ преніяхъ сената объ адресѣ не было ничего такого, что представляло бы хотя бы тотъ относительный интересъ, который представляли эти рѣчи. Сенаторы охуждали вновь вышедшую книгу Ренана: «La vie de Jesus», другую книгу, направленную противъ католицизма и озаглавленную «Le Maudit»; они упрекали правительство, зачѣмъ оно дозволило напечатаніе этихъ книгъ; такъ что министры должны были доказывать сенату, что не слѣдуетъ препятствовать печатанію ученыхъ трактатовъ. Они сожалѣли, что въ школахъ введе-

но обученіе современной исторіи, потому что разсказъ о революціяхъ настоящаго столѣтія долженъ, по ихъ мнѣнію, оказывать заразительное и губительное вліяніе на молодые умы; они выслушивали панегирики, которые расточалъ императору и имперіи бывшій послѣдователь Сенъ-Симона, а теперь сотоварищъ ихъ, Мишель Шевалье — и больше ничего они не дѣлали; на этомъ сенатъ и покончилъ то, что въ газетныхъ реляціяхъ названо преніями объ адресѣ. Изъ этихъ преній можно вывести только одно заключеніе—то, что если во Франціи и случатся какіе нибудь перевороты и перемѣны, то они безъ всякаго сомнѣнія произойдутъ не изъ инициативы сената, потому что самое смѣлое воображеніе не можетъ представить себѣ ничего болѣе безжизненнаго, нежели это политическое тѣло. Эти господа будутъ до скончанія своей жизни спать непробуднымъ сномъ и проѣдать свои 30,000 франковъ, просыпаясь только изрѣдка отъ этого сна для того, чтобы побранить какое нибудь новое сочиненіе, или какую нибудь микроскопическую реформу въ устройствѣ своей страны.

Законодательный корпусъ, послѣ окончанія повѣрки выборовъ, не прямо перешелъ къ составленію отвѣта адреса, но занялся прежде разсужденіями о займѣ въ 300 милліоновъ и о добавочныхъ кредитахъ, требуемыхъ французскимъ правительствомъ. При этомъ Беррье указалъ на ошибки въ финансовомъ управленіи страны, Тьеръ сказалъ нѣсколько очень хорошихъ вещей о необходимости бережливости и о благодѣяніяхъ мира, причемъ онъ объявилъ, что избиратели его поручили ему хлопотать о трехъ вещахъ: объ экономіи, свободѣ и мирѣ. Съ своей стороны правительственные ораторы отвѣчали на эти разглагольствованія оппозиціи, что требуемые ими 300 милліоновъ франковъ не представляютъ собственно даже никакого займа, а такъ являются чѣмъ-то въ родѣ передачи суммъ изъ одного вѣдомства въ другое. Кто кого тутъ морочилъ, трудно даже разобрать: Беррье ли и Тьеръ, являвшіеся передъ палатою финансистами и поборниками свободы, или правительственные ораторы, дѣлавшіе такія оригинальныя и смѣлыя объявленія. Наконецъ въ началѣ января и законодательный корпусъ приступилъ къ важному дѣлу — къ пренію объ адресѣ. За нѣсколько дней до начала этихъ преній всѣ члены оппозиціи собрались у депутата Мари для того, чтобы составить планъ аттаки. Мы говорили еще въ одномъ изъ прежнихъ обозрѣній, что разрозненные члены оппозиціи пытались передъ открытіемъ засѣданій распредѣлить между собою роли и назначить каждому изъ своей среды мѣсто, которое онъ долженъ былъ занимать въ предстоящемъ бою. Но оказалось, что въ то время не было составлено никакого общаго плана дѣйствій, и что согласіе не могло установиться между лицами, имѣвшими такіе различные виды и планы. То, что было

легко, когда оппозиція состояла только изъ 5 лицъ, оказалось неприменимымъ для 30-ти или 35-ти лицъ самаго разнообразнаго направленія. Поэтому, говоримъ мы, въ то время не было составлено никакого общаго плана дѣйствія. Но теперь, когда депутатамъ извѣстенъ былъ текстъ адреса, предложеннаго герцогомъ Морни, когда у нихъ подъ ногами была уже почва для соглашенія, оказалось возможнымъ составить общій планъ аттаки, составить измѣненія къ различнымъ параграфамъ адреса, и распредѣлить между собою роли, кому о чемъ говорить. Тьеръ долженъ былъ начать пренія критикой общей политики правительства. Послѣ того оппозиція правой и лѣвой стороны должна была требовать свободы выборовъ, свободы печати, свободы личной и отмѣны закона объ общественной безопасности, свободы общинной и административной, свободы ассоціацій для рабочихъ, свободы образованія, и т. д. Вообще оппозиція должна была нападать преимущественно на политику правительства по внутреннимъ вопросамъ. Изъ вопросовъ иностранной политики, только мехиканскій вопросъ долженъ былъ подвергнуться строгой критикѣ оппозиціи: вопросы польскій и итальянскій должны были оставаться на второмъ планѣ. Либеральныя газеты во Франціи радовались, что такимъ образомъ составился безъ всякаго компромисса союзъ всѣхъ силъ оппозиціи и сближеніе этихъ по видимому столь разногласныхъ личностей: общее уваженіе къ свободѣ и сознаніе тѣхъ выгодъ, которыя она приноситъ всѣмъ партіямъ, произвели эти результаты. Теперь, радовались эти либералы, можно ожидать очень возвышенныхъ и плодотворныхъ преній объ адресѣ, потому что большая часть великихъ принциповъ свободы, которые необходимы для жизни народа цивилизованнаго и эманципированнаго, будутъ поставлены и защищены въ этихъ преніяхъ. Результаты же ихъ будутъ тѣмъ благотворнѣе, что всѣ эти хорошія вещи будутъ говориться передъ большинствомъ, которое проникнуто чувствомъ безпристрастія (!) и независимости (?), котораго не было въ прежнихъ палатахъ.—Вотъ съ какими розовыми мечтаніями французскіе либералы встрѣчали пренія объ адресѣ; посмотримъ, на сколько оправдались ихъ наивныя надежды и мечтанія.

Президентъ законодательнаго корпуса Морни составилъ адресъ и предложилъ палатѣ принять его. Этотъ документъ былъ составленъ съ большимъ тактомъ и соблюденіемъ приличій, нежели дресъ, принятый сенатомъ; но по сущности своей оба эти акта не слишкомъ много разнились между собою. Такъ какъ намъ дальше придется говорить довольно много объ измѣненіяхъ, предложенныхъ оппозиціею къ этому адресу, то мы приведемъ здѣсь и тѣ мѣста самаго адреса, въ которыхъ рѣчь идетъ о внутренней политикѣ французскаго правитель-

ства. Вотъ какъ начинался этотъ документъ: «Государь, законодательный корпусъ раздѣляетъ то довѣріе, которое вы питаете къ его новому составу. Не смотря на живость избирательной борьбы, народъ доказалъ, что онъ глубоко преданъ императорскимъ учрежденіямъ, вашей особѣ и династіи. Приступая къ разсмотрѣнію государственныхъ дѣлъ, мы никогда не упустимъ изъ виду этихъ принциповъ и этого настроенія, а станемъ напротивъ неослабно дѣйствовать сообразно съ ними. Ваше величество были совершенно правы, опередивши общественное мнѣніе въ вопросѣ о промышленной и торговой свободѣ. Франція, долго сомнѣвавшаяся сама въ себѣ, получила теперь довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ. Наша промышленность получила теперь возможность успѣшно бороться съ иноземной конкурренціей. Мы желаемъ, чтобы дѣятельность, обнаружившаяся въ последнее время относительно общественныхъ работъ, не ослабѣла, чтобы въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не проявились замедленія, и чтобы улучшенія въ нашихъ гаваняхъ, каналахъ, дорогахъ и проч. были постоянной заботой вашего правительства. Наши финансы, столь мудро управляемые, удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ страны, такъ что не нужно прибѣгать ни къ государственнымъ займамъ, ни къ увеличенію налоговъ. Ваше величество вновь обнаруживаете либеральное свое направленіе и обѣщаете намъ новыя реформы. Мы займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ намъ предложены, съ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать вамъ въ стремленіи вашемъ къ прогрессу. Мы примемъ съ сочувствіемъ и съ благодарностью всѣ мѣры, которыя будутъ имѣть цѣлію отстранить препятствія къ свободному проявленію личной дѣятельности и инниціативы, которыя будутъ направлены къ тому, чтобы въ рабочемъ вопросѣ установить справедливымъ образомъ отношенія различныхъ классовъ между собою, и которыя будутъ имѣть цѣлью расширить, безъ ослабленія центральной власти, кругъ дѣятельности общинъ и провинцій. Мы сочувствуемъ тому участію, которое ваше величество принимаете во всемъ относящемся къ религіи, къ благотворительности, къ искусствамъ, литературѣ и наукамъ. Элементарное образованіе сильно поднялось съ 1848 года. Мы полагаемъ вмѣстѣ съ вашимъ величествомъ, что число дѣтей, которые не пользуются еще имъ, слишкомъ значительно; но мы надѣемся, что число это будетъ постепенно уменьшаться и наконецъ совершенно исчезнетъ изъ нашей статистики, благодаря увеличивающемуся благосостоянію народа и усиливающейся частной благотворительности». Затѣмъ адресъ переходитъ къ иностранной политикѣ. Приведенныя нами мѣста адреса представляютъ канву, по которой друзья и противники настоящаго порядка вещей во

Франціи принялись вымышлять разныя разсужденія. Прослѣдимъ вкратцѣ, въ чемъ состояли эти разсужденія.

Мы говорили уже выше, что по плану, составленному оппозиціей, нападеніе долженъ былъ начать Тьеръ критикой общей политики правительства. Знаменитый говорунъ дѣйствительно произнесъ эту замѣчательную рѣчь, которую ожидали почти съ равнымъ нетерпѣніемъ друзья и враги его. Какъ и слѣдуетъ бывшему министру, онъ началъ эту рѣчь съ похвалы себѣ и доброму старому времени, когда власть находилась еще въ его рукахъ, потому что тогда, говоритъ онъ, соглашены были двѣ вещи, безъ которыхъ народу нельзя существовать: свобода и порядокъ. Послѣ этого самовосхвалительнаго вступленія г. Тьеръ счелъ нужнымъ исполнить долгъ вѣжливости относительно императора Наполеона: такъ какъ онъ сознавалъ, что Наполеонъ все-таки хозяинъ, у котораго онъ былъ въ гостяхъ, то онъ и счелъ своею обязанностью сказать какой нибудь комплиментъ любезному хозяину. Поэтому онъ похвалилъ и настоящій порядокъ вещей, систему второй имперіи; но сквозь эти похвалы все-таки слышно было нѣкоторое сожалѣніе, что прошли уже тѣ счастливыя времена, когда судьбами Франціи распоряжались Тьеръ и товарищи его. Заговоривши потомъ о стремленіи къ свободѣ, обнаружившемся въ послѣднее время во французскомъ народѣ, г. Тьеръ спускается на почву исторіи и доказываетъ, что послѣ 1789 года стремленія къ свободѣ съ большими или меньшими промежутками постоянно обнаруживались во французскомъ обществѣ, при чемъ конечно опять таки оказалось, что самое полное удовлетвореніе это стремленіе находило при іюльской монархіи. Наконецъ Тьеръ перешелъ къ капитальной части своей рѣчи. До сихъ поръ онъ часто упоминалъ слово *свобода*, говорилъ, что нужно удовлетворить этому стремленію французскаго народа, и т. д. Но при этомъ конечно каждому изъ его слушателей очень натурально долженъ былъ представиться вопросъ, что же слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ многозначущимъ словомъ. Этотъ вопросъ представился и самому оратору, и онъ считаетъ своею обязанностью объяснить, какъ онъ понимаетъ слово свобода. «Въ какой мѣрѣ слѣдуетъ удовлетворить серьезному стремленію къ свободѣ? спрашиваетъ онъ себя. Это вопросъ важный, очень важный, въ этомъ нужно сознаться, и между тѣмъ, если хорошенько вдуматься въ него, то легко увидѣть, что это вопросъ не неразрѣшимый. Я очень хорошо знаю, что свобода возбуждаетъ во Франціи очень разнообразныя чувства: у однихъ она возбуждаетъ необузданныя желанія, другимъ она внушаетъ химерическія опасенія. Нужно умѣть остановиться на неизбѣжномъ, опредѣлить въ дѣлѣ свободы необходимое. Пять условій необходимы для того, чтобы установить то, что я называю

неизбѣжнымъ въ дѣлѣ свободы. Первое условіе имѣетъ назначеніемъ обезпечить личность гражданина; нужно, чтобы гражданинъ могъ жить спокойно въ своемъ домѣ, нужно, чтобы онъ могъ разъѣзжать по всему государству, не опасаясь насилія и произвола. Но одной личной безопасности недостаточно; нужно еще, чтобы гражданинъ слѣдилъ за общественнымъ дѣломъ, чтобы онъ думалъ о немъ, да чтобы онъ думалъ не одинъ, а чтобы и другіе думали такъ, какъ онъ, и чтобы всѣ граждане могли обмѣниваться своими мыслями для того, чтобы составилось общественное мнѣніе. Этотъ обмѣнъ идей производится посредствомъ печати; для этого необходимо, чтобы печать была свободна. Говорю — свободна, а не безнаказанна: нужно, чтобы печать была свободна съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не касалась чести гражданъ и не нарушала общественнаго спокойствія. Слѣдовательно вторымъ условіемъ, необходимымъ для свободы, является то, чтобы печать была свободна и могла бы служить орудіемъ того обмѣна мыслей, которое составляетъ общественное мнѣніе. Это общественное мнѣніе не должно быть пустымъ словомъ: нужно, чтобы оно достигало сюда (въ палату), и отсюда является третіе условіе свободы—свобода выборовъ. Я не говорю, чтобы правительству не слѣдовало тоже принимать участія въ выборахъ: но ему не слѣдуетъ налагать свою волю и настаивать на своемъ выборѣ. Это еще не все. Если вы выбраны для того, чтобы служить представителями общественнаго мнѣнія, то нужно, чтобы вамъ предоставлена была возможность выражать это мнѣніе, чтобы вы могли производить, во время необходимый контроль надъ дѣйствіями администраціи; это я называю свободой народнаго представительства, это четвертое изъ условій, о которыхъ я только что говорилъ. Послѣднее условіе (я не говорю самое важное, потому что всѣ они важны); состоитъ въ томъ, чтобы общественное мнѣніе, сдѣлавшись однажды извѣстнымъ, становилось руководителемъ дѣйствій правительства. Чтобы привести это условіе свободы въ исполненіе, люди придумали два средства—республику и монархію. Въ республикѣ глава государства перемѣняется каждые три, четыре года; онъ лицо отвѣтственное. Сторонники монархіи также хотѣли согласовать то условіе свободы съ этой формой правленія, и они придумали возложить отвѣтственность не на главу государства, но на его совѣтниковъ; эти послѣдніе являются отвѣтственными передъ избранниками націи; глава государства остается лицемъ неприкосновеннымъ, но министры его должны сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Господа, изъ этихъ пяти условій свободы, которыхъ я считаю необходимыми, неоспоримыми, неизбѣжными, какія есть у насъ, какія должны быть? Вотъ вопросы, разсмотрѣніемъ которыхъ я желаю заняться». Пустившись послѣ того

въ болѣе подробное изложеніе благодѣтельности каждаго изъ поставленныхъ имъ условій свободы, г. Тьеръ спѣшитъ успокоить робкіе умы, которые могли бы взволноваться обширностью требуемыхъ имъ переворотовъ; онъ самъ спѣшитъ увѣрить ихъ, что онъ собственно ничего не требуетъ. «Для того, чтобы дать странѣ всѣ эти условія свободы, говоритъ онъ, вовсе не нужно опрокидывать настоящія учрежденія — достаточно только развить ихъ. Личная свобода — для этого достаточно отмѣнить законъ общественной безопасности. Свобода печати — для этого нужно измѣнить только одну или двѣ статьи закона о печати. Свобода выборовъ — для этого достаточно прекратить нѣкоторыя злоупотребленія властей. Свобода народнаго представительства — для этого достаточно ввести здѣсь въ палатѣ обыкновеніе запросовъ. Наконецъ, относительно пятаго условія необходимо только узаконить отвѣтственность министровъ». Попавши на свою любимую тему, на превосходство парламентскаго образа правленія, г. Тьеръ долгое время не оставляетъ этой темы, съ любовью доказываетъ всѣ достоинства того, что, по его выраженію, грубая толпа обыкновенно называетъ правительствомъ риторовъ, говоруновъ. Далѣе г. Тьеръ тоже не преминулъ сравнить учрежденія Франціи съ учрежденіями Англіи и съ завистью указать на послѣднія, сказалъ нѣсколько патетическихъ словъ о любви къ родинѣ, которая одушевляетъ всякаго француза, и наконецъ все это длинное ораторское упражненіе закончено было полу-угрозой, обращенной имъ къ правительству. Вотъ и вся эта знаменитая рѣчь знаменитаго оратора, которая надѣлала столько шума во Франціи и даже въ остальной Европѣ. Вся либеральная пресса Франціи пришла въ восторгъ отъ этой рѣчи. Жирарденъ въ своей газетѣ «Presse» объявилъ, что онъ не только былъ удивленъ и обрадованъ, но и тронутъ этой рѣчью; это не есть рѣчь великаго оратора, говорилъ онъ въ паѳосѣ, это рѣчь великаго гражданина, который чуждъ всякаго честолюбія и желаетъ только блага своей странѣ. Opinion Nationale, «Siècle» (которыя обѣ были противъ кандидатуры Тьера), «Temps» «Journal des Débats» — всѣ они не нахвалятся этой рѣчью. Газета France, отличающаяся страстью согласовать несогласимое, нашла, что и Тьеръ былъ правъ въ этой рѣчи своей, и Руэ, опровергавшій его, былъ правъ, и даже Жюль Фавръ, не согласовавшійся ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, тоже говорилъ очень хорошія вещи. Друзья имперіи пришли, правда, въ негодованіе отъ угрозы, заключающейся въ послѣднихъ словахъ Тьера, и говорили, что въ 1864 году нельзя грозить имперіи тѣмъ, чѣмъ въ 1847 году можно было грозить іюльской монархіи; а демократы, и даже нѣкоторые орлеанисты нашли, что онъ уже слишкомъ польстилъ имперіи, и что ему не нужно было распро-

страняться столько о томъ, что онъ преклоняется передъ настоящимъ порядкомъ; но вообще и друзья, и враги хвалили эту рѣчь. А между тѣмъ въ чемъ заключается весь либерализмъ этой рѣчи? Въ томъ, что г. Тьеръ требуетъ нѣсколькихъ вещей, которыя въ сущности всѣ очень хороши, но которыя даютъ странѣ еще неизмѣримо малые результаты; это говоримъ не мы одни — на это онъ самъ постарался, какъ мы видѣли, указать въ своей рѣчи. Г. Тьеръ желаетъ только, чтобы отмѣненъ былъ законъ общественной безопасности, чтобы измѣнены были статьи двѣ въ постановленіяхъ о печати, чтобы префекты и мѣры не злоупотребляли своею властью во время выборовъ, чтобы депутаты могли дѣлать запросы въ палатахъ, и чтобы глава государства былъ лицемъ неотвѣтственнымъ. Вотъ въ какомъ видѣ свобода является въ понятіяхъ великаго оратора; вотъ изъ-за чего поднятъ былъ такой шумъ. Во первыхъ, можно бы указать Тьеру на то, что въ то время когда власть находилась въ рукахъ его и его партіи, они и не подумали дать странѣ даже ту жалкую пародію свободы, картину которой онъ начерталъ намъ въ своей шумной и безсодержательной рѣчи; намъ нечего повторять еще разъ, что во время іюльской монархіи не было свободы печати (въ которой Тьеръ тогда, какъ и теперь, постоянно видѣлъ необузданность), ни свободы выборовъ; что личная свобода очень часто была нарушаема, что, не смотря на самыя вопіющія дѣла, ни одинъ министръ не былъ преданъ суду парламентскимъ путемъ, до тѣхъ поръ пока не наступила февральская революція. Все это факты, слишкомъ хорошо извѣстные. Значитъ, если г. Тьеръ считаетъ всѣ эти вещи способными облагодѣтельствовать націю, то ему предстояла полная возможность произвести это благодѣтельствованіе; но онъ и его друзья этого не сдѣлали, а теперь рисуясь и ломаясь передъ французскимъ народомъ, увѣряютъ что они пламенно желаютъ осыпать его всевозможными благами, да вотъ только руки у нихъ связаны. Это первое курьезное явленіе въ той рѣчи, которая тронула чуть не до слезъ г. Жирардена, привела въ восторгъ газету «France», и заставила ахнуть большинство господъ, читающихъ газеты. Но это еще не главное въ этой рѣчи. Положимъ, что въ 25, 30 лѣтъ г. Тьеръ исправился, что еслибы теперь власть опять попала въ его руки, то онъ не сталъ бы поступать такъ, какъ въ 1834 или 1839 году, а дѣйствительно осуществилъ бы во Франціи всѣ эти пять условій свободы. Въ чемъ состояла бы тогда французская свобода, чѣмъ улучшилось бы положеніе этой страны? Тьеръ показалъ въ этой своей рѣчи и въ нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже, какое узкое, узкое понятіе въ его головѣ соединяется съ словомъ свобода. Съ этимъ словомъ онъ даже не со-

единяетъ понятія о свободѣ экономической, промышленной и торговой — онъ ревностный протекціонистъ, какъ мы увидимъ немного пониже; онъ не соединяетъ съ этимъ словомъ понятія о свободѣ административной, потому что онъ постоянно являлся и является крайнимъ централизаторомъ; онъ не понимаетъ также ни свободы религіозной, ни свободы образованія, никакихъ подобныхъ видовъ свободы для него не существуетъ. По его понятіямъ страну, народъ можно назвать свободнымъ, если у него есть парламентъ, въ которомъ говорятся рѣчи и дѣлаются запросы, если имъ управляютъ отвѣтственные министры, которые дѣлаютъ что хотятъ и никогда не предаются суду, и если въ столицахъ его каждый день являются газеты съ либерально написанными передовыми статьями. Этого по его понятію достаточно. И выраженіе такихъ взглядовъ, сопровождаемое еще разными ограниченіями и переплетенное лестью второй имперіи и скромнымъ самовосхваленіемъ, могло быть встрѣчено съ такимъ восторгомъ либералами всѣхъ странъ!

Нѣсколько дней спустя послѣ произнесенія этой блестящей рѣчи, г. Тьеру представился случай показать, какое онъ имѣетъ ограниченное понятіе о свободѣ вообще. Въ палатѣ зашла рѣчь о промышленномъ состояніи Франціи и о послѣднемъ торговомъ договорѣ между Франціей и Англіей. Тогда Тьеръ вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ депутатовъ представилъ въ палату поправку къ соотвѣтствующему параграфу адреса, въ которой эти господа возставали противъ торговаго трактата съ Англіей, порицали систему свободной торговли и требовали введенія для Франціи протекціонной системы. Тутъ произошло оригинальное преніе между различнаго рода защитниками свободы: тѣ господа, которые понимали свободу такъ, какъ понималъ ее Тьеръ, желали, чтобы имъ позволено было поговорить въ палатахъ, чтобы имъ позволено было писать передовыя статьи, но другой свободы, свободы экономической они не хотѣли. Но эти господа встрѣтили себѣ противниковъ въ такъ называемыхъ экономистахъ либеральной школы, которые энергически защищали свободу экономическую, но свободу политическую считали безполезною или даже вредною. Ни тѣмъ ни другимъ, кажется, и въ голову не приходило, что никакъ нельзя дробить такимъ образомъ свободы на ея составныя части и давать одну изъ этихъ частей, отнимая другія; для нихъ совершенно непонятна была та простая мысль, что все то, что они разумѣли подъ словами гражданской, промышленной, торговой, политической свободы, свободы печати, трибуны, ассоціацій, образованія, что все это никакъ не мыслимо одно безъ другаго. Вмѣсто того они преназвно спорили о томъ, что лучше, дать ли полити-

ческую свободу, отнявши экономическую, или наоборотъ, даровать послѣднюю, уничтоживши всѣ признаки первой.

По поводу параграфа адреса, въ которомъ говорилось о выборахъ, произошли опять довольно оживленныя пренія, въ которыхъ впрочемъ не было сказано ничего новаго, а повторялось по преимуществу все то, что уже было высказано объ этомъ предметѣ при повѣркѣ выборовъ. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же неутомимымъ Тьеромъ, который распространялся очень много противъ оффиціальныхъ кандидатуръ, и высказывалъ желаніе, чтобы спасеніе страны, всеобщая подача голосовъ, не была бы ограничена и стѣснена никакими административными мѣрами. Министръ Руэ опять доказывалъ, что неограниченное примѣненіе всеобщей подачи голосовъ не должно лишать правительства права и обязанности проводить своихъ кандидатовъ; онъ опять нападалъ на прежнія правительства, указывая на то, что и тѣ въ свое время примѣняли къ дѣлу ту же самую систему, противъ которой оппозиція теперь такъ сильно возстаетъ. Все это, какъ мы уже не разъ замѣчали, совершенно справедливо относительно правительствъ 1815 и 1830 годовъ; но относительно правительства 1848 года этотъ упрекъ не слишкомъ умѣстенъ. Друзьямъ второй имперіи, съ гордостью указывающимъ на 8 милліоновъ голосовъ, на которые опирается эта имперія, не слѣдовало бы забывать, что самое учрежденіе всеобщей подачи голосовъ есть дѣло правительства 1848 года. Это правительство, не смотря на всѣ свои великія ошибки, должно имѣть въ глазахъ французскаго народа ту заслугу, что оно дало право голоса не 200–мъ тысячъ привиллегированныхъ буржуа, а 10 милліонамъ людей. Правительство это не несетъ отвѣтственности за тѣ значительныя злоупотребленія, которыми честолюбіе и насиліе исказили принципъ всеобщей подачи голосовъ: самый принципъ остается, и заслуга провозглашенія его принадлежитъ не кому иному, какъ тому самому правительству 1848 года, накоторое имперіялисты такъ любятъ нападать.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ преній въ законодательномъ корпусѣ представилъ вопросъ о положеніи французскихъ рабочихъ и объ отношеніи къ нимъ французскаго законодательства. Мы видѣли, что въ проэктѣ адреса упомянуто было и о томъ, что императорское правительство уже сдѣлало и еще намѣрено сдѣлать для рабочихъ. Демократическіе члены оппозиціи представили слѣдующую поправку къ этому параграфу: «отмѣна закона о коалиціяхъ рабочихъ, которой мы требовали въ прошедшемъ году, будетъ большимъ благодѣяніемъ. Рабочіе, убѣжденные въ томъ, что свобода является единственной гарантіей порядка и труда, и въ то же время лучшимъ источникомъ моральнаго благосостоянія, требуютъ отъ государства одно-

го только права улучшать свое положеніе своей собственной энергіей. Образованіе и большее развитіе права ассоціацій дадутъ имъ средства къ тому». Въ смыслѣ этой поправки говорили передъ собраніемъ два члена оппозиціи—Даримонъ, бывшій нѣкогда ученикомъ и ревностнымъ послѣдователемъ Прудона, и Жюль Симонъ, спеціалистъ по вопросу о бытѣ рабочихъ. Въ рѣчахъ этихъ депутатовъ, равно какъ и въ предложенной оппозиціей поправкѣ, мы находимъ среди нѣкоторыхъ очень хорошихъ мыслей, одну странную идею, которая въ послѣднее время распространилась у очень многихъ друзей рабочихъ, не только въ Англіи, Германіи, но и во Франціи — это идея о собственной помощи рабочихъ, которую въ Германіи съ такимъ жаромъ отстаиваетъ извѣстный Шульце-Деличъ. Эта идея была выражена и въ рѣчи Даримона, и въ блестящей и длинной рѣчи Ж. Симона. Даримонъ сначала сказалъ нѣсколько словъ о благодѣтельности расширенія политическихъ правъ рабочихъ и введенія всеобщей подачи голосовъ. Потомъ онъ воздалъ похвалу либеральному направленію императора Наполеона III, который, по словамъ оратора, выказалъ въ вопросѣ о рабочихъ болѣе просвѣщенный и проницательный взглядъ, нежели его совѣтники, потому что онъ понялъ, что въ настоящемъ законѣ о коалиціяхъ заключаются сѣмена къ ненависти между различными классами, и указалъ на необходимость измѣненія этого закона. Отмѣна этого закона была бы благодѣяніемъ для рабочихъ классовъ: она развила бы у рабочихъ такія чувства и такое направленіе, которое слѣдуетъ поощрять. «Дѣло идетъ о моральной революціи, — сказалъ г. Даримонъ, — которая должна имѣть самые благотворные результаты. Въ продолженіе многихъ лѣтъ у всѣхъ классовъ населенія существовалъ одинъ общій предразсудокъ, состоявшій въ томъ, что государство можетъ все сдѣлать. Еще гораздо ранѣе, нежели массамъ начали проповѣдывать соціализмъ, онѣ были проникнуты этимъ софизмомъ. Всякій знаетъ, что такое пагубное заблужденіе повело ко многимъ разочарованіямъ и бѣдствіямъ. Рабочимъ классамъ пришлось поплатиться за эти доктрины: слѣдуетъ сожалѣть о нихъ, но не порицать ихъ. Они потеряли сознаніе свободы въ ту минуту, когда всеобщая подача голосовъ давала имъ въ руки свободу. Нынѣ работники обратились къ другимъ идеямъ: они отказались отъ теоріи государства-провидѣнія. Они ожидаютъ гарантій для своего труда отъ одной только свободы. Нужно дать имъ средства улучшить свое положеніе своей собственною энергіей. Въ виду этого новаго стремленія ихъ обязанность государства будетъ состоять въ томъ, чтобы уничтожить всѣ препятствія, которыя могли бы остановить развитіе рабочаго класса. Въ чемъ же должны состоять средства къ поддержанію рабочихъ классовъ? Большее расширеніе права ассо-

ціацій и далѣе—образованіе». И затѣмъ ораторъ доказываетъ пользу ассоціацій для рабочихъ. Г. Симонъ тоже говорилъ очень много о настоящемъ положеніи рабочихъ классовъ во Франціи. Очень многое изъ того, что говорилъ этотъ ораторъ, было какъ нельзя болѣе справедливо и заслуживаетъ полнаго сочувствія. Онъ доказывалъ, что положеніе рабочихъ въ настоящее время неудовлетворительно, въ чемъ конечно съ нимъ нельзя не согласиться; онъ говорилъ также довольно хорошихъ вещей о томъ, чего слѣдуетъ желать въ этомъ отношеніи и что слѣдовало бы сдѣлать. Онъ указалъ на необходимость улучшенія въ помѣщеніяхъ рабочихъ, но совершенно справедливо возставалъ противъ особыхъ помѣщеній, кварталовъ для рабочихъ (cités ouvrières), которыя совершенно выдѣляютъ рабочій классъ изъ среды прочихъ смертныхъ, какъ бы отчуждаютъ его; онъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о бѣдственномъ положеніи женщины въ рабочемъ классѣ; онъ указалъ на то, что рабочему слѣдовало бы дать возможность посылать своихъ дѣтей въ школу, а не запрягать ихъ съ 8 или 9-лѣтняго возраста въ фабричную работу. Но и въ этой рѣчи мы встрѣчаемся съ той же оригинальной идеей, заимствованной у экономистовъ либеральной школы, съ идеей объ абсолютной личной свободѣ рабочаго, о безъусловномъ невмѣшательствѣ государства въ устройство быта рабочаго, о полнѣйшей самодѣятельности рабочаго и т. д. Только Даримонъ, на подобіе Шульце-Делича, видитъ все спасеніе рабочаго класса въ ассоціаціяхъ; а г. Симонъ не желаетъ, чтобы ассоціація получила чрезмѣрное развитіе на счетъ индивидуальной дѣятельности каждой отдѣльной личности; но оба они осуждаютъ одинаково строго всякое вмѣшательство государства въ устройство судьбы рабочаго класса.

Мы не станемъ здѣсь слишкомъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого оригинальнаго взгляда, о которомъ недавно было уже говорено въ «Современникѣ». Напомнимъ только еще разъ, что по нашему мнѣнію этотъ взглядъ основанъ на совершенно ложномъ понятіи о государствѣ, которое у экономистовъ либеральной школы является не совокупностью всѣхъ гражданъ, платящихъ подати, а какимъ-то особеннымъ тѣломъ, имѣющимъ свои особенные интересы, отличающіеся отъ интересовъ самихъ гражданъ.—Мы понимаемъ, какимъ образомъ могла выработаться эта идея о полной независимости рабочаго отъ государства у людей честныхъ и благомыслящихъ. У нихъ на глазахъ неблагопріятныя послѣдствія опеки надъ рабочими классами административной власти, понятіе о которой они смѣшали съ понятіемъ о государствѣ; эта опека вызвала въ нихъ необходимую реакцію, и они пришли къ той странной идеѣ о полной индивидуальной свободѣ и самодѣятельности рабочихъ, которая на дѣлѣ приводитъ

къ самой неравной борьбѣ неимущаго рабочаго класса съ заранѣе скопившимися капиталами. Гг. Симонъ, Даримонъ, точно такъ же какъ и германскій единомышленникъ ихъ Шульце-Деличъ, упустили изъ виду невозможность успѣшной борьбы однихъ рабочихъ, безъ помощи государства, съ могущественнымъ капиталомъ; и зажмуривши глаза на эту невозможность, они громко и красорѣчиво толкуютъ о необходимости полной свободы рабочаго, которая на дѣлѣ сводится къ продленію безпомощнаго состоянія рабочаго и къ полной зависимости его отъ крупнаго капитала. Но эта-то непослѣдовательность французскихъ демократическихъ депутатовъ особенно понравилась французскимъ либераламъ. Они радуются той умѣренности, которую обнаружили оппозиціонные депутаты вообще и парижскіе демократы въ особенности; они не нахвалятся на то, что эти демократы не явились въ преніяхъ друзьями анархіи и безпорядковъ, каковыми ихъ еще очень многіе считали, а что они проявили способность произносить такія умѣренныя, практическія, умныя рѣчи. Либералы эти съ гордостью указывали правительственной прессѣ на то, что рѣчи Даримона и Симона не заставили рабочихъ побросать мастерскія и фабрики, взрыть мостовую и настроить баррикадъ, а что онѣ клонились къ тому, чтобы убѣдить рабочихъ въ необходимости порядка и тишины. Правда, члены большинства въ палатѣ находили, что оппозиція и въ тѣхъ умѣренныхъ требованіяхъ, которыя были представлены относительно рабочихъ, заходила слишкомъ далеко. Ораторъ большинства, г. Ножанъ-Сенъ-Лоранъ доказывалъ, что существующій законъ противъ коалицій рабочихъ необходимъ въ виду избѣжанія безпорядковъ; и что оппозиція не права, требуя разныхъ измѣненій въ законодательствѣ относительно рабочихъ, потому что правительство во Франціи и такъ уже очень много сдѣлало для нихъ—и за тѣмъ онъ принялся за исчисленіе цѣлаго ряда мѣръ, предпринятыхъ настоящимъ правительствомъ во благу рабочаго класса. Большинство палаты тоже согласилось съ мнѣніемъ г. Ножана и отвергла поправку оппозиціи большинствомъ 195 голосовъ противъ 54. Но подобное рѣшеніе большинства, равно какъ и толки демократовъ о безъусловной самодѣятельности рабочихъ, вызвало очень основательное возраженіе со стороны газеты «Presse». Хотя намъ рѣдко приходится соглашаться съ разсужденіями французской либеральной прессы вообще и этой газеты въ частности, однако въ настоящемъ случаѣ мы съ удовольствіемъ приводимъ нѣсколько очень справедливыхъ словъ этой газеты о томъ, что могло бы быть сдѣлано, и что сдѣлано обществомъ и правительствомъ для рабочихъ классовъ Франціи. Въ «Presse» отъ 20-го января напечатана слѣдующая статья.

«На сколько въ жалобахъ рабочаго правды, и на сколько въ нихъ

лжи? Мы должны сознаться на основаніи долгаго опыта, что въ нихъ болѣе правды, нежели лжи. — Да, конечно, рабочіе пользовались бы большею степенью благосостоянія, если бы они никогда не лѣнились и работали бы всегда шесть дней изъ семи; еслибъ они всѣ вели примѣрный образъ жизни, если бы никто изъ нихъ не ходилъ въ кабакъ. Но самое общество сдѣлало ли оно все, что отъ него зависѣло, употребило ли оно всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для того, чтобы отъучить ихъ отъ привычки проматывать свои деньги въ кабакѣ, и чтобы пріучить ихъ къ экономіи и къ порядочной семейной жизни? Оно робко и поздно принялось за дѣло и сдѣлало кое-что для рабочаго, какъ намъ это недавно объяснилъ г. Жюль Симонъ на основаніи фактовъ. Какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ этихъ фактовъ? То заключеніе, что невѣрно увѣреніе, будто въ задачѣ о перестройкѣ общественнаго строя есть факты неразрѣшимые, о которые разбивается человѣческая мудрость. Всѣ факты, изъ которыхъ слагается проблема пауперизма, могутъ изчезнуть и всѣ они изчезнуть, когда общество приметъ на себя, въ интересѣ уничтоженія нуждъ и бѣдствій, столько же жертвъ и трудовъ, сколько оно возлагаетъ на себя ради отмщенія за сомнительную обиду, ради защиты въ чужихъ странахъ иного соотечественника-спекулянта, ради отмщенія за миссіонера, убитаго гдѣ нибудь дикимъ, ради вмѣшательства въ политику сосѣдняго государства. Разсчитали, что если бы Франція 35 лѣтъ тому назадъ удовольствовалась тѣмъ, что взяла бы съ алжирскаго для значительную контрибуцію за нанесенную имъ обиду, то сберегла бы, вмѣстѣ съ процентами съ потраченнаго капитала, четыре миллiарда франковъ. Надо полагать, что еслибы всѣ тѣ суммы, которыя съ 1830 года пошли на завоеваніе и удержаніе Алжиріи, были употреблены на уничтоженіе нуждъ народа, на разъисканіе причинъ этихъ нуждъ и осушеніе источниковъ ихъ, то теперь Франція была бы довольно близка къ цѣли. Не было бы ни одного француза ниже сорокалѣтняго возраста, который не умѣлъ бы читать, писать и считать. То что теперь недавно сдѣлано для улучшенія нездоровыхъ квартиръ и мѣстностей, могло бы быть сдѣлано 25-ю годами ранѣе. Но если до сихъ поръ было столько упущеній въ этомъ отношеніи, но нѣтъ причинъ для того, чтобы эти упущенія продолжались и на будущее время. Эти жертвы и усилія не будутъ ничего стоить, потому что это будутъ только ссуды. Франція достаточно богата для того, чтобы давать всѣмъ своимъ сынамъ должное образованіе. Лучшей славой для Франціи было бы то, еслибы она имѣла народъ, который не вырождался бы физически и умственно. Свободы ассоціаціоннаго права для рабочихъ недостаточно для разрѣшенія проблемы нужды. Эта свобода можетъ содѣйствовать только къ тому, чтобы эта проблема была поставле-

ія, и можетъ быть г. Жюль Симонъ самъ вскорѣ убѣдится въ томъ, что эта язва человѣчества, извѣстная подъ именемъ нужды, можетъ исчезнуть только отъ соединенія свободы съ наукой и съ потребностью перерожденія въ обществѣ. Еслибы было правда, что нужда неразрывно связана съ жизнью человѣчества, то пришлось бы усомниться въ цивилизаціи, а главное пришлось бы усомниться въ справедливости».

Послѣ преній о законахъ касательно рабочихъ, въ законодательномъ корпусѣ приступлено было къ разсужденіямъ о муниципальной и общинной свободѣ. Оппозиція и тутъ представила поправку къ соотвѣтствующему параграфу адреса; въ этой поправкѣ требовалось большей административной децентрализаціи и расширенія круга дѣятельности провинціальнаго и общиннаго совѣтовъ; требовалось также для совѣтовъ этихъ право самимъ назначать своихъ президентовъ и секретарей, между тѣмъ какъ до сихъ поръ лица эти, непонятно почему, назначались правительствомъ. Пренія объ этомъ предметѣ не представляли никакого особеннаго интереса; замѣтили только, что эта поправка соединила въ свою пользу большее число голосовъ, нежели какая либо другая поправка оппозиціи—63 голоса противъ 176. Можетъ быть это происходило отъ того, что самъ Наполеонъ заговорилъ съ полгода тому назадъ о необходимости децентрализаціи. Послѣ этого параграфа перешли къ преніямъ о личной свободѣ. Оппозиція требовала, чтобы отмѣненъ былъ теперь же законъ объ общественной безопасности, который изданъ былъ въ 1858 году послѣ покушенія Орсини, и который долженъ былъ оставаться въ силѣ въ теченіи семи лѣтъ, т. е. до 1865 года. Оппозиціонный депутатъ Пикаръ доказывалъ при этомъ случаѣ, что законъ этотъ и несогласенъ съ личною свободою гражданъ, и безполезенъ, потому что онъ никакъ не можетъ воспрепятствовать совершенію покушеній въ родѣ Орсиніевскаго. На эту рѣчь министръ-ораторъ Руланъ отвѣчалъ, что законъ этотъ есть не только дѣло необходимости, потому что до сихъ поръ дурныя страсти достаточно сильны, но что онъ основанъ на здравомъ смыслѣ и на уваженіи ко всевозможнымъ видамъ свободы; поэтому правительство не только не отмѣнитъ его теперь, но можетъ быть даже продлитъ силу этого закона и далѣе 1865 года.

Вопросъ о положеніи печати во Франціи тоже подалъ поводъ къ довольно продолжительнымъ, двухдневнымъ преніямъ въ законодательномъ корпусѣ. Само собою разумѣется, что оппозиціонные ораторы требовали большей свободы печати и доказывали, что свобода прессы есть дѣло очень хорошее; правительственные ораторы съ своей стороны доказывали, что нельзя дать требуемой свободы, потому что ее сейчасъ же употребятъ для ниспроверженія настоящаго порядка и

для произведенія анархіи. Мы не останавливаемся на этихъ толкахъ, которые конечно всякому уже слишкомъ пріѣлись.

Интересна была рѣчь Жюля Симона, въ которой онъ довольно живо представилъ намъ картину настоящаго положенія печати во Франціи, заключенная краснорѣчивыми фразами, въ которыхъ выражалось сожалѣніе о настоящемъ порядкѣ и высказывалась надежда на лучшее будущее.

Симону отвѣчалъ Гранье де Кассаньякъ, доказывавшій пользу настоящей системы и вредъ свободы печати. Мы сначала хотѣли было привести довольно значительныя выписки изъ этой рѣчи, чтобы показать, какія курьезныя понятія о прессѣ могутъ имѣть люди, сами принадлежащіе къ сословію журналистовъ и въ теченіи 30 лѣтъ писавшіе въ журналахъ. Но прочитавши ее еще разъ, мы увидѣли, что она даже вовсе не стоитъ того, чтобы на ней останавливаться. Поэтому мы ограничиваемся только нѣкоторыми короткими выписками изъ нея. «Въ силу конституціи III года, говорилъ г. Гранье, печать была свободна и пользовалась всѣми правами, которыхъ для нея потребовали. Но въ тотъ день, когда директорія замѣтила, что свобода печати дѣлалась опасною для нея самой, она запретила декретомъ 19-го фруктидора 54 журнала и послала въ Кайенну ихъ редакторовъ, издателей и владѣтелей.—Въ наше время мы тоже видѣли печать свободною, поставленною подъ гарантію общаго права. Это было во время республики 1848 года. Но въ тотъ день, когда генералъ Кавеньякъ нашелъ, что эта свобода дѣлается опасной для той законной и необходимой власти, которой онъ былъ облеченъ ради спасенія общества, онъ запретилъ 11 журналовъ и продержалъ одного главнаго редактора въ теченіи 9 дней подъ арестомъ. Слѣдовательно свобода печати всегда приводила или къ погибели, или къ насильственному измѣненію: сильныя правительства уничтожали эту свободу, правительства робкія терпѣли ее и отъ этого падали. И кто же уничтожалъ эту свободу? Тѣ самые, которые провозглашали ее естественнымъ и ненарушимымъ правомъ (?): первая республика, республика III года и республика 1848 года. Нужно было, чтобы правительства, которыя рѣшались на этотъ шагъ, дѣйствительно убѣдились въ томъ, что система, которую защищали вчера въ вашей средѣ, несовмѣстима съ порядкомъ. Эта система несостоятельна и по принципу, и по исторіи своей; она оскорбляетъ здравый смыслъ, она приводитъ къ погибели общества. Хотятъ, чтобы она послѣ трехъ опытовъ обратилась еще къ четвертому. Что касается до меня, то я назову эту систему настоящимъ ея именемъ: я скажу, что она только способна ниспровергать, что она революціонна, и что мы слишкомъ хорошо ее знаемъ, для того чтобы пожелать возвратиться къ ней. (Многочисленные знаки одобренія)... Напротивъ законъ 17 февраля

1852 года удовлетворяетъ всѣмъ законнымъ стремленіямъ общества. Выше интересовъ журналовъ стоятъ интересы общества, которое нуждается въ тишинѣ и мирѣ. Законъ этотъ не позволяетъ необузданной прессѣ воспламенять горючіе элементы въ обществѣ. Печать должна быть умѣрена, сдерживаема, и развитія свободы слѣдуетъ искать только въ умѣренномъ, мудромъ и терпѣливомъ пользованіи тою свободою, которая уже существуетъ». Многочисленные знаки одобренія, которыми приняты были палатою эти разглагольствованія, основанныя еще къ тому же на искаженіи фактовъ и на совершенномъ непониманіи личностей (напр. слова Гранье о Кавеньякѣ), достаточно показываютъ, кому палата сочувствовала, Симону или Гранье де-Кассаньяку. Дѣйствительно предложенная оппозиціей поправка не была даже пущена на голоса, а отвергнута почти единодушно палатою.

Послѣднимъ изъ разсматривавшихся въ палатѣ вопросовъ внутренней политики былъ вопросъ о народномъ образованіи. Нѣсколько членовъ оппозиціи и къ этому параграфу адреса представили измѣненіе, въ которомъ предлагали два требованія, которыхъ нельзя признать справедливыми въ одинаковой степени. Они желали во первыхъ, чтобы образованіе производилось насчетъ государства, и во вторыхъ, чтобы оно было обязательно. Первое изъ этихъ требованій, основанное на истинномъ, а не ложномъ понятіи о государствѣ и о его обязанностяхъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо: нельзя дѣлать лучшаго употребленія изъ народной казны, какъ употреблять ее на обученіе дѣтей плательщиковъ налоговъ. Но второе требованіе весьма странно, если оно не будетъ соединено съ общимъ переустройствомъ общества. Дѣйствительно, странно претендовать на рабочаго за то, что онъ, при настоящемъ бѣдственномъ положеніи своемъ, посылаетъ своего 9-ти, 10-ти-лѣтняго сына на фабрику для зарабатыванія копѣйки, а не въ школу. Въ этомъ отношеніи весьма непослѣдовательна также предпринятая въ послѣднее время во Франціи агитація въ пользу изданія такого закона, который обязывалъ бы всякаго рабочаго посылать своего ребенка до 12-ти лѣтняго возраста въ школу. Нужно прежде поставить рабочаго въ такое положеніе, чтобы онъ въ семейномъ быту своемъ могъ обходиться безъ грошей, зарабатываемыхъ его сыномъ и дочерью, а потомъ уже закономъ обязывать посылать ребенка въ школу, хотя бы и даровую (о школахъ съ извѣстною платою и говорить нечего). При настоящемъ же устройствѣ общества и положеніи рабочаго, подобный законъ былъ бы страшною несправедливостью относительно послѣдняго, и послужилъ бы не къ улучшенію, а къ ухудшенію его положенія. Французскій законодательный корпусъ впрочемъ отвергъ это предложеніе огромнымъ большин-

ствомъ—въ пользу него оказалось только 16 голосовъ; но разумѣется, остальные вотировали противъ него не вслѣдствіе тѣхъ соображеній, которыя мы привели выше, а вслѣдствіе соображеній совершенно иного рода, болѣе соотвѣтствующихъ характеру этого собранія.

Послѣ окончанія преній о вопросахъ внутренней политики, перешли къ иностранной политикѣ. Согласно первоначальному плану сраженія, оппозиція сильно нападала въ этомъ отношеніи только на политику правительства въ Мехиканскомъ вопросѣ. Тьеръ, Жюль Фавръ и другіе ораторы произнесли по этому поводу новыя, блестящія рѣчи, въ которыхъ сильно нападали на правительство, и требовали отозванія французскаго войска изъ Мехики, а правительственные ораторы доказывали необходимость этой экспедиціи. Затѣмъ говорили о дѣлахъ Польши, причемъ оппозиція требовала прекращенія дипломатическихъ сношеній съ Россіей и признанія Польши воюющею стороною; сказано было тоже нѣсколько словъ о Римѣ, и въ концѣ января пренія были окончены, и весь адресъ, предложенный г. Морни, былъ принятъ въ совокупности, причемъ только 12 голосовъ оказались противъ него. Когда этотъ результатъ сталъ извѣстенъ, г. Морни объявилъ палатѣ, что онъ очень доволенъ ея поведеніемъ во время преній, умѣреннымъ и миролюбивымъ направленіемъ, обнаруженнымъ оппозиціею всѣхъ оттѣнковъ, и что онъ съ своей стороны будетъ стараться и впредь заслужить благосклонность почтеннаго собранія. И такъ Морни остался доволенъ характеромъ преній, по крайней мѣрѣ онъ объявилъ это палатѣ. Но теперь представляется вопросъ, на сколько остался доволенъ ими императоръ Наполеонъ, и что думаетъ о нихъ французское общество. Мы уже высказали какъ-то мнѣніе, что императоръ Наполеонъ не могъ встревожиться напр. краснорѣчіемъ гг. Тьера или Беррье и придать этой невинной болтовнѣ такое же серьезное значеніе, которое придавалось имъ робкими друзьями имперіи или наивными либералами. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ему была непріятна, и что въ немъ вызывала чувство досады та строгая критика, которой оппозиція подвергала всѣ дѣйствія правительства. Онъ два раза высказывалъ это чувство досады, и оба раза прибавлялъ къ этому, что считаетъ ту долю свободы, которою пользуется Франція, весьма достаточною, и что большаго онъ давать ей не намѣренъ. Въ первый разъ онъ высказалъ это еще во время преній, по случаю передачи епископу Боннозу пожалованной ему папою кардинальской шапки: онъ очевидно искалъ случая выразить свое неудовольствіе палатѣ, и воспользоваться этой церемоніей, какъ самымъ удобнымъ случаемъ. Императоръ объявилъ, что въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ его постоянно поддерживала двоякая вѣра, вѣра религіозная и вѣра политическая, т. е. вѣра въ Бога и вѣра въ

ту миссію, которую ему предназначено исполнить. Но въ стремленіи своемъ къ исполненію этой миссіи онъ встрѣчалъ и встрѣчаетъ, значительныя препятствія. Онъ полагалъ, что прелатъ не менѣе его удивленъ тѣмъ, что люди, едва избѣгнувшіе кораблекрушенія, такъ мало времени спустя, вновь призываютъ на свою голову бури и ураганы. Но Богъ, продолжалъ императоръ, слишкомъ очевидно защищаетъ Францію, для того чтобы дозволить генію зла восторжествовать и взволновать эту страну, По его мнѣнію кругъ, начертанный конституціей 1852 года, очень обширенъ и даетъ всякому честному человѣку возможность свободно двигаться въ немъ и пользоваться всевозможной свободой, потому что всякій безъ исключенія можетъ свободно выражать свою мысль, контролировать дѣйствія правительства и принимать даже участіе въ мѣрахъ правительства. На парижскихъ либераловъ эта рѣчь произвела очень сильное впечатлѣніе: большая часть изъ нихъ ожидали крайнихъ мѣръ со стороны правительства — уничтоженія постановленій 24-го ноября 1861 года, арестованія главныхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, даже новаго coup d'état внутри страны или войны извнѣ. Но конечно всѣ эти опасенія были преувеличены и являлись плодомъ разстроенной фантазіи: императоръ выразилъ только свою досаду противъ оппозиціи и больше ни о какихъ мѣрахъ не думалъ, считая ихъ безъ сомнѣнія излишними. Во второй разъ онъ высказалъ, хотя менѣе рѣзкимъ образомъ, взглядъ на послѣднія пренія въ отвѣтѣ своемъ депутаціи, которая 1-го февраля поднесла ему адресъ законодательнаго корпуса. Въ этой рѣчи своей онъ тоже выставилъ настоящій порядокъ вещей во Франціи какъ возможное соединеніе свободы съ порядкомъ, выразилъ свое сожалѣніе, что оппозиція постоянно производила на этотъ порядокъ систематическіе и ожесточенные нападки; онъ отодвинулъ всякую новую уступку свободѣ въ далекое будущее. «Для всякаго безпристрастнаго ума, сказалъ императоръ, долженъ быть очевиденъ результатъ послѣднихъ преній: они обратили въ ничто искусно распространяемыя противъ императорскаго правительства обвиненія, повели къ лучшей оцѣнкѣ политики правительства и ясно высказали, что мы опираемся на твердое и преданное намъ большинство. Это важные результаты. Послѣ столькихъ безплодныхъ попытокъ страна чувствуетъ нынѣ сильную потребность въ прочномъ правительствѣ; но на колеблющейся и рыхлой почвѣ нельзя построить ничего прочнаго. Впродолженіе 60-ти лѣтъ свобода была постояннымъ орудіемъ для борьбы партій, желавшихъ ниспровергнуть другъ друга. Отсюда постоянныя колебанія, происходившія отъ того, что власть была ниспровергаема свободою, а свобода замѣнялась анархіей. Впредь этого не должно быть. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ возможность со-

гласовать то, что такъ долго казалось несогласимымъ: порядокъ и свободу. Истинно плодотворный прогрессъ является плодомъ опыта; ходъ его долженъ быть ускоряемъ не систематическими и несправедливыми нападками, а тѣснымъ союзомъ правительства съ большинствомъ, одушевленнымъ патріотизмомъ и не соблазняющимися дешевою популярностью. Будемъ ждать отъ времени и отъ согласія этихъ улучшеній; обманчивая надежда на химерическія улучшенія въ будущемъ не должна вредить постоянно настоящему; напротивъ мы всѣ должны стремиться къ укрѣпленію этого настоящаго, вы посредствомъ контролированія и освѣщенія дѣйствій правительства, а посредствомъ принятія такихъ мѣръ, которыя могутъ способствовать величію и благополучію Франціи». Въ этихъ словахъ слышна досада на оппозицію, но въ то же время слышно и сознаніе своей силы; а во всякомъ случаѣ въ нихъ рѣшительно нельзя замѣтить признака страха передъ оппозиціей и сознанія опасности своего положенія.

Что касается большинства французскаго населенія, то оно по всѣмъ видимостямъ осталось довольно равнодушно къ преніямъ законодательнаго корпуса. Хотя и тутъ нашлись энтузіасты (преимущественно между газетчиками), которые восторгались всякою рѣчью Тьера или Симона, которые не переставали восклицать, что чуть ли не съ каждой изъ этихъ рѣчей начинается новая эра для Франціи; однако большинство очень хорошо поняло, что всѣ эти рѣчи представляютъ только невинную болтовню, и ни въ чемъ не измѣняютъ настоящаго порядка вещей; и наконецъ что если бы даже Тьеръ и товарищи имѣли возможность примѣнить къ дѣлу всѣ свои слова (что они врядъ ли сдѣлали бы, если бы власть опять попала въ ихъ руки), то и отъ этого Франція почти ничего не выиграла бы: выиграли бы сами ораторы, да немногіе сочувствующіе имъ буржуа; а положеніе массъ не измѣнилось бы отъ этого ни на волосъ.

А. В. ДРУЖИНИНЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

19-го Января 1864 года скончался Александръ Васильевичъ Дружининъ. Нижеподписавшійся имѣлъ счастіе находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ покойнымъ и надѣется со временемъ напечатать воспоминанія, въ которыхъ личность Александра Васильевича представится читателю болѣе или менѣе ярко и вѣрно, въ связи съ любопытными литературными явленіями, при которыхъ Дружининъ началъ свое поприще. Мы съ нимъ работали много и дружно для «Современника» въ началѣ его литературной дѣятельности въ 1848 и дальнѣйшихъ годахъ, до принятія имъ редакціи «Библіотеки для Чтенія».

Дружининъ обладалъ между прочимъ удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ, не разгибая спины, начиналъ и оканчивалъ третью. Кто помнитъ блескъ, живость, занимательность тогдашнихъ фельетоновъ Дружинина, которые во всей журналистикѣ того времени одни только носили на себѣ печать жизни — тотъ согласится, что такой человѣкъ въ данное время въ редакціи журнала могъ ломаться сколько душѣ его угодно. Дружининъ былъ выше этого ломанья, о которомъ мы упоминаемъ, потому что оно не чуждо многимъ достойнымъ дарованіямъ; нашъ портфель полонъ комическихъ фактовъ по этой части. Это былъ характеръ прямой и серьезный. Не смотря на видимую мягкость свою и отвращеніе отъ крайностей, это былъ человѣкъ самый крайній тамъ, гдѣ того требовали обстоятельста. У него не было отношеній натянутыхъ или двусмысленныхъ. «Это *едрило*» говорилъ Друж-

нинъ о человѣкѣ, который ему не нравился, и отворачивался отъ него, не справляясь, какъ это отразится на его житейскихъ дѣлахъ. За то онъ умѣлъ любить своихъ друзей, не охотно измѣнялъ о нихъ доброе мнѣніе и считалъ долгомъ вступаться за нихъ всякій разъ, какъ слышалъ сужденіе, казавшееся ему несправедливымъ или преувеличеннымъ. Эта благородная черта характера придавала какую-то величавую простоту и въ то же время значительность отношеніямъ Дружинина къ своимъ друзьямъ, — чувствовалась ихъ цѣна. Дружинина искренно любили и *уважали*.

Не касаемся здѣсь ни литературныхъ заслугъ Дружинина, ни той роли, которая принадлежитъ ему въ учрежденіи общества литературнаго фонда. Нѣтъ сомнѣнія, читатели сами знаютъ, что Дружининъ былъ литераторъ даровитый и честный, точно такъ же, какъ знаютъ и то, что Дружининъ — есть истинный *основатель общества литературнаго фонда*. Прибавлять нечего...

Дружинину далеко не было сорока лѣтъ. Онъ уже болѣе двухъ лѣтъ страдалъ разстройствомъ груди, и смерть его не была неожиданностью. Тѣмъ не менѣе грустно отозвалась она въ литературномъ кругу товарищей и сверстниковъ Дружинина. Чья очередь теперь, друзья мои?...

Н—ВЪ.

10-го февраля 1864 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Сданы въ главную контору «Современника» для возвращенія авторамъ слѣдующія рукописи.

1. Воспоминанія о Греціи, Смирнѣ и Палестинѣ.—2. Не посчастливилось. Сцены. — 3. Введеніе одной уставной грамоты. — 4. Съ осломъ шутить опасно. Повѣсть. — 5. Нѣсколько словъ о семинарскомъ образованіи. — 6. Біографія одного еврея. — 7. Подполковникъ N. — 8. Безвредныя понятія. — 9. Разсказъ изъ народнаго быта. — 10. Мои воспоминанія. Отрывокъ. — 11. Кіевскій домъ умалишенныхъ. — 12. Случаи изъ народнаго быта. — 13. Всякому свое счастье. Драма. — 14. Проводы. — 15. Юридико-критическій разборъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, напечатанный въ «Журналѣ Министерства Юстиціи». — 16. Грустные факты. Сцены.—17. Бродяга. Разсказъ. — 18. Очередная. Драма. — 19. Пирушка. Разсказъ. — 20. «Я въ недоумѣніи». — 21. Три мѣсяца изъ моей жизни.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6-го февраля 1864 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

АЛЬБОМЪ САМЫХЪ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНСОВЪ Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерфельдта, Контскаго, кн. Кочубей, Пауфлера, Яковлева и др., переложенныхъ для одного фортепіяно М. Бернардомъ. 5 тетрадей (каждая 1 р. с.).

ARDITI. La Stella. Valse brillante (75 к.).

BADARZEWSKA. La prière exaucéé. Reponse à la priére d' une vierge (60 к.). La foi. Pièce de salon (60 к.).

BENDEL. La clochette. Morceau caractéristique (75 к.).

BERG. Styrienne. Morceau de salon (60 к.).

BERNARD. Marche Zouave (60 к.). Крошка. Romance de Boulahoff (60 к.), Хуторокъ. Romance de Klimoffski transcrite (75 к.).

BLUMENTHAL. Un petit cadeau. Bluette (60 к.). La Petite Russie. Mélodie dec bohêmiens-russes (75 к.).

SHOPIN. Shant du tombeau. Oeuvre posthume (75 к.).

SHWATAL. Les papillons. Piéce de salon (60 к.). Les charmes des Alpes. Pièce caracteristique (60 к.).

CIARDI. T'amo. Valse brillante chantée par M-me Fioretti. Для пѣнія (1 р.). Для одного фортепіано (75 к.).

DOHLER. Romance sans paroles (60 к.).

EGGHARD. L'ècho du coeur. Improvisation (60 к.). Ma petite voisine. Morceau élégant (75 к.). Marche forcée de troupes (75 к.).

FAVARGER. L'adieu. Nocturne favori (60 к.).

FUMAGALLI. Invitation à la mazurka (60 к.).

HERZBERG. Deux chansons bohêmiennes-russes. № 1. Не уѣзжай голубчикъ мой (60 к.). № 2. Собирайтесь дѣвки красны. (60 к.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lieder ohne Worte. Пѣсни безъ словъ для фортепіано. Новое полное изданіе, содержащее въ себѣ всѣ семь тетрадей или 42 пѣсни. Съ портретомъ автора (5 руб.).

KONTSKI. Pas des roses. Polka (75 к.). Trois méditations: le départ, l'absence, le retour (каждый № 75 к.).

ШУБЕРТЪ. Букетъ изъ русскихъ пѣсенъ. Попурри. Исполненный оркестромъ г. Страуса (1 р. 50 к.).

СПОРОВА. Казацкій танецъ, аранжированный для фортепіано и исполненный въ драмѣ: «Лиза Ѳомина». (60 к.).

ДЛЯ ПѢНІЯ.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, собранныя и арранжированныя для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано *М. Бернардомъ.* Новое передѣланное и умноженное изданіе съ красивымъ заглавнымъ листомъ (6 руб.).

АФАНАСЬЕВЪ. Небо въ часъ дозора (60 к.). Не скажу никому. Дуэтъ (60к.). Я помню взоръ (50 к.).

БУЛАХОВЪ. Романсы: № 25. О приди ко мнѣ скорѣй (60 к.). № 26. Со кручинушки шатаясь (60 к.). № 27. Минувшихъ дней очарованья. Дуэтъ (60 к.). № 28. Баллада: три сестры (85 к.). № 29. Разставанье (60 к.). № 30. Прелестные глазки (60 к.).

ВИЛЛАМОВЪ. Звѣзда прости! (60 к.).

ВИЛЬБОА. На воздушномъ океанѣ (60 к.). Мое сердце родникъ (60 к.). Увидѣвъ васъ (40 к.).

ВОРОНЦОВА (княгиня М. В.). Романсы: № 1 То были времена чудесъ. № 2. Мнѣ твердили напѣвая: полюби плутовка (40 к.). № 3. Не смотри мнѣ въ глаза (40 к.).

ДАРГОМЫЖСКІЙ. Камень тяжелый. Дуэтъ (60 к.).

ДЕРФЕЛЬДТЪ. Вальсъ-забвенье. Романсъ (60 к.). Послѣдній разговоръ (60 к.). Одинокая слезка (40 к.).

ДЕРВИЗЪ. Я былъ у ней (40 к.). Люби меня (40 к.).

ДАНАУРОВЪ. Ожиданіе. Романсъ (60 к.).

ЗАЙЦЕВЪ. Ты не пой соловей (40 к.). Прости меня. Дуэтъ (60 к.).

КЛИМОВСКІЙ. Съ радости веселья. Пѣсня (60 к.).

КОНТСКІЙ. Прелестный другъ не уѣзжай (60 к.). При видѣ тебя (60 к.).

ЛОНГИНОВЪ. Романсы: № 1. Скажите мнѣ (40 к.). № 2. Страдаешь ты (60 к.). № 3. Тараканъ (50 к.). № 4. Черкесская пѣсня. № 5. Ожиданіе (75 к.). № 6. Ты обманула меня (40 к.).

САМОЙЛОВЪ. Государь мой батюшка, Сидоръ Карповичъ. Пѣсня пѣтая въ драмѣ: «Лиза Ѳомина» (40 к.).

ТОЛСТАЯ. Я очи зналъ (50 к.). Холодъ и мгла (40 к.). Природа зноемъ дня утомлена (40 к.).

ХРИСТІАНОВИЧЪ. Какъ ее любили! (40 к.). Пѣсни горъ высокихъ. (40 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб., пользуясь означенной уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 2-я тетрадь музыкальнаго журнала

«Нувеллисть» (годъ 25-й), содержащая въ себѣ: *Ketterer*, La Sonnambula. Fantaisie de concert — *Voss*, Mélodies paysannes de la Pomeranie Drollerie — *Chopin*, Chant du tombeau — *Dombrovski*, Une soireé Versailles, valse de salon. — *Berens*, Luna. Nocturne—*Gungl'* Marie-Polka-Mazurka *Kovaes*, Les bonvivants. Valse— *Vesten* Impromptu — *Alberti*. Petite fantaisie—*Булаховъ*, Разставанье. Романсъ. Музыкально-литературное прибавленіе № 2-й. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.). Желающіе подписаться на «Нувеллисть» на 1864 г. получають сполна всѣ тетради, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены РОЯЛИ, ПІАНИНО, лучшаго достоинства, СКРИПКИ, АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ЦИТРЫ, МЕТРОНОМЫ, СМЫЧКИ, и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 января 1864 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,
КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ И ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева, № 58.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ЗАПИСКИ по нравственному православному богословію. Соч. протоіерея П. Солерскаго. Т. 3-й. Спб. 1864. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

КОСМОСЪ. Опытъ физическаго міроописанія Александра Гумбольдта. Т. 4-й. М. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Державина. Съ объяснительными примѣчаніями. Я Грота. Т. 1-й. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ, съ портретами и снимками. Спб. 1864. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

ЗАПИСКИ и письма М. С. Щепкина, съ его портретомъ, факсимиле и статьею о его сценическомъ талантѣ, писанною С. Аксаковымъ. М. 1864. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ путемъ естественнаго подбора родичей или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльса Дарвина. Пер. съ англійскаго С. Рачинскій. М. 1864. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА. Состав. А. Путята. Т. 1-й. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ДРЕВНОСТЬ человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Три лекціи М. Шлейдена. Пер. съ нѣмец. М. Бакстъ. Спб. 1863. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

ВЛІЯНІЕ женщинъ на успѣхи знанія. Бокля. Пер. съ англійск. А. Буйницкій. Спб. 1864. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

ЛЮДОВИКЪ XV. Соч. А. Дюма. Пер. Н. Щиглева. 2 т. съ рисунками. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

ШЕКСПИРЪ. Гервинуса. Т. 1-й. Спб. 1863. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р. 40 к.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ 1854—1856. Съ подробнымъ изложеніемъ дѣйствій артиллеріи. Состав. капитаномъ Вейгельтомъ. Пер. Безакъ. Съ планами. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ В. Пютца. Пер. Л. Чацкинъ. В. 1-й. М. 1864. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ПРОГРЕССИСТЪ-САМОЗВАНЕЦЪ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ОБЗОРЪ физіологическихъ отправленій органовъ въ высшихъ растеніяхъ. Состав. Н. Цабель. Спб. 1863. Ц. 80 к., съ пер 1 р.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины второй; съ примѣчаніями Г. Геннади. М. 1862. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

МАТЕРІАЛЫ для исторіи и статистики лютеранскихъ церквей и школъ въ Россіи. Соч. Буша. На нѣмецкомъ языкѣ. Спб. 1862. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

НА УКРАІНІ романъ В. Дорошенка. Осташковъ. 1863. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ. Е. Карновича. Спб. 1864. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

СКАЗКИ МАРКО ВОВЧКА. Спб. 1864. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

КАРТЫ ПЯТИ ЧАСТЕЙ СВѢТА, какъ-то: Европы, Азіи, Африки, Америки, Австраліи и изображеніе Земнаго Глобуса; — по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и учебнымъ географіямъ составленныя И. С. Рыбниковымъ, съ дозволенія Военно-Топографическаго Депо изданныя Михайломъ Леонтьевымъ Свѣшниковымъ. Спб. 1860. На шести большихъ листахъ мѣрою каждый въ полтора аршина, отлично иллюминованныя; карта Европы иллюминована сплошными красками, показывающими бассейны водъ, а также съ показаніемъ въ профилѣ сравнительной высоты горъ въ Европѣ надъ уровнемъ моря въ футахъ. Изображеніе глобуса составлено по новѣйшей проэкціи, съ показаніемъ сплошными красками областей водъ оксана и озеръ, направленіе морскихъ теченій, а равно въ отдѣльныхъ полушаріяхъ наибольшей массы, воды и земли, съ отдѣльною для наглядности картою всего свѣта, на которой показаны предѣлы вѣтровъ, направленіе вѣтра, пути мореплаванія паруснаго, правильные курсы пароходовъ и границы наносныхъ льдинъ. Карта Азіи составлена по самымъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ раздѣленія областей и границъ, съ правильнымъ показаніемъ теченія рѣки Амура, съ профилями высоты горъ и отдѣльною карточкою Остъ-Индскихъ владѣній. Карты Африки, Америки и Австраліи составлены по самымъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ путушествующихъ, со всѣми новѣйшими открытіями и съ профилями горъ. Карты весьма подробныя и потому могутъ служить хорошимъ руководствомъ при изученіи географіи. Ц. за 6 листовъ 5 р., съ пер. 6 р.; наклеенныя на полотнѣ и уложенныя въ футляръ 8 р., съ пер. 10 р. Отдѣльно каждая карта 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., наклѣенная на полотнѣ и въ футлярѣ ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. По приказанію министра народнаго просвѣщенія, карты эти разсмотрѣны были въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ, который призналъ ихъ отличающимися большимъ достоинствомъ какъ въ отношеніи къ содержанію, такъ и къ самому выполненію.

РАЗГОВОРЫ на русскомъ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, составленные по руководствамъ лучшихъ и новѣйшихъ діалогистовъ Ардаліономъ Ивановымъ (авторомъ русской грамматики). Спб. 1859. Ц. 75 к. (Учебнымъ заведеніямъ при требованіи значительнаго количества экземп. «Разговоровъ» дѣлается уступка).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя А. И. Давыдова, въ Спб.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 6 февраля 1864 года.

БЕЗОБРАЗОВЪ В. Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ, съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ. Спб. 1863 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

БОКЛЬ. Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Переводъ съ англійскаго С. Буйницкаго. Спб. 1864 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

МОЛИНАРИ Г. Курсъ политической экономіи, читанный въ королевскомъ музеѣ бельгійской промышленности. Редакція перевода Я. А. Ростовцева, часть 1-я. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

ПОТѢХИНЪ Н. А. Наши безобразники. Сцены. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

АРАГО ФРАНСУА. Общепонятная астрономія. Перев. М. С. Хотинскимъ. Съ 360 картами, чертежами и рисунками. 4 тома. Спб. 1861 г. Ц. 12 р., съ пер. 15 р.

МЕДЛЕРЪ І. Д-ръ. Краткая астрономія. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Путяты. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 85 к.

ЛАПЛАСЪ. Изложеніе системы міра. Переведенное М. С. Хотинскимъ. 2 тома. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ЦИММЕРМАНЪ. Д-ръ. Общія физическія явленія или такъ называемая общая физика. Общія свойства тѣлъ. Частичныя силы. Движеніе и равновѣсіе. Дѣйствіе тяжести въ тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ. Переведено съ нѣмецкаго съ дополненіями подъ редакціею А. Горчакова. Со многими политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЦИММЕРМАНЪ. Д-ръ. Объ электричествѣ и магнетизмѣ. Общее понятіе объ электричествѣ. — Электрическіе приборы. — Различные электрическіе опыты. — Воздушное электричество. — Магнетизмъ вообще. — Земной магнетизмъ. — Животный магнетизмъ. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Горчакова. Со многими политипажами. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 25 к. съ перес. 2 р. 75 к.

ЦИММЕРМАНЪ. Д-ръ. Теплота и главнѣйшія примѣненія ея къ техникѣ. Общее понятіе. — Источники теплоты. — Распространеніе и дѣйствіе ея. — Техническія приложенія.—Общепонятное руководство. Переведено съ нѣмецкаго съ дополненіями, подъ редакціею А. Горчакова. Со многими политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЦИММЕРМАНЪ. Д-ръ. Звукъ. О колебаніи тѣлъ. — О распространеніи звука.—О музыкальныхъ тонахъ и ихъ отношеніяхъ между собою. — Слухъ. Общепонятное руководство. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Горчакова. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

МОЛЬ и РАУКЪ. Д-ра. Главнѣйшія техническія примѣненія пара, электричества и свѣта. Паровыя машины. — Электрическіе телеграфы. — Гальванопластика и свѣтопись (фотографія). Со многими политипажами. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КРЮГЕРЪ. Школа физики или учебникъ къ первоначальному изученію этой науки при помощи самыхъ простыхъ опытовъ и дешевыхъ снарядовъ, съ примѣненіемъ къ обыденной жизни. Переве-

дено подъ редакціею Полѣнова и Д. Аверкіева. Со многими политипажами. 3 части. Спб. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ПИСАРЕВСКІЙ Н. Начальныя основанія физики. Учебное пособіе для гимназіи и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается физика, а равно и для людей, желающихъ ознакомиться съ этою наукою, безъ пособій учителя. Въ двухъ выпускахъ. I. Отдѣлъ до гальванизма *Н. Писаревскаго*. II. Отдѣлъ о гальванизмѣ *Н. Тыртова*. Съ 800 политипажами. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ДАГЕНЪ. Теорія теплоты. Переведена подъ редакціею академика Э. Ленца. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

ДАГЕНЪ. Ученіе о звукѣ. Переведена подъ редакціею Д. В. Аверкіева. Со многими политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

КОППЕ. Физика и метеорологія, общепонятно изложенныя. Переведено съ нѣмецкаго, подъ редакціею А. Л. Боровскаго. Со многими политипажами. Спб. 1860 г. Ц 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

БИРНБАУМЪ Г. Д-ръ. Царство облаковъ. Популярное изложеніе атмосферическихъ явленій (метеорологія). Переведено и издано подъ редакціею А. М. Наумова. Со многими политипажами въ текстѣ. Спб. 1861 г. Ц 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

МЮЛЛЕРЪ I. Д-ръ. Учебникъ космической физики. Переведено и издано подъ редакціею Н. Ильина. Съ атласомъ и многими политипажами. Спб. 1860 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 25 к.

АРАГО ФРАНСУА. Громъ и молнія. Ученая записка. Перевед. М. С. Хотинскимъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. 30 к.

АРАГО ФРАНСУА. Историческая записка о паровыхъ машинахъ. Перевед. М. С. Хотинскимъ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к, съ пер. 1 р. 85 к.

ОПИСАНІЕ ОПТИЧЕСКИХЪ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХЪ ПРИБОРОВЪ. Съ политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

РОМБЕРГЪ. Описаніе моря и совершающихся на немъ явленій. Съ 26-ю политипажными рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею П. Вышеславцева. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

ПРИРОДА И ЕЯ СИЛЫ. Заимствовано изъ сочиненій Бабинé, Циммермана и другихъ П. Новосильскимъ. 4 части. Спб. 1861—63 г. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 3 р. 25 к. —Отдѣльно: часть I. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. — Часть II. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. — Часть III. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. — Часть IV. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

ШТЕКГАРДТЪ Ю. А. Учебникъ химіи или первоначальное изученіе химіи, при помощи самыхъ простыхъ опытовъ, безъ пособія наставника. Съ 11-го исправленнаго изданія переведенное и изданное подъ редакціею А. И. Ходнева. Изд. 2-е. Съ 286 рисунками въ текстѣ. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

ЖЕРАРЪ ШАРЛЬ. Введеніе къ изученію химіи, по унитарной системѣ. Переводъ Д. Аверкіева и П. Алексѣева. Съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

КАГУРЪ ОГЮСТЪ. Курсъ элементарной общей химіи. Уроки, читанные въ центральной школѣ искусствъ и мануфактуръ. Часть I. *Химія неорганическая.* Переводъ подъ редакціею Д. В. Аверкіе-

ва. Съ 230-ю политипажами въ текстѣ. Часть II. *Химія органическая*. Перев. и издана подъ редакціею Н. Ильина. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1862—63 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.— Отдѣльно: часть I. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.—Часть II. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ГОТЛИБЪ I. Д-ръ. Химія и химическая технологія. Переводъ подъ редакціею П. П. Алексѣева. Издано подъ редакціею Д. В. Аверкіева. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

МЕНДЕЛѢЕВЪ Д. Органическая химія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1863 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ЛЕМАННЪ. Д-ръ. Краткая животно-физіологическая химія. Переводъ Бѣляева. Издано подъ редакціею А. И. Ходнева. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

МОРЪ Ф. Д-ръ. Руководство къ химическому анализу-мѣрою (метода титритованія). Переведенное и изданное подъ редакціею А. И. Ходнева. Съ 118 рисунками въ текстѣ. 2 части. Спб. 1859 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

ДЖОНСОНЪ. Химическія свѣдѣнія о различныхъ предметахъ изъ вседневной жизни. Переведенное и изданное подъ редакціею А. И. Ходнева. 2 части. Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

ХОДНЕВЪ А. И. Химическая часть товаровѣдѣнія. Изслѣдованіе съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

НАУМОВЪ А. М. О питательныхъ веществахъ и важнѣйшихъ способахъ раціональнаго ихъ приготовленія, сбереженія и открытія въ нихъ примѣсей. Спб. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ГОЛЬЦМАНЪ К. Основаніе механики и ея приложеній къ машинамъ, общепонятно изложенныя. Издано подъ руководствомъ И. Вышнеградскаго. Съ 128 политипажами въ текстѣ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЫШНЕГРАДСКІЙ И. Публичныя лекціи о машинахъ. Со многими политипажами въ текстѣ. Спб. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

ВЕБЕРЪ. Общепонятное описаніе устройства желѣзныхъ дорогъ, ихъ подвижнаго состава и управленія ими, въ историческомъ, техническомъ, административномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Переведено подъ руководствомъ И. Вышнеградскаго. Съ 90 политипажами. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Составлена по Бауману П. Степановымъ. Съ измѣненіями въ примѣненіи къ естественнымъ произведеніямъ Россіи. Съ 225 рисунками въ текстѣ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

УШАКОВЪ Н. Естественная исторія насѣкомыхъ или энтомологія. 2 части. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РУССДОРФЪ и МАЗІУСЪ. Д-ра. Начальныя основанія физіологіи и зоологіи. Со многими политипажами. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

АЛЕКСАНДРОВЪ Ф. Зоологія для первоначальнаго чтенія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

АГАССИСЪ и ГОЛЬДЪ. Очерки сравнительной физіологіи. Строеніе и

развитіе животныхъ, нынѣ живущихъ и исчезнувшихъ. Переведено и издано подъ редакціею Д. Аверкіева. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

КАТРФАЖЪ А. Превращенія въ мірѣ животныхъ. Переведенное Ф. Журковскимъ, изданное подъ редакціею М. Хотинскаго. Спб. 1859 г Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ФЛУРАНСЪ П. Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ. Переводъ съ 3-го французскаго изданія. Спб. 1859 г. Ц. 60 к , съ пер. 85 к.

О ВНѢШНИХЪ ЧУВСТВАХЪ. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею Баландина. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ДИППЕЛЬ. Начальныя основанія ботаники. Переведено и издано подъ редакціею Н. Цабеля. Съ политипажами. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

АУЭРСВАЛЬДЪ и РОССМЕССЛЕРЪ. Ботаническія бесѣды. Переведены въ примѣненіи къ отечественной флорѣ Бекетовымъ. Съ 48-ю раскрашенными рисунками и 380 политипажами. Спб. 1860 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

КОБЕЛЛЬ-ФОНЪ Ф. Таблицы для опредѣленія минераловъ помощію химическихъ изслѣдованій, мокрымъ и сухимъ путями. Переведено съ 7-го нѣмецкаго изданія подъ редакціею П. А. Пузыревскаго. Спб. 1863 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

НАУМАННЪ К. Д-ръ. Основанія минералогіи. Перевелъ съ нѣмецкаго И Медвѣдевъ. Переводъ изданъ подъ редакціею А. Ушакова. Съ 400 вновь вырѣзанными политипажами въ текстѣ. Спб. 1860 г Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

ЛЕЙМЕРИ. Курсъ общей минералогіи. Переведенъ и изданъ подъ редакціею А. Ушакова. Съ 256 рисунками въ текстѣ. Спб. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

КВЕНШТЕДТЪ. Д-ръ. Начальныя основанія минералогіи. Переведены и изданы подъ редакціею П. А. Пузыревскаго. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 55 к.

КОТТА БЕРНГАРДЪ. Геологическія картины. Переведены и изданы подъ редакціею П Пузыревскаго. Съ 167 рисунками въ текстѣ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

БУРМЕЙСТЕРЪ Г. Геологическіе этюды. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Михайловъ. 2 части. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 35 к.

ПАБСТЪ Руководство къ разведенію крупнаго рогатаго скота. Переведено съ 8-го изданія Н. Литке. Подъ редакціею А. Совѣтова. Съ 25-ю хромолитографическими изображеніями болѣе замѣчательныхъ породъ крупнаго рогатаго скота и со многими политипажами въ текстѣ. Спб. 1862 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

ПАБСТЪ. Руководство къ сельскому хозяйству. Переведено съ пятаго изданія Я. Калинскимъ. Подъ редакціею А. Совѣтова. Съ рисунками въ текстѣ. Часть I. Выпуски 1 и 2-й. Спб. 1862—63 г. Ц. за 3 выпуска 3 р., съ пер. 4 р. *Выпускъ 3-й печатается.*

ЛИБИХЪ. Письма о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства. Переведено и издано подъ редакціею А. Совѣтова. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

ЧЕРНОПЯТОВЪ И. О шерсти овецъ въ хозяйственномъ и фабричномъ отношеніяхъ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ЯКУТИНЪ Н. Необходимыя свѣдѣнія *для* желающихъ имѣть лошадей. Спб. 1862 г. Ц. 30 к., съ пер. 60 к.

ТЕХНОЛОГІЯ ПО ВАГНЕРУ. Выпускъ первый. *Производство муки, хлѣба и крахмала.* Переведено, дополнено и издано подъ редакціею Д. Менделѣева. Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к. — Выпускъ второй. *Сахарное производство.* Переведено, дополнено и издано подъ редакціею Д. Менделѣева. Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к. — Выпускъ третій. *Производство винограднаго вина,* пива и спирта и Алкоолометрія. Переведено, дополнено и издано подъ редакціями Павлова и Д. Менделѣева. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

БИБЛІОТЕКА ТЕХНИЧЕСКИХЪ И ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ПРОИЗВОДСТВЪ. 7 частей. Спб. 1860—61 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

КОТТА Б. Практическая геогнозія для сельскихъ хозяевъ, лѣсничихъ и техниковъ. Переведено и издано подъ редакціею П. Пузыревскаго. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

БОГДАНОВИЧЪ М. Исторія отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Составлена по Высочайшему повелѣнію. 3 тома. Съ картами и планами. Спб. 1859—60 г. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

АРАГО Ф. Біографія знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Перевелъ Д. Перевощиковъ. 3 тома. Спб. 1859—61 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 7 р.

МАЛЮТИНЪ Ѳ. Извлеченіе изъ свода законовъ россійской имперіи узаконеній, относящихся до духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія (изд. 1857 г.). Спб. 1863 г. Ц 50 к., съ пер. 85 к.

АПУХТИНЪ. Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи. Извлеченіе изъ отчета о заграничной поѣздкѣ, представленнаго управляющему межевымъ корпусомъ генералу отъ инфантеріи М. Н. Муравьеву. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

ЦЕЙСЪ Г. Учебникъ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія культуры. Переводъ И. Катаева. Часть 1-я. *Древняя исторія.* Выпускъ первый. Восточные народы. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер 1 р. 35 к.

КУЗНЕЦОВЪ Я. Краткая географія россійской имперіи. Изд. 2-е. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 85 к.

УКАЗАТЕЛЬ или систематическій сводъ статей закона, къ составленію уставныхъ грамотъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ. Спб. 1861 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

ФЛЕРИ. О леченіи водою недавнихъ, застарѣлыхъ и упорныхъ перемежающихся лихорадокъ всѣхъ типовъ и всѣхъ странъ. Переведенное А. Преображенскимъ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

КОРОПЦЕВЪ П. Руководство къ первоначальному ознакомленію съ логикой. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

ДМИТРІЕВЪ 1-Й. Практическое руководство къ намѣренію земель и составленію межевыхъ плановъ, приспособленное къ работамъ по надѣлу крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Съ 99-ю отдѣльными чертежами. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

НОВАКОВСКІЙ В. Предварительный курсъ русскаго языка. Спб. 1855 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

НОВАКОВСКІЙ В. Этимологическій курсъ русскаго языка. Спб. 1858 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р. 25 к.

НОВАКОВСКІЙ В. Синтаксическій курсъ русскаго языка. Изданіе 2-е исправленное. Спб. 1862 г. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

НОВАКОВСКІЙ В. Краткая общепонятно изложенная русская грамматика. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СБОРНИКЪ нѣкоторыхъ понятныхъ народу повѣствованій, разсказовъ и описаній (христоматія для простолюдиновъ). Составилъ Н. А—ъ. Спб. 1862 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

ОЛАНДЕРЪ. Практическое руководство къ алгебрѣ. Составленное по программѣ военно учебныхъ заведеній. Спб. 1862 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 20 к.

РАНЕ Ж. Начала общественнаго благосостоянія. Руководство къ нравственности и политической экономіи. Преимущественно назначено для рабочаго класса. Перев. съ французскаго. Издано подъ редакціею Б. Калиновскаго. 2 части. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

БРЮЭРЪ Д. Ключъ къ наукѣ, или явленія изъ вседневной жизни. Перев., съ 3-го французскаго изд. исправленнаго и дополненнаго аббатомъ Муаньо. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

СБОРНИКЪ РУССКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ для чтенія простолюдинамъ и краткія жизнеописанія Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слѣпушкина. Составилъ Н А—ъ. Спб. 1862 г. Ц. 40 к., съ пер. 65 к.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности и замѣчательнѣйшихъ городовъ, архитектурныхъ, скульптурныхъ и др. произведеній новѣйшихъ временъ. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею Гремина. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

КНИГА МІРА. Описаніе странъ и народовъ. Часть I. Старый свѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею Гремина. Со многими политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 55 к.

ТОМАСЪ. Достопримѣчательнѣйшія открытія въ области землевѣдѣнія и этнографіи. Открытія: морскаго пути въ Индію, Америки, Австраліи и Океаніи, Сѣверныхъ и Южныхъ полярныхъ странъ. Переводъ съ нѣмецкаго Гремина. Съ политипажами. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

МУЗЕУМЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА, или изложеніе различныхъ предметовъ изъ области человѣческихъ знаній. Часть I. *«Изъ природы»*. Соч. Ларднера. Переведено подъ редакціею А. Буйницкаго. — Часть II. Воздухъ. — Вода. — Огонь. — Инстинктъ и разумъ. — Акваріумъ. Часть III. Гончарное производство. — Путешествіе д-ра Кэна.—О значеніи путей сообщенія и ходъ ихъ усовершенствованія.—О несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ.— Теорія и практика повареннаго искусства. Со многими политипажами. Спб. 1861—63 г. Ц. за 3 части 3 р., съ пер 3 р. 75 к.— Отдѣльно за каждую часть по 1 р., съ пер. по 1 р. 35 к.

МАРРІЕТЪ Ф. Странствованія по луговымъ степямъ и дѣвственнымъ лѣ-

самъ Сѣверной Америки. Переводъ К. Форсела. Спб. 1860 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

КАМПЕ. Что такое душа? Бесѣды съ дѣтьми о психологіи, съ объяснительными картинками. Переводъ Гремина. Спб. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

НОВАКОВСКІЙ В. Біографическіе очерки. I. Михайло Васильичъ Ломоносовъ (съ портретомъ Ломоносова). Ц. 50 к. — II. Александръ Васильичъ Суворовъ (съ портретомъ). Ц. 1 р. — III. Александръ Сергѣичъ Пушкинъ (съ портретомъ). Ц. 50 к. — IV. Михаилъ Михайлычъ Сперанскій (съ портретомъ). Ц. 60 к. — V. Платонъ, митрополитъ московскій. Ц. 40 к.; за пер. всѣхъ 5-ти книгъ 75 к., отдѣльно за каждую по 30 к.

МИНЬЕ. Жизнь Франклина. Переводъ Н. Перевощикова. Спб. 1863 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 10 к.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ МЕДИЦИНА или указаніе необходимыхъ средствъ къ сохраненію здоровья. М. У. Спб. 1863 г. Ц. 30 к., за пер. отъ 1 до 3 экземпл. 35 к.

СКВОРЦОВЪ. Опытъ таксаціи оцѣнки поземельныхъ угодій. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

ЗОЛОТОВЪ В. Исторія Россіи въ картинахъ. Выпуски 1, 2 и 3-й. Спб. 1863 г. Ц. за 3 выпуска 2 р. 40 к., съ пер. 3 р.

ОСТАЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЮ УСТУПКОЮ:

«ИСКРА»,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

1860, 1861, 1862 и 1863 годы. Издаваемый Н. Степановымъ и В. Курочкинымъ. Четыре огромныхъ тома (въ 4—ю долю листа), заключающихъ въ себѣ около *5000 политипажныхъ рисунковъ—каррикатуръ* и болѣе 2,000 страницъ текста разнообразнѣйшаго содержанія, а именно: *Сатирическое* обозрѣніе замѣчательныхъ явленій русской жизни. *Юмористическія* статьи по современнымъ вопросамъ, въ стихахъ и прозѣ. — *Сатирическія* стихотворенія, повѣсти, очерки, разсказы и проч.—*Выдержки* изъ иногородной корреспонденціи «Искры» — отдѣльныя юмористическія корреспонденціи. —Очерки петербургской и московской общественной литературной жизни.— Шутки въ стихахъ и прозѣ: замѣтки, пародіи, эпиграмы, афоризмы, комическія объявленія, домашній театръ, анекдоты и проч. Ц. вмѣсто 30 р. 17 р., въ переплетѣ 20 р., и съ пер.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 февраля 1864 года.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННИКА.

Гг. подписчики, конечно, не сомнѣваются, что постояннымъ желаніемъ редакціи было, чтобы они получали книжки журнала своевременно и въ исправности, и чтобы по жалобамъ удовлетвореніе дѣлалось сколь возможно поспѣшнѣе. Аккуратность при веденіи дѣла есть прямая выгода редакціи. Изъ многократныхъ объявленій отъ конторы редакціи, гг. подписчикамъ извѣстно, что случавшіяся неисправности, не своевременное и не аккуратное полученіе книгъ, происходили не по винѣ редакціи, а отъ погрѣшностей въ операціи пересылки книгъ. Вслѣдствіе этого, для обезпеченія своевременнаго доставленія иногороднымъ подписчикамъ книгъ журнала, редакція рѣшилась, не отступая предъ увеличившимися, на пересылку, издержками, всю предварительную по пересылкѣ работу, производившуюся прежде въ газетной экспедиціи, съ 4-го № истекшаго 1863 года принять на себя. Уплачивая по прежнему въ газетную экспедицію деньги, слѣдующія на пересылку, контора редакціи сама надписываетъ адресы, разсортировываетъ книжки по городамъ, мѣстечкамъ и станціямъ; надлежащимъ образомъ упаковываетъ и въ совершенной уже готовности сдаетъ въ газетную экспедицію.

Но, многолѣтнимъ опытомъ, редакція убѣдилась, что, не смотря на ея старанія, нѣкоторая медленность въ многосложномъ ходѣ журнальной администраціи и не безукоризненная исправность во всѣхъ отношеніяхъ происходятъ отъ того, что редакція и разныя отрасли хозяйственнаго управленія разбросаны въ разныхъ частяхъ Петербурга.

Чтобы отстранить таковое неудобство, редакція рѣшилась все свое хозяйственное управленіе въ Петербургѣ сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, для чего

съ 1 января 1864 года открыла

ГЛАВНУЮ КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

и при ней

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

На Литейномъ проспектѣ, противъ Артиллерійскихъ казармъ; домъ Брока (№ 27).

(Помѣщеніе для Главной Конторы избрано въ одной улицѣ и вблизи съ квартирой редактора, типографіей и переплетной, такъ что всѣ

Вслѣдствіе этого редакція покорнѣйше проситъ гг. *иногородныхъ* съ требованіями своими, по подпискѣ на «Современникъ», обращаться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Главную Контору «Современника», надписывая на кувертахъ такъ:

Въ С.-Петербургъ, въ ГЛАВНУЮ Контору «Современника».

Съ такими адресами должны посылаться и всѣ жалобы и другіе письма, деньги, посылки, статьи для напечатанія, книги назначенныя редакціи и проч.

Деньги, письма, статьи, посылки и книги такимъ образомъ адресованныя будутъ, по полученіи, попадать прямо въ руки редакціи, и тогда въ удовлетвореніи требованій не произойдетъ промедленія.

Въ Москвѣ же, какъ и въ прежніе годы, контора «Современника» находится на углу Большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Не рѣдко случается, что при высылкѣ на имя редакціи денегъ по подпискѣ на «Современникъ», гг. иногородные прилагаютъ еще деньги для подписки на другіе журналы, или для высылки имъ разныхъ книгъ. Это обстоятельство навело редакцію на мысль, вмѣстѣ съ учрежденіемъ главной конторы «Современника», открыть при ней съ 1-го января 1864 года

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

изъ котораго можно выписывать и получать всѣ замѣчательныя, новѣйшія и любимыя публикою произведенія, русской и иностранной (въ русскомъ переводѣ) литературы.

Въ немъ же принимается, какъ отъ иногородныхъ, такъ и отъ городскихъ жителей, подписка на всѣ журналы и газеты. Назначаясь преимущественно *для иногородныхъ*, книжный магазинъ при главной конторѣ «Современника», удовлетворитъ и всѣмъ требованіямъ городскихъ жителей.

Для совершенной точности въ разсчетахъ съ иногородными, *книжный магазинъ* будетъ открывать отдѣльные счеты каждому изъ своихъ иногородныхъ корреспондентовъ, на какую бы сумму требованія отъ послѣднихъ не поступали. Такимъ образомъ книжный магазинъ будетъ въ состояніи всегда въ точности дать отчетъ каждому не только въ рубляхъ, но и въ копѣйкахъ.

За исправность дѣйствій главной конторы и книжнаго магазина отвѣтствуетъ редакція «Современника».

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Продолженіе романа «Оллинтонскій Малый Домъ» пріостановиъ подлинникѣ, и будетъ переводиться въ «Современникѣ» по появленія оригинала).

енія: 1) отъ редакціи, 2) Неровный бракъ.—Сѣверное сіяніе. — Пресвятая Богородица. — Сатирическіе очерки и разсказы.—Левкои, ландыши, гвоздики, фіалки, васильки, анютины глазки.—Звѣринецъ, 3) «Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ», 4) Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, 5) Полное собраніе сказокъ Андерсена, 6) Сборникъ историческихъ очерковъ В. Пютца, 7) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 8) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 9) отъ Главной Конторы «Современника».

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ 1864 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Современника», на Литейномъ проспектѣ, противъ Артиллерійскихъ казармъ, въ домѣ № 27 Брока, и

въ отдѣленіяхъ конторы:

На Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

На Васильевскомъ острову, по 8 линіи, въ домѣ № 25 при книжномъ магазинѣ Тиблена.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ *Главную Контору* «Современника».

ПЕЧАТАЮТСЯ:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА,

1) Части 1 и 2-я,

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

2) ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Требованія на стихотворенія Н. А. Некрасова, поступившія въ послѣднее время и нынѣ поступающія, не могутъ быть удовлетворены ранѣе выхода этого четвертаго изданія, ибо прежнее изданіе все уже распродано. Книгопродавецъ [illegible] Звонаревъ, пріобрѣтшій право на изданіе этихъ стихотвореній, проситъ желающихъ получить новое изданіе тотчасъ по выходѣ, высылать къ нему требованія заблаговременно, адресуя ихъ въ книжный магазинъ при Главной Конторѣ «Современника», Литейный проспектъ, д. Брока, № 27. — Имъ же пріобрѣтено право на изданіе ПОРТРЕТА и

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

стихотвореній г. Некрасова, состоящей по большей части изъ стихотвореній новыхъ, или тѣхъ, которые не могли войти въ предъидущія изданія.

Цѣна за всѣ три части, которыя составятъ до 35-ти печатныхъ листовъ [illegible] 8 д., на лучшей веленевой бумагѣ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ, — 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ можно пріобрѣтать отдѣльно, цѣна 1 р. 25 к.

СОВРЕМЕННИКЪ

1864

№ II ФЕВРАЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГНИЛЫЯ БОЛОТА.

ИСТОРІЯ БЕЗЪ ГЕРОЯ.

(*Посвящ. отцу и матери*).

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Если читатель ищетъ въ романѣ занимательной завязки и потрясающихъ сценъ, если онъ считаетъ концомъ каждой исторіи смерть или, по крайней мѣрѣ, женитьбу героя, если онъ признаетъ только ту завязку, которая основана на любви или уголовномъ преступленіи, то совѣтую ему не тратить драгоцѣннаго времени и не читать этой исторіи. Въ ней нѣтъ ни потрясающихъ сценъ, ни любви, ни преступленія, ни героя. Всѣ ея дѣйствующія лица остаются до конца исторіи почти такими же, какими были на первой ея страницѣ. Дѣти немного подростутъ, старики немного состарятся, но, можетъ быть, каждому придется еще лѣтъ десять мыкаться по свѣту, коптить небо и преслѣдовать тѣ же интересы, которые онъ преслѣдовалъ, если только у него таковые имѣлись. Въ характерахъ людей и въ общественной жизни не бываетъ скачковъ и внезапныхъ переворотовъ. Медленно осушиваются гнилыя болота! Перевороты изумляютъ своею неожиданностью только близорукихъ и глуховатыхъ людей, не знающихъ, что истинный переворотъ совершался въ теченіе многихъ, трудныхъ лѣтъ. Близорукіе и глуховатые люди

всегда видятъ и слышатъ только выстрѣлъ и вздрагиваютъ въ испугѣ. Если бы они видѣли, какъ устанавливалось огнестрѣльное орудіе, какъ оно заряжалось, какъ прикладывался къ затравкѣ фитиль, — имъ не пришлось бы вздрогнуть и испугаться...

Я романовъ не пишу. У меня накопилось множество записокъ близкихъ мнѣ людей и однѣ изъ нихъ я рѣшаюсь издать теперь. Быть можетъ, читатель не повѣритъ въ возможность существованія оконченной исторіи безъ свадьбы и смерти, и будетъ думать, что я рѣшался, по благому примѣру древнихъ и новыхъ русскихъ писателей, порадовать публику обрывкомъ будущаго великаго произведенія, показать кончикъ холста, на которомъ лѣтъ черезъ десять выростутъ деревья, выстроятся дома, закопошатся неугомонные люди и широко раскинется голубое, прозрачное небо; но гдѣ теперь представляется любопытнымъ взорамъ недоумѣвающаго зрителя только одинокій стебель крапивы да кустъ цѣпкаго рѣпейника... Читатель ошибется. Эта исторія окончена; втораго дополнительнаго тома не будетъ. Она должна быть признана оконченною по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ признаются таковыми двадцатилѣтній юноша и семнадцатилѣтняя дѣвушка, сіяющіе яркимъ румянцемъ здоровья, полные надеждъ на будущее и уже готовые къ жизни. Можетъ быть, они еще на долгое время сохранятъ и яркій румянецъ, и прелесть молодыхъ лицъ, можетъ быть, ихъ надежды станутъ еще полнѣе и отчетливѣе; но, читатель, если вы когда нибудь любили, не хотѣлось ли вамъ сохранить въ своей памяти свѣтлый образъ любимаго существа именно такимъ, какимъ онъ былъ въ минуту первой встрѣчи съ вами, въ пору его разцвѣтанья, когда вы чуткимъ сердцемъ предугадали, какой плодъ дастъ въ будущемъ едва распустившаяся, благоухающая, почка?

Чудныя, святыя мгновенья надежды на человѣческую личность, вѣры въ ея здоровыя силы! да не смутитъ васъ никогда голосъ угрюмой, во всемъ обманувшейся старости, твердящій: «не вѣрь ни во что! И мы видѣли такіе же цвѣты, но плодовъ отъ нихъ не было: цвѣты оказались пустоцвѣтомъ. Долгіе го[illegible] борьбы, страданій, трудовъ погубятъ молодое здоровье, утом[illegible] свѣжія силы и обманутъ надежды. Высохнутъ эти полныя ще[illegible] спадетъ съ нихъ румянецъ, и изъ подъ высохшей, желтой ко[illegible] мелькнетъ призракъ скелета. Отъ живаго человѣка пах[illegible] мертвецомъ!» Страшныя слова, зловѣще сливаются они съ [illegible]

безжалостнымъ старческимъ смѣхомъ! И всѣмъ, кто молодъ и кто вѣритъ въ молодость, хочется сказать: «не правда! Вы не видали такихъ цвѣтовъ: ваши цвѣты росли въ душныхъ теплицахъ, ихъ берегли отъ дыханія свѣжаго, вольнаго воздуха, и при первомъ его дуновеньи они должны были погибнуть. Мы ожидаемъ плодовъ не отъ такихъ цвѣтовъ».

А кто рѣшитъ ихъ споръ?

Стократъ счастливъ тотъ, кто не слыхалъ словъ праздно извѣрившейся старости, кто унесъ въ своей памяти хотя одинъ милый образъ, который, какъ яркій лучъ, изъ мрака прошедшаго озарялъ бы и согрѣвалъ одинокую душу своей красотой, своей любовью и твердой вѣрой въ свои силы. Счастливъ читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаяньи головы, но поднялъ ее и бодро и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы»...

Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, *простыхъ* людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

МОИ РОДСТВЕННИКИ ИГРАЮТЪ КОМЕДІЮ, А Я — ДВУХЛѢТНІЙ РЕБЕНОКЪ — НЕ ПОНИМАЮ ЕЯ И ПЛАЧУ.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ все наше семейство собралось около небольшаго круглаго стола.

На столѣ шумѣлъ и сопѣлъ самоваръ. Какъ старый, не кстати болтливый другъ, посвященный во всѣ семейныя тайны, онъ добродушно напѣвалъ о томъ, что въ домашнемъ запасѣ еще есть и чай, и сахаръ, и что никто изъ присутствующихъ не

ляжетъ нынче спать, не согрѣвъ своего тѣла, достаточно продрогшаго въ одной изъ тѣхъ холодныхъ квартиръ, въ какихъ родятся, страдаютъ ревматизмомъ и геморроемъ умираютъ отъ чахотки петербургскіе бѣдняки. Звуки этой веселенькой и безпечной, какъ беранжеровскій припѣвъ, пѣсни успокоительно дѣйствуютъ на небогатыхъ людей, возвѣщая имъ минуту отдыха и собирая ихъ въ тѣсный семейный кружокъ. Заслышавъ знакомую пѣсню, собралась и наша семья. Мой отецъ оставилъ верстакъ и рубанки, отеръ широкою ладонью крупныя капли трудоваго пота, покрывавшія его большой, умный лобъ, и занялся чтеніемъ перевода одного изъ безконечныхъ англійскихъ романовъ. Матушка, чтобы не помѣшать отцу, въ полголоса разговаривала съ своею матерью, красивою женщиною, одѣтою въ щегольское шелковое платье, составлявшее рѣзкую противоположность съ простенькимъ нарядомъ ея дочери и со всей обстановкой нашего жилища. Я же, тогда еще двухлѣтній ребенокъ, сидя на высокомъ стулѣ и ожидая подачки, обозрѣвалъ все окружавшее меня, озаренное неяркимъ свѣтомъ единственной сальной свѣчи. Взрослые и дѣти всегда занимаются этимъ дѣломъ отъ скуки, отыскивая, нельзя ли чѣмъ нибудь поиграть. Свѣча озаряла предметы хорошо извѣстные каждому небогатому русскому человѣку, принадлежащему къ сословію мѣщанъ или къ разночинцамъ. Неуклюжій самоваръ, дѣланный *фтуле*, какъ гласила надпись на немъ, фарфоровый чайникъ, приземистый и толстый, какъ купецъ, зажирѣвшій отъ празднаго сидѣнья въ лабазѣ и отъ вѣчнаго чаепитія, бѣлыя фаянсовыя чашки и сахарница родной фабрикаціи съ нарисованными на ней сѣрыми людьми, весьма похожими на воткнутыя въ землю головастыя булавки, съ сѣрыми же цвѣтами и разрѣзанными дынями, весьма похожими на разгрызенные каленые орѣхи-двойчатки, ложечки польскаго серебра съ обглоданными краями, давно пожелтѣвшія и потерявшія свой недолговѣчный блескъ, слизанный вмѣстѣ съ прилипавшимъ къ нимъ сахаромъ, — вотъ все, что было доступно моимъ глазамъ. Эти вещи и въ давнопрошедшія времена своей незавидной молодости были не изъ числа красивыхъ и, даже лежа на пыльномъ окнѣ въ дрянной лавчонкѣ, ни разу не заставили прохожаго остановиться и со вздохомъ подумать: «эхъ, чортъ побери, кабы деньги, всю бы, кажется, лавку откупилъ!» Покупая ихъ, не думалъ справляться покупатель: дѣйствительно ли этотъ пузатый самоваръ дѣланъ *фтуле*? точно ли Зайцевъ

произвелъ на свѣтъ эти чашки? Покупалъ онъ ихъ потому, что цѣна показалась сходною, отдавалъ своей хозяйкѣ-женѣ, и начинала она помыкать ими, какъ помыкаютъ невзрачными бѣдняками, назначенными самой судьбой на помыканье. А теперь эти вещи такъ затерлись и обшмыгались, что не могли занять даже неприхотливаго вниманія ребенка и говорили ему лишь о недостаткахъ бѣдности, еще непонятной, но уже нисколько непривлекательной для него.

Мнѣ хотѣлось, вѣроятно, найти что нибудь лучшее, но и остальныя, знакомыя мнѣ принадлежности нашей комнаты, погруженныя въ полумракъ, были не казистѣе тѣхъ, которыя находились передъ моимъ носомъ. Сурово смотрѣли на меня изъ темныхъ угловъ и массивный шкафъ съ бронзовой отдѣлкой, и брюхастый коммодъ, почти почернѣвшій, и стулья съ тяжелыми, потусклыми спинками и засиженными, клеенчатыми, твердыми какъ дерево, подушками. Какъ фантастическій призракъ съ желтоватымъ лицомъ, отбрасывая по стѣнѣ длинную тѣнь, висѣли часы съ огромнымъ, разрисованнымъ передкомъ; тяжело опускались ихъ свинцовыя гири и маятникъ отчетливо и твердо выбивалъ свое вѣчное тикъ-такъ: что дескать вы ни толкуйте, а время идетъ и идетъ своимъ чередомъ. Прочія стѣны по верхамъ были голы, кромѣ одной, гдѣ красовался портретъ какого-то господина. Господинъ держалъ въ рукѣ перо и словно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось у насъ... У бѣдняковъ, самыхъ непрактичныхъ людей въ мірѣ, почти всегда есть какая нибудь завѣтная вещь, какой нибудь чубукъ въ бисерномъ чахлѣ, обкуренный неизвѣстно куда заброшеннымъ другомъ, какая нибудь дрянная, немного вольнаго содержанія картинка, воспоминаніе проказъ молодости, обдѣланная въ голубую съ золотымъ бордюромъ рамку, замасляная и зачитанная книга, или что нибудь тому подобное, обыкновенно ни на что негодное, не имѣющее никакой цѣны въ глазахъ постороннихъ людей и потому остающееся у владѣльца даже тогда, когда онъ, освобожденный отъ прочей поклажи услужливыми кредиторами, отправляется на казенные хлѣбы въ долговое отдѣленіе. У богачей нѣтъ подобныхъ вещей: у нихъ есть золото. На него купили они сотни друзей, равно имъ надоѣвшихъ и постылыхъ, и уже, конечно, не можетъ ихъ радовать чубукъ, обкуренный однимъ изъ этихъ прихлебателей. За то же золото насмотрѣлись они до тошноты на самыя отвратительныя скоромныя картины и даже видѣли въ

натурѣ изображенныя на нихъ сцены. Не дорожатъ они какой нибудь однажды прочитанной умной книгой, потому что у нихъ есть средства и время купить и прочесть новыя книги, столь же умныя и столь же ненужныя для нихъ, какъ и старая. Богачъ не понимаетъ привязанности бѣдняка къ вещи, какъ къ другу,— бѣднякъ не постигаетъ пресыщенія и мертвящей апатіи богача. Такою любимою вещью–другомъ былъ для моего отца упомянутый портретъ. Отецъ сдѣлалъ къ нему прекрасную рамку, единственный красивый предметъ въ нашемъ жилищѣ, и при переѣздахъ на новыя квартиры, заботливо пріискивалъ мѣсто для своего любимца. Въ этихъ случаяхъ происходилъ между моими родителями слѣдующій, памятный мнѣ разговоръ:

— Гдѣ ты думаешь, Вася, повѣсить портретъ своего Крылова? спрашивала матушка.

— Я думаю, не на этой ли стѣнѣ повѣсить, говорилъ отецъ и прикладывалъ портретъ къ избранному мѣсту. — Посмотри, Соня, хорошо ли будетъ такъ?

— Не мѣшало бы пониже спустить.

— Вотъ сюда? Отецъ опускалъ портретъ пониже.

— Да, вотъ теперь какъ разъ хорошо.

Семейный совѣтъ кончался, важный вопросъ получалъ окончательное рѣшеніе, гвоздь вбивался въ стѣну и портретъ вѣшался. Нѣсколько минутъ отецъ любовался имъ. «Дѣйствительно хорошо», думалось отцу.

Знакомые предметы, знакомыя рѣчи! На вашъ счётъ высказалось столько остротъ и насмѣшекъ, что наконецъ бѣдные, простые люди сами стали стыдиться васъ, хотя именно въ васъ-то и таятся единственные источники отрады и поэзіи ихъ простой, незатѣйливо сложившейся жизни!

Я кончилъ обозрѣніе нашей комнаты. Оно продолжалось на дѣлѣ не такъ долго, какъ вышло на бумагѣ, но я нарочно распространялся, потому что вся эта обстановка имѣла большое вліяніе на мой дѣтскій характеръ. Веселѣе мнѣ не стало, игрушки не нашлось. Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжали отцовскія пилы, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосокъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Въ описываемый же субботній вечеръ всевозможныя будничныя работы привелись къ концу и въ домѣ царствовала тишина. Дѣ-

вушки ушли къ своимъ роднымъ, моя семья спѣшила насладиться заслуженнымъ отдыхомъ. Хорошая это была тишина! Но не могъ же наслаждаться ею двухлѣтній ребенокъ. Дѣти—годовыя или пятидесятилѣтнія,—это все равно, — любятъ, чтобы ими занимались; если ихъ видимо не замѣчаютъ, они начинаютъ скучать и капризничать. Передо мною никто не хлопалъ въ ладоши, не картавилъ: агу, Сасенька! и не выдѣлывалъ тѣхъ животики надрывающихъ штукъ, которыя предназначаются старыми дѣтьми для развлеченія малыхъ дѣтей: я скучалъ. Разныя гримасы выражали мое нетерпѣніе. но ихъ не замѣчали. За гримасами непремѣнно послѣдовали бы слезы и крики: мама, цаю! если бы мои глаза не остановились на предметѣ, такъ ярко озарявшемъ картину непривѣтной жизни. Блестящее, вспыхивающее пламя раздвоившейся свѣтильни сальной свѣчи овладѣло моимъ вниманіемъ. Наслаждаясь созерцаніемъ мерцающаго огонька, я, вѣроятно, разсудилъ, какое выгодное мѣсто займетъ эта свѣтлая игрушка посреди моихъ обглоданныхъ и увѣчныхъ солдатиковъ, давнымъ давно побѣжденныхъ мною. «А ну-ка возьми меня, подмигивала игрушка, поиграй»! Я сталъ протягивать къ ней коротенькія ручонки. Никто, кромѣ отца, хотя онъ и читалъ, не замѣтилъ моихъ движеній, и добрый отецъ поспѣшилъ исполнить желаніе любимаго сына: онъ подвинулъ ко мнѣ свѣчу. Я быстро схватилъ огонь и въ то же мгновенье комната огласилась криками, полились долго подступавшія къ глазамъ слезы, благо представился подходящій случай поплакать. Тутъ-то и началась комедія, совершенно непонятная мнѣ и только потому невызвавшая моего смѣха. Разсказы о всѣхъ ея подробностяхъ и о множествѣ другихъ случаевъ изъ моей дѣтской жизни я слышалъ по нѣскольку разъ отъ родителей, и могу ихъ передать вѣрно до мельчайшихъ подробностей.

— Что ты сдѣлалъ, Вася? упрекнула матушка отца, подбѣгая ко мнѣ и осматривая мою выпачканную саломъ, но почти не обожженную руку.

— Далъ попробовать Сашѣ, какъ жжется огонь, хладнокровно отвѣтилъ отецъ, потомъ поправилъ свѣтильну и поспѣшилъ приняться за прерванное чтеніе, какъ будто тутъ-то и было самое занимательное мѣсто въ романѣ.

— А-ахъ! варваръ! злодѣй! закричала бабушка, чуть не упала въ обморокъ, и вышла изъ себя отъ негодованія.—На-

подвинуть свѣчу къ двухлѣтнему сыну, чтобы онъ сгорѣлъ, уродомъ сдѣлался!

— Сгорѣть-то я ему не далъ бы, съ улыбкою отвѣчалъ варваръ: — а безъ этого урока, можетъ быть, онъ и сдѣлался бы когда нибудь уродомъ.

— Это что за новости? Сдѣлался бы уродомъ безъ вашего глупѣйшаго урока? (Бабушка въ сердцахъ всѣмъ говорила: вы дуракъ, а не: ты дуракъ). Отчего же, скажите пожалуйста, другія дѣти не дѣлаются уродами? Будьте столь добры, Василій Александровичъ, объясните! Бабушка разводила пальцами, точно въ нихъ подергивало каждую жилку.

— Не дѣлаются, потому что Богъ милуетъ или няньки берегутъ; у насъ же нянекъ нѣтъ, а на Бога надѣйся, да и самъ не плошай, говоритъ пословица, серьезнымъ голосомъ объяснялъ отецъ. Онъ былъ терпѣливый человѣкъ.

— Мужицкая пословица, какъ и всѣ пословицы! У васъ чувствъ родительскихъ нѣтъ, для васъ сынъ все равно что муха: налетѣла на огонь, сожгла крылья, — туда и дорога! А теперь у ребенка рука-то разболится и что еще съ ней будетъ, — Богъ знаетъ. Pauvre enfant!

Отецъ упорно читалъ, но обвиненія и допросъ не кончились.

— Опять борьба! сказалъ звучный мужской голосъ. Въ комнатѣ уже съ минуту стоялъ матушкинъ братъ, красивый и стройный господинъ совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, не то юноша, не то тридцатилѣтній мужчина. Дядя по видимому любовался семейной сценой и выжидалъ удобной минуты для своей фразы.

— Какая борьба! Я подвинулъ къ сыну свѣчу, а матушка отъ этого вспыхнула, сострилъ отецъ, закрывая книгу и пожимая нѣжную дядюшкину руку.

— Il est fou, cher Pierre, загорячилась бабушка и принялась на французскомъ языкѣ съ величайшими подробностями дѣлать изъ мухи слона.—Вразуми хоть ты его, заключила она свой разсказъ.

— Peut-être il a ses raisons, небрежно замѣтилъ Пьеръ; муха показалась ему настоящимъ слономъ и онъ уже считалъ себя призваннымъ для вразумленія отца. — Точно, странный урокъ! Твоя теорія воспитанія очень опасна, продолжалъ онъ мягкимъ, нетороплывымъ и вкуснымъ голосомъ, какъ человѣкъ, отыскивающій вкусъ въ новомъ, поданномъ на пробу кушаньѣ, и сталъ

удобно усаживаться на диванѣ, подложивъ подъ локоть подушку.—Опытъ дѣло хорошее; но ребенку онъ можетъ обойтись дорого, — и игра не будетъ стоитъ свѣчъ. Ошибокъ, увлеченій, даже страданій наберется много,—но разовьютъ ли они въ немъ вѣрный взглядъ на вещи? Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ говоритъ Гамлетъ. Начало послѣдней фразы произнеслось по англійски.

— Ха-ха-ха! засмѣялся отецъ.—Кто тебѣ сказалъ, что у меня есть какая нибудь теорія воспитанія? Я просто счелъ неудобнымъ, коверкая языкъ, объяснить сыну, что отъ огня будетъ пипи или биби... Я увѣренъ, что онъ не понялъ бы меня и заплакалъ бы точно такъ же, какъ заплакалъ теперь. За то ему не вздумается въ другой разъ тянуться къ огню и значитъ я избавилъ его въ будущемъ отъ ненужныхъ желаній и слезъ. Какая же тутъ теорія? И гдѣ *намъ* выдумывать теоріи?

— Зачѣмъ же самоуниженіе? Зачѣмъ мѣщанство мысли и выраженія? «Гдѣ намъ»! Что же мы? безсмысленныя животныя, бездушныя машины? Я гораздо охотнѣе предположу, что ты дѣйствовалъ во имя теоріи, убѣжденій, чѣмъ соглашусь съ твоимъ объясненіемъ поступка. Отвергая въ немъ теоретическое начало, ты прямо говоришь: сегодня я сдѣлалъ такъ, завтра я поступлю иначе; у меня нѣтъ никакихъ взглядовъ на дѣло воспитанія. Это полное сознаніе въ безсмысленности своихъ дѣйствій.

— Ну, нѣтъ; взгляды-то есть, а все же, милый ты человѣкъ, теоріи воспитанія у меня не имѣется, — наукамъ я не учился! Я буду именно поступать такъ сегодня, иначе завтра, смотря по обстоятельствамъ. Это не теорія. Вѣрь ты мнѣ, что не *намъ* создавать теоріи, убѣждалъ отецъ своего противника.

Дядя пожалъ плечами.

— Мысли, сейчасъ высказанныя тобою, уже есть теорія. Но ты не хочешь сознаться въ этомъ. У тебя упрямая и скрытная натура, ты настоящій русскій му-у у... Вмѣсто слова дядя, быть можетъ первый разъ въ жизни, произнесъ коровье мычанье; подражаніе вышло такъ хорошо, что онъ даже сконфузился. Отецъ улыбнулся.

— Спасибо за комплиментъ! Выпьемъ лучше чайку, чѣмъ толочь воду въ ступѣ и спорить о словахъ.

— Оттого-то и дѣлаются всѣ мерзости, пакости и пошлости у насъ на Руси, что разрѣшеніе вопросовъ, обмѣнъ мыслей называются толченьемъ воды въ ступѣ, горячо заговорилъ дядя и

вѣрно разрѣшился бы отъ бремени долговязымъ незаконнорожденнымъ монологомъ о паденіи Россіи, если бы отецъ не испугался и не поспѣшилъ бы прервать его.

— Петръ Иванычъ, чай стынетъ-съ! насмѣшливо крикнулъ отецъ. Дядя подмѣтилъ выраженіе его голоса, еще разъ пожалъ плечами: пропащій молъ ты человѣкъ! и принялся кушать чай.

Покуда горячилась бабушка и ораторствовалъ дядя, матушка вытерла мою руку, приложила клочекъ ваты къ пальцу и дала мнѣ кусокъ сахару, булки и чаю, посмѣиваясь въ душѣ надъ этой бурей въ стаканѣ воды.

Спустя нѣсколько времени, подобная исторія повторилась снова; только главная роль досталась не свѣчѣ, а самовару, недавно вычищенному, ярко блестѣвшему и наполненому кипяткомъ. Мнѣ захотѣлось его погладить,—ну и погладилъ. Но послѣ второй попытки я уже велъ себя весьма прилично. При появленіи свѣчей и самовара, я чинно складывалъ руки на столѣ или подъ нимъ и издали любовался коварными обольстителями. Я даже выказалъ очень раннюю способность сортировать въ одну групу однородные предметы, оказавъ равное съ самоваромъ почтеніе и кофейнику, до котораго не дотрогивался ни разу. Послѣ этихъ уроковъ меня не боялись оставлять одного въ комнатѣ, надѣясь на мое благоразуміе и опытность, и лестное довѣріе драгоцѣнныхъ родителей было вполнѣ оправдано ихъ признательнымъ сыномъ.

Много подобныхъ вечеровъ и подобныхъ комедій совершалось во дни моей дѣтской жизни и я смотрѣлъ въ недоумѣніи на дѣйствующихъ лицъ, не зная, нужно ли мнѣ плакать или смѣяться надъ ними. Такъ смотрятъ въ театрѣ на говорящихъ актеровъ актеры безъ рѣчей, вызванные на сцену по волѣ автора пьесы; имъ неловко, они не знаютъ, какое выраженіе придать своему лицу, куда и какъ встать и куда дѣвать свои руки, которыя—вѣдь могъ же случиться такой казусъ!—вдругъ оказались такъ-таки совсѣмъ ни на что ненужными и лишними. Покуда придется мнѣ играть эту незавидную роль, я постараюсь разсказать потихоньку моему читателю исторіи отца, бабушки, дяди и тери; время между тѣмъ прочтится, и мнѣ будетъ возможно пить на сцену дѣйствующимъ лицомъ.

II.

ЖИЗНЬ МОЕГО ОТЦА.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой-то простодушный добрякъ (много такихъ добряковъ было въ то время) привезъ изъ Малороссіи въ Петербургъ семилѣтняго сироту Василья Рудаго и—неизвѣстно для чего и почему—опредѣлилъ его въ театральное училище. Долго тосковалъ ребенокъ по роднымъ черешнямъ и сочнымъ арбузамъ, по своей дѣтской волѣ; часто плакалъ онъ и звалъ какого-то Хому, но Хома, быть можетъ, также тосковавшій по ребенкѣ, не слышалъ призывовъ, и тщетно лились горячія слезы дитяти. Приходилось по неволѣ примириться съ новою жизнью, потому что старая прошла безъ возврата; утихъ ребенокъ и покорился своей судьбѣ... Два или три года французъ балетмейстеръ истощалъ всѣ силы и средства, стараясь вывихнуть по своему руки и ноги неуклюжаго мальчугана. Онъ напрасно испортилъ нѣсколько фунтовъ горячей французской крови, назвалъ ученика разъ сто: свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломъ, полѣнъ—дровъ, и наконецъ передалъ его въ руки трубача-музыканта. Форма губъ мальчика заставила училищное начальство подозрѣвать въ немъ способность къ игрѣ на трубѣ. Въ тѣ блаженно наивныя времена оно часто руководствовалось подобными соображеніями относительно способностей воспитанниковъ. И точно, дуть въ трубу ребенку было легче, чѣмъ подъ палкою балетмейстера становиться на носки и выдѣлывать антраша.

Василій Рудый окончилъ курсъ наукъ двадцати лѣтъ. Онъ умѣлъ съ ошибками писать на трехъ языкахъ, правильно говорить на одномъ русскомъ и лихо волочиться за актрисами. Послѣдняя наука процвѣтала въ театральномъ училищѣ всегда, особенно же тогда. Игра на трубѣ въ оркестрѣ, волокитство, охота на трухтанскомъ, кругломъ и баттарейномъ островахъ и шумныя попойки въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ собиралась разносословная кутящая молодежь, наполняли жизнь молодаго человѣка, быстро разрушая его здоровье. На четвертый годъ службы, Рудый почувствовалъ утомленіе и, по мнѣнію докторовъ, долженъ былъ оставить трубу или познакомиться съ чахоткой. Умирать не захотѣлось. Пришлось искать новыя средства для

поддержанія существованія. Въ театрѣ открылась вакансія суфлёра. Рудый засѣлъ въ суффлёрскую будку и принялся за дѣло. Сначала дѣло шло хорошо; но однажды роковыя 28 и 29 страницы репетируемой пьесы склеились вмѣстѣ и отецъ замѣшкалъ подсказать реплику главному актеру. Артистъ, не имѣвшій позорной привычки учить роли, осерчалъ и ткнулъ ногою въ суфлёра, такъ что тотъ едва успѣлъ закрыть лицо тетрадью. Поступокъ не выходилъ изъ предѣловъ театральныхъ нравовъ; но Рудый не перенесъ его; онъ вскочилъ съ мѣста, швырнулъ тетрадь въ лицо актеру и убѣжалъ изъ театра, убѣжалъ навсегда. Такъ кончилась первая и послѣдняя попытка отца суффлировать гдѣ бы и кому бы то ни было. Вырвавшись изъ этого міра мелочныхъ дрязгъ и происковъ, вѣтряныхъ любовниковъ и любовницъ, мишурныхъ героевъ и героинь, сдѣлавшихъ изъ своей жизни одну длинную и отвратительную комедію, въ которой погибло множество честныхъ и даровитыхъ личностей, опутанныхъ мелкою тиною гнилаго болота, отецъ вдругъ очутился одинъ посреди шумной столицы лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, — съ жизнью безроднаго нищаго.

Мужикъ по рожденію, полуобразованный, не знающій жизни, забытый пошлыми пріятелями, онъ въ недоумѣніи размышлялъ, за что приняться. Долго размышлять не было времени, приходилось заработывать деньги на хлѣбъ. На первыхъ порахъ онъ переписывалъ ноты, исполнялъ всевозможныя порученія, бѣгалъ за ничтожную плату изъ одного конца города въ другой, истощалъ всѣ силы, чтобы зашибить копѣйку и не умереть голодной смертью гдѣ нибудь подъ заборомъ. Натерпѣлся онъ мукъ отъ людей! Надо было имѣть много душевныхъ силъ и малороссійскаго упрямства, чтобы перешибить обухъ плетью, пробить стѣну лбомъ и не погибнуть нравственно. Отецъ пережилъ все, не погибъ и черезъ два года опредѣлился на службу.

Отецъ, брошенный судьбою въ одинъ изъ омутовъ нашей прошедшей жизни, былъ закруженъ водоворотомъ и не имѣлъ ни силъ, ни желанія задать себѣ вопросы: хороша ли эта жизнь? нѣтъ ли лучшей? Кругомъ него всѣ жили этою шумною, беспутною жизнью, весело послѣ пятаго стакана пунша лились увѣренія въ дружбѣ, въ любви, громко звучали беззастѣнчивые поцалуи; въ немъ кипѣла молодая, неуходившаяся кровь, — объ чемъ же было тутъ думать? чего желать? Онъ даже не понималъ, что не груба, а именно эта разгульная забубенность разрушала

его малороссійскую натуру, требовавшую покойнаго и тихаго душевнаго счастья и готовую переносить всѣ физическія труды и невзгоды. И вотъ теперь, вдругъ онъ оглянулъ омутъ протрезвленными глазами: омутъ сталъ противенъ. Умъ началъ работать, заставилъ разглядѣть людей, вывести обо всемъ свои заключенія и наконецъ, стряхнувъ грязь и болотную тину съ человѣческой личности, показалъ ее во всей ея природной красотѣ. Въ молодомъ человѣкѣ воскресъ ребенокъ-малороссъ, но ребенокъ съ твердою волею, съ могучими руками.

Люди, знавшіе отца прежде, не узнавали его по прошествіи роковыхъ двухъ лѣтъ. Онъ былъ лысъ и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ тверже прежняго; поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги. «Я иду по законной правой сторонѣ и не обязанъ сторониться, если встрѣчный вздумаетъ идти по лѣвой», говаривалъ отецъ. Вы, вѣроятно, часто видѣли и сами разыгрывали ту уморительную уличную сцену, когда два встрѣтившіеся человѣка толкаются то въ ту, то въ другую сторону, извиняются, краснѣютъ и снова сталкиваются носъ съ носомъ, проклиная въ душѣ другъ друга и снова извиняясь. Этихъ-то сценъ и не бывало съ отцомъ; онъ столбомъ останавливался передъ налетѣвшимъ на него человѣкомъ и говорилъ: «а не возьмете ли вы вправо?» Казалось, что, говоря съ человѣкомъ, онъ думалъ: «что бы ты мнѣ ни говорилъ, я тебѣ не повѣрю: слова—вѣтеръ. Покажи мнѣ своими дѣлами, что ты за птица, и можетъ быть, я стану тебя уважать. Теперь же ты иди своимъ путемъ; мы чужіе, ты *мнѣ* ненуженъ». И точно, люди съ своимъ бездѣльнымъ добромъ и безсознательнымъ зломъ были ему ненужны. Благодѣяній онъ не просилъ, злобы не боялся: онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепелъ и превращаетъ гибкое желѣзо въ твердую сталь, отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его проницательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывавшей имъ ихъ мелочность, подлость и пошлость. «Звѣрь!» говорили они, встрѣчая отца, и какъ-то мизерно съежившись, уступали ему дорогу.

Но, Боже мой, какое наивное, какое добродушное дитя въ

душѣ былъ этотъ звѣрь! Мнѣ кажется, только въ мужикахъ и въ малороссахъ могутъ соединяться эта упорная сила, мужественная смѣлость и наружная суровость съ наивнымъ добродушіемъ, младенческимъ простосердечіемъ и дѣтски лукавою веселостью, не убиваемою ни годами, ни страданіями, ни «мертвыми домами»...

Часто гляжу я на твой портретъ, мой старый батько, и на портреты твоихъ угрюмыхъ усачей-земляковъ, и грустно мнѣ, что ни одинъ художникъ не уловилъ въ ихнихъ суровыхъ лицахъ того внутренняго свѣта, который видятъ въ нихъ даже малыя дѣти. Что дѣти видятъ его, это я знаю навѣрное. Иначе чѣмъ же объяснить ту довѣрчивость, съ которою сбѣгались къ тебѣ, батько, всякіе ребятишки? И лазили они по тебѣ, и тормошили остатки твоихъ лосинстыхъ волосъ, и тащили тебя на полъ. Осилятъ бывало тебя, неосиленнаго большими, и звонко, звонко хохочутъ... Громче всѣхъ смѣешься ты самъ, большое дитя, вылѣзая изъ подъ кучи навалившихся на тебя ребятъ, и твердишь имъ: не всѣ же вдругъ, не всѣ же вдругъ! Я знаю, что, глядя на эти сцены, благочестивыя черносалопницы, кормившія своихъ и чужихъ дѣтей пинками и подзатыльниками, набожно крестились и шептали: «вотъ,—нà вѣтеръ будь сказано,—разыгрался чортъ съ младенцами, не къ добру»... Ты чуялъ этотъ шепотъ и мало-по-малу черносалопницы исчезли изъ нашего дома. Но чуешь ли ты, что теперь, читая эти строки, написанныя твоимъ сыномъ, сотни будто бы умныхъ, будто бы развитыхъ людей, въ сущности такихъ же жалующихся на судьбу и праздныхъ черносалопницъ, осмѣютъ тебя, назовутъ эти сцены приторными, а тебя юродствующимъ старикомъ? «А пусть ихъ на здоровье брешутъ», слышится мнѣ твой отвѣтъ и твердо опускаетъ твоя могучая рука тяжелый молотъ, расплющивая круглый кусокъ мѣди въ тоненькую пластинку. Вижу я тебя работающимъ на пожарѣ, поднимающимъ съ улицы пьянаго мужика, отдающимъ послѣднюю копѣйку просящему нищему, хотя этихъ копѣекъ немного у твоей семьи. «Я ихъ заработаю», оправдываешься ты передъ семьей. Часто тебя обманывали; часто говорили тебѣ близкіе люди, что надо быть разборчивѣе и не давать денегъ каждому просящему.

— Что тутъ разбирать! Проситъ — значитъ деньги нужны.

— Можетъ быть, на вино.

— Можетъ быть, лаконически отвѣчалъ ты.

Наша семья знала, тѣмъ объяснить этотъ странный взглядъ на благотворительность. Во время отставки, отецъ почти два мѣсяца пилъ, и только сила желѣзной воли могла побѣдить эту страсть. «Вино иному нужнѣе хлѣба, объяснялъ отецъ: — сдѣлайте такъ, чтобы оно стало не нужно, и тогда, пожалуй, не давайте денегъ на него». Такихъ характеристическихъ случаевъ, какъ пьянство, было много въ жизни отца; они образовали его взгляды на жизнь и на людей. Всѣ его убѣжденія сложились подъ вліяніемъ дѣйствительности, изъ книгъ онъ не почерпнулъ ничего; забавлялся иногда чтеніемъ переводныхъ англійскихъ романовъ, но читалъ съ толкомъ и любовью только басни Крылова. Воспоминаній онъ не любилъ ни горестныхъ, ни отрадныхъ. «Дѣлать людямъ нечего, такъ они и перетряхаютъ ветошь», рѣшилъ онъ и жилъ настоящимъ.

Вотъ вся исторія моего отца.

Васъ, читатель, можетъ быть, удивитъ эта личность и вы назовете ее исключительною. Вы будете неправы. Вы могли не замѣтить этого типа, потому что вы ничего не замѣчали, что само не кричало о себѣ. Прочитайте снова большую часть любимыхъ, написанныхъ и прочитанныхъ вами, второстепенныхъ разсказовъ съ сытыми героями-помѣщиками, которымъ и хлѣбъ, и деньги валились съ неба, а не добывались трудомъ. Что вы подмѣтили въ этихъ герояхъ? Почему избрали въ герои именно ихъ, составляющихъ меньшинство нашего общества? Не потому ли, что они приносили великую пользу, вели впередъ наше общество? Нѣтъ, тѣхъ, которые вели общество впередъ, вы не описывали, часто по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ, чаще же потому, что они не подъ ростъ вамъ были. Этихъ же сытыхъ господъ вы описывали потому, что они сами кричали о себѣ; вы же просто писали подъ ихъ диктовку и не думали порыться въ ихъ душонкахъ. А молчаливые, полные испытанныхъ силъ, простые люди дѣла жили и умирали, не замѣченные почти никѣмъ; надъ ними развѣ только иногда глумились въ литературѣ, по поводу ихъ невзрачной одежды и неловкихъ манеръ, да толкали ихъ въ обществѣ за ихъ нечиновность. Теперь эти пошлыя отношенія приходятъ къ концу, но только приходятъ, не пришли. Между тѣмъ, эти люди были — сила. Силѣ нужна работа. Если находилась честная работа — сила шла на пользу, если нѣтъ — сила ужасала васъ, чистенькихъ и гладенькихъ, грязными, беззаконными и часто злодѣй-

скими дѣлами. Когда проходилъ вашъ ужасъ, вы старались объяснить эти явленія, и тогда-то проявлялась во всемъ блескѣ ваша недальновидность. Вы рядили силу въ тотъ же плащъ будто бы демоническихъ страстей, въ которомъ драпировались передъ вами ваши любимые крикуны. Ясно, что вы ея не понимали...

Но пора мнѣ сказать, какое мѣсто получилъ отецъ. Ему нужно было получать опредѣленное ежемѣсячное жалованье и имѣть побольше свободныхъ дней, чтобы порѣже имѣть удовольствіе быть подъ началомъ. Къ чиновничеству онъ чувствовалъ антипатію; некоронную службу со своимъ практическимъ умомъ онъ считалъ ненадежной. Если бы отецъ зналъ какое нибудь ремесло, онъ совсѣмъ не сталъ бы служить, но ремеслу нужно было учиться и на это требовалось время и денежное обезпеченіе. Отецъ поступилъ придворнымъ служителемъ... Тутъ-то я и сконфузился!

Въ какой азартъ пришли бы ветхіе люди отъ этого извѣстія! Знакомство съ сыномъ лакея! Лакей-холопъ! Онъ, можетъ быть, даже въ настоящую минуту дрогнетъ на козлахъ, слушаетъ площадныя остроты кучеровъ, дожидаясь барыню, весело болтающую въ залѣ ветхихъ людей, и вдругъ въ ту же залу безцеремонно входитъ его сынъ, пожимаетъ руки гостямъ и хозяевамъ и начинаетъ разсказывать длинную предлинную исторію жизни своего отца и своего дѣтства! Но не пугайтесь, я разскажу вамъ за это исторію моей бабушки; она родная—вы понимаете?—дочь князя Тресково-Обухова, а родъ его происходитъ изъ мрака татарскихъ ордъ, когда-то терзавшихъ Россію. Sic transit gloria mundi!

III.

ЖИЗНЬ МОЕЙ БАБУШКИ.

Въ вѣкъ Екатерины и никакъ не ближе,
Началось въ Россіи...

Въ 1786 году у княгини Тресково-Обуховой родился десятый ребенокъ, четвертая дочь. Плодовита была прабабушка! Княжна Елизавета родилась въ сорочкѣ; крестнымъ отцомъ ея было какое-то высокопоставленное лицо; на третьемъ году у нея стали безъ помощи папильотокъ виться волосы и черные большіе

глаза начали немного косить. (Эта легкая косота досталась по наслѣдству и моей матери, а потомъ перешла и ко мнѣ. Другаго наслѣдства бабушка намъ не оставила). Признаки несомнѣннаго счастья и безнадежность имѣть еще законныхъ дѣтей, такъ какъ князь супругъ умеръ, заставили княгиню-мать любить меньшую дочь болѣе другихъ дѣтей. Дѣвочку баловали, любимые ея слуги блаженствовали блаженствомъ крѣпостныхъ людей стараго времени, непрaвившіеся ей не смѣли появляться въ барскихъ покояхъ. Такъ прошло около семи лѣтъ. По прошествіи ихъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, княгиня мать поужинала и умерла, заказывая крѣпостному повару обѣдъ на слѣдующій день. Распоряженій относительно будущности семейства, кромѣ заказаннаго обѣда, не осталось никакихъ. Княгиня жила, какъ всѣ русскія княгини, не считая доходовъ и расходовъ и помня одну пословицу: noblesse oblige, гласящую въ вольномъ русскомъ переводѣ: большому кораблю большое и плаваніе. Широко голубушка плавала! Десять человѣкъ наслѣдниковъ остались почти ни при чемъ. Шестеро уже взрослыхъ сыновей раздѣляли наслѣдственныя крохи довольно странно: сначала поругались, потомъ дѣло дошло до рукопашной схватки и наконецъ дѣлежъ окончился тѣмъ, что княжескій домъ былъ буквально разобранъ по кирпичу, и каждый братъ взялъ свою долю мусора. Этотъ дѣлежъ долго занималъ петербургскихъ сплетницъ и, я думаю, многія восмидесятилѣтнія старухи до сихъ поръ помнятъ слышанные ими въ дѣтствѣ разсказы о дѣлежѣ князей Тресково-Обуховыхъ. Княжнамъ пришлось пріютиться у родственниковъ.

Княжна Елизавета попала въ домъ къ двоюродному брату покойной матери, къ бывшей знаменитости того времени, вельможѣ NN. Жизни въ его богатомъ домѣ не было. Вельможа былъ вдовъ, считалъ себя обиженнымъ, собирался на житье въ Москву, но не могъ разстаться съ Петербургомъ и хандрилъ. То вдругъ затворялся онъ въ своихъ хоромахъ и не принималъ никого, то вдругъ задавалъ блестящій пиръ, дѣлалъ балъ и веселился на перекоръ себѣ, желая поддразнить тѣхъ, кѣмъ, по его мнѣнію, онъ былъ обиженъ, желая показать имъ, что его не тревожитъ обида. Дней съ пять послѣ бала онъ волновался и спрашивалъ у всѣхъ: «Не изволили ли упоминать объ моемъ балѣ и въ какомъ смыслѣ разсужденіе обо мнѣ имѣли?» Отвѣтъ получался одинъ: не говорили! Опять хандра, опять затворянье дверей, хожденье слугъ на цыпочкахъ, шепотня во всемъ домѣ

и черезъ мѣсяцъ новый балъ, новые разспросы... Такой-то домъ сдѣлался пріютомъ княжны. Она пользовалась полною свободою просыпаться утромъ, одѣваться въ великолѣпные наряды, ходить до упада по комнатамъ, говорить по французски, по русски и по англійски, ѣсть и пить, сердиться на горничныхъ, смѣнять ихъ, глядѣть на стѣны роскошныхъ палатъ, зѣвать до судорогъ и вечеромъ ложиться на мягкую постель подъ штофное одѣяло; вотъ всѣ прутики бѣличьяго колеса, по которымъ приходилось ей бѣгать, вертѣться и снова возвращаться отъ послѣдняго прутика къ первому, чтобы начать поутру ту же работу. Людей она не видала. На балахъ дяди видѣла пресмыкающихся, облитыхъ золотомъ, обшитыхъ кружевомъ; они приходили въ восторгъ отъ ея танцевъ съ шалью, кропали по этому поводу стишонки; но и восторгъ, и стишонки относились къ дядѣ воспитателю, а не къ ней самой; ея не замѣчали, какъ невыгодную невѣсту. Новые, лучшіе люди, занятые дѣломъ, не посѣщали этихъ баловъ и давно называли вельможу старымъ сумасбродомъ. Въ будни, княжна видѣла пресмыкающихся въ ливреяхъ, боявшихся любимицы-племянницы и знавшихъ, что первая жалоба вызоветъ грозу, отъ которой долго будутъ дрожать стекла въ богатыхъ хоромахъ. Княжна часто слышала отвратительную, гнусную, выработанную холопствомъ поговорку: мы должны ваши ножки мыть и эту воду пить... и ей стали противны эти жалкіе холопы. Съ тоской глядѣла она на длинный рядъ блистающихъ холоднымъ блескомъ комнатъ, на мертвенно покорныя лица слугъ, на мрачные портреты своихъ предковъ и родственниковъ, глядѣвшихъ на нее безпощадно строгими взорами. По цѣлымъ часамъ станвала она передъ этими портретами и какъ будто старалась допросить ихъ: неужели и вы такъ жили? неужели такими должны быть люди и жизнь? Предки молчали и съ устъ княжны срывались горячіе упреки и предкамъ, и судьбѣ. Ея вопросы не были слѣдствіемъ праздности и скуки. Нѣтъ, у нея была страстная, жаждавшая жизни натура. Я видѣлъ портретъ, писанный съ нея въ 1802 году, и онъ всегда пробуждалъ во мнѣ страшное, горькое чувство. Она изображена на немъ въ простомъ русскомъ нарядѣ, съ веретеномъ въ рукѣ, среди небогатой крестьянской избы. (Обстановка была одною изъ прихотей вельможи). Гладко причесаны ея черные, какъ вороново крыло, волосы, гордо приподнята верхняя губа, глаза немного сощурены, лѣвая ея рука облокотилась на столъ и под-

держиваетъ голову, правая опущена по сарафану и готова выронить веретено. Тутъ съ одной стороны чудесная красота, властительная гордость и богатство, проглядывающее въ жемчужной повязкѣ, съ другой стороны крестьянскій нарядъ, бѣдная изба и выраженіе мучительной тоски. Когда я переставалъ смотрѣть на этотъ портретъ, то въ моемъ воображеніи исчезало все и оставалось въ душѣ только одно выраженіе мучительной, безпредѣльной, безпощадной тоски. Такія женщины рѣдко покоряются гнетущимъ обстоятельствамъ и часто рвутъ путы, навязанные на нихъ обществомъ, а страдаютъ онѣ всегда. Судьба сжалилась, или лучше сказать, жестоко насмѣялась надъ княжной: показала ей и жизнь, и людей.

Вельможа въ молодости посѣщалъ Англію, и въ ней болѣе всего потѣшалъ его шипящій, свистящій и отрывистый говоръ англичанъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы племянница знала англійскій языкъ, и нанялъ ей гувернанку миссъ Скимполь, женщину незамѣчательную и очень ограниченную. Она прожила, держась прямо и вѣя морозомъ, восемь лѣтъ въ домѣ вельможи и уѣхала въ Англію. На ея мѣсто поступила миссъ Друри. Прекрасная собою и умная, миссъ Друри рѣзко отличалась отъ миссъ Скимполь и отъ толпы холоповъ. Она съ ранней молодости посвятила себя на пользу своего семейства. Она работала — чтобы оно могло отдыхать, она отказывала себѣ во всемъ — чтобы оно наслаждалось, она подавила въ себѣ вспышки страсти, — чтобы ея братья и сестры узнали всю сладость любви. Въ этомъ самоотверженіи для семьи была великая поэзія, но она была неизвѣстна постороннимъ людямъ. Миссъ была умна и не желала осквернять поэзіи, составлявшей все счастіе ея жизни, пошлымъ удивленіемъ пошлой толпы.

Въ лицѣ миссъ Друри княжна увидѣла первую человѣческую личность. Эта личность смотрѣла на людей прямо, не нагибаясь передъ ними до земли и не становясь на саженныя ходули. Сначала она показалась княжнѣ деревяшкой, потомъ просто чудачкою, наконецъ воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, искомымъ идеаломъ. У каждаго человѣка есть чувствительная струна; стоитъ до нея дотронуться, и вы услышите, какія мелодіи способенъ издавать этотъ человѣкъ. Чувствительною струной миссъ были ея родные. Стоило княжнѣ заговорить о нихъ, и англичанка оживлялась, дѣлалась мягче, нѣжнѣе. Она краснорѣчиво описывала бытъ своего семейства, наружность, характеры и занятія

его членовъ. Былъ тутъ и отецъ старикъ, читающій торжественнымъ голосомъ библію въ воскресный вечеръ среди мирной семьи, и молоденькія, болтливыя сестры, шепотомъ передающія другъ другу свои невинные дѣвичьи секреты, и братъ красавецъ и умникъ, надежда и гордость родныхъ. Въ воображеніи княжны нарисовалась картина другой, непохожей на нашу, жизни, тихой, свободной, полной святаго мира и торжественно строгой тишины; эта торжественная тишина дѣйствовала на воображеніе дѣвушки такъ, какъ дѣйствуетъ строгая простота немного темныхъ, старыхъ протестантскихъ церквей на путешественника, только что оставившаго Римъ и его театральныя богослуженія, апостола Петра съ стразовымъ перстнемъ на пальцѣ и шелковою тканью на мѣдныхъ плечахъ. Княжнѣ сильно хотѣлось взглянуть на семью миссъ. Однажды пришло изъ Англіи письмо, извѣщавшее миссъ Друри, что ея братъ ѣдетъ на житье въ Петербургъ по дѣламъ торговаго дома гг. Споршилъ и компанія. Семнадцатилѣтняя княжна обрадовалась извѣстію и нетерпѣливо ждала пріѣзда мистера Друри. — Дождалась.

Молодой англичанинъ, еще не превратившійся въ счетную книгу, что иногда дѣлается съ англичанами на тридцатомъ году ихъ жизни, и не зараженный сплиномъ, что дѣлается съ ними во всѣ возрасты при первомъ удобномъ случаѣ, превзошелъ всѣ ожиданія княжны и завоевалъ ея сердце. Оба были молоды, умны, хороши собою, жаждали счастья, — какъ же при такихъ условіяхъ не полюбить другъ друга? Полюбили. Видѣлись въ комнатѣ миссъ почти ежедневно, просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, мистеръ Друри даже забылъ на время о гг. Споршиляхъ и компаніи. Дядя княжны не зналъ о свиданіяхъ молодыхъ людей; но если бы и зналъ, то не обратилъ бы большаго вниманія на какого нибудь иностранца-купчишку. А нужно было обратить вниманіе! Купчишка вздумалъ просить руку княжны. За предложеніемъ послѣдовало изгнаніе жениха и его сестры, за изгнаніемъ послѣдовалъ побѣгъ княжны и совершилась тайная ея свадьба съ мистеромъ Друри.

Свадьбу устроилъ ухарь-братъ княжны. Она надѣлала много толковъ въ Петербугѣ, который нѣсколько дней слушалъ варіаціи на тему: неровный бракъ. Потомъ какой-то геніальный, но непризнанный композиторъ петербургскихъ толковъ пустилъ въ свѣтъ новыя варіаціи совсѣмъ на другую тему, и неровный бракъ и княжна забылись всѣми. Только дядя вельможа, давнымъ дав-

до заноемъ хандрившій и не дававшій баловъ, потому что умерли и тѣ, кого онъ думалъ сердить и дразнить своею веселостью, проклялъ теперь свою племянницу и ускакалъ въ Москву, тогдашній притонъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Объ немъ даже и не толковали. Проклятая племянница зажила тихой семейной жизнью наслаждаясь прелестью медоваго мѣсяца. Какое счастье жить тихой семейной ж[illegible]юбить и быть любимой! Наслаждается любящая пара этим[illegible] не замѣчаетъ ничего, что дѣлается кругомъ: вооружа[illegible]ли противъ нея комками грязи, сплетаютъ ли они, какъ тонкое кружево, запутанную сѣть затѣйливо узорныхъ сплетенъ, собирается ли на темнѣющемъ небѣ грозная, неотразимая туча. Такого счастья дождалась и княжна. Счастливица!... Но вотъ вопросъ: довольно ли человѣку, если въ продолженіи шестидесяти лѣтъ онъ насладится двумя мѣсяцами подобнаго счастья? Можно ли будетъ написать на его надгробной плитѣ: здѣсь покоится прахъ счастливаго человѣка? Не будетъ ли эта надпись безпощадно злою и страшно ѣдкою ироніей? Если нѣтъ, то пишите смѣло на могильномъ крестѣ каждаго умершаго голодной смертью нищаго: здѣсь покоится прахъ сытаго человѣка.

Мистеръ Друри былъ небогатъ, и потому новобрачнымъ пришлось вести скромную жизнь. Бабушка ничего не смыслила въ хозяйствѣ и не могла быть помощницею мужу. Привычки и [illegible]кого круга, гдѣ воспитывалась княжна, дѣлали его чле[illegible]особными, лишними и вредными, какъ только имъ при[illegible]ступить въ другую сферу жизни. Они умѣли расточать и [illegible] умѣли наживать. Молодая чета скоро почувствовала недостатки.

— Бетси, милая Бетси, надо быть экономнѣе, говорилъ мистеръ Друри своей супругѣ.

— Не жить же намъ, Джонъ, по мѣщански! отвѣчала Бетси.

— Отчего же не жить такъ, если нельзя иначе?

— Ты знаешь, что я не привыкла такъ жить.

— Но ты знаешь, что я не имѣю средствъ для болѣе широкой жизни.

— Джонъ, ты меня разлюбилъ! выводила изъ этого разговора свое заключеніе Бетси и начинала плакать. Болотное или, если хотите, тепличное воспитаніе приносило свои плоды.

Мнѣ хотѣлось бы говорить о счастьи бабушки, описать его радужными красками, но я далъ себѣ слово ничего не выдумы-

нить. Обыкновенно единственнымъ источникомъ доходовъ барыни бываютъ деньги богатыхъ родственниковъ-аристократовъ, осаждаемыхъ письмами бѣдной тетушки или троюродной бабушки. Ея прошлаго никто не знаетъ. Зачѣмъ и почему вышла она изъ своего круга и обнищала? почему—прапорщица Митькина,— она подписывается и величается всѣми княжной Дружиной-Суздальской или графиней Шемакиной?—все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ жизни старушки былъ какой-то любовный романъ съ скандальною завязкой, но она старается не вспоминать о немъ, какъ объ глупомъ и необдуманномъ поступкѣ. Когда-то давно, молодость, истинное чувство, кипучая страсть изорвали въ клочья и затоптали въ грязь пеленки, въ которыя пеленаютъ людей сословные предразсудки;—но молодость прошла и унесла порывы чувства, а на мѣсто ихъ, въ очерствѣломъ сердцѣ проснулись и закопошились сожалѣнія о мишурномъ блескѣ. И вотъ старушка заботливо собираетъ клочья ею же разованныхъ пеленокъ, сшиваетъ ихъ невѣрною дрожащею рукою и силится увѣрить всѣхъ людей, весь міръ, что пеленки цѣльныя, а не сшитыя. Люди въ сомнѣніи качаютъ головами, но за давностью не помнятъ событій ея жизни и не могутъ указать на истину. За то личность старушки извѣстна всѣмъ въ городѣ, и босоногимъ уличнымъ мальчишкамъ, показывающимъ ей языкъ, и высшимъ городскимъ властямъ, на которыхъ барыня сердита за ихъ непочтительность къ ней. Весь городъ знаетъ ея бархатный салопъ, подбитый мѣхомъ, не то песцовымъ, не то волчьимъ, ея шляпку допотопнаго покроя съ обдерганными перьями, непремѣнно съ перьями, ея морщинистое лицо, большею частью нарумяненное и набѣленное (это не признакъ кокетства, но во время ея молодости бѣлились всѣ княгини). Вообще вся ея одежда носитъ печать того покроя, который былъ въ модѣ во дни ея разцвѣтанія; она является какой-то нетлѣнной муміей, перенесенной въ пеструю толпу ликующихъ людей и модныхъ одѣяній; сѣроватою, ветхою картинкою модъ прошлаго столѣтія, случайно попавшею въ блистающія бѣлизною страницы моднаго журнала за послѣдній годъ. Всѣ знаютъ ея отощавшаго лакея въ порыжѣвшей ливреѣ съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ и въ громадной, треугольной, взъерошенной шляпѣ; потупивъ голову, выступаетъ онъ за барыней и коco глядитъ на насмѣшливыя лица молодыхъ лакеевъ-зубоскаловъ... Неодолимою грустью вѣетъ отъ этихъ покойниковъ... Этотъ типъ барыни не-

важенъ самъ по себѣ, какъ отжившій свой вѣкъ и мало по малу зарывающійся въ могилу, но важно то, что и эти женщины были матерями законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, воспитанныхъ въ аристократическихъ преданіяхъ, плохо образованныхъ и озлобленныхъ бѣдностью. Эти дѣти играли и отчасти еще играютъ видную роль въ нашемъ обществѣ. Моя бабушка совершала жизненный путь при тѣхъ условіяхъ, какія образуютъ сейчасъ описанный типъ; стоило ей немного состарѣться и начать румяниться, — она сдѣлалась бы вполнѣ его представительницею. Читатель догадается, чѣмъ могъ сдѣлаться дядя подъ вліяніемъ бабушки.

Бабушка долго горевала по мужѣ; являлись къ ней утѣшители, но она ихъ выгнала вонъ. Бабушка осталась вѣрна первой своей любви, хотя и подписывалась на письмахъ княжной Тресково-Обуховой, даже забывая поставить слово: урожденная. Чтобы не умереть съ голода, она обратилась къ братьямъ, давно дослужившимся до значительныхъ чиновъ; князьямъ въ тѣ времена чины шли скоро, и бабушка показывала мнѣ одного старичка-князя, который на восемнадцатомъ году имѣлъ двѣ иностранныхъ звѣзды; это ему папаша выхлопоталъ. Братья хладнокровно прочли трогательныя просьбы—письма сестры, однако въ помощи ей не отказали, не желая видѣть нищею одну изъ княженъ Тресково-Обуховыхъ: каждый братъ назначилъ ей по 25 рублей ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. На эти деньги въ то время можно было жить сносно, но бабушка не умѣла разсчитывать. Ея жизнь была длиннымъ рядомъ роскошныхъ обѣдовъ и голодныхъ дней, шитья богатыхъ нарядовъ и закладыванья ихъ въ частныя руки, гдѣ наряды и пропадали. Дѣти ея подросли, и настало время ихъ образованья. Она рѣшилась воспитывать ихъ дома. Для нѣкоторыхъ предметовъ наняла учителей, другіе преподавала сама. Что же она знала? Французскій и англійскій языки, танцовать и плохо писать по русски: исписанная ею бумага походила на листъ, по которому въ продолженіи цѣлаго лѣта ходили мухи. Этимъ же премудростямъ научились и дѣти. Учитель, взятый для сына бабушки, не могъ справиться съ мальчикомъ. Ребенокъ былъ горячъ и гордъ. Одно строгое слово, сказанное ему, ожесточало его, а вмѣстѣ съ нимъ и бабушку; затѣмъ слѣдовало изгнаніе учителя. И то сказать, хороши тогда были и учителя! нужно было имѣть очень здоровый желудокъ, чтобы переварить ихъ науку и обращеніе. Смѣна учителя продол-

жалась до тѣхъ поръ, пока дядя не вытолкалъ собственными своими ручками одного семинариста. «Довольно мнѣ учиться, объявилъ онъ, я знаю больше, чѣмъ всѣ эти поповичи вмѣстѣ». Бабушка подумала, подумала и рѣшила, что вѣрно оно такъ и есть, какъ говоритъ Пьеръ. Пьеръ получилъ позволеніе отдыхать отъ утомительныхъ трудовъ и ждать, когда пріѣдетъ князь Василій, старшій братъ бабушки, отъ котораго ожидали протекціи и мѣста.

Во время изгнанія послѣдняго учителя, дядѣ Петру было 19 лѣтъ. Кумиръ бабушки — она думала черезъ него снова попасть въ аристократическій кругъ—избалованный до нельзя, дядя поражалъ каждаго человѣка нѣжною красотою своего лица, ловкостью и кошачей гибкостью тѣла, гордымъ и блестящимъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣньемъ говорить. Его рѣчи то восхищали васъ поэтическою строкою изъ послѣдняго стихотворенья, пропущеннаго вами безъ вниманія гдѣ нибудь въ альманахѣ, то поражали мѣткою остротою, не дядей выдуманною, но которою онъ умѣлъ ловко воспользоваться, то сверкали, какъ мелкія брызги каскада, то смущали немногословнымъ рѣзкимъ приговоромъ. Такая разговорная гимнастика, какъ она ни пуста, важна для нашихъ изнывающихъ отъ скуки гостиныхъ; хозяевъ она спасаетъ отъ головоломной заботы занимать гостей, гостей — отъ неприличной судорожной зѣвоты. Хозяева и гости дорожатъ плясунами на фразахъ. Они дорожили и дядею. Онъ ѣздилъ по баламъ, по театрамъ, и для полнаго его счастья недоставало только гвардейскаго мундира. У насъ юноши весьма часто попадаютъ въ кружки болѣе значительные, чѣмъ тотъ кругъ, къ которому они принадлежатъ. Когда одинъ изъ нихъ первый разъ появляется на пирушкѣ людей высшаго полета, то друзья хозяина обыкновенно спрашиваютъ у него вполголоса: кто сей юный? «Да чортъ его знаетъ, въ театрѣ познакомились, кажется, не тупица, а впрочемъ, можетъ быть, и пустой малый!» Разговоръ тѣмъ и кончается, и юноша до поры до времени считаетъ себя пріятелемъ важныхъ по рожденію господъ, и поступивъ на службу, имѣетъ удовольствіе видѣть, какъ эти господа начинаютъ не узнавать его, одѣтаго въ печальный костюмъ рыцаря чернильницы. Этихъ юношей можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ юноши пролазы, обращающіеся изъ пріятелей важныхъ господъ въ ихъ агентовъ, разсыльныхъ и лакеевъ; ко второму разряду относятся юноши, обманывающіеся на счетъ

своего настоящаго положенія въ свѣтѣ; они или дѣлаются врагами прежнихъ пріятелей или, разлученные съ ними во-время перемѣною мѣстопребыванія, считаютъ ихъ до гроба не только пріятелями, но и друзьями. Первые гадки, вторые жалки. Дядя принадлежалъ ко вторымъ, онъ познакомился съ молодежью, составлявшею цвѣтъ тогдашняго петербургскаго общества. Умная молодежь видѣла въ немъ только заносчивую рѣзкость и не спѣшила сойтись съ нимъ, отвѣчая на его поклоны поклонами и перебрасываясь съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами; она оставляла его, вмѣстѣ съ толпою ему подобныхъ людей, въ хвостѣ своего кружка. Дядя зналъ, что дѣлалось на пирушкахъ молодежи; но не зналъ, что говорилось въ ея кабинетахъ. Имена этихъ людей были громки, и дядя сталъ увѣрять себя, что онъ ихъ другъ. Глупо-гордые люди имѣютъ несчастную способность обманывать самихъ себя, приписывая себѣ небывалое значеніе, и начинаютъ зазнаваться, поднимать носъ, а это подниманье носа составляетъ истинное несчастье ихъ жизни въ минуту паденья.

Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ князь Василій и первымъ долгомъ счёлъ поговорить съ бабушкой объ опредѣленіи ея сына. Князь предлагалъ мѣсто по статской, дядя бредилъ военной службой. Переговоры и споры длились долго и кончились ничѣмъ. Планы дяди улыбались бабушкѣ. Она уже давно скучала объ аристократическомъ обществѣ, теперь передъ нею мелькнула надежда, хотя со временемъ, войти черезъ сына въ родной кругъ, и радовала ее дядина пѣсня: «Мои друзья похлопочутъ обо мнѣ, послужу нѣсколько мѣсяцевъ юнкеромъ въ гвардіи, а потомъ надѣну эполеты и наконецъ-то сброшу съ себя это проклятое мѣщанское званье...» Катастрофа 14-го декабря разрушила безумные планы; въ слѣдующемъ году дядя уже не могъ найти ни одного изъ своихъ друзей. Пришлось опять обратиться къ князю съ просьбою о мѣстѣ.

— Высѣчь бы нужно прежде твоего сына, сказалъ князь:—а потомъ дать ему мѣсто.

— Ну, сѣчь-то его мое дѣло, а вы, князь, похлопочите о мѣстѣ, отвѣчала бабушка.

Князь и не думалъ совсѣмъ о томъ, что говорилъ, но, видя противорѣчіе, уперся.

— Нѣтъ, ma soeur, прежде высѣку, а потомъ опредѣлю.

— Что съ вами, князь! Пьеръ не дитя, и кто же позволитъ вамъ его сѣчь? испуганнымъ голосомъ проговорила бабушка.

— Не дадутъ высѣчь, мѣста не дамъ!

— Богъ съ вами и съ вашимъ мѣстомъ, если такъ! почти плача, говорила бабушка.

— Мало того, что мѣста не дамъ, но и пенсію прекращу, и братьямъ закажу, чтобы не давали. И умирай тогда со своимъ тунеядцемъ голодной смертью. По міру пойдете, гроша не брошу! уже не говорилъ, но гремѣлъ князь. Вспомнила бабушка разобранный по кирпичу наслѣдственный домъ и струсила. Она плакала, руки цаловала у брата, ничто не помогло.

Ну, и позволила она высѣчь дядю. Дался ли онъ? Дался! И больно, очень больно его высѣкли; но все же черезъ полгода онъ вышелъ въ отставку и болѣе не вступалъ въ службу. Напрасно только потѣшилъ князь свою душеньку.

Катастрофа, сѣченье и шесть мѣсяцевъ службы измѣнили многое въ характерѣ дяди. Прежде онъ либеральничалъ, поддѣлываясь подъ чужіе голоса, вычитывая изъ книжечекъ новыя идейки, любилъ положить на видное мѣсто въ своей комнатѣ запрещенную книжку и прочитать изъ нея своему пріятелю нѣсколько самыхъ рѣзкихъ страницъ; все это было незлобиво, зелено и наивно. Теперь онъ сталъ дѣйствительно желченъ, хворалъ отъ прилива желчи. Его, какъ человѣка, вышедшаго изъ юношескаго возраста, перестали принимать въ свой кругъ молодые князьки и офицерики; ихъ слугой и разсыльнымъ онъ не могъ сдѣлаться, онъ сдѣлался ихъ врагомъ и превозносилъ своихъ шапочныхъ знакомыхъ, пропавшихъ со свѣта, называя ихъ своими друзьями. Князьки и офицерики были въ самомъ дѣлѣ пусты, но не ихъ пустота вызывала брань дяди, онъ охотно покутилъ бы съ ними и выкинулъ бы какую нибудь ухарскую штуку въ обществѣ Алисъ и Матильдъ. У него не было рысаковъ,— онъ ругалъ тѣхъ, которые катаются на рысакахъ, хотя самъ съ удовольствіемъ соглашался промчаться по Невскому проспекту. Онъ не умѣлъ служить,—причина ругать крапивное сѣмя чиновниковъ; Богъ не сыпалъ ему съ неба денегъ и чиновъ,—онъ сдѣлался атеистомъ; его высѣкъ князь—онъ сталъ толковать о гнетѣ семьи и еще о другомъ гнетѣ... Вотъ источники его взглядовъ. Въ этихъ взглядахъ многое походило на убѣжденія мыслящихъ и честныхъ людей, но походило только по наружности; при нѣ-

которой способности фразировать, дядя успѣлъ-таки привлечь къ себѣ многихъ юныхъ поклонниковъ. «Вотъ ѣдетъ мой возлюбленный cousin, князь Григорій NN, говаривалъ дядя своимъ поклонникамъ, гуляя съ ними по Невскому проспекту». «Ты бываешь у него?» спрашивали поклонники». «Нѣтъ-съ, я съ этими жалкими людьми незнакомъ, они прогнили насквозь въ своихъ отсталыхъ понятіяхъ». И дядя разоблачалъ всю грязь князя Григорія NN. «Лучше гибнуть безъ помощи, чѣмъ принимать ее изъ такихъ рукъ», заключалъ ораторъ. Поклонники удивлялись ему и его честности. Князь же Григорій даже не зналъ о его существованіи и приходился ему не двоюроднымъ, а какимъ-то другимъ братомъ, былъ, что называется, десятая вода на киселѣ; по французски это выходило cousin. Сначала дядя и на гоненія напрашивался, послѣ же совершенно успокоился, купивъ по сходной цѣнѣ что-то въ родѣ вѣнца.... Какого? Не знаю.

Странное было то время! Посреди дѣйствительно честныхъ, жертвовавшихъ собою людей съ глубокими убѣжденіями, толкалось множество господъ, озлобленныхъ своею незначительностью, сердитыхъ на дождь, лившій сквозь щели ихъ собственнаго потолка. Они ругали дождь и не думали чинить щелей. Неопытная молодежь, не умѣя отличить фразъ отъ дѣла, слушала ихъ, восторгалась ими и часто, еще не зная жизни, озлоблялась, т. е. теряла необходимыя въ дѣлѣ жизни хладнокровіе и твердость. Врагамъ-старовѣрамъ эти болтуны давали орудіе противъ тѣхъ началъ, которымъ будто бы служили сами; враги видѣли ихъ внутреннюю пошлость, наводили ихъ на какое нибудь грязненькое дѣльце, ловили, какъ рыбу, на золотой крючекъ и потомъ указывали встрѣчному и поперечному. Вотъ каковы наши передовые! Вотъ они щелкоперы! хотя сами очень хорошо, лучше всѣхъ знали, что не эти шелкоперы были передовыми. Они были тормазами нашего прогресса, марали честное дѣло своею грязью. У нихъ были и достойные наслѣдники-ученики: это были поддѣльные Чацкіе, поддѣльные Печорины, поддѣланыя заѣденныя средою личности, и только одинъ безсмертный Александръ Ивановичъ Хлестаковъ былъ чистѣйшею, неподдѣльною натурою, хотя и воспитывался въ той же школѣ. У наслѣдниковъ-учениковъ не было даже и желчности ихъ учителей: она иногда появлялась на кончикѣ ихъ языка, но до бѣды не доводила, здоровья не разстраивала.

Но что же дѣлала въ это время моя мать?
Работала.

V.

ЖИЗНЬ МОЕЙ МАТЕРИ.

Мнѣ приходится теперь рисовать личность, передъ которою я всегда благоговѣлъ, личность хорошей русской женщины. Мнѣ до сихъ поръ не случалось встрѣтить вполнѣ хорошаго описанія хорошей русской женщины; одно страдало ходульностью, въ другомъ краски были слишкомъ густы и ярки, третье вмѣсто хорошей русской женщины описывало дѣву идеальную, существующую на Руси только въ пылкомъ воображеніи русскихъ писакъ. Я тоже не слишкомъ хорошо исполню свою задачу (о чемъ и заявляю впередъ), потому что задача мнѣ не подъ силу: сила-то у меня крохотная. Если бы меня спросили: какая отличительная черта хорошей русской женщины? я отвѣтилъ бы: *простота*, и попросилъ бы читать это слово такъ, какъ оно написано, и не смѣшивать его съ простоватостью, или простосердечіемъ, или простодушіемъ. На вопросъ: что дѣлала хорошая русская женщина въ то время, когда мужчина проповѣдывалъ, служилъ, билъ баклуши, создавалъ воздушные замки преобразованія людей и ругалъ настоящее положеніе дѣлъ? я отвѣтилъ бы *работала*. Мыслящіе люди поняли бы меня и пришли бы къ тѣмъ соображеніямъ и выводамъ, которые бѣгло выскажу я теперь людямъ немыслящимъ.

Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго русскаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется, съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своею проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ спасаетъ его отъ самовосхваленія; о своей честности онъ говоритъ съ гордостью, какъ будто честность есть заслуга, а не обязанность, — и этой черты нѣтъ въ женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишитъ себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ обязанностямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія

честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самой собой, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполнѣ честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изо ста девяноста девять отвѣтятъ: женщинѣ. Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она грудью отстаиваетъ въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озлобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней пустоты и разврата людей высшаго круга и за все это ее держутъ въ неволѣ, оскорбляютъ, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: кто виновникъ вашего паденія? Онѣ отвѣтятъ: мужчины, и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь выростить для себя хорошенькихъ и ловкихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающій романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны мужчиною; первая сѣть, сплетенная отъ бездѣлья, для развлеченія праздной скуки, была разставлена имъ опять тѣмъ же мужчиною; бросилъ ихъ онъ, а не онѣ его; первый комъ грязи пущенъ въ нихъ его же рукою. Онъ хвастнулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своею удачною интригой, и пошла женщина мыкаться по свѣту съ печатью развратницы, забросанная грязью такими же падшими женщинами, какъ она, которыхъ также воспиталъ, также погубилъ мужчина. А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страшнымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ названіемъ, которое заставляетъ прохожаго отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ покойницы, носившей его и утопившейся въ минуту безвыходной нищеты... И между тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская женщина! Пошелъ ли хоть одинъ мужчина въ ссылку за падшей женщиной? Вы не найдете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла полная святой любви, считавшая свои ласки, свои заботы необходимыми для мужа, и таилась въ ней тайная надежда, быть можетъ смутная для нея самой, спасти всеспасающею любовью отъ новыхъ преступленій однажды падшаго человѣка. Не удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленья этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ нибудь во глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшимости была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ предъ нею всѣ прославленныя дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и ѳиміамными куреніями...

Моя мать не вынесла всѣхъ страданій, выпадающихъ на долю многихъ хорошихъ русскихъ женщинъ, она не имѣла нужды идти за преступникомъ мужемъ въ Сибирь, но она носила всѣ признаки хорошей русской женщины, и потому я рѣшился подробно поговорить объ этомъ существѣ.

Матушка вынесла изъ уроковъ бабушки еще менѣе познаній, чѣмъ дядя. Почти постоянно одинокая, не слишкомъ любимая бабушкою, безъ причины оскорбляемая братомъ, она возилась съ своими куклами, шила имъ платья и вѣчно рылась въ лоскутьяхъ шолковыхъ матерій, полотна и коленкора, за что и получила отъ бабушки названіе лоскутницы. Маленькая лоскутница-мѣщанечка походила, какъ двѣ капли воды, на своего отца. Блѣдная, худенькая, съ голубыми жилками на вискахъ, она была миленькимъ и нѣжнымъ ребенкомъ. Находясь всегда дома, она чувствовала сильно недостатки въ дни безденежья и часто голодала въ то время, когда дядя рыскалъ по театрамъ и баламъ. Любя въ душѣ свою несчастную мать, она не любила ея расточительности. У нея родилась какая-то болѣзненная антипатія ко всякому внѣшнему блеску. Въ ея незрѣломъ еще дѣтскомъ умѣ со словомъ аристократы соединялось странное представленіе мотовства, бросанья денегъ на вѣтеръ и голодныхъ дней. Голодные дни и аристократизмъ! Какія несовмѣстимыя понятія! Впрочемъ, чего не придумаетъ и не соединитъ дѣтскій умъ. Она часто помогала своей нянѣ въ ея комнатныхъ работахъ, и бабушка сердилась. — «Не готовитесь ли вы, Софья Ивановна, въ горничныя?» спрашивала она иронически и отчасти строго. «Это я отъ скуки дѣлаю, мáма, да и няня такая старая, старая; она устала», отвѣчала матушка и, не обращая вниманія на насмѣшки брата, облегчала хлопотливые труды любимицы-старушки, крѣпостной няни, подаренной бабушкѣ однимъ изъ братьевъ. Однимъ изъ главныхъ наслажденій матушки было слушаніе сказокъ и пѣсенъ няни, передававшихся ребенку дребезжащимъ, старческимъ и монотонно баюкающимъ голосомъ, однимъ изъ лучшихъ утѣшеній была молитва.

Играя въ саду нанимаемаго бабушкою домика, матушка возбуждала зависть сосѣднихъ дѣтей нарядами своихъ куколъ. Дѣти разсказывали объ этихъ нарядахъ своимъ родителямъ, и нѣкоторые изъ родителей обратились къ матушкиной нянѣ съ вопросомъ: гдѣ покупаетъ ея барыня для куколъ своей дочери эти платья?

— Сонечка, хочешь достать денегъ? спросила однажды у матушки няня; она любила до безумія свою воспитанницу и хотѣла дать ей возможность заработать деньги, чтобы ребенокъ могъ купить хоть булку въ голодные дни.

— Гдѣ же, няня, ихъ достать? спросила дѣвочка.

— А ты сшей нѣсколько такихъ платьицъ, какъ у твоихъ куколокъ, я ихъ продамъ и тебѣ денегъ принесу на новыя куклы.

Ребенокъ захлопалъ въ ладоши и радостно принялся за работу. Платья были сшиты, деньги получены и вмѣстѣ съ ними полученъ заказъ новой работы. Десятилѣтняя дѣвочка, играя, начала заработывать деньги, которыхъ не умѣлъ пріобрѣтать никто изъ ея семьи. Нянька продавала готовыя платья и закупала матерьялъ для новыхъ работъ. Все это дѣлась тайкомъ отъ бабушки, и только случай открылъ ей тайну.

Разъ въ тяжелые дни безденежья, что случалось въ концѣ каждаго мѣсяца, бабушка рѣшительно не знала, что дѣлать; ѣсть было нечего, ни чаю, ни сахару, ни кофе не находилось въ домѣ, въ долгъ никто не давалъ. Бабушка исходила всюду, чтобы перехватить денегъ до перваго числа, и не достала ихъ нигдѣ. Утомленная, грустная возвратилась она домой, тяжело опустилась на диванъ и заплакала. Кажется, первый разъ въ жизни не оправдалась ея поговорка: Богъ дастъ, такъ и въ окно подастъ.

— Что съ тобой, мама? спросила матушка.

— У насъ ѣсть нечего, Соня. Хоть бы Богъ меня прибралъ, эта жизнь мнѣ невыносима.

— У меня, мама, есть деньги; можно будетъ купить покушать. Соня побѣжала въ спальну къ своему комоду и принесла оттуда весь свой капиталъ.

— Откуда у тебя деньги?

— Извини, мама, я работаю на продажу кукольныя платья, отвѣчала, краснѣя, дѣвочка и робко подняла большіе голубые глаза и взглянула на мать, ожидая, что та скажетъ.

Бабушка вертѣла въ рукахъ деньги, точно разсматривая, такія ли онѣ, какъ другія, бывавшія доселѣ въ ея рукахъ, и наконецъ тяжело вздохнула; ей трудно было поблагодарить, ободрить ребенка, такъ больно кольнули ея слухъ слова: работаю на продажу.

— Швея, швея-Софья! Проговорила она, машинально гладя по головѣ ребенка. — Швея, швея-Софья! повторила она снова,

качая головой, и въ этихъ грустныхъ, ироническихъ словахъ прозвучалъ скорѣе упрекъ, чѣмъ благодарность.

Однако, дѣло сдѣлалось: мать начала открыто брать работу; скоро куклы замѣнились дѣтьми, дѣти взрослыми. Дѣвушка брала не дорого за труды, и въ заказахъ не было недостатка. Часто была сыта бабушка на эти трудовыя деньги и еще чаще выпрашивалъ ихъ дядя, рѣшаясь даже поцѣловать ручку сестры, что всегда смѣшило матушку. Впрочемъ, онъ въ минуты восторга ставилъ ее въ примѣръ всѣмъ, говорилъ, что у него чудная сестра, что сильнѣе всего сокрушаетъ его ожидающая ее судьба въ нашемъ глупомъ обществѣ: это еще болѣе смѣшило матушку. Такъ проводила она время дѣвичьей жизни, трудясь и считая трудъ за игру: онъ былъ ей не тяжелъ; она шила, попѣвая тихимъ, но веселенькимъ голоскомъ любимыя русскія пѣсни, переданныя ей няней, и никто никогда не зналъ, что дѣлалось въ ея душѣ, и какъ развитъ былъ ея умъ.

Девятнадцати лѣтъ Соня вышла замужъ за моего отца.

Отецъ познакомился съ семействомъ бабушки черезъ дядю во время своей службы въ театрѣ. Они встрѣчались на пикникахъ и на охотѣ. Дядя пригласилъ отца къ себѣ, чтобы попасть за кулисы, и знакомство завязалось. Матушка и отецъ полюбили другъ друга.

— Гадкую жизнь вы ведете, Василій Александровичъ, замѣтила однажды матушка отцу.

— Какъ гадкую? Напротивъ того; у насъ, у театральщины, славная, свободная жизнь, отвѣтилъ отецъ и ожидалъ возраженія или согласія на высказанную имъ мысль; но матушка только посмотрѣла на него и покачала головой. Ему стало неловко отъ этого взгляда, и долгое время шевелился въ его умѣ возбужденный и оставленный безъ разрѣшенія вопросъ. Мѣсяца черезъ три отецъ снова сидѣлъ у матушкинаго рабочаго стола.

— Вы правы, Софья Ивановна, тихо говорилъ онъ, вертя въ рукахъ какой-то лоскутокъ.

— Въ чемъ?

— Помните нашъ разговоръ о театральной жизни?

— А! Ну, чтоже, поняли вы ее? Матушка пристально поглядѣла на отца.

— Понялъ. Бросилъ. Только теперь жить нечѣмъ.

— Нужно работать. Разговоръ принялъ другое направленіе.

Во время отставки отецъ не посѣщалъ семейства бабушки,

но черезъ пятьку давалъ матушкѣ извѣстія о себѣ: «Я еще живъ, писалъ онъ ей, еще надѣюсь». Эти двѣ фразы составляли письмо; расписывать листы не было времени, и матушка совершенно успокоивалась; она понимала этого человѣка и не боялась за него, покуда онъ надѣялся. Бабушка, вѣроятно, не согласилась бы на этотъ бракъ, если бы предложеніе не совпало со временемъ сѣченья дяди, когда она упала духомъ. Характеръ матушки тоже много содѣйствовалъ исполненію желанія молодыхъ людей.

Матушка рѣдко рѣшалась на какой нибудь отважный поступокъ и даже всѣми силами старалась избѣгать такихъ поступковъ; но если она рѣшалась на него, то это значило, что онъ строго обдуманъ ею. Уже за нѣсколько дней она волновалась, взвѣшивала задуманное дѣло, горячо молилась и вдругъ совсѣмъ успокоивалась: рѣшеніе дѣлалось непоколебимымъ. Я часто видѣлъ, какъ умѣла матушка молиться. Ея молитва не была чтеніемъ затверженныхъ наизусть фразъ, *вкусною* молитвою сытаго человѣка съ урочнымъ числомъ земныхъ поклоновъ и «Господи помилуй»;—она была живымъ разговоромъ съ Богомъ. Лицо матушки разгоралось, неслышное моленье постепенно переходило въ шепотъ, въ которомъ явственно слышались отрывистыя слова, пламенные вопросы. Такъ умѣютъ молиться только русскія женщины и юноши отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, притѣсненные всѣми и ищущіе исходнаго пути. Я люблю такія молитвы; въ нихъ рядомъ съ вѣрой въ Бога чуется твердая вѣра въ собственную силу; онѣ только сосредоточиваютъ эту силу въ дни невзгодъ и воспитываютъ всевыносящее племя русскихъ женщинъ и юношей. Послѣ такихъ молитвъ матушка, обыкновенно слабая и робкая, дѣлалась необычайно твердою и рѣшительною, какъ будто тотъ Богъ, котораго она такъ пламенно любила, самъ становился рядомъ съ нею и говорилъ: не бойся! я здѣсь. Такъ же молилась она и въ день, назначенный для объявленія бабушкѣ ея рѣшенія выйти замужъ за Василія Александрыча Рудаго.

Покойнымъ и нетрепетнымъ голосомъ объявила она бабушкѣ свое желаніе.

— Надо бы спросить меня, согласна ли я отдать тебя замужъ за него, строго сказала бабушка.

— Ты согласишься, мама, потому что я хочу быть его женою.

— А если я не позволю (да я и не позволю) выйти тебѣ за какого нибудь лакеишку, нищаго мѣщанина?

— Онъ хорошій человѣкъ, мама, и я выйду за него замужъ; мы сами мѣщане, и генералы ко мнѣ не присватаются, да я за генерала и не вышла бы.

— Мѣщане! мѣщане! что ты мнѣ говоришь о мѣщанствѣ? ты знаешь, что я княжна по отцѣ?

— Знаю, мама, а мы все-таки мѣщане, и ты, мама не сердись на меня. Хуже будетъ, если я выйду замужъ безъ твоего позволенія.

Бабушка смутилась, начала плакать, говорила, сколько несчастій готовитъ ея дочери бѣдная жизнь, что она съ мужемъ умретъ голодной смертью и что бабушка не будетъ въ силахъ ей помочь.

— Мама, мы не попросимъ твоей помощи. Тебѣ самой будетъ легче жить безъ меня. Ты не плачь,—я буду счастлива.

— Но что скажутъ родные? воскликнула бабушка, хватаясь за соломинку; соломинка, какъ и надо было ожидать, сломилась.

— У меня, мама, кромѣ тебя, нѣтъ родныхъ. Твои братья ни разу не спросили, жива ли я, или нѣтъ. Они и никогда не спросятъ объ этомъ. Кто же будетъ говорить?

Разговоръ кончился попыткою бабушки упасть въ обморокъ, упреками въ матушкиной безчувственности и согласіемъ на бракъ. Василію Александрычу Рудому не было хлопотъ для полученія согласія: пришелъ, сдѣлалъ предложеніе, предложеніе приняли и назначили день свадьбы. Все сдѣлалось холодно, спокойно, точно всѣ приготовлялись къ этому событію въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Посторонній зритель не понялъ бы, какая скорбь и злоба кипѣли въ душѣ матери, урожденной княжны Тресково-Обуховой, отдающей дочь за придворнаго лакея, какихъ усилій стоило дочери рѣшиться привести въ исполненіе свое желаніе, какое презрѣніе питалъ къ жениху братъ невѣсты, пожимавшій руку будущаго своего родственника, и какъ любилъ невѣсту и не любилъ ея родныхъ этотъ женихъ. Каждый день разыгрываются на домашнихъ театрахъ такія же комедіи, и только актеры, ловко вызубрившіе свои роли, знаютъ, что дѣлалось за кулисами, когда занавѣсъ былъ еще спущенъ и они заботливо прикрывали головы париками и наводили на лица густой слой румянъ и бѣлилъ.

И такъ внука князя Тресково-Обухова вышла замужъ за придворнаго лакея. Съ нимъ невольно познакомился читатель, и я попрошу его продолжать это знакомство до конца исторіи гнилыхъ болотъ; ибо съ хорошими людьми полезно вести знакомство. Теперь пора мнѣ поговорить и о себѣ, какъ я росъ и какимъ выросъ, кто меня обижалъ и кто приголубливалъ, какъ меня учили и чему научили. Главное, чему научили.

VI.

ЖИЗНЬ МОИХЪ РОДИТЕЛЕЙ И МОЕ ДѢТСТВО.

Жизнь моихъ родителей сложилась просто, буднично и шла тихо и однообразно; такъ свѣтлая рѣка прорываетъ ложбину въ такую ширину, на какую у нея хватило силъ, и, покоряясь участи, катитъ свои волны въ извѣстномъ направленіи; прибиваетъ она къ берегу негодный для нея илъ и бревна, тамъ илъ обращается въ тучную почву, и говоритъ спасибо рѣкѣ какой нибудь бѣднякъ за выброшенное ею бревно; но безсильно шипятъ ея волны вокругъ подводныхъ камней, лежащихъ на ея пути; не двигаются они съ мѣста и долго будутъ мѣшать ея спокойному теченію; не одна барка разобьется о нихъ въ щепы, не одна людская душа потонетъ на этомъ мѣстѣ и пошлетъ проклятіе ни въ чемъ неповинной рѣкѣ, и неизвѣстно, подточатъ ли когда нибудь волны и время страшныхъ губителей благодатнаго міра.

Характеры отца и матери и предразсудки, тяготѣющіе надъ русской общественной жизнью, не позволяли моей семьѣ заводить знакомства. Наше общество дѣлится на множество муравейниковъ и какъ въ годъ не объѣдешь изъ конца въ конецъ матушки Россіи, такъ въ годъ не перечтешь названій ея муравейниковъ. И каждый-то дѣйствуетъ во имя своихъ убогихъ интересцевъ и узенькихъ стремленьицъ, чаще же во имя полнаго ихъ отсутствія, каждый-то поетъ свою пѣсню, и общая гармонія этихъ пѣсенъ выходитъ похожа на что-то въ родѣ кошачьяго концерта въ лунную мартовскую ночь, то слышится: cara mia! то вдругъ пронесется въ воздухѣ: а вѣдь я тебя по зубамъ съѣзжу!.. Отецъ по мѣсту службы принадлежалъ къ муравейнику придворныхъ служителей.

Гнѣздился этотъ муравейникъ, — тогда еще не было ново-

придворнаго дома съ общими спартанскими кухнями,—на наемныхъ квартирахъ, въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ, и въ собственныхъ домикахъ на Петербургской сторонѣ, въ Гавани и на Пескахъ, любимомъ мѣстѣ жительства фельдъегерей. Его члены мужскаго пола носили названье придворныхъ паточниковъ, и упрекались члены женскаго пола въ томъ, что будто бы онѣ мужей на гущѣ пропили. Никакой историкъ не доберется до основанія этого типическаго названія и этого обиднаго упрека, принятыхъ всѣми на вѣру, и придется ему принять ихъ также на вѣру и утѣшить себя тѣмъ, что вѣрно оно такъ и было. Историческихъ, не внѣшнихъ и не оффиціальныхъ преданій въ муравейникѣ много, но всѣ они незначительны; сохранилось, напримѣръ, преданіе о томъ, что жили два семейства истопниковъ въ ветхомъ-разветхомъ домикѣ на углу девятой и десятой улицъ Песковъ, и былъ у пяти женщинъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ семействамъ, одинъ салопъ, постоянно висѣвшій на гвоздикѣ въ союзныхъ сѣнцахъ, и когда одна изъ женщинъ появлялась на улицѣ въ коммунистическомъ салопѣ, то всѣ песочные жители знали, что остальныя четыре женщины сидятъ дома и пьютъ кофейныя переварки. Таковы и другія преданія; надъ ними можно бы глубокомысленно пофилософствовать, но это не мое дѣло. Создавая свой внутренній бытъ, муравейникъ, не смотря на свою микроскопическую малость, успѣлъ раздѣлиться на двѣ партіи: на плебеевъ и патриціевъ. Къ плебеямъ отошли работники, истопники, должностные помощники, повара и лакеи; къ патриціямъ пристали каммердинеры, оффиціанты, гофъ и каммеръ-фурьеры; посредствующимъ звѣномъ между тѣми и другими являлись каммеръ-лакеи и скороходы: они заглядывали и туда, и сюда, и при случаѣ напивались до пьяна въ обоихъ кружкахъ. Каждый членъ муравейника имѣлъ право говорить «ты» тому члену, который одной степенью стоялъ ниже его. Гофъ-фурьеры позволяли себѣ расправляться съ истопниками кулакомъ, и истопники съ достойною подражанія покорностью подставляли свои спины. Члены каждаго кружка сходились между собою по случаю крестинъ, рожденій, имянинъ, свадебъ и похоронъ, а совершеніе этихъ торжествъ у плебеевъ неизмѣнно приголялось къ первымъ числамъ мѣсяца. Только похороны приходилось справлять, когда Богъ обрадуетъ, и мнѣ не помнится, чтобы кто нибудь продержалъ покойника въ домѣ, дожидаясь перваго числа. У патриціевъ пиры совершались во всѣ числа мѣся-

ца. Происходили эти торжества слѣдующимъ образомъ: послѣ первыхъ поцѣлуевъ, каждому гостю подносили на подносѣ по рюмкѣ мадеры, отъ этого угощенія не освобождались даже восьмилѣтнія дѣти; потомъ всѣ садились и подвергали себя на нѣкоторое время искусу молчанія, хозяйка между тѣмъ разносила сладости. У плебеевъ подавались миндаль, изюмъ, пастила и крошенныя яблоки, у патриціевъ подавались цѣлыя яблоки, конфекты, обыкновенно выпрошенныя у придворнаго кондитера, поставившаго ихъ на казенный счетъ; мадера и водка полагались въ обоихъ кругахъ. За угощеніемъ начинались забавы: игра въ карты и танцы, женщины сплетничали, мужчины острили и проходились по водочкѣ; женщины пили въ парадной комнатѣ только мадеру, но привычный глазъ могъ подмѣтить, что онѣ, безъ всякой нужды, очень часто выходили по одиночкѣ въ спальну, или въ кухню къ хозяйкѣ, и чуткій слухъ могъ подслушать, какъ отворялись тамъ дверцы завѣтнаго шкапика, что-то наливалось и выпивалось. Это была уже не мадера. Въ теченіи вечера каждая гостья считала нужнымъ удалиться разъ пять и подъ конецъ всѣ становились очень веселы. Конецъ былъ не одинаковъ: у патриціевъ все оканчивалось тихо, поспорятъ, не отдадутъ другъ другу проигранныхъ денегъ и разъѣдутся; у плебеевъ пиръ кончался пѣніемъ «подъ вечеръ осени ненастной». Шла иногда въ ходъ «Раиса, бѣдная Раиса»; эту пѣсню, сколько мнѣ помнится, очень часто пѣвала самымъ томнымъ голосомъ одна лакейша, теперь покойница, и бывало кончитъ, да вдругъ и заплачетъ. Молодежь же во весь вечеръ отдергивала не то французскіе кадрили и польки, не то трепака, но каблуками всѣ стучали необыкновенно эфектно. Разговоры шли о князьяхъ, и часто городскія сплетни объ этихъ лицахъ вылетали изъ этого муравейника, схватившаго на лету двѣ, три фразы неостерегшихся господъ. Литературой въ муравейникѣ не занимались, и какой нибудь валяющійся на окнѣ томъ «Таинственнаго Монаха» доказывалъ не пристрастіе его владѣльца къ чтенію, но скорѣе его бережливость и способность хранить даже ни на что негодныя вещи. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать о муравейникѣ; закулисная, семейная его жизнь до насъ не касается: что намъ за дѣло до тайныхъ слезъ и безъисходнаго горя?

Я распространился описаніемъ муравейника потому, что всѣ другіе похожи на него; измѣняются только частности, обста-

новка, сущность остается та же самая, только немножко прилизанная, немножко причесанная. И вы, читатель, и мы всѣ, надутые собою и очень пустые на дѣлѣ люди, виноваты въ ихъ существованіи и въ той неминуемой гибели, которая ожидаетъ честныхъ и умныхъ людей, причисленныхъ по случайнымъ обстоятельствамъ къ тому или другому муравейнику; они или должны затвориться въ своемъ домѣ, или уничтожиться въ муравейникѣ, другаго исхода имъ нѣтъ. Такая участь ожидала и моего отца.

Въ лучшіе, образованнѣйшіе круги онъ не могъ попасть: «не знатенъ онъ, не славенъ, — за что жь его любить?» Ему нужно было гнуться, въ клубочекъ свертываться, чтобы шарикомъ прокатиться куда нибудь повыше, а этого онъ не умѣлъ дѣлать: широкъ въ кости былъ.

Отецъ и мать затворились въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья. Они не скучали, но и не веселились. Сначала въ нашемъ домѣ часто появлялись разныя черносалопницы, вдовы бѣдныхъ чиновниковъ и армейскихъ офицеровъ, женщины, неизвѣстно какъ втирающіяся и въ барскія переднія, и въ бѣдныя жилища, вѣчно жалующіяся на судьбу и зорко подглядывающія, что дѣлается въ чужихъ домахъ; это ходячіе сборники петербургскихъ слуховъ и сплетенъ. Матушкѣ онѣ скоро надоѣли своими злыми языками и жалобами на то, что имъ не падаетъ хлѣба съ неба, какъ падала евреямъ небесная манна. Она затворила отъ нихъ двери, но прежде постаралась освободить отъ ихъ вліянія ихъ дочерей, которыхъ матери считали за обузу и отъ которыхъ рады были освободиться на время. Матушка брала къ себѣ по три и до четыре дѣвочки, пріучала ихъ къ труду, незамѣтно для самой себя передавала имъ свои честныя мысли, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ воспитала множество хорошихъ дѣвушекъ.

Дѣтей у моихъ родителей было трое, и всѣ умерли, доживъ до году. Этотъ возрастъ казался моимъ родителямъ роковымъ и, когда въ 1832 году я имѣлъ счастіе родиться, то меня берегли, какъ сырое яйцо. Родился я въ морозный, ясный и смѣющійся день; поплакалъ горько, какъ всѣ раждающіеся на свѣтъ люди, и все же остался жить, почувствовавъ неодолимую привязанность къ нашей холодной и болотистой землѣ. Роковой срокъ

прошелъ, и читатель уже видѣлъ, какими уроками пользовался я на третьемъ году моей жизни. Дальнѣйшіе уроки отца касались такъ же нравственнаго моего развитія; собственно науками занималась со мною матушка, она учила меня читать, писать и считать. Третьимъ и главнымъ моимъ воспитателемъ была бабушка. Она часто посѣщала насъ, потому что мы каждый день обѣдали, и исполняла въ нѣкоторомъ смыслѣ роль русскихъ нянекъ, любящихъ разсказывать дѣтямъ волшебныя сказки и пѣть извѣстную всей Россіи пѣсню: будешь въ золотѣ ходить, чисто-серебро носить. Славный напѣвъ у этой пѣсни, и хорошо она баюкаетъ въ дѣтствѣ, плохо одно то, что многихъ убаюкиваетъ она на всю жизнь, и спятъ они, взрослые младенцы, въ гниломъ болотѣ и ветхомъ рубищѣ покойнымъ, непробуднымъ сномъ праведниковъ, воображая, что уже ходятъ они въ золотѣ и носятъ чисто серебро; долго, долго длится волшебное сновидѣніе, и не дай Богъ никому очнуться отъ него не въ пору, не во время, а въ осенніе, непроглядные дни жизни. Баюкала меня бабушка волшебными сказками, а пуще разсказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ Екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ, и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой видѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти разсказы, переданные съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ моею Шехеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «А у меня, бабуся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?»—то она съ полной увѣренностью отвѣчала: «разумѣется будутъ; выростешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ быть, до генеральскаго чина и будешь богатъ. Вѣдь вотъ, mon petit, ко мнѣ генералъ пріѣзжалъ, такъ это мой родной братъ, твой двоюродный дѣдушка, и ты такимъ же будешь».

— Это тотъ, бабуся, что меня за щеку ущипнулъ, и я еще заплакалъ тогда?

— Да, да, тотъ самый, только не надо такимъ плаксой быть, онъ тебя любить не станетъ.

— А зачѣмъ онъ щиплется?

— Онъ тебя приласкалъ.

— Развѣ такъ ласкаютъ, бабуся? Папа никогда не щиплется.

Бабушка не отвѣчала на мое разсужденіе, а отецъ изподтишка посмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ:

— Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнѣ трубку.

Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекъ и Гришекъ. Отецъ никогда не спорилъ съ бабушкою, не разочаровывалъ ея мечтаній, но лукаво подсмѣивался надъ ними и давалъ мнѣ это чувствовать. Дядя не имѣлъ на меня въ раннемъ дѣтствѣ никакого вліянія; люди его закала не умѣютъ говорить съ дѣтьми, это для нихъ слишкомъ мелко.

Подъ вліяніемъ трехъ наставниковъ, росъ я въ одномъ изъ захолустій Петербурга. Мнѣ недоставало двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душной комнатѣ, видя всѣ домашніе недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и не рѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ собою. Неблестящая дѣйствительность и волшебныя, слишкомъ яркія грезы, навѣянныя бабушкою, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности сильно. У насъ вообще, какъ будто нарочно, стараются развивать воображеніе дѣтей, не понимая того, что оно и само собою разовьется довольно сильно и на время остановитъ мыслительную способность ребенка, научитъ его мечтать и отучитъ думать. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ, превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ,—бо̀льшаго счастія я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ не развитъ. Онъ былъ до того не развитъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ? Огонь жжется, потому что жжется; ножъ рѣжетъ, потому что рѣжетъ, — далѣе этихъ истинъ я не шелъ. Я видѣлъ цвѣты на нашихъ окнахъ, но не зналъ я, почему они растутъ. «Папаша посадилъ, оттого и растутъ», отвѣтилъ бы я на подобный вопросъ. И если бы папаша вздумалъ посадить при мнѣ въ землю свою трость и сказать, что изъ нея, какъ изъ жезла Аарона, выростутъ миндальные орѣхи,—я свято повѣрилъ бы его словамъ. Отсутствіе дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старичка, ничего не знавшаго, ничего не желавшаго знать. Любознательность пробуждается въ дѣтяхъ только дѣтьми. Ребенокъ охотно

разговариваетъ съ ребенкомъ; большихъ онъ только слушаетъ и, встрѣчая въ дѣтскихъ играхъ и болтовнѣ предметы, требующіе объясненія, онъ обращается за этимъ объясненіемъ къ большимъ. Безъ товарищей ребенка ничто и никто не подталкиваетъ на вопросы, онъ холодно смотритъ на окружающее его и составляетъ обо всемъ свои собственныя, превратныя понятія.

Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиры школу.

VII.

ECOLE, SCHULE, ШКОЛА ДЛЯ ДѢВИЦЪ Г-ЖИ СОКОЛОВОЙ

(во 2 этажѣ, по 3 лѣстницѣ, № кв. 21).

Вотъ всѣмъ знакомая вывѣска, прибиваемая къ стѣнамъ большихъ и малыхъ домовъ, являющаяся по преимуществу на многолюдныхъ улицахъ, на бойкомъ мѣстѣ. Ея крупныя буквы, какъ безграмотное объявленіе пронырливаго русскаго торговца, призываютъ простоватыхъ, но плодовитыхъ людей: «отдавайте, добрые люди, своихъ дѣтокъ въ школу госпожи Соколовой для изученія всѣхъ возможныхъ наукъ. Чтó ребятамъ-то баклуши бить да васъ безпокоить, пора ихъ и за книжку усадить. Госпожа Соколова знатно усадитъ, будете довольны». Тутъ же подвертываются мелкія буквы вывѣски и юлятъ, какъ выдранный за ушонки мальчуганъ съ Апраксина двора, выкрикивая писклинымъ дискантикомъ: «здѣсь, здѣсь, повѣрьте-съ мнѣ, не далеко идти; только вотъ поворотите во дворѣ налѣво, тутъ сейчасъ и будетъ третья лѣстница и квартира № 21, хоть только взгляните!» — «Нѣшто заглянуть? спрашиваютъ себя простоватые, но плодовитые люди: — ребяты-то и въ самомъ дѣлѣ отъ рукъ отбились, матери языки кажутъ; полно имъ баловаться,—ай заглянемъ!» рѣшаютъ они, заглядываютъ, проникаются должнымъ благоговѣніемъ передъ госпожей Соколовой и отдаютъ къ ней балующихся ребятъ, платя ей за временное освобожденіе отъ дѣтскаго нашествія ежемѣсячную трехрублевую подать. Госпожа Соколова начинаетъ жить съ нѣкоторой роскошью и почти не голодаетъ, что и было цѣлью всѣхъ ея стремленій. На какія выдумки не подвигаетъ человѣка призракъ голода! Объ этомъ у

Льюиса есть очень краснорѣчивая страница, и страдаетъ она только маленькою неполнотой: онъ забылъ упомянуть о школахъ, основанныхъ людьми для избѣжанія отъ голодной смерти.

И меня судьба не спасла отъ г—жи Соколовой, и я, какъ веселый человѣкъ, отчасти благодаренъ ей за это. Госпожа Соколова, дочь статскаго генерала, выросла въ богатствѣ, очень бурно и не очень нравственно провела свою молодость, и по смерти отца, умершаго подъ судомъ за кражу казенныхъ денегъ, осталась ни съ чѣмъ. Чтобы существовать, она открыла школу на имя меньшой сестры, окончившей свое воспитаніе въ институтѣ. Эта дѣвушка была болѣзненная, слабая; она цаловала украдкою своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ и трепетала передъ старшей сестрой, жившей ея трудами. Бѣдняжка принадлежала къ числу людей—нулей, имѣющихъ значеніе только тогда, когда впереди ихъ стоитъ единица. Человѣкъ-нуль даже своего собственнаго имени не имѣетъ, но заимствуетъ имя у впереди его стоящей единицы. «Вотъ супругъ нашей милой, добрѣйшей Амаліи Ѳедоровны Вороновой», говоритъ хозяинъ своему гостю, знакомя его съ нулемъ, и нуль самодовольно ухмыляется, выражая тѣмъ свою гордую мысль: «видишь, братъ, каковъ я гусь: на Амаліи Ѳедоровнѣ женатъ!» Такою женщиною—нулемъ была сестра госпожи Соколовой, и когда ее спрашивалъ незнакомый посторонній посѣтитель: «не съ госпожей ли Соколовой я имѣю честь говорить?» Она отвѣчала: «нѣтъ—съ, я сестра госпожи Соколовой». Ей даже въ голову не приходило, что у нея такая же фамилія. Сестры съ помощью священника и танцмейстера, альфъ и омегъ, краеугольныхъ и единственныхъ камней нашихъ частныхъ школъ, учили дѣтей всѣмъ наукамъ. Право онѣ имѣли только на содержаніе школы для дѣвочекъ, но брали и мальчиковъ, вѣроятно полагая, что и тѣ и другіе различаются въ дѣтствѣ по одной одеждѣ, безъ нея же были бы похожи, какъ двѣ капли воды, другъ на друга. Я помню тѣ дни, когда въ школу пріѣзжалъ какой-то господинъ съ орденомъ на шеѣ и осматривалъ училище, предлагая два или три вопроса ученицамъ; въ эти дни мальчиковъ запирали въ спальну и однажды спрятали въ очень неприличный чуланъ. Это дѣлается и понынѣ во многихъ школахъ для дѣвицъ. Великолѣпная г—жа Соколова въ эти дни вдругъ дѣлалась мокрой курицей и стушевывалась. Ея сестра, бывало, совсѣмъ заробѣетъ и лепечетъ непонятныя, нечеловѣческія слова, и послѣ отъѣзда господина съ орденомъ

на шеѣ, цалуетъ еще крѣпче и звучнѣе выпущенныхъ изъ засады учениковъ.

Ученикамъ задавали въ школѣ выучивать извѣстное число строкъ и страницъ изъ діалоговъ, географій, исторій, грамматикъ и ариѳметикъ. Задавалось отъ-сюдова и до-сюдова; эти слова, вмѣстѣ со словами: зубрилка, долбешка и тому подобными, принадлежатъ къ неизвѣстному языку, надъ разработкою котораго трудятся въ русскихъ училищахъ. По выслушаніи отъ-сюдова и до-сюдова, преподавательница задавала новый урокъ и вручала ученику или пропись, или задачу, стараясь написать ее подлиннѣе, чтобы ученикъ не кончилъ ея ранѣе двѣнадцати часовъ. Дѣти писали курсивными и простыми буквами, рѣшали задачи или просто дѣла не дѣлали, а тихонько разговаривали, играли въ перушки, ѣли булки, колбасы и тому подобныя съѣстные припасы, принесенные въ сумкахъ и наполнявшіе комнату разными возбуждающими аппетитъ запахами. Эти припасы часто дѣлались предметомъ лоттерей. Въ двѣнадцать часовъ кто уходилъ домой, кто оставался въ школѣ, а въ два часа начинались снова утреннія занятія. Въ четыре часа мы всѣ бѣжали домой, какъ изъ карантина, и уличные мальчишки кричали вслѣдъ бѣглецамъ: «школьники разбойники, школу разбили, учителя погубили!» Скука въ школѣ царствовала непомѣрная, зѣвота одолѣвала всѣхъ; зѣвнетъ, бывало, наставница, и заразитъ этотъ звукъ весь мелкій народъ: «а–а–а!» съ глубокимъ протяжнымъ вздохомъ раздастся въ одномъ концѣ комнаты, и тотчасъ же слышится тотъ же звукъ въ другомъ концѣ, точно будочники между собой перекликаются: «слуша–а–ай! посма–а–трива–а–ай!» Отъ скуки заводились разныя исторіи весьма дряннаго свойства. О лоттереяхъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Предметами ихъ дѣлалось все, что только могли сбыть съ рукъ ученики, не подвергая себя слишкомъ сильной брани и побоямъ отъ своихъ добрыхъ, но простоватыхъ родителей. Разыгрывались съѣстные припасы слѣдующимъ образомъ: разыгрывающій завязывалъ узелокъ на платкѣ, а четверо дѣтей, заплатившихъ ему по копѣйкѣ, выдергивали концы платка, зажатаго въ кулакъ; кому доставался узелокъ, тотъ получалъ выигрышъ: это импровизированная лоттерея. При разыгрываніи перьевъ, бумаги и картинокъ дѣлались билеты; одна и та же вещь, иногда въ продолженіи недѣли, дѣлалась предметомъ трехъ или четырехъ лоттерей, и приходила наконецъ къ своему законному первому владѣльцу.

Но лоттереи были самымъ первымъ развлеченiемъ. Въ училищѣ были и шестнадцатилѣтнiе юноши и дѣвицы; у первыхъ появлялись прыщи на лбу и пушокъ на верхней губѣ, вторыя успѣли начитаться украдкой переведенныхъ съ французскаго языка романовъ и шопотомъ сообщали своимъ подругамъ нѣкоторыя строки, поражавшiя ихъ своею вольностью. Эти-то взрослые воспитанники и воспитанницы переписывались между собою и пожимали другъ другу руки въ танцклассѣ. Госпожа Соколова разъ имѣла случай поймать взрослаго ученика въ ту минуту, когда онъ въ темномъ углу передней поцаловалъ одну изъ учениць; ученика не спровадили изъ школы (жаль было три рубли въ мѣсяцъ потерять), но поставили на колѣни посреди класса и пришпилили на спину билетъ съ надписью: за дурное поведенiе. Веселое лицо ученика дало случай его товарищамъ убѣдиться, что за такой проступокъ и наказанье не страшно...

Я, быть можетъ, больше всѣхъ, зѣвалъ и скучалъ въ школѣ, для меня не существовало никакихъ развлеченiй: въ перушки играть я не умѣлъ по своей неловкости, для переписки съ дѣвочками и для поцалуевъ былъ слишкомъ малъ, лоттереи мой отецъ называлъ мерзостью, и я съ нимъ согласился, проигравъ нѣсколько копѣекъ. Сухая, глупая наука не шла мнѣ въ голову, и часто разсуждалъ я съ самимъ собою, что науку придумалъ вѣрно мой двоюродный дѣдушка, который, лаская, щиплется. Изъ всего выученнаго я хорошо запомнилъ только одно четверостишiе:

Всякiя науки
Созданы для муки,
И лучше отъ скуки
Сидѣть, сложа руки.

Гдѣ-то находится теперь генiальный авторъ этихъ стишковъ? Я думаю, онъ и до нынѣ кропаетъ стишки и тайкомъ печатаетъ ихъ въ какомъ нибудь журнальчикѣ; а въ школѣ онъ былъ сущая дрянь...

Главное несчастiе этой и другихъ такихъ же школъ составляютъ неумѣлость и неспособность ихъ содержательницъ. Потомъ вредитъ имъ близость къ классу кухни и гостиной; изъ первой доносятся до слуха учениковъ домашнiе дрязги и побранки съ кухаркой, во вторую часто приглашаются дѣти, осо-

бенно любимыя содержательницею школы. Приглашенія возбуждаютъ и зависть, и ссоры между дѣтьми и заставляютъ ихъ придумывать средства, какъ бы насолить любимцамъ. Любимцы приглашаются въ гостиную для разныхъ причинъ: одни просто для питья кофе, другіе для игры на фортепіано передъ гостями и для питья кофе, третьи для курьеза и для питья кофе. Меня приглашали для курьеза. Вводили меня безъ всякой видимой надобности въ гостиную, поили кофеемъ и гладили по головѣ, значительно перешептываясь. Послѣ смыслъ этого перешептыванья сталъ мнѣ понятенъ. Въ немъ описывалась судьба моей бабушки, я часто слышалъ слова: князь Тресково-Обуховъ, и должно быть, гости искали на моей физіономіи чего нибудь въ родѣ наслѣдственнаго княжескаго клейма. Бабушка имѣла сплетницу крѣпостную кухарку, отъ нея перешло сказаніе о бабушкиной жизни къ нашей кухаркѣ, отъ нашей къ школьной, отъ школьной къ госпожѣ Соколовой. Изъ такихъ источниковъ знала госпожа Соколова исторіи родителей каждаго воспитанника и каждой воспитанницы, точно она матеріалы для характеристики нашего общества собирала. Сплетня проѣла до мозга костей все русское общество. Она вноситъ раздоры въ семейства, ссоритъ знакомыхъ, портитъ дѣтей съ самой колыбели, открывая имъ разныя гадости жизни въ превратномъ видѣ. Сплетничаютъ на рынкахъ, въ гостиныхъ, въ департаментахъ, въ полкахъ, въ театрѣ, въ собраніи. Сплетничаютъ наивно и съ тактомъ, добродушно и ѣдко, хладнокровно и раздражительно. Сплетниковъ и сплетницъ можно раздѣлить на необразованныхъ и на образованныхъ, послѣдніе раздѣляются на провинціальныхъ и столичныхъ. Провинціальные сплетники наивны до крайности и не скрываютъ страсти къ сплетнѣ; ихъ описалъ Гоголь въ лицѣ дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной дамы. Сплетники столичные не такъ наивны и сплетничаютъ à propos, не признаваясь даже передъ собою, что они сплетники. Они не поѣдутъ нарочно съ какимъ нибудь извѣстіемъ, но запомнятъ это извѣстіе, запомнятъ нѣсколько такихъ извѣстій и съ тактомъ, съ достоинствомъ передадутъ ихъ въ обществѣ такихъ же сплетниковъ, какъ они сами, передадутъ не иначе, какъ при удобномъ случаѣ, кстати, à propos. Нужно имѣть очень зоркій глазъ, чтобы уловить въ ихъ бесѣдахъ страсть къ сплетнѣ и не счесть ихъ за простой салонный разговоръ; иную отвлеченную тему жуютъ и разжовываютъ научнымъ образомъ цѣлые пол-

часа и только потомъ уже раздается желанное: à propos! вы слышали, что моя кузина бѣжала отъ мужа?—это былъ тоже несчастный бракъ. Тутъ-то и начинается бросанье грязью въ кузину. Такъ же сплетничала и госпожа Соколова, она даже брала меня съ собою въ гости, какъ живое свидѣтельство правдивости ея разсказовъ о нашей семьѣ, и не стѣснялась тѣмъ, что я не для развозовъ, а для ученья былъ отданъ въ ея школу. Мои родители не подозрѣвали сущности этихъ скандальныхъ исторій, но все-таки сердились на воспитательницу за то, что она приглашала меня съ собой въ гости, отнимая время у моего ученья. Черезъ годъ меня взяли изъ школы, видя безполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ и неучемъ остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое есть наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть.

Госпожа Соколова обидѣлась поступкомъ моихъ родителей и прискакала къ нимъ на квартиру, надѣлала дерзостей и объявила, что я лѣнивъ и отъ лѣности не сдѣлалъ успѣховъ въ ученьи, и что они люди необразованные, низкаго происхожденія и потому неблагодарные. Разумѣется, барынѣ показали, гдѣ въ нашей квартирѣ находилась дверь. За что должны были мои родители благодарить ее, я не могу и до нынѣ придумать; но, желая поправить ихъ ошибку, спѣшу принести вамъ, госпожа Соколова, искреннюю мою благодарность. Вы научили меня понимать всю гадость подобныхъ вашей школъ. Дай вамъ Богъ здоровья, много лѣтъ счастливой жизни и поменьше учениковъ! Ищите новыя средства для поддержки своей жизни: побирайтесь подаяніемъ щедрыхъ людей, румяньте свое изношенное лицо, торгуйте своимъ грѣшнымъ тѣломъ, если оно кому нибудь нужно, — но, ради всего святаго! (вѣдь есть же что нибудь святое и для васъ!) не учите несчастныхъ дѣтей! Вамъ все простится на томъ свѣтѣ, слышите: все! но ни тамъ, ни здѣсь не простится вамъ то, что вы заѣдали изъ-за куска насущнаго хлѣба сотни свѣжихъ дѣтскихъ умовъ, вселяли въ нихъ отвращеніе къ наукѣ, этому свѣту міра, доводили ихъ скукою до мелкаго торгашества, до первыхъ проявленій беззастѣнчиваго уличнаго разврата. Закрывайте же скорѣй свою школу: она отжила свой вѣкъ.

VIII.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ НОВЫЙ МІРЪ.

— Куда отдать Сашу?

Вотъ вопросъ, который занялъ моихъ родителей. Попытка отдать меня въ гимназію неудалась. Дѣти крѣпостныхъ людей, капельдинеровъ и придворныхъ служителей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ; объ этой опалѣ гласилъ первый параграфъ програмны для вступленія дѣтей въ гимназію. Исключить меня изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «что же будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится на службу?» Мысль объ отдачѣ меня въ гимназію была отложена въ сторону.

— Однако, что же мы станемъ дѣлать? какъ дадимъ ему образованіе? спрашивала матушка.

— Наймите учителей, совѣтовала бабушка:—домашнее воспитаніе лучше, онъ будетъ всегда у васъ на глазахъ, манеръ мѣщанскихъ не наберется.

— Что вы, матушка, толкуете о домашнемъ воспитаніи! для этого нужны большія деньги, молвилъ отецъ, пожимая плечами.

— Не Богъ знаетъ какія деньги! Я буду вамъ помогать, буду...

— Вы?... Нѣтъ, вашъ планъ никуда не годится, съ улыбкой прервалъ ее отецъ и вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N—ской школѣ. Рѣшились толкнуться туда, и черезъ мѣсяцъ я поступилъ въ училище. Вступилъ я въ него съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ наукѣ. «И на что нужна эта проклятая наука, думалось мнѣ: какое мнѣ дѣло до сравнительной степени именъ прилагательныхъ и до страдательнаго залога?»

Училище находилось въ центрѣ города, ходить туда изъ Измайловскаго полка было далеко, и отцу пришлось нанять квартиру поближе. Новая квартира была дороже старой, плата въ училище тоже была значительна, все это не остановило и не смутило отца, получавшаго 16 рублей 64 копѣйки серебр. мѣ-

сячнаго жалованья, изъ котораго дѣлались вычеты за разныя пропажи.

— Теперь надо, Соня, намъ работать, говорилъ онъ:—полно жить для себя. Онъ воображалъ, что они когда нибудь жили для себя.

— Что жь, Вася, за мной дѣло не станетъ, были бы заказы, отвѣчала матушка. И вотъ два человѣка принялись трудиться, не разгибая спины, чтобы выростить одного

Отецъ въ свободные дни прилежно занимался столярною работою, дѣлалъ на продажу бритвенные ящики, клѣтки и другія мелкія вещи. Мать шила. Помню я до сихъ поръ, какъ въ темные зимніе вечера, когда я бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она еще все сидитъ и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое, худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцалуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого не отвѣчалъ поцалуями на ея поцалуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня, или что я не сплю отъ нездоровья; я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святыя, благодатныя мгновенья! полныя кроткой материнской любви, не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не вашъ ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее, научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Въ одно сентябрьское утро меня разбудили ранѣе обыкновеннаго. Мнѣ было приготовлено чистое бѣлье и тщательно вычищенныя курточка и брючки. Когда я одѣлся, матушка заботливо сняла съ моего платья нѣсколько пушинокъ, приставшихъ къ нему, напомадила и начала приглаживать мои волосы, что въ другое время обыкновенно дѣлалъ я самъ.

— Не очень ухорашивай его, Соня, не на балъ ѣдетъ, замѣтилъ отецъ. Мы напились чаю и стали собираться идти въ школу.

— Я думаю, еще слишкомъ рано, сказалъ отецъ, глядя на часы.

— Мы сперва въ церковь зайдемъ, отвѣчала матушка.

— Ну, это твое дѣло; если такъ нужно, то заходи.

Я и матушка пошли. По дорогѣ зашли въ храмъ, поставили свѣчу св. Козьмѣ и Дамьяну, матушка помолилась, я разсѣянно приложился къ иконѣ и мысленно былъ въ училищѣ, куда черезъ нѣсколько минутъ попалъ и въ самомъ дѣлѣ.

Въ узкомъ корридорѣ большаго каменнаго зданія, гдѣ помѣщалась школа, шумѣли и суетились толпы воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, сословій и вѣроисповѣданій. Пробравшись не безъ труда и толчковъ сквозь пеструю массу мелкаго народа, отцовъ еще не существующаго поколѣнія, мы вошли въ пріемную комнату. Матушка подошла со мною къ директору училища, сидѣвшему за большимъ письменнымъ столомъ, около котораго съ газетами и книгами въ рукахъ сидѣли и стояли учителя: въ училищѣ имъ и счету не было. Директоръ, г. Сарторіусъ, вѣжливо раскланялся съ матушкою и заговорилъ съ нею по нѣмецки; она объяснила, что не говоритъ на этомъ языкѣ, директоръ посиѣшилъ объясниться по французски, коверкая каждое слово и выговаривая је, какъ ше.

— Вы поступаете въ младшій классъ, обратился онъ ко мнѣ. Въ эту минуту раздался рѣзкій, продолжительный звонъ колокольчика. Я вздрогнулъ.

— Теперь пора въ классъ, сказалъ директоръ. Я на скоро простился съ матушкою и пошелъ за Сарторіусомъ. Пройдя длинный корридоръ и завернувъ за уголъ, мы подошли къ дверямъ со стеклами. Школьный служитель, Schuldiener, исправлявшій въ числѣ другихъ обязанностей и обязанность палача, отворилъ передъ нами дверь, и директоръ ввелъ меня въ классъ, гдѣ уже начались занятія. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ учителемъ, директоръ вышелъ.

Я стоялъ съ потупленною головою, смутно слыша сдержанный смѣхъ и шопотъ учениковъ.

— Тише! крикнулъ учитель и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ моя фамилія: онъ ее уже узналъ отъ директора, но исполнялъ въ точности роль допросчика.

— Рудый, тихо отвѣчалъ я.

— А! русакъ, нашъ братъ. Хорошо, что ты попалъ въ мой часъ, я тебѣ и друга хорошаго дамъ, тоже изъ русскихъ. Розенкампфъ! позвалъ учитель одного изъ учениковъ: — вотъ тебѣ другъ; слушай его, сиди съ нимъ вмѣстѣ въ мои часы; это примѣрный ученикъ, говорилъ Саломірскій (такъ звали учителя), указывая мнѣ на ученика, подошедшаго къ кафедрѣ. Я рѣши-

тельно не зналъ, что значитъ быть чьимъ нибудь другомъ и какъ имъ сдѣлаться. «Если ты мнѣ другъ, то купи билетъ на мою лоттерею», говорили одинъ другому воспитанники госпожи Соколовой; отъ нихъ же слышалъ я еще слѣдующія фразы со словомъ другъ: «хорошъ же ты другъ, всѣ свои пряники одинъ слопалъ!» или: «какой ты другъ, и подсказать-то мнѣ не могъ!» Подъ вліяніемъ этихъ понятій о дружбѣ я робко взглянулъ на моего будущаго друга и примѣрнаго ученика.

Первое, что меня поразило въ примѣрномъ ученикѣ, была необыкновенная блѣдность его лица: въ немъ не было ни кровинки; худое, миніатюрное, оно окаймлялось черными волосами, весьма гладко приглаженными, и только у пробора какъ-то затѣйливо поднимался непокорный вихоръ, точно онъ хотѣлъ сказать каждому встрѣчному: дудки, братъ, меня не пригладишь! Изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ зорко глядѣли сощуренные черные глаза, а по губамъ пробѣгала недѣтская, отталкивающая усмѣшка. Встрѣтясь съ этимъ мальчикомъ въ саду или у знакомыхъ, я не подошелъ бы къ нему съ радушнымъ предложеніемъ поиграть; но тутъ, противъ воли, приходилось сдѣлаться его другомъ.

— Садись на мѣсто, сказалъ Розенкампфъ, и пошелъ со мною къ задней скамьѣ. — Ты не вздумай и въ самомъ дѣлѣ послушать этого дурака и сдѣлаться моимъ другомъ, шепнулъ онъ мнѣ дорогою. Мы сѣли; кто-то съ боку успѣлъ ущипнуть меня за руку, спросивъ о цѣнѣ сукна на моей курточкѣ; мнѣ было очень больно, но я не поморщился. Учитель диктовалъ, выкрикивая слово за словомъ и шагая изъ угла въ уголъ. По окончаніи диктовки, онъ отобралъ тетради учениковъ, связалъ ихъ веревочкой и началъ вызывать по фамиліямъ мальчиковъ, заставляя ихъ отвѣчать наизусть заданныя имъ басни и стихотворенія. До моего слуха долетали слова: «двойка», «единица», «нуль», «я тебя запишу въ тадель».

— Зачѣмъ записываютъ въ тадель? спросилъ я у Розенкампфа.

— Чтобы инспекторъ наказалъ ученика, отвѣчалъ сосѣдъ.

— За что же наказывать?

— За то, что дурно учится или болтаетъ въ классѣ, какъ ты.

Меня разозлилъ этотъ отвѣтъ.

— Я и не думалъ болтать, я только спросилъ, что значитъ тадель.

— Это можно было сдѣлать и послѣ класса.

— Кто такъ разговариваетъ? крикнулъ Саломірскій.

— Новичокъ, это новичокъ–съ болтаетъ, г. Саломірскій, закричали радостными голосами нѣсколько учениковъ.

— Обнимись на первый разъ съ печкой, ступай къ ней! сказалъ мнѣ учитель. Я, дрожа всѣмъ тѣломъ, всталъ со своего мѣста, чтобы обняться съ печкой.

— Сиди, шепнулъ Розенкампфъ и дернулъ меня за рукавъ; я присѣлъ. — Онъ не болталъ, г. Саломірскій, сказалъ Розенкампфъ, фамильярно обращаясь къ учителю:—ему нужно было спросить меня о дѣлѣ, сами же вы меня ему въ друзья назначили.

— Такъ ты бы такъ и сказалъ! А вы, ябедники, сейчасъ рады насплетничать, и на кого же? на новичка! Я васъ всѣхъ заставлю съ печкой цаловаться, шушера, мелюзга! Кричалъ Саломірскій и началъ еще болѣе ставить нулей.

Ученики, получившіе неутѣшительный баллъ, отходили отъ каѳедры съ злобными лицами. «Пьяница!» почти вслухъ говорили они, «не выспался вѣрно, опохмѣлиться хочется!» Саломірскій точно былъ пьяница. Онъ принадлежалъ къ числу многихъ безцвѣтныхъ, заѣденныхъ средою, т. е. дрянныхъ и жиденькихъ натуръ; къ учительской обязанности онъ не чувствовалъ никакой способности и все же училъ дѣтей, потому что и во всякомъ другомъ званіи онъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Горе о своей негодности онъ запивалъ виномъ, злобу вымѣщалъ на ученикахъ бранью и нулями. По вечерамъ онъ приходилъ въ классы, шатаясь, садился на каѳедру и дремалъ, изрѣдка, съ просонья, оглашая классъ криками: шушера, мелюзга, сволочь! Но дѣти не боялись его вечеромъ; они знали, что онъ не въ состояніи даже балловъ вписать въ журналъ; расписываясь вечеромъ въ журналѣ, онъ съ трудомъ выводилъ перомъ: «Сало» и, сдѣлавъ вмѣсто остальныхъ буквъ своей фамиліи длинную чернильную черту, бросалъ перо. Учились у него плохо, выучивались немногому и въ годъ едва–едва начинали писать подъ диктовку, не дѣлая двадцати ошибокъ на каждой страницѣ. И какъ же было научиться писать, если учитель, продиктовавъ что нибудь, отбиралъ тетради и повѣрялъ ихъ дома; дѣти вообще не имѣютъ привычки разсматривать повѣренное учителемъ, взглянутъ они на подпись, гдѣ значится сколько у нихъ ошибокъ, и сложатъ тетради; вздумай учитель продиктовать имъ то же самое и они сдѣлаютъ тѣ же самыя ошибки. Саломірскій, какъ и многіе учи-

теля, не понималъ этого. Неизвѣстно, почему держали его въ училищѣ и не выгоняли вонъ.

Наконецъ, послышался звонокъ: первый часъ кончился, на десять минутъ ученикамъ давалась свобода. Въ классѣ начался шумъ и гамъ. Шумѣли болѣе всего около меня. Вопросы о достоинствѣ моего сукна, сопровождаемые щипками, и насмѣшки надъ приглаженными волосами сыпались градомъ, и уже не одна рука прогулялась по моей головѣ.

— Кто тебя вылизалъ, маменька или нянюшка?

— Почемъ аршинъ сукно на твоей курткѣ?

— Косой заяцъ, давно ли ты изъ лѣсу?

Я сидѣлъ, какъ мокрая курица, я не зналъ ни одной фамиліи и не могъ ни у кого попросить заступничества и помощи. Розенкампфа не было въ комнатѣ. Вдругъ раздались крики: масло жать, масло жать изъ новичка! вся ватага бросилась на скамью, гдѣ я сидѣлъ, и меня приперли къ стѣнѣ... Въ эту минуту появился Розенкампфъ.

— Охота тебѣ сидѣть тутъ, сказалъ онъ мнѣ: — здѣсь оглохнуть можно и жара нестерпимая, въ корридорѣ лучше.

Онъ взялъ меня за руку и провелъ сквозь толпу шумѣвшихъ школьниковъ въ корридоръ. На моихъ глазахъ были крупныя слезы, въ воображеніи рисовалась страшная картина выжиманья изъ меня масла. Я всхлипывалъ.

— Какой ты трусъ и неловкій! польстилъ мнѣ Розенкампфъ, когда мы вышли въ корридоръ, и его лицо исказилось опять гадкой, недѣтской усмѣшкой. Онъ, кажется, жалѣлъ, что спасъ меня отъ выжиманья масла, и хотѣлъ теперь насмѣяться надо мною. — Недостаетъ только, чтобы ты разревѣлся и пошелъ бы жаловаться на товарищей, говорилъ онъ.

— А развѣ вы не плакали, когда васъ щипали и масло изъ васъ жали?

— Я никогда не плачу, я не такая баба, какъ ты.

Мнѣ стало досадно, и я поспѣшилъ идти обратно въ классъ.

— Не расплачься! крикнулъ мнѣ вслѣдъ Розенкампфъ и засмѣялся.

Нѣтъ, Саша не расплакался бы, потому что въ первый разъ въ жизни онъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Ему самому хотѣлось побить кого нибудь, больно побить, чтобы слышать крики о пощадѣ, видѣть чужія, горячія слезы. Скверное, еще невѣдомое чувство было у него на душѣ, и если бы ему попалось въ эту

минуту самое беззащитное животное, онъ прибилъ бы и его, растопталъ бы своими ногами и звонко захохоталъ бы, услышавъ его стоны. Никогда послѣ не возвращалось ко мнѣ это звѣрское чувство, но воспоминаніе о немъ осталось въ моей памяти, и теперь я чувствую, что я способенъ къ нему такъ же, какъ мой отецъ, какъ всѣ чисторусскіе, безъ примѣси чухонщины, люди.

Впрочемъ, поколотить я не успѣлъ никого, потому что въ классъ вкатился новый учитель.

IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Я сказалъ: вкатился, ибо этотъ учитель болѣе походилъ на пивной котелъ, на барабанъ, на бочку, чѣмъ на существо, сотворенное по образу и по подобію Божію. Первый звукъ, произведенный этимъ созданіемъ, была звонкая оплеуха. Ее получилъ мальчуганъ, которому учитель отдавилъ въ дверяхъ ногу. Послѣ звука оплеухи послѣдовалъ оглушительный чохъ, звукъ, похожій на ударъ палкою въ сковороду. Потомъ началось сморканье, не менѣе звучное и раздирающее слухъ; при процессѣ сморканья большой платокъ учителя принялъ форму трубы... Въ классѣ царствовала тишина могилы, можно было услышать полетъ мухи, но, кажется, и онѣ присмирѣли и забились въ углы. Только шелестъ листовъ школьнаго журнала, медленно переворачиваемыхъ учителемъ, нарушалъ эту мертвую тишину, и въ ней было нѣчто зловѣщее... Скверно, когда дѣти сидятъ *такъ* тихо въ классѣ.

— Герценъ! сказала бочка, носившая фамилію Рейтмана. Къ каѳедрѣ подошелъ бѣлокуренькій нѣмецъ; онъ видимо робѣлъ. Бочка пристально и медленно обвела его глазами и, кажется, осталась довольна, сдѣлавъ мысленное заключеніе: не знаетъ!

— Какъ по русски: die Flinte? спросилъ Рейтманъ.

— Ружье, отвѣчалъ Герценъ.

— Der Kamm?

— Гребонка.

— Какъ? какъ? обрадовался Рейтманъ.

— Гребонка.

— А! ты ничего не знаешь. Вурмъ, какъ по русски: der Kamm? спрашивалъ Рейтманъ, подзывая другаго ученика.

— Гребэнка, отвѣчалъ Вурмъ.

— Ты тоже ничего не знаешь, мой другъ; останься, мой другъ, здѣсь! Глаза учителя налились кровью и бѣгали.—Розенкампфъ, скажи имъ это слово.

— Гребенка, отвѣчалъ Розенкампфъ.

— Das ist's, das ist's! гребенка, гребенка. Слышите вы, мои друзья, гребенка! Учитель уже дралъ обѣими руками уши Герцена и Вурма. — Я вамъ говорилъ, что надо помнить каждую букву, каждое удареніе. Я вамъ говорилъ, что если васъ ночью спросятъ слово изъ урока, то вы должны вѣрно отвѣтить на вопросъ, перевернуться на другой бокъ и уснуть. Я вѣдь говорилъ вамъ все это тысячу разъ, мои друзья. Уши учениковъ страдали страшно.

Такъ шелъ весь урокъ. Около каѳедры накоплялось все болѣе и болѣе учениковъ, ошибавшихся въ одной какой нибудь буквѣ. Тутъ были перебраны: пыль, пилъ, пиль и пылъ, соленые и солэные, столъ и столь, и какъ только добирались до настоящаго выговора роковыхъ словъ, такъ сейчасъ же начиналось драньe за уши всѣхъ учениковъ, стоявшихъ у каѳедры, и повтореніе словъ: das ist's, das ist's, mein Freund! За рѣшеніемъ вопросовъ Рейтманъ обращался всегда къ Розенкампфу, какъ первому ученику въ классѣ, сидѣвшему въ немъ уже второй годъ. Розенкампфъ отвѣчалъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и злостью, не двигаясь съ мѣста, и если только подмѣчалъ ошибку въ выговорѣ самого Рейтмана, то тотчасъ же говорилъ ему: вы сами не такъ выговариваете. Рейтманъ багровѣлъ отъ злобы и признавался въ ошибкѣ. Розенкампфу все сходило съ рукъ.

Какъ ни страшенъ былъ учитель, какъ ни боялись ученики, что ихъ вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ и начнутъ драть за уши, но все же они страшно скучали и черезъ силу удерживались отъ разговоровъ и сохраняли тишину. Посреди этой тишины даже уже слышалось жужжанье мухи; неотвязчивое насѣкомое назойливо жужжало и жужжало и — странное дѣло — это жужжанье начало наконецъ возбуждать смѣхъ на задней скамьѣ.

— Что у васъ тамъ? Крикнулъ Рейтманъ по нѣмецки и уже скатился съ каѳедры и летѣлъ по классу.

Начались оплеухи, допросы и новыя оплеухи, и муха отыскалась во образѣ одного русскаго мальчугана. Виновному доста-

лось нѣсколько звучныхъ пощечинъ и велѣно было ему, рабу Божію, и двумъ его сосѣдамъ стоять въ продолженіи недѣли на колѣняхъ во время уроковъ Рейтмана. Такъ прошелъ второй урокъ; меня Рейтманъ заставилъ прочесть двѣ строчки и объявилъ мнѣ, что я читаю по нѣмецки хуже всякаго сапожника; больше со мною онъ не разговаривалъ.

Для полнѣйшей характеристики господина Рейтмана разскажу нѣсколько случаевъ изъ его дѣятельности. Однажды онъ забылъ дома свою табакерку, пришелъ въ классъ, позвалъ къ себѣ своего сына, поколотилъ его и велѣлъ сбѣгать домой за забытою вещью. Другой разъ онъ по ошибкѣ далъ оплеуху одному болѣзненному мальчику, тотъ упалъ въ обморокъ. Рейтманъ поблѣднѣлъ, послалъ за водою, торопливо растегнулъ ученику курточку и, когда тотъ пришелъ въ память, началъ ласкать мальчика, просилъ у него извиненія и заставлялъ при себѣ прибить того школьника, за котораго невинный получилъ оплеуху. Ребенокъ не согласился, и Рейтманъ имѣлъ удовольствіе собственноручно поколотить виновнаго. Бить, бить и бить было маніею бочкообразнаго господина, онъ ставилъ баллы снисходительнѣе другихъ учителей, ибо за худой баллъ ребенка наказывалъ инспекторъ, оставлявшій его въ школѣ по средамъ и субботамъ долѣе урочнаго часа, и Рейтману это не могло принести удовольствія. Онъ билъ съ увлеченіемъ, поддразнивалъ себя, искалъ случая придраться. Во дни студенчества онъ готовился въ пасторы, невыдержалъ экзамена и посвятилъ себя преподаванію нѣмецкаго языка и всеобщей исторіи. Послѣдній предметъ зналъ онъ по Беккеровой Weltgechichte и пользоваться другими пособіями не считалъ нужнымъ. Мы зубрили у него тысячи именъ и годовъ, объ иномъ королѣ въ исторіи только говорилось то, что сей знаменитый мужъ былъ плѣшивъ, и въ нашемъ воображеніи рисовалась вмѣсто человѣка одна громадная историческая плѣшь, но все же мы были обязаны помнить о ней такъ же, какъ помнили о дѣлахъ Александра Македонскаго. Въ часы исторіи приносилась въ классъ географическая карта и длинная палка-указка, карта рѣдко шла въ дѣло, но палка безостановочно гуляла по нашимъ головамъ, вбивая въ нихъ имена и числа. Рейтманъ разсказывалъ событія съ жаромъ и со своей точки зрѣнія, отвергалъ въ человѣкѣ свободную волю, толковалъ о предопредѣленіи, вѣроятно вспоминая о неудачной попыткѣ сдѣлаться пасторомъ, и проповѣдывалъ Resignation; при этомъ его масляные

глазки возводились къ небесамъ, то есть къ классному потолку, гдѣ часто виднѣлись комки жованной бумаги и болтающіеся чертики, и по жирнымъ щекамъ проповѣдника сочилась одинокая слезка умиленія, потомъ глазки вдругъ смахивали долу и искали, нѣтъ ли виновнаго, нельзя ли кого нибудь побить. И вѣдь находилъ, всегда находилъ!

Этому учителю обязанъ я многими слезами, безсмысленнымъ знаніемъ всеобщей исторіи и чистымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ уроками прошелъ довольно сносно, я даже не замѣтилъ, какъ вошелъ въ классъ учитель. Впрочемъ, трудно было и замѣтить; онъ какъ будто не входилъ въ классъ, а просто находился въ немъ и прежде, сидя гдѣ-то въ толпѣ учениковъ, и теперь только вошелъ на каѳедру, чтобы дѣти замѣтили его присутствіе.

— Тише, тише, дѣти! увѣщевалъ учитель школьниковъ.

Отъ увѣщанія сдѣлалось немного тише, ученики по видимому не боялись этого господина. Я сталъ его разсматривать.

Представьте себѣ безконечно длинную, невообразимо худую фигуру съ лицомъ, изрытымъ морщинами, съ какимъ-то бѣловатымъ шрамомъ на лбу, съ двумя клочками бѣловато желтыхъ волосъ на ввалившихся щекахъ (нѣкоторые говорили, что эти клочки представляютъ бакенбарды) и точно такого же цвѣта хохломъ надо лбомъ; прибавьте къ этому изображенію длинный, тонкій носъ и ротъ, почти лишенный зубовъ — вы будете имѣть *почти* полный портретъ господина Мейера, преподававшаго въ младшихъ классахъ математику, исправлявшаго должность библіотекаря и замѣнявшаго, безъ всякаго за то вознагражденія, отсутствующихъ гувернеровъ. Еще сидя на скамьѣ, я успѣлъ разсмотрѣть это лицо, и оно поразило меня своею некрасивостью: оно было не страшно, но до крайности смѣшно. Такое смѣшное безобразіе можно найдти только въ нѣмцахъ; въ Германіи вы часто встрѣтите буршей, взглянувъ на которыхъ, расхохочется даже самый суровый человѣкъ, и невольно вырвется у него восклицаніе: «вѣдь создалъ же Богъ этакую потѣшную штуку!»

Мейеръ позвалъ меня къ себѣ.

— Кафаришь ты по нѣмецки, mein junge? спросилъ онъ меня.

— Я по нѣмецки не знаю, отвѣчалъ я, стараясь не смотрѣть на его лицо.

— Ну, Богъ дастъ, выучишься. Арифметикъ ты изучалъ?

— Четыре правила простыхъ чиселъ знаю.

— Умѣешь считать безъ доскъ въ голова?

— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— И это выучишься; всё, мой дружокъ, выучишься; надо только быть умный, прилежный мальшикъ, и всё выучишься, даже и то, чего я не знайтъ. Нѣмецъ гладилъ меня по головѣ и ласково разсматривалъ черты моего лица. Я рѣшился взглянуть на него и, Боже мой, какіе чудесные глаза я увидалъ! Голубые, ясные, какою глубокою любовью свѣтились они изъ подъ нависшихъ желтоватыхъ бровей! Ихъ грѣющій взглядъ ласкалъ меня такъ же, какъ его рука ласкала мои волосы. И мнѣ кажется, я не отошелъ бы во вѣкъ отъ этого некрасиваго, смѣшнаго человѣка, чтобы только чувствовать на себѣ его взглядъ, быть подъ его защитой.

Вскорѣ я узналъ исторію жизни господина Мейера и постараюсь теперь же разсказать ее читателю: отдохнуть мнѣ захотѣлось.

Мейеръ родился бѣднякомъ, воспитывался въ Германіи и кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ. Первымъ ученикомъ онъ нигдѣ не былъ, неспособнымъ его считали вездѣ, товарищи подшучивали надъ нимъ, и между тѣмъ что-то непреодолимо тянуло къ нему всѣхъ людей. Это что-то притягивающее проявлялось во всемъ его существѣ; но что это было — объяснить не было возможности. Къ нему приходили за совѣтами, просили его быть посредникомъ между поссорившимися друзьями, желали слышать его мнѣнія о дѣятельности разныхъ людей, хотя знали, что онъ былъ однимъ изъ непрактичнѣйшихъ существъ въ мірѣ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался учителемъ математики и женился по любви. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но его рожденіе стоило женѣ Мейера жизни. Мейеръ, почти юноша, остался съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, но не тяготился ребенкомъ, какъ не тяготился ничѣмъ. Сынъ росъ и учился отлично, во всѣхъ классахъ онъ былъ первымъ; настало время послѣднихъ экзаменовъ, мальчикъ сдалъ ихъ блистательно и вдругъ занемогъ горячкою: черезъ недѣлю его не стало. Мейеръ чуть не сошелъ съ ума. Мало по малу онъ успокоился и въ качествѣ домашняго учителя уѣхалъ съ семействомъ одного барина въ Россію, черезъ три года онъ поступилъ учителемъ въ N—скую школу. Онъ любилъ всѣхъ и все, ему рѣдко платили благодарностью за любовь и смѣялись надъ нимъ всѣ: «смѣшонъ, какъ Мейеръ», было школьною поговоркой; но

стоило Мейеру сказать, что онъ хочетъ оставить школу, и всѣ вдругъ начинали его упрашивать остаться: безъ Мейера школа была бы не полна. Онъ вѣчно рылся въ библіотекѣ, читалъ всѣ педагогическія книги и писалъ проэкты воспитанія дѣтей; проэкты выходили крайне гуманны и честны, но совершенно непрактичны: въ людяхъ Мейеръ видѣлъ какихъ-то свѣтлыхъ духовъ. Послѣ паденія каждаго проэкта онъ приходилъ въ классъ необычайно грустнымъ.

— Что вы скучны, г. Мейеръ? спрашивали его ученики.

— Мой проэктъ о вашемъ счастіи неудался, я его писалъ съ такая любовь, такъ хотѣлъ вамъ изученіе наукъ облегчать, и онъ палъ! отвѣчалъ Мейеръ и вечеромъ душилъ пансіонеровъ чтеніемъ извлеченій изъ проэктовъ. Ученики такъ привыкли къ этому, что наконецъ прямо спрашивали Мейера, если онъ былъ грустенъ:

— Что, г. Мейеръ, вѣрно вашъ проэктъ палъ?

— Палъ! качая въ раздумьи головою, отвѣчалъ старикъ — виноватъ! я хотѣлъ сказать: старое дитя.

Только однажды ученики ошиблись; на ихъ обычный вопросъ учитель отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я еще не имѣлъ честь представлять высокой конференціи свой проэктъ, но моя канарейка улетѣлъ!... И у Мейера навернулись на глаза слезы. Онъ страстно любилъ птицъ. Въ этотъ разъ впервые высказалась вполнѣ любовь учениковъ къ учителю. Они, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили единогласно, что надо купить Мейеру новую канарейку, и на другой день у него разомъ появилось пять штукъ канареекъ. Не мало было смѣху при видѣ его радости: онъ переходилъ отъ одной птички къ другой, слушалъ ихъ пѣніе, разговаривалъ съ ними на разныхъ языкахъ. «А твой вѣрно не знайтъ по нѣмецки, я съ тобой будетъ по русски объясняйтся», говорилъ онъ и наконецъ сказалъ ученикамъ:

— Сегодня мой самый спастливый день. Сегодня я херой!

Это слово вызвало всеобщій смѣхъ, и Мейеръ навсегда получилъ названіе героя. Но съ этого дня онъ совсѣмъ пересталъ оскорбляться насмѣшками и еще болѣе полюбилъ дѣтей-учениковъ. Часто отстаивалъ онъ насъ своею грудью... Даже паденіе его проэктовъ дѣйствовало на него менѣе грустно, чѣмъ прежде.

— Когда нибудь мои проэкты примутъ, говорилъ онъ: — и я буду спастливъ.

— Героемъ будете? зубоскалили ученики.

— Да, хероемъ, отвѣчалъ Мейеръ...

Возвращаюсь къ занятіямъ третьяго часа.

Мейеръ задавалъ задачи, и ученики должны были рѣшать ихъ въ умѣ, безъ помощи досокъ, тетрадей, грифелей и карандашей. Задачи Мейеръ выдумывалъ очень интересныя, часто это были цѣлые анекдоты, и вообще онъ приспособлялъ ихъ къ нашимъ дѣтскимъ понятіямъ. Ученики смѣялись, каждый спѣшилъ поскорѣе рѣшить задачу, всѣ были оживлены и веселы. Это былъ не урокъ, но игра, болѣе полезная, чѣмъ всѣ уроки съ громкою бранью, оплеухами и выговорами. Я успѣлъ въ этотъ урокъ рѣшить скорѣе другихъ одну задачу, замаскированную Мейеромъ въ большой анекдотъ, и онъ назвалъ меня молодцомъ, утѣшивъ снова тѣмъ, что я буду знать даже то, чего онъ не знаетъ.

Послѣ звонка большая часть учениковъ разошлась по домамъ, пансіонеры пошли обѣдать и послѣ обѣда побѣжали на дворъ играть. Я съѣлъ свой скромный завтракъ, состоявшій изъ булки съ масломъ и сыромъ, и тоже пошелъ гулять на школьный дворъ, гдѣ шумѣли и кричали ученики всѣхъ классовъ, летали мячи, взмахивались палки и иногда жалобно взвизгивали собаки, случайно попавшія въ страшную кутерьму разыгравшихся дѣтей.

X.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

На дворѣ я сѣлъ на ступеньку школьнаго надворнаго крыльца и задумчиво смотрѣлъ на играющихъ дѣтей. Мнѣ было скучно и грустно, но я не желалъ вмѣшиваться въ ихъ пеструю толпу, она была слишкомъ шумна, а я не привыкъ ни къ какому шуму, ни къ веселому въ родѣ игры, ни къ печальному въ родѣ драки. Въ моей головѣ носились какія-то смутныя мысли. «Что было бы со мною, думалось мнѣ, если бы изъ меня выжали масло? Я вдругъ сдѣлался бы тоненькимъ, претоненькимъ. И неужели изъ каждаго-то человѣка здѣсь выжимаютъ масло? Изъ Рейтмана, я думаю, не выжимали, оттого онъ и толстый такой. Однако, какой же онъ злой! всѣхъ онъ колотитъ. Если онъ меня поколотитъ, то я Мейеру пожалуюсь; славный этотъ Мейеръ, только какой онъ смѣшной и худенькій; ему не справиться съ Рейтма-

номъ, вотъ мой папа такъ справится: лучше я ему на Рейтмана пожалуюсь. А что-то дѣлаетъ теперь папа? Стругаетъ, я думаю, что нибудь или обо мнѣ съ мамашей разговариваетъ, можетъ быть, и бабушка у насъ... Сбѣгать бы домой». Мои мысли мало по малу унеслись домой, и мнѣ стало еще скучнѣе: три часа, которые я долженъ былъ просидѣть въ училищѣ, представлялись мнѣ въ видѣ трехъ дней, даже болѣе. Наконецъ меня вывелъ изъ задумчивости разговоръ двухъ мальчиковъ, проходившихъ по двору.

— Новичокъ? спрашивалъ одинъ изъ нихъ у другаго.—Какъ его фамилья?

— Рудый, отвѣчалъ другой; это былъ Розенкампфъ.

— Русскій, значитъ къ батькѣ полку прибыло.

— Да только вѣрно не въ нашъ классъ, а въ младшій.

— Вотъ мы его сейчасъ проэкзаменуемъ, такъ и увидимъ, въ который классъ онъ пойдетъ.

— Рудый, ты знаешь что нибудь изъ закона Божьяго? спросилъ ученикъ, говорившій съ Розенкампфомъ. Это былъ довольно большой мальчикъ изъ старшаго класса съ темнорусыми волосами, съ открытымъ лицомъ и не по лѣтамъ мужественный; верхняя губа у него покрывалась легкимъ пушкомъ.

— Знаю краткій катехизисъ и ветхій завѣтъ по пространной исторіи, больше ничего не знаю, отвѣчалъ я и почему-то разсердился.

— А молитвъ не знаешь? спросилъ, смѣясь, большой ученикъ, показавъ мнѣ два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Молитвы и пятилѣтнія дѣти знаютъ, а мнѣ десять лѣтъ.

— Ого! какой старикъ, да еще и сердитый.

— Лучше быть сердитымъ, чѣмъ смѣяться надъ новичками.

— Такъ ты пожаловался бы на тѣхъ, кто надъ новичками смѣется, сказалъ большой ученикъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не тебѣ ли? спросилъ я.

— Хоть бы и мнѣ. Вѣдь я старшій ученикъ въ классѣ у батьки и первый силачъ въ школѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя, отвѣтилъ я и всталъ со ступеньки, чтобы идти въ классы.

— За что же ты злишься, Рудый? спросилъ неотвязчивый школьникъ и удержалъ меня за рукавъ.

— Оттого что мнѣ скучно, оттого что ты и Розенкампфъ

смѣетесь надо мной, оттого что вы мнѣ надоѣли! голосъ мой начиналъ дрожать отъ подступившихъ къ глазамъ слезъ.

— Сейчасъ заплачетъ, улыбаясь промолвилъ Розенкампфъ.

— Нѣтъ, не заплачу! Ты глупый мальчишка! крикнулъ я и побѣжалъ къ играющимъ дѣтямъ.

— Новичокъ! новичокъ! не хочешь ли въ городки играть? Да какъ тебя зовутъ?

— Александръ Рудый, отвѣчалъ я, и согласился играть въ городки съ незнакомымъ мнѣ мальчуганомъ. Первый шагъ былъ сдѣланъ, игра меня разсѣяла, и въ часъ свободнаго времени я научился играть и въ городки, и въ лапту. Черезъ часъ послышался призывной звонокъ, и мы всѣ побѣжали въ классы, гдѣ уже собрались вольноприходящіе ученики, уходившіе домой. Я былъ красенъ какъ ракъ, мои волосы взбились и безпорядочно лежали на головѣ, съ лица лилъ крупный потъ, грудь широко дышала. Мнѣ было весело и хорошо.

— Наигрался? Теперь пойдемъ въ классъ къ попу, сказалъ мнѣ ученикъ, говорившій со мной на дворѣ.—Да не будь такимъ злымъ и плаксой, плачутъ только старыя бабы,—тѣ всегда хнычутъ. И ученикъ представилъ передо мною, какъ хнычутъ старыя бабы; онъ былъ сорви-голова и весельчакъ. — Не будешь плакать, и смѣяться надъ тобой не станутъ.

— Пускай смѣются, я и самъ умѣю смѣяться, весело отвѣчалъ я.

— Молодецъ! Лучше смѣяться, чѣмъ плакать.

Мы вошли въ комнату, въ который обыкновенно давалъ уроки священникъ. Всѣ православные школьники раздѣлялись у него на два класса, на младшій и старшій; я поступилъ въ старшій, потому что былъ довольно далекъ въ знаніи Священной Исторіи. Наконецъ явился и священникъ.

— Нѣтъ ли иновѣрцовъ? спросилъ онъ, выговаривая твердо на о и расчесывая широкимъ гребнемъ жиденькую бороду.

— Есть, батюшка.

— Иновѣрцы, воходите вонъ.

— Мы не будемъ шумѣть, батюшка.

— Врете вы, иновѣрцы, все вы врете; опять пакость какую ни на есть сотворите. Поди-ко карты притащили въ штанахъ?

— Ей Богу-съ, батюшка, картъ нѣтъ; хоть обыщите, увѣряли иновѣрцы.

— Ну, ну, не божитесь! Въ законѣ сказано: грѣхъ божиться. Сидите смирно,—не то всѣхъ къ порогу поставлю.

Православные хохотали, хотя весь этотъ разговоръ они слышали отъ слова до слова разъ сто; священникъ, кряхтя, усѣлся на свой стулъ и началъ спрашивать уроки. Классъ прошелъ довольно мирно; священникъ былъ добрякъ; бывало обругаетъ кого нибудь кочнемъ капустнымъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Первый школьный день окончился классами чистописанія и танцованія; эти два часа прошли вяло и скучно, и я избавлю читателя отъ чтенія ихъ описанія. Въ пять часовъ я отправился домой.

— Ну что, школа понравилась тебѣ? спросила матушка, когда я возвратился изъ училища.

— Да, хорошо, отвѣчалъ я, не сознавая, что было хорошаго въ школѣ, и только помышляя объ обѣдѣ.

— Не поколотили тебя? спросилъ съ улыбкой отецъ.

— Нѣтъ, не поколотили.

— Всегда глупости выдумаетъ! Кто же смѣетъ его поколотить и за что? Предоставляю угадать читателю, кто произнесъ эту фразу.

— Такъ, здорово живешь! Новичковъ вездѣ колотятъ, отвѣчалъ отецъ.

— Гдѣ нибудь въ мужицкой школѣ, у бурсаковъ, а не въ иностранномъ училищѣ.

— И тутъ, бабушка, есть мужики, поспѣшилъ я вмѣшаться въ разговоръ:—подлѣ меня сидитъ Онуфріевъ, такъ отъ его головы коровьимъ масломъ воняетъ.

— Господи! Куда же ты попалъ? Туда значитъ всякую дрянь принимаютъ? ужаснулась бабушка.

— Полноте, матушка! Не все ли равно дѣти, чьи бы они ни были? Вы же сами сердились, что Сашу не приняли въ гимназію; что же стали бы мы дѣлать, еслибы его и сюда не приняли?

— Я не объ Сашѣ говорю, а вотъ о томъ, отъ котораго коровьимъ масломъ воняетъ; вѣдь это значитъ онъ такъ-таки совсѣмъ мужикъ.

— Ну, и Саша не лучше.

— Саша не лучше? Саша? Вы помѣшались въ умѣ, Василій Александрычъ! Сына своего въ грошъ не ставятъ, съ мужиками равняютъ, съ сиволапыми, — ну, люди! заговорила бабушка. Я долго слышалъ ея восклицанія, сидя за перегородкой и уничто-

жая обѣдъ: я ѣлъ, какъ десять мужиковъ не могутъ ѣсть, не проголодавшись.

Первый день, проведенный мною въ новой школѣ — гниломъ болотѣ, не пробудилъ во мнѣ никакихъ ясныхъ ощущеній, мнѣ было ни весело, ни скучно: я сознавалъ только одно, что этотъ день пролетѣлъ стрѣлою. Такъ пролетѣло и еще нѣсколько дней; недѣль, и мало по малу въ моемъ умѣ сложились слѣдующія мысли: учителя большею частью злы и любятъ наказывать; это я видѣлъ самъ и другіе ученики подтверждали то же; значитъ надо прилежнѣе учиться, чтобы избѣжать наказаній. Лѣнтяи страдаютъ болѣе всѣхъ и отъ учителей, и отъ учениковъ. Ученики притѣсняютъ ихъ не потому, что не любятъ лѣнтяевъ, но потому, что на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся; и дѣти и большіе рады притѣснить и поглубже втоптать въ грязь тѣхъ, кто и безъ того давнымъ давно лежитъ по уши въ грязи и не можетъ изъ нея выкарабкаться. Эта мысль не моя, ее я слышалъ отъ отца и вполнѣ согласился съ нею, вглядываясь въ школьный міръ; значитъ надо прилежнѣе учиться. Я никакъ не соглашался въ душѣ съ мыслью отца, что я и Онуфріевъ одно и то же. Я былъ такой чистенькій и миленькій мальчикъ, я стыдился, если на моемъ сапогѣ или на курточкѣ появлялась дырка, или, что еще хуже, заплатка; на Онуфріевѣ же надѣтъ не то сюртучокъ, не то поддевка, платье это должно быть сшито изъ отцовскаго, ибо на немъ видны слѣды старыхъ швовъ. Мнѣ бабушка пророчила, что я буду генераломъ, а Онуфріевъ генераломъ не будетъ, его отецъ лабазникъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось сидѣть ниже Онуфріева, иногда даже слушать его приказанія. Чтобы пересѣсть на другое мѣсто выше его, нужно было прилежнѣе учиться. Вотъ тѣ доводы, которыми я доказалъ себѣ необходимость ученія и прилежанія.

Вамъ они нравятся, читатель? Нѣтъ? Но другихъ школа не выработываетъ. И вы, гдѣ бы вы ни воспитывались, руководствовались тѣми же соображеніями, учились изъ страха передъ наказаніями, изъ нежеланія подвергаться насмѣшкамъ товарищей, изъ стремленія удовлетворить свое маленькое самолюбьице самаго пошлѣйшаго свойства. Прилежаніе, вызванное подобными доводами, бываетъ всегда наружное и шаткое; ученикъ никогда не приготовитъ своего урока, если онъ знаетъ навѣрное, что учитель не заглянетъ въ его тетрадь, и никогда не прочтетъ ни строки, если учитель не прикажетъ, а просто замѣтитъ мимохо-

домъ: прочтите такую-то статью, если будетъ время. Понять пользу ученья съ другой, съ разумной стороны удается очень и очень не многимъ дѣтямъ, умамъ-самородкамъ,—не обязаннымъ своимъ развитіемъ ни родителямъ, ни глупымъ школамъ, ни гнилымъ учебникамъ. И обыкновенно эти-то дѣти никогда не бываютъ первыми учениками въ классѣ, учителя не ставятъ ихъ въ примѣръ другимъ школьникамъ, школьники смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Такой умъ-самородокъ былъ и у насъ въ школѣ, но объ немъ теперь еще не время говорить, я его тогда еще не понималъ, какъ не понимала его и вся школа; впрочемъ, мнѣ первому удалось разгадать эту личность, и рѣдко кого любилъ я такъ, какъ любилъ ее: въ ней были первыя струи свѣжаго воздуха, пахнувшія мнѣ въ лицо...

XI.

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ СИЛЬНО РАЗВИТАГО ВООБРАЖЕНІЯ.

Кромѣ этихъ общихъ школьныхъ доводовъ, доказывающихъ пользу ученія, были у меня и другіе.

До сихъ поръ я жилъ въ узкомъ семейномъ кругу, и большею частію между женщинами, всегда видя однѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ, слыша одни разговоры о дороговизнѣ и вѣчныя жалобы бѣдныхъ знакомыхъ. Съ другой стороны вѣчно невозмутимое, вѣчно спокойное лицо отца какъ будто намекало мнѣ, что въ жизни есть что-то *хорошее*, что до этого *хорошаго* можетъ дожить человѣкъ. Добылъ ли отецъ это *хорошее*, не было ли у него въ запасѣ клада, которымъ онъ могъ располагать въ случаѣ нужды, — я не зналъ; но мнѣ казалось, что у отца есть кладъ. Отъ бабушки я слышалъ, что я могу быть богатымъ и генераломъ, что въ этомъ состоитъ счастіе жизни и, чтобы его достигнуть, надо только кончить ученье и начать служить. Отецъ тоже говорилъ: учись—человѣкомъ будешь! То есть генераломъ буду, рѣшалъ я мысленно и рѣшился учиться, во что бы то ни стало. Каково было привести въ исполненіе эту рѣшимость?

Дѣти, выросшія въ одиночествѣ, слышавшія множество волшебныхъ сказокъ и повѣрившія пророчествамъ близкихъ людей о будущемъ счастіи, вообще склонны къ задумчивости и

мечтательности. Имъ тяжело принудить себя учить наизусть разную сушь школьныхъ учебниковъ, и они часто невольно дѣлаются лѣнтяями. Я испыталъ это на себѣ.

Бывало сижу я на креслѣ въ углу нашей комнаты и зубрю слова и фразы. Der reiche Pallast — богатый дворецъ, богатый дворецъ — der reiche Pallast, der reiche Pallast, твержу я уже безсознательно; мнѣ надоѣло это слово, и въ воображеніи моемъ начинаетъ рисоваться богатый дворецъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ; расхаживаютъ по его заламъ чудныя женщины, одѣтыя въ бархатъ и атласъ, скользятъ по паркету мужчины со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгаютъ хорошенькіе пажи. И вижу я себя входящимъ въ этотъ дворецъ, и всѣ улыбаются мнѣ, привѣтствуютъ меня: я герой. Что же далѣе? Этого-то далѣе я и не могу вообразить себѣ. Мнѣ кажется, что всѣ мнѣ удивляются, всѣ меня привѣтствуютъ, а я хожу и хожу по заламъ, и говорю со всѣми окружающими, пожимаю имъ руки и... И тянется эта однообразная картина долго, очень долго, глаза мои бездѣльно устремляются въ даль, гораздо далѣе противоположной стѣны нашей комнаты: она исчезаетъ и не мѣшаетъ мнѣ; передо мною раскидывается какая-то волшебная страна; это не широкое пространство синяго моря съ его блестящими при солнечномъ свѣтѣ волнами, не великолѣпная, сочной травой поросшая, гульливымъ вѣтромъ волнуемая степь, не горы съ снѣговыми вершинами, пугающія человѣческіе взоры своими громадными размѣрами, — всѣхъ этихъ чудесъ природы я не видалъ, не зналъ ихъ безсмертной красоты; въ моей волшебной странѣ несутся и движутся волшебные замки безъ основаній, которые можетъ построить только фантазія ребенка, мечутся образы безъ ясныхъ очертаній, сливаясь съ прозрачно-голубымъ, какъ утренній туманъ волнистымъ воздухомъ...

— Что, сынушка, выучилъ урокъ? весело спрашиваетъ меня отецъ.

— Нѣтъ, очнувшись, отвѣчаю я сконфуженнымъ голосомъ.

— Объ чемъ же задумался? уже заботливо говоритъ отецъ, и я знаю, что въ его головѣ промелькнула мысль: здоровъ ли онъ, не нужно ли ему чего? Сейчасъ его рука пощупаетъ мою голову: не горяча ли?

— Я твердилъ слова на память, начинаю я лгать своему доброму, чудесному отцу и поспѣшно наклоняюсь къ книгѣ, чтобы скрыть яркій румянецъ стыда, а въ головѣ мелькаетъ мысль:

какой я лгунъ! какой я дѣнтяй! завтра Рейтманъ придетъ въ классъ, и я не буду знать урока. Онъ меня оставитъ до семи часовъ въ школѣ; всѣ будутъ смѣяться, когда онъ станетъ мнѣ уши драть. Больше всѣхъ посмѣется Розенцвейгъ, онъ мнѣ рукою носъ сдѣлаетъ, *длинный носъ*... И снова я готовъ замечтаться по поводу длиннаго носа, я уже протянулъ въ умѣ до безконечности слово длинный и, дажетеля, соображаю, какъ онъ будетъ длиненъ... Но вотъ отецъ роняетъ на полъ рубанокъ. Я вздрагиваю и, какъ испуганныя птицы, Богъ вѣсть куда несутся мои дѣтскія, сонныя грезы; глаза приковываются къ книгѣ.

Много силъ, много даромъ потраченнаго времени потребовалось для того, чтобы побѣдить не въ мѣру развитое воображеніе, чтобы твердо преслѣдовать одну цѣль: учиться. Сколько наказаній, брани вынесъ я отъ учителей, сколько разъ рыдалъ я отъ боли въ надранныхъ до крови ушахъ, а иногда меня высѣкли за лѣность... развѣ думалъ я пережить этотъ день!.. Я кусалъ себѣ руку во время зубренья уроковъ, чтобы эта боль мѣшала мнѣ мечтать о постороннемъ... Правда, я уже въ мартѣ мѣсяцѣ того же года былъ третьимъ ученикомъ въ классѣ, но чего мнѣ это стоило! Господи, чего мнѣ это стоило! Какую страшную борьбу выдержалъ я, и только и есть въ ней отраднаго то, что я понялъ силу своего характера. Но для чего развивали мое воображеніе? Для чего развиваютъ его во всѣхъ дѣтяхъ?

Родится и ростетъ почти половина всѣхъ бѣдныхъ дѣтей нашей матушки Россіи въ душныхъ городахъ, гдѣ служатъ ихъ отцы-труженики, не видятъ они природы, оживляющей все существо человѣка и отрезвляющей его умъ, разсказываютъ имъ волшебныя сказки, пріучая ихъ умъ создавать не существующіе міры съ большеголовыми, но безногими карлами, разъѣзжающими подъ шапкою-невидимкою на коврахъ-самолетахъ, на крылатыхъ волкахъ, говорятъ дѣтямъ о серебряныхъ деревьяхъ съ золотыми плодами, объ Иванѣ-царевичѣ, спасающемъ изъ терема Кощея Безсмертнаго красавицу Царь-Дѣвицу и въ то же время баюкаютъ ихъ полусонныхъ пѣснею: выростешь большой, будешь въ золотѣ ходить. И вотъ грезится ребенку, что и онъ счастливый и всесильный Иванъ-Царевичъ, что и у него будетъ коверъ-самолетъ и шапка-невидимка, и весело ребенку... Чудныя сказки! знакомятъ онѣ человѣка съ могучей народной фантазіей, но не дай Богъ никому испить одуряющаго вина, не отвѣдавъ свѣжей ключевой воды, познакомиться прежде съ сказкою, чѣмъ

съ природою и дѣйствительною жизнью. Въ сказкахъ поэзія, но она слишкомъ ярко бьетъ въ глаза, ослѣпляетъ ихъ и послѣ нея трудно трезво глядѣть на міръ и понимать его дѣйствительную красоту, понимать, что желтый листъ, трепещущій на вѣткѣ въ позднюю осень, въ тысячу разъ красивѣе поддѣльныхъ серебряныхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ, что простая и дымная изба мужика съ его трудовою, темною жизнью въ милліонъ разъ занимательнѣе и ярче всѣхъ похожденій по воздуху небывалыхъ героевъ. И тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ этими волшебными сказками и стихотворными пѣснями, можетъ быть, во всю жизнь будетъ повторять опошленную и затертую слезливыми поэтами фразу: наша безцвѣтная жизнь, нашъ холодный міръ!

Въ семь мѣсяцевъ невидимой посторонними людьми, внутренней борьбы, я пересталъ играть въ лапту и въ городки, два часа обѣденнаго времени употреблялись мною на ученье, и ихъ мнѣ было мало, я едва справлялся съ приготовленіемъ уроковъ. Посреди шумной и беззаботной толпы школьниковъ, я снова былъ одинокимъ и тоскующимъ ребенкомъ, медленно побѣждалъ я себя, и когда побѣда была одержана, когда ученье пошло легко, тогда я не зналъ, куда дѣть два часа свободнаго времени; играть на дворѣ я отвыкъ, и не понималъ, что игра можетъ разсѣять и заставить забыть пережитое время. Я сильно скучалъ, въ душѣ было какое-то утомленіе и раздражительность, мнѣ часто хотѣлось плакать. Между тѣмъ и время сдѣлало свое дѣло. Ребенокъ тѣмъ веселѣе, чѣмъ больше у него товарищей, но какъ только начинаетъ онъ переходить къ юности, то тотчасъ же является у него потребность найти *одного* человѣка и назвать его другомъ, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, жить душа въ душу до тѣхъ поръ, покуда не придетъ новая степень развитія, когда другъ дѣлается снова товарищемъ, и на его мѣсто является женщина. Я вступалъ во второй періодъ развитія, періодъ стремленія къ чистѣйшей и искренней дружбѣ. Это самая поэтическая пора человѣческой жизни; чисты и безкорыстны въ это время всѣ наши стремленія; оно продолжается отъ одиннадцати лѣтъ до шестнадцати, иногда до восемнадцати. Жалки люди, рано очерствѣвшіе и не испытавшіе на себѣ прелести этого періода. Друга по сердцу я еще не находилъ...

Былъ ясный апрѣльскій день; воздухъ, еще не совсѣмъ теплый, согрѣвался яркими лучами солнца; на дворѣ дотаивалъ послѣдній снѣгъ, и мутными волнами съ веселымъ шумомъ бѣжали

и стекались въ канавки ручьи воды; различные звуки яснѣе и громче раздавались въ воздухѣ и замирали такъ медленно, какъ будто желали доставить человѣку удовольствіе вполнѣ насладиться гармоніей говорливой городской жизни послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ глухой, безотвѣтно поглощающей звуки зимы. На школьномъ дворѣ весело играли ребятишки, шлепая по грязи и выбрызгивая ногами во всѣ стороны мутную воду, собравшуюся въ канавкахъ. Я сидѣлъ опять, какъ въ первый день моего поступленія въ школу, на ступенькѣ училищнаго крыльца, уперся локтями въ колѣни и опустилъ на руки голову.

— Отчего ты не играешь? спросилъ меня Розенкампфъ, подходя ко мнѣ.

— Вы знаете, что я никогда не играю, отвѣчалъ я, не поднимая головы.

— Такъ ходилъ бы съ кѣмъ нибудь по двору, одному сидѣть скучно.

— *Съ* кѣмъ же ходить? всѣ играютъ. Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на Розенкампфа; у него было въ эту минуту доброе, ласковое лицо.

— Пойдемъ со мною.

— Пойдемте. Я всталъ.

— Да, для чего ты говоришь мнѣ: вы?

— Вы старшій ученикъ въ классѣ, и вамъ всѣ обязаны говорить вы.

— А ты говори мнѣ: ты; потому что я тебя люблю, сказалъ Розенкампфъ, и въ первый разъ на его блѣдныхъ щекахъ я увидѣлъ легкій румянецъ. Мы взялись подъ руки и пошли ходить по двору: я нашелъ друга.

— Отчего ты почти годъ не хотѣлъ подружиться со мною? спрашивалъ я своего перваго друга.

— Оттого, что я не зналъ, какъ ты будешь вести себя и учиться; вѣдь инспекторъ Саломірскій навязываетъ мнѣ въ друзья каждаго новичка.

— Значитъ, ты не хочешь дѣлать по его?

— Какой ты смѣшной! Развѣ можно со всякимъ дружиться?— Однимъ изъ друзей, данныхъ мнѣ Саломірскимъ, былъ Онуфріевъ; на третій же день онъ укралъ у меня книгу.

— Ты пожаловался на него?

— Нѣтъ, я только пересталъ говорить съ нимъ и сталъ беречь свои вещи.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцатый; я старше тебя, да это все равно.—Что ты дѣлаешь дома, когда нѣтъ уроковъ?

— Рисую, а нѣтъ такъ слушаю, какъ моя бабушка исторіи разсказываетъ.

— Что же она разсказываетъ?

— Теперь про Малекъ-Аделя и Матильду разсказываетъ: это есть такія хорошая исторія, и я началъ разсказывать хорошую исторію. Розенкампфъ слушалъ со вниманіемъ и сказалъ, что онъ такой книги не читалъ, а что онъ читалъ «Донъ-Кихота».

— А еще что ты читалъ?

— Больше ничего не читалъ. Книги для дѣтей скучно читать, мнѣ и здѣсь надоѣли ребятишки, я вѣдь ихъ очень не люблю.

— Отчего же ты не любишь ихъ?

— Такъ, я никого не люблю. Только Мейера люблю, онъ такой жалкій, и тебя теперь люблю.

— За что же ты меня любишь?

— Потому что ты всегда одинъ и скучаешь.

Этотъ невыдуманный разговоръ пустъ и похожъ на разговоры, происходящіе въ повѣстяхъ для дѣтей: вы, Петя, умный мальчикъ, и потому я съ вами буду друженъ, говоритъ въ повѣстяхъ для дѣтей одинъ ребенокъ, и другой ему отвѣтствуетъ: мнѣ очень пріятно быть вашимъ другомъ, Коля, потому что вы благотворительный мальчикъ.—Я согласенъ, что это разговоры безжизненные, и что не такъ должны бы говорить дѣти! Но въ томъ-то и бѣда, что они говорятъ въ нашихъ городахъ именно этимъ мертвымъ языкомъ, и никто не знаетъ, какія чувства прикрываются этими бездушными фразами.

Мнѣ, по моему положенію въ свѣтѣ, пришлось близко взглянуть на дѣтей. Въ первые дни знакомства со мною почти каждый ребенокъ являлся передо мною куколкою на пружинкѣ, заведенной родителями, безъ чувствъ, безъ мыслей, всегда готовый проплясать на какой угодно проволочкѣ приличный его возрасту танецъ. Я старался расшевелить истуканчиковъ и послѣ долгихъ усилій мнѣ всегда удавалось увидать въ нихъ живое, своеобразное, характерное существо. Теперь я не повѣрю никому, кто проповѣдуетъ: «какой у дѣтей характеръ, какія у нихъ чувства! Это пустые капризы, мелкія безслѣдныя прихоти, они

проходятъ такъ же скоро, какъ высыхаютъ дѣтскія слезы. Дитя—безцвѣтный воскъ». Такъ, милостивые государи, дитя—воскъ, но не безцвѣтный, не одинаково гибкій. И знаете ли вы, что эти слезы, пролитыя въ дѣтствѣ, смываютъ всѣ благіе порывы въ человѣкѣ, что ни въ одномъ взросломъ не оставляютъ онѣ такихъ слѣдовъ, какіе оставляютъ въ ребенкѣ; онѣ изсушаютъ, очерствляютъ его, убиваютъ въ немъ постепенно вѣру въ добро, дѣлаютъ его сначала врагомъ грубой няньки, озлобленныхъ товарищей, глупыхъ учителей, а потомъ врагомъ каждаго человѣка-собрата, и осаждаютъ на днѣ его души все накипающее горе, доводятъ его до безотраднаго состоянія, когда человѣкъ говоритъ: «что за дѣло другимъ до моего горя? они его осмѣютъ», и говоритъ онъ это съ сожалѣніемъ, что не фразерство, не ломанье актера, но вся сущность нашихъ человѣческихъ отношеній выработала въ его умѣ эту безотрадную мысль.

Помню я, какъ будто случай былъ вчера, когда меня пригласили учить двѣнадцатилѣтняго мальчика; рекомендовали мнѣ его за лѣниваго, упрямаго и злаго ребенка. Ни того, ни другаго, ни третьяго не могъ я замѣтить въ его задумчивомъ, но не сонливомъ лицѣ и въ его большихъ карихъ глазахъ. Я началъ учить; однажды прихожу на урокъ, мнѣ говорятъ, что мой ученикъ заупрямился, разозлился, и нѣтъ возможности вытащить его изъ спальни; попросили меня подождать, покуда съ нимъ справятся. Я сѣлъ въ гостиной, спальня была рядомъ, оттуда долетали до меня рыданія и звуки пощечинъ и толчковъ въ спину; я сидѣлъ, какъ на угольяхъ, наконецъ среди рыданій я ясно услышалъ слова: «не мучайте вы меня, ради Бога, убейте лучше разомъ!» Я не выдержалъ, позвалъ хозяйку дома и попросилъ у нея позволенія войти въ спальню. «Войдите, отвѣчала мать ребенка, но вашъ трудъ будетъ напрасенъ; въ немъ сидитъ демонъ упрямства и злости». Я вошелъ въ спальню и затворилъ за собою дверь. Ребенокъ сидѣлъ въ углу, положивъ голову на столъ и обвивъ ее руками. Я сталъ его уговаривать и ласкать, просилъ его разсказать встревожившую его исторію, обѣщалъ заступаться за него, быть его другомъ. Онъ взглянулъ на меня, какъ бы желая увѣриться, правду ли я говорю. «Вы добрый! заговорилъ онъ:—меня здѣсь цѣлыми днями дразнятъ и злятъ братья и сестры, потомъ жалуются на меня матери, она меня начинаетъ бить и разсказываетъ про меня отцу и онъ сердится, ставитъ мнѣ въ примѣръ братьевъ и сестеръ, а вѣдь я знаю, что они не его дѣти!» Меня,

какъ громомъ, поразила эта фраза. «Спасите меня, не позволяйте имъ меня мучить!» говорилъ мальчуганъ и прислонился ко мнѣ головою и тихо, тихо плакалъ. Черезъ полчаса я уже давалъ ему урокъ, черезъ годъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ и самымъ послушнымъ сыномъ, хотя мать, женщину, плохо скрывавшую свое легкое поведеніе, онъ не любилъ и не уважалъ, но это зналъ только я. Такія драмы происходятъ часто въ душѣ дѣтей, говорятъ же дѣти прилично, благовоспитанно, по дѣтскимъ книжкамъ. Родители средняго и высшаго сословія городскихъ жителей заботятся только объ отсутствіи мѣщанскихъ манеръ, объ умѣньи держать себя, о прилизанной выдержкѣ ребенка. Радъ бы онъ безцеремонно покричать, похохотать во все дѣтское горло, побороться съ своимъ другомъ, поваляться съ нимъ на полу, но старается подавить въ себѣ проявленіе этихъ желаній, потому что уже слишкомъ привыкъ къ выдержкѣ, слишкомъ благовоспитанъ. Чопорно, съ гусиной важностью выступаютъ эти дѣти даже по тротуарамъ главныхъ городскихъ улицъ, одѣтые или въ затѣйливо шутовской нарядъ, или во фрачекъ и пальто послѣдней моды; выглядятъ они шутами и карлами и, выдерживая свои роли, притворяются, ведутъ *умные* разговоры, утѣшая своею благовоспитанностью франтоватую maman; грустно глядятъ они на играющихъ въ снѣжки уличныхъ мальчишекъ, но и этой грусти не высказываютъ другъ другу: они уже стыдятся и знаютъ безполезность высказыванья своихъ чувствъ. Бѣдныя, несчастныя дѣти!

Такими благовоспитанными дѣтьми были отчасти Розенкампфъ и я; нашъ разговоръ, завязавшій узелъ дружбы, былъ пустъ и безжизненъ, и только очень привычный наблюдатель замѣтилъ бы, какою недѣтскою грустью и глубокимъ чувствомъ дышала послѣдняя фраза Розенкампфа: я тебя люблю, потому что ты всегда одинъ и скучаешь. Во второй части моей исторіи Розенкампфъ самъ разскажетъ читателю, что развило его характеръ и почему высказалъ онъ эту мысль.

XII.

ВТОРОЙ ШКОЛЬНЫЙ ГОДЪ.

Понеслись надо мною школьные дни, недѣли и мѣсяцы своимъ чередомъ. Обжился я въ новомъ гниломъ болотѣ, квакалъ

полягушечьи вмѣстѣ съ другими лягушками, привыкъ съ безпечнымъ хладнокровіемъ смотрѣть на избіеніе младенцевъ въ часы Рейтмана, на сѣченье, доставлявшее неизъяснимое удовольствіе инспектору и его безсмѣнному палачу Schuldiener'у. Не оскорбляли моего слуха слова Саломірскаго: шушера, мелюзга, сволочь. Хохоталъ я вмѣстѣ съ другими, когда батюшка говаривалъ, входя въ классъ и расчесывая бороду: «опять какую ни на есть пакость сотворите, иновѣрцы, я васъ всѣхъ къ порогу поставлю». и нетерпѣливо ждалъ я, когда иновѣрцы дѣйствительно сотворятъ пакость, то есть начнутъ играть въ перушки или въ карты. Познакомился я со многими новыми, такими же пошлыми, какъ старые, учителями, и никогда не мелькала въ моей головѣ мысль, что ихъ дѣятельность гадка, что не такимъ долженъ быть учитель. Я даже не могъ составить себѣ идеала хорошаго учителя, потому что для составленія идеаловъ нужны данныя, нужна живая личность, которую можно бы возвысить въ воображеніи до идеала. Рѣшительно ничѣмъ не выдавался я изъ уровня школьнаго развитія и школьной патентованной нравственности. Я смутно сознавался передъ самимъ собою, что и прилежнымъ не былъ бы я, если бы не желаніе стоять выше всѣхъ по отмѣткамъ учителей и не боязнь передъ наказаніями: я былъ самолюбивое и трусливое созданіе. Мнѣ хотѣлось блестѣть и блестѣть, во что бы то ни стало. Не питалъ я горячаго чувства привязанности къ прочимъ дѣтямъ, глядѣлъ на нихъ свысока и только ожидалъ одного, когда судьба поставитъ меня еще выше ихъ. Только къ одному Розенкампфу я чувствовалъ сильную любовь, я гордился тѣмъ, что онъ, непривѣтливый съ другими, былъ ласковъ и нѣженъ со мной. Но я не понималъ его своеобразно гордаго характера; онъ не покорялся и противорѣчилъ учителямъ, передъ которыми я трепеталъ, и которымъ только тайкомъ рѣшался воткнуть въ стулъ булавку; онъ грубо обращался съ товарищами и вызывалъ противъ себя всеобщую вражду. Школьники объясняли его гордость тѣмъ, что его отецъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ той общины, которая управляла матеріальными силами школы; я считалъ его гордость слѣдствіемъ безупречнаго поведенія и прилежанія. Но, отличаясь отъ всѣхъ характеромъ, Розенкампфъ не стоялъ выше другихъ школьниковъ по умственному развитію; его рѣчи были такъ же безцвѣтны, какъ рѣчи всѣхъ его товарищей и большей части городскихъ дѣтей изъ средняго сословія; ни одного мѣткаго

слова, ни одного рѣзко-характернаго выраженія, никакого юмора не слышалось въ нихъ, и самые сильные порывы выражались въ нихъ въ мертвой и сухой формѣ канцелярскимъ, чиновничьимъ языкомъ.

Выше всѣхъ насъ стоялъ только одинъ мальчуганъ, сынъ русскаго мелочнаго торговца-мѣщанина Калининъ, хотя этого не понимали ни мы, ни онъ самъ. Онъ былъ здоровъ, силенъ и широкъ въ кости. Лицо у него было умное, открытое, глаза плутоватые и бойкіе, длинные русые волосы вились. Онъ былъ не то прилеженъ, не то лѣнивъ; читалъ рѣдко и мало, игралъ часто и много; на первое грубо слово товарища отвѣчалъ десятью грубыми словами, иногда нецензурными, на первый толчокъ отвѣчалъ обидчику полновѣснымъ ударомъ. Не смотря на это, его любили за веселый нравъ, за бойкій языкъ, за беззаботное перенесеніе наказаній. Ученики, знающіе плохо или совсѣмъ не знающіе урока, имѣютъ привычку, надѣясь на подсказыванье и на нѣсколько сохранившихся въ памяти словъ, коверкая и перевирая, отвѣчать урокъ; они получаютъ вмѣсто нулей единицы и двойки, иногда даже избѣгаютъ наказаній и, что всего важнѣе, заставляютъ учителей потратить классное время на возню съ двумя, тремя лѣнтяями и тѣмъ спасаютъ остальныхъ одноклассниковъ-лѣнтяевъ. Затѣя дѣтской лукавости въ кровопролитныхъ войнахъ съ учителями! Калининъ никогда не употреблялъ въ дѣло этой затѣи. Когда онъ не зналъ урока и его вызывали учители, то онъ прямо отвѣчалъ: — я не знаю урока. «Отчего?» спрашивали учителя.—Не успѣлъ выучить, отвѣчалъ Калининъ. Его, разумѣется, наказывали. Подобные поступки не нравились и казались странными школьникамъ. «Эдакъ тебя всегда будутъ оставлять до семи часовъ въ школѣ», говорили они. «Тѣмъ лучше, уроки вызубрю», отвѣчалъ Калининъ. На такой доводъ нечего было возражать, но понять его разумность школьники не могли. Школа никогда не разгадала Калинина съ этой стороны; дѣйствующимъ, выдающимся изъ безпечной толпы лицомъ сдѣлалъ его случай довольно странный, изумившій школьниковъ, смутившій педагогическое спокойствіе учителей-мудрецовъ. Никто не зналъ, какъ назвать Калинина за совершенный имъ поступокъ: одни ему удивлялись, другіе топтали въ грязь ребенка, а онъ первый позабылъ о случившемся, какъ будто ничего и не случалось.

Однажды какой-то школьникъ налилъ на каѳедру чернилъ,

насыпалъ на нихъ песку и сдѣлалъ кашу. Дѣло было сдѣлано передъ часомъ французскаго учителя. Этотъ господинъ былъ до крайности гордое созданіе. Вы знаете, читатель, французскую походку? Она рѣзко отличается отъ русской и нѣмецкой походокъ. Русскій не ходитъ, а *претъ*, не глядя подъ ноги и не разбирая пути, и право, иногда не знаешь, кто своротилъ въ сторону: русскій ли человѣкъ, или камень, лежавшій на кочковатомъ пути. Нѣмецъ идетъ и присѣдаетъ, идетъ и присѣдаетъ, какъ будто извиняясь передъ людьми, что онъ во фракѣ, но безъ галстуха и жилетки. Не такъ ходитъ французъ: вытягиваетъ онъ свои ноги до того, что дѣлается изъ нихъ дуга, обращенная выпуклостью назадъ, нѣчто въ родѣ русскаго продолговатаго с, и безъ всякихъ книксеновъ твердо ступаетъ, какъ будто завоевывая каждымъ шагомъ то мѣсто, на которое становится его нога, точно этою завоевательною походкой хочетъ онъ добраться до береговъ Рейна. Такая походка была у господина Гро, прозваннаго журавлемъ. Онъ былъ до чрезвычайности щеголеватъ, ловко причесанъ, невозмутимо хладнокровенъ и спокоенъ въ обращеніи съ учениками. «Vous êtes un gamin», спокойнымъ и ровнымъ голосомъ произносилъ онъ, записывалъ ученика въ штрафную книгу и совѣтовалъ инспектору его посѣчь. Безпощадность, презрѣніе, сухая вѣжливость и педантизмъ, французскій, т. е. самый сквернѣйшій педантизмъ, были отличительными чертами его отношеній къ намъ. Мы его не любили. Этотъ-то господинъ вошелъ въ классъ и увидалъ на каѳедрѣ грязь, составившуюся изъ чернилъ и песку. Онъ принялъ дѣло за личную обиду; съ большими за это стрѣляются на дуэляхъ, маленькихъ за это дерутъ, въ обоихъ случаяхъ капелька крови смываетъ съ чести самыя большія пятна.

— Кто это сдѣлалъ? спросилъ хладнокровно Гро; у него слегка поводило бровь — признакъ скрытой ярости.

— Не знаемъ, послышались голоса классныхъ запѣвалъ.

— Если никто не знаетъ, то пятые ученики будутъ высѣчены сейчасъ же, отвѣчалъ Гро и вышелъ изъ класса, чтобы позвать инспектора и директора. Мы знали, что Гро скорѣе лишится мѣста, чѣмъ измѣнитъ свое рѣшеніе или смягчитъ его по желанію директора, инспекторъ же, по всей вѣроятности, поддержитъ его и не упуститъ интереснаго случая взглянуть на исподнее бѣлье десятка учениковъ. Въ классѣ раздались голоса:

— Господа, признайтесь, кто это сдѣлалъ, за что же насъ сѣчь будутъ! Это ты сдѣлалъ, Онуфріевъ?

— Нѣтъ, не я, кричалъ Онуфріевъ: — это вѣрно Грейцъ спакостилъ.

— Ей Богу я этого не дѣлалъ, слезливо увѣрялъ въ своей невинности Грейцъ. Виновнаго не находилось. Многіе дѣти начинали хныкать, одинъ же мальчуганъ, самый младшій по лѣтамъ ученикъ въ нашемъ классѣ, просто рыдалъ. Онъ былъ здоровенькое и розовенькое существо, любимая игрушка, шаловливый котенокъ Калинина. Калининъ его мялъ, тормошилъ, сажалъ къ себѣ на колѣни, носилъ ему пряники и рѣшительно игралъ съ нимъ, какъ съ куклой. Увидавъ слезы своего любимца, онъ не выдержалъ.

— Господа, крикнулъ громко Калининъ: — я скажу, что это я сдѣлалъ; я во всякомъ случаѣ прихожусь пятымъ и съ хвоста, и съ рыла, значитъ мнѣ на роду написано быть сегодня выдраннымъ. Но если мнѣ когда нибудь попадется подлецъ, который это сдѣлалъ, то я ему всѣ ребра переломаю. Слышите вы!

Мы еще не успѣли отвѣтить на эту импровизированную рѣчь, когда вошли директоръ, инспекторъ и Гро. Директоръ сощурился и сквозь очки разсмотрѣлъ грязь, даже понюхалъ ее и потомъ обратился къ намъ.

— Кто это сдѣлалъ? Совѣтую признаться; собственное сознаніе въ винѣ заставитъ меня смягчить наказаніе.

— Это я сдѣлалъ, бодро отвѣтилъ Калининъ.

— Для чего ты это сдѣлалъ? спросилъ директоръ и удивился, зная, что Калининъ велъ себя хорошо.

— Самъ не знаю, глупость нашла. Калининъ не смигнулъ.

— Это не онъ, это не онъ сдѣлалъ, раздался голосокъ любимца Калинина; то же повторили за нимъ и другіе голоса. — Онъ говоритъ на себя, чтобы весь классъ не сѣкли.

Директоръ нахмурился и смѣрялъ глазами господина Гро; тотъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, кажется, готовъ былъ разорвать Калинина на клочки.

— Зачѣмъ же ты на себя говоришь? сказалъ директоръ: — если ты этого не дѣлалъ, то ложью ты покрываешь негодяя и избавляешь его отъ заслуженнаго наказанія.

— Развѣ каждый пятый въ классѣ негодяй, господинъ директоръ? дерзко спросилъ Калининъ, и по его лицу пробѣжала отважная и вызывающая русская усмѣшка.

— Я этого не говорю, вспылилъ директоръ: — но негодяй признался бы.

— Негодяй не признался бы, а я потому и признаюсь, что я не негодяй; на меня просто глупость нашла, и значитъ вы меня можете наказать и не трогать всего класса.

— Заботиться о классѣ не твое дѣло. Мы, вѣроятно, больше и лучше тебя умѣемъ заботиться о немъ, горячо заговорилъ директоръ. — Тебя нужно бы высѣчь за дерзости, онѣ важнѣе твоего проступка. Кто видѣлъ, какъ ты сыпалъ песокъ?

— Никто не видалъ.

Ложь была очевидна; надо было или простить весь классъ, или высѣчь Калинина. Поговорили, пошептались между собою училищныя власти и повели Калинина на сѣкуцію. Гро, которому пришлось выслушать множество колкостей отъ директора, былъ въ ярости.

— Вы думаете, сказалъ онъ намъ гнѣвнымъ и презрительнымъ тономъ: — что этотъ негодяй, gamin, считающій ни за что сѣченье и стыдъ, хорошо поступилъ? Вы ошибаетесь, онъ отвратителенъ со своимъ поступкомъ! Кто не считаетъ ни за что стыдъ и не трепещетъ передъ розгою, тотъ неисправимый мерзавецъ!

Калининъ возвратился съ сѣченья блѣдный, но на его глазахъ не было признака слезъ, онъ прошелъ на свое мѣсто, не взглянувъ на Гро, и повидимому былъ спокоенъ. Гро посмотрѣлъ на него съ негодованіемъ и искривилъ свои губы въ гадкую улыбку и какъ-то тревожно гримасничалъ и кривлялся. Это всегда бываетъ съ провинившимися людьми, если правый молчитъ передъ ними и предоставляетъ имъ самимъ судить о своемъ поступкѣ.

— Что, больно высѣкли? съ участіемъ спрашивали школьники у Калинина по уходѣ Гро.

— Не знаю; меня маленькаго много драли, такъ я привыкъ, съ убійственною грустью отвѣтилъ Калининъ и уткнулся въ книгу. Сколько ни старались съ нимъ заговаривать товарищи, онъ не отвѣчалъ и какъ будто боялся заговорить. Блѣдность его не проходила во весь вечеръ, и онъ часто лихорадочно вздрагивалъ.

На другой день онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ школьникомъ и на дворѣ, сидя на бревнѣ, распѣвалъ русскія пѣсни, лаская любимца мальчугана. Но дѣло было сдѣлано, онъ выдался изъ толпы товарищей, ему удивлялись, его ругали,

но, злющiй, — объ этомъ *говорили*. Розенкампфу вдругъ взду-малось съ нимъ сойтись. Но на первыхъ словахъ ихъ бесѣда прервалась замѣчанiемъ Калинина:

— Ты самъ-то злющiй, чортъ тебя знаетъ! Съ этими слова-ми Калининъ отвернулся отъ Розенкампфа и, крикнувъ ребяти-шкамъ: кто догонитъ Калинина? побѣжалъ. Бѣготня и возня на дворѣ началась страшная, и громче всѣхъ голосовъ гремѣлъ го-лосъ Калинина.

Розенкампфъ грустно задумался и долго молча сидѣлъ на дворѣ, опустивъ голову и чертя палкою по землѣ...

Я не знаю, о чемъ думалъ мой другъ, но когда онъ всталъ, то я увидѣлъ на землѣ нѣсколько разъ написанное слово: злю-щiй...

Я въ тѣ времена не задумывался надъ подобными поучитель-ными событiями; за то я задумывался надъ другими, касавшимися лично меня и моей семьи. Мнѣ приходится еще разъ въ этой части моей исторiи выносить бабушку и дядю. Эти люди уже не подавали никакой надежды на полезную общественную дѣятель-ность, они видимо не могли ничего ожидать въ будущемъ; но они все-таки ожидали, волновались, совались изъ стороны въ сторону и дѣлали видъ, будто ихъ роль еще не кончена, и имѣли сильное поползновенiе сдѣлаться героями отдѣльной комедiи. На бѣломъ свѣтѣ много такихъ заштатныхъ актеровъ, они мѣшаютъ дѣйствительно играющимъ свои роли артистамъ, путаютъ ихъ, толкаютъ, а иногда просто загораживаютъ ихъ своими спинами и за нихъ расшаркиваются и раскланиваются передъ публикой. Вредны эти личности, а что станете вы съ ними дѣлать? Въ романѣ ав-торъ можетъ ихъ уморить скоропостижною смертью, а въ жизни этого не сдѣлаешь, не совершивъ преступленiя, грозящаго про-гулкою въ Сибирь; потому-то и мнѣ приходится говорить въ моей исторiи о заштатныхъ актерахъ до тѣхъ поръ, покуда они жи-вутъ и чувствуется на мнѣ ихъ влiянiе.

XIII.

ДЯДЯ И БАБУШКА.

Отецъ и мать жили по прежнему тихо и однообразно; но не такъ жили *дядя и бабушка*.

Читатель долженъ помнить, что мое описанiе дядиной лич-

ности остановилось на томъ, что его замѣтилъ князь Тресково-Обуховъ. Черезъ два года дядя, съ помощію денегъ, выдержалъ гимназическій экзаменъ и въ теченіи шестнадцати лѣтъ мечталъ сдѣлаться учителемъ русской словесности. Въ тѣ времена у насъ большая часть юношей, начитавшихся русскихъ журналовъ и потому считавшихъ себя передовыми людьми, думала сдѣлаться учителями русской словесности: предметъ казался имъ легкимъ. Вызубривъ адресъ–календарь русскихъ писателей, составленный Гречемъ, они могли ораторствовать сколько душѣ угодно и открывать міру разные современные взгляды, плохо понятые и легко понадерганные изъ критическихъ статей, стоившихъ ихъ авторамъ усидчиваго труда, здоровья и часто очень неприятныхъ объясненій по поводу какой нибудь лишней истины. Юноши понимали, что послѣ Колумба легко открыть Америку, и брались за этотъ трудъ. Дядя тоже перечитывалъ журналы, ѣздилъ на лекціи разныхъ профессоровъ; грезилось ему, что и самъ онъ будетъ профессоромъ. Публичныя лекціи, толпы слушателей, рукоплесканія, слава, изданіе его портрета и тому подобныя прелестныя прелести являлись въ его грезахъ; но грезы такъ и остались грезами; горячка скоро охладилась предстоящимъ трудомъ, и дядя сталъ ругать профессоровъ. Выздоровленіе его отъ горячки случилось въ то время, когда я поступилъ въ N–ское училище и въ душѣ проклиналъ науку.

— Отъ лекцій нашихъ профессоровъ мертвечиной пахнетъ, говаривалъ при мнѣ дядя моему отцу. (Дядя правду говоритъ, думалось мнѣ, отъ нашихъ учителей тѣмъ же воняетъ). Они заражаютъ своею гнилью молодые, здоровые организмы; дѣлаютъ изъ нихъ мертвецовъ, безсмысленныя машины точно такія же, какъ они сами. При настоящемъ положеніи нашей науки ее нельзя любить, она дѣлается пугаломъ. (Точно пугаломъ, мысленно соглашаюсь я съ дядей и удивляюсь его уму). Ее еще можетъ переварить неопытный молодой умъ, воображающій, что корень всякаго ученія горекъ, но плоды его сладки, но мы, — nous autres, — богатые житейскимъ опытомъ, знаемъ, что и плоды-то не сладки у насъ; простора нѣтъ для ихъ созрѣванія. Видно, приходится покориться своей судьбѣ и, склонивъ голову, уступить общественному косвѣнію!

Но вотъ отецъ поднимаетъ свою голову, склоненную надъ работою во время рѣчи дяди, и говоритъ съ горькою насмѣшливостью:

— Легкое ваше дѣло, господа обвинители! и снова наклоняется къ работѣ, вбиваетъ гвоздики, сглаживаетъ ихъ верхушки напилкомъ.

— Попробуй! отвѣчаетъ дядя.—Тебѣ хорошо съ твоими узкими мѣщанскими—извини за выраженіе—взглядами на міръ; ты, какъ кротъ, зарывшись въ своей подземной норѣ, всѣмъ доволенъ, потому что ты сытъ, одѣтъ и въ теплѣ. Мнѣ этого мало! Если бы ты чувствовалъ всю пошлость, всю гадость нашей общественной жизни, служебныхъ отношеній, чиновничьей дѣятельности,—и ты заговорилъ бы то же, что говорю я.

— Говорить легко, работать трудно. Отецъ оставляетъ молотокъ и прямо глядитъ на дядю. — Вѣдь ты на всѣ гадости смотришь отъ нечего дѣлать и радъ переворачивать разную дрянь,—это легко: на это стало бы и моего мѣщанскаго ума. Попробуй самъ послужить и остаться чистымъ, и показать грязь, что она грязь... Послужи и...

— «Служить бы радъ—прислуживаться тошно».

— Значитъ совсѣмъ не надо служить? Хороша логика, только съ нею не много добра сдѣлаешь, смѣясь отвѣчаетъ отецъ и начинаетъ нетерпѣливо стучать молоткомъ, чтобы прекратить разговоръ.

Дядя кусаетъ губы.

«Зачѣмъ же онъ не возражаетъ отцу?» размышляю я, и мнѣ дѣлается досадно на дядю, что онъ сконфузился, я даже начинаю краснѣть за него. Мнѣ не понятно, что онъ говорилъ пошлости. И сколько подобныхъ пошлостей слышалъ я потомъ отъ нашихъ паркетныхъ болтуновъ!

Глядя на лицо дяди, можно было дать ему не болѣе двадцати пяти или тридцати лѣтъ; глядя на его фигуру и легкую походку, можно было принять его за восемнадцатилѣтняго юношу. Душа у него была младенческая, онъ былъ неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, и ловкіе люди надували его легко; если надувательство открывалось, то дядя кричалъ о безнравственности и испорченности людей, но опытнѣе и осторожнѣе не дѣлался. О своей будущности онъ не думалъ, хотя она была очень непривлекательна. Онъ беспечно жилъ на бабушкинъ счетъ, и если не было денегъ, то говорилъ, что ихъ надо достать. Нѣсколько вечеровъ въ недѣлю онъ проводилъ въ квартирѣ одной небогатой дворянки-швеи, которую онъ развилъ до того, что ей пришлось работать и на себя, и на груднаго младенца. Дядя удивлялся ско-

роста и увядать развитія своей. Настенька и утѣшала бѣдняжку обѣщаніемъ жениться на ней, хотя женитьбу онъ называлъ прос-пискою людей въ своей вѣтренности и подлости». Настенька вѣрила его словамъ и души не слыхала въ своемъ учителѣ-другѣ. Оба играли ребенкомъ какъ куколкой, не думая, что оживляютъ его въ жизни, и очень плакали, когда онъ умеръ...

Между тѣмъ бабушкины средства къ жизни увеличивались. Одинъ изъ князей Тресково-Обуховыхъ сдѣлался начальникомъ какого-то благотворительнаго учрежденія; онъ посовѣтовалъ бабушкѣ подать просьбу о вспомоществованіи и выдалъ двѣсти рублей, обѣщая сдѣлать то же и въ слѣдующій годъ. Изъ этого же благотворительнаго учрежденія получали вдовы бѣдныхъ чиновниковъ по 5 рублей пособія, и такимъ образомъ бабушка поглощала деньги, назначенныя на вспомоществованіе сорока бѣднымъ женщинамъ, не имѣвшимъ счастія родиться княжнами Тресково-Обуховыми. Ни дядя, ни бабушка не видѣли тутъ безнравственности. Кромѣ этихъ денегъ, бабушкѣ стали выдавать пенсію, по завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ ея дяди, вельможи N, давно окончившаго смертію годы земнаго странствованія. Бабушка зажила широко, стала рѣже обѣдать у насъ и чаще брала меня къ себѣ. Теперь она была въ состояніи нанимать извощичью карету и въ ней дѣлать визиты своимъ дальнимъ и ближайшимъ родственникамъ, гдѣ ее называли: princesse. Ея родственники уже были не такъ надмѣнны и недоступны, какъ прежде; спала съ нихъ спѣсь и опустились крылья: они справляли поминки своихъ собственныхъ похоронъ.

Въ обществѣ вѣяло новымъ духомъ, люди стараго времени переставали играть въ немъ главную роль; какъ соръ, выметались они изъ разныхъ должностей и затворялись въ своихъ углахъ. Ругая новое племя людей, называя его племенемъ холоповъ, они рады были каждому лишнему человѣку, готовому слушать ихъ Іереміады. Въ эти-то берлоги отжившихъ свой вѣкъ людей водила бабушка, возила туда и меня. Мрачно смотрѣли комнаты съ тяжелой мебелью, съ полуопущенными бѣлыми сторами и штофными занавѣсами-драпри. Изъ-за сторъ иногда вдругъ пробивался смѣлый, яркій лучъ солнца и ударялъ тонкою, какъ игла, стрѣлою въ какой нибудь портретъ стараго и угрюмаго господина, какъ будто пронзая этою яркою стрѣлою свѣта и безъ того отжившаго и убитаго старца. «Петръ! опустите совсѣмъ сторы!» волновались барыни-старухи; сторы опускались, и комна-

та наполнялась бѣлесоватымъ полусвѣтомъ: такой свѣтъ окружаетъ корабль въ туманное іюльское утро на морѣ и сжимаетъ сердце непонятнымъ и страннымъ чувствомъ боязни: путешественникъ далѣе борта корабля не видитъ ничего, ни моря, ни неба, ни бѣгущихъ вблизи судовъ, и между тѣмъ кругомъ его не тьма, а свѣтъ, и чувствуется, что гдѣ-то далеко уже сверкаетъ яркое, горячее солнце...

Были въ этихъ жилищахъ и дѣти; это были сироты-родственники отжившихъ свой вѣкъ людей, воспитавшіеся въ пажескомъ корпусѣ, потомъ дѣти темнаго происхожденія, чьи-то незаконнорожденные сыновья, пріемыши и воспитанники, росшіе въ богатыхъ хоромахъ, вдалекѣ отъ Божьяго свѣта, въ барскихъ прихотяхъ. Я игралъ одну роль съ послѣдними, иногда иной мальчикъ спрашивалъ меня:

— Гдѣ служитъ твой отецъ?

— При дворѣ, отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— А какой у него чинъ? продолжалъ допросчикъ.

Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгалъ отвѣчая:

— Не знаю.

Кругомъ меня начинался смѣхъ; пріемыши дѣлали то же, (впрочемъ, они часто и въ самомъ дѣлѣ не знали своихъ отцовъ; но надо мной смѣялись и они). На моихъ глазахъ дрожали крупныя слезы.

— Ma tante, ma tante, какой онъ смѣшной! кричалъ пажъ, таща меня въ кабинетъ своей важной тетушки. — Онъ не знаетъ, какой чинъ у его отца, онъ...

— Тише, тише, говорила тетушка, понюхивая стклянку съ какимъ-то спиртомъ: — вы, Леонидъ Николаичъ, ведете себя неприлично; у меня послѣ каждаго праздника два дня болитъ голова отъ вашихъ криковъ. Я перестану васъ брать изъ корпуса. Извольте идти въ свою комнату и не показывайтесь ко мнѣ, покуда я васъ не позову. Allez!

Дѣти притихали, а пажикъ, попавшій подъ опалу, уходилъ изъ кабинета разгнѣванной старухи, но не въ свою комнату, а въ дѣвичью, гдѣ уже всѣ знали, что Леонидъ Николаичъ умѣетъ шутить вольныя шутки...

Старые люди часто дѣлали дѣтскіе балы, бабушка привозила меня на нихъ, и закруженный танцами, я совершенно забывалъ,

что не здѣсь мое мѣсто, что я пирую не на своемъ пиру, пожимаю руки и обвиваю своею рукою дѣтскія тальи, до которыхъ не долженъ бы и дотрогиваться. Бабушка заказывала мнѣ новыя курточки, одѣвала меня, какъ куколку, мнѣ было весело, я былъ счастливъ. Такъ же веселы и счастливы были и другія дѣти темнаго происхожденія, появлявшіяся на этихъ балахъ... А знаете ли вы, читатель, что сдѣлало изъ нихъ это воспитаніе? Одни сдѣлались взяточниками и казнокрадами, желая вести роскошную жизнь, другіе вышли ни на что негодными, забденными воспитаніемъ шлянчушками съ гори, третьи угодили въ солдаты во время рекрутскаго набора, четвертые лишили себя жизни, считая ее за невыносимое бремя, и только немногимъ, могучимъ и здоровымъ натурамъ удалось спасти себя, сбросить все привитое воспитаніемъ и стать полезными дѣятелями. Но если бы вы спросили этихъ послѣднихъ, чего имъ стоила нравственная ломка, то вы невольно проникнулись бы уваженіемъ къ нимъ, услышавъ ихъ отвѣтъ, и пожалѣли бы, что имъ пришлось выдержать такую страшную борьбу. Мои родители понимали опасность моего положенія и, видя что выѣзды годъ отъ году становятся чаще, стали волноваться.

— Надо кончить, Соня, говорилъ отецъ.—Сашу рѣшительно съ толку собьютъ этими наряжаньями, балами и визитами. Неужели мы дадимъ погубить его и разрушить наши надежды?

— Но какъ же кончить? Надо поссориться съ матушкою, это будетъ тяжело и ей, и намъ.

— Хоть бы и такъ! Она отжила свой вѣкъ, мы тоже, намъ не привыкать стать переносить непріятности; Саша же только начинаетъ жить, за что же изъ за глупыхъ родственныхъ чувствъ губить молодую жизнь?

— Дѣлай, какъ знаешь; но, ради Бога, не поворачивай слишкомъ круто; если можно, устрой все безъ ссоры.

— Хорошо, обдѣлаю.

Я тайкомъ подслушивалъ эти разговоры и негодовалъ на отца. Бабушка говорила мнѣ, что важные господа составятъ счастье моей жизни, будутъ моими покровителями, дадутъ мѣсто, и вдругъ отецъ, по непонятной для меня прихоти, хочетъ для того поссориться съ бабушкою, чтобы я не ѣздилъ къ своимъ будущимъ благодѣтелямъ. Откровенный во всемъ съ отцомъ, я боялся высказать эти мысли и, молча, дулся на него, готовясь вмѣстѣ съ бабушкою разрушить планъ родителей. Но бла-

годѣтельная судьба спасла меня безъ помощи родителей отъ грозившей опасности и сдѣлала лишними мои приготовленія къ борьбѣ съ отцомъ; она повернула дѣло такъ круто, что всполошила весь нашъ семейный кружокъ и навсегда измѣнила жизнь двухъ его членовъ: бабушки и дяди.

XIV.

БАБУШКА НА ВРЕМЯ УДАЛЯЕТСЯ СО СЦЕНЫ.

Была суббота. Это случилось въ началѣ моего четвертаго школьнаго года. Я возвращался изъ училища домой и дорогою раздумывалъ, куда поѣду я завтра съ бабушкою, не будетъ ли гдѣ нибудь бала. Нетерпѣливо желалъ я увидѣть баловницу-старушку, которая почему-то не была у насъ въ теченіи прошедшей недѣли. «Не сердится ли она на насъ, не говорилъ ли ей отецъ чего нибудь? думалось мнѣ, я завтра непремѣнно все разузнаю». Съ такими мыслями пришелъ я домой.

Въ передней нашей квартиры встрѣтила меня матушка; ея глаза были красны отъ слезъ; отецъ ходилъ большими шагами изъ угла въ уголъ по комнатѣ, рубанки валялись на полу; на диванѣ сидѣлъ дядя, положивъ голову на столъ и охвативъ ее руками.

— Что съ тобой, мамаша, спросилъ я у матушки:—ты плакала?

— Ничего, мой другъ, такъ, скучно стало.

— Здорова ли бабушка?

— Слава Богу, здорова.

— Я пойду къ ней завтра?

— Нѣтъ, мой другъ, ты долго теперь не увидишь бабушки, сказала матушка и не могла долѣе пересиливать себя, заплакала.

— Полно, Соня! заботливо промолвилъ отецъ и подошелъ къ ней.

— Твоя бабушка въ тюрьмѣ! Я, я виновникъ ея позора! Трагическимъ голосомъ закричалъ дядя.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія. Тюрьма, крѣпость, цѣпи,—все это смѣшивалось тогда въ моемъ умѣ въ одно страшное цѣлое.

— Бабушка въ крѣпости! развѣ бабушка кого-нибудь убила?

воскликнулъ я съ ужасомъ. — Развѣ бабушка, моя добрая бабушка можетъ кого нибудь убить? Я заплакалъ.

— Не плачь, Саша! бабушка не преступница и не въ крѣпости; ее просто посадили въ домъ, гдѣ содержатся люди, незаплатившіе своихъ долговъ; она очень много задолжала, объяснялъ мнѣ отецъ.

— Такъ надо заплатить за нее, папа; ты заплатишь?

— Нѣтъ, Саша, я не заплачу; у меня нѣтъ столько денегъ, сказалъ отецъ.

— Я, а не она, надѣлалъ долги! Я застрѣлюсь, застрѣлюсь! вопилъ дядя, стукаясь головою объ столъ и теребя себя за волосы.

— Эта комедія начинаетъ надоѣдать, замѣтилъ отецъ.

— Комедія? Комедія? Какъ ты осмѣлился это сказать, мужикъ, безчувственное животное? крикнулъ дядя и съ сжатыми кулаками подбѣжалъ къ отцу.

— Ты съ ума сошелъ! холодно сказалъ отецъ и неторопливымъ движеніемъ руки оттолкнулъ дядю на диванъ. Я никогда не видалъ отца столь хладнокровнымъ и страшнымъ въ одно и то же время. Въ его глазахъ промелькнулъ какой-то зловѣщій, нехорошій огонь, заставившій меня вздрогнуть. Въ это мгновеніе отецъ былъ похожъ на звѣря. — Я тебѣ еще разъ повторяю, заговорилъ онъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ и произнося ихъ медленно: — это комедія — слышишь ты: комедія, и невыносимая. Теперь не время ломаться. Надо хлопотать и выкупить несчастную мать. Надо съѣздить къ вашимъ аристократамъ, обить пороги и вымолить деньги.

— Голубчикъ! я не могу, я никуда не поѣду, хоть ты убей меня. Лучше умереть, а не ѣхать! проговорилъ дядя плачевнымъ тономъ. Бѣднякъ присмирѣлъ и былъ жалокъ въ эту минуту.

— Я пойду, сказала матушка и пошла одѣваться.

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ, дѣлая большіе шаги и хмуря лобъ.

— Добрая женщина Соня! сказалъ дядя по уходѣ матушки.

— Добрая! рѣшилась унижаться за васъ! Что вы ей? Родня!.. Къ чорту всѣ родственныя отношенія, если они приносятъ одни страданія! Вы жили, баклуши били, мотали, а эта добрая должна за васъ кланяться! И кому, и для чего? торопливо и съ страшной злостью, почти задыхаясь, говорилъ отецъ. Наконецъ, онъ остановился передъ дядей.

— Прошу тебя, Петръ Иванычъ, уйди ты домой! Теперь мнѣ не по себѣ, за *себя* я не могу поручиться...

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ. Дядя взглянулъ на его лицо и поспѣшилъ уйти...

Страшно гремѣлъ въ этотъ вечеръ отцовскій молотокъ, точно отцу хотѣлось разбить все въ дребезги. Когда матушка возвратилась, отецъ уже былъ совершенно покоенъ и ласково, крѣпко пожалъ ея руку.

— Есть толкъ? спросилъ онъ.

— Есть, отвѣчала матушка и оба замолчали; онъ не распрашивалъ, она не разсказывала о томъ, что и какъ сдѣлалось.

Что вынесла матушка въ этотъ день, объ этомъ и говорить нечего. На колкости и обиды оказались щедрыми всѣ, денегъ же не давалъ никто. Старшій братъ бабушки сказалъ матушкѣ: «Сама себя раба бьетъ, если худо жнетъ! Не стану же я оплачивать долги сестеръ; этакъ пожалуй никакого капитала не хватитъ. Ну, еслибы у меня десять сестеръ было и всѣ-то задолжали, чѣмъ бы я тогда уплатилъ ихъ долги? Да говорите же, чѣмъ? А?» Онъ долго добивался отвѣта на этотъ глубокомысленный вопросъ и, наконецъ, заключилъ: «Пенсію за два мѣсяца впередъ я охотно выдамъ, а больше ничего не могу сдѣлать». Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ и трудныхъ попытокъ матушкѣ удалось устроить дѣло. Генеральша Звѣрева согласилась заплатить за бабушку 500 рублей долгу, но съ условіемъ, чтобы бабушка прожила у нея два года въ качествѣ компаньонки. Старухи были давно знакомы и, уѣзжая на зиму въ деревню и потомъ за границу, Звѣрева была рада взять съ собою знакомаго человѣка, умѣющаго болтать на французскомъ языкѣ о нашей старинѣ и играть въ пикетъ. Начались переговоры съ бабушкою; она отвѣчала: хоть въ могилу, но вонъ изъ тюрьмы! Черезъ недѣлю я увидѣлъ ее. Она посѣдѣла, глаза стали тусклы, вѣки припухли и покраснѣли, походка сдѣлалась неровною. Эту женщину, выглядѣвшую еще за нѣсколько дней надменною царицею, нельзя было узнать. Грустно обняла она отца, мать и меня, и долго, нѣжно цаловала мою голову, всматриваясь въ мое лицо. «Быть можетъ, мы никогда не увидимся, Шурушка!» говорила она мнѣ. Никакихъ наставленій насчетъ маперъ, никакихъ воспоминаній о недавнемъ прошломъ, ни одного пророчества о моей блестящей будущности не сорвалось съ ея языка. «Да благословитъ тебя

Богъ!» было теперь ея единственнымъ пожеланіемъ, сказаннымъ мнѣ, и набожно перекрестила меня ея дрожащая рука.

Бабушка уѣхала съ Звѣревой въ деревню и оставила дядѣ всѣ свои пенсіи. Дядя тоже скрылся отъ насъ, объ немъ долго не было ни слуху, ни духу. Только черезъ полгода услышали мы случайно, что онъ путешествуетъ по Россіи, ищетъ мѣсто управляющаго или невѣсту. Наша семья уменьшилась, два актера сошли на время со сцены. Отецъ и мать потужили о судьбѣ бабушки и оба благодарили Бога, что онъ избавилъ меня отъ грозившей опасности; они не знали, что сѣмя, брошенное въ мою молодую, воспріимчивую душу, еще принесетъ свой негодный плодъ.

Такими событіями начался мой четвертый школьный годъ. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ, послѣдній годъ дѣтства. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ начинаетъ рѣзко проявлять свой характеръ, высказывать свои взгляды на міръ, привитые къ нему воспитаніемъ, житейской обстановкой, окружающими личностями. Онъ начинаетъ разборчивѣе сходиться съ людьми, выбираетъ дорогу, по которой ему хотѣлось бы идти до конца жизни; часто эта дорога оказывается ложною; ея ложность и непривлекательность бросаются человѣку въ глаза, и тогда въ немъ происходитъ внутренняя, самостоятельная ломка всего того, что выработалось въ немъ въ годы дѣтства. Ломкою дѣло и оканчивается; послѣ нея дитя становится уже юношею, въ его лицѣ вдругъ появляются новыя черты, по которымъ можно судить о характерѣ... Тяжелъ бываетъ иногда этотъ переходъ отъ дѣтства къ юности и грустно, что бо́льшая часть являющихся въ эту пору страданій не нужна. Они смѣшны, глупы, но они страданія; въ годы зрѣлаго возраста почти не вѣришь возможности ихъ существованія, а между тѣмъ, они были, и даже черезъ долгіе годы воспоминаніе о нихъ вызываетъ на щеки яркій румянецъ стыда.

XV.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ВЪ ШКОЛѢ.

Въ нашу школу принимались дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ сословій. Рядомъ съ бѣлобрысымъ нѣмцемъ, сыномъ кол-

баснина, сидѣлъ черноволосый французъ, сынъ перчаточника; возлѣ князька помѣщался русскій мѣщанинъ; красивая курточка, сшитая моднымъ портнымъ изъ новаго сукна, терлась о синюю, вылинявшую поддевочку, по всей вѣроятности, выкроенную дома изъ отцовскаго долгополаго сюртука. Принципомъ школы было равенство дѣтей; этотъ принципъ принимается всѣми русскими учебными заведеніями; ради его и форменные казакины и курточки выдуманы; формально школа не ставила между воспитанниками никакихъ перегородокъ. Но подобные принципы всегда остаются у насъ мертвою буквою и при настоящемъ положеніи членовъ нашего общества не могутъ примѣняться на дѣлѣ. Учителя у насъ грудью стояли за своихъ пансіонеровъ и почти боялись пансіонеровъ директора. И тѣ, и другіе, вмѣсто худыхъ балловъ и наказаній, выпадавшихъ на долю вольноприходящимъ ученикамъ, слышали одну пустую угрозу: «Я пожалуюсь на васъ вашему воспитателю, я поговорю съ нимъ объ васъ». «Говори, сколько твоей душѣ угодно», думали пансіонеры и очень хорошо знали, что воспитатель сдѣлаетъ имъ такой же пустой выговоръ, и дѣло тѣмъ покончится. Во время ежемѣсячныхъ отмѣтокъ чувствовалось очень сильно ихъ выгодное положеніе въ школѣ; у нихъ отмѣтки являлись самыя лучшія, они обгоняли своихъ товарищей — не пансіонеровъ и смотрѣли на нихъ, какъ на лѣнтяевъ.

Между собою ученики сходились въ играхъ, не различая званій своихъ отцовъ; но это продолжалось до поры, до времени; съ годами къ дѣтямъ прививались сословные предразсудки; дѣти дворянъ и чиновниковъ слышали дома пренебрежительные отзывы своихъ родителей о мѣщанахъ, о мастеровыхъ и мало по малу усвоивали эти взгляды; князь начиналъ отворачиваться отъ сына мелочнаго торговца и говорилъ, что отъ него селедкой воняетъ; щегольская курточка сторонилась отъ синей поддевочки, за что поддевочка отплачивала курточкѣ полновѣсными тумаками. Едва замѣтно, но постоянно и безостановочно воздвигались между дѣтьми эти невидимыя перегородки и дѣлались онѣ съ каждымъ годомъ все выше и выше, угрожая превратиться въ китайскую стѣну. Онѣ и превращались въ нее, но уже по окончаніи дѣтьми воспитанія, по выходѣ ихъ изъ школы, когда бывшіе товарищи, встрѣтивъ другъ друга на невскомъ проспектѣ, стыдятся остановиться и пожать другъ другу руки, потому что одинъ несетъ какой нибудь узелокъ по порученію отца-ремеслен-

ника, а другой въ богатомъ пальто прогуливаетъ по модной улицѣ себя, своего кучера, рысака и эгоистку. Чѣмъ же можетъ отплатить теперь этотъ бѣдный ремесленникъ (бывшая синяя поддевочка) этому прогуливающему себя и своего рысака барину (бывшей щегольской курточкѣ)? Ремесленникъ знаетъ пошлость и глупость барина-фата и потому старается его одурачить, продаетъ ему свои дрянные издѣлія и товары за хорошіе, и между ними устанавливаются не нормальныя отношенія продавца и покупателя, но бессмысленная личная вражда. «Ловко я надулъ барина», хвастаетъ ремесленникъ въ кругу своихъ собратій. — «Подлецы наши ремесленники и купцы», ругается баринъ. И ни одинъ изъ нихъ не видитъ, что они оба равно глупы и равно пошлы, что они сами вредятъ себѣ, что никогда не можетъ развиваться общество при этихъ тупоумныхъ отношеніяхъ, зародившихся еще на школьной скамьѣ и развивающихся, растущихъ въ глубину до гробовой доски обоихъ глупцовъ.

Въ описываемый мною періодъ школьной жизни мои товарищи, юноши отъ пятнадцати до восьмнадцати лѣтъ, занимались сооруженіемъ между собою перегородокъ, дѣлились на кружки курточекъ, сшитыхъ у портнаго, и курточекъ, сшитыхъ дома; на кружки поддевокъ и синихъ сюртуковъ съ зеленоватыми пятнами, на пансіонеровъ директора, учителей и школы и на вольноприходящихъ учениковъ. Даже на дворѣ, играя въ лапту, рѣдко сходились между собою эти кружки, пансіонеры же директора совсѣмъ не играли и важно прохаживались по боковымъ тротуарамъ. Курточниковъ очень интересовало рѣшеніе слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: кто твой отецъ? сколько у него денегъ? и часто слышали поддевочки и синіе съ зеленоватыми пятнами сюртучки такіе обидные упреки: «ахъ ты, сапожникъ! много ли селедокъ въ день продаетъ твой отецъ? Что твой родитель беретъ за шитье штановъ?» Каждый кружокъ стоялъ за своихъ членовъ; явно, внѣ кружковъ, особнякомъ стоялъ только Розенкампфъ. Онъ называлъ всѣхъ своихъ товарищей по классу пошлыми дураками и, судя по его гордости, его можно было счесть, по крайней мѣрѣ, за сына владѣтельнаго князя, не видѣвшаго себѣ ровни. А этому-то гордому мальчику не было даже пріюта, гдѣ бы приклонить голову; у него умеръ отецъ, и богатая мать перестала брать своего сына домой даже по воскресеньямъ. Это заинтересовало мальчишекъ, и они начали разгадывать какую-то тайну. Важные ученые вопросы занимали ихъ! И вѣдь до того

занимали, что многіе одноклассники рѣшались расспрашивать Розенкампфа:

— Скажите, Розенкампфъ, отчего вы православный, а ваши родители и братъ лютеране?

— Отъ того, что меня окрестили въ православную вѣру, а ихъ въ лютеранскую.

— Но вѣдь это не причина; не окрестили же вашего брата въ православную, а васъ въ лютеранскую?

— Не окрестили, лаконически отвѣчалъ Розенкампфъ, нисколько не поясняя дѣла.

— Да вы и не похожи на своихъ родителей и на брата; они всѣ бѣлокурые, а вы черноволосый.

— Чтожь изъ этого слѣдуетъ? щурясь, спрашивалъ Розенкампфъ и началъ видимо раздражаться.

— Какъ что?

— Да, что по вашему слѣдуетъ изъ этого? допрашивалъ онъ, и еще болѣе щурилъ глаза, а на лицѣ выражался гнѣвъ, губы тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Но это выраженіе безсилія быстро смѣнялось его обычной отталкивающей, язвительной усмѣшкой.

— Не заказали ли вамъ написать мою родословную? говорилъ онъ. — Или вамъ приказано отъ полиціи узнавать званія и чины воспитанниковъ нашей школы? Еще не придется ли мнѣ платить за вашъ трудъ? Если о себѣ будете писать, то пишите: находимся въ званіи и чинѣ пошлыхъ дураковъ.

Такія пошлости повторялись нерѣдко, это были развлеченія послѣ ученья; послѣ нихъ Розенкампфъ ругалъ всѣхъ нашихъ курточниковъ и удивлялся, какъ я могу съ ними разговаривать.

— А развѣ тебѣ весело видѣть, какъ всѣ на тебя злятся? спрашивалъ я у него.

— Весело. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я лучше ихъ. Если бы я не привыкъ къ тебѣ, голубчикъ мой, я и съ тобой поссорился бы за то, что ты ласковъ съ ними.

— Не сердись, Коля, но я не могу враждовать со всѣми; тебя на нихъ я никогда не промѣняю, но для чего же ругаться съ ними?

Какую же роль въ этой глупой дѣтской комедіи игралъ я? О, я игралъ самую глупѣйшую изъ глупыхъ ролей. Я танцовалъ, какъ рыба на раскаленной сковородѣ. Былъ я союзникомъ курточекъ и трепеталъ передъ поддевочками, которыя могли мнѣ сказать при первой моей высокомѣрной выходкѣ: да ты-то что

носъ поднимаешь? и открывать званіе моего отца. Стыдиться этого званія вошло мнѣ въ привычку. Я пускалъ въ ходъ свои нарядныя одежды, щеголялъ ловкими манерами, разсказывалъ о знакомыхъ мнѣ пажахъ, которыхъ въ сущности зналъ немного короче, чѣмъ китайскаго императора; я старался, съ помощію своего остроумія, сдѣлаться популярнымъ въ классѣ и сдѣлался. Школьники любили меня и не замѣчали, что мое остроуміе трудомъ доставалось мнѣ и не носило на себѣ печати того дѣтскаго юмора, который разомъ даетъ мѣткія клички учителямъ и товарищамъ. Я тоже давалъ имъ клички, но отъ нихъ потомъ пахло. Назвалъ я, напримѣръ, школьнаго эконома, небрезгавшаго брать отъ воспитанниковъ даже палочки сургуча, мальчикомъ Велизарія, осталась эта кличка на вѣки вѣчные за экономомъ; но развѣ она родилась въ дѣтскомъ живомъ умѣ? Развѣ не пахнетъ отъ нея придумываньемъ, работою, потомъ? Не даромъ звалъ меня Калининъ шутомъ гороховымъ. Впрочемъ, только онъ одинъ и смѣялся надъ мною; другіе любили и считали за порядочнаго человѣка; сами-то они ужь больно плохи были.

Но бывали и у меня тяжелые дни. Вдругъ нападала на меня скука, и забивался я въ свободные часы куда нибудь въ уголъ и долго сидѣлъ тамъ, молча, безъ дѣла. Какіе-то смутные не то призраки, не то мысли бродили въ моей головѣ, и чувствовалъ я, что мнѣ противны и наука, и товарищи, и я самъ. Въ эти минуты, и именно за нихъ, любилъ меня Розенкампфъ и вполнѣ высказывалъ свою любовь. Онъ разговаривалъ со мною, ласково утѣшалъ меня, совѣтовалъ не бросать ученья, не заботиться о глупыхъ товарищахъ и пророчилъ, что я сдѣлаюсь лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ тогда. Но рѣдки были эти минуты честной тоски, гораздо чаще ихъ были часы театральнаго ломанья.

Въ ноябрѣ я пересѣлъ на мѣсто Розенкампфа, сдѣлался primus, первый ученикъ въ классѣ. Повышеніе заставило меня еще болѣе возмечтать о себѣ; я былъ генералъ отъ третьяго класса, смотрѣлъ въ немъ за порядкомъ, записывалъ на черную доску непокорныхъ шалуновъ. Раздолье!

Однажды я сидѣлъ рядомъ съ Розенкампфомъ, онъ былъ не въ духѣ, что случалось съ нимъ весьма часто; мнѣ понадобился классный журналъ, а встать было лѣнь.

— Коля, принеси мнѣ журналъ, сказалъ я Розенкампфу.

— Возьми самъ, отвѣчалъ онъ.

— Развѣ тебѣ трудно принести?

— Не трудно, но вѣдь это пустая прихоть.

— А если я тебя прошу ее исполнить?

— Что съ тобой, Саша?

— Ничего! но ты отвѣчай на мой вопросъ: если *я* тебя прошу исполнить *мою* прихоть? Я очень важно дѣлалъ удареніе на словахъ *я* и *моя*, точно человѣкъ съ характеромъ.

— Такъ я ее не исполню, потому что я не лакей, и не желаю исполнять прихоти господина.

— Мужицкія понятія о дружбѣ! Я начинаю подозрѣвать, что ты мужикъ. Я всталъ, взялъ журналъ и, не обращая вниманія на лицо друга, сѣлъ на свое мѣсто. Много заботиться о послѣдствіяхъ этой пустой сцены было нечего. Подобныя сцены происходили у насъ и происходятъ во всѣхъ россійскихъ и другихъ училищахъ по десяти разъ въ день; онѣ свидѣтельствуютъ о низкой степени умственнаго развитія дѣтей и подаютъ великія надежды на то, что изъ этихъ дѣтей выйдутъ мелко-обидчивыя и безпутно настойчивыя личности, о которыхъ разсказывается народомъ мѣткая сказка; въ ней мужъ заставляетъ жену сказать: «слава Богу, мужъ лапоть сплелъ», а жена не хочетъ этого сказать, и вслѣдствіе того начинается ссора, оканчивающаяся очень грустно. Сказка смѣшна, но не весело сойтись въ жизни съ такими мужьями и съ такими женами, а много ихъ выходитъ изъ нашихъ школъ.

Окончились утреннія занятія, я ждалъ, когда подойдетъ Коля мириться со мною, но Коля не подходилъ. Пришлось мнѣ одному ходить по двору. Многіе товарищи успѣли это замѣтить. Ко мнѣ подбѣжалъ Онуфріевъ, вѣчный врагъ Розенкампфа, и спросилъ меня:

— А гдѣ же Розенкампфъ?

— Развѣ я нянька Розенкампфа? сказалъ я.

— Вы вѣрно съ нимъ поссорились? допрашивалъ Онуфріевъ.

— Да, поссорился, отвѣчалъ я, и поспѣшилъ уйти отъ нелюбимаго одноклассника.

Это было въ пятницу, въ субботу уже весь классъ зналъ объ нашей ссорѣ. Насъ такъ привыкли видѣть вмѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, что теперь всѣмъ казался страннымъ этотъ разрывъ. Торжествующимъ былъ я. Розенкампфа всѣ ругали за его неуступчивость и насмѣшки. Я имѣлъ глупость и подлость слушать, какъ ругали моего любимаго друга; я даже самъ пожималъ плечами и говорилъ: точно, съ нимъ трудно ладить! Между

тѣмъ этотъ человѣкъ, съ которымъ было трудно ладить, былъ для меня единственнымъ дорогимъ существомъ въ школѣ, и я желалъ только примиренія съ нимъ. Почему же я игралъ эту гнусную роль? Потому же, любезный читатель, почему, играли ее многіе изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ, почему можетъ быть, будутъ играть ее и ихъ дѣти. Виноваты тутъ дурное воспитаніе, отсутствіе честнаго взгляда на отношенія къ людямъ, вѣтряное желаніе порисоваться, привычка говорить первое попавшееся на языкъ слово. Кто изъ насъ не слушалъ, какъ безъ причины бранили при немъ друзей, и не считалъ безчестнымъ молчать или поддакивать? и потомъ самъ удивлялся, если друзья отворачивались и сторонились отъ него?

— За что? спрашивалъ онъ себя.

— Другомъ не умѣешь быть, отвѣчалъ слишкомъ поздно проснувшійся разсудокъ.

XVI.

ГОРЕ.

Прошло дней пять, а Розенкампфъ не приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ помириться; я не могъ впередъ протянуть ему руку, отъ этого простаго поступка удерживало меня чувство мелочнаго самолюбія, которое дѣлаетъ не только дѣтей, но даже неглупыхъ людей пошлыми глупцами и вызываетъ множество самыхъ комическихъ, продолжительныхъ ссоръ, возникшихъ изъ пустяковъ. Мнѣ было до того тяжело и скучно безъ друга, что это чувство отражалось на моемъ лицѣ, и его замѣтили многіе товарищи.

— Охота вамъ скучать объ этомъ подкидышѣ, сказалъ мнѣ разъ Онуфріевъ, юлившій передо мною, какъ бѣсъ, во все время ссоры.

— Объ какомъ подкидышѣ? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да о Розенкампфѣ; вѣдь онъ не родной сынъ покойнаго генерала; генералу подкинули его на другой день свадьбы.

— Свинья! оборвалъ я Онуфріева, и повернулся къ нему спиною.

— За что обругалъ тебя Рудый? распрашивали мальчишки, слышавшіе мое восклицаніе.

— За то, что я ему сказалъ правду, что Розенкампфъ подкидышъ, отвѣчалъ Онуфріевъ.—Онъ былъ окончательно испорченъ грязью мѣщанской жизни.

— Какой подкидышъ?

— Да такой, какіе бываютъ подкидыши; сынъ какой нибудь... Онуфріевъ нагло произнесъ то названіе падшей женщины, которое рѣдко произносится и большими.—Я давно зналъ это, да говорить не хотѣлось, а теперь къ слову пришлось. А Рудый туда же ругается, забылъ вѣрно, что самъ лакейскій сынъ..

И вотъ началась въ нашемъ классѣ одна изъ гнусныхъ исторій разбирательства званій нашихъ отцовъ, высказалось первое проявленіе страсти къ сплетнѣ и облетѣла сплетня весь классъ; кто выслушалъ ее да плюнулъ, чуть не въ лицо сплетнику, а кто и задумался надъ нею, какъ надъ чѣмъ-то важнымъ и лично до него касающемся. Услыхалъ и Розенкампфъ горькій упрекъ за свое происхожденіе, и сильно кольнулъ онъ несчастнаго мальчика, старавшагося столько лѣтъ казаться законнымъ сыномъ генерала. Я тоже упалъ съ высоты своего величія и отрезвился. Первымъ моимъ дѣломъ было подойти и объясниться съ старымъ другомъ и попросить у него извиненія.

— Коля, перестань дуться, нѣжно сказалъ я ему:—помиримся пожалуйста.

— Оставьте меня! Вы мнѣ мѣшаете учиться.

— Ради Бога, Коля! извини меня, я ни въ чемъ не виноватъ, говорилъ я, волнуясь. Я уже вполнѣ ясно понималъ всю гадость происходившаго вокругъ меня.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, вотъ эти мерзавцы виноваты! произнесъ Розенкампфъ, указывая на сидѣвшихъ въ классѣ учениковъ, и изъ его глазъ закапали крупныя слезы. — Но подите отъ меня прочь и никогда не подходите ко мнѣ; я васъ такъ же не люблю, какъ и ихъ, слышите вы? Я никого не люблю! Онъ зарыдалъ и поспѣшно ушелъ изъ класса.

Читатель въ своемъ мѣстѣ узнаетъ грустную исторію Розенкампфа.

Я сѣлъ на свое мѣсто, моя голова находилась въ состояніи опьяненія. Кое какъ прошло время до двѣнадцати часовъ, наконецъ послышался звонъ колокольчика. Всѣ школьники побѣжали на дворъ, начались веселыя дѣтскія игры, полетѣли комки снѣгу, раздались шумъ и смѣхъ, закипѣла молодая жизнь. Хорошо, если бы

всѣ дѣти ловили эти мгновенья и не было бы ни у одного ребенка ни горя, ни наказанія, ни желанія заводить не дѣтскія драки, ни стремленія обижать своихъ собратовъ. Къ сожалѣнію и то, и другое, и третье было въ нашихъ дѣтяхъ.

Инспекторъ по обыкновенію заперъ въ отдѣльныхъ комнатахъ наказанныхъ дѣтей, оставленныхъ безъ обѣда, и глядятъ они съ завистью на играющихъ товарищей. Подъ вліяніемъ этого чувства, они не могутъ учить своихъ уроковъ, и наказаніе, кромѣ мести, конечно, не будетъ имѣть никакого результата. Уроки не будутъ выучены, а къ дѣтскому характеру прибавится еще одна частица озлобленія. Засѣлъ и я, никѣмъ не наказанный, въ классѣ и не пошелъ на дворъ; томитъ меня первое настоящее горе и кажется, что не будетъ ему ни конца, ни предѣловъ. Смотрю я съ тоскою, какъ рѣзвятся дѣти, какъ ходитъ одинокій Розенкампфъ по своему завѣтному тротуару, въ сторонѣ отъ товарищей; а вотъ и они, уже испорченные жизненною грязью сорванцы, ихъ четверо, они взялись подъ руки и ходятъ на встрѣчу ему, не давая дороги; онъ уступаетъ имъ путь и переходитъ на другую сторону двора; мальчишки идутъ туда же и снова загораживаютъ ему дорогу, наконецъ одинъ изъ нихъ рѣшается толкнуть бѣдняка, тотъ останавливается, они начинаютъ что-то говорить, размахиваютъ руками. Я плотно приникаю лицомъ къ стеклу, мнѣ хотѣлось бы услышать ихъ разговоръ, я понимаю, что тамъ происходитъ не хорошая, не дѣтская сцена. Вотъ ея содержаніе:

Мальчишка толкнулъ Розенкампфа и самъ же закричалъ:

— Что ты толкаешься, невѣжа?

— Не я толкаюсь, а ты, вспылилъ Розенкампфъ, желавшій сначала настойчивостью заставить школьниковъ оставить его въ покоѣ. — Вы всѣ толкаетесь, добавилъ онъ: — вамъ хочется вывести меня изъ терпѣнья; такъ вы лучше поколотили бы меня, вы же знаете, что я и съ однимъ изъ васъ не справлюсь.

— И поколотимъ, чтобы ты не зазнавался! крикнули сорванцы и окружили Розенкампфа. Къ нимъ прибавилось еще двое, трое школьниковъ, почуявшихъ предстоящее побоище.

— Если вы его поколотите, то я позову сейчасъ же гувернера, сказалъ чей-то мягкій и неторопливый голосъ и раздвинулъ толпу сорванцовъ. Къ Розенкампфу подошелъ высокій, худенькій мальчикъ. Это былъ Воротницынъ, пансіонеръ директора. Онъ учился въ одномъ съ нами классѣ, но тотчасъ же послѣ уроковъ

ходилъ вмѣстѣ съ другими пансіонерами директора на квартиру послѣдняго. Воротницынъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ аристократическихъ семействъ въ Петербургѣ; отецъ его занималъ видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Дѣтство мальчикъ провелъ частью въ приволжской деревнѣ отца, частью въ Швейцаріи со своею матерью, женщиною умною и образованною, настоящею, а не миніатюрною аристократкою: она отказалась отъ шумныхъ удовольствій свѣта, чтобы посвятить себя воспитанію сына. Въ описываемое мною время Воротницынъ еще носилъ по ней трауръ. Лицо Воротницына было привлекательно и немного женственно; голубые его глаза были всегда полузакрыты длинными рѣсницами, голова, по привычкѣ, постоянно склонялась на лѣвый бокъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, зналъ наизусть всѣ стихотворенія Шиллера, прочелъ книги, о которыхъ его одноклассники и понятія не имѣли, и, будучи хорошимъ музыкантомъ, наслаждался произведеніями Вебера и Шопена. Съ «послѣдней мыслью Вебера» соединялись его воспоминанія о матери. Онъ былъ идеально-нравственное и склонное къ мечтательности существо; все его счастіе состояло въ возможности наслаждаться тишиною, читать любимыя книги и мыслить-мечтать. Друзей по своему характеру онъ не могъ найти въ нашей школѣ, да и не искалъ ихъ.

Таковъ былъ человѣкъ, подошедшій къ Розенкампфу.

— Пойдемте, Розенкампфъ, со мною; вы видите, что они сами не знаютъ, чего хотятъ, сказалъ Воротницынъ, и взявъ подъ руку Розенкампфа, вывелъ его изъ среды школьниковъ, испуганныхъ угрозою. Они знали, что директоръ любитъ Воротницына.

Когда я увидалъ, что Розенкампфъ спасенъ отъ побоевъ, то у меня какъ гора свалилась съ сердца. Къ двумъ часамъ всѣ ученики собрались въ классъ. Пришли Воротницынъ и Розенкампфъ, они разговаривали между собою; первый засунулъ по своему обыкновенію руку за жилетъ и былъ необыкновенно оживленъ, какъ будто радуясь находкѣ понятливаго слушателя; второй наружно оправился отъ недавнихъ тревогъ, слушалъ со вниманіемъ своего новаго знакомца, и на его лицѣ блуждала улыбка. Ихъ, разумѣется, никто не задѣвалъ и скоро всѣ забыли о сценѣ на дворѣ и обо всѣхъ глупостяхъ, случившихся въ послѣднее время; не забылъ о нихъ только я. Я безвозвратно потерялъ друга и стоялъ совершенно одиноко среди школы; я слишкомъ много и

долго ломался, чтобы сойтись теперь съ кѣмъ нибудь порядочнымъ, а порядочныхъ-то людей было всего только трое въ нашемъ классѣ: Воротницынъ, Калининъ и Розенкампфъ, и они не любили, не могли любить меня.

Настали дни моего испытанія, тяжелые дни...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ событій моей дѣтской жизни, но воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ моей памяти и если при мнѣ осуждаютъ пустыхъ и дурныхъ людей, то мнѣ становится и грустно и тяжело. Дурные люди! пустые люди! кричимъ мы всѣ. А какъ росли, какъ воспитывались эти пустые и дурные люди? Не ожесточали ли ихъ тысячи мелкихъ и грязныхъ непріятностей, не вела ли ихъ нерадивая школа къ вѣрной погибели? Обращала она все свое вниманіе на внѣшнюю, лицевую сторону нравственности дѣтей и отворачивалась отъ ихъ внутренней жизни. Ни одинъ гувернеръ, ни одинъ учитель не зналъ, что дѣлалось въ дѣтскихъ кружкахъ, покуда дѣти не дрались и не шумѣли; ни одинъ не сдѣлался другомъ дѣтей, чтобы честно развить ихъ убѣжденія и характеры, указать на прямыя отношенія людей другъ къ другу. Воображали учителя и гувернеры, что для развитія дѣтскихъ характеровъ вполнѣ достаточно прописныхъ сентенцій пошленькаго свойства, и выходили дѣти изстрадавшимися, изолгавшимися, негодными для общества личностями, дурными и пустыми людьми. Многіе ли спаслись? Глядя на бѣдныхъ дѣтей, невольно сжимается сердце и срывается съ языка безотрадное слово: горе!

XVII.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

Настали мои тяжелые дни.

Моя наружность казалась здоровою, мои отношенія ко всѣмъ окружающимъ были не слишкомъ чувствительны и нѣжны. Но и то и другое былъ чистѣйшій оптическій обманъ. Я былъ болѣзненный и нервный мальчикъ; любовь моя была глубока и сильна; разъ полюбивъ человѣка, я уже не могъ его разлюбить. Я могъ на него сердиться, могъ ненавидѣть его поступки, но любовь къ нему не проходила; она являлась какъ бы отплатою за прошедшія счастливыя минуты, доставленныя мнѣ этимъ человѣ-

комъ. Но высказывать свои чувства я не умѣлъ. Въ нашей мѣщанской семьѣ этому нельзя было научиться; ни мать, ни отецъ не любили словесныхъ нѣжностей и рѣчистыхъ изъявленій чувствъ; они слишкомъ вѣрили другъ въ друга, чтобы прибѣгать къ этимъ ничего не значущимъ подогрѣваньямъ любви. Только въ самыя горькія минуты ободряло одно ласковое, немногословное утѣшеніе постигнутаго горемъ члена семьи. Такимъ выросъ и я. Подъ наружною пустотою таилась во мнѣ та простая русская нравственность и гордость, которою были такъ богато одарены мои родители. Я могъ дѣлать ошибки, могъ закружиться, увлеченный мишурнымъ блескомъ и ложнымъ самолюбіемъ, но время отрезвленія должно было придти непремѣнно, и для этого требовался только сильный, внѣшній толчокъ. У людей, идущихъ по ложной дорогѣ, не бываетъ недостатка въ такихъ толчкахъ. Теперь я отрезвлялся и, разумѣется, этотъ періодъ моей жизни не провелъ я спокойно. Я волновался постоянно. Сперва начало работать мое горячее воображеніе; рисовались страшныя картины моей конечной гибели, потомъ представлялся мнѣ торжественный день примиренія съ Розенкампфомъ. Но этотъ день не наставалъ, и я сталъ спрашивать себя: можетъ ли онъ наступить? Умъ въ первый разъ смѣло задалъ себѣ вопросъ и такъ же смѣло разрѣшилъ его. Оказалось: помириться нельзя; мой старый другъ долженъ считать меня пустымъ мальчишкою. Я твердо произнесъ надъ собой этотъ приговоръ и тотчасъ же задалъ себѣ новые вопросы: точно ли я пустой мальчишка? не могу ли я быть лучшимъ? Возникла мучительная внутренняя борьба. То топталъ я себя въ грязь, то доказывалъ себѣ возможность возрожденія. «Ты стыдился своего честнаго отца, говорилъ мнѣ тайный голосъ, ты хвасталъ своимъ самолюбіемъ и между тѣмъ плясалъ на балахъ, жалъ руки важныхъ дѣтей, которыя смѣялись надъ тобой въ глаза тебѣ; ты лгалъ въ школѣ, называя этихъ дѣтей своими друзьями; ты ненавидѣлъ науку и учился изъ желанія быть первымъ, блестѣть; теперь ты не учишься, потому что блестѣть нельзя: дѣти-товарищи знаютъ, что ты прикидывался барченкомъ, и смѣются надъ тобой; ты говорилъ о своей любви къ другу и, обидѣвъ его, не пошелъ къ нему съ извиненіемъ, почти ругалъ его съ другими школьниками. Гдѣ же тутъ самолюбіе? Гдѣ доказательства, что ты не пустой и не глупый мальчишка?» «Не вѣрь этимъ упрекамъ, говорилъ другой тайный голосъ, ты ненавидишь свое прошлое, значитъ ты можешь исправиться».

И ни одного указанія, куда мнѣ идти, ни одного наставленія, какъ исправиться, не прибавлялъ этотъ второй тайный голосъ!.. На всю эту внутреннюю ломку уходили часы и дни и тратилось время ученья. Я быстро падалъ въ отмѣткахъ учителей и уже не былъ первымъ по классу. Новая причина волненій и стараній не думать ни о чемъ и только учиться, учиться и учиться. Но тайный, ободряющій голосъ слышался мнѣ снова: «ученье не уйдетъ, а желаніе исправить себя можетъ пройти, успѣхъ въ ученьи опять закружитъ твою голову, прежде чѣмъ ты исправишься. Думай!» «А что скажетъ отецъ, если я не перейду въ слѣдующій классъ?» эта мысль стала мучить меня и днемъ, и ночью. Душевныя пытки, работа ума, неудачи въ ученьи съѣдали мое здоровье; я худѣлъ, голова постоянно горѣла.

— Здоровъ ли ты, Александръ? какъ-то спросилъ меня отецъ, щупая мою голову. — У тебя голова горяча, ты похудѣлъ.

— Нѣтъ, я здоровъ, отвѣчалъ я.

— Отчего же ты постоянно скученъ?

— Мое ученье идетъ плохо.

— Если не отъ лѣни, то не бѣда.

— Но я не перейду въ слѣдующій классъ.

— И это не бѣда; сиди хоть три года въ одномъ классѣ, но учись; ты только ученьемъ можешь пробить себѣ путь.

— Я это знаю; но теперь я не могу учиться; я стараюсь, и все таки не знаю своихъ уроковъ.

— Подожди, отдохни. Если ты стараешься, то когда нибудь добьешься и до исполненія своего желанія. Ты много въ комнатѣ сидишь, мало играешь. Рѣзвись съ товарищами, разсѣй скуку.

— Товарищи мнѣ не по душѣ; они скверные мальчишки.

— Не рано ли ты начинаешь судить людей? серьезно и строго замѣтилъ отецъ.—Ты прежде этого не говорилъ. А что твой другъ?

— Не говори мнѣ объ немъ, отецъ.

На минуту мы замолчали.

— Ты мнѣ сказалъ, началъ я:—что не разсердишься, если я не перейду въ слѣдующій классъ, и я буду спокойнѣе. На будущій годъ я надѣюсь наверстать потерянное время.

— Хорошо; дѣлай какъ знаешь. Отецъ помолчалъ.—Нѣтъ ли у тебя какихъ нибудь вопросовъ, мыслей, съ которыми не мо-

жешь справиться одинъ? Не нужна ли моя помощь, я тебѣ помогу. Въ его голосѣ было какое-то дрожанье.

— Есть они, да я одинъ съ ними справлюсь. Спасибо тебѣ!

Отецъ любовно посмотрѣлъ на меня.

— Будь же твердъ! Я за тебя не боюсь, ты *мой* сынъ. Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: мой и спокойно принялся строгать доски.

Послѣ разговора съ отцомъ я сталъ покойнѣе, но ученье шло не лучше. Отвѣчая уроки, я краснѣлъ, путался и сбивался. Пришло время экзаменовъ; одни сдалъ я кое какъ, на другихъ провалился. Но горе еще не дошло до крайней точки своего развитія; мнѣ пришлось услышать надъ собою приговоръ тѣхъ людей, которыхъ я считалъ лучшими въ нашей школѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ майскихъ дней я проходилъ по школьному корридору мимо дверей надворнаго крыльца; онѣ были полуоткрыты. На ступеняхъ, спиною ко мнѣ, сидѣли Воротницынъ и Розенкампфъ, довольно громко разговаривая между собою. Я зналъ, что они любятъ сидѣть на этомъ мѣстѣ, и шелъ туда нарочно, обманывая даже самого себя и говоря, что я шелъ случайно: мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось подслушать хоть одинъ изъ ихъ долгихъ разговоровъ. Я притаился за дверью.

—Славное время стоитъ, говорилъ Розенкампфъ.

— Да, теперь бы у насъ на Волгѣ или въ Швейцаріи пожить. Когда-то я увижу эти мѣста, буду ли тамъ такъ же счастливъ, какъ бывалъ при жизни матушки? Ты, Николай, не можешь себѣ и вообразить, какова природа въ весеннее время! мечталъ Воротницынъ.—Чудное время! Все оживаетъ, дѣлается мягче, нѣжнѣе; простой звукъ, простой пискъ ранней птицы полны гармоніи—и все это живетъ! Весна всѣмъ расточаетъ свои дары, помнишь: der Lenz Шиллера:

In einem Thal bei armen Hirten.

Воротницынъ продекламировалъ мелодическимъ и свѣжимъ голосомъ стихотвореніе Шиллера.—Теперь и мысль становится бодрѣй, могучѣе, и трудъ спорится легче.

— Разумѣется, легче! Посмотри на нашъ классъ, всѣ бодры, работаютъ, подгоняютъ себя; экзамены сходятъ хорошо.

— Да. А замѣтилъ ты, какъ Рудый сталъ падать? Онъ учится все хуже и хуже.

Я приникъ къ дверямъ и затаилъ дыханіе.

— Замѣтилъ, но не понимаю, отчего это происходитъ. Неужели причиною тому наша ссора? Онъ не такъ глупъ.

— Не глупъ, но онъ слишкомъ мелочно самолюбивъ; онъ упалъ разъ, и уже никогда не встанетъ. Мнѣ жаль его и осуждать его, какъ и другихъ людей, не должно. Нужно прощать и примиряться. Онъ, бѣдняга, похожъ на то, что въ нашемъ кругу называется: un laquais endimanché.

Я съежился за дверями, когда услышалъ послѣднія слова Воротницына, и на цыпочкахъ пошелъ прочь, понуривъ свою голову. Un laquais endimanché! Меня жгла эта вѣрная оцѣнка моей личности, и ужаснѣе всего было то, что я не могъ сказать этимъ людямъ, что уже дѣлаюсь другимъ человѣкомъ, что они оцѣнили мое прошлое, но не настоящее. И вдругъ вспыхнула во мнѣ глубокая ненависть къ этимъ людямъ, и въ этомъ чувствѣ было что-то безумно яростное. «А! вы умные, вы безупречные люди! думалось мнѣ. Зачѣмъ же вы допустили погибнуть меня глупаго, испорченнаго? Не нужно мнѣ ваше прощенье! Не нужна мнѣ ваша жалость! Вы хуже меня; я погибалъ, не видя гибели, а вы и видѣли, да не хотѣли подать мнѣ руки, вы и теперь оттолкнули бы меня, если бы я къ вамъ пришелъ. Негодяи!» Желчь кипѣла во мнѣ, я не могъ думать и размышлять, и на время отдался всецѣло своей судьбѣ, сдѣлался мертвою машиною, бросилъ учиться, падалъ на экзаменахъ и даже не краснѣлъ; даже одинъ разъ—это я помню—улыбнулся, получивъ нуль. Но мнѣ не было надежды на близость перелома во всемъ моемъ существѣ, а онъ уже стоялъ у порога.

XVIII.

ПУБЛИЧНЫЙ АКТЪ.

На послѣднемъ экзаменѣ я провалился окончательно, не отвѣтилъ съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и получилъ четвертый худой балъ. О переходѣ въ слѣдующій классъ нечего было и думать. Черезъ четыре дня назначался публичный актъ, день тор-

жества и славы для прилежныхъ, день казни и позора для лѣнивыхъ.

Въ эти четыре дня я находился въ болѣзненномъ и тревожномъ состояніи; умъ бездѣйствовалъ и работало воображеніе. Оно рисовало передо мною страшныя картины публичной пытки и позора. Мнѣ хотѣлось и захворать, и провалиться сквозь землю. Хотѣлось убѣжать куда нибудь далеко и плакать, горько плакать. Въ послѣднее время мои слезы словно прожигали мой мозгъ, но не лились изъ глазъ, и отъ этого мнѣ становилось еще тяжелѣе. Въ ночь передъ роковымъ днемъ мнѣ приснился сонъ. Вижу я школьный публичный залъ, онъ полонъ роскошно одѣтыми посторонними людьми; въ нихъ я узнаю знакомыхъ барынь-старухъ, ихъ воспитанницъ и пріемышей, гордыхъ пажей и нарумяненныхъ дѣвицъ. Я стараюсь скрыться за ними отъ взоровъ товарищей и отъ директора, но посѣтители раздвигаются и указываютъ на меня директору. Онъ начинаетъ бить меня по лицу и вижу я, что это не директоръ, а Рейтманъ, багровый отъ злости. Страшно звонко раздается звукъ пощечинъ... Всѣ хохочутъ и громче всѣхъ хохочутъ Воротницкій и Розенкампфъ. «C'est un laquais endimanché»! кричатъ они во все горло, «такъ его и надо! Бейте его, господинъ Рейтманъ, бейте»... Коля! Коля! кричу я рыдающимъ голосомъ и просыпаюсь... На дворѣ свѣтло, слышенъ веселый стукъ колесъ, льется благовѣстъ и его торжественные звуки доносятся до меня и медленно замираютъ какъ бы надъ самымъ моимъ ухомъ; горячее майское солнце играетъ яркими лучами на стѣнахъ и мебели моей крошечной комнатки, на моемъ разметавшемся тѣлѣ, на сбитыхъ въ ногахъ простыняхъ... Я вскакиваю съ постели и, не одѣваясь, въ одной рубашенкѣ бросаюсь на колѣни передъ образомъ, приникаю пылающей головой къ холодному полу, и долго, долго молюсь.. . . . .

Никогда не молиться мнѣ такъ, какъ молился я тогда. Поднялся я съ холоднаго пола уже другимъ человѣкомъ, точно во мнѣ что нибудь порвалось; уже не страхъ передъ собиравшеюся грозою сжималъ мое сердце, но было во мнѣ одно лихорадочное, нетерпѣливое желаніе сдѣлать разомъ разсчетъ съ глупо прожитою жизнью, перенести послѣднее испытаніе, непремѣнно перенести его, и что-то побѣдить въ самомъ себѣ, отыскать новую дорогу. Я торопился идти на актъ, хотѣлъ скорѣй пережить этотъ день, вычеркнуть его изъ своей жизни и только одна мысль:

будь, что будетъ! шевелилось въ моей головѣ. Эта молитва была лебединою пѣснью, пропѣтою моему дѣтству, и унеслось оно съ нею въ ту непроглядную даль, куда унеслись и радости, и горе, и юность, моя чудесная, незабвенная юность!...

Я поспѣшно одѣлся и былъ, на сколько это было возможно, спокоенъ; только лицо мое было немного блѣдно.

— Не остаться ли тебѣ дома? сказала заботливо матушка. — Ты можешь и послѣ получить годовое свидѣтельство.

— Нѣтъ, матушка, я пойду.

— Но ты блѣденъ, тебѣ нездоровится и, Богъ знаетъ, какъ пройдетъ этотъ актъ.

— Я пойду, что бы тамъ ни было.

Матушка вопросительно взглянула на отца.

— Иди, сынишка! И горю, и радости надо глядѣть прямо въ глаза.

— Я это и хочу сдѣлать.

— Только не теряй присутствія духа, не робѣй!

Если бы этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ рокового дня, то я остался бы дома. Теперь же во мнѣ пробудилась непонятная для меня самого рѣшимость идти и выдержать пытку.

Въ одиннадцать часовъ я былъ уже въ школѣ, въ двѣнадцать всѣхъ учениковъ попарно повели въ публичный залъ и усадили тамъ на назначенныхъ мѣстахъ. Это была большая, весьма красивая комната, особенно оживленная въ дни публичныхъ актовъ. Съ потолка опускалось нѣсколько люстръ съ блестящими хрусталиками, на стѣнахъ висѣли портреты важныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію и процвѣтанію школы; надъ каѳедрой директора красовалось живое изображеніе Спасителя, благословляющаго дѣтей. Около каѳедры плотными рядами сидѣли родители нашихъ воспитанниковъ и множество праздношатающихся людей, ищущихъ удобнаго случая убить свободное время. Въ концѣ зала помѣщались воспитанники и воспитанницы училища. Все это было облито горячими лучами солнца и весело сіяло. На хорахъ загудѣлъ органъ, полились мелодическіе звуки нѣмецкаго гимна. Торжество началось.

Сказавъ нѣсколько словъ благодарности посѣтителямъ, директоръ ввелъ на каѳедру одного изъ выпускаемыхъ воспитанниковъ; этотъ началъ говорить о чемъ-то длинную рѣчь, за этой рѣчью послѣдовали еще двѣ рѣчи покидающихъ школу учениковъ. Я ничего не понялъ и даже не слышалъ изъ этихъ разгла-

тельствованій. Изъ моихъ мечтаній вызвалъ меня голосъ директора, произносившій фамиліи учениковъ. Директоръ уже стоялъ на каѳедрѣ и отдавалъ отчетъ публикѣ о каждомъ классѣ отдѣльно. Отчеты начались съ младшаго класса. Сперва были вызваны тѣ ученики, которые переходили въ слѣдующій классъ, особенно прилежнымъ директоръ говоритъ: вставайте! то есть: «покажи, Мишенька, добрымъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти!» Мишенька вставалъ и показывалъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти. Потомъ выкликались поименно лѣнтяи, ихъ подзывали къ каѳедрѣ; они должны были пройти всю залу, показать и грудь, и спину постороннимъ людямъ и выслушать громогласные укоры за свою негодность. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходилось уже не въ первый разъ играть одну и ту же роль, и они выполняли ее очень развязно. Одинъ мальчуганъ подошелъ къ каѳедрѣ съ такимъ постукиваньемъ сапогами и размахиваньемъ руками, какъ будто онъ продирался на рынкѣ сквозь толпу мужиковъ; на его лицѣ была такая удалая, забубенная улыбка, что директоръ пожалъ плечами, а вся публика начала улыбаться, хотя именно тутъ-то и нечему было улыбаться, а скорѣе нужно было потужить о будущности несчастливца, сгубленнаго школой. Добрался директоръ и до нашего класса. Вызвалъ учениковъ, переходившихъ въ слѣдующій классъ, похвалилъ прилежаніе Ремешкевича, Воротницына и еще двухъ своихъ пансіонеровъ, поименовалъ трехъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, но позволилъ имъ остаться на своихъ мѣстахъ и не подходить къ каѳедрѣ; онъ стыдился показать публикѣ во всей красотѣ этихъ юношей-лѣнивцевъ. Отчетъ о нашемъ классѣ повидимому кончился, и я уже начиналъ радоваться. «Слава Богу, что обо мнѣ не говорятъ», подумалъ я и въ то же мгновенье съ каѳедры раздалось:

— Рудый!

Я привсталъ у своего мѣста.

— Подойдите ко мнѣ, сказалъ директоръ.

Блѣдный, трепещущій, какъ пойманная птица, пошелъ я между рядами стульевъ и подошелъ къ каѳедрѣ, не поднимая головы.

— Мнѣ хочется поговорить съ вами особенно, началъ директоръ. — Вы были въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ первымъ ученикомъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ вы находились, примѣромъ для товарищей, любимцемъ учителей, гордостью цѣлой школы

и вдругъ, не знаю почему, съ начала нынѣшняго полугодія вы стали лѣниться, стали разсѣянны, каждый день былъ днемъ новаго вашего паденія. Я не стараюсь угадывать причины, вызвавшія вашу лѣнь; быть можетъ, въ ея основаніи таится что нибудь такое, что могло бы навсегда оттолкнуть меня отъ васъ, — этого я не желалъ бы. Я вѣрю въ вашу нравственность. Вы довели вашихъ наставниковъ до того, что они должны были перемѣстить васъ съ перваго мѣста на четырнадцатое. Если бы я не любилъ васъ за ваше прошлое, я не обратилъ бы теперь на васъ никакого вниманія. («Теперь!» мелькнуло у меня въ головѣ). Но мнѣ жаль, если погибнутъ ваши способности, а у васъ ихъ много. Мнѣ жаль оставить васъ въ томъ же классѣ, отнять у васъ еще годъ; вы знаете положеніе своихъ честныхъ родителей, рѣшившихся, не смотря ни на что, дать вамъ прочное образованіе; имъ нужна опора и чѣмъ скорѣе будете вы въ состояніи помогать имъ въ трудахъ жизни, тѣмъ лучше....

При этихъ словахъ кровь хлынула мнѣ въ голову. «Нищетой попрекаетъ!» подумалъ я. Мои губы затряслись, и я съ такой злобой и упрекомъ взглянулъ на директора, что онъ на мгновеніе остановился. «Подлецъ! подлецъ!» хотѣлось мнѣ крикнуть на всю залу, оглушить всѣхъ этимъ словомъ; но онъ уже продолжалъ: . . . .

— Я могу дать вамъ средства поправиться, воскреснуть во мнѣніи учителей, передъ которыми я сталъ вашимъ адвокатомъ. Я даю вамъ право въ августѣ переэкзаменоваться изъ четырехъ предметовъ. — Замѣтьте: это исключеніе изъ общаго правила, къ нему побудило меня одно чувство любви къ погибающему молодому человѣку. Постарайтесь употребить съ пользою лѣтнее время, докажите, что я не тщетно надѣюсь на васъ, оправдайте блистательно мои надежды. Вы докажете, что у васъ есть воля, не правда ли, мой другъ?

Онъ назвалъ меня этимъ именемъ, я это ясно слышалъ. Зачѣмъ въ такія минуты не находится человѣка, который плюнулъ бы въ лицо подобнымъ господамъ и, крикнулъ бы: ты лжешь, негодяй! Въ залѣ сидѣли сотни отцовъ и матерей, и, вѣроятно, всѣ были растроганы словами директора, спасающаго отъ гибели молодаго человѣка, и, конечно, ни въ комъ не шевельнулся вопросъ: развѣ такъ спасаютъ людей?

Отвѣтомъ на вопросъ директора, на эту рѣчь, полную фальшивой ласки, выраженной въ безжизненной формѣ докладныхъ

бумагъ, въ которой мое свѣжее, молодое чувство почуяло іезуитскій разсчетъ господина блеснуть передъ публикою нѣжною любовью къ ученикамъ, въ отвѣтъ на это безпощадное, публичное топтанье въ грязь человѣческаго самолюбія — было одно глухое, безслезное рыданье; я забылъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ, что нужно быть твердымъ. Напрасно закрылъ я лицо руками, меня и сквозь нихъ жгли любопытные взгляды посѣтителей акта. Ничего не видя, ничего не слыша, быстро пошелъ я изъ залы къ выходу. Я не зналъ, куда я иду, и шелъ, наступая на ноги людей, задѣвая за стулья... Наконецъ чья-то рука опустилась на мое плечо.

— Что съ тобой, дитя мое? ласково спросилъ меня кроткій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мейера. Мейеръ вышелъ изъ залы слѣдомъ за мной. Я открылъ свое лицо и поспѣшилъ сѣсть на первую попавшуюся скамью. Разъ остановленный, я не могъ идти далѣе, силы меня оставили.

— Воды! едва слышно пробормоталъ я.

Мейеръ сбѣгалъ за водою.

— Пей! сядь поближе къ окну, успокойся! говорилъ добрякъ. — Да перестань же плакать, дитя мое. Богъ милостивъ, все перемѣнится. Со мной была такая же исторія въ школѣ, меня даже выгнать хотѣли; но все же Богъ послалъ силы, и я сдѣлался человѣкомъ. Вѣруй въ свои силы и въ помощь Бога — и все пойдетъ хорошо. Das ist ein Traum! Это сонъ! утѣшалъ меня Мейеръ. Его рука ласкала мои волосы, и на нихъ одна за другою падали его горячія слезы. Быть можетъ въ эту минуту старое дитя плакало о своей неспособности спасать въ пору и во время любимыхъ дѣтей. Слушая его рѣчи, я горячо и крѣпко пожалъ лѣвую руку своего слабаго, безпомощнаго друга-учителя и вдругъ прильнулъ къ ней губами... Я весь горѣлъ, голова была тяжела, въ ушахъ шумѣло.

Мейеръ поднялъ мою голову, поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Ты совсѣмъ нездоровъ, сказалъ онъ, качая головою. — Лучше бы было тебѣ остаться дома.

— Ничего! я самъ этого хотѣлъ, мнѣ это было нужно, отвѣчалъ я въ полузабытьи; мой языкъ былъ сухъ и едва шевелился.

— Что нужно? спросилъ Мейеръ.

— Позоръ, искупленіе.

Мейеръ широко открылъ глаза, еще разъ задумчиво покачалъ головою и повелъ меня по лѣстницѣ на крыльцо. Тамъ онъ

надѣлъ на меня пальто и фуражку, нанялъ извощика, заплатилъ ему деньги и отправилъ меня домой съ однимъ изъ школьныхъ служителей.

— Учись, надѣйся на Бога! были послѣднія слова старика; они звучали въ моихъ ушахъ и тогда, когда пропали изъ виду и онъ самъ, и зданіе школы, и весь окружающій міръ.

Не знаю, внесли ли или ввели меня въ нашу квартиру; но помню, что только черезъ недѣлю я узналъ ее и всѣхъ озабоченныхъ людей, тихо ходившихъ около моей постели.

У меня была горячка.

Докторъ велѣлъ перевезти меня на дачу. Двадцать втораго іюня мы перебрались въ Петергофъ. Отецъ купилъ мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія, надѣлалъ разныхъ коробочекъ и ящиковъ, и ухаживалъ за мною, какъ за годовымъ ребенкомъ. Онъ исхудалъ во время моего недуга, и какъ будто воскресъ, когда я сталъ поправляться.

XIX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Здѣсь оканчивается исторія моего безотраднаго дѣтства, совершается полный переломъ во всемъ моемъ существѣ. Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что нибудь значу, что счастіе жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ; мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки дружескихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны. Я начинаю сознавать, что именно онѣ были причиной той глупой роли, которую я игралъ, что онѣ помѣшали развиться во мнѣ сознанію необходимости учиться собственно для себя, а не для того, чтобы блестѣть, получать хорошіе баллы и избѣгать наказаній. «Неужели только я одинъ былъ такимъ глупцомъ?» спрашиваю я себя и, перебирая всѣхъ учениковъ, вижу, что всѣ они были таковы: одни гордились своимъ дворянскимъ достоинствомъ, какъ чѣмъ-то возвышающимъ человѣка, и хвастали чинами отцовъ, какъ своею личною заслугою; другіе старались замаскироваться въ щегольскія курточки, обмануть и себя, и другихъ;

трудолюбиво учились, боясь наказаній, самолюбивые, желая отличиться; смѣлыя и безстыдныя дѣти махали рукой на ученье и съ забубенно-беззаботнымъ смѣхомъ получали нули. «Всѣ не лучше меня, у всѣхъ тѣ же ошибки», мысленно рѣшаю я. Но вотъ передо мною растетъ чья-то могучая личность и, кажется, говоритъ: я не такова! Это Калининъ. Онъ пріобрѣтаетъ мое уваженіе и любовь; мнѣ еще смутно, но уже понятенъ его самородный умъ, смекнувшій, для чего надо учиться, вопросъ, до разрѣшенія котораго мнѣ пришлось добираться путемъ обмановъ и опыта. Я краснѣю при воспоминаніи о своихъ привычкахъ и ложныхъ манерахъ, давшихъ поводъ Воротынцеву назвать меня un laquais endimanché; но это названіе уже не жжетъ меня, какъ жгло прежде, мало по малу я пріучаюсь смѣяться надъ собой и обвинять Воротынцева: онъ назвалъ меня этимъ именемъ, узнавъ мое званіе и увидавъ паденіе; я же подмѣчаю признаки того же типа, къ которому принадлежалъ я, даже въ тѣхъ важныхъ мальчикахъ, съ которыми встрѣчался я когда-то въ богатыхъ домахъ отживающихъ баръ. «Отчего они спрашивали о званіи моего отца, и не искали во мнѣ самомъ никакихъ достоинствъ? говорю я. Отчего они въ урочный часъ носились по Невскому проспекту на наемныхъ рысакахъ и, покривясь на бокъ, смотрѣли на бѣгъ коней, пуская пыль въ глаза прохожихъ и дѣлая видъ, что кони ихъ собственные? Отчего они такъ много говорили о *блескѣ баловъ* и, разсказывая о знакомыхъ, не упоминали ни о честности этихъ людей, ни объ умственныхъ способностяхъ ихъ, но не забывали поименовать ихъ званія и чины, опредѣлить ихъ богатство? Оттого что они laquais endimanchés», отвѣчаю я, смѣясь... Мой умъ припоминаетъ всѣ событія недавней жизни до самыхъ мельчайшихъ подробностей: я разспрашиваю у отца и у матери о ихъ жизни, о жизни бабушки и дяди; они съ полною готовностью, не скрывая ничего, удовлетворяютъ моему желанію и, кажется, понимаютъ, что мои вопросы вызвало не одно любопытство. Отецъ, по мѣрѣ своихъ силъ, послѣдовательно развиваетъ передо мною свои взгляды на жизнь, купленные опытомъ. Онъ уже считаетъ меня равнымъ себѣ, подготовленнымъ для принятія этихъ взглядовъ. Иногда они пугаютъ меня своею безпощадной правдою, и мнѣ дѣлается на минуту страшно. Становятся мнѣ ясны и пустота, и ничтожность, и истинныя заслуги знакомыхъ мнѣ личностей. Я работаю надъ собою, бодро работаю, не утомляясь, не охая, и ищу идеала не просто честнаго, какъ мои

отецъ и мать, но честнаго и счастливаго человѣка; отецъ и мать не были счастливыми людьми, они просто безропотно покорялись своей судьбѣ, понимая, что болѣе широкой дѣятельности для нихъ можетъ существовать; не будь у нихъ меня, и не было бы у нихъ ни одной отрадной надежды въ будущемъ, они жили бы только для того, чтобы умереть. Эту правду дали они мнѣ почувствовать, и я не хочу жить такою жизнью. «Гдѣ же ты таишься, людское счастье? восклицаю я. Блесни ищущимъ тебя людямъ и озари яснымъ свѣтомъ ихъ скорбящія души, усталые умы и примири ихъ съ жизнью! Довольно горя, довольно покорности, позволь пожить!» Но представить себѣ идеалъ счастливаго человѣка я не могу. Мой умъ — это я понялъ не въ то время, но гораздо позже, — принадлежалъ къ тѣмъ не геніальнымъ, простымъ умамъ, которые только путемъ опыта и отрицанія добираются до истины и никогда не наталкиваются на нее разомъ, по чутью, по вдохновенію. Тогда я считалъ себя именно тѣмъ геніемъ-изобрѣтателемъ и потому не покидалъ своей мечты найти желанный идеалъ, хотя для созданія его у меня не было данныхъ.

И кто же не чувствовалъ этого мучительнаго, захватывающаго духъ желанія быть счастливымъ? Кто же не просиживалъ безсонныхъ ночей, раздумывая, куда идти на поиски за таинственнымъ сокровищемъ? Кто не рыдалъ, падая въ изнеможеніи на избранномъ пути, обманувшись въ своихъ поискахъ и видя передъ собою, вмѣсто искомаго сокровища, вмѣсто драгоцѣннаго клада, разрытую темную и холодную могилу? «Развѣ это цѣль жизни? кричалъ онъ въ бѣшеномъ изступленіи: и развѣ я жилъ! Развѣ годы напрасныхъ поисковъ, трудовъ и страданій были жизнью? И хоть бы отрадная надежда надъ этой темною могилой открыть своимъ дѣтямъ тайну жизни и счастья, такъ и ея нѣтъ! Да будутъ прокляты и горькая доля, и обманчивый призракъ, манившій меня за собою съ безпечнаго пира беззаботныхъ людей и толкнувшій теперь въ могилу!» Проклиналъ бѣднякъ весь міръ, и свой честный и пытливый умъ, и свою недремлющую совѣсть, а надъ нимъ въ безграничную даль раскидывалось свѣтлое небо, кругомъ волновались, какъ море, еще зеленые побѣги ржи, весело шумѣли молодые, сочные листья деревъ и, кружась въ воздухѣ, пѣлъ свою вдохновенную пѣсню поэтъ-жаворонокъ, исчезая въ голубомъ пространствѣ, залитомъ горячими лучами солнца...

Отчего бы не быть счастливымъ?..

Чѣмъ разрѣшились мои поиски, какъ и какія убѣжденія развила во мнѣ послѣдующая жизнь, по какой дорогѣ я пошелъ, къ какой цѣли, и была ли эта цѣль только призракомъ счастья или настоящимъ счастьемъ, узнаетъ читатель въ слѣдующей части моей исторіи, если онъ не вздумаетъ окончить чтеніе на этой страницѣ и, безнадежно махнувъ рукою, сказать: «дрянь исторія!» Но, быть можетъ, не всѣ читатели поступятъ такъ. Есть и еще разрядъ читателей. Это одинокіе люди, заброшенные судьбой въ разныя болота и пучины нашего общества, давнымъ давно прекратившіе всякую переписку со своими друзьями по убѣжденіямъ. Въ ихъ головахъ вѣчно роятся горячіе вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія; они встрѣчаютъ въ своемъ одиночествѣ каждую новую книгу, какъ свѣжаго человѣка, могущаго сдѣлаться ихъ собесѣдникомъ, и жадно дорываются до высказанныхъ [illegible] взглядовъ, и дѣлается она ихъ другомъ, если ей удастся дать отвѣтъ, хоть на одинъ изъ предлагаемыхъ ей вопросовъ. Незлобивъ и веселъ ихъ смѣхъ надъ неловкимъ выраженіемъ полюбившагося имъ писателя, это тотъ же смѣхъ, которымъ смѣялись они въ школѣ надъ медвѣжьими ухватками своего любимаго друга, которому (рискуя наткнуться на училищное начальство и подвергнуть себя наказанію) носили они въ карцеръ и говядину, и пирожки отъ своей обѣденной порціи. Такихъ читателей хотѣлъ бы я имѣть, и взгрустнулось бы мнѣ, если бы они вздумали прекратить со мною знакомство на этой страницѣ.

Другъ-читатель, моя исторія не художественна, въ ней многое недоговорено, и могла бы она быть лучше обдѣлана, но намъ ли труженикамъ-мѣщанамъ писать хужественныя произведенія, холодно задуманныя, разсчетливо эфектныя и съ безмятежно ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты записываемъ пережитое и перечувствованное, и радуемся, если удастся иногда высказать накипѣвшее горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ подъ сердца огонь поэзіи; но если и ихъ не найдется, то горевать нечего, обойдется и такъ. Ты самъ, читатель, не глупъ, и чувства у тебя много; ты самъ съумѣешь замѣнить мое неуклюжее, долговязое выраженіе однимъ мѣткимъ словомъ, которое попало тебѣ на языкъ! Счастливецъ! во время чтенія,

дополнишь ты нѣсколькими бойкими штрихами торопливо набросанную картину и сдѣлаешь ее художественнымъ произведеніемъ и при двухъ, трехъ словахъ, намекающихъ на поэзію, отдашься ты весь поэтическому порыву, создашь изъ моего сыраго матеріала величественное твореніе фантазіи. Хотѣлось бы мнѣ встрѣтиться съ тобою, крѣпко пожать твою руку и съ полной увѣренностью, что я не лишній въ твоемъ домѣ, сказать: «наконецъ-то мы увидѣлись! Я думаю, ты такъ же соскучился обо мнѣ, какъ я о тебѣ.» Въ этихъ простыхъ словахъ не будетъ ни заносчивости, ни нахальнаго хвастовства, потому что ихъ произнесетъ не великій геній, не могучій талантъ, даже не юноша, подающій надежды, а такой же простой смертный, такой же чернорабочій жизни, какъ и ты самъ, мой другъ.

До свиданья!..

А. Михайловъ.

УТОПЛЕННИЦА.

(ИЗЪ ТОМАСА ГУДА).

Вотъ еще одна жертва несчастная,
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная, нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!

Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй;
Это хрупкое было созданіе —
Прикасайтеся бережно къ ней.

Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье какъ саванъ лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него капля по каплѣ бѣжитъ.

Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клейми язькомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ.

Не съ холодностью сердца жестокою,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ...
Но подумайте съ скорьбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.

Позабудьте ея согрѣшенія,
Смертью смытъ ея жизни позоръ,
Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ.

Здѣсь не кстати упреки безплодные,
Позабудьте, простите вполнѣ —
И утрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.

Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей,
Между тѣмъ какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.

Кто она? надъ печальной могилою
Слезы есть ли кому проливать?
У ней были ль родные и милые
Братья, сестры, отецъ или мать?

Иль другой кто нибудь, еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея?

Нѣтъ! — обширна столица богатая
И толпой многолюдной полна,
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.

Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней,
И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальній отблескъ ночныхъ фонарей,

И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной, —
Тамъ стояла она одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.

Но ее эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей,
Не пугала ни арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней:

Смерть влекла ее съ страшною силою
И тоска надрывала ей грудь...
Только бъ съ жизнью покончить постылою,
Какъ нибудь — все равно — какъ нибудь!

И отважно, безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,
Этотъ адъ безнадежной тоски!

Окажите жь усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй;
Это хрупкое было созданіе —
Прикасайтеся бережно къ ней.

Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой любящею,
Распрямите, расправьте вы ихъ.

И закройте глаза ей стеклянные,
Что сквозь тину такъ слѣпо глядятъ,
Будто въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній, отчаянный взглядъ.

Надоѣла ей жизнь безотрадная:
Преступленье, позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...

Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ;
И, какъ будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.

И простите ей съ кроткой любовію:
Вы не судьи, Судья у ней Тотъ,
Кто своею божественной кровію
Искупилъ человѣческій родъ.

Д. МИХАЛОВСКІЙ.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТИ И ПАНСЛАВИЗМЪ.

II.

Слово «панславизмъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ словъ, которыя знакомы всѣмъ, но которыя далеко не имѣютъ для всѣхъ одного опредѣленнаго смысла. Было время, еще очень недавно, когда оно безпрестанно вертѣлось на языкѣ не только славянскихъ и русскихъ политиковъ и патріотовъ, но даже и европейскихъ политиковъ и дипломатовъ. Панславизмъ представлялся тогда новой силой, которую считали готовой измѣнить политическій видъ Европы; славянскіе патріоты считали даже эту силу готовой начать новый періодъ европейской цивилизаціи, которая должна была замѣнить цивилизацію отжившаго запада; русскіе славянофилы надѣялись на эту славную перспективу еще больше, и полагали, что блестящая роль предоставлена именно русскому племени,—не даромъ сидѣвшему сиднемъ тридцать лѣтъ... Между тѣмъ и въ это время, приписывавшее панславизму такую широкую будущность, панславизмъ былъ понятіемъ крайне неопредѣленнымъ, даже для тѣхъ, кто были самыми усердными его проповѣдниками. Одна общая мысль была повидимому раздѣляема всѣми: это—неминуемое будущее (болѣе или менѣе близкое) соединеніе славянства въ одно великое цѣлое. Но какъ должно было оно соединиться, въ чемъ должна была заключаться сущность будущаго единства, мнѣнія крайне расходились. Одни полагали, что славянство составитъ одинъ великій союзъ равноправныхъ членовъ, разныхъ славянскихъ народностей; другіе (польскіе панслависты) ставили во главѣ этого союза Польшу, которой исключительно отдавали славян-

скій мессіанизмъ; третьимъ казалось, что «славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ», и что средоточіемъ славянскаго міра сдѣлается Москва и т. д. Словомъ, открылось обширное поприще для притязаній національнаго самолюбія и квасного патріотизма; каждая замѣтная славянская національность разсчитывала составить свою славу въ этомъ будущемъ и выставить во всей полнотѣ національныя свойства, составлявшія ея гордость: чехи ожидали, что они будутъ передовой націей союза, настоящими вожатаями будущей славянской цивилизаціи, потому что считали себя передовыми людьми современнаго движенія; польскіе панслависты (которыхъ, впрочемъ, было вообще немного) надѣялись вознаградить въ будущемъ союзѣ неудачи прежней исторіи; московскіе славянофилы надѣялись, что всѣхъ превозможетъ Русь своимъ смиреніемъ и другими добродѣтелями, что она возвратитъ на настоящій путь и тѣ славянскіе народы, которые въ древности совратились съ него, вступивши въ связь съ латинствомъ, и т. п.

Съ другой стороны, панславизмъ породилъ самыя разнообразныя мнѣнія въ Европѣ, которая стала интересоваться имъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, и особенно въ той части ея, которой всего ближе касалось развитіе идеи панславизма — у нѣмцевъ, особенно нѣмцевъ австрійскихъ. Такъ какъ въ панславизмѣ однимъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о самобытности славянскихъ національностей, не только культурной, но и политической, слѣдовательно объ освобожденіи отъ нѣмецкаго вліянія, то для нѣмцевъ панславизмъ сталъ предметомъ ожесточенной ненависти. Вслѣдъ за ними и въ западной Европѣ многіе стали вѣрить, что панславизмъ грозитъ европейской цивилизаціи чѣмъ-то въ родѣ монгольскаго нашествія: славяне, до тѣхъ поръ совершенно забытые и пренебрегаемые, вдругъ выростали въ глазахъ европейскихъ политикановъ въ громадную силу, грозящую цивилизаціи. Преувеличивая славянское единство, эти политиканы предвидѣли, что славянскіе народы просто примкнутъ по первому знаку къ Россіи, которой такъ боялись въ Европѣ въ сороковыхъ годахъ, и затѣмъ пойдутъ густой массой на Европу. Начали даже думать о спасеніи Европы отъ катастрофы: съ одной стороны нѣмцы сильнѣе заговорили о нѣмецкомъ единствѣ, которое должно было спасти отъ нея цивилизацію; съ другой стороны венгры, поднявшись противъ Австріи, обѣщали быть оплотомъ Европы отъ славянскаго нашествія; нѣкоторые изъ польскихъ панславистовъ утверждали, что такая роль всего приличнѣе Польшѣ, которая сама можетъ стать во главѣ славянскаго союза и отвратить его отъ Россіи.

Все это кажется немного странно въ настоящую минуту, но обѣ стороны серьезно предавались, одна — надеждамъ, другая — опасе-

ній, и видѣли въ панславизмѣ наступающій, или даже наступившій историческій фактъ громаднаго вліянія на судьбу цивилизованной Европы. Можно было бы указать цѣлую литературу панславянскаго вопроса, въ которой высказывались эти надежды панславизма, предвидѣлись и обсуждались разныя возможности его развитія, обдумывались средства остановить его опасное распространеніе...

Изъ чего же родилась эта тревога, которая кажется намъ теперь столько преувеличенной; въ чемъ заключалось настоящее, реальное положеніе дѣла, изъ котораго выводились подобные результаты; на сколько было серьезнаго содержанія въ панславянскомъ движеніи?

Панславизмъ принадлежитъ къ числу самыхъ характеристическихъ проявленій національной идеи, значеніе которой мы старались объяснить въ прошлой статьѣ. На немъ ясно обнаружились тѣ свойства національной идеи, которыя одинаково могутъ дѣлать національное движеніе и средствомъ общественнаго прогресса, и причиной его упадка; панславизмъ соединялъ въ себѣ и примѣры національнаго увлеченія, которое способно придать нравственную энергію ослабѣвшему и запуганному обществу, и тѣ заблужденія и предразсудки, которые вредятъ самымъ существеннымъ его интересамъ, когда общество выше всего ставитъ свою исключительную національность и для нея забываетъ о другихъ необходимыхъ условіяхъ своего нравственнаго существованія. Панславизмъ столько же можетъ доказать силу національныхъ стремленій, сколько и слабость ихъ, когда хотятъ сдѣлать изъ нихъ единственное руководящее начало общественнаго развитія.

Чтобы яснѣе представить характеръ славянскаго національнаго движенія, мы должны войти въ нѣкоторыя историческія подробности.

Панславянская идея есть явленіе новое въ исторіи славянскихъ народностей. Она была результатомъ такъ называемаго славянскаго возрожденія, начало котораго относится къ концу прошедшаго столѣтія, когда славянскія національности, подавленныя на западѣ и на югѣ иноземнымъ господствомъ, снова начали обнаруживать признаки жизни. Возрожденіе выразилось въ этихъ подавленныхъ національностяхъ появленіемъ новой литературы на народномъ языкѣ; стремленіемъ вывести народъ изъ его нравственной апатіи, дававшей силу иноземнымъ началамъ; усиліями поднять народное образованіе; возстановленіемъ забывавшихся національныхъ преданій. Всего раньше и сильнѣе такія стремленія обнаружились у чеховъ, гдѣ перерывъ національной исторіи (послѣ XVII-го вѣка) былъ не такъ великъ, какъ у другихъ славянскихъ племенъ (болгаръ, сербовъ и пр.), еще въ средніе вѣка закончившихъ свое независимое существованіе и съ тѣхъ поръ совершенно отчужденныхъ отъ европейской цивилизаціи.

Наконецъ, симптомы національнаго возрожденія появились и въ наиболѣе забытыхъ и незначительныхъ славянскихъ племенахъ: національная литература появилась у болгаръ, словаковъ, лужичанъ. Но возрожденіе, собственно говоря, было еще далеко отъ панславизма. Сначала въ каждой національности шелъ только частный вопросъ, забота о возстановленіи собственной народной личности; стремленія народности ограничивались ея собственными предѣлами и еще не раскидывались на томъ широкомъ пространствѣ, которое они усиливаются занять впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе панславизмъ, идея о всеславянскомъ національномъ единствѣ, о возрожденіи національной жизни въ цѣломъ составѣ племени, былъ неизбѣжнымъ результатомъ, къ которому должно было привести это частное возрожденіе отдѣльныхъ народностей. Съ одной стороны національныя стремленія были такимъ новымъ интересомъ въ жизни этихъ подавленныхъ народностей, что естественно было ожидать самаго полнаго развитія этихъ стремленій, которыхъ не сдерживала опытность соціальной и политической жизни: здѣсь панславизмъ является вполнѣ послѣдовательнымъ расширеніемъ національной идеи, которая отъ частностей больше и больше переходила къ общему, отъ національнаго возстановленія одного отдѣльнаго народа до возстановленія цѣлаго племени. Съ другой стороны панславизмъ становился необходимымъ потому, что идея о цѣломъ славянствѣ должна была подкрѣплять стремленія отдѣльныхъ народностей, которыя не могли не сознавать своей слабости въ виду такихъ національныхъ враговъ, какими были, напримѣръ, нѣмцы.

Это сознаніе своей слабости въ самомъ дѣлѣ было такъ настоятельно, что каждая отдѣльная народность необходимо должна была искать себѣ нравственной опоры въ родственныхъ племенахъ; такой народности пріятно было утѣшать себя надеждами на силы цѣлаго громаднаго племени, которое должно было поддержать свои мелкія отрасли. Въ большинствѣ народностей, панславянскія стремленія и произошли именно изъ этого источника, а не изъ другаго. Ревностнѣйшіе изъ панславистовъ стараются увѣрить, что они имѣли источникъ болѣе глубокій — въ живомъ чувствѣ племеннаго единства, которое высказалось тотчасъ же, какъ только народности очнулись изъ своего вынужденнаго бездѣйствія и прозябанія. Они увѣряютъ, что это чувство племеннаго единства всегда было живо въ славянскихъ народахъ, что оно ожидало только благопріятной минуты, чтобы сказаться во всей своей силѣ, что это было, наконецъ, неизбѣжное историческое явленіе, которое должно было закончить историческую судьбу племени, раздѣленнаго разными несчастными случайностями.

Мы полагаемъ иначе. Идея о племенномъ единствѣ была новѣй-

нимъ изобрѣтеніемъ — по крайней мѣрѣ въ томъ размѣрѣ, какъ ее проповѣдывали самые передовые изъ панславистовъ. Она удалась и имѣла успѣхъ именно по тому, указанному нами обстоятельству, которое заставляло племена искать сближенія вслѣдствіе чисто внѣшнихъ принудительныхъ условій, вслѣдствіе иноземнаго угнетенія... Славянскія племена до нѣкоторой степени поставлены относительно другъ друга такъ же, какъ поставлены племена латинскія: но для испанцевъ, французовъ, итальянцевъ, идея латинскаго единства не имѣетъ никакого смысла, хотя объ ней и говорили дальновидные послѣдователи національныхъ началъ; она совершенно не нужна этимъ народамъ, потому что каждый изъ нихъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ въ своей ближайшей національной области, и ему не нужно прибѣгать къ отыскиванію далекихъ племенныхъ родственниковъ. Если недавно, по поводу итальянской войны, заговорили о латинской расѣ, о родственной помощи, которую Франція подавала Италіи, — очевидно, что это была одна изъ дипломатическихъ фразъ, не имѣющихъ никакого реальнаго смысла, и даже вовсе не нужныхъ: та же родственная Франція нисколько не усумнилась бы воевать съ Италіей, если бы такъ дѣла шли не по ея вкусу; она же не усумнилась оторвать клокъ земли у этой родственной Италіи. Въ Германіи напр. пруссаки и австрійцы весьма не долюбливаютъ другъ друга, и вообще старательно выставляютъ свою отдѣльность, какъ будто бы это была даже національная отдѣльность; но мысль о цѣломъ германскомъ единствѣ овладѣваетъ и ими, когда они находятъ, что силы однихъ пруссаковъ или австрійцевъ недостаточны для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ напр. Франція. Данія и Швеція имѣютъ достаточно сильныя отличія, и вообще говоря, не желали бы слиться въ одно цѣлое, такъ, чтобы датчане сдѣлались шведами или на оборотъ: но и здѣсь необходимость защиты вызвала идею скандинавскаго единства, — опять кабинетная выдумка, совершенно неизвѣстная или мало понятная непосредственному чувству массы... То же самое легко замѣтить и въ панславизмѣ. Онъ всего меньше прививался у поляковъ; за это имъ не преминули конечно обвинять въ недостаткѣ славянскаго патріотизма, въ отступничествѣ отъ началъ племеннаго единства и т. п.; но дѣло объясняется гораздо проще: панславизмъ не прививался у нихъ именно потому, что у поляковъ сильно было развито чувство своей собственно-польской національности; они привыкли считать свою націю достаточно самобытной, способной собственными силами выдержать свою исторію; въ нихъ было достаточно національной гордости чтобы не опасаться за свое національное существованіе; они надѣялись на собственные ресурсы, и потому полагали, что имъ нѣтъ нужды прибѣгать для этого къ ресурсамъ цѣлаго сла-

вянскаго союза. Наконецъ, у тѣхъ немногихъ польскихъ панслави-
стовъ, которые думали о цѣломъ славянствѣ, панславизмъ большею
частію является опять только подкладкой для той же національной
гордости: Польша могла, по ихъ мнѣнію, пристать къ славянскому
союзу, но только съ первенствующей ролью. Это первенство Польши
конечно не входило въ планы западнаго славянства...

Для другихъ славянъ дѣло стояло иначе (кромѣ русскихъ, о кото-
рыхъ мы скажемъ дальше): если только ихъ національностямъ пред-
стояла политическая будущность, они сознавали, что достиженіе ея
невозможно для нихъ безъ чьего нибудь заступничества, или безъ
союза съ другими народами, находящимися въ такомъ же положе-
ніи. Подобныя мысли довольно ясно высказывались въ послѣднихъ
сороковыхъ годахъ, когда по видимому приближалась эта политиче-
ская будущность славянскихъ народовъ: западно-славянскіе публи-
цисты особенно значительнымъ тономъ указывали на «славянскаго
исполина», протянувшагося отъ Камчатки до Адріатическаго моря, и
въ частности на русскую имперію... Случай, что Россія принимала
извѣстное участіе въ освобожденіи Сербіи, подтверждалъ ихъ надеж-
ды, что вмѣшательство единоплеменнаго славянскаго народа можетъ
помочь и ихъ собственному запутанному дѣлу; преувеличенія ихъ рус-
скихъ друзей оставляли ихъ въ этой пріятной надеждѣ...

У насъ панславизмъ также не имѣлъ успѣха; большинство нашего
общества, способнаго интересоваться соціальными и политическими
вопросами, осталось ему совершенно чуждо. Онъ усвоился только въ
одномъ небольшомъ кружкѣ, который далеко не представлялъ собой
интересовъ большинства. Извѣстно, что этотъ кружокъ былъ сла-
вянофильскій. Онъ ревностно принялся толковать о славянахъ, сла-
вянской національности и защитѣ народныхъ началъ; русская публика
извѣщена была въ одно прекрасное утро, что у нея есть братья, съ
которыми она должна соединиться для попранія гнилаго запада, что
это соединеніе принесетъ ей самой великія блага и т. п. Но эта про-
паганда не отличалась особенной ловкостью; надъ ней начали подтру-
нивать, и панславизмъ надолго былъ потерянъ въ глазахъ общества:
онъ казался безплодной и фантастической затѣей, тѣмъ больше, что
защитники его у насъ были часто и порядочными мистиками и даже
обскурантами. Въ самомъ дѣлѣ, русское общество много говорило
тогда о *народности*, оно заинтересовалось народнымъ бытомъ, лите-
ратура принялась изображать его, — но оно нисколько не безпокои-
лось о русской *національности*: въ своемъ обращеніи къ народу оно
руководилось идеей общественнаго прогресса, а не идеей національ-
ности, которая стояла на первомъ планѣ у западнаго славянства. Это
были двѣ вещи совершенно разныя. Интересъ къ народу выражалъ

собой стремленія къ общественной реформѣ, къ общественной равно-правности, и особенно къ освобожденію крѣпостнаго класса. Объ на-ціональности же своей общество могло не заботиться: со времени Рю-рика она стояла цѣлая и невредимая, и только разгоряченнымъ голо-вамъ могло казаться, что ей грозитъ какая нибудь опасность, что мы можемъ когда нибудь вдругъ превратиться въ нѣмцевъ. Панславизмъ очевидно не имѣлъ корней въ нашемъ обществѣ, но тѣмъ не менѣе онъ существовалъ: на чемъ же онъ здѣсь основывался? Сколько мы ни искали этихъ основаній, надобно, кажется, придти къ заключенію, что главнѣйшимъ изъ этихъ основаній были притязанія національ-наго самолюбія: мысль о томъ, что славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ, была господствующей у нашихъ панславистовъ, хотя они не всегда рѣшались открыто ее высказывать. На этомъ условіи, ничего на нихъ не налагающемъ, панславизмъ былъ вообще очень пріятной...

Что панславизмъ былъ вызванъ въ большинствѣ славянскихъ племенъ именно этимъ сознаніемъ своей слабости, а не отвлеченной идеей о прежнемъ единствѣ, которая будто бы таилась съ глубокой древности и только ждала благопріятной минуты для своего выраже-нія, ясно уже изъ того, что панславизмъ далеко не вездѣ въ славян-скомъ мірѣ высказался съ одинаковой силой, и что онъ далеко не представляетъ одной цѣльной системы понятій, — а это послѣднее было бы необходимо, еслибы въ его появленіи въ самомъ дѣлѣ дѣй-ствовала сознательная славянская идея.

Достаточно вглядѣться въ обстоятельства, при которыхъ нача-лось такъ называемое славянское возрожденіе, чтобы увѣриться, что возрожденіе, — еще не заключавшее въ себѣ панславизма, — совершa-лось у разныхъ племенъ совершенно независимо, и что имъ прежде всего руководилъ инстинктъ частнаго народнаго самосохраненія. Пе-ріодъ, въ теченіе котораго происходило возрожденіе, простирается съ конца прошлаго столѣтія, когда впервые стали оживать забытыя славянскія націи, и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда это движеніе появилось и тамъ, куда оно еще не проникало до тѣхъ поръ.

Прежде всего замѣтимъ, что это возрожденіе, въ настоящемъ его смыслѣ, не простирается конечно на тѣ славянскія націи, которыя сохраняли въ цѣлости свою національную личность: русскимъ и поля-камъ нечего было и заботиться о возрожденіи, — ихъ исторія шла не прерываясь съ тѣхъ поръ, какъ они выдѣлились изъ цѣльнаго племени въ отдѣльныя націи. Россіи пришлось перенести тяжелыя истори-ческія испытанія; она вынесла татарское иго, вынесла періодъ мос-ковскаго невѣжества, испытала реформу (которую приверженцы на-

ціональности считаютъ принесшей столько вреда народнымъ началамъ), но ея національность никогда не подвергалась серьезной опасности, всегда оставалась цѣлой и неповредимой отъ чужаго господства. То же было и въ Польшѣ: до самаго конца XVIII-го вѣка, Польша была въ полномъ обладаніи своей національности, и даже послѣ раздѣла польская національность, хотя и терпѣла извѣстный ущербъ въ своихъ провинціяхъ, доставшихся нѣмцамъ, оставалась господствующей національностью въ областяхъ, доставшихся Россіи. Въ этихъ послѣднихъ для нея до послѣдняго времени оставалась возможность національнаго развитія: ея языкъ, нравы, религія, литература оставались польскими.

Въ иномъ положеніи находились всѣ другіе славяне. *Ихъ* національности, нѣкогда независимыя, свободныя отъ иноземнаго гнета, развивавшіяся политически, давно потеряли свою независимость: они или подавлены были деспотическимъ произволомъ турецкаго владычества, уничтожавшимъ всякую возможность развитія; или терпѣли тяжелое подчиненіе нѣмецкому политическому и культурному вліянію, которое, отнимая матеріальную свободу, подрывало съ тѣмъ вмѣстѣ и самую національность. Славянскія націи, вслѣдствіе того, или возвращались къ патріархальнымъ нравамъ, какіе свойственны народамъ неразвитымъ, или принимали цивилизацію изъ чужихъ рукъ, и платили за нее національностью, или просто принимали чужую національность и безъ этого вознагражденія, лишь бы сохранить личную безопасность. Такимъ образомъ славяне или должны были оставаться въ качествѣ народа подчиненнаго, въ качествѣ низшаго класса, или превращались въ нѣмцевъ, итальянцевъ, мадьяръ, и даже въ турокъ: они онѣмечивались, отурочивались и т. д., и становились преслѣдователями прежнихъ единоплеменниковъ. Эту судьбу въ большей или меньшей степени раздѣляли всѣ западные славяне, которымъ приходилось подчиняться названнымъ нами чужимъ національностямъ. Періодъ этой подчиненности длился очень долго, и естественно, что въ теченіе этого періода, народы, остановленные въ своемъ правильномъ развитіи, не были способны создать и утвердить идею единой славянской національности, которую имъ приписываютъ. Національность жила со дня на день, не задавая себѣ такихъ широкихъ задачъ и слабо сопротивляясь чужимъ культурнымъ началамъ, гдѣ ей приходилось съ ними встрѣчаться. Существованіе ея было почти вполнѣ безсознательно.

Пробужденіе славянскихъ національностей, какъ мы сказали, произошло не вдругъ; оно заняло продолжительный періодъ съ конца прошедшаго столѣтія, и возможность его дана была не исключительно внутренней силой національнаго сознанія, но—въ значитель-

ной степени — внѣшними историческими обстоятельствами. Мы достаточно убѣдимся въ этомъ, если обратимъ вниманіе на начало и ходъ новаго появленія славянскихъ національностей на исторической сценѣ.

Прежде всего, это пробужденіе обнаружилось у чеховъ, именно тамъ, гдѣ историческія обстоятельства сложились всего благопріятнѣе. Они потеряли свою самостоятельную историческую роль въ XVII столѣтіи, когда Чехія, подавленная грубымъ религіознымъ и народнымъ [illegible], сдѣлалась провинціей австрійскаго дома и добычей іезуитства. Но гуситское движеніе оставило глубоко патріотическое народное чувство; и память объ этихъ прежнихъ временахъ независимости оставалась преданіемъ національной славы, которое [illegible] себѣ привлекать людей болѣе развитыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, это преданіе непрерывно было при самыхъ первыхъ попыткахъ новой чешской литературы, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ первый разъ явилась мысль снова возбудить чешскіе національные элементы. Другимъ, въ особенности важнымъ обстоятельствомъ, приводившимъ къ оживленію угасавшей національности, были освободительныя идеи восемнадцатаго вѣка, которыя проникали тогда не только въ среду образованнаго общества, но и въ офиціальныя сферы; онѣ приносили съ собой извѣстныя филантропическія идеи, которыя знакомы даже и нашему русскому восемнадцатому вѣку, и соединялись съ патріотическими понятіями — въ заботахъ о народной массѣ и ея просвѣщеніи. Время императора Іосифа II было именно такимъ временемъ въ Австріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ стремленіяхъ Іосифа была другая черта, враждебная національнымъ началамъ, но однако, сильно способствовавшая ихъ развитію. Іосифъ вводилъ, относительно своихъ не-нѣмецкихъ подданныхъ, германизаторскія наклонности, — потому что въ свое время довольно справедливо считалъ нѣмецкій языкъ единственнымъ средствомъ провести образованіе въ массы; но славянскія массы въ Австріи были однако очень мало знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ, и нѣмецкая принудительная школа вызвала въ нихъ реакцію, которая естественнымъ образомъ обнаружилась. Такимъ образомъ, новая литература, которая выразила собой первые шаги возрожденія, начиналась воспоминаніемъ о старочешской жизни и книгами, назначенными для народнаго образованія. Къ этому присоединилась еще одна черта: старая исторія и національность сдѣлались въ то же время предметомъ науки, которая, еще задолго до собственнаго возрожденія, обратилась къ изученію славянскаго прошедшаго и стала потомъ сильнымъ орудіемъ въ пробужденіи національнаго чувства. Эта наука, сама по себѣ, конечно, не была вовсе [illegible] національнаго чувства: это была историческая и археоло-

ническая наука въ той формѣ и съ тѣми тенденціями, съ какими она существовала тогда въ Германіи. Это была наука нѣмецкая, и въ теченіе всего она долго еще оставалась у людей, съ которыхъ обыкновенно начинаютъ періодъ западно-славянскаго возрожденія: извѣстно, что не только Добнеръ или кто-нибудь изъ ученыхъ того времени, но даже и знаменитый аббатъ Добровскій вовсе не думалъ объ основаніи отдѣльной національной литературы, въ томъ смыслѣ, какъ стремилось къ этому слѣдовавшее за ними поколѣніе. Ясно изъ этого, что развитіе національныхъ стремленій происходило не исключительно отъ внутреннихъ силъ національности: для этого развитія нужны были постороннія обстоятельства, отсутствіе или присутствіе которыхъ приближало или отдаляло эпоху національнаго пробужденія. Характеръ этихъ постороннихъ обстоятельствъ опредѣлялъ и условія самаго возрожденія. Обращеніе къ народу, стремленіе поднять его изъ того униженія, въ которомъ держали его феодальныя преданія старой Европы,—были несомнѣнно слѣдствіемъ филантропическихъ и освободительныхъ идей восемнадцатаго столѣтія. Нѣмецкая, по своему происхожденію, наука указывала на родство славянскихъ племенъ, изучала славянскую старину,—и національныя стремленія замѣтнымъ образомъ выростали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эта наука, совершенствуясь болѣе и болѣе, разъясняла полнѣе и отчетливѣе это родство и это прошедшее. Ясное дѣло, что новыя открытія науки становились открытіями и для національныхъ инстинктовъ.

Это послѣднее всего больше замѣтно на чешской литературѣ, которая вообще раньше другихъ западно-славянскихъ литературъ испытала постепенное развитіе возрожденія. Прежде, чѣмъ явились вполнѣ опредѣлившіеся проповѣдники панславизма, Колларъ, Челаковскій и т. д., въ ней долго происходило это приготовительное изученіе, которое было чуждо національному вопросу и разсматривало славянскую старину и народность чисто какъ предметъ науки. Съ другой стороны, писатели, заботившіеся о просвѣщеніи народа, Амерлинги, Крамеріусы, и т. д. были вполнѣ преданы интересамъ массы, даже именно интересамъ чешской народности, но также не были вовсе панславистами. Славянское единство стало занимать уже слѣдующія поколѣнія. И самые панслависты, уже сознательно понимавшіе свою идею, также приходили сначала только къ однимъ извѣстнымъ пунктамъ ея, не касаясь другихъ: они хлопотали о литературномъ единствѣ, мечтали о будущей славянской цивилизаціи, но еще не думали, или думали очень мало о политической и соціальной сторонѣ вопроса, которая одна, конечно, и стоитъ серьезнаго вниманія въ практическомъ развитіи и въ практическомъ приложеніи. Вражда къ нѣмцамъ—преданье старой исторіи—сказалась снова и теперь, но

она оставалась глухой, неясной, хотя и крайней нетерпимостью, и изъ нея въ первое время еще не выводили положительнаго принципа...

Другіе народы чешскаго племени, моравяне и словаки, мало отличающіеся отъ самихъ чеховъ по языку и вообще по свойствамъ своей національности, примкнули къ этому движенію, — потому что и въ прежнія времена они пользовались одной литературой и наравнѣ съ чехами имѣли въ ней своихъ представителей. Мы скажемъ дальше о томъ, какимъ образомъ національная идея, доведенная до своихъ крайнихъ предѣловъ, стала здѣсь впослѣдствіи въ противорѣчіе самой себѣ и привела къ раздѣленію, — когда словацкіе патріоты устремились создать для своего народа отдѣльную литературу.

У сербовъ восточныхъ или православныхъ возрожденіе шло иными путями и имѣло другой характеръ. Если чехи, подъ вліяніемъ большаго образованія и развитой по нѣмецкимъ образцамъ науки, раньше пришли къ сознательному пониманію національнаго вопроса и впослѣдствіи дали ему форму панславизма, у сербовъ возрожденіе долго оставалось на степени элементарной заботы о просвѣщеніи народа и на степени непосредственнаго наблюденія народности, не задающаго себѣ широкихъ литературныхъ задачъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія собственная Сербія была еще подъ турецкимъ владычествомъ и раздѣляла ту тяжелую участь, которая до сихъ поръ тяготѣетъ надъ другой частью сербской націи, жителями Босны и Герцеговины. Въ то время не могло быть поэтому и вопроса о какомъ нибудь обширномъ развитіи національныхъ интересовъ: для угнетенныхъ національностей оставался только вопросъ о защитѣ своего матеріальнаго существованія; заботы національности ограничивались ближайшими предѣлами сербскаго племени. Первыя попытки народной литературы появляются у тѣхъ сербовъ, которые жили въ Австріи, куда они переселились въ XVII столѣтіи, избѣгая турецкаго ига. Здѣсь имъ представлялась нѣкоторая возможность школьнаго образованія, и это надолго дало австрійскимъ сербамъ роль въ маленькой сербской литературѣ. Но существенный успѣхъ возрожденія принесенъ былъ здѣсь политическимъ освобожденіемъ той части сербскихъ земель, которыя составили независимое сербское княжество. Литературное образованіе и школы появились и въ свободномъ княжествѣ. Но образованіе народа шло не такъ далеко, чтобы у сербовъ могли появиться ученыя панславянскія стремленія, которыя такъ успѣшно привились у чеховъ. Съ другой стороны, здѣсь не было и не могло быть тѣхъ опасеній подавляющаго вліянія чужой народности, которыя произвели у чеховъ такую сильную національную нетерпимость къ нѣмцамъ и такое ревнивое хвастовство своей національностью. Сербамъ не грозили ни нѣмцы, ни турки, и національное чувство не

имѣло въ себѣ ничего раздражительнаго: это чувство могло быть спокойно, потому что никто не нарушалъ его естественныя права; національнымъ врагомъ и для княжества, и для сербовъ, еще не освобожденныхъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ, была турецкая сила, чисто матеріальная. Сербская литература съ самаго начала опредѣлялась въ два основныя направленія: созданіе популярной книги для народнаго обученія и развитія, и перенесеніе на сербскую почву формъ европейской литературы; и то, и другое могло идти совершенно свободно, безъ всякихъ особенныхъ тревогъ національнаго чувства. Безпокойныя волненія панславизма оставались мало извѣстны для восточныхъ сербовъ: для этого они или были достаточно обезпечены политически (въ княжествѣ), или слишкомъ мало учены.

Иначе дѣло возрожденія шло у сербовъ западныхъ, католическихъ, въ Далмаціи и далматинско-хорватскихъ земляхъ. Славянская Далмація со второй половины XV-го столѣтія стала пріобрѣтать замѣчательное литературное развитіе, совершившееся подъ сильными итальянскими вліяніями, и наиболѣе богатое въ XVI—XVII вѣкахъ. Эта литературная жизнь продолжалась, впрочемъ гораздо слабѣе, въ XVIII столѣтіи, такъ что здѣсь почти не прерывалась литературная традиція; и если новое движеніе должно было распространиться и на эту славянскую область, то здѣсь для него уже была подготовлена почва, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени: здѣсь, напримѣръ, могло не быть заботы о литературномъ языкѣ, какъ было у чеховъ и православныхъ сербовъ, которые должны были потратить на это много времени и труда, потому что новая литература должна была начинать сначала и нуждалась въ новомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе славянское возрожденіе шло крайне туго у далматинскихъ сербовъ: они слабо откликались на тѣ первые панславянскіе призывы, которые уже слышались у чеховъ, и доходили даже и къ нимъ. Но за то оно произвело здѣсь явленіе весьма оригинальное: дѣло возрожденія почти вдругъ взяло на себя небольшое славянское племя (хорваты или кроаты собственно), отличное по языку и національности отъ тѣхъ далматскихъ сербовъ, которымъ принадлежала цвѣтущая литература XVI—XVII-го столѣтія, и само почти не имѣвшее литературныхъ преданій... Немногочисленные хорваты, лишенные сами по себѣ литературныхъ средствъ, необходимыхъ для защиты національности, просто оставили свое провинціальное нарѣчіе и воспользовались языкомъ и литературой своихъ далматинскихъ сосѣдей; они оставили и свое провинціальное имя и назвались «иллирами»—общій терминъ, который долженъ былъ соединить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки сербскаго племени, даже сербовъ православныхъ. Это національное переодѣванье имѣло почти полный успѣхъ: правда, восточные сербы не захотѣли вступать въ но-

ную національность, но сербы западные, австрійскіе далматинцы и проч., приняли новый національный терминъ, и раздѣленные до того времени западные сербы пріобрѣли одно общее національное знамя. Имя «иллировъ», правда, удержалось не долго; но заключенный этимъ именемъ союзъ уцѣлѣлъ. Въ новой хорватской, или иначе «иллирійской», «южнославянской» литературѣ въ то же время обнаружились и самыя ревностныя панславянскія тенденціи... Чѣмъ же объясняется это оригинальное явленіе? Оно объясняется опять тѣми же историческими обстоятельствами, которыхъ дѣйствіе вообще обнаруживается въ славянскомъ возрожденіи. «Иллирійское» движеніе было чисто результатомъ политическихъ отношеній Кроаціи къ венграмъ; это была національная реакція противъ притязаній венгровъ,—дать преобладаніе мадьярскому элементу въ тѣхъ земляхъ, которыя соединены были подъ венгерской короной. Хорваты оставались спокойными зрителями славянскаго движенія, начинавшагося въ другихъ славянскихъ земляхъ; съ 30-хъ годовъ они вдругъ подымаютъ національную тревогу, заявляютъ о своихъ славянскихъ симпатіяхъ, становятся въ ряды самыхъ горячихъ панславистовъ—потому что именно въ это время венгры начали принимать практическія мѣры, чтобы обезпечить преобладаніе своей національности. Такимъ образомъ національныя стремленія хорватовъ были результатомъ обстоятельствъ чисто-политическихъ; королевство Кроація, соединенное съ Венгріей на равныхъ правахъ, защищало эти права отъ притязаній другой стороны, и національное движеніе, славянскія заявленія были готовы... Хорватское движеніе было уже сильно проникнуто панславизмомъ, который въ это время успѣлъ сложиться до извѣстной степени въ другихъ славянскихъ литературахъ, откуда хорватскіе писатели могли заимствовать его цѣликомъ. На сколько этотъ панславизмъ хорватовъ былъ слѣдствіемъ «исконнаго сознанія славянскаго единства», о которомъ говорятъ панслависты, можно видѣть изъ того, что хорватское движеніе — какъ положительно извѣстно—въ значительной степени обязано было интригамъ австрійскаго правительства, которое раздувало его, чтобы въ кроатахъ поставить противодѣйствіе венграмъ, искавшимъ политической автономіи слишкомъ настойчиво.

Ученыя объясненія славянскаго единства были впрочемъ довольно излишни для хорватовъ. Ихъ національныя стремленія руководились ближайшими интересами: народъ довольно первобытный по своимъ нравамъ, поставляющій отличные полки для австрійской арміи, они при первомъ случаѣ явились защищать свою національность съ оружіемъ въ рукахъ (венгерская война 1848—49 года)... Ясно, что хорватскій панславизмъ и хорватскія понятія о національности не были похожи на чешскія.

Опять иной видъ принимали національныя стремленія у болгаръ, наиболѣе забытаго и подавленнаго изъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Турецкое иго лежало на нихъ такъ тяжело, что собственная Болгарія была не въ состояніи противопоставить ему какое нибудь сопротивленіе, и національность поддерживалась только религіею; но и въ этой нравственной области надъ ними тяготѣло другое иго—иго греческой іерархіи, которая презирала болгарскую національность и усиливалась вести бѣдное школьное образованіе по гречески. Болгары теряли своихъ людей, которымъ удавалось устроить себѣ болѣе независимое общественное положеніе: эти люди всего чаще отказывались отъ своей національности, дѣлались турками или греками, выселялись въ сосѣднія земли. Возрожденіе проникло сюда всего позже. Оно было дѣломъ одного русскаго панслависта, не болгарскаго происхожденія, Венелина, и нѣсколькихъ болгарскихъ эмигрантовъ, въ которыхъ его дѣятельность пробудила національный патріотизмъ. Національное движеніе, сначала весьма слабое и безпомощное, началось здѣсь собственно только съ тридцатыхъ годовъ, когда появились первыя болгарскія школы и первыя болгарскія книги; такъ какъ масса народа остается и до сихъ поръ крайне неразвитою, то болгарская литература и теперь ограничивается почти одними популярными и учебными книгами; роль ея еще скромнѣе, чѣмъ у сербовъ. Въ послѣднее время національное движеніе начинаетъ переходить и на практическую общественную почву: болгарскіе патріоты, еще не думающіе пока о политической свободѣ, стремятся къ основанію національной болгарской церкви, которая бы освободила народъ отъ угнетенія со стороны греческой іерархіи. Вопросъ—конечно довольно элементарный въ дѣлѣ національной свободы, но онъ составляетъ теперь существенно важную сторону болгарскаго движенія. Разрѣшеніе его было бы первымъ шагомъ къ достиженію свободнаго національнаго развитія.

Такова была почва, на которой подготовлялся панславизмъ. Эта идея очевидно должна была идти въ подмогу тому сознанію своей слабости, которое вездѣ рождалось болѣе или менѣе у представителей югозападныхъ славянскихъ національностей: вездѣ эти національности находились въ такомъ положеніи, что неизбѣжно должны были разсчитывать на чужую помощь. Мы увидимъ, кромѣ того, что панславизмъ имѣлъ общественный успѣхъ только тамъ, гдѣ общество владѣло извѣстнымъ образованіемъ, гдѣ оно, по крайней мѣрѣ теоретически, знакомо было съ политической жизнью, и гдѣ оно доступно было вліяніямъ ученой литературы панславянскаго содержанія, которая имѣла существенное участіе въ образованіи панславянской идеи. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что панславизмъ — въ его законченномъ широкомъ видѣ—могъ быть раздѣляемъ только людь-

ии образованнаго класса, которые могли найти въ книгахъ доказательства славянскаго единства (мы будемъ дальше говорить объ этихъ доказательствахъ); только въ книгахъ можно было познакомиться со всѣми племенными родственниками, раскинутыми отъ Камчатки до Адріатическаго моря,—ясно, что народная масса не могла и подозрѣвать такого многочисленнаго родства.

Это обстоятельство достаточно доказываетъ само по себѣ, что панславянское единство было ученымъ открытіемъ: оно конечно нашло отголосокъ во всѣхъ славянскихъ племенахъ, но вовсе не имѣло такого глубокаго значенія, которое приписали ему въ свое время и славянскіе, и европейскіе публицисты. Одни увлекались панславизмомъ, какъ любопытнымъ результатомъ археологическаго изученія, и они—по обыкновенной маніи спеціалистовъ—преувеличили значеніе этого результата, распространивши прошедшій фактъ на настоящее. Другіе увлекались имъ какъ величественной политической комбинаціей, которая въ будущемъ представляла для славянскаго патріота самую завлекательную перспективу;—преувеличенныя опасенія нѣмцевъ сдѣлали изъ этой комбинаціи пугало, которому повѣрила и Европа. (Европа впрочемъ и могла заблуждаться на этотъ счетъ: славянскіе патріоты усердно ораторствовали о славянскомъ единствѣ, о соединеніи съ Россіею, которой такъ боялись въ то время. Теперь мы можемъ судить, на сколько этотъ страхъ былъ основателенъ). Эти два преувеличенія нашли себѣ вѣру потому, что имъ благопріятствовали разнообразныя внѣшнія условія: но фактическая дѣйствительность и тогда могла бы достаточно показать, на сколько идея панславизма забѣгала впередъ.

Въ ученомъ открытіи панславянской идеи всего больше работали чешскіе писатели и археологи. У чеховъ вообще панславянская идея имѣла всего больше вліятельныхъ представителей, и это очень понятно: это была нація, наиболѣе развитая сравнительно съ другими западными славянами; поставленная въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нѣмцами, она всего легче могла усвоить себѣ оружіе нѣмецкой науки и всего больше чувствовала потребность выйти изъ того подавляющего вліянія, которое оказывали нѣмцы на ея народность. Чехи желали поднять свой народъ; для этого нужно было давать народу образованіе на его собственномъ языкѣ, нужно было поэтому провести народный языкъ въ школу: нужно было доказать историческое право чешской народности, ея право современное—такимъ образомъ ученое изслѣдованіе о старинѣ становилось въ прямую связь съ вопросами настоящаго. Эти изслѣдованія ведены были съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Та же потребность историческаго доказательства національныхъ правъ сказывалась и у всѣхъ другихъ націй, которыя собирались теперь снова выступить на историческую сцену; каждая выставляла те-

перь свои прошедшіе подвиги, чтобы исторической заслугой подкрѣпить свои притязанія въ настоящемъ. Болгары съ патріотическимъ самодовольствомъ узнали, что ихъ народу принадлежатъ первые памятники славянскаго христіанства. Сербы вспоминали о старинномъ царствѣ, о борьбѣ съ турками; ихъ народная эпопея, записанная Караджичемъ, возбудила интересъ въ цѣлой европейской литературѣ. Чехи съ гордостью указывали на гуситскую эпоху, которая дѣлала ихъ въ свое время передовымъ народомъ Европы, и на древніе памятники «Любушина суда» и «Краледворской рукописи», которыя были такимъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ стараго національнаго развитія. Ставши разъ на эту точку, славянскіе патріоты не замедлили придать своей старинѣ больше блеска, чѣмъ она заслуживала. Экстравагантные ученые утверждали, что славянскій языкъ есть прямое продолженіе языка Гомера (*); новоизобрѣтенные «иллиры» считали свою генеалогію со временъ Кадма, за тысячи лѣтъ до Рождества Христова; наши русскіе квасные патріоты также отыскивали сверхъестественныя доблести въ предкахъ и, за неимѣніемъ иныхъ добродѣтелей, превозносили ихъ смиреніе, которому пророчили блестящія награды... Эти наивности любопытны для насъ именно потому, что высказываютъ затаенную мысль славянскихъ патріотовъ, и обнаруживаютъ, какія прорѣхи хотѣли они прикрыть въ своемъ національномъ прошедшемъ и настоящемъ.

Но этимъ прошедшимъ и настоящимъ занялась и истинная наука. Славянская исторія еще въ концѣ прошлаго столѣтія останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ, очень часто ученыхъ нѣмецкихъ, которые для нея были почти тѣмъ же, чѣмъ былъ Шлёцеръ для русской исторіи. Эти ученые бывали иногда и славяне, но съ нѣмецкимъ образованіемъ и писавшіе по нѣмецки или по латыни. Таковъ былъ даже Добровскій, непосредственный предшественникъ настоящихъ ученыхъ панславизма. Было бы долго и излишне пересчитывать труды всѣхъ этихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, посвящавшихъ себе изученіе славянской исторіи и археологіи. Эти ученые смотрѣли на свой предметъ чисто сціентифическимъ образомъ; это была для нихъ такая же археологія, какъ всякая другая, и если національность автора и имѣла вліяніе на выборъ предмета, то этимъ оно и ограничивалось. Тѣмъ не менѣе они имѣли свое значеніе въ образованіи панславянской идеи, потому что ихъ изслѣдованія, объяснившія частную исторію славянства, дали слѣдующему поколѣнію ученыхъ возможность общаго обзора, который указывалъ связь этихъ частностей между собою и открывалъ общія черты цѣлаго племени. Труды Добров-

(*) Извѣстная славянистамъ книга: «Homerus Slavizans».

скаго уже имѣютъ этотъ общеславянскій характеръ: онъ былъ первымъ энциклопедистомъ славянскихъ нарѣчій и славянской исторіи, но труды его все еще были отрывочны. Въ первый разъ картина славянскаго міра соединена была въ одно цѣлое другимъ энциклопедистомъ, Шафарикомъ. Онъ былъ первымъ и до сихъ поръ единственнымъ ученымъ вполнѣ панславянскаго характера. Ему принадлежитъ первый общій обзоръ славянскихъ древностей, т. е. древнѣйшей славянской исторіи; первый общій обзоръ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ, первый обзоръ славянской этнографіи. Все это были труды, исполненные съ замѣчательной ученостью и здравой критикой. Въ нихъ въ первый разъ соединены были подъ одну общую точку зрѣнія тѣ частныя изученія славянскаго міра, которыя до него оставались отдѣльными своими подробностями. Его обширная эрудиція обнимала самыя мелкія частности славянской исторіи, особенно старой; онъ первый владѣлъ обширнымъ знаніемъ славянской этнографіи и славянскихъ нарѣчій, и съ его трудомъ въ первый разъ начинается цѣльный взглядъ на славянскія національности, стремленіе связать ихъ въ единое историческое цѣлое, объяснять ихъ одну другою. Съ тѣхъ поръ частныя изслѣдованія находили себѣ въ этомъ общеславянскомъ изученіи Шафарика точку опоры, которая сообщала имъ извѣстное единство; общеславянская идея становилась обязательной и неизбѣжной для того, кто брался теперь за объясненіе отдѣльныхъ вопросовъ славянской жизни. Въ этомъ смыслѣ совершались труды многочисленныхъ послѣдующихъ ученыхъ; принадлежа къ разнымъ славянскимъ національностямъ, они имѣли уже одинъ общій интересъ и общую цѣль. Ихъ изученіе обнимало уже болѣе или менѣе всѣ отрасли славянскаго племени, и такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ связано было тѣсно и съ частными стремленіями ихъ собственной народности, то мало по малу эти частныя національныя стремленія принимали на себя оттѣнокъ общеславянской идеи. Ученые современники Шафарика, дѣйствовавшіе въ томъ же смыслѣ, и новое поколѣніе, образовавшееся подъ его прямымъ вліяніемъ, уже положительно отличались этимъ общеславянскимъ характеромъ своего изученія, какъ наприм. Челаковскій, Палацкій, Эрбенъ, Мацѣевскій, Бодянскій, Срезневскій, Григоровичъ, Миклошичъ, и т. д. Это согласіе въ общемъ направленіи соединяло ихъ въ одну касту, которая ревностно распространяла свои идеи въ литературѣ...

Но ставя такъ высоко значеніе трудовъ Шафарика для панславянской идеи, мы должны впрочемъ оговориться, что это значеніе не было результатомъ его чисто личной мысли. Напротивъ, панславянская идея, какъ результатъ указаннаго нами общаго положенія западно-славянскихъ національностей, ходила въ воздухѣ въ то время,

когда Шафарикъ предпринималъ свои труды. Хронологически онъ не можетъ быть названъ ея начинателемъ, потому что современники его (Челаковскій, Ганка, Колларъ и проч.) въ той же степени и независимо отъ него проникнуты были этой идеей: Шафарику принадлежитъ только заслуга перваго выраженія ея въ замѣчательныхъ ученыхъ трудахъ, давшихъ ей ясность и положительность факта.

Ученая каста, сначала немногочисленная, потомъ болѣе и болѣе возраставшая, была соединена довольно тѣсно, даже личными отношеніями, какъ и всегда бываютъ соединены касты ученыхъ специалистовъ. Члены ея дѣлились учеными открытіями, помогали другъ другу въ своихъ трудахъ, воспитывали новыхъ адептовъ. Каста имѣла наконецъ значительное вліяніе, которое весьма естественно объясняется тѣмъ, что ея панславянскіе интересы совпадали съ національными стремленіями отдѣльныхъ племенъ: къ защитѣ своей собственной народности ученые прибавляли указаніе на цѣлую семью племенъ, которая движется тѣми же чувствами и которая должна быть сильна взаимной симпатіей и содѣйствіемъ въ общемъ дѣлѣ; — одна славянская народность должна была укрѣпляться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ укрѣплялись другія. Въ подмогу этимъ практическимъ соображеніямъ явилась и теорія національнаго фатализма, о которой мы уже говорили, и которая именно въ то время имѣла всего больше успѣха: приверженцы славянской національности очень естественно стали ея горячими послѣдователями. Панславянскіе теоретики постоянно проповѣдовали, что каждому народу отъ начала предопредѣлена извѣстная историческая задача, что каждому народу назначено провести въ своемъ существованіи извѣстную идею, что такую идею, совершенно особую, должны выполнить и славянскіе народы. На эту тему написано было множество трактатовъ, весьма лестныхъ для національнаго славянскаго чувства; наконецъ они пришли къ тому послѣднему заключенію, что западные народы уже совершили свою задачу, что имъ нечего больше дѣлать на свѣтѣ, и что мѣсто ихъ должно занять теперь свѣжее, неиспорченное славянское племя, для котораго наступила пора исполнить свою миссію, будущее принадлежало теперь «славянскимъ началамъ»... Это была извѣстная теорія Хомякова, Шевырева, Кирѣевскихъ и т. д. и множества западно-славянскихъ патріотовъ.

Такимъ образомъ и эта серьезная литература, начавши съ строгаго фактическаго изученія, кончала увлеченіями, не имѣвшими никакого реальнаго основанія. Патріоты приготовлялись уже видѣть паденіе запада и торжество славянскаго востока, предсказывали будущую славянскую цивилизацію; — въ то время, когда славянскій міръ, въ массѣ, только что начиналъ усвоивать первыя элементарныя понятія цивили-

зіи; превозносили славянскія начала, — когда не умѣли даже отдать себѣ въ нихъ отчета и когда они еще не успѣли заявить себя прочными историческими фактами.

Во всемъ этомъ нельзя не видѣть обыкновеннаго увлеченія начинающейся пропаганды. Недостатокъ прямой дѣятельности и непосредственнаго вмѣшательства въ исторію у большей части славянскихъ племенъ естественно заставлялъ ихъ возлагать свои надежды на будущее: въ этомъ будущемъ славянскимъ патріотамъ представлялась несомнѣнная побѣда ихъ идеи. Ясно, что въ эту эпоху своего развитія панславизмъ могъ быть скорѣе патріотической поэзіей, чѣмъ политической теоріей.

Эта патріотическая поэзія развилась дѣйствительно съ большой плодовитостью и съ большимъ успѣхомъ. Замѣчательнѣйшія проявленія ея относятся къ тому же самому періоду, которому принадлежитъ научное открытіе панславянской идеи. И здѣсь точно такъ же поэты-панслависты были и поэтами своей ближайшей національности: ихъ національное увлеченіе восторгалось и славой своей собственной родины и великимъ прошедшимъ или будущимъ всеславянскаго отечества. Поэты панславизма являлись съ разныхъ сторонъ, но опять самые ревностные изъ нихъ принадлежали чехамъ. Во главѣ ихъ стоитъ Колларъ, авторъ знаменитой у западныхъ славянъ «Дочери Славы». Эта поэма, написанная звучными сонетами, соединявшая въ себѣ историческія воспоминанія и мечты о всѣхъ славянскихъ племенахъ, указывавшая имъ принципы ихъ нравственной солидарности, стала настоящимъ поэтическимъ кодексомъ панславизма. Такимъ же поэтомъ панславизма былъ Челаковскій: онъ пересаживалъ на чешскую почву народныя пѣсни другихъ славянъ, съ панславянской цѣлью показать имъ родство и познакомить народности между собой. Австрійская цензура мѣшала ему быть яснѣе въ его собственныхъ произведеніяхъ, но догадливая публика понимала намеки. Вражда къ нѣмцамъ, наслѣдственная у чеховъ, нерѣдко находила себѣ рѣзкое выраженіе у Челаковскаго и другихъ поэтовъ юной Чехіи: это было однимъ изъ любимыхъ мотивовъ національной поэзіи; юные чехи вспоминали о старыхъ несправедливостяхъ нѣмецкаго племени, которое представлялось самымъ злостнымъ врагомъ цѣлаго славянства, и пророчили освобожденіе отъ ненавистнаго ига. Панславянская поэзія нашла пылкихъ представителей и въ новой «иллирской» національности, о которой мы говорили выше: здѣсь славянское единство призывалось противъ другаго врага, на котораго «иллиры» готовили свое оружіе. Это были венгры. Поэзія Вукотиновича и другихъ представителей юной Иллиріи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ была вовсе не двусмысленна: въ этомъ смыслѣ она довольно ясно говорила

о національныхъ врагахъ и о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ ними; въ этой поэзіи была обыкновенная панславянская подкладка, мечтательныя надежды на единство, но дѣйствительный вопросъ времени рѣшался самымъ практическимъ образомъ. Наконецъ, панславянская поэзія оказалась и въ русской литературѣ. Здѣсь даръ пророчества взялъ на себя Хомяковъ... Нашимъ читателямъ знакома, безъ сомнѣнія, эта поэзія, въ которой панславянскія стремленія, мистицизмъ и реторика складывались въ высокопарныя оды и элегіи. Хомяковъ едва ли не самый характеристическій представитель русскаго панславизма, потому что въ немъ отражаются вполнѣ качества этого панславизма: мистическое превознесеніе славянской расы, изъ которой онъ дѣлалъ настоящее «избранное» племя; враждебное пренебреженіе западомъ и его національностями, внѣшнее, довольно іезуитское «смиреніе» (добродѣтель, выдуманная въ Москвѣ для прославленія нашихъ предковъ, за неимѣніемъ другихъ лучшихъ), и подъ его личиной, крайне властолюбивыя и самолюбивыя замашки, когда шло дѣло объ отношеніяхъ къ другимъ, даже славянскимъ народамъ. Хомяковъ очень давно выразилъ эти качества своихъ взглядовъ въ своей поэзіи, и его «Орелъ» производилъ въ свое время впечатлѣніе между западнымъ славянствомъ, которое въ то время еще не умѣло достаточно оцѣнить тенденціи московскаго панславизма. Этотъ послѣдній также говорилъ о братствѣ славянскихъ народовъ, вызывалъ ихъ на общую борьбу противъ національныхъ враговъ, но въ заключеніе въ немъ довольно ясно высказывалась наклонность принять братьевъ подъ свою нѣжную опеку... Братья мало подозрѣвали, что ихъ московскіе друзья имѣли въ виду такую опеку: на помощь отъ нихъ они надѣялись, но за тѣмъ во всякомъ случаѣ полагали, что имъ предоставятъ распоряжаться собой самимъ. Но въ то время западно-славянскіе патріоты еще не предвидѣли, къ чему приводится московскій панславизмъ, и принимали за чистую монету увѣренія въ братской любви.

Панславянскіе мотивы послышались и въ польской литературѣ, и казалось, что въ самомъ дѣлѣ наступила пора, когда разъединенныя части одной семьи, столько страдавшія въ своемъ раздѣленіи, соединятся наконецъ въ свой прежній тѣсный союзъ и что для нихъ начнется новая жизнь; эту жизнь, повидимому, такъ единодушно встрѣчали вездѣ славянскія племена, что сомнѣніе не приходило въ голову.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ то время не было конца разнымъ мечтаніямъ и предположеніямъ о томъ, какъ бы могла быть достигнута новая эпоха дѣйствительнаго славянскаго единства. Но эти мечтанія были по большей части крайне односторонни. Славянскіе народы, призывавшіеся тогда къ единству, почти всѣ лишены были всякой политической и общественной самостоятель-

ности; панславянская идея воспитывалась почти исключительно въ ученомъ и литературномъ кружкѣ, которому слишкомъ мало знакома была практическая общественная дѣятельность, и ученые большей частью и не рисковали думать о политическомъ веденіи вопроса, которое одно, какъ мы видѣли, и можетъ дать національности ея настоящее значеніе. Мечты ученыхъ и писателей отличались поэтому всѣми свойствами кабинетныхъ мечтаній: одни думали помочь дѣлу отвлеченными разсужденіями о славянскихъ добродѣтеляхъ и впадали въ невинный, но и совершенно безполезный романтизмъ, или проповѣдовали національную исключительность, не приводившую конечно ни къ чему хорошему; другіе полагали, что славянское единство можетъ быть достигнуто изобрѣтеніемъ всеславянскаго языка или основаніемъ въ Россіи всеславянской центральной академіи, которая бы взяла на себя дѣло развитія національностей (*); третьи находили, что достаточно для этого только солидарности между нарѣчіями и литературами, уже существующими и т. д.

Эта послѣдняя идея, выставленная тѣмъ же Колларомъ, имѣла особенный успѣхъ. Всѣ чувствовали, что славянскому единству недостаетъ самаго необходимаго орудія всякаго національнаго единства,—недостаетъ единства языка, т. е. простой возможности понимать другъ друга. Колларъ хотѣлъ помочь этому, предлагая свою теорію о «славянской взаимности». Книжка его объ этомъ предметѣ, переведенная на разныя славянскія нарѣчія, имѣла большой успѣхъ: читатели надѣялись, что предложенное имъ средство — взаимное изученіе славянскими народами ихъ главнѣйшихъ нарѣчій (Колларъ сравнивалъ ихъ съ діалектами греческаго языка, не мѣшавшими греческому единству)—дѣйствительно въ состояніи будетъ сообщить имъ нравственную солидарность... Эта филологическая пропаганда показалась сначала весьма естественной въ то время: нужно же было какъ нибудь понимать другъ друга. Но панславистамъ не приходило въ голову, во первыхъ, что такое изученіе нѣсколькихъ нарѣчій никогда не будетъ возможно для большинства, которое въ вопросахъ національности и рѣшаетъ все дѣло; во вторыхъ, что филологическая ученость народовъ, если бы она и была возможна, нисколько не поправила бы ихъ положенія: хотя бы даже славянскіе народы достигли взаимнаго пониманія своихъ литературъ (относительно языка), это еще вовсе не сближало бы ихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ и понятій. Русскому или поляку по прежнему оставались бы чужды и незанимательны стремленія далматинскаго серба; чехъ по прежнему былъ бы безсиленъ чѣмъ нибудь помочь болгарину и т. д.,—ихъ мѣстные ин-

(*) Изъ разсказовъ Ганки.

тересы были совершенно различны, и филологическая ученость по-
могла бы имъ очень мало. Доказательствомъ можетъ служить напри-
мѣръ слѣдующее: въ настоящее время чехи интересуются до нѣкото-
рой степени руской литературой и русскими общественными вопро-
сами, но австрійскому правительству это обстоятельство не нравится;
и оно всѣми путями затрудняетъ доставку въ Австрію рускихъ
книгъ. Что же будетъ дѣлать филологическая ученость чеховъ, если
у нея не будетъ рускихъ книгъ или если онѣ будутъ доходить до
нея только въ видѣ библіографической рѣдкости? Очевидно, она я-
вляется совершенно безплодною. И чехи дѣйствительно имѣютъ о рус-
ской литературѣ самыя смутныя понятія: о братскомъ пониманіи и
единствѣ почти смѣшно и говорить....

Но въ свое время «славянская взаимность» показалась панслави-
стамъ полнѣйшимъ разрѣшеніемъ національнаго затрудненія. Они по-
лагали, что, изучивъ четыре главныя славянскія нарѣчія, можно уже
считать единство совершившимся и національную цѣль достигнутою.
Имъ не приходило въ голову, что въ этомъ случаѣ имъ предлагалось
весьма извѣстное средство; такимъ способомъ мы уже сближались,
прежде славянъ, съ французами, нѣмцами и т. д., однимъ словомъ, со
всѣми, отъ кого желали пріобрѣсти что нибудь для своей пользы.
Если бы ощутилась потребность извлекать полезные элементы изъ
знакомства съ славянами, изученіе нарѣчій явилось бы само собой: о
немъ не стоило бы хлопотать. Панслависты поступали иначе: они
требовали изученія еще не дождавшись такой потребности. Такимъ об-
разомъ, «славянская взаимность» могла казаться удовлетворитель-
нымъ рѣшеніемъ вопроса только имъ самимъ.

Что же по ихъ мнѣнію могло дать разнымъ славянамъ это изуче-
ніе? Взаимность, по мнѣнію касты, должна была главнымъ образомъ
направиться на изученіе славянскихъ народностей — т. е. ихъ народ-
ной поэзіи, старины, нравовъ и обычаевъ, однимъ словомъ, всего
того, что конечно представляло собой «народность» т. е. характери-
стическіе признаки простонароднаго слоя разныхъ славянскихъ пле-
менъ, но что было еще пока крайне непроизводительно въ смыслѣ
цивилизаціи и въ смыслѣ общественнаго развитія. Каста состояла
преимущественно изъ спеціалистовъ филологіи, археологіи и этно-
графіи—ясное дѣло, что они, приглашая славянскую публику къ вза-
имности, указывали ей именно эти спеціальные предметы своего изу-
ченія, полагая въ нихъ корень всякаго національнаго развитія. Самъ
Колларъ, пѣвецъ «Дочери Славы» и авторъ «Литературной Взаимно-
сти», вздумалъ сдѣлаться археологомъ и обратилъ свою фантазію поэ-
та на отыскиванье славянъ въ Швейцаріи, въ Италіи и проч. Каста
имѣла значительное количество послѣдователей, но во всякомъ слу-

чѣмъ количество ихъ было не такъ значительно, какъ отъ этого ожидалось; въ особенности тамъ, гдѣ національность находилась прямо въ пассивномъ положеніи, эта археологическая взаимность имѣла всего меньше успѣха, напримѣръ хоть въ русской литературѣ, которая до сихъ поръ, если исключить немногихъ присяжныхъ панславистовъ, оставалась весьма хладнокровна къ этой взаимности... Мы уже указывали причину такого явленія: «взаимность» сводилась на этнографическій интересъ, нисколько не касаясь существенныхъ соціальныхъ вопросовъ, занимавшихъ, такъ или иначе, наше общество.

Въ этомъ смыслѣ взаимность до нѣкоторой степени даже и существовала между новыми славянскими литературами. Мы видѣли, что ученая разработка панславянскаго вопроса находила себѣ дѣятелей въ разныхъ славянскихъ племенахъ, что панславянскіе ученые уже соединялись въ одну касту, съ общими убѣжденіями и съ общимъ славянскимъ патріотизмомъ, хотя и направленнымъ на археологію. Этотъ взаимный археологическій и этнографическій интересъ существовалъ между славянскими племенами и до образованія самой касты. Ученымъ уже издавна была знакома родственная связь славянскихъ племенъ; были примѣры, что эта родственность была даже ощущаема ими съ извѣстной долей славянскаго патріотизма. Политическая сила русской имперіи въ восьмнадцатомъ столѣтіи возбуждала удивленіе и нѣкоторую неопредѣленную симпатію даже и въ народныхъ западно-славянскихъ массахъ, когда имъ приходилось что нибудь слышать объ этомъ. Первыя попытки изученія славянской исторіи пробуждали еще яснѣе эту мысль о славянскомъ родствѣ. Труды Добровскаго казались уже близки русскимъ ученымъ, его современникамъ. Извѣстный защитникъ «стараго слога», адмиралъ Шишковъ перевелъ на русскій языкъ «Краледворскую рукопись», какъ только вышло ея изданіе у чеховъ... Когда создалась наконецъ каста, эта взаимность конечно усилилась; труды разноплеменныхъ ученыхъ стали скорѣе достигать изъ однихъ концовъ славянскаго міра въ другіе, они чаще стали мѣняться своими идеями,—но результатомъ взаимности, какъ понимала ее каста, было только развитіе тѣхъ ультра-національныхъ понятій, которыя мы уже указывали. Спеціалисты панславизма говорили о національныхъ началахъ племени, о ихъ развитіи, о будущей роли славянства, о новой цивилизаціи, которую оно создастъ, и т. п. Однимъ словомъ, результатомъ было только распространеніе разныхъ фантастическихъ ожиданій, лишенныхъ всякаго реальнаго смысла. Съ этими вещами трудно было измѣнить тѣ политическія и общественныя условія, въ которыхъ были поставлены національности. Напримѣръ, болгарскому или турецкому сербу было

вопросъ не легче отъ того, что ученые увѣряли его, что въ его національности заключается корень будущей цивилизаціи; ему было бы гораздо полезнѣе сколько нибудь поправить свои внѣшнія обстоятельства, чѣмъ поучаться изъ мнимыхъ умствованій Хомякова и проч.

Надобно впрочемъ сказать, что панславизмъ этого времени имѣлъ и свою политическую сторону. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ панславизмъ сдѣлался вдругъ предметомъ горячихъ политическихъ разсужденій: неопредѣленное броженіе, обнаружившееся въ славянскихъ земляхъ, показалось цѣлой политической революціей, готовой измѣнить положеніе Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что политическіе элементы и дѣйствительно были въ этомъ національномъ броженіи, но тогдашніе политики слишкомъ преувеличивали ихъ значеніе. Недоразумѣніе, въ значительной степени господствовавшее въ этихъ политическихъ дебатахъ, разсѣялось только послѣ событій 48—49 года.

Политическій смыслъ приданъ былъ панславизму гораздо раньше и независимо отъ ученой касты. Панславянскія тенденціи были уже, какъ извѣстно, у заговорщиковъ 14-го декабря. Достаточно вспомнить то положеніе, въ которомъ находились тогда славянскія племена, чтобы видѣть, что мечты о славянскомъ союзѣ были слишкомъ преждевременной фантазіей. Въ двадцатыхъ годахъ славянскій союзъ не представлялъ никакихъ практически-возможныхъ основаній: думать о немъ могли только люди, слишкомъ мало знакомые съ положеніемъ вещей. При всемъ томъ мысль о славянскомъ союзѣ была пущена и находила потомъ ревностныхъ прозелитовъ: туманъ, покрывавшій славянскія дѣла, быть можетъ, еще облегчалъ созданіе политическихъ фантазій. И тѣ, кто желалъ, и тѣ, кто боялся славянскаго союза, считали его дѣломъ возможнымъ, хотя въ то время и наука еще очень мало знала о томъ, на сколько славянскій міръ представляетъ гарантій единства или союза. Панславизмъ уже былъ названъ въ это время, и хотя съ этимъ словомъ соединялось крайне темное понятіе, оно имѣло успѣхъ между политическими дилеттантами,—въ родѣ того, какъ въ прошломъ столѣтіи имѣла успѣхъ извѣстная греческая имперія, задуманная Потемкинымъ. Говоря о панславизмѣ, въ это время понимали не правильное политическое развитіе національности, а просто только размежеваніе Европы, болѣе или менѣе пріятное для глазъ... Мы поэтому считаемъ излишнимъ долго распространяться объ этой теоріи политическаго панславизма. Достаточно сказать, что этотъ панславизмъ не имѣлъ ничего или мало общаго съ дѣйствительными стремленіями славянскихъ племенъ; онъ даже становился къ нимъ въ прямое противорѣчіе. Для примѣра достаточно указать книжку ревностнаго панслависта этого разряда, гра-

ва Гуровскаго (*); по мнѣнію его, славянскія племена юга и запада — ни больше, ни меньше, какъ вѣтви, отдѣлившіяся отъ своего корня, и своей порчей вредныя самому корню; эти національности стали безплодны въ своемъ отдѣленіи, и единственное средство исцѣлить ихъ отъ этого безплодія — привязать ихъ къ здоровому славянскому племени, которое для ихъ же пользы должно абсорбировать ихъ въ одно славянское цѣлое. Подъ здоровымъ племенемъ разумѣется конечно Россія.

Книжка Гуровскаго была далеко не единственнымъ образчикомъ этого абсорбирующаго панславизма: было не мало брошюръ, развивавшихъ ту же идею въ поученіе европейскимъ политикамъ и дипломатамъ. Онѣ производили свой эффектъ, потому что разныя политическія событія подтверждали повидимому общую мысль, которая въ нихъ проповѣдовалась. Это было время, когда Россіи приписывались вообще завоевательныя стремленія, и въ западной Европѣ постоянно выражались опасенія по этому поводу.... Какъ ни противорѣчилъ этотъ абсорбирующій панславизмъ сепаративнымъ національнымъ усиліямъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей, намъ совершенно понятна мысль такого единства: Гуровскій весьма естественно приходилъ къ ней, если считалъ славянскія національности «безплодными», а на это послѣднее онъ имѣлъ нѣкоторое право, потому что цѣлыя столѣтія западное и южное славянство оставалось совершенно нѣмо въ исторіи. Неправъ былъ онъ (или люди его мнѣній, все равно) только въ томъ, что рѣшалъ судьбу славянства, не спросившись его самого: какъ ни казалась ему самому блестяща перспектива русской націи, усиленной десятками милліоновъ всего остальнаго славянства, — это послѣднее могло имѣть свои, не совсѣмъ похожіе на это, идеалы, и кто же имѣлъ право навязывать имъ другіе?... Наше московское славянофильство было, по нашему мнѣнію, гораздо хуже: въ сущности оно держалось тѣхъ же мнѣній, какъ книжки графа Гуровскаго, но при всемъ этомъ вовсе не утверждало, что національности безплодны; въ одно и то же время оно и выказывало заботы объ ихъ развитіи, и свои стремленія къ опекѣ; оно и поощряло ихъ, и старалось втолковать имъ, что они собственнаго интереса не понимаютъ, и должны исправиться, т. е. слушаться московскихъ наставленій.

Люди болѣе либеральныхъ стремленій находили другія средства дать исходъ развитію славянскихъ національностей. Они признавали за этими національностями способность жить и развиваться, и полагали, что самая естественная форма панславизма есть панславянскій союзъ, изъ равноправныхъ народностей: федерація, въ которой и Россія зай-

(*) La civilisation et la Russie.

имѣть мѣсто наравнѣ съ другими безъ всякой супрематіи; или федерація только изъ однихъ западныхъ и южныхъ славянъ, съ исключеніемъ Россіи, которая и сама по себѣ достаточно сильна, чтобы обезпечить свою національную самобытность; или федерація изъ австрійскихъ славянскихъ земель, съ присоединеніемъ Польши и т. д. Очевидно, что комбинацій представлялось довольно много, но мысль о федераціи всего чаще привлекала дилеттантовъ политики, которые брались устроивать судьбу славянскаго міра. Повидимому эта мысль имѣла за себя много приверженцевъ и въ массѣ славянской публики, заинтересованной своимъ національнымъ вопросомъ: мы говоримъ повидимому, потому что до 1848 года славянская печать въ Австріи была въ такомъ загонѣ, что въ ней трудно было говорить прямо объ этихъ предметахъ, да при томъ ученая каста, на то время почти исключительно завѣдывавшая литературой, мало и думала о томъ, что національный вопросъ можетъ потребовать, наконецъ, практическаго разрѣшенія въ политической борьбѣ и революціи. Впослѣдствіи, съ свободой печати эта мысль очень часто являлась на сцену, чтобы опять заглохнуть въ министерство Баха. Новая австрійская конституція опять дала возможность выражаться этимъ федеративнымъ стремленіямъ, конечно въ предѣлахъ преданности австрійскому престолу.

Кромѣ этого наиболѣе распространеннаго мнѣнія, польскій панславизмъ выставилъ свою теорію, крайнимъ выраженіемъ которой былъ извѣстный «Мессіанизмъ» Мицкевича. По этой теоріи славянскій міръ представляетъ двѣ стороны, положительную и отрицательную: первая, заключающая въ себѣ начала будущаго славянскаго и человѣческаго прогресса и братства людей и народовъ, и истинное выполненіе христіанства,—представляется Польшей; вторая, деспотическая и разрушительная, представляется Россіей, для которой Мицкевичъ вообще не пощадилъ темныхъ красокъ. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, знакомо это упрямство извѣстной польской литературы — отвергать славянскую національность Россіи или «Московіи», обитатели которой имѣютъ въ себѣ едва ли не больше финскаго и татарскаго, чѣмъ славянскаго: оттого, по мнѣнію этой литературы, русскіе или московиты, — какъ она ихъ постоянно называетъ, — дѣйствуютъ только разрушающимъ образомъ; они — враги цивилизаціи. Польшѣ предстоитъ, по теоріи Мицкевича, великая роль вести впередъ развитіе человѣчества и дать наконецъ полное выраженіе христіанской идеѣ. Поэтому спасеніе славянскаго міра, отставшаго болѣе или менѣе вездѣ отъ истинныхъ славянскихъ началъ, заключается въ Польшѣ, которая должна занять первенствующее мѣсто въ союзѣ славянскихъ народностей.

Понятно, что эта теорія, имѣвшая большой успѣхъ въ польской литературѣ и естественно созданная всѣми условіями этой литературы, была слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Но въ ея извиненіе можно сказать то, что такими же фантастическими представленіями изобилуютъ и многія другія теоріи о будущей судьбѣ славянскаго міра. Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь выразилось опять и инстинктивное желаніе вознаградить себя за неутѣшительную дѣйствительность, и крайность національнаго самолюбія.

Есть и еще одна теорія, въ сущности неуступающая «Мессіанизму» своими преувеличеніями. Это — теорія, которую началъ нѣкогда развивать кружокъ Хомякова, Кирѣевскихъ и т. д., и которая теперь окончательно завершена публицистами «Русской Бесѣды» и «Дня». Мы уже упоминали о ней прежде; она такъ же, какъ и другія теоріи, пророчитъ славянскому міру великую будущность и торжество славянскихъ началъ надъ западной цивилизаціей; она крѣпко стоитъ за развитіе народности и ея права, рекомендуетъ всѣмъ славянское братство, но въ то же самое время проповѣдуетъ такія вещи, которыя нисколько не укладываются въ принципъ національности. Именно, славянофильская теорія начинаетъ съ разными словоизвитіями повторять то же самое, что совершенно откровенно и безъ словоизвитій утверждала упомянутая нами книжка Гуровскаго. Московскіе славянофилы утверждаютъ, что кромѣ насъ, русскихъ, почти все славянское племя (за исключеніемъ болгаръ и православныхъ сербовъ) совратилось съ истиннаго пути, утратило свой настоящій первобытный славянскій характеръ и чистоту славянскихъ началъ, и потому погибаетъ въ сѣтяхъ латинскаго запада. Можно было бы замѣтить на это, что въ этомъ совращеніи прошла вся исторія католическаго славянства, что поэтому смѣшно было бы и требовать отъ него иныхъ славянскихъ началъ, кромѣ тѣхъ, какія даны были ему исторической жизнью, — но славянофильская теорія, не смотря на то, утверждаетъ, что истинныя начала скрываются только въ той части славянскаго племени, которая приняла вначалѣ кирилловскую, а не латинскую азбуку. Это положеніе славянофильская теорія подтверждаетъ съ одной стороны доказательствами чисто-метафизическаго свойства, напр., приписывая славянамъ кирилловской азбуки разныя отвлеченныя нравственныя качества, какихъ не имѣютъ славяне западные; съ другой, мнимо историческими доказательствами, увѣряя, что будто бы первые вѣрнѣе сохранили чистоту древне-славянскаго быта и славянской природы, которыя у всѣхъ были нарушены и подавлены вліяніемъ испорченнаго запада... Въ настоящемъ случаѣ намъ излишне и неудобно подробно опровергать эти доказательства; тѣмъ больше, что они до сихъ поръ излагаемы были большей частью только въ видѣ патети-

чествахъ восклицаній, а не разумнаго и серьезнаго изслѣдованія... Достаточно сказать, что въ ихъ славянофильская теорія выводитъ то заключеніе, что всѣ западные славяне, уклонившіеся сначала на ложный путь отъ истинно-славянскихъ началъ, могутъ спастись только возвратившись къ этимъ началамъ, т. е. другими словами, они должны отказаться отъ всей прошедшей исторіи, отъ всего тысячелѣтняго существованія, которое и создало ихъ современный характеръ; иначе, — они должны отказаться отъ своихъ національностей и поступить въ распоряженіе московскихъ мудрецовъ.

Какое политическое примѣненіе можетъ имѣть подобная теорія, славянофилы не объясняютъ ближайшимъ образомъ. Но ясно, что это примѣненіе было бы очень недалеко отъ абсорбирующаго панславизма, о которомъ мы говорили выше. Что таковы дѣйствительно тайныя помышленія московскаго панславизма, въ этомъ убѣждаетъ насъ тонъ, который въ послѣднее время принимаютъ славянофилы относительно своихъ братій. Тонъ этотъ, подъ видомъ братской любви и участія, обнаруживаетъ такія властолюбивыя замашки, которыя съ одной стороны непохвальны, а съ другой смѣшны. «День» просто дѣлаетъ славянству поголовные выговоры, читаетъ наставленія, дѣлаетъ строгія замѣчанія и т. п.; такъ обошелся онъ недавно съ чехами. Читатели «Современника» помнятъ безъ сомнѣнія комическую исторію знаменитаго «Посланія къ сербамъ», гдѣ московское славянофильство, расписавшееся полными фамиліями, вздумало дѣлать наставленія цѣлой сербской націи, предостерегать ее отъ пороковъ, побуждать къ добродѣтели, — какъ будто сербская нація состояла изъ совершенно неразумныхъ школьниковъ. Славянофильство доказало при этомъ, что національное развитіе славянства для него есть только пустая фраза, которой оно пользуется только изъ приличія: въ этомъ самомъ посланіи оно старается посѣять въ сербахъ православныхъ предубѣжденіе къ сербамъ католическимъ, изъ-за того, что послѣдніе будто бы измѣнили кореннымъ славянскимъ началамъ (см. выше), и славянофильство дѣлаетъ это въ то время, когда сами сербы гораздо разумнѣе стараются устранить прежнія несогласія и возстановить національное единство двухъ отраслей одного племени, нарушенное когда-то религіознымъ дѣленіемъ.

Эти и подобныя соображенія славянофильства оставались болѣе домашнимъ дѣломъ панславизма; но толки о славянской конфедераціи, съ Россіей во главѣ или безъ нея, привлекали на себя вниманіе въ Европѣ. Не смотря на то, что политическій вопросъ, какъ мы сказали, до 1848 года мало могъ появляться въ западно-славянской литературѣ, онъ горячо дебаттировался внѣ Австріи. Внутренніе споры кроатовъ и словаковъ съ венграми, начавшіеся съ тѣхъ поръ, какъ

Венгрія взялась за политическое развитіе своей національности, стали предметомъ европейскаго интереса; хорватскіе публицисты не скрывали своего ожесточенія противъ мадьяръ, и въ Европѣ больше и больше вѣрили, что панславизмъ дѣйствительно можетъ угрожать европейскому спокойствію. О немъ говорили нерѣдко съ такимъ безпокойствомъ, какъ будто уже грозило нашествіе, отъ котораго боялись разрушенія западной цивилизаціи. Всего больше боялись этого нѣмцы, которые въ Австріи чувствовали свою слабость передъ многочисленными славянами, и въ самой Германіи сознавали невыгоды своего политическаго раздробленія, и потому легко поддавались неосновательнымъ страхамъ. Мысль о германскомъ единствѣ, какъ единственномъ ручательствѣ за политическую самобытность и могущество нѣмецкаго племени, шла здѣсь параллельно съ развитіемъ панславянской идеи, — и чтобы укрѣпить силы этого единства, нѣмецкіе патріоты считали необходимымъ внести въ него и Австрійскую имперію, какъ бы ни было велико число ея не нѣмецкихъ обитателей, — на томъ основаніи, что нѣмецкій элементъ былъ тамъ господствующимъ и цивилизующимъ началомъ. Австрійское славянство было главнымъ предметомъ, возбуждавшимъ ихъ опасенія, и оно казалось тѣмъ опаснѣе, что къ его движенію могло примкнуть національное движеніе турецкихъ славянъ, которые заявляли о своей народной самобытности и могли бы еще болѣе усилить славянскій союзъ. Та же опасность могла явиться и со стороны Польши. Наконецъ въ то время были убѣждены, что панславизмъ составляетъ мечту Россіи, а Россіи стоило выразить свое желаніе, поднять знамя, чтобы всѣ славянскіе народы стали подъ это знамя... Въ 1846 г., одинъ изъ депутатовъ баденской палаты заявлялъ открыто свои опасенія и указывалъ на страшное развитіе славянской національности, грозившее нѣмецкому отечеству, — и его слова были тогда совершенно въ духѣ времени.

Естественно ожидать, что нѣмецкіе патріотическіе публицисты смотрѣли недружелюбно на славянское движеніе. Они заподозривали его въ соглашеніи съ Россіей, видѣли въ немъ русскую интригу, считали русскими революціонными эмиссарами тѣхъ мирныхъ ученыхъ, которые ѣздили почерпать у славянъ свою археологическую ученость и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ нея ничего не вывозили изъ славянскихъ земель. Нѣмецкіе публицисты всѣми мѣрами защищали нѣмецкую Австрію, когда поднимался споръ о ея національномъ характерѣ: они всячески подрывали кредитъ славянскаго движенія, уменьшали цифры его численной силы и приходили къ заключенію, что Австрія есть страна нѣмецкая, потому что въ ней одна нѣмецкая культура. Эти критики были очень строги, и славянскіе мечтатели могутъ

найти въ положеніи ихъ не одну мысль, которая бы заставила ихъ серьезнѣе понять свое положеніе.

Литературная борьба конечно не объясняла политическаго вопроса. Въ 48 году онъ явился наконецъ на открытой сценѣ: Австрійское славянство отвергло притязанія франкфуртскаго парламента, настаивавшаго на нѣмецкомъ качествѣ славянскихъ земель Австріи, — но этимъ заявленіемъ о своей національности и ограничился весь политическій результатъ революціи для славянскаго дѣла. Затѣмъ политическая роль славянства въ это время была самая несчастная: славянскій съѣздъ въ Прагѣ доставилъ представителямъ славянскихъ національностей короткое удовольствіе, — при которомъ они успѣли впрочемъ увидѣть, какъ много нужно еще сдѣлать, чтобы возможно было единство, занимавшее ихъ души. Славянскіе представители плохо понимали другъ друга, и разошлись, не сдѣлавши собственно ничего. Торжественный манифестъ разувѣрялъ Европу, что ей совершенно нечего опасаться, что славянство остается такъ же вѣрно, какъ прежде, габсбургскому дому, и что оно будетъ защищать его интересы... Габсбургскому дому это было совершенно пріятно: Кроаты усиливались подавить венгерскую революцію; чехи посылали своихъ волонтеровъ. Россія, которой приписывалось столько странныхъ завоевательныхъ плановъ, приняла въ этомъ дѣлѣ сторону Австріи...

Такъ это и должно было конечно случиться по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилось въ тѣ времена славянское движеніе. Славяне были слишкомъ слабы, чтобы сдѣлать что нибудь больше; въ этихъ смутахъ они искали себѣ опоры, и думали найти ее въ томъ самомъ принципѣ, отъ котораго сами прежде столько выносили. Реакція, послѣдовавшая съ усмиреніемъ Венгріи, поставила ихъ въ то же положеніе, въ какомъ они были до 48 года: оно было даже хуже, потому что австрійское правительство увидѣло, что славянство способно къ безпокойному образу мыслей, и съ тѣхъ поръ стало принимать мѣры къ его истребленію.

Теперь могли успокоиться тѣ славянскіе патріоты и публицисты, которые еще наканунѣ событій 48 года и въ теченіе этого самаго года утверждали, что единственное спасеніе Австріи — сдѣлаться славянской федераціей, или даже имперіей, но съ преобладающимъ славянскимъ характеромъ. Оказалось, что славянскій міръ можетъ еще нѣкоторое время удовольствоваться тѣмъ политическимъ режимомъ, какимъ онъ пользовался; онъ еще не былъ на уровнѣ тѣхъ политическихъ условій, съ которыми онъ собирался бороться.

Славянское движеніе компрометтировало себя и съ другой стороны. Въ австрійской революціи оно встрѣтилось съ нѣмецкимъ либеральнымъ движеніемъ, которое, раздѣляя тенденціи германской на-

ціональной партіи требовало либеральныхъ учрежденій, которыя бы избавили страну отъ прежняго угнетенія и произвола. Нѣтъ сомнѣнія, что это движеніе было дѣйствительно прогрессивное, но славянскіе политики видѣли въ его представителяхъ только приверженцевъ преимущественно франкфуртскаго парламента; свою вражду къ нимъ славянскіе политики простерли и на всѣ ихъ принципы, — естественно, что, такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ благородныхъ пожеланіяхъ, они должны были очутиться на сторонѣ реакціонеровъ. Въ томъ же самомъ положеніи они оказались отчасти и въ послѣдніе годы, въ вѣнской конституціонной палатѣ: національная задняя мысль сдѣлала славянскихъ депутатовъ врагами нѣмецкихъ прогрессистовъ палаты, и это конечно очень мало способно было внушать къ нимъ довѣріе. Славянскіе депутаты не находили поддержки и своимъ требованіямъ.

Эти обстоятельства сдѣлали славянское движеніе еще менѣе популярнымъ, чѣмъ оно было прежде. Въ немъ не могли искать себѣ союзниковъ люди, стремящіеся къ прочной реформѣ общественныхъ и политическихъ отношеній. Несчастная судьба сдѣлала изъ славянъ защитниковъ того самаго порядка, который всего болѣе мѣшалъ развитію ихъ собственной національности, и поссорила ихъ съ тѣми, кто съ нѣкоторымъ правомъ могли считать себя представителями настоящаго общественнаго интереса. — Извѣстно, что венгерцы, по окончаніи войны, смѣялись надъ кроатами, что они, венгры, возставшіе противъ Австріи, выиграли отъ нея больше, чѣмъ кроаты, защищавшіе ее. Это было совершенно справедливо. То же самое можно было сказать и о чехахъ, и о всѣхъ остальныхъ австрійскихъ славянахъ, которые приняли тогда программу Палацкаго.

Намъ скажутъ, что программа была доказательствомъ благоразумія. Съ этимъ можно пожалуй согласиться, но въ такомъ случаѣ къ чему было предаваться безмѣрному національному самовосхваленію, которымъ такъ сильно упражнялись тогда славянскіе патріоты?

Такимъ образомъ исходъ славянскаго движенія въ Австріи показалъ достаточно, что знаменитый панславизмъ не совсѣмъ таковъ, какимъ представляли его себѣ и славянскіе патріоты, и многіе европейскіе публицисты. Онъ обманулъ ожиданія: славянскій міръ не возсталъ какъ одинъ человѣкъ, не произвелъ на Европу страшнаго нашествія, котораго боялись отъ него, цивилизація была не тронута. Одна часть славянства (Сербія и турецкіе славяне), не заинтересованная прямо въ австрійскомъ вопросѣ, осталась совершенно спокойна (*); другая (Польша) благоразумно уклонилась отъ политическихъ безпо-

(*) Экспедицію сербовъ изъ княжества въ Венгрію на помощь сербамъ австрійскимъ надобно считать отдѣльнымъ случаемъ, исключеніемъ.

койствъ;—о разрушеніи европейской цивилизаціи не было конечно и рѣчи. — Съ другой стороны обнаружилось ясно и то обстоятельство, которое мы прежде указывали въ чисто-теоретическомъ смыслѣ, — что подъ національнымъ движеніемъ вовсе нельзя подразумѣвать непремѣнно движенія прогрессивнаго,—потому что панславизму приходилось именно становиться въ положеніе началъ реакціонныхъ, какъ это не разъ случалось въ движеніи австрійскаго славянства. Наконецъ, панславизмъ московскій представляетъ въ особенности любопытный образчикъ извращенія понятія національности. Крайнее развитіе этого понятія славянофилами привело ихъ къ враждѣ противъ самой національности; потому что, начавъ съ заявленій о славянскомъ братствѣ, славянофилы дошли до того, что сами стали разстраивать это братство, и вмѣсто настоящей народности западнаго славянства, съ которой оно прожило вѣка, вздумали навязывать ему народность своего собственнаго издѣлія, и вмѣсто свободнаго и самостоятельнаго развитія навязывать ему свою собственную программу и опеку.

Послѣ неудачъ 48—49 года панславизмъ совершенно исчезъ съ литературной и политической сцены. Мечта, построенная археологами и крайними приверженцами національнаго принципа, потеряла кредитъ, и панславизмъ былъ почти забытъ. Народное движеніе конечно продолжается, но оно уже не такъ легко поддается фантастическимъ увлеченіямъ; оно лучше сосчитало свои средства, и не ставитъ себѣ задачи не по силамъ. Быть можетъ, къ той порѣ, когда оно снова явится дѣйствующимъ элементомъ широкихъ историческихъ событій, оно лучше пойметъ истинный интересъ народа, лучше будетъ различать своихъ враговъ и своихъ друзей.

Мы постараемся дальше объяснить, что было дѣйствительнаго и реальнаго въ томъ движеніи, которое существуетъ однако въ славянскихъ племенахъ, и которое въ 30-хъ и 40-хъ годахъ такъ напрасно старались раздуть въ величественный и страшный для всей Европы панславизмъ.

— А —

***

Горе свое я умѣю терпѣть,
Стонамъ людскимъ я внимаю безстрастно,
Только на дѣтскія слезы смотрѣть
Я не могу безучастно.

Только увижу ихъ — дѣтство мое
Вспомнится снова: мѣщанство, наука,
Въ грязномъ углѣ роковое житье
И одиночества скука.

Вспомнятся храмъ и ограды лужокъ
Нѣсколько липъ и березъ запыленныхъ,
Множество нянекъ и дѣтскій кружокъ,
Между акацій зеленыхъ.

Сколько тамъ было веселыхъ дѣтей,
Игръ, и игрушекъ богатыхъ, и счастья;
Но съ безголовою куклой своей
Не возбуждалъ я участья.

Рано къ дѣтямъ прививается спѣсь,
Гордости мелкой ихъ учатъ съ пеленокъ;
Слышалъ и я: что ты дѣлаешь здѣсь?
Жалкій, мѣщанскій ребенокъ!

И, чтобъ задобрить дѣтей, я постигъ
Горькое вкрадчивой лести искусство,

Злобствуя, въ сердцѣ лелѣять привыкъ
Зависти мелкое чувство.

Тамъ, среди лести и мелкихъ услугъ,
Рано утратилъ я чувство свободы,
И привился ко мнѣ ѣдкій недугъ,
Переживающій годы.

Страшный недугъ, научившій скрывать
Гордости честной и смѣлой порывы,
Вѣчно робѣть, притворяться и лгать
И проклинать молчаливо.

А. МИХ—ЛОВЪ.

ЛЮДВИГЪ БЁРНЕ.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БЁРНЕ.

...И все-таки гамбахское празднество свидѣтельствовало о большомъ шагѣ впередъ, особенно если сравнить его съ другимъ празднествомъ, которое нѣкогда происходило въ Вартбургѣ и также имѣло цѣлью возвеличеніе общихъ народныхъ интересовъ. Только по внѣшнимъ явленіямъ, по случайностямъ, оба эти торжества похожи другъ на друга, а отнюдь не по своей внутренней сущности. Духъ, высказавшійся въ Гамбахѣ, существенно противоположенъ духу, или скорѣе привидѣнію, бродившему въ Вартбургѣ. Тамъ, въ Гамбахѣ, новое время восторженно пѣло свои пѣсни въ честь восхожденія солнца и пило брудершафтъ со всѣмъ человѣчествомъ; здѣсь же, въ Вартбургѣ, прошедшее время гнусило свои мрачныя, вороньи пѣсни, и при свѣтѣ факеловъ говорились и дѣлались глупости, достойныя самыхъ тупоумныхъ средневѣковыхъ дней! Въ Гамбахѣ французскій либерализмъ говорилъ восторженнѣйшія рѣчи, и если тутъ высказывалось много неразумнаго, то по крайней мѣрѣ разумъ признавался высшимъ авторитетомъ, связующимъ и разрѣшающимъ и предписывающимъ законамъ свои законы; въ Вартбургѣ, напротивъ того, господствовалъ ограниченный тевтоманизмъ, много и вкусно говорившій о любви и вѣрѣ, но любовь котораго была не что иное, какъ

ненависть къ чужеземцамъ, а вѣра состояла только въ отсутствіи разума, и который въ своемъ невѣжествѣ не съумѣлъ придумать ничего лучше сожженія книгъ! Я говорю: въ невѣжествѣ, потому что въ этомъ отношеніи та прежняя оппозиція, которая извѣстна намъ подъ именемъ «старонѣмецкой», была еще величавѣе оппозиціи новой, не смотря на то, что эта послѣдняя не особенно блещетъ ученостью. Именно тотъ, кто сдѣлалъ въ Вартбургѣ предложеніе о сожженіи книгъ, былъ въ то же время самымъ большимъ невѣжею, какой только существовалъ на землѣ... По настоящему, ему слѣдовало бросить въ огонь и латинскую грамматику Брёдера!

Странно! эти такъ называемые старогерманцы, не смотря на свое невѣжество, заняли у нѣмецкой учености извѣстнаго рода педантизмъ, столько же отвратительный, сколько и смѣшной. Съ какимъ мелочнымъ пустословіемъ они разсуждали о признакахъ нѣмецкой національности! Гдѣ начинается германецъ? Гдѣ онъ оканчивается? Имѣетъ ли нѣмецъ право курить табакъ? Нѣтъ, утверждало большинство. Имѣетъ ли нѣмецъ право носить перчатки? Да, но не иначе, какъ изъ буйволовой кожи. (Грязный Масманъ вовсе не носилъ перчатокъ). Но пиво нѣмецъ всегда можетъ пить, и долженъ это дѣлать какъ истинный сынъ Германіи, потому что Тацитъ очень опредѣлительно говоритъ о германской Cerevisia. Не мало удивился я однажды, когда увидѣлъ, какъ въ геттингенскомъ пивномъ погребѣ мои старогерманскіе друзья серьезно изготовляли опальные списки къ тому дню, въ который они должны были, по ихъ разсчетамъ, получить верховную власть. Въ этихъ спискахъ приговаривался къ изгнанію каждый, происходившій хотя бы въ седьмомъ колѣнѣ отъ француза, еврея или славянина. Кто написалъ малѣйшую замѣтку противъ старогерманскихъ нелѣпостей, могъ готовиться къ смертной казни, и притомъ казни топоромъ, а не гильотиной, не смотря на то, что эта послѣдняя — собственно нѣмецкое изобрѣтеніе и уже въ средніе вѣка была извѣстна подъ названіемъ «итальянской петли». Я помню, что по этому случаю зашелъ совершенно серьезный споръ о томъ, слѣдуетъ ли помѣстить въ опальный списокъ одного берлинскаго писателя, который въ первомъ томѣ своего сочиненія высказался противъ гимнастическаго искуства; многіе утверждали, что надо повременить этимъ помѣщеніемъ, потому что послѣдній томъ сочиненія еще не появился, а въ немъ авторъ могъ высказать вещи, которыя могли придать совершенно другой смыслъ преступнымъ мнѣніямъ, заключающимся въ первомъ томѣ.

Сошли ли со сцены эти мрачные дураки, такъ называемые нѣмечники (Deutschthümler)? Нѣтъ. Они только сняли съ себя свои черные кафтаны, ливрею своего безумія. Большая часть изъ нихъ не-

рестала даже говорить на своемъ плаксиво-грубомъ жаргонѣ, и замаскированные въ цвѣта и фразы либерализма, они были тѣмъ болѣе опасны для новой оппозиціи во время бурнаго политическаго періода, слѣдовавшаго за іюльскими днями. Да, въ средѣ нѣмецкихъ революціонеровъ кишилъ цѣлый рой прежнихъ нѣмечниковъ, которые своими кислыми губами лепетали новыя слова и даже пѣли Марсельезу... при чемъ корчили самыя жалкія рожи. Между тѣмъ дѣло шло о единодушной борьбѣ за общіе интересы, за единство Германіи, единственную прогрессивную идею, провозглашенную прежнею оппозиціею. Наше пораженіе можетъ быть счастіе для насъ... Мы бы дрались не отставая другъ отъ друга, мы дѣйствовали бы очень единодушно во время битвы и даже въ часъ побѣды... но на слѣдующее утро оказалось бы разногласіе, которое можно было бы сгладить только посредствомъ ultima ratio populorum, именно посредствомъ итальянской петли. Конечно, близорукіе люди въ средѣ нѣмецкихъ революціонеровъ судили обо всемъ на основаніи французскаго масштаба, и уже раздѣлялись на конституціонистовъ и республиканцевъ, и потомъ снова на жирондистовъ и монтаньяровъ, и на основаніи этихъ раздѣленій ненавидѣли другъ друга и клеветали одинъ на другаго; но знакомые съ дѣломъ знали очень хорошо, что въ центрѣ нѣмецкой революціи были собственно только двѣ, радикально противоположныя между собою, партіи, неспособныя ни на какую мировую сдѣлку и тайно пылавшія другъ къ другу самою кровавою враждою. Какая изъ этихъ двухъ партій казалась болѣе сильною? Проницательные изъ числа либераловъ не скрывали другъ отъ друга, что ихъ партія, стоявшая за принципы французскаго ученія о свободѣ, по количеству членовъ была сильнѣе, но по фанатизму и вспомогательнымъ средствамъ — слабѣе. Дѣйствительно, преобразованные нѣмечники составляли, правда, меньшинство, но ихъ фанатизмъ, имѣющій скорѣе религіозный характеръ, легко пересиливаетъ фанатизмъ, порожденный только разумомъ; притомъ же въ ихъ распоряженіи находятся тѣ могущественныя формулы, съ помощію которыхъ можно дѣйствовать на грубую чернь; слова: «отчизна, Германія, вѣра отцовъ» и т. д. потрясаютъ необразованную массу гораздо сильнѣе, чѣмъ слова: «человѣчество, космополитизмъ, разумъ, истина!..» Этимъ я хочу сказать, что представители національности пустили на нѣмецкой почвѣ корни гораздо глубже тѣхъ, которые пущены представителями космополитизма, что эти послѣдніе по всей вѣроятности уступятъ первымъ, если не поспѣшатъ предупредить ихъ... итальянской петлей.

Въ революціонное время у насъ остается выборъ между убійствомъ и смертью.

Невозможно составить себѣ понятіе о такомъ времени, не испытавъ хоть отчасти горячки, охватывающей въ эту пору людей и поселяющей въ нихъ совершенно особенный образъ мыслей и чувствованій. Невозможно произвести приговоръ надъ словами и дѣлами такого времени, когда живешь въ такую мирную пору, какъ теперешняя.

. . . .

Здѣсь не мѣсто и не время говорить подробнѣе о различіи, которое должно было скоро послѣ іюльской революціи обнаружиться между мною и нѣмецкими революціонерами, собравшимися въ Парижѣ. Главнѣйшимъ представителемъ этихъ послѣднихъ долженъ считаться нашъ Людвигъ Берне, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда вслѣдствіе пораженій республиканской партіи, два дѣятельнѣйшіе агитатора, Гарнье и Вольфрумъ, сошли со сцены. . . . .

О первомъ я уже упоминалъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ дѣятелей, и надо отдать ему справедливость, что онъ въ высокой степени обладалъ всѣми демагогическими талантами. Это былъ человѣкъ очень умный, съ большими познаніями и весьма краснорѣчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ интригантъ. Въ разгарѣ нѣмецкой революціи Гарнье, конечно, игралъ бы замѣтную роль; но такъ какъ эта пьеса не была разыграна, то ему пришлось плохо. Говорятъ, что онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа, потому что хозяинъ гостинницы, въ которой онъ жилъ, покушался на его жизнь не тѣмъ, что грозилъ отравлять его кушанья, но тѣмъ, что не хотѣлъ отпускать ему никакихъ блюдъ иначе, какъ на чистыя деньги. Второй изъ этихъ двухъ агитаторовъ, Вольфрумъ, былъ молодой человѣкъ изъ старой Баваріи; онъ служилъ прикащикомъ въ одномъ парижскомъ магазинѣ, но отказался отъ этой должности, чтобы посвятить всю свою дѣятельность идеямъ свободы, которыя овладѣли и имъ. Это былъ славный, безкорыстный, полный чистаго энтузіазма человѣкъ, и я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ высказать это мнѣніе, что имя его еще не совсѣмъ очищено отъ страшной клеветы. Именно, когда его выслали изъ Парижа и генералъ Лафайетъ возсталъ въ палатѣ противъ такого своевольнаго поступка, то графъ д'Аргу, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, высморкалъ свой длинный носъ и началъ утверждать, что Вольфрумъ былъ агентомъ баварскихъ іезуитовъ, и что въ его бумагахъ найдены доказательства тому. Вольфрумъ, бывшій въ это время въ Бельгіи, узналъ изъ газетъ объ этомъ гнусномъ обвиненіи и рѣшился тотчасъ же возвратиться въ Парижъ; но за неимѣніемъ денегъ, онъ долженъ былъ отправиться пѣшкомъ, пришелъ въ Парижъ больной отъ усталости и внутренняго волненія и увидѣлъ себя въ необходимости помѣститься въ больницѣ Hôtel de Dieu; тутъ онъ и умеръ подъ чужимъ именемъ.

Вольфрумъ и Гарнье всегда были вѣрными приверженцами Берне, но въ отношеніи къ нему не переставали сохранять извѣстнаго рода независимость и нерѣдко черпали свое вдохновеніе изъ совсѣмъ иного источника. Но послѣ того, какъ оба эти человѣка сошли со сцены, Берне лично выступилъ впереди парижскихъ нѣмцевъ-революціонеровъ, съ этихъ поръ управлялъ ими не черезъ посредство агентовъ своей воли, но отъ собственнаго имени, и не было у него недостатка въ придворномъ штатѣ изъ ограниченныхъ и разгоряченныхъ головъ, поклонявшихся ему съ слѣпымъ благоговѣніемъ. Среди этихъ милыхъ приверженцевъ сидѣлъ онъ во всемъ величіи своего пестраго шелковаго халата и чинилъ судъ надъ сильными міра сего... То, что онъ только намеками высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ устномъ изложеніи дополнялось самымъ рѣзкимъ образомъ, а подозрительная недальновидность, совершенно овладѣвшая имъ, и какая-то безчестная добродѣтель, которая для служенія святому дѣлу не пренебрегаетъ даже ложью,—короче сказать, ограниченность и самообольщеніе, сдѣлали то, что этотъ человѣкъ погрузился въ болото клеветы.

Упрекъ, заключающійся въ словахъ: «подозрительная недальновидность» относится здѣсь не столько къ отдѣльной личности, сколько къ цѣлой породѣ, нашедшей полнѣйшаго представителя своего въ Максимиліанѣ Робеспьерѣ. На этого послѣдняго Берне былъ въ послѣднее время чрезвычайно похожъ: то же постоянное недовѣріе на лицѣ, та же кровожадная сантиментальность въ сердцѣ, та же слабость мысли въ головѣ... Только въ его распоряженіи не было гильотины и онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи словъ и клеветы. И этотъ упрекъ также относится больше къ породѣ, потому что—странное дѣло! — подобно іезуитамъ, якобинцы приняли ложь дозволеннымъ средствомъ войны, можетъ быть потому, что и тѣ и другіе считали себя служителями великихъ цѣлей; первые ратовали за папство; вторые — за человѣчество... Мы должны поэтому простить имъ за ихъ клеветы!

Но не руководила ли иногда Людвигомъ Берне тайная зависть? Онъ вѣдь былъ человѣкъ, и между тѣмъ, какъ ему казалось, что разрушая добрую славу человѣка, бывшаго съ нимъ различнаго образа мыслей, онъ дѣйствовалъ только въ интересѣ республики, онъ, самъ того не подозрѣвая, удовлетворялъ скрытымъ наклонностямъ злой натуры, какъ нѣкогда Максимиліанъ Робеспьеръ, славной памяти!

И именно въ отношеніи ко мнѣ покойный предавался такимъ личнымъ чувствамъ, и всѣ его нападенія на меня были въ сущности ни что иное, какъ мелкая зависть, которую маленькій барабанщикъ чувствуетъ къ большому тамбуръ-мажору. Онъ завидовалъ моему высокому плюмажу, который такъ смѣло развѣвался по воздуху; моему

богато-вышитому мундиру, на которомъ было столько серебра, сколько онъ, маленькій барабанщикъ, не могъ бы купить за всѣ свои деньги, завидовалъ ловкости, съ которою я махалъ тамбуръ-мажорскимъ жезломъ, любовнымъ взглядамъ, которые бросали на меня молодыя дѣвушки, и на которые я, можетъ быть, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ!

Во многихъ изъ заблужденій, на которыя я только что намекнулъ, были, можетъ быть, виноваты люди, окружавшіе Берже. Эти милые приверженцы подстрекали его къ высказыванію многихъ скверныхъ мнѣній. При всей своей подозрительности онъ легко поддавался обману, не подозрѣвалъ, что служилъ совершенно чужимъ страстямъ и нерѣдко даже повиновался коварнымъ внушеніямъ своихъ противниковъ. Меня увѣряли, что нѣкоторые изъ шпіоновъ, шныряющихъ здѣсь на счетъ извѣстныхъ правительствъ, такъ умѣли прикидываться истинными патріотами, что Берже совершенно довѣрялся имъ и проводилъ съ ними дни и ночи въ составленіи разныхъ революціонныхъ плановъ. . . . .

А между тѣмъ онъ зналъ, что его окружали шпіоны, и разъ сказалъ мнѣ: «за мной постоянно шляется здѣсь одна каналья; онъ преслѣдуетъ меня на всѣхъ улицахъ, останавливается передъ всѣми домами, въ которые я вхожу, и конечно получаетъ за это отъ какого-нибудь правительства большое жалованье. Знай я только, какое это правительство, я бы написалъ ему, что самъ хочу зарабатывать деньги, что самъ я готовъ ежедневно посылать ему добросовѣстное донесеніе о томъ, какъ я провелъ день, съ кѣмъ говорилъ, куда ходилъ; да, я согласенъ доставлять эти донесенія гораздо дешевле, даже вдвое дешевле, чѣмъ эта бестія, постоянно шляющаяся за мною, потому что мнѣ и безъ того приходится совершать всѣ эти переходы. Можетъ быть, я бы жилъ тѣмъ, что былъ бы своимъ собственнымъ шпіономъ».

Впрочемъ, были еще совершенно особыя причины, заставлявшія меня держаться въ отдаленіи отъ Берже. . . . .
. . . Это признаніе, можетъ быть, странно слышать отъ человѣка, который никогда не раздѣлялъ фанатическаго негодованія такъ называемыхъ проповѣдниковъ нравственности и самъ не разъ былъ обвиняемъ ими въ ереси. Дѣйствительно ли я заслуживалъ эти обвиненія? Послѣ глубокихъ наблюденій надъ самимъ собою, я могу дать себѣ аттестатъ въ томъ, что мои мысли и дѣйствія никогда не находились въ противорѣчіи съ нравственностью, тою нравственностью, которая врождена моей душѣ, и можетъ быть, составляетъ всю мою душу, одухотворяющую душу моей жизни. Я почти пассивно повинуюсь нравственной необходимости и поэтому не имѣю никакихъ притязаній

не лавровые вѣнки и тому подобныя награды за добродѣтель. Недавно я читалъ книгу, въ которой публику увѣряли, будто я хвастаюсь тѣмъ, что на парижскихъ бульварахъ нѣтъ такой Фрины, прелести которой не были бы знакомы мнѣ. Богъ знаетъ, какой почтенный корреспондентъ сообщилъ такіе милые анекдоты, но я могу увѣрить автора этой книги, что даже въ самые безумные годы моей молодости я сближался съ женщинами только тогда, когда меня восторгала ихъ красота, или воодушевляла великая страсть, та великая страсть, которая освобождаетъ насъ отъ всякихъ эгоистическихъ, мелочныхъ чувствъ и заставляетъ приносить въ жертву суетныя блага жизни, даже самую жизнь!... А свѣтъ, какъ бы то ни было, справедливъ, и не сердится на пламя, если только пожаръ силенъ и неподдѣленъ, и если оно горитъ долго и красиво... Онъ безпощадно относится только къ пустому, ничтожному горѣнію соломы и издѣвается надъ этимъ болѣзливымъ полупламенемъ... Свѣтъ чтитъ всякую страсть, оказывающуюся истинною, и время порождаетъ и въ этомъ случаѣ извѣстнаго рода законность...

Потомъ на меня непріятно дѣйствовали постоянныя политическія разсужденія Берне. Онъ не переставалъ толковать о политикѣ и дѣлалъ это даже за обѣдомъ, который часто раздѣлялъ со мною. Въ это время, когда я съ удовольствіемъ забываю всѣ житейскія непріятности, онъ портилъ мнѣ лучшія кушанья своею патріотическою желчью, которую проливалъ на нихъ, такъ сказать, въ видѣ горькаго соуса. Телячьи ножки à la maître d'hôtel, бывшіе въ то время моимъ любимымъ безвреднымъ кушаньемъ, онъ отравлялъ патріотическими іеремiадами, составлявшимися на основаніи свѣдѣній, которыя онъ почерпалъ изъ самыхъ ненадежныхъ газетъ. А къ этому еще присоединялись его проклятыя замѣчанія, отнимавшія всякій аппетитъ. Такъ напримѣръ, онъ разъ влѣзъ за мною въ ресторанъ улицы Лепельтье, гдѣ въ то время обѣдали только политическіе бѣглецы изъ Италіи, Испаніи, Португаліи и Польши. Берне, знавшій ихъ всѣхъ, замѣтилъ, весело потирая руки, что изъ всего этого общества только мы двое не приговорены своими правительствами къ смерти. «Но—прибавилъ онъ—я еще не потерялъ надежды дойти до этого. Рано или поздно мы будемъ всѣ повѣшены, и вы точно также какъ и я». По этому случаю я высказалъ мнѣніе, что для дѣла нѣмецкой революціи было бы дѣйствительно очень полезно, если бы наши правительства поступали немного быстрѣе и дѣйствительно повѣсили нѣсколькихъ революціонеровъ.... «Вы, конечно, хотите—замѣтилъ Берне—чтобы насъ вѣшали по алфавиту, и тогда я былъ бы однимъ изъ первыхъ, а до васъ не такъ скоро дошла бы очередь».

Все это были разговоры не очень развеселявшіе меня, и я истилъ

ся меня тѣмъ, что высказывалъ чрезмѣрное, почти страстное равнодушіе къ предметамъ берневскаго энтузіазма. Напримѣръ, Берне сердился на то, что по пріѣздѣ въ Парижъ я не нашелъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ написать для нѣмецкихъ газетъ длинную статью о тогдашней художественной выставкѣ. Берне видѣлъ въ этомъ доказательство моего равнодушія къ священному дѣлу человѣчества, и патріотическое рвеніе его не мало оскорблялось, когда я за столомъ говорилъ только о картинахъ, о Жнецахъ Роберта, Юдиѳи Ораса Верне, Фаустѣ Шеффера. «Что вы дѣлали — спросилъ онъ меня однажды — въ первый день вашего пріѣзда въ Парижъ? Куда вы прежде всего пошли?» Онъ, ожидалъ, конечно, что я назову ему площадь Людовика XV, или Пантеонъ, гробницы Руссо и Вольтера, и лицо его приняло странное выраженіе, когда я честно сознался ему, что тотчасъ послѣ пріѣзда отправился въ Bibliothèque Royale и взялъ для просмотра рукопись Манесскаго кодекса пѣсенъ миннезенгеровъ. И это правда; давно уже я горѣлъ желаніемъ собственными глазами взглянуть на дорогіе листы, которые сохранили для насъ, между прочимъ стихотворенія Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, величайшаго нѣмецкаго лирика. Берне и въ этомъ видѣлъ доказательство моего индифферентизма и обвинялъ меня въ противорѣчіи съ моими политическими принципами. Нечего и говорить что я никогда не бралъ на себя труда разсуждать съ нимъ объ этихъ принципахъ; когда же онъ однажды сталъ доказывать, что открылъ противорѣчія и въ моихъ сочиненіяхъ, то я ограничился ироническимъ отвѣтомъ: «Вы ошибаетесь, любезнѣйшій, противорѣчія въ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ, потому что каждый разъ, принимаясь писать, я пересматриваю политическіе принципы, высказанные въ моихъ прежнихъ статьяхъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и чтобы никто не могъ упрекнуть меня въ измѣнѣ моимъ либеральнымъ убѣжденіямъ». Но не только за столомъ, даже и во время ночнаго отдохновенія, Берне надоѣдалъ мнѣ своею политическою экзальтаціею. Разъ онъ пришелъ въ полночь ко мнѣ въ квартиру, разбудилъ меня отъ самаго сладкаго сна, сѣлъ передъ моей постелью и цѣлый часъ разливался въ соболѣзнованіяхъ о бѣдствіяхъ нѣмецкаго народа и о поступкахъ нѣмецкихъ правительствъ, и разсказывалъ о томъ, какъ онъ готовился писать объ этихъ послѣднихъ и противъ всего союзнаго сейма......

Съ тѣхъ поръ я говорилъ съ нимъ всего два раза. Первый разъ это было на свадьбѣ одного общаго друга, который пригласилъ насъ обоихъ свидѣтелями, а второй—на прогулкѣ въ Тюльери, о которой я уже упоминалъ. Скоро послѣ того появились третья и четвертая часть его «Парижскихъ Писемъ», и я началъ не только избѣгать встрѣчи съ нимъ, но и старался дать ему замѣтить, что нарочно из-

бѣгающее; послѣ этого я встрѣчалъ его два или три раза, но уже не говорилъ съ нимъ ни одного слова. При его сангвинической натурѣ это доводило его до отчаянія, и онъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы снова какъ нибудь сблизиться со мною, или по крайней мѣрѣ имѣть со мной объясненіе. Такимъ образомъ ни разу въ жизни я не спорилъ на словахъ съ Берне, ни разу мы не нанесли другъ другу тяжелаго словеснаго оскорбленія; только въ томъ, что онъ печаталъ, замѣтилъ я его недоброжелательство ко мнѣ; и не оскорбленное чувство собственнаго достоинства, а болѣе высокія заботы и вѣрность, которую я обязанъ соблюдать въ отношеніи къ моимъ мыслямъ и желаніямъ, побудили меня разойтись съ человѣкомъ, желавшимъ компрометировать мои мысли и стремленія. Но такое упорное отдаленіе совсѣмъ не въ моемъ характерѣ и я, можетъ быть, снова согласился-бы говорить и быть знакомымъ съ Берне, тѣмъ болѣе, что люди, которыхъ я очень люблю, постоянно приставали ко мнѣ съ просьбами объ этомъ и что общіе наши друзья часто были въ затруднительномъ положеніи при приглашеніяхъ, которыя я принималъ только тогда, когда убѣждался, что господинъ Берне не приглашенъ... Кромѣ того, мои частные интересы побуждали меня не слишкомъ раздражать такою упорною непріязнью этого злобнаго человѣка... Но стоило мнѣ только взглянуть на окружавшихъ его людей, на его вѣрныхъ приверженцевъ, — и отвращеніе удерживало меня отъ всякаго новаго столкновенія съ Берне.

Такъ прошло три, четыре года, я потерялъ Берне изъ виду, пересталъ думать о немъ и даже не обращалъ вниманія на тѣ статьи, которыя онъ писалъ противъ меня во французскихъ газетахъ и которыя честная Германія эксплуатировала для гнусной клеветы, — когда въ одинъ осенній вечеръ я получилъ извѣстіе, что Берне умеръ.

Какъ мнѣ сказали, смерть его произошла отъ упрямства, потому что онъ отказывался принять своего доктора, многоуважаемаго Зихеля. Этотъ не только знаменитый, но и крайне добросовѣстный врачъ, который по всей вѣроятности спасъ бы его, пришелъ слишкомъ поздно, когда больной уже самъ залечилъ себя и разрушилъ весь свой организмъ.

Въ былое время Берне немного занимался медициной и зналъ эту науку какъ разъ на столько, на сколько нужно, чтобы умѣть убивать. Въ политикѣ, изученію которой онъ предался впослѣдствіи, познанія его были не особенно значительнѣе.

Я не присутствовалъ на его похоронахъ, о чемъ здѣшніе корреспонденты не замедлили сообщить въ Германію и что подало поводъ къ многимъ злонамѣреннымъ толкованіямъ. Ничего не можетъ быть глупѣе, какъ видѣть враждебную злобу въ этомъ обстоятельствѣ, кото-

рое могло быть чистою случайностью. Дураки, они не знаютъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ присутствовать на похоронахъ врага!

Я никогда не былъ другомъ Берне, но никогда не былъ и врагомъ его. Неудовольствіе, которое онъ по временамъ могъ возбуждать во мнѣ, никогда не было особенно сильно, и онъ достаточно искупилъ его холоднымъ молчаніемъ, которымъ я отвѣчалъ на всѣ его обвиненія и нападки. Во время его жизни я не написалъ противъ него ни одной строчки, я никогда не думалъ о немъ, какъ будто вовсе не зналъ его, и это бѣсило его до невѣроятной степени.

Если я теперь говорю о немъ, то дѣлаю это ни изъ энтузіазма, ни изъ непріязни; я могу по крайней мѣрѣ, положа руку на сердце, сказать, что мною руководитъ самое холодное беспристрастіе. Я не пишу здѣсь ни апологіи, ни критической статьи и воздвигаю только памятникъ ему. А онъ заслуживаетъ памятника, онъ — великій боецъ, который такъ мужественно бился въ нашей политической аренѣ и стяжалъ себѣ, если не лавровый, то ужъ конечно дубовый вѣнокъ.

Я воспроизвожу его образъ въ его дѣйствительныхъ чертахъ, безъ идеализаціи, и чѣмъ больше онъ похожъ, тѣмъ больше онъ дѣлаетъ чести его имени. Онъ вѣдь не былъ ни геній, ни герой, ни олимпійскій богъ. Онъ былъ человѣкъ, гражданинъ земли, хорошій писатель и великій патріотъ.

Называя Людвига Берне хорошимъ писателемъ и придавая ему простой эпитетъ «хорошій», я не хочу ни возвысить, ни уменьшить его эстетическое достоинство. Вообще, какъ я уже сказалъ, это сочиненіе ни апологія, ни критика его произведеній; я высказываю здѣсь только мое личное мнѣніе. Этому мнѣнію я стараюсь дать возможно сжатую форму; вотъ почему скажу только нѣсколько словъ о Берне въ чисто-литературномъ отношеніи.

Еслибы мнѣ нужно было найти въ литературѣ писателя, родственнаго по характеру съ Берне, то я прежде всего указалъ бы на Готтгольда Эфраима Лессинга, съ которымъ его очень часто сравнивали. Но это сходство основывается на внутренней энергіи, благородствѣ характера, патріотической страстности и восторженномъ сочувствіи къ человѣчеству обоихъ этихъ людей. Направленіе ихъ ума было тоже одинаково. Но тутъ и оканчивается сравненіе. Лессингъ былъ великъ тѣмъ яснымъ пониманіемъ искусства и философской дѣятельности, котораго рѣшительно недоставало бѣдному Берне. Въ иностранной литературѣ есть два человѣка, которые гораздо больше похожи на него; это—Вильямъ Газлиттъ и Поль Курье. Оба они ближе всѣхъ родственны съ Берне въ литературномъ отношеніи, съ тою только разницею, что Газлиттъ также превосходитъ его художе-

[illegible] чудовищемъ; а Курье [illegible] родомъ: не можетъ возвы-ситься до берневскаго юмора. Изъ нѣмецкаго рода esprit общъ этимъ тремъ [illegible], хотя у каждаго изъ нихъ онъ является съ осо-быми свойствами: у англичанина Гамлитта онъ мраченъ и сверкаетъ какъ солнечный лучи изъ-за [illegible] тучъ; у француза Курье онъ дышитъ и [illegible] какъ молодое лицо; у нѣмца Берне онъ [illegible] и то и другое свойство; онъ мраченъ и свѣтелъ, какъ [illegible] рейнвейнъ и серебряный лунный свѣтъ родины нѣмцевъ... Esprit Берне становится иногда юморомъ. . . . .

Это замѣтно не столько въ первыхъ сочиненіяхъ его, сколько въ «Парижскихъ Письмахъ». Время, мѣсто и сюжетъ здѣсь не только благопріятствовали проявленію юмора, но и были главными причинами этого проявленія. Я хочу этимъ сказать, что источникъ юмора, которымъ отличаются «Парижскія Письма», заключается не столько въ талантѣ ихъ автора, сколько въ обстоятельствахъ того времени. Іюльская революція, это политическое землетрясеніе, до такой степени перемѣнила отношенія во всѣхъ сферахъ жизни и перепутала самыя разнообразныя явленія, что парижскому революціонному корреспонденту стоило только вѣрно передавать все, что онъ видѣлъ и слышалъ,—и юморъ его достигалъ высшей степени своего развитія. Какъ страсть иногда замѣняетъ поэзію, и напр. любовь или смертельный страхъ разражаются такими вдохновенными словами, какія не всегда найдетъ истинный поэтъ,—точно такъ же современныя обстоятельства замѣняютъ иногда врожденный юморъ, и совершенно прозаическій, глубокомыслящій писатель пишетъ вещи, полныя дѣйствительнаго юмора, когда онъ изображаетъ какъ въ зеркалѣ комическія и трагическія, грязныя и священныя, величественныя и пошлыя комбинаціи всемірнаго переворота. Если при этомъ духъ такого автора самъ находится въ воспламененномъ состояніи, если такое зеркало отуманено его собственною страстью, тогда наружу выступаютъ безумныя картины, превосходящія даже всѣ порожденія юмористическаго генія... Тутъ-то находится рѣшетка, отдѣляющая юморъ отъ сумасшествія... Въ писаніяхъ Берне не рѣдко проявляются слѣды настоящаго безумія, и на встрѣчу намъ съ визгомъ кидаются чувства и мысли, которыя слѣдовало бы одѣть въ горячечныя рубашки и поставить подъ холодные души...

Въ отношеніи къ слогу «Парижскія Письма» стоятъ гораздо выше, чѣмъ прежнія сочиненія Берне, въ которыхъ короткіе періоды вызываютъ несносное однообразіе и доказываютъ почти ребяческую безпомощность. Эти короткіе періоды больше и больше пропадаютъ въ «Парижскихъ Письмахъ», гдѣ необузданная страсть порывисто переходитъ въ періоды болѣе обширные, болѣе полные, и гдѣ они,

достигнуть колоссальной величины, звѣздъ, прекрасныя и [illegible] ные, какъ будто въ постройкѣ ихъ участвовало [illegible].

Но «Парижскія Письма» въ отношеніи къ слогу Берне могутъ считаться только переходною ступенью, если сравнить ихъ съ послѣднею статьею его: «Менцель, пожирающій французовъ». (Menzel der Franzosenfresser). Тутъ слогъ его достигаетъ высшей степени развитія, и какъ въ словахъ, такъ и въ мысляхъ господствуетъ гармонія, свидѣтельствующая о блаженномъ, полномъ спокойствіи. Эта статья—свѣтлое озеро, въ которомъ небо отражается со всѣми своими звѣздами, а духъ Берне плаваетъ и ныряетъ въ немъ, какъ прекрасный лебедь, спокойно стряхивая съ себя оскорбленія, которыми чернь пачкаетъ его бѣлыя перья. Оттого-то эту статью справедливо называли лебединою пѣснью Берне. Въ Германіи съ ней мало знакомы, и разсужденія о ея содержаніи были бы здѣсь, конечно, очень умѣстны. Но такъ какъ она направлена прямо противъ Вольфганга Менцеля, и мнѣ по этому случаю пришлось бы подробно говорить объ этомъ писателѣ, то я лучше умолчу. Не могу обойтись только безъ одного замѣчанія, и оно къ счастію такого рода, что отклоняетъ отъ мысли о личной непріязни, и [illegible] той враждѣ, которую питали къ Менцелю Берне и такъ называемые члены такъ называемой молодой Германіи, общее мнѣніе, въ которомъ нѣтъ уже рѣчи о достоинствѣ или недостаткахъ отдѣльныхъ личностей. Можетъ быть даже, что этимъ замѣчаніемъ я оправдаю поведеніе Менцеля и его видимое отступничество.

Да, онъ былъ только видимый отступникъ, только мнимый, потому что онъ никогда не принадлежалъ чувствами и мыслями къ революціонной партіи. Вольфгангъ Менцель былъ одинъ изъ тѣхъ тевтомановъ, изъ тѣхъ нѣмечниковъ, которые, во время солнечнаго зноя іюльской революціи, были принуждены снять съ себя свои старонѣмецкіе кафтаны и одѣться, какъ умѣстно, такъ и [illegible], въ новое платье, скроенное по французской модѣ. Какъ я уже упоминалъ въ началѣ этой книги, многіе изъ этихъ тевтомановъ, желая принять участіе въ общемъ движеніи и торжествѣ духа времени, вступили въ наши ряды, въ ряды бойцовъ за либеральные принципы, и я не сомнѣваюсь, что они мужественно дрались бы въ часъ общей опасности. Я боялся, что если они измѣнятъ, то никакъ не во время битвы, а послѣ побѣды; старая натура ихъ, затаенное нѣмечничество, снова прорвались бы наружу, они тотчасъ же начали бы пѣть свои мрачныя средневѣковыя заклинанія и ими возбуждать противъ насъ грубую массу, и эти заклинанія, эта смѣсь стараго суевѣрія и демонической земной силы, подѣйствовали бы сильнѣе, нежели всѣ доводы разума...

Менцель былъ первый, который, какъ только воздухъ сталъ свѣжѣе, снова снялъ съ вѣшалки старонѣмецкій мыслительный кафтанъ и съ удовольствіемъ снова началъ дѣлать гимнастическія упражненія въ [illegible] мысляхъ.

Право, послѣ этой перемѣны у меня точно камень свалился съ сердца; потому что Вольфгангъ Менцель въ своемъ настоящемъ видѣ былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ въ своемъ либеральномъ костюмѣ; я готовъ былъ обнять и расцѣловать его, когда онъ снова началъ ратовать противъ французовъ, и бранить евреевъ, и восхвалять во славу отечества и нѣмецкихъ дубовъ. Сознаюсь, что въ этомъ видѣ онъ пугалъ меня гораздо меньше, чѣмъ въ прежніе годы, когда вдругъ имъ овладѣло восторженное сочувствіе къ іюльской революціи и французамъ, когда онъ началъ говорить свои патетическія, великодушныя, человѣколюбивыя, космополитическія рѣчи въ защиту правъ евреевъ, когда онъ сталъ высказывать о судьбѣ міра и людей такія мнѣнія, какія едва ли можно найти у самаго отчаяннаго матеріалиста, и какія недостойны даже тѣхъ животныхъ, которыя питаются плодами нѣмецкихъ дубовъ. Да, сознаюсь, въ то время онъ былъ гораздо опаснѣе, въ то время я дрожалъ предъ Вольфгангомъ Менцелемъ!

Берне, въ своей близорукости, никогда не понималъ настоящаго характера этого послѣдняго, и такъ-какъ ренегаты, т. е. наши единомышленники, измѣнившіе своему образу мыслей, возбуждаютъ въ насъ гораздо болѣе негодованія, чѣмъ старые враги, то самымъ сильнымъ гнѣвомъ онъ пылалъ къ Менцелю. Что касается меня, издавшаго почти въ это же самое время сочиненіе противъ Менцеля, то мною руководили совсѣмъ иныя побужденія. Менцель ни разу не обидѣлъ меня, даже самыя грубыя нападенія его не подѣйствовали на меня оскорбительно. Впрочемъ, кто читалъ мое сочиненіе, тотъ и самъ могъ замѣтить, что тутъ слово желало скорѣе раздражить, чѣмъ ранить, и имѣло главною цѣлью — вызвать рыцаря нѣмечничества не на литературное, а совсѣмъ на иное поле битвы. Менцель не удовлетворилъ моему честному желанію. Не моя вина, что публика вывела изъ этого всевозможныя непріятныя заключенія... Я самымъ великодушнымъ образомъ давалъ ему случай возстановить себя въ общественномъ мнѣніи единственнымъ поступкомъ, достойнымъ мужчины.... Я ставилъ на карту кровь и жизнь.... Онъ ничего не захотѣлъ.

Бѣдный Менцель! право, я не сержусь на тебя. Ты былъ совсѣмъ не хуже другихъ. Другіе гораздо коварнѣе тебя, они дольше ходятъ въ либеральномъ переодѣваньи, или сбрасываютъ маску только на половину.... Подъ этими послѣдними я прежде всего подразумѣваю тѣхъ швабскихъ, [illegible] пѣвцовъ свободы, которыхъ либеральныя

трели звучатъ все тише и тише, и которые скоро снова запоютъ старымъ нищенскимъ голосомъ пѣсни 1813 и 1814 годовъ. Да хранитъ васъ Господь для славы отечества! Вы поступили очень постыдно, когда, желая спасти лохмотья своей популярности, принесли въ жертву Менцеля, одного изъ ближайшихъ вашихъ единомышленниковъ.

Потомъ, Менцелю надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что онъ подписывалъ свое настоящее имя подъ всѣми своими ругательствами; онъ не былъ анонимнымъ писателемъ и выносилъ на рынокъ свою собственную шкуру. Послѣ каждаго ругательства, которымъ онъ пускалъ въ насъ, онъ принималъ почти добродушный, молчаливый видъ, какъ будто готовясь къ принятію заслуженнаго наказанія. За то у него и не было недостатка въ писательскихъ ударахъ, и литературная спина его исполосована до черна, точно спина зебра. Бѣдный Менцель! Онъ платилъ не только за себя, но и за многихъ другихъ, которыхъ нельзя было поймать, за анонимныхъ и псевдонимныхъ разбойниковъ, которые, спрятавшись въ самые темные уголки журналистики, пускали оттуда свои трусливыя стрѣлы... Какъ прикажете поймать ихъ и наказать? У нихъ нѣтъ имени, которое вы можете заклеймить позоромъ, а если вамъ и удается заставить какого нибудь болтливаго редактора сообщить вамъ пустыя буквы, служащія этимъ людямъ именемъ, то вы отъ этого не особенно много выиграете... Вы узнаете, что авторъ самаго нахальнаго пасквиля на васъ былъ никто иной, какъ тотъ жалкій попрошайка, который, не смотря на все свое пресмыкательство, не могъ выпросить у васъ ни одного гроша... Или, что еще прискорбнѣе, вы узнаете, что ваше доброе имя чернилъ тотъ бездѣльникъ, который надулъ васъ на двѣсти франковъ, которому вы подарили сюртукъ для прикрытія его наготы, но не захотѣли дать ни одной собственноручной строки, съ которою онъ могъ бы появиться въ Германіи въ качествѣ вашего друга и собрата по поэзіи... Ахъ, эта сволочь способна выступить противъ васъ подъ своимъ настоящимъ именемъ, и тогда-то вы будете въ дѣйствительно затруднительномъ положеніи! Если вы отвѣтите на ихъ ругательства, то придадите имъ важность на всю жизнь, — важность, изъ которой они умѣютъ извлекать для себя пользу, и они станутъ гордиться тѣмъ, что вы бьете ихъ тою же самой палкой, которою были биты самые знаменитые люди... Конечно, въ этомъ случаѣ лучше всего было бы, если бы ихъ колотили вовсе не въ фигуральномъ смыслѣ, т. е. не умственною, а дѣйствительною, матеріальною палкой, какою нѣкогда былъ битъ ихъ предокъ Терситъ...

Да, ты далъ намъ поучительный примѣръ, о благородный сынъ Лаэрта, царственный страдалецъ Одиссей! ты, повелѣвавшій словомъ и превосходившій всѣхъ смертныхъ въ искусствѣ говорить! Каждому

умѣлъ ты вооружать и всегда являлся въ этомъ отношеніи побѣдителемъ; только съ косноязычнымъ Терситомъ не хотѣлъ ты обмѣняться ни единымъ словомъ, такую дрянь ты считалъ недостойнымъ твоихъ словесныхъ вооруженій, и когда онъ оскорбилъ тебя, ты, не говоря ни слова, поколотилъ его....

Я только по видимому отдалился отъ моего предмета. Многія нападенія на покойнаго Берне могутъ быть отчасти объяснены вышеприведенными выписками. Это замѣчаніе можно примѣнить къ его статьѣ «Менцель, пожирающій французовъ». Эта статья — защита космополитизма противъ національизма; но изъ этой защиты видно, что у Берне космополитизмъ былъ только въ головѣ, а патріотизмъ пустилъ глубокіе корни въ сердцѣ, тогда какъ у его противника патріотизмъ засѣлъ только въ головѣ, а въ сердцѣ зѣвало самое холодное равнодушіе... Хитрыя слова, которыми Менцель прославляетъ свою нѣметчину, какъ еврей-разнощикъ — свой старый товаръ, его старыя тирады изъ Арминія, Мартына Лютера, Блюхера, которыми онъ старается пріятно щекотать гордость нѣмецкаго народа, всѣ эти отжившіе обороты рѣчи, Берне умѣетъ освѣщать такъ хорошо, что ихъ комическое ничтожество является въ самомъ забавномъ видѣ; а при этомъ изъ его собственнаго сердца вылетаютъ трогательнѣйшіе, безъискусственные звуки патріотическаго чувства, — вылетаютъ точно отрывочныя признанія, которыхъ человѣкъ уже не можетъ удержать въ послѣднюю минуту своей жизни, и которыя скорѣе рыданія, чѣмъ слова. Смерть стоитъ тутъ же и киваетъ головой, какъ неопровержимый свидѣтель правды этихъ признаній!

Да, онъ былъ не только хорошій писатель, но и великій патріотъ!

Говоря о литературномъ достоинствѣ сочиненій Берне, я не могу не упомянуть здѣсь о его переводѣ «Paroles d'un croyant», который онъ сдѣлалъ также въ послѣдніе годы своей жизни, и въ которомъ совершенство стиля доведено до высшей степени. Но я не могу хвалить его за то, что онъ перевелъ именно эту книгу и вообще увлекся идеями Ламенне. Вліяніе, которое имѣлъ на него этотъ священникъ, обнаруживалось не только въ переводѣ «Paroles d'un croyant», но и въ различныхъ французскихъ статьяхъ, которыя онъ писалъ въ то время для «Réformateur» и «Balance», въ этихъ удивительныхъ произведеніяхъ его духа, гдѣ колебаніе, отчаянное сомнѣніе въ авторитетѣ протестантскихъ воззрѣній обнаруживаются съ особенною силою, и гдѣ наболѣвшее чувство стремится перейти въ католическое міросозерцаніе...

Смерть Берне была, можетъ быть, счастіемъ для него... Еслибъ смерть не спасла его, онъ, можетъ быть, сдѣлался бы римскимъ католикомъ.

Какъ это возможно? Берне сдѣлался бы, наконецъ, католикомъ? Онъ укрылся бы въ лоно католической церкви и старался бы заглушить муки своей головы звуками органа и звономъ колоколовъ?..

Какъ я уже говорилъ въ первой книгѣ этого сочиненія, Людвигъ Берне по свойству своей натуры былъ спиритуалистъ, и его спиритуалистическое направленіе должно было перейти въ католицизмъ, когда республиканцы, послѣ самыхъ страшныхъ пораженій, въ отчаяніи соединились съ католическою партіею. — Но сколько серьезна эта связь? Не знаю. Многіе республиканцы дѣйствительно могли сдѣлаться католиками съ досады. Но большая часть въ душѣ ненавидѣла своихъ новыхъ союзниковъ, и съ обѣихъ сторонъ игралась комедія. Дѣло шло только о томъ, чтобы сражаться съ общимъ врагомъ, и въ самомъ дѣлѣ, соединеніе обоихъ фанатизмовъ — религіознаго и политическаго, въ высшей степени опасно. Не рѣдко случается, что люди совершенно увлекаются своею ролью, и хитрая игра превращается въ неуклюжую дѣйствительность; точно также могло случиться, что не одинъ республиканецъ до тѣхъ поръ игралъ въ католицизмъ, пока дѣйствительно повѣрилъ въ него, и что не одинъ хитрый доминиканецъ до тѣхъ поръ пѣлъ Марсельезу, пока она сдѣлалась его любимою пѣснью...

Мы, бѣдные нѣмцы, къ сожалѣнію, не понимающіе никакихъ шутокъ, приняли за совершенно серьезное дѣло братанье республиканцевъ съ католичествомъ, и эта ошибка можетъ когда нибудь обойтись намъ слишкомъ дорого. Какимъ родомъ многіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ, желая бороться съ протестантскимъ правительствомъ, дѣйствуютъ за одно съ католическою партіею, этого я не могу понять. Меня, которому, какъ извѣстно, пруссаки причинили столько сердечныхъ огорченій, никто, надѣюсь, не заподозритъ въ особой симпатіи къ Боруссіи; поэтому я могу свободно заявить, что въ борьбѣ Пруссіи съ католическою партіею желаю побѣды первой... И это потому, что необходимымъ слѣдствіемъ пораженія ея было бы отпаденіе отъ Германіи нѣсколькихъ нѣмецкихъ провинцій, рейнскихъ земель. — Но что за дѣло набожнымъ мюнхенцамъ до того, какъ говорятъ на Рейнѣ, по французски или по нѣмецки? съ нихъ довольно и того, что тамъ богослуженіе совершается на латинскомъ языкѣ. У католическихъ поповъ нѣтъ отечества; у нихъ только одинъ отецъ, одинъ папа, въ Римѣ.

А что отпаденіе рейнскихъ земель, какъ возвращеніе католической Франціи, есть дѣло рѣшеное между героями католической партіи и ихъ французскими союзниками, — это извѣстно всякому. Къ числу этихъ союзниковъ принадлежитъ съ нѣкотораго времени одинъ извѣстный якобинецъ, который теперь пользуется огромною властью и находится въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми, не менѣе его сильными,

іезуитами Германіи. Небесный барышникъ! храни и помѣщикъ отечеству!

Само собою понятно, что нашъ бѣдный Берне, который увлекался не только сочиненіями Ламенне, но и его личностью, и мимо своего вѣдома принималъ участіе въ проискахъ римско-католическихъ вербовщиковъ, — понятно, говорю я, что нашъ бѣдный Берне никогда не подозрѣвалъ, какая опасность грозитъ Германіи отъ соединенія католической и республиканской партій. Онъ не подозрѣвалъ даже этой связи, — онъ, у котораго цѣлость Германіи лежала на сердцѣ также сильно, какъ у пишущаго эти строки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я могу дать ему самое блестящее свидѣтельство. «Ни одного нѣмецкаго печнаго горшка не уступлю я Франціи!» вскричалъ онъ однажды въ пылу разговора, когда кто-то замѣтилъ, что Франція, естественный представитель революціи, должна снова получить въ свое владѣніе рейнскія земли, чтобы чрезъ это пріобрѣсть большую возможность противодѣйствія аристократической Европѣ.

— Не уступлю ни одного горшка! кричалъ Берне, гнѣвно шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Понятно, замѣтилъ третій, — что мы не уступимъ французамъ ни одного дюйма нѣмецкой земли; но намъ бы слѣдовало уступить имъ нѣсколько такихъ соотечественниковъ, безъ которыхъ мы можемъ весьма легко обойтись. Что бы вы сказали, если бы мы отдали французамъ, напр. Раумера или Роттека?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Берне, переходя отъ сильнѣйшаго гнѣва къ хохоту, — даже Раумера и Роттека я не уступлю, потому что въ такомъ случаѣ наша коллекція была бы неполною; я хочу удержать Германію всю, въ ея настоящемъ видѣ, съ ея цвѣтами и чертополохами, съ ея великанами и карликами... Нѣтъ, даже этихъ двухъ горшковъ я не уступлю французамъ!

Да, этотъ Берне былъ великій патріотъ, можетъ быть самый великій, который сосалъ изъ груди своей мачихи, Германіи, пламеннѣйшую жизнь и горьчайшую смерть! Въ душѣ этого человѣка ликовала и сочилась кровью трогательная любовь къ отечеству, которая, будучи стыдливаго характера, какъ всякая любовь, пряталась подъ слова неудовольствія и порицанія; но въ минуты увлеченія тѣмъ съ большею силою вырывалась наружу. Когда Германія дѣлала всевозможныя глупости, которыя могли имѣть дурныя послѣдствія, когда у нея не хватало бодрости на то, чтобы принять спасительное лекарство, дать себѣ вырѣзать бѣльмо или выдержать другую небольшую операцію, тогда Людвигъ Берне шумѣлъ, ругался, топалъ ногами и посылалъ ее ко всѣмъ чертямъ; когда же предвидѣнное несчастіе дѣйствительно случалось, когда Германію начинали топтать или бить до крови,

тогда онъ переставалъ бѣсноваться, тогда этотъ бѣдный безумецъ хныкалъ и, рыдая, доказывалъ, что Германія лучшая и прекраснѣйшая страна въ мірѣ, и что нѣмцы — прекраснѣйшій и благороднѣйшій народъ, просто жемчугъ-народъ, и что нѣтъ никого умнѣе нѣмцевъ, и что даже дураки въ Германіи разсудительные люди, и что неотесанность ея не что иное, какъ глубокое чувство; и при этомъ онъ начиналъ сильно тосковать по милымъ точкамъ родины, и иногда высказывалъ желаніе покушать сочной нѣмецкой глупости, какъ беременная женщина — вкусныхъ ягодъ. Жить далеко отъ отечества также было для него истиннымъ мученіемъ, и не одно злое слово въ его сочиненіяхъ было слѣдствіемъ этого страданія. Кто не знакомъ съ изгнаніемъ, тотъ не понимаетъ, какими рѣзкими красками окрашиваетъ оно наши душевныя муки и какую тьму и ядъ проливаетъ оно въ наши мысли. Данте написалъ свой Адъ въ изгнаніи. Только тотъ, кто жилъ въ изгнаніи, знаетъ также, что значитъ любовь къ отечеству, любовь къ отечеству со всѣмъ ея сладкимъ ужасомъ и тоскливою скорбью! Къ счастью для нашихъ патріотовъ, обязанныхъ жить во Франціи, эта страна представляетъ много сходства съ Германіею: почти тотъ же климатъ, та же растительность, тотъ же образъ жизни. «Какъ должно быть страшно изгнаніе тамъ, гдѣ нѣтъ этого сходства» — сказалъ мнѣ разъ Берне во время нашей прогулки по Jardin des Plantes — «какъ ужасно должно быть на душѣ, когда видишь вокругъ себя только пальмы и тропическія растенія и совершенно чуждыхъ, дикихъ животныхъ въ родѣ кангуру и зебра... Къ нашему счастью, цвѣты во Франціи тѣ же что и у насъ дома, фіалки и розы совершенно похожи на нѣмецкія, этимъ же сходствомъ отличаются быки и коровы, ослы терпѣливы и несговорчивы точно также, какъ у насъ, и птицы покрыты перьями и поютъ во Франціи совершенно также, какъ въ Германіи; даже смотря на собакъ, бѣгающихъ по Парижу, я переношусь мыслью за Рейнъ, и сердце мое говоритъ мнѣ: да вѣдь это [illegible] нѣмецкія собаки!»

Извѣстнаго рода тупоуміе долго не замѣчало въ сочиненіяхъ Берне этой любви къ отечеству. Видя это тупоуміе, онъ съ большимъ состраданіемъ пожималъ плечами; а когда старыя бабы [illegible] для его костра, онъ могъ совершенно безпечно восклицать: sancta simplicitas! Но когда іезуитская злоба бросала тѣнь подозрѣнія на его патріотизмъ, имъ овладѣвало всесокрушающее негодованіе. Въ эти минуты гнѣву его не было предѣловъ, и какъ оскорбленный титанъ, онъ металъ смертельныя каменья въ шипящихъ змѣй, ползавшихъ у его ногъ. Тутъ онъ вступалъ въ свои полныя права, тутъ мужественный гнѣвъ его пылалъ самымъ благороднымъ огнемъ. Удивительно хорошо слѣдующее мѣсто изъ «Парижскихъ Писемъ», направ-

леднее противъ Ярке (Jarcke), который немного отличался отъ другихъ противниковъ Берне двумя достоинствами: умомъ и приличіемъ.

«Этотъ Ярке удивительный человѣкъ. Его вызвали изъ Берлина въ Вѣну, гдѣ половину жалованья онъ получаетъ отъ Генца. Этого католика и сошедшаго съ ума Ярке я очень люблю, потому что онъ служитъ мнѣ, какъ вѣроятно и многимъ другимъ, для полезной игры и пріятнаго препровожденія времени. Годъ назадъ онъ началъ издавать политическій еженедѣльный журналъ. Это — разговорная camera obscura. Тутъ передъ читателемъ проходятъ всѣ симпатіи и антипатіи, желанія и проклятія, надежды и опасенія, радости и страданія, опасенія и безумная отвага, всѣ цѣли и средства аристократовъ. Добрый Ярке! онъ обличаетъ все, онъ предостерегаетъ всѣхъ. Самыя скрытыя тайны большаго свѣта онъ начертываетъ на стѣнѣ моей маленькой комнаты. Я узнаю отъ него и разсказываю теперь вамъ обо всемъ, что эти господа намѣрены сдѣлать съ нами. Они хотятъ истребить не только плоды, и цвѣты, и листья, и вѣтви новыхъ растеній, но и ихъ корни, глубочайшіе, широчайшіе и прочнѣйшіе корни. Садовникъ Ярке переходитъ съ ножемъ и пилой съ одного поля на другое, изъ одной земли въ другую, отъ одного народа къ другому. Вырвавъ изъ земли и предавъ сожженію всѣ эти корни, разрушивъ такимъ образомъ настоящее, онъ возвращается къ прошедшему... Онъ дѣлаетъ прошедшее дочерью настоящаго. Развѣ это не безуміе? Нѣсколько недѣль назадъ онъ ревностно ратовалъ противъ гамбахскаго празднества. Несчастное празднество! Волкъ — [illegible], остановившись пить воду въ рѣкѣ, сталъ говорить [illegible] — [illegible] народу, что она мутитъ его воду и что, поэтому онъ долженъ ее съѣсть. Господинъ Ярке — [illegible] этого волка. То онъ вырываетъ съ корнемъ польскія идеи въ Баденѣ, рейнской Баваріи, Гессенѣ, Саксоніи; то уничтожаетъ англійскій билль о реформѣ; то подавляетъ бельгійскую революцію и французскую іюльскую; то защищаетъ права дона Мигуэля. Такъ онъ идетъ впередъ, ни на минуту не останавливаясь. Четыре недѣли тому назадъ онъ растерзалъ Лафайета, не Лафайета іюльской революціи, но того, который за пять [illegible] лѣтъ до этого сражался за американскую свободу и первую французскую революцію. Ярке, [illegible] Лафайета! Мнѣ казалось, что я вижу собаку, [illegible] у подошвы высочайшей пирамиды, съ намѣреньемъ опрокинуть ее! Двѣ недѣли тому назадъ онъ подкапывался своею лопатой подъ англійскую революцію 1688 г., имѣющую сто пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Скоро дойдетъ очередь до Брута, изгнавшаго Тарквиніевъ, а потомъ и до другихъ...

«Это тотъ самый Ярке, о которомъ я говорилъ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, при чемъ обѣщалъ сообщить кое-что изъ того, что онъ

[illegible] обо мнѣ. Это [illegible] не только меня, но и другихъ; [illegible] однако, что [illegible] образомъ [illegible] меня. Прошедшимъ лѣтомъ [illegible] газетѣ статья: «Германія и революція». Въ ней заключается слѣдующее мѣсто. Трудно рѣшить, чему слѣдуетъ тутъ удивляться больше, [illegible] злобѣ, или величавой глупости.

«Вотъ это мѣсто изъ статьи Ярке:

««Впрочемъ, совершенно справедливо, что тѣ принципы, о которыхъ мы говорили выше, никогда не могутъ получить силу въ дѣйствительной жизни, что Германія никогда не сдѣлается республикою по плану нынѣшнихъ обольстителей народа, что свобода и равенство, о которыхъ они толкуютъ, никогда не могутъ быть установлены силою террора; я даже почти увѣренъ, что сами отважнѣйшіе представители дурнаго направленія играютъ въ страшную игру съ высшими благами Германіи, что они сами отлично понимаютъ, что этотъ путь ведетъ къ безвозвратной погибели, и только для того съ хитрымъ разсчетомъ продолжаютъ вести дѣло обольщенія, чтобы великимъ всемірно-историческимъ актомъ отомстить за гнетъ и позоръ, перенесившіеся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій народомъ, къ которому они принадлежатъ по своему происхожденію»».

«О, [illegible] Ярке, [illegible] ! [illegible] Что [illegible] въ [illegible] народъ [illegible] потому что [illegible] [illegible] теоріи [illegible] Что вы [illegible] съ которою мы [illegible] [illegible] іезуиту [illegible] [illegible] что [illegible] за это [illegible] Ярке! [illegible] народъ [illegible] [illegible] ему освободиться отъ [illegible] его [illegible] тельныхъ [illegible] шутовъ [illegible] и все это для того, чтобы [illegible] его на [illegible] свободы? Если

[illegible] нѣмецъ, то вѣрьте, [illegible], какъ вы, господинъ Ярке...»

Недовѣріе къ патріотизму Берне возбуждало въ немъ негодованіе, котораго никогда не могъ вызвать простой упрекъ въ еврейскомъ происхожденіи. Его забавляло даже, когда враги, видя безукоризненность его дѣйствій, только умѣли говорить ему, что онъ потомокъ племени, которое нѣкогда наполняло весь міръ славою, и не смотря на всѣ претерпѣнныя униженія, все еще не утратило своего древняго, священнаго характера... Берне даже гордился этимъ происхожденіемъ, выказывая, конечно, эту гордость своею юмористическою манерой... Дѣйствительно, евреи сдѣланы изъ того тѣста, изъ котораго лѣпятъ кумировъ; сегодня ихъ топчутъ ногами, завтра передъ ними падаютъ на колѣни; между тѣмъ, какъ одни изъ нихъ валяются въ отвратительнѣйшей грязи торгашества, другіе достигаютъ высшей вершины человѣчества... Евреи — народъ духа, и каждый разъ, какъ они возвращаются къ своему основному принципу, они становятся великими и блистательными и одерживаютъ побѣду надъ своими неуклюжими притѣснителями. Глубокомысленный Розенкранцъ сравниваетъ ихъ съ исполиномъ Антеемъ, съ тою только разницею, что этотъ послѣдній пріобрѣталъ новыя силы каждый разъ, какъ касался земли, съ евреями же это случается тогда, когда они снова приходятъ въ соприкосновеніе съ небомъ. Удивительное смѣшеніе самыхъ рѣзкихъ крайностей! между тѣмъ, какъ въ числѣ этихъ людей вы можете встрѣтить всевозможные уродливые типы полнѣйшей грубости, тутъ же вы найдете идеалъ чистѣйшей человѣчественности, и какъ нѣкогда они повели міръ по новому пути прогресса, точно также можетъ быть, что и въ будущемъ міру предстоитъ получить отъ нихъ еще не одно откровеніе...

— Природа, сказалъ мнѣ однажды Гегель: — распоряжается очень странно; однихъ и тѣхъ же орудій, которыя нужны ей для выполненія возвышеннѣйшихъ цѣлей, она пользуется и для самыхъ низкихъ отправленій, какъ напримѣръ, тотъ членъ, на который возложена высочайшая миссія — распространеніе рода человѣческаго, служитъ также для...

Тѣ, которые жалуются на темный смыслъ сочиненій Гегеля, тутъ очень хорошо поймутъ его, и если, говоря вышеприведенныя слова, онъ не имѣлъ въ виду именно дѣтей Израиля, то ихъ все-таки можно применить къ этимъ послѣднимъ...

Какъ бы то ни было, очень возможно, что это племя еще не совершенно выполнило свое призваніе, и это замѣчаніе, можетъ быть, именно отнесено къ судьбѣ Германіи. И Германія ждетъ своего освободителя, земнаго Мессію, короля земли, вооруженнаго скипетромъ и

мечемъ, и этотъ освободитель Германіи, можетъ быть, тотъ самый, котораго такъ жадно ждутъ сыны Израиля...

О, дорогой, горячо ожидаемый Мессія!

Гдѣ онъ теперь, отчего онъ медлитъ? Можетъ быть, онъ еще не родился, а можетъ быть, лежитъ онъ гдѣ нибудь уже цѣлое тысячелѣтіе, спрятавшись и выжидая, когда ударитъ настоящій часъ его появленія. Кто онъ такой? Старый ли Барбаросса, спящій на своемъ каменномъ стулѣ и спящій такъ давно, что бѣлая борода его уже проросла сквозь каменный столъ?... Только по временамъ онъ трясетъ во снѣ головою, и сверкаетъ полузакрытыми глазами, и хватается за мечъ... и снова погружается въ тяжелый, тысячелѣтній сонъ!

Нѣтъ, не императоръ Рыжая-Борода освободитъ Германію, какъ думаетъ народъ нѣмецкій, сонливый, грезящій народъ, который можетъ представить себѣ своего Мессію не иначе, какъ въ образѣ стараго сонливца.

Евреи имѣютъ совсѣмъ иное понятіе о своемъ Мессіи, и когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Польшѣ и водилъ знакомство съ великимъ раввиномъ Манассе-бенъ-Наѳтали, то на сердцѣ у меня становилось очень привольно каждый разъ, какъ онъ говорилъ о Мессіи... Я уже не помню, въ какой книгѣ Талмуда заключаются подробности, которыя передавалъ мнѣ со всею точностію великій раввинъ, да и вообще я удержалъ въ памяти только главныя черты этого описанія. Мессія, говорилъ мнѣ раввинъ, родился въ тотъ самый день, когда Іерусалимъ былъ разрушенъ тираномъ Титомъ Веспасіаномъ, и съ тѣхъ поръ живетъ онъ въ превосходнѣйшемъ дворцѣ неба, окруженный блескомъ и радостью, съ короною на головѣ... только руки его скованы золотыми цѣпями!

— Какъ! спросилъ я съ изумленіемъ, что же значатъ эти золотыя цѣпи!

— Онѣ необходимы, отвѣчалъ великій раввинъ, посмотрѣвъ на меня хитрыми глазами, и глубоко вздохнувъ: — безъ этихъ цѣпей Мессія, въ тѣ часы, когда онъ выходитъ изъ терпѣнія, можетъ вдругъ поспѣшить на землю и явиться такимъ образомъ слишкомъ рано, когда время для его появленія еще не приспѣло. А у нашего Мессіи характеръ не совсѣмъ спокойный. Онъ красивый, очень стройный, но необыкновенно сильный человѣкъ; онъ цвѣтущъ, какъ молодость. Впрочемъ, образъ жизни его весьма однообразенъ. Большую часть утра онъ проводитъ въ молитвѣ, или смѣется и шутитъ съ своими слугами, которые отлично поютъ и играютъ на флейтѣ. За тѣмъ ему расчесываютъ длинные волосы, умащаютъ ихъ разными благовоніями и одѣваютъ его въ пурпуровое платье. Цѣлое послѣобѣда онъ изучаетъ каббалу. Къ вечеру онъ призываетъ своего ста-

раго канцлера и своихъ дюжихъ совѣтниковъ. Канцлеръ раскрываетъ большую книгу и начинаетъ по ней перечислять все, что произошло въ этотъ день... Тутъ попадаются всевозможныя исторіи, слушая которыя, Мессія или весело улыбается, или трясетъ головой съ недовольнымъ видомъ... Когда же онъ узнаетъ о притѣсненіяхъ, которымъ подвергаютъ его народъ, имъ овладѣваетъ страшнѣйшій гнѣвъ и онъ кричитъ такъ, что небо дрожитъ... Тогда четыре дюжихъ совѣтника хватаютъ его за руки, боясь, чтобы онъ не поспѣшилъ на землю; и, конечно, имъ бы не справиться съ нимъ, не будь его руки скованы золотыми цѣпями... Его успокоиваютъ также кроткими рѣчами, смыслъ которыхъ тотъ, что время для его появленія еще не наступило, и тогда онъ падаетъ на постель, и закрываетъ руками лицо, и плачетъ...»

Почти въ этихъ выраженіяхъ Манассе-бенъ-Нафтали объяснялъ мнѣ ученіе Талмуда. Послѣ этого я не разъ вспоминалъ его разсказъ, особенно въ послѣднее время. Да, въ дурные дни мнѣ казалось даже, что я слышу шумъ золотыхъ цѣпей, и вслѣдъ за нимъ отчаянное рыданіе...

О, не отчаивайся, прекрасный Мессія, ты, желающій освободить не только дѣтей Израиля, какъ думаютъ суевѣрные евреи, но и все страждущее человѣчество! О, не разрывайтесь золотыя цѣпи! О, держите его еще нѣкоторое время скованнымъ, чтобы онъ не пришелъ слишкомъ рано!

КНИГА ПЯТАЯ.

НАПАДКИ БЕРНЕ НА ГЕЙНЕ.

... «Политическія событія того времени (1799 г.) имѣютъ весьма печальное сходство съ послѣдними событіями въ Германіи, — съ тою только разницею, что тогда чувство свободы процвѣтало больше въ сердцахъ ученыхъ, поэтовъ и вообще литераторовъ, а теперь оно высказывается съ гораздо большею силою въ средѣ дѣйствующей массы, между ремесленниками и промышленниками. Во время первой революціи свинцовая, чисто-нѣмецкая спячка лежала на всемъ народѣ, и во всей Германіи царствовало какое-то грубое спокойствіе, между тѣмъ какъ въ литературномъ мірѣ происходило самое дикое волненіе. Самый неизвѣстный писатель, жившій въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ Германіи, принималъ участіе въ этомъ движеніи; почти по инстинктивной симпатіи, не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о ходѣ политическихъ дѣлъ, онъ чувствовалъ свое соціальное значеніе

и высказывалъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Этотъ феноменъ напоми-
налъ мнѣ большія морскія раковины, которыя мы употребляемъ иног-
да въ видѣ украшенія своихъ каминовъ и которыя, находясь даже въ
большомъ отдаленіи отъ моря, вдругъ начинаютъ шумѣть, когда тамъ
наступаетъ время прилива и волны ударяются о берегъ. Когда здѣсь
въ Парижѣ, этомъ великомъ человѣческомъ океанѣ, революціонныя
волны вышли изъ береговъ, тогда же по ту сторону Рейна нѣмецкія серд-
ца шумѣли и бились... Но они были такъ отчуждены отъ всѣхъ;
ихъ окружали только безчувственный фарфоръ, чайныя чашки и ко-
фейники, которые механически кивали головами, какъ будто зна-
ли, въ чемъ дѣло. Ахъ! наши бѣдные предшественники въ Гер-
маніи дорогою цѣною заплатили за свою симпатію къ либераль-
нымъ идеямъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Парижъ и здѣсь по-
гибли въ бѣдности и страданіяхъ. Недавно я встрѣтился съ однимъ
слѣпымъ соотечественникомъ, который съ того времени живетъ въ
Парижѣ; я встрѣтился съ нимъ въ Пале-Роялѣ, куда онъ приходилъ
погрѣться на солнцѣ. Жалко было смотрѣть на него: такъ онъ былъ
блѣденъ и худъ и такъ безпомощно шелъ, опираясь о стѣны домовъ.
Мнѣ сказали, что это старый датскій поэтъ Гейбергъ. Видѣлъ я тоже
недавно мансарду, въ которой умеръ гражданинъ Георгъ Форстеръ.
Но друзьямъ свободы, оставшимся въ Германіи, пришлось бы еще го-
раздо хуже, если бы Наполеонъ и его французы не поспѣшили поко-
рить насъ. Наполеонъ конечно никогда не подозрѣвалъ, что самъ онъ
былъ спасителемъ идеологіи. Безъ него нашихъ философовъ, вмѣ-
стѣ съ идеями, истребили бы висѣлицею и колесованіемъ. Но не
смотря на это, нѣмецкіе друзья свободы, желая воздать дань уваженія
Наполеону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ благородные для того, что-
бы стать на сторону чужеземца, погрузились въ глубокое молчаніе,
изъ котораго съ тѣхъ поръ не выходили. Они ходили по свѣту съ
разбитыми сердцами, съ замкнутыми устами. Когда Наполеонъ палъ,
они улыбнулись, но улыбнулись тоскливо, и не нарушили молчанія;
они не приняли почти никакого участія въ патріотическомъ энтузіаз-
мѣ, сильно охватившемъ въ то время всю Германію. Они знали, что
знали, и молчали. Такъ какъ эти люди ведутъ очень цѣломудренную,
простую жизнь, то обыкновенно они доживаютъ до глубокой старости,
и когда началась іюльская революція, многіе изъ нихъ еще были въ
живыхъ. Въ то время мы не мало удивлялись, глядя на этихъ ста-
рыхъ чудаковъ, которыхъ мы привыкли видѣть согбенными и почти
тупоумно-молчаливыми, и которые теперь вдругъ подняли головы и
привѣтно улыбались намъ, молодымъ, и пожимали намъ руки, и раз-
сказывали веселыя исторіи. Одинъ изъ нихъ даже пѣлъ при насъ пре-
восходныя пѣсни... Хорошо, когда такіе старики остаются въ жи-

[illegible], чтобы [illegible]. Мы молодые [illegible] да не забудемъ [illegible] которые изъ насъ будутъ передавать [illegible] тѣмъ [illegible], которые еще не родились... Но многіе изъ насъ до того времени сгніютъ, [illegible] въ родныхъ темницахъ, а иные въ чужеземныхъ мансардахъ...

Эти строки, извлеченныя изъ моего сочиненія «De l'Allemagne», я писалъ лѣтъ шесть тому назадъ, и теперь, когда я перечитываю ихъ, на душу мою, словно [illegible] тѣни, ложатся всѣ тѣ безотрадныя чувства, о которыхъ въ то время я имѣлъ только смутное предчувствіе. [illegible] ощущеній [illegible] точно [illegible], и [illegible] ничто иное, какъ болѣзненное ощущеніе. О, [illegible], зимняя [illegible], въ которой мы живемъ, стуча зубами отъ стужи!.. О, смерть, [illegible], окутанный безконечнымъ ту[illegible]; [illegible] ты съ [illegible] [illegible] видомъ!...

Счастливы тѣ, которые спокойно угасаютъ въ родныхъ темницахъ... потому что эти темницы—отечество съ желѣзными рѣшетками, и сквозь эти рѣшетки вѣетъ нѣмецкій воздухъ, и тюремщикъ, если онъ не совсѣмъ нѣмъ, говоритъ по нѣмецки!... Теперь уже шесть лѣтъ, какъ до слуха моего не доносится ни одинъ нѣмецкій звукъ, и все, что я пишу и думаю, съ трудомъ облекается въ иностранные обороты рѣчи... О физическомъ изгнаніи вы, можетъ быть, имѣете понятіе, но объ изгнаніи нравственномъ можетъ судить только нѣмецкій писатель, который принужденъ цѣлый день говорить по французски, писать по французски, и даже ночью, лежа на груди возлюбленной, вздыхать по французски! Мои мысли тоже изгнанники, они сосланы въ страну чужеземнаго языка.

Счастливы тѣ, которымъ на чужбинѣ приходится бороться только съ бѣдностью, голодомъ и холодомъ, — чисто физическими бѣдствіями... Сквозь окна ихъ мансардъ на нихъ весело смотритъ небо и всѣ его звѣзды... О, золотое страданіе въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, на сколько ужаснѣе твои муки!... Полная отчаянія голова должна завивать свои волосы, если не умащать ихъ благовоніями, и гнѣвныя губы, готовыя проклинать все на свѣтѣ, должны улыбаться и все улыбаться...

Счастливы тѣ, у которыхъ великая скорбь отняла наконецъ послѣднюю частичку ихъ разсудка и которые находятъ вѣрную погибель въ Шарантонѣ или Бисетрѣ, какъ бѣдный Ф..., бѣдный Б..., бѣдный Л... и многіе другіе, меньше знакомые мнѣ... Клѣтка, въ которой они заперты, кажется имъ милою отчизною, а въ своихъ горячечныхъ рубашкахъ они принимаютъ себя за побѣдителей всякой не-

правды, со гордыхъ гражданъ свободнаго государства... Но все они точно также хороше могли бы найдтись и у себя дома.

Только минута переходитъ къ помѣшательству — смиренія, униженія минута... Я прихожу въ ужасъ, когда вспоминаю, какъ Ф... пришелъ ко мнѣ въ первый разъ и началъ серьезно доказывать, что въ [illegible] совѣтъ народовъ [illegible] обитателей души и самыхъ отдаленныхъ [illegible]. Но какъ увѣдомить ихъ объ этомъ намѣреніи? Вотъ въ чемъ заключался для него главный вопросъ. Другой патріотъ, съ тою же цѣлью, придумалъ родъ колоссальнаго зеркала, посредствомъ котораго прокламаціи, написанныя исполинскими буквами, должны отражаться въ воздухѣ, чтобы все человѣчество могло читать ихъ, не опасаясь потѣхи со стороны цензора и полиціи... Какой опасный для государственнаго порядка проэктъ!.. А между тѣмъ о немъ ни упоминается въ депешахъ сенатскаго сейма о революціонной пропагандѣ!

Но счастливѣе всѣхъ мертвые, лежащіе въ гробахъ, на кладбищѣ Лашеза, какъ ты, бѣдный Берне!

Да, счастливы томящіеся въ родныхъ темницахъ, счастливы живущіе въ мансардахъ и терпящіе физическія бѣдствія, счастливы сумасшедшіе въ госпиталяхъ, и счастливѣе всѣхъ мертвые! Что касается до меня, пишущаго эти строки, то я совсѣмъ не считаю себя достойнымъ сожалѣнія, потому что нѣкоторымъ образомъ участвую въ счастіи всѣхъ этихъ людей, участвую посредствомъ той удивительной воспріимчивости, той невольной симпатіи, той болѣзни сердца, которыя свойственны поэтамъ и для которыхъ мы не умѣемъ прибрать настоящее названіе. Если днемъ я и прохожу по шумнымъ улицамъ Вавилона здоровый тѣломъ и веселый духомъ, то вѣрьте мнѣ, какъ только настанетъ вечеръ, въ сердцѣ моемъ начинаютъ звучать меланхолическія арфы, и даже ночью потрясаютъ его шумные звуки литавръ и цимбаловъ скорби, и гремитъ въ немъ цѣлый янычарскій оркестръ всемірнаго отчаянія, и начинается страшный пронзительно-шумный маскарадъ...

О, какія грезы! Грезы темницы, нищеты, безумія, смерти! Крикливая смѣсь сумашествія и мудрости, пестрый, отравленный супъ, имѣющій вкусъ кислой капусты и пахнущій апельсинными цвѣтами! Какое ужасное чувство наполняетъ душу, когда ночныя грезы издѣваются надъ дневною жизнью, когда изъ пламенныхъ маковыхъ головокъ ироническія привидѣнія выглядываютъ наружу и дразнятъ, когда гордые лавры превращаются въ сѣрые чертополохи и соловьи начинаютъ пѣть насмѣшливыя пѣсни...

Въ моихъ грезахъ я обыкновенно сижу на углу улицы Лафитта, въ сырой осенній вечеръ, когда мѣсяцъ бросаетъ длинныя полосы

свѣта на грязную мостовую бульвара, такъ что грязь кажется позолоченною, а иногда даже усыпанною блестящими брильянтами... Люди, проходящіе мимо меня, тоже ничто иное какъ блестящая грязь; это воры, игроки, дешевые писаки, эти фальшивые монетчики мысли; еще болѣе дешевыя женщины, которымъ, конечно, приходится лгать только тѣломъ, сытные сибариты, которыхъ кормятъ въ Café de Paris и которые теперь стремятся въ Académie de Musique, этотъ храмъ порока, гдѣ Фанни Эльслеръ танцуетъ и улыбается... Тутъ же шумятъ кареты и прыгаютъ лакеи, пестрые какъ тюльпаны и подлые какъ ихъ почтенные господа. И если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ этихъ дорожныхъ золотыхъ экипажей сидитъ бывшій сигарный фабрикантъ Агуадо, и его бѣшеныя лошади обдаютъ сверху до низу грязью мое розовокрасное трико... Да, къ моему собственному изумленію, я весь одѣтъ въ розовокрасное трико, въ такъ называемое платье тѣлеснаго цвѣта, потому что зимнее время да и климатъ не позволяютъ ходить совершенно голымъ, какъ это дѣлалось въ Греціи, при Ѳермопилахъ, гдѣ царь Леонидъ и его триста спартанцевъ, наканунѣ битвы, танцовали совершенно голые, увѣнчавъ головы цвѣтами... Въ то время, когда я въ грезахъ моихъ сижу на углу улицы Лафиттъ, гдѣ проклятый кучеръ господина Агуадо обдаетъ грязью мое трико,—я одѣтъ точно такъ, какъ Леонидъ на картинѣ Давида. Эта каналья—кучеръ задѣваетъ даже мой цвѣточный вѣнокъ, прекрасный вѣнокъ, который я ношу на головѣ, но который, между нами будь сказано, уже порядочно высохъ и не имѣетъ больше никакого запаху... Ахъ, эти цвѣты были свѣжи и прекрасны въ то время, когда я увѣнчалъ себя ими, думая, что на слѣдующій день мнѣ придется участвовать въ битвѣ, въ священной, смертельной битвѣ за отечество. Это время давно уже прошло, съ досадою и въ бездѣйствіи сижу я на углу улицы Лафиттъ и жадно ожидаю битвы, а между тѣмъ цвѣты на моей головѣ вянутъ, да и самые волосы покрываются сѣдиною, и сердце болѣзненно ноетъ въ груди... Господи! какъ долго тянется время въ такомъ ожиданіи, а тутъ еще я начинаю приходить въ уныніе... Я вижу, какъ люди, проходящіе мимо, съ состраданіемъ смотрятъ на меня и шепчутъ другъ другу: «бѣдный безумецъ»!

Какъ ночныя грезы издѣваются надъ моими дневными мыслями, точно также иногда случается, что эти дневныя мысли платятъ тою же монетою безумнымъ ночнымъ грезамъ, — и онѣ правы, потому что во снѣ я часто дѣйствую какъ настоящій болванъ. Недавно мнѣ снилось, что я путешествовалъ по всей Европѣ, только не въ экипажѣ, а на превосходномъ кораблѣ. Это было очень удобно, когда на дорогѣ попадались рѣка или море. Но это случалось рѣдко, а обыкновенно мнѣ приходилось ѣздить по сушѣ, что представляло большія

затрудненія, такъ какъ я былъ принужденъ перетаскивать свой корабль черезъ широкія равнины, лѣсныя тропинки, трясины и даже высокія горы, пока опять достигалъ рѣки или моря, гдѣ могъ свободно плавать. Но обыкновенно, какъ я только что сказалъ, мнѣ приходилось тащить мой корабль, что стоило мнѣ большой потери времени и неимовѣрныхъ усилій, такъ что отъ досады и усталости я наконецъ проснулся. Утромъ, спокойно сидя за кофе, я правильно сообразилъ, что совершилъ бы это путешествіе гораздо удобнѣе и скорѣе, если бы не имѣлъ никакого корабля, а шелъ все пѣшкомъ, какъ обыкновенный горемыка.

Впрочемъ, результатъ все одинъ, какъ бы мы ни совершали большое путешествіе: пѣшкомъ, или на лошадяхъ, или на кораблѣ... Всѣ мы приходимъ наконецъ въ одну и ту же гостинницу, въ одинъ и тотъ же скверный шинокъ, гдѣ двери отпираютъ лопатой, гдѣ комната такъ узка, такъ холодна, такъ темна, но гдѣ такъ хорошо, почти слишкомъ хорошо,—спится...

Возстанемъ ли мы отъ этого сна? Странно, мои дневныя мысли отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно; а ночныя грезы, чисто по духу противорѣчія, — утвердительно. Такъ напримѣръ мнѣ недавно снилось, что я съ разсвѣтомъ отправился на кладбище, и тамъ, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ, что у каждой могилы стояла пара отлично вычищенныхъ сапогъ, точно въ гостинницѣ передъ комнатами постояльцевъ... Это представило очень странную картину, на всемъ кладбищѣ царствовало кроткое молчаніе, усталые пилигримы земли спали другъ подлѣ друга, а вычищенные сапоги, стоявшіе длинными рядами, блистали въ свѣжемъ утреннемъ свѣтѣ, богатые надеждами, полные обѣщаній, точно лучезарное доказательство будущаго пробужденія нашего...

Я не могу съ точностью опредѣлить мѣста на кладбищѣ Лашеза, гдѣ лежитъ Берне. Заявляю это здѣсь положительно, потому что при жизни его, меня нерѣдко посѣщали путешествующіе нѣмцы, обращавшіеся ко мнѣ съ вопросамъ: гдѣ живетъ Берне, а теперь меня постоянно спрашиваютъ: гдѣ его могила? Сколько мнѣ извѣстно по разсказамъ другихъ, онъ лежитъ на правой сторонѣ кладбища, посреди генераловъ времени имперіи и актрисъ Théâtre — Français... то есть посреди мертвыхъ орловъ и мертвыхъ попугаевъ.

Въ газетѣ «Zeitung für elegante Welt» я прочелъ недавно, что буря опрокинула деревянный памятникъ, стоявшій на могилѣ Берне. Одинъ изъ новыхъ поэтовъ воспѣлъ это происшествіе въ прекрасномъ стихотвореніи, да и вообще Берне, въ котораго при жизни такъ часто кидали самыми гнилыми яблоками прозы, теперь послѣ смерти окуривается самыми благоухающими стихами. Народъ любитъ бальзами-

рошинъ своихъ пророковъ, чтобы имѣть возможность лучше чтить ихъ останки; *собаки, сегодня лающія на насъ,* завтра съ благоговѣніемъ цалуютъ наши кости!..

Какъ я уже сказалъ, я не пишу здѣсь ни апологіи, ни критики человѣка, составляющаго предметъ этого сочиненія. Я представляю только портретъ его. При этомъ я не скрываю, какое благопріятное или неблагопріятное настроеніе было во мнѣ во время этихъ сеансовъ. Этимъ я даю лучшій масштабъ для довѣрія, котораго заслуживаютъ мои показанія.

Но если это постоянное заявленіе моей личности есть съ одной стороны лучшее средство для того, чтобы читатель самъ произнесъ приговоръ, то съ другой стороны я считаю себя обязаннымъ изобразить въ этомъ сочиненіи и мою собственную личность, такъ какъ вслѣдствіе сплетенія самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ, какъ друзья такъ и враги Берне, говоря о немъ, непремѣнно заводили съ большимъ или меньшимъ доброжелательствомъ или зложелательствомъ рѣчь о моей литературной и общественной дѣятельности. Аристократическая партія въ Германіи, хорошо зная, что умѣренность моей рѣчи для нея гораздо опаснѣе кровожадности Берне, старалась выставить меня единомышленникомъ и товарищемъ этого послѣдняго, чтобы взвалить на меня извѣстную солидарность съ его политическимъ безуміемъ. Радикальная партія, вмѣсто того, чтобы вывести на свѣжую воду эту военную хитрость, еще поддерживала ее, чтобы въ глазахъ массы выставить меня своимъ товарищемъ и черезъ это эксплуатировать авторитетъ моего имени. Гласно выступать противъ подобныхъ интригъ было невозможно; этимъ я только навлекъ бы на себя подозрѣніе, что отрекаюсь отъ Берне для того, чтобы пріобрѣсть благосклонность его враговъ. Поэтому Берне доставилъ мнѣ истинное удовольствіе, когда не только отрывочными фразами, но и длинными статьями началъ гласно нападать на меня и самъ разъяснилъ публикѣ различіе мнѣній, существовавшее между нами. Это нападеніе сдѣлалъ онъ въ шестомъ томѣ своихъ «Парижскихъ Писемъ», гдѣ посвятилъ этому предмету двѣ статьи, перепечатанныя имъ во французской газетѣ «Le Réformateur». Эти статьи, на которыя, какъ выше сказано, я не отвѣчалъ, снова подали поводъ говорить обо мнѣ каждый разъ, какъ рѣчь заходила о Берне, но теперь тонъ этихъ обсужденій былъ уже конечно не тотъ, что прежде. Аристократы осыпали меня самыми коварными похвалами, они почти до смерти возносили меня; я снова сдѣлался великимъ поэтомъ, потому что убѣдился, что не могу долѣе играть мою политическую роль, комическій радикализмъ. Напротивъ того, радикалы начали нападать на меня гласно (частно они всегда это дѣлали), они не оставля-

ли во мнѣ для одного лавроваго мѣста, отвергали во мнѣ всякій характеръ, и признавали только поэтическое достоинство. Да, я, такъ сказать, получилъ политическую отставку и былъ съ пенсіономъ отправленъ на Парнасъ. Кто знакомъ съ двумя вышеупомянутыми партіями, тотъ легко оцѣнитъ великодушіе, съ которымъ онѣ оставили мнѣ титулъ поэта. Одни видятъ въ поэтѣ только мечтательнаго приверженца бездѣйственныхъ идеаловъ. Другіе ничего не видятъ въ немъ; ихъ сухость не откликается на поэзію ни малѣйшимъ звукомъ.

Что составляетъ характеристическое свойство поэта — объ этомъ мы не станемъ здѣсь разсуждать. Но не можемъ не высказать своего мнѣнія о понятіи, которое обыкновенно соединяется съ словомъ «характеръ.»

Что понимается подъ словомъ «характеръ?».

Характеръ имѣетъ тотъ человѣкъ, который живетъ и дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь, такъ сказать, сливается въ одно съ этимъ кругомъ и никогда не впадаетъ въ противорѣчіе съ своими мыслями и чувствами. Вслѣдствіе этого, когда дѣло идетъ о геніальныхъ, превосходящихъ свое время, людяхъ, тогда масса не можетъ рѣшить, есть ли у нихъ характеръ, или нѣтъ, потому что масса не достаточно дальнозорка для того, чтобы разсмотрѣть кругъ, въ которомъ вращаются эти высокіе умы. Да, именно потому, что масса не знаетъ предѣловъ желаній и потребностей этихъ высшихъ умовъ, весьма часто случается, что въ ихъ дѣйствіяхъ она не видитъ ни права на эти дѣйствія, ни необходимости въ нихъ, и тогда слѣпые и близорукіе въ умственномъ отношеніи начинаютъ жаловаться на произволъ, непослѣдовательность, безхарактерность. Менѣе даровитые люди, которыхъ болѣе поверхностное и узкое міросозерцаніе доступнѣе для взора и изслѣдованія, и которые, такъ сказать, разъ навсегда провозгласили на общественной площади и популярнымъ языкомъ программу своей жизни, эти люди скорѣе понимаются почтенною публикой; у нея есть масштабъ для всѣхъ дѣйствій ихъ, она при этомъ радуется своей собственной понятливости, какъ разрѣшенной загадкѣ, и съ восторгомъ говоритъ: «вотъ это характеръ!»

Тотъ человѣкъ несомнѣнно долженъ быть признанъ ограниченнымъ, котораго ограниченная толпа легко понимаетъ и прославляетъ какъ «характеръ». Для писателей это легкое пониманіе еще опаснѣе, потому что ихъ дѣйствія заключаются собственно въ словахъ, и то, что публика чтитъ въ ихъ произведеніяхъ, какъ характеръ, есть ничто иное, какъ рабская преданность данной минутѣ, какъ отсутствіе пластическаго спокойствія, отсутствіе искусства.

Мнѣніе, что характеръ писателя узнается по его сочиненіямъ, не

безусловно справедливо; оно вполнѣ примѣняется только къ тѣмъ писателямъ, которыми руководитъ вдохновеніе данной минуты и которые больше повинуются слову, чѣмъ повелѣваютъ имъ. Къ художникамъ это мнѣніе вовсе не можетъ быть примѣнено, потому что они властители слова, употребляютъ его для какой угодно цѣли, придаютъ ему какую угодно форму, пишутъ объективно, и ихъ характеръ не обнаруживается въ ихъ стилѣ.

На вопросъ: характеръ ли Берне, — между тѣмъ, какъ другіе только поэты, — на этотъ безплодный вопросъ мы можемъ отвѣтить только сострадательнѣйшимъ пожатіемъ плечъ.

«Только поэты!»... Мы не хотимъ сильно оскорблять нашихъ противниковъ и потому не подводимъ ихъ подъ одну категорію съ Дантомъ, Мильтономъ, Сервантесомъ, Камоэнсомъ, Филиппомъ Сиднеемъ, Фридрихомъ Шиллеромъ, Вольфгангомъ Гёте, которые были только поэты... Между нами будь сказано, эти поэты, даже послѣдніе, иногда выказывали характеръ!...

«Они имѣютъ глаза и не видятъ, они имѣютъ уши и не слышатъ, они имѣютъ даже носъ и не обоняютъ». Эти слова очень хорошо примѣняются къ грубой массѣ, которая никогда не пойметъ, что безъ внутренняго единства невозможно никакое умственное величіе, и что то, что собственно должно быть названо характеромъ, составляетъ необходимое свойство поэта.

Впрочемъ, различіе между характеромъ и поэтомъ было въ первый разъ установлено самимъ Берне, и онъ самъ указалъ дорогу тѣмъ постыднымъ обвиненіямъ, которыми его приверженцы сыпали впослѣдствіи на пишущаго эти строки. Въ «Парижскихъ Письмахъ» и выше упомянутыхъ статьяхъ журнала «Réformateur» уже достаточно говорится о моей безхарактерной поэтической дѣятельности и о моей поэтической безхарактерности, и уже въ нихъ ползаютъ и извиваются самые ядовитые намеки. Не опредѣленными словами, но всевозможными намеками меня обвиняютъ тамъ въ самомъ двусмысленномъ образѣ мыслей, если уже не въ совершенномъ отсутствіи его. Точно такимъ образомъ дается тамъ замѣтить, что я отличаюсь не только индифферентизмомъ, но и противорѣчіемъ съ самимъ собою. Слышатся въ этихъ статьяхъ даже такіе шипящіе звуки, которые... (могутъ ли краснѣть мертвецы въ могилахъ?)—да, я не избавлю умершаго отъ постыднаго обвиненія: онъ намекалъ даже на мою продажность...

Прекрасное, сладкое спокойствіе, которымъ я наслаждаюсь въ эту минуту отъ глубины души! ты достаточно награждаешь меня за все, что я сдѣлалъ, и за все, на что я смотрѣлъ съ презрѣніемъ .. Я не стану защищаться ни противъ упрека въ индифферентизмѣ, ни про-

тивъ обвиненія въ продажности. Прежде, при жизни дѣлавшаго эти намеки, я считалъ это оправданіе недостойнымъ себя; теперь молчанія требуетъ даже приличіе. Полемика между смертію и изгнаніемъ была бы ужаснымъ зрѣлищемъ!—Ты протягиваешь мнѣ изъ гроба руку!.. Я безъ злобы протягиваю тебѣ мою... Смотри, какъ она прекрасна и чиста! Ее никогда не марало пожатіе руки черни, точно также, какъ и грязное золото враговъ народа... Собственно говоря, вѣдь ты ни разу не оскорбилъ меня... Вѣдь во всѣхъ твоихъ намекахъ нѣтъ ни на одинъ луидоръ правды!

То мѣсто въ «Парижскихъ Письмахъ», въ которыхъ Берне нападаетъ на меня самымъ безвреднымъ для меня образомъ, въ то же время такъ хорошо характеризуетъ его самого, его стиль, его строгость и его слѣпоту, что я не могу не привести его здѣсь. Не смотря на самое озлобленное желаніе, онъ никогда не былъ въ состояніи ранить меня, и все, что какъ здѣсь, такъ и въ статьяхъ журнала «Réformateur», онъ говорилъ противъ меня, я читалъ такъ равнодушно, какъ будто дѣло касалось не меня, а Навуходоносора, царя вавилонскаго, или калифа Гарунъ-аль-Рашида, или Фридриха Великаго, который всѣ пасквили на себя, прибивавшіеся на берлинскихъ улицахъ слишкомъ высоко, приказывалъ перебивать ниже, чтобы публика могла лучше читать ихъ. Вышеупомянутое мѣсто помѣчено 25 февраля 1833 года, и содержаніе его слѣдующее:

«Попытаться ли мнѣ найти разумное слово для опредѣленія достоинства гейневскихъ «Französische Zustände?» Не рѣшаюсь на эту попытку. Мухообразное неудовольствіе, которое жужжало вокругъ моей головы при чтеніи этой книги и садилось то на то, то на другое ощущеніе, такъ раздосадовало меня, что я не могу ручаться—не говорю, за правильность моего приговора, потому что такого высокомѣрнаго ручательства я никогда не принимаю на себя—но за безпристрастіе его. Но при этомъ я остался на столько разсудителенъ, чтобы понять, что въ этомъ непріятномъ настроеніи духа виноватъ не Гейне. Тотъ, кто подобно ему владѣетъ такими большими секретами, какъ умѣнье находить въ трехсотлѣтней безчеловѣчности австрійской политики возвышенную устойчивость, а въ королѣ баварскомъ — одного изъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ государей, какіе только были на престолахъ, — или умѣньемъ объявлять короля французовъ, точно его трясетъ лихорадка, сегодня хорошимъ, на слѣдующій день дурнымъ, на третій—опять хорошимъ, на четвертый—опять дурнымъ; кто находитъ смѣлымъ и величавымъ то, что господа Ротшильды во время холеры спокойно оставались въ Парижѣ, а на новорожденные труды нѣмецкихъ патріотовъ смотритъ съ комической стороны; и кто, при всемъ этомъ мягкосердечіи, еще смотритъ на себя какъ на человѣка

съ твердымъ характеромъ, — кто, говорю я, владѣетъ такими секретами, у того могутъ быть секреты еще важнѣе, объясняющіе загадочный смыслъ этой книги;—мнѣ же они незнакомы. Я могу переносить себя не только въ мысли и чувства другаго человѣка, но и въ его кровь и нервы, могу становиться у источниковъ всѣхъ его мыслей и чувствъ, и съ неутомимымъ терпѣніемъ слѣдить за ихъ теченіемъ. Но при этомъ я долженъ не приносить въ жертву мое собственное бытіе, а только на время устранить его отъ себя. Я могу снисходительно смотрѣть на дѣтскія игры, на страсти юноши. Но когда въ минуту самой кровавой битвы, мальчишка, гоняющійся на полѣ сраженія за бабочками, попадетъ мнѣ подъ ноги; когда въ минуту большаго бѣдствія, когда мы горячо молимся Богу, молодой фатъ становится подлѣ насъ въ церкви и только глазѣетъ на молодыхъ дѣвушекъ и перемигивается и перешептывается съ ними,—тогда, не будь сказано въ обиду нашей философіи и гуманности, мы не можемъ не сердиться.

«Гейне—художникъ, поэтъ, и для того, чтобы признаніе его художникомъ и поэтомъ было полное, ему недостаетъ только своего собственнаго признанія. Именно потому, что ему часто хочется быть еще кѣмъ-то кромѣ поэта, онъ часто сбивался съ дороги. Кто, подобно Гейне, признаетъ форму высшимъ условіемъ хорошаго произведенія; тотъ долженъ и держаться только этой формы; потому что, чуть только случится ему переступить черезъ край сосуда, какъ онъ погружается въ безграничное и тонетъ на песчаномъ днѣ. Кто признаетъ искусство своимъ божествомъ и тутъ же, смотря по расположенію духа, обращается съ молитвами къ природѣ, тотъ въ одно и то же время является преступникомъ противъ искусства и природы. Гейне выпрашиваетъ у природы ея нектаръ и цвѣточную пыль, и строитъ ей ульи изъ воска искусства; но онъ не строитъ улей для того, чтобы хранить въ немъ медъ, а собираетъ медъ для того, чтобы наполнить улей. Отъ того-то онъ не трогаетъ, когда плачетъ, потому что вы знаете, что слезами онъ только поливаетъ свои цвѣточныя грядки. Отъ того-то онъ не убѣждаетъ даже тогда, когда говоритъ правду, потому что въ правдѣ онъ любитъ только прекрасное. Но правда не всегда прекрасна, она не всегда остается прекрасною. Проходитъ много времени, пока она зацвѣтетъ, а отцвѣтаетъ она прежде, чѣмъ принесетъ плоды. Гейне поклонялся бы нѣмецкой свободѣ, еслибъ она была въ полномъ цвѣту; но такъ какъ, по причинѣ холодной зимы, она закрыта навозомъ, то онъ не признаетъ и презираетъ ее. Съ какимъ прекраснымъ одушевленіемъ онъ говорилъ о республиканцахъ въ церкви св. Мери, и о ихъ геройской смерти! То была счастливая битва, въ которой бойцы могли выказать прекрасное

сопротивленіе своимъ врагамъ и умереть прекрасною смертью за свободу! Но еслибъ въ этой битвѣ не было столько прекраснаго, Гейне посмѣялся бы надъ нею. То, что сдѣлалъ Брутъ, Гейне могъ возвеличить всею силою своего дарованія; но если бы какой нибудь пере-ной вытащилъ окровавленный кинжалъ изъ груди обезчещенной жены, и этимъ подстрекнулъ глупыхъ, лѣнивыхъ гражданъ къ самоосвобожденію, Гейне сталъ бы смѣяться надъ этимъ. Если бы въ ту приснопамятную минуту, когда Франція очнулась отъ своего тысячелѣтняго сна и поклялась, что не будетъ больше спать, Гейне посадили въ бальную залу, онъ сдѣлался бы самымъ отчаяннымъ якобинцемъ. Но замѣть онъ въ карманѣ Мирабо трубку съ красно-черно-золотой кисточкой,—къ чорту свобода! И онъ ушелъ бы оттуда, и сталъ бы писать прекрасные стихи въ честь прекрасныхъ глазъ Маріи Антуанеты....

«Да и какъ можно вѣрить тому, кто самъ ни во что не вѣритъ?.. Изнѣженный Гейне, при своей сибаритской натурѣ, можетъ простудиться отъ паденія цвѣточнаго листика; какъ же могъ онъ спокойно спать на свободѣ, которая такъ жестка и сучковата? Пусть же онъ и остается въ отдаленіи отъ нея. Кого утомляетъ малѣйшая неровность дороги, кто сбивается съ толку отъ малѣйшаго противорѣчія, тотъ пусть не ходитъ, не думаетъ, ложится въ постель и закрываетъ глаза. Развѣ есть такая правда, въ которой нѣтъ хоть небольшой доли лжи? Развѣ есть такая красота, которая не имѣетъ своихъ пятенъ? Развѣ есть такая возвышенная вещь, рядомъ съ которой не стоитъ смѣшное? Природа сочиняетъ рѣдко, а стиховъ не пишетъ никогда; кому не нравится ея проза и безрименность, тотъ пусть обращается къ поэзіи. Природа управляетъ по республикански, она предоставляетъ каждой вещи дѣйствовать какъ угодно до тѣхъ поръ, пока злодѣяніе созрѣетъ, и уже послѣ этого наказываетъ. У кого слабые нервы и кто боится опасностей, тотъ пусть служитъ искусству, абсолютному искусству, которое вычеркиваетъ каждую грубую мысль прежде, чѣмъ она сдѣлается фактомъ, и пишетъ каждое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока оно сдѣлается слишкомъ тонкимъ для того, чтобы быть злодѣяніемъ.

«Гейне имѣетъ въ моихъ глазахъ такое огромное достоинство, что какъ бы онъ ни высоко цѣнилъ себя, я не всегда найду эту оцѣнку чрезмѣрною. Поэтому я упрекаю его не въ этой чрезмѣрности, а въ томъ, что вообще онъ слишкомъ цѣнитъ дѣятельность отдѣльныхъ людей, хотя въ его собственной книгѣ ясно и прекрасно доказано, что нынче отдѣльныя личности уже ничего не значутъ, что даже Руссо и Вольтеръ не имѣли бы теперь никакого значенія, потому что теперь дѣйствуютъ хоры, а лица только говорятъ. Но что мы такое,

когда насъ много? Ничто иное, какъ герольды народа. Когда мы громко и внятно возвѣщаемъ то, что поручено намъ возвѣстить партіями, къ которымъ мы принадлежимъ, тогда насъ хвалятъ и награждаютъ; когда же мы говоримъ невнятно или измѣннически сообщаемъ важную новость, насъ бранятъ и наказываютъ. Это-то забываетъ Гейне и считаетъ себя важнымъ потому, что подобно многимъ другимъ, думаетъ, что можетъ погубить какую нибудь партію или помочь ей: ему снятся друзья и враги, и такъ какъ онъ не знаетъ, куда идетъ и куда хочетъ идти, то не знаетъ тоже, гдѣ стоятъ его враги, и гдѣ друзья; ищетъ ихъ то тутъ, то тамъ, и нигдѣ не находитъ. Намъ, остальнымъ бѣднымъ людямъ, природа дала къ счастію только одну спину, такъ что ударовъ судьбы мы боимся только съ одной стороны; у бѣднаго же Гейне двѣ спины, онъ боится ударовъ аристократовъ и демократовъ, и чтобы избѣгнуть тѣхъ и другихъ, принужденъ въ одно и то же время идти впередъ и назадъ.

«Чтобы понравиться демократамъ, Гейне говоритъ, что іезуитско-аристократическая партія въ Германіи преслѣдуетъ его и клевещетъ на него. Потомъ, чтобы понравиться аристократамъ, онъ говоритъ, что смѣло боролся съ якобинствомъ... и что поэтому демократы покушаются на его жизнь. Вотъ собственныя его слова въ одномъ мѣстѣ: «клянусь богомъ, я не республиканецъ; я знаю, что если республиканцы побѣдятъ, то они перерѣжутъ мнѣ горло». И въ другомъ: «если бъ возмущеніе 5 іюня не окончилось неудачей, имъ бы легко удалось наказать меня смертью, на которую они обрекли меня. Я охотно прощаю имъ эту глупость». А я нѣтъ. Тѣхъ республиканцевъ, которые были бы на столько глупы, что думали бы, что Гейне можетъ помѣшать имъ достигнуть цѣли, слѣдовало бы запереть въ сумасшедшій домъ. . . . .

«Такимъ образомъ Гейне думаетъ, что онъ смѣло борется то съ аристократіей, то съ демократіей. Но какъ можно бороться съ человѣкомъ, отъ котораго отворачиваешься, этого я не понимаю...

«Если есть на свѣтѣ человѣкъ, которому природа судила быть честнымъ человѣкомъ, то это Гейне, и на этой дорогѣ онъ могъ составить свое счастіе. Онъ не можетъ лгать въ продолженіе пяти минутъ, двадцати строкъ, дня, половины печатнаго листа. Предлагайте ему корону, онъ и за нее не будетъ въ состояніи удержаться отъ улыбки, отъ насмѣшки, отъ остроты; а когда, не понимая своего собственнаго характера, онъ все-таки лжетъ, все-таки лицемѣритъ, кажется серьознымъ, когда ему хочется смѣяться, и искреннымъ, когда на губахъ его насмѣшка, тогда каждый тотчасъ же замѣчаетъ это; и это притворство доставляетъ ему не прибыль, а только упреки. Ему приходится играть роль іезуита либерализма. Я уже сказалъ разъ, что

эта игра можетъ принести пользу хорошему дѣлу; но такъ какъ эта роль приноситъ хорошій доходъ, то честный человѣкъ долженъ не брать ее на себя, а предоставлять другимъ. Такимъ-то образомъ, на смѣхъ лучшимъ сторонамъ своего характера, Гейне находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы дипломатизировать и дѣлать свои зубы творенною рѣшеткою своихъ мыслей, сквозь которую каждый явственно видитъ ихъ и при этомъ смѣется. Потому что до умѣнья скрывать, что у него есть, что скрыть, онъ еще не дошелъ въ искусствѣ притворства. Когда графъ Мольтке старается вовлечь его въ войну перьями по поводу вопроса о дворянствѣ, онъ проситъ оставить эту войну, «потому что именно въ то время мнѣ казалось опаснымъ гласно обсуждать такъ, какъ я это обыкновенно дѣлаю, вопросъ, который игралъ такую страшную роль въ страстяхъ того времени». Ни Мольтке, ни Гейне, никто другой не могли придать этому вопросу силу больше той, которую онъ и безъ того имѣлъ. Значитъ, чтобы говорить о чемъ нибудь съ горячностью, надо выжидать, чтобы страсть, которой это что нибудь можетъ дать пищу, погасла, и потомъ снова воспламенить ее? Вотъ ужъ подлинно мудрость дипломатовъ. Гейне утверждаетъ, что онъ знаетъ что-то, могущее очистить Лафайета отъ упрека въ принятіи участія въ іюньскомъ возмущеніи; но «весьма понятная скромность» мѣшаетъ ему высказаться явственно. Если Гейне сдѣлается министромъ, то будь я проклятъ, если буду въ состояніи занимать должность его тайнаго секретаря и смотрѣть на него съ утра до вечера безъ того, чтобы не смѣяться».

Я отъ души хотѣлъ бы привести здѣсь двѣ статьи изъ «Réformateur», но три затрудненія мѣшаютъ мнѣ сдѣлать это; во первыхъ, онѣ заняли бы слишкомъ много мѣста; во вторыхъ, онѣ написаны по-французски, и поэтому мнѣ пришлось бы самому переводить ихъ, въ третьихъ я спрашивалъ въ десяти кабинетахъ для чтенія, и нигдѣ не могъ отыскать ни одного экземпляра «Réformateur», изданіе котораго уже прекратилось. Но содержаніе этихъ статей я еще довольно хорошо помню. Онѣ заключали въ себѣ самые хитрые намеки на отступничество и непослѣдовательность, всевозможныя обвиненія въ чувственности, и т. д. — О защитѣ противъ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; это сочиненіе, которое не должно быть ни апологіей умершаго, ни критикой на него, но имѣетъ также цѣлью оправданія оставшагося въ живыхъ. Довольно того, что я сознаю чистоту моихъ желаній и моихъ мнѣній, и когда бросаю взглядъ на свое прошедшее, то въ душѣ моей пробуждается почти радостная гордость при видѣ дороги, которую я уже прошелъ. Будетъ ли мое будущее ознаменовано такими же успѣхами? . . . .

Говоря безпристрастно, я сомнѣваюсь въ этомъ. Я чувствую страш-

ную умственную усталость; если въ послѣднее время уже мой и не создавалъ многаго, то все-таки онъ постоянно былъ на ногахъ. Что касается до того, хорошо или худо было то, что я вообще создавалъ въ этой жизни, — объ этомъ мы не станемъ разсуждать. Довольно того, что эти созданія были велики; я замѣчалъ это по болѣзненному расширенію души, изъ которой они выходили... замѣчаю и по ничтожному росту карликовъ, которые стоятъ передъ ними, и съ головокруженіемъ смотрятъ на нихъ... Взгляды ихъ не достигаютъ до вершины, и карлики только носами толкаются о пьедесталы памятниковъ, которые я воздвигнулъ въ Европѣ къ вѣчной славѣ нѣмецкаго духа. Совершенно ли безупречны и чисты эти памятники? Сказать правду, и на этотъ вопросъ я не могу дать совершенно опредѣлительнаго отвѣта. Но тѣ недостатки, которые маленькіе люди умѣютъ отыскивать въ нихъ, доказываютъ только чопорную ограниченность этихъ людей. Они напоминаютъ мнѣ маленькихъ парижскихъ зѣвакъ, которые, при воздвиженіи обелиска на площади Людовика XVI, высказывали свои мнѣнія о достоинствѣ или полезности этого памятника. По этому случаю были обнаружены самыя забавныя филистерскія соображенія. Одинъ чахоточный, тощій портной утверждалъ, что красный камень не довольно твердъ для того, чтобы долго сопротивляться сѣверному климату, и что снѣгъ скоро разломаетъ его, а вѣтеръ опрокинетъ. Имя этого бѣдняка Petit-Jean, онъ шилъ очень скверные сюртуки, изъ которыхъ ни одна тряпка не дойдетъ до потомства, да и самъ онъ лежитъ уже на кладбищѣ Лашеза. А красный камень все еще непоколебимо стоитъ на площади Людовика XVI, и будетъ стоять еще цѣлыя столѣтія, не смотря на снѣга, вѣтеръ и болтовню портныхъ!

Забавнѣйшею вещью при воздвиженіи обелиска было слѣдующее происшествіе:

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь обелискъ, было найдено нѣсколько маленькихъ скорпіоновъ, вѣроятно вышедшихъ изъ самокъ, которыя были нечаянно захвачены въ Египтѣ, и привезены въ Парижъ, гдѣ солнечный зной способствовалъ ихъ разрѣшенію. Эти-то скорпіоны вызвали со стороны зѣвакъ страшное негодованіе; они проклинали камень, которому Франція была обязана скорпіонами, новымъ бичемъ, который долженъ былъ сдѣлаться источникомъ страданій для дѣтей и внуковъ настоящаго поколѣнія... И зѣваки уложили маленькихъ чудовищъ въ шкатулку, и отнесли ихъ къ полицейскому коммиссару квартала Магдалины, гдѣ тотчасъ же былъ составленъ протоколъ... Да и надо было поторопиться, потому что черезъ нѣсколько часовъ бѣдныя животныя издохли...

При воздвиженіи великихъ умственныхъ обелисковъ также мо-

тутъ появляться всякаго рода скорпіоны, маленькія ядовитыя животныя, которыя, можетъ быть, тоже происходятъ изъ Египта, и тоже скоро издохнутъ и будутъ забыты,—а великій памятникъ все будетъ стоять величественно и непоколебимо, на удивленіе позднѣйшихъ поколѣній...

Странныя мысли однако приходятъ въ голову, когда начинаешь думать объ этомъ луксорскомъ обелискѣ, который французы перетащили изъ древняго Мицраима и поставили въ видѣ украшенія посреди страшной площади, на которой 21 января 1793 года они торжествовали свой ужасный разрывъ съ прошедшимъ...

Кто разгадаетъ этотъ голосъ древняго времени, эти древніе гіероглифы? Можетъ быть, въ нихъ заключается проклятіе, а можетъ быть и рецептъ для излеченія ранъ нашего времени! О, еслибы кто нибудь разобралъ ихъ! Еслибы кто нибудь произнесъ спасительныя слова, похороненныя въ этихъ изображеніяхъ!.. Можетъ быть, въ нихъ написано, гдѣ течетъ источникъ, изъ котораго человѣчество должно пить, чтобы исцѣлиться, гдѣ струится тайная вода жизни, о которой кормилица столько разсказывала намъ въ дѣтскихъ сказкахъ, и по которой мы такъ томимся теперь, сдѣлавшись больными стариками.—Гдѣ течетъ вода жизни? Мы ищемъ и ищемъ...

Ахъ, пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ мы отыщемъ великое цѣлебное средство; до тѣхъ поръ придется намъ сильно хворать и употреблять всевозможныя мази и домашнія средства, которыя будутъ только усиливать болѣзнь. Тутъ прежде всего приходятъ радикалы, прописывающіе радикальное леченіе, которое однако дѣйствуетъ только наружнымъ образомъ, потому что развѣ только уничтожаетъ общественную коросту, но не внутреннюю гнилость. А если имъ и удается на короткое время избавить страждущее человѣчество отъ страшнѣйшихъ мукъ, то это дѣлается въ ущербъ послѣднимъ слѣдамъ красоты, до тѣхъ поръ остававшимся у больнаго; гадкій, какъ вылечившійся филистеръ, встанетъ онъ съ постели и въ отвратительномъ госпитальномъ платьѣ, въ пепельно-сѣромъ костюмѣ равенства станетъ жить со дня на день. Вся безмятежность, вся сладость, все благоуханіе, вся поэзія будутъ вычеркнуты изъ жизни, и отъ всего этого останется только Румфордовъ супъ полезности.—Красота и геній не находятъ себѣ никакого мѣста въ общественной жизни нашихъ новыхъ пуританъ, и подвергаются такимъ оскорбленіямъ и угнетеніямъ, какихъ они не испытывали даже при существованіи стараго порядка... Потому что красота и геній не могутъ жить въ обществѣ, гдѣ каждый, съ неудовольствіемъ сознавая свою посредственность, старается унизить всякое высшее дарованіе и свести его къ самому пошлому уровню.

Сухое, будничное настроеніе новыхъ пуританъ распространяется уже по всей Европѣ, точно сѣрыя сумерки, предшествующія суровому зимнему времени... Что значатъ бѣдные соловьи, которые въ нѣмецкомъ поэтическомъ лѣсу вдругъ мелодически зарыдали больнѣе, но и слаще, чѣмъ когда либо? Они поютъ прощальное прости! Послѣднія нимфы, которыхъ пощадило христіанство, убѣгаютъ въ самую глухую чащу! Въ какомъ печальномъ положеніи засталъ я ихъ также прошедшею ночью!... . . . .

Какъ будто отъ того, что муки дѣйствительности не достаточно сильны, меня терзаютъ еще ночныя привидѣнія... Рѣзкими символическими письменами рисуетъ мнѣ сонъ великое страданіе, которое я охотно сорвалъ бы отъ себя, и едва смѣю высказывать простыми звуками свѣтлаго дня... . . . .

Прошедшею ночью мнѣ снились большой дикій лѣсъ и сумрачная осенняя ночь. Въ большомъ дикомъ лѣсу, среди высочайшихъ деревьевъ, попадались по мѣстамъ свѣтлыя пространства, но и они были наполнены прозрачно бѣлымъ туманомъ. Тутъ и тамъ, сквозь густой туманъ, привѣтливо пробивались тихіе лѣсные огоньки. Подойдя къ одному изъ нихъ, я замѣтилъ всевозможныя темныя тѣни, двигавшіяся вокругъ пламени; но только совершенно приблизившись, я различилъ стройныя фигуры съ меланхолически-милыми лицами. То были прекрасныя, нагія женщины, похожія на нимфъ, которыхъ мы видимъ на сладострастныхъ картинахъ Джуліо Романо, и которыя, цвѣтя роскошною молодостью, весело лежатъ подъ зелеными вѣтвями... Ахъ! теперь моимъ глазамъ представилась далеко не такая веселая картина! Женщины моего сна, хотя все еще украшенныя прелестью вѣчной молодости, носили однако на себѣ тайные признаки физическаго и нравственнаго разрушенія; члены ихъ все еще очаровывали чудною гармоніею, но холодное страданіе отчасти высушило и заморозило ихъ, и даже на лицахъ, не смотря на улыбку вѣтренности, проглядывали судорожные слѣды безмѣрно глубокой скорби... Вмѣсто того, чтобы лежать, подобно нимфамъ Джуліо, на мягкомъ дернѣ, онѣ сидѣли на твердой землѣ между полуобнаженными дубами, гдѣ, вмѣсто влюбленныхъ лучей солнца, на нихъ падалъ мутный паръ сырой осенней ночи... По временамъ одна изъ этихъ красавицъ вставала, выхватывала изъ костра горящую головню, махала ею, точно тирсомъ, надъ головой и старалась стать въ одну изъ тѣхъ невозможныхъ танцовальныхъ позъ, которыя мы видимъ на этрусскихъ вазахъ... Но скоро, съ печальною улыбкой, точно побѣжденная усталостью и ночнымъ холодомъ, она снова падала къ огню. Особенно одна изъ этихъ женщинъ наполнила мое сердце почти сладострастнымъ состраданіемъ. То была высокая фигура, но руки ея, ноги,

грудь и щеки были еще худощавѣе, чѣмъ у другихъ, что, однако, производило не отталкивающее, а чарующее, привлекающее впечатлѣніе. Не знаю, какъ это случилось, но прежде чѣмъ я успѣлъ очнуться, я уже сидѣлъ рядомъ съ нею у огня и согрѣвалъ моими горячими губами ея руки и ноги, дрожавшія отъ холода; въ это же время я игралъ ея черными влажными косами, спадавшими съ греческаго лица съ прямымъ носомъ на трогательно холодную, гречески-стройную грудь... Да, ея волосы были почти лучезарнаго чернаго цвѣта, точно такъ же, какъ и ея глаза, сверкавшіе страннымъ выраженіемъ томящейся дикости.—Сколько тебѣ лѣтъ, несчастное дитя? спросилъ я.—Не спрашивай меня о моихъ лѣтахъ, отвѣчала она съ полутоскливымъ, полунахальнымъ смѣхомъ:—еслибъ даже я была въ тысячу разъ моложе, то и тогда оставалась бы довольно старою! Но на дворѣ становится все холоднѣе и холоднѣе, меня одолѣваетъ дремота, и если ты одолжишь мнѣ свое колѣно въ видѣ подушки, то очень обяжешь твою покорную слугу...

Между тѣмъ, какъ она лежала у меня на колѣняхъ, и по временамъ храпѣла во снѣ, точно умирающая, подруги ея вели шопотомъ всевозможные разговоры, изъ которыхъ я понялъ очень мало, потому что греческій языкъ, на которомъ онѣ говорили, былъ совсѣмъ не тотъ, которому я учился въ школѣ, и потомъ у старика Вольфа... Только и могъ я понять, что онѣ жаловались на дурныя времена и боялись, что они сдѣлаются еще хуже, и намѣревались уйти еще дальше въ лѣсъ.... Вдругъ въ отдаленіи раздались грубые крики черни... Она кричала, не помню уже, что... Мои прекрасныя женщины становились все блѣднѣе и блѣднѣе, пока, наконецъ, совершенно расплывались въ туманѣ, и самъ я, зѣвая, проснулся.

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

СЛУШАЙ.

Какъ дѣло измѣны, упавшая рано
　　Осенняя ночка черна...
Чернѣй этой ночи встаетъ изъ тумана
　　Видѣніемъ мрачнымъ тюрьма;
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво,
　　Въ ночной тишинѣ то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
　　　　　　Слу-шай!

Хоть плотны высокія стѣны ограды,
　　Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды,
　　И всюду сверкаютъ штыки,
Хоть тихо внутри, — но тюрьма не кладбище,
　　И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище,
　　　　　　Слу-шай!

Вотъ узникъ вверху за рѣшоткой желѣзной
　　Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной,
　　Весь словно впился въ тишину...
Ни звука!... порой лишь собака зальется,
　　Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
　　　　　　Слу-шай!

«Не дни и не мѣсяцы — долгіе годы
  Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы —
  Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать!...
Здѣсь штыкъ или пуля — тамъ воля святая, —
  Эхъ, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!»...
      Слу-шай!

Чу!... шелестъ... вотъ кто-то упалъ... приподнялся...
  И два раза щелкнулъ курокъ...
«Кто идетъ?»... тѣнь мелькнула—и выстрѣлъ раздался,
  И ожилъ мгновенно острогъ;
Огни замелькали, забѣгали люди...
  «Прощай жизнь, свобода прощай!»...
Прорвалося съ воплемъ изъ раненой груди...
      Слу-шай!...

И снова все тихо... на небѣ [illegible]
  Луна показалась на мигъ,
И словно сквозь слезы изъ тучъ поглядѣла,
  И скрыла заплаканный ликъ...
Внизу жь часовые шагаютъ лѣниво,
  Въ ночной тишинѣ то и знай,
Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:
      Слу-шай!...

Ив. Г. — н.

КАЗАКИ.

Деревенская сцена.

Въ куравинскомъ волостномъ правленіи получена была на имя волостнаго головы бумага такого содержанія:

«По случаю слѣдованія по тракту, пролегающему чрезъ куравинскую волость, его сіятельства, графа Сухобродова, имѣешь ты немедленно озаботиться о томъ, чтобы дороги, равно мосты и гати находились къ 13-му числу сего мѣсяца въ исправности и надлежащемъ порядкѣ; а такъ какъ его сіятельство во время перемѣны лошадей въ селѣ Куравинѣ будутъ имѣть обѣденный столъ, то вмѣняется тебѣ въ непремѣнную обязанность сдѣлать зависящее распоряженіе и строжайше внушить сельскимъ старостамъ, сотскимъ и десятскимъ, дабы они не препятствовали крестьянамъ означенной волости встрѣтить его сіятельство съ хлѣбомъ-солью. Если же которое либо сельское общество въ отдѣльности, или всѣ вмѣстѣ пожелаютъ отслужить напутственное молебствіе о здравіи его сіятельства, или, отпрягши лошадей, везти экипажъ его сіятельства на себѣ, то и сему такъ же не препятствовать; но о таковомъ желаніи крестьянъ донести мнѣ лично, для чего имѣешь ты явиться ко мнѣ въ городъ.»

Волостной писарь, получивъ это предписаніе, послалъ сейчасъ же сторожа за головою. Сторожъ нашелъ голову на пчельникѣ, гдѣ онъ сидѣлъ на корточкахъ у венька, весь обмотанный тряпками, и подкуривалъ пчелъ. Лицо у него тоже все было завязано тряпицею съ дырами для глазъ.

— Что тамъ еще? закричалъ голова, недовольный тѣмъ, что ему помѣшали.

— Идите проворнѣй, — бумага пришла. Нужно, говорилъ сторожъ, отмахиваясь отъ пчелъ.

— Тьфу-ты! пропасти на васъ нѣтъ съ бумагами-то совсѣмъ, говорилъ голова изъ подъ тряпки. — Отроиться не дадутъ.

Однако черезъ нѣсколько времени онъ пришолъ въ правленіе. Писарь прочелъ ему бумагу. Голова слушалъ молча и глядя въ землю.

— Понялъ? спросилъ писарь.

— Понялъ. Ну-ка, прочитай-кась еще.

Писарь еще разъ прочелъ:

— Такъ, сказалъ голова. — Ну, чтожь теперь дѣлать?

— Больше ничего, что поѣзжай въ городъ.

— Въ городъ, повторилъ голова — и вздохнулъ; потомъ сталъ чесать въ затылкѣ; чесалъ, чесалъ, наконецъ сказалъ: — тьфу-ты! и ушелъ. Однако сейчасъ же опять вернулся.

— Чтожь это такое значитъ? Иванъ Митричъ, скажи ты на милость, спросилъ онъ у писаря.—Господи!

— Да ничего! Что ты? Поѣзжай, скажутъ.

— Знаю я, что скажутъ, да... ахъ ты!—главная это досада, пчела. Такая пчела, я тебѣ скажу,—сила! Съ роду я такой пчелы не видалъ. Только было сталъ подсаживать. Матка настоящій какъ быкъ реветъ. Да вѣдь какая обида-то:—намедни еще въ лѣсу три пенька поставилъ.

— Это точно, что обидно, подтвердилъ писарь.

— А ты какъ думалъ? Теперь, братецъ мой, пчелѣ самый ходъ, а ты въ городъ. Ахъ, Боже мой! Я онамедни лекарю говорю: — нѣтъ, говорю, мнѣ счастья на пчелъ, хоть ты что хочешь. Нѣту, нѣтъ.

— Что дѣлать, служба, замѣтилъ писарь и сталъ вносить «входящую» въ настольный регистръ.

— Служба? А я про чтожь? Самая наша каторжная жисть. Вотъ лѣтошній годъ тоже было охоту завелъ, — гусей; ну, бросилъ. Охъ, такъ какъ же насчетъ бумаги-то?

— Говорятъ тебѣ, что скажутъ.

— А отписаться нельзя?

— Нельзя. Поѣзжай лучше безъ разговору.

— И поѣдешь. Ничего нельзя сдѣлать, говорилъ про себя голова, уходя изъ правленія.

Вернувшись домой, онъ убралъ пчелъ, новую матку въ пустой пенекъ отсадилъ и велѣлъ сыну неотходить отъ нея; потомъ запрягъ лошадь, постоялъ среди двора, подумалъ, залѣзъ въ тележку, сказалъ самъ себѣ: въ городъ, и поѣхалъ.

Народъ въ это время былъ весь почти въ полѣ на жнитвѣ, а потому никто и не зналъ о полученной бумагѣ. Только писарь

сходилъ къ дьячку, да еще сторожъ болтнулъ цѣловальничихѣ, что по дорожному дѣлу голову потребовали въ городъ. Однако мужики, вернувшись на ночь домой, ужь узнали, что дѣло не ладно. Сейчасъ одна старушонка накинула зипунишка и побѣжала къ другой.

— Охъ, мать, бѣда!

— Какая бѣда?

— И–и! Такая–то бѣда и неслыханная. Ты что знаешь? Вѣдь голова-то въ городъ уѣхалъ.

— Что такъ?

— Да, слышь, грамоту прислали, чтобы тысь всѣмъ міромъ молебствіе служить, потому, слышь, дорогу такую хотятъ строить, чтобы на людяхъ возить.

— Полно.

— Сейчасъ провалиться.

— Ахъ, Господи!

— Да еще какой грѣхъ-то, мать ты моя. Который, слышь, ежели везть не захочетъ, станетъ упираться, — того сейчасъ къ лошадиному хвосту привяжутъ и по чисту полю размычутъ.

— М—мъ! Царица Небесная!

— Послѣдніе наши денечки пришли.

Старухи сѣли рядышкомъ на лавку и стали причитать, какъ надъ покойникомъ.

А дьячокъ какъ свидѣлся съ другомъ своимъ, съ цѣловальникомъ, такъ и пошелъ всѣхъ останавливать на улицѣ, говоря:

— Братцы! Постоимъ за вѣру православную! Что же? Неужли нам передъ батюшкой-царемъ свиньями себя показать?

— Это въ казаки что ли? спрашивалъ на улицѣ одинъ мужикъ у другаго.

— Въ казаки. Къ усиленьему дню, чтобы тысь въ готовности быть, одно слово.

— Да, да, да. Это конные?

— Ужь одно слово,—казаки.

— Ну, такъ, заключилъ мужикъ и пошелъ дальше.

Въ кабакѣ ужь стонъ стоялъ.

— Какъ же такъ это, братцы, на людяхъ возить станутъ? спрашивалъ одинъ мужикъ у другаго.

— Какая же это такая правила?

— Такая, стало быть, и есть, отвѣчалъ ему другой.

— Да гдѣжь она показана, эта самая правила?

— Нигдѣ не показана. А вотъ запрягутъ, и повезешь.

— Ври больше!

— Вотъ тогда узнаешь.

— Это вѣрно, замѣтилъ третій. Запрягутъ, извѣстно, повезешь.

— Ничего не сдѣлаешь, подтвердили всѣ.

— А вотъ я такъ не повезу, вдругъ выискался одинъ бездомный мужичонка.

— Какъ такъ?

— А такъ, что не повезу. Сейчасъ упаду на земь—и шабашъ.

— Упадешь! Какъ же! Нѣтъ, тамъ тоже на вашего брата поди чай какой кнутъ припасенъ!

— Упадешь. Ишь ты ловокъ!

— Да что ты кнутомъ-то своимъ со мной сдѣлаешь? настаивалъ мужичонка.—Ну, бей! Побьютъ, побьютъ и отстанутъ. Я сейчасъ духъ въ себя вберу и не дышу. Вотъ гляди! Мужикъ хлопнулся объ землю и прикинулся мертвымъ. Однако другіе вступились:

— Нѣтъ, это чтожь, братцы, это такъ скверно. Нѣтъ, у насъ чтобы безъ обману: ужь коли везть, такъ везть всѣмъ міромъ, а то на-ка что!

— Эдакъ, пожалуй, всякій захочетъ: объ земь хлопнулся — разъ! и кончено.

— Нѣтъ, братцы, такъ не годится. Трушка, чортъ, вставай! Гдѣ тутъ палка-то у насъ?

Трушка вскочилъ и убѣжалъ.

Мужики тоже пошли вонъ изъ кабака, но на улицѣ въ разныхъ мѣстахъ толпился народъ, впрочемъ, о дорогѣ скоро совсѣмъ бросили разсуждать. Объ этомъ пуще всего бабы горячились. Ну, да мужики имъ мало вѣрили, потому что бабы стали разсказывать совсѣмъ ужь несообразныя дѣла.

Одинъ мужикъ пришелъ домой, видитъ, баба сидитъ на порогѣ, воетъ.

— Что ты, дура, воешь?

— Охъ, головушка горькая!

— Чѣмъ горькая-то?

— Да вѣдь я синельщику холстину-то отдала.

— Ну что жь, что отдала?

— Теперь небось отъ синельщика-то одни косточки остались.

— Почему такъ?

— Да вѣдь его къ хвосту привязали.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Бабы сказывали.

— О, дура! Поди ужинать сбирай.

А многія бабы, какъ услыхали про дорогу, такъ стали сбираться. Все свое тряпье уложили въ коробья и попрятали, кто на гумно въ солому, кто въ подполицу. Одна баба схватила топоръ и все свое добро изрубила.

Мужъ пришелъ:

— Ахъ ты, окаянная! Что ты надѣлала?

А баба такъ и кромитъ новыя рубашки, чтобы никому не доставались.

— Начто ты доброе-то искромила?

— Да куда жь его беречь! Какъ эдакая страсть придетъ, что тогда? Ничего не унесешь.

— Какая страсть-то?

— А Богъ ее знаетъ, какая!

На другой день утромъ рано голова вернулся изъ города, а ужь его старуха съ невѣсткою всѣ свои коробья въ лѣсъ перетаскали, сами надѣли котомочки съ хлѣбомъ и собрались уходить.

— Куда вы?

— А въ лѣсъ.

— Зачѣмъ?

— Корониться.

— Отъ кого корониться?

Бабы и не знаютъ.

Голова, какъ пріѣхалъ, такъ, первое дѣло, сходилъ на пчельникъ, поглядѣлъ, не отроился ли новый рой, а потомъ сейчасъ же велѣлъ десятскимъ народъ скликать на сходку. Старухи еще пуще стали выть. Мужики собрались всѣ у правленія, а бабы столпились позади ихъ. Вышелъ голова.

— Здравствуйте, православные!

— Здравствуйте, Прохоръ Степанычъ, сказали мужики.

Голова посмотрѣлъ вокругъ.

— Бабы, пошли прочь отсюда!

Бабы стали присѣдать и прятаться.

— Пошли домой! Робята, гоните бабъ.

— Ну васъ! закричали мужики.

Но бабы не шли.

— Постой! сказалъ одинъ десятскій; выдернулъ изъ плетня колъ и началъ махать имъ на бабъ. Другой десятскій сбѣгалъ въ правленіе и принесъ метлу; и прогнали бабъ.

Голова не вдругъ могъ собраться съ мыслями, наконецъ сказалъ:

— И что теперича я вамъ скажу, старички почтенные.

Мужики слушали, но голова затруднялся и не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

— Да ужь ты не томи насъ, заговорили мужики.

— И вотъ я вамъ скажу, началъ опять голова: — отъ начальства приказъ. И, какъ типеричe, значитъ, весь міръ, которые всѣ православные христіяне у престола Всевышняго Творца все равно, какъ вѣрные рабы. Такъ будемъ говорить: — вотъ хучь бы ты, Пахомъ Игнатьичъ, — какъ ты сейчасъ передъ заступницей царицей небесной, такъ все одно...

Но на этомъ словѣ его перебили.

— Да ужь ты сказывай что ли, по многу ли съ души-то. По гривнѣ, что ли?

— Нѣтъ, не по гривнѣ, а больше ничего, что ежели теперь кто слово,то велѣно въ городъ представлять. Вотъ и все. А какъ, значитъ, міръ, то, чтобы все въ порядкѣ, не какъ прочіе, а такъ надо стараться, чтобы какъ лучше.

— Да ты это про что?

— А все про то, что мосты мостить.

— Это на что жь такъ?

— А на то, что велѣно. И еще дорогу ровнять, всѣ выбоины землей закидать, а въ трясину хворосту навозить, — потому начальство поѣдетъ, такъ, чтобы мнѣ изъ-за васъ въ отвѣтѣ не быть.

— Такъ бы ты и говорилъ! А еще что?

— А еще ничего. Когда скажутъ, тогда и узнаете.

Мужики задумались.

— Да говори! Чего мяться-то? спросили нѣкоторые.

— Не знаю. Говорятъ вамъ, не знаю.

— Ну, полно, Прохоръ Степанычъ. Да ты хоть такъ, намекни.

— Чтожь, мы тебя не выдадимъ. Не опасайся.

— Сказывай скорѣй! Въ казаки что ли? крикнулъ кто-то сзади.

— Въ какіе казаки?

— Да ужь знаемъ, въ какіе. Мы, братъ, ужь это все узнали. Ты насъ не морочь.

— Что вы, черти? Съ ума вы спятили? Какіе казаки?

— Нѣту, братъ, загалдили мужики. — Насъ тоже на кривой-то не объѣдешь.

— Вотъ окружной узнаетъ, онъ вамъ такихъ казаковъ задастъ!

— Толкуй! окружной! Ступай, сказывай окружному. Окружной!... Эй, робята, кто въ кабакъ? — Тамъ всѣ дѣла разберемъ.

Сходка разошлась. Въ кабакѣ дѣйствительно всѣ дѣла разобрали и на томъ порѣшили, чтобы послѣдній разокъ послужить, дорогу сравнять, хворосту навозить, а потомъ въ казаки. Хлѣбъ такъ въ полѣ и покинули.

— Не замай, птица поклюетъ, разсуждали мужики.—Птица-то, вѣдь она тоже ѣсть хочетъ. А насъ Господь напоитъ, накормитъ. И безъ этого хлѣба живы будемъ. Мы и такъ довольны. Слава тебѣ Господи!

Одинъ мужикъ пришелъ къ головѣ и сказалъ ему:

— Мы, братъ, тобой довольны. Пойдемъ, я тебѣ косушечку поднесу.

Бабъ хотя и прогнали со сходки, но онѣ все-таки сзади подкрались къ мужикамъ на четверенькахъ и все слышали. Мужики поѣхали въ лѣсъ за хворостомъ, а бабы повязались красными платками, пошли канавки рыть, дорогу ровнять и весь день на работѣ пѣсни играли. На ночь всѣ мужики опять собрались къ волостному правленію и послали за писаремъ, а сами припасли ведро вина. Пришелъ писарь, мужики его обступили. Одинъ взялъ его за плечо и сказалъ:

— Вотъ что, братъ, Иванъ Митричъ, ты слушай: мы тебѣ ведро вина и три цѣлковыхъ деньгами, а ты, чтобы все по нашему. Понимаешь?

— Ну, только чуръ, чтобы не вилять, прибавили остальные.

— Да что вамъ нужно-то?

— Пиши насъ въ казаки!

— Какъ въ казаки?

— Такъ и пиши, что желаемъ, охотой идемъ. Что, молъ, такъ и такъ вотъ, мужички очинно желаютъ.

— Гм! сказалъ писарь.—Какъ же я васъ буду писать?

— Ужь это твое дѣло. Мы, братъ, что слѣдуетъ, мы отъ свово слова не отопремся. Сказано,—кончено дѣло.

— Да это что говорить, подтвердили всѣ.

— Ужь это вѣрно, безъ обману. Сказано, три цѣлковыхъ деньгами, ведро вина и шабашъ. Чтобы безъ разговору.

— Понимаю я все это, понимаю.

— Ну, а коли понимаешь, такъ, значитъ, и толковать нечего. Получай и пиши.

— Написать, отчего не написать, это не трудно; да что тол-

ку-то изъ этого? Положенія такого нѣтъ, чтобы въ казаки записывать.

— Нѣтъ, есть, вступился мужикъ.

— Гдѣ оно есть-то?

— Извѣстно гдѣ. Да ты намъ этого не толкуй. Мы тоже слыхали довольно слова-то эти. Мы, братъ, тоже не глупѣй тебя, загалдили мужики.

— Ишь, дураковъ нашелъ! Положеніе! Какъ нѣтъ положенія? Сказано, въ казаки, ну, и...

— Ну, и что? спросилъ писарь.

— Ну, и ерникъ ты, и нечего съ тобой толковать, закричалъ мужикъ.

— Ерникъ и есть, подтвердили остальные.—Это все у нихъ одна шайка подобрана.

— Черти! закричалъ писарь.—Чтожъ, мнѣ изъ-за васъ подъ судъ идти, что ли? Аль мнѣ жысь не мила?

— На что подъ судъ! А ты говори дѣло. Мало тебѣ ведра, ну, два поставимъ, а не то—три. Мы изъ-за этого не постоимъ.

— Ахъ, вы оглашенные! Что мнѣ съ вами дѣлать? Слушайте вы!...

— Нѣтъ, ты слушай, что мы тебѣ говоримъ, а намъ тебя слушать нечего. Бери деньги и пиши; а не хочешь,—мы другаго найдемъ.

— Ну, и ищите.

— Ну, и найдемъ. А ты думалъ не найдемъ?

— И чортъ съ вами совсѣмъ! Сами лѣзете въ омутъ головой. Туда вамъ и дорога.

— Ступай къ кобылѣ подъ хвостъ, сказали мужики.

Писарь плюнулъ и пошелъ домой.

Мужики стали разсуждать промежь себя:

— Цѣлковый накинуть можно. Волки его ѣшь!

— Чортъ его дери, такъ и быть, накинемъ. Ребята, верните его! Эй! закричали они писарю вслѣдъ. — Бери четыре цѣлковыхъ, чортъ съ тобой. Гляди сюда: вотъ они! Но писарь махнулъ рукой и пошелъ дальше.

— Наплевать, сказали мужики.

Кто-то присовѣтовалъ:

— Посылайте за дьячкомъ!

Послали, но посланные вернулись безъ дьячка,—нейдетъ.

— Пойдемте сами къ нему.

Пришли.

— Ты чтожь, долгогривый шутъ, нейдешь?

— А вотъ постойте, братцы, я къ батюшкѣ схожу—спрошусь.

— Не ходи!

— Нѣтъ, никакъ нельзя, надо спроситься.

— Ну, пути не будетъ, сказали мужики.

Пошелъ дьячокъ къ попу и пропалъ. Ждали, ждали, нѣтъ дьячка.

— Ахъ, дуй те горой! Сходите, робята, къ попу, покличьте дьячка!

Одинъ паренъ выискался, пошелъ, подкрался изъ переулочка къ поповскому дому, заглянулъ въ ворота, видитъ, попова работница стоитъ, рубашки вѣшаетъ.

— Эй! слышь ты, умница!

— Что ты?

— Выдь сюда! У! дура! что ты боишься?

Работница поглядѣла кругомъ и вышла.

— Гдѣ у васъ дьячокъ?

— А онъ на гумнѣ лежитъ, въ солому зарылся.

— А, чтобъ те прострѣлило! Какъ быть, братцы мои? разсуждали мужики, все еще стоя у правленія.

Вотъ ѣдетъ мимо въ телѣгѣ мужикъ, изъ сосѣдней деревни торгашъ.

— Что вы тутъ стоите? здравствуйте братцы!

— Здорово, отвѣтили мужики.

— Аль драть кого хотятъ? спросилъ торгашъ.

— Зачѣмъ баловаться, отвѣтили мужики.

— Не все драть: пора это оставить, замѣтили другіе.

— Чего жь вы дожидаетесь?

— Да вотъ дѣла тутъ у насъ, нехотя отвѣтили мужики.

— Какія дѣла?

— А списки подавать хотимъ, охотой въ казаки идемъ.

— Да, да. Такъ чтожь? зачѣмъ дѣло стало?

— Ни за чѣмъ не стало. Мы хошь сейчасъ, а главная причина, грамотѣя такого не найдемъ.

— Писарь-то чтожь?

— А ну его! Толковать еще съ ёрникомъ. Ты не слыхалъ ли, братъ, тутъ гдѣ человѣчка такого, пописьменнѣе? Очень было намъ нужно.

Торгашъ сталъ думать.

— Да вотъ нешто Поликашку-кантониста къ вамъ послать. Такая-то петля! Его тоже за эти дѣла пужали не мало.

— Подавай его сюда! закричали мужики въ одинъ голосъ.— Бѣгите, робята, проворнѣй лошадь запрягать, за Поликашкой.

— Какой такой Поликашка? спрашивали подходя остальные мужики.

— Да кантонисъ.

— Ахъ, въ ротъ тѣ, кантонисъ! замѣчали мужики и всѣ пошли къ кабаку.

За полночь того же дня, въ кабакѣ, за перегородкою — сидѣлъ у стола кантонистъ. Передъ нимъ лежалъ листъ бумаги и полтинникъ денегъ. Тутъ же стояла свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, чернильница и полштофъ водки. Вокругъ стола толпились мужики. За перегородкою было жарко и тѣсно; мужики отирали съ лица потъ, вздыхали и пристально глядѣли на бумагу. Они молча по одиночкѣ подходили къ столу, получали отъ кантониста перо и каждый ставилъ на бумагѣ по три креста. Въ дверяхъ виднѣлся цѣловальникъ въ ситцевомъ фартукѣ, со сложенными на груди руками, и полки съ посудою. На потолкѣ гудѣли мухи. Въ отворенное окно слышно было, какъ кто-то неподалеку разсуждалъ:

— Ну, надѣлаете вы дѣла. Помяните мое слово.

А дѣвки всю ночь пѣсню орали:

«Какъ на рѣчкѣ на Дунаѣ,
«Тамъ казакъ коня поилъ.

Прошло три дня. Все это время мужики изъ кожи лѣзли, старались: дорогу сравняли, гать завалили хворостомъ и пескомъ усыпали, мосты поправили, возлѣ дороги канавъ нарыли и дерномъ обложили. Пріѣхалъ окружный, собралъ мужиковъ и началъ ихъ учить, какъ графа встрѣчать: отобралъ пять человѣкъ стариковъ повиднѣе, велѣлъ имъ разчесать бороды и одѣться получше. Двое должны были поднести хлѣбъ-соль, а остальные трое — мѣстное произведеніе,—дугу. Прочимъ мужикамъ сказано было, что какъ только окружный махнетъ рукой, то чтобы шапки вверхъ кидать и кричать ура. Кромѣ того еще двоихъ отрядили верховыхъ встрѣчать, одинъ за мостомъ долженъ стоять, а другой за полверсты отъ села на дорогѣ, и только завидятъ графскій экипажъ, сейчасъ должны скакать сломя голову въ село. А когда графъ будетъ уѣзжать, то всѣ

должны броситься, отпрячь лошадей и по всему селу провести экипажъ на себѣ. Ребятишекъ на этотъ случай велѣно всѣхъ убрать и на улицу ни подъ какимъ видомъ не пускать; куръ, гусей и собакъ тоже всѣхъ запереть. Распорядившись такимъ образомъ, окружный сѣлъ въ тарантасъ и собрался было ѣхать въ городъ, вдругъ видитъ, что съ поля гонятъ стадо домой. Онъ велѣлъ кучеру остановиться и закричалъ пастуху:

— Эй, ты! какъ тебя? Пастухъ! Пастухъ остановился и снялъ шапку.

— Чего изволите?

— Слушай! Завтра ты скотину домой не загоняй, покуда я тебѣ не велю! Слышишь?

Пастухъ глядѣлъ на окружнаго и хлопалъ глазами.

— Слышишь, что я тебѣ говорю?

— Слышу, отвѣтилъ наконецъ пастухъ. — Какъ не уйдетъ, такъ не пригоню, а какъ ежели уйдетъ, что съ ней сдѣлаешь? Вѣдь она скотина.

— А я тебѣ говорю, не пускай! Какой же ты пастухъ послѣ этогѣ?

— Это точно, только... Эй, Іоська! закричалъ онъ подпаску. — Верни овецъ! Трръ—ря! Вотъ позвольте, что я вашей милости доложу!

— Ну!

— Вотъ вы изволите приказывать, не пущай; ну, какъ вамъ угодно, а я съ свиньями плачу.

— Объ чемъ же ты плачешь?

— Да какъ же? помилуйте! Эта свинья — хуже ея нѣтъ. Теперь стадо-то еще вонъ дѣ, въ полѣ, а ужь свинья дома. Ужь у ей такая привычка. Какъ ей часъ пришелъ, такъ ужь въ тотъ разъ ее ни съ чѣмъ не удержишь, уйдетъ и уйдетъ. А тутъ и вся скотина за ней. Такъ-то.

— Ну, мнѣ тутъ некогда съ тобой толковать. Сказано тебѣ и кончено, тамъ какъ знаешь. Умирай съ ними въ полѣ, а не пускай! отвѣтилъ окружный и поѣхалъ.

— Слушаю-съ, сказалъ пастухъ, поправилъ кнутъ на плечѣ и пошелъ, потомъ оглянулся на тарантасъ окружнаго, надѣлъ шапку и крикнулъ на овецъ: — гай-ди, ры!...

Наканунѣ же, съ вечера пріѣхалъ поваръ съ кухнею и помѣстился въ волостномъ правленіи. Онъ сейчасъ же потребовалъ дровъ одну сажень, куръ восемь штукъ, яицъ полсотни и три ведра

молока. Когда все было принесено, поваръ надѣлъ куртку, колпакъ и сталъ готовить. Бабы весь вечеръ такъ отъ правленія и не отходили: все глядѣли въ окна.

Наступило 13 число. Бабы чуть свѣтъ вскочили — печи затоплять, париться, а мужики дегтемъ сапоги стали мазать. Собралось начальство: голова, сотскіе, десятскіе, и пошли стариковъ снаряжать; голова дугу принесъ новую, всю расписанную, въ городѣ купилъ. Пришли всѣ въ правленіе, а потомъ за стариками пошли. Старухи какъ увидали, такъ хлопнулись объ земь и стали вопить.

— Охъ, вы на–ши кор–ми–и–лецы! Охъ, и кор–ми–ле–цы, по–и–илецы!

— Полно вамъ, дуры! закричалъ на нихъ голова.

— Ахъ, да на ко–го жь вы насъ по–ки–нули!

— Говорятъ, перестань! кричалъ голова, дергая одну старуху за руку. — Вотъ окружный пріѣдетъ, онъ вамъ уже дастъ вопить!

— Охъ, и батюшка, ты нашъ Про-хоръ Сте-па-а-нычъ! продолжала старуха, валяясь по землѣ.

— Ну ихъ! сказалъ наконецъ голова. — Пойдемте, старички! Авось живы будемъ. Ну, съ Богомъ!

Повели стариковъ.

— Ты, дядя Матвей, не опасайся, говорилъ одинъ парень на ухо старику. — Коли ежели чуть что, выручимъ.

— Все божья воля, сказалъ старикъ и вздохнулъ.

А бабы разсуждали:

— Вотъ вѣдь по нашему и вышло. Ишь ты, запрягать повели.

Когда взошли всѣ въ правленіе, голова сказалъ:

— Ну, старички, молитесь Богу!

Старики стали молиться. Послѣ того голова велѣлъ ихъ запереть въ чуланъ и приставилъ къ нимъ двухъ сторожей съ дубинками; а еще двухъ парней, которые побойчей, отрядилъ верховыми и послалъ на дорогу графа высматривать. Потомъ всѣ разошлись. Голова, вернувшись домой, велѣлъ своей старухѣ пироги сажать, самъ пошелъ на пчельникъ, меду цѣлую корчагу принесъ и поставилъ на столъ.

— Ты у меня смотри, говорилъ онъ своей женѣ.—Ноне къ намъ графъ кушать безпремѣнно обѣщался. Потить за водкой

послать. Ѳедька, бѣги проворнѣй, четверть возьми сладкой! Слышишь? говорилъ онъ сыну. — Онъ поди чай, окромя сладкой, никакой не пьетъ. А то нѣтъ, постой! четверть мало. Да что тутъ толковать: возьми полведра. Да вотъ что: старуха!

— Чего?

— Поди, изъ анбара принеси пряники, что я онамедни купилъ въ городу, и орѣхи захвати. Все на столъ становь, говорилъ голова, вытирая столъ полою кафтана.

Въ это время къ окну подъѣхали верховые. Голова вышелъ на крыльцо.

— Прохоръ Степанычъ, намъ тоже по дубинкѣ взять? спросилъ его одинъ.

— На что?

— Да какъ же? нельзя. Въ случаѣ что...

Голова задумался.

— А я было какую дубинку вырѣзалъ, сказалъ другой.

— Ну, чтожъ? Ну, возьмите! сказалъ голова. — Трогай!

Парни поскакали.

Приходитъ къ головѣ мужикъ:

— Прохоръ Степанычъ!

— Чего тебѣ?

— Очень ужъ у меня хомутъ хорошъ. Шлея сыромятная, здоровая. Продаю.

— На кой мнѣ его?

— А для стариковъ. Какъ же безъ хомута?

Голова его прогналъ.

А у кабака народъ все прибывалъ. На завалинкѣ сидѣлъ Поликашка-кантонистъ, вокругъ него толпились мужики.

— Тепериче вы, братцы мои, говорилъ Поликашка:—и глядите. Какъ онъ изъ стола будетъ вылѣзать, тутъ вы сейчасъ ему подъ веселую руку и подайте.

— А окружному не сказывать? спрашивалъ одинъ мужикъ.

— Экъ ты! Окружной, чтобы ни Боже мой не зналъ. Онъ тебя туда запрячетъ, что ты и не выдерешься.

— Такъ, такъ, говорили мужики. — Ну, кому жь теперь эту самую бумагу беречь? Давайте конаться.

— Зачѣмъ конаться, а надо такъ, кто старще. Пётра! тебѣ много ли годовъ?

— Кто ихъ считалъ? Я по чемъ знаю.

— Ну, значитъ, тебѣ, Максимъ Иванычъ. Ишь, борода у те какая!

— Нѣтъ, я не возьму.

— Что такъ?

— Я боюсь.

— А, дуракъ-чортъ!

— Стойте, ребята! никому не отдавайте! Что я задумалъ?

— Ну, что?

— Въ землю зарыть.

— Эво-ся! собаки выроютъ.

— А мы камнемъ завалимъ.

— И то. Несите, братцы, заступъ, да тряпицу захватите почище!

— Постой, я онучи принесу.

— Онучи негодятся. Тутъ надо платокъ. Стащите кто нибудь у бабы платокъ.

— Ахъ, вы, головы! Платокъ! Порядку не знаютъ. Нешто можно въ платокъ? Въ законѣ какъ показано?

— Какъ?

— Тамъ прямо показано: въ чистое, говоритъ, полотенце завернуть и съ молитвой...

— Да ты почемъ законъ-то знаешь? Нѣшь ты попъ?

— Попъ не попъ, а знаю.

— Поди къ чорту!

Принесли заступъ, завернули бумагу въ платокъ, зарыли у кабака и камнемъ завалили, а сами пошли въ кабакъ. Тѣмъ временемъ одна старуха пробиралась въ волостное правленіе, къ чулану, гдѣ сидѣли старики. Сторожа ее гонятъ.

— Батюшки, голубчики! просила старуха.

— Что тебѣ нужно?

— Да мнѣ старика-то мово поглядѣть. Хошь однимъ бы глазкомъ глянуть на него.

— Ступай! ступай! закричали на нее сторожа.

— Родимые вы мои! Пустите, въ щелочку посмотрѣть.

— Не велѣно. Ступай!

Старуха вытащила изъ-за пазухи двѣ лепешки и подала сторожамъ говоря:

— Вотъ хошь лепешечки-то ему отдайте. Можетъ пожуетъ. Прохорычъ! да живъ ли ты? крикнула старуха.

— Живъ, отвѣтилъ въ чуланѣ старикъ.

— Ахъ, кормилецъ! вскрикнула старуха и залилась слезами.

Около полудня прискакалъ становой, покричалъ, покричалъ и уѣхалъ; за нимъ вслѣдъ исправникъ, потомъ окружной. Суета пошла по селу, бѣготня; ребятъ всѣхъ попрятали, старухи забились по угламъ. Исправникъ кричитъ: лошадей! Окружной кричитъ: десятскихъ сюда! старики съ хлѣбомъ-солью впередъ! Бабъ и дѣвокъ поставить на выгонѣ, хороводы водить! Мужиковъ сюда, больше! хромые и увѣчные пошли домой! Бабы, которые постарше, тоже домой. Десятскіе, по мѣстамъ!

Пока окружной приводилъ все въ порядокъ, прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что графъ будетъ только къ вечеру чай кушать. Не смотря на это, мужикамъ не велѣно отлучаться съ мѣста. Такъ всѣ и простояли до вечера. Наконецъ часу въ восьмомъ завидѣли парня, скачущаго во весь духъ къ селу.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! загудѣли мужики.

Толпа зашаталась, перекрестилась и тронулась навстрѣчу графу.

— Нну! что Богъ дастъ!...

Впереди шелъ окружной, занимъ голова въ форменномъ кафтанѣ и сотскіе съ бляхами; потомъ два старика съ хлѣбомъ-солію и три старика съ дугою. За ними двигалась толпа мужиковъ. Въ сторонкѣ на выгонѣ кучей стояли бабы и дѣвки.

— Списки-то здѣсь что ли? спрашивали шопотомъ въ толпѣ.

— Ужь они, братъ, въ кабакѣ давно. Трушка подастъ. Его теперь такъ-то виномъ накачиваютъ — для смѣлости.

— Шапки вверхъ кидай! Но! робята, не робѣй! Ура! о! у!

Полетѣли шапки. Графъ, сидя въ коляскѣ, кланялся. Окружной къ нему подлетѣлъ...

— Лошадей! сказалъ графъ.

— Его сіятельство чай кушать не будутъ. Сейчасъ ѣдутъ, говорилъ окружному графскій лакей.

Въ это время подошли къ коляскѣ сельское начальство и выборные отъ крестьянъ.

— Вассс... зачастилъ окружной.—Осчастливьте! Народное чувство, вассс... дерзнули...

— Благодарю, благодарю, сказалъ графъ.

— Мѣстное произведеніе, вассс... сказалъ окружной, указывая на стариковъ съ дугою.

— А! это хорошо. Радъ.

— Проворнѣй лошадей! кричалъ графскій лакей.

Изъ кабака въ это время вышли два мужика, ведя подъ руки Трушку, съ бумагою въ рукахъ.

— Мотри, не робей! толковали ему мужики.

— Ну, вотъ! Гдѣ онъ тутъ? давай его сюда! кричалъ Трушка.

— Тише, дьяволъ! унимали его мужики.

— Э! пропадай Трушкина голова!...

Лошадей привели такихъ, что шесть человѣкъ удержать не могутъ. Окружной макнулъ дѣвкамъ, валяй! Дѣвки затянули пѣсню. Лошадей въ одну минуту запрягли, и все вышло какъ слѣдуетъ. — Прикажете начинать? спросилъ голова шопотомъ у окружнаго.

— Начинай!

—Эй! робята, на себя!

— Ура-а! заревѣли мужики и бросились отпрягать лошадей. Давка пошла. Вожжи оборвали...

— Ненадо! ненадо! милостиво улыбаясь говорилъ графъ.

А Трушка между тѣмъ ужь лѣзъ въ коляску съ бумагою.

— Ты куда? крикнулъ на него окружной, въ одинъ мигъ вырвалъ у него бумагу и спряталъ, такъ что графъ и не видалъ. Еще не успѣли отпрячь лошадей, вдругъ видитъ окружной, что съ поля бѣгутъ свиньи: одна, другая, третья, а за ними безъ шапки, съ кнутомъ, вылупя глаза, пастухъ; за пастухомъ овцы и коровы, хвостъ къ верху, ревъ, блѣяніе, визгъ... Налетѣли и подъ ноги лошадямъ. Лошади взбѣсились, вырвались и понесли. Мужики за ними: держи! держи!...

Наконецъ поймали, запрягли. Графъ, перепуганный и недовольный, уѣхалъ.

Когда все кончилось, окружной велѣлъ мужикамъ собраться къ правленію и вышелъ на крыльцо; въ рукахъ у него были *списки*.

— Ну-ка, голубчики! Кто въ казаки желаетъ, выходи сюда! сказалъ окружной.

Мужики опустили головы.

В. СЛѢПЦОВЪ.

***

(съ англійскаго).

Грусть щемитъ мнѣ сердце и душа тоскуетъ...
Вѣтеръ заунывный на дворѣ бушуетъ.

Въ звукахъ его рѣзкихъ слышатся глухіе
Вопли и моленья, жалобы нѣмыя;

Слышится въ нихъ голосъ мрачный, погребальный,
Словно стонъ послѣдній съ жизнію прощальный...

Вотъ передо мною встала вереница
Призраковъ ужасныхъ: грубыя ихъ лица

Голодъ исковеркалъ, — дики и зловѣщи,
Дышатъ онѣ жаждой безпощадной мести...

Видѣнъ въ этихъ лицахъ гнетъ труда суровый,
Видны нищеты въ нихъ тяжкія оковы,

Видно въ нихъ страданья клѣймо вѣковое...
Сквозь лохмотья тѣло свѣтится нагое...

Вотъ поднялся глухо затаенный ропотъ,
Словно передъ бурей моря грозный шопотъ;

Вотъ онъ постепенно ближе и яснѣе,
Чу!... вотъ замираетъ... снова сталъ сильнѣе,

И какъ гулъ протяжный — вѣстникъ урагана
Грозно пробѣгаетъ воды океана!

Такъ по всей вселенной, до предѣловъ неба
Эхо простонало: крови или хлѣба!...

***

Въ сердцѣ грусть тяжелая —
Силъ нѣтъ съ ней разстаться...
Мысли невеселыя
Въ голову толпятся...
Позади безцвѣтная
Дней былыхъ равнина;
Спятъ въ ней безотвѣтныя
Грезы гражданина...
Впереди мерещется
Трудъ упорный, горе,
Дико, злобно плещется
Слезъ кровавыхъ море!...
Пуще безотрадная
Грусть одолѣваетъ
И больнѣй нещадная
Душу разъѣдаетъ...

ИВ. Г. — И.

ГОРЕ СТАРОЙ ОРИНЫ.

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка?
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви — можетъ и размыкаю.
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ — не откликается,
Ужь и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается,

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости —
Воротился сынъ больнехонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови, мокрехонекъ!

Говоритъ: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день представился...

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, безталанная...
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?

— Хилой что ли былъ съ рожденія?...
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

«Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...

«На избенку эту бревнышки
Онъ одинъ таскалъ сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы курди какъ шелковые»...

И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милаго?
Чай спросила ты дѣтинушку?

«Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу — Богу обреченную!

«Говорить — гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,

«Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

«Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ умираючи,

«Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ.

«Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ — и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!

«Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ, — пошла я съ Ванею
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

«Сѣнокосомъ шелъ — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! —
И заплакалъ мой Иванушка!

«Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ что было голосу
—«Не бѣлы снѣжки», — закашлялся,
Задышался — палъ на полосу!

«Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка —
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время — пѣлъ соловушка!

«Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною
Служба эта представлялася.

«Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ — такія хватскія!

«Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ на ноженькѣ
На одной — носокъ вытягивалъ.

«Вдругъ метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился — плачетъ, кается,
Крикнулъ «ваше благородіе!»
«Ваше!»... вижу — задыхается!

«Я къ нему, утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?
Къ утру память воротилася,

«Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася.
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася.

«И погасъ онъ словно свѣченька
Восковая, предъ-иконная»...

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!...

Н. НЕКРАСОВЪ.

***

Море житейское, вѣчно угрюмое море!
Сколько въ волнахъ твоихъ темныхъ погибло безслѣдно
Лучшихъ стремленій и лучшихъ надеждъ человѣка!
Сколько на днѣ твоемъ—прошлаго мрачномъ кладбищѣ—
Жертвъ роковыхъ ненасытной судьбою зарыто!
Юноша ль пылкій на битву съ твоими волнами
Выйдетъ—и старцемъ согбеннымъ съ дороги вернется,
Мужа ль желѣзнаго сдавишь въ холодныхъ объятьяхъ —
Не устоитъ передъ силой твоей и желѣзо!...
Ты же все катишь впередъ непреклонныя волны,
Новыя жертвы теченьемъ своимъ поглощая...
Страшно ты море въ холодномъ, спокойномъ величьи,
Бѣшеной бури страшнѣе, страшнѣй урагана!...

***

На жизнь и смерть заклятая борьба
И день и ночь между людьми кипитъ,
Надъ ними — мрачная, зловѣщая судьба,
Какъ коршунъ, трупъ почуявшій, паритъ —
И такъ идетъ за вѣкомъ вѣкъ
Въ оковахъ стонетъ человѣкъ!...
Борьба идетъ, — конца не видно ей...
Гремятъ сильнѣй проклятья съ поля битвъ,
И вновь отчаянья день ото дня страшнѣй,
Ни мирныхъ чувствъ, ни сладостныхъ молитвъ, —
И стынетъ кровь, мутится взоръ,
И мысль твердитъ: позоръ, позоръ!...

ИВ. Г.—М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О ПРОКЛЯТЫХЪ ГЕРОЯХЪ.

(Le Maudit par l'abbé ***. Paris. 1863).

Романъ самая богатая, самая популярная форма литературнаго поученія. Поэтому, думаютъ обыкновенно, публика избѣгаетъ догматической формы науки, находитъ ее скучною и льнетъ къ роману. Но если въ этомъ объясненіи и есть доля правды, то самая незначительная. Въ наукѣ скучна не одна форма, точно также, какъ не одна форма интересна въ романѣ. Скучно въ наукѣ, прежде всего, то, что она берется отвѣчать на вопросы, на которые она отвѣчать не въ состояніи,—или вслѣдствіе невѣдѣнія, или вслѣдствіе другихъ причинъ. Скучна въ ней, стало быть, прежде всего ложь, которой она отвѣчаетъ, или безсознательно, или умышленно, на самые существенные и интересные вопросы, занимающіе насъ въ жизни.

Съ другой стороны, если что интересуетъ въ романѣ, то не одно только богатство образовъ и красокъ, а интересуютъ насъ въ немъ все тѣ же вопросы, на которые мы ищемъ отвѣта, собственно говоря, и въ наукѣ (рѣчь здѣсь, конечно, не о химіи и математикѣ).

Въ своихъ отвѣтахъ на эти вопросы, романъ оказывается только гораздо добросовѣстнѣе науки. И вотъ почему онъ имѣетъ столь часто наше предпочтеніе. Наука намъ объясняетъ, напр., что наша жизнь,

въ данномъ отношеніи, должна идти такъ-то и такъ-то, и что это устройство есть лучшее. Романъ изображаетъ намъ эту жизнь въ дѣйствительности, и черезъ это даетъ возможность повѣрить приговоры науки въ ихъ послѣднихъ результатахъ. Имѣя дѣло съ будничными подробностями жизни, онъ поэтому невольно отыскиваетъ вопросы тамъ, гдѣ ихъ не видитъ наука, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, они со всей ясностью ощущаются тѣми, которые принуждены страдать отъ ихъ неразрѣшеннаго положенія. Онъ глубже входитъ въ сердце семьи и общества вообще, — лучше умѣетъ радоваться ихъ радостію и страдать ихъ страданіями, и если рѣдко находитъ прямыя средства къ устраненію зла, то по крайней мѣрѣ, съ бóльшимъ трудомъ обходитъ это зло. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что романъ, который бы сталъ изображать одну добродѣтель, одну прелесть и совершенство жизни,— былъ бы названъ пошлостью и не нашелъ бы читателей. Между тѣмъ какъ наука не рѣдко разработывала и разработываетъ ту же жизнь, приблизительно изъ такого взгляда на вещи.

Роль романа поэтому, такъ же, какъ и роль науки — роль поучающая. Отсюда, беллетристическое произведеніе цѣнится нами тѣмъ выше, чѣмъ глубже, прежде всего, и чѣмъ вѣрнѣе взглядъ на жизнь, который вноситъ въ него авторъ, и потомъ уже оно цѣнится нами за болѣе или менѣе совершенную отдѣлку языка и образовъ. И мы тѣмъ болѣе интересуемся писателемъ, чѣмъ важнѣе для нашего благополучія то дѣло, которому онъ учитъ, и чѣмъ лучше онъ учитъ насъ этому дѣлу. Отсюда читатель долженъ заключить о сложности жизненнаго поученія, составляющаго задачу романиста. Она и не легка въ самомъ дѣлѣ. Но какъ бы ни были разнообразны и сложны виды такого поученія, тѣмъ не менѣе, задача романа, въ отвлеченныхъ чертахъ, опредѣляется двумя словами: указать зло и указать средства къ его устраненію. Въ основѣ задачи лежитъ, такимъ образомъ, старая Зороастрова сказка о борьбѣ въ мірѣ двухъ началъ, злаго и добраго, — борьбѣ, которая, олицетворяясь въ столкновеніи между собою различныхъ соціальныхъ группъ, типовъ и характеровъ, даетъ мѣсто тому, что мы называемъ драматизмомъ.

Такъ какъ главная забота наша въ томъ, конечно, что жизнь нашу переполняетъ всякаго рода зло, то мы тѣмъ болѣе сочувствуемъ борьбѣ, чѣмъ шире зло, противъ котораго она ведется, и чѣмъ успѣшнѣе и умнѣе ведется самая борьба. Представителемъ добраго начала является, обыкновенно, въ этой борьбѣ молодость, роль другаго играетъ старость. И это, въ общемъ счетѣ, вѣрно. Ибо только то способно на борьбу, что чувствуетъ въ себѣ непочатыя силы, а что устало, закуплено выгодами устроеннаго и обезпеченнаго положенія, то но

новое не хочетъ и борьбы, и не любитъ протеста. Отсюда молодость въ постоянной борьбѣ со старостью въ самой жизни. И эта молодость столь же умна, благородна и привлекательна въ романѣ, и напротивъ, столь же непривлекательна въ немъ старость. Мы привыкли сочувствовать постоянно первой и не ждать ничего хорошаго отъ второй, и заранѣе ждемъ смѣло того же сочувствія отъ всякаго романиста съ направленіемъ, отъ всякой драмы съ соціальной закваской. Такой порядокъ сочувствія повторяется искони.

Но едва ли кому нибудь изъ сочувствующихъ приходило на мысль допроситься, къ какимъ же результатамъ приводила эта борьба и это сочувствіе. А между тѣмъ это было бы, кажется, не совсѣмъ безполезно.

Допросимъ же въ самомъ дѣлѣ, какіе были вообще результаты такъ называемаго драматизма, и что мы видимъ въ концѣ концовъ такъ называемой на языкѣ романистовъ борьбы?

Видимъ постоянно молодость выступающую на подмостки, кричащую и шумящую, правда, сначала, но... или торжественно побиваемую и страждущую, или, того хуже, спокойно засасываемую безъ всякаго дѣла той средой, побѣждать которую она вызывается. И въ результатѣ видимъ мы что, не смотря на подобную борьбу, повторенную значительнымъ числомъ поколѣній, вещи остаются приблизительно все въ томъ же положеніи, въ которомъ застали ихъ первые бойцы...

Что это за притча? спрашиваю я васъ, читатель. Какъ вы объ этомъ думаете?

Если все это въ порядкѣ вещей, и борьба не ведетъ ни къ чему ровно, потому что не можетъ вести ни къ чему, ибо торжество зла въ природѣ вещей: то къ чему же тогда борьба? Къ чему открывается зло? Къ чему жертвуется и страждетъ молодость? Не лучше ли ей пребыть съ самаго начала въ мирѣ и согласіи съ тѣмъ, что она находитъ готовымъ передъ собою, и не прозрѣвать въ жизни ничего дурнаго, и не тратить времени на пустяки, въ которыхъ она должна неминуемо раскаяться? Если же все это не такъ, и борьба можетъ имѣть какую нибудь цѣль и разумное основаніе, то можетъ быть отыскано только одно объясненіе предъидущему. Это то, что молодость бываетъ немного глупа для дѣла, за которое принимается, и столь же глупъ выводящій ее въ дѣло романистъ, что не имѣютъ они, взятые вмѣстѣ, ни настоящаго представленія о злѣ, съ которымъ хотятъ тягаться, да и не знаютъ, какъ ведутся такія тяжбы.

Чтобы уяснить немного мою мысль, я позволю себѣ напомнить слегка читателю литературныхъ героевъ, выдававшихся на его памяти за образецъ передовыхъ людей, и попрошу вспомнить, что по-

нимаютъ эти всѣ до одного «проклятые» герои подъ зломъ съ одной стороны, и дѣйствіемъ съ другой. Чацкій ѣздилъ по Европѣ на мужицкія деньги, пріѣхалъ въ Москву, убѣдился, что французы лучше говорятъ по французски, чѣмъ москвичи, и началъ ругать за то москвичей. Тѣ, конечно, обругали его въ свою очередь, — и онъ уѣхалъ искать уголокъ оскорбленному чувству на тѣ же мужицкія деньги. Бельтовъ ѣздилъ на тѣ же мужицкія деньги по Европѣ. Потомъ, когда ему это надоѣло, пріѣхалъ служить по выборамъ, чтобы искоренять, конечно, зло, котораго не замѣтилъ въ Европѣ; его прокатили на вороныхъ, и онъ вернулся опять въ Европу. Инсаровъ, въ доказательство своего героизма, подрался близь Москвы съ пьяными нѣмцами, а Рудины и Лаврецкіе не сдѣлали даже и того.

Во всѣхъ типахъ, какъ видите, одна общая черта — это при всей ихъ проклятости поражающее отсутствіе дѣйствія. Романистъ, очевидно, поставленъ въ тупикъ, сконфуженъ, безсиленъ передъ своей задачей. Съ одной стороны онъ твердо помнитъ законъ, который дошелъ до него по преданію — законъ драматизма, необходимость дѣйствія. Съ другой стороны онъ столь же ясно чувствуетъ, что ему недостаетъ въ этомъ отношеніи матеріала, — что онъ не знаетъ самъ, изъ чего слѣпить дѣйствіе, и вотъ въ немъ слагается убѣжденіе, что въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ, и не можетъ быть дѣйствія, что такова уже роковая черта русскаго характера. На этомъ онъ успокоивается, и то топитъ своихъ героевъ въ водѣ, то моритъ ихъ отъ чахотки, то отправляетъ ихъ кататься по поднебесной. Не понимаетъ онъ одного, это—своей собственной наивности въ пониманіи жизни, — не понимаетъ, что изъ того матеріала, который набираетъ онъ для закваски драмы, никогда и не могло выйти никакой драмы, а развѣ балетъ, или любовное похожденіе, — не могло выйти даже просто на просто порядочнаго человѣка.

Съ одной стороны романистъ не знаетъ жизни, противъ которой протестуетъ; ибо знаніе это не дается простой наблюдательностью между дѣломъ, простымъ сравненіемъ бирюлекъ, которыми украшается эта жизнь на западѣ, съ тѣми бирюльками, которыми обвѣшена иная жизнь, а міросозерцаніе нашихъ романистовъ опредѣлялось съ этой стороны ничѣмъ инымъ, какъ такими заграничными наблюденіями надъ бирюльками.

Отсюда зло, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, одинаково тяготѣющее надъ жизнью, будетъ ли она западная, или восточная, — и то зло, которое спрятано въ домашнемъ углѣ каждаго, оставалось закрытымъ для романиста и для общества, какъ будто его не бывало, и разно-

лось оно передовыми героями въ своихъ карманахъ, а протестовать и дѣйствовать имъ приказывалось противъ бирюлекъ.

Съ другой стороны, столь же слабое представленіе имѣлъ романистъ о самомъ дѣйствіи. Дѣйствіе представлялось ему не иначе, какъ античнымъ поединкомъ, выходомъ на турниръ героя, который, побаловавъ шпажонкой, долженъ былъ, по всѣмъ правиламъ искусства, для вящшаго драматизма, въ концѣ дѣйствія все-таки оказаться растерзаннымъ и побѣжденнымъ.

Нужно сознаться, есть своя относительная правда въ этомъ, по крайней мѣрѣ, правилѣ искусства, и если герой въ концѣ пятаго акта драмы лежитъ обыкновенно на полу, то это совершенно жизненно вѣрно, но только условно вѣрно.

Я скажу въ настоящемъ случаѣ, почему это вѣрно; ибо въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ заключается все разъясненіе того дѣтскаго представленія, которое имѣютъ драматурги о дѣйствіи.

Обращаю вниманіе на стороны, сопоставляемыя въ нравственномъ турнирѣ. Герой обрекается на борьбу съ обществомъ. И такъ, съ одной стороны ставится цѣлое общество, заподозрѣнное, несовершенное, но цѣлое общество, сильное взаимной порукой, единствомъ понятій и интерессовъ; съ другой вырывается изъ того же общества личность, которую называютъ героемъ, и говорятъ: побѣждай; ставятъ передъ человѣкомъ стѣну и говорятъ: милый, разбей, ради Бога, себѣ лобъ, для потѣхи зрителей, объ эту стѣну. Ты будешь герой. Если при этомъ оказывается у героя въ рукахъ кой-какое оружіе, если онъ обладаетъ кое-какими матеріальными средствами, т. е. деньгами, связями или знакомствами, то у него нарочно для интереса дѣла оберутъ все это. Если онъ уменъ, то его одурачутъ, и вотъ, герой идетъ въ костюмѣ Пятницы и разбиваетъ себѣ лобъ, къ общему удовольствію публики, которая, между нами говоря, не принадлежитъ къ героямъ по характеру, а къ партіи противоположной, и потому очень довольна, что герой разбиваетъ себѣ лобъ. Никому, конечно, не приходитъ въ голову подумать, что подобная борьба выходитъ вовсе не борьба, а хирургическая операція, и строго разбирая, нѣтъ въ ней драматизма ни капли.

Естественно, что найти людей въ обществѣ, способныхъ на такое геройство, да и при томъ по поводу тѣхъ видовъ зла, которыми растравляютъ обыковенно романисты своихъ дѣятелей, — бываетъ не всегда легко. И вотъ объясненіе и причина того факта, что русскіе романисты не находятъ въ русской жизни дѣятелей въ своемъ смыслѣ, что, задавшись пошлыми понятіями о злѣ и дѣятельности, они находятъ только пошлые характеры для протеста противъ этого зла. Само

собою разумѣется, что если я заговорилъ тутъ о русскихъ романистахъ, то это только случайность. Собственно говоря, всѣ романисты одной силы. И наши въ этомъ отношеніи имѣютъ еще то преимущество, что если не видятъ средства устроить настоящей борьбы, то и не силятся понапрасну, а прямо говорятъ, нѣтъ молъ охотниковъ; и только у другихъ, какъ напримѣръ преимущественно французскихъ, дѣло никогда не стоитъ за героями, т. е. за людьми, готовыми въ какое угодно время стать на голову, и если только нужно, романистъ всегда найдетъ человѣка, способнаго и броситься со скалы не повредивъ шеи, и прожить цѣлые сутки подъ водой, словомъ, на всевозможныя геройства. Недостатокъ у французскихъ писателей оказывается совершенно другаго рода. Французскому писателю чаще всего недостаетъ не только настоящаго, но даже какого бы то ни было представленія о злѣ, съ которымъ могъ бы бороться герой. И вотъ во французскомъ романѣ роли переставливаются. Какъ въ русскомъ романѣ, за недостаткомъ героевъ, повѣсть превращается, собственно говоря, въ одностороннюю картину пошленькаго зла, подмѣченнаго авторомъ, лишенную всякаго дѣйствія, а герой оказывается лишь подставнымъ лицомъ, призваннымъ для того, чтобы увѣдомить за автора публику объ этомъ злѣ,—нѣчто въ родѣ карточнаго болвана; такъ во французскомъ романѣ совершенно наоборотъ, герой, за неимѣніемъ передъ собой зла, съ которымъ могъ бы бороться, борется съ подставными препятствіями, скачетъ черезъ рогатки, глотаетъ ножи, всходитъ на отвѣсную стѣну. Но въ суммѣ и тутъ такъ же, какъ и у нашихъ романистовъ, герой оказывается конечно такимъ же проклятымъ и дорого отплачивающимъ въ концѣ за свое геройство.

На одномъ изъ такихъ-то проклятыхъ героевъ мнѣ слѣдовало бы остановиться теперь, чтобы познакомиться ближе съ свойствами этого рода людей, и вотъ романъ, который по самому заглавію прямо идетъ къ дѣлу. Романъ названъ прямо «le Maudit», написанъ неизвѣстнымъ аббатомъ и читается теперь съ жаромъ. Къ нашей же цѣли онъ подходитъ еще потому, что, не смотря на свое французское происхожденіе, соединяетъ въ себѣ одинаково особенности какъ французскихъ, такъ и русскихъ произведеній этого рода.

Съ одной стороны нельзя сказать, чтобы въ немъ не было совершенно взлѣзанія на стѣну, стрѣльбы изъ пистолетовъ, скачекъ съ препятствіями. Съ другой — первая половина, да и весь планъ романа, какъ онъ задуманъ былъ авторомъ, преисполненъ русскаго, или обличительнаго свойства. Это сопоставленіе обличенія и различныхъ coups de mains заставляетъ насъ думать, что авторъ

не хотѣлъ ограничиться одной обличительной ролью, а думалъ рядомъ съ изобличаемымъ зломъ изобразить настоящаго дѣятеля, или борца противъ этого зла, словомъ, дать поучительный примѣръ тебѣ, читатель, наставить тебя, какъ ты самъ долженъ бороться со зломъ, для того чтобы заслужить пальму геройства въ твоемъ жизненномъ омутѣ, вмѣсто пучковъ болотной тины, украшающей твое лѣнивое и трусоватое чело.

Предметъ романа жгучій, пишетъ самъ авторъ въ предисловіи, и жгучесть эта немного иная, чѣмъ та, которой щеголяла французская литература за послѣднее время, не та, которая возбуждается разстегнутой таліей или приподнятыми юбками, — жгучесть эта въ нападкахъ на злоупотребленія іезуитовъ и свѣтскія права римскаго клира. Жертвою этихъ-то злоупотребленій является молодой аббатъ, Джуліо, за то, что рѣшается спорить съ іезуитами, и наконецъ заслуживаетъ проклятіе римскаго двора. Все это пока очень хорошо. Съ одной стороны является, повидимому, зло, заслуживающее протеста, съ другой—лицо протестующее. Посмотримъ же, что это за зло, какъ оно понимается героемъ, и что это за герой, какъ онъ понимаетъ дѣйствіе? Узнавъ это мы, узнаемъ разъ навсегда удѣльную силу проклятыхъ героевъ въ дѣлѣ пониманія зла и дѣйствія. Но прежде все-таки разскажу вкратцѣ содержаніе книги.

Дѣйствіе начинается въ одномъ изъ южныхъ городовъ Франціи, Т. Три женщины идутъ на субботнюю исповѣдь къ іезуиту, отцу Бриѳару. Старуха де-ла-Клаѳеръ, ея племянница Луиза и горничная Маделетта. Для старухи это рѣшительное утро. Отцы іезуиты нѣсколько лѣтъ сряду уговариваютъ ее отказать свое имѣніе въ пользу ордена. Старательно удаляютъ они ее отъ всякаго посторонняго вліянія; каждый вечеръ приходитъ къ ней играть въ карты іезуитъ Турнишонъ, который окончательно забираетъ ее въ руки. Она видимо смотритъ въ могилу, и онъ начинаетъ дѣйствовать настоятельнѣе. Въ этотъ день, на исповѣди, она должна дать окончательный отвѣтъ отцу Бриѳару. Она колеблется еще. Самой ей на что? Но у нея есть племянница и племянникъ. Какъ оставить сиротъ безъ состоянія? Отецъ Бриѳаръ представляетъ ей, что богатство ихъ отца нажито нечестнымъ путемъ; что только этой жертвой она примиритъ его душу на томъ свѣтѣ и спасетъ свою; Луиза чувствуетъ призваніе къ монашеству (вѣдь онъ имѣетъ же право передать ей исповѣдь племянницы); что касается до Джуліо, молодаго семинариста, онъ скоро будетъ священникомъ, и деньги ему—совершенно лишніе, развѣ только испортятъ его. На это она не возражаетъ, и соглашается назначить своимъ полнымъ наслѣдникомъ господина Турнишона. Онъ не принадлежитъ оффиціально къ ордену, и потому орденъ не будетъ

скомпрометтированъ передъ врагами своими. Луизѣ и брату ея назначена будетъ пожизненная пенсія.

Затѣмъ выходитъ на исповѣдь Луиза. Вся ея вина въ томъ, что она начинаетъ засматриваться въ зеркало, и она добросовѣстно повѣряетъ ее отцу. Отецъ раза два нахмуриваетъ брови, качаетъ головой и строго замѣчаетъ ей, что слишкомъ часты эти засматриванія, и не поведутъ они къ добру. Онъ смягчается, впрочемъ, и спрашиваетъ ее, когда же рѣшится она, наконецъ, навсегда отказаться отъ мірскаго и предаться Богу. Тутъ молодая дѣвушка чистосердечно передаетъ ему свои колебанія: чаще и чаще чувствуетъ она порывы къ жизни, о которой она имѣетъ смутное понятіе, изъ тѣхъ немногихъ литературныхъ произведеній, которыя читала она у тетки. Она такъ любитъ дѣтей. Въ послѣднее время, глядя на матерей съ дѣтьми, ей невольно приходитъ въ голову: «и ты можешь испытывать тѣ же радости», и кажется ей, что «нѣтъ ничего прекраснѣе законовъ природы». Вмѣсто сочувствія, и разъясненія того, что еще непонятно ей, приходится ей выслушивать длинную рѣчь отца о послушаніи. Плохо слушаетъ его Луиза! Она оскорблена, что-то не такъ кажется ей въ словахъ Брифара. Еще сложнѣе становятся для нея нерѣшенные вопросы, и она страдаетъ.

У Маделетты, глупой, жадной горничной, отецъ выспрашиваетъ подробности домашней жизни Клавьеровъ. Такимъ образомъ узнаетъ онъ, что аббатъ Джуліо, во время послѣднихъ вакацій въ Клавьерѣ, мало стѣснялся насчетъ іезуитовъ, подтрунивалъ при сестрѣ надъ отцомъ Брифаромъ, и даже разъ за столомъ вслухъ сказалъ: «жалѣю ту женщину, которой случится попасться въ когти этого добраго отца». Въ тотъ же день онъ предсказывалъ Луизѣ, что въ одно прекрасное утро они узнаютъ, что тетка отказала по духовной все свое состояніе іезуитамъ.

Послѣ такой вступительной главы, вводится на сцену самъ Джуліо. Въ то самое утро, когда исповѣдуются сестра и тетка, въ семинаріи Санъ-Сюльписъ происходилъ разговоръ между двумя пріятелями, Джуліо и Верделономъ. Они должны были скоро разстаться. Джуліо, діаконъ, долженъ былъ поступить въ клиръ. Верделонъ, хотя старше своего пріятеля, но не рѣшался принять посвященія. Сомнѣнія запали въ его голову, и теперь онъ рѣшился бросить семинарію. Онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія къ священству. Съ молодости жарко преданный священному ученію, незнакомый со свѣтомъ, и пріученный ненавидѣть его, онъ, на 25-мъ году, попалъ къ дядѣ своему, во время вакацій. Здѣсь онъ имѣлъ случай прочесть въ библіотекѣ нѣсколько серьёзныхъ историческихъ книгъ, ученіе которыхъ сильно поколебало въ немъ старый взглядъ на вещи. Тутъ онъ увидалъ что уче-

нія іезуитовъ, первыхъ учителей его дѣтства, только продолжитель-
ная и ловкая ложь. Все это стало ему противно, онъ чувствуетъ себя
неспособнымъ бороться со всѣмъ этимъ, тѣмъ болѣе, что зародив-
шаяся въ немъ сердечная привязанность во время послѣднихъ вака-
цій въ Клавьерѣ, къ сестрѣ Джуліо, положительно даетъ ему чувство-
вать, что онъ мужчина, и не въ состояніи бороться съ своей приро-
дой. Тщетно старается Джуліо отклонить своего друга отъ принятаго
намѣренія, утверждая, что нѣтъ заслуги въ добродѣтели, которая
устраняетъ себя отъ борьбы, что порядочныя личности должны
честно выполнять свое дѣло, а не избѣгать его. Верделонъ не под-
дается однако, и затѣмъ оба пріятеля расходятся по своей дорогѣ.
Джуліо, лишенный наслѣдства, идетъ бороться съ іезуитами, а Верде-
лонъ пускается по свѣтской карьерѣ. Чтобы дать понятіе о затрудни-
тельности той борьбы, которую придется выдержать Джуліо, авторъ
не довольствуется тѣмъ, что лишаетъ его всякихъ матеріальныхъ
средствъ; но предварительно считаетъ нужнымъ изобразить передъ
читателемъ все могущество и силу іезуитовъ.

Пятая глава содержитъ въ себѣ описаніе устройства іезуитовъ.
Папа, царь католической монархіи, только оффиціальный представи-
тель ея; настоящій же царь живетъ въ «Джезу» и носитъ названіе іезу-
итскаго генерала. Онъ находится во главѣ самой дѣятельной, и вслѣд-
ствіе этого, самой могущественной части людей. Длинными церемонія-
ми сопровождается ваша аудіенція у папы. Когда же вы переходите по-
рогъ «Джезу» и идете представиться генералу іезуитовъ, то вамъ при-
дется пройти залу, гдѣ сорокъ секретарей пишутъ на различныхъ
языкахъ, и вы очутитесь передъ дѣловымъ человѣкомъ, который по-
садитъ васъ и заговоритъ съ вами о дѣлѣ. Это Ришелье католицизма.
Другой же Людовикъ XIII. Въ секретаріатѣ «Джезу» происходитъ го-
раздо болѣе серьезныхъ дѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, нежели во
всѣхъ римскихъ собраніяхъ, въ которыхъ предсѣдательствуютъ кар-
диналы или даже самъ папа, въ теченіе цѣлаго года. Генералъ распо-
ряжается гораздо высшимъ бюджетомъ, нежели 20 маленькихъ за-
падныхъ королей. Папы сознаютъ тяжесть этихъ своихъ эмиссаровъ.
Климентъ XIV пробовалъ было свергнуть ихъ могущество; но послѣ
революціи папство снова простерло руки къ нимъ. Они смертельные
враги Пія IX, политическаго реформатора; но они терпятъ его, по-
тому что чувствуютъ свое преимущество надъ нимъ. Самымъ выс-
шимъ торжествомъ ихъ было обнародованіе догмата иммакуляціи. Въ
настоящее же время, распространеніе этого ордена во Франціи соста-
вляетъ одну изъ главныхъ цѣлей генерала, и городъ Т., въ которомъ
начинается романъ, считается однимъ изъ главныхъ южныхъ цен-
тровъ ордена. Между прочимъ, мѣстный провинціальный глава іе-

зуитовъ получилъ отъ отца генерала предписаніе построить въ Т. домъ для своего ордена. Для этого необходимо три милліона франковъ, изъ которыхъ имѣется на лицо 1,786,667; остальные же имѣется въ виду собрать чрезъ пожертвованія отъ частныхъ лицъ, между которыми наслѣдство Клавьеровъ, формально завѣщанное уже ордену, черезъ посредство Турншпона, играетъ не малую роль. Очевидно, что врагъ, съ которымъ приходится бороться Джуліо, силенъ, такъ силенъ, что имѣй Джуліо въ своихъ рукахъ не только наслѣдство Клавьеровъ, но и болѣе богатыя средства,—и тогда даже врядъ ли онъ могъ выдержать серьезную борьбу съ іезуитами. Теперь же партія выходитъ явно слишкомъ не ровна, и потому, если хотите, даже вовсе не интересна.

Сначала, однако, Джуліо удается, вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ, подразнить іезуитовъ, но и только.

Кардиналъ Фламаранъ, епископъ епархіи Т., назначаетъ къ себѣ въ секретари Джуліо, котораго тщетно стараются устранить и очернить іезуиты. Кардиналъ поддерживаетъ съ ними довольно пріязненныя отношенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ не поддается ихъ интригамъ.

Взбѣшенные своими неудачами, іезуиты не унываютъ и продолжаютъ все-таки интриговать противъ Джуліо. Они стараются распространить въ городѣ неблагопріятные слухи про кардинала.

Между тѣмъ другія лица, разсчитывая на милости кардинала, льстятъ Джуліо; между прочимъ протоіерей изъ Сентъ-Этьена, который домогается получить епископство. Онъ проситъ кардинала позволить Джуліо прочесть проповѣдь въ его приходѣ. Много собралось слушателей на проповѣдь Джуліо. Протоіерей распространилъ нарочно слухъ, что Джуліо будетъ импровизировать. Іезуиты, ожидая фіаско со стороны Джуліо, торжествуютъ. Къ ихъ неудовольствію, однако, рѣчь Джуліо имѣла блестящій успѣхъ. Но въ это самое время, къ высшему несчастію молодаго проповѣдника, умираетъ отъ удара кардиналъ Фламаранъ, и Джуліо остается совершенно беззащитнымъ, среди недружелюбныхъ ему іезуитовъ. Мало того, передъ смертью кардиналъ сдѣлалъ вещь, въ высшей степени безтактную относительно своего protégé, которая должна была поставить Джуліо въ еще болѣе критическое положеніе относительно іезуитовъ. Передъ смертью кардиналъ открылъ Джуліо свои настоящія убѣжденія, которыя онъ опасался обнаружить прежде, не желая испортить своего положенія. Онъ завѣщалъ Джуліо обнародовать эти убѣжденія. Джуліо, дѣйствительно, обнародываетъ предсмертную исповѣдь кардинала, сначала изустно, потомъ, вмѣстѣ съ Верделономъ, печатно. Въ этомъ завѣщаніи передана была вся нелюбовь кардинала къ ультрамонтанству, къ настоящему владычеству папы, и самая глубокая ненависть къ іезуи-

скому ордену. Нечего говорить, что этою публикаціей Джуліо усиливаетъ къ себѣ вражду и ненависть іезуитовъ. Съ этихъ самыхъ поръ тянется цѣлая нить преслѣдованій «проклятаго» (le maudit).

Мѣсто прежняго кардинала занимаетъ Крикъ; человѣкъ необразованный и грубый, поставившій себѣ цѣлью достичь кардинальской шапки. Онъ не имѣетъ ничего лично противъ Джуліо. Но предубѣжденный противъ него викаріемъ Гагелемъ, онъ удаляетъ Джуліо отъ должности, назначаетъ его въ Санъ-Серженскій приходъ пятымъ викаріемъ.

Здѣсь Джуліо удается, на первыхъ порахъ, отговорить отъ постриженія одну молодую дѣвушку, совершенно приготовленную къ тому іезуитами. Черезъ это онъ вооружилъ противъ себя не только послѣднихъ, но и другіе монашествующіе ордена, какъ-то: кармелитовъ и францисканцевъ.

Вскорѣ послѣ того, содержатель одной изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ школъ въ Т. пригласилъ Джуліо читать у себя въ школѣ лекціи. Лекціи его имѣли громадный успѣхъ. Все, что было болѣе или менѣе образованнаго въ городѣ Т., стекалось туда. Одна лекція его однако, въ которой онъ приглашалъ молодыхъ слушателей готовиться въ хорошіе отцы семействъ и доказывалъ необходимость любви, подала сильный поводъ къ новымъ жалобамъ іезуитовъ. Они съ угрозами стали требовать отъ епископа удалить Джуліо. Оказалось вакантное мѣсто близъ Пиринеевъ, въ деревнѣ Сентъ-Авентенъ, и Джуліо былъ переведенъ сюда сельскимъ священникомъ за свою неуживчивость.

Здѣсь, въ скромной роли деревенскаго пастыря, іезуиты, вѣроятно, считали еще пока возможнымъ его терпѣть. Но само собой разумѣется, что начатое молодымъ пастыремъ весьма успѣшно, постепенное сокращеніе круга своей дѣятельности и уничтоженіе послѣднихъ средствъ къ тому черезъ порчу своихъ личныхъ отношеній и постоянныя ссоры, не было имъ еще доведено до конца.

Оставаясь вѣрнымъ своему началу, онъ долженъ былъ добиться того, что у него отымутъ и этотъ приходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю возможность дѣйствовать *честно*, какъ онъ выражается. За новыми врагами дѣло, конечно, не останавливается,—и они являются, съ одной стороны, въ лицѣ матери Іуды (mère Judas), прозванной такъ за свое лицемѣріе, и капуцина Базиля, присланнаго епископомъ для поученія пиринейцевъ.

Мать Іуда была одна изъ самыхъ закоренѣлыхъ святошъ. Выгнанная за свой неуживчивый характеръ изъ нѣсколькихъ общинъ; она попала, наконецъ, въ деревню С.-Авентенъ, гдѣ имѣла довольно сильное вліяніе на молодыхъ экзальтированныхъ дѣвушекъ. Съ са-

маго начала она постаралась было войти въ дружбу къ Джуліо, которому обѣщала передавать разныя домашнія тайны его прихожанъ. На его отказъ она вздумала растрогать его своею святостію, и просила не лишать ее, по крайней мѣрѣ, ежедневнаго причастія, которымъ она до сихъ поръ пользовалась. Рѣшительный отказъ Джуліо возбудилъ въ ней сильное желаніе мести. Сойдясь, въ своей враждѣ къ Джуліо, съ капуциномъ Базилемъ, который не возлюбилъ Джуліо за то, что не могъ не чувствовать его нравственнаго превосходства надъ собой...

Капуцинъ, конечно, всѣми силами развивалъ суевѣріе въ своей паствѣ, разсказывалъ имъ самыя нелѣпыя чудеса, въ родѣ того, какъ Мадонна чудеснымъ образомъ спасла попугая, и проповѣдывалъ догматъ иммакуляціи старца Іосифа. Проповѣди эти отозвались на больномъ, раздраженномъ воображеніи молодой дѣвушки, Лизеты Кабару, одной изъ самыхъ жаркихъ поклонницъ матери Іуды и капуцина. Лизета стала разсказывать, что ей являются видѣнія. Капуцинъ не только обнародовалъ объ этомъ въ церкви, но послалъ докладъ епископу, который впрочемъ оставилъ это дѣло безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, мать Іуда послала въ Т. доносъ на Джуліо, объясняя, что послѣдній находится въ связи съ одною молодою пиринеянкою. Оказывается, что Джуліо дѣйствительно укрылъ у себя разъ ночью возлюбленную одного священника, Лубера, съ которымъ молодая дѣвушка собиралась бѣжать. Но этого обвиненія оказалось недостаточно для окончательнаго низложенія Джуліо. Было назначено слѣдствіе, и Джуліо оправдался.

За тѣмъ Джуліо навлекъ на себя уже прямое неудовольствіе епископа Крика, который, для скорѣйшаго достиженія кардинальской шапки, задумалъ заявить свое усердіе и объѣздить всѣ приходы своей эпархіи. Джуліо не вышелъ къ нему на встрѣчу за нѣсколько верстъ, не готовилъ тріумфальныхъ арокъ, какъ это дѣлали другіе священники; онъ встрѣтилъ его просто, съ крестомъ, въ церкви, какъ предписывалъ обыкновенный церемоніалъ. Но и отсюда авторъ не считалъ, повидимому, возможнымъ извлечь какіе либо поводы для низложенія непокорнаго аббата. Для того, чтобы сдѣлать это, онъ счелъ за лучшее ввести въ дѣло мелодраматическій элементъ и наводнить вторую половину романа разными романическими событіями.

Кромѣ описанныхъ уже столкновеній съ іезуитами, въ качествѣ законоучителя и священника, Джуліо велъ процессъ съ іезуитами изъ-за наслѣдства. Вести это дѣло взялся адвокатъ Верделонъ, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ жениха Луизы. Дѣло не удавалось сначала по ложнымъ показаніямъ подкупленной іезуи-

тами горничной Миделютты. А потомъ, когда рѣшено было подать апелляцію, іезуиты, съ помощію нѣкоторой графини, старинной знакомой Клиффорда, увезли обманомъ Луизу, переправили ее въ одинъ изъ монастырей въ Италію, и заставили подписать отказъ отъ наслѣдства.

Рядомъ съ этимъ начинаются довольно интересныя дѣла и съ самимъ Джуліо, виною которыхъ, конечно, являются іезуиты. Іезуиты грозятъ изъ Рима епископу за то, что онъ держитъ у себя священника, который будто бы позволяетъ себѣ печатать брошюры противъ ордена. Епископъ удаляетъ Джуліо на время отъ должности. Тогда является къ епископу священникъ Луберъ, возлюбленную котораго укрывалъ у себя когда-то Джуліо, и съ пистолетомъ въ рукѣ требуетъ, чтобъ епископъ прекратилъ свои притѣсненія противъ Джуліо. Крикъ, поставленный въ затруднительное положеніе, проситъ Джуліо самого подать прошеніе въ отпускъ на неопредѣленное время. Къ счастью для Крика, въ это время Джуліо получаетъ извѣстіе, что по всѣмъ признакамъ, Луиза въ Италіи, въ одномъ изъ женскихъ монастырей.

Затѣмъ начинается описаніе странствованій Джуліо. Въ Италію онъ переправился въ сопровожденіи іезуитскаго шпіона, аббата Дени, который не оставляетъ его во время всѣхъ его поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, Джуліо удается, наконецъ, отыскать сестру въ церкви Форкасской Богоматери, гдѣ она пѣла соло въ кругу бенедиктинокъ. Онъ узналъ ее по голосу, бросился впередъ, расталкивая толпу, разламывая рѣшетку. Толпа, въ удивленіи и ужасѣ, пропускаетъ ихъ вонъ изъ церкви.

Затѣмъ онъ торопится спастись съ сестрою, зная, что ему трудно будетъ раздѣлаться съ полиціей, которая неумолима къ оскорбителямъ церкви. Имъ нужно было торопиться къ римскимъ границамъ. Идя по разнымъ тропинкамъ, они натыкаются, наконецъ, на маленькую хижину контрабандиста Джакомо. Они поспѣшно разсказываютъ ему, въ чемъ дѣло, и просятъ его дать имъ лошадей. Къ сожалѣнію, у Джакомо оказывается одна только лошадь для Луизы, и Джуліо отправляется вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ.

Вскорѣ на нихъ нападаютъ бандиты, но обращены въ бѣгство. Испуганная лошадь уноситъ Луизу, а Джуліо падаетъ раненый. Едва Джакомо успѣлъ забинтовать рану Джуліо, какъ наѣзжаютъ сбиры. Джакомо укрывается, а сбиры увозятъ съ собой Джуліо. Затѣмъ онъ попадаетъ въ одну изъ страшныхъ тюремъ инквизиціи. Отсюда онъ спасается только съ помощію усиленныхъ стараній Лубера.

Луберъ, пользуясь только что доставшимся ему наслѣдствомъ, отправляется въ Римъ, отыскиваетъ своего товарища де-Камбіака и,

подъ прикрытіемъ своего знакомства съ іезуитами, онъ свободно, не навлекая на себя подозрѣній со стороны іезуитовъ, начинаетъ дѣйствовать въ пользу Джуліо. Онъ отыскиваетъ Джанено, который, съ помощію Лубера, набираетъ нѣсколькихъ своихъ товарищей и производитъ съ ними бунтъ около инквизиторской тюрьмы. Имъ удалось сломить одну дверь, но здѣсь на нихъ напала полиція, и они должны были разбѣжаться. Съ двумя товарищами Джанено удается высвободить, наконецъ, Джуліо, хотя самъ Джанено погибаетъ. Затѣмъ, Джуліо отправляется въ Парижъ къ сестрѣ и становится издателемъ газеты «Catholique liberal», въ которой продолжаетъ свою войну противъ папской власти. Здѣсь положеніе его нѣсколько улучшается. Но за тѣмъ статьи его въ «Catholique liberal» возбуждаютъ постоянные скандалы и неудовольствія, которые доходятъ до того, что Джуліо оказывается вынужденнымъ оставить Парижъ. Назначенный сначала вторымъ aumônier du Saint-Loui, онъ былъ потомъ переведенъ въ діаконы въ церковь Nôtre-Dame des Champs.

Но за статьи свои въ «Catholique liberal», Джуліо отрѣшенъ былъ и отъ должности діакона, и возвратился на югъ. Здѣсь заговорила въ немъ, наконецъ, плоть; онъ почувствовалъ любовь къ Луизѣ, которая оказалась по бумагамъ не сестрою его. Много усилій долженъ былъ онъ сдѣлать надъ собой для того, чтобы преодолѣть свою страсть къ Луизѣ, и не высказаться ей. Луиза умерла, наконецъ, отъ чахотки.

Затѣмъ Джуліо издалъ книгу: de la puissance temporelle des papes, за которую надъ нимъ произнесли интердиктъ. Это было самое жестокое наказаніе для священника. Отрѣшенный отъ всякой должности, онъ не могъ причислиться ни къ какому другому званію, и становился въ обществѣ чѣмъ-то въ родѣ паріи. Оставленный всѣми, Джуліо доживалъ свои послѣдніе дни въ деревнѣ Кампана, почти до самой смерти не переставая работать. Даже переписку съ нимъ бросили его прежніе друзья, кромѣ Лубера. Умеръ онъ, наконецъ, въ госпиталѣ, на рукахъ Терезы, той самой молодой дѣвушки, которая была любовницей Лубера, и наконецъ, сáмого Лубера, пріѣхавшаго съ нимъ проститься.

Вотъ и вся исторія! Теперь я попрошу позволенія у читателя обратить его вниманіе на нѣкоторыя типическія несообразности, свойственныя большинству такъ называемыхъ романовъ съ направленіемъ и повторенныя, какъ нельзя болѣе слѣпо, авторомъ *Проклятаго*. Задача очевидно состоитъ въ томъ, чтобы изобразить лицо, борющееся съ тѣмъ зломъ, крайнимъ выраженіемъ котораго являются іе-

зуиты. Лицо это, для того, чтобы дѣйствительно бороться, а не фиглярствовать, должно обладать во первыхъ, извѣстными средствами, которыя бы дѣлали борьбу возможною, и во вторыхъ должно умѣть бороться. На этомъ только условіи исторія похожденій этого лица можетъ быть для насъ сколько нибудь интересна. Оно должно, наконецъ, понимать по крайней мѣрѣ въ полномъ смыслѣ этого слова то зло, съ которымъ готовится препираться. Поищемъ теперь отвѣта на тотъ и другой вопросы въ предложенномъ романѣ.

Изъ предложенной постановки такихъ вопросовъ уже само собой понимается, въ чемъ прежде всего должны заключаться средства героя. Они должны естественно заключаться въ матеріальной опорѣ. Извѣстно, что каждый изъ насъ, даже не будучи героемъ, можетъ расчитывать на свободную дѣятельность только въ такомъ случаѣ, когда его жизнь не стѣснена матеріальной нуждой. Далѣе, извѣстно также, что всякое дѣло, какого бы рода оно ни было, сопряжено съ извѣстными матеріальными или экономическими тратами, спеціально до него касающимися. Тѣмъ болѣе сложныхъ тратъ требуетъ сложное дѣло героизма, направленнаго противъ врага, сильнаго именно своей матеріальной поддержкой и располагающаго средствами, превосходящими доходы двадцати маленькихъ нѣмецкихъ государствъ, какъ увѣряетъ самъ авторъ. Далѣе, героизмъ требуетъ естественно извѣстной поддержки въ общественномъ мнѣніи, то есть извѣстнаго числа людей, понимающихъ зло приблизительно такъ же, какъ понимаетъ его герой; словомъ, герою нужна поддержка въ лицахъ. Эти два условія неизбѣжны для героя во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ онъ можетъ серьезно подумать объ открытой борьбѣ. Если ихъ нѣтъ на лицо, то первое его дѣло, конечно, должно состоять въ томъ, чтобы пріобрѣсть и то и другое. Въ такомъ положеніи герой естественно отложитъ помыселъ объ открытомъ протестѣ, и героизмъ его истратится на подготовку такихъ неизбѣжныхъ для героизма условій. Какъ же отвѣчаетъ на все это романъ?

Дѣйствіе, какъ мы знаемъ теперь, начинается съ того, что будущій герой лишается іезуитами наслѣдства. Бѣдненькій, повторяютъ барышни; подлецы іезуиты, замѣчаетъ либералъ. Но дѣло не въ томъ, конечно, чтобы вселить жалость къ герою, а прежде всего — уваженіе. Дѣло не въ томъ, чтобы показать, что коварство іезуитовъ можетъ дойти до захвата въ свои руки чужаго наслѣдства. Что іезуиты народъ коварный, это вещь общеизвѣстная. Лучшее доказательство тому то, что орденъ этотъ изгнанъ изъ Россіи. Если же рѣчь уже зашла о томъ, чтобы привести во что бы то ни стало примѣръ этого коварства, то можно было бы, я думаю, отыскать вещи поинтереснѣе и покрупнѣе приведенныхъ.

Такимъ образомъ, на первой же страницѣ авторъ сдѣлалъ вещь весьма рискованную—просто на просто отрубилъ нѣсколько пальцевъ будущему герою, и что хуже всего, самъ этого вовсе не замѣтилъ. Что касается друзей, то пока у героя былъ одинъ другъ, Верделюнъ. Затѣмъ, было у героя нѣкоторое общественное положеніе—секретаря при епископѣ. Ну, думаете вы, если герой и оставленъ вовсе безъ средствъ въ извѣстномъ отношеніи, то онъ, благодаря своему уму, съумѣетъ понять свою роль и положеніе;—онъ пойметъ, что главная задача его будетъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ поддержку въ людяхъ одной съ собою честности; найти такихъ людей и образовать ихъ, и крѣпко держаться за то внѣшнее положеніе, которое у него есть, для того, чтобы дѣйствовать въ пользу добра;—что онъ современемъ успѣетъ упрочить еще болѣе это положеніе, или по крайней мѣрѣ, будетъ стараться его упрочить для того, чтобы въ свою очередь служить поддержкой такимъ же благонамѣреннымъ людямъ, какъ онъ самъ; — что онъ постарается обезпечить, наконецъ, свое дѣло такими же разнообразными средствами, какими обезпечиваютъ свое его враги, и броситъ перчатку своимъ врагамъ не ранѣе, какъ будетъ достаточно твердъ, чтобы ее бросить. Не тутъ-то было! Все это слишкомъ скромно! Дѣйствительность такого рода черезчуръ невидная и мелочная! Герой затретъ себя ею отъ глазъ публики, никто не станетъ его называть молодцомъ, и личный героизмъ его сейчасъ же стушуется рядомъ такихъ же дѣятельныхъ лицъ, какъ онъ самъ. Героизмъ этотъ перейдетъ на цѣлую среду, которая собственно уже будетъ геройствовать противъ зла, а индивидуальному геройству не будетъ уже болѣе прежняго парадного мѣста. Но это-то именно кажется горемъ для романиста, считающаго первой своей обязанностью изображать парадное, трескучее геройство, пускающее съ каждымъ шагомъ цѣлый зарядъ пороховыхъ бураковъ въ глаза зрителей, и романисту не въ домекъ, конечно, что такое индивидуальное геройство, и борющееся, и побѣждающее, и все это совершающее притомъ съ нѣкоторой граціей и эффектомъ, нелѣпо само по себѣ, — какъ вещь невозможная. Зло не можетъ быть побѣждаемо однимъ ударомъ капризной руки раздосадованнаго юноши, а цѣль романиста учить побѣждать зло. Стало быть, или герой романа не долженъ парадировать хвастовствомъ и силой, или все его геройство будетъ не болѣе, какъ паясничество, въ которомъ не будетъ ни на каплю толку.

На сколько Джуліо похожъ въ этомъ отношеніи на настоящаго героя, читатель уже долженъ чувствовать отчасти. Догадывается ли онъ о силѣ іезуитовъ? Понимаетъ ли сколько нибудь свое положеніе передъ ними? Нѣтъ! На каждомъ шагу чувствуете вы за этимъ человѣ-

комъ одно капитальное свойство — это то, что у него необыкновенно длиненъ языкъ, и что онъ рѣшительно лишенъ отъ природы всякой власти надъ нимъ. Еще въ семинаріи онъ изливается въ ругательствахъ противъ іезуитовъ; потомъ то и дѣло говоритъ проповѣди, которыя только раздражаютъ этотъ орденъ. Далѣе, въ минуту смерти кардинала Фламарана — своей единственной опоры, — когда положеніе его дѣлается скользкимъ до нельзя, онъ печатаетъ и разглашаетъ предсмертную брань кардинала противъ ордена, за что и ссылается въ сельскіе священники. Если вы затѣмъ станете слѣдить за его дальнѣйшей дѣятельностью, то вы и тутъ увидите то препирательства съ какой нибудь матерью Іудой или Базилемъ изъ-за чудесъ, то только повтореніе проповѣдей или лекцій, которыя, какъ видно изъ романа, только раздражаютъ орденъ и остаются затѣмъ безъ всякаго другаго вліянія. Въ суммѣ, молодой аббатъ какъ будто задался задачей, во что бы то ни стало, портить систематически свое положеніе, обрѣзать себѣ всѣ средства дѣятельности, «ниспасть, — какъ выражается самъ романистъ, — до состоянія паріи», и если достигаетъ этого не на второй страницѣ романа, а послѣ ряда нелѣпостей, то это, конечно, только благодаря капризу романиста, а не по своей волѣ. Можетъ быть, кому нибудь все это и покажется геройствомъ, но для меня это пошлость, и ничего болѣе; ибо для меня вовсе не интересно знать, что есть на землѣ люди, способные положить руку въ огонь для того, чтобы наслаждаться при этомъ своимъ личнымъ геройствомъ, а важно знать людей, умѣющихъ соображать обстоятельства и приготовлять силу, предназначенную къ борьбѣ, — силу, которая никакъ не достается препирательствомъ съ матерями Іудами или капуцинами.

Я прямо подхожу поэтому къ Джуліо, и спрашиваю: старается ли онъ пріобрѣсти гдѣ нибудь людей, которые бы могли поддержать его при случаѣ или пострадать за то же дѣло, какъ онъ? Пробуетъ ли онъ обратить частную благотворительность, которою такъ искусно распоряжаются іезуиты, въ пользу того дѣла, которое считаетъ своимъ? Въ обоихъ случаяхъ получается въ отвѣтъ одно категорическое *нѣтъ*. Нѣтъ, онъ не имѣетъ даже понятія о томъ, чтобы это было сколько нибудь нужно для дѣла. Дѣло, по его мнѣнію, это мелкія истязанія, которыя онъ заставляетъ производить надъ собой то мать Іуду, то капуцина, то Крика. Вотъ это-то отсутствіе яснаго представленія о томъ, чѣмъ отличается дѣло отъ бездѣлья, и составляетъ причину, почему романистъ не въ состояніи изобразить настоящаго геройства, почему опошлѣлъ и выписался романъ въ настоящее время. Все это потому, что понятія романиста о геройствѣ неудовлетворяютъ болѣе тому взгляду на жизнь и тому пониманію условій борь-

бы, которыя сложились отчасти между людьми и требуютъ во всякомъ случаѣ драматизма не проклятаго, безплоднаго, а имѣющаго по крайней мѣрѣ какія либо основанія хотя бы далекаго, медленнаго успѣха.

Вѣдь не въ силу какихъ либо особыхъ законовъ или чаръ выростаетъ зло! Выростаетъ оно опираясь на извѣстныя матеріальныя условія, на экономическую и личную силу. Безъ этихъ условій не можетъ восторжествовать ни одинъ принципъ, будетъ ли онъ добрый, или злой—это все равно, — будетъ ли этотъ принципъ іезуитъ Бриссаръ, или аббатъ Джуліо. Стало быть, для того, чтобы могло восторжествовать добро, котораго ищетъ Джуліо, оно должно изобразиться не блѣдной, одинокой тѣнью нервическаго недостатка, а такимъ же живучимъ цѣлымъ, какимъ іезуиты служатъ представителями другаго начала. Безъ этого невозможна борьба, и тотъ, кто не понимаетъ этого, тому нечего, стало быть, ни браться за нее, ни ее описывать, а тотъ, кто пойметъ это, задастся и другимъ героемъ, чѣмъ Джуліо.

Съ этой стороны, стало быть, Джуліо мало удовлетворяетъ программѣ героя. Я вѣрю, что есть въ частной жизни люди, похожіе на Джуліо — вѣрю, что ихъ даже не мало. Въ частной жизни мнѣ жаль ихъ за ихъ лишенія и невзгоды. Но герой, ведущій себя, какъ Джуліо, мнѣ кажется только пошлымъ и ничего болѣе. И я готовъ, вмѣстѣ съ іезуитами, пнуть его ногой за его близорукость,—готовъ потому именно, что въ жизни не мало снуетъ личностей въ родѣ аббата Джуліо, готовыхъ, но не умѣющихъ служить добру на самомъ дѣлѣ, которыхъ именно обязанность героя вразумить и наставить настоящей дѣятельности. Такова, по моему мнѣнію, мѣрка геройскаго роста! Но подъ эту мѣрку не подходятъ не только аббатъ Джуліо, не подходятъ не только всѣ другіе, вѣдомые намъ герои, какъ своего, такъ и чужеземнаго романа, — не подходятъ подъ эту мѣрку, сколько намъ кажется, и творческія силы всѣхъ вѣдомыхъ намъ романистовъ.

Теперь, чтобъ объяснить себѣ отчасти, почему герои вообще имѣютъ такое слабое понятіе о томъ, что слѣдуетъ назвать дѣйствіемъ, подойдемъ еще немного ближе къ тому же Джуліо и спросимъ у него: чѣмъ онъ собственно недоволенъ? Изъ-за чего страждетъ и мученичествуетъ?

Можетъ быть, этимъ путемъ окажется, что зло, которое онъ себѣ создалъ, есть собственно зло съ его стороны воображаемое, — что въ сущности, между нимъ и іезуитами нѣтъ серьезнаго разлада, а есть, напротивъ, совершенное согласіе, которое и выяснилось бы для него самого, къ общему благополучію, если бы только онъ былъ менѣе

горячъ и самолюбивъ и болѣе привыкъ владѣть своими впечатлѣніями.

Недоволенъ, прежде всего, аббатъ Джуліо іезуитами за то, что они у него отняли наслѣдство. Но для такого недовольства не нужно очень много сообразительности. Правда, онъ считаетъ нужнымъ утверждать, что ведетъ процессъ изъ-за наслѣдства не ради денегъ, а ради справедливости; но во первыхъ, это, можетъ быть, еще и не совсѣмъ такъ, — во вторыхъ, кто же ему ручался, что справедливѣе наслѣдовать ему, а не іезуитамъ.

Далѣе, разладъ Джуліо и іезуитовъ долженъ заключаться въ разности убѣжденій и взглядовъ на вещи. Этой-то разности я и хотѣлъ бы теперь доискаться. Для этого позволю себѣ единственную и послѣднюю выписку изъ романа.

Джуліо умираетъ. Его предсмертная исповѣдь должна доказать передъ нами лучше всего всю пропасть этого разлада, если только онъ былъ. Этому разладу пожертвована была цѣлая жизнь, но онъ, повидимому, ни разу, въ продолженіи всей драмы, не сводился къ категорическому итогу. Вотъ этотъ итогъ теперь! Изъ него читатель увидитъ ясно, на сколько расходятся на своихъ вѣрованіяхъ мученикъ-аббатъ и іезуиты.

«Отецъ, сказалъ Джуліо аббату, пришедшему его исповѣдывать—я васъ призвалъ, я вамъ довѣрюсь. Я чувствую, что мнѣ не много осталось жить,—можетъ быть, всего нѣсколько часовъ... Я священникъ! Я рожденъ католикомъ; я хочу имъ умереть! Я вѣрю въ догматы, которымъ учитъ моя церковь, и которыхъ она есть единственная хранительница. Я мѣшался въ современныя распри клира. Я былъ открытымъ противникомъ свѣтской власти папы. Я ее считаю ненужной и теперь даже опасной, съ точки зрѣнія нравственнаго вліянія папы, которому вредитъ эта власть. Я никогда не касался ни одного догмата церкви, и если я не раздѣляю того изъ нихъ, который провозглашенъ въ Римѣ 8-го февраля 1854 года, то потому, что папа не имѣетъ власти обращать въ догматъ спорное богословское предположеніе, и притомъ, помимо утвержденія его вселенскимъ соборомъ. Я считаю себя, съ этой стороны, совершенно правымъ! Затѣмъ, я сильно ратовалъ противъ одной честолюбивой корпораціи, которая господствуетъ въ духовенствѣ и считаетъ себя руководительницей самой церкви. Дѣлалъ это я не потому, что эта корпорація захватила у меня наслѣдство, но потому, что я слишкомъ много зналъ разныхъ дѣлъ за этой корпораціей. Я уважалъ большую часть людей, которые ее составляютъ. Я порицалъ духъ, ею управляющій. То, что я писалъ, было подвергнуто запрещенію. Я васъ слишкомъ хорошо знаю, чтобы опасаться какихъ-либо упрековъ съ вашей стороны въ

этомъ отношеніи. До чего бы дошла человѣческая мысль, еслибъ она полагалась на римскій дворъ, какъ на непогрѣшимаго судью?

«Могу ли я явиться передъ Богомъ съ спокойной совѣстью — съ проклятіями, которыя произнесены надъ моей головой? На сколько виноватъ я въ томъ скандалѣ, который возбудилъ, какъ говорятъ они, въ церкви моими дѣйствіями, — когда церковь всегда предоставляла свободу рѣшенія каждому въ спорныхъ вопросахъ? Произнесите надъ всѣмъ этимъ ваше слово. Если я былъ гордецъ и непокорный — я смирюсь и откажусь отъ заблужденій, въ которыя впалъ безъ всякаго дурнаго умысла».

Спрашивается теперь, исповѣдь ли это человѣка, который дѣйствительно проникнутъ сознаніемъ зла, противъ котораго хотѣлъ протестовать? Я допускаю, что въ бодрыя минуты понятія и притязанія Джуліо были гораздо дерзче и рѣшительнѣе тѣхъ, которыя онъ высказываетъ теперь въ минуту предсмертнаго страха. Но общая рамка понятій этого человѣка все-таки слишкомъ ясна, и тутъ-то не видно причинъ настоящаго разлада его съ іезуитами.

Въ чемъ этотъ разладъ на самомъ дѣлѣ? Джуліо католикъ въ душѣ, какъ онъ выражается самъ, не протестующій ни противъ одного догмата церкви; ну, а іезуиты развѣ не такіе же католики? Цѣль у нихъ, стало быть, одна — это католицизмъ. И если Джуліо считаетъ свою цѣль доброю, то такова же должна быть, по его понятіямъ, и цѣль іезуитовъ. Затѣмъ, Джуліо недоволенъ свѣтской властью папы, онъ считаетъ ее вредной католицизму, несовременной; іезуиты думаютъ иначе — вотъ пунктъ ихъ разлада. Джуліо расходится, стало быть, съ іезуитами лишь во взглядахъ на средства. Средства, на которыя разсчитываетъ Джуліо, болѣе идеальныя, нравственныя; тѣ, на которыя разсчитываютъ іезуиты, болѣе матеріальныя. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ — знать мнѣ этого вовсе ненужно. Достаточно того, что это вопросъ спорный, на который одни смотрятъ такъ, другіе иначе. Замѣтьте теперь, что отсюда должно выйти. Джуліо, всѣми силами протестующій противъ деспотизма, принуждающаго его признать папское рѣшеніе насчетъ *иммакуляціи*, заявляетъ свой протестъ на томъ основаніи, что это вопросъ спорный, — такой вопросъ, рѣшеніе которыхъ церковь предоставляла всегда на совѣсть каждаго, пока вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ вселенскимъ соборомъ.

И вотъ, тотъ же самый Джуліо клянетъ іезуитовъ за то, что они позволяютъ себѣ смотрѣть немного иначе, чѣмъ онъ самъ, на такой же спорный вопросъ о средствахъ къ поддержанію католицизма! Или онъ забылъ, въ самомъ дѣлѣ, что между нимъ и іезуитами по вопросу о средствахъ точно также не рѣшилъ вселенскій соборъ, какъ и

по вопросу объ иммакуляціи? Стало быть, онъ столь же мало имѣетъ права навязывать свой взглядъ іезуитамъ о томъ, какія средства лучше для поддержанія католицизма, духовныя, или свѣтскія,—какъ мало іезуиты имѣютъ основанія заставлять его принять догматъ иммакуляціи. Грубая непослѣдовательность! Тѣмъ болѣе неумѣстная, что въ исходныхъ понятіяхъ обѣ стороны — какъ іезуиты, такъ и Джуліо, оказываются совершенно одного толка, и потому могли бы жить, не мѣшая другъ другу. Не сдѣлай этой непослѣдовательности молодой аббатъ, не горячись онъ ранѣе, чѣмъ разобрать критически свои преткновенія, и онъ бы не прослылъ напрасно протестантомъ, которымъ въ сущности не былъ, не обманулъ бы и не запугалъ другихъ призрачнымъ антагонизмомъ, и не подвергся бы проклятію, котораго не стоилъ въ сущности! Вся борьба, все содержаніе драмы видимо было построено на неразумѣніи. Аббатъ не уяснилъ себѣ своего собственнаго взгляда на вещи, и вообразилъ, что между нимъ и іезуитами есть нѣчто такое, изъ-за чего они должны препираться. Іезуиты, въ свою очередь, вообразили, что аббатъ Джуліо хочетъ, въ самомъ дѣлѣ, драться съ ними. И вотъ вышла какая-то игра въ жмурки, какое-то столкновеніе въ потьмахъ, въ которомъ люди оскалили другъ на друга зубы и взъерошили волосы потому только, что «своя своихъ не познаша.»

Грустная траги-комедія, которая приходится отчасти кстати однако къ твоимъ личнымъ дѣламъ, читатель. Ты человѣкъ задорный, сколько я убѣдился, ревнивый на открытія всякаго рода зла въ твоей жизни. И я готовъ уважать въ тебѣ это свойство, съ нѣкоторой оговоркой. Въ силу того, что я только что пытался объяснить тебѣ, сдѣлай мнѣ милость, не торопись геройствовать противъ этого зла, не допросивъ себя отчетливо, тѣмъ ты собственно недоволенъ, не мотивировавъ категорически тѣхъ непріятностей, которыя мозолятъ твои свѣтлыя очи, ибо иначе ты рискуешь совершенно задаромъ прослыть за человѣка безпокойнаго и навлечь на себя обвиненія, которыхъ собственно не заслуживаешь. Главное дѣло не удлинняй по напрасну своего похотливаго языка: я видѣлъ столько людей, пострадавшихъ напрасно за красивыя рѣчи. Но еще пуще пойми, что зло, противъ котораго ты хочешь ратовать, не распознается въ жизни врожденнымъ окомъ, что этому дѣлу, какъ и всякому другому, нужно прежде выучиться; а выучиваются ему строгой наукой, которой у тебя нѣтъ. Пусть утверждаютъ другіе, что ты уже достаточно зорокъ въ этомъ отношеніи, что не достаетъ твоимъ героямъ активныхъ, практическихъ свойствъ для настоящаго дѣла, я съ своей стороны буду настаивать на томъ, что не достаетъ тебѣ еще болѣе понятій и теоріи, которыя бы уложили въ порядокъ твой ду-

шевный хаосъ и направили путнымъ образомъ твои дѣятельныя силы; не достаетъ ея, повторяю, потому, что прежде чѣмъ видѣть, нужно выучиться видѣть; а прежде чѣмъ дѣйствовать,—выучиться дѣйствовать, иначе ты будешь только глядѣть, а не видѣть, махать руками, а не дѣйствовать. Другимъ же покажется, что ты въ самомъ дѣлѣ готовъ геройствовать, а это было бы совершенно некстати, ибо проклятые герои въ родѣ *Джуліо* принадлежатъ, сколько мнѣ кажется, отсталому роману.

СКИФЪ.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ДЕРЕВНЯ ЗИМОЮ. — ВПЕЧАТЛѢНІЕ, ПРОИЗВОДИМОЕ ДЕРЕВНЕЙ НА ПУТЕШЕСТВЕННИКА. — МУЖИЦКОЕ ЖИТЬЕ. — ТОНКІЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОМѢЩИКОВЪ. — ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Я посѣтилъ тебя, знакомый уголокъ...

Посѣтилъ не въ видахъ общенія съ народомъ, конечно, и даже не въ видахъ отыскиванія нѣкоторой фантастической «почвы», а просто, какъ говорится, по собственному своему дѣлу.

Зима въ полномъ разгарѣ; зима въ поляхъ, зима въ лѣсу, зима въ этихъ душныхъ конурахъ, которыя на языкѣ поэтовъ называются «хижинами бѣдными, Богомъ хранимыми». Словно смерть настигла окрестность, окутала ее саваномъ и крѣпко-накрѣпко сковала по рукамъ и по ногамъ невидимыми путами; только вѣтеръ не подчиняется властительной рукѣ и визгомъ своимъ, очевидно, силится превзойти юридическіе вопли московскихъ публицистовъ, да еще человѣкъ, съ грѣхомъ и горемъ пополамъ, барахтается въ этомъ морѣ сугробовъ и терпѣливо выслушиваетъ «музыку будущаго», которою его подчуетъ неугомонная стихія...

Вчера было вьюжно, а потому проселокъ почти совсѣмъ замело; даже и нынче въ воздухѣ слѣпно кисель какой-то стоитъ; снѣгъ падаетъ ровно, большими клочьями; ни впереди, ни по сторонамъ ничего не видать; тамъ далеко что-то темнѣетъ, но что это такое, деревня ли, лѣсъ ли, или длинной вереницей тя-

кущійся обозъ—нельзя понять. Маленькія сани такъ и тонутъ въ пушистомъ снѣгу; лошадь, не смотря на незначительность тяжести и на краткость пройденнаго разстоянія, взопрѣла и выбивается изъ силъ. «А ну, милая, не много! не далеко, милая, не далеко!» безпрестанно подбадриваетъ ее сидящій на облучкѣ мужчина въ заплатанномъ полушубкѣ, и «милая» идетъ себѣ, послушная кнуту и ласкѣ обожаемаго хозяина (развѣ существуютъ на свѣтѣ хозяева не «обожаемые?»), идетъ и не много и много, и далеко и не далеко, и опять слышитъ сзади знакомый голосъ, поощряющій ее: «не далеко, милая, не далеко!»

Лошадь животное глупое и легковѣрное. Сколько вѣковъ ее обманываютъ всякаго рода извозчики, сколько вѣковъ обѣщаютъ ей: «не далеко, милая, не далеко» и все-таки она не можетъ извѣриться и вывести для себя никакого поученія. По видимому, она даже искренно убѣждена въ томъ, что и дѣйствительно есть въ природѣ нѣчто такое, что осуществляетъ собой и «не много», и «не долго», и «не далеко», и что за этими выраженіями непосредственно слѣдуетъ та самая «суть», о которой говорится въ русской пословицѣ: «умирать не надобно». Заблужденіе печальное, и очевидно происходящее отъ совершеннаго отсутствія памяти, мѣшающаго ей дѣлать сравненія и наблюденія и передавать лошадиному потомству результаты своей лошадиной опытности. Только благодаря этому отсутствію памяти, лошадь можетъ еще ржать, плясать и выдѣлывать Богъ вѣсть какіе вензеля въ то время, когда ее ведутъ запрягать; только благодаря этой фаталистической неосновательности, она можетъ съ пламенной готовностью предлагать всякому встрѣчному: «вытягивай меня чаще кнутомъ по спинѣ, а я буду за это въ пользу твою усердствовать!»

Впрочемъ, когда ѣдешь хорошенько закутанный, то и зимой выходитъ иногда хорошо. Ноги не коченѣютъ; въ тѣлѣ не чувствуется никакой непріятной боли; уединеніе сообщаетъ мыслямъ сосредоточенность; пѣніе вѣтра, проходя черезъ поднятый воротникъ шубы, утрачиваетъ свои рѣзкіе, визгливые тоны; медленное плаваніе повозки по пушистымъ сугробамъ разнѣживаетъ и ниспосылаетъ на душу благодатныя мечтанія. Богъ знаетъ, объ чемъ тутъ не припомнишь, объ чемъ не передумаешь, въ какіе уголки видимаго и невидимаго міра не заглянешь. И, что всего лучше, исполняешь все это безъ всякой системы, переходишь отъ одного предмета къ другому безсвязно, отрывочно. Эта от-

рыночность, это, такъ сказать, млѣніе мысли есть самое драгоцѣнное и любезное ея качество. Не знаю, знакомы ли съ нимъ люди худородные, осужденные на вѣчныя тѣлесныя упражненія, но людямъ рожденія деликатнаго и притомъ досужимъ оно извѣстно въ совершенствѣ.

Ѣдетъ, напримѣръ, другъ мой, Lèon Городищенскій, и хоть день на дворѣ ужь померкъ, но такъ какъ глаза у него закрыты, а воображеніе возбуждено, то ему все равно, какая царствуетъ кругомъ сумятица и усматриваетъ ли что нибудь впереди ея возница, которому данъ рубль серебромъ именно за тѣмъ, чтобъ онъ усматривалъ, угадывалъ и предотвращалъ. Въ душѣ у него свѣтло; мысленно онъ даже совсѣмъ не здѣсь, на бѣдномъ забытомъ проселкѣ, среди окоченѣвшей природы, а гдѣ-то далеко, среди ярко освѣщенной залы, гдѣ разсказываетъ синьоръ Тамберликъ синьорѣ Барбо о томъ, какъ Фаустъ полюбилъ простодушную Гретхенъ, гдѣ млѣетъ синьора Барбо подъ сладостные звуки мелодіи Гуно, и склоняется она, какъ тростиночка тоненькая, къ плечу обольстительнаго primo tenore...

— Да, эта Барбо... думаетъ онъ вслухъ, но не оканчиваетъ фразы, потому что мысль его не останавливается, и сряду же создаетъ другую не менѣе волшебную обстановку. Онъ въ саду; лѣтняя, теплая ночь дышитъ ему въ лицо своимъ влажнымъ дыханіемъ; по синему небу, словно дымъ, вьются прозрачныя облака; подъ горою уснула рѣчка; за рѣчкой купы деревьевъ, и каждая изъ нихъ представляется взору какимъ-то очарованнымъ пріютомъ любви, отъ каждой словно шопотъ сладострастный какой-то несется; кругомъ цвѣты, цѣлое море цвѣтовъ, и каждый цвѣтокъ живетъ, каждый льетъ свой ароматъ... Сердце его ждетъ чего-то, но въ этомъ ожиданіи нѣтъ ни тѣни нетерпѣливаго раздраженія, а есть какая-то сладостная, нѣжащая истома. Вотъ вдали мелькнула женщина въ бѣломъ; неслышно и плавно, словно призракъ, плыветъ она по темной аллеѣ; вотъ она ближе и ближе, вотъ она подлѣ него, и вся трепещущая, вся подавленная всесильнымъ очарованіемъ любви тихо-тихо склоняетъ ему на грудь свою милую, дорогую голову.

— Все мое сердце смѣется, милая! говоритъ онъ ей.

Но она еще не отвѣчаетъ; она въ какомъ-то сладкомъ забытьи покоитъ свою голову на его груди, словно ищетъ еще прижать въ себѣ и вполнѣ насладиться этимъ безмолвіемъ любви,

которому такъ сочувственно вторитъ безграничное безмолвіе ароматной лѣтней ночи...

А сани все ѣдуетъ да ѣдутъ, все покачиваются изъ стороны въ сторону и убаюкиваютъ милаго, благовоспитаннаго путника. Мысль бѣжитъ дальше и дальше. Вотъ мелькнули въ глаза огни помѣщичьей усадьбы. «Что-то теперь тамъ дѣлается, за этими окнами?» вопрошаетъ себя юный путникъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, воображеніе переноситъ его въ какой-то мрачный кагалъ, наполненный московскими публицистами. Мой юный другъ малый очень добрый и даже нѣсколько стыдливый; когда въ голову его залѣзетъ какая нибудь дрянь, онъ непремѣнно покраснѣетъ. Мало того, онъ ищетъ отогнать отъ себя эту дрянь, а когда она льнетъ ужь слишкомъ настоятельно, то старается не то чтобы оправдать ее, а придать ей какія нибудь благовидныя формы. Такъ поступаетъ онъ и въ настоящемъ случаѣ.

— Не можетъ быть! — разсуждаетъ онъ: — это они не безъ задней мысли такъ дѣйствуютъ. Я думаю даже, что это съ ихъ стороны очень зрѣло обдуманная военная хитрость. Они просто хотятъ, во что бы то ни стало, утвердиться въ самомъ центрѣ укрѣпленнаго мѣста, а потомъ, когда...

Но легкій ухабъ прерываетъ нить размышленій...

Другъ мой до такой степени плѣняется своимъ предположеніемъ, что даже сочиняетъ цѣлый планъ компаніи. Онъ очень живо представляетъ себѣ, какъ одинъ публицистъ заманиваетъ въ трущобу, другой дѣйствуетъ въ это время боковыми движеніями, третій подсылаетъ лазутчиковъ съ ложными вѣстями, четвертый отводитъ глаза, и вдругъ...

— И вдругъ соединенными силами подпускаютъ кулеврину! мысленно восклицаетъ мой другъ и даже поворачивается на мѣстѣ отъ удовольствія.

Но черезъ минуту его беретъ раздумье.

— Для чего же, однако, тутъ лазутчики? спрашиваетъ онъ самого себя.

— Для чего пострадали отъ нихъ даже этѣ невинныя литературныя птицы, которыя

Въ рощѣ поживали, смирно толковали?

развѣ могло кого нибудь растревожить ихъ тихое, безвредное пѣніе? Развѣ это было не самое смирное и почтительное тало—

ваніе изъ всѣхъ почтительныхъ и смирныхъ толкованій, когда либо перекатывавшихся изъ одного конца въ другой нашего беспредѣльнаго отечества? Нѣтъ, тутъ что нибудь да не такъ!

Опять легкій ухабъ и опять пауза.

— Но съ другой стороны, можетъ быть, птицы отъ того-то и оказывались вредными, что очень ужь онѣ безвредны—вотъ и убили ихъ изъ ружья. Когда люди дѣлаютъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, говорятъ объ дѣлѣ, то нѣтъ ничего несноснѣе, какъ замѣшается тутъ же какой нибудь Карнѣй (одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ, созданныхъ г. Успенскимъ), который пристаетъ ко всѣмъ по очереди и безъ очереди, и проситъ выслушать, и хватаетъ каждаго за пуговицу... Такой человѣкъ опаснѣе всякаго врага, потому что онъ не умѣетъ даже удержать языкъ за зубами, потому что онъ сейчасъ же пойдетъ разсказывать, что и онъ тамъ былъ, что онъ то-то совѣтывалъ, того предлагалъ... И потомъ начнетъ подмигивать, ухмыляться, безъ толку кивая головою, и вообще изображаетъ изъ себя тонкаго дипломата...

Еще ухабъ и еще пауза.

— Н-да, это съ ихъ стороны просто подвохъ, да еще какой подвохъ-то! Но отчего же отъ этого подвоха такъ скверно пахнетъ? Отчего этотъ подвохъ какъ будто и не подвохъ совсѣмъ? Н-да, это даже почти вѣрно, что тутъ никакого подвоха нѣтъ и не бывало.

А сани все ѣдутъ да ѣдутъ и наконецъ особенный стукъ нерѣдко возвѣщаетъ путнику, что онъ проѣзжаетъ черезъ деревню. Узкая черная полоса, тамъ и сямъ прорѣзываемая тусклыми огнями, представляется глазамъ; на улицѣ ни души, даже собаки, и тѣ куда-то отъ стужи попрятались и не брасаются на лошадь съ хриплымъ лаемъ и вяканьемъ. «Гм... можетъ ли трудъ быть привлекательнымъ?» спрашиваетъ себя Городищенскій.

Повторяю, Городищенскій имѣетъ душу добрую, до того добрую, что она не чуждается даже вопроса о привлекательности труда. И когда въ товарищескомъ кружкѣ поднимается шумная бесѣда объ этомъ предметѣ, то у него, для убѣжденія невѣрующихъ, всегда готово неотразимое доказательство, заключающееся въ томъ, что несчастный Людовикъ XVI былъ слабый король, но въ то же время очень искусный слесарь. «Стало быть, первое занятіе было для него непривлекательно, а второе правилось — вотъ и все».

— Разумѣется, трудъ *долженъ* быть привлекателенъ, разсуждаетъ онъ и теперь, поглядывая на «хижины бѣдныя, Богомъ хранимыя»: — нужно только такимъ образомъ это устроить, чтобы... вѣдь Людовикъ XVI дѣлалъ же замки съ удовольствіемъ!..

Но тутъ же, и притомъ совершенно не кстати, припоминается ему бесѣда, которую онъ однажды имѣлъ съ своимъ камердинеромъ и дядькой Иваномъ Прокофьичемъ...

— Иванъ Прокофьичъ! какъ вы думаете, трудъ можетъ быть привлекателенъ? спросилъ онъ его.

— Какой это такой «трудъ»?

— Ну, трудъ... работа, то есть...

— Нѣтъ той работы слаще, какъ съ бабой лежать, а опричь того, другой пріятной работы не знаю, отвѣчалъ Иванъ Прокофьичъ, и хотѣлъ было удалиться, что онъ дѣлалъ всегда, когда, по мнѣнію его, баринъ начиналъ говорить пустяки.

— А надобно, Иванъ Прокофьичъ, такимъ образомъ сдѣлать, чтобы всякая другая работа была такъ же пріятна, какъ съ бабой лежать.

Иванъ Прокофьичъ остановился; ему показалось, что баринъ начинаетъ говорить занятно.

— Знаю, сударь, еще одну работу хорошую, сказалъ онъ: — это деньги взаймы брать и назадъ не отдавать.

— Ну вотъ видишь?

— Только какая же это работа! Это, сударь, какъ бы сказать, одно время-провожденіе, все равно, что другой вотъ малодушествомъ этимъ занимается, по трактирамъ ходитъ. Вотъ сапоги вычистить, комнаты ваши убрать—это работа. Хоша, конечно, для васъ это мнѣ оченно пріятно, прибавилъ онъ мягкимъ, но какъ будто нерѣшительнымъ голосомъ.

Городищенскій на минуту задумался.

— Вотъ тоже работа, продолжалъ Иванъ Прокофьичъ: — когда вотъ мужички для васъ хлѣбушка молотятъ, дрова рубятъ... въ то время, сударь, и плечики-то у нихъ ноютъ... Хоша, конечно, для вашей милости имъ это оченно пріятно...

На этомъ разговоръ и кончился. Въ то время онъ не произвелъ на Городищенскаго особеннаго впечатлѣнія и потому скоро забылся; но теперь слова Ивана Прокофьича почему-то припомнились во всей подробности и произвели въ его мысляхъ нѣкоторую разладицу. «Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть трудъ привлека-

тельнымъ, да и въ томъ ли задача, чтобы сдѣлать его привлекательнымъ? не въ томъ ли скорѣе все дѣло, чтобъ совсѣмъ эманципироваться отъ труда физическаго, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше досуга для труда исключительно умственнаго? Не доказываетъ ли намъ исторія, что съ успѣхами естествознанія, технологіи, механики»...

И, конечно, мой юный другъ сообщилъ бы своей мысли надлежащее развитіе, и можетъ быть, до чего нибудь и додумался бы, еслибъ сани въ эту минуту не остановились, и ямщикъ не доложилъ ему, что цѣль путешествія ужь достигнута.

Такъ вотъ какого рода мысли и соображенія могутъ посѣщать голову путника, даже во время завываній вьюги, когда онъ ѣдетъ хорошенько закутанный, и ноги его не коченѣютъ отъ стужи.

Но могутъ ли подобныя мысли и соображенія занимать такого путника, который, во время вьюги, обязывается идти пѣшкомъ за возомъ и вязнуть въ снѣгу, и который при этомъ плохо защищенъ отъ нападеній вѣтра ветхимъ и маловащищающимъ полушубкомъ, этого я не знаю, и даже думаю, что такой вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Ибо путникъ этотъ на каждомъ шагу обязывается думать о томъ, какъ бы ему выдраться благополучно изъ сугроба, и о томъ, какъ бы малосильная лошаденка его не стала въ тупикъ или не повалила воза, и о томъ, что когда повалится этотъ возъ, ему надобно будетъ выжидать проѣзжихъ и съ помощью ихъ поднимать этотъ возъ. Я даже полагаю, что этотъ путникъ совсѣмъ ни объ чемъ не думаетъ, а просто клянетъ и вьюгу, и горькую долю, которая выслала его въ эту стыть за ворота.

Но оставимъ въ сторонѣ Городищенскаго и его соображенія и обратимся къ дѣлу. Не знаю, отъ того ли, что я плохо себя окутываю, или отъ того, что я отъ природы не мечтателенъ, но зимній проселокъ не навѣваетъ на меня ровно никакихъ мечтаній, ни свѣтлыхъ, ни темныхъ, ни веселыхъ, ни горькихъ. Сидя въ городѣ, за каменными стѣнами, вдали отъ того труднаго, нечужеяднаго дѣла, которое воистину въ потѣ лица снискиваетъ хлѣбъ свой, еще можно, по временамъ, отдаваться мечтамъ о сближеніяхъ и о почвѣ, любоваться чистопсовымъ эпосомъ, созидаемымъ фантазіей г-жи Кохановской, увлекаться описаніями въ родѣ «Года русскаго земледѣльца» г. В. Селиванова (любопытные могутъ отыскать это диковинное въ своемъ родѣ опи-

саніе въ «Русской Бесѣдѣ» за 1857 годъ), и созидать фантастическіе дивертиссменты съ пѣніемъ и танцами, но какъ только станешь лицомъ къ лицу къ настоящей, неподкрашенной дѣйствительности, какъ только въѣдешь въ это необъятное, стонущее пространство, называемое проселкомъ, то затѣи городскаго досужества опадаютъ сами собой, какъ опадаютъ листья съ деревьевъ подъ хмурымъ осеннимъ небомъ. Съ одной стороны пошлая, насквозь пропитанная сантиментальнымъ враньемъ идиллія прошлаго, съ другой стороны — не менѣе сантиментальная идиллія будущаго. Въ обоихъ случаяхъ — мельканіе, отъ котораго только рябитъ въ глазахъ; въ обоихъ случаяхъ запросъ или ничтоженъ до гадости, или до того ужь огроменъ, что дѣлается ничтожнымъ вслѣдствіе самой своей огромности.

Увы! и я когда-то увлекался и чистопсовымъ эпосомъ г-жи Кохановской, и разсыченною на патокѣ идилліей г. В. Селиванова, и тоскою по почвѣ, и мечтами о всевозможныхъ сближеніяхъ (изъ нихъ всего болѣе нравились мнѣ сближенія, выражаемыя поцѣлуями и привѣтствіями въ родѣ: вы наши отцы, а мы ваши дѣти). Съ какимъ умиленьемъ, помнится, читалъ я слѣдующія, напримѣръ, строки, начертанныя рукою г. В. Селиванова: «проснувшись на утреннемъ разсвѣтѣ и протерши глаза, земледѣлецъ смотритъ въ окно... и радостно сіяетъ лицо его». Такъ начинаетъ любезный авторъ свое описаніе деревенской зимы. Почему лицо земледѣльца сіяетъ радостью? А потому оно сіяетъ, что на дворѣ валитъ хлопьями снѣгъ и становися зима. Когда снѣгъ стаетъ, и земледѣлецъ, «проснувшись на утреннемъ разсвѣтѣ», увидитъ, что передъ его хижиной голая черная земля, лицо его тоже радостно сіяетъ, потому что становится весна. А когда подоспѣетъ сѣнокосъ и въ поляхъ начнетъ дремать налившаяся рожь,—тоже надо радоваться, потому что наступило лѣто. И такимъ манеромъ, лицо его круглый годъ будетъ сіять радостью, ибо круглый годъ въ природѣ непремѣнно что нибудь да происходитъ: либо сіяетъ солнышко, либо не сіяетъ, либо идетъ дождикъ, либо не идетъ. Резонъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ г. Селивановъ зимній день русскаго земледѣльца:

«День зимній коротокъ и не видать, какъ проходитъ. Въ рукахъ бабъ жужжатъ веретенцы; старый дѣдъ ковыряетъ лапти; мужика-работника днемъ въ избѣ не сыщешь: мужицкая работа не въ избѣ. На полатяхъ мурлычитъ кошка; она либо спитъ, свернувшись въ клубо-

чокъ, либо обмываетъ рыльцо лапкой. По полу ползаетъ младенецъ, иногда и не одинъ, съ выпачканными молочной кашей рожицами, поднимаются на ножки, падаютъ, ссорятся, или смотрятъ съ вниманіемъ и радостію на играющихъ и шумно бѣгающихъ котятъ. Но вотъ распахнулась дверь, и въ избу вбѣгаютъ перезябшія ребята. Съ утра они на улицѣ играли въ шары, кричали, бѣгали, и имъ наконецъ приходитъ желаніе погрѣться. Но въ избѣ и безъ нихъ тѣсно; они надоѣдаютъ вознею и шумомъ старухѣ, и та, чтобъ отъ нихъ избавиться, гонитъ ихъ опять на улицу, гдѣ они предаются игрѣ съ новымъ азартомъ. Вотъ наконецъ начинаетъ вечерѣть; сверчокъ за печкой заводитъ свою однообразную пѣсню. Дѣдъ лѣзетъ на печь распаривать свои старыя кости, да грѣть остывающую кровь. Невѣстка достаетъ изъ-за печки березовыя или осиновыя полѣнья и косыремъ щепаетъ длинныя лучины, которыя вкладываетъ въ свѣтецъ, зажигаетъ и освѣщаетъ избу. Лучина пылаетъ ярко, то вдругъ меркнетъ, то опять вспыхнетъ. Безпрестанно надобно обламывать обгорѣлые концы, безпрестанно надобно перемѣнять догорающую лучину. Но всѣ ли знаютъ, что такое свѣтецъ? Свѣтецъ есть небольшой, аршина въ полтора или менѣе вышиною столбикъ въ вершокъ толщины, утвержденный на двухъ крестообразно сложенныхъ брусочкахъ, четырехъугольной доскѣ или чурбанѣ. Въ верхній конецъ стоящаго столбика вбита трехъ или четырехъ-конечная желѣзка, въ которую вкладываютъ лучину однимъ концомъ. Когда лучина горитъ, на полъ подъ нее подставляютъ либо тазъ, либо чугунъ съ водой, въ который падаютъ огарки.

«Когда на дворѣ сдѣлается совершенно темно, въ избу возвращаются мужики съ работы, лѣзутъ также на печь или на полати, гдѣ разуваются, снимаютъ холодную, сырую обувь и одежду, которую развѣшиваютъ въ тепломъ духу. Изба оживлена. Мать успокоиваетъ и убаюкиваетъ груднаго младенца, ребята то хохочутъ, то ссорятся на полатяхъ, старуха бранитъ невѣстокъ, или что-то бормочетъ сквозь зубы, на что никто и вниманія не обращаетъ. Молодая невѣстка, сидя на донцѣ, поетъ вполголоса, а на дворѣ косматая жучка, чуя бродящаго по окрестности волка, и лаетъ, и завываетъ. Но вотъ ужь время и ужинать. Деньщица накрываетъ столъ скатертью, достаетъ изъ выдвижнаго въ столѣ ящика деревянныя чашки, ставитъ на столъ деревянную узорочную солоницу, кладетъ ложки и огромный укругъ хлѣба. Мужики умываютъ руки изъ висящаго надъ лаханкой возлѣ печи рукомойника, и утираютъ тутъ же на стѣнкѣ всегда висящимъ полотенцомъ. Русскій человѣкъ не сядетъ ни обѣдать, ни ужинать, ни завтракать, предварительно не умывъ рукъ. Для этого-то въ рукомойникѣ всегда есть вода».

Не правда ли, какая милая, трогательная картинка, какимъ миромъ и счастьемъ вѣетъ отъ этой крестьянской семьи, гдѣ и кошка мурлычитъ, и молодая мать убаюкиваетъ груднаго ребенка, и на ворчанье старухи никто не обращаетъ вниманія? И тѣмъ дальше идетъ читатель за авторомъ, тѣмъ больше и больше саднитъ ему сердце отъ умиленія. Являются на сцену патріархальные помѣщики, которые охотно молятся Богу вмѣстѣ съ своими земледѣльцами, однакожъ въ работахъ общенія съ ними почему-то имѣть не желаютъ. Читатель постепенно приходитъ въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ трогательностей и наконецъ, въ изступленіи, восклицаетъ: Господи! такъ бы и не вышелъ оттуда, изъ этой хижины, въ которой кошка обмываетъ рыльцо лапкой и молодая невѣстка, сидя на донцѣ, поетъ въ полголоса!

Я знаю, въ русской литературѣ много такихъ отводящихъ глаза произведеній, но въ дѣйствительности жизнь русскаго мужика всего менѣе даетъ мѣста для идиллическихъ предположеній. Патріархальный фальшфейеръ, выработанный крѣпостнымъ правомъ, позволявшій одному говорить: мы ваши отцы, а другимъ—мы ваши дѣти, палъ самъ собою, какъ только уничтожилась причина, его породившая. Жизнь приняла общій, человѣческій характеръ; нѣтъ ни отцовъ, ни дѣтей, а есть люди, стоящіе рядомъ. Писателямъ-художникамъ, такъ упорно настаивающимъ на патріархальности отношеній и усиливающимся сообщить крѣпостнымъ формамъ жизни какой-то величаво-эпическій характеръ, не мѣшало бы поближе взглянуть на нынѣшнія условія сельскаго быта, чтобы отрезвиться отъ всякаго рода напускныхъ и мечтательныхъ предположеній. Они убѣдились бы, что если и существовала когда нибудь патріархальность, то она совсѣмъ не была результатомъ естественно установившихся и для обѣихъ сторонъ равно любезныхъ отношеній, а просто насильственною формой, которую одна сторона предлагала, потому что могла предлагать, а другая принимала, потому что не могла не принять. Иначе, вѣдь не было бы резона не устоять этой патріархальности и доднесь во всей своей идиллической неприкосновенности, — а гдѣ же, въ какихъ захолустьяхъ ее теперь отыщешь?

Жизнь русскаго мужика тяжела, но не вызываетъ ни чувства безплодной и всегда оскорбительной жалостливости, ни тѣмъ менѣе идиллическихъ присѣданій. Какъ всякая другая жизнь, какъ вообще все на свѣтѣ, она представляетъ богатый матеріалъ

для изученія, а еще больше для сравненій и сопоставленій. Когда фактъ представляется передъ нами въ видѣ статистическаго даннаго, въ видѣ цифры, то это еще совсѣмъ не фактъ, это просто мертвая буква, никому ничего не говорящая. Чтобы понять истинное значеніе факта, необходимо знать, чего онъ стоилъ тому, кто его выносилъ, и по милости чьей онъ сдѣлался фактомъ. Необходимо, однимъ словомъ, создать такую статистику, въ которой слышалось бы присутствіе тревожной человѣческой дѣятельности, отъ которой отдавало бы запахомъ трудоваго человѣческаго пота.

Уже одно то, что коренное условіе мужицкой жизни составляетъ вѣчный, никогда не прерывающійся трудъ, достаточно указываетъ на совершенно серьезный ея характеръ и на положительную невозможность относиться къ ней съ умиленіями и присѣданіями. Начинать каждый свой день мыслью о насущномъ хлѣбѣ и этою же мыслью день заканчивать, — какъ хотите, а тутъ потребно или великое мужество, или же полное и трудно постигаемое равнодушіе. Я съ своей стороны думаю, что въ настоящемъ случаѣ исключительно присутствуетъ то великое и никѣмъ еще достаточно не оцѣненное мужество, которое одно можетъ дать человѣку и силу, и присутствіе духа, необходимыя, чтобы удержать его на краю вѣчно зіяющей бездны. Положеніе мучительное, мимо котораго мы потому только проходимъ безъ крайне болѣзненнаго чувства, что не даемъ себѣ труда вникнуть въ его сущность. Да мы съ вами, читатель, не можемъ и вникнуть въ него, потому что для насъ все въ этомъ дѣлѣ непонятно: и невозможность досуга, и вѣчная зависимость жизни отъ личнаго матеріальнаго труда, и эти опасенія, эти ужасныя опасенія, которыя ни на минуту не отходятъ отъ человѣка, ни на минуту не даютъ ему забыться и отдохнуть.

Ничего мы этого съ вами не понимаемъ, и потому цѣнимъ мужицкій трудъ четвертаками, полтинниками и рублями, т. е. цѣнимъ то, чему, въ сущности, никакой цѣны нѣтъ и не можетъ быть. Конечно, мы въ своемъ правѣ, ибо видимъ и въ произведеніи человѣческаго труда, и въ самомъ трудѣ не что иное, какъ товаръ; между тѣмъ это совсѣмъ не товаръ, а потъ и кровь человѣческая, а утраченное человѣческое здоровье, а оскорбленіе человѣческаго достоинства, а потеря человѣческаго образа. И, говоря такимъ образомъ, я отнюдь не думаю сантиментальничать или искать какой-то немыслимой у насъ популярности, а просто

желаю обратить вниманіе на то, что такъ легко глохнетъ подъ грудами мертвыхъ статистическихъ цифръ, но что, въ дѣйствительности, одно только и составляетъ истинное, неподкрашенное дѣло.

Прошлымъ лѣтомъ («Современникъ» 1863 г. № 8-ой; статья «Въ деревнѣ»), я старался обратить вниманіе моихъ читателей на нѣкоторыя подробности мужицкаго быта. Картина выходила далеко неудовлетворительная, но то было лѣтомъ, когда сама природа все-таки представляетъ нѣкоторыя условія, облегчающія трудовое существованіе, зимой же, при отсутствіи даже этихъ скудныхъ даровыхъ условій, жизнь дѣлается еще болѣе трудною и рискованною.

Зимою наружный видъ деревни поражаетъ тоской и уныніемъ. Мужицкія избы, и лѣтомъ далеко неприглядныя, кажутся еще темнѣе, слѣпѣе и сиротливѣе. Еслибъ онѣ не были со всѣхъ сторонъ укутаны соломой (что все-таки даетъ намекъ на потребность нѣкотораго комфорта, или, по крайней мѣрѣ, тепла), то можно было бы подумать, что это не дома, а какія-то карточныя, совсѣмъ не серьёзныя помѣщенія. Окруженныя со всѣхъ сторонъ снѣжными сугробами, придавленныя сверху толстымъ снѣжнымъ пластомъ, онѣ однимъ своимъ видомъ говорятъ путнику о всякой безпріютности, о всевозможныхъ лишеніяхъ и неудобствахъ. Такъ тянется цѣлая длинная улица, и рѣдко-рѣдко бросится въ глаза исключеніе въ видѣ веселаго домика съ тесовою крышею, не обезображенною растрепанной вѣтромъ соломой, да и тутъ, навѣрное, живетъ не заправскій мужикъ-землепашецъ, а какой нибудь выскочка, всякими неправдами нажившій себѣ капиталецъ и успѣвшій забрать въ свои руки монополію торговли баранками, веревками и другимъ незатѣйливымъ крестьянскимъ товаромъ.

Внутренность избы еще печальнѣе. Тамъ на пространствѣ какого нибудь десятка квадратныхъ аршинъ тѣснится нерѣдко два-три семейства; тутъ и древніе старики, отживающіе свой вѣкъ на полатяхъ, тутъ и взрослыя дѣти ихъ обоего пола, и подростки, и наконецъ малыя дѣти до грудныхъ младенцевъ включительно. Не смотря на распространеніе такъ называемаго просвѣщенія, избы до сихъ поръ еще, по большой части, курныя; утромъ, вплоть до самаго обѣда, въ нихъ выѣдаетъ глаза дымъ и царствуетъ сырость и холодъ, остальное время дня и ночью — несносная духота. Смрадъ отъ всякаго рода органическихъ ос-

татковъ, дымъ отъ горящей въ свѣтцѣ лучины, міазмы отъ скопленія на маломъ пространствѣ большаго количества людей, отъ мокрой одежды и всякаго тряпья, развѣшаннаго для сушки около огромной печи, занимающей безъ малаго четверть всего жилья, — все это вмѣстѣ взятое составляетъ такую зловредную атмосферу, которой, конечно, не позавидовалъ бы ни одинъ арестантъ, еслибъ арестантъ этотъ не испыталъ ея во времена счастливаго своего пребыванія на свободѣ. А неряшество, грязь и нечистота, какъ прямыя послѣдствія этой вѣчной тѣсноты и толкотни? а паразитныя насѣкомыя? Вотъ тѣ гигіеническія условія, которыя представляетъ собой русская изба съ точки зрѣнія жилья, и вотъ гдѣ родится, старѣется и умираетъ поилецъ и кормилецъ русской земли.

Съ точки зрѣнія нравственной эти условія, не малой мѣрѣ, равносильны описаннымъ выше. И возрасты и полы постоянно смѣшаны. Смѣшеніе первыхъ имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ то, что поколѣнія одни за другими коснѣютъ въ однихъ и тѣхъ же предразсудкахъ и становятся навсегда застрахованными отъ прикосновенія всякой свѣжей мысли. Непроницаемая тьма свинцовымъ пологомъ опустилась и отяжелѣла надъ этими хижинами, и въ этой тьмѣ безраздѣльно царствуетъ старый Сатурнъ, заживо поѣдающій дѣтей своихъ. Сынъ, безотлучный свидѣтель безмолвнаго малодушія или трусливаго лукавства отца, можетъ ли вынести изъ своихъ наблюденій что нибудь иное, кромѣ собственнаго малодушія и лукавства? Сынъ, отъ сосцовъ матери привыкшій видѣть, что все вокругъ него покоряется слѣпой случайности, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ освобожденію себя изъ подъ гнета ея, можетъ ли выработать что нибудь иное, кромѣ безграничной вѣры въ ту же слѣпую случайность? И такимъ образомъ переходитъ она, эта тьма, отъ одного поколѣнія къ другому, все круче и круче закрѣпляя проклятыя тенета, которыми они спутаны. Что же касается до смѣшенія половъ, то послѣдствія этого явленія слишкомъ очевидны, чтобы слѣдовало распространяться объ нихъ. Во всякомъ случаѣ, можно сказать утвердительно, что, вслѣдствіе совокупности всѣхъ условій, пресловутая чистота русской семьи, взятая даже въ ограниченномъ смыслѣ половыхъ отношеній, есть не болѣе, какъ сантиментальная утопія, которою славянофилы отводятъ глаза публикѣ. Нуженъ ли этотъ отводъ глазъ? не похожъ ли онъ на тѣ казенные рапорты о всеобщемъ благополучномъ обстояніи, ко-

торыми слишкомъ усердные подчиненные успокоиваютъ своихъ добрыхъ начальниковъ? Предоставляю разрѣшеніе этихъ вопросовъ самому читателю, но думаю, что ложь, каковъ бы ни былъ ея характеръ, никогда не полезна и ненужна, а особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда истина не только обвиняетъ, но положительно оправдываетъ... Вотъ та нравственная и умственная среда, въ которой родится, старѣется и умираетъ земледѣлецъ и кормилецъ русской земли.

Пища русскаго мужика не роскошная, но и не сытная. Земледѣлецъ охотно соблюдаетъ посты, которыхъ въ году приходится болѣе нежели на половину, и въ это время питается пустыми щами и какимъ-то дряннымъ крошевомъ изъ кваса, рѣдьки, картофелю и хлѣба. Каша допускается, какъ исключеніе, потому что масло льняное и конопляное мужику не по карману. Однажды, на маслобойной я собственными глазами видѣлъ, какъ бабы лакомились льняной набойкой, обмакивая ее въ свѣжесбитое масло.

— Неужто отъ этого нутро не воротитъ? спросилъ я.

— Э, сударь! у насъ что баба, что корова — одинаково до дуранды падки, отвѣчалъ мнѣ маслобойщикъ.

И бабы ничего, даже разсмѣялись этой шуткѣ.

Въ скоромные дни эта пища немногимъ лучше. Все улучшеніе составляетъ молоко въ различныхъ видахъ; но и того не объѣшься, потому что, по большой части, одна плохонькая корова продовольствуетъ цѣлую семью. Такъ называемая убоина, т. е. говядина или свинина, составляетъ въ деревняхъ такую рѣдкость, которая допускается только по большимъ праздникамъ, какъ напримѣръ, на пасху, на рождество и на храмовые дни. Поэтому мужикъ старается исключительно только о томъ, чтобы брюхо у него было наполнено, и чтобъ его пучило, но поступаетъ онъ такимъ образомъ совсѣмъ не потому, чтобы не понималъ, что говядина питательнѣе хлёбова изъ промзглой сѣрой капусты съ квасомъ, а просто потому, что поступать иначе не можетъ.

— Откуда, баринъ, силъ-то тутъ набирать? спрашивалъ меня однажды одинъ мужиченка, занимавшійся у меня земленою работой.

— Набирай, братецъ, набирай! пошутилъ было я въ отвѣтъ, но тутъ же, не знаю самъ отъ чего, сконфузился.

Неизвѣстно, откуда идетъ мнѣніе, будто русскому мужику

именно такая пища и нужна, и что другой онъ принимать не будетъ. Я думаю, что первые пустили въ ходъ эту мысль дворовые, которые, какъ извѣстно, считаютъ себя, относительно мужиковъ, высшими организмами. По крайней мѣрѣ, однажды, когда я распорядился, чтобъ работникъ Иванъ ѣлъ вмѣстѣ съ моими домочадцами, то кухарка почтительно протестовала противъ этого.

— Мы, сударь, ѣдимъ пищу легкую, сказала она:—онъ, сударь, пищей нашей обижаться будетъ!

Однако, когда Иванъ призванъ былъ на совѣтъ, то оказалось, что онъ ни во щахъ съ говядиной, ни въ кашѣ съ масломъ никакой обиды себѣ не видитъ; и дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ онъ такъ отъѣлся, что та же самая кухарка называла его не иначе, какъ «гладкимъ чортомъ». А изъ этого слѣдуетъ, что сытная ѣда вовсе не такъ противна мужику, какъ увѣряютъ кухарки.

Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, набираетъ себѣ силъ русскій мужикъ? Неужели источникъ ея заключается въ однихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ? Эта задача мудреная, и разрѣшить ее я не считаю себя компетентнымъ.

Русскаго мужика называютъ пьяницей, однако это или положительное заблужденіе, или непростительная клевета. Заблужденіе можетъ происходить отъ того, что мужика чаще видятъ пьянымъ на улицѣ, нежели людей, носящихъ такъ называемую «благопристойную» одежду. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ: во первыхъ, что число мужиковъ сравнительно съ числомъ людей, ходящихъ въ «благопристойной» одеждѣ несравненно обширнѣе, а во вторыхъ, и то, что человѣкъ, носящій «благопристойную» одежду, напивается по большей части въ уютныхъ и закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ и протрезвляется, а мужикъ напивается въ кабакѣ, откуда для протрезвленія выносится на улицу, а оттуда уже попадаетъ въ часть. Оттого намъ и кажется, что пьянствуютъ на свѣтѣ одни мужики.

Въ сущности же, мужикъ очень умѣренъ, даже болѣе умѣренъ, нежели по климатическимъ условіямъ можно было бы предполагать. Эта обычная умѣренность, а также и недостатокъ питательной пищи производятъ то, что онъ хмѣлѣетъ быстрѣе, нежели человѣкъ, ходящій въ «благопристойной» одеждѣ. Мужикъ пьетъ, по большей части, только въ городѣ, а въ деревнѣ только по большимъ праздникамъ, т. е. въ тѣ дни, когда онъ

разрѣшаетъ себѣ мясо или рыбу. Съ одной рюмки его уже отуманиваетъ, со второй словно отшибаетъ руки и ноги, съ третьей — онъ раскисаетъ и начинаетъ говорить комплименты, съ четвертой — ожесточается и лѣзетъ драться, послѣ пятой — его выносятъ. Клянусь, что люди, въ «благопристойной» одеждѣ, канканирующіе въ гостинницѣ «Синопъ», послѣ пятой рюмки только во вкусъ входятъ. А мужика не только ужь вынесли, но и лошадь у него угнали, и кошель съ мѣдными деньгами отобрали, и шапку съ головы сняли. Возвращается на третій день мужикъ въ деревню пѣшкомъ, и озирается кругомъ на покрытыя бѣлой пеленой поля, и что-то бормочетъ, и что-то припоминаетъ. Можетъ быть, онъ припоминаетъ, что обѣщалъ дѣткамъ калачика изъ города привезти, и сообразно съ этимъ бормочетъ: «ай да калачикъ!» а можетъ быть, дастъ себѣ зарокъ къ другому вору-цѣловальщику, отъ котораго лошадь-то угнали, больше не заходить и сообразно съ этимъ замѣчаетъ себѣ: «да, голубчикъ! чистъ молодецъ вышелъ!» А дома ждетъ его плачъ и вой бабъ, ихъ надоѣдливая брехотня и безсмысленное приставанье. Поѣдомъ они съѣдятъ его, а человѣкъ, носящій «благопристойную» одежду, глядя на него скажетъ: «ишь свинья, какъ налокался! даже шапку съ головы пропилъ!» Правильно.

Ахъ! смѣшно и мелочно кажется горькое горе ближняго, веселость и иронію вызываетъ въ постороннемъ зрителѣ его оторопѣлая, словно сейчасъ высѣченная физіономія... да, смѣшно! Но долго ли же, однако, смѣяться-то?

И, конечно, не я стану защищать русскаго мужика въ такомъ зазорномъ дѣлѣ, какъ неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ, но все-таки скажу человѣку, носящему «благопристойную» одежду: «свинья-то, братъ, ты! только нѣтъ въ тебѣ смѣлости даже и пакость вслухъ сотворить! и свиньишь-то ты втихомолочку, словно кукишь въ карманѣ показываешь!»

И такъ, условія жилья и пищи не вполнѣ благопріятны для русскаго мужика; посмотримъ теперь, каковъ-то его трудъ.

Трудъ мужика, за самыми ничтожными исключеніями, совершается на воздухѣ, и въ зимнее время это условіе, конечно, одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ. Холодъ, и самъ по себѣ составляющій страданіе, сверхъ того, лишаетъ человѣка нужной при тѣлесныхъ упражненіяхъ развязности, которая еще болѣе затрудняется теплою мужицкой одеждой, почти всегда неуклюжей и дурно пригнанной. Это общее замѣчаніе, показыва-

ющее, что зимній трудъ мужика самъ по себѣ имѣетъ особаго рода цѣнность. Затѣмъ, слѣдуетъ разсмотрѣть виды тѣлесныхъ упражненій, которымъ предается мужикъ.

Зимнія мужицкія работы могутъ быть раздѣлены на два главныхъ разряда: однѣ совершаются дома, другія на сторонѣ.

Хотя и дома работа большею частью не легка (молотьба, рубка дровъ и т. п.), но здѣсь, по крайней мѣрѣ, мужикъ можетъ болѣе или менѣе свободно располагать своимъ временемъ, и примѣнять на практикѣ теорію привлекательности труда. Надоѣло молотить, — руби дрова; надоѣло рубить дрова, — ступай въ поле за сѣномъ. Бабы въ это время заняты по хозяйству, а въ свободныя минуты прядутъ или разматываютъ бумагу. Это послѣднее занятіе, вслѣдствіе обилія рукъ ему предающихся, цѣнится до того дешево, что самая усердная баба врядъ ли можетъ выработать на немъ болѣе двухъ-трехъ рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, если мужиковъ въ селѣ мало, или имъ недосужно, то бабы не пренебрегаютъ и мужицкими работами.

На сторонѣ, главное (по крайней мѣрѣ, наиболѣе, по своей общедоступности, распространенное) занятіе мужика есть извозъ. Подмосковные крестьяне (рѣчь идетъ объ нихъ) промышляютъ и легковымъ извозомъ, и перевозкою произведеній земли, какъ своихъ собственныхъ, такъ и по найму; легковое извозничество когда-то было выгодно, но теперь, когда извощиковъ въ Москвѣ расплодилось, какъ песку морскаго, и кормы непомѣрно вздорожали (прошлый 1863 годъ составляетъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе), промыселъ этотъ становится все больше и больше невыгоднымъ. Онъ требуетъ капитала до 100 р. на первоначальное обзаведеніе, т. е. на покупку саней, сбруи и кой-какой лишней теплой одежды (лошадь своя и полагается нестоющею ничего); выѣздить въ день такъ называемый ванька — я объ нихъ только и говорю — можетъ круглымъ счетомъ до 1 р., или въ мѣсяцъ до 30 р., а во весь зимній сезонъ, считая съ 15-го ноября по 1-е апрѣля, 130 р. Въ это время расходъ у него слѣдующій: десять процентовъ съ затраченнаго капитала (включая тутъ же и ремонтъ санишекъ и сбруи) составляютъ 10 р.; проѣсть въ сутки и пропить ванькѣ на чаю необходимо не меньше 30 к., стравить лошади нужно не менѣе полумѣры овса и полупуда сѣна, что, по среднимъ цѣнамъ, стоитъ 35 к., слѣдовательно, продовольствіе извощика съ лошадью стоитъ ежедневно 65 к., или около 20 р. въ мѣсяцъ, а въ зиму 90 р.; наемъ

квартиры въ зиму стоитъ до 20 р., ковка лошади и другія мелочи составляютъ рублей пять; всего, стало быть, расхода 125 р., въ остаткѣ имѣется 5 р. Такимъ образомъ, человѣкъ съ лошадью, въ продолженіи четырехъ съ половиной мѣсяцевъ, за пять рублей несетъ работу глупую и нездоровую, подвергается брани и тычкамъ сѣдоковъ, и по временамъ даже испытываетъ удовольствіе возить даромъ господъ хожалыхъ. Правда, что дома лишняя лошадь и лишній человѣкъ съ корму долой (этимъ «лишнимъ», какъ увидимъ ниже, и ѣсть-то было бы нечего), но правда и то, что отъ изъятой изъ хозяйства лошади не получается удобренія, а отъ изъятаго изъ хозяйства мужика часто получается, вмѣсто выгоды, такой ущербъ, который впослѣдствіи ничѣмъ не вознаграждается. Не надобно забывать, читатель, что въ Москвѣ мужикъ окруженъ всякаго рода соблазнами, что тамъ существуютъ разные «Миланы» и «Крымы», которые именно и устроены съ цѣлью обдиранія русскаго мужика. И потому, о москвичь! ты, который съ Плющихи или изъ подъ Новинскаго поспѣшаешь на кабалистико-чревовѣщательный вечеръ на Спиридоновку или на юридическо-сикофантское утро на страстной бульваръ, вспомни все изображенное выше, и не торгуйся съ ванькой, запрашивающимъ съ тебя четвертакъ, не вынуждай его ѣхать съ тобою за патіалтынный, но дѣйствуй щедрой рукой и даже прибавляй пятачокъ на водку!

Извозничество съ тяжестями сопряжено еще съ большими неудобствами: тутъ при нашихъ благоустроенныхъ проселкахъ и при русскихъ мятеляхъ напринимаешься такого лютаго горя, что, кажется, и въ жизнь бы другой разъ не поѣхалъ... и все-таки и въ другой, и въ третій, и въ четвертый разъ—все ѣдешь. Возьму мѣстность въ 30 верстахъ отъ Москвы. Кажется невѣроятнымъ, чтобы одна поѣздка въ Москву и обратно, на такомъ разстояніи, требовала около 30 часовъ, а между тѣмъ ничего нѣтъ справедливѣе этого. Положимъ, что мужикъ везетъ въ Москву возъ сѣна, и что съ вечера у него этотъ возъ уже навитъ и увязанъ. Поднимается онъ изъ дому съ десяти часовъ ночи и тогда только можетъ быть увѣренъ, что поспѣетъ въ Москву часамъ къ осьми слѣдующаго утра. Медленность движенья объясняется очень просто: во первыхъ, проселки наши обилуютъ всевозможными ухабами, во вторыхъ, на тѣхъ же проселкахъ, особливо около деревенскихъ околицъ, дотого иногда переметаетъ дорогу снѣгомъ, что малосильная мужицкая лошаденка становится

въ туникъ. Кромѣ того, можетъ случиться встрѣчный обозъ, и въ такомъ разѣ положеніе дѣлается по истинѣ трагическимъ; начинается брань, толкотня, метаніе жеребьевъ, и время летитъ не замѣтно. Кромѣ того, можетъ встрѣтиться или баринъ, или старшина, или писарь въ санкахъ — тутъ ужь никакой пустой болтовни не бываетъ, а съѣзжаетъ обозъ мужицкій въ сугробы безъ всякихъ разговоровъ, такъ что только морды лошадиныя виднѣются изъ подъ снѣгу. И тутъ время летитъ незамѣтно.

Въ Москвѣ крестьянинъ видитъ себя со всѣхъ сторонъ обхвдленнымъ скупщиками и кулаками, которымъ тоже хочется ѣсть (Господи! что значитъ ѣда-то!) и которые поэтому величаютъ его и «любезнымъ», и «почтеннымъ». Но мужикъ еще крѣпится и не сдается на обольщенія; ему думается еще, что найдется такой храбрый покупатель, который пробьется сквозь эту толпу паразитовъ и обратится прямо къ нему. Опытъ, однако, доказываетъ, что это случается рѣдко, и обыкновенно дѣло кончается тѣмъ, что мужикъ побьется-побьется и все-таки обратится къ той же компаніи скупщиковъ. Въ этихъ переворотахъ проходитъ время до самыхъ сумерекъ, а тамъ пойдутъ сборы, является надобность обогрѣться, выпить чаю, сдѣлать кой-какія закупки — и пройдетъ въ этой суетѣ часовъ до восьми вечера. И счастливъ онъ, если воротится домой въ то время, когда начнетъ ужь свѣтать. Теперь посмотримъ, что онъ пріобрѣтаетъ отъ своего труда, сопряженнаго, кромѣ потери времени, еще съ безчисленнымъ множествомъ разныхъ другихъ непріятностей.

Обыкновенно подмосковный мужикъ везетъ въ Москву сѣно или дрова; исчислимъ прибыли, которыя онъ получаетъ отъ того и другаго промысла. Безсильная крестьянская лошаденка не свезетъ болѣе 20 пудовъ такого громоздкаго товара, какъ сѣно; въ нынѣшнемъ году продуктъ этотъ самаго лучшаго качества стоитъ въ Москвѣ не болѣе 15—16 коп. за пудъ; но крестьянину лучшаго качества сѣна взять негдѣ (кромѣ, впрочемъ, огуменнаго, которое онъ уже продалъ по осени), и потому онъ везетъ такъ называемую *лѣснику*, или *полевщину*, за которую красная цѣна отъ 12 до 13 коп. за пудъ. Такимъ образомъ, онъ получаетъ за свой возъ maximum 2 р. 60 к.; изъ этихъ денегъ онъ долженъ издержать на харчи себѣ до 30 к. и лошади до 35 к. (около 30 к. за мѣру овса и около 5 к. за сѣно); остается 1 р. 95 к. Въ этой цѣнѣ заключается: плата за провозъ сѣна на разстояніи 30 верстъ и за проѣздъ обратно, плата за наемъ земли, съ которой

снято сѣно, и наконецъ плата за работу по скошенію и уборкѣ сѣна, что у одного человѣка занимаетъ не менѣе четырехъ дней, такъ какъ сѣна лѣснаго и полеваго получается съ цѣлой десятины никакъ не больше сорока пудовъ, а уборка его требуетъ не многимъ менѣе времени, нежели уборка сѣна луговаго. Вообразите себѣ, что крестьянинъ дешево-дешево арендовалъ землю по 75 к. за десятину, окажется, что за полдесятины онъ все-таки заплатилъ $37^{1}/_{2}$ к. и что слѣдовательно за его слишкомъ пятидневный трудъ остается не болѣе 1 р. $57^{1}/_{2}$ к., и за какой трудъ! А если взять въ разсчетъ ту арендную плату, которая въ московской губерніи полагается за землю, отрѣзанную крестьянамъ въ надѣлъ (что, въ сущности, и будетъ совершенно справедливо), т. е. по 2 р. 50 к. за послѣднія двѣ десятины, то изъ 1 р. 95 останется мужику всего 70 коп.

Другой промыселъ — дрова. Этотъ матеріалъ подмосковные мужики скупаютъ въ рощахъ: березовыя рубля по три, осиновыя и другія рубля по два и меньше за сажень. Возьмемъ березовыя дрова, какъ наиболѣе выгодныя. Въ нынѣшнюю зиму хорошія швырковыя дрова можно было сплошь и рядомъ купить въ Москвѣ по 4 р. 50 к. за сажень, но мужикъ продаетъ свою сажень дороже, потому что рощинская кладка для него выгодна (она дѣлается безъ боковыхъ клѣтокъ, и притомъ всегда допускается въ сажени примѣръ вершка на два или на полтора), и изъ рощинской сажени онъ можетъ безъ всякой фальши выкласть въ городѣ сажень съ третью, слѣдовательно продастъ онъ эту сажень за 6 р. Если у него только одна лошадь (въ большинствѣ случаевъ, это такъ и бываетъ), онъ сажень дровъ можетъ перевезти на ней въ городъ никакъ не меньше, какъ въ три раза; слѣдовательно, за прокормъ себя и лошади заплатитъ въ эти три дня 1 р. 95 к., и за тѣмъ ему останется чистаго барыша 1 р. 5 к. за пять слишкомъ дней работы (болѣе 3-хъ на поѣздки въ Москву, и около 2-хъ на поѣздку въ рощу).

Если таковы выгоды отъ перевозки двухъ товаровъ, считающихся наиболѣе цѣнными въ подгородномъ сельскомъ быту, то что же можно сказать о поѣздкахъ въ Москву съ возомъ, напримѣръ, осоки, которая продается отъ 8 до 9 к. за пудъ, или соломы, который и весь-то стоитъ 1 р. сер.? Какую выгоду пріобрѣтаетъ здѣсь мужикъ — это просто непонятно, кромѣ развѣ той, что онъ и его лошадь не состоятъ въ дни поѣздокъ на домашнемъ корму.

Затѣмъ, за извозъ по найму платится на этомъ же разстояніи зимой по 5 к. съ пуда — плата не только удовлетворительная, но, что называется, красная. Этимъ путемъ мужикъ можетъ выработать съ лошадью 1 р. с. въ сутки и привезти домой чистаго капитала до 35 к. с. Многіе даже возстаютъ противъ громадности этой цѣны, многимъ кажется, что подмосковные мужики избаловались, что они облопаются; но, конечно, если мы вникнемъ въ самую суть дѣла, и притомъ вообразимъ, какую муку долженъ принять мужикъ, чтобъ достать эти 35 к., то едва ли согласимся съ подобнымъ мнѣніемъ. Не надобно при этомъ забывать, что перевозки продолжительныя, не сопряженныя съ потерей времени на базарахъ, и притомъ товара не громоздкаго, какъ наприм. торфа, дровъ и т. п., стоятъ дешевле, и обходятся, на томъ же разстояніи, не дороже $3^1/_2$ — 4 к. съ пуда.

Взглянемъ же теперь на такъ называемыя мужицкія угоды (опять-таки говорю о подмосковной мѣстности). По положенію, въ московской губерніи намѣривается на душу по 3 дес. земли (высшій надѣлъ), и за пользованіе такимъ участкомъ взимается въ пользу помѣщика 10 р. с.; сверхъ того, съ каждой души на разныя другія потребности, какъ-то: подушныхъ, земскихъ повинностей, намировыя учрежденія, на волостное и сельское управленіе и т. п. сходитъ по меньшей мѣрѣ, 2 р. — итого 12 р. Представимъ себѣ дворъ, помѣщающій въ себѣ два тягла; въ этомъ дворѣ, по самому выгодному разсчету, должно заключаться двѣ мужскихъ души рабочихъ, двѣ такихъ же души не рабочихъ и отъ 4 до 5 душъ женскаго пола; стало быть, это семейство владѣетъ въ настоящую минуту 12-ю десятинами, за которыя обязано уплатить въ годъ 48 рублей. Изъ числа этихъ 12 десятинъ, полдесятины находится подъ усадьбой, четыре съ половиной подъ пашней (обработывается только 3 дес., остальныя полторы десятины подъ паромъ), затѣмъ семь десятинъ подъ кустарникомъ («по косому покосъ»), подъ бывшею господскою вырубкою, подъ калугами, подъ мокрымъ мѣстомъ, подъ чистымъ болотомъ («по косому покосъ», какъ говорится въ планѣ) и т. д. Пусть не смущается читатель этими цифрами: болѣе земли такое хозяйство не можетъ обработать, потому что у него даже и на это количество *никогда* недостаетъ удобренія. Что можетъ получать это семейство съ владѣемой имъ такъ называемой удобной земли? А вотъ что.

Озимаго хлѣба высѣвается, по крестьянскому обычаю, около двухъ четвертей на десятину, итого во всемъ озимомъ полѣ

сѣется три четверти, отъ которыхъ, при недостаточно удобренной землѣ, получается урожай не болѣе самъ четвертъ—12 четвертей. Яроваго высѣвается (положимъ овса) вдвое, т. е. шесть четвертей, отъ которыхъ самый большой урожай самъ третей, итого 18 четвертей. Съ семи десятинъ дряннаго покоса онъ получитъ до 280 п. столь же дряннаго сѣна, да усадебнаго и огуменнаго отличнаго сѣна до 50 пудовъ. Это результатъ употребленія въ дѣло всѣхъ рабочихъ силъ семейства, въ продолженіи цѣлаго лѣта, за исключеніемъ, быть можетъ, весьма немногихъ дней, остающихся залишними, которыми пользуются члены семейства, чтобъ добыть копѣйку поденною работой на сторонѣ. За исключеніемъ количества хлѣба, необходимаго на сѣмена, все это по среднимъ цѣнамъ стоитъ: 9 четвертей ржи (по 5 р. за четверть) —45 р., 12 четвертей овса (по 3 р.)—36 р. 50 пудъ усадебнаго сѣна (по 20 к.) — 10 р. и 280 пудъ полеваго (по 15 к.) — 42 р.; итого 133 р. Уплативши изъ этого количества 48 р. остается на содержаніе семейства, состоящаго изъ 4 мужескаго пола и 5 женскаго пола душъ, — 85 р. въ годъ, и изъ этихъ денегъ надобно еще поддержать усадебное строеніе. Чѣмъ тутъ жить? чѣмъ питаться? Очевидно, что здѣсь надежды, должны быть разсчитаны не на земледѣліе и доставляемыя имъ выгоды, а на тѣ посторонніе заработки, о которыхъ говорено было выше.

Изъ этого видно, въ какой степени неоснователенъ ропотъ тѣхъ господъ, которые позволяли себѣ негодовать на то, что правительство будто бы излишне понизило норму оброка, платимаго крестьянами, ибо выгода, получаемая крестьяниномъ отъ найма земли до того мала, что онъ существовать ею положительно не можетъ. Чтобы достать себѣ соли и кусокъ мяса въ праздникъ, чтобъ одѣть себя и свое семейство, онъ обязанъ пускаться въ заработки, но не такъ, какъ пускаемся мы съ вами, читатель: у себя въ кабинетѣ, или черезъ дорогу въ департаментѣ, а съ обреченіемъ себя на лишенія, на усталость и на всякаго рода случайности.

Нѣтъ, вы представьте же себѣ эту жизнь, въ которой яйцо считается плодомъ запретнымъ, а простое коровье масло — непозволительною роскошью, въ которой соль составляетъ предметъ мучительныхъ тревогъ, въ которой человѣкъ не знаетъ другаго ложа, кромѣ голыхъ досокъ съ постланною на нихъ соломой, другаго изголовья, кромѣ свернутаго, кишащаго насѣкомыми полушубка, въ которой неизвѣстно, что значитъ тепло, а извѣстны

или стужа или жаръ непереносный. Дворовый человѣкъ, который тоже не богъ знаетъ изъ какой глины слѣпленъ, но который успѣлъ пожить въ такомъ домѣ, гдѣ ему дается и комната, и постель, и возможность нѣсколько часовъ въ сутки провести у *себя*, съ ужасомъ оглядывается на эту жизнь, и охотно соглашается понизить получаемое жалованье до крайности, лишь бы не быть вынужденнымъ влачить подобное существованіе. Это просто адъ, и мужикъ до такой степени понимаетъ это, что когда ему выдается такой моментъ, что его не терзаютъ ни тараканы, ни клопы, ни вши, когда его не печетъ въ упоръ солнцемъ, и не обжигаетъ сзади и спереди морозомъ, когда онъ можетъ успокоить свое тѣло на чемъ нибудь болѣе мягкомъ, нежели голая доска, то онъ выражается такъ: «точно *я*, сударь, въ раю побывалъ».

Какъ же, однакожъ, живутъ такимъ образомъ люди? спроситъ меня изумленный читатель. — Ну да, такъ и живутъ. Живутъ, и даже пѣсни орутъ по праздникамъ, и подсмѣиваются, и подшучиваютъ другъ надъ другомъ, и *совокупляются*, и даже празднуютъ по этому случаю...

Да, желаніе жить, жить во что бы то ни стало—вотъ застарѣлая болѣзнь, которою томится человѣкъ, въ какомъ бы положеніи ни застала его жизнь, какимъ бы холодомъ она ни дохнула на него. Обдаетъ она его невзгодами словно ливнемъ снѣжнымъ, качаетъ его изъ стороны въ сторону: и къ землѣ пригнетъ, и опять, словно на смѣхъ, дастъ выпрямиться, и опять еще пуще пригнетъ—и все-то живетъ человѣкъ, все-то цѣпляется обѣими руками за обшмыганный подолъ своей потаскухи-мачихи. Надежды что ли, радости ли какія блестятъ впереди? — нѣтъ, дорога жизни стелется до того ровною лентой, что взоръ безъ труда проникаетъ въ даль на безграничное пространство, и ничего въ этой дали, кромѣ повторенія пройденныхъ задовъ, не усматриваетъ, а все-таки живетъ да живетъ-себѣ человѣкъ, и даже во всю силу своихъ легкихъ запротестуетъ противъ того, кто посягнетъ на его нещечко. О, сладкая привычка жить! И ни въ комъ-то ты такъ сильно не сказываешься, какъ въ русскомъ мужикѣ да въ русскомъ литераторѣ!

Насъ, танцующихъ у Ефремова въ «благопристойной» одеждѣ людей, могутъ еще тѣшить какіе-то словесные турниры, прикрывающіе себя пышными именами свободы, прогресса и т. п., но мужику до этихъ словесныхъ турнировъ рѣшительно нѣтъ

никакого дѣла. Вслѣдствіе ли природной ограниченности, или отъ того, что онъ пришибенъ всякими обстоятельствами, мужикъ не прозрѣваетъ умственнымъ окомъ своимъ въ отдаленныя перспективы прогресса и желаетъ получить хотя то улучшеніе, которое доступно его пониманію, и притомъ получить немедленно. Я думаю даже, что съ нимъ было бы очень трудно сговориться и насчетъ привлекательности труда, не смотря на то, что теорія эта, очевидно, построена въ его пользахъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ? быть можетъ, спроситъ меня благоразумный, но не совсѣмъ понятливый читатель. А изъ этого слѣдуетъ одна очень простая вещь, что когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни умиляться, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолію. Надо смотрѣть на это почтенное сословіе какъ можно проще, и въ настоящее время, думается мнѣ, достаточно будетъ съ тебя, читатель, если ты доподлинно будешь знать, что дѣлаетъ русскій мужикъ, и во что ему это его дѣло обходится. Никогда не мѣшаетъ имѣть правильныя и непреувеличенныя свѣдѣнія о предметѣ, о которомъ имѣть таковыя желаешь. Это отсутствіе преувеличеній, быть можетъ, огорчитъ нѣсколько любознательнаго изыскателя, лишитъ его удовольствія рисовать картинки на розовомъ маслѣ и вообще идеальничать и поэтизировать, но взамѣнъ того, оно положитъ начало чувству болѣе прочному и плодотворному, чувству справедливости. Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко та же самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ человѣка къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливость, а покамѣстъ она только и требуется.

Но мужики составляютъ только одну сторону сельскаго быта; другая его сторона представляется помѣщиками. Увы! ихъ положеніе тоже далеко не казисто.

Зимой наши помѣщики обыкновенно сводятъ счеты. На дняхъ, одинъ мой сосѣдъ, Елпидифоръ Кондратьичъ Птицынъ,

щелкалъ-щелкалъ щетами, потѣлъ-потѣлъ надъ итогами, да вдругъ какъ фыркнетъ.

— Что это, другъ мой, какъ ты не хорошо смѣешься! замѣтила супруга его, урожденная княжна Забіякина.

Но сосѣдъ зажалъ себѣ носъ и, бѣгая по комнатѣ, испускалъ какіе-то невнятные звуки.

— Да вы знаете ли, что я за прошлый годъ отъ хозяйства два рубля тридцать четыре съ половиной копѣйки барыша получилъ! произнесъ онъ наконецъ, останавливаясь передо мною:—а? можно съ успѣхомъ поздравить?

Я и присутствовавшій тутъ же другой сосѣдъ, Антіохъ Никифорычъ Коромысловъ, тоскливо-сочувственно переглянулись между собой.

— Я съ своей стороны даже убытку рубль двѣ копѣйки потерпѣлъ! замѣтилъ Антіохъ Никифорычъ какимъ-то сладко-пономарскимъ фальцетомъ, который онъ выработалъ себѣ немедленно послѣ крестьянской эмансипаціи.

Я тоже сознался.

— А посмотрите, какія я книги завелъ, чтобъ отчетность въ порядкѣ была! нѣтъ, да вы посмотрите, книги-то, книги-то какія! продолжалъ Птицынъ, и въ другой разъ не удержался и прыснулъ такъ, что даже маленькія дѣти, игравшія въ залѣ,—и тѣ услышали и прибѣжали посмотрѣть, какъ папаша веселится.

Въ самомъ дѣлѣ, весь столъ былъ заваленъ книгами въ не совсѣмъ изящныхъ, но прочныхъ переплетахъ. Я полюбопытствовалъ заглянуть въ одну, вижу—разграфлена, и сверху написано: «**Ранняя, корова голландская**, *пріобрѣтена по совѣту извѣстнаго агронома, надворнаго совѣтника и кавалера Б****. Съ боку подъ рубрикой «общія свойства» написано: *прожорлива и къ молоку равнодушна; сначала давала даже до полуведра въ день и довольно сносно, но съ теченіемъ времени постепенно стала ослабѣвать и дошла наконецъ до чайной чашки; между молокъ ходила цѣлыхъ два мѣсяца, и въ заключеніе принесла теленка объ двухъ снастяхъ, котораго, въ знакъ признательности, и отправили къ надворному совѣтнику Б****. Заглянулъ я и въ другую книгу, тоже разграфлена и носитъ общее названіе: *Описаніе полей экономіи отставнаго штабсъ-капитана Елпидифора Кондратьича Птицына. Система осьмипольная, принятая по указанію надворнаго совѣтника и кавалера Б****.

— Что, хороши книжки? обратился ко мнѣ хозяинъ: — да

вы прочтите хоть одну... вѣдь тутъ, батюшка, цѣлый романъ! А вотъ и самое оное руководство, по которому я всю эту механику въ дѣйствіе производилъ... овесъ, батюшка, у меня нынче самъ другъ съ половиной родился! это нынче-то! нынче-то!

При этихъ словахъ, Птицынъ подалъ мнѣ руководство, составленное тѣмъ самымъ надворнымъ совѣтникомъ Б***, о которомъ упомянуто выше; но такъ какъ я уже былъ достаточно знакомъ съ этою книжицей, то могъ только содрогнуться при видѣ ея.

— Эй вы, мелюзга! Кликнуть ко мнѣ Романыча! закричалъ Птицынъ дѣтямъ:—нѣтъ, тутъ надобно сразу принять средства героическія!

Черезъ нѣсколько минутъ явился Романычъ.

— Съ нынѣшняго года чтобъ у меня никакого хозяйства... ни-ни! сказалъ Птицынъ, и посмотрѣлъ на насъ тріумфаторскимъ взглядомъ.

— Слушаю-съ.

— Ни пахать, ни сѣять, ни жать... ни-ни!

— Слушаю-съ.

— И всѣ эти книги хранить въ конторѣ, какъ свидѣтелей моего легкомыслія!

— Ахъ, mon cher! peut on parler de la sorte! пискнула было мадамъ Птицына.

— Коровъ продать, сѣно продать, инструменты продать! скотницъ-воровокъ расчесть! командовалъ Птицынъ:— и чтобъ этого духа, чтобъ даже слѣдовъ этого поганства въ домѣ моемъ не оставалось! Кромѣ дурака Антипки—чтобъ ни одного работника въ домѣ не было!

Птицынъ, очевидно, пришелъ въ восторженное состояніе; мы съ Коромысловымъ удивлялись его героизму, но, признаюсь, все это казалось намъ какъ-то дико. «Какъ же это, однако жъ, безъ хозяйства быть»? вертѣлось все въ головѣ, «какъ это жить въ деревнѣ, и не видѣть, какъ «златыя колосья» дремютъ до земли?

— Всю землю отдавать въ наймы! продолжалъ между тѣмъ Птицынъ:—а если никто не найметъ, или будутъ неподходящую цѣну давать,—ну, и чортъ съ ней! Одни покосы убирать, а если въ Москвѣ будутъ такія же анаѳемскія цѣны на сѣно стоять, какъ нынче—чортъ и съ покосами!

Однимъ словомъ, это было какое-то всеобщее разрушеніе,

какое-то агрономическое валтасарово пиршество, въ заключеніе котораго неожиданно являлось роковое мане-текелъ-фаресъ.

Какія мысли шевелились въ это время во мнѣ, невольномъ свидѣтелѣ геройской рѣшимости моего сосѣда? Конечно, прежде всего я подумалъ: другъ! это правда, что ты нажилъ всего два рубля тридцать четыре съ половиною копѣйки, но вспомни, что у тебя спокойна совѣсть, вспомни, что ты можешь сказать себѣ: «да, этѣ деньги я нажилъ своимъ собственнымъ честнымъ трудомъ! этѣ деньги не облиты кровью и потомъ моихъ ближнихъ! этѣ деньги я могу истратить на свои удовольствія, не опасаясь никакихъ угрызеній совѣсти!» Неужели сего недовольно? Неужели и этого утѣшенія мало? По моему мнѣнію, такъ это просто утѣха — первый сортъ! Но съ другой стороны мнѣ представлялся и такой вопросъ: чѣмъ-то ты жилъ, другъ, при такихъ доходахъ? и на какіе предметы ты ихъ промоталъ? То-то, чай, затруднялся! Я былъ даже такъ неостороженъ, что формулировалъ вопросъ свой вслухъ.

— А чѣмъ живешь? отвѣчалъ сосѣдъ: — извѣстно чѣмъ: выкупныя свидѣтельства по маленьку продаешь! Я вѣдь, батенька, либералъ, либералъ вѣдь я, либералъ! идеями тверскими увлекался, въ честь Унковскаго старшаго сына Алексѣемъ назвалъ, Европеусъ съ Головачевымъ и Сабанѣевымъ отъ купели у меня воспринимали... вотъ вѣдь обстановка-то какая у меня была!

— C'était tout un rêve de félicité! вздохнула хозяйка, урожденная княжна Забіякина.

— Жену, батюшка, до восторженнаго состоянія довелъ! Картину, изображающую членовъ тверскаго большинства, подъ изголовьемъ у ней повѣсилъ! элегію въ стихахъ къ Унковскому имѣлъ честь посылать, и получилъ отъ него въ отвѣтъ собственноручное письмо! вотъ она какая обстановка-то у меня была!

— Да, обстановка...

— Да ужь такая обстановка, что казалось, только сиди да деньги огребай, анъ вышло совсѣмъ напротивъ!

— Да-съ, этотъ *господинъ* Унковскій много нашего брата съ сумой по міру пустилъ! язвительно пискнулъ Коромысловъ: — сказываютъ также, что какой-то тутъ Кошелевъ много интриговалъ, и что еслибъ не они, такъ ничего бы этого не было!

— Ну вотъ-съ, только напитавшись такимъ манеромъ тверскими идеями, и говорю я женѣ: «совѣстно мнѣ, ma chère, съ мужичковъ оброкъ брать; стану-ка я съ ними жить, какъ съ

добрыми сосѣдями!» А тутъ еще, какъ на грѣхъ, вопросъ о сближеніи сословій подняли...

— Ахъ, это была цѣлая цѣпь ужаснѣйшихъ обольщеній! вставила свое слово хозяйка.

— И пошелъ я, сударь, на выкупъ; всѣхъ крестьянъ сразу порѣшилъ... Птицынъ не договорилъ, словно бы чѣмъ поперхнулся.

— Такъ вы капиталъ-то и проживаете? договорилъ я безъ церемоніи.

— Мы и проживаемъ, повторилъ Птицынъ за мною.

— Мы и плазываемъ! отозвался подпрыгивая старшій изъ дѣтей Птицына, тотъ самый, который въ честь Унковскаго названъ былъ Алексѣемъ.

Водворилось молчаніе, то тягостное молчаніе, которое водворяется всегда, когда одинъ изъ собесѣдниковъ сравнаетъ себя съѣвшемъ грибъ.

— А вѣдь, я думаю, тоскливо-таки жить зимой въ деревнѣ? спросилъ я, чтобы дать разговору другое направленіе.

— Помилуйте, какая тоска! да у насъ тутъ такое веселье, что никакихъ театровъ не надо!

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— А чѣмъ занимаемся — полемизируемъ, сударь, полемизируемъ! Я полемизирую съ своимъ Ванькой, жена полемизируетъ съ своей Машкой! И какія, я вамъ доложу, они намъ предики и репримандьі отчеканиваютъ — просто загляденье! Я даже журналы выписывать пересталъ.

— У меня на первыхъ порахъ, какъ *это* объявили, такъ ни одной печки въ домѣ цѣлыхъ два дня не топили! Хотѣлъ было къ становому послать, такъ вѣдь никто не идетъ! сказалъ Коромысловъ и устремилъ взоры къ небу.

— Иронія, батюшка, какая-то въ лицахъ появилась! словно вотъ такъ и хотятъ они прыснуть со смѣху, на тебя глядя! продолжалъ хозяинъ.

— Зачѣмъ же вы обращаете на *это* вниманіе?

— Нельзя не обращать-съ. Поймите, что мы здѣсь точь въ точь арестанты живемъ; выѣхать въ городъ нельзя — не на что; общества — никакого; ни книгъ, ни журналовъ не выписываемъ: нѣтъ средствъ; занятій зимой — никакихъ, да и какія тутъ могутъ быть занятія, когда въ результатѣ выходитъ два рубля тридцать четыре съ половиной копѣйки! Ну, вотъ и втяги-

мешься по маленьку, всматриваешься въ выраженіе Ванькиныхъ лицъ, начинаешь полемизировать...

— Неужели же вы никакихъ ни книгъ, ни журналовъ не выписываете!

— Выписывалъ прежде «Московскія Вѣдомости», да и тѣ нынче бросилъ. Расписываютъ это, расписываютъ: и передовое-то сословіе, и опора тамъ какая-то, словно вотъ иногда во снѣ сытный-пересытный обѣдъ видишь, а проснешься — и нѣтъ ничего! Такъ ужь пристойнѣе, по моему, совсѣмъ не дразнить себя...

— Я нынче для людской «Русскія Вѣдомости» выписываю, да и то потому, что становой приставъ очень рекомендовалъ, сказалъ Коромысловъ.

— Встанешь это съ утра съ ранняго, ходишь, ходишь, инда одурь тебя возьметъ — ну, за священникомъ для развлеченья пошлешь. «А что, батюшка, вѣдь Гарибальди-то герой?» спросишь его. — Офицеръ не робкаго десятка, отвѣтитъ батюшка, но въ русскомъ войскѣ наврядъ ли бы храбрость свою оказать могъ! «А почему вы такъ думаете, батюшка?»—А потому главнѣе догадываюсь, что у Гарибальди этого уваженія къ старшимъ душа принимать не можетъ, а въ русскомъ войскѣ это первѣйшая вещь. И пойдетъ тутъ у насъ разговоръ, какого нѣтъ глупѣе, и зѣваемъ мы оба, зѣваемъ, покуда не придетъ Ванька и не спроситъ иронически: не прикажете ли, сударь, водки подать?

— Но почему же вы думаете, что онъ спроситъ непремѣнно иронически?

— А потому, что онъ очень отчетливо понимаетъ, что я ни на что другое не годенъ, кромѣ какъ водку пить да съ батюшкой объ Гарибальди пустыя рѣчи разговаривать. Онъ на каждомъ, можно сказать, шагу проводитъ параллели между мной и собой, и разумѣется, приходитъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ. Онъ и сапоги-то вычиститъ, и самоваръ-то поставитъ, и печку-то истопитъ, а я только и дѣлаю, что слоняюсь день деньской изъ угла въ уголъ! Вѣдь я съ голоду помру, если онъ меня не накормитъ — такъ какъ же ему и не отнестись-то ко мнѣ иронически?

— Душа моя, ты, кажется, начинаешь страдать ипохондріей, заботливо замѣтила супруга моего сосѣда.

— Нѣтъ, это не ипохондрія, а настоящая, истинная истина! Вѣдь мы, батюшка, и дѣтей-то народимъ, такъ послѣ не

знаемъ, куда съ ними дѣваться! И воспитать-то ихъ — тоже чужихъ людей нанимать надо!

Разговоръ, очевидно, принималъ характеръ самообличенія, тѣмъ болѣе тягостный, что madame Птицына едва ли не принимала послѣдней выходки своего супруга на свой счетъ.

— Ну-съ, а какъ вы на счетъ сближенія съ народомъ полагаете! спросилъ я, придумывая новую канву для разговора.

— Н-да, это было бы невредно, только такъ ужъ не сблизиться, какъ было при крѣпостномъ правѣ!

— И вы называете это сближеніемъ?

— А то какія же другія сближенія бываютъ! У меня нынче лѣтомъ всѣ овощи изъ огорода крестьянскіе мальчишки потаскали, вотъ я однажды и подкараулилъ одного. Разумѣется, онъ сейчасъ стрекача; только я ему вслѣдъ: да куда же, куда же ты, миленькій! поди сюда, прянична дамъ! — Нѣтъ, говоритъ, ты обма-а-нишь! ты высѣки-ишь! такъ-таки и не пришелъ...

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то и слѣдуетъ, что мужикъ благородныхъ этихъ чувствъ не понимаетъ. Вы къ нему съ благородствами да съ лизаньями, а онъ на суконцо ваше поглядываетъ, и думаетъ про себя: вишь ты! стало быть, барину-то что нибудь померещилось, коли онъ съ сиволапымъ мужикомъ цаловаться лѣзетъ!

— Нѣтъ, вы сегодня рѣшительнымъ мизантропомъ смотрите, Елпидифоръ Кондратьичъ!

— Это отъ того, что годовой результатъ моихъ хозяйственныхъ распоряженій очень ужь меня обрадовалъ!

— Вотъ о «почвѣ» нынче очень занятно въ книжкахъ разсказываютъ, вставилъ свое словцо Коромысловъ.

— Да, и «почва» вещь не вредная, потому что вѣдь, въ сущности, что такое «почва»? Это именно та самая штука, изъ которой можно сдѣлать двоякое употребленіе, то есть или высасывать изъ нея соки, или попирать ее ногами. Надѣюсь, что пріятнѣе этого занятія трудно что нибудь придумать!

Въ такомъ тонѣ продолжался нашъ разговоръ довольно значительное время, и я въ сотый разъ могъ убѣдиться, что бываютъ на свѣтѣ такіе щекотливые предметы, въ которыхъ нѣтъ ни одного мѣста, до котораго можно было бы прикоснуться, не почувствовавъ себя сразу стоящимъ какъ бы на горячихъ угольяхъ. Всего лучше было бы вовсе не касаться подобныхъ предметовъ, но къ сожалѣнію, они сами напрашиваются на языкъ,

и до такой степени со всѣхъ сторонъ осаждаютъ человѣка, что онъ не успокоится, покуда до конца не растревожитъ всей накипѣвшей въ его груди боли. Однимъ изъ самыхъ неиссякаемыхъ источниковъ подобныхъ жгучихъ болей будетъ еще долго служить заживо схороненное крѣпостное право. Упраздненіе его до такой степени перевернуло вверхъ дномъ всѣ отношенія, перемѣшало всѣ понятія, что большинство заинтересованныхъ и до сихъ поръ находится въ изумленіи и чувствуетъ себя застигнутымъ врасплохъ. Я зналъ очень многихъ, которые относились къ этой правительственной реформѣ, повидимому, очень даже любезно, но странное дѣло! въ то же время я очень явственно понималъ, что если верхній этажъ у нихъ и произноситъ льстиво-либеральныя рѣчи, то это нисколько не мѣшаетъ существованію какой-то темной преисподней, въ которой въ эту самую минуту бурчатъ иные звуки, въ которой нѣчто какъ будто и захлебывается, и хохочетъ, и плачетъ... Воображаю я, какъ тяжело должно быть этимъ людямъ, какую муку должны испытывать они! Еслибъ еще могли они выговориться, могли излить свою желчь! Но нѣтъ, они лишены даже и этого блага, и волею-неволею, какъ нѣкую драгоцѣнность, должны хранить въ своихъ внутренностяхъ свои собственныя нечистоты!

Птицынъ сказалъ правду: ему скучно, ему просто нельзя жить. У него нѣтъ дѣла, которое онъ могъ бы назвать своимъ, и отнынѣ онъ навсегда осужденъ или полемизировать съ Ваньками, или разговаривать съ батюшкой о геройствѣ Гарибальди, или же, наконецъ, язвительно-жалостнымъ теноромъ перебирать старую вѣтошь, безвозвратно потонувшую въ безднѣ прошедшаго. И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаяхъ старыя раны только растравляются, ибо мы не должны забывать, что даже Гарибальди тутъ не болѣе, какъ отводъ, и что разговоръ объ немъ есть не болѣе, какъ разговоръ губъ, въ которомъ мысль не принимаетъ никакого участія.

Мы склонны раздражать себя всякаго рода утопіями, мы постоянно питаемъ свое воображеніе на счетъ прочихъ умственныхъ силъ. Причины такого явленія заключаются въ совершенной неподготовленности къ дѣлу, въ полномъ незнаніи того матеріальнаго процесса, сквозь который всякое дѣло должно пройти въ своемъ естественномъ развитіи. Мы охотно перескакиваемъ черезъ всѣ препятствія, устраняемъ подробности процесса, и заранѣе наслаждаемся уже концомъ неначатаго еще дѣла. Отъ

этого-то между нами такое множество и такое разнообразіе Хлестаковыхъ. Крѣпостное право укоренило въ насъ эту погибельную наклонность, положило ей начало, давая намъ возможность жить не думая; упраздненіе крѣпостнаго права не только не ограничило ея (какъ слѣдовало бы на первый взглядъ ожидать), но окончательно развило и довело до громадныхъ размѣровъ. Явились утописты вольнонаемнаго труда, утописты плодопеременныхъ хозяйствъ, и не приступивши еще къ дѣлу, уже предвкушали урожаи самъ двадцать и наколачивали какую-то баснословную деньгу. Оказалось, однако, что расчеты не вѣрны, или, лучше сказать, что ихъ даже совсѣмъ не было.

Если я посѣю на десятинѣ земли одну четверть ржи и тутъ же представлю себѣ, что эта четверть непремѣноо должна дать мнѣ пятнадцать такихъ же четвертей, то тутъ еще совсѣмъ не будетъ дѣла, а будетъ только марево, созданное алчущимъ и жаждущимъ моимъ воображеніемъ. Но положимъ, что я и въ самомъ дѣлѣ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ (заключающихся въ хорошей обработкѣ земли, въ достаточномъ ея удобреніи и т. д.), имѣю право надѣяться получить эти пятнадцать четвертей, однако и тутъ еще не будетъ дѣла, если я при этомъ позабылъ прикинуть на счетахъ тѣ издержки, которыхъ стоитъ мнѣ производство этого хлѣба, если я не принялъ въ соображеніе всѣхъ случайностей, которымъ подвергается сельско-хозяйственное дѣло, въ особенности такое дѣло, которое не имѣетъ еще настоящаго установа, которое колеблется и прокладываетъ себѣ новое ложе. Большая часть нашихъ новыхъ сельскихъ хозяевъ именно и руководится этимъ послѣднимъ мыслительнымъ процессомъ въ своихъ агрономическихъ мечтаніяхъ. Очаровательные пятнадцать четвертей до такой степени неотступно мелькаютъ передъ ихъ глазами, до такой степени радостно захватываютъ имъ дыханіе, то они очень искренно убѣждаются, что между зерномъ, брошеннымъ въ землю, и тѣмъ же зерномъ, убраннымъ въ житницу, нѣтъ никакого другаго процесса, кромѣ благополучнаго произрастанія. И когда суровая дѣйствительность возьметъ на себя трудъ доказать, что въ результатѣ нуль все-таки всегда равенъ нулю, то начинаются вопли и крики.

Вотъ почему г. Фетъ такъ воззрился на крестьянскихъ гусей, произведшихъ въ его поляхъ потраву—онъ не разсчитывалъ на такое своеволіе, онъ думалъ, что стоитъ ему бросить свое зерно въ землю, и не только никакая птица не посмѣетъ прикоснуться

къ нему, но даже вѣтеръ смолкнетъ, и вся природа оцѣпенѣетъ, какъ очарованная, въ нѣмомъ созерцаніи процесса прозябанія принадлежащаго г. Фету зерна.

Но какъ бы то ни было, положеніе нашихъ сельскихъ хозяевъ далеко не красивое. Доходовъ нѣтъ, капиталовъ нѣтъ, и взамѣнъ того громадныя пространства никому не нужной земли, громадныя усадьбы съ парками, съ проточными прудами, съ дорожками, убитыми щебнемъ и засыпанными пескомъ! Какъ заглохнутъ со временемъ эти старинныя усадьбы, въ которыхъ такъ легко и привольно жилось когда-то! какъ зазеленѣютъ и заплеснѣвѣютъ эти проточные великолѣпные пруды, какъ зарестутъ эти дорожки! Чѣмъ это кончится? чѣмъ это кончится? спрашиваешь себя съ невольною тревогой. Неужели...

А отставные откупщики, отставные мѣнялы, отставные предприниматели различныхъ maisons de tolérence весело потираютъ себѣ руки и ждутъ не дождутся, когда ветхая плотина, кой какъ еще поддерживаемая остатками хвороста, окончательно прорвется, и рѣка неудержимымъ потокомъ ринется впередъ, унося въ своемъ безпорядочномъ теченіи всю зазѣвавшуюся старину. Но успокойтесь, милые кровопійцы! вы тоже немного наколобродите на свой пай! Вѣдь и въ вашихъ головахъ ума-то не пуды, а золотники! Почудесите мало-мало, повыводите греческихъ фронтоновъ, понастроите бесѣдокъ въ видѣ «храмовъ удовлетворенія», понавѣшаете на стѣнахъ картинъ Айвазовскаго и сойдете-таки, сойдете же подъ конецъ въ общую могилу, dans la fosse commune.

Я знаю, мнѣ замѣтятъ, что все написанное мной выше отнюдь не составляетъ хроники такъ называемой «общественной жизни», но нахожу, что замѣчаніе это будетъ несправедливо. Мы извратили смыслъ слова «общество»; мы привыкли искать проявленій общественней жизни совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ искать слѣдуетъ. Мы представляемъ себѣ «общество» чѣмъ-то въ родѣ многоэтажнаго зданія, въ которомъ признаки жизни замѣчаются только въ бельэтажѣ и въ rez de chaussée, а все, что обитаетъ въ такъ называемыхъ подвалахъ и чердакахъ, безъ всякихъ разговоровъ полагается неживущимъ. Быть можетъ, въ древности оно и было такъ, но въ настоящее время это заблужденіе довольно грубое. То есть, коли хотите, жизни-то собственно, той стройной, счастливой и безмятежной жизни, къ которой съ одинаковымъ

пыломъ рвется все живущее; нѣтъ еще нигдѣ: ни въ бель-этажахъ (было какое-то подобіе, да сплыло), ни на чердакахъ и въ подвалахъ, но есть уже позывъ на жизнь, есть запросъ на нее, и этотъ запросъ всего живѣе чувствуется именно въ тѣхъ забытыхъ помѣщеніяхъ, которыя мы такъ неосновательно полагаемъ совсѣмъ не живущими.

Собственно такъ называемое «общество» представляетъ слишкомъ мало интереснаго, чтобы стоило много распространяться объ немъ. Оно живетъ своею обычною, безцвѣтною жизнью; порою, отъ нечего дѣлать, фантазируетъ, порою, тоже отъ нечего дѣлать, эти же самыя фантазіи преслѣдуетъ. Вѣчная жертва колебаній и судорожныхъ подергиваній, оно нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о несостоятельности и о совершенномъ отсутствіи дѣйствительныхъ и серьёзныхъ жизненныхъ основъ. Точка зрѣнія его безпрерывно мѣняется; порой въ немъ замѣчаются проблески свѣта, порой царствуетъ густая, безразсвѣтная мгла, но радоваться мгновеннымъ проблескамъ, надѣяться отъ нихъ чего либо хорошаго столь же мало основательно, какъ и жаловаться на мглу. Въ сущности, всѣ его произвольныя фантазіи должны быть безразличны, ибо всѣ одинаково ничего не обозначаютъ; и если есть еще что нибудь горькаго и страшнаго въ этой неурядицѣ, такъ это именно то, что новая, чуть-чуть пробивающаяся жизнь еще слишкомъ слаба, чтобъ дать сколько нибудь надежную опору и сдѣлать возможнымъ безразличный взглядъ на неурядицу.

Да; мы должны сознаться, что еще не можемъ не различать. Есть ерунда размазисто-благонамѣренная, и есть ерунда пронзительно неблагонамѣренная; мы должны желать первой и опасаться послѣдней. А такъ какъ черта, которая отдѣляетъ обѣ эти ерунды, до того тонка, что нельзя сказать, гдѣ кончается первая, и гдѣ начинается вторая, то, очевидно, что мы обязываемся постоянно жить между страхомъ и надеждой, что вотъ-вотъ благонамѣренная размазистость смѣнится неблагонамѣренною пронзительностью. Да, трепетать мы обязаны, но говорить объ ерундѣ все-таки никакого резона нѣтъ.

На этомъ же основаніи, я хотѣлъ бы вовсе умолчать и объ нашей литературѣ. Питомица бель-этажей, она невольно слѣдуетъ за всѣми колебаніями мнимаго общества, котораго интересы исключительно и представляетъ. Но я не могу молчать, потому что русская литература есть именно та проклятая, не

милая язва, которою, по видимому, вѣчно суждено болѣть моему сердцу. Есть что-то странное въ этой привязанности къ литературному нагалу. Понимаю я, очень понимаю, что ничего онъ не можетъ вынести на свѣтъ божій такого, что не было бы на сквозь проѣдено молью, а между тѣмъ сердце влечетъ къ нему невольно, и стучитъ оно, бѣдное, тукъ-тукъ, словно заранѣе предвкушаетъ таинственныя сладости любовнаго свиданія. За что такъ люблю я русскую литературу — не знаю, но, полагаю, что она плѣнила меня хорошимъ слогомъ и правильною орфографіей.

Поэтому-то быть можетъ, меня такъ чувствительно огорчаетъ господство въ нашей литературѣ соглядатайскаго элемента. На дняхъ, напримѣръ, я прочиталъ въ одномъ журналѣ повѣсть начинающаго писателя, и, не знаю почему, но мнѣ показалось, что я провелъ нѣсколько часовъ въ обществѣ милаго, образованнаго и талантливаго квартальнаго надзирателя. Это меня огорчило. Не потому огорчило, чтобы я находилъ сравненіе съ квартальнымъ надзирателемъ невыгоднымъ для русскаго литератора, но потому собственно, что я (говоря слогомъ «Московскихъ Вѣдомостей») осмѣливался думать, что оба эти должностныя лица могутъ приносить пользу каждый на своемъ мѣстѣ.

Помнится, нѣкогда («Современникъ» 1863 г. № 1 — 2 «Петербургскіе театры») я находилъ живую органическую связь между цѣлями, которыя преслѣдуетъ искусство, и тѣми, которымъ служитъ полиція. «Цѣль искусства—красота, цѣль полиціи—порядокъ; но что такое красота? что такое порядокъ? Красота есть гармонія, есть порядокъ, разсматриваемый въ сферѣ общей, такъ сказать, идеальной; порядокъ въ свою очередь, есть красота... красота, такъ сказать, государственная». Вотъ что говорилъ я годъ тому назадъ, и такъ какъ не отрицаюсь отъ этого взгляда и до днесь, то весьма натурально, что не могу порицать его и въ начинающихъ моихъ собратьяхъ по ремеслу. Тѣмъ не менѣе, не знаю, почему, но я совсѣмъ не былъ бы огорченъ, еслибъ въ примѣненіи этого взгляда, въ проведеніи его въ литературу замѣшалась нѣкоторая непослѣдовательность. Мнѣ кажется, что это даже нисколько бы не отняло цѣны у дебюта молодаго писателя.

Но, конечно, это только предразсудокъ, а въ наше время, какъ извѣстно, предразсудки таютъ, какъ мартовскій снѣгъ подъ лучами весенняго солнца. Совершенная зрѣлость, законченность,

несомнѣнность и разрѣшенность господствуютъ всюду — удивительно ли, что тѣ же самыя свойства обуреваютъ и головы юныхъ писателей, и преждевременно сгоняютъ румянецъ съ ихъ щекъ? Но нельзя не сказать, что эта юная запальчивость, эта тревога чувствъ, это изобиліе текущей въ жилахъ крови, которыя преимущественно все-таки остаются роковою принадлежностью очень молодаго таланта, тоже имѣютъ свою неотразимую прелесть. Читатель, быть можетъ, и видитъ, что молодой человѣкъ горячится, что передъ глазами его мелькаетъ марево, но онъ не сердится и не негодуетъ, потому что и эта горячность, и это марево носятъ на себѣ признаки свѣжей и изобильной силы, и въ извѣстныхъ случаяхъ составляютъ драгоцѣннѣйшее и ничѣмъ незамѣнимое достояніе. Тутъ самые бросающіеся въ глаза недостатки, какъ-то: неумѣніе совладать съ своимъ матеріаломъ, растянутость, ненужныя отступленія, излишнее резонерство и т. д.—все служитъ признакомъ силы, все свидѣтельствуетъ о ея несомнѣнности. И читатель, по большей части, не ошибается въ своихъ симпатіяхъ, и не раскаевается въ своей снисходительности... Но я положительно не знаю болѣе горькаго горя, какъ-то, когда начинающій писатель съ перваго же разу является совсѣмъ мастеромъ своего дѣла. Такому писателю я ничего не могу предвѣщать въ будущемъ, ибо ему уже не куда развиваться, ибо онъ завялъ и сморщился при самомъ своемъ рожденіи...

Читатель! это правда, что я говорю съ тобой обиняками, но надѣюсь, что ты поймешь то чувство, которое заставляетъ меня не называть никого.

Но ты поймешь также, почему я не имѣю въ настоящую минуту ни малѣйшей охоты говорить ни о такъ называемомъ обществѣ, ни о литературѣ, которая служитъ естественною его представительницей. О той и объ другой я предоставляю себѣ побесѣдовать въ слѣдующей книжкѣ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КАКЪ МЫСЛИТЪ ЖЕНЩИНА?

(**Бокль. Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія**, переводъ *Степана Буйницкаго*. Спб. 1864).

Въ ряду споровъ о различныхъ особенностяхъ женской породы, свое мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ формальномъ порядкѣ, которымъ вообще мыслятъ женщины. Нѣкоторые допускаютъ, какъ видите, что женщины мыслятъ не такъ, какъ мужчины, что въ женскомъ мышленіи есть своего рода роковыя, врожденныя особенности, отличающія женскую мозговую дѣятельность отъ мужской. Одинъ русскій писатель дошелъ даже до того, что увѣрялъ, будто по женской логикѣ дважды два выходитъ стеариновая свѣчка, на что ему было отвѣчено другимъ не менѣе замѣчательнымъ писателемъ, будто бы и по мужской логикѣ дважды два не всегда выходитъ четыре, а около— или пять, или три, что въ сущности почти то же, что и стеариновая свѣчка. Далѣе разговоръ, правда, не пошелъ! Но за то въ иностранной литературѣ были высказаны относительно особенности женскаго мышленія болѣе подробныя и обстоятельныя соображенія.

Въ настоящее время г. С. Буйницкій перевелъ, а г. А. Буйницкій издалъ рѣчь Бокля о вліяніи женщинъ на успѣхи знанія, въ которой знаменитый англійскій ученый старается именно доказать, что въ умѣ женщинъ существуетъ «врожденный, преобладающій и, вѣроятно, неизгладимый элементъ, отличающій женскій умъ отъ мужскаго». Особенность эта, по мнѣнію Бокля, касается не физіологической стороны

женскаго мозга, не матеріальной стороны женскаго мышленія, а стороны формальной—она касается именно того метода или способа, которымъ думаютъ женщины.

Прежде, чѣмъ указать, какимъ способомъ думаютъ женщины, Бокль считаетъ нужнымъ объяснить, какими способами можно думать вообще. Мы послѣдуемъ его примѣру.

Обыкновенно полагаютъ, и Бокль держится того мнѣнія, что развитіе человѣческаго знанія можетъ идти двумя путями, направляясь отъ фактовъ къ общимъ выводамъ, и обратно — отправляясь отъ общихъ принциповъ или началъ къ частнымъ выводамъ. Отсюда допускаютъ два пути мышленія: аналитическій, или индуктивный, и синтетическій, или дедуктивный, и два такіе же пути изложенія мыслей. Пока различіе между двумя методами высказывается въ такихъ общихъ чертахъ, оно кажется весьма удобопонятнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла въ немъ открывается своего рода шаткость и неточность пониманія, устранить которую во всякомъ случаѣ необходимо, прежде, чѣмъ пользоваться такимъ дѣленіемъ методовъ мышленія для какихъ-либо гадательныхъ научныхъ построеній. Въ настоящемъ случаѣ всѣ соображенія Бокля отправляются отъ такого различія методовъ, а потому я и считаю нужнымъ разъяснить его нѣсколько подробнѣе.

Что касается порядка изложенія или доказательства готовыхъ мыслей, то здѣсь различіе между двумя способами постигается всего проще, а потому я и начну съ ихъ объясненія. Всякій пойметъ, что приступая къ передачѣ своихъ мыслей, вы можете дѣйствовать двумя различными способами—вы можете начать съ разбора частныхъ фактовъ, относящихся къ предмету вашего изслѣдованія, можете начать съ собиранія передъ читателемъ грубаго матеріала, анализируя который, постепенно придти наконецъ къ выводу; или вы можете прямо начать съ вывода, и потомъ привести тѣ доказательства, на которыхъ опирается по вашимъ понятіямъ его достовѣрность. Въ первомъ случаѣ изложеніе ваше будетъ индуктивно, во второмъ дедуктивно. Въ однихъ случаяхъ удобнѣе бываетъ употребить одинъ способъ, въ другихъ другой. Одни предпочитаютъ вообще индуктивный способъ изложенія, другіе, какъ напримѣръ Бокль, держатся дедуктивнаго. Для читателя же, конечно, совершенно все равно, какимъ путемъ авторъ идетъ къ доказательству своей мысли, путемъ ли анализа фактовъ и наведеніемъ, или путемъ дедуктивнымъ, то есть подтвержденіемъ готоваго вывода рядомъ фактовъ. Все равно потому, что въ сущности между двумя пріемами — дедуктивнымъ и индуктивнымъ, синтетическимъ и аналитическимъ,—нѣтъ различія. Съ одной стороны, какой бы системы ни держался авторъ, въ сущности умственная

его работа должна быть кончена раньше, чѣмъ онъ приступитъ къ изложенію дѣла. Онъ, стало быть, долженъ имѣть передъ глазами во всякомъ случаѣ готовый *выводъ*, и весь вопросъ метода въ этомъ случаѣ сводится на различіе чисто формальное, реторическое. Съ другой стороны, факты, на которые опирается дедуктивный методъ въ своемъ приложеніи, могутъ быть только тѣ же, на которые опирается анализъ, и потому выводы, основанные на однѣхъ и тѣхъ же данныхъ, должны быть естественно одни и тѣ же, то есть, представлять тѣ же шансы вѣрности и ошибочности, которые будутъ зависѣть уже не отъ способа мышленія, а отъ искусства и добросовѣстности мыслящаго.

Гораздо труднѣе установить отношеніе между двумя методами, когда рѣчь касается спеціально той мысленной работы, которая предшествуетъ изложенію. Въ этомъ отношеніи одни думаютъ, что всякая умственная работа по своему началу неизбѣжно аналитическая, то есть, не выводная. Сказывается это, полагаютъ, изъ того, что работа мысли физіологическаго человѣка начинается съ частныхъ, въ строгомъ смыслѣ, впечатлѣній; что мы отъ природы не владѣемъ ни однимъ готовымъ общимъ понятіемъ, которое могло бы служить основаніемъ для дедукціи; что дедукція, какъ примитивный методъ, стало быть, для насъ невозможна и становится для насъ доступною лишь тогда, когда путемъ анализа въ нашей головѣ успѣлъ созрѣть достаточный запасъ обобщенія или общихъ положеній. Всякій человѣкъ мыслитъ, поэтому, первоначально аналитически, то есть, индуктивно. И если бы всякій изъ насъ предоставленъ былъ въ дѣлѣ мышленія исключительно своимъ собственнымъ силамъ, то общіе выводы или положенія каждаго были бы плодомъ личнаго анализа. Но обыкновенно на полдорогѣ такой аналитической работы, каждаго изъ насъ застаетъ помощь другихъ—родителей, наставниковъ, общества, науки, которые навязываютъ нашему мышленію свои, заранѣе выведенныя общія *положенія*. Положенія эти, хотя и основанныя на анализѣ, естественно могутъ быть плодомъ невѣрнаго анализа, и потому безвинно или умышленно ошибочны. Дѣло каждаго поэтому, прежде, чѣмъ идти къ дальнѣйшимъ умозаключеніямъ отъ этихъ общихъ положеній, провѣрить ихъ точность. Повѣрка эта возможна опять или черезъ повтореніе того же анализа фактовъ, на которомъ основано данное общее положеніе, или черезъ дальнѣйшее приложеніе общаго положенія къ частнымъ случаямъ и выводамъ.

Когда такая работа сдѣлана, и общее положеніе повѣрено и подтверждено частными случаями—мы можемъ приступить къ дальнѣйшимъ наведеніямъ, которыя приведутъ насъ къ новымъ общимъ положеніямъ, которыя въ свою очередь потребуютъ такой же повѣрки

черезъ приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и т. д. Таковъ процессъ, которымъ дѣйствуетъ мышленіе по мнѣнію однихъ. Оно во всякомъ случаѣ начинается съ анализа, приходитъ къ общимъ положеніямъ, которыя служатъ основаніемъ научнымъ предсказаніямъ, или дедукціи; и если эти предсказанія оказываются вѣрны, то есть, подтверждаются фактами, то эти положенія признаются за вѣрныя,— если нѣтъ, то отсылаются къ новому анализу. Этого мнѣнія держится между прочимъ и Дж. Ст. Милль.

Другіе отправляются отъ того предположенія, что умственная жизнь человѣка имѣетъ свои врожденныя, независимыя отъ внѣшнихъ впечатлѣній, внутреннія психическія средства познаванія, которыя могутъ дѣйствовать безъ помощи внѣшнихъ ощущеній и открывать истину безъ помощи фактовъ — одной, такъ сказать, самодѣятельностью духа. Они допускаютъ поэтому еще другой способъ мышленія, способъ выводной, въ которомъ истина выводится изъ врожденныхъ нашему мозгу высшихъ началъ. Таковъ выводной или дедуктивный методъ въ настоящемъ или категорическомъ своемъ смыслѣ.

Но въ этомъ видѣ методъ этотъ есть скорѣе нѣчто идеальное, чѣмъ дѣйствительное. Въ такомъ смыслѣ думали на него опираться метафизики. И пока сущность метафизическихъ построеній не была хорошенько уяснена,—а это сдѣлано было весьма не скоро, такъ какъ школьная наука до сихъ поръ изъ конца въ конецъ пропитана метафизическимъ направленіемъ,—до тѣхъ поръ дедуктивный методъ въ этомъ смыслѣ могъ считаться дѣломъ возможнымъ. Но по мѣрѣ того, какъ стали все болѣе и болѣе выясняться слабыя стороны умозрительной философіи, стало ясно и то, что такое предположеніе со стороны метафизиковъ было чистымъ обольщеніемъ, что предполагая строить факты изъ трансцендентальныхъ началъ, метафизики только подыскивали факты, изъ предварительнаго анализа которыхъ составились метафизическія обобщенія. Не знаю поэтому, есть ли поводъ допускать въ человѣкѣ познавательную способность, независимую отъ внѣшнихъ впечатлѣній; но во всякомъ случаѣ полагаю, что прежде, чѣмъ допустить такое предположеніе, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ видѣть человѣка, который бы обнаруживалъ признаки познаванія при совершенномъ отсутствіи внѣшнихъ чувствъ. Что же касается меня, то мнѣ такихъ людей встрѣчать не приходилось, а потому дедукція въ разсматриваемомъ смыслѣ кажется мнѣ вещью вообще сомнительной.

Между тѣмъ, рядомъ съ аналитическимъ методомъ приходится довольно часто слышать о дедуктивномъ методѣ, и приходится слышать преимущественно отъ англичанъ, которые, сколько извѣстно, мало склонны къ метафизикѣ. Отсюда слѣдуетъ само собою, что при

этомъ подъ дедуктивнымъ методомъ разумѣется уже нѣчто совсѣмъ другое. И дѣйствительно, какъ мы сейчасъ увидимъ, дедукція, какъ она понимается болѣе положительными мыслителями, мало походитъ на сейчасъ нами описанную. Для того, чтобы сдѣлать осязательнымъ для читателя этотъ иной смыслъ, въ которомъ принимается дедуктивный методъ, я приведу собственныя слова Бокля, въ которыхъ онъ объясняетъ различіе между индукціей и дедукціей.

«Положимъ,—пишетъ Бокль,—что писатель, по части такъ называемой соціальной науки, желаетъ опредѣлить вліяніе различныхъ наклонностей мысли на средній предѣлъ жизни, и, принимая въ примѣръ противоположныя стремленія поэтовъ и математиковъ, задается вопросомъ, кто изъ нихъ живетъ долѣе? Какъ ему слѣдуетъ поступить для разрѣшенія этого вопроса? Ежели онъ пойдетъ путемъ индуктивнымъ, то прежде всего начнетъ собирать факты, т. е. пересмотритъ біографіи поэтовъ и математиковъ, жившихъ въ разныя времена, въ разныхъ климатахъ, въ различныхъ обществахъ, такъ чтобы сгладились неправильности, могшія произойти отъ обстоятельствъ постороннихъ самому предмету его изслѣдованія. За тѣмъ онъ приведетъ добытые результаты въ статистическую форму таблицъ смертности, и, сравнивая ихъ, найдетъ, что не смотря на огромное разнообразіе изслѣдованныхъ имъ обстоятельствъ, есть общее среднее число, которое составляетъ эмпирическій законъ и доказываетъ, что въ итогѣ математики долговѣчнѣе поэтовъ. Таковъ методъ индуктивный. Съ другой стороны, изслѣдователь дедуктивный дойдетъ до того же точно вывода посредствомъ метода совершенно противоположнаго. Онъ станетъ разсуждать такъ: поэзія требуетъ воображенія, математика — разсудка. Работая воображеніемъ, мы сильнѣе возбуждаемся, чѣмъ работая разсудкомъ, а что возбудительно, то обыкновенно и вредно для здоровья. Но то, что обыкновенно бываетъ вредно для здоровья, ведетъ къ сокращенію жизни; слѣдовательно, поэзія скорѣе поведетъ къ сокращенію жизни, чѣмъ математика, и потому поэты вообще должны умирать раньше математиковъ.»

Изъ этого объясненія не трудно видѣть, что такъ называемая Боклемъ дедукція не многимъ отличается въ сущности отъ индукціи, и даже если хотите, ровно ничѣмъ отъ нея не отличается. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разсмотрѣть тѣ положенія, съ которыхъ начинается у Бокля, въ приведенномъ примѣрѣ, дедуктивная работа, и сравнить ихъ съ тѣми данными, съ которыхъ долженъ бы былъ начаться анализъ. Началомъ анализу служатъ, конечно, частные факты — статистика смертности въ двухъ сословіяхъ, о которыхъ рѣчь. Началомъ дедукціи служатъ два общія положенія: «*поэзія требуетъ воображенія, математика — разсудка*». И далѣе «*работа воображенія сильнѣе возбуждаетъ, чѣмъ работа разсудка*».

Но спрашивается, есть ли въ приведенныхъ словахъ хотя одинъ терминъ, который бы не былъ плодомъ неизбѣжнаго предварительнаго анализа, и тѣмъ болѣе самыя положенія?... Откуда могли взяться, во первыхъ, понятія воображенія и разсудка и различіе ихъ между собою, а во вторыхъ, понятіе о томъ, что одна работа возбудительнѣе другой, — если бы каждому термину и положенію не предшествовалъ въ дѣйствительности самый совершенный анализъ?...

Мы не принуждены прибѣгать къ нему въ данномъ случаѣ, и положенія являются для насъ какъ будто непосредственно готовыя данныя. Но вѣдь это только потому, что и понятія «воображенія» и «разсудка», и представленіе о «большей возбудительности» перваго составляютъ готовыя цѣнности въ запасѣ нашего знанія, выработанныя предварительнымъ аналитическимъ трудомъ въ теченіе нашей жизни и нашего образованія, предшествовавшаго настоящему моменту мышленія. А человѣкъ, который бы не имѣлъ предварительнаго яснаго представленія о различіи воображенія и разсудка, человѣкъ вовсе необразованный, само собою разумѣется, долженъ былъ бы совершить извѣстный аналитическій процессъ прежде, чѣмъ дойти до означенныхъ положеній. Далѣе, какъ плоды предварительнаго анализа, всѣ означенные термины и положенія составляютъ лишь обобщенные факты, до которыхъ постоянно доходитъ, и съ помощію которыхъ идетъ постоянно далѣе анализъ, не переставая быть анализомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, назвавъ «воображеніе», мы сдѣлали не болѣе, какъ если бы назвали — «цвѣты», или что либо подобное; сказавъ: «воображеніе возбуждаетъ», мы сдѣлали не болѣе, какъ если бы сказали: «цвѣты пахнутъ». Наше мышленіе и въ этомъ случаѣ, стало быть, опять началось съ фактовъ, только обобщенныхъ или сокращенныхъ, точно такихъ же, какъ и статистическія цифры о числѣ умершихъ поэтовъ или математиковъ.

Съ другой стороны наша мысленная работа пошла далѣе, и пришла къ выводу такимъ же сравненіемъ итоговъ. Въ одномъ случаѣ вы стали сравнивать итоги, полученные математическимъ анализомъ, т. е. факты математическіе, въ другомъ—итоги, добытые анализомъ физіологическимъ, или факты физіологическіе. Разницы, стало быть, между двумя процессами, которыми вы рѣшили вопросъ, съ формальной стороны не было никакой, и то, что Бокль назвалъ дедукціей, было въ сущности такимъ же анализомъ, только развѣ сокращеннымъ или начавшимся съ болѣе обобщенныхъ фактовъ.

И такъ, то, что Бокль называетъ дедукціей, есть ни что иное, какъ сокращенный анализъ, или анализъ основанный на обобщенныхъ уже фактахъ. Но такъ какъ дѣло, конечно, не въ названіи, то мы будемъ

продолжать называть этого рода анализъ дедукціей. Намъ важно было выяснить предъидущее только для того, чтобъ читатель понялъ, что за отсутствіемъ врожденныхъ истинъ, невозможна и дедукція въ категорическомъ смыслѣ, и потому вся сила знанія опирается на матеріальныхъ основаніяхъ анализа и безъ него немыслима, что знаніе это можетъ идти впередъ путемъ такъ называемыхъ дедукцій только въ такомъ случаѣ, когда въ немъ образовался достаточный запасъ общихъ положеній безспорно доказанныхъ; а пока въ наукѣ не образовался такой запасъ, дедукція можетъ болѣе вредить знанію, чѣмъ двигать его впередъ. Все это показываетъ намъ, вмѣстѣ съ замančивостью такъ называемой дедукціи, и ея скользкія стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ уже теперь составить довольно простыя заключенія о томъ, какое мѣсто должна была занимать дедукція въ исторіи знанія. Мы можемъ догадываться, что такъ какъ дедукція заканчиваетъ процессъ мышленія относительно какого либо ряда предметовъ, и потому вяжется тѣсно съ построеніемъ завершенныхъ теорій, а теорій этихъ въ исторіи знанія было не мало, и притомъ онѣ большей частью оказывались ложны, то отсюда заключаемъ, что знаніе должно было именно страдать скороспѣлой преждевременной дедукціей. Мы и видимъ дѣйствительно въ исторіи знанія два ряда скороспѣло-дедуктивныхъ теорій, въ которыхъ тщетно блуждала мысль, гоняясь за истиной. Это теоріи схоластическія или трансцендентально-личныя, или теоріи метафизическія или трансцендентально-безличныя.

Это ведетъ насъ въ свою очередь къ новому заключенію. Мы видимъ изъ только что указаннаго факта, что чѣмъ моложе знаніе, тѣмъ болѣе склонно оно къ скороспѣлой и преждевременной дедукціи. И потому, заключая отъ общаго къ частному, полагаемъ, что явленіе, свойственное развитію мысли въ человѣчествѣ, должно было быть одинаково свойственно и развитію его въ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ, т. е. что сословія или лица тѣмъ болѣе должны быть расположены къ опрометчивымъ дедукціямъ, чѣмъ беднѣе и грубѣе ихъ умственное развитіе.

Этихъ разъясненій будетъ достаточно для того, чтобы разобрать въ частности сообр[illegible]женія [illegible] объ особенностяхъ женскаго мышленія. Послѣ предисловія о различіи методовъ дедуктивнаго и индуктивнаго, Бокль прямо берется доказать два положенія: 1) что *женщины по природѣ предпочитаютъ методъ дедуктивный*, и отсюда 2) что *женщины, поощряя въ мужчинахъ дедуктивныя наклонности мысли, оказали огромную, хоть и безсознательную услугу успѣхамъ знанія, — въ томъ смыслѣ, что вліяніемъ своимъ онѣ не дали ученымъ изслѣдователямъ сдѣлаться исключительно индуктивными, что, безъ вліянія женщинъ, непремѣнно бы произо-*

щло. Какія же доказательства всему этому представляетъ Бокль? Краткость ихъ позволяетъ намъ передать ихъ подлинными словами.

«Много есть причинъ, по которымъ женщины предпочитаютъ методъ дедуктивный и, ежели можно такъ выразиться, идеальный. Онѣ отличаются большею воспріимчивостію, большею способностію къ увлеченію и болѣе живымъ воображеніемъ, чѣмъ мужчины: поэтому, онѣ болѣе живутъ въ идеальномъ мірѣ, тогда какъ мужчины, надѣленные болѣе холодною, твердою и суровою организаціей, болѣе подчинены фактамъ, которымъ вслѣдствіе того они приписываютъ большее значеніе. Есть еще одно обстоятельство, обусловливающее дедуктивность женщинъ: онѣ одарены въ большей степени тѣмъ, что называется смѣтливостію. Онѣ не могутъ видѣть такъ далеко, какъ мужчины, но замѣчаютъ быстрѣе то, что видятъ. Отсюда постоянный для нихъ соблазнъ сразу схватить идею и внезапно разрѣшить задачу — въ противоположность болѣе медленному и тяжелому восхожденію индуктивнаго изслѣдователя.

«Женщины дедуктивнѣе мужчинъ, потому что быстрѣе мыслятъ; въ низшихъ классахъ, большая быстрота соображенія у женщинъ даже замѣтнѣе, чѣмъ высшихъ; такъ одинъ даровитый медикъ, докторъ Керри, упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что всякій разъ, какъ приходили къ нему за совѣтомъ крестьяне съ женами, — онъ получалъ самые ясные отвѣты и показанія отъ женъ, тогда какъ мужья, по свойственной ихъ уму неповоротливости, затруднялись объясненіемъ дѣла. Къ этому могу присовокупить другое замѣчаніе, сдѣланное многими путешественниками, въ справедливости котораго всякій можетъ самъ удостовѣриться, именно: что находясь въ чужой странѣ и говоря на иностранномъ языкѣ, вы скорѣе будете поняты женщинами, чѣмъ мужчинами, и что, по этому самому, въ чужомъ городѣ, сбившись съ дороги, слѣдуетъ обращаться съ распросами къ женщинѣ, такъ какъ мужчина обыкновенно обнаружитъ меньше понятливости.

«Какъ эти, такъ и другія обстоятельства, которыя можно было бы привести — напримѣръ, проницательность женщинъ въ опредѣленіи характера, и ихъ замѣчательно утонченный тактъ — доказываютъ, что онѣ дедуктивнѣе мужчинъ, по двумъ главнымъ причинамъ. Во первыхъ, потому что быстрѣе мужчинъ. Во вторыхъ потому, что, обладая большею чувствительностію и способностію къ увлеченію, онѣ живутъ болѣе въ идеальномъ мірѣ и потому предпочитаютъ методъ изслѣдованія, переходящій отъ понятій къ явленіямъ, оставляя на долю мужчинъ противоположный методъ, состоящій въ переходѣ отъ явленій къ понятіямъ».

На столько для доказательства перваго положенія. Но читатель, даже тяжелый на дедукцію, я думаю, легко пойметъ, что въ основѣ такими доказательствами сказано въ пользу дедуктивности женщинъ

одно—это то, что онѣ легкомысленнѣе мужчинъ. Я готовъ признать послѣднее. Но тогда уже попрошу позволенія остановиться немного глубже на объясненіи источника женской дедуктивности. Изъ того, что сказано выше о дедукціи, явствуетъ уже само собой, что наклонность къ дедукціи, т. е. къ принятію на вѣру готовыхъ положеній, должна находиться въ обратномъ отношеніи съ степенью нашей образованности и богатствомъ нашихъ знаній. Самымъ дедуктивнымъ индивидуумомъ въ этомъ смыслѣ долженъ быть признанъ африканскій фетишъ, и наименѣе дедуктивнымъ—самый недовѣрчивый изъ образованныхъ мыслителей. Женщина, какъ соглашается и Бокль, вслѣдствіе своего воспитанія стоитъ въ массѣ ближе къ сказанному африканцу, чѣмъ мужчина; точно также дѣти и простолюдины. А потому нѣтъ причинъ не признать за ними большую склонность къ дедуктивности именно только по этому, а не по чему другому. Кромѣ женщины, въ томъ же рѣшительно положеніи находятся простолюдины и дѣти. И они, стало быть, могутъ быть признаны дедуктивнѣе образованныхъ мужчинъ въ томъ же смыслѣ, какъ и женщины. Они и дѣйствительно живѣе нравомъ и сообразительнѣе образованныхъ аналитиковъ.

Вопросъ только въ томъ конечно, на сколько эта дедукція, проистекающая исключительно вслѣдствіе слѣпой довѣрчивости къ общему положенію, или что то же къ авторитету,—можетъ служить залогомъ развитія знанія, можетъ быть принята въ разсчетъ при оцѣнкѣ умственныхъ средствъ человѣческаго развитія.

Русскій мужикъ полагаетъ, напримѣръ, что свѣтъ стоитъ на четырехъ рыбахъ, и отсюда выводитъ, что когда рыбы сдвинутся, то будетъ свѣто-преставленіе. Это также своего рода дедукція. Но насколько можетъ склонность къ подобнаго рода дедукціи вліять на успѣхи науки — объ этомъ пусть судитъ каждый. Такими дедуктивными богатствами обладаетъ въ массѣ необразованный человѣкъ во всѣхъ странахъ. Точно также женщина знаетъ, напримѣръ, что существуетъ на свѣтѣ дурной глазъ, или что нибудь въ этомъ родѣ, который приноситъ несчастье, и отсюда выводитъ, что если такой дурной глазъ упадетъ на ея ребенка, то съ ребенкомъ произойдетъ что нибудь недоброе. Или она знаетъ, что можно лечить симпатическими, или другими тому подобными средствами, и дѣйствительно прибѣгаетъ къ нимъ въ частныхъ случаяхъ. Все это также дедукція!

Взамѣнъ того, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ самый образованный человѣкъ останется по неволѣ аналитикомъ, и будетъ лишенъ всякихъ средствъ къ дедукціи, и въ послѣднемъ случаѣ, то есть въ вопросѣ о средствахъ леченія, самый искусный медикъ будетъ едва ли не самымъ неспособнымъ къ дедукціи. Дѣло въ томъ, что во-

просъ вовсе не въ склонности къ дедукціи, какъ полагаетъ Бокль, а въ умѣньѣ примѣнять дедукцію не ранѣе, и тамъ только, гдѣ для нея подготовленъ достаточный матеріалъ путемъ анализа — вопросъ, стало быть, въ томъ же анализѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ анализа знаніе все болѣе и болѣе будетъ обогащаться общими, неоспоримыми положеніями, и тогда дедукція будетъ становиться все болѣе и болѣе доступною въ строго научномъ смыслѣ. Но пока этого нѣтъ, пока въ итогѣ анализовъ стоятъ алгебраическіе знаки вмѣсто точныхъ величинъ, до тѣхъ поръ трудно, опираясь на эти неточныя величины, строить гипотезы и соображенія, не рискуя на каждомъ шагу впасть въ грубое фантазерство. И вотъ причина, почему умы наиболѣе образованные должны быть наиболѣе осторожными синтетиками! и вотъ объясненіе, почему мужское сословіе въ образованной средѣ, какъ болѣе знакомое съ научными требованіями, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ и болѣе склонно къ анализу, какъ жалуется Бокль. Этимъ объясняется по моему одно весьма важное обстоятельство, обстоятельство, которое ставилось и ставится постоянно въ упрекъ самымъ самобытнымъ и глубокимъ изслѣдователямъ по разнымъ частямъ знанія во всѣ времена— это замѣчательный перевѣсъ въ передовыхъ писателяхъ анализа и отрицательнаго направленія.

Послѣдніе бываютъ постоянно столь же аналитичны, сколь синтетичны бываютъ защитники рутины съ ними враждующіе. И этотъ фактъ, въ моихъ глазахъ, указываетъ только на недостаточность анализа, предшествовавшаго построенію отживающихъ теорій, и на необходимость повторенія его вновь, которое падаетъ по неволѣ на людей, призванныхъ къ продолженію научнаго дѣла, и будетъ падать неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока аналитическая работа не будетъ достаточно закончена, чтобы представить болѣе или менѣе совершенныя данныя.

Да не сѣтуютъ поэтому слишкомъ и настоящіе защитники рутины на отрицательный характеръ писателей, съ ними несогласныхъ. Вся вина этой отрицательности падаетъ естественно на нихъ самихъ; она заключается въ той поспѣшности, съ которою они пришли къ построенію цѣлыхъ теорій и полнаго міросозерцанія, безъ достаточнаго къ тому матеріала, которое и оказалось отсюда гнило. Публицисты и естествоиспытатели, я обозначаю подъ этими названіями тружениковъ двухъ общихъ отдѣловъ всего нашего знанія, должны одинаково знать, на сколько наука отживающая свое время была дедуктивнѣе той, которая вступаетъ на ея мѣсто. Но это не даетъ никому однако права упрекнуть послѣднюю въ меньшей основательности, чѣмъ та, которая строила свои естественныя или общественныя теоріи путемъ

схоластики или метафизики. Буржуазная теорія экономической либеральной школы также дедуктивнѣе экономистовъ послѣдняго направленія. Но вѣдь не трудно понять, что такая дедуктивность и такая положительность, въ итогѣ которой стоитъ такое отрицательное слово, какъ голодъ—опрометчивая дедуктивность и подметная положительность.

Уяснивъ себѣ все это, конечно не трудно понять, какое вліяніе могла бы имѣть дедуктивность женщинъ на успѣхи знанія, если бы эта дедуктивность имѣла дѣйствительно какое либо вліяніе на наше знаніе. Вліяніе это должно бы было быть едвали благотворное. Скажемъ просто, оно должно бы было быть просто на просто вредно. Не смотря на то, задавшись, съ точки зрѣнія англійскаго положенія вещей, недостаткомъ дедуктивности въ мірѣ мышленія, Бокль приходитъ къ совершенно иному результату, и изъ признанной имъ разъ за женщинами склонности къ дедукціи, выводитъ, что «женщины должны были оказать наукѣ великую, хотя и безсознательную услугу, поощряя и поддерживая въ людяхъ наклонность къ дедуктивному мышленію, и еслибъ не онѣ, то люди науки были бы слишкомъ индуктивны, и успѣхи нашего знанія были бы замедлены».

Спрашивается, какія же есть положительныя доказательства въ пользу такого дедуктивнаго предположенія, очень, можетъ быть, лестнаго для слабѣйшей половины рода человѣческаго, но тѣмъ не менѣе весьма гадательнаго. Въ подтвержденіе своей мысли Бокль не привелъ ни одного факта, и это-то хуже всего! ибо громадная начитанность автора, кажется, достаточно ручается за то, что если бы такіе факты могли быть дѣйствительно приведены, то Боклю они должны быть извѣстны прежде и прежде всего. Не смотря на то, повторяемъ, фактовъ этихъ не приведено Боклемъ, и его положеніе остается чисто умозрительнымъ выводомъ, основаннымъ исключительно на дедуктивныхъ свойствахъ женщины. Между тѣмъ мы знаемъ теперь, что самое это основаніе не можетъ имѣть того значенія, которое приписываетъ ему Бокль, и можемъ вывести изъ того, что мы знаемъ нѣчто большее, именно, что въ дедуктивности вообще не было недостатка въ исторіи человѣческихъ мудрствованій, что самый мужеской людъ, не такъ ужь очень опередившій женщинъ въ точности мышленія, изобиловалъ дедуктивностью, и потому поощрять ее очень было нечего. Такой выводъ, смѣемъ думать, едвали не долженъ быть вѣрнѣе сдѣланнаго даровитымъ англійскимъ публицистомъ! Ибо въ подтвержденіе его, кромѣ представленныхъ отвлеченныхъ соображеній, можно привести и кой-какія фактическія основанія. Фактъ, на который мы сейчасъ укажемъ, столь ярокъ даже, что остается только удивляться, какъ онъ могъ быть упущенъ изъ вни-

манія самимъ авторомъ. Произнося свой выводъ, Бокль указываетъ между прочимъ на аналитическій характеръ англійскихъ мыслителей, доходящій до крайности. Но вотъ эта-то особенность и останавливаетъ насъ своей странностью, въ виду признаваемаго Боклемъ за женщинами поощренія къ дедуктивному мышленію. Намъ кажется непонятнымъ, какъ могла оказаться такая особенность въ народѣ, гдѣ все-таки можетъ быть указано болѣе, чѣмъ гдѣ либо очевидныхъ признаковъ участія женщины въ умственномъ развитіи! Гдѣ и политическая исторія, и литература сохранили рядомъ съ массой мужскихъ именъ извѣстную долю не менѣе замѣчательныхъ женщинъ, гдѣ въ самой частной жизни женщина пользовалась и пользуется, говоря конечно относительно, нѣкоторой самостоятельностью! Какъ могла такая нація оказаться крайне индуктивною, если бы предположеніе Бокля о вліяніи женщинъ было дѣйствительно вѣрно? И какъ, съ другой стороны, можно было бы встрѣтить совершенно противоположную особенность, т. е. крайнюю дедуктивность мышленія среди народа, публичная и частная жизнь котораго всего менѣе повидимому была подчинена вліянію женщинъ? А такой народъ указать конечно не трудно. Нигдѣ конечно женщина въ Европѣ не играла болѣе ничтожной роли, нигдѣ не было менѣе знаменитыхъ именъ между женщинами въ средѣ политической, литературной и художественной, и нигдѣ домашнее положеніе ея не было ограничено болѣе пошлой и ничтожной ролью, — нигдѣ, словомъ, мужской элементъ не подавлялъ во всѣхъ отношеніяхъ женскій, какъ въ Германіи. А между тѣмъ, нѣмцы-то именно и оказались самыми дедуктивными мыслителями. Спрашивается, согласуется ли все это сколько нибудь съ предположеніемъ Бокля о томъ, что женщины поощряютъ къ дедуктивному мышленію? И не слѣдовало ли бы, на оборотъ, заключить отсюда, если бы мы были вправѣ только дѣлать какія либо рѣшительныя заключенія на основаніи одного подобнаго факта, что вліяніе женщины должно было быть совершенно противное тому, которое указываетъ Бокль, т. е. именно индуктивное. Но мы не поторопимся конечно сдѣлать такое заключеніе, а предположимъ скорѣе, что умъ человѣческій былъ постоянно черезчуръ дедуктивенъ, т. е. склоненъ строить догадки на неполныхъ и незрѣлыхъ аналитическихъ основаніяхъ. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ такія яркія доказательства, какъ вся схоластика и вся метафизика, два чисто дедуктивныя направленія, господствовавшія до сихъ поръ, сколько извѣстно, надъ всей системой знаній. Въ виду такихъ доказательствъ, кажется, едва ли нужно искать еще другихъ и еще менѣе жаловаться на излишнюю аналитичность нашего мышленія? Отрицая схоластику, отрицая метафизику, мы должны естественно признать недостатокъ

именно въ томъ, въ чемъ Бокль хочетъ видѣть избытокъ — недостатокъ анализа. И этимъ, какъ мы сказали уже выше, объясняется для насъ столь часто порицаемая отрицательность послѣднихъ направленій въ наукѣ.

Пусть Бокль жалуется на исключительную индуктивность своихъ соотечественниковъ! Съ нашей точки зрѣнія, читатель не затруднится найти и въ самой англійской жизни своего рода избытокъ дедуктивности и умозрительныхъ вѣрованій, до которыхъ не коснулась столь смущающая Бокля положительность британцевъ. И нашъ взглядъ кажется намъ тѣмъ естественнѣе, что не приводитъ къ радикальному различію между мозговыми свойствами половъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть по преимуществу дедуктивенъ, другой — индуктивенъ, а напротивъ, къ ихъ совершенному тожеству. Если мы и готовы признать за женщинами отчасти большую склонность къ дедуктивности, то это вовсе не потому, что онѣ женщины, а потому, что меньшая степень развитія ихъ въ массѣ обусловливаетъ за ними и меньшую точность мышленія. Точности же этой не такъ много замѣчается и въ мужскомъ сословіи, которое поэтому немного индуктивнѣе женщины.

На послѣднихъ страницахъ, въ защиту дедуктивнаго метода, Бокль указываетъ на нѣкоторыя открытія, которыми мы обязаны этому методу. Онъ приводитъ въ примѣръ открытіе Ньютономъ закона тяготѣнія, открытіе Гаю закона кристаллографіи и открытія Гёте въ сферѣ ботаники.

Мы выпишемъ эти страницы, потому что онѣ сами по себѣ не лишены интереса.

«Многія изъ открытій Ньютона были, безъ сомнѣнія, индуктивны. Но величайшее изъ его открытій было, положительнымъ образомъ, дедуктивно, въ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ процессъ умозаключенія отъ понятій былъ неизмѣримо великъ, въ сравненіи съ процессомъ умозаключенія отъ фактовъ. Пять или шесть лѣтъ спустя по восшествіи на престолъ Карла II, Ньютонъ сидѣлъ въ саду, какъ вдругъ (всѣмъ вамъ извѣстна эта часть разсказа) яблоко упало съ дерева. Онъ продолжалъ спокойно сидѣть на томъ же мѣстѣ и думалъ. Онъ не вставалъ съ мѣста и думалъ. Онъ не вставалъ съ мѣста, чтобы заняться производствомъ опытовъ надъ силой тяготѣнія. Онъ разсуждалъ, что если бы яблоко находилось на болѣе высокомъ деревѣ, еслибъ даже на самомъ высокомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ деревьевъ, то упало бы точно также. Далѣе, не было повода думать, чтобы сила, причинившая паденіе яблока, подлежала уменьшенію; если же она не подлежитъ уменьшенію, то почему бы ей не быть безпредѣльной? А разъ она не уменьшается и не имѣетъ предѣла, то можетъ дѣйствовать и внѣ земной атмосферы, можетъ достигать до луны и заключать ее въ своей

орбитѣ. Ежели бы сила, причинившая паденіе яблока, въ самомъ дѣлѣ, могла управлять луною, то почему бы ей на этомъ остановиться? Почему бы не подлежали ея дѣйствію и планеты; почему бы ихъ движеніе не совершалось въ силу ихъ тяготѣнія къ солнцу, подобно тому, какъ луна тяготѣла бы къ землѣ? По мѣрѣ того, какъ его умъ переходилъ, такимъ образомъ, отъ одной идеи къ другой, Ньютонъ переносился воображеніемъ въ пространство и, все сидя на томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни опытовъ, ни наблюденій, не обращая даже вниманія на явленія природы, довершилъ самое высокое, самое величественное умозрѣніе, какое когда либо зарождалось въ умѣ человѣка. Вслѣдствіе неточнаго измѣренія земнаго діаметра, подробности, нужныя для повѣрки этой поразительной концепціи, могли быть окончательно выработаны не ранѣе, какъ черезъ двадцать лѣтъ, — когда Ньютонъ, продолжая работать въ томъ же направленіи, сдѣлалъ дедуктивное приложеніе законовъ Кеплера, такъ что и въ началѣ, и въ концѣ, величайшее открытіе величайшаго въ свѣтѣ философа-натуралиста, было плодомъ дедуктивнаго метода. Посмотрите, какую ничтожную роль играли въ этомъ открытіи внѣшнія чувства. Оно было торжествомъ идеи!

«Второй примѣръ успѣшнаго примѣненія метода a priori, или дедуктивнаго, я возьму изъ открытій по царству ископаемому. Когда вы разсматриваете кристаллизованное вещество, какимъ оно обыкновенно встрѣчается въ природѣ, то, при первомъ взглядѣ, оно кажется вамъ чѣмъ-то необыкновенно неправильнымъ и прихотливымъ. Даже въ простѣйшихъ своихъ видахъ, оно такъ разнообразно, что приводитъ наблюдателя въ недоумѣніе; но природные кристаллы встрѣчаются обыкновенно не въ первичныхъ, а во вторичныхъ формахъ, въ которыхъ они являются подъ самыми сбивчивыми и странными видами. Эти странныя, по наружности, тѣла долго возбуждали вниманіе философовъ, которые, сообразно хваленному индуктивному способу, подвергали ихъ всевозможнымъ опытамъ: дѣлили, вскрывали, мѣрили, вѣсили, разлагали, бросали въ тигель, подвергали дѣйствію химическихъ агентовъ, и дѣлали все, что только могли придумать, съ цѣлію вывытать у этихъ кристалловъ ихъ секретъ и добраться до ихъ тайны. Все-таки тайна не была имъ открыта. Наконецъ, въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія, французъ, по имени Гаю (Haüy), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей замѣчательнаго вѣка, сдѣлалъ это открытіе; онъ удостовѣрился, что природные кристаллы, не смотря на свою кажущуюся неправильность, въ дѣйствительности, совершенно правильны, и что ихъ вторичныя формы отклоняются отъ первоначальнаго вида вслѣдствіе правильнаго процесса уменьшенія, то есть въ силу того, что онъ назвалъ законами убавленія, такъ какъ основныя начала и убавленія, и нарастанія одинаково непогрѣшимы. Теперь я прошу васъ обратить особое вниманіе на то, какимъ образомъ открытіе это было сдѣлано. Гаю былъ по преимуществу поэтъ, и величайшимъ его наслажденіемъ было блуждать по Jardin du Roi и наблюдать природу, не какъ естествоиспытатель, а какъ поэтъ. Разсудокъ его былъ ко-

нечно весьма силенъ, но воображенíе — еще сильнѣе; и вотъ, желая питать свой умъ идеями красоты, онъ прежде всего устремилъ все свое вниманіе на царство растительное, отличающееся прелестью формъ и разнообразіемъ цвѣтовъ. Въ то время, какъ его поэтическій темпераментъ наслаждался созерцаніемъ красотъ, умъ его до пресыщенія наполнился идеями симметріи, и, какъ увѣряетъ Кювье, Гаю, именно вслѣдствіе этихъ идей, сталъ думать, что кажущіяся неправильными формы природныхъ кристалловъ должны быть, въ дѣйствительности, правильны; другими словами, что и въ нихъ, тоже, есть красота — скрытая красота—хотя ее и невозможно познать внѣшними чувствами. Какъ скоро эта мысль твердо укоренилась въ его умѣ, половина открытія была сдѣлана; онъ обладалъ ключомъ къ тайнѣ и находился на настоящей дорогѣ, которую другіе не могли найти, потому что подходили къ минераламъ путемъ опытовъ — со стороны чувствъ, тогда какъ онъ приблизился къ нимъ умозрительно — со стороны идеи. И это не какое нибудь фантастическое, съ моей стороны, показаніе, такъ какъ Гаю самъ говоритъ, въ своемъ великомъ сочиненіи о минералогіи, что онъ принялъ за исходную точку — идею симметріи формъ, и что, нисходя отъ этой идеи, онъ дедуктивно дошелъ до занимавшаго его предмета.

«Къ этимъ случаямъ примѣненія, такъ сказать, идеальнаго метода къ неорганическому міру, я прибавлю еще случай изъ органической области природы. Тѣмъ изъ васъ, кто интересуется ботаникой, не безъизвѣстно, что высшее морфологическое обобщеніе, какимъ обладаетъ наука, относительно растеній, есть великій законъ превращенія, сообразно которому тычинки, плодники, вѣнчики, прицвѣтники, лепестки и т. д.—не болѣе, какъ видоизмѣненія листьевъ. Теперь извѣстно, что эти различныя части, разнящіяся видомъ, цвѣтомъ, отправленіями, — послѣдовательныя видоизмѣненія листа — какъ бы эпохи его исторіи. Естественно возникаетъ вопросъ: кто сдѣлалъ это открытіе. Былъ ли то индуктивный изслѣдователь, потратившій годы на производеніе опытовъ и тщательныхъ наблюденій надъ растеніями и собиравшій ихъ неутомимою дѣятельностію, классификаторъ, давшій имъ трудныя имена, сложившій ихъ въ сухомъ видѣ въ свой гербарій, чтобы имѣть возможность на свободѣ изучить ихъ строеніе и возвыситься до открытія ихъ законовъ? Вовсе нѣтъ. Открытіе это сдѣлалъ Гёте, величайшій поэтъ Германіи и одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всего міра. И сдѣлалъ онъ его не вопреки тому, а потому, что былъ поэтъ. Когда Гёте объявилъ о своемъ открытіи, то ботаники не только отвергли его, но даже преисполнились гнѣвомъ, узнавши, что поэтъ вторгается въ ихъ владѣнія. Какъ! человѣкъ сочиняющій стихи, пишущій пьесы, одаренный только воображеніемъ, несчастный вовсе незнакомый съ фактами, неупотреблявшій даже микроскопа, не сдѣлавшій никакихъ великихъ опытовъ относительно прозябанія растеній,—ему ли входить въ священный чертогъ естественныхъ наукъ и выдавать себя за философа? Но Гёте, бросившій міру свою идею, могъ

выждать время. Вы знаете исходъ этого дѣла. Кончилось тѣмъ, что люди фактовъ пали предъ человѣкомъ идей.

«Еще одинъ примѣръ—и я покончилъ съ этой стороной моего предмета. Гёте прогуливался на одномъ кладбищѣ близъ Венеціи и споткнулся на лежащій передъ нимъ черепъ. Вдругъ въ умѣ его блеснула мысль, что черепъ состоитъ изъ позвонковъ; другими словами, что костяная оболочка головы есть просто продолженіе костяной оболочки спиннаго мозга. Эта счастливая мысль была впослѣдствіи принята Океномъ и нѣкоторыми другими великими естествоиспытателями Германіи и Франціи; въ Англіи же ее приняли не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ.

«Не угодно ли вамъ обратить особенное вниманіе на обстоятельства, при которыхъ это открытіе совершилось. Оно было сдѣлано не какимъ нибудь великимъ хирургомъ, анатомикомъ, либо врачемъ,—его сдѣлалъ великій поэтъ и притомъ среди обстановки способной всего болѣе возбудить поэтическую натуру. Оно было сдѣлано въ Венеціи, гдѣ какъ бы нарочно собрано все, что только можетъ воспламенить воображеніе поэта».

Все это очень хорошо конечно, все это очень удачные случаи догадокъ. Но гдѣ же тутъ доказательство, что умъ человѣческій страждетъ недостаткомъ дедуктивности? Сколько же, въ замѣнъ этихъ немногихъ счастливыхъ догадокъ, недозрѣлыхъ ипотезъ и вредныхъ теорій? И еще, почему же, если дедуктивными способностями преимущественнѣе обладали женщины, эти счастливые случаи дедукціи не были плодомъ женской работы? Никто не споритъ противъ пользы дедукціи. Но ясно, что это вѣнокъ умственной работы, который можетъ цвѣсти только на почвѣ прочнаго анализа. А что этого анализа нѣтъ еще на самомъ дѣлѣ, этому лучшимъ доказательствомъ служитъ масса предвзятыхъ мнѣній, созданная ничѣмъ инымъ, какъ скороспѣлой дедукціей, и тяготѣющая всѣмъ своимъ гнетомъ надъ научными и ненаучными понятіями человѣчества.

НОВЫЯ КНИГИ.

Заграничный Вѣстникъ. Журналъ иностранной литературы, науки и жизни. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1864.

Привѣтствуемъ новаго собрата, новое періодическое изданіе, и желаемъ ему внутренняго счастія и внѣшняго успѣха. Намѣренія, которыми проникнута редакція новаго журнала, и чувства, ее одушевляющія, такъ рѣдки, что ими нельзя не дорожить въ литературѣ. Безцвѣтность, холодность, податливость, серединность, свойственная жалкой посредственности, входятъ въ большую моду въ нашей журналистикѣ; поэтому нельзя не радоваться появленію изданія, которое имѣетъ опредѣленный цвѣтъ, серьезно смотритъ на свое дѣло, выбираетъ для себя извѣстный путь и идетъ по немъ, не сворачивая въ стороны, не уступая своей дороги никому, ни для чего, ни изъ-за чего, которое не боится неудобствъ и непріятностей, неизбѣжныхъ при рѣшительной и опредѣленной дѣятельности, и не соблазняется тѣми прелестями, какія представляетъ середка на половинкѣ. Въ журналистикѣ выработался въ послѣднее время какой-то монотонный сѣрый колоритъ, напоминающій осеннюю петербургскую мглу, выпѣлся однообразный мотивъ и тонъ, рѣжущій уши своею хриплостью, и своимъ характеромъ убивающій мысли и заглушающій всякія чувства; какъ же не радоваться послѣ этого появленію свѣтлой точки среди литературной мглы, чистаго и яснаго звука, нарушающаго литературную монотонность и начинающаго мотивъ самостоятельный, неоскорбляющій человѣческаго слуха и необидный для человѣческой мысли. Новое изданіе, судя по его характеру и если оно выдержитъ этотъ харак-

теръ, непремѣнно пріобрѣтетъ себѣ друзей, но и враговъ, такъ какъ оно своею дѣятельностью угодитъ однимъ и разсердитъ другихъ. Намъ пріятно было бы быть друзьями новаго журнала, а то у насъ такъ мало литературныхъ друзей, и мы надѣемся сохранить дружбу съ нимъ, если онъ всегда останется вѣренъ тѣмъ началамъ, которыя онъ взялся развивать своею дѣятельностію. Чтобы сразу познакомить читателя съ сущностью, цѣлями и стремленіями «Заграничнаго Вѣстника», мы приводимъ здѣсь заявленіе его редакціи, предпосланное настоящему первому выпуску.

«Было время въ исторіи русской литературы, когда она преимущественно питалась переводными сочиненіями, и когда лишь изрѣдка появлялись самостоятельныя произведенія по отечественнымъ вопросамъ, достойныя стать рядомъ съ иностранными трудами подобнаго рода.

«Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Русскіе вопросы, русскія потребности, обсужденіе даже общихъ вопросовъ съ русской точки зрѣнія стали на первое мѣсто въ русской литературѣ. Не станемъ говорить здѣсь, на сколько подобная постановка вопроса была правильна, и еще менѣе коснемся того, на сколько плодотворны были рѣшенія, вынесенныя изъ этого направленія... Это не наше дѣло; много внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ мѣшало литературѣ сдѣлаться самостоятельнымъ и разумнымъ органомъ настоящихъ стремленій русскаго общества, и не послѣднею изъ этихъ причинъ была малая подготовка, какъ общества, такъ и его литературныхъ представителей, къ правильной оцѣнкѣ самыхъ живыхъ вопросовъ. Много разочарованій постигло и наше общество, и нашу литературу. Настоящее грустно; будущее не привлекательно.

«Но каково бы ни было это неизвѣстное будущее, на литературѣ лежитъ обязанность быть представительницею *потребностей* общества въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это возможно. Если одна часть литературы дѣлается органомъ ложныхъ и болѣзненныхъ инстинктовъ общества, тѣмъ обязательнѣе для другой поддерживать традицію здоровыхъ стремленій его, и уяснять ему его истинныя потребности. Гдѣ ложь, гдѣ истина, объ этомъ судитъ каждый по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, согласно своему умственному развитію и согласно высотѣ своего нравственнаго идеала. Кто былъ дѣйствительно правъ, сознаемъ не мы: исторія произнесетъ судъ надъ нашими стремленіями и скажетъ нашимъ потомкамъ, кто изъ насъ болѣе любилъ Россію, кто болѣе понималъ опасности, кроющіяся въ ея будущемъ, кто желалъ ей дать высшее и значительнѣйшее мѣсто въ развитіи человѣчества... Пока молчитъ этотъ единственный правый судъ, каждый *честный* труженикъ на поприщѣ литературы увѣренъ, что *онъ* правъ, что *его* убѣжденія окажутся истинными, и это поддерживаетъ въ немъ рѣшимость работать, не смотря на всѣ препятствія. — О литераторахъ *нечестнаго* направленія я не говорю; готовые всегда мѣнять убѣжденія, готовые

гаться за сегодняшнимъ успѣхомъ, во что бы то ни стало, они составляютъ весьма естественное явленіе и не боятся осужденія въ будущемъ, потому что для нихъ нѣтъ никакого будущаго. Серьезно спорить съ ними — все равно, что серьезно доказывать маскѣ, одѣтой лордомъ-меромъ, что она не есть и не можетъ быть лордомъ-меромъ. Подождите, и вы увидите же (того же?) господина въ костюмѣ Батыя, Барнума, Магницкаго, пожалуй Меттерниха... Вольно же вамъ вѣрить словамъ, которыя онъ произноситъ *въ характерѣ своей роли*.

«Къ какому бы кружку ни принадлежали русскія періодическія изданія, но всѣ они стремятся, согласно общественному требованію, на сколько могутъ и умѣютъ, уяснить обществу многочисленные современные вопросы, возникающіе въ Россіи, и большинство ихъ, естественно, даетъ все большіе размѣры внутреннему отдѣлу, и все менѣе и менѣе можетъ давать мѣсто переводной литературѣ.

«Но едва ли прошло уже время, когда русское общество нуждалось въ результатахъ, вырабатываемыхъ европейскою мыслію. Едва ли можно допустить, что русскіе, углубляясь въ свои интересы, должны оставаться чуждыми тому, что происходитъ въ Европѣ. Въ самомъ фактѣ, большинство читающаго общества еще съ большимъ интересомъ слѣдитъ за европейскою жизнью и оторваться отъ общенія съ нею не можетъ. Да это и не *должно* быть. Точно также странно и вредно слѣпое поклоненіе всему чужеземному, какъ странно и вредно столь же слѣпое отвращеніе отъ всего чужеземнаго. Въ разнообразіи племенной и исторической обстановки, дѣйствуютъ тѣ же неизмѣнные законы человѣческой жизни, которые высказываются и въ развитіи нашего отечества. Отказываясь отъ изученія ихъ проявленія въ формахъ самыхъ обширныхъ, разнообразныхъ и доступныхъ точному изслѣдованію, мы отказываемся отъ изученія законовъ, управляющихъ нашею собственною общественною жизнію.

«Поэтому предъ читателями является новый органъ, спеціальная цѣль котораго есть отраженіе самыхъ крупныхъ явленій европейской жизни и современной литературы. Словами лучшихъ литераторовъ и публицистовъ Европы, мы будемъ стараться ввести читателя въ вопросы, волнующіе европейскій міръ, и только въ краткихъ предисловіяхъ или примѣчаніяхъ постараемся намекнуть на значеніе той или другой статьи въ связи съ современнымъ ходомъ дѣлъ, съ личнымъ положеніемъ ея автора, или органа, гдѣ она появилась. Иногда мы будемъ группировать мелкія извѣстія и въ общія статьи, подъ соотвѣтственными рубриками. Не отказываемся помѣщать и оригинальныя статьи по европейскимъ вопросамъ, но это будетъ зависѣть отъ сочувствія публики къ новому изданію.

«Не обѣщаемъ безпристрастія. Лишь полный индифферентизмъ можетъ относиться совершенно одинаково къ Луи-Наполеону и Гарибальди, къ Вентурѣ и Бауру, къ Бисмарку и Фирхову, къ Ліндгэрсту и Брайту, къ В. Гюго и къ Гранье-Кассаньяку, къ Шталю и къ Джону-Стюарту Миллю. — Въ Европѣ есть партіи и, съ точки зрѣнія европей-

скихъ интересовъ, одни дѣятели могутъ быть признаны защитниками вредныхъ, другіе полезныхъ началъ. Мы не отказываемся отъ нашего сочувствія къ однимъ изъ этихъ дѣятелей преимущественно предъ другими. Читатели наши вѣроятно скоро увидятъ, къ кому обращено это сочувствіе.

«Но мы не отказываемся отъ права помѣщать статьи, принадлежащія лицамъ и направленія намъ не вполнѣ симпатичнаго, ограждая себя нѣсколькими словами предисловія или примѣчанія.

«Матеріалъ, намъ представляющійся, огроменъ, и отъ сочувствія публики будетъ зависѣть объемъ, который можетъ получить это предпріятіе. Начиная его въ скромныхъ размѣрахъ, мы постараемся расширить его, если на то представится возможность.

«Мы не устраняемъ изъ своей программы ни одной сферы человѣческой дѣятельности. Наука во всемъ ея объемѣ, искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, беллетристика, текущіе вопросы публицистики, процессы, разнообразныя событія европейской жизни—войдутъ въ составъ нашего журнала, конечно, въ тѣхъ своихъ явленіяхъ, которыя намъ покажутся самыми крупными и самыми интересными.

«Угадаемъ ли мы то, что *дѣйствительно* интересно читателямъ? — Это самый загадочный и самый опасный вопросъ для каждаго изданія. — Попробуемъ!

«Тѣхъ же читателей, которые сочувствуютъ нашему плану, просимъ сообщать въ редакцію свои замѣтки, вопросы и совѣты. Мы примемъ послѣдніе съ благодарностью, выслушаемъ внимательно первыя, будемъ немедленно отвѣчать на вторые».

И такъ, исходная точка новаго журнала есть мысль, что русское общество нуждается въ результатахъ, вырабатываемыхъ европейскою мыслью, что законы развитія нашего отечества тѣ же, по которымъ развивалась и европейская жизнь, и что для уясненія нашей общественной жизни мы должны изучить общественную жизнь западной Европы. Такимъ образомъ новый журналъ сразу ставитъ себя безконечно выше всѣхъ старовѣровъ - славянофиловъ и полуголовыхъ почвенниковъ, фразирующихъ о диковинности русскаго духа, о непостижимости русскаго человѣка для западнаго ума, о его сфинксовой загадочности и утверждающихъ, что мы выжили всю европейскую цивилизацію, что она намъ негодится, что желаніе учиться и дѣлать заимствованія у запада равносильно желанію сдѣлать русскій народъ стертымъ пятіалтыннымъ и т. д. «Заграничный Вѣстникъ» своей задачей и удачнымъ ея исполненіемъ докажетъ въ тысячу первый разъ, что теоріи этихъ господъ заключаютъ нелѣпость въ самомъ существѣ своемъ, что западъ представляетъ обильный источникъ, изъ котораго еще долго придется черпать намъ очень многое. Впрочемъ, едва ли есть какая нибудь возможность разубѣдить этихъ господъ, когда ихъ

не может разубѣдить сама жизнь; ихъ не смущаетъ даже то обстоятельство, что они сами питаются крупицами запада, что наша общественная и даже государственная жизнь слагаются въ значительной степени по западнымъ образцамъ. Они не понимаютъ, что дурны не заимствованія вообще у запада, а только заимствованія неразумныя, пересаживанія на нашу почву дурныхъ европейскихъ плевелъ, неодобряемыхъ лучшею частью самаго же запада. А у насъ дѣйствительно дѣлаются и дурныя заимствованія того, что осуждается или давно уже осуждено самимъ западомъ. А потому дѣло «Заграничнаго Вѣстника», указывая на хорошія стороны запада, достойныя подражанія,—а такихъ сторонъ тамъ много, и мы были бы счастливы, если бы намъ досталась хоть половина тѣхъ благъ, которыми наслаждается западъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывать и гнилыя застарѣвшія язвы его и его дьявольскія новѣйшія выдумки, гибельныя для рода человѣческаго. Есть у насъ господа, которые оправдываютъ разные нелѣпые наши обычаи и дѣла такимъ образомъ: «посмотрите на Европу, вѣдь и тамъ то же есть, что у насъ, и что вы называете дурнымъ; вѣдь безъ этого нельзя-съ, это выработано цивилизаціей, вѣдь такъ дѣлается во Франціи, даже въ Англіи,—какихъ же вамъ еще лучшихъ примѣровъ». И дѣйствительно, указываемыя нелѣпости существуютъ въ Европѣ, во Франціи и въ Англіи; но при этомъ они все-таки остаются нелѣпостями, подражать имъ не стоитъ, пересаживать ихъ на нашу почву гибельно, на самомъ западѣ раздаются противъ нихъ сильные голоса. Проницательность «Заграничнаго Вѣстника» и должна быть направлена на тѣ западно-европейскіе плевелы, которые наше общество пересаживаетъ, или только имѣетъ поползновеніе пересадить на нашу почву; онъ долженъ доказать негодность этихъ плевелъ свидѣтельствами и увѣреніями самихъ же западно-европейцевъ, осудить плевелы «словами лучшихъ литераторовъ и публицистовъ Европы», какъ выражается самъ «Вѣстникъ». Это будетъ, такъ сказать, практическая сторона, непосредственная польза «Заграничнаго Вѣстника»; о теоретической же пользѣ и говорить нечего, если онъ будетъ помѣщать на своихъ страницахъ статьи научныя, не увядающія отъ времени и не теряющія своего значенія на всякомъ мѣстѣ и во всякое время.

Редакція «Заграничнаго Вѣстника» говоритъ о себѣ: «не обѣщаемъ безпристрастія». Отчего же? развѣ оно дурное дѣло и развѣ хорошо пристрастіе? Но изъ послѣдующихъ словъ редакціи видно, что она разумѣетъ безпристрастіе въ дурномъ его смыслѣ, въ томъ именно, какой ему обыкновенно придаютъ наши русскіе ученые и нѣкоторые публицисты, которые называютъ безпристрастіемъ совершенную безчувственность, холодность и деревянистость, безразличное отношеніе ко всему, что ихъ касается, къ самымъ разнообразнымъ дѣй-

ствіямъ и явленіямъ. Въ этомъ смыслѣ безпристрастный человѣкъ не человѣкъ, а рыба, или человѣкообразная моллюска; онъ ко всему равнодушенъ, ничто не вызываетъ въ немъ ни любви и сочувствія, ни негодованія и отвращенія; что бы ни попалось ему въ руки, или даже въ умъ, онъ на все посмотритъ апатично, повертитъ попавшійся предметъ и отложитъ спокойно въ сторону, не почувствовавъ ни малѣйшаго колебанія въ своемъ существѣ; умъ его не имѣетъ вліянія на чувство, прекрасная мысль производитъ на него такое же впечатлѣніе, какъ и пошлая, высокое дѣйствіе и высокую личность онъ созерцаетъ съ такимъ же внутреннимъ расположеніемъ, какъ и грязный поступокъ и презрѣнную личность; о такихъ людяхъ въ одномъ прекрасномъ древнемъ выраженіи сказано, что у нихъ сердце, если оно только есть, сковано резонерствомъ. Если въ такомъ смыслѣ редакція «Заграничнаго Вѣстника» разумѣетъ безпристрастіе, то она и хорошо дѣлаетъ, если не обѣщаетъ его; а она именно и разумѣетъ его такъ, говоря далѣе, что пристрастіе ея будетъ состоять въ томъ, что она будетъ выражать свое сочувствіе къ однимъ изъ европейскихъ дѣятелей передъ другими. За такое отсутствіе безпристрастія никто не станетъ упрекать новый журналъ, по крайней мѣрѣ не станетъ упрекать человѣкъ безпристрастный въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Нѣкоторыя изъ своихъ сочувствій редакція «Заграничнаго Вѣстника» успѣла обнаружить въ первомъ выпускѣ, насколько это можно было сдѣлать въ небольшой книжкѣ и въ сборникѣ переводныхъ статей. Теоретическія или философскія сочувствія ея заявлены статьей М. Бертло «Наука положительная и наука идеальная» (слѣдовало бы сказать идеалистическая); въ статьѣ отдается предпочтеніе первой и ея точному опытному методу, идущему по слѣдамъ наблюденій и фактовъ, и не одобряется идеалистическая наука съ ея методомъ, начинающимъ абсолютными идеями, составленными a priori, и выводящимъ изъ нихъ объясненіе всѣхъ научныхъ предметовъ и вопросовъ; статья выражается прямо, что послѣдній методъ нужно бросить, какъ ни къ чему не ведущій. Впрочемъ нужно сказать, что сущность, достоинства и преимущества метода положительной науки разъяснены въ статьѣ Бертло неудовлетворительно и отчасти поверхностно; съ подобнымъ содержаніемъ и для подобной цѣли редакція могла бы найти лучшія статьи хоть бы даже у нѣмецкихъ психологовъ-эмпириковъ, разрабатывающихъ психологію по тому методу, какой старался выхвалить Бертло. Самъ-то онъ не очень методиченъ, будучи французскимъ эклектикомъ, и при своей положительности иногда высказываетъ такія положенія, которыя даже отвергаетъ сама идеалистическая наука въ лицѣ лучшихъ представителей. За то статья Бертло на-

писана очень популярно, а это тоже не малое достоинство, особенно въ статьѣ, которую должна читать русская публика.—Изъ другихъ статей, характеризующихъ вкусы и сочувствія редакціи «Заграничнаго Вѣстника», можно указать на «Очерки Англіи», въ одномъ изъ которыхъ воздается должная честь и похвала Брайту, «англійскому народному и парламентскому оратору», и съ большимъ сочувствіемъ описывается его благотворная для Англіи дѣятельность; — а потомъ на очеркъ по Грегоровіусу изъ исторіи средневѣковаго Рима; этотъ очеркъ, по словамъ редакціи, «представляетъ тотъ интересъ, что изъ него ясно видно, какъ папство всегда стояло въ противорѣчіи съ естественнымъ развитіемъ Италіи, и какъ далеко коренятся стремленія лишить папу свѣтской власти».—Кромѣ ученыхъ статей въ первомъ выпускѣ «Заграничнаго Вѣстника» есть нѣсколько тоже переводныхъ романовъ и потомъ цѣлый оригинальный отдѣлъ подъ рубрикой «европейская жизнь», одна часть котораго имѣетъ видъ обыкновеннаго газетнаго фельетона заграничнаго, а другая имѣетъ характеръ ученый и сообщаетъ нѣсколько научныхъ свѣдѣній.

Въ заключеніе выскажемъ наше желаніе, которое «Заграничный вѣстникъ», если угодно, можетъ принять за совѣтъ. Желательно было бы, чтобы редакція его сколько возможно меньше давала переводовъ статей теоретическихъ, чисто отвлеченныхъ, такъ сказать, чистой науки для науки; для науки у насъ есть переводы и изданія отдѣльныхъ цѣлыхъ сочиненій, журналу же приличнѣе всего переводить статьи, касающіяся вопросовъ практическихъ, имѣющихъ болѣе или менѣе жизненное значеніе и могущихъ имѣть хотя отдаленное приложеніе къ русской публикѣ. Напримѣръ отрывокъ изъ Грегоровіуса, изображающій «нѣсколько лѣтъ республиканскаго правленія въ средневѣковомъ Римѣ» хорошъ и занимателенъ, но русскимъ читателямъ не очень нужна мысль этого отрывка, что «папство стоитъ въ противорѣчіи съ естественнымъ развитіемъ Италіи»; русскіе люди убѣждены въ этомъ безъ доказательствъ, и ихъ лучше было бы убѣдить въ какой нибудь другой истинѣ. Впрочемъ мы очень хорошо понимаемъ, какъ трудно выбирать статьи практическія, и по практическимъ вопросамъ; поэтому было бы по крайней мѣрѣ желательно, чтобы редакція новаго журнала выбирала для перевода статьи хоть по теоретическимъ вопросамъ, но чтобъ эти вопросы принадлежали жизненнымъ наукамъ, чтобы вообще редакція обращала больше вниманія на науки, имѣющія предметомъ своимъ жизнь человѣческаго общества, жизнь общественную и государственную. Ни одной такой статьи нѣтъ въ первомъ выпускѣ; въ немъ помѣщенъ списокъ статей приготовленныхъ для слѣдующихъ выпусковъ, и въ числѣ ихъ есть только одна, относящаяся къ наукамъ, о которыхъ мы гово-

римъ. Статей же по политической экономіи вовсе нѣтъ ни въ первомъ выпускѣ, ни въ спискѣ статей для другихъ выпусковъ. Какъ видно, редакція обратила преимущественное вниманіе на науки другаго рода, а намъ бы желалось, чтобы это преимущественное вниманіе посвящено было именно наукамъ общественнымъ.

Новыя стихотворенія А. Н. Майкова. (Приложеніе къ «Русскому Вѣстнику» 1864 года).

Для всѣхъ очевидно, что искусство мало по малу начинаетъ расширять свои предѣлы и допускать въ свою область такіе элементы, которые долгое время считались ему чуждыми. Искусство жило отдѣльною отъ дѣлъ сего міра жизнію; оно направлено было исключительно къ тому, чтобы украшать и утѣшать, и, надо сказать правду, исполняло свою задачу очень исправно, т. е. обманывало и обольщало, на сколько хватало у него силъ. Будучи плодомъ досужества, оно обращалось исключительно къ досужеству же; услаждало досуги досужихъ людей, и это сообщало ему тотъ чистенькій, аристократическій характеръ, который составляетъ необходимую принадлежность всякаго рода успокоительныхъ вѣяній и усладительныхъ сновъ.

Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ;
Приди грустить со мною!
Луна, печальныхъ другъ,

Такъ говорилъ поэтъ-художникъ и совершенно основательно изображался на картинкахъ съ лирой въ рукахъ и съ обращенными къ небу очами. «Скорбь», которую онъ намѣревался воспѣть, вовсе не была скорбью дѣйствительною, хватающею за живое; это была та тихая, сладкая и неопредѣленная скорбь, потребность которой въ особенности сильно чувствуется досужествомъ. Это не скорбь, а пріятное чувство томнаго разслабленія; человѣкъ доволенъ и счастливъ; онъ хорошо обставленъ, не чувствуетъ надъ собой тяготѣнія страшной матеріальной нужды; но въ то же время смутно ощущаетъ, что ему чего-то недостаетъ. Это что-то недостающее, это нѣчто, составляющее необходимую подробность въ общей картинѣ жизни, и есть та самая «грусть», во свидѣтельницы которой приглашается луна, и которая, въ видѣ утратившаго свою ѣдкость дыма, доходитъ до обонянія досужаго человѣка (благо, щели не окончательно еще глухо законопачены!) изъ тѣхъ низменныхъ пространствъ, гдѣ она зарождается, со всѣми признаками дѣйствительнаго, а не увеселительнаго горя,

гдѣ она зрѣетъ и обсѣменяетъ почву своими проклятыми сѣменами. Коли хотите, это даже и не грусть совсѣмъ, а просто увеселительное представленіе, которому, для разнообразія, дается меланхолическій характеръ.

Тѣмъ не менѣе, мы были бы не правы, не отдавши поэтамъ-художникамъ должной справедливости. Какъ ни лимфатична была ихъ «грусть», какъ ни незначительна была ея доля въ той общей массѣ всякаго рода воинственно-увеселительно-половаго клубницизма, составлявшаго главное содержаніе ихъ пѣснопѣній, все-таки эта «грусть» о чемъ-то напоминала, все-таки она была отблескомъ (хотя и очень слабымъ) той дѣйствительной грусти, которая росла и ростетъ, невидимая даже сквозь щели, въ тѣхъ темныхъ пространствахъ, о которыхъ сказано выше. Безъ этого отблеска, безъ этихъ напоминаній, досужество окончательно погрузло бы въ грубомъ служеніи Астартѣ. А изъ этого прямо слѣдуетъ вывести то заключеніе, что поэты-художники, не смотря на свое умственное малокровіе, все-таки имѣли съ такъ называемымъ «темнымъ царствомъ» органическую связь, внутренніе признаки которой не изглаживались даже тогда, когда наружные исчезали окончательно.

И въ самомъ дѣлѣ, исторія искусствъ показываетъ намъ, что поэты-художники, по большой части, были люди втораго сорта и далеко недосужіе. Досужіе люди, предававшіеся искусствамъ, (потому ли, что они выродились, или потому, что въ ихъ однообразно безмятежной жизни недоставало тѣхъ переливовъ свѣта и тѣни, которые составляютъ одно изъ существеннѣйшихъ условій искусства), были въ состояніи производить только ерунду, и потому, для оживленія своего досужества, вынуждались обращаться къ людямъ «темнаго царства». Здѣсь тоже немаловажная заслуга со стороны послѣднихъ, хотя заслуга и безсознательная. Они невольно способствовали постепенному освобожденію «темнаго царства» изъ тенетъ, которыя его опутывали, невольно выводили за собой изъ тьмы болѣе или менѣе значительныя группы узниковъ, которые такимъ образомъ дѣлались причастниками свѣта. И хотя этотъ свѣтъ былъ сѣрый, хотя люди, сдѣлавшіеся участниками его, сами неминуемо заражались умственнымъ малокровіемъ, тѣмъ не менѣе это все-таки былъ тотъ свѣтъ, къ которому стремилось все живущее, и онъ-то дѣлался общимъ достояніемъ.

Должно думать, что число этихъ новыхъ участниковъ, съ теченіемъ времени, сдѣлалось до того значительно, что оно подѣйствовало выгоднымъ образомъ и на духовное малокровіе. Роли перевернулись; прежде досужество развращало пришельцевъ и подчиняло ихъ условіямъ своего малокровія; съ теченіемъ времени, уже при-

шельцы стали развращать досужество и постепенно подкрашивать его лимфу. И не надобно совсѣмъ думать, что въ этомъ процессѣ досужество играло какую-то страдальческую и вынужденную роль — совсѣмъ напротивъ.

Досужество всегда и вездѣ дѣйствовало исключительно въ видахъ собственнаго своего увеселенія. Оно всегда и вездѣ пользовалось слишкомъ выгодною обстановкой, чтобы покориться дѣйствію внѣшняго напора и выходить изъ своей замкнутости, вслѣдствіе какого бы то ни было насилія. Если оно выходило изъ этой замкнутости, то это было результатомъ скорѣе внутренняго, нежели внѣшняго насилія, актомъ естественнаго внутренняго сознанія, что всякая замкнутость сама въ себѣ носитъ сѣмена смерти. Досужество растлѣвается, но растлѣвается, такъ сказать, добровольно, ибо растлѣніе это таится въ немъ самомъ, въ томъ малокровіи, на которое оно фаталистически осуждено, въ томъ опасеніи смерти, которое преслѣдуетъ его съ самой минуты его рожденія. И вотъ оно ищетъ возобновиться и освѣжить себя притокомъ свѣжаго, неспертаго воздуха; современемъ, быть можетъ, этотъ свѣжій воздухъ сшибетъ его съ ногъ; быть можетъ, оно даже и предвидитъ этотъ конецъ, но, предвидитъ или не предвидитъ, а идетъ къ нему непринужденно и даже, такъ сказать, веселыми ногами.

Повторяемъ: въ этомъ случаѣ, поэты-художники оказываютъ помощь очень дѣйствительную. Въ ихъ чистенькихъ манерцахъ, въ ихъ клубничныхъ помыслахъ есть нѣчто такое, что по плечу досужеству; они тѣмъ успѣшнѣе вносятъ заразу въ это послѣднее, что оно не пугается ихъ и даже охотно предоставляетъ имъ право увеселять себя. Но все-таки никакъ не слѣдуетъ забывать, что эта заслуга невольная, и что все ея достоинство заключается не въ ней самой, а въ тѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ, которыя она за собой влечетъ.

По мѣрѣ вторженія въ сферу досужества новыхъ силъ, прежнія отношенія искусства къ жизни дѣлаются все болѣе и болѣе невозможными. Жизнь заявляетъ претензію стать исключительнымъ предметомъ для искусства, и при томъ не праздничными безмятежно-идиллическими и сладостными, но и будничными, горькими, рѣжущими глаза сторонами. Мало того: она претендуетъ, что въ этихъ-то послѣднихъ сторонахъ и заключается самая «суть» человѣческой поэзіи, что игривые ландшафты и надзвѣздныя пространства, хотя и могутъ еще, по нуждѣ, оставаться болѣе или менѣе пріятными аксессуарами, но дѣйствительнаго, истинно-человѣческаго содержанія искусству ни подъ какимъ видомъ дать не могутъ. Искусство, слѣдуя этой теоріи, принимаетъ характеръ преимущественно человѣческій, или, лучше сказать, общественный (такъ какъ человѣкъ, изолирован-

ный отъ общества, немыслимъ), и чѣмъ ближе вглядывается въ жизнь, чѣмъ глубже захватываетъ вопросы, ею выдвигаемые, тѣмъ достойнѣе носитъ свое имя.

Такой крутой переворотъ въ понятіяхъ о значеніи искусства необходимо требуетъ новыхъ дѣятелей, которые, конечно, и являются; но онъ до того жизненъ и силенъ, что охватываетъ собой даже и тѣхъ старыхъ поэтовъ-художниковъ, которые до тѣхъ поръ пѣли исключительно о счастьи птицъ. Всѣмъ хочется пріобщиться къ движенію, ибо, благодаря своей жизненности, оно всѣхъ затрогиваетъ за живое, всѣхъ неслышно въ себя втягиваетъ.

Но понятно, въ какомъ затрудненіи должны находиться эти благонамѣренные и восчувствовавшіе старички. Съ одной стороны, сердца ихъ несутся къ птицамъ и надзвѣздпымъ высотамъ, съ другой — нѣчто смутно говоритъ имъ, что птичьи пѣсни уже никого не удовлетворяютъ и никому ненужны. И вотъ они начинаютъ соединять несоединимое, начинаютъ склеивать старое, привычное и любезное для нихъ дѣло съ дѣломъ новымъ, привлекающимъ ихъ взоры своею жизненностью. И начинаютъ они вдумываться, куда бы имъ приткнуться, начинаютъ вникать въ смыслъ происходящаго передъ ними движенія, но смысла этого угадать не могутъ, а только улавливаютъ одни внѣшніе признаки, тѣ самые, которые и въ старинныхъ реторикахъ уже были помѣчены извѣстными рубриками.

Вторженіе новой жизни собственно въ нашу литературу (разумѣется, въ смыслѣ искусства, а не науки) выразилось или въ формѣ сатиры, которая провожаетъ въ царство тѣней все отживающее, или же въ формѣ не всегда ясныхъ и опредѣленныхъ привѣтствій тѣмъ темнымъ, еще неузнаннымъ силамъ, которыхъ наплывъ такъ ясно всѣми чувствуется. Это и понятно. Новая жизнь еще слагается; она не можетъ и выразиться иначе, какъ отрицательно, въ формѣ сатиры, или въ формѣ предчувствія и предвѣденія. Но и для того, чтобы имѣть право выразить ихъ такимъ образомъ, искусство все-таки обязано имѣть понятіе о томъ, о чемъ оно ведетъ свою рѣчь, и сверхъ того обладать какимъ нибудь идеаломъ. Вотъ этимъ-то послѣднимъ условіямъ и не можетъ никакъ отвѣчать «поэтъ высотъ надзвѣздныхъ», ибо все, что ни дѣлается новаго въ мірѣ, все это, такъ сказать, не при немъ дѣлается, и какъ ни усиливается онъ пріобщиться къ движенію, но успѣваетъ въ этомъ только отчасти, т. е. именно схватываньемъ только нѣкоторыхъ внѣшнихъ его признаковъ. И выходитъ изъ этого либо явная ложь, либо смѣхъ, либо безсмыслица, ибо нѣтъ въ мірѣ положенія ужаснѣе положенія Ювенала, задавшагося темою «бичевать» и недоумѣвающаго, что ему бичевать, задавшагося темою «привѣтствовать» и недоумѣвающаго, что ему привѣтствовать. За что

онъ ни примется — вездѣ попадетъ не туда, куда слѣдуетъ, за какой кусокъ ни зацѣпится—всегда пронесетъ его мимо рта. Начнетъ ювенальствовать—никого не покараетъ; начнетъ привѣтствовать—отпривѣтствуетъ такъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Ибо и ювенальствуетъ-то онъ противъ такого зла, котораго никто не замѣчаетъ, и привѣтствуетъ-то совсѣмъ не ту силу, которая грядетъ, а ту, которая давнымъ давно отжила свой вѣкъ.

Очевидно, что результатомъ такихъ усилій можетъ быть только изобиліе «мудреныхъ словъ», тѣхъ самыхъ словъ, о которыхъ съ такимъ страхомъ разсуждаетъ Настасья Панкратьевна въ комедіи Островскаго «Тяжелые дни». «Какъ услышу», говоритъ она «слово жупелъ», такъ руки-ноги и затрясутся». Но Настасья Панкратьевна, по крайней мѣрѣ, откровенна: она прямо и сознается, что отъ этихъ словъ ей страшно, а пѣвцы «высотъ надзвѣздныхъ», напротивъ того, всячески стараются скрыть свой страхъ, и даже, какъ нарочно, нанизываютъ слова пострашнѣе и помудренѣе: смотрите-дескать, какой я храбрый!

Да, это истина неоспоримая, но, къ сожалѣнію, очень немногими она понимается: надо умѣть вовремя спѣть свою пѣсенку. Ну, спѣлъ, пролилъ утѣшеніе и веселость въ сердца досужихъ людей, получилъ лавровый вѣнокъ — и будетъ съ тебя! Вспомни хоть Рубини, напримѣръ; онъ тоже не умѣлъ кончить вовремя, и въ послѣднее время не пѣлъ, а только ротъ разѣвалъ, а люди, не видѣвшіе дней его славы, и впрямь думали, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что ротъ разѣвалъ...

Но отъ этихъ общихъ размышленій перейдемъ къ настоящему предмету нашей статьи, къ сборнику новыхъ стихотвореній А. Н. Майкова. Къ сожалѣнію, мы не можемъ не сознаться заранѣе, что размышленія наши имѣютъ очень близкое отношеніе къ этому сборнику.

Всякому читателю, конечно, извѣстно, что означаетъ на сценическомъ языкѣ слово utilité. Такъ называется обыкновенно актеръ на роли второстепенныя, не требующія очень яркаго таланта, но все-таки достаточно обращающія на себя вниманіе публики, чтобъ быть выполненными со смысломъ. На актеровъ этихъ никто не ссылается, и никто не приводитъ ихъ въ примѣръ; но когда случайно заходитъ о нихъ рѣчь, или когда они сами о себѣ напоминаютъ, то отзывы всего чаще бываютъ въ ихъ пользу. «Да, это полезный актеръ», говорится обыкновенно въ такихъ случаяхъ, «и въ общемъ составѣ труппы онъ занимаетъ свое мѣсто съ честью!» Теперь представьте себѣ, что вдругъ этотъ самый актеръ, эта самая полезность, вмѣсто того, чтобъ добросовѣстно исполнять роль маркера Шарова (водевиль «Ворона въ

павлиньихъ перьяхъ»), берется за роль Гамлета, вмѣсто того, чтобъ по мѣрѣ силъ своихъ лицедѣйствовать въ роли нигилиста Вертяева (комедія «Слово и дѣло» г. Устрялова), начинаетъ тоже лицедѣйство производить въ роли «Короля Лира»? Что можетъ подумать объ немъ публика, та публика, которая смѣлость еще не ставитъ рѣшительнымъ доказательствомъ таланта?

Такого же рода «полезность» представлялъ собой въ русской литературѣ г. Майковъ. Первыя его стихотворенія были встрѣчены съ замѣтнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, по времени ихъ появленія, сочувствіемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже и теперь прочтутся не безъ удовольствія. Правда, что всѣ они какъ-то смахиваютъ на игрушку, что послѣ всѣхъ ихъ остается какъ-то такъ гладко на душѣ, какъ будто ничего туда и не западало — все равно, что читалъ, что не читалъ,—тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ тогдашней русской литературы, они были подстать: не многимъ ее украшали, но и не вредили. Въ нихъ всегда замѣчалась нѣкоторая доля хладнаго резонерства, прикрываемаго такъ называемою пластичностью, но такъ какъ публикѣ было рѣшительно все равно, какимъ именемъ называется тутъ умѣренный поэтическій жаръ, которымъ обладалъ ея менестрель, то она и относилась къ нему благосклонно, т. е. съ тѣми умѣренными похвалами, съ которыми обыкновенно относятся ко всѣмъ вообще «полезностямъ». Казалось бы, это жребій довольно завидный, и г. Майковъ, конечно, поступилъ бы благоразумно, если бы не выходилъ изъ того міросозерцанія, которое такъ долго служило ему путеводною литературною звѣздой. Скажутъ, быть можетъ, что это міросозерцаніе слишкомъ ограниченно, что почва, которую разработывалъ нашъ поэтъ, давно изсякла, и что стоять на ней дольше невозможно. Но на это есть очень простое возраженіе. Поэтъ! если ты изъ міросозерцанія своего выжалъ послѣдніе соки, то замолчи! вѣдь есть же на свѣтѣ многіе милліоны людей, которые не написали въ жизнь свою ни одной строчки, и живутъ же! — отчего жь и тебѣ не послѣдовать ихъ примѣру?

Но г. Майковъ не внялъ этому простому голосу, и, начиная съ 1854 года, вступилъ на почву политическую и соціальную. Онъ бичуетъ и привѣтствуетъ; бичуетъ старую «клубнику», которую самъ же воспѣвалъ; привѣтствуетъ... привѣтствуетъ все ту же старую клубнику, которую онъ потому только мнитъ быть новою, что она окрещена «мудреными словами».

Разсмотримъ сперва такъ называемую сатиру г. Майкова.

Сатира, какъ составной элементъ, входитъ въ значительную часть стихотвореній г. Майкова, но вполнѣ сатирическимъ по содержанію можно назвать только одно изъ нихъ; это — «Другу Ильѣ Ильичу».

Такъ какъ оно очень длинно, то мы не будемъ его выписывать, ибо хорошо понимаемъ, что прочесть такую тяжеловѣсную и въ то же время вялую и безцвѣтную вещь — трудъ далеко не маловажный. Но, признаемся, что по запутанности своего содержанія, оно представляетъ весьма любопытный психологическій фактъ.

Въ прошломъ году (да проститъ намъ читатель этотъ маленькій анекдотъ), къ одному изъ нашихъ сотрудниковъ явился молодой человѣкъ. «Я желаю свистать», сказалъ онъ вмѣсто всякой рекомендаціи. «Свищите», былъ отвѣтъ. «Но я желалъ бы знать, объ чемъ свистать?» Вотъ и весь этотъ краткій, но поучительный разговоръ, который, конечно, не стоило бы и вспоминать, еслибъ не напомнила его намъ выписанная выше сатира г. Майкова. Сатиру эту слѣдовало бы собственно назвать такъ: «Ювеналъ невѣдающій, или, бичевать желаю, но что—не знаю».

Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобъ сатира была дѣйствительною сатирою и достигала своей цѣли, надобно, во первыхъ, чтобъ она давала почувствовать читателю тотъ идеалъ, изъ котораго отправляется творецъ ея, и во вторыхъ, чтобъ она вполнѣ ясно сознавала тотъ предметъ, противъ котораго направлено ея жало. Ни того, ни другаго сознанія въ сатирѣ г. Майкова не замѣчается.

Идеалъ скрытъ нашимъ сатирикомъ до такой степени тщательно, что уяснить его читателю нѣтъ никакой возможности. Что хочетъ онъ бичевать? Во имя чего протестуетъ? желаетъ ли крикнуть жизненному движенію: довольно! пора воротиться назадъ! или же находитъ, что даже и сего недовольно, что совершающійся на его глазахъ прогрессъ есть прогрессъ мишурный, и что жизнь должна отыскать себѣ другое, болѣе широкое ложе? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ сатира его опредѣлительнаго отвѣта не даетъ.

На первый взглядъ можетъ, однако, показаться, что авторъ болѣе склоненъ показывать дорогу назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, единственныя сочувственныя строки, которыя встрѣчаются въ его сатирѣ, относятся къ лицу, называемому имъ «папенькой». Это человѣкъ, который

> Раздавитъ, кажется... анъ, смотришь, покричитъ —
> И самъ расплачется, да тутъ же и проститъ!

и далѣе:

> Конечно, память твой папа у стариковъ
> Оставилъ добрую—и ставятъ предъ икону
> И нынче за него свѣчу...

Сочувствіе, повидимому, несомнѣнное; но въ то же время сатирикъ какъ будто стыдится своего сочувствія и спѣшитъ отречься отъ вся-

кой солидарности съ рисуемымъ имъ идеаломъ. И вотъ онъ надѣваетъ на своего героя слѣдующій не совсѣмъ лестный костюмъ:

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ забавный-то старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ...
Застегнутъ, вытянутъ, какимъ-то дикобразомъ
Старался выступать — казалось, съѣстъ вотъ разомъ!
. . . .
Закона—не любилъ! его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому...

Отсюда двойственность; съ одной стороны, похвальныя качества: накричитъ человѣкъ, да тутъ же и проститъ; съ другой стороны, качества непохвальныя: выступаніе на плацу дикобразомъ и законобоязнь. Конечно, если мы будемъ вникать очень пристально въ существо этой двойственности, то безъ труда найдемъ, что она составляетъ, такъ сказать, только послѣднюю уступку чувству ложной стыдливости; тѣмъ не менѣе, она все-таки поражаетъ очень непріятно и обнаруживаетъ въ сатирикѣ совершенно неумѣстную въ его ремеслѣ шаткость воззрѣнія на жизнь. Сатирикъ всегда нѣсколько фанатикъ своихъ воззрѣній, и потому въ немъ всего менѣе понятна уступчивость, и особливо такая уступчивость, которая явно допускается подъ вліяніемъ внѣшняго гнета и собственной внутренней робости. И еслибъ г. Майковъ былъ вполнѣ искрененъ, то онъ, конечно, не колеблясь, сталъ бы на сторону «папеньки», ибо, въ сущности, здѣсь самыя противорѣчія устраняются очень легко, ибо здѣсь похвальныя качества до такой степени примиряются съ качествами непохвальными, что едвали даже отыщется въ цѣломъ мірѣ то тонкое перо, которое въ состояніи провести между ними раздѣляющую черту. И дѣйствительно, весь идеалъ г. Майкова заключается, кажется, въ томъ, чтобъ въ Россіи были начальники вспыльчивые (по человѣчеству, это имъ прощается), но добрые, чтобъ они, пожалуй, и кричали, но умѣли бы снисходить къ оправданіямъ и слабостямъ подчиненныхъ. Не хорошо только то, что они выступаютъ «дикобразами» и «боятся закона». Но развѣ стоитъ изъ-за этого распинаться? Развѣ стоитъ изъ-за этого острить жало сатиры? Не достаточно ли внушать этимъ людямъ, что ходить дикобразомъ не слѣдуетъ, равно какъ не слѣдуетъ и бояться законовъ, но видѣть въ нихъ вящшее для себя поощреніе?

Увѣряемъ, что это гораздо легче, нежели кажется съ перваго взгляда, и что г. Майковъ совершенно напрасно скрываетъ свое со-

чувствіе къ «папенькѣ», ибо скрытность эта, безъ всякой надобности, лишаетъ его сатиру силы. Мы понимаемъ: его смущаетъ въ этомъ случаѣ образъ Скалозуба, нарисованный мастерской рукой Грибоѣдова, но вѣдь кто же можетъ поручиться, что и за него никто не «ставилъ предъ иконы свѣчу?» Да и на какомъ, наконецъ основаніи сатирикъ усматриваетъ противорѣчіе между непохвальными свойствами своего скрытнаго идеала и другими, которымъ онъ положительно сочувствуетъ? Мы думаемъ, что тѣ и другія совсѣмъ не чужды другъ другу, что они суть явленія одной и той же категоріи, не только взаимно другъ друга пополняющія, но и не могущія существовать одинъ безъ другаго. Мы слишкомъ охотно говоримъ иногда: «хорошій человѣкъ; накричитъ, да за то потомъ и проститъ!» однако, выражаясь такимъ образомъ, мы прямо свидѣтельствуемъ, что мало понимаемъ значеніе употребляемыхъ нами словъ. Что такое «накричитъ?» что такое «проститъ?» Неужели же такъ трудно понять, что самое существованіе подобныхъ словъ говоритъ объ отсуствіи перваго и самаго необходимаго условія всякаго человѣческаго общежитія, — объ отсутствіи равноправности? Да вникните же, вникните хорошенько въ прямой смыслъ этихъ словъ и поймите, наконецъ, что въ нихъ заключается гораздо болѣе горечи, нежели въ томъ выступаніи лихобразомъ и въ той законобоязни, которые кажутся вамъ столь смѣшными!

Изъ такого-то смутнаго идеала приходитъ г. Майковъ къ бичеванію. Кого онъ бичуетъ? Мы думаемъ, что онъ самъ не найдется что-либо отвѣтить на это, кромѣ того, что онъ бичуетъ «друга Илью Ильича». Кто же таковъ этотъ Илья Ильичъ? Съ одной стороны, это пропагандистъ либерализма, ревнитель свободы, съ другой — это отчасти департаментскій сторожъ, отчасти бюрократъ чичеринской школы, отчасти одинъ изъ тѣхъ дрянныхъ Робеспьериковъ, свѣдѣнія о которыхъ можно почерпать въ историческихъ анекдотахъ, лихо разсказываемыхъ гг. Семевскимъ и Есиповымъ. Мы не отрицаемъ, что такое противоестественное смѣшеніе понятій самыхъ противоположныхъ и несовмѣстимыхъ совсѣмъ не составляетъ рѣдкости въ нашемъ такъ называемомъ обществѣ; мы даже думаемъ, что это могло бы навести талантливаго писателя на множество очень комическихъ соображеній, но г. Майковъ не имѣетъ ни возможности, ни права воспользоваться комизмомъ этого положенія, потому просто, что онъ самъ очень искренно признавалъ и признаетъ, что либерализмъ и плеваніе въ лицо исторіи, свобода и регламентація—вещи совершенно однородныя. Онъ самъ искренно смѣшиваетъ эти понятія, и, смѣшавши, силится испомѣстить по этому поводу всѣ острыя слова, которыя имѣются у него въ запасѣ.

Какъ назвать такую сатиру? Разумѣется, еслибы она носила хотя малѣйшій призракъ преднамѣренности, то ее надлежало бы заклеймить именемъ клеветы, но такъ какъ она свидѣтельствуетъ лишь о близорукости самого сатирика, не умѣющаго полагать различіе между представленіями совершенно противоположными, то и слѣдуетъ ее просто на просто приобщить къ числу прочихъ опытовъ попаданія пальцемъ въ небо, которыми такъ богата новѣйшая русская литература.

Посмотримъ теперь, каковы-то привѣтствія г. Майкова. Этѣ привѣтствія всецѣло выразились въ стихотвореніи подъ названіемъ «Картинка», которое мы приведемъ здѣсь вполнѣ.

КАРТИНКА

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ:

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жь такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужь такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но все чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужь увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы, — это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Признаемся: нужно много рѣшимости, чтобъ прочитать до конца эту болѣе нежели странную штуку. Здѣсь, что ни слово, то фальшь. Г. Майковъ съумѣлъ соорудить водсвильно-граціозную картинку даже изъ такого дѣла, которое всего менѣе терпитъ водевильную граціозность. Исторія не новая, повторяющаяся неоднократно со всѣми передѣлывателями французскихъ водевилей на русскіе нравы. Поэтъ, очевидно, вдохновился какимъ нибудь французскимъ эстампомъ съ подписью: La petite Nini faisant la lecture à sa mère, и задумалъ снискать расположеніе почтеннѣйшей публики, изобразивъ этотъ эстампъ въ стихахъ, и переложивъ его на русскіе нравы. И, можетъ быть, онъ дѣйствительно успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, еслибъ не сбили его съ толку такъ называемыя современныя тенденціи, и еслибъ онъ мѣстомъ дѣйствія для картинки выбралъ не избу, а коттэджъ досужихъ людей. Но кто же повѣритъ этой русской семьѣ, гдѣ

...съ трудомъ, отъ слова къ слову,
Пальчикомъ водя,

По печатному читаеть,
Мужичкамъ дитя...

Кого обманетъ этотъ балетный обманъ?

Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ *Карповымъ*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1863. Часть III. Политика или государство.

Г. профессоръ Карповъ, извѣстный нашъ философъ, переводомъ греческаго Платона совершилъ высокій подвигъ самоотверженія и безкорыстія. Вѣдь перевести Платона, да еще объяснить его, вѣдь это что нибудь да значитъ, труда, времени и кропотливости на это пошло не мало; затѣмъ издать переводъ, напечатать его, вѣдь это что нибудь да стоитъ, на него денегъ пошло не мало. И во имя чего потраченъ трудъ и израсходованы деньги? Единственно во имя науки, во имя философіи. Какъ хотите, а такое самоотверженіе и безкорыстіе похвальны и заслуживаютъ уваженія; они должны быть уликою и образцомъ для тѣхъ ученыхъ, которые для науки готовы не щадить жизни, а между тѣмъ пальцемъ не шевельнутъ для науки, какъ скоро она не представляетъ достаточныхъ выгодъ. Кто у насъ станетъ читать, а главное, кто станетъ покупать переведенныя сочиненія Платона? То обстоятельство, что они издаются вотъ уже во второй разъ, повидимому даетъ утѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но только повидимому, а не на самомъ дѣлѣ. Первое изданіе вышло въ свѣтъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда повидимому пробуждался въ русской публикѣ философскій интересъ, когда даже въ «Маякѣ» и «Москвитянинѣ», не говоря о другихъ журналахъ, печатались философскія статьи. Казалось бы, что изданныя въ это время сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ будутъ раскупаться и читаться публикой для удовлетворенія ея философскимъ интересамъ. Но такое предположеніе оказалось неосновательнымъ; Платонъ на Руси не пошелъ, мало читался, а еще меньше покупался. Теперь наступило новое, наше время и также зарекомендовало себя философскими интересами, для удовлетворенія которымъ Платонъ издается во второй разъ съ прибавленіемъ другихъ его сочиненій, являющихся въ русскомъ переводѣ въ первый разъ. Но не нужно, кажется, быть пессимистомъ или дурнымъ предвѣщателемъ, чтобы предсказать второму изданію Платона участь перваго. Обращаюсь къ вамъ, читатели, много ли изъ васъ найдется такихъ, которые захотятъ прочитать и купить Платона? Я знаю, есть между вами любознательные, желающіе знать все, въ томъ числѣ и

сочиненія Платона; но и между этими любознательными весьма немногіе, начавши читать Платона, окончатъ его. Такая непростительная небрежность и невнимательность къ великому греческому философу происходитъ не отъ доброй воли русскихъ читателей, а отъ отсутствія въ нихъ тѣхъ условій, при которыхъ могъ бы заинтересовать ихъ Платонъ. Русскіе читатели не знаютъ ни философовъ предшествовавшихъ Платону, ни философовъ слѣдовавшихъ за нимъ; а потому они не могутъ понять относительныхъ достоинствъ Платоновой философіи, абсолютныя же достоинства ея не до такой степени рѣзки и ярки, чтобы они скоро бросились въ глаза читателю. Наши читатели до такой степени привыкли къ новѣйшимъ современнымъ міросозерцаніямъ, что оригинальное міросозерцаніе Платона въ духѣ греческой древности покажется имъ просто страннымъ; они не въ состояніи поставить себя на точку зрѣнія современниковъ Платона, проникнуться духомъ его времени, умственно приспособиться ко всему характеру тогдашней жизни и тогдашнихъ обстоятельствъ, и потому легко можетъ статься, что имъ покажется недостаткомъ въ Платонѣ то, что составляло его достоинство. Идеализмъ Платона, образность его представленій и способа изложенія покажутся современному читателю фантастичностью, больше поэзіей, чѣмъ философіей; эти качества составляютъ уже личную особенность Платона и его философіи. Аристотель въ этомъ отношеніи очень выгодно отличается отъ Платона; складъ его мыслей, направленіе его изслѣдованій, весь характеръ его философіи и самые предметы, которыми она занималась, гораздо сроднѣе нашему времени, чѣмъ они были у Платона. Поэтому Аристотель былъ бы гораздо доступнѣе и интереснѣе для современныхъ читателей, чѣмъ Платонъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что издатель Платона можетъ надѣяться развѣ только на поддержку со стороны казенныхъ учебныхъ заведеній и ихъ библіотекъ, а на публику онъ не долженъ много расчитывать. Если же, не смотря на это, онъ все-таки дѣлаетъ свое изданіе, то мы должны уважать его храбрость и великодушіе въ дѣлѣ науки.

Я человѣкъ спеціально занимающійся книжнымъ дѣломъ, однако изъ 4-хъ томовъ всѣхъ сочиненій Платона выбралъ для прочтенія одинъ только томъ. Нѣкоторые разговоры Платона я читалъ въ первомъ изданіи, и читать ихъ во второмъ изданіи во второй разъ ни за что не хочу. Знаменитый разговоръ о безсмертіи души, Федонъ, съ примѣчаніями г. Каткова я читалъ въ «Пропилеяхъ», издававшихся г. Леонтьевымъ. При этомъ мнѣ невольно приходитъ въ голову мысль такая: какую бы громадную пользу оказали наукѣ эти два ученые мужа, т. е. гг. Катковъ и Леонтьевъ, если бы они не оставляли науки и не промѣняли «Пропилей» на «Русскій Вѣстникъ» и «Москов-

скія Вѣдомости»! Ихъ учеными трудами наука быстро двинулась бы впередъ. Изъ того, что они пренебрегли наукою, покинули ее, кто нибудь можетъ вывести заключеніе, что они и не любили ее и въ доказательство сошлется на примѣръ г. Крылова, который хотя и пишетъ ordo equester вмѣсто equestris, однако любитъ науку и потому не покидаетъ ее, или на примѣръ г. Карпова, который и во времена «Пропилеевъ» занимался Платономъ и теперь занимается имъ, значитъ тоже любитъ свою науку и не оставляетъ ее; тогда какъ вотъ гг. Катковъ и Леонтьевъ оставили храмъ науки, въ которомъ они были жрецами, и поселились на толкучемъ рынкѣ литературы, бросили «Пропилеи» и взялись за «Московскія Вѣдомости». Послѣ этого, какого же уваженія и какой любви къ наукѣ можно ожидать отъ тѣхъ, которые не были ея жрецами? Впрочемъ, отступленіе въ сторону; возвратимся къ нашему предмету. Я читалъ разговоръ Платона, но не читалъ еще его политики, которая въ первый разъ переведена г. Карповымъ на русскій языкъ и помѣщена въ III части настоящаго втораго изданія. Я думаю, и вы, читатели, слыхали объ идеальномъ государствѣ Платона, какъ слыхалъ и я. Поэтому, если вамъ угодно, давайте вмѣстѣ съ вами посмотримъ по переводу г. Карпова, какое такое государство сочинилъ Платонъ.

Платонъ жилъ въ аѳинскомъ государствѣ, но онъ недоволенъ былъ его устройствомъ, и потому рѣшился сочинить новое, самое лучшее государство, самое совершенное по своему устройству, въ которомъ процвѣтали бы всѣ добродѣтели и всякое счастіе. Это устройство онъ описываетъ въ формѣ разговора, который будто бы ведетъ Сократъ со своими учениками и друзьями. Государство, или городъ, какъ говоритъ Платонъ, раждается тогда, когда каждый изъ насъ самъ для себя бываетъ недостаточенъ и имѣетъ нужду во многихъ (не забывайте, что мы дѣлаемъ изложеніе по переводу г. Карпова, который отличается славянизмами). Люди соединяются въ общество для того, чтобъ лучше и легче удовлетворять своимъ потребностямъ; эти потребности очень разнообразны, и въ обществѣ должны быть люди, которые посвятили бы себя исключительно на трудъ для удовлетворенія этихъ потребностей; одни должны заниматься добываніемъ и приготовленіемъ пищи, другія—одежды и жилья и т. д. Кромѣ потребностей, у людей являются прихоти, роскошь, которымъ также нужно удовлетвореніе; поэтому, говоритъ Платонъ, нашъ городъ обременится множествомъ такихъ лицъ, которыя нужны не для необходимости, т. е., поэтами, музыкантами, актерами, мастерами украшеній и т. д. Всѣ эти люди, удовлетворяющіе потребностямъ общества, составляютъ самый низшій классъ въ обществѣ; Платонъ относится къ нимъ довольно сурово, они не могутъ принимать участія въ управленіи, и главная ихъ

добродѣтель—покорность.—Число членовъ общества увеличивается, потребности его возрастаютъ; количество земли оказывается недостаточнымъ для пропитанія общества, понадобится отнять часть земли у сосѣдей, которые конечно будутъ отстаивать ее силою. Изъ этого вытекаетъ необходимость войны и необходимость другаго сословія, воиновъ или стражей, которые посвящали бы себя исключительно увеличенію земли общества и охраненію той, какую оно имѣетъ. На это сословіе Платонъ обращаетъ преимущественное вниманіе и даетъ подробныя правила, какъ воспитывать его членовъ. Тѣло ихъ нужно развивать гимнастикой, а душу музыкой, къ которой относится и поэзія. Не всякія поэтическія произведенія должны читать дѣти; имъ нужно запретить чтеніе всѣхъ произведеній даже великихъ поэтовъ, гдѣ говорится о слабостяхъ, страстяхъ и преступленіяхъ боговъ. О мученіяхъ напр., которыя Кроносъ потерпѣлъ отъ сына, хотя бы это было и справедливо, говоритъ Платонъ, я не легко позволилъ бы разсказывать людямъ неразумнымъ и молодымъ, а лучше велѣлъ бы молчать объ нихъ, когда же и настояла бы необходимость говорить объ нихъ, то ради таинственности предмета у меня слушали бы о томъ весьма немногіе. Приведши стихи изъ Эсхила, въ которыхъ Өетида жалуется, что Аполлонъ обѣщалъ ея дѣтямъ вѣчную жизнь, и она повѣрила этому, думая, что не можетъ быть лжи въ устахъ бога, между тѣмъ какъ самъ же Аполлонъ убилъ ея дитя,—Платонъ восклицаетъ: кто говоритъ о богахъ подобныя вещи, на того мы будемъ сердиться и не дадимъ ему составлять сказки, а учителямъ не позволимъ пользоваться ими при воспитаніи дѣтей, если хотимъ, чтобы стражи у насъ чтили боговъ и были божественны, сколько это возможно для человѣка. Должно запрещать дѣтямъ чтеніе всего, что можетъ ослабить ихъ мужество, напр. разсказы объ ужасахъ смерти и загробной жизни, наводящіе страхъ, и разные жалобные и плаксивые стихи; также чтеніе такихъ сочиненій, которыя могутъ ослабить въ нихъ покорность къ властямъ, сдѣлать дерзкими и вообще неразсудительными.

Стражи должны приготовлятся къ исполненію своихъ обязанностей изученіемъ наукъ. Первая наука, необходимая для нихъ, есть наука числа, ариөметика, нужная для распорядка войскъ и въ то же время развивающая умъ; стражи должны не только считать, но и заниматься самою сущностью чиселъ, изучать науку не какъ купцы только для счета и торговли, а для войны и самой души съ цѣлью облегчить ей познаніе истины.—Вторая наука есть геометрія; ибо и при расположеніи лагерей, и при занятіи мѣстъ, и при стягиваніи, или растягиваніи войскъ, и при всѣхъ военныхъ построеніяхъ, какъ во время самыхъ сраженій, такъ и во время походовъ, геометръ много отличается

отъ не геометра; но эта наука также должна вести къ познанію существа вещей и пространства, отрѣшеннаго отъ всякой матеріи.—Третья наука есть астрономія; она осязательно представляетъ чувству и годовыя времена, и мѣсяцы, и годы, что нужно не только для земледѣлія и мореплаванія, но не меньше и для военачальствованія; затѣмъ, изображая порядокъ звѣздъ и движеніе неба, подчиненное законамъ, она помогаетъ узнавать гармонію міра и даетъ образецъ, по которому можно судить о невидимомъ, истинномъ порядкѣ вселенной.—Всѣ эти науки служатъ приготовленіемъ къ высшей наукѣ, діалектикѣ; она занимается изслѣдованіемъ тѣхъ вещей, которыя не подлежатъ чувствамъ и могутъ быть постигаемы только умомъ, она познаетъ сущность вещей, всегда опирается на истину, а не обращается къ предположеніямъ.—Дѣти стражей начинаютъ учиться съ самаго ранняго возраста; ихъ не нужно принуждать къ ученію противъ ихъ воли, учить ихъ не насильно, а какбы играючи, чтобы тѣмъ легче усмотрѣть, къ чему которые изъ нихъ способны отъ природы. До 20 лѣтняго возраста они изучаютъ отдѣльно каждую изъ указанныхъ наукъ; а послѣ 20 лѣтъ тѣ науки, которыя въ дѣтствѣ преподаны имъ порознь, должны быть подведены для юношей подъ одинъ обзоръ, показывающій взаимную связь учебныхъ предметовъ и отношеніе ихъ къ природѣ сущаго. Въ 30 лѣтъ имъ нужно сдѣлать испытаніе, кто изъ нихъ способенъ заняться діалектикой, и способные изучаютъ ее въ теченіи пяти лѣтъ. Такимъ образомъ ученіе стражей продолжается до 35 лѣтняго возраста. Затѣмъ уже имъ ввѣряются общественныя должности. Что сказано здѣсь о воспитаніи мужчинъ, относится и къ женщинамъ.—Стражамъ нужно заботиться и о воспитаніи своего тѣла, избѣгать особенно обжорства, которое раждаетъ болѣзни, требующія пособія врачей. По мнѣнію Платона, самымъ яснымъ признакомъ дурнаго воспитанія въ городѣ служитъ то, когда не одинъ черный народъ и низшіе ремесленники, но и люди благородные имѣютъ нужду въ ученыхъ врачахъ и судьяхъ и когда увеличивается число врачей и юристовъ.—За тѣмъ Платонъ описываетъ образъ жизни и обязанности стражей.

«Во первыхъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго. Во вторыхъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни такой кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. А нужныя вещи, сколько ихъ требуется для разсудительныхъ и мужественныхъ сподвижниковъ на войнѣ, надобно имъ, въ награду за охраненіе, получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ такое количество всего, какое было бы и не велико на годъ, и не мало. Они должны ходить въ артельныя столовыя, какъ бы цѣлымъ лагеремъ, и жить сообща. А что касается до золота и се-

ребра, но имъ слѣдуетъ говорить, что въ душѣ ихъ всегда есть золото божественное отъ боговъ, и что ни въ чемъ человѣческомъ они не имѣютъ нужды. Стяжавъ это сокровище, и не годилось бы осквернять его примѣсью золота тлѣннаго. Монета народная произвела много нечестиваго, а полученная отъ боговъ чиста. Въ обществѣ гражданъ имъ однимъ не должно принимать и касаться золота и серебра, даже вступать подъ ту самую кровлю, обкладываться золотыми и серебряными вещами и пить изъ нихъ. Такъ только спасутся они сами и спасутъ городъ. А когда пріобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги; тогда, вмѣсто стражей, сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто защитниковъ прочихъ гражданъ, — непріязненными господами, и во всю свою жизнь будутъ ненавидѣть и находиться въ ненависти, коварствовать и подвергаться коварству, — будутъ гораздо болѣе бояться внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ непріятелей, и какъ сами, такъ и цѣлымъ городомъ, приблизятся къ погибели. По всѣмъ этимъ причинамъ согласимся, что и касательно жилищъ, и вразсужденіи всего прочаго, такъ именно должны быть снаряжены стражи» (Сочиненія Платона, часть III, стр. 195—6).

На войнѣ стражи должны сражаться храбро. Кто оставитъ строй или броситъ оружіе по трусости, того обращать въ низшее сословіе, сдѣлать мастеровымъ, или земледѣльцемъ. Кто захватитъ плѣнника, тому можно подарить его, пусть дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ. Кто особенно отличился на войнѣ, тотъ въ награду можетъ цѣловать всѣхъ и его долженъ цѣловать каждый. Во все время похода, никто не долженъ отказываться, кого бы онъ ни захотѣлъ поцѣловать; такъ что, если бы даже случилось ему и полюбить кого нибудь, будетъ ли то лицо мужескаго или женскаго пола, — всякій обязанъ съ готовностью поднести ему пальму побѣды.

Послѣ этого Платонъ говоритъ о женщинахъ, принадлежащихъ къ сословію стражей, и объ ихъ отношеніяхъ къ стражникамъ. Женщины могутъ исполнять тѣ же самыя общественныя обязанности и вообще дѣлать то же, что и мужчины-стражники, т. е. быть въ полномъ смыслѣ воинами. Слѣдовательно имъ должно давать и такое же воспитаніе, какъ мужчинамъ, т. е. учить ихъ гимнастикѣ, музыкѣ, и военному искуству, и всѣмъ наукамъ, назначеннымъ для мужчинъ. Конечно, прибавляетъ Платонъ, это покажется страннымъ и даже вызоветъ насмѣшки, — когда въ палестрахъ, вмѣстѣ съ мужчинами, будутъ заниматься гимнастикою и нагія женщины и не только молодыя, но и старыя; но мы не должны бояться насмѣшекъ, а руководствоваться природою женщины, назначая имъ занятія. Но силы природы равно развиты въ обоихъ живыхъ существахъ: по природѣ женщина способна на тѣ же дѣла, какъ и мужчина: стало быть, и относительно охраненія государства природа ея та же, что

у мужчинъ, только слабѣе мужской. И такъ, восклицаетъ Платонъ, пусть раздѣваются жены стражей, если только вмѣсто одежды онѣ будутъ облекаться добродѣтелью; пусть принимаютъ участіе въ войнѣ. — Устроивая временные браки стражей, нужно выбирать самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ мужчинъ и соединять съ такими же женщинами для полученія здороваго и крѣпкаго потомства. Этотъ искусственный выборъ жениховъ и невѣстъ долженъ быть скрытъ отъ нихъ, такъ чтобы они думали, что они соединяются между собою случайно, а не по волѣ правительства; для этого нужно выдумать какіе нибудь поддѣльные жребіи и раздавать женъ какъ будто по жребію, чтобы не было никакихъ претензій и неудовольствій. Должны быть учреждены, говоритъ Платонъ, праздники, на которые мы соберемъ невѣстъ да жениховъ, и на которыхъ будутъ совершаемы жертвоприношенія, а наши поэты постараются воспѣвать приличные бракамъ гимны. При томъ надобно, думаю, изобрѣсть какіе нибудь хитрые жребіи, чтобы худой мужчина вину каждаго сочетанія съ женщиной возлагалъ на случай, а не на правителей. — Въ другое время, кромѣ этого назначеннаго правительствомъ, мужчины не должны соединяться съ женщинами. . . . .

. . . .

«Рождающихся дѣтей должны брать поставленныя надъ этимъ власти, состоящія либо изъ мужчинъ, либо изъ женщинъ, либо изъ тѣхъ и другихъ. — Взявъ дѣтей отъ добрыхъ, онѣ будутъ относить ихъ, думаю, въ огражденное мѣсто, къ нѣкоторымъ кормилицамъ, живущимъ отдѣльно, въ извѣстной части города; а дѣтей отъ худыхъ, и вообще всѣхъ, родившихся съ тѣлесными недостатками, станутъ скрывать, какъ слѣдуетъ, въ тайномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ. Позаботятся они также и о пищѣ, приводя въ то огражденное мѣсто матерей, когда набрякнутъ у нихъ груди (причемъ употребятъ все исскуство, чтобы ни одна изъ нихъ не узнала своего дитяти), и доставая другихъ, имѣющихъ молоко, если матери будутъ недостаточны. Попекутся и о самихъ этихъ питательницахъ, чтобы они кормили дѣтей умѣренно, во время, и назначатъ няньками и кормилицами часы бдѣнія и другаго труда. — Умѣренное время цвѣтучести для женщины есть двадцать лѣтъ, а для мужчины — тридцать. — Женщинѣ можно раждать для города, начиная отъ двадцатаго до сороковаго года, а мужчинѣ, протекши порывистую цвѣтучесть возраста, можно раждать для города отъ этого времени до пятидесяти лѣтъ. Посему, кто, будучи старѣе или моложе этого, посягнетъ на рожденіе для города, тому мы вмѣнимъ это въ грѣхъ, какъ дѣло нечестивое и неправедное, — для чего зачалъ онъ государству дитя, которое, какъ покрытое тайною, должно было родиться не отъ сѣмени, освященнаго жертвами и молитвами; какія приносятся жрицами и жрецами и всѣмъ городомъ, чтобы хорошіе всегда производили порожденія лучшія и полезныя — полезнѣйшія, а отъ

мрака, скрывающаго страшное невоздержаніе. — Тотъ же-самый законъ будетъ имѣть силу, если кто изъ мужчинъ еще раждающихъ, не бывъ сведенъ правителемъ, будетъ касаться женщины въ зрѣломъ возрастѣ; потому что въ такомъ случаѣ онъ принесетъ городу, скажемъ мы, подкидыша,—дитя незаконное и неосвященное. Когда же, думаю, и женщины, и мужчины переживутъ возрастъ рожданія,—мужчинамъ мы, вѣроятно, предоставимъ свободу соединяться съ кѣмъ хотятъ, кромѣ дочери, матери, дочернихъ дочерей и материнхъ родственницъ по восходящей линіи; оставимъ также свободными и женщинъ,—кромѣ сына, отца и родственниковъ ихъ по нисходящей и восходящей линіи. Но при всемъ-таки этомъ, предпишемъ особенно стараться и на свѣтъ не выносить никакого плода, если онъ зачнется, а когда что приневолитъ, положить его такъ, какъ бы не было для него никакой пищи. Но какъ можно будетъ отличать другъ отъ друга—отцовъ, дочерей?—Никакъ. Какія бы ни родились дѣти на десятомъ, даже на седьмомъ мѣсяцѣ съ того дня, въ который кто сдѣлался женихомъ, всѣхъ этихъ дѣтей мужескаго пола будетъ онъ называть сыновьями, а женскаго—дочерями; дѣти же эти станутъ называть его отцомъ. Равнымъ образомъ, порожденія ихъ будетъ называть онъ дѣтьми дѣтей, а они ихъ дѣдами и бабками; рожденныхъ же въ то время, когда родили ихъ отцы и матери, они станутъ именовать братьями и сестрами. Поэтому, сказавъ сейчасъ, кому не касаться другъ друга, мы должны прибавить, что братьямъ и сестрамъ законъ позволитъ сожительство, если на это выпадетъ жребій и будетъ утвержденъ Пиѳіею» (Сочиненія Платона, часть III, стр. 265—268).

Такія постановленія, говоритъ Платонъ, произведутъ въ обществѣ единство и согласіе; съ кѣмъ бы ни встрѣтился гражданинъ, онъ будетъ думать, что встрѣтился либо какъ съ братомъ, либо какъ съ сестрою, отцомъ, матерью, сыномъ и т. д., потому что никто не знаетъ своего настоящаго отца, ни матери, ни другихъ родственниковъ.

Возможно ли подобное устройство общества? Самъ Платонъ не вполнѣ увѣренъ въ его возможности и говоритъ только, что то общество было бы самымъ счастливѣйшимъ, которое бы ближе подходило къ этому идеалу. Причина же, по которой существующія общества противорѣчатъ идеалу, по мнѣнію Платона, заключается въ томъ, что въ нихъ не царствуетъ философія; пока государственная сила, говоритъ онъ, и философія не совпадутъ въ одно, и многія природы, направляющіяся нынѣ отдѣльно къ той и другой, будутъ взаимно исключаться; дотолѣ ни города, ни даже, думаю, человѣческій родъ не жди конца злу,—и описанное государство прежде этого не родится, какъ могло бы, и не увидитъ солнечнаго свѣта.—Это замѣчаніе приводитъ Платона къ изображенію качествъ и обязанностей, свойственныхъ правителямъ государства. Правители избираются изъ

числа стражей, самые лучшіе и мудрѣйшіе изъ нихъ, которые во всю свою жизнь были усердными ревнителями въ исполненіи дѣлъ, признаваемыхъ полезными для города. Они должны быть философами, любящими и созерцающими истину. Истинный философъ созерцаетъ самую сущность вещей, а не явленія ихъ; находя удовольствіе въ наукѣ и мудрости, онъ не думаетъ объ удовольствіяхъ тѣлесныхъ; созерцая сущность всего, онъ не дорожитъ жизнію и не боится смерти, потому въ немъ не можетъ быть ни трусости, ни малодушія; онъ справедливъ и ласковъ ко всѣмъ, онъ ученъ, обогащенъ познаніями и напитанъ науками. Такіе-то ученые философы и должны быть избираемы въ правители. Противъ этого Платонъ самъ возражаетъ себѣ, что философы, всю жизнь занимающіеся науками на практикѣ, въ жизни оказываются чудаками неопытными и возбуждаютъ противъ себя неудовольствіе. На это возраженіе онъ отвѣчаетъ, что истинные философы бываютъ опытны въ жизни, и искусны въ практикѣ; если же толпа не любитъ ихъ, то за то, что они не поблажаютъ ея страстямъ, не обращаютъ вниманія на ея частное благо, а имѣютъ въ виду только общую пользу и благо всего государства.

Начертавши свой идеалъ государства, Платонъ указываетъ далѣе возможныя отступленія отъ него, такъ сказать, порчу его, описываетъ четыре грубыя формы государственнаго правленія: тимократію, олигархію, димократію и тираннію. Свое государство Платонъ называетъ аристократіей, которая прежде всего можетъ выродиться въ тимократію такимъ образомъ. При выборѣ жениховъ и невѣстъ правители могутъ допустить ошибки, сами брачущіеся будутъ соединяться не въ должное время; вслѣдствіе этого отъ нихъ произойдутъ дурныя дѣти; эти послѣдніе смѣшаются впослѣдствіи тоже съ дурными и произведутъ еще худшее потомство, такъ что и въ правители нельзя будетъ найти достойныхъ людей. Граждане посягаютъ на общее достояніе, дома и земли, данныя имъ во временное пользованіе, они обращаютъ въ свою собственность; является страсть къ богатству; богатые люди порабощаютъ и заставляютъ работать вмѣсто себя людей бѣдныхъ, сами же только занимаются войною.—Олигархія есть правленіе, основывающееся на переписи и оцѣнкѣ имѣнія (на цензѣ), такъ что въ немъ управляютъ богатые, а бѣдные не имѣютъ участія въ управленіи. Поэтому граждане выше всего ставятъ деньги и для пріобрѣтенія ихъ жертвуютъ добродѣтелью; богатые составляютъ законы въ свою пользу и для притѣсненія бѣдныхъ. Въ такомъ обществѣ постоянныя смуты, такъ какъ оно состоитъ изъ двухъ враждебныхъ сторонъ, богатыхъ и бѣдныхъ; чѣмъ богаче становится одна сторона, тѣмъ бѣднѣе другая, а вслѣдствіе бѣдности являются преступленія, воровство, грабежъ, чего не было бы при равномъ распредѣленіи об-

щественнаго имущества. — Олигархія перерождается въ демократію, когда богатыя высшія сословія вслѣдствіе мотовства и расточительности бѣднѣютъ и становятся на ряду съ низшими сословіями, съ чернью; бѣдные одерживаютъ побѣду надъ богатыми и знатными, однихъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, захватываютъ въ свои руки власть и избираютъ правителей неразумно, по жребію. Платонъ сильно порицаетъ демократію; по видимому, говоритъ онъ, въ демократическомъ государствѣ всѣ свободны, каждый дѣлаетъ, что хочетъ, каждый живетъ какъ ему вздумается; отого въ немъ пестрота и разнообразіе; въ немъ сосредоточены всѣ формы правленія. Такое государство по видимому пріятно и сообщаетъ равенство самымъ неравнымъ людямъ; димократическія города хвастаются своей свободой, говоря, что только въ нихъ стоитъ жить тому, кто по природѣ свободенъ. Но свобода димократіи непрочна, она во вредъ себѣ переходитъ въ крайность.

«Когда димократическій городъ, горя жаждою свободы, попадается въ руки дурныхъ виночерпіевъ и, наливаемый свободою, безъ мѣры, упивается ею слишкомъ очищенною, безъ надлежащей примѣси; тогда онъ наказываетъ, думаю, этихъ правителей (кромѣ тѣхъ только, которые были не очень кротки и не давали большой свободы), обвиняя ихъ, какъ преступниковъ и олигарховъ. — А тѣхъ-то, которые были послушны правителямъ, онъ преслѣдуетъ оскорбленіями, какъ произвольныхъ рабовъ и людей, ничего нестоющихъ: напротивъ, правителей, подобныхъ управляемымъ, а управляемыхъ — правителямъ, хвалитъ и удостоиваетъ почестей часто и всенародно. Въ такомъ городѣ свобода не необходимо ли входитъ во все? — Она проникаетъ, другъ мой, даже въ частные домы, и такое безначаліе достигаетъ наконецъ до самыхъ животныхъ. — Отецъ привыкаетъ уподобляться дитяти и бояться сыновей, а сынъ дѣлается подобнымъ отцу, и чтобы быть свободнымъ, не имѣетъ ни уваженія, ни страха къ родителямъ. Переселенецъ у него все равно, что туземецъ, а туземецъ все равно, что переселенецъ; то же самое и касательно иностранца. Учитель въ такомъ городѣ боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики унижаютъ учителя и воспитателей. Вообще — юноши принимаютъ роль стариковъ и состязаются съ ними словомъ и дѣломъ, а старики, снисходя къ юношамъ и подражая имъ, отличаются вѣжливостію и ласковостію, чтобы, то есть, не показаться людьми непріятными и деспотами. — Послѣднее же дѣло свободы у этого народа, сколько бы ни было ея въ такомъ городѣ, другъ мой, состоитъ въ томъ, продолжалъ я, что купленные мужчины и женщины нисколько не меньше свободны, какъ и купившіе ихъ. А какое бываетъ равенство и какая свобода женъ въ отношеніи къ мужьямъ и мужей въ отношеніи къ женамъ, — о томъ мы почти и забыли сказать. Даже и животныя, находящіеся подъ властію людей, въ томъ городѣ гораздо свободнѣе, нежели гдѣ нибудь: этому никто не повѣритъ, не дознавши собственнымъ

опытомъ; ибо просто — и собаки, по пословицѣ, такъ бываютъ таковы, каковы ихъ госпожи, и лошади, и ослы привыкаютъ ходить весьма свободно и важно, и по дорогамъ всегда напираютъ на встрѣчнаго, если онъ не посторонится, да и все другое такимъ же образомъ переполнено свободою. Граждане димократіи не обращаютъ нисколько вниманія и на законы, какъ писанные, такъ и неписанные, чтобы никто не былъ надъ ними деспотомъ» (Сочиненія Платона, часть III, стр. 427—30). . . . .

Но все, что дѣлается слишкомъ, непремѣнно вызываетъ сильную перемѣну въ противоположномъ смыслѣ; излишняя свобода естественно должна приводить какъ частнаго человѣка, такъ и городъ къ рабству. Поэтому изъ димократіи, т. е. высочайшей свободы, вытекаетъ тираннія, т. е. сильнѣйшее и жесточайшее рабство. Въ димократіи бѣдные, захвативъ власть, стараются ограбить богатыхъ и часть отнятаго у нихъ имущества раздаютъ черни; богатые принуждены бываютъ защищаться, по необходимости вступаютъ въ борьбу съ чернью, которая, чтобы побѣдить богатыхъ, выбираетъ себѣ одного предводителя, вручая ему власть надъ собою. Этотъ предводитель, пользуясь поддержкою народа, совершаетъ надъ богатыми всякія несправедливости, судитъ, изгоняетъ, убиваетъ ихъ, и тѣмъ возбуждаетъ противъ себя ненависть и подвергается опасностямъ. Для защиты себя онъ требуетъ, чтобы народъ далъ ему стражу и тѣлохранителей, отчего власть его еще болѣе усиливается. Въ первое время онъ улыбается и обнимаетъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается, обѣщаетъ многое, освобождаетъ отъ долговъ, народу раздаетъ деньги и земли, притворяется милостивымъ. По необходимости онъ ведетъ войны, чтобы народъ чувствовалъ въ немъ нужду; а для веденія войнъ обременяетъ гражданъ налогами. Это возбуждаетъ противъ него неудовольствіе, а онъ въ свою очередь старается истребить недовольныхъ и всѣхъ, которые могутъ понять и осуждать его дѣйствія; для этого онъ увеличиваетъ свою силу; составляетъ постоянное войско, привлекая въ него бѣдныхъ гражданъ жалованьемъ, отнимая у гражданъ рабовъ и дѣлая этихъ рабовъ своими воинами. Войско онъ будетъ содержать на общественный счетъ и самъ жить на счетъ другихъ. Тогда онъ станетъ тѣснить и самую чернь, которая уже не въ состояніи освободиться отъ него и сдѣлать что нибудь противъ него, такъ какъ въ его рукахъ сосредоточена огромная сила. Такимъ образомъ, восклицаетъ Платонъ, чернь убѣгая отъ дыма рабства, налагаемаго людьми свободными, попадаетъ въ огонь рабовъ, служащихъ тиранніи, и вмѣсто излишней необузданной свободы, подчиняется тягчайшему и самому горькому рабству.

Кромѣ этихъ четырехъ формъ правленія есть еще другія, смѣ-

шаемые, но и они, также какъ и эти, уступаютъ, по словамъ Платона, его аристократическому идеальному государству, которое составляетъ самую высшую и совершеннѣйшую форму правленія. Но государство Платона, какъ слишкомъ идеальное, никогда не осуществлялось въ дѣйствительности, тогда какъ представленныя имъ четыре формы правленія списаны съ историческихъ государствъ, въ которыхъ эти формы дѣйствительно существовали.—Въ заключеніе припомнимъ, что Платонъ жилъ за 300 лѣтъ до Р. Х., видѣлъ аеинскую демократію, осудившую на смерть Сократа, видѣлъ и тирановъ въ Аеинахъ, былъ въ сношеніяхъ съ сицилійскимъ тиранномъ Діонисіемъ, воспитывалъ сына его, Діонисія младшаго, котораго однако не могъ расположить къ своему идеальному государству, и который управлялъ Сициліею какъ тираннъ, описываемый у Платона.

Разсказы И. С. Генслера, пресмотрѣнные и дополненные. Изданіе *И. Панина*. Гаваньскіе чиновники. Куллербергъ. 1864 г.

Имя г. Генслера появилось въ русской журналистикѣ года три тому назадъ. Онъ дебютировалъ очеркомъ «Гаваньскіе чиновники». Этотъ очеркъ, или какъ авторъ называетъ его, *пейзажъ и жанръ*, описывающій бытъ жителей Галерной гавани, былъ замѣченъ публикою и даже возбудилъ нѣкоторыя надежды, какія обыкновенно возбуждаетъ первое произведеніе молодаго писателя, если это произведеніе носитъ, хотя какіе нибудь, хотя слабые признаки дарованія. Однако нельзя сказать, чтобы г. Генслеръ оправдалъ эти надежды. Послѣ «Гаваньскихъ чиновниковъ», онъ написалъ очеркъ «Куллербергъ» (эти два очерка и составляютъ содержаніе книжки, которую мы разбираемъ) и недавно помѣстилъ въ «Библіотекѣ для чтенія» «Записки кота Васьки».—Все это вещи довольно большія, но въ нихъ незамѣтно, чтобы талантъ г. Генслера развивался, или даже чтобы тѣ признаки дарованія, которыя замѣчены были въ первомъ его произведеніи, обозначались нѣсколько опредѣленнѣе. Напротивъ того, последующія произведенія становятся скупны и безцвѣтны, и вообще стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже «Гаваньскихъ чиновниковъ». Впрочемъ, тотъ, кто внимательно прочелъ первое произведеніе г. Генслера, когда оно появилось въ свѣтъ (кажется, въ «Библіотекѣ для Чтенія»), кто вглядѣлся въ характеръ его, тотъ уже и тогда могъ предсказать, что не смотря на наблюдательность автора и мѣстами остроумное и неподдѣльно веселое изложеніе, замѣчаемыя въ этомъ очеркѣ, дарованіе автора все-таки развитію не подлежитъ. Причина этого лежитъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Видно, что г. Генслеръ

какъ писатель, одаренъ отъ природы наблюдательностью, но только одною наблюдательностью; правда, эта способность у него отличается значительною силою, но за то всѣ остальные аттрибуты таланта у него или слабы, или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Судьба бросила автора въ такой слой общества, котораго бытъ мало извѣстенъ, котораго жизнь представляетъ многія особенныя, ей одной принадлежащія, рѣзко характерныя черты, а потому невольно вызываетъ на наблюденіе не только человѣка, одареннаго способностью наблюдать въ той степени, въ какой одаренъ ею г. Генслеръ, но и вообще всякаго, не принюхавшагося къ ней съ малолѣтства, а захваченнаго ею, такъ сказать, случайно и врасплохъ. Здѣсь первоначальная причина, причина внѣшняя, почему нѣкоторые эскизы г. Генслера живы и не лишены интереса. Авторъ наблюдалъ все видѣнное имъ внимательно, подмѣчалъ все аккуратно и подмѣченное излагалъ въ высшей степени непосредственно и просто, выкладывалъ, такъ сказать, передъ читателемъ весь запасенный имъ матеріалъ безъ малѣйшей утайки, въ его самомъ необработанномъ видѣ. Разобраться съ этимъ матеріаломъ авторъ рѣшительно не умѣетъ, и потому вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ годнаго, предлагаетъ большія кучи разнаго хлама. Что хорошо, что дурно, что характерно, что стерто и безцвѣтно въ его наблюденіяхъ—этого онъ рѣшить самъ не въ состояніи, онъ можетъ только подмѣтить, запомнить, и тотчасъ все это напечатать. Отъ этого у него, рядомъ съ какой нибудь замѣчательной чертой изъ жизни людей, которыхъ онъ изображаетъ, рядомъ съ живой и веселой картинкой является цѣлый рядъ скучнѣйшихъ описаній, разговоровъ, остротъ, множество вещей, отзывающихся натяжкой и выдуманностью, а потому чрезвычайно утомительныхъ для читателя. Словомъ, у г. Генслера нѣтъ никакого, такъ сказать, внутренняго руководителя, который могъ бы научить его, какъ ему поступать при составленіи очерковъ изъ матеріала, добытаго имъ посредствомъ наблюденія. Мы увѣрены, что эти очерки много выигрывали бы даже и въ томъ случаѣ, если бы авторъ, прежде чѣмъ печатать, отдавалъ бы ихъ кому либо изъ своихъ знакомыхъ для исправленія, разумѣется, человѣку со вкусомъ и обладающему хотя небольшимъ критическимъ тактомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой человѣкъ выкинулъ бы изъ всего написаннаго г. Генслеромъ половину, уничтожилъ бы множество мелочныхъ подробностей, ненужныхъ описаній, сценъ, разговоровъ, имѣющихъ претензію на остроуміе и оригинальность, но въ сущности нейдущихъ къ дѣлу и совершенно ничтожныхъ. Отсутствіе того внутренняго руководителя, о которомъ мы говоримъ, не только мѣшаетъ г. Генслеру дѣлать основательный выборъ изъ имѣющихся у него въ запасѣ наблюденій, оно мѣшаетъ ему эти наблюденія располагать порядочно, или по крайней мѣрѣ та-

кимъ образомъ, чтобы выходила хотя какая нибудь, хотя немудрая, общая картина, чтобы подмѣченныя имъ черты имѣли какую нибудь внутреннюю связь. Къ сожалѣнію, авторъ перемѣшиваетъ свои наблюденія чисто механически, ставя ихъ одно возлѣ другаго; не тамъ и не тогда, когда и гдѣ нужно для логической послѣдовательности разсказа; а гдѣ придется и когда вспомнить. Видно, что и для него самого его наблюденія не имѣютъ ничего такого, что бы ихъ соединяло между собою: все видѣнное и слышанное имъ авторъ передаетъ довольно вѣрно, но куда поставить все, что онъ знаетъ, куда пріурочить—этого онъ сдѣлать не въ состояніи. Изображая, напримѣръ, бытъ гаваньскихъ чиновниковъ, г. Генслеръ, чтобы стянуть въ одну общую картину всѣ эскизы составляющіе разсказъ, не могъ ничего лучшаго придумать, какъ расположить ихъ по временамъ года; какъ будто зима и лѣто, осень и весна — существенныя условія чиновничьяго быта и имѣютъ непосредственное вліяніе на улучшеніе или ухудшеніе благосостоянія этого класса петербургскихъ жителей, преимущественно передъ всѣми другими.

Прочитать залпомъ какой либо очеркъ г. Генслера утомительно, но отъ времени до времени, читатель вознаграждается, совершенно неожиданно, сценами дѣйствительно характерными, схваченными прямо съ натуры и очерченными живо и тонко. Особенно веселы и остроумны его описанія, относящіяся къ такимъ моментамъ, когда въ числѣ дѣйствующихъ лицъ являются домашнія животныя, всегда играющія такую видную роль въ жизни бѣдняка. Нельзя, напримѣръ, не смѣяться отъ души, читая 7-ю главу очерка «Гаваньскіе чиновники», которая почти вся вышла какъ-то удачна.

Вообще говоря о сочиненіяхъ г. Генслера, мы имѣемъ въ виду только это первое и лучшее его произведеніе. Что же касается до «Кудлерберги», то это какой-то не русскій, а полу-нѣмецкій, полу-чухонскій очеркъ. Сюжетъ взятъ изъ жизни петербургскихъ нѣмцевъ, и всѣ разговоры ведутся или на перековерканномъ на нѣмецкій ладъ русскомъ языкѣ, или даже просто на нѣмецкомъ, что было бы совсѣмъ неудобно для многихъ русскихъ читателей, если бы авторъ не прилагалъ тутъ же перевода. Въ этомъ очеркѣ г. Генслеръ пытается представить даже одинъ полный характеръ, очертить типъ, но изъ этой попытки ровно ничего не выходитъ; живыхъ сценъ, ловкихъ штриховъ попадается очень мало, да и тѣ блѣдны и тонутъ въ болотѣ нѣмецкихъ и перековерканныхъ русскихъ словъ, выдаваемыхъ авторомъ за остроуміе, а все вообще отличается какою-то неуклюжестью.

Мы сказали, что дарованіе г. Генслера не подлежитъ развитію, и указали причину этого, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ, пока способность наблюдать не ослабѣла въ немъ, писать небольшіе

очерки, въ которыхъ будутъ попадаться недурныя вещи; но для этого необходимо, чтобы судьба вновь поставила его въ такую обстановку, которая давала бы матерiалъ сколько нибудь интересный, а то попались ему теперь подъ руку петербургскiе птицы, а онъ и описываетъ ихъ, воображая, что отыскалъ ни вѣсть что; старый же матерiалъ, добытый авторомъ изъ жизни мелкаго чиновничества, совсѣмъ истощенъ, что ясно доказывается «Записками кота Васьки».

Краткое руководство къ изученiю политической экономiи *Ө. Г. Тернера*. Спб. 1863 г.

Политическая экономiя была одно время у насъ модной наукой; ею занимались не столько люди преданные ученому дѣлу по ремеслу или призванiю, сколько преданные тому же ради похвальнаго стремленiя прослыть за людей серьёзныхъ и кое что знающихъ. Почему выборъ послѣднихъ останавливался именно на этой отрасли знанiя, а не на другой, почему предпочитали заниматься разсказами о рентѣ и т. д., а не учиться кроить панталоны или клеить коробочки, рѣшить это конечно, трудно; да оно и врядъ ли нужно, потому что результатъ былъ бы въ сущности одинъ и тотъ же. Когда-то понравилась было вотъ исторiя, и между великосвѣтскими хлыщами являлись историки, потомъ понравилось наклеивать картинки на стеклѣ, и явились аматеры этого дѣла, войди въ моду учиться кроить, и явились бы дилеттанты портные; теперь понравилась наука Адама Смита, и г. Тарасенко Отрѣшковъ сталъ печатать книжки о политической экономiи. Благодаря этой страсти, Гильоменъ съ компанiей сбывалъ въ Россiю въ продолженiи недавняго времени сотни пудовъ экономической телемахиды, которою французскiе экономисты поклялись обкармливать любопытную публику.

Многiе Миши и Вани лакомились ученостью Сея, Бастiа, Росси и т. д., и плодомъ такого моднаго обжорства была своя особая литература, нѣсколько отличная отъ той, которою снабжала русскую науку истая ученость.

Содержанiе въ томъ и другомъ случаѣ было въ сущности почти одно и то же, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сопоставивъ рядомъ труды Бутовскаго, Горлова, Бабста и Шиля съ трудами Michel Volkof, Тарасенко Отрѣшкова или Безобразова прославившагося еще недавно диссертацiею «объ устроенномъ трудѣ» du travail organisé, нельзя не признать за послѣдними своего особеннаго колорита. Въ чемъ онъ, этотъ колоритъ, опредѣлить трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуется очень ясно. Вы понимаете напримѣръ сразу, что авторъ пишетъ не

изъ-за куска хлѣба или изъ присяжной обязанности двигать впередъ науку, а потому даже если онъ захочетъ въ сущности описать то же самое, что описалъ два года до него г. Горловъ и десять лѣтъ до Горлова Росси, то скажетъ это вовсе не такъ, какъ говорятъ люди обязанные двигать науку.

Вотъ, напримѣръ, г. Тернеръ, на что мастеръ поддѣлываться подъ ученый стиль нѣмецкихъ компиляцій, на что мастеръ составлять книги изъ чужихъ лоскутковъ Гильоменовскаго арсенала, а не смотря на то, Тернера никто не смѣшаетъ ни съ Бабстомъ, ни даже съ Владиміромъ Безобразовымъ, и съ другой стороны, хотя г. Тернеръ и пишетъ книги ученаго содержанія, его всякій гораздо скорѣе приравняетъ или къ Ѳедѣ Кротикову, или къ Ванѣ Шалунову.

На этотъ разъ г. Тернеръ, желая повидимому поддѣлаться какъ можно болѣе подъ стиль настоящихъ ученыхъ, издалъ даже не компиляцію, а такъ сказать, руководство къ компиляціи, нѣчто въ родѣ тѣхъ лаконическихъ программъ, которыми дарятъ любопытныхъ учащихся особенно усердно нѣмецкіе ученые.

Программы эти суть не что иное, какъ систематическіе сборники тезисовъ или краткихъ положеній, подробное развитіе которыхъ излагалось обыкновенно профессоромъ на лекціяхъ. Такимъ образомъ значеніе означенныхъ программъ совершенно условно, онѣ служатъ только конспектами для тѣхъ, кто слушалъ или готовится слушать профессора, и сами по себѣ не имѣютъ равно никакого смысла. Г. Тернеръ, сколько извѣстно, не профессоръ, читалъ ли онъ лекціи или готовится еще только читать, это также тайна.

Отсюда невольно вопросъ, къ чему же его книга публикѣ? А вотъ и отвѣтъ на вопросъ. По всей вѣроятности, слѣдуетъ предположить, что г. Тернеръ вмѣсто того, чтобы поучать другихъ, занятъ былъ поученіемъ самого себя. Представьте себѣ, по крайней мѣрѣ, что кто нибудь незнакомый вовсе съ экономической наукой захотѣлъ бы познакомиться съ нею. Взялъ бы онъ прежде всего то, что можно получить на русскомъ языкѣ по этой части, и потому сталъ бы читать книги: Рошера, Курсель-Сенеля, Горлова, Безобразова, Калиновскаго, сталъ бы читать не спроста, а сейчасъ же отмѣчать вкратцѣ все вновь вычитанное. Изъ этихъ отмѣтокъ въ концѣ чтенія двухъ какихъ либо трактатовъ, Рошера и Курсель-Сенеля положимъ, составился бы довольно систематическій сводъ лаконическихъ вѣщаній, о томъ, что такое политическая экономія, что такое производство, монета, цѣнность и т. д. Все это было бы, можетъ быть, даже полезно для самого учащагося, особенно если бы послѣдній ограничился отмѣтками по существеннымъ или спорнымъ вопросамъ. Идя далѣе, можно было бы даже простить учащемуся выписки изъ означенныхъ книгъ

побочныхъ, второстепенныхъ и совершенно безцвѣтныхъ мыслей; какъ невольную дань безтактности и незнакомству съ пріемами изученія. Но все это, конечно, должно было остаться тайной кабинетнаго ученія. Иначе всякій гимназистъ сталъ бы печатать ежегодно, подобно г. Тернеру, краткія руководства къ изученію политической экономіи, и подобныхъ руководствъ выходили бы ежегодно цѣлыя сотни. Г. Тернеръ полагалъ повидимому иначе, онъ полагалъ, что его школьныя тетрадочки могутъ быть интересны для публики, и главное, могутъ служить руководствомъ не только къ знакомству съ битыми мотивами, списываемыми Рошеромъ у Сея, Гильдебрандтомъ у Рошера, Горлевымъ опять у Сея Рошера, но и къ знакомству съ «политической экономіей». Оно и пошло, если хотите, и мило, и можетъ быть, прибыльно, ибо руководство вещь раскупаемая.

Порядокъ изложенія у г. Тернера слѣдующій: «Политическая экономія наука о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства, какъ ее можно опредѣлить: ученіе о законахъ развитія народнаго хозяйства» и сейчасъ ссылка Roscher § 16. и Say Cours. d'Econ. Pol. p. 1. Далѣе: изслѣдованіе политико-экономическихъ явленій не составляетъ совершенно новой отрасли познаній, оно всегда существовало, но въ XVIII столѣтіи эта категорія изслѣдованій возвысилась на степень самостоятельной науки, и опять ссылка Wolotvsky Préface a la trad. de. Roscher § V и VI.

Политическая экономія, отдѣлившись, не потеряла, однако, связи съ другими государственными и нравственными науками, и опять въ подтвержденіе такого положенія является ссылка на Рошера § 16.

И такъ идетъ черезъ всю книгу до послѣдней строчки: авторъ не выставилъ ни одной буквы, не только мысли, которая не была бы взята или у Сея, или у Рошера и др. Одинъ мозаичный осколокъ въ видѣ § прилѣпляется къ другому и въ результатѣ получается нѣчто въ родѣ складной картинки изъ 430 кусочковъ, которые можно смѣшать между собою и опять сложить, опять смѣшать и опять сложить. Мы бы серьезно посовѣтовали г. Тернеру воспользоваться этимъ сравненіемъ — разрѣзать свою книгу на лоскутки, наклеить ихъ на складывающіяся между собою деревяшки различной формы и пустить въ продажу въ игрушечныя лавки. Такимъ образомъ дѣти тутъ могли бы выучить въ самое короткое время всю политико-экономическую мудрость, какъ ее понимаетъ г. Тернеръ, и прибыль автора могла бы быть гораздо значительнѣе той, которую можетъ доставить ему книжная форма.

Съ другой стороны польза отъ такого распространенія между дѣтьми истинъ, предлагаемыхъ г. Тернеромъ, была бы несомнѣнна, ибо они могли бы съ раннихъ лѣтъ утвердиться въ тѣхъ научныхъ взгля-

дахъ, которые составляютъ лучшій оплотъ противъ неразумныхъ увлеченій.

Чтобы познакомить теперь читателя съ характеромъ истинъ, предлагаемыхъ г. Тернеромъ, выпишемъ §§ 96—104.

«96. Трудъ предполагаетъ свободную волю и есть не что иное, какъ употребленіе способностей человѣка къ удовлетворенію его нуждъ. Но если воля и способность составляютъ его индивидуальность, его неотъемлемую собственность; то естественно, что и результатъ его усилій, его труда, долженъ ему принадлежать и составлять тоже его исключительную и неотъемлемую собственность. Это право собственности въ такой мѣрѣ свойственно человѣку и связано съ его жизнію, что не существуетъ сходь никакой степени его развитія, на которой бы онъ не имѣлъ объ немъ понятія и не пріискалъ бы для него соотвѣтственнаго выраженія.

«97. Соціализмомъ и коммунизмомъ называются двѣ школы, отрицающія начало частной собственности въ настоящемъ ея видѣ.—Разница между ними та, что соціализмъ допускаетъ временную пожизненную частную собственность при распредѣленіи произведеній сообразно заслугамъ и усиліямъ каждаго въ производствѣ, а коммунизмъ требуетъ совершенно равнаго раздѣла произведеній между всѣми членами общества.—Вводя искуственное распредѣленіе результатовъ труда, обѣ системы нуждаются въ сильной деспотической централизаціи. Различныя отрасли этихъ двухъ главныхъ школъ развили различныя отрасли этихъ двухъ главныхъ началъ и придумали разныя, равно неудобоисполнимыя комбинаціи для осуществленія оныхъ въ дѣйствительности.

«98 Идея коммунизма *(общенія имуществъ)*, въ противуположность понятію частной собственности, находила себѣ сочувствіе въ такія времена, когда проявлялись слѣдующія условія: а) рѣзкая противуположность между богатыми и бѣдными; б) высокая степень раздѣленія труда; в) сильное потрясеніе и даже замѣшательство въ народномъ сознаніи идеи законности, вслѣдствіе революцій.

«99. Самое сильное развитіе коммунистическихъ идей проявилось по этому во время упадка Греціи, во время распаденія Римской Имперіи, во время реформаціи и теперь. Стремленія соціализма и коммунизма не суть поэтому новѣйшія явленія.

«100. Не говоря объ ужасномъ, разрушающемъ цивилизацію перевороте, который долженъ бы былъ предшествовать общенію имуществъ, однихъ послѣдствій достаточно для опроверженія начала, которое бы вызвало уменьшеніе побужденія въ работѣ и увеличеніе побужденія къ потребленію у каждаго человѣка; личный интересъ каждаго дѣйствовалъ бы постоянно во вредъ общему благу, раздѣленіе труда исчезло бы, народонаселеніе стало бы увеличиваться чрезвычайно быстро на *первое время*, но вслѣдъ за тѣмъ несоразмѣрное усиленіе потребленія и уменьшеніе производительности вызвало бы всеобщую бѣдность и погубило бы всѣ высшія нравственныя блага жизни.

«101. Во избѣжаніе этихъ послѣдствій нѣкоторые соціалисты и коммунисты придумали *идею организаціи труда*, требующую для своего осуществленія крайней деспотіи и централизаціи. Но даже при этихъ условіяхъ она не достигла бы своей цѣли. Производительность и богатство стали бы уменьшаться, ибо *свобода* главное условіе живой производительной дѣятельности. Общая филантропія или патріотизмъ были бы недостаточны для уравновѣшиванія недостатковъ такого порядка вещей. Патріотизмъ существуетъ и теперь, а между тѣмъ государственная служба никогда не отправляется *съ такою ревностію*, какъ частная дѣятельность. Наконецъ, общеніе имуществъ поддерживалось бы не долго. Разнообразіе человѣческихъ нуждъ и дарованій скоро бы разстроило равенство, такъ что пришлось бы періодически подвергаться революціямъ съ цѣлію распредѣленія имущества.

«102 Общеніе имуществъ возможно только при низкой степени народнаго развитія, при всеобщей бѣдности.

«103. При дальнѣйшемъ развитіи общества, общеніе имуществъ появляется въ совершенно иной формѣ, а именно, во 1-хъ, въ развитіи вліянія правительственной дѣятельности на общественное благосостояніе и, во-2-хъ, въ частной ассоціаціи.

«104. Коммунисты отстаиваютъ общеніе имуществъ не только потому, что, по ихъ мнѣнію, это начало справедливѣе настоящаго способа распредѣленія имуществъ, но еще и потому, что при немъ отстраняется *соперничество*, которое, по ихъ мнѣнію, есть главная причина всѣхъ несчастій человѣчества. Обращая исключительно вниманіе на темныя стороны соперничества, коммунисты забываютъ, — что съ отстраненіемъ соперничества является монополія, а монополія — это налогъ на трудящихся въ пользу тунеядцевъ, — что если работники иногда страдаютъ отъ взаимнаго между собою соперничества — они выигрываютъ за то отъ соперничества капиталовъ между собою; — что соперничество понижаетъ заработную плату только въ случаѣ избытка предложенія работы, а въ этомъ случаѣ никакія коммунистическія теоріи не могутъ помочь, — наконецъ, что соперничество служитъ необходимымъ побужденіемъ къ труду, дѣятельности, умственному развитію и изобрѣтеніямъ».

Убѣдительно!...

Воздушное путешествіе черезъ Африку. Составленное по запискамъ доктора Фергюссона Юліемъ Вернъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе Алексѣя Головачева. Москва. 1864 года.

Мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на издательскую дѣятельность г. А. Головачева. Книга, которой заглавіе выписано выше, вмѣстѣ съ недавно изданною «Исторіей кусочка хлѣба», непремѣнно должна сдѣлаться настольною дѣтскою книгой, осо-

бенно если принять во вниманіе скудость нашей текущей дѣтской литературы. Ребенокъ не встрѣтится здѣсь ни съ благонравнымъ Ваней, ни съ обжорливою Соней, ни съ лгуномъ Павлушей, разсказы о которыхъ такъ тлетворно извращаютъ дѣтскій смыслъ, но съ разу увидитъ себя окруженнымъ здоровой и свѣжей атмосферой. Онъ увидитъ, что авторъ не обращается къ нему, какъ къ низшему организму, для котораго требуется особенная манера говорить съ картавленьемъ, пришепетываньемъ и присѣданіями, и которому нужны какія-то особенныя «маленькія» знанія; онъ пойметъ, что ему даютъ настоящія знанія, что съ нимъ говорятъ объ настоящемъ, заправскомъ дѣлѣ. По нашему мнѣнію, этотъ взглядъ на педагогическую дѣятельность есть единственно вѣрный, и мы охотно поговорили бы объ этомъ предметѣ подробнѣе, но въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся лишь краткою замѣткой, такъ какъ въ скоромъ времени надѣемся возвратиться къ нему по поводу безполезной дѣятельности московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ.

Но такъ какъ всякое даже самое лучшее дѣло не избавляется отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, то и въ изданіи г. Головачевыхъ «Путешествіи» мы можемъ указать на одинъ такой недостатокъ, который, по нашему мнѣнію, значительно вредитъ книгѣ. Онъ заключается въ слишкомъ большомъ изобиліи юмористическихъ и не относящихся къ дѣлу разговоровъ между Фергюссономъ и его спутниками. Дѣло отвѣчаетъ само за себя и имѣетъ свой собственный внутренній интересъ, достаточно значительный, чтобы представлялась крайность прибѣгать къ сдабриванію его какими нибудь околичностями. И издатель, конечно, поступитъ очень хорошо, если, при дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности, будетъ безъ милосердія урѣзывать изъ французскихъ подлинниковъ все, что не относится прямо къ дѣлу.

ПОЛИТИКА.

ДѢЛА СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ: УСПѢХИ ФЕДЕРАЛИСТОВЪ И ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. — ВЪ КАКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ НАХОДИТСЯ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ ВОПРОСЪ ОБЪ ЭМАНСИПАЦІИ НЕГРОВЪ? ОТНОШЕНІЯ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ КЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. — СОБЫТІЯ ВЪ МЕХИКѢ ОТЪ ІЮНЯ 1863 ДО ЯНВАРЯ 1864 ГОДА.

Мы уже мѣсяцевъ семь или восемь не говорили о событіяхъ въ Америкѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Мехикѣ, а между тѣмъ за этотъ періодъ времени въ обѣихъ этихъ странахъ случились важныя перемѣны; въ особенности заслуживаетъ вниманія положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Хотя здѣсь не произошло никакихъ громкихъ событій, которыя бы обратили на себя почти исключительное вниманіе всей европейской политики—однако въ послѣдніе полгода правое дѣло цивилизаціи и человѣчества сдѣлало здѣсь значительные успѣхи. За это время значительно подвинулся вопросъ о дарованіи свободы нѣсколькимъ милліонамъ людей, находившимся досе́лѣ въ самомъ жалкомъ невольничествѣ; если вопросъ этотъ не разрѣшенъ еще окончательно, то теперь уже нельзя сомнѣваться въ торжествѣ той стороны, которая имѣетъ цѣлью уничтоженіе невольничества, и въ окончательномъ пораженіи, какъ явныхъ защитниковъ невольничества (всей южной конфедераціи), такъ и тайныхъ его защитниковъ (демократовъ сѣвера, изъ которыхъ иные даже находятся въ числѣ совѣтниковъ и главныхъ военачальниковъ Линкольна).

Въ изложеніи сѣверо-американскихъ событій мы остановились на военныхъ успѣхахъ, одержанныхъ въ началѣ іюля мѣсяца войсками Сѣверныхъ Штатовъ; успѣхи эти состояли въ томъ, что федералисты нанесли чувствительное пораженіе сепаратистской арміи, вторгнувшейся въ Мерилэндъ, и отбросили ее за Потомакъ, а еще болѣе въ томъ, что они взяли важные пункты на Миссисипи—крѣпости Виксбургъ и Портъ-Гудсонъ, вслѣдствіе чего они овладѣли всѣмъ теченіемъ этой важной рѣки и разрѣзали на двое владѣнія отпавшихъ штатовъ. Но

вслѣдъ за этими успѣхами, одержанными сѣверомъ въ отдаленныхъ непріятельскихъ владѣніяхъ, въ самомъ центрѣ Союза, въ городѣ Нью-Іоркѣ, случились событія, которыя на нѣкоторое время заставили друзей республиканскихъ штатовъ опасаться за дальнѣйшую судьбу ихъ, и которыя привели въ неописанный восторгъ всѣхъ враговъ Союза, какъ по ту, такъ и по сю сторону океана. Мы говоримъ о трехъ-дневныхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ Нью-Іоркѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ по поводу конскрипціи, предписанной правительствомъ сѣверныхъ штатовъ. До сихъ поръ громадныя арміи сѣвера составлялись и комплектовались посредствомъ найма волонтеровъ. Но лѣтомъ прошлаго года правительству Линкольна показалось, что этого средства недостаточно, и оно, вопреки постановленіямъ сѣверо-американской конституціи, объявило, что въ Сѣверныхъ Штатахъ будетъ произведенъ рекрутскій наборъ. Хотя это было явнымъ нарушеніемъ конституціи, однако въ началѣ эта мѣра не вызвала особеннаго противодѣйствія, хотя въ населеніи господствовало по этому случаю сильное волненіе. Въ Нью-Іоркѣ конскрипція началась 11 іюля, и первый день прошелъ совершенно спокойно. Въ этотъ день было вынуто по жребію около 2000 именъ, и продолженіе набора отложено было до 13 числа (понедѣльника). Между тѣмъ въ воскресенье были опубликованы имена конскриптовъ; населеніе Нью-Іорка, читая напечатанные въ газетахъ списки, замѣтило, что почти всѣ конскрипты принадлежали къ низшимъ классамъ (при значительномъ численномъ превосходствѣ низшихъ классовъ надъ средними и высшими, само собою разумѣется, что они должны были доставить самый большой процентъ рекрутъ; къ этому слѣдуетъ еще прибавить то обстоятельство, что законъ о наборѣ давалъ возможность откупаться отъ конскрипціи при помощи 300 долларовъ; конечно, зажиточные люди, на которыхъ падалъ жребій, вносили откупную сумму и освобождались отъ обязанности служить). Какъ бы то ни было, но при чтеніи списка конскриптовъ низшимъ классамъ нью-іоркскаго населенія показалось, что ихъ принесли въ жертву среднимъ и высшимъ классамъ, и они рѣшились не допускать продолженія этой несправедливости. Въ день, назначенный для продолженія набора, рабочіе многихъ фабрикъ и мастерскихъ, и въ томъ числѣ много женщинъ, собрались передъ домомъ главнаго полицейскаго начальника города, въ которомъ производился наборъ; вмѣстѣ съ началомъ вынимання жребіевъ начались страшныя сцены безпорядка, продолжавшіяся цѣлыхъ три дня. Толпы народа ворвались въ домъ провоста, уничтожили всѣ бумаги, относящіяся къ конскрипціи, выгнали чиновниковъ, приставленныхъ къ этому дѣлу и сожгли самый домъ. Полисмены и небольшой отрядъ войска пытались возстановить порядокъ, но встрѣтили сопротивленіе

со стороны народа, и при этомъ съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ. Раздраженная толпа вдругъ вообразила себѣ, что виновниками всѣхъ бѣдствій, налагаемыхъ на нее войною, были негры и защитники ихъ, аболиціонисты: поэтому гнѣвъ толпы обратился противъ тѣхъ и другихъ. Толпы народа уничтожили типографію аболиціонистскаго журнала «Tribune» и хотѣли повѣсить редактора его Грили, которому только съ трудомъ удалось спастись за городъ; но еще печальнѣе было то, что раздраженная толпа вѣшала совершенно невинныхъ негровъ, которые попадались ей на дорогѣ; не обошлось также безъ пожаровъ, грабежа и т. д. Эти безпорядки продолжались, какъ мы уже сказали, цѣлыхъ три дня: губернаторъ Сеймуръ счелъ, наконецъ, нужнымъ привести изъ окрестностей войска и принять нѣкоторыя строгія и энергическія мѣры. Но онъ не удовольствовался употребленіемъ силы противъ силы; напротивъ, онъ принялъ также во вниманіе и законныя требованія населенія, и поэтому объявилъ по всему городу, что онъ послалъ въ Уашингтонъ требованіе о пріостановленіи конскрипціи до тѣхъ поръ, пока верховное судилище рѣшитъ, согласна ли эта мѣра съ конституціей страны или нѣтъ. Энергическія мѣры губернатора, а еще болѣе это успокоительное объявленіе его, положили конецъ безпорядкамъ въ Нью-Іоркѣ. Оказалось, что въ эти три дня при столкновеніяхъ народа съ полиціей и съ войскомъ было до 150 убитыхъ и значительное число раненыхъ (по преимуществу изъ среды народа); кромѣ того было повѣшено до 50 негровъ, сожжено нѣсколько кварталовъ, и т. д. Подобные же безпорядки, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, происходили по поводу конскрипціи также и въ Бостонѣ и въ другихъ городахъ сѣвера. Правительство Линкольна спѣшило уничтожить всѣ причины, вызвавшія справедливое раздраженіе народа. Сначала оно согласилось на требованіе нью-іоркскаго губернатора и пріостановило въ этомъ городѣ дальнѣйшее производство конскрипціи; вмѣстѣ съ тѣмъ оно ассигновало $12^{1}/_{2}$ милліоновъ долларовъ на выкупъ тѣхъ конскриптовъ, которые, по свидѣтельству общинъ, окажутся необходимыми для существованія ихъ семействъ. Потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, оно рѣшилось на другую, болѣе важную мѣру: верховное судилище объявило конскрипцію несогласною съ конституціей, и президентъ рѣшился совершенно отмѣнить ее, несмотря на совѣты и требованія крайнихъ аболиціонистовъ, которые были раздражены послѣдними событіями и не хотѣли, чтобы правительство уступало хотя бы и справедливымъ требованіямъ народа. Такимъ образомъ на сѣверѣ все успокоилось, и все это дѣло не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ для страны послѣдствій. Между тѣмъ, при первыхъ слухахъ объ этихъ событіяхъ, враги сѣвера уже начали торжествовать: они видѣли въ

нью-іоркскихъ смутахъ признаки совершеннаго безсилія сѣвера, они считали ихъ симптомомъ начавшагося въ организмѣ его разложенія, они полагали, что эти смуты были только началомъ начинающейся на сѣверѣ междоусобной войны между республиканцами и демократами. Но они ошибались: всѣ эти событія были ничѣмъ инымъ, какъ протестомъ народа, привыкшаго къ свободѣ, противъ производимаго надъ нимъ насилія. Для американца невыносима мысль, что его могутъ принудить дѣлать то, чего ему не хочется, что его могутъ заставить жертвовать временемъ, деньгами, жизнію для какого бы то ни было дѣла. И онъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ. Если дѣло, за которое онъ долженъ сражаться, дѣло справедливое, то онъ самъ пойдетъ за него сражаться безъ всякаго принужденія (конечно, за извѣстную плату, которая вознаграждала бы его за потерю времени и труда); если же дѣло, по его мнѣнію, несправедливое, то его возмущаетъ самая мысль о томъ, что его могутъ принудить сражаться за такое дѣло. Война, которую Сѣверные Штаты въ настоящее время ведутъ съ южными, считается на сѣверѣ войною необходимой и справедливой (республиканцы видятъ въ ней средство къ освобожденію негровъ, демократы — къ возстановленію цѣлости союза). Поэтому граждане сѣвера безъ малѣйшаго ропота вынесли всѣ невзгоды этой борьбы, ставили громадныя арміи волонтеровъ, доставляли необходимыя денежныя средства. Но какъ скоро отъ нихъ стали требовать того, что они готовы были дѣлать добровольно, они въ лицѣ нью-іоркскихъ рабочихъ подняли энергическій протестъ противъ этого насилія; тѣ печальныя и даже возмутительныя явленія, которыя сопровождали этотъ протестъ, нисколько не отнимаютъ у него характера протеста противъ насилія. Какъ скоро прекратилось насиліе, прекратилось и вызванное имъ противодѣйствіе. Нью-іоркскіе безпорядки нисколько не доказываютъ, чтобы граждане сѣвера не желали продолженія войны, которую они считаютъ справедливою: хотя конскрипція отмѣнена, однако численность арміи федералистовъ не уменьшается, а напротивъ постоянно увеличивается, и число людей, являющихся наниматься въ волонтеры, было въ концѣ прошлаго года болѣе значительно, нежели когда либо. Значитъ противники сѣвера были совершенно неправы, когда они видѣли въ нью-іоркскихъ смутахъ начало разложенія сѣвера.

Послѣдствіемъ же значительныхъ успѣховъ, одержанныхъ войсками сѣвера въ первой половинѣ 1863 года, было то, что къ осени этого года положеніе его значительно улучшилось, сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было за два года передъ этимъ, то есть въ началѣ междоусобной войны. Нѣсколько цифръ довольно краснорѣчиво объяснятъ дѣло. Въ 1861 въ составъ южной конфедераціи входило 13 шта-

носъ, которые занимали пространство въ 840,000 квадр. миль (не географическихъ, а англійскихъ); лѣтомъ 1862 года владѣнія конфедераціи занимали еще около 750,000 кв. миль; а въ іюлѣ 1863 года сепаратисты изъ 13 штатовъ, составлявшихъ сначала конфедерацію, лишились уже штатовъ Миссури, Кентуки, двухъ-третей Арканзаса, половины Теннесси, и почти цѣлой половины *Луизіаны* и Техаса, части *Виргиніи*, и нѣкоторыхъ мѣстностей въ другихъ штатахъ; такъ что владѣнія ихъ въ это время не занимали и трети того пространства, которое они занимали въ 1861 году. Правда, сочувствующія югу англійскія газеты съ особеннымъ стараніемъ выставляли на видъ то обстоятельство, что всѣ владѣнія, отнятыя у конфедераціи, удерживаются федералистами только силою оружія; но если это и было въ началѣ, то событія въ скоромъ времени доказали, что власть сѣвера въ завоеванныхъ провинціяхъ была гораздо сильнѣе, нежели полагали противники его. Сепаратисты сами сознавали всю невыгоду своего положенія, и въ то самое время, какъ президентъ Сѣверныхъ Штатовъ назначалъ день для празднованія успѣховъ сѣвера, президентъ Южныхъ Штатовъ, Джефферсонъ Девисъ, назначалъ день молитвы и поста для отвращенія бѣдствій отъ гражданъ отдѣлившихся штатовъ. Уже въ то время (въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ) на югѣ начало обнаруживаться стремленіе прекратить борьбу и признать правительство Линкольна. Такъ, напримѣръ, газета «Standard», органъ правительства невольничьяго штата Сѣверной Каролины, стала помѣщать около того времени на своихъ столбцахъ цѣлый рядъ обвиненій противъ Ричмондскаго правительства, которое, склоняя къ отпаденію южные штаты, надавало имъ множество такихъ обѣщаній, изъ которыхъ почти ни одно не сбылось: оно обѣщало имъ, что образованіе конфедераціи Южныхъ Штатовъ не повлечетъ за собою никакой войны, потому что Сѣверные Штаты не посмѣютъ и не будутъ въ состояніи ничего сдѣлать; что если даже война и произойдетъ, то она будетъ кратковременна и необременительна, тѣмъ болѣе, что Англія и Франція сейчасъ же признаютъ южную конфедерацію и окажутъ ей всевозможную помощь; оно обѣщало далѣе отличное правительство, облегченіе въ государственныхъ повинностяхъ, и т. д. — Вышеназванная газета сравниваетъ всѣ эти обѣщанія съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и приходитъ къ тому заключенію, что, имѣя въ виду собственную свою пользу, слѣдуетъ позаботиться о томъ, какъ бы опять сблизиться съ союзнымъ правительствомъ.

Дѣла сѣвера пошли бы безъ сомнѣнія еще лучше, если бы Линкольнъ съумѣлъ отдѣлаться отъ вліянія людей неспособныхъ, или такихъ, которые болѣе симпатизировали рабовладѣльцамъ юга, нежели республиканцамъ сѣвера; подобные совѣтники склоняли его

часто къ такимъ мѣрамъ, которыя приносили сѣверному дѣлу сѣвера болѣе вреда, нежели вся армія юга. Къ такимъ мѣрамъ принадлежали: вышеупомянутый нами законъ о конскрипціи, принесшій болѣе вреда, нежели пользы; законъ о прекращеніи на время войны права habeas corpus, и нѣкоторыя другія подобныя постановленія. Но у Линкольна всегда была какъ будто какая-то страсть къ людямъ неспособнымъ, изъ которыхъ иные даже нашли себѣ почетное мѣсто въ его министерствѣ. Къ такимъ личностямъ принадлежатъ министры Стаунтонъ, Блэръ, но въ особенности главнокомандующій всѣхъ федеральныхъ войскъ, Галлекъ. Газеты всѣхъ цвѣтовъ, расходящіяся въ сотнѣ вопросовъ, совершенно согласны въ этомъ вопросѣ, и не перестаютъ твердить въ одинъ голосъ, что всѣ неудачи сѣвера на полѣ битвы происходили главнымъ образомъ отъ неспособности главнокомандующаго, — однако Линкольнъ все-таки до сихъ поръ крѣпко держится его, какъ какого-то незамѣнимаго сокровища. Впрочемъ, нужно замѣтить, что по мѣрѣ успѣховъ, одерживаемыхъ сѣверомъ надъ южными штатами, правительство Линкольна какъ будто получало иной характеръ и дѣлалось болѣе рѣшительнымъ и смѣлымъ. Личности энергическія, находившіяся въ числѣ членовъ этого правительства, получали въ немъ перевѣсъ надъ личностями слабыми и вялыми; да и самыя эти послѣднія личности какъ будто измѣняли свой характеръ и пріобрѣтали небывалую доселѣ энергію. Такъ, напримѣръ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сьюардъ никогда не отличался ни твердостью и искусствомъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, ни гуманными взглядами во внутренней политикѣ: онъ прежде не прочь былъ заключить миръ съ югомъ съ полнымъ сохраненіемъ невольничества, если бы только югъ того захотѣлъ. Между тѣмъ, въ послѣднее время онъ сталъ высказывать отъ своего имени и отъ имени всего правительства совершенно иные взгляды.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года онъ произнесъ въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ передъ скромной аудиторіей рѣчь, въ которой онъ объяснялъ прошедшія дѣйствія правительства Линкольна и очень положительно высказывался насчетъ будущей его политики. Сначала онъ объявилъ, что до тѣхъ поръ не будетъ мира съ южными штатами, пока Авраамъ Линкольнъ не будетъ президентомъ всѣхъ штатовъ, составлявшихъ союзъ до 1864 года. Въ этихъ словахъ его нѣтъ еще ничего замѣчательнаго — это твердятъ и демократы Сѣверной Америки. Но вотъ весьма интересное мѣсто изъ его рѣчи, которое не совсѣмъ тождественно съ воззрѣніями нѣкоторыхъ изъ министровъ Линкольна, съ воззрѣніями, раздѣляемыми самимъ Сьюардомъ не далѣе, какъ за годъ передъ этимъ; это мѣсто, какъ намъ кажется, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ настоящей политики правитель-

слова Линкольна. «Въ началѣ возстанія, сказалъ Сьюардъ, жители южныхъ штатовъ могли бы сохранить всѣхъ своихъ невольниковъ, если бы они подчинились законамъ. Но теперь это подчиненіе не можетъ уже имѣть прежнихъ результатовъ: на американской почвѣ не останется ни рабовъ, ни рабства». Такимъ образомъ, самъ Сьюардъ подтверждаетъ то, на что мы не разъ указывали прежде, а именно, что настоящая война въ Америкѣ не можетъ окончиться иначе, какъ уничтоженіемъ невольничества, хотя бы то случилось противъ воли самого Линкольна или тѣхъ и другихъ изъ его совѣтниковъ; сколько друзья рабовладѣльцевъ въ Уашингтонѣ, Нью-Йоркѣ и другихъ мѣстахъ сѣвера ни старались отстранить въ настоящей американской распрѣ вопросъ объ эманципаціи негровъ, однако, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ чрезвычайно много подвинулся впередъ въ послѣдніе два года, и теперь даже Сьюардъ долженъ сознаться, что заключеніе мира и возстановленіе союза немыслимо безъ освобожденія негровъ.

Однимъ изъ послѣдствій успѣховъ, одержанныхъ сѣверомъ, было также то, что въ послѣднее время въ Сѣверныхъ Штатахъ не было и рѣчи о какихъ нибудь сдѣлкахъ или компромиссахъ съ конфедераціей, между тѣмъ, какъ эти попытки не прекращались до того времени, и находили даже защитниковъ въ Сьюардѣ, Стаунтонѣ, Блэрѣ и др. — Нью-іоркскій муниципальный конвентъ постановилъ просить правительство о томъ, чтобы оно не дѣлало никакихъ мирныхъ предложеній югу; на это Линкольнъ отвѣтилъ, что съ сецессіонистами не можетъ быть никакого компромисса, и что союзъ непремѣнно долженъ быть возстановленъ.

Черезъ нѣсколько времени уашингтонскій конгрессъ отвергнулъ значительнымъ большинствомъ голосовъ предложеніе одного демократа, которое клонилось къ тому, чтобы опредѣлить условія, на которыхъ можно будетъ вступить въ мирные переговоры съ правительствомъ Южныхъ Штатовъ. Конгрессъ распростеръ свое нерасположеніе къ отпавшимъ штатамъ даже до того, что вопреки желанію самого президента, узаконилъ весьма несправедливую мѣру: онъ постановилъ, что всѣ имѣнія участниковъ возстанія подлежатъ конфискаціи, между тѣмъ, какъ Линкольнъ предлагалъ ограничиться одной только секвестраціей. Въ настоящемъ случаѣ, конгрессъ безъ сомнѣнія уже слишкомъ поусердствовалъ, и онъ могъ бы въ этомъ дѣлѣ безъ вреда для праваго дѣла поубавить рвенія. Но подобныя мѣры показываютъ, между прочимъ, что въ конгрессѣ большинство было безспорно на сторонѣ республиканцевъ; въ сенатѣ большинство это было еще значительнѣе.—Ежегодные выборы для замѣщенія различныхъ должностей въ отдѣльныхъ штатахъ, происходящіе всегда осенью, оказа-

лись въ прошедшемъ году тоже гораздо болѣе благопріятными для республиканцевъ, нежели выборы 1862 года: только въ Нью-Іоркѣ и въ очень немногихъ другихъ мѣстностяхъ были выбраны демократы, большею же частью выборы пали на республиканцевъ. Все это показываетъ, что авторитетъ первыхъ, усилившійся было въ первые два года вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ сѣвера, сильно поколебался, и что общественное мнѣніе въ Сѣверныхъ Штатахъ вѣритъ въ торжество идей республиканцевъ.

Относительное положеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ обнаружилось еще съ большею ясностью изъ двухъ документовъ, опубликованныхъ въ одинъ и тотъ же день въ двухъ разныхъ пунктахъ Сѣверной Америки. Документы эти — посланія обоихъ президентовъ Линкольна и Джефферсона Девиса къ уашингтонскому и ричмондскому конгрессамъ; оба эти посланія были представлены конгрессамъ въ одинъ и тотъ же день въ началѣ декабря, и одновременное опубликованіе ихъ тѣмъ рѣзче выставляетъ существующій между ними контрастъ какъ въ тонѣ, такъ и въ содержаніи. Посланіе Девиса содержитъ въ себѣ только печальныя извѣстія, и въ немъ уже не слышится того высокомѣрнаго тона, которымъ отличались первыя два посланія его; оно не заключаетъ въ себѣ ничего особенно важнаго, и служитъ только интереснымъ подтвержденіемъ того, что давно уже не составляло тайны для всякаго, кто слѣдилъ за событіями въ Америкѣ, а именно—что дѣла Южныхъ Штатовъ находятся въ самомъ критическомъ положеніи. Девису нужно отдать справедливость, что онъ въ посланіи своемъ очень откровененъ и не старается представить въ розовомъ свѣтѣ то, что окрашено въ черный цвѣтъ. Онъ начинаетъ съ того, что сообщаетъ конгрессу о потерѣ Виксбурга, Портъ-Гудсона и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ пунктовъ, и о томъ, что владѣнія южной федераціи разрѣзаны на двое, такъ что владѣнія ея по сю сторону Миссиссипи совершенно разобщены съ владѣніями, лежащими къ западу отъ этой рѣки. Президентъ выставляетъ также на видъ конгрессу непомѣрное пониженіе цѣнности бумажныхъ денегъ (*) и выражаетъ свое мнѣніе о томъ, что систему выпуска бумажныхъ денегъ слѣдовало бы замѣнить системою налоговъ, которые однако же будутъ весьма значительны. Президентъ Девисъ полагалъ также, что слѣдовало бы уничтожить право откупаться отъ военной службы и ставить за себя другое лицо; тогда, по его мнѣнію, легче будетъ комплектовать армію. Онъ жалуется также конгрессу на то, что сношенія съ европейскими державами очень не-

(*) Цѣнность бумажныхъ денегъ упала до того, что въ Ричмондѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ газетъ, пара сапогъ стоитъ 250 долларовъ (номинальная цѣна доллара равняется 1 р. 25 к. с.).

удовлетворительны, гораздо хуже, чѣмъ были прежде, и онъ даже обвиняетъ Англію въ пристрастіи къ сѣверу. Обвиненіе это было бы основательно только тогда, когда бы Девисъ разумѣлъ подъ словомъ Англіи большинство населенія, низшіе классы по преимуществу; но такъ какъ онъ очевидно имѣлъ въ виду не ихъ, а правительство, прессу и высшіе классы страны, которые выдаютъ свое мнѣніе за *общенародное* мнѣніе, то его обвиненіе не имѣетъ смысла, потому что всякій хорошо знаетъ, на чьей сторонѣ явныя или тайныя симпатіи этой части англійскаго общества. Весьма забавенъ также одинъ упрекъ, который Девисъ дѣлаетъ Англіи. Англичане, говоритъ онъ, теперь отказываются воевать вмѣстѣ съ невольничьими штатами противъ сѣверныхъ штатовъ; а между тѣмъ кто же, какъ не они сами ввели невольничество въ сѣверной Америкѣ въ то время, когда эта страна составляла еще колонію ихъ? Этотъ упрекъ болѣе, нежели оригиналенъ. Если англійскіе государственные люди и англійское общество 200 или 150 лѣтъ тому назадъ, не дошли еще до того убѣжденія, что невольничество и несовмѣстно съ чувствомъ справедливости, да и невыгодно для цѣлой страны, то англійскіе государственные люди и англійское общество никогда не должны доходить до этого убѣжденія; они и въ 19-мъ и въ 20-мъ и во всѣхъ прочихъ столѣтіяхъ должны защищать невольничество, потому что предки ихъ въ 17-мъ столѣтіи терпѣли его. Надобно сознаться, что у г. Джефферсона Девиса весьма своеобразная логика. Она напоминаетъ логику тѣхъ господъ, которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ (разсужденія эти слышатся очень часто): такой-то народъ за 300, за 200, за 150 лѣтъ дѣлалъ такія-то политическія ошибки (которыя дѣлались въ то время повсюду); учрежденія его имѣли такіе-то недостатки (не меньшіе, если не большіе недостатки существовали въ то время въ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ); и затѣмъ слѣдуетъ выводъ—слѣдовательно этотъ народъ и теперь, по прошествіи 200—300 лѣтъ, неспособенъ къ политической жизни (между тѣмъ какъ другіе народы, дѣлавшіе еще худшія ошибки и имѣвшіе еще худшія учрежденія, теперь оказались способными къ самостоятельному политическому существованію). Но возвратимся къ посланію президента Девиса. — Не смотря на упреки, съ которыми онъ въ настоящее время обращается къ Англіи, онъ высказываетъ однако же надежду, даже увѣренность, что скоро настанетъ время, когда великій англійскій народъ одумается и увидитъ, что дѣло, за которое борются Южные Штаты, заслуживаетъ скорѣе симпатіи, нежели враждебнаго расположенія. Онъ заключаетъ посланіе свое объявленіемъ, что правительство Сѣверныхъ Штатовъ отвергло всѣ мирныя предложенія, которыя ричмондское правительство могло сдѣлать ему, не роняя своей чести, и что поэтому гражда-

намъ конфедераціи остается только надѣяться на самихъ себя, на свое терпѣніе, упорство и любовь свою къ родинѣ. Вслѣдъ за сообщеніемъ этого посланія ричмондскому конгрессу предложены были на разсмотрѣніе слѣдующія мѣры, на необходимость которыхъ указано было въ самомъ посланіи: Тѣ, которые обязаны нести военную службу, не должны были ставить за себя наемниковъ; предложено было удержать подъ знаменами всѣхъ волонтеровъ, хотя бы срокъ службы ихъ окончился; предложено было распространить конскрипцію на всѣхъ гражданъ отъ 18 до 50-ти лѣтняго возраста; наконецъ предложена была одна очень рискованная мѣра, показывающая лучше всего, до какой крайности дошелъ югъ: мѣра эта должна была состоять въ вооруженіи негровъ, по крайней мѣрѣ самыхъ надежныхъ; защитники этой мѣры полагали, что негры останутся подъ знаменами сепаратистовъ ради одной чести сражаться рядомъ съ своими господами. Впрочемъ пока еще ничего не слышно объ осуществленіи этого предположенія.

Посланіе президента *Линкольна* носитъ конечно совершенно иной характеръ, сообщаетъ конгрессу совершенно иного рода свѣдѣнія, и доказываетъ желаніе *Линкольна* слѣдовать все болѣе и болѣе рѣшительной политикѣ, а главное, не упускать изъ вида дѣла эманципаціи негровъ. Относительно этого послѣдняго пункта мы находимъ въ посланіи его заявленіе, схожее съ вышеупомянутымъ нами заявленіемъ Сьюарда, заявленіе, послѣ котораго Линкольну уже трудно будетъ помириться съ югомъ иначе, какъ на основаніи полной и безусловной эманципаціи невольниковъ. *Линкольнъ* высказываетъ свое намѣреніе твердо и неуклонно слѣдовать политикѣ эманципаціи до тѣхъ поръ, пока власть будетъ находиться въ его рукахъ; онъ прибавляетъ при этомъ, что законы и прокламаціи объ освобожденіи невольниковъ принесли уже значительную долю пользы сѣверу; такимъ образомъ, по его мнѣнію, отступленіе отъ эманципаціонной политики было бы въ одно и то же время дѣломъ и *безчестнымъ*, и неблагоразумнымъ, потому что это значило бы добровольно отбросить весьма полезное орудіе. Эти немногія слова *Линкольна* чрезвычайно важны, гораздо важнѣе цѣлой сотни краснорѣчивыхъ рѣчей французскихъ, прусскихъ, итальянскихъ и разныхъ другихъ ораторовъ, которые болтаютъ очень много о свободѣ, о любви къ свободѣ, о необходимости свободы, и т. д.—и соединяя часто съ этимъ словомъ самыя наивныя или дикія понятія, и не принося своей болтовней ни на волосъ пользы дѣлу той самой свободы, которая не сходитъ у нихъ съ языка. А въ этихъ немногихъ словахъ *Линкольна* заключается гарантія освобожденія изъ подъ ига милліоновъ людей (конечно, если его опять не собьютъ съ толку его совѣтники и помощники,—но теперь есть основаніе на-

дѣятеля, что это не такъ легко случится). Линкольнъ имѣлъ полное право объявить въ своемъ посланіи о благополучномъ миновеніи кризиса, который грозилъ раздѣлить друзей Союза, и что въ настоящее время отпавшіе штаты стѣснены отовсюду и находятся въ критическомъ положеніи, между тѣмъ какъ дѣла Сѣверныхъ Штатовъ находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Отчеты разныхъ министровъ по своимъ управленіямъ, представленные конгрессу почти одновременно съ посланіемъ президента, могли послужить подтвержденіемъ и доказательствами этихъ увѣреній главы государства. Такъ военный министръ Стаунтонъ говорилъ въ своемъ отчетѣ, что арміи сѣвера одержали верхъ на всѣхъ пунктахъ, кромѣ только Чарльстоуна. Онъ сознавался, что правительство Сѣверныхъ Штатовъ сдѣлало немного для размѣна плѣнныхъ; но онъ объяснилъ это тѣмъ, что правительство не желало дать югу 40,000 свѣжихъ бойцовъ въ замѣнъ 13,000 федералистовъ. Конскрипція доставила правительству 50,000 солдатъ и 10 мил. долларовъ, которые даютъ правительству возможность нанять достаточное количество волонтеровъ и не прибѣгать къ новому набору. Наконецъ военный министръ (который прежде гораздо болѣе сочувствовалъ демократамъ, нежели республиканцамъ) выражалъ желаніе, чтобы конгрессъ узаконилъ принятіе негровъ въ число волонтеровъ и производство имъ одинаковой платы съ волонтерами изъ бѣлаго населенія. Морской министръ Уэльзъ сознавался, что федеральный флотъ потерпѣлъ неудачу передъ Чарльстоуномъ; но за то онъ могъ сообщить конгрессу, что блокада, производившаяся въ теченіи прошлаго года на протяженіи 3549 миль береговой линіи, привела къ самымъ лучшимъ результатамъ: федеральные корабли захватили болѣе тысячи судовъ, желавшихъ нарушить блокаду, не считая тѣхъ, которыя были уничтожены при подобныхъ попыткахъ. Отчетъ министра финансовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что финансы Союза находятся въ возможно удовлетворительномъ состояніи, и что доходы Союза были гораздо значительнѣе, а расходы гораздо менѣе значительны, нежели предположено было въ бюджетѣ. Правда, изъ этого же отчета слѣдуетъ, что къ 1 іюля 1863 года долгъ, лежащій на Союзѣ, равнялся 1100 мил. долларовъ (по предварительнымъ соображеніямъ 1 іюля 1864 года онъ долженъ будетъ равняться приблизительно 1700 мил.; а къ 1 іюля 1865 года — 2250 мил. долларовъ); но рядомъ съ этимъ министръ указываетъ на огромныя средства Союза, которыя позволяютъ надѣяться, что онъ вынесетъ безъ особеннаго затрудненія эту громадную государственную тяжесть. Министръ иностранныхъ дѣлъ Сьюардъ также представилъ конгрессу цѣлый рядъ дипломатическихъ документовъ, относящихся къ сношеніямъ Союза съ Англіей, Франціей, Россіей, Мехикой и пр.

Изъ отчета Сьюарда слѣдуетъ, что и во внѣшнихъ сношеніяхъ своихъ Союзъ въ 1863 году былъ счастливѣе, нежели въ прежніе годы; но къ дипломатической дѣятельности Сьюарда мы возвратимся ниже, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ Сѣверныхъ Штатовъ къ другимъ державамъ.

Вмѣстѣ съ посланіемъ президента къ конгрессу обнародована была прокламація его объ амнистіи — и теперь уже начинаютъ обнаруживаться хорошія послѣдствія этой важной и чрезвычайно своевременной мѣры. Въ прокламаціи своей Линкольнъ объявляетъ амнистію всѣмъ гражданамъ отпавшихъ штатовъ; изъ амнистіи исключены только члены ричмондскаго правительства, главные начальники арміи и флота, и всѣ тѣ, которые обращались съ неграми, взятыми въ плѣнъ въ федеральной арміи иначе, нежели какъ съ военно-плѣнными. Единственное условіе для полученія амнистіи состояло въ томъ, что нужно было принести присягу на соблюденіе конституціи Союза и признать всѣ постановленія уашингтонскаго конгресса и всѣ прокламаціи президента Линкольна, изданныя во время войны. Эта прокламація объ амнистіи была встрѣчена насмѣшками какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. — Демократы сѣверныхъ штатовъ, равно какъ и нерасположенная къ союзу пресса Англіи и Франціи, находили ее преждевременною, потому что еще далеко не всѣ владѣнія конфедераціи завоеваны сѣверомъ, недостаточною, потому что въ ней были нѣкоторыя исключенія, и даже смѣшною, потому что Линкольнъ требовалъ отъ рабовладѣльцевъ юга признанія его постановленій объ эманципаціи негровъ. Но уже спустя мѣсяцъ послѣ опубликованія ея, прокламація эта принесла весьма хорошіе результаты (конечно, эти результаты могли быть достигнуты только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы общее положеніе дѣлъ на сѣверѣ и на югѣ не мѣшало приведенію ея въ исполненіе). — Уже въ началѣ января въ Уашингтонъ явились депутаты отъ невольничьяго штата Арканзасъ съ цѣлью условиться съ правительствомъ Линкольна насчетъ возвращенія этого штата въ составъ Союза; такія же наклонности почти одновременно обнаружились въ Теннесси и въ Сѣверной Каролинѣ (которая, какъ мы сказали выше, уже полгода тому назадъ завела объ этомъ рѣчь — но тогда, при несуществованіи прокламаціи объ амнистіи, это желаніе ея такъ и должно было остаться однимъ желаніемъ). Вслѣдствіе подобныхъ попытокъ Линкольнъ разослалъ ко всѣмъ начальникамъ союзныхъ войскъ въ отпавшихъ штатахъ инструкціи, какъ имъ поступать въ случаѣ, если эти штаты, по примѣру Арканзаса, изъявятъ желаніе присоединиться къ союзу. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ того въ Уашингтонѣ получено было извѣстіе, что вслѣдствіе амнистіи, объявленной Линкольномъ, и на основаніи инструкцій,

[illegible] офицера, въ штатѣ Луизіана, — жители котораго отличались всегда своимъ рвеніемъ къ сохраненію и распространенію невольничества, — уже приняты мѣры къ возвращенію этого штата въ составъ сѣверо-американскаго Союза. Въ этомъ штатѣ уже второй годъ начальствуетъ федералистскій генералъ Бенксъ, замѣнившій здѣсь энергическаго и откровеннаго аболиціониста Ботлера. Бенксъ не былъ похожъ на своего предшественника: онъ былъ приверженецъ золотой середины, онъ вѣрилъ въ то, что можно согласовать несогласимое, напримѣръ, интересы плантаторовъ съ интересами невольниковъ, благосостояніе послѣднихъ съ притязаніями первыхъ и т. д. Такимъ уклончиво-примирительнымъ характеромъ отличались всѣ его распоряженія въ Новомъ Орлеанѣ, и, конечно, онъ не достигнулъ никакихъ результатовъ и нисколько не подвинулъ впередъ дѣла освобожденія негровъ. Такъ, напримѣръ, еще въ самое послѣднее время онъ выработалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими вліятельными плантаторами проектъ организаціи труда въ штатѣ Луизіана. Онъ объявилъ, что эта попытка его имѣетъ цѣлью преобразовать рабовъ въ свободныхъ работниковъ, приготовить ихъ къ разумному пользованію свободою, удержать ихъ на плантаціяхъ, возвратить земледѣлію необходимыя для него руки, оказать законную защиту интересамъ поземельныхъ собственниковъ и установить между плантаторомъ и работникомъ необходимую для успѣшнаго хода дѣла солидарность. Результатомъ желанія его достигнуть всѣхъ этихъ несогласимыхъ цѣлей былъ проектъ, который сильно напоминаетъ проекты вольной организаціи труда, вырабатываемые и проводимые у насъ гг. Безобразовыми, Бланками, Скарятиными и пр. — Все дѣло въ томъ, что проектъ Бенкса имѣетъ цѣлью замѣнить невольничество въ его безобразной настоящей формѣ какимъ-то патріархально-крѣпостнымъ состояніемъ, при которомъ остаются въ силѣ и обязательный трудъ чернаго населенія, и невозможность для негровъ переходить по желанію своему съ мѣста на мѣсто; г. Бенксъ желаетъ также оставить за плантаторами право подвергать черныхъ работниковъ своихъ — которыхъ онъ, впрочемъ, уже не называетъ рабами — тѣлесному наказанію, хотя въ уменьшенномъ размѣрѣ и съ извѣстными ограниченіями (американскія газеты не говорятъ ничего о томъ, скопировалъ ли Бенксъ свой проектъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ блаженной памяти проекта князя Черкасскаго, или онъ создалъ въ этомъ отношеніи что-нибудь оригинальное). Несомнѣнно то, что негры не много бы выиграли отъ настоящей войны, если бы судьба ихъ исключительно находилась въ рукахъ людей, подобныхъ Бенксу. Но болѣе рѣшительный образъ дѣйствія уашингтонскаго правительства подвигаетъ это дѣло впередъ по другому пути, нежели тотъ, по которому же-

лояльности его. Бенксъ и его сотрудники-плантаторы, и по странному стеченію обстоятельствъ, этому самому Бенксу первому пришлось осуществить въ отпавшихъ у сепаратистовъ мѣстностяхъ амнистіонные виды Линкольна. — Вскорѣ послѣ полученія въ Новомъ Орлеанѣ извѣстія объ амнистіи Линкольна, представители 100,000 гражданъ штата Луизіаны составили митингъ и рѣшили, что слѣдуетъ принять мѣры для возвращенія въ Союзъ на основаніи объявленныхъ Линкольномъ условій. Вслѣдствіе этого, заявленія генералъ Бенксъ, сообразуясь съ полученными изъ Уашингтона инструкціями, объявилъ, что съ 22-го февраля военное управленіе городомъ и штатомъ прекращается, и что съ этого же дня во всемъ штатѣ вводится опять обыкновенное управленіе. Онъ приглашалъ гражданъ приступить къ выборамъ гражданскихъ властей, которыя управляли бы штатомъ на основаніи прежней конституціи этого штата, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ на то, что не мѣшало бы пересмотрѣть тѣ параграфы этой конституціи, которые относятся къ невольничеству, и измѣнить ихъ согласно съ принципами, высказанными въ прошлогодней прокламаціи Линкольна. Представители гражданъ Новаго Орлеана и другихъ общинъ Луизіаны согласились со всѣми этими предложеніями, и рѣшили немедленно приступить къ выбору гражданскихъ властей (кандидатами на должность губернатора Новаго Орлеана являются два эманципатора, одинъ радикалъ и только одинъ консерваторъ, который имѣетъ довольно мало шансовъ на успѣхъ). Въ мартѣ же мѣсяцѣ въ Луизіанѣ должны происходить выборы членовъ коммиссіи для пересмотра и измѣненія конституціи штата Луизіаны, и для избранія представителей въ уашингтонскій конгрессъ. Депутаціи, прибывшей изъ Арканзаса въ Уашингтонъ для переговоровъ о томъ же предметѣ, г. Линкольнъ указалъ на примѣръ Луизіаны, и вслѣдствіе того, въ этомъ штатѣ началось такое же движеніе, какъ и въ Новомъ Орлеанѣ, съ тою только разницею, что здѣсь оно имѣетъ болѣе эманципаторскій характеръ, такъ какъ здѣсь нѣтъ генерала Бенкса, который не вполнѣ можетъ отрѣшиться отъ сочувствія плантаторскимъ интересамъ. Въ штатахъ Флоридѣ, Сѣверной Каролинѣ и Теннесси тоже началось движеніе съ цѣлью присоединенія этихъ штатовъ къ Союзу. — Само собою разумѣется, что мы не придавали бы никакого особеннаго значенія всему этому движенію, если бы дѣло шло только о возстановленіи цѣлости Союза, если бы весь вопросъ заключался въ томъ, будетъ ли сѣверо-американскій Союзъ состоять изъ 15, или изъ 25, или изъ 30 штатовъ. Но мы видимъ, что вопросъ о присоединеніи отпавшихъ штатовъ къ Союзу тѣсно, неразрывно связанъ съ вопросомъ объ уничтоженіи въ нихъ невольничества — и въ этомъ заключается вся важность настоящаго движенія. — Вообще можно сказать,

что въ теченіи послѣдняго полугода дѣло эманципаціи негровъ значительно подвинулось впередъ. Мы видѣли это изъ рѣчи Сьюарда, изъ посланія Линкольна, изъ распоряженій Бэнкса и другихъ военачальниковъ сѣвера. Это видно, наконецъ, изъ того, что одинъ изъ сенаторовъ-аболиціонистовъ, г. Сомнеръ нашелъ возможнымъ и своевременнымъ сдѣлать вашингтонскому сенату слѣдующія предложенія относительно невольничества: онъ предлагалъ распространить на негровъ избирательное право, отмѣнить всѣ законы касательно выдачи бѣглыхъ невольниковъ, и дать неграмъ относительно судопроизводства равноправность съ бѣлымъ населеніемъ. Онъ предлагалъ далѣе, чтобы произведено было измѣненіе въ конституціи, въ силу котораго невольничество запрещалось бы во всей республикѣ, и чтобы правительство отвергало всякій планъ къ возстановленію Союза, въ которомъ не было бы достаточныхъ гарантій противъ сохраненія или возстановленія невольничества. Правда, вашингтонскій сенатъ почему-то нашелъ нужнымъ отвергнуть послѣднее изъ этихъ предложеній въ томъ видѣ, какъ оно представлено было Сомнеромъ, и замѣнить его неопредѣленнымъ постановленіемъ, что слѣдуетъ заняться изысканіемъ средствъ къ отмѣнѣ невольничества. Но за то въ это же самое время конгрессъ (въ которомъ партія демократовъ считали однако болѣе сильною, нежели въ сенатѣ), принялъ, большинствомъ 78 голосовъ противъ 62, чрезвычайно важное рѣшеніе объ отмѣнѣ тѣхъ статей общей конституціи Союза, въ которой узаконяется невольничество. Въ Нью-Іоркѣ полагали, что вслѣдствіе этого рѣшенія Линкольнъ объявитъ 22 февраля (въ годовщину рожденія Уашингтона) освобожденіе всѣхъ негровъ на пространствѣ всего Союза. Въ настоящую минуту извѣстія изъ Сѣверной Америки доходятъ уже до 24 февраля, но въ нихъ не говорится о томъ, сбылись ли ожиданія аболиціонистовъ или нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ послѣ такого важнаго рѣшенія конгресса, вопросъ о совершенномъ освобожденіи негровъ остается уже только вопросомъ времени, и если Линкольнъ не объявилъ его 22 февраля, то объявленіе это тѣмъ не менѣе послѣдуетъ вѣроятно въ непродолжительномъ времени. При видѣ такого удовлетворительнаго положенія дѣла, общественное мнѣніе въ Сѣверныхъ Штатахъ рѣшительно склонилось на сторону Линкольна. Оно простило ему неудачный выборъ многихъ изъ его совѣтниковъ и помощниковъ, оно простило ему его собственныя колебанія и промахи, и рѣшило, что Линкольнъ честно и благоразумно боролся за правое дѣло. Республиканскій штатъ Нью-Гэмпширъ первый объявилъ, что Линкольнъ будетъ его кандидатомъ на будущихъ президентскихъ выборахъ (осенью 1864 года); представители этого штата выразили убѣжденіе, что тотъ человѣкъ, который съ такимъ терпѣніемъ и благоразуміемъ велъ

управленіе страною въ теченіи трехъ такихъ тяжелыхъ годовъ, заслуживаетъ того, чтобы ему дана была возможность пожать плоды его трудовъ. Примѣру Нью-Гэмпшира послѣдовали Канзасъ, Мерилендъ и нѣкоторые другіе штаты, такъ что вторичный выборъ г. Линкольна въ президенты сѣверо-американской республики весьма вѣроятенъ. О Макъ-Клелланѣ, который года два тому назадъ былъ очень популяренъ, но который мало симпатизируетъ эманципаціи невольниковъ, теперь уже почти вовсе не говорятъ, какъ о кандидатѣ въ президенты. Гораздо болѣе говорятъ о кандидатурахъ генераловъ Ботлера и Фримона, а также и о Чезѣ, настоящемъ министрѣ финансовъ Линкольна: но они всѣ трое еще болѣе ревностные аболиціонисты, нежели Линкольнъ, такъ что, если бы даже одинъ изъ нихъ былъ выбранъ, то дѣло освобожденія негровъ не только не пострадало, а скорѣе бы выиграло отъ этого.

Въ виду этого сильнаго эманципаціоннаго движенія на сѣверѣ и въ виду попытокъ завоеванныхъ федералистами Южныхъ Штатовъ вновь присоединиться къ Союзу, положеніе дѣлъ на югѣ представляется еще болѣе неутѣшительнымъ. Въ пяти штатахъ, оставшихся вѣрными ричмондскому правительству, господствуетъ такое сильное неудовольствіе, что нельзя было произвести предписаннаго конгрессомъ набора всѣхъ способныхъ носить оружіе отъ 18-ти до 50-ти лѣтняго возраста. Вслѣдствіе амнистіи Линкольна начались сильные побѣги изъ войска сепаратистовъ, и въ послѣдніе мѣсяцы дезертиры считались тысячами. Нѣсколькимъ тысячамъ федералистовъ недавно чуть не удалось врасплохъ напасть на Ричмондъ, и только простая случайность спасла столицу конфедераціи и, можетъ быть, самого президента ея Девиса. Населеніе этого города, доведенное до крайней степени нужды, начало производить безпорядки и сожгло домъ своего президента; открытъ былъ даже заговоръ противъ жизни Девиса. Какъ кажется, ричмондское правительство, сознавая вполнѣ критическое положеніе свое, хочетъ сдѣлать съ наступленіемъ весны крайнія усилія для того, чтобы поправить свои дѣла успѣхами своего оружія: говорятъ, что съ этою цѣлью сепаратисты хотятъ въ скоромъ времени перейти къ наступательному образу дѣйствій и двинуться впередъ на всѣхъ пунктахъ. (Чтобы быть въ состояніи отразить это новое нападеніе, Линкольнъ призвалъ недавно къ оружію еще 200,000 волонтеровъ, и этотъ призывъ не возбудилъ ни малѣйшаго неудовольствія въ странѣ). Можетъ быть, эти отчаянныя усилія юга и увѣнчаются временнымъ, даже блистательнымъ успѣхомъ. Не надобно забывать того, что подъ знаменами его находятся еще болѣе 200 тысячъ солдатъ, испытанныхъ въ бою и привыкшихъ ко всякаго рода лишеніямъ, и что солдатами этими командуютъ генералы: Ли, Джон-

стонъ, Лонгстритъ, Борегаръ, которые безъ сомнѣнія всѣ гораздо способнѣе, нежели который либо изъ военачальниковъ Линкольна. Поэтому насъ не удивитъ, если мы прочтемъ въ газетахъ, что тамъ-то федералисты разбиты, оттуда-то прогнаны, но по нашему мнѣнію эти успѣхи юга могутъ имѣть только временный характеръ и за ними все-таки рано или поздно должно послѣдовать окончательное покореніе его, потому что сила сѣвера заключается не столько въ способности его генераловъ, сколько въ великомъ значеніи принципа, за который онъ сражается.

Мы сказали выше, что сношенія сѣверо-американскаго правительства съ другими державами въ послѣднее время значительно улучшились противъ прежняго. Причину тому слѣдуетъ искать въ общемъ улучшеніи дѣлъ на сѣверѣ; вслѣдствіе этого правительство Линкольна заговорило болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ, да и другія державы не могли не замѣтить, что въ виду успѣховъ, одерживаемыхъ Союзомъ, невыгодно было затѣвать съ нимъ ссору. Дипломатическіе документы, представленные Сьюардомъ вашингтонскому конгрессу, даютъ намъ возможность составить себѣ довольно вѣрное понятіе о внѣшнихъ сношеніяхъ Союза въ теченіи послѣднихъ семи или осьми мѣсяцевъ. Лѣтомъ прошлаго года Сьюардъ разослалъ ко всѣмъ американскимъ агентамъ при европейскихъ дворахъ ноту, въ которой онъ указываетъ на послѣдніе полные успѣхи, одержанные сѣверомъ, и приглашаетъ агентовъ Союза употребить всѣ усилія, чтобы другія державы не оказывали помощи сепаратистамъ, на что тѣ особенно разсчитываютъ. Вообще изъ дипломатическихъ документовъ, представленныхъ конгрессу, видно, что слухи о желаніи Франціи признать южную конфедерацію не мало безпокоили правительство Линкольна; Сьюардъ даже прямо выражалъ въ своихъ нотахъ къ американскому посланнику во Франціи неудовольствіе своего правительства на то, что Франція оказываетъ нравственную поддержку югу; на это онъ получилъ отъ Друэнъ-де-Люиза увѣреніе, что Франція никогда не предлагала Англіи признать самостоятельность Южныхъ Штатовъ. Но Сьюардъ не ограничивался жалобами на поведеніе Франціи въ сѣверо-американской распрѣ; онъ старался также удалить причины нерасположенія Франціи къ сѣверу. Онъ зналъ, что главною причиною этого нерасположенія было опасеніе вмѣшательства Сѣверныхъ Штатовъ въ дѣла Мехики съ цѣлью уничтожить тамъ вліяніе французовъ. Поэтому онъ спѣшитъ успокоить французское правительство, и въ депешѣ своей къ генералу Бэнксу (военному начальнику сосѣднихъ съ Мехикой областей) объявляетъ, что хотя правительство союзныхъ штатовъ не считаетъ возможнымъ и полезнымъ для страны замѣну республиканскихъ учрежденій въ Мехикѣ монархическими учрежде-

ніями и прочное утвержденіе послѣднихъ, однако оно будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ этомъ вопросѣ и не подумаетъ вмѣшиваться въ способы разрѣшенія его. Несмотря на то, что это объявленіе Сьюарда должно было успокоить французское правительство, оно и послѣ этого продолжало высказывать свое сочувствіе къ югу, хотя, явно не такъ, какъ прежде: агенты Южныхъ Штатовъ по прежнему встрѣчали съ его стороны самый радушный пріемъ. Такой же пріемъ былъ оказанъ въ городѣ Брестѣ со стороны властей сепаратистскому крейсеру «Флоридѣ», зашедшему въ этотъ портъ; когда почти всѣ либеральныя газеты стали жаловаться на покровительство, оказываемое этому разбойничьему кораблю, Монитеръ объявилъ только, что правительство этимъ не нарушаетъ своего нейтралитета. Впрочемъ, вслѣдствіе жалобъ американскаго посланника французское правительство велѣло остановить въ Нантѣ и Бордо постройку панцырныхъ судовъ для юга. Попытки къ посредничеству и къ вмѣшательству въ дѣла Америки съ его стороны въ послѣднее время не возобновлялись. Дипломатическія сношенія Америки съ Англіею тоже приняли въ послѣдніе полгода совершенно иной характеръ. Правительство Линкольна и съ этимъ своимъ соперникомъ заговорило совершенно инымъ тономъ. По поводу займа, заключеннаго ричмондскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, Сьюардъ объявилъ, что въ возмездіе за это правительство Союза не будетъ облегчать вывоза хлопка и табаку изъ портовъ юга, занятыхъ союзными войсками. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года онъ объявилъ британскому министерству, что если англичане не перестанутъ снаряжать суда для конфедератовъ, то американскіе корабли получатъ приказаніе преслѣдовать и ловить эти корабли даже въ водахъ и гаваняхъ Англіи; онъ объявлялъ, что правительство Союза сознаетъ всю опасность подобной мѣры, но что отвѣтственность за послѣдствія ея падутъ на англійское, а не на федеральное правительство. Онъ выражалъ даже мнѣніе, что англійское правительство должно бы вознаградить тѣхъ граждан Сѣверныхъ Штатовъ, которые по винѣ Англіи потерпѣли убытки отъ крейсеровъ сепаратистовъ. Хотя лордъ Россель въ отвѣтахъ своихъ на эти требованія и угрозы Сьюарда, имѣвшія форму ультиматума, и старался опровергать его доводы, — однако онъ понялъ, что теперь уже съ правительствомъ Линкольна шутить нельзя, и поэтому онъ поспѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, для того чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ исполнить то, чего отъ него требовалъ Сьюардъ. Лондонское общество освобожденія невольниковъ обратилось къ нему около того же времени съ просьбою, чтобы правительство не дозволяло выйти изъ Ливерпуля двумъ желѣзнымъ судамъ, которыя строились на томъ заводѣ, гдѣ построенъ былъ и зна-

менитый крейсеръ «Элебема», и которыя уже готовились выйти въ море, какъ полагали, съ тѣмъ же назначеніемъ. На этотъ разъ большая часть журналовъ поддержала это требованіе. Результатомъ всего этого было то, что правительство запретило вышеозначеннымъ судамъ выходить въ море до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что они не имѣютъ приписываемаго имъ назначенія. Въ знаменитой рѣчи своей, произнесенной осенью въ мѣстечкѣ Блэроури, Россель съ особенною тщательностью выставлялъ всѣ старанія англійскаго правительства оставаться нейтральнымъ, не склоняться ни на ту, ни на другую сторону; но при этомъ онъ преимущественно доказывалъ, что британское правительство не сдѣлало ничего, что могло бы имѣть враждебный для сѣвера характеръ; тутъ, разумѣется, онъ коснулся и дѣла о ливерпульскихъ двухъ судахъ, и объявилъ, что правительство считаетъ себя не вправѣ дозволить имъ выйти въ море. Въ такомъ же смыслѣ органы англійскаго правительства неоднократно выражались въ послѣднее время въ обѣихъ палатахъ, отвѣчая на нападки торійской оппозиціи, которая обвиняла ихъ въ пристрастіи къ сѣверу и во враждебномъ расположеніи къ югу. Однимъ словомъ, англійское правительство въ сношеніяхъ своихъ съ сѣверо-американскимъ уже не обнаруживаетъ и тѣни того высокомѣрія и той заносчивости, которую оно обнаруживало въ то время, когда сѣверъ находился въ критическомъ положеніи, наприм. въ концѣ 1861 года по поводу знаменитаго дѣла парохода Трентъ, или въ концѣ 1862 года, послѣ страшныхъ пораженій, понесенныхъ сѣверомъ.

Англійскія газеты, слѣдуя примѣру своего правительства, также начали склоняться на сторону сѣвера по мѣрѣ одерживаемыхъ имъ успѣховъ. Газета Times совершала этотъ поворотъ медленно и осторожно, чтобы не испугать своихъ читателей. Она перестала восхвалять военные успѣхи юга; потомъ она уже не стала восхищаться тѣми принципами, за которые сражался югъ. Мало того: та самая «Times», которая въ январѣ 1863 года доказывала, что невольничество есть учрежденіе, установленное самимъ священнымъ писаніемъ, въ октябрѣ того же года не находила достаточно сильныхъ словъ, для того чтобы упрекать Линкольна за его равнодушіе къ дѣлу эманципаціи негровъ. Кончилось тѣмъ, что къ концу прошлаго года изъ всѣхъ англійскихъ газетъ на сторонѣ юга остались только чисто консервативныя газеты, упрекавшія Росселя за пристрастіе къ сѣверу, и «Morning-Post», осыпавшая иногда по старой памяти сѣверъ жестокими упреками и требовавшая отъ времени до времени, чтобы правительство признало южную конфедерацію. Но теперь объ этомъ признаніи никто уже серьезно не думалъ: напротивъ, большинство газетъ радовалось тому, что британское правительство не стало въ неpріяз-

ненное положеніе къ тому изъ двухъ противниковъ, который имѣетъ теперь гораздо большіе шансы на успѣхъ. При видѣ подобнаго настроенія правительства и прессы, агентъ южной конфедераціи, г. Мезонъ, жившій до сихъ поръ въ теченіи почти двухъ лѣтъ въ Лондонѣ съ цѣлью добиться признанія юга, потерялъ всякую надежду достигнуть своей цѣли, и уѣхалъ во Францію, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить и дѣйствительно встрѣтилъ гораздо болѣе радушный пріемъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Англіи онъ написалъ къ Росселю очень энергическое письмо, родъ ультиматума, въ которомъ онъ упрекалъ его въ его пристрастіи къ Сѣвернымъ Штатамъ. Онъ очевидно надѣялся склонить этимъ письмомъ на свою сторону общественное мнѣніе Англіи, возбудить въ англійскомъ обществѣ нѣкоторое сожалѣніе о потерѣ вѣрнаго союзника въ Южныхъ Штатахъ. Но если онъ дѣйствительно на это разсчитывалъ, то онъ жестоко ошибся въ разсчетахъ: общественное мнѣніе въ Англіи, а еще болѣе въ Ирландіи, нисколько не встревожилось и не огорчилось его выѣздомъ. Вообще сочувствіе большинства націи продолжало оставаться по прежнему на сторонѣ сѣвера. Большинству населенія, трудящимся классамъ не приходилось подобно журналистамъ и министрамъ перемѣнять своего мнѣнія, вслѣдствіе успѣховъ сѣвера. Они сочувствовали правому дѣлу, а не матеріальной силѣ, и поэтому они съ самаго начала, не смотря на всѣ неудачи сѣвера, ни на одну минуту не измѣняли своихъ воззрѣній на сѣверо-американскій вопросъ и не переносили своего сочувствія отъ одной стороны къ другой.

Въ разсказѣ о событіяхъ въ Мехикѣ мы остановились на вступленіи французскаго войска въ столицу этой страны. Мы говорили тогда, что еще неизвѣстно, какую форму правленія Наполеонъ III дастъ завоеванной его войсками странѣ, но что несомнѣнно только одно—утвержденіе французскаго владычества, или по крайней мѣрѣ французскаго вліянія въ этой странѣ. Присоединитъ ли онъ ее просто къ французской имперіи, или посадитъ туда какого нибудь французскаго или европейскаго принца, или соорудитъ тамъ туземное правительство, или придумаетъ еще какую нибудь особенную комбинацію, результатомъ всего этого можетъ быть только одно—утвержденіе въ Мехикѣ французскаго владычества (подъ тѣмъ условіемъ разумѣется, что мехиканцы это допустятъ, и не соберутся съ силами выгнать французовъ изъ Мехики; до сихъ поръ это еще не исполнилось, а слѣдовательно необходимый результатъ осуществляется). Мы разскажемъ въ немногихъ словахъ, что французы сдѣлали до сихъ поръ въ Мехикѣ, и какія послѣдствія для страны имѣла побѣда французовъ надъ Хуаресомъ.

Вступивши въ Мехико, Форэ началъ распоряжаться, какъ подобаетъ распоряжаться въ завоеванной странѣ. Онъ объявилъ секвестрацію движимаго и недвижимаго имущества всѣхъ лицъ враждебныхъ французскому вмѣшательству. Онъ издалъ далѣе чрезвычайно строгія правила насчетъ прессы — еще болѣе строгія, нежели тѣ, которыя существуютъ во Франціи (въ этихъ правилахъ было сказано между прочимъ, что въ печати не должно появляться ничего, касающагося священныхъ интересовъ, репутаціи или чести духовенства). Онъ обѣщалъ также наказывать смертью всякое нападеніе на французскихъ солдатъ, расположенныхъ постоемъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ ея. Все это не мѣшало ему однакоже издать къ мехиканцамъ прокламацію, въ которой онъ дѣлаетъ имъ разныя обѣщанія, составляющія оригинальный контрастъ съ его распоряженіями. Такъ напр. онъ объявляетъ имъ, что личность и имущество гражданъ будутъ поставлены подъ защиту закона—и въ то же время онъ издаетъ указъ о секвестраціи; онъ возвѣщаетъ имъ, что время насильственыхъ поборовъ и контрибуцій миновало для нихъ—а въ то же время содержаніе солдатъ во многихъ мѣстностяхъ возлагается на жителей; онъ обѣщаетъ имъ свободу прессы—и сопровождаетъ это обѣщаніе учрежденіемъ въ Мехикѣ французской системы печати. Наконецъ, онъ обѣщаетъ имъ хорошіе суды, правильную систему рекрутскаго набора, правильную систему налоговъ—и въ замѣнъ всѣхъ этихъ благодѣяній онъ требуетъ въ своей прокламаціи только двухъ вещей: согласія и довѣрія націи къ императору французовъ. Но между тѣмъ не только первая мѣра Форэ, но и послѣдующія распоряженія французовъ и установленнаго ими правительства не были въ состояніи внушить мехиканцамъ требуемаго отъ нихъ довѣрія. Тотчасъ же по вступленіи своемъ въ Мехико, Форэ назначилъ коммиссію изъ 35 человѣкъ (указанныхъ ему посланникомъ Салиньи и принадлежащихъ почти исключительно клерикальной партіи или извѣстныхъ своею ничтожностью). Эта коммиссія должна была назначить трехъ человѣкъ, которымъ съ согласія французскаго главнокомандующаго ввѣрялась исполнительная власть въ странѣ; членами этого тріумвирата назначены были между прочимъ виновникъ французскаго вмѣшательства въ Мехикѣ, генералъ Альмонте, и мехиканскій архіепископъ Лабастида, извѣстный своими ультрамонтанскими наклонностями. Сами же назначенные маршаломъ Форэ 35 человѣкъ должны были составлять при этомъ тріумвиратѣ государственный совѣтъ. Они же должны были выбрать еще 215 человѣкъ, изъ надежнѣйшихъ по ихъ мнѣнію гражданъ Мехики, и вмѣстѣ съ ними рѣшить, какую новую форму правленія слѣдуетъ дать Мехикѣ. Эти 250 человѣкъ, выбранные клерикалами и отличавшіеся своими реакціонерными наклонностями, рѣши-

ли, что сорокалѣтній опытъ доказалъ невозможность существованія въ Мехикѣ республиканскаго образа правленія, и на этомъ основаніи они объявили (отъ имени 10 милліоновъ мехиканцевъ), что въ Мехикѣ вмѣсто республиканской вводится монархическая форма правленія; что эта форма правленія должна быть наслѣдственная, ограниченная, католическая имперія; что императоромъ мехиканскимъ избирается Максимиліанъ, эрцгерцогъ австрійскій; что въ случаѣ непринятія имъ мехиканской короны, Наполеону III будетъ предоставлено избрать для этого другаго европейскаго принца, и что до прибытія новаго императора страною должно управлять регентство, состоящее изъ тѣхъ же трехъ членовъ тріумвирата—Альмонте, Лабастида и Саласа. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ немедленно отправлена была въ Европу депутація, которая должна была оффиціально объявить Максимиліану объ избраніи его и получить его согласіе. Всѣ другія державы отнеслись къ этому дѣлу большею частью очень равнодушно. Американское правительство объявило, какъ мы уже замѣтили выше, что оно считаетъ невозможнымъ прочное утвержденіе въ Мехикѣ монархіи, въ особенности если на престолѣ новой имперіи будетъ сидѣть иностранный принцъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выразило твердое свое намѣреніе нисколько не вмѣшиваться въ это дѣло. Англійское правительство и англійское общество заявляли не разъ, что Англія будетъ очень довольна, если въ Мехикѣ установится прочное и хорошее правительство, но что она намѣрена оставаться совершенно въ сторонѣ, что она не будетъ мѣшать утвержденію тамъ новыхъ порядковъ, но что она не намѣрена и помогать этому тѣмъ или другимъ образомъ. Испанское и австрійское правительства высказались въ этомъ же смыслѣ. Только нѣмцы очень недовольны тѣмъ, что нѣмецкій эрцгерцогъ принимаетъ отдаленную и еще очень ненадежную корону, какъ будто ему не довольно хорошо въ Германіи. Такимъ образомъ всѣ державы отстранились совершенно отъ рѣшенія мехиканскаго вопроса и предоставили разрѣшеніе его самимъ мехиканцамъ, Наполеону III и Максимиліану. Французскія газеты уже заранѣе торжествовали, и уже немедленно послѣ полученія извѣстія о выборѣ Максимиліана стали считать мехиканскій вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Но между тѣмъ, даже еще неизвѣстно было, приметъ ли эрцгерцогъ предлагаемую ему корону. Во весь промежутокъ времени между полученіемъ извѣстія объ избраніи его и отвѣтомъ, даннымъ мехиканской депутаціи, газеты занимались различными предположеніями о томъ, приметъ ли онъ корону или нѣтъ, на какихъ условіяхъ онъ ее приметъ и т. д. Наконецъ, сталъ извѣстенъ и самый отвѣтъ его. Эрцгерцогъ Максимиліанъ объявилъ мехиканской депутаціи, что онъ приметъ мехиканскую корону, во первыхъ, если его выберетъ вся страна, а не одни только

нотабли Мехико, а во вторыхъ, если онъ получитъ отъ великихъ державъ необходимыя гарантіи для прочности будущей его имперіи. Такъ какъ всѣ другія державы отстранились отъ этого дѣла, то отъ одной Франціи зависѣло гарантировать или негарантировать эрцгерцогу прочность его имперіи. Говорятъ, что объ этомъ предметѣ между эрцгерцогомъ и французскимъ правительствомъ заключены были особенныя, негласныя условія: французскія войска должны три года оставаться въ странѣ, въ числѣ 25,000 человѣкъ, конечно на счетъ мехиканскаго правительства, которое обязывается кромѣ того выплатить Франціи въ извѣстное число лѣтъ всю сумму, истраченную ею на мехиканскую экспедицію. Между тѣмъ французское правительство обѣщало новому правительству помочь ему теперь въ заключеніи займа; но въ обезпеченіе исправности платежей по этому займу, а также и разсроченной уплаты за военные расходы, правительство новаго императора согласилось устроить таможни и финансовое управленіе страны по французской системѣ, а разработка мехиканскихъ рудниковъ должна производиться подъ наблюденіемъ французскихъ агентовъ. Всѣ эти условія неоффиціальныя, и можетъ быть, они даже будутъ заключены въ нѣсколько иной формѣ, нежели сообщено газетами (вѣроятно всѣ эти вопросы рѣшатся окончательно теперь, во время пребыванія въ Парижѣ эрцгерцога Максимиліана, прибывшаго туда 5 марта). Но сущность этихъ условій во всякомъ случаѣ будетъ безъ сомнѣнія такова, что Франція возьметъ на себя поддерживать новую созданную ею имперію, но за то удержитъ за собою значительную степень вліянія въ этой имперіи, которая сдѣлается черезъ это похожею на французскую колонію. Что же касается до другаго условія, поставленнаго Максимиліаномъ для принятія мехиканской короны, то и тутъ французское правительство взялось устроить это дѣло. Сначала правительственныя газеты увѣряли, что это условіе уже почти исполнено, что все населеніе страны пламенно желаетъ имѣть Максимиліана императоромъ, что сопротивленія тому уже нѣтъ ни малѣйшаго, и прочее въ этомъ же родѣ. Но событія плохо оправдывали ихъ слова; оказывалось, что сопротивленіе иноземному вмѣшательству еще далеко не было сломано, что приверженцы Хуареса держались еще во многихъ провинціяхъ, что избраніе Максимиліана не находило слишкомъ горячаго сочувствія въ странѣ.

Тогда генералъ Базенъ (преемникъ маршала Форэ, отозваннаго французскимъ правительствомъ за то, что тотъ уже слишкомъ позавоевательски распоряжался въ Мехикѣ) рѣшилъ, что слѣдуетъ предпринять походъ внутрь страны, чтобы уничтожить сопротивленіе партіи Хуарсса и ускорить благопріятныя для Максимиліана заявленія населенія. Съ этою цѣлью въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ

французскій экспедиціонный корпусъ предпринялъ кампанію во внутреннія области страны, и вездѣ одерживалъ верхъ надъ непріятелемъ. Французскія газеты постоянно наполняются подобными извѣстіями изъ Мехики, и по мѣрѣ успѣховъ французскаго оружія занятые французами города стали изъявлять желаніе имѣть императоромъ Максимиліана (то обстоятельство, что эти изъявленія происходили почти всегда только послѣ занятія города французами, конечно, не слишкомъ говоритъ въ пользу добровольности этихъ манифестацій). Недавно въ Европу прибыла новая депутація—отъ всей страны, а не отъ одного только города Мехико — предлагать корону Максимиліану. — Французскія правительственныя газеты опять увѣряютъ, что теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вся страна одушевлена однимъ общимъ желаніемъ — получить монарха отъ руки Наполеона; но извѣстія, получаемыя другими путями, говорятъ не совсѣмъ то, и если Максимиліанъ дѣйствительно поѣдетъ теперь въ Мехику, то ему, безъ сомнѣнія, придется бороться еще со многими затрудненіями, и преодолѣть не малое сопротивленіе со стороны населенія. Не послѣднее затрудненіе представитъ ему, между прочимъ, и клерикальная партія, дѣйствовавшая до сихъ поръ въ союзѣ съ французами. Ненависть къ либеральной партіи и къ республиканскому правительству Хуареса заставила ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ соединиться съ французами; теперь же, когда непріятель побѣжденъ общими силами, партія эта выступаетъ съ неумѣренными притязаніями своими. Архіепископъ Лабастида, глава и въ то же время орудіе этой партіи началъ предъявлять разныя требованія, которыя показались неисполнимыми даже реакціонеру Альмонте и французскимъ генераламъ. Начались страшныя ссоры, архіепископъ перессорился со своими товарищами по тріумвирату; онъ перессорился также съ французскими властями и велѣлъ закрыть соборъ въ Мехико; французскій коммендантъ города велѣлъ отворить соборъ силою, архіепископъ отлучилъ отъ церкви всѣхъ противниковъ своихъ, и объявилъ между прочимъ, что теперь положеніе церкви и служителей ея гораздо хуже, нежели какъ оно было при Хуаресѣ. — Нѣкоторые не безъ основанія уже теперь сравниваютъ настоящее положеніе французовъ въ Мехикѣ съ ролью, разыгрываемою ими въ Римѣ. — Но во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы освободители и миротворители страны принесли ей миръ, спокойствіе и свободу: до сихъ поръ они ничего не принесли ей, кромѣ смутъ, притѣсненій и дурнаго клерикальнаго правительства, которое, во всякомъ случаѣ, не въ примѣръ хуже правительства Хуареса, какъ бы дурно это послѣднее ни было.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Знаніе, какъ единственный путь къ истинной цивилизаціи. — Животворное начало знанія. — Прежняя и современная русская наука и литература. — «Русскій инвалидъ» и «Заграничный вѣстникъ». — Русскіе радикалы. — Однородность элементовъ, составляющихъ русское общество, и вслѣдствіе того его неподвижность. — Черниговскія епархіальныя школы въ концѣ прошедшаго столѣтія, и наше общество того времени. — Чинопочитаніе. — Пустота жизни. — Обхожденіе съ прекраснымъ поломъ. — Нравы. — Воспитаніе. — Общество среднее. — Дѣйствіе нашихъ гимназій въ прошедшее время. — Современное ихъ состояніе сравнительно съ подобными заведеніями въ Европѣ. — Число учащихся по сословіямъ. — Уставъ 1804 года. — Преобразованіе гимназій въ филологическія въ 1819 году. — Уставъ 1828 г. — Назначеніе графа Уварова министромъ народнаго просвѣщенія въ 1833 году и циркуляръ его къ попечителямъ учебныхъ округовъ. — Перемѣна въ уставѣ 1828 года, преимущественно въ 1849 и въ 1851 году. — Сравненіе устава 1804 съ уставомъ 1828 года.

Разсматривая историческій ходъ цивилизаціи въ Европѣ, Бокль говоритъ, что «Европа своимъ переходомъ отъ варварства къ цивилизаціи обязана *исключительно* своей умственной дѣятельности», что «затѣмъ въ жизни каждаго цивилизованнаго народа всѣ перемѣны на пути прогрессивнаго развитія зависятъ *единственно* отъ трехъ вещей; во первыхъ, отъ суммы знаній, пріобрѣтенныхъ самыми развитыми людьми; во вторыхъ, отъ того направленія, которые придали эти знанія, то есть, отъ того разряда предметовъ, къ которому они относятся; наконецъ въ третьихъ, и болѣе всего, отъ той пропорціи, въ ко-

торой знанія эти распространены, и отъ большей или меньшей доступности ихъ для всѣхъ классовъ общества».

Нѣтъ сомнѣнія, что единственный путь къ цивилизаціи и для нашего отечества есть тотъ же путь знанія, обращеннаго на предметы дѣльные и полезные въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія.

Къ сожалѣнію, общество наше, по самому своему историческому развитію, находится совершенно въ другомъ отношеніи къ знанію, чѣмъ общества народовъ европейскихъ. Для Европы знаніе есть дѣло, твореніе ея собственныхъ рукъ. Подъ страхомъ преслѣдованій, гоненій, лишенія свободы, пытокъ, казней, она собирала его крупицу за крупицей въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, пока наконецъ образовала изъ него громадную силу. Такимъ образомъ Европа выстрадала свое знаніе, при помощи его вышла побѣдоносною изъ своихъ многочисленныхъ битвъ за общечеловѣческія права, она сознаетъ вполнѣ ясно, что въ знаніи единственный залогъ всѣхъ будущихъ успѣховъ и истиннаго благосостоянія всего человѣческаго рода. Понятно, почему Европа должна непритворно любить знаніе и цѣнить его, какъ свое первое и лучшее сокровище!

Мы находимся совершенно въ другомъ отношеніи къ знанію. Мы не были участниками при первоначальномъ собираніи и образованіи европейскаго знанія, въ насъ и потомъ никогда не появлялось потребности къ самостоятельному собиранію какого бы то ни было знанія; мы получили знаніе, какъ готовую силу, изъ Европы. Самый высшій интересъ знанія былъ для насъ чисто научный. Затѣмъ отношеніе наше къ нему было вообще постыдное. Мы смотрѣли на знаніе, какъ на средство получать чины и вообще разныя права и привилегіи, какъ на пріятное препровожденіе времени, какъ на служебное орудіе нашимъ личнымъ потребностямъ и прихотямъ. Знаніе наше никогда не имѣло общественнаго жизненнаго смысла, потому въ насъ не было никогда живой внутренней связи съ знаніемъ.

«Успѣхи цивилизаціи, говоритъ Бокль, — зависятъ единственно отъ пріобрѣтеній дѣлаемыхъ человѣческимъ умомъ и отъ степени распространенія этихъ пріобрѣтеній. Но люди, вполнѣ довольные своимъ знаніемъ, никогда не попытаются увѣнчать его. Люди, совершенно увѣренные въ непогрѣшимости своихъ убѣжденій, никогда не дадутъ себѣ труда подвергнуть изслѣдованію основаніе, на которомъ убѣжденія эти построены. Они всегда смотрятъ съ удивленіемъ и часто съ ужасомъ на взгляды, противорѣчащіе понятіямъ, наслѣдованнымъ отъ предковъ, и пока люди находятся въ такомъ умственномъ состояніи, до тѣхъ поръ невозможно, чтобы они приняли какую нибудь новую истину, смущающую прежнія ихъ воззрѣнія. И

тамъ, пріобрѣтеніе новыхъ познаній должно необходимо предшествовать каждому шагу, который общество дѣлаетъ на пути прогресса; но въ то же время, самому пріобрѣтенію этому должна предшествовать любовь къ изслѣдованію, а слѣдовательно и духъ сомнѣнія, ибо безъ сомнѣнія не можетъ быть изслѣдованія, а безъ изслѣдованія не можетъ быть знанія. Знаніе не есть неподвижное страдательное начало, которое бы приходило къ намъ безъ нашей воли; чтобы пріобрѣсти знаніе, нужно сначала поискать его. Это результатъ большихъ трудовъ, и слѣдовательно большихъ пожертвованій. Но нелѣпо было бы предположить, что люди обрекутъ себя на трудъ и рѣшатся на жертвы ради изученія такихъ предметовъ, въ которыхъ они считаютъ себя достаточно свѣдущими. Кто не сознаетъ темноты, тотъ не станетъ искать свѣта. Въ чемъ мы разъ удостовѣрились, того не подвергаемъ дальнѣйшему изслѣдованію, потому что дальнѣйшее изслѣдованіе было бы безполезно, и пожалуй, опасно. Пока не родилось сомнѣніе, до тѣхъ поръ не начинается и изученіе. И такъ, въ сферѣ знанія актъ сомнѣнія зарождаетъ прогрессъ или, по крайней мѣрѣ, онъ служитъ необходимымъ переходомъ ко всякому прогрессу. Вотъ онъ — тотъ скептицизмъ въ наукѣ, одно имя котораго приводитъ въ священный ужасъ невѣждъ, потому что онъ затрогиваетъ милую имъ рутину; потому что онъ налагаетъ на нихъ безпокойную обязанность изслѣдованія, потому, наконецъ, что онъ заставляетъ даже самые лѣнивые умы задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли все такъ есть, какъ обыкновенно полагаютъ. Чѣмъ болѣе будемъ изучать мы великое начало научнаго скептицизма, тѣмъ яснѣе представится намъ, какую громадную роль оно играло въ успѣхахъ европейской цивилизаціи. Мы можемъ сказать, что скептицизму мы обязаны тѣмъ духомъ пытливости, который въ теченіи двухъ послѣднихъ вѣковъ, постепенно завладѣвая всѣмъ, преобразовалъ всѣ отрасли опытнаго и умозрительнаго знанія. Ни одинъ отдѣльный фактъ не имѣетъ для различныхъ странъ такого обширнаго значенія, какое имѣютъ продолжительность дѣйствія въ нихъ начало научнаго скептицизма, степень его развитія, а въ особенности степень его распространенія. Въ Испаніи церковь, при помощи инквизиціи, всегда имѣла достаточно силы, чтобы наказывать скептическихъ писателей и тѣмъ предотвращать, конечно не существованіе, а проповѣдываніе скептическихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, тамъ духъ сомнѣнія былъ постоянно подавляемъ, вслѣдствіе чего знаніе оставалось въ состояніи почти совершеннаго застоя; въ такомъ же застоѣ находилась цивилизація, которая есть плодъ знанія. Но въ Англіи и Франціи, странахъ, гдѣ научный скептицизмъ открыто явился на свѣтъ, и гдѣ онъ былъ наиболѣе распространенъ, оказались совершенно иные результаты. Поощряемая любовь къ изслѣдованію

положила основаніе тому постоянно возраставшему знанію, которому эти двѣ великія націи обязаны своимъ благосостояніемъ».

При отсутствіи того животворящаго и возбудительнаго начала въ знаніи, которое Бокль называетъ научнымъ скептицизмомъ, ужъ познающій теряетъ цѣль и задачу въ своихъ изслѣдованіяхъ, то есть теряетъ руководящую нить въ выборѣ предметовъ познаванія. Кто ищетъ въ знаніи силы для какой нибудь цѣли, тотъ въ обширной области вѣдѣнія не будетъ ходить въ потьмахъ; онъ очень хорошо пойметъ, какіе предметы нужны для его изслѣдованій, съ какихъ сторонъ важно ихъ разсмотрѣніе въ данное время. Кто входитъ въ эту область безъ всякой опредѣленной цѣли, тотъ очень легко дѣлается жертвою весьма естественнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто очень пустаго любопытства, — и можетъ убить свои лучшія силы, провести цѣлые десятки лѣтъ въ изысканіяхъ, часто положительно безплодныхъ и ничтожныхъ въ дѣлѣ цивилизаціи общества. Наша научная литература прошедшаго времени, неговоря уже о литературѣ всѣхъ другихъ родовъ, представляетъ самое блестящее тому доказательство. Сколько здѣсь потрачено было силъ, дарованій, труда, времени! Сколько сочинено и переведено ученѣйшихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія! Но все это не принесло дѣлу цивилизаціи или вовсе никакой пользы, или не принесло и тысячной доли той пользы, какую должно бы было принести по размѣру силъ, времени и средствъ, употребленныхъ на дѣло, потому что труды предпринимались безъ цѣли, безъ выбора, безъ нужды, не во время. При сведеніи итога въ суммѣ знанія, надъ пріобрѣтеніемъ котораго трудилось нѣсколько поколѣній, не оказалось почти ничего, или по крайней мѣрѣ очень немного. Говоря такимъ образомъ о наукѣ прошедшаго времени въ нашемъ отечествѣ, мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы и въ настоящее время не было у насъ смѣшныхъ и жалкихъ ученыхъ, занимающихся безполезными для всѣхъ пустяками, ученыхъ, которые дѣлаются еще смѣшнѣе и жалче отъ того, что воображаютъ себѣ, что они занимаются дѣломъ! Но ряды ихъ начинаютъ рѣдѣть...

Со времени возрожденія наукъ въ Европѣ, нигдѣ, можетъ быть, наука не играла такой жалкой роли, какую играла она у насъ. Исключая времена Петра Могилы и вообще начала уніи, когда теологическая наука была болѣе или менѣе популяризована въ обществѣ и употреблялась какъ орудіе для борьбы съ католицизмомъ, — исключая времени Петра Великаго, когда этотъ великій государь, приступивъ къ громадному преобразованію Россіи, призывалъ къ себѣ науку, какъ союзницу для живой борьбы съ застарѣлымъ невѣжествомъ, ханжествомъ, предразсудками стараго времени, и относясь самъ съ безпощаднымъ скептицизмомъ ко всякому самодовольному невѣжеству,

требовалъ того же отъ науки, самъ указывалъ ей цѣль и способы дѣйствія, — мы не знаемъ еще времени, когда бы у насъ смотрѣли на науку, какъ на живое дѣло. Кромѣ педагогіи, проводившей черезъ школы въ общество элементарныя научныя свѣдѣнія, — остальная наука оставалась чуждою обществу. Она или занималась предметами, для его развитія въ данное время совершенно безплодными, или предметами для него вовсе недоступными, и не вносила почти никакихъ просвѣтительныхъ идей въ общество. Вслѣдствіе этого и литература, вообще питающаяся научными сознаніями и отъ нихъ получающая свою крѣпость, долгое время была у насъ большею частію пустымъ препровожденіемъ времени, забавою, шутовствомъ, высшій смыслъ котораго проявлялся въ критикѣ — въ ребяческомъ препирательствѣ о грамматикѣ и реторикѣ, а въ поэзіи — въ бумагомараніи одъ и безсмысленныхъ любовныхъ интригъ, изображавшихся исключительно ради показанія словеснаго искусства и нѣжныхъ чувствъ или свѣтскости автора.

Мы были бы несправедливы, если бы сказали, что при жалкомъ состояніи нашей литературы не являлось дарованій, какъ въ наукѣ, такъ и литературѣ, развившихъ болѣе или менѣе правильно. Но люди эти представляли явленія очень не частыя и одиночныя. Въ общемъ строѣ литературы, и тѣмъ болѣе жизни, ихъ положеніе было еще безотраднѣе положенія Чацкаго на балѣ у Фамусова... Такъ было всегда съ талантливыми живыми личностями, являющимися на черную борьбу съ предразсудками, невѣжествомъ, рутинными привычками какого бы то ни было общества. Бокль, описывая безотрадныя суевѣрія и глубину того мрака, въ которыхъ въ средніе вѣка Европы попадали даже люди талантливые, стоявшіе во всѣхъ отношеніяхъ впереди своего вѣка, говоритъ, что «по самой сущности дѣло не только не удивительно, что вѣрили всѣмъ такимъ нелѣпостямъ, но напротивъ, было бы удивительно, если бы ихъ отвергали. Въ тѣ времена, какъ и во всѣ другія, все было цѣльно. Не только въ исторической литературѣ, но и во всѣхъ родахъ литературы, во всѣхъ ея предметахъ — въ наукѣ, законодательствѣ, — руководящимъ началомъ того времени было слѣпое легковѣріе, чуждое всякаго сомнѣнія. Отъ времени до времени появлялся великій человѣкъ, который не совсѣмъ раздѣлялъ всеобщіе предразсудки, который шопотомъ выражалъ сомнѣніе насчетъ существованія великановъ въ тридцать футовъ ростомъ, крылатыхъ драконовъ и армій летающихъ по воздуху, который думалъ, что астрологія, можетъ быть, обманъ, а некромантія надувательство, и даже доходилъ до того, что возбуждалъ вопросъ: дѣйствительно ли слѣдуетъ топить каждую колдунью и сжигать каждаго еретика. Такіе люди дѣйствительно изрѣдка появлялись, но ихъ

презирали, какъ пустыхъ теоретиковъ, пустыхъ мечтателей, кото-
рые, не зная практической стороны жизни, осмѣливаются дерзко про-
тивопоставлять свой собственный разумъ мудрости своихъ предковъ.
Въ томъ состояніи общества, въ которомъ люди эти родились, они
не могли найти прочнаго мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли
имъ было заботы о самихъ себѣ, о своей личной безопасности, ибо
до самыхъ послѣднихъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, не было
страны, гдѣ бы не подвергалась большой опасности личность чело-
вѣка, выражавшаго явное сомнѣніе насчетъ ходячихъ мнѣній своихъ
современниковъ».

Значительное распространеніе въ обществѣ школьнаго образова-
нія, болѣе близкое знакомство нашего общества съ идеями европей-
ской науки черезъ частыя сношенія съ Европою, и черезъ изученіе
этой науки людьми болѣе развитыми въ обществѣ, въ недавнее время
положили начало разумному направленію въ нашей наукѣ и литерату-
рѣ. Въ послѣднее время многочисленныя реформы, раскрывшія
обществу многія недостаточныя стороны прежняго быта, и тѣмъ са-
мымъ заставившія его внимательно вглядѣться въ жизнь обществен-
ную и разныя ея явленія, утвердили это направленіе. И есть всякое
основаніе думать, что наше общество, если не все, то въ части доста-
точно значительной, въ настоящее время пріобрѣло взглядъ на свои
потребности и нужды на столько разумный и сознательный, что легко
отличитъ знаніе для себя полезное отъ знанія пустаго и безплоднаго.
А въ этомъ заключается уже прочный залогъ, что ни наука, ни лите-
ратура никогда не повернутъ у насъ на прежнюю дорогу, по крайней
мѣрѣ, въ полномъ персоналѣ всѣхъ своихъ дѣятелей, не сдѣлаются
прислужницами пустоты, или забавы.

Но здѣсь я долженъ остановиться и сдѣлать небольшое отступле-
ніе. Въ то самое время, когда я сплеталъ лавровый вѣнокъ современ-
ной литературѣ и высказывалъ горячую вѣру въ ея будущее, — дѣй-
ствительность приготовила мнѣ нѣкоторое горькое разочарованіе...
на страницахъ «Русскаго Инвалида». Другой на моемъ мѣстѣ не об-
ратилъ бы, можетъ быть, никакого вниманія на мнѣніе «Русскаго
Инвалида», тѣмъ болѣе не почувствовалъ бы никакого разочаро-
ванія отъ мнѣнія «Русскаго Инвалида» въ данномъ случаѣ. Ибо рѣчь
ведется о цѣлой русской литературѣ, а «Русскій Инвалидъ» никакимъ
образомъ цѣлой литературы представлять не можетъ; даже часть въ
ней онъ составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ очень незначительную.
Что жъ можетъ значить то или другое его мнѣніе? Но у всякаго есть
свои воззрѣнія на разные органы литературы и свои пристрастія къ
извѣстнымъ органамъ, часто совершенно безотчетныя. Иногда га-
зетѣ, чтобы привлечь къ себѣ расположеніе читателя, вовсе ненужно

имѣть никакихъ особенныхъ блестящихъ достоинствъ, даже [illegible] не нужно имѣть достоинствъ слишкомъ обыкновенныхъ, а нужно избѣгать только извѣстнаго рода недостатковъ, нетерпимыхъ для читателя по извѣстному его особенному настроенію, или нужно разъ попасть на его вкусъ какою нибудь статьею, или показать извѣстный тактъ и выдержанность въ особенныхъ какихъ нибудь частныхъ случаяхъ и проч., и проч. Случайныхъ причинъ пристрастія читателя къ газетѣ можетъ быть безчисленное множество. Такое безотчетное для меня пристрастіе имѣю къ «Русскому Инвалиду» и я, и пристрастіе это доходитъ вотъ до чего: скажи то самое, что сказалъ теперь «Инвалидъ», и по поводу чего я пишу эту замѣтку, «Московскія Вѣдомости», — я не обратилъ бы на это никакого вниманія. Скажу болѣе: мнѣ было бы больно, если бы они сказали что нибудь другое. Это другое было бы фальшивою нотою въ общемъ строѣ ихъ музыки. Скажи то же самое «Голосъ», — это произвело бы во мнѣ только веселье. Потому что «Голосъ», какъ примѣчено всѣми, ведетъ себя очень, если позволено будетъ такъ выразиться, юмористически, и истиннаго его мнѣнія насчетъ разныхъ предметовъ труднаго для разумѣнія свойства не узнаетъ никто. Что онъ сегодня безпощадно утверждаетъ, то завтра столь же безпощадно, ни мало не обинуясь, отрицаетъ; къ чему онъ сегодня отнесся жестко, то завтра спѣшитъ умягчить елеемъ благоволенія на рану, которую причинилъ сегодня; онъ на другой день обильно изливаетъ бальзамъ исцѣленія. Скажи то же «Петербургскія Вѣдомости», я почувствовалъ бы досаду, впрочемъ никакъ не на редакторовъ ихъ. «Петербургскія Вѣдомости» представляютъ собою художественную выставку разныхъ россійскихъ литературныхъ знаменитостей, отчасти достоинства очень сомнительнаго, отчасти значительно устарѣвшихъ или сильно потерпѣвшихъ отъ времени; гдѣ редакторъ разъигрываетъ роль добродушнаго хозяина, сіяющаго восторгомъ отъ одного счастія быть въ средѣ такихъ знаменитостей. Когда знаменитости говорятъ глупости, хозяинъ не только не примѣчаетъ этого, но благоговѣйно преклоняетъ ухо и внимаетъ словесамъ ихъ вѣщанія... Такъ нѣкогда царица Савская слушала мудраго Соломона, такъ въ новѣйшее время общество любителей россійской словесности въ Москвѣ слушаетъ мудрыя рѣчи М. П. Погодина. Симпатіи читателя невольно располагаются въ пользу добродушнаго хозяина, хлопочущаго изо всѣхъ силъ о томъ, чтобы сдѣлать выставку какъ можно блестящѣе, и тѣмъ досаднѣе бываетъ смотрѣть, что она, вопреки его добрымъ намѣреніямъ и неусыпнымъ трудамъ, все-таки остается домомъ призрѣнія... Но то самое, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» меня вовсе не трогаетъ, въ «Голосѣ» только веселитъ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» вызываетъ чувство моей сострадатель-

вести, по словамъ, будучи напечатанными въ «Инвалидѣ», производитъ во мнѣ боль, раздраженіе, уязвленное. Отъ какихъ бы случайныхъ причинъ ни происходило мое пристрастіе къ «Инвалиду», но ясное дѣло, что въ основаніи его — этого пристрастія — лежитъ между прочимъ вѣра въ тактъ, въ выдержанность «Инвалида» въ извѣстныхъ случаяхъ.

Сказаннаго мною достаточно, чтобы читатель видѣлъ, почему мнѣніе какого нибудь «Инвалида» могло остановить на себѣ мое вниманіе и даже повергнуть меня на извѣстное время въ нѣкоторое разочарованіе среди блестящихъ моихъ надеждъ на нашу прессу. Приступаю къ изложенію этого мнѣнія.

Съ нынѣшняго года сталъ издаваться въ Петербургѣ — новый журналъ, «*Заграничный Вѣстникъ*» — журналъ иностранной литературы, науки и жизни. Въ объявленіи объ этомъ изданіи, публикованномъ въ газетахъ и приложенномъ къ первой вышедшей книжкѣ «Вѣстника», редакція его выясняетъ цѣль изданія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма естественно касается современнаго состоянія русской литературы. Объявленіе написано такъ умѣренно, такъ спокойно, и притомъ такъ мѣтко и правдиво обрисовываетъ современное положеніе нашей литературы, что намъ рѣдко случалось читать въ нашей литературѣ объявленія болѣе содержательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе безупречныя во всѣхъ отношеніяхъ. Правы ли мы, пусть судитъ самъ читатель. Объявленіе «Заграничнаго Вѣстника», о которомъ мы говоримъ, перепечатано вполнѣ въ отдѣлѣ библіографіи.

Но вотъ какое толкованіе къ этому объявленію дѣлаетъ «Русскій Инвалидъ» въ своей передовой статьѣ (№ 39).

«Редакція *Заграничнаго Вѣстника* прежде всего недовольна нынѣшнимъ состояніемъ русской литературы. Дѣйствительно, оно неудовлетворительно во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Мы и прежде слыхали вполнѣ справедливое мнѣніе, что наша литература лишена твердой научной основы, и вообще не опирается на близкое и точное знакомство съ предметами, которыхъ касается; мы и прежде слыхали не менѣе справедливое мнѣніе, что наша литература по неволѣ обращается въ литературу полусловъ и намековъ, которые не удовлетворяютъ, а только раздражаютъ умственныя потребности общества. Наши литературные дѣятели, — говоря о большинствѣ, — дѣйствительно мало подготовлены къ правильной оцѣнкѣ самыхъ живыхъ вопросовъ; дѣйствительно, многія причины, и внѣшнія, и внутреннія, мѣшали и мѣшаютъ нашей литературѣ сдѣлаться самостоятельнымъ и разумнымъ органомъ настоящихъ стремленій русскаго общества; но когда мы все это слышимъ отъ редакціи, которая въ первомъ же своемъ выпускѣ, въ одномъ изъ примѣчаній къ письму естество-испытателя Бертло къ пресловутому автору *Жизни Іисуса Христа* — Ренану, полемизируетъ противъ

перваго изъ нихъ за то, что онъ признаетъ свободную волю человѣка и допускаетъ «реальную безспорность фактовъ, существующихъ въ нашемъ сознаніи» и возвѣщаемыхъ нашею совѣстью, то мы по неволѣ начинаемъ сомнѣваться, такъ ли, какъ слѣдуетъ, и согласно ли съ нами понимаетъ она «настоящія стремленія русскаго общества» и «правильную оцѣнку самыхъ живыхъ вопросовъ». Сомнѣнію нѣтъ болѣе мѣста, когда мы далѣе узнаемъ изъ того же предисловія редакціи, что «много разочарованій постигло и наше общество и нашу литературу», и что «настоящее грустно, а будущее не привлекательно».

«Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые болѣзненно настроены, которые страдаютъ ничѣмъ неизлѣчимою меланхоліей и которые имѣютъ несчастіе въ своихъ чувствахъ и мысляхъ расходиться не только съ массою нашего народа, но и съ значительнымъ большинствомъ нашего образованнаго общества. Такого рода люди могутъ принадлежать къ одной изъ двухъ категорій. Это или люди отжившей и отживающей старины, искренно преданные духу прошедшаго времени и въ своемъ узкомъ и тупомъ, иногда даже въ своекорыстномъ консерватизмѣ, готовые проклинать всѣ нововведенія и преобразованія нашего времени, хотя бы эти преобразованія и заключали въ себѣ самыя существенныя и важныя улучшенія, и не ожидающіе отъ нихъ ничего для будущности Россіи кромѣ погибели. Нѣтъ возможности сочувствовать такому консерватизму, но есть возможность понять и объяснить его происхожденіе: все-таки онъ коренится въ дѣйствительности, хотя и прошедшей. Или же это мечтатели, утописты, не знающіе и не желающіе знать ни истинныхъ потребностей, ни истинныхъ условій окружающей ихъ дѣйствительности, живущіе въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ, говорящіе съ чужаго голоса, увлекающіеся чуждыми намъ идеями коренныхъ, радикальныхъ, всеобщихъ преобразованій, и потому пренебрегающіе всѣмъ, что совершилось въ дѣйствительности, всѣмъ, что возможно и въ самомъ дѣлѣ необходимо. Для нихъ наше настоящее, дѣйствительно, грустно, а будущее непривлекательно, потому что ихъ утопіямъ, которыя вездѣ несбыточны и которыя выхвачены ими изъ чужой жизни и чужаго мышленія, менѣе всего суждено осуществиться у насъ, въ Россіи».

Далѣе «Русскій Инвалидъ» начинаетъ доказывать, что человѣкъ благонамѣренный никакъ не можетъ назвать настоящаго грустнымъ и будущаго непривлекательнымъ, и утвердивъ эти мысли надлежащими доводами, оканчиваетъ свою статью слѣдующимъ заключеніемъ.

«Пусть же, между прочимъ, и редакція *Заграничнаго Вѣстника* не обманываетъ себя на счетъ «настоящихъ стремленій русскаго общества». Эти стремленія чужды всякой крайности, и направлены къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ. Огромное большинство русскаго общества, за одно со всѣмъ русскимъ народомъ, искренно благословляетъ настоящее время, сравнительно съ прошедшимъ, нисколько не отчаявается въ

будущемъ, и считаетъ злѣйшими своими врагами всякаго рода радикаловъ, какъ тѣхъ, которые искренни въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ и требованіяхъ, такъ и тѣхъ, которые только прикрываютъ ими свой тупой и своекорыстный консерватизмъ».

Прочитавъ громоносную статью «Русскаго Инвалида», мы пришли въ изумленіе прежде всего отъ ничтожности предмета, по поводу котораго учинена такая буря. Что въ самомъ дѣлѣ важнаго въ томъ, что кто-то, гдѣ-то сказалъ такую общую и незначущую фразу, что «настоящее грустно, будущее не привлекательно?» Фразу эту можно толковать на пятьдесятъ ладовъ и изъ нея нельзя вывести ничего опредѣленнаго, даже относительно образа мыслей сказавшаго ее. Какое же она можетъ имѣть значеніе для читателя? Мы думаемъ, что фразу: «настоящее грустно, будущее непривлекательно» можно повторить совершенно легально и безукоризненно, стоя вполнѣ на оффиціальной точкѣ зрѣнія, даже на точкѣ зрѣнія самаго «Русскаго Инвалида». Не повторяетъ ли оффиціальная пресса почти ежедневно, что правительство желало бы дать возможное развитіе общественной дѣятельности, но видитъ политическую незрѣлость общества для этого и даетъ только то, что можтъ дать сообразно съ развитіемъ общества въ данную минуту? Мысль эта отъ частаго повторенія сдѣлалась до того обыкновенною, что она проникла даже въ романы. Такъ эта мысль составляетъ основаніе романа г. Писемскаго: «*Взбаламученное море*» и повторяется у него чуть ли не на каждой страницѣ. Та же самая мысль блеститъ на страницахъ новаго романа «*Марево*», помѣщаемаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года. Герой этого романа, Русановъ, прямо говоритъ, что «молодые люди безсмысленными выходками добились до безпощадной реакціи. Вонъ и воскресныя школы закрыли, потому что тамъ коммунизмъ проповѣдывался; и читальни закрыли: тамъ тоже чортъ знаетъ что творилось... Ну, и на здоровье имъ, за чтожъ народу-то въ чужомъ пиру похмѣлье? — Послѣднія средства выйти изъ невѣжества отнимаются». Во всѣхъ сихъ и симъ подобныхъ заявленіяхъ, что говорится, если не то же самое, что «настоящее грустно, а будущее не привлекательно?» Не то же ли самое повторяетъ «Русскій Инвалидъ» даже въ томъ самомъ № и даже въ той самой статьѣ, въ которой онъ ратуетъ противъ объявленія «Заграничнаго Вѣстника»? Доказавъ «Заграничному Вѣстнику» самыми блестящими соображеніями, что настоящее наше не грустно и будущее привлекательно, «Руcкій Инвалидъ» вслѣдъ за этимъ говоритъ вдругъ совершенно неожиданно: «впрочемъ, мы не скрываемъ отъ себя, что настоящее во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно». Но что же значитъ эта фраза, если не то же самое,

что настоящее во многихъ отношеніяхъ грустно?—«Но допуская,— продолжаетъ «Инвалидъ» вслѣдъ за приведенною нами фразою,—что многое и очень многое у насъ впереди, мы *твердо увѣрены*, что это многое будетъ достигнуто и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе само общество съумѣетъ оцѣнить то, что имѣетъ, и воспользуется тѣмъ, что ему даровано, и чѣмъ менѣе крайнія стремленія и крайнія требованія будутъ находить въ немъ сочувствіе». «Ну, вотъ видите ли — могъ бы сказать «Инвалиду» «Заграничный Вѣстникъ»,—и будущее рисуется вами самими не совсѣмъ въ привлекательномъ видѣ. Сами вы говорите, что оно можетъ быть хорошо только подъ разными условіями, если общество съумѣетъ оцѣнить, съумѣетъ воспользоваться, и проч. А съумѣетъ ли оно сдѣлать то и другое и третье?—Вы смотрите свѣтлѣе на жизнь и говорите, что твердо увѣрены въ этомъ,—а я характера нѣсколько мрачнаго—и по прошедшему, розовымъ мечтамъ предаваться не могу».

Мнѣ могутъ замѣтить, что я говорю неискренно, утаиваю истинную мысль автора объявленія и стараюсь вложить въ слова его другой, благопріятный смыслъ, котораго вовсе онъ не имѣлъ. Положимъ, что и такъ, положимъ, что авторъ принадлежитъ къ числу радикаловъ, какъ догадывается «Инвалидъ», и фраза его, что «настоящее грустно, а будущее непривлекательно», есть свидѣтельство его радикальнаго образа мыслей. Но какъ по такой общей и ничего незначущей фразѣ опредѣлять ширину и высоту его радикализма? Какъ понять, чѣмъ именно недоволенъ радикалъ, писавшій объявленіе, въ настоящемъ и чего онъ желаетъ въ будущемъ?—Самое слово: радикалъ взято на прокатъ изъ заграничной жизни и по отношенію къ русской жизни совершенно безсмысленно и если можетъ быть употребляемо, то развѣ только въ юмористическомъ смыслѣ. У насъ нѣтъ не только соотвѣтствующаго этому слову предмета, но даже понятія. Пусть найдется хотя одинъ смертный, будь онъ даже семи пядей во лбу, который понялъ бы, что мы называемъ радикализмомъ и въ обыденной жизни, и въ литературѣ! Слово это получило въ настоящее время такой же, если можно такъ выразиться, безсмысленный и тягучій смыслъ, какой во время оно имѣло у насъ слово *нравственность*. Чтобы очернить какого нибудь человѣка или бросить на него по крайней мѣрѣ тѣнь, прежде надобно было сказать, что этотъ человѣкъ безнравственный, — и тогда всякій соглашался, что этотъ человѣкъ худой, не входя ни въ какія дальнѣйшія изысканія о томъ, въ чемъ состоитъ его безнравственность. Отъ этого вышло то, что, по словамъ ядовитаго господина у Гоголя, «нравственность всякій сталъ мѣрять относительно себя. Одинъ называлъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называлъ нравственностью смо-

трѣніе сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ [illegible]-ственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Такъ точно въ настоящее время, чтобы очернить человѣка въ глазахъ почтенныхъ людей или бросить на него тѣнь, нужно назвать его радикаломъ. А что такое радикалъ по русскому словоупотребленію, подите, поучайте. Вы носите длинные волосы, — радикалъ; вы надѣли поддевку и красную рубашку, — радикалъ; вы рукоплещете отъ удовольствія, положимъ, на диспутѣ, — радикалъ; вы сидите молча въ обществѣ и смотрите непривѣтливо, слушая глупую болтовню чиновниковъ, — радикалъ; вы начинаете говорить вещи самыя обыкновенныя и до того законныя, что, порывшись, къ нимъ можно было бы пріискать цитаты изъ Свода Законовъ, — но вы къ несчастію заговорили эти вещи передъ людьми, которые ни о чемъ не привыкли мыслить, а между тѣмъ болтаютъ о радикализмѣ, либерализмѣ, и т. п., — и вы опять радикалъ. Однимъ словомъ, будучи самымъ обыкновеннымъ гражданиномъ, даже простымъ обывателемъ, неимѣющимъ ни охоты, ни малѣйшаго поползновенія заниматься никакими политическими мыслями, — вы при случаѣ легко можете прослыть радикаломъ по одеждѣ, по вашему молчанію, по вашему совершенно невинному разговору, даже по привѣтливости или непривѣтливости вашей физіономіи. Ибо, какъ скоро обществу говорятъ, что въ немъ есть радикалы, то у него является естественное желаніе выяснить себѣ этихъ радикаловъ, опредѣлить, что они такое, отыскать ихъ среди себя, хотя бы просто только для удовлетворенія любопытства, что, дескать, это за звѣри. Но такъ какъ у него нѣтъ никакого опредѣленнаго понятія о радикалахъ, и самыхъ радикаловъ вовсе не существуетъ, то начинается игра въ жмурки. Радикализмъ начинаютъ искать во всякомъ внѣшнемъ, самомъ пустомъ отличіи одного человѣка отъ другаго; многимъ становится

«Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напитанъ—
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ.
Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный, —
Явно дьявольскія клейма!
Духъ сомнѣнія зловредный!»

Въ то же самое время, когда общество разыскиваетъ среди себя радикаловъ, литература еще съ большимъ тщаніемъ, чѣмъ общество, ищетъ ихъ въ своей средѣ; ибо здѣсь и долженъ особенно отражаться радикализмъ, если таковый есть. Но такъ какъ его не находится и здѣсь, — то разыскиваніе обращается въ разнюхиванье: начинается

отыскиваніе, наскокомъ на мысль, на основаніи общихъ и ничего незначущихъ и неопредѣленныхъ фразъ, однимъ словомъ, начинается травля. Въ радикализмѣ стали наконецъ обвинять или заподозрѣвать гуртомъ цѣлые города, какъ недавно заподозрила Петербургъ одна Московская газета. Хорошо, что Петербургъ не сробѣлъ и далъ сдачи. Посредствомъ одного литературнаго Петербургскаго органа онъ съ своей стороны заподозрилъ въ коммунизмѣ даже Московское славянофильство! Вотъ до какой бессмыслицы можетъ доходить дѣло!

Мы высказываемъ всѣ эти соображенія по поводу статьи напечатанной въ «Инвалидѣ», но это только потому, что такъ пришлось; собственно мы имѣемъ въ виду не «Инвалидъ», въ которомъ статья, нами разбираемая — случайность, диссонансъ, тѣмъ непріятнѣе подѣйствовавшій на насъ, чѣмъ менѣе мы ожидали встрѣтить его въ этомъ оффиціальномъ органѣ, дѣйствующемъ въ подобныхъ случаяхъ съ приличіемъ и тактомъ. Мы имѣемъ въ виду другіе органы нашей литературы, гдѣ образъ дѣйствія, о которомъ мы говоримъ, т. е. отыскиваніе радикализма въ чужихъ сочиненіяхъ вошелъ въ плоть и кровь, сдѣлался обычнымъ пріемомъ при разсмотрѣніи всѣхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, начавъ говорить о статьѣ «Инвалида», мы скажемъ все, что о ней думаемъ, и доведемъ нашу рѣчь до конца.

Самъ «Инвалидъ» чувствовалъ, что въ словахъ «настоящее грустно, будущее непривлекательно» не содержится никакой почти опредѣленной мысли, по которой бы было можно судить объ образѣ мыслей автора. Поэтому, чтобы дать имъ опредѣленный, желаемый смыслъ, «Инвалидъ» приводитъ примѣчаніе, сдѣланное редакціею «Заграничнаго Вѣстника» къ письму Бертло, утверждая прямо, что редакція полемизируетъ съ *Бертло* за то будто бы, что онъ признаетъ свободу человѣка и допускаетъ реальную безспорность фактовъ существующихъ въ нашемъ сознаніи. На повѣрку выходитъ, что редакція «Заграничнаго Вѣстника» полемизируетъ съ Бертло вовсе не за признаніе имъ свободы.

Бертло говоритъ, что науки нравственныя, какъ и науки естественныя, станутъ на твердое основаніе только тогде, когда они будутъ возведены методомъ точнаго наблюденія, безъ всякихъ апріорическихъ выводовъ. «Утвердивъ, говоритъ онъ далѣе, нравственныя истины на прочномъ основаніи практическаго разума, Кантъ придалъ имъ въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ истинную основу и ихъ окончательную форму. Сознаніе добра и зла есть первобытный фактъ человѣческой природы; то же можно сказать о свободѣ. Отвлеченный споръ, столько времени длившійся между фатализмомъ и свободой, не можетъ имѣть болѣе мѣста. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ

свободенъ; никакое разсужденіе не можетъ поколебать этого факта. Вотъ нѣкоторыя главныя завоеванія новой науки»..

Редакція «Заграничнаго Вѣстника» замѣчаетъ, что когда дѣло идетъ о точности наблюденія, то ни единичныя показанія какого бы то ни было внѣшняго чувства, ни показанія чувства внутренняго не могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ несомнѣнности факта въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, какъ онъ принимается чувствомъ. Тѣ и другія должны провѣряться соотвѣтствующими показаніями изъ однородныхъ съ ними группъ, причемъ факты, получаемые прямо изъ нашего сознанія, должны быть соображаемы и сличаемы съ фактами, получаемыми изъ безспорнаго наблюденія надъ внѣшнимъ міромъ..

Вотъ вся сущность замѣчанія, сдѣланнаго редакціей «Заграничнаго Вѣстника». Прочитавъ его, всякій согласится, что только путемъ такого строгаго и всесторонняго наблюденія и можетъ быть доказана несомнѣнность прямыхъ фактовъ сознанія, и только тогда онѣ могутъ лечь въ основаніе новой *положительной* науки о душѣ.

Гдѣ жъ тутъ отрицаніе свободы? Тутъ только указаніе на недостатокъ доказательности и на противорѣчіе Берліо тому самому методу, который онъ признаетъ единственно плодотворнымъ въ разработкѣ науки о душѣ и вообще наукъ моральныхъ. Если положительная наука о душѣ начнется съ признанія аксіоматической безспорности фактовъ, существующихъ въ сознаніи, безъ провѣрки этой безспорности точными наблюденіями, то она точно также окажется привязанною ни къ чему. Надобно или вовсе отказаться отъ положительной науки, довольствуясь ментальнымъ всезнаніемъ спекулятивнаго созерцанія, или, признавши ее, надобно покориться вполнѣ неумолимымъ ея требованіямъ. Однимъ словомъ, въ примѣчаніи, сдѣланномъ редакціею «Заграничнаго Вѣстника», мы видимъ примѣчаніе ученаго, который хлопочетъ о точности логическаго пріема въ способѣ доказательства, нисколько не заботясь о томъ, какой посредствомъ этого пріема получится выводъ. Тутъ нѣтъ не только отрицанія свободы, нѣтъ и намека на что либо подобное. И мы удивляемся, какъ авторъ статьи въ «Инвалидѣ» могъ дойти до подобнаго пониманія примѣчанія.

Такимъ образомъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, оказывается, что по мысли, въ которой ничего опредѣленнаго не содержится, «Русскій Инвалидъ» заподозрилъ въ редакторѣ «Загранич. Вѣст.», совершенно не зная его, — какъ говоритъ самъ «Русскій Инвалидъ», — раціоналиста, утописта, мечтателя, который не знаетъ и не желаетъ знать ни истинныхъ потребностей, ни истинныхъ условій окружающей его дѣйствительности, витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ, говоритъ съ чужаго голоса, увлекается чуждыми намъ идеями [illegible], радикаль-

ныхъ, всеобщихъ преобразованій, а потому пренебрегаетъ всѣмъ, что совершается въ дѣйствительности; всѣмъ, что возможно и въ самомъ дѣлѣ необходимо». Но и этимъ «Русскій Инвалидъ» не ограничился. Восхитивъ себѣ право говорить отъ лица всего образованнаго общества, даже отъ лица русскаго народа, онъ наговорилъ редактору «Заграничнаго Вѣстника» весьма много не лестнаго и въ заключеніе назвалъ его—horribile dictu! — злѣйшимъ врагомъ русскаго общества и даже всего русскаго народа!

Намъ случалось и случается читать въ русской литературѣ очень много рѣзкаго; мы и сами (признаемся откровенно въ этомъ), при всей нашей скромности, не всегда отличаемся увѣренностію и спокойствіемъ, когда говоримъ съ нашими противниками; — при всемъ томъ не можемъ не сказать, что въ этомъ случаѣ увлеченіе зашло слишкомъ далеко... далѣе всякихъ границъ. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что статья «Русскаго Инвалида» встрѣтила возраженіе въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» со стороны самой редакціи, и отъ г. К. Арсеньева. Оказалось однакожь то, что мы и ожидали. Ко мнѣ сейчасъ принесли 43 № «Русскаго Инвалида», въ которомъ содержится отвѣтъ на эти статьи. Изъ отвѣта видно, что въ мнѣніяхъ «Русскаго Инвалида» не произошло никакого существеннаго ни переворота, ни поворота, и что статья, которую мы разсматриваемъ, есть случайность въ немъ.

Г. К. Арсеньевъ, который, подобно намъ, думалъ, что въ статьѣ «Инвалида» редакторъ «Заграничнаго Вѣстника» называется непримиримымъ врагомъ общества, «Русскій Инвалидъ» отвѣчаетъ: «ничего подобнаго безпристрастный читатель не найдетъ въ нашей статьѣ. Мы никого не объявляли врагомъ общества. Мы отнюдь не имѣли въ виду и не признаемъ за собою права обвинять въ чемъ ли подобномъ редактора «Заграничнаго Вѣстника».

«Петербургскимъ Вѣдомостямъ», понявшимъ статью «Русскаго Инвалида» такимъ образомъ, что она «требуетъ, чтобы люди, получившіе высшее научное образованіе, непремѣнно сходились въ мнѣніяхъ съ простымъ народомъ, съ большинствомъ образованнаго общества» — (такъ поняли было, къ сожалѣнію, статью и мы) «Русскій Инвалидъ» отвѣчаетъ: «прежде всего мы ничего *не требуемъ* (курсивъ въ подлинникѣ), и полагаемъ, что и вообще въ области мнѣній, въ области мысли и чувства были бы неумѣстны какія бы то ни было требованія, иначе, какъ во имя самого же разума. Мы идемъ далѣе и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что и въ дѣлѣ публичнаго заявленія мнѣній, напримѣръ путемъ печати, какъ нельзя болѣе желателенъ возможно большій просторъ, хотя бы эти мнѣнія и расходились съ мнѣніями народа и общества...: Мы отнюдь *не требуемъ*, чтобы люди, получившіе высшее научное образованіе, сходились въ

мнѣніяхъ не только съ простымъ народомъ, — подобное требованіе и даже желаніе, взятое безъ всякаго ограниченія относительно предмета мнѣній, было бы крайней степенью нелѣпости—не даже и съ значительнымъ большинствомъ образованнаго общества. Никогда нельзя требовать, даже нельзя и желать, чтобы всѣ мнѣнія обо всѣхъ возможныхъ предметахъ, подходили подъ одинъ уровень, хотя бы то былъ и уровень, на которомъ стоитъ большинство образованнаго общества».

Послѣ такого заявленія, сдѣланнаго просвѣщенною редакціей «Русскаго Инвалида», намъ оставалось бы покончить всякую полемику съ ней, если бы она въ слѣдующихъ, немедленно за приведеннымъ нами отрывкомъ словахъ, не бросила нѣсколько иного свѣта на все сказанное ею доселѣ. . . . .

«Но всему,—говоритъ она, есть границы. И есть народныя вѣрованія, убѣжденія и чувства, не раздѣляя которыхъ, нельзя принадлежать къ своему народу, и нельзя быть полезнымъ дѣятелемъ въ средѣ его, что мы почитаемъ истиннымъ несчастіемъ, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной степени, и для самаго народа». . . . . .

Мы понимаемъ очень хорошо, что для всякаго народа составляетъ великое неудобство такой порядокъ развитія, когда одна, можетъ быть, тысячная часть его стоитъ въ своихъ понятіяхъ въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки, а остальные милліоны массъ не знаютъ даже грамотѣ. Но это дѣло исторіи—и поворотить его никакимъ образомъ нельзя преподаніемъ такого совѣта людямъ образованнымъ, чтобы они раздѣляли убѣжденія и чувства народа. Это не зависитъ отъ воли людей образованныхъ. Образованіе именно и имѣетъ то отличительное свойство, что одни и тѣ же убѣжденія и чувства въ человѣкѣ образованномъ отражаются совершенно иначе, чѣмъ въ человѣкѣ необразованномъ. Образованное общество временъ Іоанна Грознаго имѣло многія убѣжденія и чувства тѣ же самыя, какія имѣетъ и современное общество, но отношеніе къ нимъ было въ томъ обществѣ совершенно другое, чѣмъ теперь. Такъ точно въ настоящее время многія убѣжденія и чувства общи и народу и образованнымъ людямъ, и повидимому они одни и тѣ же, но въ сущности онѣ отличаются другъ отъ друга, какъ небо и земля — и если человѣкъ дѣйствительно образованный заявляетъ, что онъ имѣетъ совершенно одинаковыя убѣжденія и чувства съ народомъ, то есть всякое основаніе думать, что ему или не случилось внимательно анализировать и провѣрить этой одинаковости, или онъ говоритъ неискренно. Единственное средство сплотиться съ народомъ во едино—это обобщить въ немъ образованіе и смотрѣть на него, не какъ на недорослое дитя, а какъ на такого же совершеннолѣт-

наго и полноправнаго члена общества, какъ и вы. Съ той самой минуты, какъ вы искренно рѣшитесь на это, распадутся всѣ мнимыя преграды, раздѣляющія васъ съ народомъ и сдѣлаются не примѣтными различія вашихъ съ нимъ убѣжденій, чувствъ. Есть одна великая связь, прочно сплачивающая каждый одноплеменный народъ въ одно цѣлое, безъ всякихъ попечительныхъ стараній о немъ извнѣ, — это геній, духъ народа. Химики отыскали теперь болѣе шестидесяти основныхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется вещество; можетъ быть, такое же множество элементовъ отыскали бы и мы въ этомъ духѣ, если бы имѣли возможность подвергнуть его разложенію. Но они для насъ неуловимы. Поэтому, начиная разсуждать о духѣ народномъ, мы беремъ одни внѣшнія, общія формы проявленія духа народнаго, не размышляя о томъ, что эти формы выработаны не нимъ самимъ, и что намъ не извѣстно, на сколько эти формы соотвѣтствуютъ его внутреннему содержанію. Въ образованіи духа народнаго участвуетъ безчисленное множество дѣятелей; здѣсь, конечно, есть и вѣрованія, и убѣжденія, и чувства, — но все это не въ томъ оффиціальномъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать. Вѣрованія раскольника другія, чѣмъ вѣрованія православнаго; но раскольникъ несомнѣнно также русскій на душѣ, какъ и православный. У Базарова убѣжденія были діаметрально противоположны убѣжденіямъ народа; но это не мѣшало народу видѣть въ немъ русскаго, гораздо болѣе близкаго къ себѣ, чѣмъ въ Кирсановѣ и другихъ ему подобныхъ, такъ что Базаровъ могъ съ гордостію сказать послѣднему: «спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ, — въ васъ или во мнѣ они скорѣе признаютъ соотечественника. Вы и говорить-то съ ними не умѣете». А «Русскій Инвалидъ» взялъ изъ «Заграничнаго Вѣстника» двѣ ничтожныя фразы и говоритъ, что подобныя мнѣнія могутъ раздѣлять его съ народомъ. Когда мы начинаемъ судить о народѣ, мы всегда переносимъ на него собственныя расположенія и стремленія. У народа нѣтъ еще деморализаціи мысли; онъ не подозрѣваетъ, чтобы можно было сдѣлаться послѣдователемъ какого нибудь мнѣнія, не имѣя внутренняго убѣжденія въ его истинности; оттого, будучи въ высшей степени консервативенъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени терпимъ ко всякому держащемуся инаковаго съ нимъ образа мыслей. Чтобы вывести его изъ этой терпимости, надобно употребить внѣшніе стимулы, увѣрить его, напримѣръ, что думающій съ нимъ инаково посягаетъ на его благосостояніе и т. п. Такимъ образомъ, геній народа можетъ сплачивать въ одно нераздѣльное цѣлое всѣ вѣрованія, убѣжденія, чувства. Граница, за которою прекращается его дѣйствіе и которой онъ уничтожить не можетъ, — это искусственная привилегированность. Если вы говорите и дѣйствуете

съ мужикомъ такимъ образомъ, что даете ему чувствовать, что онъ мужикъ, а не баринъ,—то здѣсь прекращается ваша внутренняя связь съ нимъ,—и какъ бы вы близко ни подходили къ нему вашими убѣжденіями, вѣрованіями, чувствами,—онъ не признаетъ васъ за своего.

Все это показываетъ, какъ трудно говорить отъ лица народа. Обращаемся теперь къ прежней нашей рѣчи.

Мы сказали, что въ настоящее время общество въ значительной части своей на столько развилось, что легко отличить знаніе для себя полезное отъ знанія тусклаго и безплоднаго, и что вслѣдствіе того науки и литература стали на такое прочное основаніе, что никогда не поворотитъ на прежнюю дорогу, по крайней мѣрѣ въ лицѣ всѣхъ своихъ дѣятелей не сдѣлаются проводниками пустоты, или забавы.

Въ этомъ есть уже много утѣшительнаго. Ибо есть великая надежда думать, что при дружномъ распространеніи просвѣтительныхъ идей разныхъ наукъ въ обществѣ цивилизація низшего общества пойдетъ гораздо быстрѣе, не такъ, какъ плелась она доселѣ. Но все-таки и теперь быстрота хода нашего образованія будетъ зависѣть отъ внѣшняго содѣйствія ему.

При этой однородности элементовъ, изъ которыхъ сложилось наше общество, у насъ, включительно до Петра Великаго, существовало такое тожество понятій, вѣрованій, вкусовъ, образа жизни, что самый образованнѣйшій классъ общества отличался отъ другихъ только тѣмъ, что у него было больше за столомъ поклоновъ и больше перемѣнъ платья. При обиліи земли, ограниченности потребностей, самодовольной азіатской невѣжественности и лѣни не было рѣшительно никакихъ стимуловъ къ пріобрѣтенію знанія. Не будь Петра, который нашелъ необходимымъ въ такую богатую квашню, какъ Россія, бросить иноземную закваску, чтобы получить хорошій хлѣбъ,—мы, можетъ быть, пребыли бы еще нѣсколько вѣковъ въ томъ же снѣ, въ какомъ пребывали до него. И разсматривая дѣло съ этой стороны, нельзя не признать въ Петрѣ истиннаго просвѣтителя Россіи, не смотря на безчисленныя ошибки его и даже на уродованіе Россіи, по части преобразованій административныхъ, судебныхъ и т. п. Конечно, многіе, въ особенности славянофилы, твердо держатся тѣхъ мыслей, что народъ и безъ Петра скоро развился бы и понялъ бы потребность просвѣщенія. Но... это бабушка сказала еще на двое. Китай стоитъ же вотъ безчисленные сотни лѣтъ съ своимъ неподвижнымъ образованіемъ. Если бы русскій народъ находился въ такомъ же и постоянномъ соприкосновеніи съ иностранцами, въ какомъ былъ Новгородъ въ свое цвѣтущее время, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ могъ бы развиться очень быстро. Но уже Петръ самую упорную борьбу съ невѣжествомъ

[illegible] былъ выдержанъ именно за сближеніе съ иностранцами. Правда, было одно враждебное начало въ обществѣ, явившееся задолго до Петра, которое заставляло въ извѣстной мѣрѣ чувствовать потребность въ свѣтѣ и отчасти искать его. Мы говоримъ объ обрядовыхъ разногласіяхъ въ церкви. Они послужили побужденіемъ къ учрежденію книгопечатнаго дѣла въ Россіи. Споры о правильности новонапечатанныхъ тогда книгъ заставляли нѣкоторыхъ изъ нашихъ патріарховъ держать при дворѣ своемъ людей болѣе или менѣе знакомыхъ съ теологическою литературою и греческимъ языкомъ. Наконецъ съ появленіемъ раскола сознана необходимость въ заведеніи училищъ и открыто заиконоспасское училище или славяно-греко-латинская академія. Почувствовалась нужда въ полемической теологической литературѣ для борьбы съ раскольниками, которая дѣйствительно и явилась. Всѣ эти начатки, прекрасные въ намѣреніи, на дѣлѣ являлись очень неудовлетворительными отъ разныхъ препятствій и мало могли служить даже для того дѣла, для котораго они предназначались, тѣмъ болѣе для дѣла цивилизаціи. Кіево-могилянская академія просуществовала до Петра столѣтіе почти безъ всякаго вліянія на общество. Московская греко-латинская академія была жалкимъ сколкомъ съ нея. И до какой степени послѣ появленія и дѣйствія раскола мало почувствована была даже нашимъ высшимъ духовенствомъ мысль о необходимости просвѣщенія, показываетъ исторія Петра. Не смотря на всѣ его усилія привить науку и распространять всюду училища, онъ нашелъ себѣ не много помощниковъ въ духовенствѣ. Не дѣйствовали ни указы, ни регламенты, никакія строгости.

Ясно, что при такомъ глубокомъ нашемъ умственномъ застоѣ, при отсутствіи всякихъ въ обществѣ стимуловъ выйти изъ своего многовѣковаго сна, мы могли быть выведены изъ него только сильною рукою правительства. Вотъ почему, чѣмъ болѣе будетъ просвѣщаться русскій народъ, чѣмъ яснѣе и глубже будетъ разработываться исторія его прошедшаго; тѣмъ болѣе будетъ возрастать его благоговѣніе къ памяти всѣхъ тѣхъ государей, которые искренно заботились о его развитіи, каковы были Петръ Великій, Екатерина II, въ особенности Александръ Благословенный. Говоря это, мы ни мало не забываемъ о тѣхъ ошибкахъ, которыя въ общемъ ходѣ дѣлъ и различныхъ мѣропріятіяхъ того времени усматриваетъ уже и настоящее, и которыя еще болѣе и яснѣе будутъ раскрываться передъ послѣдующими поколѣніями. Но всякое зло въ исторической жизни народовъ только относительное зло, ибо каждое рано или поздно врачуется временемъ.— «Дѣйствія дурныхъ людей, говоритъ Бокль, производятъ зло только временное, дѣйствіе хорошихъ—добро только временное, и зло и добро

уходятъ въ бездну, всплываютъ порою, при послѣдующихъ поколѣніяхъ, и наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ при беспрерывномъ движеніи дальнѣйшихъ вѣковъ. Даже колоссальныя злодѣянія Александра или Наполеона дѣлаются по прошествіи нѣкотораго времени уже менѣе ощутительны, и дѣла міра возвращаются къ прежнему своему уровню. «Одно и только никогда не погибаетъ,—это открытія великихъ людей. Только они сохраняются; имъ однѣмъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ; они для всѣхъ вѣковъ—имъ нѣтъ конца; неся въ себѣ зародыши своей жизни, они не бываютъ ни молоды, ни стары; они текутъ вѣчнымъ, неиссякаемымъ потокомъ; они, по существу своему, чрезвычайно плодовиты, давая сами изъ себя отростки для тѣхъ приращеній, которыя дѣлаются со временемъ, они вліяютъ такимъ образомъ на самое отдаленное потомство, и по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ проявляютъ еще большую силу, чѣмъ въ самый моментъ возникновенія». Мы почти доживаемъ до того времени, когда благосостояніе всякаго государства и общества будутъ находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ суммою владѣемыхъ ими знаній и съ равномѣрнымъ распространеніемъ этихъ знаній во всѣхъ классахъ общества, и придетъ время, когда заслуги всѣхъ вообще государственныхъ дѣятелей будутъ измѣряться исключительно тѣмъ или другимъ ихъ отношеніемъ къ распространенію того знанія, которое способствуетъ цивилизаціи обществъ и народовъ.

Намъ смѣшно слышать даже въ настоящее время, когда нѣкоторые, *яко бы* благожелатели просвѣщенія русскаго народа, говорятъ болѣзнуя о благѣ народа: зачѣмъ *насильно* распространять просвѣщеніе въ народѣ? Зачѣмъ насиловать его свободу? Зачѣмъ тратить на это податныя деньги, когда у насъ и безъ того такъ много потребностей? Поставьте дѣло просвѣщенія такъ же, какъ оно поставлено въ Англіи. Пусть народъ пользуется самой широкой свободой учить или не учить своихъ дѣтей, основываетъ школы или нѣтъ,—пусть онъ все это дѣлаетъ на свои средства,—а вы только наблюдайте (хоть этого и нѣтъ въ Англіи) за благонадежностью учителей и за тѣмъ, чему онъ будетъ учиться. Плату за ученіе въ среднихъ и высшихъ школахъ возвысьте, ибо чѣмъ дороже будетъ плата, тѣмъ народъ больше будетъ уважать образованіе,—а ergo и сильнѣе будетъ къ нему стремиться». Гм! Англія!—Но во первыхъ, все это не совсѣмъ и похоже и на Англію; а во вторыхъ, Англія поставлена въ отношеніи къ распространенію знанія еще въ благопріятнѣйшія условія, чѣмъ всѣ другія европейскія государства. Оставить же нашъ народъ безъ попеченія о его образованіи, значитъ, предоставить это дѣло чисто дѣлу случая даже *въ настоящее время*.

Но въ настоящее время все-таки образованіе достаточно распростра-

нено въ нѣкоторыхъ классахъ общества, кромѣ того въ настоящее время все-таки есть такъ или иначе организованная система училищъ, доступныхъ для извѣстныхъ классовъ общества. Однимъ словомъ, въ настоящее время образованіе стало на такую ногу, что въ цѣломъ народѣ затереться, уничтожиться не можетъ, но можетъ низойти на степень одной грамотности. И поэтому, если бы простой народъ остался безъ училищъ, если бы образованіе его было предоставлено дѣлу случая, — все-таки оставалась бы надежда, что хотя путемъ очень медленнымъ и длиннымъ, положимъ черезъ сотню, даже болѣе лѣтъ, образованіе можетъ привиться къ нему отъ стоящихъ выше его классовъ.

Но намъ становится страшно, когда мы слышимъ людей, которые, становясь въ эпоху до-Екатерининскую, иногда даже до-Петровскую, говорятъ, что напрасно правительство вмѣшивалось въ дѣло народнаго образованія, напрасно хлопотало объ училищахъ, что этимъ оно только повредило *самобытному* развитію образованія... Недавно г. Сухомлиновъ, осматривавшій, какъ видно изъ его статьи, помѣщенной въ 1-мъ № «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», архивы прежнихъ училищъ Черниговской губерніи, пришелъ къ тому заключенію, что организація народныхъ училищъ, введенная при Екатеринѣ, только помѣшала прежнему, будто бы сильно распространенному образованію въ бывшей такъ называвшейся тогда малороссійской Черниговской губерніи, — такъ какъ въ этой губерніи, раздѣленной на 9 полковъ, только въ двухъ полкахъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, было въ концѣ прошлаго года около 370 школъ, какъ видно изъ сохранившихся доселѣ ревизскихъ полковыхъ книгъ.

Что же это были за школы?

Въ «вѣдомости о состояніи малороссійской мѣстности города Янполя и присутствующихъ къ нему селъ и деревень», говорится: «городъ Янполь—ограда деревянная ветхая и во многихъ мѣстахъ обвалилась, а съ сѣверной стороны и стѣнъ не имѣется, о шести проѣздахъ, въ томъ числѣ три башни недостроены верховъ, съ проѣздами безъ воротъ. Въ томъ городѣ церквей. Первая соборная, Покровъ: при *той церкви* дворовъ жилыхъ: поповскій одинъ, діаконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, *школа одна*. Вторая — Преображенія Господня: *при ней* дворовъ поповскихъ три, въ томъ числѣ пустой одинъ, дьяконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, *школа одна*. Третья церковь св. Георгія: при ней дворовъ поповскихъ два, *школа одна*... Село Орловка, церковь Рождество Пресвятыя Богородицы; дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна*, подданическихъ жилыхъ двадцать девять» и проч.

Изъ этого г. Сухомлиновъ справедливо заключаетъ, что школы находились обыкновенно при церквахъ.

Кто и чему обучалъ въ этихъ школахъ?

По учрежденіи новыхъ училищъ, смотритель новой нѣжинской городовой школы въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія доносилъ: «дьячковскія школы я всѣ осмотрѣлъ; въ оныхъ обучаютъ по старинному методу букварю, часовнику, псалтырю и писать. У соборнаго дьячка 30 учениковъ; у пономаря той же церкви 7; ученицъ 5; у преображенскаго дьячка 8, у мѣщанина 16; у дьячихи 5; ученицъ 6; у богоявленскаго дьячка 22, у воздвиженскаго дьячка 11, у старовѣрнаго майстра 6; ученицъ 5». Всего 121, слѣдовательно, говоритъ съ самодовольствіемъ г. Сухомлиновъ, — вдвое болѣе, нежели учащихся въ оффиціальномъ городскомъ училищѣ; да сверхъ того по показанію смотрителя «обучаютъ еще монахи, монахини и различнаго состоянія лица». Въ Ромнѣ въ оффиціальной школѣ считалось 72 учащихся, и у частныхъ наставниковъ 80 изъ всѣхъ сословій: дворянъ, купцовъ, казаковъ и т. д. Сверхъ того были школы при церквахъ. Обученіемъ дѣтей занимались: два дьякона, одинъ корнетъ, одинъ козакъ въ званіи подьячего, одна вдова казачка и другіе. «Касательно предметовъ преподаванія — говоритъ современное свидѣтельство — всѣ оные содержатели учатъ старинымъ обычаемъ, несходнымъ съ нынѣшнимъ методомъ, по книгамъ, называемымъ: граматки (букварь церковной печати съ частію сокращеннаго катихизиса), часословъ, псалтырь и писать, безъ всякаго порядка въ ученіи, раздѣленія учениковъ на сорты по знаніямъ, и безъ малѣйшаго изъясненія уроковъ, отчего нѣкоторые изъ учениковъ ихъ, оканчивая псалтирь и продолжая писать, не разумѣютъ даже и тройныхъ складовъ, да и самые ихъ учители также искусны въ складахъ».

Читатель видитъ, что это были за школы. Со времени введенія въ Россіи христіанства не было времени, когда бы этихъ школъ не существовало въ Россіи, ибо они служили приготовительными заведеніями для всѣхъ искателей священства. Еще Геннадій архіепископъ Новгородскій жаловался на безсмысленность мастеровъ, занимавшихся въ нихъ преподаваніемъ, и заявлялъ нужду объ основаніи дѣйствительныхъ училищъ. Въ прошедшемъ столѣтіи школы эти оставались въ томъ же самомъ видѣ и съ такими же учителями. Самъ г. Сухомлиновъ приводитъ свидѣтельство одного Черниговскаго епископа, который въ 1729 году писалъ о своемъ духовенствѣ: «изъ духовныхъ лицъ иные позабывали грамату отъ безчинія, другіе — отъ рѣдкаго служенія въ церкви, искатели священническихъ мѣстъ не только избѣгаютъ латинскихъ школъ, но не стараются и русскаго писанія читать и разумѣть, валяясь въ лѣности и безполезно изживая года своей жизни». Остатки такихъ школъ сохранились до нашего времени. Когда основалась школа ясно-полянская и сосѣдніе

съ ней школы, съ однообразною методою ученія, то видимо нѣкогда учениками прежнихъ школъ и возбуждали удивленіе, что мальчики 9, 10 лѣтъ понимаютъ, что читаютъ, что намъ, дескать, такое счастье не далось не только въ школахъ, а и по выходѣ изъ нихъ черезъ тридцать лѣтъ мы все еще не понимаемъ, что читаемъ». О подобныхъ школахъ, не имѣвшихъ притомъ никакой прочной организаціи и существовавшихъ случайно, можно ли серьезно говорить какъ о дѣйствительныхъ школахъ? Можно ли тѣмъ болѣе возлагать надежду, что они могли не только когда нибудь чему нибудь учить народъ, но и сами подняться когда нибудь хоть на одну іоту выше того, чѣмъ они были? Тысячелѣтній опытъ показалъ, что если бы онѣ просуществовали еще двѣ тысячи лѣтъ, онѣ положительно остались бы тѣмъ же, чѣмъ были, т. е. разсадниками безтолковости и невѣжества.

Не смотря на это, г. Сухомлиновъ, очарованный множествомъ этихъ школъ — и въ самомъ дѣлѣ въ двухъ только полкахъ черниговской губерніи 370 школъ! какой разливъ просвѣщенія! — впадаетъ въ идиллію. Отыскавъ «проэктъ объ основаніи батуринскаго университета, сочиненный въ 1760 году гр. Ник. Тепловымъ для графа Гетмана, — въ которомъ между прочимъ было сказано: «по состоянію малороссійскихъ епархіальныхъ школъ батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и передъ С.-петербургскимъ и московскимъ университетами великой въ томъ авантажъ предвидится», — г. Сухомлиновъ замѣчаетъ: «въ пространномъ проектѣ батуринского университета едва ли не всего важнѣе то, что сказано имъ о школахъ: все другое могло явиться извнѣ, взглядъ же на школы данъ былъ мѣстною жизнію». Намъ кажется, что этотъ взглядъ взятъ еще болѣе извнѣ, чѣмъ самый проэктъ. Университетъ придуманъ былъ не для дѣйствительныхъ нуждъ и пользы народа, а для вящшаго прославленія имени графа Гетмана. Но при представленіи проэкта естественно могли спросить: кто же будетъ учиться въ университетѣ? — На сіе измышленъ такой отвѣтъ, что «дескать, у насъ много учениковъ епархіальныхъ школъ, которые такъ приготовлены, что жаждаютъ университетской науки?» Надобно только изобразить епархіальную школу, какъ она изображается въ вышеприведенныхъ нами современныхъ свидѣтельствахъ, и университетъ, чтобы представить всю нелѣпость возможности какого бы то ни было между ними сочетанія!

Но г. Сухомлиновъ не останавливается на своей идилліи. Заручившись взглядомъ черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, которыя придерживаются того мнѣнія, что не подави организація новыхъ училищъ Екатерининскаго и Александровскаго времени епархіаль-

ныхъ школъ, школы эти разносили бы свѣтъ просвѣщенія во всемъ русскомъ народѣ, г. Сухомлиновъ пошелъ за ними: оплакиваетъ паденіе этихъ школъ, самое происхожденіе организаціи новыхъ училищъ приписываетъ злонамѣренной мысли подавить прежнія школы; равно какъ и въ борьбѣ съ послѣдними новыхъ училищъ видитъ политическій замыселъ — и ни мало не шутя, говоритъ вотъ что:

«Не смотря на очевидную пользу, приносимую народными школами, ихъ постигла самая печальная судьба: число ихъ быстро уменьшается, и онѣ какъ бы вовсе исчезаютъ въ Малороссіи. Отъ чего же зависѣло истребленіе этихъ первыхъ разсадниковъ образованія, созданныхъ самимъ народомъ? Одни объясняютъ это причинами педагогическими, другіе — соціальными. Первые полагаютъ, что вся бѣда въ томъ, что учители были плохи. Испоконь вѣка учительствомъ промышляли дьячки. Званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительскимъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ. Дома, гдѣ живутъ дьячки, народъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ называетъ школами. Образованіе сельскаго духовенства въ старину, дѣйствительно, стояло на низкой степени. Но какъ бы ни были несостоятельны учителя, они выбирались самимъ народомъ, и — дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло — были въ ладу съ средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣріемъ. Извѣстно, что въ Малороссіи прихожане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ, и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношеніи передъ епархіальнымъ начальствомъ. При томъ же, если бы единственною причиною паденія школъ было дурное преподаваніе, то они замерли бы сами собою, а между тѣмъ ихъ начали преслѣдовать и такъ настойчиво, какъ не преслѣдуются учрежденія, умирающія собственною смертію. Поэтому достовѣрнѣе кажется мнѣніе тѣхъ, которые паденіе школъ приписываютъ перемѣнамъ въ общественномъ быту Малороссіи и преимущественно введенію крѣпостнаго права; но такъ какъ школы не удержались и въ казачьихъ общинахъ, чуждыхъ крѣпостной зависимости, то приходятъ къ мысли, не слѣдуетъ ли «гасителей народнаго просвѣщенія искать не въ средѣ духовенства, а въ какой нибудь другой средѣ: и что, если ими окажутся тѣ, которые, со времени Екатерины, стали называться опекунами народнаго просвѣщенія; пусть подумаютъ о томъ тѣ, до кого дѣло касается.»

«Опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа, едва ли не самая дѣйствительная причина насильственной смерти училищъ, въ будущность которыхъ еще такъ недавно вѣрили лучшіе люди края. Рѣшительныя мѣры, принятыя во второй половинѣ восьмнадцатаго столѣтія къ учрежденію офиціальныхъ училищъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрами противъ народныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ-то книгамъ, въ такіе-то часы, подчиняться такимъ-то начальникамъ. Но исполненію подобныхъ требованій представились на первыхъ порахъ препятствія непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать дѣтей своихъ

ли: училищах власти прибѣгали къ угрозамъ, но, видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлку — допускали совмѣстное обученіе и въ оффиціальныхъ и домашнихъ школахъ. Въ разныхъ городахъ черниговской губерніи уцѣлѣли, въ архивахъ, любопытные памятники введенія новой системы образованія. Эти свидѣтельства важны, быть можетъ, не только для исторіи училищъ: они знакомятъ съ духомъ того времени и съ общимъ характеромъ тогдашнихъ преобразованій. Перебирая вереницу данныхъ, невольно приходишь къ вопросу, зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопаснаго врага — старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ ли былъ дѣйствительный успѣхъ, или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями, училищное [illegible] по иностраннымъ образцамъ и краснорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранные языки. Говорятъ, что, при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ новыя школы, лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т. е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія. Не входя въ разборъ цѣлей, обращаемся къ тому, что даетъ самую вѣрную основу для оцѣнки какой бы-то ни было системы, т. е. къ ея результатамъ, и приведемъ рядъ положительныхъ фактовъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію».

. . . .

Мы знаемъ, что когда при присоединеніи Малороссіи къ Россіи, дѣло шло о подчиненіи малороссійской митрополіи Московскому патріарху малороссійское духовенство оказывало нѣкоторое противодѣйствіе этому, потому что теряло нѣкоторыя свои привилегіи, которыми пользовалось при самостоятельности митрополіи; но какъ духовенство относилось къ крѣпостному праву, при введеніи его въ малороссію, мы не знаемъ. Предположимъ однакожъ, что взглядъ его на крѣпостное право былъ дѣйствительно неблагопріятный. Какую опасность даже и въ этомъ случаѣ представляли собою училища, не имѣвшія никакой организаціи, въ которыхъ кромѣ псалтиря и часослова ничего не могло преподаваться, гдѣ сами учители плохо знали даже склады? Притомъ, если какая нибудь агитація противъ крѣпостнаго права могла имѣть смыслъ, то она могла имѣть смыслъ только при самомъ его введеніи, и духовенство могло и должно было дѣйствовать въ этомъ случаѣ скорѣе на взрослыхъ, чѣмъ на мальчиковъ, расчетъ на которыхъ съ пропускомъ благопріятнаго для дѣйствія времени не представлялъ никакихъ шансовъ для успѣха. Однимъ словомъ, предположеніе, будто въ существованіи епархіальныхъ школъ видѣли политическую опасность и дѣйствовали противъ нихъ намѣренно, намъ представляется чисто мечтательнымъ. Гоненія на нихъ происходили, намъ кажется, просто отъ недора-

зумѣнія мѣстныхъ властей и ихъ излишняго усердія исполнить волю начальства, а можетъ быть нарочно и отъ нетерпѣливаго желанія самого начальства видѣть немедленный плодъ отъ посѣва, который не успѣлъ еще даже пустить и корней, что у насъ бываетъ тоже не рѣдко. Наконецъ, если бы мы даже предположили, что въ подавленіи старыхъ эпархіальныхъ школъ дѣйствовала политическая мысль, что вслѣдствіе этой политической мысли возникла новая организація училищъ, можно ли задуматься въ настоящее время хотя на минуту надъ тѣмъ: кому отдать преимущество, прежнимъ ли эпархіальнымъ школамъ, или вновь организованнымъ училищамъ? Епархіальныя школы существовали въ разныхъ мѣстахъ въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ и были всегда и вездѣ одинаковы: ограничивались преподаваніемъ псалтиря и часослова и ни на волосъ не развили нигдѣ ни народа, ни общества. Организованныя вновь училища существуютъ въ полномъ своемъ составѣ всего только со времени Александра, и въ теченіи этого краткаго времени какой совершился огромный переворотъ въ понятіяхъ и нравахъ того общества, которому открытъ былъ свободный входъ для образованія въ эти училища! Мы говорили о пустотѣ нашей науки, о пустотѣ литературы въ прошедшее время; при такомъ состояніи науки и литературы школьное образованіе, само собою разумѣется, не могло быть блестящимъ. Но если оно и мало сообщало идей полезныхъ для высшаго развитія, все-таки оно давало элементарныя свѣдѣнія въ наукахъ, вырабатывало и изощряло въ извѣстной мѣрѣ мыслительную способность учащихся, дѣлало ихъ болѣе или менѣе способными къ воспринятію идей высшаго порядка, если впослѣдствіи благопріятный случай сталкивалъ ихъ съ этими идеями въ наукѣ, жизни, литературѣ. Можно сказать, что правильною организаціею учебныхъ заведеній, вошедшею въ дѣйствіе въ полной своей системѣ при императорѣ Александрѣ, положена первая прочная основа цивилизаціи Россіи. Только съ приведеніемъ ея въ дѣйствіе можно было сказать, что Россіи дано наконецъ надежное средство рано или поздно вдвинуться въ среду европейскихъ народовъ. И если вглядѣться ближе въ дѣло, то исторію новой Руси надобно начинать не съ Петра, а съ Александра. Исторія отъ Петра до Александра въ существѣ своемъ представляетъ скорѣе европейскій театръ на русской сценѣ, чѣмъ время дѣйствительнаго усвоенія нашимъ обществомъ европейскихъ идей и понятій. Европеизмъ былъ тогда модою; люди, щеголявшіе европейскимъ костюмомъ, европейскими манерами, привычками, даже образомъ мыслей, никакъ не подозрѣвали того, что они сохранили въ себѣ вполнѣ тотъ же самый хламъ, какой былъ въ старой Руси, и только по наружности прикрыли его хламомъ же, заимствованнымъ изъ европейской жизни. Со време-

ни дѣйствія новыхъ учебныхъ заведеній начинаетъ мало по малу воздвигаться средостѣніе между старою и новою Русью, — и, какіе нибудь 40 лѣтъ провели слишкомъ рѣзкую черту въ понятіяхъ и нравахъ общества.

Передъ нами лежитъ теперь первая часть записокъ тайнаго совѣтника Филиппа Филипповича Вигеля, напечатанная въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ, въ которой передаются иной какія черты, характеризующія общество послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины. Этого же времени отчасти касается статья г. Сухомлинова «училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи», напечатанная въ первой книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Изъ той и другой мы извлечемъ болѣе рельефныя черты, которыя могутъ дать понятіе о различіи современнаго намъ общества отъ бывшаго назадъ тому 80, 70, 60 лѣтъ.

Вигель родился въ 1786 году, умеръ 20 марта 1856 года. Отецъ его служилъ сначала въ Пензѣ и Саратовѣ, потомъ въ Херсонѣ, потомъ долгое время занималъ въ Кіевѣ важный въ то время постъ оберъ-коменданта. «На содержаніе занимающихъ этотъ постъ давались, говоритъ Вигель, доходы съ тысячи душъ». Въ первой части Вигель передаетъ семейныя воспоминанія, сообщенныя ему отцомъ, и воспоминанія своего дѣтства, проведеннаго въ Кіевѣ. По своимъ тенденціямъ и симпатіямъ Вигель принадлежитъ старой Руси и очень неблагосклонно смотритъ на *окциденталъное* образованіе. Принимая за достовѣрное, что отъ этого именно окциденталънаго образованія погибла Польша, что «зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, которыхъ они не переставали быть жертвою», Вигель говоритъ: «но прежде, чѣмъ Польша перестала существовать, увы! что сталось съ самой Россіей. Высокіе слои общества потеряли въ ней совершенно народную физіономію. Сначала противъ воли, а потомъ все болѣе и болѣе увлекаемые, мы наконецъ съ остервенѣніемъ устремились на Западъ, будто бы за познаніями, а на самомъ дѣлѣ за всѣми утонченностями роскоши и порока... Насъ потащили на сей опасный путь, и въ ослѣпленіи своемъ часто требуютъ отъ насъ невозможнаго, любви къ отчизнѣ вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ иноземному и такимъ образомъ ставить себя въ безпрестанное съ собою противорѣчіе. Насъ ни мало не ужасаетъ примѣръ Польши; милосердное къ намъ небо между Европой и Россіей поставило ее, какъ строгій спасительный урокъ; но мы не внемлемъ ему, и горе намъ! Позволено ли будетъ, говоря о столь важномъ предметѣ, сдѣлать сравненіе не совсѣмъ важности его приличное? Мнѣ все кажется, что судьба поступаетъ съ нами и съ поляками,

какъ нѣкій господинъ, который въ устрашеніе барскаго сынка своего, безъ милосердія наказываетъ холопскаго мальчика: судьба сѣкла и сѣчетъ еще Польшу, а барченокъ Россія на то глядитъ, и все шалитъ, все проказничаетъ и если не уймется, то рано или поздно сломитъ себѣ шею. Коль скоро дѣло коснется до Польши и до русскаго европіонизма, то кровь бросается мнѣ въ голову, мысли во множествѣ начинаютъ въ ней тѣсниться, и я дѣлаюсь плодовитъ, хоть и десятой доли ихъ не въ состояніи выразить». Говоря о своей мамкѣ, крѣпостной женщинѣ и ея любви къ себѣ, Вигель замѣчаетъ: «моя мамушка принадлежала къ такому времени, гдѣ господа немного номенѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ началъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе». Вигель говоритъ о себѣ: «я родился при Екатеринѣ, записанъ на службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и окончилъ ее при Николаѣ». Записки свои онъ началъ писать въ 1837 или въ 1838 годахъ, а доведены они до 1830 года, какъ видно изъ примѣчанія редакціи «Русскаго Вѣстника».

Въ 1764 году отецъ Вигеля былъ командированъ въ нынѣшнюю Саратовскую губернію для надзора за межеваніемъ земель для переселявшихся въ то время саратовскихъ колонистовъ. Поселившись въ Саратовѣ, тогда уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ прожилъ очень долго, онъ отсюда часто ѣздилъ въ Пензу, сначала для удовольствія, такъ какъ Пенза, хотя была также уѣздный городъ, какъ и Саратовъ, но населенная помѣщиками, имѣла нѣкоторые признаки общежитія, — а потомъ уже и по нуждѣ, пріобрѣвъ черезъ женитьбу здѣсь имѣніе. — Вотъ какъ Вигель описываетъ тогдашнюю Пензу:

«Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михайловича, провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домовъ, изъ коихъ многіе были крыты соломою и имѣли плетеные заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы, съ тѣхъ поръ построенные, и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости образа жизни тогдашнихъ пензенскихъ дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную муравленную; за то человѣкъ хотя нѣсколько достаточный не садился за столъ безъ двадцати четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ. У одного

только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали передъ почтенными гостями, а другіе должны были довольствоваться деревянными. Многочисленная дворня, псарня и конюшня поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній». (стр. 239).

«Городъ Кіевъ (куда семейство Вигеля переѣхало въ 1788 году), былъ примѣчателенъ тѣмъ, что вездѣ являлъ контрасты, нищету и великолѣпіе, безчисленные храмы его съ позлащенными какъ жаръ, горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами». Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева. «Кіевъ былъ проѣзжій пограничный городъ, почти столица Малороссіи, кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и великороссійскіе набожные дворяне съ семействами, для поклоненія святымъ мѣстамъ, и наконецъ просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края (стр. 258). Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской: большая часть нынѣшней Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе новгород-сѣверскихъ сохранили или приняли много русскихъ навыковъ, бывъ не однократно подъ владычествомъ московскихъ государей; жители же южной Малороссіи остались такими же, какими были при Хмѣльницкомъ. Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два-три назадъ тамъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщь и галушки, стольже нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту же запорожскую неопрятность. Ихъ губернскій городъ былъ за Днѣпромъ почти въ ненавистной имъ Польшѣ, и со временъ Петра Великаго въ немъ безпрерывно начальствовали москали или нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа имъ вовсе не были чужды» (277).

Главнымъ начальникомъ Малороссіи, былъ въ то время Румянцевъ-Задунайскій.

«Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ, Ташани, въ ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то есть, имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но во время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные воен-

нія, поклонники отечественной въ немъ славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему, какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ» (296). Губернаторомъ или правителемъ кіевскаго намѣстничества былъ «осмидесятилѣтній, полумертвый старецъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генералъ-поручикъ по арміи, по польской лентѣ Бѣлаго орла. Объ немъ самомъ осталось у меня тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемыя. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чинопочитанію, которое въ то время столь строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ (278). «Всего памятнѣе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать, въ волненіе весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена польскаго короннаго гетмана. Не знаю, какъ и гдѣ познакомилась она съ моей матерью,— но она ее полюбила, и когда пріѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой церкви, находившійся тогда за границей, хотя только въ восьмидесяти верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ черезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась. Потемкина уже не было на свѣтѣ, но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто озарялась его славою. Императрица особенно благоволила къ ней и сверхъ того, ласкала ее, какъ жену довольно сильнаго польскаго магната, преданнаго Россіи. По всѣмъ симъ причинамъ знаки уваженія, къ ней оказываемые, были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ, а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, ни мало не осуждала сего, но, вѣроятно, чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріятельское, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было замѣтить только изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили» (262). Въ pendant къ этому можно присовокупить случай изъ жизни отца Вигеля, во время пребыванія его съ полкомъ своимъ, которымъ онъ командовалъ, въ основывавшемся тогда Херсонѣ. Въ Херсонъ явился Потемкинъ. «Его разсѣянно-прихотливый взглядъ въ обществахъ,—говоритъ Вигель, — иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери, сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ звѣздоносные

шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной маленькой ножки, какъ у моей матери. «Неужели,—сказалъ Потемкинъ, я не примѣтилъ? Когда нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать ее мнѣ безъ чулка». Не прошло двухъ дней, какъ отецъ мой узналъ объ этомъ разговорѣ. Можно вообразить страхъ и гнѣвъ, которыми онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаянье супруги, если бы ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всѣхъ непріятностей, онъ упросилъ ее немедленно отправиться въ деревню: ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться» (247).

О внутренней жизни тогдашняго кіевскаго высшаго общества Вигель не говоритъ ничего, по той простой причинѣ, что ея, кажется, вовсе не было. Все время проходило въ томъ, что ѣздили другъ къ другу въ гости, ѣли, пили, плясали. «Съ утра до вечера, говоритъ Вигель, нашъ домъ былъ наполненъ гостями. Отцу моему мало оставалось времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій; повинуясь волѣ моего отца, она большую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утромъ занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, которыя возрастали и близились къ возрасту невѣстъ. Опытъ показалъ ей, что можно положиться на Аксинью Ивановну (мамку), и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія строгости кормилицѣ своей (т. е. Аксиньѣ же Ивановнѣ)» (253). Намъ понятно, въ чемъ состояли хозяйственныя хлопоты и воспитаніе дочерей, когда домъ съ утра до вечера былъ наполненъ гостями. Но мать Вигеля была дѣйствительно еще лучшая женщина своего времени. Вигель разсказываетъ дальше о покровителѣ своей матери генералъ-аншефѣ Чулковѣ. «Родившись въ низкомъ состояніи, онъ неизвѣстно какъ попалъ въ придворные истопники, на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ, и служилъ какъ божеству дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ воцареніемъ ея: онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ и даже наконецъ генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Я знавалъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы Петровны, и со слезами умиленія воспоминали о немъ. Сія государыня съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепе-

тали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить лѣтъ съ тридцать тому назадъ между помѣщиками отдаленныхъ губерній. Во внутренности своего дворца она была окружена толпою женщинъ изъ простонародья, болтуній, сплетницъ. Суевѣрные, ложные страхи производили въ ней безсонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала разсказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали, что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шопотомъ, чтобы усыпить ее. Вѣрный слуга Василій Ивановичъ долженъ былъ также тутъ находиться, и не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячокъ свой подлѣ кровати императрицы и какъ безсмѣнный стражъ ложился у ея ногъ. Зная, что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ милыхъ: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ, чтобъ опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокоивалъ рождающіяся подозрѣнія своей добродушной царицы. Случалось, что она вставала ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ, приподнимаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря: «охъ, ты, лебедка моя бѣлая» (229).

Но чѣмъ бѣднѣе была внутренняя жизнь, тѣмъ лучше пилось и ѣлось, тѣмъ больше было раздолья веселью. «Изъ губернскихъ предводителей мнѣ памятны,—пишетъ Вигель, — Демьянъ Демьяновичъ Оболенскій, человѣкъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячь душъ и жену красавицу и кокетку. Онъ лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорятъ, у него столъ не накрывался и не раскрывался, цѣлый день пили и ѣли; завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ: послѣ обѣда закуски, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе, и все это заключалось столь же обильнымъ ужиномъ. Ну ужь желудки были въ старину!» (278).

Говоря о балахъ, Вигель замѣчаетъ: «когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ, тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться, какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы найди

благоразуміе не отказываться преждевременно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ: у одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ, у него были уже и трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола... Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлали всю прелесть старинныхъ нашихъ баловъ. Коноводомъ на нихъ былъ шестидесяти-семилѣтній старикъ, нѣмецъ, артиллерійскій генералъ, Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжался танцами, приказывалъ музыкантамъ, и съ неимовѣрною живостію плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь удерживала его дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ, но лишь только немного отпуститъ ему, онъ опять двигается въ бархатныхъ сапогахъ, и уже взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные богомольцы, не смотря на лѣта, участвовали въ танцахъ и отъ старика Нилуса до меня, восьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика Пото (учитель танцевъ), все бывало въ движеніи. Одного отца моего, не знаю почему, исключая польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ» (281).

Князь Дашковъ, о которомъ упоминаетъ Вигель, былъ, какъ кажется, питомцемъ своего времени. Онъ былъ порядочно воспитанъ, понималъ смѣшные предразсудки и глупости описываемаго Вигелемъ общества, и удалялся его. Вигель смотритъ очень неблагосклонно на него и объясняетъ иначе причины удаленія его изъ общества. . . . .

«Жилъ былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножались, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ русской исторіи нигдѣ не встрѣчается; первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ университетамъ, всему его учила и въ Эдинбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія, и даже медицины... Участіе своей матери въ возведеніи на престолъ Екатерины II-й было обязано князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь

облагороженнаго чинами купца, Семена Никифоровича Алферова. По великимъ философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать, взялъ да и женился, не бывъ даже серьезно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ его связи съ обществомъ столицы и заставилъ поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ, но по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чинъ бригадира и генералъ-маіора. Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ, и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго кіевскаго переулка. Тамъ онъ собиралъ около себя веселыхъ людей, какихъ могъ найти въ Кіевѣ, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости» (277).

Мы не думаемъ, чтобы общество, цаловавшее руки у графини Браницкой, не приняло съ распростертыми объятіями въ свою среду генералъ-маіора, взысканнаго милостями императрицы, хоть бы то и за услуги, оказанныя матерью. Очевидно, Дашковъ презиралъ кіевское общество, — а оно мстило ему за это сплетнею. Въ тѣни, набрасываемой на князя Дашкова, нѣтъ никакого опредѣленнаго обвиненія, кромѣ будто бы смѣлаго обращенія, допускаемаго въ его домѣ, безъ различія пола и возраста. Смѣлость обращенія половъ есть понятіе условное, зависящее отъ того или другаго развитія общества. Въ древней Руси считалось смѣлымъ уже то, когда мужчина смотрѣлъ на женщину. Уровень образованія въ кіевскомъ обществѣ времени Вигеля стоялъ также очень не высоко, и не мудрено, что тамъ непозволительною смѣлостію обращенія, какъ и во всякихъ подобныхъ обществахъ, считали то, что составляетъ необходимую принадлежность простоты, непринужденности обращенія. По крайней мѣрѣ самъ Вигель разсказываетъ, что когда по смерти Екатерины послѣдовалъ передѣлъ губерній, и Кіевъ сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной польскими помѣщиками, вслѣдствіе чего въ кіевское общество вошелъ элементъ польскій; то невиданная доселѣ смѣлость обращенія полекъ обворожила всѣхъ, въ томъ числѣ и самого Вигеля. «Тутъ въ первый разъ, говоритъ онъ, — мы увидѣли привлекательныхъ полекъ; онѣ отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Что касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ» (303). При этомъ мы

должны сказать еще, что при видимомъ благонравіи кіевское общество того времени не отличалось ни чистотою семейныхъ нравовъ, ни разборчивостію въ этомъ отношеніи. Въ Кіевѣ, напримѣръ, былъ вице-губернаторъ князь Х., человѣкъ, по описанію Вигеля, весьма пустой: онъ былъ принятъ всѣмъ кіевскимъ обществомъ, находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ семействомъ Вигеля. И однакожъ весь Кіевъ зналъ, что князь этотъ промоталъ весьма значительное имѣніе своей жены, урожденной Нарышкиной, родной племянницы фельдмаршала Репнина, — кромѣ того съ женою, по словамъ Вигеля, достойнѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ женщиною, матерью трехъ дѣтей, обходился самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Имѣя связь съ одною изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, «князь рядомъ съ спальнею жены далъ своей возлюбленной комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью; сія несчастная всегда разряженная, какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней». Кіевское благонравіе не возмущалось же присутствіемъ такого негодяя въ средѣ своего общества!

Вообще странно видѣть въ г. Вигелѣ излишнюю строгость къ князю Дашкову за то только, что у него допускалось свободное обращеніе половъ, когда безнравственность даже семейныхъ отношеній была болѣе или менѣе обыкновеннымъ явленіемъ того времени, и самъ Вигель въ сужденіи о подобныхъ отношеніяхъ оказывается очень снисходительнымъ. Такъ у Вигеля былъ дядя, Яковъ Лаврентьичъ, судья с. петербургскаго надворнаго суда, который имѣлъ восемь женъ. Вигель, разсказывая объ этомъ, относится съ ироніей не столько къ безнравственности своего дяди, сколько къ его демократическимъ въ любви вкусамъ.

«Жизнь его (дяди) не всегда однако же была безпятенна; онъ зналъ любовь, и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ бы она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была пасторская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ это сходило ему съ рукъ, того я никакъ не могу понять. Тогда еще не было устава евангелическихъ въ Россіи церквей... Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ; я узналъ это послѣ смерти его (1809 г.), когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи, потомъ пришла другая, наконецъ, третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Увы! говорятъ, ихъ было до восьми;

одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухаркой, а третья что-то еще хуже» (224).

Другой родственникъ съ отцовской стороны, генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Ивановичъ Сандерсъ, скончавшійся въ 1836 г. въ Петербургѣ на 90 году своей жизни, выигралъ жену на билліардѣ. «Одна молодая, прекрасная кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтреннаго поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ, и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ баталіономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ билліардъ съ Яблоновскимъ, и выигралъ у него нѣсколько тысячъ золотыхъ, когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, онъ увидѣлъ его Аріадну, воспламенился, и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять; кажется, искренно она его не любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала его жизнь весьма счастливою; можетъ быть, своею заботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ, какъ за ребенкомъ. Когда за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ продолжалъ еще влюбляться, онъ ей одной повѣрялъ тайныя муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцалуемъ усладить страданія старика». (стр. 226).

Таково было состояніе русскаго общества даже въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія. При его умственной и нравственной неразвитости, вообще при его пустотѣ, дѣло воспитанія дѣтей было задачею весьма трудною даже для такихъ значительныхъ и богатыхъ лицъ, къ числу которыхъ относится отецъ Вигеля — оберъ-коммендантъ — второе лицо въ губерніи, — получавшій ежегодный доходъ съ тысячи душъ. Учебныхъ заведеній не было никакихъ; гувернера порядочнаго найти было трудно; оставалось воспитаніе домашнее. Но кому же было воспитывать дома, и чему хорошему могъ научиться — ребенокъ въ домѣ при той праздной пустой состоящей изъ однихъ обѣдовъ и ужиновъ жизни, которую вело общество? Съ этой точки зрѣнія становятся весьма любопытными подробности, сообщаемыя Вигелемъ о своемъ первоначальномъ воспитаніи дома. Подробности эти даютъ намъ понятіе вообще о воспитаніи тогдашняго времени.

Мы уже видѣли, что ни отцу, ни матери рѣшительно не было

времени заниматься самимъ съ Вигелемъ; онъ былъ отданъ въ полное попеченіе и распоряженіе мамки Аксиньи Ивановны. Аксинья Ивановна, выкормившая своею грудью мать Вигеля и всѣхъ дѣтей ея, пользовалась извѣстнымъ почетомъ въ домѣ и въ извѣстной степени играла роль самостоятельной хозяйки въ домѣ. Когда мать Вигеля въ передней половинѣ принимала все высшее кіевское общество, въ задней половинѣ Аксинья Ивановна принимала другое кіевское общество — не высшее, но и не низшее, сосредоточивавшееся собственно около Аксиньи Ивановны. Хотя Аксинья Ивановна была крѣпостная женщина, что по понятіямъ того времени было большимъ порокомъ въ человѣкѣ, препятствовавшимъ ему вступать съ благородными людьми въ человѣческія отношенія,—но Аксинья Ивановна была мамкою въ домѣ оберъ-коменданта и пользовалась уваженіемъ его семьи; этого было достаточно чтобы заставить людей благородныхъ не только смотрѣть на ея урожденный порокъ снисходительно, но даже въ извѣстной степени заискивать въ ней. Къ кругу знакомыхъ мамки принадлежали 1): жена одного гарнизоннаго прапорщика Василиса Тихоновна, женщина сорока лѣтъ; умная, добрая, веселая; 2) священникъ комендантской церкви и духовникъ семейства Вигелей отецъ Степанъ; 3) Евстафій Яковлевичъ Яновскій штабъ-лекарь кіевскихъ баталіоновъ и домашній врачъ семейства Вигелей.

Мамка, не чаявшая души въ своемъ питомцѣ, умѣла всѣхъ своихъ знакомыхъ поставить такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ чѣмъ нибудь служилъ развитію ребенка. Василиса Тихоновна, мастерица разсказывать, разсказывала ему сказки изъ *тысяча одной ночи*. Не зная сама грамотѣ, она заставляла своего мужа или кого могла нибудь пограмотнѣе по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ разные разсказы, выслушивала и усвояла ихъ, и потомъ передавала Вигелю. Такимъ образомъ Василиса Тихоновна готовилась для занятія съ ребенкомъ какъ профессоръ готовится для аудиторіи. Отецъ Степанъ разсказывалъ Вигелю про Адама и Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и проч. Штабъ-лекарь Яновскій, получившій воспитаніе въ духовной академіи въ Кіевѣ, съ жаромъ передавалъ на малороссійскомъ языкѣ происшествія Украйны. Сама мамушка разсказывала про русскую старину. Всѣ эти почтенные люди такъ увлекали маленькаго Вигеля своими разсказами, что онъ, по собственнымъ его словамъ, «самъ весь превращался въ слухъ и издали приготовлялся быть разскащикомъ». Общество простыхъ, но умныхъ друзей мамки успѣло завладѣть вполнѣ привязанностію ребенка. «Меня довольно часто,—говоритъ Вигель, водили въ гостиную; тамъ видѣлъ я ленты и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли моей матери или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хва-

лями; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любо и вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются, а въ другомъ меня забавляютъ, и съ первымъ развитіемъ мыслей уже рождалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я мое мѣщанское общество чиновной кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиной моей матери (стр. 254).

Факты, которые мы передаемъ, представляютъ собою многознаменательные факты не только въ исторіи воспитанія семейства Вигелей, но въ исторіи всего нашего воспитанія. Богатый человѣкъ, получающій годоваго содержанія доходъ съ тысячи душъ, истрачиваетъ всѣ свои деньги на пустыя удовольствія, на кормленіе людей ненужныхъ для него и вообще по пусту бременящихъ землю. Этимъ самымъ онъ отнимаетъ у себя вмѣстѣ время и средство заняться серьезно тѣми обязанностями, которыя онъ долженъ нести честно по долгу человѣка, по долгу гражданина, по долгу отца семейства. Дѣти остаются или безъ всякаго призора, или подъ какимъ нибудь призоромъ. Наконецъ судьба сжаливается иногда надъ бѣднымъ, подъ часъ не безъ дарованій, ребенкомъ, какъ напримѣръ, Вигель, случайно обставляетъ его дѣтство нѣсколькими лицами, которыя руководятъ первыми впечатлѣніями ребенка, пробуждаютъ въ немъ правильную дѣятельность мысли и сердца, полагаютъ первую прочную основу цѣлому зданію будущаго дальнѣйшаго развитія. Эти честные люди, которые добровольно принимаютъ на себя тѣ самыя обязанности, исполненіе которыхъ лежитъ на отцахъ и матеряхъ, остаются не только не вознагражденными за свой трудъ, даже незамѣченными. Эти лучшіе друзья дома, которые исполняютъ за оберъ-коменданта Вигеля его первыя и важнѣйшія обязанности, которые приносятъ столько пользы, сколько не могла принести вся чиновная аристократія города Кіева вмѣстѣ взятая, въ теченіи всей его службы, неудостоиваются даже пріема въ его гостиной; они остаются посѣтителями заднихъ аппартаментовъ, друзьями его мамки. Мысль ребенка деморализируется, можно сказать, съ перваго своего появленія на свѣтъ. Ребенокъ съ дѣтства начинаетъ примѣчать и воспитывать въ себѣ убѣжденіе, что лучшіе люди въ мірѣ не тѣ, которые трудятся, занимаются дѣломъ, а тѣ, которые имѣютъ хорошее состояніе, большіе чины и могутъ бросать деньги на удовольствіе. Тайный совѣтникъ Вигель, не смотря на всю свою мудрость, во всю жизнь свою не могъ додуматься до той простой мысли, что бѣдная прапорщица Василиса Тихоновна могла бы сдѣлать честь своимъ присутствіемъ въ гостиной его отца. Онъ остался въ

убѣжденія, что для нея великое счастіе было уже и то, что она заднимъ ходомъ могла попадать въ генеральскій домъ.

«Была еще другая (женщина), о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю (какъ и о мамкѣ), жена гарнизоннаго прапорщика Василиса Тихоновна; фамильнаго имени ея не помню, потому что у насъ въ домѣ не такъ объ немъ заботились (а надобно сказать, что Вигель помнитъ фамиліи всѣхъ гостей, бывавшихъ въ домѣ его отца). Она была природная, чрезвычайно бѣдная новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходящаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было незавидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ ей дворянкѣ не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ необразованными солдатскими дочерями, а въ тогдашнее время, я думаю, еще и въ нынѣшнее, трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакожь нашла туда дорогу, не искавши ея. Она повадилась ходить къ Аксиньѣ Ивановнѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ... Всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ; мужа и кого умѣла найти пограмотнѣе она по цѣлымъ вечерамъ заставляла читать себѣ романы; *Бову Королевича*, *Петра Золотыхъ Ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одной ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ разсказывала; однимъ словомъ, была моя Шехерезада. Бывало только и рѣчей у меня, что объ ней, когда приведутъ меня къ матери; ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту, она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею».

Кромѣ указанныхъ нами случайныхъ воспитателей Вигеля, друзей его мамки, воспитателемъ его по обязанности, приставленнымъ былъ нѣкоторое время нѣмецъ Мутъ. Мутъ былъ нѣмецъ хорошій и найти его въ то время было не легко. Отцу Вигеля помогло въ этомъ случаѣ его высокое мѣсто въ служебной іерархіи. Мутъ служилъ у переяславскаго коменданта Фонъ-Фока, подчиненнаго отца Вигеля. Когда воспитаніе старшаго сына Фонъ-Фока было кончено, то Мутъ временно, до того времени, когда подростутъ младшіе дѣти Фонъ-Фока, перешелъ къ Вигелю. Въ этомъ переходѣ изъ коммендантскаго дома въ оберъ-камендантскій онъ видѣлъ какое-то повышеніе. «Вспомнимъ, говоритъ Вигель, что онъ былъ нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему». Однакожь, при всемъ этомъ Мутъ пробылъ у Вигеля только четыре года, и потомъ уѣхалъ опять къ переяславскому коммендaнту. Мутъ зналъ немного: исторію, географію, французскій

языкъ, и даже изъ того, что зналъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ научилъ немногому. «Я узналъ, говоритъ Вигель, — исторію іудеевъ, ассиріянъ, мидянъ, персовъ и грековъ, но до Рима едва только дошли». Но Мутъ былъ хорошъ тѣмъ, что не развращалъ мальчика, относился къ нему честно. «Еще до Мута, говоритъ Вигель, — училъ меня русской грамотѣ по псалтырю и часовнику нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ Александръ Никитинъ, родъ дядьки при моихъ братьяхъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ Мутъ; часто онъ пожималъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости». (258) Точно также честно велъ себя нѣмецъ, когда вскорѣ стали слушать его уроки съ маленькимъ Вигелемъ нѣсколько дѣтей изъ круга общества низшаго того, къ которому принадлежалъ, по понятіямъ того времени, Вигель. «Средства воспитанія, — говоритъ Вигель, — были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали дозволенія дѣтямъ своимъ учиться со мной. Ихъ было трое, сыновья артиллерійскаго генералъ-маіора Нилуса, гарнизоннаго маіора Якоптова и штабъ-лекаря Яновскаго. Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство, но г. Мутъ не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, и всегда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему». (259).

Маленькій Вигель оцѣнилъ и полюбилъ точно также честнаго нѣмца, какъ любилъ друзей своей мамки. Не можемъ не замѣтить при этомъ, какъ въ любимомъ наставникѣ даже безразличныя привычки сильно дѣйствуютъ на воспитываемое имъ дитя. «Мутъ, напримѣръ, — говоритъ Вигель, — любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ моимъ отцомъ, и кѣмъ бы то ни было, — онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, — я скоро началъ дѣлать то же, и мнѣ удалось узнать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ, составлялъ гербарій, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все, что касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеалогіи знаменитѣйшихъ родовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи и по этой части я могъ бы съ нимъ состязаться». (259).

Кромѣ означенныхъ выше лицъ были у Вигеля оффиціальные учители: Софійскій каѳедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ ему законъ Божій, артиллерійскій штыкъ-юнкеръ Сарипкинъ училъ его ариѳметикѣ и геометріи, малороссійскій виртуозъ Черенцкій —

играть на фортепьяно и какой-то маляръ — рисовать. Но объ этихъ учителяхъ Вигель или не говоритъ ничего лестнаго или говоритъ даже весьма нелестное. . . . .

. . . Вотъ воспитаніе, которое въ прежнее время могли давать въ провинціи самыя богатыя лица и занимавшія самые высшіе посты. Дѣтей отвозили за тѣмъ въ столицу и отдавали на нѣсколько времени въ пансіоны,—которые впрочемъ едва ли что нибудь прибавляли къ домашнему воспитанію. Однимъ словомъ, въ итогѣ цѣлаго воспитанія получалось въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма рѣдкихъ, очень мало,—вообще же не получалось, вѣроятно, ничего. «Странные были тогда обычаи, — говоритъ Вигель, — въ сіе впрочемъ столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ, полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобъ они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала юному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были неслѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастію и возвышенію своихъ дѣтей.—Была еще другая странность, которую можно назвать даже злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы, всѣ они были малолѣтные, живущіе дома и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соотвѣтствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали чины по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, вообще и по заслугамъ ихъ».

Мы представили картину нравовъ высшаго провинціальнаго общества въ концѣ прошедшаго столѣтія, намъ остается взглянуть мимоходомъ еще на общество, такъ называемое среднее. Здѣсь у насъ нѣтъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, какіе даетъ Вигель; г. Сухомлиновъ ограничивается одною училищною жизнію. Тѣмъ не менѣе и по нимъ можно видѣть, что основной фонъ жизни является и здѣсь тотъ же самый, что въ высшемъ обществѣ: чиноисканіе и чинопочитаніе заѣдаютъ смыслъ и дѣло; пустота жизни, облегчаемая здѣсь правильно организованною системою непрестанныхъ попоекъ, обѣдовъ, вечеровъ, какъ въ высшемъ обществѣ, проявляется въ безобразномъ пьянствѣ частныхъ лицъ и дебоширствахъ.

«Одинъ учитель Черниговскаго народнаго училища (девяностыхъ годовъ) такъ описываетъ визитъ свой какому-то маіору: я съ обыкновенною церемонностію извинялся, что сдѣлалъ помѣху окончить обѣдъ ему съ женою. Онъ же маіоръ, вставъ отъ стола, говорилъ мнѣ: унтеръ-офи-церъ—стой у порога! Я оборотясь взадъ, сказалъ: кто здѣсь

унтеръ-офицеръ?—Онъ суровымъ крикомъ говорилъ: ты! ты! И дѣлая ко мнѣ разныя придирки и неправильныя укоризны, началъ грозить высѣчь кучерами, называя меня канальею, шельмою и многими другими ругательствами. И вдругъ, взмахнувъ рукой, началъ давать мнѣ пощечины» и т. д. Учителя конотопскаго училища жаловались (1818 года), что при всемъ ихъ стараніи училище падаетъ, между прочимъ, потому, что у нихъ не было и не можетъ быть педагогическихъ совѣтованій, какъ средствъ необходимо нужныхъ для удобнѣйшаго и легчайшаго руководствованія младыхъ умовъ. Сіе считаетъ (смотритель) какъ бы приниженіемъ для чести: учителю ничего не значитъ и не имѣть никакихъ чиновъ, а я—коллежскій ассесоръ, и для меня низко съ ними обращеніе имѣть.» «Даже до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, директоры держали себя въ почтительномъ отдаленіи отъ учащихъ, какъ истые начальники; пріѣзда ихъ ожидаютъ съ безпокойствомъ и многіе съ трепетомъ. Тимковскій, бывшій директоръ Новгородъ-сѣверской гимназіи, посѣщалъ подвѣдомое ему заведеніе раза два, три въ годъ; къ каждому же первому числу пріѣзжалъ изъ помѣстья въ свой городской домъ, и на дому самъ раздавалъ жалованье учителямъ, дѣлая имъ при этомъ различныя наставленія касательно преподаванія, и раздавая по принадлежности одобренія и порицанія.»

Въ директоры назначаются ротмистры и другіе чины, въ смотрители училищъ — протоіереи, штабъ-лекаря, засѣдатели. «Соединеніе должности смотрителя съ другой считалось особенно удобнымъ, потому что облегчало сношеніе съ обществомъ; засѣдатель, объѣзжая повѣтъ и имѣя дѣло съ горожанами, могъ скорѣе расположить и дворянство и купечество принять участіе въ школѣ». Убивающій всякую внутреннюю жизнь духъ различныхъ канцелярій и полковъ переносился въ жизнь училища. Обязанность управлять училищемъ понималась какъ обязанность производить смотръ и приготовляться къ смотрамъ. Смотря, по важности, производящей смотръ особы торжественнѣе дѣлались пріемы. При входѣ малороссійскаго генералъ-губернатора Беклешова въ новгородъ-сѣверское училище его встрѣтили семь дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, съ корзинками, наполненными цвѣтами, которые бросали ему подъ ноги; ученики и ученицы пѣли концертъ и поднесли картину, изображающую храмъ безсмертія съ вензеловымъ именемъ Павла I (1799 г.), испускающимъ лучи, озаряющіе на пьедесталѣ вензеловое имя Беклешова, которое ученики обвѣшивали гирляндами, и одинъ изъ нихъ писалъ годъ и число посѣщенія. При вступленіи въ залу того же училища малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ встрѣченъ былъ кантомъ, приличнымъ этому событію; на передней сторонѣ залы представлены были

на картинѣ Геликонъ и Парнасъ, на верху которыхъ былъ храмъ аполлоновъ; стѣна же залы украшена была чертежами новѣйшими. При окончаніи канта выходили на встрѣчу сановному гостю изъ двухъ дверей по четыре дѣвочки, одѣтыя въ бѣлое платье, и остановились полукругомъ по срединѣ зала; одна изъ дѣвочекъ произнесла краткую рѣчь на русскомъ, другая на нѣмецкомъ языкѣ.»

Были такіе начальники, которые сословныя предразсудки старались внести въ школу и привить ее къ школьной жизни. Такъ одинъ директоръ давалъ такой совѣтъ смотрителямъ подвѣдомыхъ ему училищъ: «Какъ въ народныхъ училищахъ по большей части обучаются благородныхъ и почтенныхъ отцовъ дѣти, родители ихъ, конечно, довольнѣе будутъ и охотнѣе отдавать дѣтей въ училище, если нѣкоторое отличіе дѣти ихъ имѣть будутъ передъ прочими мѣщанскими и другаго низшаго состоянія дѣтьми, то прошу постараться, чтобы господа учители, восклицая имя благороднаго ученика къ отвѣтамъ на ихъ вопросы, а наипаче при публичныхъ испытаніяхъ, да и во всякое время сіе не помѣшаетъ, чтобы къ фамиліи прикладывать: *господинъ*; но учителямъ сіе объявить безъ свѣдѣнія ученикамъ, дабы они не возгордились симъ передъ прочими».

Намъ остается упомянуть, для дополненія характеристики внутренней жизни первоначальныхъ училищъ, о тѣхъ безобразіяхъ, которыя производились учителями.

«Учитель, только что опредѣленный въ должность, начиналъ свою карьеру тѣмъ, что «ночью въ десятомъ часу съ полдня, пришедши напилой въ училищный домъ и въ покои четвертаго класса учителя, когда сей спалъ, дѣлалъ шумъ, и произвелъ съ нимъ ссору, ударилъ жену учительскую рукою по щекѣ, разбилъ окошко и другія вещи» (1708 г.). Одинъ учитель ударилъ другаго въ щоку предъ учениками: начальство нашло этотъ поступокъ ни мало не совмѣстнымъ съ благонравными правилами, сдѣлало ударившему строгій выговоръ, внушивъ ему, чтобы онъ постарался загладить это отличными трудами и примѣрною скромностью. Погарскіе магистратъ и дума жаловались, что тамошней школы учитель въ должности своей не прилеженъ, часто отлучается и заводитъ съ почетными купцами и мѣщанами ссоры, причиняя имъ брань и нагрубленіе. Учителя посылали учениковъ говорить дерзости другимъ учителямъ, но большею частію исполняли это сами непосредственно. Бывшій въ передрягѣ наставникъ такъ отзывается о своемъ товарищѣ: «будучи онъ напилъ до безумія, ввечеру предъ сумерками пришедъ ко мнѣ въ квартиру и заставъ въ оной вмѣсто меня квартальнаго надзирателя, началъ, по своему обычаю, сперва прицѣпливаться къ нему насмѣшками, потомъ бранью, и наконецъ въ изступленіи бросился драться, и въ азартномъ механизмѣ

побилъ оконныя стекла, поранилъ себѣ руки, окровавилъ полъ, стулья и самого себя. Для правоученія ему представилъ я въ примѣръ прежде бывшаго здѣсь учителемъ. Сіе поставивши онъ себѣ въ обиду, вдругъ въ гнѣвливѣйшемъ видѣ схватясь за стулъ, сказалъ мнѣ: я за подлость ставлю подражать скотамъ, онъ былъ скотъ, и всѣ здѣсь скоты, да и ты самъ такой же,—и прочая. Я не могши долѣе снесть таковыхъ и подобныхъ симъ ругательствъ, сталъ и его взаимно же бранить» (1806). Взаимная перебранка кончилась мировою, и директоръ писалъ: «прекращенныя между ними ссоры отношу я къ доброй ихъ склонности къ миролюбію, и прошу ихъ впредь прекратить всякую вражду и причины оной, яко качества предосудительныя въ званіяхъ наставниковъ и воспитателей юношества, коему примѣромъ и правилами ихъ благонравіе служить должно». Смотрители училищъ входили съ жалобою, что тотъ или другой учитель «дѣлаетъ разныя шалости. Задрался съ дворникомъ, побилъ окна мѣщанину, въ дворянскій домъ бросился со шпагой» и т. п.

Сообразивъ все вышесказанное, читатель легко можетъ составить себѣ довольно полный образъ нашей прошедшей жизни. Эта жизнь въ разныхъ классахъ общества болѣе или менѣе уцѣлѣла еще доселѣ,— но между настоящимъ и прошедшимъ существуетъ та огромная разница, что теперь рядомъ съ прежнею пошлою жизнію въ обществѣ давно уже зародилось ядро жизни разумной, усиливающейся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что въ извѣстной части общества образовалась здоровая общественная интеллигенція, которая не можетъ признать совершенствомъ и нормою жизни то, что представляетъ собою одну безсмысленность и пошлость, и что здѣсь—въ этой части общества, можетъ прочно утвердить свои корни истинная наука и литература. Ничего этого въ прошедшемъ не было. Петръ ни своими регламентами и указами, ни административными мѣропріятіями, ни даже преслѣдованіями не могъ вогнать *сути* европейской жизни въ русское общество. Не могли достигнуть этого и поддерживавшіе введенные Петромъ порядки его преемники. Старая жизнь со всѣми своими предразсудками и невѣжествомъ, съ своимъ добродушнымъ развратомъ и ничтожествомъ спокойно жила себѣ и властвовала подъ блестящими европейскими мундирами и костюмами. Первые чувствительные удары ей стало наносить распространяющееся знаніе. И какъ отчасти проводниками этого знанія и несомнѣнно лучшими приготовителями къ нему общества по постоянству, непрерывности и регулярности своего дѣйствія были учебныя заведенія, въ своей полной системѣ организованныя при Александрѣ Благословенномъ, то по всей справедливости, какъ мы уже замѣтили выше, новое время нашей исторіи слѣдуетъ считать не съ Петра I-го, а съ Александра I-го.

Думаемъ, что нашему читателю любопытно было бы видѣть, въ какой мѣрѣ распространялся отъ училищъ, этихъ въ началѣ своемъ почти единственныхъ свѣтильниковъ русскаго просвѣщенія, свѣтъ въ нашемъ обществѣ, какъ онъ въ теченіи времени видоизмѣнялся, въ какой степени стоитъ теперь въ сравненіи съ прошедшимъ вообще и въ разныхъ классахъ общества. Мы имѣемъ возможность отчасти удовлетворить этому любопытству. Передъ нами лежитъ прекрасная оффиціальная статья о *нашихъ гимназіяхъ*, богатая множествомъ любопытныхъ свѣдѣній, помѣщенная въ январской и февральской книжкахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Изъ нея мы сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій для нашихъ читателей.

Число гимназій и учащихся было:

Годъ.	Число гимназій.	Число учащихся.	Годъ.	Число гимназій.	Число учащихся.
1808	54	5,569	1849	77	19,428
1825	56	7,682	1850	77	18,764
1836	68	15,475	1851	77	18,197
1837	68	16,019	1852	77	18,527
1838	70	16,928	1853	77	19,207
1839	71	16,298	1854	77	17,809
1840	72	16,271	1855	77	17,817
1841	73	16,195	1856	78	19,488
1842	73	16,554	1857	78	20,274
1843	73	17,330	1858	81	22,272
1844	74	18,743	1859	83	23,271
1845	75	19,744	1860	84	24,511
1846	76	20,669	1861	85	25,913
1847	76	20,372	1862	87	27,952
1848	76	18,914	1863	90	29,524

«Изъ этой таблицы, замѣчается въ помянутой нами статьѣ, видно, между прочимъ, что общее число гимназическихъ учениковъ по всей имперіи (за исключеніемъ Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и Кавказскихъ областей, которыхъ гимназіи не состоятъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія) постепенно увеличивалось съ 1836 по 1847 годъ и достигло въ послѣднемъ году цифры свыше 20,000. Потомъ въ теченіи слѣдующихъ восьми лѣтъ оно замѣтно уменьшалось и въ 1855 году упало до 17,817; но съ тѣхъ поръ число это начинаетъ постоянно и быстро возрастать, такъ что въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ оно увеличилось почти на 12,000. Въ продолженіи всего 28-ми лѣтняго періода (съ 1836 по 1863 годъ) число гимназій увеличилось 22-мя или на 32%, между тѣмъ какъ число учениковъ увеличилось на 14,000 или на 32%. Та-

кимъ образомъ и среднее число учениковъ на одну гимназію, составлявшее въ 1837 году 227, возрасло въ 1863 году до 325 или увеличилось на 43%».

Не смотря на такое значительное увеличеніе числа гимназій и учащихся въ нихъ въ послѣднее время, число ихъ въ Россіи все-таки гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ.

«Общее число жителей мужескаго пола въ европейской Россіи 29,367,422. Посему одна гимназія приходится на 349,000 жителей мужескаго пола и 1 учащійся на каждую 1,000 мужскаго народонаселенія.

«Сравнивая въ этомъ отношеніи Россію съ другими государствами, находимъ слѣдующіе результаты:

«*Во Франціи* нашимъ гимназіямъ по курсу наукъ соотвѣтствуютъ лицеи, которыхъ въ настоящее время считается 80 съ 30,000 учащихся при народонаселеніи въ 18,500,000 мужескаго пола.

«*Въ Пруссіи* считается 143 гимназіи съ 41,828 учащимися при мужскомъ народонаселеніи въ 9,000,000.

«*Въ Бельгіи* 10 королевскихъ атенеевъ съ 3,090 учащимися при мужскомъ народонаселеніи въ 2,300,000.

«*Въ Итальянскомъ королевствѣ* 87 лицеевъ съ 3,836 учащимися и 240 гимназій съ 16 учащимися, всего 327 заведеній съ 20,177 учениками, при мужскомъ народонаселеніи въ 10,500,000.

«Такимъ образомъ приходится:

«Въ Пруссіи	1 гимназія на	62,900 жит.	и 1	учащійся на	214	жит.
« Италіи	1 «	32,100 «	1	«	520	«
« Франц.	1 «	231,000 «	1	«	616	«
« Бельгіи	1 «	230,000 «	1	«	766	«
« Россіи	1 «	349,000 «	1	«	1,000	«

При этомъ не должно забывать, что у насъ изъ учащихся въ гимназіяхъ далеко не всѣ оканчиваютъ полный курсъ ученія. «Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній, говорится въ статьѣ, по 71 гимназіи с.-петербургскаго, московскаго, казанскаго, харьковскаго, дерптскаго и одесскаго округовъ за 1863 годъ видно, что большинство учениковъ гимназій выходитъ изъ заведенія до окончанія курса и ученики обучающіеся въ VII классѣ составляютъ около $^1/_{18}$ части общаго числа гимназистовъ и менѣе $^1/_3$ числа учениковъ I класса. Именно 20,630 учениковъ упомянутыхъ гимназій распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ I классѣ	3,731	ученикъ	или	18%	общаго числа.
« II «	4,585	«	«	22%	« «
« III «	4,019	«	«	20%	« «
« IV «	3,312	«	«	16%	« «

« V	«	2,273	«	« 11%	«	«
« VI	«	1,593	«	« $7\frac{1}{2}$%	«	«
« VII	«	1,177	«	« $5\frac{1}{2}$%	«	«
		29,690				

«Весьма любопытны могли бы быть, говоритъ статья, извѣстія о распредѣленіи учениковъ нашихъ гимназій по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Къ сожалѣнію, матеріалы, которыми мы располагаемъ въ этомъ отношеніи, весьма бѣдны, и мы можемъ представить только распредѣленіе учениковъ по сословіямъ за 1833 годъ по 39 гимназіямъ, за 1843 годъ по 51-й гимназіи, за 1853 годъ по 58 гимназіямъ и за 1863 годъ по 72 гимназіямъ.

	1833 г.	1843 г.	1853 г.	1863 г.
Общее число учениковъ.	7,495	12,784	15,070	23,693
Дворянъ и чиновниковъ.	5,910	10,066	12,007	17,320
Духовнаго званія . . .	159	218	343	666
Податныхъ сословій . .	1,426	2,500	2,719	5,707

«По статистическимъ таблицамъ, изданнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, считается въ Россіи:

	муж. пола.
Дворянъ потомственныхъ и чиновниковъ	445,411
Лицъ духовнаго сословія	290,143
» податныхъ сословій, т. е. купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ всѣхъ повинностей, разночинцевъ, иностранцевъ	26.288,445

«Слѣдовательно въ европейской Россіи, судя по вышеозначеннымъ даннымъ за 1863 годъ, получаютъ образованіе въ гимназіи:

Дворянскаго сословія	1	изъ	21
Духовнаго	1	»	365
Податныхъ	1	»	3,640

«Къ устройству учебной части на новыхъ основаніяхъ правительство приступило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I-го. 8 сентября 1802 года при учрежденіи министерствъ прежняя коммиссія народныхъ училищъ была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія, и первымъ министромъ назначенъ бывшій председатель коммиссіи графъ П. В. Завадовскій, а въ помощь его учреждено главное правленіе училищъ. На новое министерство возложена была обязанность составить новый училищный уставъ, сообразный съ потребностями времени. Для основанія такого устава положено руководиться Высочайше утвержденными 24 января 1803 года предварительными правилами народнаго просвѣщенія, въ которыхъ въ общихъ чертахъ опредѣлено новое устройство учебной части, об-

щее для всей имперіи. На основаніи этихъ правилъ, предположено имѣть гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ. Въ 1804 году изданъ общій уставъ учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 года.

«По уставу 5-го ноября 1804 года положено также имѣть въ каждомъ губернскомъ городѣ по крайней мѣрѣ одну гимназію (ст. 3), которая должна замѣнить собою прежнее главное народное училище, а въ каждомъ уѣздномъ городѣ по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище (ст. 83), въ замѣнъ прежнихъ малыхъ народныхъ училищъ. Для гимназіи опредѣленъ четырехлѣтній курсъ; но такъ какъ для поступленія въ низшій классъ гимназіи нужно было знать все пройденное въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ, то, собственно говоря, полный гимназическій курсъ продолжался семь лѣтъ, между тѣмъ какъ полный курсъ прежнихъ главныхъ народныхъ училищъ былъ четырехлѣтній. Учрежденіе гимназій по уставу 1804 г. имѣло двоякую цѣль: а) приготовленіе къ университету и б) преподаваніе наукъ хотя начальныхъ, но полныхъ, для тѣхъ, кои, не имѣя намѣренія продолжать ученіе въ университетѣ, пожелаютъ пріобрѣсть свѣдѣнія необходимыя для благовоспитаннаго человѣка (ст. 4). На этомъ основаніи въ курсъ гимназіи включены были слѣдующіе предметы:

«1) Чистая математика (т. е. алгебра, геометрія и плоская тригонометрія), прикладная математика и опытная физика. 1 преподаватель и 18 часовъ въ недѣлю.

«2) Философія (логика, всеобщая грамматика, психологія и нравоученіе), изящныя науки (эстетика и реторика) и политическія науки (политическая экономія, право естественное и право народное). 1 преподаватель и 20 часовъ въ недѣлю.

«3) Исторія съ миѳологіею и древностями, географія и статистика. 1 препод. и 18 часовъ въ недѣлю.

«4) Естественная исторія, начальныя основанія наукъ относящихся къ торговлѣ и технологіи. 1 препод. и 16 часовъ въ недѣлю.

«5) Латинскій языкъ. 1 препод. и 16 часовъ въ недѣлю.

«6) Нѣмецкій языкъ. Тоже.

«7) Французскій языкъ. Тоже.

«8) Рисованіе. 1 препод. и 4 часа въ недѣлю. Этотъ предметъ могъ преподавать учитель чистописанія уѣзднаго училища.

«Кромѣ этихъ восьми штатныхъ учителей, изъ которыхъ четыре первые считались старшими, а остальные младшими, гимназія могла содержать еще учителей танцованія, музыки и гимнастики, если позволяли ея доходы. Законъ Божій, русская грамматика, ариѳметика и чистописаніе не были включены въ гимназическій курсъ, потому что проходились въ уѣздномъ училищѣ. Исторія, географія, естественная исторія и физика въ гимназіи служили продолженіемъ и болѣе подробнымъ развитіемъ курса этихъ наукъ, проходимаго въ уѣздномъ училищѣ.

«Въ уставѣ 1804 года обращено вниманіе на поддержаніе педагогическаго направленія между учителями въ отношеніи способа ученія и обращенія съ учениками. Для полученія мѣста учителя не считалось достаточнымъ одно знаніе предмета, но требовалось еще испытаніе въ умѣніи преподавать (ст. 53). Для того, чтобы учители могли совершенствоваться, уставъ обязывалъ ихъ, въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, собираться къ директору для педагогическихъ совѣтованій, на которыхъ должна была происходить между ними взаимная мѣна мнѣній о способахъ преподаванія (ст. 49). Для приготовленія гимназическихъ учителей учреждены были педагогическіе институты при университетахъ московскомъ, казанскомъ и харьковскомъ и особый педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, гимназіямъ дано значеніе самостоятельныхъ учрежденій, имѣющихъ особенное управленіе и обезпеченныхъ особенными штатами содержанія (отъ 5,650 до 6,650 р. на каждую), между тѣмъ какъ прежнія народныя училища находились въ вѣдѣніи губернаторовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія и не имѣли обезпеченныхъ постояннымъ штатомъ средствъ содержанія.

«Таково было общее устройство гимназій по уставамъ, изданнымъ для нихъ въ 1803 и 1804 годахъ. Но отъ этихъ общихъ законоположеній дозволялось, смотря по мѣстнымъ условіямъ, отступать, расширяя гимназическій курсъ введеніемъ въ него предметовъ, не положенныхъ по уставу, и наконецъ учреждать, въ случаѣ надобности, такъ называемыя *гимназіи высшихъ наукъ*, или учебныя заведенія въ родѣ нынѣшнихъ лицеевъ, составлявшія нѣчто среднее между гимназіями и университетами.

«Въ октябрѣ 1811 года, тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа С. С. Уваровъ вошелъ съ представленіемъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому о введеніи новаго росписанія предметовъ, въ видѣ опыта, на первый разъ въ одной с.-петербургской гимназіи. По проэкту попечителя, слѣдовало вовсе исключить изъ гимназическаго курса политическую экономію, коммерческія науки, эстетику, философскую грамматику и вообще философскія науки, какъ мало доступныя возрасту гимназистовъ, а преподавать въ гимназіяхъ только законъ Божій, русскій языкъ, древніе языки — греческій и латинскій, исторію въ пространномъ смыслѣ, географію со всѣми ея отдѣленіями, математическія науки, грамматику, логику, риторику, отечественную и новѣйшія иностранныя словесности, и притомъ обратить наибольшее вниманіе на преподаваніе древнихъ классическихъ языковъ, которые должны служить главнымъ средствомъ умственнаго развитія учениковъ. Это предложеніе попечителя было утверждено министромъ 7-го ноября 1811 года, и с.-петербургская гимназія получила новый курсъ, совершенно отличный отъ курса другихъ тогдашнихъ гимназій. Въ мартѣ 1817 года С. С. Уваровъ, удостовѣрившись на опытѣ въ пользѣ новаго росписанія учебныхъ предметовъ для с.-петербургской гимназіи, вошелъ съ представленіемъ въ главное правленіе училищъ о распространеніи его на всѣ гимназіи имперіи. Мысль эта была

одобрена и главное правленіе училищъ поручило учрежденному тогда при немъ ученому комитету заняться составленіемъ новаго росписанія, но уже не только для гимназій, но также для уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Этимъ новымъ росписаніемъ, утвержденнымъ главнымъ правленіемъ училищъ 27-го марта 1819 года, вовсе исключены были изъ гимназическаго курса технологія, коммерческія науки, всеобщая грамматика, эстетика, психологія, нравоученіе, естественное и народное право и политическая экономія; въ замѣнъ нихъ усиливалось преподаваніе древнихъ языковъ и распространялся курсъ географіи и исторіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ засѣданіяхъ главнаго правленія училищъ 24-го апрѣля и 26-го іюня 1819 года, постановленно принять за общее правило, чтобы каждое утро предъ началомъ ученія, во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ уѣздныхъ и приходскихъ, учащіеся собирались за полчаса до опредѣленнаго для начинанія уроковъ времени и читана имъ была одна глава изъ новаго завѣта, и чтобы директоры изыскивали способы ко введенію въ гимназіяхъ преподаванія закона Божія съ возложеніемъ его на лица духовнаго званія. Новое росписаніе положено было привести въ исполненіе во всѣхъ округахъ, за исключеніемъ дерптскаго и виленскаго. Въ виленскомъ учебномъ округѣ планъ преподаванія наукъ въ гимназіяхъ, опредѣленный уставомъ 1803 года, оставался безъ измѣненія до 1824 года, когда вслѣдствіе безпорядковъ, случившихся въ виленскомъ университетѣ, приняты были попечителемъ его д. т. с. Новосильцевымъ, между прочимъ, слѣдующія мѣры: 1) право естественное и науки политическія исключены изъ числа предметовъ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, а вмѣсто того умножено число уроковъ для преподаванія языковъ латинскаго, греческаго и русскаго; 2) число уроковъ, назначенныхъ для преподаванія риторики и поэзіи уменьшено; 3) выборъ темъ для задаваемыхъ ученикамъ сочиненій отнятъ у учителей и возложенъ на университетское правленіе, которое должно было для сего составить особое собраніе, изъ коего учители могли заимствовать темы. Мѣры эти были высочайше утверждены 14-го августа 1826 года и распространены на прочіе учебные округи, впредь до изданія особаго по сему предмету положенія. (Записки изд. отъ департ. народн. просвѣщ. 1825 года кн. I, стр. 23».

«19 Августа 1827 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя тогдашняго министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова, въ которомъ выражена воля его величества, чтобы «повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображены съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся», чтобы «каждый вмѣстѣ съ тѣмъ... не стремился возвышаться надъ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться», чтобы «въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ гимназіяхъ и равныхъ имъ по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались

къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній», чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и досе-лѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ».

Образованный около этого времени комитетъ «устройства училищъ» подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Шишкова изъ генералъ-лейтенантовъ графа Ливена и графа Сиверса, тайныхъ совѣтниковъ графа Ламберга, Сперанскаго и Уварова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шторха, статскаго совѣтника Перовскаго и флигель-адъютантовъ Перовскаго и графа Строганова, составили новый уставъ гимназій и училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ университетовъ с.-петербургскаго, московскаго, харьковскаго и казанскаго, утвержденный 8 ноября 1828 года.

«Наиболѣе существенныя измѣненія, введенныя этимъ уставомъ въ наше гимназическое устройство, состояли въ слѣдующемъ:

«1) Гимназіи образованы были изъ 7 классовъ, съ 7-ми лѣтнимъ курсомъ, съ пріемомъ въ первый классъ знающихъ курсъ приходскаго училища. Такимъ образомъ курсъ ученія, раздѣленный прежде между гимназіей и уѣзднымъ училищемъ, сливался въ одной гимназіи и увеличивался однимъ годомъ.

2) Въ гимназическомъ курсѣ, не смотря на увеличеніе учебнаго времени, сдѣланы были значительныя сокращенія, а именно: исключены естественныя науки, кромѣ физики и всей части прикладной математики, а чистая математика ограничена курсомъ до коническихъ сѣченій включительно, за то усилены языки: латинскій и нѣмецкій введеніемъ преподаванія ихъ съ перваго класса и положено обучать греческому языку въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ, распространяя, по мѣрѣ возможности, преподаваніе его и на другія гимназіи.

3) Въ уставѣ 1828 года сказано, что уѣздныя училища открыты для людей всѣхъ состояній и въ особенности для дѣтей купцовъ и ремесленниковъ и другихъ обывателей (§ 46), гимназіи же, служа приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ, имѣютъ главнѣйшею цѣлью доставленіе средствъ приличнаго воспитанія дѣтей дворянъ и чиновниковъ.

Замѣчательно, что при составленіи устава «комитетомъ устройства училищъ», извѣстный любитель классическаго образованія графъ Уваровъ возсталъ противъ предположенія комитета ввести преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ и исключить изъ нихъ французскій языкъ. Онъ вошелъ въ комитетъ съ слѣдующимъ особымъ мнѣніемъ:

«Страннымъ показаться можетъ, что человѣкъ, посвятившій большую часть свободнаго времени жизни на изученіе древнихъ языковъ,—

сверхъ того въ одиннадцатилѣтнее управленіе свое здѣшнимъ учебнымъ округомъ употреблявшій всѣ средства (и не безъ успѣха) къ введенію оныхъ языковъ въ публичное и частное воспитаніе,—нынѣ обязаннымъ себя находитъ отдѣлиться мнѣніемъ отъ почтенныхъ сочленовъ, полагающихъ включить греческій языкъ въ число предметовъ, назначенныхъ къ преподаванію *во всѣхъ* гимназіяхъ; но да дозволено ему будетъ, при подписаніи журнала засѣданія 1 ноября, изложить откровенно свои сомнѣнія, помня, что одинъ древній сказалъ: я люблю Платона и Аристотеля, но еще болѣе люблю истину.

«Преподаваніе древнихъ языковъ есть основаніе всякаго образованія, и не я конечно буду утверждать, чтобъ можно было достигнуть нѣкоторой твердой степени просвѣщенія безъ сего знанія; но въ семъ случаѣ нельзя не принять въ уваженіе, что греческій и латинскій языки въ совокупности требуютъ много времени и средствъ къ изученію, слишкомъ еще у насъ рѣдкихъ, чтобы распространить по всей имперіи безусловно, и такъ сказать, однимъ почеркомъ пера, преподаваніе сихъ столь важныхъ и столь обширныхъ языковъ. У насъ господствуетъ совершенный недостатокъ въ учителяхъ и даже недостатокъ во времени, ибо преподаваніе десяти разныхъ предметовъ должно принудить сокращать и тѣснить кругъ ученія. Какую выгоду можно ожидать отъ слабаго, незрѣлаго, поверхностнаго преподаванія греческаго языка (языка сдѣлавшагося наукою) въ отдаленныхъ нашихъ губерніяхъ? Гдѣ найдутся способные учители, когда мы имѣемъ, сверхъ профессора Грефе, въ Европѣ къ первокласснымъ гелленистамъ причисленнаго, едва ли трехъ или четырехъ его же учениковъ, могущихъ вступить на каѳедру? и какую пользу можно ожидать отъ сего преподаванія, когда мы обязаны почитать оное, такъ сказать, побочнымъ предметомъ, и когда включается въ учебный курсъ десять разнообразныхъ предметовъ постояннаго преподаванія?

«Не находя нужнымъ далѣе распространяться о сомнѣніи моемъ касательно успѣшнаго преподаванія греческаго языка *во всѣхъ* гимназіяхъ, я ограничиваюсь слѣдующими предложеніями: 1) языкъ латинскій, какъ легчайшій, обыкновеннѣйшій, и такъ сказать, примѣненный къ практической жизни, ввести въ общій гимназическій курсъ, 2) греческій языкъ преподавать въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, то есть въ двухъ столицахъ, въ Харьковѣ, въ Казани, въ Дерптѣ, можетъ быть въ Ригѣ и Митавѣ, гдѣ находятся гимназіи въ полномъ значеніи слова.

«Я осмѣливаюсь думать, что такое распредѣленіе удобно и совершенно соотвѣтствуетъ положенію нашихъ школъ и даже ожиданію правительства».

Комитетъ не уважилъ мнѣнія своего сочлена С. С. Уварова. Однако греческій языкъ не былъ тогда введенъ во всѣ гимназіи, потому что императоръ Николай Павловичъ, разсматривая краткія выписки изъ журналовъ засѣданій комитета, собственноручно сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Я считаю, что греческій языкъ есть роскошь, когда французскій родъ необходимости, а потому на это согласиться не могу, а требую подробнаго изложенія причинъ».

Причины эти изложены были комитетомъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ предпочтеніи греческаго языка французскому, и вообще древней словесности новѣйшей, комитетъ руководствовался слѣдующими уваженіями. Два главные недостатка давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: 1) поверхностное обученіе многихъ предметовъ вмѣстѣ или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13 іюля 1826 года, *роскошь полузнаній*, и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Сему ложному направленію воспитанія были разныя причины; но одною изъ главнѣйшихъ, по мнѣнію комитета, есть преобладаніе французской словесности, въ нѣкоторыхъ училищахъ допущенное. Молодой воспитанникъ, обладающій симъ языкомъ, когда притомъ онъ одаренъ нѣкоторою природною остротою, по самому свойству сей словесности, блистательной и разнообразной, скоро увлекается въ обольщеніе и мнитъ, что онъ все знаетъ, потому только, что посредствомъ сего языка все знать можетъ, что отъ него всегда зависитъ, безъ дальняго труда и изысканій, поровняться въ знаніяхъ со всѣми. Ежедневное употребленіе сего языка въ обществѣ утверждаетъ его въ семъ обольщеніи; легкій, пріятный, часто блистательный разговоръ, исполненный острословія, удобность фамильярной бесѣды съ высшими, удостовѣряютъ его, что онъ по одному знанію сего языка принадлежитъ уже къ лучшему избранному обществу, что онъ все уже сдѣлалъ, чтобы отдалить себя отъ толпы людей не просвѣщенныхъ, чтобы быть и называться человѣкомъ благовоспитаннымъ, не имѣя нужды ни углубляться въ наукахъ, ни продолжать начатки ученія. Отсюда презорливость въ нравахъ, самонадѣятельность въ поступкахъ, отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, а наконецъ праздность ума, лѣность и бездѣйствіе душевныхъ способностей. Несправедливо было бы утверждать, чтобъ сіи послѣдствія нашего воспитанія были для всѣхъ общими. Второе воспитаніе, воспитаніе службы и дѣятельной жизни часто поправляетъ недостатки перваго; но самое сіе поправленіе, самая борьба съ худыми привычками, и безплодное раскаяніе доказываютъ, сколь направленіе перваго воспитанія у насъ ложно и во многихъ случаяхъ можетъ быть пагубно. Сіи разсужденія, на опытѣ и ежедневномъ наблюденіи основанныя, привели комитетъ къ той мысли, чтобъ при усовершеніи училищъ искать всѣхъ возможныхъ способовъ положить злу сему твердую преграду. Для сего не найдено лучшаго и дѣйствительнѣйшаго средства, какъ усилить въ нашихъ училищахъ, начиная съ гимназій, обученіе древней латинской и греческой словесности. Древняя словесность, по крайней мѣрѣ, столь же богатая разнообразными ея произведеніями, какъ и вся новѣйшая, имѣетъ предъ ними два рѣшительныя преимущества: 1) самородную, такъ сказать, первообразную оригинальность и 2) возбужденіе и навыкъ къ труду, безъ коего въ ней даже и поверхностныхъ успѣховъ одержать не можно. Соединеніемъ сихъ преимуществъ, наука древнихъ языковъ производитъ двѣ весьма важныя пользы: *первую:* она пріучаетъ умъ ко вни-

мательности, къ трудолюбію, къ изысканію, началъ первообразныхъ, не останавливаясь на поверхности и на легкомъ подражаніи, *вторую*: она самою трудностью успѣховъ и тщетностью всѣхъ притязаній полученныхъ безъ труда, пріучаетъ къ скромности, какъ и всякое основательное ученіе, а скромность есть первый признакъ и первая потребность истиннаго просвѣщенія. Молодой гимназистъ, съ самыми лучшими дарованіями, окончивъ курсъ сей словесности въ гимназіи, не вообразитъ, что онъ знаетъ уже все, но будетъ знать столько, что получитъ вкусъ и желаніе знать болѣе, и сіе желаніе, сіе чувство недостающаго усовершенія, будетъ сопровождать его не только въ университетъ но и внѣ его, и такимъ образомъ онъ не прежде почувствуетъ свои силы и пріобрѣтенную имъ степень совершенства, какъ въ лѣтахъ зрѣлости, когда опасныя обольщенія самонадѣянности, съ лѣтами юности, съ опытами жизни уже миновались. Тогда знаніе языковъ, богатство его памяти, съ трудомъ имъ пріобрѣтенное, не будетъ онъ расточать на чтеніе романовъ и мелкихъ французскихъ сочиненій, обратитъ оныя не на тщетныя политическія состязанія и мечтательныя умозрѣнія, но на твердое образованіе его разсудка, на раскрытіе и усовершеніе умственныхъ его способностей...

«Въ семъ состояли уваженія, по коимъ комитетъ признавалъ нужнымъ усилить въ гимназіяхъ обученіе древней словесности. Что принадлежитъ до греческой словесности въ особенности, то комитетъ разсуждалъ, *во первыхъ*, что отдѣлить оную отъ латинской весьма было бы неудобно, потому что сія послѣдняя основана на первой, и что хотя въ разныхъ степеняхъ совершенства, но вездѣ онѣ идутъ совокупно; *во вторыхъ*, что греческая словесность, во всѣхъ знаменитѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Англіи, въ Германіи и въ самой Франціи, всегда занимала и нынѣ занимаетъ важное мѣсто; что во Франціи, хотя словесность сія во время разрушенія монархіи ослабѣла, но потомъ, съ возстановленіемъ законнаго порядка, она не только возстановлена, но и усилена изданными вновь учебными пособіями; *въ третьихъ*, при сихъ общихъ примѣрахъ комитетъ не находилъ никакихъ причинъ исключать сію словесность изъ общаго курса ученія въ одной Россіи, къ коей изъ Греціи, вмѣстѣ съ вѣрой, притекъ первый лучъ просвѣщенія, гдѣ первое главное училище, въ *1679* году устроенное, была славяно-греко-латинская академія, гдѣ обширная и по нынѣ еще важнѣйшая и изящнѣйшая часть нашей словесности, часть, безъ которой всѣ другія ея отрасли были бы безплодны, есть словесность церковная, на словесности греческой основанная и по ней образованная».

Не смотря на это изложеніе причинъ, въ уставѣ положено было ввести греческій языкъ только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, согласно мнѣнію С. С. Уварова. Архивъ деп. народ. просв. за № 3459—114709.

21 марта 1833 года тайному совѣтнику Уварову Высочайше повелѣно вступить въ права и обязанности министра народнаго просвѣщенія. Извѣщая попечителей учебныхъ округовъ о вступленіи своемъ

въ должность министра въ циркулярномъ предложеніи своемъ отъ 21 марта 1833 года, Уваровъ между прочимъ, изъяснялъ слѣдующее: «общая обязанность наша состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности». Въ этомъ направленіи и развивалась дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія. Уставъ 1828 года оставался дѣйствующимъ до 1849 года; въ немъ дѣлаемы были только частныя измѣненія и дополненія, изъ которыхъ болѣе значительныя были слѣдующія:

«Высочайшимъ рескриптомъ 9-го мая 1837 года на имя министра народнаго просвѣщенія, подтвержденъ рескриптъ 19-го августа 1827 года, о воспитаніи соразмѣрно истиннымъ потребностямъ того рода жизни, къ которому каждый предназначается, и о томъ, чтобы лица крѣпостнаго состоянія тогда только были допускаемы въ гимназіи и университеты, когда, по волѣ помѣщика, они получили увольненіе отъ сего состоянія. По смыслу этого рескрипта, лица податныхъ состояній допускались въ гимназіи не иначе, какъ по представленіи увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ. Послѣдовавшее въ 1845 году возвышеніе платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлано было не столько для усиленія экономическихъ суммъ заведеній, сколько для удержанія стремленія къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій».

«Распоряженіемъ отъ 9 января 1847 года, съ Высочайшаго соизволенія, пріостановлено въ гимназіяхъ преподаваніе логики и назначенные на нее часы предписано употребить на усиленіе другихъ предметовъ. Во всеподданнѣйшемъ представленіи министра по этому дѣлу сказано, что «преподаваніе логики, по невозможности избрать для этой науки примѣненнаго къ понятіямъ юношества руководства, почти не приноситъ пользы и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя темныя положенія, которыя либо забываются, либо служатъ поводомъ къ *превратнымъ* примѣненіямъ». Изъ донесеній попечителей видно, что часы, назначенные на логику, обращены были на практическія упражненія въ русской словесности».

«Первое общее измѣненіе гимназическаго курса послѣдовало въ 1849 году. Мысль приспособить гимназическое обученіе къ практической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить приливъ молодыхъ людей въ университеты, получила въ это время перевѣсъ и была причиною перемѣнъ, давшихъ совершенно отличное отъ прежняго направленіе учебному курсу нашихъ гимназій. Такъ какъ, по смыслу устава 1828 года, гимназіи преимущественно назначались для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, которымъ, по окончаніи курса, предстоитъ большею частію карьера государственной службы, то найдено, что для нихъ наиболѣе полезною въ будущей практической жизни наукою будетъ *законовѣдѣніе*.

Высочайше утвержденнымъ 21 марта 1849 года мнѣніемъ государственнаго совѣта объ измѣненіи §§ 145 и 235 устава гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ повелѣно было распредѣлить гимназическій курсъ на два отдѣленія, соотвѣтственно двоякой цѣли гимназій,— съ одной стороны приготовлять слушателей для университета, и съ другой, способныхъ людей для службы какъ военной, такъ и гражданской. Тѣ изъ нихъ окончившихъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ гимназіи воспитанниковъ, которые, имѣя право по происхожденію своему вступать въ государственную службу, пріобрѣтутъ особенныя и отличныя познанія въ русскомъ законовѣдѣніи, получаютъ право при выпускѣ изъ гимназій на чинъ XIV класса; воспитанники же изъ дѣтей личныхъ почетныхъ граждапъ, купцовъ и мѣщанъ, удостоенные награды золотою или серебряною медалью, награждаются званіемъ личнаго почетнаго гражданина. Во всеподданнѣйшемъ представленіи по этому дѣлу тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, сказано между прочимъ, что «такъ какъ юное поколѣніе уже совершенно убѣждено въ пользѣ и важности классическаго обученія, то оказывается возможнымъ отъ общаго образованія перейти къ спеціальному, и на основаніи двоякой цѣли учрежденія гимназій, сдѣлать различіе въ ученіи между готовящимися въ университетъ и тѣми, которые пожелаютъ изъ гимназіи перейти прямо на службу. Одни для высшаго образованія имѣютъ надобность въ основательномъ знаніи древнихъ языковъ и исторіи, другимъ болѣе нужны подробнѣйшія свѣдѣнія математики для военной, или русской словесности и законовѣдѣнія для гражданской службы. Необходимымъ слѣдствіемъ такого различенія гимназическаго обученія, соотвѣтственно двоякой цѣли онаго, должно быть, во-первыхъ, уменьшеніе числа учащихся въ гимназическихъ классахъ, когда одни будутъ преимущественно заниматься древними языками, другіе математикою или русскою словесностью и законовѣдѣніемъ; во-вторыхъ, избравшіе добровольно то или другое направленіе съ большими успѣхами будутъ заниматься своими предметами, по чувству призванія къ онымъ, въ нынѣшнемъ поколѣніи уже развитому, а не по обязательному и безусловному для всѣхъ назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ университеты будутъ получать изъ гимназій меньшее число студентовъ, но съ основательнымъ приготовленіемъ въ древнихъ языкахъ. Такимъ образомъ меньшее количество вознаградится высшимъ качествомъ».

«На основаніи высочайше утвержденнаго 21 марта 1849 года мнѣнія государственнаго совѣта, составлены были правила касательно распредѣленія гимназическаго курса сообразно новому спеціальному назначенію гимназій. Преподаваніе раздѣлено на общее и спеціальное. Въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи преподаваніе латинскаго языка вовсе отмѣнено. Спеціальные предметы начинаются съ 4-го класса; къ нимъ отнесены, съ одной стороны, греческій и латинскій языки и, съ другой—русское законовѣдѣніе. Желающіе продолжать ученіе въ университетѣ должны были заниматься латинскимъ языкомъ, къ какому бы факультету ни готовились, а для филологическаго факультета должны были еще пріобрѣсть основательныя познанія въ греческомъ язы-

кѣ; воспитанники же, готовящіеся для службы, вмѣсто древнихъ языковъ, обязаны были учиться русскому законовѣдѣнію, и кромѣ того для нихъ усилены уроки русскаго языка и математики. Для курса законовѣдѣнія назначены слѣдующіе предметы: 1) законы основные, 2) учрежденія, 3) законы о состояніяхъ, 4) законы гражданскіе и 5) законы уголовные. Объемъ ихъ преподаванія опредѣленъ особою программою, составленною профессоромъ с.-петербургскаго университета Неволинымъ. Въ составленной имъ же инструкціи для преподаванія законовъ въ гимназіяхъ, сказано, что это преподаваніе имѣетъ двоякую цѣль: 1) сообщить молодымъ людямъ ясныя и твердыя понятія о тѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ, которыя они должны будутъ исполнять какъ члены государства вообще и какъ русскіе въ особенности, и 2) приготовить ихъ въ частности къ достойному прохожденію различныхъ должностей губернской службы. На основаніи этой исключительно практической цѣли, преподаваніе ограничено исключительно изложеніемъ статей свода законовъ и преподавателю предписано вообще не вдаваться ни въ теорію, ни въ исторію законовъ, какъ не соотвѣтствующія возрасту его воспитанниковъ. Эти измѣненія не касались гимназій дерптскаго учебнаго округа.

«Въ 1851 году въ гимназическомъ курсѣ сдѣлано новое измѣненіе. Императоръ Николай Павловичъ, разсматривая смѣту министерства народнаго просвѣщенія на 1852 годъ, изъявилъ Высочайшую волю знать мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, не полагаетъ ли онъ, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ совершенно лишнее и что достаточно оставить преподаваніе его языка только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, напр. въ Нѣжинѣ и Таганрогѣ, въ прочихъ же отмѣнить и за тѣмъ исключить изъ смѣты жалованье греческимъ учителямъ въ упраздненныхъ мѣстахъ.

«Вслѣдствіе сего тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ, 6 октября 1851 года вошелъ съ всеподданѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, изъяснилъ: «что удостовѣрившись личнымъ обозрѣніемъ при посѣщеніи значительнаго числа гимназій, что преподаваніе греческаго языка, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ лишнее, онъ предполагалъ оставить преподаваніе сего языка въ городахъ, гдѣ находятся университеты, именно въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани и Дерптѣ, съ назначеніемъ по одной гимназіи въ каждомъ для приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ университеты по историко-филологическому отдѣленію; б) въ одной изъ одесскихъ, таганрогской, нѣжинской и кишеневской гимназіяхъ, по значительности тамъ греческаго населенія, и в) въ главныхъ городахъ остзейскихъ губерній—Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ, по уваженію къ особенному устройству гимназій дерптскаго учебнаго округа, имѣющихъ преимущественно цѣлью филологическое приготовленіе молодыхъ людей къ высшему образованію, по каковой причинѣ эти заведенія оставлены на преж-

немъ основаніи и въ 1849 году, когда введено было преподаваніе законовѣдѣнія во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ признавалъ «не только полезнымъ, но и *необходимымъ*, упразднивъ въ остальныхъ 31 гимназіяхъ обученіе греческому языку, замѣнить этотъ предметъ введеніемъ въ гимназическій курсъ наукъ естественныхъ, которыя, составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ». Посему министръ полагалъ «въ помянутыхъ 31 гимназіяхъ жалованье старшимъ учителямъ естественныхъ наукъ, стараясь вводить преподаваніе послѣднихъ и въ тѣ гимназіи, гдѣ вовсе не обучали греческому языку, если только откроются къ тому денежныя средства». По мнѣнію министра, «съ допущеніемъ этой мѣры не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназій поступить въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультета, о чемъ неоднократно и убѣдительно просили профессоры естественныхъ наукъ.

«Это всеподданнѣйшее представленіе министра народнаго просвѣщенія удостоилось Высочайшаго утвержденія 12 октября 1851 года. На мѣсто упраздненнаго греческаго языка введено было преподаваніе естественныхъ наукъ во всѣхъ классахъ, начиная съ перваго. Въ курсъ этотъ вошли: въ I классѣ (два урока въ недѣлю) общія и доступныя дѣтямъ свѣдѣнія о тѣлахъ природы, въ видѣ разсказа; во II и III классахъ (по два урока) зоологія; въ IV и V классахъ (2 и 1 урокъ) общая и описательная ботаника; въ VI классѣ (1 урокъ) общая и частная минералогія и въ VII классѣ (1 урокъ) анатомія и физіологія человѣка и повтореніе всего пройденнаго въ предыдущихъ классахъ.

«Вслѣдствіе такого измѣненія, гимназіи наши по курсу наукъ раздѣлились на три разряда а) гимназіи, въ которыхъ преподаются естественная исторія и законовѣдѣніе, d) гимназіи, въ которыхъ преподается законовѣдѣніе и с) гимназіи, въ которыхъ преподается греческій языкъ. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ издано было особое подробное росписаніе учебныхъ предметовъ по классамъ и особое распредѣленіе уроковъ.

«Этимъ измѣненіемъ окончились преобразованія въ гимназическомъ курсѣ, который до сихъ поръ остается въ томъ видѣ, какъ его установило министерское предписаніе 14 мая 1852 года».

Авторъ статьи, изъ которой мы сдѣлали извлеченіе, дѣлаетъ слѣдующій общій выводъ изъ обзора разновременныхъ измѣненій въ гимназическомъ курсѣ ученія:

«Изъ этого обзора между прочимъ видно, что у насъ часто измѣнялся взглядъ правительства на значеніе и цѣль гимназическаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся и самый курсъ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ наукъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ учрежденія гимназій по уставу 1804 года, курсъ ихъ отличался энциклопедизмомъ; преподавалось множество самыхъ разнородныхъ предметовъ, большею частью весьма поверхностно; преподаваніе не было сосредоточено, и потому въ результатѣ ученики выходили изъ гимназій съ энциклопедическими полузнаніями и безъ надлежащаго научнаго развитія. Хотя съ 1819 года учебное начальство, какъ мы видѣли, начало заботиться объ устраненіи этого недостатка и исключило изъ гимназическаго курса многіе предметы преподаванія, однако частныя исправленія устава оказались недостаточными и потребовалось коренное его измѣненіе. Уставъ 1828 года далъ гимназіямъ общеобразовательное направленіе и сосредоточилъ преподаваніе главнымъ образомъ на древнихъ и новѣйшихъ языкахъ. При надлежащемъ исполненіи, уставъ этотъ несомнѣнно могъ обезпечить за нашими гимназіями лучшую будущность: слѣдовало только стараться о развитіи и постепенномъ усовершенствованіи гимназій въ данномъ имъ направленіи, ввѣрять начальство надъ ними педагогически образованнымъ директорамъ, озаботиться приготовленіемъ хорошихъ учителей и постепенно улучшать матеріальныя средства гимназій. Къ сожалѣнію, эти условія, столь необходимыя для успѣха гимназій, не всегда были исполняемы. Начальниками учебныхъ заведеній весьма часто назначались лица, не имѣвшія необходимой педагогической опытности и подготовки; педагогическій институтъ — имѣвшій исключительною цѣлью снабженіе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній хорошими преподавателями, хотя и приготовилъ въ первое время своего существованія нѣсколькихъ дѣльныхъ университетскихъ профессоровъ и гимназическихъ учителей, но впослѣдствіи оказался несостоятельнымъ и былъ закрытъ. Кромѣ суммъ, назначенныхъ на содержаніе гимназій отъ правительства, частныя лица и сословія дѣлали не маловажныя пожертвованія въ пользу среднихъ учебныхъ заведеній; но эти средства употреблялись преимущественно не на улучшеніе гимназій, а на учрежденіе и содержаніе при нихъ пансіоновъ, которые въ послѣднее время также оказались несостоятельными какъ въ экономическомъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ гимназическій курсъ, опредѣленный уставомъ 1828 года, подвергся измѣненіямъ, которыя дѣлались большею частью не на основаніи какихъ либо педагогическихъ причинъ и соображеній, а совершенно случайно. Такъ напр. въ 1847 году исключена изъ него логика, потому что трудно было найти хорошее руководство по этому предмету; въ 1849 году возникла мысль о спеціальномъ назначеніи гимназій, вслѣдствіе которой ослаблено преподаваніе латинскаго языка и введенъ въ гимназіи новый предметъ преподаванія — законовѣдѣніе; вслѣдъ за тѣмъ изъ гимназическаго курса исклю-

ченъ греческій языкъ по финансовымъ соображеніямъ, а на мѣсто его совершенно случайно введено преподаваніе естественныхъ наукъ, которое хотя и могло бы быть полезно при другихъ условіяхъ, но вслѣдствіе недостатка учебныхъ пособій, хорошихъ руководствъ и педагогически приготовленныхъ учителей, не могло до сихъ поръ принести особенной пользы.

«Благодаря всѣмъ этимъ измѣненіямъ, основанія, на которыхъ построенъ былъ гимназическій курсъ по уставу 1828 года, совершенно разрушились. Гимназіи потеряли подъ собою классическую почву и не пріобрѣли вмѣсто ея реальной; онѣ перестали быть общеобразовательными учебными заведеніями и не сдѣлались спеціальными. Съ одной стороны молодые люди, получившіе въ нихъ окончательное образованіе, выносили только отрывочныя и большею частію безполезныя въ жизни свѣдѣнія,—съ другой — гимназіи плохо подготовляли своихъ учениковъ къ университетамъ,—слѣдствіемъ чего былъ упадокъ научнаго уровня университетскаго образованія».

Разсматривая представленныя авторомъ данныя, относительно разновременныхъ перемѣнъ въ гимназическомъ нашемъ курсѣ, нельзя не согласиться, что измѣненія, которымъ подвергся уставъ 1828 года, были слишкомъ случайны; они не вызывались и потому не могутъ быть оправданы ни практическою пользою, ни какими бы то ни было теоретическими соображеніями, хотя бы то и ошибочными, но имѣющими твердое начало для своего развитія. Они дѣлались единственно изъ фиктивнаго опасенія вредныхъ послѣдствій отъ распространенія того или другаго знанія, и потому не могли въ образовательномъ отношеніи не оказать вреда на состояніе гимназій. Но намъ кажется, авторъ слишкомъ много дастъ значенія и уставу 1828 года, и совершенно напрасно приписываетъ ему преимущество передъ уставомъ 1804 года. Практическая польза и приспособленность послѣдняго къ русскому обществу, не смотря на трудность пріисканія въ то время хорошихъ для него исполнителей, была доказана опытомъ. Вотъ что сообщаетъ, между прочимъ, объ этомъ самъ авторъ статьи: «нѣмецкій ученый Роммель, бывшій нѣкоторое время профессоромъ харьковскаго университета, въ воспоминаніяхъ своихъ, относящихся къ 1806—1815 годамъ, замѣчаетъ, что въ тогдашнемъ гимназическомъ курсѣ преподаванія греческіе и римскіе классики занимали не много мѣста, а реальнымъ наукамъ — математикѣ, физикѣ, психологіи и даже политической экономіи дано было слишкомъ много простора». Роммель сообщалъ свои замѣчанія объ этомъ господину министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, который въ отвѣтѣ своемъ такъ объяснилъ идею, какой держалось правительство, при введеніи

плана преподаванія: «гимназіи назначены для дѣтей всѣхъ сословій— дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ и проч., но далеко не всѣ изъ учащихся поступаютъ въ университеты, многіе оканчиваютъ ученіе въ гимназіи и въ ней должны пріобрѣсти пригодныя для нихъ свѣдѣнія изъ политическихъ наукъ, технологіи и проч». «Вообще, говоритъ Роммель, открывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, за то пониманіе философіи и филологіи было имъ очень недоступно». Нѣтъ, конечно, никакого основанія не вѣрить Роммелю; а если вѣрить ему, то становится несомнѣннымъ, что въ уставѣ 1804 года были науки, которыя привлекали къ себѣ вниманіе общества, и ихъ не только не слѣдовало выпускать изъ курса при новомъ преобразованіи училищъ, а напротивъ, слѣдовало усилить. Уставъ 1828 года напротивъ или совершенно устранилъ, или сильно ограничилъ науки практическія, къ которымъ высказалось стремленіе въ обществѣ, и положилъ въ основаніе гимназическаго курса филологію, къ которой русскіе не обнаруживали, по свидѣтельству Роммеля, никакой склонности. Судя по тому, что Роммель сообщалъ свои замѣчанія министру Разумовскому за классическое образованіе, надобно думать, что противъ устава 1804 года сильно ратовали въ то время нѣмецкіе ученые въ Россіи, имѣвшіе въ виду не русскія потребности, а современное имъ образованіе нѣмецкое. И ихъ конечно мнѣнію, имѣвшему тогда непререкаемый авторитетъ, при поддержкѣ любителя классическаго образованія графа Уварова, удалось первоначально восторжествовать надъ практическимъ русскимъ смысломъ, такъ разумно высказаннымъ въ отвѣтѣ графа Разумовскаго Роммелю. И хотя впослѣдствіи любитель классическаго образованія графъ Уваровъ былъ повидимому удовлетворенъ достаточнымъ распространеніемъ его въ Россіи, ибо во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1849 году писалъ, что «юное поколѣніе уже совершенно убѣждено въ пользѣ и важности классическаго образованія и что потому оказывается возможность перейти отъ общаго образованія къ спеціальному», тѣмъ не менѣе, разсмотрѣвъ внимательно исторію разныхъ преобразованій въ гимназическомъ курсѣ, всякій согласится, что гимназіи наши много потеряли, уклонясь отъ первоначальнаго дѣльнаго и серьезнаго курса къ исключительно филологическому.

Но если исторія прошедшихъ преобразованій въ гимназіяхъ представляетъ собою много грустнаго, то въ ней есть много и утѣшительнаго. Мы видимъ, что какъ ни неудачны были разныя измѣненія въ гимназическомъ курсѣ наукъ, дѣло развитія общественнаго все-таки подвигалось впередъ, хотя и не такъ быстро, можетъ быть, какъ оно пошло бы при другой постановкѣ учебныхъ заведеній. Это по-

казываетъ, что правильная организація училищъ, и не зависимо отъ того или другаго внутренняго своего содержанія, можетъ совершать у насъ свое дѣло. Ея внутренніе недостатки восполняются знакомствомъ съ идеями Запада, пріобрѣтаемыми путемъ изученія, путемъ чтенія, путемъ непосредственнаго обращенія съ людьми болѣе развитыми. Отстранить вліяніе на насъ западной науки, при неразрывной, неизбѣжной связи нашей съ Европой, положительно невозможно. Жаль бываетъ одного, что именно это случайное, поверхностное знакомство съ европейскими идеями, не профондированное основательнымъ школьнымъ образованіемъ, и ведетъ къ тѣмъ недоразумѣніямъ и безпокойствамъ, во избѣжаніе которыхъ и подвергаются случайнымъ измѣненіямъ програмы школьныхъ курсовъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНВАРЬ.

ФЕВРАЛЬ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го марта 1864 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Главную контору «Современника» сданы для возвращенія авторамъ слѣдующія рукописи:

22. Вельможа. Поэма. — 23. Мои воспоминанія. — 25. Фанни. Повѣсть. — 30. Воспоминанія.—31. Нѣжныя Машеньки. Повѣсть. — 34. Теща, какихъ мало. Комедія. — 35. По поводу городскихъ выборовъ въ г. Бердянскѣ. — 37. Сцены на крестинахъ. — 40. Подземелье. Сцены.—41. Нищая братья. Разсказъ.—43. Рощинъ. Драма.— 45. Наука не жизнь. — 46. Сегодня и завтра. Повѣсть.—49. Богатая невѣста. Повѣсть. — 50. Нашла коса на камень. Комедія.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ,

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ „СОВРЕМЕННИКА"

въ С.-Петербургѣ, на Литейномъ Проспектѣ, противъ Артиллерійскихъ казармъ, въ домѣ № *27* (*Брока*).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

АНИЧКОВЪ В. О хозяйствѣ войскъ въ военное время. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

АРХИВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ, издаваемый временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденнаго при кіевскомъ военномъ подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. *Часть третья.* Акты о казакахъ (1500—1648). Кіевъ. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

БЕКЕТОВЪ А. Курсъ ботаники. Руководство для университетскихъ слушателей. Выпуски 1 2 и 3-й. Спб. 1863. Ц. 1 р. 95 к., съ пер. 2 р. 50 к. — Отдѣльно за каждый выпускъ по 65 к., съ пер. 1 р.

БИРНБАУМЪ К. Руководство къ сельскому хозяйству. Перев. съ нѣмецкаго Спасскаго. Часть 1-я (общая). Спб. 1863. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 35 к.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ Н. Горацій и его время. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 85 к.

БОРКУМЪ К. Латинская хрестоматія съ объяснительнымъ словаремъ, Спб. 1864. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 2 р.

ВЕЙГЕЛЬТЪ. Осада Севастополя, съ подробнымъ изложеніемъ дѣйствій артиллеріи. Перев. генералъ-маіора Безака. Большой томъ съ двумя планами окресностей Севастополя и осадныхъ работъ. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ГЕКСЛИ Т. Г. О положенiи человѣка въ ряду органическихъ существъ Переведено подъ редакцiею А. Бекетова. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1864. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

ГЕРВИНУСЪ. Шекспиръ. Переводъ К. А. Тимофѣева. Томъ первый. Спб. 1863. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р. 80 к.

ДАРВИНЪ ЧАРЛЬСЪ. О происхожденiи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ путемъ естественнаго подбора родичей, или о сохраненiи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованiе. Перевелъ съ англiйскаго С. А. Рачинскiй. Спб. 1864. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ДIЕГО-СОРIА. Общая исторiя Италiи съ 1846 по 1850 годъ. Переводъ Кончаловскаго. Томъ I. Выпуски 1 и 2-й. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ЕПИХИНЪ. Сборникъ постановленiй и свѣдѣнiй о боевыхъ припасахъ къ огнестрѣльному и ручному оружiю. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

ЗАЛѢСКIЙ Ф. С. Ученiе о горячкѣ. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

КЕССЛЕРЪ К. Лекцiи по Естественной исторiи рыбъ. Спб. 1864. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

КЛАССОВСКIЙ В. Версификацiя. Спб. 1863. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 20 к.

ПОЛЬ-ДЕ-КОКЪ. Магдалина. Романъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1864. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

ПОЛЬ-ДЕ-КОКЪ. Таинственная женщина. Романъ; 4 части. Спб. 1861. Ц. 1 р. 60 к.

МЕЙЕРЪ Д. И. Русское гражданское право. Чтенiя изданныя по запискамъ слушателей подъ редакцiею А. Вицына. 3-е изданiе, исправленное сообразно опредѣленiямъ новѣйшаго законодательства. Спб. 1864. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

МИНЬЕ. Исторiя Марiи Стюартъ. Переводъ Дмитрiева. 2 части. Спб. 1863. Ц 2 р., съ пер. 3 р.

НИМЕЙЕРЪ ФЕЛИКСЪ. Д-ръ. Руководство къ частной патологiи и терапiи, преимущественно съ физiологической и патолого-анатомической точки зрѣнiя. Перевели студенты Императорскаго университета Св. Владимiра. 2 тома въ 4-хъ книгахъ. Кiевъ. 1861—62. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ПРОГРЕССИСТЪ-САМОЗВАНЕЦЪ, комедiя въ пяти дѣйствiяхъ, въ стихахъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

ПУТЯТА. Аналитическая механика. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПЮТЦЪ В. Историческiе очерки. Переводъ Л. Чацкина. Выпускъ 1-й. М. 1863. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 15 к.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Передѣлана съ 6-го французскаго изданiя Е. Токмаковой. Съ 7 литографированными картинками. Спб. 1864. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

РИТТЕРЪ. Общее землевѣдѣніе. Лекціи, читанныя въ Берлинскомъ университетѣ и изданныя Г. Я. Даніелемъ. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Вейнберга. М. 1864. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 60 к.

РОДМАНЪ. Отчетъ объ опытахъ произведенныхъ надъ новымъ способомъ отливки чугунныхъ орудій и проч. Переводъ съ англійскаго В. Ковригина. Спб. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

РОССМЕССЛЕРЪ Э. А. Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ предисловіемъ А. Пыпина. Спб. 1864. Ц. 65 к., съ пер. 1 р.

СЕГЮРЪ. Приключенія Сонички. Переводъ Ушакова. Съ картинками. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

СЕМЕНОВЪ Д. Отечествовѣдѣніе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Учебное пособіе для учащихся. Выпускъ 1-й. Сѣверный край и Финляндія. Спб. 1864. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

СТЕКЛЯННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, переведено, дополнено и издано подъ редакціею Д. Менделѣева. Съ 230-ю политипажами. Спб. 1864. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

УСПЕНСКІЙ Н. Разсказы. 3 части. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житій святыхъ. 2 части. Изданіе 9-е. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

ЦЕЙСЪ. Древняя исторія съ культурной точки зрѣнія. Перев. Катаева. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.

ЧЕРНОХВОСТОВЪ. Лечебникъ для собакъ. Описаніе ихъ болѣзней, испытанныхъ средствъ лечить оныя. Съ рецептами лекарствъ отъ всѣхъ ихъ болѣзней. М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ЦИММЕРМАННЪ Д-РЪ. Гальванизмъ. Общепонятное руководство. Переведено съ нѣмецкаго, съ дополненіями, подъ редакціею В. Фонъ-Бооля и А. Горчакова. Со многими политипажами. Спб. 1864. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 10 к.

ШВАРЦЪ. Карта рѣчныхъ областей Амура, Южной части Лены и Енисея и острова Сахалина. Изданіе Императорскаго Русскаго географическаго общества на 7 листахъ. Спб. 1864. Ц. 7 р., съ пер. 9 р.

ШЛЕЙДЕНЪ М. І. Древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Переводъ Н. Бакста. Спб. 1863. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

ЩЕБАЛЬСКІЙ. Разсказы о западной Руси. М. 1864. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ЩЕДРИНЪ Н. Губернскіе очерки. Изданіе 3-е. 2 части. Спб. 1864. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

ЩЕПКИНЪ М. С. Записки и письма, съ его портретомъ, факсимиле и статьею о его сценическомъ талантѣ, писанною С. Т. Аксаковымъ. М. 1864. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

ВЕРНЪ Ю. Воздушное путешествіе черезъ Африку. Составленное по запискамъ доктора Фергюссона. Переводъ съ французскаго. М. 1864. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Выпуски 1—7. (Буквы А. — Кр). М. 1861—63. Ц. 7 р., съ пер. 9 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 13 томовъ. М. 1857—63. Ц. 26 р. 50 к., съ пер. 33 р.

СОЛОВЬЕВЪ С. Учебная книга русской исторіи. Изд. 4-е М. 1863. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 р.

ИЛОВАЙСКІЙ Д. Краткіе очерки русской исторіи. Приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. М. 1863. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ИЛОВАЙСКІЙ Д. Сокращенное руководство къ русской исторіи. Для младшаго возраста, изданіе 2-е. М. 1862. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

ИЛОВАЙСКІЙ Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Для младшаго возраста. Выпускъ первый. Древній міръ и Средніе вѣка. М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ВЕБЕРЪ ГЕОРГЪ. Курсъ всеобщей исторіи; переводъ съ нѣмецкаго Е и В. Корша. 10 Выпусковъ. М. 1860—61. Ц. 8 р. 60 к., съ пер. 12 р.

ВЕБЕРЪ ГЕОРГЪ. Краткій учебникъ всеобщій исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Соколова Книга I. Исторія древняго міра.—Книга II. Исторія среднихъ вѣковъ. Книга III и IV. Новая исторія и Новѣйшая исторія. М. 1861—63. Ц. за 3 части 2 р. 70 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЙ. Древняя, Средняя и Новая исторія. Переводы съ нѣмецкаго. 3 части. М. 1862—63. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра великаго съ 1721-го по 1725-й годъ. Перев. съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 тома. М. 1859—60. Ц. 6 р., съ пер. 8 р.

ГУМБОЛЬДТЪ—ФОНЪ А. Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Фролова и М. Гусева, 4 тома. М. 1862—63. Ц. 8 р., съ пер. 11 р. 50 к. Отдѣльно за каждый томъ по 2 р., съ пер. по 3 р.

ГУМБОЛЬДТЪ А. Картины природы съ научными объясненіями. Переведено съ нѣмецкаго А. Н. Съ предисловіемъ Профессора К. Ф. Рулье. Изданіе второе. М. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

БѢЛИНСКІЙ. СОЧИНЕНІЯ. Съ портретомъ автора. 12 томовъ. М. 1861—62. Ц. 12 р., съ пер. 18 р.

ЛАЖЕЧНИКОВЪ И. И. Собраніе сочиненій. 8 томовъ. Спб. 1858. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

КОЛЬЦОВЪ А. В. Стихотворенія. Изданіе 4-е. М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 85 к.

ОГАРЕВЪ Н. Стихотворенія. Изданіе 3-е. М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 85 к.

РОСТОПЧИНА. Графиня. Стихотворенія. Изданіе второе. 4 тома. Спб. 1857. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

КОЗЛОВЪ И. Стихотворенія. 2 тома. Спб. 1855. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

ТЮТЧЕВЪ Ѳ. Стихотворенія. Спб. 1854. Ц. 1 р.

ГОГОЛЬ Н. Полное собраніе сочиненій. 4 тома. М. 1862. Ц. 6 р., съ пер. 8 р.

ГУБЕРЪ Э. И. Сочиненія, изданныя подъ редакціей А. Г. Тихменева. 3 тома. Спб. 1860. Ц. 4 р.

ДАЛЬ В. Сочиненія. Новое полное изданіе. 8 томовъ. Спб. 1861. Ц. 10 р., съ пер. 18 р.

ТУРГЕНЕВЪ И. С. Сочиненія, исправленныя и дополненныя. 4 тома. М. 1860. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ А. Сочиненія. 2 тома. Спб. 1859. Ц. 3 р., съ пер. 4 р. 50 к.

МАЙКОВЪ АПОЛЛОНЪ. Стихотворенія. 2 тома. Спб. 1858. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

ТУРЪ ЕВГЕНІЯ. Повѣсти и разсказы. 4 части. М. 1859. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ГРИГОРОВИЧЪ Д. Повѣсти и разсказы. 6 томовъ. М. 1859. Ц. 5 р., съ пер. 7 р.

КРЕСТОВСКІЙ В. Романы и повѣсти. 6 томовъ. Спб. 1859. Ц. 6 р., съ пер. 8 р.

АКСАКОВЪ С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Изданіе третіе. М. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

АКСАКОВЪ С. Т. Дѣтскіе годы Багрова внука, служащіе продолженіемъ «семейной хроники». М. 1858. Ц. 3 р., съ пер. 4 руб.

АКСАКОВЪ С. Т. Записки ружейнаго охотника оренбургской губерніи. Изданіе четвертое. Съ политипажами, латинскими названіями птицъ и примѣчаніями К. Ф. Рулье. М. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

ЛЕРМОНТОВЪ. Сочиненія. Приведенныя въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ. Изданіе второе, свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное; съ двумя портретами поэта и двумя снимками съ его почерка. 2 тома. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 5 р.

ПУШКИНЪ А. С. Сочиненія. 6 томовъ; съ приложеніемъ библіографическаго списка всѣхъ произведеній А. С. Пушкина, дополненія, черновые отрывки, не вошедшіе въ текстъ, и примѣчанія. Составленныя Г. Геннади. Спб. 1859. Ц. 7 р. 75 к., съ пер. 11 р. 50 к.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА АЛЕКСАНДНА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секундата К. К. Данзаса. Спб. 1863. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

ЯКУШКИНЪ П. Путевыя письма изъ новогородской и псковской губерніи. Спб. 1860. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПЛЕЩЕЕВЪ А. Повѣсти и разсказы. 2 части. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

САНСОНЪ Г. Записки палача или политическія и историческія тайны Франціи. Переводъ съ французскаго. 4 тома. Спб. 1863—64. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ДЮМА А. Людовикъ XIV и его вѣкъ. Изданіе украшено многими политипажными рисунками. 2 тома. Спб. 1861. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ГОНЧАРОВЪ И. Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Изданіе 3-е. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

ГОНЧАРОВЪ И. Обломовъ. Романъ въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 90 к.

ГОНЧАРОВЪ И. Фрегатъ. Паллада. Очерки путешествія. Изданіе второе. Въ двухъ томахъ. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ВОВЧКЪ МАРКЪ. Новыя повѣсти и разсказы. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

МАКСИМОВЪ М. Московскія тайны, разсказъ сыщика. М. 1862. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ДОСТОЕВСКІЙ Ѳ. М. Записки изъ мертваго дома. 2 ч. Спб. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 20 к.

ДОСТОЕВСКІЙ Ѳ. М. Униженные и оскорбленные. Романъ. 2 ч. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

КВИТКА (ОСНОВЬЯНЕНКО) ГРИГОРІЙ. Драматическія сочиненія. 2 части. Спб. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ЗАДЛЕРЪ К. Фельдмаршалъ Суворовъ и камердинеръ его Прошка. Историческая быль въ двухъ отдѣленіяхъ и трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ВЕЛЬТМАНЪ А. Ѳ. Приключенія изъ моря житейскаго. Счастье несчастье. Романъ. 2 ч. М. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

ВЕЛЬТМАНЪ А. Ѳ. Приключенія изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. М. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

ГРЕБЕНКА Е. П. Сочиненія. Съ портретомъ автора. 5 томовъ. Спб. 1862. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

КАРАМЗИНЪ Н. М. Неизданныя сочиненія и переписка. Часть 1. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 85 к.

КОСТОМАРОВЪ Н. И. Кремуцій Кордъ, драматическое представленіе изъ временъ римскихъ императоровъ. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

МЕЙ Л. А. Сочиненія. 3 тома. Спб. 1862—63. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 6 р.

НЕБОЛЬСИНЪ П. И. Около мужиковъ. Деревенскій дневникъ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПИСЕМСКІЙ А. Ѳ. Полное собраніе сочиненій. 3 тома, съ портретомъ автора. Спб. 1861. Ц. 9 р., съ пер. 10 р. 50 к.

СВИФТЪ. Путешествія Гулливера въ отдаленныя страны. Перевод. съ новаго французскаго изданія, Аббатомъ Леженомъ. Съ политипажами и рисунками. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

АѲАНАСЬЕВЪ А. Н. Народныя русскія сказки. 8 выпусковъ. М. 1863. Ц. 6 р. 95 к., съ пер. 9 р.

ЧУЖБИНСКІЙ А. Бабушка (деревенскія сцены). Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

ЗАБѢЛИНЪ И. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Часть первая. М. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

КОЛЬБЪ Г. Ф. Руководство къ сравнительной статистикѣ. Переведена и дополнена подъ редакціею А. Корсака. 2 тома. Спб. 1862. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

КУРСЕЛЬ-СЕНЕЛЬ. Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи. Переводъ Я. А. Ростовцева. 2 тома. Спб. 1861—64. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

МОЛИНАРИ ГУСТАВЪ. Курсъ политической экономіи, читанный въ королевскомъ музеѣ бельгійской промышленности. Редакція перевода Я. А. Ростовцева. Часть первая. Спб. 1860. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 60 к.

МИЛЛЬ ДЖОНЪ СТЮАРТЪ. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Переводъ Н. Чернышевскаго. Томъ 1-й. Спб. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

БЕЗОБРАЗОВЪ В. Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ. Съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, царствѣ польскомъ и остзейскомъ краѣ. Спб. 1860. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

ВЫЗИНСКІЙ Г. Англія въ XVIII столѣтіи. Публичныя лекціи. 2 ч. Спб. 1860—61. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЩАПОВЪ А. Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Казань 1859. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ФИЛАРЕТЪ. Архіепископъ черниговскій. Исторія русской церкви. (Періоды 1—5.) Въ 2-хъ большихъ томахъ. Черниговъ. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 4 р. 50 к.

ФИЛАРЕТЪ. Архіепископъ черниговскій. Историческое ученіе объ отцахъ церкви. 3 тома. Спб. 1859. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

ФИЛАРЕТЪ. Архіепископъ черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. 2 тома. Харьковъ и Черниговъ. 1859—63. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ФИЛАРЕТЪ. Архіепископъ черниговскій. Слова, бесѣды и рѣчи. Одинъ большой томъ. Черниговъ. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ФИЛАРЕТЪ. Архіепископъ харьковскій и ахтырскій. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Изданіе второе. Спб. 1859. Ц. 2 р. 80 к., съ пер. 3 р. 50 к.

КЛИНГЕ К. М. Руководство конторскаго знанія. Изданіе второе. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ХРИСТІАНИ. Полный курсъ элементарной математики. Спб. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ЦВЙНЕРЪ Густавъ. Основныя начала механической теоріи теплорода съ особеннымъ разсмотрѣніемъ водянаго пара. Переводъ В. Лугинина и Э. Теннера. Съ 10-ю чертежами въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 90 к.

ЛЕВЕ А. Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическихъ задачъ. Изданіе четвертое. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ШВАРЦЪ К. и **КРЫЖАНОВСКІЙ П.** Карманная справочная книжка для артиллерійскихъ офицеровъ. 2 части, со многими таблицами рисунковъ. Спб. 1862—63. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

БЮХНЕРЪ ЛЮДОВИКЪ. Физіологическія картины, перевелъ съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. М. 1862. Ц. 1 р 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

БЕРЕНСЪ В. Интегральное исчисленіе. 2 части. Спб. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЖУВАНСЕЛЬ. Начала міра. Переведено подъ редакціею Н. А. Брюллова и А. Н. Матвѣева. Съ 125-ю политипажами. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

КОКОВИХИНЪ А. Справочная книжка для механиковъ и заводскихъ инженеровъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

КОШКАРОВЪ Н. Лекціи минералогіи. Съ 401 рисунками въ текстѣ Спб. 1863. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

АНСІО и МАЗІОНЪ. Практическое руководство къ выдѣлкѣ желѣза и стали посредствомъ пудлингованія. Переводъ В. Ковригина. Съ 4 таблицами чертежей. Спб. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

БОЛОТОВЪ А. Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и нивеллированія. Изданіе третіе, съ 9-ю таблицами чертежей. Спб. 1863. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 35 к.

ЖУКОВСКІЙ РУДОЛЬФЪ. 300 рисунковъ архитектурныхъ украшеній въ различныхъ стиляхъ. Спб. 1863. Ц. 10 р., съ пер. 11 р. 50 к.

Гг. иногородные выписывающіе, нѣсколько сочиненій вмѣстѣ, платятъ за пересылку не съ каждой книги, но съ общаго вѣса посылки.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 марта 1864 года.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННИКА.

Гг. подписчики, конечно, не сомнѣваются, что постояннымъ желаніемъ редакціи было, чтобы они получали книжки журнала своевременно и въ исправности, и чтобы по жалобамъ удовлетвореніе дѣлалось сколь возможно поспѣшнѣе. Аккуратность при веденіи дѣла есть прямая выгода редакціи. Изъ многократныхъ объявленій отъ конторы редакціи, гг. подписчикамъ извѣстно, что случавшіяся неисправности, несвоевременное и неаккуратное полученіе книгъ, происходили не по винѣ редакціи, а отъ погрѣшностей въ операціи пересылки книгъ. Вслѣдствіе этого, для обезпеченія своевременнаго доставленія иногороднымъ подписчикамъ книгъ журнала, редакція рѣшилась, не отступая предъ увеличившимися, на пересылку, издержками, всю предварительную по пересылкѣ работу, производившуюся прежде въ газетной экспедиціи, съ 4-го № истекшаго 1863 года принять на себя. Уплачивая по прежнему въ газетную экспедицію деньги, слѣдующія на пересылку, контора редакціи сама надписываетъ адресы, разсортировываетъ книжки по городамъ, мѣстечкамъ и станціямъ; надлежащимъ образомъ упаковываетъ и въ совершенной уже готовности сдаетъ въ газетную экспедицію.

Но, многолѣтнимъ опытомъ, редакція убѣдилась, что, не смотря на ея старанія, нѣкоторая медленность въ многосложномъ ходѣ журнальной администраціи и небезукоризненная исправность во всѣхъ отношеніяхъ происходятъ отъ того, что редакція и разныя отрасли хозяйственнаго управленія разбросаны въ разныхъ частяхъ Петербурга.

Чтобы отстранить такое неудобство, редакція рѣшилась все свое хозяйственное управленіе въ Петербургѣ сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, для чего

съ 1 января 1864 года открыла

ГЛАВНУЮ КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

и при ней

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

На Литейномъ проспектѣ, противъ Артиллерійскихъ казармъ, домъ Брока (№ 27).

(Помѣщеніе для Главной Конторы избрано въ одной улицѣ и вблизи съ квартирой редактора, типографіей и переплетной, такъ что всѣ распоряженія и справки могутъ дѣлаться безъ затрудненія, переходя въ нѣсколько минутъ изъ одного мѣста въ другое).

Вслѣдствіе этого редакція покорнѣйше проситъ гг. *иногородныхъ* съ требованіями своими, по подпискѣ на «Современникъ», обращаться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Главную Контору «Современника», надписывая на кувертахъ такъ:

Въ С.-Петербургъ, въ ГЛАВНУЮ Контору «Современника».

Съ такими адресами должны посылаться и всѣ жалобы и другія письма, деньги, посылки, статьи для напечатанія, книги, назначенныя редакціи, и проч.

Деньги, письма, статьи, посылки и книги такимъ образомъ адресованныя будутъ, по полученіи, попадать прямо въ руки редакціи, и тогда въ удовлетвореніи требованій не произойдетъ промедленія.

Въ Москвѣ же, какъ и въ прежніе годы, контора «Современника» находится на углу Большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Не рѣдко случается, что при высылкѣ на имя редакціи денегъ по подпискѣ на «Современникъ», гг. иногородные прилагаютъ еще деньги для подписки на другіе журналы, или для высылки имъ разныхъ книгъ. Это обстоятельство навело редакцію на мысль, вмѣстѣ съ учрежденіемъ главной конторы «Современника», открыть при ней съ 1-го января 1864 года

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

изъ котораго можно выписывать и получать всѣ замѣчательныя, новѣйшія и любимыя публикою произведенія, русской и иностранной (въ русскомъ переводѣ) литературы.

Въ немъ же принимается, какъ отъ иногородныхъ, такъ и отъ городскихъ жителей, подписка на всѣ журналы и газеты. Назначаясь преимущественно *для иногородныхъ*, книжный магазинъ при главной конторѣ «Современника» удовлетворитъ и всѣмъ требованіямъ городскихъ жителей.

Для совершенной точности въ разсчетахъ съ иногородными, *книжный магазинъ* будетъ открывать отдѣльные счеты каждому изъ своихъ иногородныхъ корреспондентовъ, на какую бы сумму требованія отъ послѣднихъ ни поступали. Такимъ образомъ книжный магазинъ будетъ въ состояніи всегда въ точности дать отчетъ каждому не только въ рубляхъ, но и въ копѣйкахъ.

ЗА ИСПРАВНОСТЬ ДѢЙСТВІЙ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ И КНИЖНАГО МАГАЗИНА ОТВѢТСТВУЕТЪ РЕДАКЦІЯ «СОВРЕМЕННИКА».

Печатать позволяется. 9 марта 1864 года.

Генералъ-Лейтенантъ *Анненковъ*.

ИЗДАНІЯ О. И. БАКСТА.

Продаются въ всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; главная контора находится при книжномъ магазинѣ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА, въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, домъ Петропавловской церкви.

Г. ГЕРВИНУСА, исторія девятнадцатаго вѣка. Переведено подъ редакціею М. Антоновича. Томы I, II и III (всего около 1500 стр. большаго формата). Цѣна 6 руб. 75 коп.

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ, исторія революціи 1848 г. Т. I. «Итальянская революція»; т. II. «Французская революція до 24 февраля». Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп. сер.

I. ШЕРРА, всеобщая исторія литературы. Переведено подъ редакціей А. Пыпина, Цѣна 3 руб. сер.

Ф. ЭСТЕРЛЕНА, популярныя гигіеническія письма. Цѣна за все сочиненіе (три выпуска, вышелъ одинъ) 2 р. с.; за 1-й выпускъ 75 к. сер.

В. ОДЛИНГА, руководство къ химіи, описательной и теоритической. Переводъ Ѳ. Савченкова. Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер.

М. I. ШЛЕЙДЕНА, древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Цѣна 40 коп. сер.

И. ХУДЯКОВА, русская книжка, чтеніе для народа и для дѣтей, при воспитаніи которыхъ не хотятъ упустить изъ виду народности, а желаютъ познакомить ихъ съ народнымъ словомъ и бытомъ. Цѣна 30 к. сер.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Г. ГЕРВИНУСА, Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка.

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ, Исторія революціи 1848 г. Т. III.

К. НЕЙМАНА, Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Т. I отъ основанія колоніи до призидентства Джефферсона (1807).

ЭМ. ГЕХТА, Очеркъ исторіи еврейскаго народа.

Т. ГЕКСЛЕЯ, О происхожденіи видовъ, въ связи съ настоящимъ состояніемъ нашихъ познаній о причинахъ явленій въ органической природѣ.

В. БАУЭРА, Всеобщая исторія философіи.

В. Р. ГРОВЕ, Соотношеніе физическихъ силъ.

М. ФАРАДЕЯ, Силы природы и ихъ взаимныя отношенія.

* * * Разсказы о старинныхъ людяхъ. I. Древніе индійцы и египтяне; опытъ историческаго разсказа для народныхъ школъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

РОМАНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ.

сочиненіе

Н. СТАНИЦКАГО.

Цѣна въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 75 коп., съ пересылкою въ другіе города 1 руб. сер.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ — ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННИКА», ТИБЛЕНА, СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА И ДР. ПРОДАЮТСЯ:

I. ШЕРРЪ, ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Со втораго нѣмецкаго изданія переведено подъ редакціей А. Пыпина. Спб. 1863. Цѣна 3 р. сер.

Г. ГЕТТНЕРЪ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература. Переводъ А. Пыпина. Спб. 1863. Цѣна 2 р. сер.

Э. А. РОССМЕССЛЕРЪ. Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніе ихъ въ школѣ. — Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ А. Пыпина. — Спб. 1864. Цѣна 65 коп., пер. за 1 ф.

романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЧЕРНИ. *Лучшій фортепіанный учитель* и школа нынѣшней игры на фортепіано Часть I. (2 р.).

ЧІАРДИ. *Новѣйшая школа для флейты*, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при Придворной Пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).

ВАККАЙ. *Практическія упражненія* для итальянскаго пѣнія, состоящія изъ 15 уроковъ (2 р. 50 к.).

ГУНКЕ. Руководство къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію (3 р.).

— *Руководство къ сочиненію музыки*. Отд. I, о мелодіи (2 р.). Отд. II, о контрапунктѣ (4 р.). Отд. III, о формахъ музыкальныхъ произведеній (4 р.). Письма о музыкѣ (40 к., за перес. за 1 ф.).

ГАРРАСЪ. *Музыкальная терминологія* (50 к., вѣс. за 1 ф.). *Ручной музыкальный словарь* съ прибавленіемъ біографій извѣстныхъ композиторовъ, артистовъ и дипломатовъ (1 р., вѣс. за 1 ф.).

ГЛЕЙХЪ. *Руководство къ новѣйшей инструментовкѣ*, или правила къ изученію всѣхъ употребляемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ (1 р., вѣс. за 1 ф.).

МОРКОВЪ. Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 г. Съ прибавленіемъ нѣсколькихъ афишъ и объявленій издававшихся назадъ тому болѣе 100 лѣтъ и увертюра первой русской оперы, написанная въ 1755 г. (1 р., вѣс. за 1 ф.).

СОКОЛОВЪ. Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди. Біографическій очеркъ (30 к., вѣс. за 1 ф.).

ШУМАНЪ. Совѣты молодымъ музыкантамъ (30 к., за 1 ф.).

ИСКУССТВО НАСТРАИВАТЬ или систематическое изложеніе правилъ научиться безъ труда вѣрно и чисто строить фортепіано, натягивать струны и вообще поддерживать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ. Второе изданіе (40 к., вѣс. за 1 ф.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 2-я тетрадь музыкальнаго журнала *«Нувеллистъ»* (годъ 25-й), содержащая въ себѣ новѣйшія пьесы: *Контскаго, Спиндлера, Суттера, Вахтмана, Бондаржевской, три новыхъ танца; двѣ легкія пьесы; два русскихъ романса* и *литературное прибавленіе* въ видѣ музыкальной газеты. Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер. Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены РОЯЛИ, ПІАНИНО, СКРИПКИ, АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ЦИТРЫ, МЕТРОНОМЫ, СМЫЧКИ, и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го марта 1864 года.

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ 1864 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:

15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою:

16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Современника», на Литейномъ проспектѣ, противъ Артиллерійскихъ казармъ, въ домѣ № 27 Брока, и

въ отдѣленіяхъ конторы:

На Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

На Васильевскомъ острову, по 8 линіи, въ домѣ № 25 при книжномъ магазинѣ Тиблена.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ *Главную Контору* «Современника».

ПЕЧАТАЮТСЯ:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

1) Части 1 и 2-я,

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

2) ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Требованія на стихотворенія Н. А. Некрасова, поступившія въ послѣднее время и нынѣ поступающія, не могутъ быть удовлетворены ранѣе выхода этого четвертаго изданія, ибо прежнее изданіе все уже распродано. Книгопродавецъ С. В. Звонаревъ, пріобрѣтшій право на изданіе этихъ стихотвореній, проситъ желающихъ получить новое изданіе тотчасъ по выходѣ, высылать къ нему требованія заблаговременно, адресуя ихъ въ книжный магазинъ при Главной Конторѣ «Современника», Литейный проспектъ, д. Брока, № 27. — Имъ же пріобрѣтено право на изданіе ПОРТРЕТА и

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

стихотвореній г. Некрасова, состоящей по большей части изъ стихотвореній новыхъ, или тѣхъ, которые не могли войти въ предъидущія изданія.

Цѣна за всѣ три части, которыя составятъ до 35-ти печатныхъ листовъ, въ 8 д., на лучшей веленевой бумагѣ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ, — 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ можно пріобрѣтать отдѣльно, цѣна 1 р. 25 к. По выходѣ изданія, цѣна возвысится.